This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

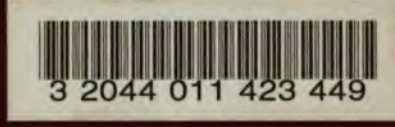
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`


3 2044 011 423 449

P 5140 603.25

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

From the Fund in Memory of

B. OSGOOD PEIRCE

HOLLIS PROFESSOR OF MATHEMATICS
AND NATURAL PHILOSOPHY,
1888–1914

Established in 1916 "for the purchase of
books on Mathematical Physics"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Мих. Ив. Семевскаго.

ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1891 г.

ОКТЯБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1891.

P Slav 605.25
~~Sloan 25,10~~

Harvard College Library
Jan. 1[illegible], 1902
PIERCE FUND.

38

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ выходить въ 1892-мъ году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными лучшими художниками на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ будетъ по прежнему помѣщать на своихъ страницахъ записки (мемуары), статьи и матеріалы, относящіяся къ двумъ послѣднимъ столѣтіямъ.

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Обширное собраніе Записокъ (мемуаровъ), Воспоминаній, историко-біографическихъ очерковъ и самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, относящихся къ отечественной исторіи, исторіи русской литературы, художествъ и искусствъ, — постоянно возрастающее въ редакціи «Русской Старины», — многіе уже годы освобождаетъ насъ отъ необходимости заявлять предъ нашими читателями о томъ, что книги «Русской Старины» предстоящаго года будутъ, по прежнему, полны живаго интереса и значенія. Тѣмъ не менѣе, мы доводимъ до свѣдѣнія читателей, что въ книгахъ «Русской Старины» 1892 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: Записки де-ла-*Невилля* о Россіи (1689 г.),— Записки *А. Т. Болотова*,—де-ла-*Флиза* (1812 г.),—*Кюстина* (1839 г.);— «Записки *А. М. Тургенева*»;—«Записки ректора академіи художествъ и профессора *Ѳ. И. Іордана*»;—Дневники: графа *П. А. Валуева* (1860 г. и друг.), академика *А. В. Никитенко* (1867—1875 гг.); «Записки профессора *Н. В. Берга*» († 1884 г.);—Очерки и воспоминанія: ген.-отъ-инф. *А. А. Одинцова*; *Н. В. Веригина*; *Штрандмана*

[См. на оборотѣ].

(1769 — 1790 гг.); кн. *И. Горчакова*; кн. *Яшвиля*; *М. Бесту жева*; *Кюхельбекера*; *Печерина*; *Третьякова* (о московскомъ университетѣ); *П. Д. Шестакова* (о казанскомъ университетѣ); *Хржановскаго* и *Мохнацкаго* (1831 г.); проф. *Ростиславова*; автобіографич. разсказъ профессора *С. В. Ковалевской*, и мног. друг.—Изслѣдованія и очерки: бывшихъ профессоровъ *В. А. Вильбасова и А. Г. Брикнера* очерки изъ русской исторіи XVIII в.; *Н. К. Шильдера* о царствованіи Александра I; сообщенія изъ эпохи Петра I—*Н. Н. Оглоблина* и барона *Каульбарса*;—Записки *Чемесова* и *Гейфельдера* и проч.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1892** г. принимается для **городскихъ** и **иногородныхъ** въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Подписка также принимается: въ Спб. въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (Невскій пр., д. № 20 у Полицейскаго моста). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха) и **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).

ПОДПИСЧИКИ на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1892 года получаютъ за **ОДИНЪ** руб., при чемъ на пересылку прилагаютъ 21 коп. (почтов. марками):

Пятое собраніе портретовъ, превосходно выполненные, весьма точные снимки *геліогравюры* съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ, портреты русскихъ императрицъ. — Портреты съ біографическими очерками. Цѣна *V-го вып.* „Альбома“ для подписчиковъ „Русской Старины“ на 1892 г. **одинъ** руб., за пересылку 3 почт. марки (21 коп.), для прочихъ лицъ **три** руб.

Альбомы русскихъ дѣятелей, изд. ред. «Русской Старины», можно также получить выпуски III и IV, цѣна по **рублю**, пересылка по 3 марки (21 коп.).

☛ Тѣ изъ лицъ и учрежденій, которые возобновятъ подписку на «Русскую Старину» на 1892 г., теперь же и не позже 1-го **Декабря** 1891-го года получаютъ **безплатно**, при высылкѣ имъ лишь *пяти* почтовыхъ семикопѣечныхъ марокъ (*35 коп.*) на пересылку книги, роскошное изданіе: **«Записки графа Эрнста Миниха**, сына фельдмаршала. Спб. 1891 г. съ портретомъ автора».

Изданіе это продается за **2 руб. 50 коп.**

Изд.-Ред. «Русской Старины» **Мих. Ив. Семевскій.**

ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ВЪ САРДАМѢ

ВЪ АВГУСТѢ 1697 ГОДА.

(ВЪ МАТРОССКОМЪ ПЛАТЬѢ.)

ЖИЗНЬ ЕФИМА ПЕТРОВИЧА ЧЕМЕСОВА

1735—1801 гг.

Записки для памяти.

екабря 18-го 1735 г., родился Ефимъ Петровъ сынъ Чемесовъ.

1737 г. ноября, родился братъ Евграфъ.

1742 г. августа, родилась сестра Елисавета.

1744 г. сентября, покойный родитель нашъ Петръ Лукьяновичъ скончался; житія его было 37 лѣтъ.

1749 г. генваря, были мы въ Москвѣ и явлены въ герольдіи.

1753 г. 29-го генваря, я и братъ вмѣстѣ записаны въ Семеновскій полкъ.

1753 г. 12-го декабря, по именному указу, братъ Евграфъ пожалованъ въ тотъ-же полкъ въ капралы.

1758 г. 9-го декабря, пожалованъ я въ тотъ-же полкъ въ капралы.

1759 г. 2-го іюня, выпущены оба съ братомъ въ полевые полки; я выпущенъ въ Азовскій драгунскій полкъ сверхъ комплекта.

1759 г. братъ Евграфъ Петровичъ взятъ въ академію съ тѣмъ-же чиномъ поручика, а жалованья по 120 рублей.

1759 г. сентября, явился я въ полкъ Азовскій, который въ лагерѣ стоялъ въ Казанскомъ уѣздѣ въ пригородкѣ Навошешки (?).

1760 г. іюня, Азовскій полкъ въ походъ выступилъ подъ Оренбургъ.

1760 г. 1-го генваря, произведенъ я въ полкъ Ямбургскій въ полковые квартермистры, и въ томъ-же году іюля 20 числа, я изъ полка Азовскаго отправился въ деревню.

1761 г. марта, былъ въ Петербургѣ, а оттудова, въ маѣ мѣсяцѣ отправленъ въ Малую Россію въ Ямбургскій полкъ, гдѣ, по пріѣздѣ въ тотъ

полкъ, исправлялъ должность, а полкъ стоялъ на Днѣпрѣ въ мѣстечкѣ Кременцѣ.

1763 г. мая, по вольности дворянству отставленъ я въ капитаны іюля 20 числа; изъ того полка выѣхалъ въ Кіевъ и августа 20 числа пріѣхалъ въ Пензу.

1764 г. февраля, поѣхалъ я въ Петербургъ и того-же года апрѣля 14 дня пожалованъ въ прокуроры, и въ маѣ мѣсяцѣ отправился въ Пензу и пріѣхалъ 25 числа.

1764 г. 27-го мая, въ должность вступилъ въ Пензенской провинціальной канцеляріи въ прокуроры.

1765 г. 30-го августа, братъ Евграфъ Петровичъ скончался; житія его было 27 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.

1767 г. 11-го февраля, женился я, отроду мнѣ было 31 годъ и два мѣсяца, а женѣ было 17 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.

1767 г. 1-го марта, матушка скончалась и погребена въ Пензѣ въ приходѣ Казанской Богоматери; житія ея было 64 года.

1767 г. 20-го декабря, родился у меня сынъ Николай въ самую обѣдню.

1768 г. 24-го октября, дядя Борисъ Григорьевичъ скончался.

1768 г. 8-го декабря, пополуночи въ 2 часа, родилась дочь Анна.

1769 г. 9-го августа, сынъ Никола началъ самъ ходить.

1770 г. 20-го февраля, родилась дочь Александра пополудни во 2-мъ часу.

1770 г. 1-го марта, дочь Анна зачала ходить.

1770 г. 31-го марта, въ ночи былъ превеликой громъ и дождь, и молнія во всю нощь.

1770 году около рождества и до самаго новаго года были въ Пензѣ превеликіе дожди, и на самый новый 1771 годъ былъ снѣгъ, и стала зима.

1771 году противъ 24-го генваря пополуночи въ первомъ часу родился сынъ Евграфъ.

1771 году февраля мѣсяца, поѣхалъ я въ Петербургъ, а оттудова пріѣхалъ мая 20 числа; іюня 16 числа заболѣлъ лихорадкою, и былъ боленъ 4 мѣсяца.

1771 году іюня съ 1-го по январь была въ Москвѣ и прочихъ городахъ моровая язва и померло людей не малое число.

1772 году февраля 26 числа пополудни въ 8-мъ часу родилась дочь Варвара; умерла на 3-мъ году.

1773 году апрѣля 25 дня пополуночи въ 11-мъ часу родился сынъ Петръ, а я тогда былъ на полѣ за охотою.

1773 году явился въ Россіи, въ Оренбургской губерніи, казакъ Емельянъ Пугачевъ, называлъ себя третьимъ императоромъ Петромъ, имѣлъ у себя войска, до десяти тысячъ, много вѣшалъ и казнилъ офицеровъ и дворянъ.

1773 году предъ рождествомъ и до самаго крещенія, были превеликіе дожди и снѣгу не было, которой прежде и былъ—весь отъ дождей пропалъ.

1773 ноября дня, выбранъ я отъ всего дворянства предводителемъ, а въ генварѣ мѣсяцѣ 1774 году, по ордеру генералъ-аншефа Бибикова, отъ всего дворянства набранъ былъ уланскій корпусъ до 500 человѣкъ, надъ которымъ выбранъ я начальникомъ: и набиралъ тотъ корпусъ съ офицерами выбранными отъ того жъ дворянства.

1774 году марта 29 дня, со этимъ уланскимъ корпусомъ, выступили въ походъ въ Оренбургскую губернію, гдѣ и находились іюля до 5 числа, а оттудова велѣно иттить обратно въ Пензу и того жъ году августа 5 дня въ городъ Пензу прибыли.

1774 году августа 2 дня, самозванецъ Емелька Пугачевъ прошолъ чрезъ городъ Пензу со своею набранною толпою, числомъ до 4,000 человѣкъ, и пошолъ къ городу Саратову, и по тракту своему великое множество дворянъ перевѣшалъ; даже и во всемъ Пензенскомъ уѣздѣ отъ черни дворянамъ убивство было.

Того-жъ августа 8 числа, разстояніемъ отъ города Пензы въ 30-ти верстахъ, при селѣ Загоскинѣ было сраженіе. Уланскій корпусъ съ злодѣйскою партіею, которой было болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, а уланской команды менѣе было двухсотъ человѣкъ подъ предводительствомъ шефа Чемесова, на которомъ сраженіи злодѣевъ побито до 300 человѣкъ, да въ полонъ взято 180 человѣкъ и приведены въ городъ Пензу. Въ другой разъ, въ томъ же мѣсяцѣ, между Студеньца и Каменки съ злодѣями (было) сраженіе жъ, на которомъ мѣстѣ побито злодѣевъ 40 человѣкъ.

1774 году іюля мѣсяца 28 дня, воевода Всеволожскій, товарищъ Гуляевъ, и два штатныхъ офицеровъ уѣхали изъ города, для спасенія своего, и пойманы въ селѣ Скачкахъ, разстояніемъ отъ Пензы въ 60 верстахъ, и тамъ злодѣйской командой въ домѣ господскомъ всѣ сожжены.

1774 году іюля 22 дня, весь мой домъ, для спасенія себя, выѣхали изъ города Пензы въ городокъ Борисоглѣбскъ и оттудова въ слободской городъ Острогорскъ; и въ проѣздѣ на дорогѣ, въ лѣсу, жена родила дочь Елисавету, которая тамъ и скончалась, и погребена въ Острогорскѣ.

1774 году сентября 14 дня, главнокомандующій генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, для утишенія бунту пріѣхалъ въ городъ Пензу. Я его встрѣчалъ со всѣмъ уланскимъ корпусомъ за городомъ. А того-же сентября 15 дня, по имянному ея императорскаго величества указу, пожалованъ я въ городъ Пензу воеводою и надворнымъ совѣтникомъ; а уланамъ всѣмъ—по рублю тѣмъ, которые были на сраженіи.

Въ томъ же мѣсяцѣ, по повелѣнію графа Панина, была великая казнь преступникамъ, подъ начальствомъ моимъ. И пробывши его сіятельство въ городѣ Пензѣ 10 дней, отправился въ Симбирскъ; въ тожъ самое время злодѣй

Пугачевъ пойманъ, и въ октябрѣ мѣсяцѣ везенъ генераломъ-порутчикомъ Суворовымъ чрезъ Пензу въ клѣткѣ; а изъ Пензы провезли въ Симбирскъ, къ графу Панину.

1774 въ ноябрѣ мѣсяцѣ, жена и съ дѣтьми пріѣхала въ Пензу благополучно.

1775 году ноября 26-го дня пополудни въ 1-мъ часу родилась дочь Екатерина.

1777 году марта 14-го дня пополуночи въ третьемъ часу родился сынъ Ефимъ.

1778 году неблагополучно родился сынъ Павелъ іюня 21-го дня и въ тотъ жѳ день умеръ. Въ августѣ мѣсяцѣ дочь Катерина и сынъ Ефимъ умерли и всѣ трое погребены въ Пензѣ при церкви Казанской.

1779 году іюля 9-го дня въ 7 часовъ родился сынъ Андріанъ, я тогда былъ на ярмаркѣ Ломовской.

1780 году въ маѣ мѣсяцѣ, Графъ Воронцовъ осматривалъ Пензенское намѣстничество, а изъ Пензы поѣхалъ въ Танбовъ, при чемъ и я съ нимъ былъ въ Танбовѣ, и томъ же году въ августѣ мѣсяцѣ поѣхалъ въ Саратовъ и на дорогѣ разбойниками остановленъ былъ, которымъ отдалъ золота 125 рублевъ, а вреда намъ никакого не было. И, пробывши въ Саратовѣ, обратно пріѣхали въ Пензу.

Въ томъ же году сентября 13 дня, пополудни въ 3 часа, родился сынъ Ефимъ.

1780 года въ декабрѣ мѣсяцѣ, Пензенской намѣстникъ пріѣхалъ въ городъ Пензу, и 26 числа открылось намѣстничество. Я выбранъ былъ отъ всего пензенскаго дворянства въ совѣстные судьи, и присутствовалъ въ томъ судѣ недѣли три.

1781 году въ генварѣ мѣсяцѣ, генералъ-порутчикъ Якоби стоялъ у меня въ домѣ, и привезъ ко мнѣ отъ генералъ-прокурора ордеръ объ опредѣленіи въ губернскіе прокуроры въ Саратовское намѣстничество, а туда и отправился въ исходѣ генваря мѣсяца, и февраля 2 числа въ Саратовѣ было открытіе. И будучи въ Саратовѣ при должности декабря по 3 число, отставленъ по желанію моему въ отставку.

1782 году въ февралѣ мѣсяцѣ, былъ въ Москвѣ, а оттудова и въ Петербургѣ. Изъ Петербурга поѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ Москвѣ весновалъ и пріѣхалъ въ Пензу въ апрѣлѣ въ послѣднихъ числахъ.

Въ томъ же году іюля противъ 25 числа пополуночи въ началѣ во второмъ часу родилась дочь Марья.

1783 году сентября 2 числа скончался сынъ Андріанъ, а 3-го числа скончался сынъ Ефимъ, оба воспою скончались, того жъ мѣсяца и дочь Марья оспою скончалась.

1783 году, въ исходѣ декабря мѣсяца, въ Пензенскомъ намѣстничествѣ

былъ вторичной выборъ; тогда я ото всего дворянства выбранъ въ губернскіе предводители, и отправленъ въ Петербургъ съ дворянами, куда пріѣхалъ благополучно. И будучи тамъ въ 1784 году, февраля 11 числа, въ воскресенье представленъ передъ государыню; и ея величеству говорилъ я рѣчь ото всего пензенскаго дворянства, которую у сего прилагаю; по окончаніи рѣчи, отъ государыни имѣли привѣтствіе, и жалованы всѣ къ рукѣ, и тогожъ числа, послѣ полудня представлены были къ ихъ императорскимъ высочествамъ: государю великому князю Павлу Петровичу и государынѣ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, гдѣ и жалованы къ рукѣ.

Копія съ говоренной рѣчи ея величеству:

«Всемилостивѣйшая Государыня! Священный источникъ премудрыхъ вашего императорскаго величества учрежденій, три года наслаждая пензенское намѣстничество спокойствіемъ, обиліемъ, просвѣщеніемъ и правотою, вліялъ въ подданническія сердца чувствія истиннаго признанія къ сему безцѣнному дару высокомонаршихъ щедротъ и прозорливѣйшаго человѣколюбія. Дворянство, украшая новаго трехлѣтія начало августѣйшимъ именемъ Великія Екатерины, осчастливило насъ лицезрительно поднесть къ священнымъ стопамъ вашего величества жертву неподражаемаго устами, всеподданнѣйшаго благодаренія. Прими, премудрая обладательница! сей долгъ обязанныхъ сердецъ: твои благодѣянія несравненно больше, нежели всѣ слова и силы наши».

И, будучи въ Петербургѣ, отправился обратно, и пріѣхалъ въ Пензу благополучно, и въ тожъ время большова сына Николая оставилъ въ Семеновскомъ полку служить, а Евграфа—въ Москвѣ отдалъ для обученія наукъ въ университетской пенсіонъ, заплатя полтораста рублевъ.

1784 году марта 27-го числа послѣ полудни въ 9-ть часовъ родился сынъ, которому дано имя Иванъ. Мать шесть часовъ мучилась при родахъ.

1784 году, какъ растаялъ снѣгъ, во весь апрѣль мѣсяцъ, даже и мая по девятое число, все было холодно, а 9 числа на самый Николинъ день поутру была великая буря, и шелъ во весь день мокрой снѣгъ съ превеликимъ вихремъ, и вся земля покрылась снѣгомъ не менѣе трехъ вершковъ, ночью жъ былъ морозъ превеликой, и такъ въ тотъ день во всей Пензенской губерніи разнаго скота, лошадей, коровъ, овецъ и свиней, померло до 10,000; да и весь май мѣсяцъ было холодно и превеликіе дожди были.

1784 году съ самаго октября и по декабрь мѣсяцъ осень безпокойная была и сентября 10 числа выпалъ снѣгъ, по которому я на саняхъ 20 верстъ ѣздилъ въ гости, а назадъ пріѣхалъ въ коляскѣ и до самаго Николина дня не было снѣгу и пути, и въ тотъ день выпалъ небольшой снѣгъ, а дороги на саняхъ не было.

1785 году ничего примѣчанія достойнаго не было;—1786 году также ничего не было;—1787 году ничегожъ не было;—1788 году ничегожъ не было;—1788 году августа 22 числа, послѣ полудни въ 11 часовъ, родилась дочь Наталья.

1789 году перестроенъ городской домъ, также и въ селѣ Ѳедоровкѣ домъ перестроенъ.

1790 году генваря 1 числа Николай пожалованъ въ прапорщики и въ тотъ же годъ въ подпорутчики.

1790 году, іюля 2 числа, пополудни въ 11 часу родилась дочь Марѳа.

1791 году октября 20 числа, пополудни въ 12 часу, родилась дочь Варвара.

1791 году Николай пожалованъ въ порутчики (а Евграфъ и Петръ остались сержантами [1]).

1792 году примѣчанія никаково не было.

1793 году примѣчанія никаково не было. Николай пожалованъ въ адъютанты. Евграфъ и Петръ пожалованы въ прапорщики гвардіи.

1794 примѣчанія никаково не было, только въ маѣ мѣсяцѣ заложена каменная церковь въ селѣ Ѳедоровкѣ и сложена половина.

1795 году Николай пожалованъ въ подполковники, а Евграфъ пожалованъ въ премьеръ-маіоры, а Петръ въ подпорутчики въ гвардію.

Въ нынѣшнемъ году въ октябрѣ въ первыхъ числахъ выпалъ большой снѣгъ, лежалъ почти недѣлю, потомъ стаялъ весь и послѣ было тепло до ноября числа, а потомъ выпалъ снѣгъ и уставилась дорога.

1796 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, губернаторъ Ступишинъ отставленъ, а на мѣсто его опредѣленъ губернаторомъ Гедеоновъ, также въ Нижегородскую и Пензенскую губерніи опредѣленъ намѣстникомъ князь Андрей Ивановичъ Вяземской.

1796 году ноября 6-го числа, императрица всероссійская—Екатерина II скончалась, а вступилъ на престолъ прародительской императоръ Павелъ Петровичъ.

1797 году, на самое Свѣтлое Воскресенье, т. е. апрѣля 5 числа, коронованъ императоръ въ Москвѣ, и было великое торжество, и жаловалъ чинами, вотчинами, деньгами и кавалеріями.

Въ томъ же году пожалованъ я, по именному указу, въ коллежскіе совѣтники.

Въ томъ же году губернской городъ Пенза уничтожена, и вся оная губернія раздѣлена по другимъ губерніямъ.

1798 г. Пензенская губернія совсѣмъ уничтожена, города 13 раздѣлены: въ Саратовскую губернію отдѣлено: Пенза, Мокшанскъ—причисленъ въ Пензенской уѣздъ, Городище—въ Кузнецкой уѣздъ, въ Синбирскую губернію—Саранскъ, Шешкѣевъ причисленъ въ Саранскій уѣздъ, городъ Инзара—въ Нижегородскую губернію, Краснослободскъ къ нему причисленъ, Троицкъ и Наровчатъ въ Тамбовскую губернію, Нижнійломовъ, къ нему причисленъ Верхнійломовъ и Керенскъ, а Чембаръ причисленъ.

---

[1]) Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ зачеркнуты.

Въ томъ же году былъ я въ Москвѣ и въ Петербургѣ, бралъ деньги изъ вспомогательнаго банку.

Въ томъ же году, войска всѣ формированы на новый манеръ, и учреждены весьма порядочно.

1799 году посланъ фельдмаршалъ Суворовъ съ войскомъ въ Италію противъ французовъ, и много въ чрезвычайности сдѣлалъ побѣдъ надъ непріятелемъ.

Во все царствованіе Павла Перваго великія были неустройствія, четыре года, а въ 1800-мъ и болѣе того въ 1801-мъ году. Марта 12 числа (1801 г.) государь императоръ Павелъ I скончался, а вступилъ на престолъ Александръ I.

Много оказалъ подданнымъ великія милости.

Въ томъ-же году, будучи въ Москвѣ, сентября 15 дня мѣсяца коронованъ.

Въ томъ же году нѣкоторыя губерніи возобновлены, да и городъ Пенза, попрежнему, учрежденъ губерніею, и 23 декабря мѣсяца открыто правленіе; я выбранъ отъ дворянства губернскимъ предводителемъ.

Коллежскій Совѣтникъ Ефимъ Чемесовъ.

Рѣчь Ефима Чемесова дворянству.

Государи мои! Вамъ всѣмъ не безъизвѣстно, когда въ прошедшемъ 1773 году вашимъ избраніемъ опредѣленъ я былъ предводителемъ пензенскому дворянству и, будучи два мѣсяца въ томъ почетномъ званіи, получилъ тогда изъ Казани отъ бывшаго генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова на имя мое повелѣніе, въ которомъ, напоминая благоволенія царствующей надъ нами великой императрицы, и что угодно было ея величеству во всей Казанской губерніи отъ благородныхъ обществъ, изъ ихъ собственныхъ людей и крестьянъ, сооружить корпусы уланскіе.—Вы всѣ, государи мои, и донынѣ помните, когда въ собраніи были въ городѣ Пензѣ, тогда съ какимъ восторгомъ и желаніемъ почтилися отъ всего пензенскаго дворянскаго общества собрать изъ людей и крестьянъ вашихъ до пятисотъ человѣкъ, и къ командованію тѣми людьми изъ благородныхъ дворянъ, приличнымъ числомъ по изобранію жъ вашему наполнили; а меня предъ прочими еще возвысили первымъ начальствующимъ, и поручили оный корпусъ въ камандываніе мое; да и подписалися каждой изъ васъ, своеручно, съ тѣмъ еще учрежденіемъ, что по росписанію сборъ людей и лошадей и прочее обмундированіе возложили на собственное мое попеченіе.

Сіе достохвальное дѣло принялъ я на себя, съ вожделѣнною усердностью, и за довѣренность въ порученіи мнѣ столь не малой должности, возблагодаря тогда всѣмъ вамъ да и началъ набирать воиновъ. Стараніемъ моимъ, а поспѣшностью вашею и прилежнымъ присмотромъ избранныхъ офицеровъ, въ два мѣсяца весь корпусъ набранъ, обмундированъ и вооруженъ, да и выступили въ походъ къ присовокупленію къ войскамъ ея императорскаго величества, которыя тогда находились къ сторонѣ Оренбурга. И за сіи наши подвиги въ тогдашнее жъ самое время, ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня, за толикую усердность нашу, наградить соизволила изданіемъ всемилостивѣйшаго манифеста, въ честь всему дворянству, и потомкамъ нашимъ сей дражайшій монументъ въ томъ городѣ, для незабвенной памяти, въ архивъ и въ соборной церкви положить благоволила, которыя и до сего времени сохраняются. И будучи тамъ, исправляя службу, до тѣхъ поръ какъ повелѣно, къ преслѣдованію мятежныхъ бунтовщиковъ, идтить обратно къ городу Пензѣ; но, къ несчастію вашему, сей сооруженной отъ васъ корпусъ не могъ поспѣшить къ оборонѣ вашей отъ злодышащаго врага, устремлявшаго на кровопролитія собратіи нашей.

Чрезъ три дня проходу той зловредной толпы, прибылъ я съ корпусомъ въ городъ Пензу, остановясь тутъ къ защищенію, наносящихъ отъ наглостей бунтовщиковъ, оставшихся въ зловредныхъ упорствіяхъ.

На другой день, увѣдомившись, что въ уѣздѣ, растояніемъ въ шестидесяти верстахъ отъ города, собралась злодѣйская толпа, числомъ до пяти тысячъ человѣкъ всякой сволочи, вооружась и устремилась иттить къ городу Пензѣ, и совсѣмъ истребить, собравшіяся въ немъ, дворянскія фамиліи, городъ выжечь, и государственную денежную казну, которой было тогда болѣе двухъ сотъ тысячъ рублевъ, похитить и увезти въ свое злодѣйское гнѣздо, я стремился защищать съ небольшею уланскаго корпуса командою, будучи тогда числомъ во стѣ семидесяти, да штатной пензенской команды въ шестнадцати человѣкахъ, не имѣвъ при себѣ ни одной пушки, пошелъ противу тѣхъ злодѣевъ.

Въ тридцати верстахъ отъ города, при селѣ Загоскинѣ, встрѣтилъ ополченное и многочисленное ихъ сонмище при рѣкѣ Пензѣ; перешедъ мостъ, атаковалъ и вступилъ съ ними въ бой, но счастіемъ вашимъ, а храбростью командующихъ офицеровъ и воиновъ обратилъ зловредныя ихъ полчища въ бѣгство. На мѣстѣ побито болѣе трехъ сотъ, въ полонъ взято не менѣе стасемидесяти человѣкъ, не считая мелкаго ружья, шесть пушекъ небольшихъ и со снарядами, одну мортиру и барабанъ; за бѣгущими преслѣдованье было въ тотъ день не менѣе двадцати верстъ.

Я думалъ тѣмъ единымъ дѣйствіемъ привесть бунтовщиковъ къ повиновенію; нѣтъ, они еще устремились къ зловредностямъ своимъ. Спустя немного дней, собралась еще въ тѣхъ же мѣстахъ немалая толпа людей,

дыша къ неминуемому кровопролитію. Я, не отступая своихъ намѣреніевъ, стремился неистовое сборище совсѣмъ истребить, гдѣ и нашелъ ихъ, окружающихъ меня въ раздѣленіи на четыре партіи: съ первою встрѣтясь, въ которой было не болѣе пятисотъ человѣкъ, разбилъ оную: на мѣстѣ убито сорокъ человѣкъ, и двѣ небольшія пушки взяты, а оставшія три партіи, по наступленіи ночи, скрылись въ лѣса. И тѣмъ послѣднимъ пораженіемъ прекращено ихъ буйство; послѣ того, во всѣхъ селеніяхъ непокоряющуюся чернь привелъ въ должное повиновеніе помѣщикамъ. И, ко особливому счастію нашему, ея императорское величество соизволила увѣдать наши прилежнѣйшіе подвиги и о пораженіи зловреднаго сонмища подъ селомъ Загоскинымъ; тогда всемилостивѣйше повелѣла, именнымъ своимъ высочайшимъ указомъ, наградить меня чиномъ, и опредѣлить въ провинцію воеводою, а всѣмъ семидесяти человѣкамъ уланамъ, которые были на сраженіи, за ихъ храброй поступокъ пожаловать въ награду денегъ каждому по рублю, послѣ того не остались безъ награжденія и офицеры уланскаго корпуса: всѣ получили они повышенія въ чинахъ.

Продолжая службу мою, будучи воеводою, предводителемъ дворянскимъ и шефомъ уланскаго корпуса, по всѣмъ тремъ должностямъ, исполняя долгъ званія своего со усердіемъ и попечительностію, притомъ старался поспѣшить описать помѣстья и вотчины послѣ убитыхъ отцовъ и матерей дворянскихъ фамилій и, ко оставшимъ малолѣтнимъ и сущимъ младенцамъ, для соблюденія ихъ имѣнія, опредѣлить опекуновъ; посему и продолжилъ еще два года быть дворянскимъ предводителемъ, чтобъ все сіе привести въ точное исполненіе.

Вотъ, государи мои! вся уже общественная служба моя извѣстна, и вы тому очевидные свидѣтели были. Я не принесъ вамъ, будучи на сихъ степеняхъ, никакова нареканія, а болѣе отличилъ себя съ похвалою, и за толикія мои услуги благородному обществу при нынѣшнемъ собраніи ото всѣхъ дворянскихъ выборовъ уволить, чѣмъ и одолжите меня попремногу.

Родъ Чемесовыхъ, вѣдомый, выѣзжій, изъ Золотой орды, выѣхалъ въ Россію мурза база Чемесъ въ Россію (выѣхалъ) служить и жалованъ помѣстьями и вотчинами. Какъ и по сіе время извѣстно, въ Арзамаскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Пьянѣ, въ тогдашнее жъ время, построена деревня во имя сего родоначальника, которая и по днесь называется село Базино, во владѣніи у Чемесовыхъ. И отъ сего родоначальника произошла порода фамиліи Чемесовыхъ до дѣда моего Лукьяна Степановича. И гдѣ онъ точно служилъ мнѣ неизвѣстно, по той причинѣ, что родитель мой, Петръ Лукьяновичъ Чемесовъ, послѣ отца своего остался менѣе года, службу производилъ въ гвардіи Преображенскаго полку, будучи сержантомъ отставленъ гвардіи прапорщикомъ и въ 1744 году скончался. Я остался послѣ смерти отца моего по десятому году; жалованныя грамоты предкамъ моимъ въ разныя времена отъ несчастныхъ дому нашего приключеніевъ, первое отъ похищенія разбойниковъ во время жизни бабки нашей, потомъ по приключившимся на домъ нашь двухъ пожаровъ, въ таковыя времена, имѣвшія въ сохраненіи отъ прежнихъ государей предкамъ моимъ за службы ихъ жалованныя грамоты и другія крѣпости и сдѣлки и утратились: иныя взяты разбойниками, а другія въ походное время сгорѣли и затѣмъ до рукъ моихъ никакихъ древнихъ, жалованныхъ граматъ, отказовъ и разныхъ укрѣпленіевъ не дошли, въ чемъ и принужденъ я по дѣламъ нужнымъ выписывать изъ нѣкоторыхъ архивъ.

Покойному дѣду моему, Лукѣ Степановичу Чемесову, жалована земля въ 7200 году въ Саранскомъ уѣздѣ, что нынѣ Саратовскаго намѣстничества, Кузнецкой округи; изъ дикихъ порожжихъ земель — 50 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по тому жъ, да сѣнныхъ покосовъ 500 копенъ; на которой землѣ дѣдъ мой поселилъ деревню, называемую Озерками — Чемесовка то жъ, которою деревнею владѣлъ покойной родитель мой, а послѣ наслѣдую я, въ которой, по нынѣшней 4-ой ревизіи, 100 душъ мужескаго полу; въ доказаніе сего представить имѣю на оную жалованную землю выпись, данную мнѣ изъ Саранской воеводской канцеляріи въ 7054-мъ году.

Сообщ. изъ г. Пензы, 28 ноября 1883 года. **С. А. Панчулидзевъ.**

ПЕРВЫЙ ЯПОНЕЦЪ ВЪ РОССІИ

1701—1705 гг.

I.

Первое основательное знакомство Россіи съ Японіей не восходитъ раньше начала нынѣшняго столѣтія, когда совершены были къ Японскимъ берегамъ плаванія Крузенштерна (посольство Н. П. Резанова), Хвостова, Головнина и Рикорда. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія собраны Головнинымъ во время его двухлѣтняго плѣна въ Японіи [1]). Раньше этихъ плаваній—въ прошломъ столѣтіи Россія очень мало знала Японію и рѣдко вступала въ сношенія съ нею. Если не считать (вслѣдствіе безрезультатности) нѣсколькихъ плаваній на Японскіе острова частныхъ судовъ [2]), за весь XVIII вѣкъ было всего двѣ правительственныхъ экспедицій въ Японію—поручика Лаксмана, въ 1792—1793 гг. [3]), да капитана Шпанберга и лейтенанта Вальмона, въ 1738—1739 гг. [4]).

---

[1]) См. „Записки флота капитана Головнина о приключеніяхъ его въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 годахъ. Съ пріобщеніемъ замѣчаній его о Японскомъ государствѣ и народѣ". (Спб. 1816 г., ч. I и II).

[2]) См. объ этихъ плаваніяхъ въ „Прибавленіи" къ „Описанію земли Камчатки Крашенинникова (2-е изданіе въ „Полн. собр. учен. путеш. по Россіи", изд. акад. наукъ. Спб. 1819), т. II, стр. 481.

[3]) См. тоже „Прибавленіе" къ „Описанію" Крашенинникова, II, 481; „Записки" Головнина, 1, 15—16; болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ „Извѣстіи о перв. россійск. посольствѣ въ Японію, подъ начальствомъ поруч. Адама Лаксмана" (М. 1805).

[4]) „Прибавленіе" къ „Описанію" Крашенинникова, II, 473—474.

Объ экспедиціи „геодезистовъ“ Лужина и Евреинова, плававшихъ въ 1721 г. собственно къ Курильскимъ островамъ [1]), такъ мало извѣстно, что нельзя сказать, увеличила-ли она запасъ русскихъ свѣдѣній о Японіи. Одно несомнѣнно, что эта первая правительственная экспедиція къ Японіи была вызвана появленіемъ въ Россіи, въ началѣ XVIII в., нѣсколькихъ японцевъ, случайно очутившихся здѣсь. Именно они обратили вниманіе Петра Великаго на Японію и заставили его искать случая поближе познакомиться съ этою новою для Россіи страною.

Первымъ такимъ японцемъ былъ именно тотъ, котораго Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки, нашелъ на полуостровѣ въ 1697—1698 гг. Свѣдѣнія нашей литературы объ этомъ японцѣ не велики [2]).

Миллеръ не вѣрилъ показанію Штраленберга, увѣрявшаго, что японецъ Вл. Атласова былъ „привезенъ въ Москву“. Но Штраленбергъ совершенно правъ: найденные мною документы Сибирскаго приказа (въ моск. архивѣ министерства юстиціи) [3]) подтверждаютъ, что въ концѣ 1701 г. японецъ Денбей привезенъ былъ въ Москву и здѣсь оставленъ для изученія русскаго языка и для обученія русскихъ „робятъ“ японскому языку. Оказывается, что Петръ В., воспользовавшись пребываніемъ Денбея, задумалъ открыть въ Москвѣ школу японскаго языка.

Помимо этого факта, очень характернаго для обрисовки широкихъ стремленій великаго царя, среди найденныхъ документовъ очень цѣнна „Скаска“ (т. е. разсказъ) Денбея о Японіи, которую слѣдуетъ признать первымъ въ Россіи документальнымъ свидѣтельствомъ очевидца объ этой странѣ.

Въ виду такого значенія этого любопытнаго документа, печатаю его цѣликомъ, а изъ остальныхъ документовъ о Денбеѣ выбираю болѣе интересныя свѣдѣнія.

---

[1]) „Истор. обозр. Сибири“ Словцова, 1, 244—5; „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.“ Пекарскаго, 1, 347—8, „Полн. Собр. Закон.“, V, № 3266.

[2]) „Опис. земли Камчатки“ Крашенинникова (по 2-му изданію 1819 г.), т. II, ч. IV, стр. 331; „Опис. морск. путеш.“ Миллера („Сочиненія и переводы“, 1758, т. I), стр. 301—302; „Историч. очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ“ А. Сгибнева (Спб. 1869 г.), стр. 12; „Нов. данныя о Вл. Атласовѣ“ („Чтенія М. О. И. и Др.“, 1888, кн. I) Н. Оглоблина, стр. 11.

[3]) Сибир. приказа кн. № 1232, л. л. 79—84; кн. № 1292, л. 741; кн. № 1311, лл. 122—123; кн. № 1348, л. 74; кн. № 1388, л. 264.

II.

Въ Москвѣ услышали первый разъ о японцѣ Денбеѣ отъ самого Вл. Атласова. Во второй „скаскѣ“ Атласова объ открытіи Камчатки, записанной съ его словъ въ Сибирскомъ приказѣ 10-го февраля 1701 г. [1]), встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто о Денбеѣ, котораго Атласовъ ошибочно называетъ „индѣйцемъ“.

„А полоненикъ, котораго на бусѣ моремъ принесло (въ Камчатку), какимъ языкомъ говоритъ, того (Атласовъ) не вѣдаетъ. А подобіемъ какъ-бы гречанинъ—сухощавъ, усъ не великъ, волосомъ чернъ. А какъ увидѣлъ у русскихъ людей образъ Божій — зѣло плакалъ и говорилъ, что и у нихъ такіе образы есть-же. А съ ними (русскими) говорилъ тотъ полоненикъ иное по руски, для того что жилъ онъ съ нимъ, Володимеромъ (Атласовымъ), два годы, а иное говорилъ черезъ толмачь по корятцкому языку, для того, что у иноземцовъ жилъ онъ до него, Володимера, дважъ годы. А сказывался индѣйцомъ, и золота-де у нихъ родится много, и палаты цѣнные, а у царя-де индѣйскаго палаты сребряныя и вызолочены. А у Курильскихъ иноземцевъ взялъ онъ, Володимеръ, сребряную копейку, вѣсомъ блиско золотника, а полоненикъ называлъ ее индѣйскою копейкою. А соболей и никаково звѣря у нихъ не употребляютъ. А одежду носятъ тканую, всякихъ парчей, стежную на бумагѣ хлопчатой. И тотъ полоненикъ шелъ съ нимъ, Володимеромъ, на лыжахъ отъ Анандырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбѣлъ (заболѣлъ), и затѣмъ (Атласовъ) поворотилъ ево назадъ въ Анандырское зимовье, и буде онъ оздоровѣетъ, то онъ съ рускими людьми въ Якутской (острогъ) выйдетъ. А нравомъ тотъ полоненикъ гораздо вѣжливъ и разуменъ...“

Въ первой „скаскѣ“ объ открытіи Камчатки, записанной въ Якутской приказной избѣ 3-го іюня 1700 г. [2]), Атласовъ разсказываетъ слѣдующее о японскомъ „полоненикѣ“:

„И услышалъ (на р. Ичѣ) онъ, Володимеръ, съ товарищи у камчадаловъ: есть-де на Нанѣ рѣкѣ у камчадаловъ-же полоненикъ, а

---

[1]) Сибир. приказа кн. № 1292, лл. 709—713. Въ „Истор. оч. главныхъ событ. въ Камчаткѣ“ Сгибнева эта 2-я „скаска“ Атласова напечатана (стр. 7 — 12) по списку сибирской лѣтописи Есипова, съ значительными пробѣлами, со многими ошибками и съ передѣлкою текста.

[2]) Сибир. приказа столбецъ № 1422, лл. 1—12.

называли они, камчадалы, ево русакомъ. И онъ-де Володимеръ велѣлъ ево привесть къ себѣ, и камчадалы, боясь государской грозы, того полоненика привезли. И сказался тотъ полоненикъ ему, Володимеру: онъ-де Узакипскаго государства, а то-де государство подъ Индѣйскимъ царствомъ. Шли-де они изъ Узакинского государства въ Индѣю, на 12 бусахъ, а въ бусахъ-де у нихъ было—у иныхъ хлѣбъ, у иныхъ вино и всякая ценинная посуда. И у нихъ-де на одной бусѣ дерево (т. е. мачту) сломило и отнесло ихъ въ море, и носило 6 мѣсяцъ, и выкинуло къ берегу 12 человѣкъ, и взяли ихъ 3 человѣкъ курильскаго народа мужики, а достальные-де подлѣ того-же морского носу въ стругу угребли впередъ, а гдѣ дѣвались—того онъ имъ не сказалъ. И товарищи-де ево два человѣка живучи у куриловъ померли, потому что они къ ихъ корму не привычны: кормятца-де они, курилы, гнилою рыбою и кореньемъ. И тотъ-де индѣецъ имъ Володимеру съ товарищи—что они русково народа—обрадовался и сказалъ про себя, что онъ по-своему грамотѣ умѣетъ и былъ подъячимъ, и объявилъ книгу индѣйскимъ письмомъ, и ту книгу привезъ онъ Володимеръ въ Якуцкой. И взявъ ево, онъ, Володимеръ, къ себѣ и оставилъ на Ичѣ рѣкѣ у своего коша съ служилыми людьми...“

Затѣмъ Атласовъ взялъ его въ Анадырскій острогъ, а оттуда двинулся въ Якутскъ. „И тотъ полоненикъ шелъ съ нимъ 5 дней и ногами заскорбѣлъ, потому что ему на лыжахъ ходъ не за обычай и идти ему было не вмочь. И онъ-де Володимеръ того полоненика съ дороги съ провожатыми возвратилъ въ Анандырской. И послѣ того, встрѣтя на дорогѣ прикащика Григорья Посникова, и о томъ ему говорилъ, чтобы онъ ево не задержавъ выслалъ въ Якуцкой съ служилыми людьми, и далъ ему Григорью 35 лисицъ красныхъ, чѣмъ тому полонеику дорогою наймывать подъ себя подводы...“

Но „полоненикъ“ Денбей былъ доставленъ въ Москву изъ Якутска только въ концѣ слѣдующаго 1701 года.

III.

Осенью 1701 г. Сибирскій приказъ узналъ о выѣздѣ Денбея изъ Якутска и 1-го ноября сдѣлалъ слѣдующій любопытный приговоръ, показывающій, какъ сильно интересовался Петръ японцемъ и заботился о благополучной доставкѣ его въ Москву:

„1701 году, ноября въ 1 день, по указу великого государя... думной дьякъ Андрей Андреевичъ Виніюсъ, съ товарищи, приказали: послать великого государя указъ на встрѣчю государевы якуцкіе казны къ посыльщикомъ къ служилымъ людямъ, которые съ тою... казною къ Москвѣ ѣдутъ, для того — вѣдомо великому государю учинилось, что посланъ съ ними изъ Якуцка къ Москвѣ иноземецъ, которой взятъ въ Камчадальской землѣ, и чтобъ они, якуцкіе служилые люди съ тою... казною и съ иноземцомъ ѣхали къ Москвѣ со всякимъ поспѣшеніемъ и обережью отъ всякихъ непотребныхъ случаевъ, и того посланнаго съ ними иноземца берегли и никакой нужды въ одеждѣ и въ кормѣхъ отнюдь бы ему не было, и буде какая потреба прилучитца и онибъ, служилые люди, тому иноземцу одежду и кормы потребные покупали, а имъ изъ сибирского приказу тѣ издержки выданы будутъ“ [1]).

Но по какимъ-то непонятнымъ причинамъ этотъ приговоръ состоявшійся 1-го ноября, приведенъ въ исполненіе только 21-го ноября, когда отправлена была на встрѣчу „наказная память“ якутскимъ служилымъ людямъ, сопровождавшимъ Денбея въ Москву [2]).

Въ концѣ декабря Денбей благополучно доставленъ въ Москву, какъ говоритъ „выпись“ Сибирскаго приказа отъ 29-го декабря 1701 г. [3]). „Выпись“ приводитъ извлеченіе изъ „отписки“ якутскаго воеводы стольника Дорофея Траурнихта и дьяка Максима Романова, писавшихъ, что 20-го октября 1700 г. „прикащикъ“ Ковымскаго зимовья Ѳедоръ Мартыновъ прислалъ въ Якутскъ „полоненика, именемъ Денбея“. 18-го февраля 1701 года воевода отправилъ Денбея въ Москву съ казачьимъ пятидесятникомъ Иваномъ Софронѣевымъ, которому выдалъ на дорогу для японца — „на одежду 2 кумача“ и „19 аршинъ безъ чети крашенины“, да „купленъ санаякъ оленей, дано рубль, да на кормъ въ дорогу и на обуви“ выдано деньгами 2 р. 16 алтынъ 4 деньги.

---

[1]) Сибир. приказа кн. № 1292, л. 741.
[2]) Ibid., л. 741 об.
[3]) Ibid., кн. № 1282, л. 79.

29-го декабря 1701 г. Ив. Софронѣевъ „въ Сибирскомъ приказѣ явился и того полоненика объявилъ. А на Москвѣ того полоненика языку переводчики и нихто не знаютъ".

Тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько дней въ Сибирскомъ приказѣ записали „скаску" Денбея [1]), говорившаго уже съ грѣхомъ пополамъ по-русски.

8-го генваря 1702 г. Денбей представлялся Петру въ селѣ Преображенскомъ и въ тотъ-же день состоялся слѣдующій „именной указъ", рѣшившій участь Денбея [2]).

„1702 г., генваря въ 8 день, по указу великого государя присланной изъ Якуцкого иноземецъ Денбей ставленъ предъ великого государя въ Преображенскомъ. И великій государь... указалъ ево, Денбея, на Москвѣ учить руской грамотѣ, гдѣ прилично, а какъ онъ рускому языку и грамотѣ навыкнетъ, и ему, Денбею, дать въ наученіе изъ рускихъ робятъ человѣка три или четыре—учить ихъ японскому языку и грамотѣ. А о крещеніи въ православную христіанскую вѣру дать ему, иноземцу, на волю, и его, иноземца, утѣшать и говорить ему: какъ онъ рускому языку и грамотѣ навыкнетъ и рускихъ робятъ своему языку и грамотѣ научитъ—и ево отпустятъ въ Японскую землю. А нынѣ ему, иноземцу, пока онъ на Москвѣ будетъ, давать своего великого государя жалованья на кормъ и на одежду по небольшому, чемъ ему пронятца".

Сибирскій приказъ спросилъ Ив. Софронѣева: сколько въ дорогѣ выходило „на прокормъ и платье" Денбею?—Софронѣевъ „сказалъ", что дорогою онъ и товарищи его, якутскіе служилые люди, „промежъ собою клали они вхарчь денегъ по рублю и по полтора и по два, и онъ-де, Иванъ, и за него, иноземца, вхарчь деньги давалъ свои", а сколько именно истратилъ на него — не помнитъ (позже вспомнилъ).

20-го генваря приказъ рѣшилъ давать Денбею „поденнаго корму по 5 копѣекъ на день и тѣ деньги давать ему помѣсечно съ сего числа..."

23-го генваря Ив. Софронѣевъ подалъ „челобитную" о возвратѣ ему денегъ, истраченныхъ имъ дорогою на Дембея, на котораго онъ „покупалъ платье и клалъ въ артель вхарчь за него свои деньги" [3]). Изъ представленной имъ „росписи" видно, что онъ

---

[1]) Ibid., лл. 79 об., 83. См. „скаску" Денбея ниже.
[2]) Ibid., л. 84.
[3]) Ibid., кн. № 1311, л. 122.

истратилъ на Денбея 8 р. 20 алтынъ. „Скаска“ [1]) спутниковъ Софронѣева (тобольскаго боярскаго сына Андрея Тутолмина и якутскихъ казаковъ) подтвердила, что Софронѣевъ дѣйствительно „одинъ“ тратился на Денбея, а спутники его не участвовали въ этихъ расходахъ, такъ какъ японецъ былъ порученъ попеченіямъ собственно одного Софронѣева.

8 рублей 20 алтынъ были выданы Софронѣеву „собольми“, какъ говоритъ приговоръ думнаго дьяка А. А. Виніюса и „память“ приказа „казеннымъ цѣловальникамъ“ гостю Максиму Чирьеву съ товарищи [2]).

Тотъ-же Ив. Софронѣевъ росписался за Денбея въ полученіи имъ перваго „поденнаго корма“—20 алтынъ, выданныхъ съ 20-го генваря по 1-е февраля „по 10 денегъ на день“. Эта запись находится въ „денежной расходной книгѣ“ Сибирскаго приказа, за 1702 годъ, въ статьѣ „приказной росходъ“ [3]).

IV.

Итакъ, Денбей остался въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстны подробности о дальнѣйшемъ пребываніи его въ Россіи Успѣлъ-ли онъ изучить „русскій языкъ и грамоту“, открылъ-ли онъ для „русскихъ робятъ“ задуманную Петромъ В. школу японскаго языка, долго-ли Денбей прожилъ въ Россіи, отпущенъ-ли онъ на родину, какъ ему было обѣщано государемъ и проч.—все это нерѣшенные вопросы.

Мнѣ извѣстенъ, впрочемъ, одинъ документъ, касающійся Денбея и утверждающій, что въ 1705 году японецъ еще былъ живъ и жилъ въ Москвѣ, находясь съ апрѣля 1702 г. въ вѣдомствѣ Приказа Артиллеріи. Это — „память“ изъ Сибирскаго приказа отъ 16-го октября 1705 г., за приписью дьяка Ивана Чепелева, въ Приказъ Артиллеріи, на имя „генерала-ѳелцехмейстера“ царевича Александра Арчиловича (Имеретинскаго) и „генерала-маеора и губернатора“ Якова Вилимовича Брюса съ товарищи [4]).

„Память“ говоритъ, что по государеву указу отъ 16-го апрѣля 1702 г. посланъ изъ Сибирскаго приказа въ Приказъ Артиллеріи „Японскаго государства иноземецъ Денбей для ученія рускаго

[1]) Ibid., л. 122 об.
[2]) Ibid., л. 123.
[3]) Ibid., кн. № 1348, л. 74.
[4]) Ibid., кн. № 1388, л. 264.

языка и грамоты, а какъ онъ, Денбей, рускому языку и грамоты изучитца, и ему, Денбею, учить своему японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ 4 или 5. И великій государь... указалъ изъ Приказу Артилеріи въ Сибирской приказъ отписать: Японского государства иноземецъ Денбей рускому языку и грамотѣ выучился-ль и своему языку и грамотѣ робятъ сколько человѣкъ выучилъ-(ли) и нынѣ учитъ-ли?...

Къ сожалѣнію, отвѣтной „памяти“ Приказа Артиллеріи не сохранилось среди документовъ Сибирскаго приказа.

У Сгибнева [1]) есть глухое извѣстіе, что въ 1739 г. существовала „школа японскаго языка, учрежденная въ 1706 г. въ С.-Петербургѣ Петромъ I...“—Откуда взято имъ это извѣстіе—не видно, но если оно достовѣрно, то несомнѣнно, что эта школа была открыта именно первымъ японцемъ, попавшимъ въ Россію — Денбеемъ, Атласовскимъ „полоненникомъ“. Второй японецъ — Санима, найденный русскими также въ Камчаткѣ (съ разбившейся бусы) въ 1710 г., доставленъ былъ въ Петербургъ только въ 1714 г. [2]). Слѣдующіе японцы, получившіе послѣ крещенія имена Кузьмы Шульца (sic) и Дамьяна Поморцева—найдены въ Камчаткѣ въ 1729 г., а въ Петербургъ отправлены въ 1730-хъ гг. [3]). Поморцевъ,—говоритъ Сгибневъ — „былъ назначенъ въ 1739 г. учителемъ въ школѣ японскаго языка, учрежденной въ 1706 г., въ С.-Петербургѣ, Петромъ I...“

Перехожу къ „скаскѣ“ Денбея, которую привожу ниже въ полномъ объемѣ, безъ всякихъ сокращеній. Помимо разсказа о приключеніяхъ самого Денбея, „скаска“ очень богата цѣнными свѣдѣніями по географіи и этнографіи Японіи описываемаго времени. Попадаются также у Денбея данныя о соціальной и религіозной жизни японцевъ. Какъ показанія современника и знатока японской жизни—всѣ данныя „скаски“ Денбея заслуживаютъ полной вѣры.

Особенно цѣнно извѣстіе Денбея о томъ, что въ его время Японія была соединена сушею съ Китаемъ. Онъ говоритъ: „съ Японского острова въ Китай сухой и морской путь есть, и онъ, Денбей, къ Китаяхъ сухимъ путемъ и моремъ бывалъ...“ Не вѣрить-же ему, какъ очевидцу, нельзя, да и не трудно повѣрить, зная, что Японскій архипелагъ пережилъ много геологическихъ переворотовъ. Извѣстно, напр., что „земля Езо“, во время

---

[1]) „Истор. оч. главн. событ. въ Камчаткѣ“, стр. 51.

[2]) „Опис. Морск. путеш.“ Миллера („Сочиненія и переводы“, 1758, т. I), стр. 305; Словцовъ, 1, 244; Сгибневъ, 18.

[3]) Сгибневъ, 50—51.

плаванія къ Японіи голландскаго корабля „Кастрикома“ была однимъ островомъ, а позднѣйшіе мореплаватели представляютъ ее архипелагомъ острововъ [1]). Извѣстны также перевороты, происшедшіе на сосѣднихъ грядахъ Курильскихъ и Алеутскихъ острововъ.

V.

„Сказка“ Денбея [2]).

„А тотъ полоненикъ говоритъ немного по руски и въ Сибирскомъ приказѣ сказался—Денбеемъ зовутъ, Дисаевъ сынъ, родомъ Японского острова города Осакка, а стольной того острова городъ Меако, растояніемъ отъ Осакка города верстъ съ полтораста. Въ немъ живетъ владѣтель того острова—званіемъ Даинъ-Сама. А отецъ ево, Денбеевъ, Діаса, живетъ въ томъ-же городѣ Осакка—промышляетъ торговымъ промысломъ. А онъ-де, Денбей, съ товаромъ хозяина своего тогожъ Осакка города торговаго человѣка, именемъ Авасжія сына Матавина, въ найму у него съ иными хозяина ево съ наемными людьми, всего 15 человѣкъ, на суднѣ, да съ ними на иныхъ на 30 судахъ—на бусахъ или на корабляхъ, а по ихъ званію едовни, длиною тѣ суды сажень маховыхъ по 15, а шириною и вышиною по 4 сажени.—пошли было парусами по морю-окіяну тогожъ Японского острова въ городъ Енду, которой стоитъ на взморьѣ, разстояніемъ отъ Асакка съ 700 верстъ. А товары съ ними были: пшено сорочинское, да вино пшонное, да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахаръ бѣлой—мелкой, что мука и леденецъ, да древо сандалъ, да желѣзо, для мѣны на шолкъ и на дощатое желѣзо, и на полотна крапивные, и на золото и на серебро, для того что-де серебро и золото печатаютъ только въ двухъ городѣхъ—въ Меакѣ и въ Ендѣ, и владѣтель ихъ въ тѣхъ двухъ городѣхъ переѣзжая живетъ.

„И на окіанѣ-де морѣ тѣ ихъ суды волнами рознесло—а куда тѣ суды рознесло, про то онъ не вѣдаетъ. А ихъ-де судно носило по морю великимъ вѣтрмъ 28 недѣль, и они-де, избывая отъ вѣтру, шоглу съ парусами срубя опустили въ воду, а съ тѣми парусами потонуло у нихъ 2 человѣка. А въ томъ суднѣ была съ ними прѣсная вода взята изъ Осакка города, и той воды стало имъ на 2 мѣсяца, а какъ воды не стало—тогда они пшено варили въ винѣ, и то вино выцедя,

[1]) Миллеръ, 318—320.

[2]) Сибирскаго приказа кн. № 1282, лл. 79 об.—83.

подсычивали пшено сахаромъ леденцомъ и понемногу питались. И какъ-де вѣтры престали, тогда они по матошнику усмотрѣли, что ихъ далеко въ море занесло, стали домышлятца — какъ бы имъ назадъ возвратитца? И нашли на морѣ небольшое дерево съ кореньемъ, и то дерево вмѣсто шоглы на суднѣ они поставили, и сшили изъ камокъ парусы.

„И тѣми парусами принесло ихъ къ Курильской землѣ, и они, увидя рѣку, пошли тою рѣкою вверхъ, и дошли до курильского народу. И отъ тѣхъ курильскихъ народовъ пришелъ къ нимъ одинъ человѣкъ, и онъ-де, Денбей, съ товарищи своими, хотя увѣдомитца, стали для познаванія земель и языка писать на бумагѣ, и то письмо отдали тому курилу, чтобъ онъ также по своему языку написалъ. И курилъ-де тое бумагу положилъ въ пазуху, потому-что де камчадальскіе и курильскіе земли у народовъ никакова письма нѣтъ,—и пошелъ отъ нихъ прочь. А на утро-де пришло ихъ въ 4 лодкахъ человѣкъ съ 20, и, посмотря на нихъ, пошли прочь. А въ ночи-де пришло ихъ въ 40 лодкахъ человѣкъ съ 200, и почали на судно по нихъ Денбею съ товарищи стрѣлять изъ луковъ и топорами каменными и костяными судно ихъ рубить, и его, Денбея, изъ лука у лѣвые руки по персту ранили. И они-де, Денбей съ товарищи, видя ихъ многолюдство, стали изъ судна выносить камки и китайки, и желѣзо, и отдавать имъ, чтобы ихъ не убили. И курильскіе-де люди тѣ камки и китайки и желѣзо у нихъ взяли. А пшено и сахаръ нюхали, и что запаху никакова оттого нѣтъ, такожъ и вино, которого съ ними было съ 500 бочекъ—понюхавъ, бочки розсѣкли и пометали то пшено и сахаръ и вино вылили въ воду. А бочки оставили себѣ—класть рыбу, для того что-де въ Курильской и въ Камчадальской землѣ никакой посуды у иноземцевъ нѣтъ. А рыбу кладутъ въ ямы, а поверхъ покрываютъ деревьемъ и травою, и та рыба вся измыловѣетъ, и онѣ тое рыбу кладутъ въ корыта и наливаютъ водою и розогрѣваютъ горячимъ каменьемъ, да къ тому прибавливаютъ грибовъ-мухоморовъ, и то пьютъ, и гостей свою братью подчиваютъ, и бываютъ оттого пьяни. А онъ-де съ товарищи Денбей того ихъ питья пить не могли, а ѣли кореніе и рыбу, которая не больно залежалась.

„Да и онѣжъ, курильскіе люди, двухъ человѣкъ изъ нихъ, которые будучи на суднѣ на морѣ отъ великихъ слезъ ослѣпли — убили до смерти. А ево-де, Денбея, взялъ одинъ человѣкъ и свезъ на Камчатку рѣку. А товарищи ево 10 человѣкъ остались у тѣхъ куриловъ. А вмѣстѣ онъ съ товарищи своими жилъ у тѣхъ куриловъ съ мѣсяцъ.

„А на Камчаткѣ рѣкѣ жилъ онъ, Денбей, до приходу Володимера Отласова съ товарищи блиско году, и по ихъ камчадальскому языку немногіе слова сталъ познавать, и слышалъ отъ тѣхъ камчадальцовъ, бутто къ той Курильской землѣ приходили люди на бусахъ или на корабляхъ, и тѣхъ товарищевъ ево 10 человѣкъ взяли съ собою, а ихъ-ли Японскіе земли или Китайскіе люди были, про то онъ не вѣдаетъ.

„И какъ Володимеръ Отласовъ съ казаками въ Камчадальскую землю пришли, и онъ-де, Денбей, видя у нихъ въ ѣствахъ чистоту, пріѣхалъ къ нимъ, чтобъ ево отъ голоду не покинули. И Володимеръ-де съ товарищи взяли ево, Денбея, къ себѣ, а камчадальскимъ иноземцамъ не отдали и вывезли въ Сибирскую землю.

„А какъ онъ, Денбей, изъ города Асакка на море пошелъ—тому нынѣ седьмой годъ. И въ городѣ Осакка есть у него, Денбея, жена да двое дѣтей.

„А въ ихъ-де землѣ пушечки есть маленькіе—по аршину и по $1^1/_2$ аршина, и порохъ есть же, а дѣлаютъ тотъ порохъ въ ихъ же землѣ. А объ иныхъ вѣдомостяхъ сказать онъ не знаетъ, потому что онъ руского языка мало умѣетъ. А напередъ-де сего въ Курильскую и въ Камчадальскую землю изъ ихъ Японскіе земли никто не ѣзживалъ.

„Да онъ-же, Денбей, сказалъ: вѣра-де у нихъ съ китайцы одна—покланяются идоломъ, которыхъ у нихъ златыхъ, и сребряныхъ, и мѣдныхъ, и желѣзныхъ, и древяныхъ многое число, разными образцы.

„И онъ, Денбей, описательные книги Японскаго острова на цесарскомъ языкѣ, въ лицахъ, смотря сказалъ: городы-де Японского острова Міако, Осакка, Ендо, какъ онѣ стоятъ въ лицахъ въ той книгѣ—написаны сходны. И идолы человѣческими и змѣиными и звѣрскими и иными разными воображеньями, которымъ онѣ поклоняются и вмѣсто боговъ почитаютъ, и божницы и иное строеніе, что въ той книгѣ въ лицахъ написано — въ ихъ землѣ есть противъ той книги сходно.

„А про Господа Бога создателя неба и земли онъ, Денбей, спрашиванъ: въ него они вѣруютъ-ли и гдѣ ево исповѣдаютъ?—И противъ того онъ сказалъ:

„Создатель-де неба и земли живетъ годъ на землѣ, а годъ на небеси, только-де онѣ ево не знаютъ, а своихъ-де боговъ называютъ онѣ разными имяны: Амидаками, Токи, Хачимамъ, Каннонъ, Фудо, Ша-Кайтовдай, Амида, Недай, Коожинъ, Жиго, Якушъ, Кокуро, Шигачиманъ, Кобондойшъ, Ишешмей, Амагу-Само, Омнегъ.

„А китайцовъ-де у нихъ съ японцами считаютъ за однихъ людей, потому что у нихъ идолопоклоненіе и языкъ и письмо и обычаи однѣ, а тѣ-ли-де китайцы, куды рускіе люди съ караванъ ходятъ или иные—про то онъ не вѣдаетъ, потому что де съ Японскаго острова въ Китай сухой и морской путь есть, и онъ Денбей въ Китаяхъ (sic) сухимъ путемъ и моремъ бывалъ въ китайскихъ городѣхъ, которыхъ по ихъ японскому языку называютъ: Акитай, Квота, Нощро, Тонга, Ѳіага. И китайцы къ нимъ моремъ и сухимъ путемъ пріѣзжаютъ, а съ собою привозятъ китайскіе товары—пшено, желѣзо, доски корабельные, кость рыбью и мамонтовую. А они, японцы, имъ, китайцамъ, продаютъ: бумагу хлопчатую, камки, китайки, золото, серебро.

„А въ Японской-де землѣ владѣтель ихъ или царь, которому имя Кубо-Сама, да вподобіе патріарха-Дайро-Сама, да меньши того Дайра властью Кинчю-Сама, живутъ (они) во градѣ Міакѣ, а иное царь ихъ переѣзжая живетъ въ городѣ Ендѣ.

„А снѣгъ бываетъ у нихъ въ двухъ мѣсяцахъ—въ одномъ три дни, въ другомъ 2 дни, какъ вѣтръ будетъ съ полунощную страну и того снѣгу нанесетъ малое число, толщиною на перстъ, и тогожъ дня стаетъ, а морозовъ не бываетъ, только бываютъ вѣтры студеные три мѣсяца. И дожди зимою и лѣтомъ у нихъ бываютъ. А большей день 12 часовъ, меньшой по 7 и по 8 часовъ, а середи лѣта солнце бываетъ надъ самымъ теменемъ и зѣло бываетъ жарко.

„А скотъ у нихъ быки, лошади, свиніи, овцы, и тѣхъ скотовъ онѣ не ѣдятъ, а ѣдятъ гусей, утокъ, куръ рускихъ и индѣйскихъ, журавлей, да по ихъ языку птица кужаку—величиною съ быка, перье бѣлое, хвостъ черной, ноги красные, да рыбы большіе сажени по двѣ, кои живутъ въ морѣ, а въ озерѣ ихъ живутъ караси, а въ рѣкахъ рыбы не бываютъ, потому что-де вода зѣло тепла. Да въ морѣжъ ловятъ мелкую рыбу—подобна вологоцкимъ нельмушкамъ. Да ягоды, сладкіе и кислые, и яблока родятся, да пшено сорочинское, а иногда пшено сорочинское привозятъ изъ Китай къ нимъ на продажу.

„А у воиновъ ихъ японскихъ оружіе—мушкеты, копья, сабли. А начальные люди носятъ по 2 сабли. Только-де у нихъ войны никакіе ни съ кѣмъ не бываетъ.

„А около городовъ ихъ стѣны каменные изъ большого дикого камени; стѣны толщиною аршинъ по шти, въ вышину саженъ по десяти. А домы у нихъ дѣлаютъ: ставятъ деревянные столбы высокіе, столбъ отъ столба по аршину, и землю съ водою разбивая и примѣшивая къ ней сѣна, межъ тѣхъ столбовъ кладутъ, толщиною въ аршинъ и въ полтора, слоями, а межъ слоевъ кладутъ

желѣзо и веревками утягиваютъ и убиваютъ накрѣпко. Также и божницы дѣлаютъ, и покрываютъ тѣ домы и божницы желѣзомъ, а иные мѣдью, а иные серебромъ и золотомъ. А у царя-де ихъ и у патріарха домы и начальная божница покрыта золотомъ.

„А посуда-де у нихъ серебряная и мѣдная и цѣнинная. А цѣнинную посуду дѣлаютъ у нихъ изъ морскихъ раковинъ: толкутъ ихъ намелко и мѣшаютъ съ глиною, и держатъ въ землѣ многіе годы, и изъ того тѣ цѣнинные посуды дѣлаютъ.

„А какъ царь ихъ гулять куды на судахъ ѣздитъ—пушечки и пищали на суды съ собою для потѣхи беретъ. А торговымъ людямъ того Японского острова пушекъ и мушкетовъ и пищалей съ собою брать у нихъ заказано, только въ домѣхъ пищали и пушки торговые люди держатъ.

„А въ иные-де земли они, японцы, не ходятъ, а въ Японскую-де землю приходятъ къ нимъ кораблями нѣмцы, съ сукнами и съ иными товары, въ городъ Нангасаки, и въ томъ городѣ многіе нѣмцы домами живутъ, а въ иные городы Японскіе земли нѣмецъ и никого чюжеземцовъ торговать не пущаютъ, а для чего — про то онъ не вѣдаетъ. А напередъ сего, тому нынѣ 15 лѣтъ, принесло вѣтромъ на кораблѣ нѣмецъ въ городъ Кинокуни, и переводчика-де ихъ языку въ томъ городѣ не сыскали, и взявъ у тѣхъ нѣмецъ письмо, послали въ городъ Нангасаки и переводчика сыскали, и о всемъ ихъ допрося отпустили въ городъ Нангасаки, а изъ Нангасака велѣли ихъ отпустить въ нѣмецкую землю.

„А объ ихъ японскихъ судахъ сказалъ онъ выше сего. А тѣ-де ихъ японскіе суды дѣлаются безъ крышекъ, только для береженія товаровъ дѣлается на всякомъ суднѣ по чюлану съ покрышкою. А какъ на морѣ бываетъ дождь, тогда дерево шогольное снимаютъ и положатъ вдоль по судну и покрываютъ отъ дожжа бумагою, которая держана въ рыбьѣ жиру. А какъ великими волнами судно станетъ бить и въ судно воду плескать, и по самой нуждѣ то судно лехчатъ—бочки съ виномъ и иные тяжелые товары бросаютъ въ море, а какъ то ихъ судно лехко будетъ, тогда воды въ него плескать не станетъ, и то судно по морю носитъ многіе мѣсяцы.

„А ево, Денбея, съ товарищи на морѣ носило 28 недѣль. А изъ дому онъ, Денбей, пошолъ зимою и западнымъ вѣтромъ носило ево цѣлую недѣлю, а въ иные дни были съ иныхъ странъ вѣтры, а въ иные дни вѣтровъ не было, только-де выправитца онѣ не могли, (по)тому что у нихъ шоглы не было, а какъ дерево на морѣ нашли и парусъ спшли, тогда по самой нуждѣ по матошнику прибились къ Курильской землѣ. А та Курильская земля, какъ онѣ отъ вос-

току шли, была у нихъ въ правой сторонѣ. А въ Камчатской землѣ до зимы жилъ онъ, Денбей, 6 мѣсяцовъ.

„А въ ихъ Японской землѣ считаютъ онѣ въ году по 12-ти, а въ иномъ году по 13-ти мѣсяцовъ, а въ мѣсяцахъ по 4 недѣли, а въ мѣсяцѣ по 28-ми, а въ иныхъ по 29-ти дней. А годъ починается у нихъ зимою.

„А городы-де Батавію, Ормосу, Кантонъ—онъ, Денбей, не знаетъ и не слыхалъ, и ензуитовъ и поповъ нѣмецкихъ въ городѣхъ японскихъ нѣтъ, а есть-ли-де или нѣтъ въ Нангасакѣ городѣ—(того онъ не вѣдаетъ). И креста Христова у нихъ нѣтъ-же, и иныхъ никакихъ вѣръ онѣ, японцы, не принимаютъ и быть инымъ вѣрамъ не велятъ.

„А платье у нихъ въ Японской землѣ носятъ камчатные и китайчетые, а зимою стежное на бумагѣ.

„А родится-де у нихъ золото, серебро и дѣлаютъ камки и китайки, а жемчюгу и каменья дорогова у нихъ нѣтъ, потому что де у нихъ жемчюгу и каменья никто не носитъ. А въ морѣ у нихъ звѣри бываютъ изрѣтка—подобны быкамъ, и рыбы большіе сажени по 4 и по 2 бываютъ.

„А деньги у нихъ мѣдные называютъ жени, подобны рускимъ мѣднымъ денешкамъ округлостью и толщиною, да серебреные деньги, которые называютъ у нихъ гинъ, вѣсомъ блиско московского золотника, а такую копѣйку привезъ къ Москвѣ Володимеръ Отласовъ. А мѣдныхъ денегъ на серебряную копѣйку даютъ по 50-ти. Да у нихъ-же есть золотые, шириною противъ еоимка, толщиною противъ московской мѣдной деньги, которые (золотые) называютъ у нихъ кованы, а за тотъ золотой серебряныхъ ихъ денегъ даютъ по 40 копѣекъ. А иные золотые большіе—шириною вершка въ два, которые называютъ убанъ, а даютъ за нихъ по 4 кована. А иные золотые есть меньшіе, которые называютъ ичимъ, за которые даютъ серебряныхъ по 10 копѣекъ.

„А серебра-де и золота въ ихъ землѣ много. А въ Курильской-де землѣ тамочные народы взяли у нихъ, Денбея съ товарищи, меньшихъ золотыхъ 2 ящика, пуда по два, и тѣхъ золотыхъ они, камчадальскіе народы, не знаютъ—роздали играть дѣтямъ своимъ".

„Скаска" собственноручно по-японски подписана Денбеемъ.

Н. Н. Оглоблинъ.

БОЙ СО ШВЕДАМИ У МѢСТЕЧКА КЛЕЦКА,

журналъ С. П. Неплюева,

19-го апрѣля 1706 г.

Къ исторіи военныхъ дѣйствій Петра Великаго съ Карломъ XII за 1706 г. довольно видное мѣсто принадлежитъ, между прочимъ, „Клецкому погрому“ — баталіи у мѣстечка Клецка, гдѣ соединенные отряды „думнаго дворянина и воеводы“ Семена Протасьевича Неплюева и Миргородскаго полковника Данила Апостола были на голову разбиты шведами. На ходъ военныхъ операцій этотъ погромъ не имѣлъ серьезнаго вліянія, но въ нравственномъ отношеніи онъ дурно повліялъ на духъ русской арміи, еще разъ доказавши тогдашнее превосходство надъ нею шведскаго войска. Именно съ этой стороны разсматриваемый эпизодъ великой Сѣверной войны и заслуживаетъ вниманія. Между тѣмъ, подробности его не извѣстны. У Соловьева [1]) въ разсказѣ о военныхъ дѣйствіяхъ 1706 г. нѣтъ ни одного слова о Клецкой битвѣ. Устряловъ же говоритъ о ней, на основаніи письма гетмана Мазепы къ царю и его-же „реляціи“ о баталіи, но слишкомъ коротко [2]).

Въ виду этого полагаю, что разсказъ о Клецкомъ боѣ одного изъ главныхъ его участниковъ С. П. Неплюева—представитъ нѣкоторый интересъ. Разсказъ его сохранился въ одной изъ книгъ

---

[1]) „Исторія Россіи“, т. XV, стр. 183—194.

[2]) „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. IV, часть I, стр. 477—478; письмо и реляцію см. въ т. IV, ч. II, стр. 415—416.

Московскаго архива министерства юстиціи, именно въ кн. № 91, „Дѣлъ разныхъ городовъ“ (лл. 374—379).

Книга № 91 заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, „сборныя книги“ подводъ, лошадей, денегъ и пр. на военныя потребности въ 1701—1706 гг. Среди „сборныхъ книгъ“ помѣщены, между прочимъ, различные документы „полка“ С. П. Неплюева, за 1705—1706 гг. (лл. 187—415)—„книги приходныя и расходныя“ разныхъ полковыхъ припасовъ, именные списки ратныхъ людей полка, записи времени пріѣзда въ Сѣвскъ ратныхъ (гдѣ въ 1705 г. формировался полкъ Неплюева), списокъ „начальныхъ людей“ полка (между прочимъ—„судья у челобитчиковыхъ дѣлъ“, т. е. полковой аудиторъ), „полковой обозный“, „денежные казны камисаръ“ (л. 360 об.) и проч.) и др. документы по организаціи полка Неплюева.

Съ л. 374-го начинается походный журналъ С. П. Неплюева, гдѣ описываются разныя событія, происходившія въ его полку, начиная съ 1-го марта 1706 г., когда полкъ находился въ Слуцкѣ, т. е. приблизился къ театру военныхъ дѣйствій.

Но прежде чѣмъ сдѣлать выдержки изъ Неплюевскаго журнала, бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ военныхъ операцій 1706 г., предшествовавшихъ пораженію Неплюева подъ м. Клецкомъ [1]).

Въ генварѣ 1706 г. главныя русскія силы (около 40 тысячъ), подъ начальствомъ польскаго короля Августа II (скоро оставившаго армію), фельдмаршала Огильви, кн. Меншикова, кн. Репнина и др., были расположены въ сильно укрѣпленной Гроднѣ. Произведя рекогносцировку Гродненскихъ укрѣпленій и убѣдившись въ невозможности взять ихъ штурмомъ, Карлъ XII засѣлъ съ своей арміей въ 10 миляхъ отъ Гродны, выжидая выступленія оттуда русской арміи и надѣясь разбить ее въ открытомъ полѣ. Чтобы отвлечь вниманіе шведовъ отъ Огильви, Мазепа, стоявшій съ своимъ корпусомъ на Волыни, перешелъ въ февралѣ къ Минску, выдвинувши впередъ отрядъ „искуснаго въ военномъ дѣлѣ“ (какъ писалъ онъ царю) миргородскаго полковника Данила Апостола. Движеніе это было крайне необходимо для арміи Огильви, особенно послѣ того, какъ она потеряла надежду на соединеніе съ вспомогательнымъ саксонскимъ корпусомъ Шуленбурга. 2-го февраля послѣдній, имѣя (съ русскимъ отрядомъ) до 30 тысячъ человѣкъ, позорно былъ разбитъ на голову при Фраустадтѣ 9-ти тысячнымъ шведскимъ корпусомъ генерала Реншельда.

---

[1]) См. Устрялова, т. IV, ч. I, стр. 450—477.

Вслѣдствіе этого пораженія, Петръ настоятельно приказывалъ Огильви оставить Гродно и двинуться къ русскимъ предѣламъ. Но тотъ медлилъ, справедливо опасаясь близко стоявшаго Карла. Только 24-го марта Огильви очень удачно выбрался изъ Гродны, ловко воспользовавшись первымъ моментомъ вскрытія рѣкъ, быстро разлившихся и отдѣлившихъ русскую армію отъ шведской. Въ теченіи цѣлой недѣли Карлъ не могъ преслѣдовать Огильви, шедшаго къ Бресту и Ковелю, а оттуда къ Кіеву. Только 3-го апрѣля Карлъ выступилъ въ погоню за Огильви, когда тотъ былъ уже у Бреста. Карлъ двинулся прямо на югъ, наперерѣзъ русской арміи. Но страшная распутица, особенно ужасная въ Полѣсскихъ болотахъ, чрезъ которыя приходилось двигаться Карлу—замедлила его путь и дала возможность Огильви далеко уйдти впередъ.

Карлъ понялъ тогда—говоритъ Устряловъ—„невозможность догнать русскую армію, и цѣлые два мѣсяца провелъ въ Пинскихъ болотахъ, истребляя города и крѣпости, гдѣ засѣли приверженцы Августа или малороссійскіе казаки. Въ особенности памятенъ остался русскимъ Клецкъ“ (стр. 477). Объ этомъ-то „памятномъ“ русскимъ событіи разскажемъ по выдержкамъ изъ походнаго журнала полка С. П. Неплюева. („Дѣла разн. гор.“, кн. № 91, стр. 374—379).

Какъ выше замѣчено—журналъ начинается записью въ Слуцкѣ отъ 1-го марта, гдѣ говорится о сношеніяхъ Неплюева съ польскимъ (союзнымъ) полковникомъ Іохимомъ Боригартомъ, стоявшимъ въ Замостьѣ. Запись 2-го марта отмѣчаетъ, что въ этотъ день „по имянному великаго государя указу гетманъ и кавалеръ Иванъ Степановичъ Мазепа регименту своего съ войсковыми конными людьми пошолъ въ походъ въ Минскъ“, оставивши въ Слуцкѣ Неплюева съ его полкомъ и съ остальными людьми гетманскаго „регименту“.

14-го марта гетманъ прислалъ Неплюеву приказъ—немедленно и „наскоро“ двинуться къ Минску съ главными силами Слуцкаго корпуса, оставивши тамъ отрядъ изъ одного „салдацкаго“ и двухъ „сердюцкихъ“ полковъ. Неплюевъ поручилъ этотъ отрядъ „полку своево подполковнику“ Якову Рагозину, которому приказалъ „про непріятельскихъ людей развѣдывать и опасеніе имѣть и о всемъ писать съ общего согласія“ съ сердюцкими полковниками Покатиловымъ и Максимовымъ.

15-го марта Неплюевъ пошелъ изъ Слуцка въ Минскъ, „съ полочаны своими и гетманского регименту съ войсковыми людьми, да съ салдацкимъ, да съ 2 стрѣлецкими полками, со осторожностью розверставъ полки“. Въ Минскъ онъ пришелъ 18-го марта.

Далѣе выписываю изъ полковаго журнала цѣликомъ:

„Апрѣля въ 1-й день, по указу великаго государя и по предложенью войска Запорожского обѣихъ сторонъ Днѣпра и славного чина св. апостола Андрея ковалера И. С. Мазепы посланъ изъ полку ево думного дворянина и воеводы (Неплюева) драгунского строю полковникъ Михайла Зыбинъ, полку ево съ начальными людьми и съ драгуны, къ мѣстечку Ляховичамъ, для выручки и охраненія въ томъ мѣстечкѣ Ляховичахъ Переяславского полковника Ивана Мировича съ полчаны [1]). А велѣно ему Михайлу въ томъ походѣ быть въ единомъ согласіи съ Мирогороцкимъ полковникомъ съ Даниломъ Апостоломъ, а обозъ остаточныхъ драгунъ оставить въ Минску его-жъ полку съ подполковникомъ съ Григорьемъ Веревкинымъ.

„Того-жъ апрѣля въ 12 день, по указу великого государя и по приказу думного дворянина и воеводы С. П. Неплюева, посланъ указъ великого государя къ полковнику къ М. Зыбину, чтобъ ему съ общего совѣту съ Мирогорецкимъ полковникомъ съ Д. Апостоломъ стать въ пристойномъ мѣстѣ—отъ Слуцка въ 5 миляхъ и ожидать въ тотъ вышеозначенной походъ ево думного дворянина и воеводы Семена Протасьевича съ полки.

„Того-жъ числа по указу великого государя и по предложенію... Мазепы... (выбрасываю титулы)... Неплюевъ пошелъ съ полки изъ Минска къ мѣстечку Ляховичамъ, для освободы Переяславского полковника Ивана Мировича съ полчаны. И промыслъ велѣно ему, думному дворянину и воеводѣ, чинить съ общаго согласія съ Миргороцкимъ полковникомъ съ Д. Апостоломъ. А въ дорогу къ нему, думному дворянину... Мазепа... писалъ, чтобъ... (вырвано)... до Леховичь дойтать и бѣднымъ облежанцомъ Переяславского полку съ полчаны въ Лиховицкой фартецыи какънибудь отрады и помочи въ свобожденіи учинить, а вѣдомость-де за вѣдомостью приходитъ, что подъ Леховичемъ непріятельскихъ людей не въ великой силѣ—больши шведовъ 3000 да 800 волоховъ нѣтъ, и впредь прибавку непріятельскихъ силъ не откуды сподеватися: уже король швецкой со всѣмъ своимъ войскомъ и съ Сапежанкомъ и Потоцкихъ дивизіями подлинно пошолъ въ Гродню. И повторе при томъ листѣ въ особомъ письмѣ писано, чтобъ по такой певной вѣдомости съ Мирогороцкимъ полковникомъ съ Д. Апостоломъ, для самихъ христіанскихъ слезъ имѣя надежду на

---

[1]) Мировичъ былъ осажденъ шведами въ „Ляховичской фортеціи“.

Бога, однолично до Лихавичь дойтить, не токмо что тѣхъ облежанцовъ освободить, (но) и надъ непріятельми поискъ учинить и получить.

„И того-жъ апрѣля 19 числа, то есть въ пятокъ на четвертой недѣли по Пасцѣ, во 2-мъ часу дни, не доходя вышеписанныхъ Ляховичь за 3 мили подъ мѣстечкомъ Клецковымъ, Мирогороцкой полковникъ Даніилъ Апостолъ съ кумпаніею, переправясь по мосту рѣч... (вырвано)... болото топкое, и въ томъ мѣстечкѣ... учинился съ шведы бой, и пальба была отъ шведовъ великая. И кумпанія неустоявъ скочила къ той рѣчкѣ, и Миргороцкій полковникъ прислалъ къ нему, думному дворянину и воеводѣ, чтобъ ему прислать на помочь пяхоту и пушки, и онъ, думной дворянинъ и воевода, съ сей стороны той рѣчки послалъ къ нему полковнику сердюцкую пяхоту, да 2 полка пяхотныхъ, да 4 пушки. И шведы приближились къ пушкамъ и къ пяхотнымъ полкамъ, и пяхота изъ мелкого ружья, также изъ пушекъ палили. И московскіе стрѣльцы, которые были въ поддачѣ (резервѣ ?) у полковника у Якова Рагозина, дву полковъ—Григорья Анненкова (да) Василья Кошелева—кинулись и швецкихъ ротъ съ пять прогнали по улицѣ (мѣстечка) до рынку, и шведовъ изъ пушокъ изъ мелкого ружья побили не мало. А съ другимъ пяхотнымъ полкомъ былъ полковникъ иноземецъ Иванъ Сакъ, а у него были въ поддачѣ изъ дву полковъ солдаты—Аѳонасья Рагозина, (да) Михайла Ѳранка.

„И въ тѣ поры Миргороцкой полковникъ съ кумпаніею наскакалъ (т. е. бросился въ атаку на шведовъ) и они, шведы, чинили пальбу великую, и кумпанія неустояла, и пяхоту смяли, и за переправу перескакали, и не удержався немало за переправою—побѣжали. И подъ Миргороцкимъ полковникомъ... (вырвано, но очевидно — „лошадь убили“)... и онъ, сѣвъ на другую лошадь, за кумпаніей скакалъ и ихъ одержать, чтобъ возвратить, не могъ.

„И онъ, думной дворянинъ и воевода, видя, что пяхота мнетца, хотѣлъ одержать, пріѣхавъ къ пушкамъ самъ. И они, шведы, пріѣхавъ къ пушкамъ по пяхотѣ запалили и сердюцкая пяхота, также и салдацкіе полки, видя, что кумпанія побѣжала—и сердюки не устояли не мало: всѣ назадъ кинулись въ болота. И онъ, думной дворянинъ и воевода, немало не удержалъ (бѣгущихъ).

„И Михайло Зыбинъ съ (драгунскимъ) полкомъ въ строи былъ не переправясь рѣчки Ржавца. И драгуны, увидя, что кумпанія побѣжала, такъ и пяхоты немало за переправою не одержались, и драгуны задніе роты дрогнули и назадъ побѣжали, только было одержались драгунъ 3 роты.

„И они, шведы, пушки взяли, и на томъ бою ево, думного дворянина и воеводу, ранили въ лѣвую руку пулею, и полковника Ивана Сака убили, да офицеровъ убито 11 человѣкъ. Да на томъ-же бою и на поли побито пяхоты, а сколько—то писано по полкамъ ниже сего.

„И шведы видя, что кумпанія и пяхота и драгуны побѣжали, переправились на сю сторону Ржавца и драгуны первой роты, выполя по нихъ, также назадъ отворотили... А на бою было шведовъ не малое число, а сколько было—того подлинно вѣдать не по чему".

Такъ заканчивается въ журналѣ Неплюева описаніе Клецкой баталіи. Несмотря на всю краткость его и наивность по мѣстамъ—описаніе даетъ довольно ясное представленіе о ходѣ боя. Журналъ явно стремится защитить Неплюева отъ нареканій за проигранную баталію и всю вину взваливаетъ (не прямо, а тонкими намеками) то на Мазепу, то на Даніила Апостола. Неплюевъ двинулся къ Ляховичамъ „по предложенью" Мазепы, который увѣрялъ, что у Ляховичъ находится небольшой шведскій отрядъ—всего около 4 тыс., и что Карлъ будто-бы двинулся къ Гроднѣ. Но эти „вѣсти" Мазепы оказались ложными—отрядъ Неплюева и Апостола наткнулся неожиданно на самого короля.

Затѣмъ Неплюевъ говоритъ, что въ своемъ движеніи къ Ляховичамъ онъ не былъ вполнѣ самостоятеленъ, а долженъ былъ—по предписанію Мазепы—дѣйствовать „съ общего согласія" съ Апостоломъ, который былъ въ отрядѣ на равныхъ правахъ съ Неплюевымъ. Произошло такимъ образомъ столь пагубное въ военномъ дѣлѣ двоевластіе... Печальные результаты двоевластія не замедлили сказаться на самомъ полѣ битвы.

Апостолъ, о которомъ Мазепа отзывался царю какъ объ „искусномъ въ военномъ дѣлѣ" человѣкѣ, оказался—если вѣрить Неплюеву—главнымъ виновникомъ потери боя. Апостолъ первый началъ сраженіе, бросившись съ своей конной „кумпаніей" на м. Клецковъ, куда онъ ворвался безъ необходимой въ данномъ случаѣ поддержки пѣхотою Неплюева. Повидимому, Апостолъ вступилъ въ бой безъ соглашенія съ Неплюевымъ. Атака конницею засѣвшихъ въ селеніи шведскихъ пѣхотинцевъ была быстро отбита. Только тогда Неплюевъ вступилъ въ бой—бросивши свою пѣхоту на поддержку отступавшей конницы Апостола: стрѣльцы не только задержали наступавшихъ шведовъ, но даже отбросили и на ихъ плечахъ ворвались въ мѣстечко. Апостолъ снова пошелъ въ атаку, но и на этотъ разъ былъ отброшенъ шведами. Казаки Апостола

ступали такъ безпорядочно, что „смяли“ свою-же „пяхоту“ . . . ѣхота также „дрогнула“ и начала отступать. Паника настолько спространилась, что даже стоявшій въ резервѣ драгунскій полкъ ыбина, не дождавшись сближенія съ непріятелемъ (кромѣ одной оты“, пытавшейся прикрыть отступленіе русскихъ), бросился ѣжать слѣдомъ за казаками. И Неплюевъ, и Апостолъ—по словамъ урнала—не разъ пытались „одержать“ бѣгущихъ, но ничего не огли сдѣлать.

Но если здѣсь наиболѣе виноватъ Апостолъ, то все-таки немалая асть вины ложится и на Неплюева. Выборъ позиціи и располоѣніе на ней войскъ несомнѣнно зависѣли отъ обоихъ предводиелей. Между тѣмъ, они выбрали именно такую позицію, которая е разъ губила неопытныхъ стратеговъ: русскую позицію при Клецкѣ пересѣкала на пути отступленія болотистая рѣчка Ржавецъ. Войска были разбросаны по обѣимъ сторонамъ рѣчки.

Затѣмъ и во время боя Неплюевъ держалъ себя не безукоризненно, напримѣръ, онъ не поддержалъ во время своею пѣхотою и артиллеріею атаку Апостола на мѣстечко Клецкъ. Неплюевъ только гогда двинулся на выручку конницы, когда Апостолъ уже отступалъ и прислалъ просить о помощи. Словно Неплюевъ не видѣлъ того, что происходило передъ его глазами!

Какъ-бы тамъ ни было, но русскіе были разбиты на голову и поспѣшно отступили къ Слуцку. Такимъ образомъ движеніе, предпринятое для освобожденія Мировича, совершенно не удалось: 1-го мая Ляховичская „ѳартецыя“ сдалась шведамъ. Карлъ XII, опустошивъ Полѣсье, вступилъ на Волынь, гдѣ послѣ трехъ недѣльнаго отдыха, въ іюлѣ, у Луцка, двинулся на западъ, въ Саксонію.

Что касается до русскаго отряда, разбитаго подъ „Клецкомъ“, то когда Неплюевъ, спасаясь отъ преслѣдованія шведовъ, подошелъ къ Слуцку, то „тамошніе жители не перепустили (черезъ городъ) и Слуцкъ (русскіе) обошли чрезъ рѣчку Случь, (сдѣлавши) кривины 3 мили, а къ Минску не пошли для того, что казацкія войска напередъ пошли Слуцкимъ шляхомъ [1]), да и для того, что опасаясь непріятельскихъ людей, что имъ тотъ Минскій путь струченъ (загражденъ). И отъ Слуцка ростояніемъ въ 12 миляхъ перешли мѣстечко Глускъ и шли Лоевскимъ шляхомъ, и пришли къ рѣкѣ Днѣпру апрѣля 27-го числа, и перевозились (переправлялись) подъ

[1]) Такимъ образомъ—Апостолъ бросилъ своего союзника и, спасаясь отъ шведовъ, одинъ ушелъ впередъ. Н. О.

мѣстечкомъ Лоевымъ дней съ пять, для того что Днѣпръ бы
въ великомъ водномъ роспаленіи".

Послѣ переправы Неплюевъ расположился съ полкомъ окол
городовъ Седнева и Стародуба, поджидая изъ Минска Мазеп
17-го мая Мазепа прислалъ ему указъ государя—распустить ра
ныхъ людей „въ домы ихъ". Неплюевъ сдѣлалъ распоряженія об
отпускѣ ратныхъ, кромѣ полковниковъ и „начальныхъ людей"
которыхъ до государева указу задержалъ въ Сѣвскѣ (куда и сам
переѣхалъ), опасаясь, что „ежели ихъ, полковниковъ и начальны
людей отпустить, а скоро походъ учинитца, и ихъ собрать вскор
(будетъ) невозможно, что они многіе изъ дальнихъ мѣстъ". Н
Мазепа приказалъ именемъ государя распустить и „начальны
людей", объявивши имъ, „чтобъ они были впредь къ походу в
готовности".

Послѣ походнаго журнала собраніе документовъ Неплюевскаг
„полка" оканчивается разнаго рода списками, напримѣръ „послух
ной списокъ" всѣхъ начальныхъ и рядовыхъ людей полка (л. 380)
именные списки ратныхъ, оставленныхъ „въ обозѣ" у Мазеп
(л. 394 об.), бѣжавшихъ съ бою и съ походу (всего 45 человѣкъ
изъ нихъ 15 человѣкъ явились потомъ въ Минскѣ) (л. 401 об.)
списки откомандированныхъ въ другіе полки и въ разныя „посылки"
(л. 403 об.) и проч. Собраніе этихъ документовъ не полно: не
достаетъ, напримѣръ, обѣщаннаго въ журналѣ списка убитыхъ и
раненыхъ въ Клецкомъ бою.

Н. Н. Оглоблинъ.

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ШВЕДСКАГО КАРЛА XII

1718 г.

Изъ бумагъ семейнаго архива барона Н. Каулбарсъ.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ полководцевъ прошлаго вѣка, шведскій король Карлъ XII былъ убитъ въ 1718 году въ траншеяхъ подъ крѣпостью Фридрихсгалломъ, которую онъ осаждалъ. Казалось-бы, что при такихъ условіяхъ смерть короля могла быть естественнымъ послѣдствіемъ его испытанной личной храбрости, не разъ столь блестяще проявлявшейся во многихъ имъ веденныхъ войнахъ. Между тѣмъ, многое заставляетъ предполагать, что это было не такъ, и что король погибъ рукою измѣнника. Дѣйствительно, ближайшее разсмотрѣніе обстоятельствъ, при которыхъ это случилось, исключаетъ всякую возможность пораженія непріятельскою пулею, и въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что король былъ убитъ своимъ личнымъ секретаремъ — французомъ Siquier.

Несмотря на это, еще до послѣдняго времени много было писано о таинственной смерти короля; въ виду чего не безъ интереса будетъ привести тутъ данныя, которыя по этому вопросу находятся въ нашемъ семейномъ архивѣ, и притомъ, въ томъ видѣ, какъ это указано въ моихъ рукописныхъ мемуарахъ, свѣдѣнія для которыхъ мною почерпнуты изъ нашего семейнаго архива и хранящихся въ немъ документовъ прошедшихъ вѣковъ:

Во время бытности моей военнымъ агентомъ въ Австріи,

однажды въ разговорѣ съ шведскимъ посланникомъ господином Аккерманомъ, мы затронули вопросъ о таинственной смерти швед ского короля Карла XII; причемъ я не безъ удивленія узналъ, чт въ Швеціи еще до самаго послѣдняго времени по этому повод ходили и даже высказывались въ печати самые разнорѣчивы мнѣнія—и что вопросъ этотъ до сихъ поръ все еще считается н вполнѣ разъясненнымъ. Я тутъ-же разсказалъ ему, что въ хро никѣ нашего семейства находятся данныя, изъ коихъ явствуетъ что Карлъ XII былъ убитъ въ траншеяхъ подъ Фридрихсгаллом личнымъ своимъ секретаремъ, французомъ Siquier, и что штуцеръ, который служилъ орудіемъ смерти короля, до сихъ поръ хранится въ родовомъ нашемъ имѣніи Меддерсъ, Эстляндской губерніи Везенбергскаго уѣзда.

Изъ рукописей, лично составленныхъ однимъ изъ моихъ предковъ—барономъ Іоганномъ Фридрихомъ Каулбарсъ, бывшимъ генералъ-адъютантомъ Карла XII-го, видно, что въ то время при названномъ королѣ состоялъ личнымъ секретаремъ французъ Siquier, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ своего монарха и занимавшійся секретною его перепискою. Siquier, который считался довѣреннымъ лицемъ и всѣми остальными членами тогдашней свиты короля,—былъ большой охотникъ до стрѣльбы и для этого, между прочимъ, часто заходилъ къ барону I. Ф. Каулбарсъ, чтобы пострѣлять въ цѣль изъ принадлежащаго послѣднему штуцера, который особенно ему нравился. Этими упражненіями онъ наполнялъ свой досугъ и во время осады Фридрихсгалла.

Однажды Siquier, по обыкновенію, зашелъ къ барону I. Ф. Каулбарсъ, чтобы взять штуцеръ, который и былъ ему отданъ послѣ его словъ: „Дайте мнѣ карабинъ, я хочу сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по мишени". Siquier удалился. Нѣсколько часовъ спустя распространилась печальная вѣсть о смерти короля, который былъ найденъ убитымъ въ траншеѣ, куда онъ часто ходилъ, чтобы наблюдать крѣпость и слѣдить за ходомъ осадныхъ работъ. Въ тотъ-же день Siquier безслѣдно пропалъ,—а на его квартирѣ былъ найденъ упомянутый штуцеръ, зачерненный однимъ только выстрѣломъ. При такихъ условіяхъ понятно, что подозрѣніе въ злонамѣренномъ убійствѣ короля пало на Siquier, котораго съ тѣхъ поръ никогда и никому не удалось отыскать. Лишь только многіе годы спустя, въ южной Франціи, лежа на смертномъ одрѣ, Siquier заявилъ исповѣдавшему его патеру о томъ, что онъ убійца короля Карла XII.

Смерть короля произвела потрясающее впечатлѣніе на всю шведскую армію и, особенно, на лицъ близкихъ къ монарху. Ни-

кто въ то время не приписывалъ его смерти пулѣ врага, такъ какъ траншея, въ которой король былъ найденъ, находилась внѣ всякой досягаемости тогдашняго ружейнаго огня изъ крѣпости, и во время посѣщенія ея королемъ была пуста и ни кѣмъ не занята.

Пораженныя горемъ лица ближайшей свиты короля пожелали выгравировать свои имена на граняхъ ствола штуцера; а баронъ I. Ф. Каулбарсъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи постановилъ, чтобы, въ ознаменованіе этого печальнаго событія, штуцеръ переходилъ къ старшему въ родѣ Каулбарсу во всѣхъ послѣдующихъ поколѣніяхъ; по точной силѣ этого завѣта, штуцеръ въ 1888 году, послѣ смерти отца моего, перешелъ въ мою собственность.

Во всемъ этомъ невольно поражаетъ то обстоятельство, что въ то время, какъ вся эта исторія сохранилась въ нашей семейной лѣтописи, она, повидимому, была забыта въ самой Швеціи, гдѣ въ послѣдующее время разными лицами много писалось о загадочной смерти короля и дѣлались всевозможныя, болѣе или менѣе, правдоподобныя предположенія. Изслѣдованія по этому вопросу доходили до того, что, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, даже гробница Карла XII была вскрыта съ цѣлью опредѣлить положеніе и величину ранъ, причинившихъ смерть короля, который, какъ извѣстно, былъ пораженъ пулею въ голову на вылетъ.

Когда въ Швеціи обо всемъ этомъ узнали, господину Аккерману поручено было вступить со мною въ сношенія, и по этому поводу между мною и имъ завязалась переписка, приводить которую въ подлинникѣ я не считаю нужнымъ; но упомяну, что мною были высланы въ Стокгольмъ двѣ фотографіи штуцера и сургучный снимокъ съ одной пули, при немъ сохранившейся. Пуля эта была сравниваема съ отверстіями въ черепѣ, при чемъ было найдено, что послѣднія ни по наружному очертанію, ни по величинѣ вовсе ей не соотвѣтствовали. Кромѣ того оказалось, что входное отверстіе въ черепѣ расположено нѣсколько выше выходного, и изъ этого выводили заключеніе, что король былъ пораженъ снарядомъ, летѣвшимъ по нисходящей вѣтви траэкторіи, а слѣдовательно пулей, пущенной врагомъ изъ крѣпости.

По сообщеніи мнѣ этихъ и другихъ данныхъ, мною были высказаны слѣдующія соображенія:

Пораженіе пулею врага, пущенной изъ Фридрихсгалла, нельзя допустить, такъ какъ траншея, въ которой король былъ убитъ, находилась, какъ уже выше сказано, внѣ досягаемости тогдашняго ружейнаго огня. Къ тому же король былъ, повидимому, одинъ въ

траншеѣ, въ противномъ случаѣ нашлось бы много свидѣтелей его смерти. Въ лѣтописи говорится: „Король былъ найденъ убитымъ въ траншеѣ“—изъ чего необходимо заключить, что непосредственнаго свидѣтеля его смерти не было. Что король могъ быть тамъ одинъ, объясняется тѣмъ, что онъ, повидимому, отправился въ никѣмъ не занятую, оставленную часть осадныхъ работъ, откуда ему удобнѣе было производить рекогносцировку крѣпости, чѣмъ находясь въ пунктѣ жаркой перестрѣлки. Легко такъ-же можетъ быть, что онъ свои наблюденія производилъ въ одинъ изъ тѣхъ перерывовъ дѣйствій, которые по необходимому соглашенію воюющихъ, были довольно обыкновеннымъ явленіемъ того времени и которыми войска пользовались для отдыха. Очень вѣроятно такъже, что король, отправляясь на рекогносцировку, пожелалъ быть одинъ, для того, чтобы не обращать на себя вниманія гарнизона.

Несоотвѣтствіе величины ранъ съ пулею не можетъ быть доказательствомъ тому, что раны эти не были произведены ею, такъ какъ помимо возможности, что поврежденныя части черепа могли скорѣе другихъ портиться при разложеніи тѣла, необходимо предположить, что пуля того времени, слабаго полета и пущенная на близкомъ разстояніи, должна была, раздробивъ черепъ, произвести поврежденія значительно бо̀льшія ея собственнаго размѣра, какъ это и теперь замѣчается при стрѣльбѣ изъ такого рода оружія. Пуля того времени разламывала черепъ, производя, кромѣ отверстія крайне неправильной формы, еще и глубокія трещины, края которыхъ въ теченіе слишкомъ 150 лѣтъ могли обсыпаться.

Обстоятельство, что входное отверстіе въ черепѣ расположено нѣсколько выше выходнаго — также не служитъ еще доказательствомъ, что снарядъ летѣлъ сверху внизъ; потому что никому неизвѣстно въ какомъ положеніи король держалъ голову и въ какой позѣ онъ самъ находился въ моментъ пораженія. Кромѣ того, даже пуля, пущенная въ горизонтальномъ направленіи, могла, пробивъ черепъ, отразиться отъ его внутренней поверхности и дать вылетъ ниже того мѣста, въ которое она попала. Это особенно возможно при пулѣ слабаго полета, даже направленной по нѣсколько возвышающейся траэкторіи.

Что касается до самаго мотива поступка Siquier, то лѣтопись, къ сожалѣнію, не даетъ почти никакихъ указаній, кромѣ только того, что въ виду какихъ-то недоразумѣній съ королемъ, въ послѣднее время проявилось охлажденіе между обоими и замѣтное нерасположеніе Siquier къ королю. Была-ли въ этомъ дѣлѣ замѣшана политика — указаній не имѣется; а потому лѣтопись въ по-

штукѣ Siquier усматриваетъ личные счеты, не говоря, однако, какого они могли быть рода.

Карабинъ, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ типу старинныхъ кремневыхъ штуцеровъ XVII вѣка. Короткій, снаружи граненый и очень толстый стволъ, небольшаго калибра, внутри содержитъ прямые и довольно частые нарѣзы. Онъ заряжался сферо-коническою пулею съ ободкомъ и выступами, устроенными по окружности сферической и вокругъ основанія конической части пули, которая на пластырѣ вгонялась въ стволъ при помощи массивнаго, толстаго шомпола. Въ задней части деревянной ложи устроена небольшая коробка, въ которой по настоящее время сохранилась пуля и нѣсколько запасныхъ кремней.

На наружныхъ граняхъ ствола награвированы слѣдующія надписи:

Adreas de Hudowycz.
Herrmann Wrangel v. Ellestfer—1669.

Изъ этихъ двухъ надписей первая изображаетъ, по всей вѣроятности, названіе оружейнаго мастера, дѣлавшаго штуцеръ, а вторая — одного изъ его владѣльцевъ, до перехода штуцера въ руки барона І. Ф. Каулбарсъ.

Засимъ слѣдуютъ имена лицъ, составлявшихъ ближайшую свиту короля Карла XII подъ Фридрихсгалломъ, а именно:

Reinhold Ioh. v. Vietinghoff.
Bogislaus V. D. Pahlen.
Hans Heinrich Fersen.
Gustaw Magnus Rehbinder.
Iohann Friedrich v. Kaulbars. 1718.

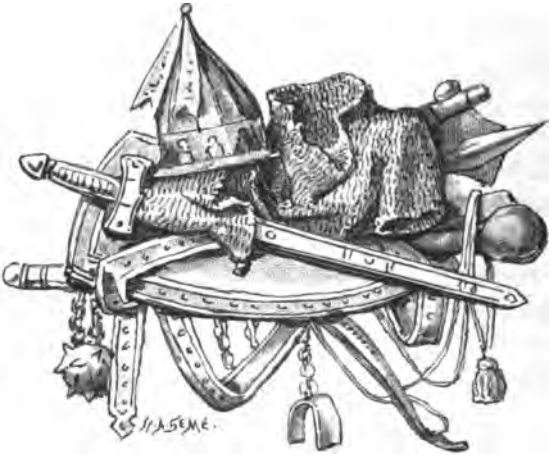
Далѣе на граняхъ ствола помѣщены имена владѣтелей штуцера, получившихъ его по наслѣдству:

Erich Helmig v. Kaulbars.
Carl Ludwig v. Kaulbars. zu Mödders. 1785.
Hermann Helmig v. Kaulbars, zu Raggafer. 1787.
Reinhold August Baron v. Kaulbars, zu Mödders und Raggafer. 1800.
Baron Hermann v. Kaulbars, zu Mödders. 1850.
Baron Nicolai Kaulbars. 1888.

Такъ какъ у меня нѣтъ сына, то по смерти моей карабинъ перейдетъ во владѣніе старшаго сына моего брата Александра, барона Владиміра Каулбарсъ.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, шведскій національный музей прислалъ мнѣ очень удачный фотографическій снимокъ съ картины извѣстнаго художника, изобразившаго тѣло короля Карла XII, лежащаго на носилкахъ и несомаго на плечахъ своихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ и баронъ Каулбарсъ. Эту картину покойный отецъ мой пріобщилъ къ нашему семейному архиву и въ настоящее время она виситъ въ имѣніи Mödders, въ кругломъ залѣ, надъ портретомъ барона Іоханна Фридриха Каулбарсъ и рядомъ съ вышеописаннымъ историческимъ карабиномъ.

Баронъ Н. Каулбарсъ.



ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

III [1]).

Выѣздъ изъ Смоленска 25-го августа.—Пнева-Слобода.—Дорогобужъ.—Шалковъ.—Семлево.—Вязьма.—Теплюшка.—Бородино.—Прокламація Наполеона.—Сраженіе при Бородинѣ или Можайскѣ.—Страшныя раны; врачебная организація на полѣ сраженія.—Слава военнымъ врачамъ.—Перевозка раненыхъ въ Можайскъ, отсюда въ Москву.—Кубинское.—Троцкое.—Московскій пожаръ.—Описаніе состоянія города.—Приказъ Наполеона относительно перевозки раненыхъ.

Мы вышли изъ Смоленска, и я поспѣшилъ присоединиться къ своему полку, который я догналъ только въ Пневѣ, городишкѣ, объятомъ пламенемъ и котораго жители были выгнаны русскими. Опасно было проникать въ городъ, такъ какъ въ узкихъ улицахъ, мощенныхъ досками, огонь быстро сообщался. По этому расположились биваками на краю дороги, гдѣ солдаты состроили себѣ будочки, а намъ довольно просторный сарай, благодаря близости лѣснаго склада. Ужинъ былъ далеко не гастрономическій; за то къ десерту намъ дали кофе съ ромомъ, вѣроятно отысканномъ въ городѣ, такъ какъ отъ евреевъ нельзя было его достать; имъ воспрещенъ входъ въ Россію [3]). Когда мы устроились въ нашемъ досча-

Пнева-Слобода [2]), 25-го августа.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475.

[2]) Географическія названія сохранены вездѣ какъ ихъ пишетъ, по своему, авторъ. Ред.

[3]) Сказываютъ, будто императрица Екатерина II выразилась такъ: „Я ни-взачто не допущу въ свое государство убійцъ моего Бога“. Де-ла-Флизъ.

томъ сарайчикѣ, пріѣхалъ къ намъ адъютантъ генерала Гувіона Сенъ-Сира, приходившійся сродни нашему капитану. Онъ пріѣхалъ изъ Полоцка, откуда послалъ его императоръ. Онъ намъ сообщилъ, что 18-го августа русская армія подъ начальствомъ генерала Винценштейна была разбита генералами Гувіонъ-Сенъ-Сиромъ, Удино, Мэзономъ и Леграномъ; что они отняли двадцать пушекъ, что первый изъ нихъ опасно раненъ и что императоръ послалъ ему за эту побѣду маршальскій жезлъ. Я замѣтилъ, что вообще наши офицеры жалѣли, что армія не остановилась въ Смоленскѣ. Тутъ, по мнѣнію многихъ, слѣдовало закончить походъ. Адъютантъ генерала Гувіона Сенъ-Сира разсказывалъ, что какъ этотъ генералъ, такъ и Удино писали императору, что послѣ побѣды подъ Полоцкомъ не слѣдуетъ идти дальше; если въ италіанскомъ и австрійскомъ походахъ ему удавалось стремительно нападать на самыя важныя позиціи, не поджидая ни своего продовольствія, ни обозовъ, даже оставляя въ сторонѣ крѣпости, то эта система непримѣнима въ Россіи.

Дорогобужъ, 26-го августа.

Выступили въ походъ, обходя горѣвшую еще Пневу, и послѣ нѣсколькихъ приваловъ увидали городъ Дорогобужъ, на Днѣпрѣ. И въ немъ дома горѣли въ разныхъ концахъ. Мы расположились въ полѣ, подлѣ небольшаго лѣса, а солдатъ разослали въ городъ отыскивать припасы. Намъ принесли сахару, чаю и муки. Ночь провели подъ кое-какою защитою при заревѣ пожара. Становилось очевиднымъ, что по мѣрѣ того, что мы будемъ подвигаться, мы встрѣтимъ одни пылающіе города; русскіе придерживаются той системы, чтобы заставить насъ идти по пустынямъ, гдѣ намъ не найти ни жилья, ни пищи, ни даже воды, потому что жители засоряли колодцы нечистотами и падалью. Прежде нежели поджечь жилые дома, они жгли запасные магазины, гумна и стоги сѣна; словомъ, не жалѣли ничего. 26-го числа, рано утромъ, мы отправились въ путь; прошли черезъ выгорѣвшій Дорогобужъ, представлявшій обычное зрѣлище груды пепла и развалинъ. Прошедши большой лѣсъ, гдѣ, какъ обыкновенно, артиллерія и обозы загораживали путь кавалеріи и пѣхотѣ, мы выбрались на открытое мѣсто, откуда снова завидѣли пламя. Горѣло мѣстечко Шалково. Мы его обошли и расположились около большой дороги. Только и можно было достать, что плохаго мяса, да сквернаго ржанаго хлѣба. Но укрыться могли достаточно, такъ какъ лѣсу было довольно.

Семлево, 28-го августа.

Отправились въ путь, освѣщаемые заревомъ пожара, которое ы приняли за восходъ солнца. Дорога была та же, что наканунѣ, приближаясь къ Семлеву, мы увидали и этотъ городокъ въ пла-ени. Не смотря на то, мы принуждены были пройти черезъ него, ъкъ какъ въ обходъ нельзя было; какъ ни пробирались черезъ ницы, еще не тронутыя огнемъ, однако подвергались затрудне-іямъ и опасности. Стояли на бивакахъ подлѣ ручья, гдѣ устро-ли себѣ будки изъ обломковъ избъ.

Вязьма, 29-го августа.

Выступили изъ Семлева, освѣщаемые заревомъ пожара, который ночью еще усилился. Вскорѣ увидали Вязьму, также объятую пла-менемъ. Проѣхавъ мостомъ черезъ рѣчку Вязьму, притокъ Днѣпра, мы старались проѣхать улицами, которыя еще не горѣли. Жителей не было ни души, такъ что огонь безпрепятственно распространялся. Мы стали въ предмѣстьѣ, отдѣленномъ отъ города рѣкою, гдѣ вѣтеръ относилъ дымъ и пламя въ сторону отъ насъ. Мы съ това-рищами помѣстились въ небольшомъ домѣ. Намъ приготовили супъ изъ картофеля, которымъ были засѣяны большія сосѣднія поля.

Исторія говоритъ, что въ 1617 году Владиславъ, сынъ Си-гизмунда III, отнялъ Вязьму у русскихъ, которые, однако, взяли ее обратно въ 1633 г. Потомъ этотъ городъ сталъ удѣломъ Смолен-скихъ князей, а въ 1634 г. тутъ подписанъ былъ мирный договоръ между Владиславомъ, королемъ польскимъ, и царемъ Романовымъ, который отказался отъ всякихъ правъ на Польшу, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію.

Теплюшка, 3-го сентября.

Прежде чѣмъ выступать, велѣно было приготовить обѣдъ, такъ какъ извѣстно стало, что на дорогѣ сожженъ былъ мостъ, который начали исправлять. А городъ все еще горѣлъ. Около полудня высту-пили въ походъ. Вышедши на большую дорогу, мы повстрѣчались съ большими колоннами конницы, кирасирами, гренадерами и кон-ною артиллеріею. Мы стали, выжидая промежутка, въ который могли помѣститься. Дорога была хорошая; прошедши лѣсомъ, уви-дали городокъ Теплюшку въ огнѣ. Въ недальнемъ разстояніи оттуда, остановились въ деревнѣ, которая не горѣла, потому что ранѣе насъ пришедшій полкъ успѣлъ погасить пожаръ. Нашли кое-

какую провизію, въ особенности много картофеля, выгодно заг нявшаго для арміи хлѣбъ.

Бородино, 5-го—10-го сентября.

Прежде чѣмъ отправляться въ путь, приготовили обѣдъ. Выше на большую дорогу, мы очутились въ центрѣ цѣлой массы кавалеріи пѣхоты, артиллеріи, обозовъ. Стеченіе такого количества войск предвѣщало близость непріятеля, и надо было ожидать важнаг дѣла. Пройдя песчаную мѣстность и луга, мы стали на бивакаг на большой равнинѣ, по близости села Бородина. Лѣсу не было изъ чего-бы устроить себѣ будки, и за дровами для огня нужн было посылать очень далеко. Деревню нельзя было трогать, так какъ въ ней расположилась свита императора, и если и ломал избушки, то для разведенія костровъ противъ палатокъ императора и другихъ генераловъ. Императоръ проѣзжалъ нѣсколько раз взадъ и впередъ съ своимъ штабомъ мимо насъ, и осматривалъ позицію. Большой оврагъ отдѣлялъ насъ отъ непріятельской арміи. За неимѣніемъ дровъ, мы разводили огонь соломою; наконецъ, и ночь провели самую непріятную, такъ какъ воздухъ былъ очень свѣжій.

6-го числа встали недовольные и утомленные; осеннее солнце едва грѣло насъ. Раздавали водку только нѣкоторымъ корпусамъ, потому что вообще фургоны отстали и гдѣ-то затерялись между длинными обозами, слѣдовавшими за арміею. Весь день мы простояли на мѣстѣ; но различные корпуса производили маневры. Передъ нами, за глубокими оврагами, на большой полянѣ двигалась непріятельская армія, а конные ихъ часовые, стоявшіе на склонѣ холмовъ, такъ близко отъ насъ находились, что мы явственно ихъ отличали. Наполеонъ въ теченіе дня нѣсколько разъ подымался на возвышенія, слѣзалъ съ лошади и смотрѣлъ на непріятеля въ зрительную трубку.

Къ вечеру пробили сборъ и войску прочитано было слѣдующее воззваніе: „Солдаты, близко сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда отъ васъ зависитъ... Она дастъ вамъ полное довольство, хорошія зимнія квартиры, а потомъ вы возвратитесь на родину... Отличитесь и тутъ, какъ отличались подъ Аустерлицемъ, Фридландомъ и Смоленскомъ [1])“. Эта прокламація не произвела обыч-

[1]) Я приведу здѣсь статью изъ франкфуртскаго журнала, попавшуюся мнѣ въ руки гораздо позже: „Московское сраженіе, или, какъ русскіе его называютъ, Бородинское. Это сраженіе происходило въ 100 вер-

го восторга; люди слишкомъ много выстрадали нравственно, на-
ная отъ Смоленска. Походъ, сопровождаемый нескончаемыми
жарами, производилъ тяжелое впечатлѣніе даже на бывалыхъ
ужакъ, потому что они еще не видывали со стороны непріятеля
кого образа веденія войны.

Наконецъ, улеглись спать. Но многимъ не спалось, какъ по
ичинѣ холодной ночи, такъ и отъ понятнаго и не чуждаго
же храбрѣйшимъ военнымъ людямъ печальнаго предчувствія
й гибельной и мучительной смерти, которая ожидаетъ ихъ на
угой день.

7-го числа встали рано, одѣлись въ полную форму и стали
роиться въ колонны. Войско двинулось, и мы стали на плоско-
рьѣ, лицемъ къ непріятельской арміи. Въ сборѣ были корпуса
ршала Макдональда и Нея, принца Евгенія Богарне и князя
ниятовскаго; подъ начальствомъ неаполитанскаго короля Мюрата
тыре большіе кавалерійскіе корпуса: Нансути, Монбрюна, Груши
Латуръ-Мобура, наконецъ, императорская гвардія. Въ шесть часовъ
ра огнемъ съ французской батареи поданъ былъ сигналъ къ
аженію, и генералъ Компанъ, изъ корпуса маршала Даву, началъ
аку. Такъ какъ непріятель давно уже приготовилъ батарейную

ахъ отъ Москвы, на берегу Калочи, притока рѣки Москвы, и въ четырехъ
рстахъ отъ города Можайска. Бѣдственное отступленіе арміи подъ началь-
вомъ Барклая-де-Толли заставляло русскихъ желать рѣшительнаго сраженія
непріятелемъ. Кутузовъ, старый воинъ, побившій турокъ, повидимому,
стойный главнокомандующій; онъ способенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.
ъ далъ торжественную клятву прикрыть Москву и уничтожить французс-
ую армію; впрочемъ, начальникъ и этой арміи жаждетъ встрѣчи, которая
наружитъ передъ Европой заслуги обѣихъ сторонъ. Русскіе защищены
опами, которые, согласно съ офиціальнымъ донесеніемъ Кутузова, будто-бы
неприступны; кромѣ того, духъ ихъ окрыляютъ предсказанія ихъ священ-
иковъ и видъ чудотворной иконы Пресвятой Дѣвы, которую проносятъ по
йскамъ. Кутузовъ пророчитъ побѣду... Богъ сразитъ врага мечемъ архи-
ратига Михаила, и прежде нежели наступитъ новое утро, на поляхъ оте-
ства кровью супостата и его легіоновъ будутъ начертаны вѣра и вѣрность
усскихъ воиновъ. Въ военныхъ лѣтописяхъ едва-ли встрѣчается сраженіе,
авное ему по упорству и кровопролитію. Полагаютъ, что было сдѣлано
00,000 выстрѣловъ; потеря русскихъ доходила до 30,000 человѣкъ; фран-
узовъ выбыло изъ строя 20.000, они-же потеряли двухъ дивизіонныхъ гене-
аловъ и шесть бригадныхъ. Ранены болѣе или менѣе тяжело дивизіонные
нералы: Компанъ, Нансути, Груши, Латуръ-Мобуръ, Рапъ, Моранъ, Фріанъ-ла-
ссе. Непріятельская армія лишилась князя Багратіона и пятидесяти старш-
ихъ офицеровъ, не говоря уже о сильно порѣдѣвшихъ рядахъ". Де-ла-Флизъ.
Новѣйшее примѣчаніе автора).

линію, снабженную грозною артиллеріею [1]), то это значило, на этомъ мѣстѣ надлежало быть сраженію, съ цѣлью прикр Москву. Но всѣ эти батареи были сбиты одна за другою. Са грозную изъ нихъ взяли кирасиры. Эта отважная атака сто жизни генералу Монбрюну, командовавшему дивизіею, потомъ за нившему его генералу Коленкуру и большому числу офицеровъ солдатъ. Русскіе хотѣли отнять взятые редуты, но они остав только груды тѣлъ, пораженныхъ нашею картечью. Во все вре сраженія, Наполеонъ не садился на лошадь. Онъ шелъ пѣшко со свитою офицеровъ и не переставалъ слѣдить за движеніемъ полѣ битвы, ходя взадъ и впередъ по одному направленію. Гов рили, что онъ не садился на лошадь оттого, что былъ нездоров Адъютанты безпрестанно получали отъ него приказанія и отъ жали прочь. Позади Наполеона стояла гвардія и нѣсколько резер ныхъ корпусовъ. Мы были выстроены въ боевой порядокъ, оставал въ бездѣйствіи и выжидая приказаній. Полковыя музыки разыгр вали военные марши, напоминавшіе побѣдныя поля первыхъ по ходовъ революціи: Allons, enfants de la patrie, когда дрались свободу. Тутъ-же эти звуки не одушевляли воиновъ, а нѣкоторы старшіе офицеры посмѣивались, сравнивая обѣ эпохи. Я отдал лошадь свою солдату и пошелъ впередъ, къ группѣ офицеровъ, стоявшихъ за спиною императора. Передъ нами разстилалось зрѣлище ужаснаго сраженія; но ничего не было видно за дымомъ изъ тысячи орудій, гремѣвшихъ непрерывно. Въ воздухѣ подымались густыя облака одни за другими, вслѣдъ за молніями выстрѣловъ. По временамъ у русскихъ взлетали ракеты, должно быть сигналы, но значеніе ихъ было для меня непонятно. Бомбы и гранаты лопались въ воздухѣ, образуя бѣловатое облачко; нѣсколько пороховыхъ ящиковъ взлетѣли на воздухъ у непріятеля, такъ что земля дрогнула. Такого рода случаи гораздо рѣже встрѣчаются у насъ, нежели у русскихъ, потому что ящики у нихъ дурнаго устройства. Я нѣсколько придвинулся къ императору, который не переставалъ смотрѣть въ трубку на поле сраженія. Онъ одѣтъ былъ въ свою сѣрую шинель, и говорилъ мало. Случалось, что ядра подкатывали къ его ногамъ; онъ сторонился, также какъ и мы, стоявшіе позади.

Протираясь ближе къ императору, съ намѣреніемъ слышать

---

[1] Въ исторіи войны 1812 г. М. М. Богдановичъ приводитъ доказательства совершенно противнаго. Т. II, гл. 21.

Прим. перев.

его приказанія и изъ перваго источника узнать, что рѣшено будетъ Провидѣніемъ на этомъ ужасномъ полѣ сраженія, я мимоходомъ замѣтилъ на краю рва артиллериста, испускавшаго отъ боли пронзительные крики. Подошедши къ нему, я увидалъ, что черепъ у него былъ раздробленъ ядромъ, такъ что смерть была неминуема. Я и отошелъ отъ него. Но ко мнѣ подошелъ баронъ Ларей и спросилъ меня, зачѣмъ я ушелъ отъ раненаго, не подавъ ему помощи? Когда я сказалъ ему причину, онъ шепнулъ мнѣ, чтобы я немедленно перевязалъ раненаго. Солдатъ принесъ мнѣ все необходимое, и я всталъ на колѣни, приступая къ дѣлу; несчастный не переставалъ громко кричать. Окончивъ перевязку, я подошелъ къ барону Ларею, который повторилъ мнѣ, что какъ бы ни была смертельна рана, а слѣдуетъ тотчасъ перевязать ее, и замѣтилъ мнѣ, что крики раненаго заставили императора дважды обернуться въ мою сторону, покуда я занимался раненымъ, и что вѣроятно онъ не остался бы доволенъ, если-бъ меня тутъ не было.

Изъ всей императорской гвардіи, одной только артиллеріи Наполеонъ приказалъ принять участіе въ сраженіи. Онъ оставался все на томъ-же мѣстѣ, внимательно слѣдя сквозь трубку за ходомъ сраженія, особенно-же наблюдая за гвардейскою артиллеріею. Вдругъ онъ поворачивается, зоветъ барона Ларея и говоритъ ему: „Баронъ, гвардейской артиллеріи плохо приходится. Батареи разставлены впереди этихъ деревьевъ, что направо. Прикажите-же, не мѣшкая, перевести туда гвардейскій лазаретъ“. Баронъ тотчасъ-же поскакалъ, и я за нимъ, чтобъ предупредить военныхъ врачей. Фургоны были на готовѣ, и всѣ, собравшись, послѣдовали за своимъ начальникомъ. Мы пришли на указанное императоромъ мѣсто; это была березовая рощица, впереди которой устроены были гвардейскія батареи. На этомъ мѣстѣ валялось много раненыхъ, но ихъ было еще болѣе въ рядахъ сражающихся, которыхъ особые походные носильщики должны были выносить вонъ, такъ какъ Наполеонъ запретилъ солдатамъ выходить изъ рядовъ. Носильщикамъ приказано было устроить носилки[1]).

[1]) Въ сраженіяхъ крайне важно распорядиться такъ, чтобы тяжело раненые могли быть немедленно удалены съ поля сраженія въ болѣе безопасное мѣсто, гдѣ бы имъ можно было подать помощь. Главное затрудненіе заключается въ способѣ переноски, о чемъ, впрочемъ, не заботились ни въ какихъ войнахъ. Раненыхъ сами товарищи ихъ тащили, какъ умѣли, то на ружьяхъ, то на плащахъ, то на доскѣ, на чемъ попало. Не всегда есть время, ни возможность устроить порядочныя носилки, хотя-бы изъ древесныхъ сучьевъ. Къ тому-же, вынося раненыхъ, солдаты удаляются отъ своего поста,

Каждые два человѣка развязали другъ у-друга ремень, обк
ный на ранцѣ; развинтили желѣзко пики, потомъ продѣли др
въ ременныя петли, привязали къ нимъ свои холстинные пояс
такимъ образомъ въ минуту готовы были до сорока носилокъ.
тѣмъ носильщики направились, съ ружьемъ на перевязи, къ м
сраженія. Между тѣмъ на мѣстѣ образовали нѣчто въ родѣ д
ныхъ палатокъ изъ засмоленной парусины, прикрѣпленной къ
ревьямъ; на землю постлали нарваннаго въ полѣ жнива съ
лосьями. Подлѣ этой палатки устроили другую, поменьше, пос
вивъ въ нее столъ для совершенія надъ раненымъ операцій. Вск
носильщики пришли, неся съ собою раненыхъ ядрами артилле
стовъ. Начали операціи надъ наиболѣе тяжело ранеными. Вск
наступила ночь, слишкомъ ранняя для насъ, побѣдителей, и сли
комъ поздняя для русскихъ. Подъ покровомъ этой ночи они отст
пили къ Москвѣ; наша армія ихъ не преслѣдовала.

Бывало, въ прежнихъ войнахъ, какъ скоро наступала ноч
раненымъ нечего было ждать помощи ранѣе утра, если только о
переживали это время; не то было въ ночь послѣ сраженія по

и въ большомъ числѣ, особенно, если раненый—офицеръ. Подъ этимъ пред
логомъ, трусливые стараются избѣгать картечнаго огня и ядеръ. Такъ, в
Ваграмскомъ сраженіи ряды совсѣмъ порѣдѣли, потому что каждаго ран
наго офицера шестнадцать человѣкъ солдатъ вызывались вынести съ пол
сраженія, а потомъ и не возвращались къ своимъ. Въ настоящемъ-же сра
женіи при Можайскѣ, раненыхъ уже не сражающіеся солдаты уносил
прочь, а назначенные для того люди. Трудно себѣ представить, какови
должны быть страданія раненаго, у котораго или ляшка, или нога, или об
ноги оторваны, когда его подымаютъ съ земли и кладутъ на скрещенны
ружья или на доски, и т. п. Малѣйшій толчекъ долженъ жестоко отзываться
во всемъ организмѣ несчастнаго. Какъ часто я бывалъ свидѣтелемъ этого
ужаснаго зрѣлища; какъ часто, отъ такого рода переноски, увѣчья и раны
дѣлались смертельными! Всѣ эти неудобства устранены введеніемъ похо
ныхъ носильщиковъ. Эти люди вооружены пикою, и на перевязи их
отпечатаны слова: помощь воинамъ. Посредствомъ этихъ пикъ, перевязи,
да холстиннаго пояса, два человѣка какъ разъ устраивали носилки, а воору
женные штуцеромъ, висѣвшемъ на ремнѣ черезъ плечо, они могли и защи
щать раненыхъ въ случаѣ нападенія. Для перевозки раненыхъ на дальнее
разстояніе, въ гвардіи были заведены лазаретные фургоны въ два окна и
на рессорахъ, везомые парою лошадей, съ кучеромъ верхомъ на одной изъ
нихъ Эти фургоны отпирались сзади; изъ фургона выдвигали кожаный
матрацъ на колесцахъ и клали на землю. Потомъ легонько, не подымая ра
неныхъ, тащили по двое на матрацъ, который втаскивали въ карету съ
другаго конца. Эти фургоны, изобрѣтенія барона Ларея, назначались для
перевозки офицеровъ и солдатъ, вынесшихъ трудныя операціи. Онъ-же орга
низовалъ походныхъ носильщиковъ. Де-ла-Флизъ.

Можайскомъ. Въ маленькой палаткѣ, кругомъ стола, вкопаны были въ землю четыре металлическіе подсвѣчника, съ вставленными въ нихъ толстыми свѣчами, на подобіе церковныхъ. Яркій свѣтъ этихъ свѣчей позволялъ производить самыя мелочныя операціи. Работали всю ночь и всѣ раненые до единаго были перевязаны, дѣло небывалое ни въ какихъ сраженіяхъ и относившееся къ чести барона Ларея [1]). Какъ скоро операція была кончена, раненаго относили въ большую лазаретную палатку и тотчасъ раздавали бульонъ и вино. Закололи быковъ и лазаретные повара занялись стряпнею. Впрочемъ, только раненые изъ гвардіи пользовались хорошею пищею, армія-же терпѣла недостатокъ и голодъ. Ночь была трудная, тѣмъ болѣе, что безпокоилъ холодный дождь, и войско, за неимѣніемъ лѣса, оставалось безъ защиты на открытомъ воздухѣ

8-го числа встали утомленные отъ безпокойной ночи. Поработавъ полъ ночи около раненыхъ, мы легли спать передъ разсвѣтомъ.

Никто такъ коротко не знакомъ съ немощью человѣческою, какъ врачъ. Въ то время, когда другіе торжествуютъ побѣду хвалебными молебнами, увеселеніями, иллюминаціями и фейерверками, полковой лекарь не отходитъ отъ жертвъ этой побѣды, оглушаемый криками и стонами раненыхъ, которые не прекращаются ни днемъ, ни ночью. Сколько разъ среди этой жалобной обстановки думалось мнѣ, какъ безумны люди въ этомъ стараніи не только истреблять другъ друга, но еще увеличивать и безъ того неизбѣжные недуги свои! Въ этотъ день ужасной памяти какихъ ни дѣлали мы жестокихъ операцій! Представить себѣ нельзя, что ощущаетъ раненый, когда операторъ вынужденъ объявить ему, что смерть его неминуема или что необходимо отнять у него одинъ или два члена. Онъ долженъ покориться своей участи и приготовиться къ жестокимъ страданіямъ. Невозможно передать того рева, того скрежета зубами, который исторгаетъ у раненыхъ боль отъ разбитія членовъ ядромъ, тѣхъ болѣзненныхъ криковъ, когда операторъ прорѣзываетъ покровы члена, разсѣкаетъ мускулы его, разрубаетъ нервы, пилитъ кости на сквозь, обрѣзаетъ артеріи, кровью которыхъ забрызганъ самъ врачъ. Можно сказать, что мы буквально утопали

---

[1]) Наполеонъ съумѣлъ оцѣнить заслуги барона Ларея, старавшагося объ облегченіи тяжелыхъ послѣдствій побѣды, и любилъ его. Онъ завѣщалъ Ларею 100,000 франковъ, упомянувъ о немъ, какъ о честнѣйшемъ человѣкѣ. Въ Парижѣ ему воздвигли бронзовую статую, изображающую его съ завѣщаніемъ, написанномъ императоромъ на островѣ Св. Елены, которое баронъ Ларей прижимаетъ къ сердцу. (Позднѣйшее примѣчаніе).

въ крови, хотя мы не были виновниками ея пролитія, а, напрот
старались ее унять. Точно также трудно описать тѣ ужасныя р
которыя наносятъ ядра, картечь, осколки гранатъ и бомбы.
упомяну о нѣсколькихъ, которыя наиболѣе меня поразили. Одн
артиллеристу ядромъ снесло три четверти лица; остался он
только глазъ, но онъ сохранилъ сознаніе и объяснялся знака
Видъ его былъ ужасенъ. Другому артиллеристу снесло обѣ ля
и одну руку, а другую разбило у плеча; онъ могъ говорить и пр
силъ у меня водки; я далъ ему выпить, послѣ чего онъ умер
Одинъ офицеръ, раненый въ обѣ ноги, далъ отнять одну, но
ампутацію другой не рѣшался. Когда я сталъ умолять его согл
ситься, онъ хотѣлъ выдернуть у меня саблю и заколоться. Но я
допустилъ его до этого, и только послѣ долгихъ убѣжденій, он
согласился на отнятіе и другой ноги. Молодой артиллерійск
унтеръ-офицеръ, стоявшій на часахъ подлѣ орудій, держалъ *рук*
на сѣдлѣ, какъ внезапно ядромъ снесло ихъ обѣ. Онъ заплакал
какъ ребенокъ и призывалъ имя матери. Одному артиллеристу
носившему орденъ почетнаго легіона, я отнялъ разбитую руку. Он
выдержалъ операцію съ большимъ мужествомъ. Какъ скоро он
кончилась, онъ сталъ просить меня отдать ему отнятую руку, чт
я и сдѣлалъ. Взявъ ее здоровою рукою, онъ поднялъ ее и съ вос-
торгомъ закричалъ: „Да здравствуетъ императоръ Наполеонъ!“

До сихъ поръ я говорилъ о людяхъ, но не могу умолчать и о
товарищахъ нашихъ въ бѣдствіяхъ и славѣ, о тѣхъ невинныхъ
животныхъ, которыя помогаютъ намъ въ нашихъ трудахъ и раздѣ-
ляютъ съ нами опасности. Наши бѣдныя лошади тоже во множе-
ствѣ и страшно были ранены. Иныя, пораженныя на смерть, вали-
лись на мѣстѣ, испуская такіе болѣзненные крики, какихъ *я еще*
не слыхивалъ у лошадей. Другія тащились на трехъ ногахъ, волоча
четвертую подстрѣленную, едва державшуюся на клочкѣ мяса. Я
видѣлъ лошадь съ застрявшимъ ядромъ въ животѣ. У другой морда
насквозь была пробита ядромъ, она шла, испуская страшный ревъ.
Эти несчастныя жертвы людскаго варварства, въ большомъ числѣ,
подходили къ нашему походному лазарету, точно просили помочь
имъ; но такъ какъ онѣ, подходя близко, топтали ногами нашихъ ране-
ныхъ, лежавшихъ на землѣ, то мы вынуждены были застрѣлить мно
гихъ лошадей, по крайней мѣрѣ, и ихъ страданія этимъ кончались.

Во весь день мы ухаживали за ранеными, въ числѣ ихъ были
и русскіе. Ни мы ихъ, ни они насъ не понимали; поняли мы только,
когда они цѣловали намъ руки, чѣмъ они благодарили насъ за попе-
ченіе. Трудъ нашъ былъ очень тяжелъ. Мы почти весь день про-

стояли на колѣняхъ въ грязи, перевязывая распростертыхъ на землѣ раненыхъ.

9-го сентября я нѣсколько отдохнулъ, хотя ночью нѣсколько разъ навѣщалъ раненыхъ. Армія еще оставалась на бивакахъ на полѣ сраженія, но авангардъ двинулся на Можайскъ. Весь день мы не покидали лазарета; раненыхъ было 200 человѣкъ; изъ нихъ 75 гвардейскихъ артиллеристовъ и 15 офицеровъ.

10-го числа время было ясное; армія выступила въ походъ, и изъ нашей березовой рощи видно было, какъ потянулись по большой дорогѣ безчисленныя колонны. Баронъ Ларей, посѣтивъ нашъ госпиталь, объявилъ намъ, что на другой день раненые будутъ перевезены въ Можайскъ, и велѣлъ приготовиться.

Можайскъ.

11-го числа подъѣхали фургоны и рессорныя кареты, въ которые и уложили раненыхъ, хотя все это происходило очень медленно. Наконецъ, запрягли лошадей и мы поплелись по большой дорогѣ. Черезъ часъ мы пріѣхали въ Можайскъ.

Намъ указали для устройства лазарета большую каменную церковь; сюда навезли нѣсколько возовъ соломы, которую и разостлали подъ ранеными. Перенести ихъ въ лазаретъ стоило такого-же труда, какого стоило сажать ихъ въ фургоны. Раненые, не принадлежавшіе къ гвардіи, были развезены по другимъ лазаретамъ. Только что мы покончили съ нашими ранеными, какъ мнѣ подали записку отъ барона Ларея, съ приказаніемъ принять двухъ раненыхъ польскихъ офицеровъ и позаботиться о нихъ. Помню, что одного изъ нихъ звали Бѣдлоскій. Я тотчасъ-же уложилъ ихъ по близости истопленной печки. Раздали хлѣба, мяса и стали готовить супъ. Устроивъ должный порядокъ въ лазаретѣ, мы могли подумать и о себѣ. Шестеро изъ насъ докторовъ заняли небольшой домъ подлѣ церкви. Столъ нашъ былъ лазаретный. 12-го числа, весь день черезъ городъ проходили армейскіе корпуса; это продолжалось и въ слѣдующіе дни. Въ Можайскѣ не было пожаровъ, должно быть, русскіе не успѣли поджечь городъ. За то въ немъ не было ни души, и всѣ дома, вообще, найдены нами въ цѣлости со всѣмъ, что въ нихъ находилось. Городъ этотъ въ старину былъ укрѣпленъ; улицы въ немъ прямыя и широкія, но немощеныя, какъ во всѣхъ пройденныхъ нами городахъ. Дома деревянные, за исключеніемъ одной церкви, гдѣ помѣщался нашъ лазаретъ, и казеннаго зданія, вѣроятно, судебной палаты, которую наши обратили въ госпиталь,

выбросивъ за окно всѣ бумаги. Исторія говоритъ, что Можайскъ входилъ въ составъ Черниговскаго княжества, потомъ Смоленскаго, а въ 1341 г. присоединенъ къ Московскому великому княжеству; поляки неоднократно осаждали городъ.

Всѣ раненые, сколько ихъ ни было, перевезены въ Можайскъ, гдѣ ими были переполнены дома и церкви, обращенные въ лазареты. Первая перевязка, сдѣланная на важныхъ операціяхъ, была снята и раны оказались въ удовлетворительномъ состояніи. Между этими ранеными былъ канониръ, у котораго отняли ляшку въ мѣстѣ сочлененія; слѣдовательно, у него отнята была четвертая часть всего тѣла, и тѣмъ не менѣе онъ поправлялся.

Мы находились въ Можайскѣ уже пять дней, денно и нощно занятые своею службою, какъ дошла до насъ вѣсть, что 14-го сентября Наполеонъ вошелъ въ Москву и что эта столица горитъ. Мы этому не удивились, зная по опыту, что такова система русскихъ, но огорчились этимъ, какъ дурнымъ предвѣстникомъ, противорѣчащимъ обѣщанію Наполеона доставить намъ удобныя зимнія квартиры.

Одинъ изъ польскихъ офицеровъ, о которыхъ я упомянулъ выше, Бѣдлоскій, раненый въ пятку, но вылеченный мною безъ ампутаціи ноги, послалъ въ Москву своего крѣпостнаго человѣка за разною провизіею. Привезши ее дня четыре спустя, онъ разсказалъ намъ, что девять десятыхъ города сгорѣла. Но не смотря на то, что русскіе сожгли много запасовъ, армія отыскала еще много нетронутыхъ и продовольствовала себя ими въ избыткѣ.

Наступило 25-е число, когда полученъ былъ приказъ отправить раненыхъ въ Москву. Раненые офицеры нетерпѣливо ждали прибытія своего туда. Мы выѣхали 27-го числа, размѣстивъ раненыхъ по фургонамъ и каретамъ. Насъ конвоировали три баталіона солдатъ, собранныхъ изъ разныхъ полковъ и всякаго оружія. Погода была прекрасная, солнце свѣтило такъ ярко, какъ-бы весною. На пути мы объѣзжали только отсталыхъ людей и фургоны, которыхъ не въ силахъ были тащить измученныя лошади. Мѣстами, направо и налѣво, виднѣлись груды пепла, бывшія жилища, а въ пеплѣ я замѣтилъ обугленныя кости человѣческія. Не заживо-ли сгорѣли тутъ люди? подумалъ я. И кто они были—русскіе или французы? Можетъ быть, тутъ погибли раненые, не въ силахъ бывъ бѣжать? Эти предположенія наводили на грустныя мысли, такъ какъ изъ всѣхъ мученій сгорѣть—самое ужасное. Ночь мы простояли въ мѣстечкѣ Кубинскомъ, выгорѣвшемъ до тла. Раненыхъ перевязали и накормили. Всю ночь поддерживали огонь въ кострахъ, такъ какъ было довольно свѣжо.

28-го сентября встали очень рано; погода была хорошая. Послѣ обычнаго завтрака и перевязки отправились въ путь. На дорогѣ встрѣчались съ группами солдатъ, догонявшими свои полки; они пошли съ нами. Встрѣчались пустыя, брошенныя на дорогѣ телѣги. Проходя лѣсами, по песчаной и неудобной почвѣ, услыхали ружейные выстрѣлы. Тотчасъ дано было конвою приказаніе готовиться къ отраженію непріятеля. Но по мѣрѣ того, что мы подвигались, выстрѣлы стали рѣже и наступила тишина. Вышедъ изъ лѣсу, очутились въ выженномъ до тла мѣстечкѣ Троицкомъ, гдѣ и остановились провести ночь. Кромѣ насъ, тутъ стояли на бивакахъ солдаты, конвоировавшіе полковые фургоны.

29-го числа продолжали путь. Солнце свѣтило ярко и тепло, какъ въ лѣтній день. Мы встрѣтили нѣсколькихъ офицеровъ, сопровождаемыхъ уланами; то были парламентеры, посланные къ русскимъ генераламъ. Путь нашъ шелъ мимо богатыхъ дачъ, окруженныхъ тѣнистыми садами. Наконецъ, показалась вдали Москва; подойдя ближе, увидали надъ нею мѣстами столбы дыма. Тысячи куполовъ и колоколенъ отражали лучи ярко блиставшаго солнца. Зрѣлище это было такъ ново, что можно было вообразить себя въ Азіи. Какъ ни радовала насъ мысль, что, наконецъ-то, прекратятся наши бѣдствія вступленіемъ въ Москву, а какое-то тревожное чувство отравляло эту радость. Едва прошли мы городскія ворота, какъ на встрѣчу намъ на дрожкахъ подкатилъ лазаретный чиновникъ, который имѣлъ порученіе вести насъ въ шереметевскій госпиталь, назначенный для императорской гвардіи. Мы послѣдовали за этимъ офицеромъ по длиннымъ улицамъ, обстроеннымъ красивыми домами, но все это выгорѣло, представляя однѣ стѣны, съ выбитыми окнами. Наконецъ, вышли на большую площадь, гдѣ находится шереметевская больница: прекрасное строеніе съ колоннами, скорѣе похожее на дворецъ. Военные врачи госпиталя тотчасъ-же вышли принять насъ. Мы передали имъ нашихъ раненыхъ, которыхъ они и размѣстили по палатамъ, такъ хорошо расположеннымъ, какъ нельзя ожидать лучше въ первыхъ европейскихъ столицахъ. На ту пору баронъ Ларей прислалъ за мною офицера, который и повелъ меня къ нему въ Кремль. На внутренней площади этой крѣпости, передъ арсеналомъ, императоръ только что кончилъ смотръ войскамъ. Войска уже прошли, но Наполеонъ еще оставался на мѣстѣ, окруженный генералами и штабомъ. Замѣтивъ въ группѣ офицеровъ барона Ларея, я слѣзъ съ лошади и подошелъ къ нему. Выслушавъ мой рапортъ о состояніи раненыхъ, онъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе и тотчасъ-же пошелъ доложить

императору, опасавшемуся за раненыхъ, что они благополучно привезены. Я видѣлъ, какъ баронъ вступилъ въ кругъ офицеровъ, стоявшихъ въ виду императора; какъ послѣдній казался доволенъ докладомъ, даже взглянулъ въ мою сторону, когда баронъ указалъ на меня; но я не могъ разслышать, что̀ они говорили. Все-же я долженъ признаться, что, хотя Наполеонъ нерѣдко обращался съ вопросами къ простымъ солдатамъ и велъ съ ними разговоръ, однако, что до меня касается, никогда мнѣ не случалось сказать хотя единое слово лично великому человѣку. Баронъ Ларей передалъ мнѣ одобрительныя слова императора, опасавшагося было для раненыхъ встрѣчи съ казаками. и затѣмъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

Баронъ помѣщался въ прекрасномъ домѣ, очевидно знатнаго человѣка, въ богато меблированныхъ покояхъ. Кромѣ меня, приглашены были еще два линейные полковника и комендантъ гвардейской артиллеріи. Столъ былъ уже накрытъ, когда баронъ, извиняясь передъ гостями, увелъ меня съ собою въ кабинетъ. Тутъ онъ *мнѣ* объявилъ, что, по его представленію, четыре мои товарища и я пожалованы орденомъ почетнаго легіона; но какъ мнѣ еще не скоро придется получить знаки ордена, а, между тѣмъ, я уже имѣю право носить ихъ, то онъ дастъ мнѣ покуда кончикъ ленты орденской. И съ тѣмъ вмѣстѣ самъ привязалъ ее къ петлицѣ моего мундира. Я не могъ пріискать выраженій для моей благодарности. Баронъ представилъ меня потомъ своимъ гостямъ, какъ новаго кавалера ордена. Обѣдъ, которымъ угостилъ насъ баронъ, былъ отличный, далеко не бивачный. Я не понималъ, откуда достали столько разной провизіи. Винъ было много, и между ними и шампанское. Давно я не обѣдалъ такъ вкусно. Къ ночи я воротился въ шереметевскій госпиталь, гдѣ мнѣ отвели великолѣпную квартиру. Товарищи мои тоже были отлично помѣщены.

На другое утро, 30-го сентября, когда я, проснувшись, увидѣлъ себя на богатомъ диванѣ, въ свѣтлой комнатѣ съ большими окнами и картинами на стѣнахъ, я не вѣрилъ, что нахожусь въ Москвѣ, что, сѣвъ на лошадь въ Парижѣ, я проѣхалъ на ней около 3,000 верстъ, и слѣзъ съ нея уже въ столицѣ Россіи, въ этомъ священномъ городѣ Русской имперіи. Этой части города, гдѣ мы теперь квартировали, пожаръ не коснулся. Послѣ зрѣлища жалкихъ городовъ, обстроенныхъ деревянными домами и съ немощеными улицами, въ грязи которыхъ вязли ноги, пріятенъ былъ видъ красивыхъ домовъ, дворцовъ, церквей, площадей и чистыхъ вымощенныхъ улицъ. Когда я прошелся по улицамъ Москвы, я нашелъ, что она

не походитъ ни на одинъ изъ европейскихъ городовъ. Архитектура зданій представляла смѣсь всевозможныхъ стилей: татарскаго, китайскаго, индійскаго, византійскаго, греческаго, италіянскаго, готическаго. Улицы широкія, прямыя, чистыя, хорошо вымощенныя. Въ центрѣ города было много садовъ. Во многихъ домахъ окна были изъ цѣльнаго стекла. Безчисленное множество церквей представляли изъ себя группы колоколенъ, башенъ, башенекъ, куполовъ самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ и самыхъ разнообразныхъ формъ, красиво рисовавшихся на горизонтѣ. Подлѣ богатыхъ домовъ вельможъ странно было видѣть деревянныя невзрачныя домишки, жилища ихъ крѣпостныхъ слугъ. Такого рода контрастъ не встрѣтишь въ другихъ европейскихъ городахъ. Кремль отстаивали отъ огня нѣсколько гвардейскихъ батальоновъ. Наполеонъ велѣлъ снять большой крестъ съ колокольни Ивана Великаго, намѣреваясь поставить его на куполъ дома инвалидовъ въ Парижѣ [1]). Воспитательный домъ, основанный Екатериною II въ 1763 г., тоже остался цѣлъ. Наполеонъ приказалъ охранять его стражею, и поручилъ барону Ларею наблюдать за заведеніемъ. Многія больницы тоже были спасены отъ пожара усиліями французовъ. Но московскій университетъ, основанный въ 1755 г. императрицею Елисаветою, сгорѣлъ съ содержавшимися въ немъ библіотекою, физическимъ кабинетомъ и анатомическимъ музеемъ. Въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, можно было вообразить себя въ Помпеѣ и Геркуланумѣ. Цѣлыя улицы, по обѣ стороны, представляли развалины выгорѣвшихъ домовъ, въ которыхъ укрывались несчастные, воротившіеся въ городъ и не нашедшіе своихъ домовъ. Приладивъ кое-какъ къ стѣнѣ навѣсъ изъ досокъ, эти люди со всею семьею скучивались около разведеннаго огня, на которомъ варили отысканную въ погребахъ пищу. Богатый, изобиловавшій всякимъ добромъ, городъ въ короткое время сдѣлался пребываніемъ тысячи бѣдствій. Магазины, содержавшіе въ себѣ всѣ богатства Европы и Азіи, обратились въ груды пепла. Купцы, еще наканунѣ богачи, впали въ ужасную нищету. Жены и дѣти ихъ, замѣнивъ дорогое платье рубищемъ, плакали на своемъ пепелищѣ. Говорятъ, когда жителей изгоняли изъ города, то дѣти запрягали себя въ кресла, въ которыя садились ихъ старики дѣды, и вывозили ихъ вонъ. За недостаткомъ лошадей, разобранныхъ въ этомъ громадномъ бѣгствѣ, больныхъ, параличныхъ тащили на доскахъ. Беременныя

---

[1]) Этотъ крестъ былъ обратно взятъ русскими во время нашего отступленія. Де-ла-Флизъ. (Позднѣйшее примѣчаніе).

женщины разрѣшались на улицахъ и погибали вмѣстѣ съ новор
денными. А если правда, что подожжены были и больницы, нав
ненныя больными, то можно себѣ представить ужасы, которые
тѣмъ послѣдовали. Жители Москвы не были подготовлены къ б
ству; ихъ торжественно увѣряли, что французская армія разб
при Бородинѣ; въ церквахъ служили благодарственные молеб
по случаю этого пораженія; народъ увѣряли, что генералъ Кутузов
награжденный за побѣду чиномъ фельдмаршала, спасъ Моск
согласно данному имъ обѣщанію, и все на этомъ успокоилос
Только 14-го сентября, когда русскія знамена стали покида
городъ и на горизонтѣ показались французскіе орлы, тогда тол
народъ догадался, что его обманывали. Тутъ, застигнутый врасплох
всякъ бѣжалъ искать убѣжища въ лѣсахъ. Съ тѣхъ поръ, что люд
себя помнятъ, еще не случалось, чтобы населеніе, изъ 500.00
жителей, цѣликомъ бѣжало изъ своей столицы, на подобіе стад
барановъ, преслѣдуемыхъ хищными звѣрями. Всѣ до единаго, от
старика до младенца должны были бѣжать, какъ были, на чем
попало, не запасшись ничѣмъ. За то тысячи этихъ несчастных
на вѣки простились съ родною кровлею. Понятно, къ какимъ не-
счастнымъ эпизодамъ повело это намѣренное умолчаніе Кутузовым
отступленія русскихъ послѣ Бородинскаго сраженія. Подробност
московскаго пожара многими были описаны. Поэтому извѣстно рас-
поряженіе московскаго губернатора графа Ростопчина. Велѣв
отобрать изъ всѣхъ частей города пожарныя трубы и огнегася-
тельные инструменты, графъ заказалъ зажигательные снаряды,
которые выдѣлывались въ его домѣ за нѣсколько недѣль передъ
тѣмъ и выдавались за адскую машину, которою намѣревались будто
взорвать на воздухъ французскую армію. Извѣстно также, что графъ
велѣлъ раздать эти ракеты выпущеннымъ изъ тюремъ преступ-
никамъ. Наконецъ, по вступленіи французовъ въ Москву, какъ
скоро наступила ночь, городъ былъ подожженъ одновременно въ
нѣсколькихъ мѣстахъ. Двадцать два поджигателя были пойманы
на дѣлѣ; ихъ судили военнымъ судомъ, по кодексу Наполеона, и
въ двадцать четыре часа разстрѣляли. Судебное надъ ними произ-
водство было напечатано на русскомъ и французскомъ языкахъ, и
прибито на всѣхъ московскихъ улицахъ. Я не былъ свидѣтелемъ
всѣхъ этихъ злополучныхъ происшествій; поэтому не могу ничего
прибавить отъ себя къ тому, что слышалъ въ Москвѣ. Но едва-ли
Россія, разореніемъ своей столицы, выкупила себѣ другія выгоды.

Прогуливаясь по Москвѣ, я встрѣтилъ родственника моего, стар-
шаго врача 45-го линейнаго полка. Онъ квартировалъ въ окрест-

ностяхъ города, за нѣсколько верстъ, и просилъ меня навѣстить его. Онъ жилъ съ полковникомъ своимъ на прекрасной дачѣ, окруженной садомъ и оранжереею. Полковникъ угостилъ общество офицеровъ отличнымъ обѣдомъ, винъ было множество. Но удивили меня поданные ананасы, найденные въ хозяйской оранжереѣ. Въ первый разъ отвѣдалъ я этого плода, обыкновеннаго въ Россіи, рѣдкаго во Франціи и неизвѣстнаго въ Италіи. Мы были такъ веселы въ этомъ обществѣ, какъ будто находились въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, о будущемъ не помышляли. Возвращаясь домой довольно поздно въ темную ночь, я едва не заблудился въ выгорѣвшихъ пустынныхъ улицахъ и порядочно утомилъ лошадь, прежде нежели добрался до дому.

Баронъ Ларей, издавъ еще въ Парижѣ двѣ части медицинскаго труда, подъ заглавіемъ „Походная хирургія“, продолжалъ собирать матеріалы для слѣдующихъ томовъ. Съ этою цѣлію онъ поручилъ мнѣ составлять замѣтки, по части дѣлаемыхъ въ походѣ операцій, и для того освободилъ меня отъ дежурства, перечисливъ въ мой полкъ.

Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля, когда огонь и сюда проникъ, и помѣстился въ загородномъ дворцѣ, но каждый день пріѣзжалъ въ городъ къ смотру войскъ. Запасные магазины снабжались со всѣхъ сторонъ всякимъ продовольствіемъ. Собрано было и сложено въ погреба большое количество картофеля. Словомъ, мы вели гарнизонную жизнь, ходили даже слухи, что мы проведемъ въ Москвѣ зиму.

Императоръ приказалъ устроить театральныя представленія, съ помощью оставшейся въ городѣ французской труппы. Каждый день къ стѣнамъ домовъ прибивались новыя афиши, на манеръ парижскихъ. Но видъ ихъ, среди развалинъ и бѣдствій цѣлаго народа, возбуждалъ очень невеселыя чувства, и я не рѣшился ходить въ театръ.

Получены были нами и письма изъ Парижа,—письма, отправленныя съ мѣста за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Говорили, что Наполеонъ отправилъ изъ Москвы генерала Лористона къ императору Александру, въ качествѣ парламентера. Онъ воображалъ, что восторжествуетъ въ этой столицѣ и вынудитъ миръ, какъ было при занятіи Вѣны и Берлина. Однако, время уходило; Александръ не давалъ положительнаго отвѣта, а Наполеонъ оставался въ напрасномъ ожиданіи.

Я передамъ здѣсь то, что разсказываетъ исторія о Москвѣ, въ доказательство, какъ дорога эта столица русскому народу. Было время, когда она испытывала несчастія, подобныя настоящимъ.

Москва считается у русскихъ священнымъ городомъ. Отно тельно торговли, она есть складочное мѣсто между западом востокомъ. До Юрія Долгорукаго, основавшаго городъ въ 1147 Москва была ничтожною деревнею. Съ паденіемъ Кіева въ 1233 одновременно съ вторженіемъ монголовъ и занятіемъ золотою ор всей южной части Россіи, Москва возвысилась, а съ нею и моск ские князья, начиная съ Ярослава II. Съ 1300 года Москва ста вится столицею русскихъ царей. Она испытала нѣсколько оса отъ Ольгерда съ 1339 по 1370 годъ, отъ Тохтамыша въ 1382 отъ Седигея въ 1408 г., отъ Димитрія Шемяки въ 1605 г., о поляковъ при Сигизмундѣ III въ 1611 г. Въ 1688 г. заключе такъ называемый московскій миръ, между Россіею и Польше которымъ Собѣскій сдѣлалъ большія уступки Россіи, взамѣнъ з защиты Польши противъ татаръ и турокъ.

Понемногу народъ возвращался въ Москву; открылся рынок на которомъ производился торгъ между солдатами и чернью. Тут продавались и покупались вещи, награбленныя изъ брошенных или выгорѣвшихъ домовъ. Такимъ грабежемъ многіе изъ черна народа нажились, благодаря отсутствію полиціи. Мнѣ случилос видѣть большіе погреба, полные крупной мѣдной монеты, состоящей изъ пятаковъ, равныхъ нашимъ четыремъ су. Чеканъ этой монеты былъ такъ аляповатъ, что я счелъ ее за негодную, которую бро сили тутъ за недостаткомъ средствъ къ перевозкѣ. Никто из нашихъ не подумалъ воспользоваться ею; но русскіе крестьяне вывозили ее вонъ возами, что продолжалось безостановочно нѣсколько дней и никто не помѣшалъ ихъ работѣ.

О Наполеонѣ говорили, что онъ очень занятъ, что онъ посто янно работаетъ. Но дѣло въ томъ, какъ стало извѣстно, что цѣль его была издать какъ можно болѣе декретовъ изъ столицы Русской имперіи, въ доказательство французамъ, что онъ и на дальнемъ рубежѣ Европы не перестаетъ пещись о своемъ государствѣ, какъ вездѣсущее провидѣніе. Къ сожалѣнію, предметы, избранные им для реформъ, касались самыхъ ничтожныхъ частей внутренней администраціи Франціи. Напримѣръ, онъ составилъ правила теат ральнаго управленія, да разныхъ промысловъ, какъ-то: булочнаго, аптекарскаго и т. д. Этими мелочами онъ хотѣлъ выказать все объемлющій геній свой. Между тѣмъ, все это, въ сравненіи съ прежнею дѣятельностью Наполеона, дѣлало его неузнаваемымъ. Не пустяшными дѣлами внутренней администраціи Франціи слѣдо вало ему заниматься, а вникнуть въ свое положеніе въ Россіи, на столько критическое, что мѣры выхода изъ него могли-бы занять

его мысли. Эти неумѣстные декреты изъ столицы Россіи напоминали мнѣ тѣ мистическія ссоры, которыя затѣвали между собою жители Византіи, во время осады города турками и передъ тѣмъ, какъ имъ подпасть подъ иго мусульманъ. Ошибки Наполеона въ эту кампанію были различныя и неисправимыя. Онъ вступилъ войною въ страну, не имѣя понятія ни о нравахъ, ни о характерѣ русскихъ. Въ Египтѣ, напримѣръ, онъ оказывалъ столько почтенія магометанству, что можно было ожидать его перехода въ эту вѣру. Въ Италіи, Австріи и Испаніи, вездѣ онъ покровительствовалъ мѣстному духу религіи и казнилъ святотатцевъ. Но въ Москвѣ онъ точно не зналъ, что и русскіе привязаны къ своей вѣрѣ, онъ не обратилъ вниманія на то, какъ глубоко почитали русскіе своихъ святыхъ, какъ дороги для нихъ церкви и важенъ санъ священника. Едва-ли онъ признавалъ ихъ за христіанъ. И что-же вышло? Не предупредивъ войска, строгими приказаніями, имѣть должное уваженіе къ церквамъ, иконамъ и духовенству, онъ навлекъ этимъ упущеніемъ ненависть народа на французовъ. Въ глазахъ русскихъ они хуже мусульманъ, потому что обращали церкви въ конюшни (1812 г.). За то ужъ горе французу, когда онъ попадался въ руки народа, жаждавшаго мести! Такихъ жертвъ было множество. Слѣдовательно, не лучше-ли было-бы внушить своему войску вѣрныя понятія о русскомъ народѣ и о ихъ вѣрѣ, столь схожею съ нашею?

Не менѣе важною ошибкою былъ безпечный взглядъ на близкое будущее. Наполеонъ какъ будто не предвидѣлъ зимы, обманутый, можетъ быть, продолжительною осенью. Онъ не зналъ, что немного пройдетъ дней, какъ наступятъ морозы, пойдетъ снѣгъ и такъ покроетъ землю, что ѣзда на колесахъ окажется невозможною, а затѣмъ недалеко и истребленіе арміи. Обо всемъ этомъ не догадывались. Не подумали даже о теплой одеждѣ, объ обуви солдатъ; ни о ковкѣ лошадей, о возобновленіи упряжи, наконецъ, о перестановкѣ обозовъ на полозья, и т. д.

Положеніе нашей арміи, маневрировавшей около Москвы, было довольно выгодное, покуда не опомнился Кутузовъ отъ послѣдняго пораженія при Бородинѣ. Тутъ онъ сталъ возбуждать народонаселеніе противъ французовъ, не допускалъ подвозить въ Москву припасовъ, и принуждалъ наши корпуса сдвигаться къ городу.

22-го октября пришло извѣстіе, что наканунѣ въ Winskowo, разбитъ Кутузовымъ авангардъ арміи, подъ начальствомъ короля Мюрата. Кутузовъ хотѣлъ помѣшать соединенію арміи съ корпусомъ маршала Виктора, выступившаго изъ Смоленска. По этому случаю Наполеонъ счелъ нужнымъ отступить къ Смоленску, и отдалъ приказъ готовиться къ выходу изъ Москвы.

Несчастныхъ больныхъ и раненыхъ вытащили изъ госпиталя, снова размѣстили по фургонамъ и походнымъ каретамъ. Ихъ отправили впередъ съ конвоемъ и врачами. Я не могъ безъ содроганія смотрѣть на это распоряженіе. Вмѣсто покоя, который такъ необходимъ былъ для заживленія ранъ, несчастные снова подвергались мученіямъ, сопряженнымъ съ дальнимъ путешествіемъ, а можетъ-быть и смерти [1]).

Въ тотъ-же день, въ нѣкоторыхъ частяхъ города, мы замѣтили нападеніе казаковъ на нашихъ, въ минуту ихъ отступленія. Я готовился къ отъѣзду и вышелъ уже изъ шереметевской больницы, какъ изъ-за угла улицы, противъ стоявшаго тутъ караула стрѣлковъ, выѣхалъ русскій офицеръ въ сопровожденіи казака. Часовой прицѣлился въ него, а стрѣлки подбѣжали къ нему и загородили дорогу; капитанъ-же схватилъ лошадь его за узду, а солдаты окружили казака. Офицеръ этотъ былъ русскій генералъ. „Вы русскій", закричалъ ему капитанъ—„я васъ арестую". — „Да развѣ", возразилъ тотъ, „французы не вышли изъ Москвы?" И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынулъ изъ кармана бѣлый платокъ, объявляя, что это парламентерскій флагъ и что онъ имѣетъ порученіе къ французскому генералу. Однако, капитанъ арестовалъ его и велѣлъ вести къ маршалу Мортье.

По приказанію барона Ларея, я долженъ былъ присоединиться къ своему полку, котораго не видалъ со дня Можайскаго сраженія и который наканунѣ оставилъ окрестности Москвы.

23-го октября, съ наступленіемъ ночи, я отправился въ Кремль, приказавъ солдату моему слѣдовать за мною. Въ Кремлѣ стояли на бивакахъ нѣсколько полковъ, которымъ надлежало выступить въ три часа ночи. Тутъ я узналъ, что подъ Кремль проведена мина, которую взорвутъ, какъ только мы удалимся отсюда.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы, Наполеонъ занялся распоряженіями о перевозкѣ раненыхъ. Вотъ его приказъ по этому предмету, данный маршалу Мортье, герцогу Тревизскому.

„Какъ скоро герцогъ Тревизскій кончитъ свои операціи въ Москвѣ, т. е. 23-го числа, въ три часа утра, онъ выступитъ оттуда, а 24-го придетъ въ Кубинское; отсюда, минуя Можайскъ, онъ направится на Верею, куда вступитъ 25-го. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ служить посредникомъ между герцогомъ Абрантесомъ, стоящимъ въ

[1]) Эта смерть, какъ узналъ я впослѣдствіи, застала ихъ очень скоро. Не далеко за Москвою наткнулись на раненыхъ казаки, которые и убили ихъ, переколовъ пиками въ фургонахъ. Де-ла-Флизъ. (Позднѣйшее примѣчаніе).

Можайскѣ, и арміею, находящеюся въ Боровскѣ. Нелишнимъ будетъ отправлять офицеровъ на Ѳоминское для извѣщенія насъ о своемъ походѣ. Герцогъ возьметъ съ собою баварцевъ и испанцевъ, стоящихъ въ домѣ Голицына; всѣхъ вестфальцевъ, какихъ только соберетъ, соединитъ ихъ и направитъ на Можайскъ. Если число ихъ недостаточно велико, то онъ дастъ имъ въ прикрытіе кавалерію. Герцогъ Тревизскій передастъ герцогу Абрантесу все, что касается очищенія Москвы. Необходимо списаться съ нами завтра 22-го, по тракту на Фоминское; а 23-го герцогъ напишетъ намъ въ Можайскъ. Адъютантъ его у Кубинскаго повернетъ на Фоминское, такъ какъ главная квартира 23-го числа, вѣроятно, будетъ находиться въ Боровскѣ или Фоминскѣ. Въ какой-бы день ни выступилъ герцогъ—23-го-ли или 24-го, распоряженія его должны быть одни и тѣ-же. Такимъ образомъ, герцогъ Тревизскій съ войсками своими образуетъ аріергардъ арміи. Я особенно настаиваю на томъ, чтобы раненые были разсажены по подводамъ. Римляне раздавали вѣнки за спасеніе гражданъ; такъ и герцогъ столько заслужитъ вѣнковъ, сколько спасетъ солдатъ. Пускай онъ разсадитъ больныхъ на лошадей, какъ своихъ, такъ и солдатскихъ. Какъ скоро транспортъ больныхъ присоединится къ арміи, войску герцога будутъ даны, взамѣнъ отданныхъ лошадей и повозокъ, другія. Императоръ надѣется, что спасеніемъ 500 человѣкъ герцогъ дастъ ему случай выразить ему свое удовольствіе. Онъ долженъ начать съ офицеровъ и изъ нихъ отдавать предпочтеніе французамъ. Герцогъ потрудится представить всѣмъ генераламъ и офицерамъ необходимость этихъ мѣръ, такъ какъ и то, какъ велика будетъ сія заслуга передъ императоромъ, когда они спасутъ ему 500 человѣкъ.

Наполеонъ“ [1]).

Читая этотъ приказъ, можно подумать, что онъ отданъ въ Италіи или Австріи, странахъ, гдѣ армія постоянно проходила черезъ мѣстечки, села и города, которыхъ жители принимали у себя французовъ какъ своихъ, и гдѣ, снесясь съ бургомистрами и старостами, можно было получить всякое продовольствіе. Вездѣ арміи очищали мѣсто. Но какая-же разница въ Россіи! Развѣ Наполеонъ не зналъ, что по выходѣ изъ Москвы, мы вступимъ въ пустыню, которую уже разъ проходили; что бѣжавшіе отовсюду жители теперь готовы были ринуться на насъ всею массою, или убивать отдѣльныхъ солдатъ, которые отважились-бы идти въ сосѣднія деревни

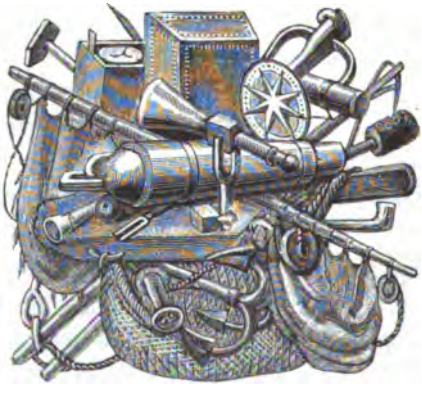
[1]) Я нашелъ этотъ приказъ и въ печати, въ исторіи похода 1812 г. Де-ла-Флизъ. (Позднѣйшее примѣчаніе).

на фуражировку? Какъ императоръ, обыкновенно столь предусмотрительный, не размышлялъ, что, за неимѣніемъ ежедневнаго продовольствія, армія подвергалась внутреннему разложенію, нарушенію дисциплины и затѣмъ страшной неурядицѣ? Какъ онъ не предвидѣлъ, что если въ лѣтнее время лошади наши питались только подножнымъ кормомъ, то чѣмъ-же ихъ придется кормить зимою, по опустошенной дорогѣ? Не явно-ли, что пропадутъ обозы, кавалерія и артиллерія? Во время этого похода, Наполеонъ часто сравнивалъ его съ походомъ въ Египетъ. Но едва-ли пески знойныхъ степей были болѣе утомительны, нежели тѣ пустыни, черезъ которыя предстояло арміи пройти, или та узкая, выжженная дорога по непріятельской землѣ, съ которой уже нельзя было никуда свернуть по всей ея безконечной длинѣ.

Де-ла-Флизъ.

Перев. съ французск. рукоп. **Е. В.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



ДНЕВНИКЪ ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1].

I.

1837—1839 гг.

„Посланіе къ брату“.—Автобіографія.—„19-ое октября 1838 г.“.—„Они моихъ страданій не поймутъ“.—„Смерть Пери“ Подолинскаго.—„Нашла коса на камень“.

Баргузинъ [2], 3-е сентября 1837 г.

Посланіе къ брату.

Минули же и годы заточенья;
А думалъ я: конца не будетъ имъ!
Податели молитвъ и вдохновенья,
Они парили надъ челомъ моимъ
И были ихъ отзывомъ пѣснопѣнья.
И что-жъ? обуреваемъ и томимъ
Мятежной грустію, слѣпецъ безумный,
Я рвался въ міръ и суетный и шумный.

***

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 333—382, 490—531, томъ XIV, стр. 75—91; изд. 1883 г., томъ XXXIX, іюль, стр. 101—128; августъ, стр. 251—272; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 71—82; февраль, стр. 339—362. Портретъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера приложенъ, въ гравюрѣ художника Ив. Ив. Матюшина, при „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., томъ LXVII, августъ, стр. 449.

[2]) Баргузинъ съ 1856-го года—окружной городъ Забайкальской области, на берегу рѣки Баргузина, въ 40 верстахъ отъ ея впаденія въ Байкалъ; въ

Не для него я созданъ. Только шагъ
Ступить успѣлъ я на священный прахъ
Пріюта тихихъ думъ — и ужъ во власти
Глухихъ заботъ и закипѣли страсти,
И духъ земли, непримиримый врагъ
Небеснаго, раздралъ меня на части;
Затрепетали свѣтлыя мечты
И скрылися предъ княземъ темноты.

***

Мнѣ тяжела, горька мнѣ ихъ утрата:
Душа же съ ними свыклась, жизнь срослась.
Но пусть! я и безъ нихъ любовью брата
Счастливъ бы былъ; съ нимъ вмѣстѣ, не страшась,
Вступилъ бы я въ борьбу—и сопостата
Мы побороли бы; нѣтъ дружныхъ насъ
Не одолѣлъ бы! — Можетъ быть и лира
Вновь оживилась бы на лонѣ мира.

***

О! почему неопытный борецъ
Рукой неосторожной грудь родную
Я сжалъ и ранилъ?—Пусть восторжествую,
Пусть и возьму столь лестный мнѣ вѣнецъ,
Ахъ! лучше бы я положилъ, пѣвецъ,
Забытый всѣми, голову сѣдую
Въ безвѣстный темный гробъ, чѣмъ эту грудь,
И безъ того больную, оттолкнуть.

***

Гдѣ время то, когда, уединенный,
Къ нему я въ даль объятья простиралъ
Когда и онъ, любовью ослѣпленный,
Меня къ себѣ подъ кровъ свой призывалъ?
Я, наконецъ, перешагнулъ Уралъ,
Перелетѣлъ твой ледъ, Байкалъ священный;
И вотъ свою суровую судьбу
Я внесъ въ его смиренную избу.

***

Судьбу того, кто съ самой колыбели
Былъ бѣдъ звѣздою всѣмъ своимъ друзьямъ;
За нихъ, подъемля руки къ небесамъ,
Молился, чтобы скорби пролетѣли
Надъ милыми, сердца ихъ я же самъ
Бывало разстерзаю. . . . Охладѣли,

бытность въ этомъ городѣ поселенцемъ В. К. Кюхельбекера, Баргузинъ былъ съ 1822 г. упраздненнымъ городкомъ; русское населеніе было очень мало, жители были бо́льшею частію бродячіе инородцы, преимущественно тунгусы.

Ред.

Заснули многіе; ты не отъятъ,
Ты мнѣ одинъ остался, другъ и братъ!

* * *

А между тѣмъ. . . Покинемъ и забудемъ,
Забудемъ бури, будто злые сны!
Не станемъ вѣрить ни страстямъ, ни людямъ;
Оставь мнѣ, отпусти мои вины;
Отнынѣ въ жизни неразлучны будемъ:
Вѣдь той-же матерью мы рождены.
Сотремъ всѣ пятна съ памятной скрижали,
Все пополамъ: и радость, и печали.

11-го сентября.

Ѣздилъ по мохъ. Физическихъ силъ, кажется, у меня больше, ,мъ когда пріѣхалъ: теперь я гребу довольно исправно.

13-го сентября.

Была мнѣ сегодня поэтическая минута: работали у меня на ердакѣ и пѣли, уныло протяжно; погода была мокрая, осенняя, читалъ я повѣсть, которая совершенно соотвѣтствовала и пѣнью, погодѣ, а именно: „Любовь и Смерть“ Брамбеуса; да заснулъ ъ пѣньемъ, погодою и повѣстью.

17-го сентября.

День Любви, Надежды, Вѣры.

Безсонница отъ заботъ; но благодарю Господа за нее; я бесѣ- ювалъ съ самимъ собою, съ совѣстью и съ минувшимъ и укрѣ- ился въ упованіи на Бога.

17-го ноября.

Опять два мѣсяца, что я не писалъ дневникъ: да писать не было о чемъ, кромѣ горя.

21-го ноября.

Вчера опредѣлился ко мнѣ работникъ, мальчикъ 15-ти лѣтъ; зовутъ его Харитономъ Чирковымъ; я его погладилъ по головѣ, онъ потомъ погладилъ и меня по головѣ-же.

Сегодня началъ я свою автобіографію.

2-го декабря.

Въ первый разъ не совсѣмъ неудачно вырабатывалъ 4-ю книгу „Вѣчнаго Жида“ [1]). Въ „Телеграфѣ“ на 1833-й годъ попалась мнѣ

[1]) Эта замѣчательная поэма Вильгельма Карловича Кюхельбекера напечатана въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., т. XXI, стр. 403—462.

Ред.

повѣсть: „Живописецъ“, которая очень недурна; особенно хор
лицо стараго иконописца. По слогу она что-то сбивается на ман
(князя В. Ѳ.) Одоевскаго.

1838 г.

14-го іюня.

12-го вечеромъ родился у меня сынъ-первенецъ, мертв
Вчера я его похоронилъ и при выносѣ далъ ему имя: Ѳеодоръ

19-го октября.

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахиллъ,
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ срединѣ поприща побѣдъ и славы,
Исполненный несокрушимыхъ силъ!
Блаженъ! лице его всегда младое,
Сіяніемъ безсмертія горя,
Блеститъ, какъ солнце вѣчно золотое,
Какъ первая эдемская заря.

**
*

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей,
Стою въ ночи, безпомощный и хилый,
Надъ страшной всѣхъ надеждъ моихъ могилой,
Надъ мрачнымъ гробомъ всѣхъ моихъ друзей.
Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ.....
И вотъ опять лицея день священный,
Но ужь и Пушкина межъ вами нѣтъ.

**
*

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсней вамъ
И съ нихъ не затрепещутъ перси ваши.
Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши:
Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ —
Онъ нынѣ съ нашимъ Дельвигомъ пируетъ,
Онъ нынѣ съ Грибоѣдовымъ моимъ:
По нихъ, по нихъ душа моя тоскуетъ,
Я жадно руки простираю къ нимъ.

**
*

Пора и мнѣ! Давно судьба грозитъ
Мнѣ казней нестерпимаго удара:
Она того меня лишаетъ дара,
Съ которымъ духъ мой неразрывно слитъ.
Такъ! перенесъ я годы заточенья,
Изгнаніе и срамъ и сиротство;
Но подъ щитомъ святаго вдохновенья,
Но здѣсь во мнѣ пылало божество.

**
*

Теперь пора! Не пламень, не Перунъ
Меня убилъ; нѣтъ, вязну средь болота,
Горою давятъ нужды и забота
И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ.
Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
Когда-то созидалъ изъ сновъ златыхъ;
Но безъ него не трупъ-ли я бездушный
Средь труповъ столь же хладныхъ и нѣмыхъ [1]).

22-го октября.

Хочу вести опять дневникъ не совершенно по прежнему, однако, крайней мѣрѣ, отличать все, что со мною случится маломальски имѣчательнаго и сужденія о томъ, что приведется прочесть не вершенно пустаго.

Сегодня я былъ на горѣ довольно высоко; искалъ своего быка, и нашелъ. При этомъ случаѣ удалось мнѣ насладиться пре-раснѣйшимъ видомъ: всѣ окрестныя деревни и городъ, какъ на юдѣ. Усталъ я, между прочимъ, какъ собака, и потерялъ свой ушакъ.

29-го октября.

Пріѣхалъ И. И. Черныхъ съ Нижегородской ярмарки; не заходя омой и не поздоровавшись съ братьями, онъ тотчасъ прошелъ на огилу матери.

1839 г.

15-го января.

Они моихъ страданій не поймутъ.
Для нихъ смѣшенъ унылый голосъ боли,
Которая, какъ червь, таится тутъ
Въ груди моей.—Есть силы, нѣтъ мнѣ воли;
Хоть мигъ покоя дайте—нѣтъ и нѣтъ!
Вотъ вспыхнуло, я вспрянулъ, я поэтъ.
Божественный объемлетъ душу пламень,
Толпятся образы,—чудесный свѣтъ
Въ глазахъ моихъ—и все напрасно: нѣтъ!
Пропало все!—Добро бы съ неба камень
Мнѣ черепъ раздвоилъ, или Перунъ
Меня сожегъ: послѣдній трепетъ струнъ
Разорванныхъ вздохнулъ бы въ дивныхъ звукахъ,
И умерло бы, какъ грома дальній гулъ;

[1]) Было напечатано въ изд. „Русская Старина“ изд. 1870 г., мартъ, стр 293—294.

Но я увязъ въ ничтожныхъ, мелкихъ мукахъ,
Но я въ заботахъ грязныхъ утонулъ.
Нѣтъ, не страшусь убійственныхъ объятій
Огромнаго несчастья—Рокъ! души,
Ты выжмешь жизнь, не вырвешь ты души,
Но погибать отъ кумушекъ, отъ сватей—
Отъ лепета сосѣдей и друзей,
Не говорите мнѣ: „Ты Прометей!“
Тотъ былъ къ скалѣ заоблачной прикованъ —
Его тервалъ не глупый воробей,
А мощный коршунъ.

Былъ я очарованъ
Когда-то обольстительной мечтой;
Я думалъ: кончится борьба съ судьбой
И съ нею всѣ земныя испытанья,
Не будетъ сломанъ, устоитъ борецъ,
Умретъ, но не лишится воздаянья
И вырветъ напослѣдокъ свой вѣнецъ
Изъ рукъ ужасной бѣдности слѣпецъ!
Она беретъ тебя изъ стѣнъ твоей темницы,
Толкаетъ въ міръ—(вѣдь ты о немъ жалѣлъ)
А твой-то міръ исчезъ, какъ блескъ зарницы,
И быть нулемъ отнынѣ твой удѣлъ!

19-го января.

Сегодня уѣхалъ отъ насъ молодой чиновникъ, служащій по особеннымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ, по фамиліи Успенскій. Я въ его обществѣ провелъ нѣсколько очень пріятныхъ не баргузинскихъ часовъ. Въ добавокъ просилъ его кое о чемъ, съ чего, ежели удастся, начнется для меня совершенно новая жизнь.

Изъ всего читаннаго мною въ послѣднее время (а въ книгахъ я, къ счастію, не имѣлъ недостатка) мнѣ особенно понравилась Подолинскаго „Смерть Пери“, — это истинно восхитительная поэмочка, стихи тутъ чистый медъ. Не забыть и Вельтманова „Лунатика“: тутъ много Жан-Полевскаго и вмѣстѣ много совершенно русскаго.

7-го сентября.

Сегодня получилъ я напечатанный экземпляръ фарса: Нашла коса на камень.

II.

1840 г.

Крѣпость Акша. — Выѣздъ изъ Баргузина. — „Аннушкѣ въ альбомъ". — „На смерть Николая Глинки". — „Рождество". — Коцебу. — Поэтъ юнъ — дукъ-Дордро. — „Военный антикварій" Марлинскаго. — Сонъ: ставка съ Каховскимъ. — М. А. Дохтуровъ. — Луганскій и Вельтманъ. — И. И. Давыдовъ. — Собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго и письмо отъ него изъ Дармштадта. — Рожденіе сына Ивана.

19-го января.

Покинулъ я Баргузинъ. Сижу на Итанцѣ у Оболенскаго [1]). Разставанье было тяжко, но я долженъ былъ рѣшиться на этотъ шагъ. Храни, Господи, моего бѣднаго брата!

7-го февраля. Акша.

Поутру читалъ Евангеліе отъ Св. Матѳея на греческомъ; потомъ занимался съ моими миленькими ученицами исторіею, а послѣ обѣда навѣстилъ гробъ Аврамова [2]) и былъ у здѣшняго священника.

9-го февраля.

Вотъ стихи, которые пошлю Орлову:

Я простился съ Селенгою,
Я сказалъ: прости, Уда!
Но душа летитъ туда,
Гдѣ я сблизился съ тобою,
Гдѣ, философъ и поэтъ,
Ты забылъ коварный свѣтъ.
Тамъ, гдѣ подалъ ты мнѣ руку,
Тамъ и я, было, забылъ
Жребій свой, изгнанья муку...
Я взглянулъ, полуунылъ:
Чувствъ прервалось усыпленье;
Пробудилось на мгновенье
Что-то прежнее во мнѣ;
Пронеслось, будто во снѣ,
Прежній, другъ мой, вдохновенье и т. д.

---

[1]) Декабристъ—князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, † 26-го февраля 1865 г., въ Калугѣ.

[2]) Декабристъ Иванъ Борисовичъ Аврамовъ, бывшій поручикъ генеральнаго штаба, убитъ, вмѣстѣ съ Лисовскимъ, разбойниками въ бытность на поселеніи.

Ред.

11 февраля 1840 г.

Аннушкѣ въ альбомъ.

Если путникъ утомленный
Обрѣтетъ въ степи сухой
Цвѣтъ душистый и смиренный,
Воскресаетъ онъ душой:
Обѣщаетъ цвѣтъ прекрасный
Вечеръ сладостный и ясный
Послѣ тягостнаго дня.
„Ждетъ меня ручей прохладный,
Роща подъ свой щитъ отрадный
Приметъ до утра меня!“
Такъ шепнулъ пришлецъ усталый
И сорвалъ цвѣточикъ алый,
И къ устамъ его прижалъ.
Другъ!—и я, было, усталъ:
Горьки были испытанья.
Ношу тяжкаго страданья
Средь пустынь и тундръ и скалъ
Я влачилъ въ краю изгнанья;
Вдругъ ко мнѣ спорхнула ты
Будто съ горней высоты
Ангелъ мира, ангелъ свѣта.
Изъ-за грозныхъ, черныхъ тучъ,
Мнѣ мелькнулъ веселый лучъ,
Лучъ радушнаго привѣта.
Долъ угрюмой темноты
Вкругъ меня ты озарила
Блескомъ дѣтской красоты.
Мнѣ дала обратно силы,
Я съ судьбой мирюся вновь:
Здѣсь знакомымъ чѣмъ-то вѣетъ,
Здѣсь моей семьи любовь
Душу трепетную грѣетъ.

12-го февраля.

Перепишу двѣ піесы, которыя я написалъ, одну еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Уринскомъ селеніи, когда молотили мой хлѣбъ, а другую въ Верхнеудинскѣ. — Первая на смерть моего незабвеннаго Николая (Глинки), другая на Рождество для атаманскаго Петиньки.

1.

Ты жилъ, ты подавалъ блестящія надежды,
Ты вдругъ исчезъ, ты не исполнилъ ихъ;
Предъ рокомъ мы стоимъ, унылые невѣжды,
И говоримъ: „зачѣмъ покинулъ ты своихъ?

Зачѣмъ разстался съ жизнью молодою
И слѣда не оставилъ на землѣ?“
Ты былъ для насъ отрадною звѣздою
Въ житейской, безотрадной мглѣ.
Звѣзда погасла: огненной струею,
Разрѣзавъ небо, твой мгновенный свѣтъ,
Подобно быстрому, ночному метеору,
Пронесся по обзору
И мы глядимъ и — нѣтъ! и т. д.

2.

Христосъ родился: съ неба онъ
Принесъ намъ жизнь, принесъ законъ
Любви, спасенья, благодати —
И образъ воспріялъ дитяти.
Чтобъ нашу гордость побороть,
Младенцемъ слабымъ сталъ Господь;
Онъ, грозный Судія вселенной,
Въ дому родительскомъ возросъ,
Послушный отрокъ и смиренный.
И началъ проповѣдывать Христосъ:
И чтожъ? Божественный учитель,
Владыко Ангеловъ и силъ,
Сынъ Божій, смертныхъ Искупитель,
Ласкалъ младенцевъ и любилъ;
Дѣтей въ объятья принимая,
Лобзая ихъ, онъ говорилъ:
„Внемли, надменный! въ двери Рая
Вступить желаешь-ли? вотъ путь
(Инаго нѣтъ): младенцемъ будь!“
— И я младенецъ: мой Спаситель
Меня и любитъ, и хранитъ!
Такъ! нынѣ тамъ Его обитель;
Но онъ и слышитъ все и зритъ,
Онъ наши мысли, чувства знаетъ,
Онъ въ мракѣ нашихъ душъ читаетъ;
Мою молитву приметъ Онъ:
Пусть соблюду Его законъ,
Пусть будутъ чужды мнѣ до гроба
Пронырство, лесть, коварство, злоба!
Пусть до могилы буду я
И сердцемъ, и душой дитя.

16-го февраля 1840 г.

Были у насъ въ Акшѣ бѣги; на масляной, говорятъ, будетъ много. Въ вечеру бостонили мы у Истомина.

18-го февраля

Хотѣлъ, было, продолжать „Ижорскаго“ [1]), но еще не было ческаго электрическаго удара, а просто обдумать планъ не дѣло: все, что я когда-нибудь обдумывалъ зрѣло и здраво, лош и не оставляло по себѣ ни слѣда.

Вчера я прочелъ „Фельдкюмелеву свадьбу“ Коцебу. Пра у Коцебу было необыкновенное комическое дарованіе. Теперь вош въ моду его ругать и презирать, но, ей Богу, бо̀льшая часть чва ныхъ и заносчивыхъ умниковъ, которые имъ пренебрегаютъ, с разъ хохотали до слезъ за его фарсами, если только въ нихъ столь ума, чтобы понять истинно смѣшное.

21-го февраля.

Въ $^3/_4$ 12-го началось здѣсь частное солнечное затмѣніе; съ юго западной стороны солнечной сферы тѣнь луны обошла на югъ востокъ, сѣверо-востокъ и сошла совсѣмъ съ солнца на сѣверо-сѣверо восточной сторонѣ въ 4 минуты 2-го часа. День былъ довольн теплый, но во время затмѣнія сдѣлалось чувствительно холоднѣе Братскіе увѣряютъ, что затмѣніе предзнаменуетъ снѣгъ. Въ кален даряхъ ламъ есть вычисленія затмѣній впередъ, точно какъ и въ нашихъ.

Истоминъ мнѣ сказывалъ, что на Кислыхъ водахъ, во 100 вер стахъ отселѣ, въ какомъ-то большомъ утесѣ высѣчена огромная пещера, въ которой родъ каменнаго ложа, а снаружи разноцвѣтныя надписи на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ.

28-го февраля.

Въ числѣ царственныхъ стихотворцевъ нашего времени надобно замѣтить покойнаго хана Монголіи Юнъ-дунъ-Дордзи, который, судя по разсказамъ здѣшняго учителя, долженъ былъ быть поэтомъ, едва-ли уступающимъ въ талантѣ его величеству королю Людовику Баварскому.

4-го марта.

Марлинскаго разсказъ „Военный Антикварій“, какъ все изъ-подъ пера этого писателя, живъ и боекъ, только немножечко то, что французы называютъ chargé.

---

[1]) Повѣсть В. К. Кюхельбекера.

Мой Мишинька [1]) вчера началъ дѣлать: Ладушки, Ладушки! ько онъ что-то эти дни неможетъ.

10-го марта.

Началъ свою корреспонденцію: сегодня я изготовилъ письма къ рлову, Курбатову и Разгильдѣеву. Былъ у Истоминыхъ.

„Эмма“ Полеваго занимательна; но вездѣ видно подражаніе: тъ и Жанъ-Поль, и Гофманъ, и Марлинскій, нѣтъ только одного олеваго. „Мѣшокъ съ золотомъ“ оригинальнѣе.

20-го марта.

Я сегодня былъ опять на Елозиной горѣ. Тепло и пріятно; въ аргузинѣ, я полагаю, еще такіе морозы, что только держись. Писалъ я опять Орлову. Вчера я кончилъ Mémoires de la comtesse du Barry: въ этой книгѣ очень много занимательнаго, но въ Аннушкиной библіотекѣ она не годится; надобно сказать отцу, чтобъ онъ ее отобралъ.

25-го марта.

Прекраснѣйшій весенній день. Переписываю своего Итальянца. Аннушка въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ знаю ее, огорчила меня, правда, бездѣлицею; но я принялъ эту бездѣлицу къ сердцу, именно, потому, можетъ быть, что люблю ее. Оскорбленія отъ тѣхъ, кого не люблю, могутъ меня раздосадовать, но никогда не опечалятъ.

26-го марта.

Былъ у меня тунгузскій лама, который лечитъ Наталью Алексѣевну. Онъ сказалъ, что на тунгузскомъ языкѣ 31 буква; сверхъ того, разсказалъ мнѣ, какъ они постятся по три дня, въ любое время ничего не ѣдятъ, не пьютъ и какъ можно менѣе спятъ, даже слюны не глотаютъ.

27-го марта.

Когда разъ разочаруешься на счетъ кого-бы то ни было, трудно даже быть справедливымъ къ этому лицу. Царствованіе Гёте кончилось надъ моею душою и, что бы ни говорилъ въ его пользу Гезлиттъ (въ Rev. Britt.), мнѣ невозможно опять пасть ницъ передъ своимъ бывшимъ идеаломъ, какъ то падалъ я въ 1824-мъ году и

[1]) Единственный сынъ В. К. Кюхельбекера, Михаилъ Вильгельмовичъ Кюхельбекеръ, нынѣ покойный. Ред.

какъ то заставилъ пасть со мною всю Россію. Я далъ имъ золот тельца, они по сю пору поклоняются ему и поютъ ему гим изъ которыхъ одинъ глупѣе другаго; только я уже въ тельцѣ вижу бога.

1-го мая 1840 г.

Вчера пріѣхалъ А. И. Разгильдѣевъ изъ Чинданти и прив съ собою племянника, который взялъ съ собою нѣсколько кн Grande nouvelle et grand évenement pour Akcha! Тутъ, между прочи три томика „Московскаго Наблюдателя“ на 1836-й годъ.

3-го мая.

Внесу въ дневникъ для памяти нѣкоторыя событія моей з шинской жизни, которыя инымъ очень легко могутъ показать моею собакою à l'Alcibiade, но, право, иные ошибутся.

1. Это случилось уже давно, т. е. съ мѣсяцъ тому назадъ. Бы я у вечерни. Вечерня отошла. Священникъ подзываетъ меня к себѣ,—подхожу, онъ наклоняется, я также, и что-же? вдругъ чмо и я его поцѣловалъ,—не знаю, почему показалось мнѣ, что он хочетъ поцѣловать меня; между тѣмъ, какъ онъ только хотѣ дать мнѣ просфору для Миши.

2) Въ Пасху пришли ко мнѣ съ Христославіемъ: я подошел подъ благословеніе къ священнику, а потомъ, расходясь, и к дьячку. Но лучше всего:

3) Нынѣшнее происшествіе: умеръ нѣкто старикъ Баскаковъ. У Разгильдѣевыхъ вижу человѣка, который мнѣ показался его сыномъ,—надобно же ему сказать какое-нибудь привѣтствіе, чтоб показать ему, что принимаю участіе въ его утратѣ. „Здравствуйте, дай Богъ царствіе небесное вашему батюшкѣ!“ Нат. Ал.: “да что вы, В. К.—его отецъ уже лѣтъ съ двадцать какъ умеръ!“—Я: „извин ните, отецъ дьяконъ, мнѣ показалось, что вы Баскаковъ“. А н повѣрку, это ни Баскаковъ, ни дьяконъ, а третій—Мусоринъ. Вотъ разсѣянность!

4-го мая.

Переписываю „Юрія и Ксенію“. Дай-то Богъ, чтобъ эта поэм пошла въ ходъ. Въ головѣ у меня бродитъ „Самозванецъ“ и, кажется, довольно оригинальный: Самозванецъ—волхвъ, родъ Фауста, словомъ такой, какимъ былъ Гришка въ глазахъ простаго народа.

8-го мая.

Въ „Наблюдателѣ“ прочелъ я разсказъ Гейне „Флорент. ночи“. Судя по нимъ, Гейне стоитъ своей славы: легкость, острота, бойкость необычайныя, особенно въ нѣмцѣ. Портретъ англичанъ и англійскаго языка очень хорошъ: тутъ, право, что-то истинно Вольтеровское.

12-го мая.

Сегодня ровно 14 лѣтъ моей очной ставкѣ съ К. (Каховскимъ)?— Чудный видѣлъ я сегодня поутру сонъ: будто я въ какой-то землѣ, гдѣ Рылѣевъ и Каховскій; въ добавокъ Р. будто тутъ живъ,—а между тѣмъ мнѣ разсказали его смерть: онъ, говорили мнѣ, когда объявили ему его жребій, попросилъ надѣть бѣлую рубашку и потомъ простился съ женою, дочерью въ какой-то комнатѣ, и съ тестемъ на дворѣ, куда старика привели въ кандалахъ. Дочь, при прощаньѣ, онъ взялъ на руки и сталъ поднимать все выше, выше до потолка, покуда ребенокъ не закричалъ.—Спрашивалъ я: почему же и Каховскій не надѣлъ бѣлой рубашки?—Ему позволили-бы, и былъ отвѣтъ: „Да онъ объ этомъ не просилъ“. — Тутъ мой (сынъ) Миша проснулся и разбудилъ и меня.

26-го мая.

Сегодня день рожденія покойнаго Пушкина. Сколько тѣхъ, которыхъ я любилъ, теперь покойны!

Въ душѣ моей всплываетъ образъ тѣхъ,
Которыхъ я любилъ, къ которымъ нынѣ
Ужъ не дойдетъ ни скорбь моя, ни смѣхъ!

Пережить всѣхъ—не слишкомъ отрадный жребій! Высчитать-ли мои утраты?

Геніальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоѣдовъ; Дельвигъ умный, веселый, рожденный, кажется, для счастія, а между тѣмъ несчастливый; бѣдный мой Пушкинъ, страдалецъ среди всѣхъ обольщеній славы и лести, которою упоили и отравляли его сердце; прекрасный мой юноша, Николай Глинка, который-бы былъ великимъ человѣкомъ, если бы не роковая пуля, онъ, въ которомъ было болѣе глубины, чѣмъ въ Дельвигѣ и Пушкинѣ и даже Грибоѣдовѣ, хотя имя его и останется неизвѣстнымъ! И почти всѣ они погибли насильственною смертью; а смерть Дельвига, смерть отъ тоски и грусти, чуть-ли еще не хуже!—Кто у меня остался? Матушка, нѣкогда женщина необыкновенная, нынѣ

развалина, и ей 84-й годъ. Сестра Юстина Карловна [1]), слава Богу, хоть она, но все-же это не матушка; конечно, у ней чувства много, но нѣтъ этого удивительнаго, поэтическаго воображенія, которымъ и за 70 лѣтъ еще моя старушка молодѣла и очаровывала; а предразсудки! Другая сестра—доброе, милое существо, но и просвѣщеніемъ и умомъ слабѣе Юстины: нѣтъ, такихъ женщинъ, какова была матушка, право не много; я не зналъ ни одной подобной!—Братъ; мы другъ друга не понимаемъ [2])! Вотъ и всѣ, и со всѣми я разлученъ!

31-го мая 1840 г.

Ходилъ я съ дѣвицами на Козлову гору и дорогою разсказывалъ имъ сказку Гофмана: Der Sandmann. Флора здѣшняя прелестна.

4-го іюня.

Вчера и третьяго дня шелъ безперерывный дождь; сегодня тепло и сухо. Такого благодатнаго лѣта я еще въ Сибири не видалъ.

Прочелъ я въ „Bib. un." статью какого-то англичанина, гдѣ онъ, какъ дважды два четыре, ясно доказываетъ, что русскимъ не возможно ни въ чемъ успѣть за Балканами; на дѣлѣ вышло не то.

11-го іюня.

Чудное созданіе человѣкъ!—Какъ въ насъ неодолима склонность вѣрить предсказаніямъ, особенно, разумѣется, благопріятнымъ, хотьбы они были и нелѣпы, хоть-бы мы и ясно видѣли, что они пустяки!—Такъ, напримѣръ, вчера мой пріятель лама Мурай предсказалъ мнѣ долголѣтіе, и я очень склоненъ ему вѣрить.—Между тѣмъ, что его пророчество вздоръ, я не только ужъ потому долженъ былъ видѣть, что оно основано на хіромантіи и на пульсѣ, но и что онъ при томъ, разсмотрѣвъ мою руку, примолвилъ, что я долженъ бы быть счастливъ и что не понимаетъ, какъ я попался въ Сибирь! Прошу покорно: *я* и — *счастливъ!*

22-го іюня.

Провелъ недѣлю, въ которую отсталъ отъ всѣхъ своихъ занятій, за то познакомился съ очень милымъ человѣкомъ, М. А. Дохтуровымъ. Это тотъ самый маленькій русскій докторъ, the little russian

---

[1]) Умерла въ 1872 году.

[2]) Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ, бывшій до 1826 г. лейтенантъ гвардейскаго морскаго экипажа. Декабристъ Умеръ послѣ амнистіи, въ Баргузинѣ, въ 1859 г. Онъ оставилъ по себѣ шесть дочерей. Ред.

ctor, о которомъ говоритъ Байронъ, знакомецъ милорда стихо-
орца, Травельнея и теперь мой; онъ перебывалъ въ университе-
хъ дерптскомъ, берлинскомъ, гейдельбергскомъ, въ плѣну въ Истам-
лѣ, лекаремъ въ Одессѣ, въ Петербургѣ, наконецъ, въ нерчин-
нхъ заводахъ,—сынъ онъ графини Толстой, племянникъ извѣст-
го генерала, былъ когда-то адъютантомъ Закревскаго, знаетъ по
ѣмецки, итальянски, французски, восточные языки, латинскій,
ово-греческій, пишетъ стихи, рисуетъ, стрѣляетъ мѣтко изъ писто-
ета, фигурка маленькая, черномазенькая, сыплетъ анекдотами,
иберальничаетъ немножечко и философствуетъ, уменъ, любезенъ,
спыльчивъ, благороденъ, скупъ—словомъ европеецъ.—Лицемъ онъ
емножечко похожъ на покойнаго А. А. Шишкова.

Вотъ стихи, которые написалъ я ему на память:

Такъ, знаю: въ радужные дни
Утѣхъ и радостей, въ круженьи свѣта
Не вспомнишь ты изгнанника поэта;
Хоть въ непогоду друга помяни!
Молюсь, чтобы страданья и печали
Летѣли и тебя въ полетѣ миновали;
Но не былъ никому дарованъ вѣкъ
Всегда безоблачный и ясный;
Холопъ судьбы суровой человѣкъ:
Когда настанетъ мракъ ненастный
И надъ твоею головой,
Пусть объ руку съ надеждою и вѣрой,
Какъ просвѣтъ среди мглы взволнованной и сѣрой,
Тебѣ предстанетъ образъ мой.

26-го іюня.

Вчера проводили мы нашего добраго Александра Ивановича до перевоза, что за волостью;—съ нимъ уѣхалъ и Дохтуровъ. Жаль было бѣднаго казака, какъ онъ надъ своими дѣтьми плакалъ; изъ дѣтей мнѣ, особенно, было жалѣ Аннушки. Вотъ стихи, которые Дохтуровъ написалъ мнѣ на память:

Ужъ я опять, опять на тризнѣ
На безотрадной, роковой
По призракахъ минувшей жизни,
По грезахъ жизни молодой.

За этою строфою слѣдуетъ нѣсколько, которыя просто ни на что не похожи; а потомъ двѣ, одна истинно прекрасная, другая, которая, если она внушена только искренностью, должна меня очень и очень утѣшать:

Минута жизни, но удалой
Отраднѣй многихъ тяжкихъ лѣтъ;
И лучше гибнуть, но со славой,
Чѣмъ прозябать безъ бурь и бѣдъ.

* *
*

О, не жалѣй же о свободѣ,
Ни о быломъ, знакомецъ мой,
Ты вѣченъ въ памяти народа,
А я все въ гробъ возьму съ собой.

13-го іюля 1840 г.

Дневникъ пишу лѣниво, да, право, нечего писать: книгъ нѣтъ, стихи или не пишутся, или некогда. Ужели здѣсь еще хуже будетъ, нежели въ Баргузинѣ? Враговъ-таки я успѣлъ же себѣ нажить: злѣйшій — Дунька, которую мы сюда привезли; она вредитъ намъ гдѣ только и какъ только можетъ.

Перечелъ я Луганскаго (Влад. Ив. Даля) Бакея и Маулену, славная вещь, хотя и не повѣсть..... Луганскій и Вельтманъ, право, самые даровитые изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей.

21-го іюля.

Вотъ очень недурной анекдотъ-притча, который вчера разсказалъ мнѣ нашъ священникъ:

— „Молодой человѣкъ исповѣдуется у какого-то отшельника, разсказываетъ ему нѣсколько крупныхъ грѣховъ и на вопросъ старца, не знаетъ-ли еще что за собою, отвѣчаетъ: нѣтъ. Духовникъ настаиваетъ, но кающійся на всѣ увѣщанія, чтобы постарался вспомнить, повторяетъ: „нѣтъ, да нѣтъ“. „Хорошо же, говоритъ монахъ. Вѣрю тебѣ, чадо, что точно съ умыслу ничего не утаиваешь, но яви мнѣ послушаніе: ступай въ поле и собери мнѣ, сколько можешь, камней, да принеси ихъ сюда въ келью“. Сказано—сдѣлано: юноша принесъ разной величины камней, сколько только могъ. Отшельникъ похвалилъ его и велѣлъ ему нести ихъ назадъ и положить каждый на свое мѣсто. Пошелъ, но вскорѣ воротился послушникъ и болѣе половины камней высыпалъ снова передъ старцемъ: они всѣ были мелкіе. „Большихъ мѣсто“, говоритъ онъ, „я отыскалъ а вотъ этихъ, отче, воля твоя, не припомню“. „То-же самое, сынъ мой, и съ грѣхами, тутъ подхватилъ духовникъ,—мѣсто, время и обстоятельства тѣхъ, которые считаешь, что они побольше, ты не забылъ: по нимъ и вспомнилъ самые грѣхи. Но не думай, что ты безгрѣшенъ и въ тѣхъ, которыхъ не можешь припомнить, вмѣсто они чуть-ли не тяжелѣе крупныхъ“.

24 го іюля.

То, чего уже давно боюсь, приближается. Матушка въ апрѣлѣ была при смерти больна: она пріобщалась Св. Таинъ, но этотъ разъ, слава Богу, ея здоровье поправилось. Сумраченъ, мой Господи! и вечеръ дней моихъ: одинъ за другимъ всѣ меня покидаютъ, всѣ тѣ, которыхъ я любилъ!

Не радуетъ меня прекрасный твой міръ, мой Боже! Я столько и столькихъ любилъ и столькихъ утратилъ, что, право, усталъ, утомился даже отъ печали, не могу даже и ей предаться съ тѣмъ послѣднимъ наслажденіемъ, которое, наконецъ, одно остается тому, кто все переотвѣдалъ; я ее теперь боюсь, а, бывало, любилъ и въ такомъ-то расположеніи души черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ прочту я вѣсть, что нѣтъ уже той, которая мнѣ была всего дороже въ мірѣ!—Поневолѣ пожелаешь: ахъ, еслибы не дожить до этой вѣсти!

27-го іюля.

Что-то завтра будетъ? Ждутъ губернатора; мнѣ съ нимъ надобно поговорить объ очень важномъ и щекотливомъ дѣлѣ.

28-го іюля.

Сегодня, въ день рожденія моего Миши, пріѣхалъ губернаторъ и привезъ мнѣ очень отрадное письмо отъ Сельскаго. Рупертъ принялъ посвященіе моихъ „Шуйскихъ“ и хлопочетъ о томъ, чтобъ ихъ напечатать; самъ Сельскій, кажется, нѣсколько совѣстится и, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вышлетъ мнѣ часть моихъ денегъ. Губернаторъ очень милый человѣкъ: онъ мой старый знакомецъ и помнитъ, какъ мы обѣдали съ нимъ вмѣстѣ во дворцовомъ караулѣ у брата. Ложусь спать въ тотъ самый часъ, когда я услышалъ первый крикъ Миши!

1-го августа.

Мало радостнаго было со мною во всѣ эти дни. Миша мой боленъ и хуже, чѣмъ когда-нибудь: самъ я отказался его лѣчить; пользуетъ его Татьяна Ивановна: будетъ-ли лучше? Жена возненавидѣла жизнь; и я, признаюсь, жажду покоя. Если Миша будетъ моимъ предшественникомъ въ тотъ міръ, пусть его чистенькая душенька скажетъ моимъ, что отецъ скоро, скоро будетъ! Въ нянькахъ была у меня старая вѣдьма, настоящая шекспировская колдовка; она, обобравъ меня, отошла; теперь дѣвчонка; зовутъ Маланьей: дай-то Богъ, чтобъ ужилась!

22-го августа 1840 г.

Вчера и сегодня по ночамъ сильныя грозы и въ воздухѣ необычайная духота.

Читать нечего, а, право, хотѣлось-бы. Перебралъ я ящикъ съ бумагами, сколько тутъ разныхъ впечатлѣній! сколько испытаннаго, перечувствованнаго, забытаго или такого, о чемъ и вспомнить тяжело! Тяжело вспомнить не однѣ заблужденія, но и тѣ ощущенія невозвратныя, которыя волновали мою душу когда-то при первыхъ наитіяхъ набожности, любви къ ближнимъ, тоски по родныхъ, по тѣхъ, изъ которыхъ судьба меня потомъ кое съ кѣмъ опять привела въ болѣзненное столкновеніе! Все это прошло и ужъ не воскреснетъ!—что же осталось въ душѣ моей? Ужели одно безпредѣльное желаніе покоя? Nolli me tangere!—Болѣе ничего не хочу, все прочее—восторги поэзіи и вѣры, любовь, дружба, самая грусть—все мнѣ пріѣлось. Боже мой! или это состояніе долго продолжится?

28-го августа.

Кому мои отмѣтки, напр., о книгахъ пригодятся? Мишѣ-ли, если онъ переживетъ меня? Развѣ только ему! Впрочемъ-то и книгъ-то прочелъ я очень не много въ теченіи моего 15-ти лѣтняго странствованія по крѣпостямъ Россіи и степямъ Сибири.

Въ день, когда за 13 мѣсяцевъ родился мой Миша, начну новый дневникъ; сознаюсь, что это по чувству суевѣрія. Его рожденіе и годовщина его рожденія принесли мнѣ счастіе, вотъ почему и желаю думать, что въ тетради, въ которой стану записывать примѣчательные случаи моей жизни со дня его рожденія, встрѣтится этихъ случаевъ болѣе счастливыхъ, нежели несчастныхъ.

Укрѣпи меня, Боже, на стезѣ жизни! дай мнѣ упованіе, что ведешь все къ лучшему, и чтобы не было въ моемъ дневникѣ такихъ отмѣтокъ, какъ предпослѣдняя!

5-го сентября.

Слава Богу,—я, говоря по сибирскому, сегодня отстрадался, т. е. кончилъ жатву и сѣнокосъ.

Комедія Коцебу: Бюро и драма: Аббатъ Л'Эпе напомнили мнѣ лицей: драму-то воспитанники втораго выпуска, наши преемники, представляли въ какой-то праздникъ, на которомъ и я былъ, еще при добромъ нашемъ директорѣ Е. А. Энгельгардтѣ; а комедію, вмѣсто Корнелія Непота, читалъ съ нами, до слабости добрый (чтобъ не болѣе сказать), нашъ профессоръ А. И. Галичъ.

10-го сентября.

Мишинька начинаетъ ходить: стоитъ онъ ужъ безъ помощи и ступаетъ шага три или четыре.

Ты мой милый сынъ,—если Господь продлитъ жизнь твою,— тешь и эту отмѣтку, можетъ быть, тогда, когда давно истлѣютъ ти твоего несчастнаго отца. Помни же, какъ я тебя любилъ, ъ всякое твое развитіе радовало мое сердце, которому мало о дано радостей въ жизни!

14-го сентября.

Пріѣхалъ сюда новый вахтеръ и привезъ мнѣ поклонъ отъ пошникова. Подчивалъ онъ своими книгами, а именно: Милор-ъ Георгомъ, Венеціеномъ etc., однако, я ихъ возьму и, если и прочту, то хоть пересмотрю.

19-го сентября.

Пріѣхали сюда: въ 1-хъ, патеръ Дизидерій, католическій свя-нникъ, и давно ожидаемый Успенскій съ каммеръ-юнкеромъ вовымъ.

20-го сентября.

Я провелъ время пріятно, особенно со Львовымъ; но поступилъ ень не осторожно, чтобъ не сказать болѣе.

21-го сентября.

Слышалъ, какъ Львовъ играетъ на скрипкѣ;—почти столь-же, къ самая музыка, занимали меня выражавшія глубокое чувство ца Аннушки и Истомина; прочимъ cette belle musique ne faisait ni aud, ni froid, но довольно, что и двое сильно, живо были тронуты. это не бездѣльное торжество!

Львовъ, кажется, имѣетъ ко мнѣ довѣренность и я всею душою очу вѣрить въ его душу. Il n'y a rien de plus beau, que la foi, ême si l'on se trompe dix mille fois.

23-го сентября.

Сегодня уѣхалъ Львовъ.

25-го сентября.

Перечитываю отъ скуки Дмитріева.

26-го сентября.

Что сказать мнѣ о Дмитріевѣ? Онъ очень неровенъ. Лучшее, что онъ написалъ, мнѣ кажется,— сатиры: особенно посланіе Попа къ Арбутноту отличается силою и легкостію; переводъ Ювеналовой

сатиры также богатъ сочными стихами. Басни гораздо ниже Крыловскихъ и по содержанію и по слогу. Еще слабѣе лиро-эпическія стихотворенія: Освобожденіе Москвы, Ермакъ, Къ Волгѣ. Сказки выше басенъ; особенно мнѣ всегда нравилась картина, которую покойный Дельвигъ очень любилъ; кстати скажу, что, перечитывая Дмитріева, я безпрестанно вспоминалъ Дельвига: какъ часто и много мы съ нимъ читали и перечитывали старика! И должно сказать, что мы оба ему многимъ обязаны.

5-го октября 1840 г.

Пріѣхалъ Дрейеръ и привезъ мнѣ назадъ изъ Селенгинска мои книги и рукописи, да письма отъ Бестужевыхъ: письмо Николая [1]) я не очень доволенъ, особенно досадны commérages Орлова.

7-го октября.

Послѣ очень и очень непріятнаго вчерашняго дня я сегодня веселился, какъ ребенокъ. Истоминъ для насъ затѣялъ un petit bal de famille et imaginez vous, я, старый хрычъ, плясалъ безъ отдыху кадрили, мазурки, вальсы и Богъ знаетъ что еще, разумѣется, путалъ фигуры какъ нельзя лучше: но, право, мы болѣе веселились, чѣмъ на иномъ чопорномъ городскомъ настоящемъ балу.

21-го октября.

Наконецъ, привелось мнѣ въ дневникѣ говорить не о Коцебу, не о Шписсѣ, не о Поль-де-Кокѣ, а о Жуковскомъ, котораго 4-е изданіе попалось мнѣ въ первый разъ въ руки въ 1840 году. Въ Ленорѣ есть превосходныя строфы; она, безъ сомнѣнія, выше и Людмиллы и Ольги Катенина; есть кое-какія и слабыя мѣста,— но въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго. Передѣлка Батрохоміомахіи въ своемъ родѣ—прелесть, особенно спасибо поэту, что онъ такъ удачно воспользовался русскою сказкою въ лицахъ: „Какъ мыши кота погребаютъ“. Сказка о спящей царевнѣ, мнѣ кажется, нѣсколько слабѣе Пушкинскихъ хореическихъ сказокъ. Зато Царь Берендей очень и очень хорошъ; изъ новаго это послѣ Кота-Мурлыки самое лучшее. Перчатка образцовый переводъ, хотя

[1]) Декабристъ Николай Александровичъ Бестужевъ—одинъ изъ умнѣйшихъ и даровитыхъ русскихъ людей своего времени; род. 13-го апрѣля 1791 г., умеръ въ Селенгинскѣ 15-го мая 1855 г.; до 1826 г., капитанъ-лейтенантъ 8-го флотскаго экипажа; писатель, первый по времени историкъ флота.
Ред.

кажется размѣръ подлинника и не соблюденъ. Даже анекдотъ—Неожиданное свиданіе разсказанъ умилительно, прекрасно. Двѣ были и еще одна (съ аллеманскаго) не безъ большаго достоинства, однако, по моему, уступаютъ старому моему знакомцу Красному Карбункулу. Жуковскій едва-ли не примирилъ меня опять съ экзаметромъ, впрочемъ, все-же не до такой степени, чтобъ я самъ сталъ когда-нибудь опять имъ писать или даже одобрилъ его экзаметрическіе переводы Фридолина и Сраженія съ змѣемъ Шиллера, въ которыхъ рифма и романтическій размѣръ не одни украшенія, а нѣчто такое, съ чѣмъ душа моя свыклась съ самаго младенчества. Жена à propos de царевича Бѣлая Шубка говоритъ что бѣлыя мыши въ Баргузинѣ не рѣдкость.

23-го октября.

Есть два рода занимательности: когда читаешь книгу и не бросаешь ее, потому что хочешь узнать, — чѣмъ-то все это кончится, или, когда какое-нибудь твореніе уже знаешь, когда только для того перечитываешь его страницы, чтобъ опять насладиться тѣми изъ нихъ, которыя при прежнихъ чтеніяхъ шевелили тебѣ душу.

Нѣтъ спору, что діалогъ французской трагедіи Расина, вообще, не очень естественъ: въ немъ слишкомъ много круглоты, слишкомъ мало небрежности, слишкомъ мало перерывовъ и живости, il est trop apprêté, trop epique, die Sprache wird zum Gesang, какъ говоритъ Шиллеръ, но черезъ чуръ.—Однако, въ Британникѣ эта принужденность, эта неестественность кстати: Агриппина, какъ тщеславная женщина, должна любить репрезентацію, должна любить слушать самое себя и любоваться своими фразами;—Неронъ еще притворщикъ, еще лицемѣръ, а лицемѣры всегда были охотники до тирадъ; Бурръ не можетъ еще отстать отъ привычки проповѣдовать, которую пріобрѣлъ во время своего менторства; а Сатанѣ-Нарциссу также не возможно обойтись безъ велерѣчія.—Всѣ эти говоруны придаютъ діалогу трагедіи нѣкоторое единообразіе; но ни въ одной изъ извѣстныхъ мнѣ французскихъ театральныхъ піесъ это единообразіе не извинительнѣе, чѣмъ въ Британникѣ, потому что оно основано на характерѣ дѣйствующихъ лицъ и, что всего удивительнѣе, не лишаетъ его даже того интереса, который съ перваго взгляда ему противорѣчитъ.

30-го октября 1840 г.

Прочелъ я Наставленіе правильно состязаться съ Раскол никами, сочин. въ Рязанской семинаріи.—Если только все прав бо̀льшая часть раскольничьихъ сектъ до невѣроятности нелѣпы даже гнусны. Впрочемъ, audiatur et altera pars.—Авторъ иног довольно забавенъ, когда онъ въ случаяхъ, въ которыхъ просто б надобно было сказать дуракамъ, что они дураки, — преважно при водитъ резоны, а въ другихъ, гдѣ бы не худо было приводит доказательства, не кстати ругается и только и твердитъ: „никак нѣтъ! мы православные, а вы еретики".—Человѣка, который теб считаетъ еретикомъ, не переувѣришь, хотя бы ты сто разъ повто рялъ: я православный!

6-го ноября.

Я всегда считалъ Гаѳолію совершеннѣйшимъ твореніемъ Расина —и теперь остаюсь при этомъ мнѣніи; тутъ все безподобно: обоего роду занимательности, о которыхъ помянулъ я въ отмѣткѣ 23 ок тября, здѣсь соединены въ высокой степени; характеры въ тѣсной рамѣ французской трагедіи обрисованы мастерскою рукою: всѣ не исключая и наперсника Маѳанова, Навома—живые люди, а не маріо неты, и разнообразны до чрезвычайности. Лучшимъ мѣстомъ, если только можно выбирать во множествѣ превосходныхъ, то когда Іоадай бросается въ ноги Іоаса.—О стихахъ уже ни слова: это совершенство, которое должно привести въ отчаяніе всякаго пишу щаго стихи. Баязетъ—одна изъ любимыхъ піесъ Грибоѣдова—Барон Брамбеусъ, вѣрно, ея не любитъ за несоблюденіе восточныхъ нра вовъ.—Я ужъ гдѣ-то въ дневникѣ высказалъ свое мнѣніе объ этих смѣшныхъ и ребяческихъ требованіяхъ нашихъ недавно оперив шихся ученыхъ, оріенталистовъ, индологовъ etc.—Характерами Баязетъ нѣсколько слабѣе Гаѳоліи; но Акоматъ и Роксана безподобны.— Свиньина романъ не совсѣмъ вздоръ и не совсѣмъ хорошъ: скачки огромные; есть, однако, мѣста недурныя.

Прочелъ замѣчанія Наполеона о походахъ Тюреня, а теперь читаю его же замѣчанія о походахъ Фридриха.

Дерзко говорить мнѣ, не военному, о книгѣ величайшаго изъ полководцевъ, въ которой онъ обсуживаетъ дѣла двухъ изъ самыхъ знаменитыхъ вождей Европы. Но—она занимательна и для профана. Еще осмѣлюсь замѣтить, что кажется, будто Наполеонъ радушнѣе хвалитъ Тюреня, нежели Фридриха. Въ строгихъ приговорахъ, которые произноситъ великій человѣкъ Финку и Фуке, видѣнъ императоръ, не забывшій еще капитуляціи Дюпона, а въ

одномъ, другомъ мѣстѣ живо помнящій—поступки Моро, Бернадотта и **саксонцевъ** въ Лейпцигскую битву.

9-го ноября.

Кюхельбекеръ въ Акшѣ получилъ письмо отъ **Жуковскаго** изъ Дармштадта и письмо, которое показываетъ высокую благородную душу писавшаго.—Есть же, Боже мой, на твоемъ свѣтѣ—люди!—Сверхъ того, онъ прислалъ мнѣ свои и **Пушкина** сочиненія.

Письмо Жуковскаго писано въ день рожденія Миши, а получено на другой день Михайлова дня.

22-го ноября.

Съ 18-го по нынѣшній день жилъ я въ Варашантѣ и молотилъ **хлѣбъ**. Всего у меня $114^1/_2$ пудовокъ. Къ тому прикупилъ я у **Николая Фильшина** еще 10 пудъ, сюда же привезъ 93, такъ что у меня на заимкѣ осталось для посѣва $31^1/_2$ пуда.—Въ Варашантѣ было скучно и тоскливо; по вечерамъ Александръ сказывалъ намъ сказки; перечелъ я въ Шиллерѣ записки Вьельвиля и статью о междоусобіяхъ во Франціи по смерть Карла IX; сверхъ того, начало 30-лѣтней войны.

6-го декабря.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ я ожидалъ сегодняшняго дня: надобно было непремѣнно заплатить кое-кому 20 рублей, а взять ихъ совершенно было не у кого.—Но, милый сынъ мой (для тебя, въ особенности, пишу этотъ дневникъ), я столько въ жизни испыталъ явныхъ доказательствъ Божіей помощи, что не отчаявался и надѣялся на совершенно неожиданную какую-нибудь выручку. Это такъ и случилось: два добрыхъ человѣка, А. Я. Поповъ и бѣдняжка **Саличевскій** заплатили за меня этотъ долгъ.

12-го декабря.

Давно не писалъ я своего дневника; всѣ эти дни были изъ тѣхъ, о которыхъ моя родимая, бывало, говорила словами Эклесіаста: sie gefallen mir nicht.

Сегодня 15 лѣтъ тому назадъ родилась Аннушка, итакъ, когда 14-го декабря 1825 г. меня постигло мое огромное несчастіе, существовалъ уже двухдневный младенецъ, которому суждено было быть моимъ утѣшеніемъ, чрезъ 15 лѣтъ, здѣсь, въ краю моего изгнанія.

22-го декабря 1840 г.

Вчера поздно вечеромъ Господь далъ мнѣ сына.

26-го декабря.

Окрестили сына моего и нарекли ему имя Иванъ по дѣдушкѣ.

III.

1841 годъ.

„Утренняя заря", альманахъ Владиславова.—„Герой нашего времени", романъ М. Ю. Лермонтова. — Бѣлинскій. — Я. К. Гротъ. — „Отечественныя Записки" изд. А. А. Краевскаго. — Подолинскій. — Князь Шаховской и Озеровъ.—Ив. Ив. Козловъ.—„Менцель", статья Бѣлинскаго.—Критика и библіографія „Отечественныхъ Записокъ".—„Баю-баюшки-баю!"—„Камчадалка", романъ Калашникова.—Стихотворенія барона Дельвига. — Дѣло Лунина. — Тунгузскій бурханчикъ.—Драмы Шекспира.—Н. И. Любимовъ.—Стихотворенія А. С. Хомякова.—Тридцатилѣтняя годовщина основанія лицея.—Вельтманъ.

5-го января.

Настрадались мы отъ холоду; теперь всѣ: я съ женой, и съ дѣтьми, и съ семействомъ Улиты живемъ въ избѣ, тутъ же и работникъ, въ горницѣ жить невозможно.

20-го января.

Жена меня просила отмѣтить, что Ванюшка въ первый разъ усмѣхался.

24-го января.

Прислали прекрасный по картинкамъ и типографической роскоши Альманахъ: Утренняя Заря.

26-го января.

Прелестная повѣсть: Божіи Дѣти, съ малороссійскаго, составляетъ почти единственное литературное украшеніе Утренней Зари; все прочее, что я тутъ до сихъ поръ прочелъ: и стихи и проза, не исключая 4,438-го, кажется, года (кн. В. Ѳ.) Одоевскаго довольно пошло, а кое-что ниже посредственнаго.

5-го февраля.

Наталья Алексѣевна получила нѣсколько номеровъ „Сына Отечества" и „Отечественныхъ Записокъ" изъ Нерчинска.—Примѣчательнѣе всего тутъ мнѣ показался разборъ Лермонтова романа:

Герой нашего времени (въ Отеч. Зап.). Разборъ самъ по себѣ хорошъ, хотя и не безъ ложныхъ взглядовъ на вещи, а романъ, варіяція на Пушкинскую сцену изъ Фауста, обличаетъ (pour employer une expression à la mode)—огромное дарованіе, хотя и односторонность автора. Не смотря на эту односторонность, я, судя уже и по рецензіи, принужденъ поставить Лермонтова выше Марлинскаго и Сенковскаго, а это люди, право, — недюжинные. Итакъ матушка Россія, — поздравляю тебя съ человѣкомъ!—Радъ, ей Богу, радъ,—хотя..... Но пусть дополнятъ это хотя другіе.

11-го февраля.

Кромѣ Лермонтова меня познакомилъ Краевскій еще кое съ какими людьми съ талантомъ: съ Кольцовымъ, Огаревымъ, Гротомъ. Вотъ рукопашный бой изъ Гротова (Якова Карловича Грота) перевода Тегнеровой поэмы:

„Какъ волны понеслися
Другъ на друга они,
И будто бы срослися
Стальныя ихъ брони.
***
Такъ два медвѣдя бьются
Надъ снѣжною скалой;
Такъ два орла дерутся
Надъ бурной глубиной.
Подъ мощными бойцами
Утесъ бы задрожалъ;
Захваченъ ихъ руками
И дубъ бы крѣпкій палъ.
Съ нихъ потъ течетъ струями,—
Уже въ груди ихъ хладъ;
Тяжелыми стопами
Срытъ камень, кустъ измятъ".

20-го февраля.

Воздушный корабль, прелестная піеса Зейдлица, переводъ Лермонтова, живо напоминаетъ Ночной смотръ, — кажется Уланда, переведенный Жуковскимъ. И эта піеса отпечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ", журналѣ большаго достоинства, о которомъ напрасно самъ издатель Краевскій говоритъ нѣсколько черезчуръ заносчиво, потому что такая заносчивость прилична одной жалкой посредственности.

Я чего-то жду: каждую ночь вижу во снѣ дорогу, боязнь и тоска меня гложатъ. Что-то мнѣ принесетъ этотъ годъ? Ужели мнѣ

назначены еще новыя испытанія!—Вчера я прибѣгнулъ къ молитвѣ—и у Него, источника всякой отрады, нашелъ утѣшеніе.

23-го февраля 1840 г.

Вчера я кончилъ второй актъ послѣдней части „Ижорскаго", теперь еще актъ—и разстанусь съ созданіемъ, которое занимаетъ меня 16-й годъ. Жаль!—Какая мысль замѣнитъ эту, съ которою я такъ свыкся?

24-го февраля.

Сегодня сосетъ меня такая тоска, что и сказать не могу.—Что-то приближается тяжелое, роковое, чему еще не могу дать имени; я сегодня едва-ли въ лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ 11 іюля 1826 г., наканунѣ прочтенія намъ сентенціи.

28-го февраля.

Пробѣжалъ я 2-й томикъ стихотвореній Подолинскаго. Итогъ это русскій Маттисонъ.—Та-же страсть казаться чрезвычайно несчастнымъ, разочарованнымъ, убитымъ—(отчего? почему — неизвѣстно). Тотъ-же гармоническій, цвѣтистый языкъ и что-то похожее на роскошь картинъ и живописи—и (больно сказать) то-же безсиліе, то-же отсутствіе истинной поэзіи,—что-то однообразное, вялое вопреки всѣмъ притязаніямъ на силу.—Chef d'oeuvre всего собранія—Гурія. Тутъ, между прочимъ, 4 стиха истинно превосходныхъ:

„Снилось, кто-то въ морѣ злата
Пролетѣлъ и вдругъ исчезъ,
Но съ востока до заката
Онъ раздвинулъ сводъ небесъ".

Конечно, это хорошо,—да это описательная поэзія,—послѣдняя по достоинству. Въ Отчужденномъ, который, впрочемъ, вздоръ,—еще есть 4 стиха, въ которыхъ истинное, глубокое чувство: дѣвушка говоритъ своему любезному:

„Ты печаленъ: почему же
Мнѣ печальною не быть?
Радость я дѣлю: кому-же
И печаль твою дѣлить?"

Сиротка—прелестный народный миѳъ, худо обработанный.—Фирдуси—не дуренъ, но могъ бы быть вдесятеро лучше.

Есть еще кое-что, нѣсколько піесъ, которыя-бы можно назвать

хорошенькими, но это не поэзія. Впрочемъ, въ вѣкъ такихъ геніальныхъ пачкуновъ, каковы Тимофѣевъ и Бернетъ, спасибо Подолинскому за его уваженіе къ языку и стихотворенію: это не Баратынскій, ни даже Языковъ, но все-же человѣкъ старой Пушкинской школы, для котораго поэзія высокое искусство, а не заиканіе полупьянаго мальчишки.

3-го марта.

Вчера прочелъ я „Безумную" Козлова и „Дебору"—Шаховскаго.

Дебору, кажется, я и прежде читалъ: она въ ложномъ родѣ; впрочемъ, и Озерова хваленныя когда-то трагедіи въ томъ же ложномъ классическомъ родѣ,въ которомъ рамки до того тѣсны, что ни одного характера порядочно развить невозможно и гдѣ, по неволѣ, всѣ лица другъ въ друга стрѣляютъ антитезами, потому что имъ ровно нечего другаго дѣлать. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Языкъ Шаховскаго прекрасный для 1809 года: въ немъ нѣтъ почти швилей, а ихъ довольно и предовольно у Озерова.—Въ Хаберѣ и Первосвященникѣ есть даже что-то похожее на обрисовку, на оттушовку лица; особенно послѣдній недуренъ. Только не понимаю, для чего при сочиненіи такой трагедіи нуженъ былъ сотрудникъ, знающій еврейскую словесность?

Въ Безумной много хорошаго, только крестьянка сумашедшая говоритъ не по крестьянски;—въ этомъ отношеніи лучше ея ямщикъ: его „не предъ добромъ" истинно прекрасно.

5-го марта.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" прочелъ я статью Менцель-Бѣлинскаго: — Бѣлинскаго Менцель-Сенковскій: авторъ статьи и правъ и не правъ; онъ долженъ быть юноша; у него нѣтъ терпимости, онъ одностороненъ. О Гёте ни слова, il serait trop long de disputer sur cela, но я, Кюхельбекеръ, противникъ заклятый Сенковскаго-человѣка, вступлюсь за писателя, потому что писатель талантъ и, право, недюжинный, вступлюсь и за Кукольника, который не приходу Бѣлинскаго, но, не смотря на все, что и я въ немъ не менѣе Бѣлинскаго и, можетъ быть, съ бо̀льшимъ сознаніемъ дѣла, порицаю, такъ же талантъ, а иногда и душа прекрасная.—Второе, критика комедіи Грибоѣдова: эта критика толкуетъ, что въ „Горѣ отъ ума" есть обмолвки и противорѣчія—оно такъ, но потому-то твореніе Грибоѣдова и есть природа, а не математическая или философская теорема, и въ природѣ такія же противорѣчія, только для близорукихъ.

16-го марта 1841 г.

Въ Краевскомъ мнѣ не нравится, что онъ, на статъ Ушакова и Сенковскаго, хотя и поосновательнѣе и глубже распространяется въ своихъ критикахъ о предметахъ совершенно, не принадлежащихъ къ дѣлу. Напримѣръ, разбираетъ книгу для дѣтей, а вмѣсто разбора предлинная диссертація о воспитаніи [1]).

3-го мая.

Прожилъ я 8 дней въ Арашантѣ, пользовался водами и сѣялъ хлѣбъ; кромѣ того, прочелъ я тамъ романы де-Санглена, „Клятва на гробѣ", Зубова „Астрологъ карабахскій", чей-то „Ужасный Бракъ", да перечелъ „Дочь купца Жолобова".—Лучшій изо всѣхъ послѣдній; прочіе—болѣе или менѣе вздоръ. Завтра внесу въ дневникъ „Колыбельную пѣсню", которую я написалъ.

4-го мая.

Баю баюшки баю,
Душку байкаю мою.
Глазки свѣтлые сомкни,
До утра, мой свѣтъ, усни!
Баю баюшки баю,
Душку байкаю мою,
Сонный уносися въ рай,
Съ Божьимъ Ангеломъ играй—
Баю и проч.
Чистъ твой Ангелъ и пригожъ,
На тебя, сынокъ, похожъ.
Баю и проч.
Ясны очи у него,
Какъ у Миши моего.
Баю и пр.
Щечки, какъ заря, горятъ,
Губки цѣловать манятъ.
Баю и пр.
Онъ, хранитель твой и другъ,
Гонитъ отъ тебя недугъ.
Баю и пр.
Вздохи съ устъ моихъ беретъ
И на небо ихъ несетъ.
Баю и пр.

---

[1]) Кюхельбекеръ считаетъ А. А. Краевскаго—авторомъ статей и отзывовъ, помѣщавшихся въ „Отеч. Запискахъ". Извѣстно, однако, что А. А. Краевскій—былъ лишь издателемъ-редакторомъ этого замѣчательнаго журнала (въ особенности въ эпоху сотрудничества Бѣлинскаго), но статьи, въ особенности критическія, писали разные сотрудники, преимущественно Бѣлинскій, причемъ эти статьи и отзывы не подписывались. Ред.

Вздохи и молитвы тѣ
За тебя и о тебѣ!
Баю и пр.
Спи-жъ, голубчикъ, по ночамъ,
Выростай на радость намъ!
Баю, баюшки баю,
Душку байкаю мою.

7-го мая.

Въ „Камчадалкѣ" слишкомъ пересолено: ужасамъ конца нѣтъ. Но все же это романъ не безъ достоинства. Мы, изгнанники, въ добавокъ, должны благодарить Калашникова, что онъ добромъ помянулъ нашихъ несчастныхъ предшественниковъ Зуду и Ивашкина. При чтеніи этого романа нѣсколько разъ мелькала въ умѣ моемъ мысль, что, быть можетъ, черезъ 50, черезъ 100 лѣтъ, точно такъ помянетъ какой-нибудь даровитый романистъ о Кюхельбекерахъ, особенно о Михайлѣ.

10-го мая.

Съ грустью и наслажденіемъ перечитываю стихотворенія моего незабвеннаго Дельвига. Какой прекрасный талантъ! Сколько у него свѣжести, истиннаго чувства, поэтической чистоты, разнообразія. Какъ вялы, блѣдны, безжизненны, въ сравненіи съ нимъ, бо̀льшая часть нынѣшнихъ хваленыхъ, даже лучшіе, хоть бы напр. Подолинскій или даже Бенедиктовъ!

30-го мая.

Май таки свое взялъ: сегодня сюда пріѣхалъ младшій Разгильдѣевъ и привезъ самыя непріятныя извѣстія. Разъ, по дѣлу Лунина многихъ допрашиваютъ, многихъ привозятъ въ Иркутскъ,— будто бы до 90 человѣкъ [1]). Второе, будто бы одного секретнаго повезли изъ Читы въ Иркутскъ (въ Читѣ ихъ всего на все одинъ— Завалишинъ).—Привезли мнѣ дневники, только не всѣ.

7-го іюня.

Видѣлъ я сегодня у Натальи Алексѣевны мальчика, которому здѣшніе тунгусы покланяются, какъ воплощенію Шигумуни или

---

[1]) Дѣло декабриста Лунина возбуждено было по случаю перехваченныхъ писемъ отъ него къ сестрѣ, въ которыхъ онъ обсуждалъ современныя ему внутреннія и внѣшнія политическія дѣла Россіи. Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ, декабристъ, до 1826 г. подполковникъ л.-гв. гусарскаго полка, умеръ въ Акатуѣ, 8-го декабря 1845 г. Ред.

другаго какого-то ихъ бурхана.—Онъ довольно хорошъ изъ себя, но ума очень не дальняго; лѣтъ ему около 12-ти.

20-го іюня 1841 г.

Вчера былъ у меня тунгусскій бурханчикъ. Я подарилъ ему табакерку и, можетъ быть, худо сдѣлалъ. Гнать идолопоклонниковъ и силою принуждать ихъ креститься, разумѣется, варварство; но строить имъ божницы, дарить ихъ ламъ, называть ихъ даже батюшками (какъ то дѣлаютъ здѣшніе казаки)—просто значитъ потакать ихъ грубому суевѣрію и являть самое постыдное равнодушіе къ собственной вѣрѣ.

28-го іюня.

Книгъ мало, только Revue Etrangère, въ которой я уже прочелъ самыя занимательныя статьи,—остался только подборъ (Nachlese). Итакъ перечитываю порою-временемъ старые дневники: встрѣчаю въ нихъ отмѣтки о такихъ сочиненіяхъ, которыя вовсе изгладились изъ моей памяти. На счетъ нѣкоторыхъ писателей я свое мнѣніе перемѣнилъ; къ этимъ, въ особенности, принадлежитъ Бальзакъ. Теперь нахожу его довольно однообразнымъ, хотя и теперь считаю его человѣкомъ очень даровитымъ.

10-го іюля.

Матушка скончалась 26-го марта. Ея жизни было 84 года и 6 дней.

19-го іюля 1841 г. въ Акшѣ написалъ мнѣ это мальчикъ, котораго здѣшніе тунгусы почитаютъ бурханомъ.

26-го августа.

Наконецъ, я прочелъ Шекспирова King John, котораго я такъ давно уже желалъ прочесть. Въ положеніяхъ и распорядкѣ сценъ кое-какое сходство съ Ричардомъ III и Макбетомъ; въ характерахъ, напротивъ, рѣшительный контрастъ: Ричардъ—умный злодѣй, Макбетъ—мощный злодѣй, Джонъ—злодѣй слабодушный и слабоумный.

Самый оригинальный характеръ—побочный сынъ Ричарда Львинаго сердца; самое оригинальное положеніе, когда эта буйная головушка приходитъ въ ужасъ, узнавъ о смерти Артура. Губертъ не безъ достоинства, а сцена его съ Артуромъ превосходна; но только одна она, да, можетъ быть, еще то, что дофинъ говоритъ. Сельсбери выдержитъ сравненіе съ первостатейными сценами и мѣстами въ Ричардѣ и Макбетѣ. Кардиналъ Легатъ нѣсколько слишкомъ откровененъ съ дофиномъ, а протестантскія выходки англичанъ,

особенно самого короля, не у мѣста и не во-время. Главное достоинство этой драмы—слогъ, который очарователенъ.

3-го сентября.

Pericles, prince of Tyre, подобно Андронику, Чемерсомъ (Chalmers) и Мерономъ не признается за твореніе Шекспира. Что касается до меня,—я, не смотря на чудовищности Андроника, гораздо охотнѣе признаю эту піесу за Шекспирову, нежели Перикла, развѣ принять, что, въ самое первое время своего авторства, великій драматургъ только выправилъ старинную драму. Это романъ, и огромный, на который наброшенъ очень неискусный покровъ драмы. Первыя явленія напоминаютъ Туриндоту Гоцци, но Гоцци тутъ выше Шекспира.—Даже прекрасныхъ стиховъ мало. NB. Теперь постигаю нѣсколько связь между King John'омъ и прочими Histories Шекспира: King John съ ними не въ исторической, но въ нравственной связи; онъ ихъ поэтическій прологъ, ихъ поэтическое сокращеніе.

4-го сентября.

All's well that ends well,—и къ этой драмѣ Джонсонъ слишкомъ строгъ. Нравственно прекраснымъ нельзя назвать характеръ Бертрама; но, если принять, что его принудилъ и кто? Король женится на Геленѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, становится извинительнымъ и очень терпимымъ на сценѣ, тѣмъ болѣе, что ему приданы кое-какія достоинства, напр. красота, храбрость etc. Сама Елена, которая ему навязывается на шею, мнѣ не слишкомъ понутру; впрочемъ, онъ выкупаетъ этотъ поступокъ впослѣдствіи. Интересъ этой драмы очень высокъ и разнообразіе чрезвычайно; а Клаунъ и Пароль въ своемъ родѣ превосходны.

10-го октября.

Н. И. Любимовъ—человѣкъ истинно европейскій, я провелъ въ его обществѣ нѣсколько очень пріятныхъ дней; его подчиненный Быстровъ, мнѣ также полюбился. Между прочимъ, они познакомили меня съ стихами Хомякова на перенесеніе праха Наполеона: эти стихи истинно необыкновенное явленіе въ нашей поэзіи.

19-го октября.

Сегодня 30 лѣтъ со дня открытія лицея. Теперь всѣмъ моимъ товарищамъ (оставшимся въ живыхъ) за сорокъ лѣтъ. Изъ тридцати тогда поступившихъ въ лицей умерли, сколько знаю: Ржевскій, Корсаковъ, Дельвигъ, Пушкинъ и, кажется, еще Костенскій; Есаковъ застрѣлился; Тырковъ сошелъ съ ума, а я и Пущинъ? осталось, если не считать Гурьева, выключеннаго еще въ 1813-мъ

году, всего двадцать. Итакъ, цѣлой трети уже нѣтъ. Да я вспомнилъ, что и Илличевскій чуть-ли не умеръ: стало быть, вотъ ужъ и перешло за треть.

25-го ноября 1841 г.

Я этотъ мѣсяцъ прочелъ сочиненіе Вельтмана. Всего болѣе понравились мнѣ Виргинія и Сердце и Думка, въ послѣдней ума и игривости пропасть, но цѣлое нѣсколько растянуто. Коцей и Свѣтославичъ утомительны безпрестанными скачками и шарлатанствомъ автора; а „Странника“ просто невозможно читать, какъ читаютъ прозу, а должно перебирать, какъ собраніе лирическихъ піесъ и эпиграммъ. Вельтманъ, вообще, болѣе авторъ отлично хорошихъ страницъ, нежели выдержанныхъ книгъ. Онъ мѣтитъ явно въ Гофманы и Жан-Поли; но чтобы быть первымъ, недостаетъ у него силы и собственнаго суевѣрнаго убѣжденія въ истину призраковъ, которые создаетъ, а со вторымъ ему никогда не сравниться, потому что у него слишкомъ мало души. Всѣхъ ближе подходитъ онъ къ Уашингтону Ирвингу.

14-го декабря.

Бѣдный ты мой Сусловъ! на прошедшей недѣлѣ онъ схоронилъ одного сына, сегодня другаго. Не долженъ-ли стыдиться послѣ того, что меня малѣйшее выводитъ изъ терпѣнія и заставляетъ роптать на свою судьбу, что я въ состояніи былъ излить свое уныніе въ стихахъ такихъ, какіе я вчера выходилъ у Натальи Алексѣевны въ ожиданіи бани:

Что скажу я при исходѣ года?
Слава Богу, что и онъ прошелъ!
Былъ онъ для изгнанника тяжелъ,
Мрачный какъ сибирская природа.

Повторять-ли въ сотый разъ: „все тлѣнно?
„Все подъ солнцемъ дымъ и суета?“
Не повѣрятъ!—Тѣшитъ ихъ мечта!
Для людей-ли то, что совершенно?

Нашей жизни однозвучной, вялой,
Цѣпь пустыхъ заботъ и мукъ и сновъ,
Глупый стукъ разстроенныхъ часовъ,
Гадки вы душѣ моей усталой.

IV.

1842 г.

Семейныя тягости.—Смерть сына Вани.—Мѣсяцъ май и несчастія, имъ приносимыя.—Ив. Ив. Пущинъ.—Послѣдняя любовь.

9-го января.

Ни одинъ годъ моей жизни не начинался такъ тяжело, какъ нынѣшній, а замѣтить должно, что это пишу я, просидѣвшій десять лѣтъ въ казематѣ. Какъ я дневникъ свой пишу для тебя, мой сынъ, не хочу обвинять никого, кромѣ себя. Только скажу одно: научись изъ моего примѣра, не женись никогда на дѣвушкѣ, какъ-бы ты ее ни любилъ, которая не въ состояніи будетъ понимать тебя. Сверхъ того, множество и другихъ заботъ, болѣе мелкихъ, но все-же мучительныхъ... Обѣщанныхъ денегъ все еще нѣтъ, — нянька едва-ли останется, стряпка непремѣнно отойдетъ,—бѣдная моя жена все еще больна, и я самъ нездоровъ. Оба мы требуемъ утѣшенія, а между тѣмъ...

Слава Богу, что я получилъ сегодня письмо отъ брата, отъ котораго давнымъ давно не было никакого извѣстія.

27-го января.

Положеніе мое нѣсколько лучше, въ моей семьѣ тише; да еще Богъ послалъ мнѣ радость. Получено извѣстіе, что государь возвратилъ нашимъ дѣтямъ дворянское достоинство. Впрочемъ, все еще тяжело: жена все еще больна, денегъ ни копейки, долги ростутъ и съ ними заботы.

26-го марта.

Сегодня годовщина кончины покойной матушки. Вчера поздно вечеромъ скончался больной Степаша мучительною смертію: онъ отправился отъ насъ посломъ къ матушкѣ; — у ней онъ будетъ счастливѣе, чѣмъ въ моемъ несчастномъ домѣ. По утру продиктовалъ я Перфильеву, въ присутствіи Александра Ивановича и священника, свое завѣщаніе, потому что занемогъ болѣзнью, отъ которой умеръ Степаша.

27-го марта.

Ванюшка бѣдный сегодня померъ.

10-го апрѣля.

Іюльскій дневникъ кончилъ я извѣстіемъ о смерти матушки, мартовскій отмѣткою о смерти моего бѣднаго Вани! — Будетъ-ли этотъ счастливѣе?

25-го мая 1842 г.

У меня суевѣріе, что май для меня несчастный мѣсяцъ. Ни нѣшній до сегодняшняго дня прошелъ для меня безъ большихъ непріятностей, и я было думалъ, что такъ и кончится; да сверхъ того, послѣ всего, что было со мною съ октября, и придумать не могъ, что-бы особеннаго, новаго, горькаго могло со мною случиться. Однако, май не прошелъ мнѣ даромъ. Съ Натальей Алексѣевной у меня совершенный и конечный разрывъ.

29-го мая.

Тому 27 лѣтъ назадъ, 28-го мая, въ день св. Вильгельма, т. е. въ мои имянины, и вмѣстѣ тогда было Вознесеніе, какъ и вчера, сидѣлъ я въ карцерѣ и чуть было не былъ выключенъ изъ лицея. Майскія мои несчастія начались рано.

Въ маѣ 1817 г., напр., моя ссора съ Малиновскимъ и горячка, слѣдствіе этой ссоры, да побѣгъ изъ больницы въ прудъ Александровскаго сада, гдѣ я чуть-чуть не утопился.

12-го іюня.

Третьяго дня, 10-го числа, мнѣ пошелъ 46 годъ. Въ этотъ день я пѣшкомъ сходилъ въ Арашанту не съ образами, а наперекъ образовъ. Натурально, что то, о чемъ теперь скажу, пустяки, но отчего не писать мнѣ въ дневникѣ иногда и пустяковъ? Дорогой я спрашивалъ кукушку, сколько жить мнѣ и ближайшимъ моимъ роднымъ? Сегодня у меня на пашнѣ служили молебенъ. Хлѣбъ мой, слава Богу, очень не дуренъ.

17-го августа.

Вчера у меня былъ такой гость, какого я съ своего свиданія съ Матюшкинымъ еще не имѣлъ во всѣ 17 лѣтъ моего заточенія—Николай Пущинъ! Подурнѣлъ онъ, голубчикъ: изъ хорошенькаго мальчика сталъ онъ некрасивымъ мужчиною; за то у него душа таже—Пущинская, какая должна быть у брата Ивана Пущина.

16-го сентября.

Если человѣкъ былъ когда несчастливъ, такъ это я: нѣтъ вокругъ меня ни одного сердца, къ которому я могъ-бы прижаться съ довѣренностію. Всѣ они теперь отъ меня отступили, а между тѣмъ я-бы могъ, я бы умѣлъ ихъ любить! Богъ съ ними!

6-го ноября.

Простился я съ Разгильдѣевыми, ѣду сегодня въ Цурухай; — еперь сижу и жду К. О. Эти слова, которыя, кажется, ничего не начатъ; но они—слѣдствіе сколькихъ страданій! Богъ съ тобою, нна Александровна! Ты была моею послѣднею любовью, и какъ го все кончилось глупо и гадко! А я тебя любилъ со всѣмъ езумiемъ послѣдней страсти: въ твоемъ лицѣ я любилъ еще людей. еперь прилечь-бы и заснуть!

30-го ноября.

Я воротился 27-го числа изъ Цурухаита, разстался я съ своимъ илымъ Константиномъ и съ нимъ, можетъ быть, на всю жизнь. жъ эти мнѣ разставанья! Сколько я ихъ пережилъ!

Еще одну я къ тѣмъ рѣкамъ причислилъ,
Которыхъ берегъ я, скиталецъ, посѣтилъ,
И тамъ съ утратою своихъ сердечныхъ силъ
Терзался и молчалъ, но чувствовалъ и мыслилъ,
Разлуку вѣчную предвидѣлъ, но любилъ.
Да! вотъ и эти дни, какъ призракъ, пролетѣли
До гроба-ли ты будешь молодымъ,
Мучитель-сердце?—Ты скажи: ужели
Всегда блуждать, стремясь къ недостижимой цѣли
Твоимъ желаніемъ несытымъ и слѣпымъ?
Любить и мыслить... Почему-жъ не можетъ
Не мыслить, не любить душа моя?
Какой ее злой духъ безъ устали тревожитъ
И хочетъ и велитъ, чтобъ вѣчно тратилъ я?...
Увы! съ послѣднимъ другомъ разставанье!
По крайней мѣрѣ безъ пятна,
Хоть это сбережетъ воспоминанье
И чувствъ и думъ моихъ скупая глубина.
Прими-же, о Аргунь, мое благословенье!
Ты лучше для меня, чѣмъ пасмурный Ононъ,
И тамъ мнѣ было разлученье;
Но передъ тѣмъ меня прельщалъ безумный сонъ
И чуть не умертвило пробужденье!

V.

1843 г.

Грибоѣдовъ.—Рожденіе дочери.—Тьеръ о Суворовѣ. — Поэмы Пушкина. — Гоголь.—„Герой нашего времени“ и „Маскарадъ“ Лермонтова.

15-го января.

Минулъ 42 годъ, одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ моей труженической жизни. Что-то мнѣ дастъ нынѣшній? Хотя и давятъ меня кое-какія и не пустыя заботы,—все-же начался онъ довольно для меня счастливо: по крайней мѣрѣ, дома у меня, въ сравненіи съ тѣмъ, что было, тихо и благополучно. Сегодня ровно 6 лѣтъ, какъ я женатъ. Миша началъ учиться азбукѣ со 2-го января.

16-го января.

Сегодня я видѣлъ во снѣ Грибоѣдова. Въ послѣдній разъ, кажется, я его видѣлъ (также во снѣ) въ концѣ 1831 г. Этотъ разъ я съ нимъ и еще двумя мнѣ близкими людьми пировалъ, какъ бывало въ Москвѣ. Между прочимъ, помню его пронзительный взглядъ и очки и что я пѣлъ какую-то французскую пѣсню. Не зоветъ-ли онъ меня? Давно не разстается со мною мысль, что и я отправлюсь въ январѣ мѣсяцѣ, когда умерли мои друзья, онъ и Дельвигъ и Пушкинъ. — Сегодня ровно три года, какъ я изъ Баргузина.

Съ 6-го на 7-е марта, около полуночи.

Господь далъ мнѣ дочь.

8-го марта.

Получилъ я стихотворенія Зейдля. Тутъ прочелъ я балладу Отче нашъ, которая, по нѣжности своего колорита, превосходна. Вчера послѣ обѣдни омолитвили дочь мою и нарекли ей имя Устинья [1]).

---

[1]) Юстина Вильгельмовна Кюхельбекеръ, впослѣдствіи вышедшая замужъ за землевладѣльца Смоленской губерніи Косова, нынѣ вдова. Сынъ ея получилъ, подобно дѣду своему, образованіе въ лицеѣ. Юстинѣ Вильгельмовнѣ редакція „Русской Старины“ обязана полученіемъ въ 1870 г. поэтическаго и вообще литературнаго архива ея знаменитаго отца.

Ред.

11-го марта 1843 г.

Написалъ сегодня прошеніе о переводѣ въ Кяхту; кромѣ того, меня на нынѣшней почтѣ письмо къ графу Толстому, если Кяхта скользнетъ, о переводѣ въ Туринскъ.

3-го апрѣля.

Къ Суворову, воля ваша, Тьеръ въ высокой степени несправедливъ. „Souvoroff etait loin d'être un barbare et demoniaque, comme il le nomme—mais un homme des plus russes qui aient jamais existé. Son masque..... et lui sont deux choses tout-a-fait différentes". Что-же касается до военнаго искусства, смѣю думать, что тутъ Тьеръ не juge compétent. Недаромъ Суворовъ говаривалъ про себя: „Сегодня счастіе, завтра счастіе, помилуй Богъ, когда-нибудь должно-же быть и умѣнье". Жомини и самъ Наполеонъ иначе судятъ о Суворовѣ, нежели Тьеръ; и я осмѣлюсь имъ въ этомъ дѣлѣ болѣе вѣрить, нежели умному, но не всегда безпристрастному министру, любимцу французской оппозиціи.

16-го мая.

Хочу перечесть Пушкина. Началъ я съ „Руслана". Стихи тутъ необычайной легкости, прелести и отзывчивости. Послѣднее не бездѣлица. Содержаніе, разумѣется, вздоръ; созданіе ничтожно, глубины никакой. Одинъ слогъ составляетъ достоинство Руслана; за то слогъ истинно чудесный. Лучшая пѣснь, по моему, шестая; сраженіе тутъ не въ примѣръ лучше, чѣмъ въ Полтавѣ.

19-го мая.

Остаюсь при своемъ мнѣніи, что „Кавказскій плѣнникъ" и особенно „Бахчисарайскій фонтанъ", хотя въ нихъ стихи иногда удивительно сладостны, творенія не въ примѣръ ниже Руслана, „Братья Разбойники" ихъ оригинальнѣе, сочнѣе, питательнѣе: ils ont plus de consistence. „Домикъ въ Коломнѣ" и „Анджело", по слогу бойкому и умному, принадлежатъ зрѣлости таланта Пушкина. Въ первой поэмкѣ Пушкину дался юморъ, который такъ часто ускользаетъ изъ-подъ пера его въ „Онѣгинѣ".

21-го іюля.

На-дняхъ, прочелъ я „Мертвыя души" Гоголя. Перо бойкое, картины и портреты въ родѣ Ноздрева, Манилова и Собакевича, рѣзки, хороши и довольно вѣрны; въ другихъ краски нѣсколько густы и очерки сбиваются просто на карикатуру. Гдѣ-же Гоголь (впадаетъ въ лиризмъ) онъ изъ рукъ вонъ плохъ (?) и почти столь-же

приторенъ, какъ Кукольникъ, съ своими патріотическими сентиментальными niæseries.

2-го августа 1843 г.

Ахтъ мнѣ показывалъ вчера Юпитера въ небольшой телескопъ, я на него смотрѣлъ два раза: въ первый разъ онъ былъ съ лѣвой стороны освѣщенъ краснымъ, а съ правой—зеленоватымъ свѣтомъ, четыре его спутника видны были очень хорошо. На меня потомъ напало какое-то томленіе—неизреченная тоска: такъ и поманило меня, потянуло въ этотъ прекрасный невѣдомый мнѣ міръ. Онъ мнѣ показался неизъяснимо тихимъ и величавымъ, новымъ и вмѣстѣ знакомымъ... Былъ-ли я уже когда-нибудь на немъ? или свижусь на немъ съ милыми моему сердцу?

8-го августа.

Въ послѣдніе дни прочелъ я много для меня совершенно новаго: „Марію Тюдоръ“, „Героя нашего времени“ и „Маскарадъ“ Лермонтова. „Марія“ ужаснѣйшая чепуха, написанная талантливымъ человѣкомъ. Характеръ героя-простолюдина—одинъ только истинно хорошъ: все прочее вздоръ такой, что мочи нѣтъ, а читать все-таки читаешь и не можешь оторваться. Лермонтова романъ—созданіе мощной души: эпизодъ Мери особенно хорошъ въ художественномъ отношеніи; Грушницкому цѣны нѣтъ, — такая истина въ этомъ лицѣ; хорошъ въ своемъ родѣ и докторъ; и противъ женщинъ нечего говорить.. а все-таки! Все-таки жаль, что Лермонтовъ истратилъ свой талантъ на изображеніе такого существа, каковъ его гадкій Печоринъ. Маскарадъ, не въ художественномъ, а въ нравственномъ отношеніи выше, потому что тутъ есть, по крайней мѣрѣ, страсти.

Въ Кяхтѣ на просьбу о переводѣ туда отказали.

21-го ноября.

Провелъ дней съ 5 довольно гадко въ мерзкой, вонючей избѣ, покуда въ горницѣ не выморозили таракановъ. Сегодня перебрался опять въ горницу и насладился я минутою блаженства, когда по утру перешелъ въ горницу и тутъ съ полчаса сидѣлъ very comfortably въ чистотѣ, тишинѣ и теплотѣ, я истинно былъ счастливъ: для человѣческаго счастья, право, немного нужно.

VI.

1844 годъ.

Викторъ Гюго. — Талантъ Лермонтова. — Пасха.—Смерть (декабр.) Вадковскаго.—„Буря выла, по землѣ...“

20-го января 1844 г.

У Виктора Ўго потонула дочь, только что вышедшая замужъ.

Не суждено мнѣ было въ мірѣ
Съ тобою встрѣтиться, поэтъ,
И ужъ на западѣ моихъ унылыхъ лѣтъ
Я внялъ твоей волшебной лирѣ.
Я мигъ гостилъ въ землѣ твоей,
Я сынъ иной судьбы, инаго поколѣнья,
Я не видалъ твоихъ очей,
Въ нихъ не привѣтствовалъ перуновъ вдохновенья,
Но дорогъ ты душѣ моей,
(и т. д. разсказывая о себѣ, поэтъ заключаетъ):
И вотъ же рокъ тебѣ нанесъ
Ударъ убійственно жестокій...
Воображаю я, какъ стонешь одинокій,
Какъ вопрошаешь ты нѣмую эту ночь:
„Итакъ моя любимица и дочь?
Ужели въ самомъ дѣлѣ зѣвъ пучины?“...
Не договаривай! плачь, труженникъ пѣвецъ,
Тебѣ сочувствую: ахъ! вѣдь и я отецъ,
Ножъ и въ моей груди не гаснущей кручины!
Съ могилы сына моего
Надъ дочерью твоей, Ўго, рыдаю нынѣ;
Въ столицѣ міра ты; я въ ссылкѣ, я въ пустынѣ,—
Но родственная скорбь не тоже-ли родство?

6-го марта.

Какъ ни лѣниво пишу дневникъ, а подъ числомъ 6-е марта у меня каждый годъ есть хоть небольшая отмѣтка. Въ эту минуту моей Тинешкѣ минулъ годъ: дай Богъ, чтобъ она выросла мнѣ на радость!.. Пугаетъ меня нѣсколько ея сердитый нравъ!..

Вопросъ: можетъ-ли возвыситься до самобытности талантъ эклектически-подражательный, каковъ въ большей части своихъ пьесъ Лермонтовъ? Простой и даже самый лучшій подражатель великаго или хоть даровитаго одного поэта, разумѣется, лучше-бы сдѣлалъ, если-бы никогда не бралъ въ руки пера. Но Лермонтовъ не таковъ, онъ подражаетъ или, лучше сказать, въ немъ найдутся

отголоски и Шекспиру, и Шиллеру, и Байрону, и Пушкину, и Кюхельбекеру, и даже Шфирели, Глейму и Иличевскому. Но и въ самыхъ подражаніяхъ у него есть что-то свое, хотя-бы только то, что онъ самые разнородные стихи умѣетъ спаять въ стройное цѣлое, а это не бездѣлица.

10-го марта 1844 г.

Получилъ письмо отъ (сестры) Юстиньи Карловны и разрѣшеніе проситься въ Кургановскій уѣздъ.

26-го марта.

Пасха. Люди по своему гуляютъ, веселятся. А я?

„И радость и печаль равно душѣ моей противны..."

Страшно подумать, какъ я ко всему сталъ равнодушенъ. Сегодня годовщина матушкиной кончины, а я не могу найти въ груди своей ни одного живаго чувства, ни скорби, ни надежды на свиданіе въ лучшемъ мірѣ, ни даже отчаянія безвѣрія. Я не то, чтобы не вѣрилъ, но вѣра мнѣ слишкомъ ужъ знакома. Я ее знаю наизусть, я ее всю перечувствовалъ: не могу найти въ ней ничего уже новаго. Я и для нея почти уже отжилъ, какъ для чувственныхъ наслажденій, напр., я былъ когда-то пребольшой охотникъ ѣсть хорошее,—теперь и тутъ не нахожу ничего, чтобъ мнѣ шибко нравилось; ѣмъ безъ разбору, безъ вкусу... такъ механически, какъ я, изъ привычки и для примѣра своему семейству, каждый вечеръ мыслею, памятью, а не сердцемъ молюсь или, лучше сказать, читаю свои молитвы. И искусства мнѣ опротивѣли. А что вы еще скажете? Умеръ Вадковскій [1]), человѣкъ, съ которымъ я когда-то жилъ душа въ душу,—что-же? Мнѣ, право, кажется, будто я его никогда не зналъ; умъ-то, правда, говоритъ: „вотъ ты почему-бы долженъ грустить, вотъ какую ты понесъ потерю—послѣдній или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ послѣднихъ, кто тебя любилъ, покинулъ тебя навсегда" и пр. Но сердце окаменѣло: бьешь въ него, требуешь отъ него воды живой, сладкихъ, горькихъ слезъ,—а сыплются только искры, суевѣрныя примѣты, напр. въ родѣ той, что всѣмъ моимъ друзьямъ суждено было умереть въ январѣ.

---

[1]) Декабристъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, до 1826 г. прапорщикъ Нѣжинскаго конноегерскаго полка, умеръ въ Оекѣ, близъ Иркутска, 7-го января 1844 года. Ред.

28-го мая 1844 г.

Стихи, которые перепишу ниже, стоили мнѣ много времени и труда. Не прошла-ли для меня и впрямь пора стиховъ?

Буря выла; по землѣ
Ночь ненастная летала;
Твердь тонула въ черной мглѣ,
Лѣсъ рыдалъ и степь стонала,
Въ головахъ своихъ дѣтей,
(Дѣти при смерти лежали)
Жертва страха и печали,
Онъ сидѣлъ въ избѣ своей.

Не легка была та ночь
Для души его угрюмой,
То на сына, то на дочь
Онъ глядѣлъ, измученъ думой,
Блѣденъ, утомленъ и тихъ,
Преклонялся къ ихъ дыханью
И порою робкой дланью
Прикасался щечекъ ихъ.

Путь страданья не теперь
Передъ нимъ открылся: много
Понесенныхъ имъ потерь,
Имъ судьба играла строго;
Данъ еще былъ сынъ ему,
Но отецъ его не стоилъ:
Богъ младенца упокоилъ
Въ темномъ и нѣмомъ дому.

Неусыпная тоска
О любимомъ, миломъ сынѣ
Въ черствомъ сердцѣ старика;
Тужитъ онъ по немъ и нынѣ:
Былъ-де для него сынокъ
Вѣрной тѣнію родимыхъ,
Ихъ въ душѣ его носимыхъ,
Ихъ, которыхъ отнялъ рокъ!

Звѣздъ не видно; ночь черна;
Въ немъ боязни ожиданье,
Дѣти мечутся со сна,
Тяжело дѣтей дыханье;
Злится буря; вой въ трубѣ,
Подъ окномъ и плачъ, и хохотъ,
Степь шумитъ и въ чащѣ грохотъ:
Онъ не спитъ въ своей избѣ.

Вдругъ изъ лона облаковъ
(Онъ вскочилъ и дыбомъ волосъ)
Слышится знакомый зовъ..
Ваня! онъ! то Вани голосъ!
„Полетать и вамъ пора,
Жарко вамъ въ избѣ и душно;
Тяжко мнѣ безъ васъ и скучно...
Ну-же, братецъ! ну, сестра!“

Тутъ же въ тусклое окно
Чье-то личико мелькнуло:
Дрожь по тѣлу,—студено,
Въ сердце старика кольнуло:
„Ваня, сынъ моей любви!
Ваня, сынъ моей печали!
Въ шумъ и мракъ воздушной дали
Нашихъ дѣтокъ не зови!“

„Слезъ не мало надъ твоей
Мама пролила могилой:
Не меня, такъ пожалѣй
Хоть ее, хоть мамы милой!“
Буря тише; сдалека
Свищетъ вѣтеръ, но слабѣе;
Дышатъ дѣти повольнѣе,
Сонъ нашелъ на старика.

8-го іюля 1844 г..

Былъ сегодня экзаменъ въ казачьей школѣ—сносенъ; слава Богу, что дѣти хоть столько успѣли.

28-го августа.

Вчера пришла бумага, чтобъ меня отправить отселѣ въ Тобольскую губернію, въ Кургановскій уѣздъ. Если Богъ дастъ, отправлюсь въ субботу, 2-го сентября.

VII.

1845 г.

О моемъ дневникѣ.—Болѣзнь глазъ. — „Русскія ночи“ князя Одоевскаго. — Вѣра и безвѣріе.—Бѣлинскій и его критическія статьи.—Шиллеръ и императоръ Александръ I.—„Сто русскихъ литераторовъ“.—Воспоминаніе о Грибоѣдовѣ.—Видѣнія во снѣ Крылова и Пушкина. — М. Н. Загоскинъ и его романы.

29-го марта, г. Курганъ.

Постараюсь нынѣ, когда для меня, такъ сказать, въ новомъ мѣстѣ началась новая жизнь, быть въ веденіи своего дневника точнымъ, добросовѣстнымъ, и сколько то возможно, по теперешнему состоянію моей души, искреннимъ. Вамъ, мой новый, но вѣрный другъ, буду, по временамъ, пересылать эти тетради... Пусть мысль, что вы будете моею второю совѣстію, что вы будете читать все тутъ написанное, поддержитъ меня и поможетъ мнѣ всегда быть хоть нѣсколько достойнымъ васъ. Не стану вамъ во всемъ исповѣдываться: изъ моихъ сужденій о людяхъ, о книгахъ, изъ отчета въ моихъ занятіяхъ вы сами легко увидите на какой точкѣ нахожусь и шагаю-ли впередъ или подаюсь назадъ. Но будутъ тутъ часто вопросы, и два очень тяжелыхъ и теперь давно уже на душѣ моей. Рѣшусь-ли ихъ предложить вамъ въ этой тетради—не знаю. Скажу вамъ только, что они снова сильно стали тревожить меня съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ опять знакомиться новымъ путемъ съ тѣмъ міромъ, къ которому я былъ когда-то ближе, но отъ котораго меня удалили 1835 годъ и послѣдовавшіе за нимъ.

Вотъ мое предисловіе къ дневнику новому, Курановскому, который, вѣроятно, мало будетъ походить на прежніе.

Теперь слѣдовало-бы поговорить о книгахъ, которыя теперь читаю, да тутъ столько новаго, такъ много совершенно необычайнаго, совершенно для меня неожиданнаго, столько объясненій на то, что мнѣ или казалось просто непонятнымъ или аллегоріею или обманомъ чувствъ или даже баснями и вымыслами и народными суевѣріями, что мнѣ сперва необходимо собрать все это въ своей памяти.

1-го апрѣля 1845 г.

Вечеромъ я былъ у Басаргиныхъ [1]) и видѣлъ тамъ Шевковскаго, одного поляка и смотрителя училища.

2-го апрѣля.

Началъ читать Байронова „Каина"; признаюсь, страшно. Богохульства его демона ничего не значатъ въ сравненіи съ ужаснымъ вопросомъ, на который нѣтъ отвѣта для человѣческой гордости: этотъ вопросъ: зачѣмъ было сотворить міръ и человѣка? Тутъ только одинъ отвѣтъ въ христіанскомъ смиреніи. „Горшку-ли скудельному вопрошать гончаря: зачѣмъ ты меня сдѣлалъ?" Но Богъ благъ... И такъ не для страданья-же Онъ создалъ то, что создалъ. Самые простые вопросы безъ вѣры неразрѣшимы.

3-го апрѣля.

Я отъ одной книги перехожу къ другой: теперь читаю „Гулливера". Хорошо въ этой сказкѣ, какъ авторъ увлекается самъ своимъ вымысломъ и какъ разсказываетъ вздоръ, словно дѣло, совѣстливо, отчетливо, съ важностію порядочнаго человѣка.

Вечеромъ писать не могу, потому и провелъ вечеръ у Басаргина.

5-го апрѣля.

Опять письмо отъ Пущина. Моя переписка приходитъ къ концу. Глаза мочи нѣтъ какъ болятъ.

9-го апрѣля.

У меня глаза болятъ, а третьяго дня очень разболѣлись...

Книга Одоевскаго: „Русскія ночи"—одна изъ умнѣйшихъ книгъ на русскомъ языкѣ. Есть и въ ней, конечно, то, что я-бы назвалъ Одоевскаго особенною манерностію, о которой когда-нибудь поговорю подробнѣе, но все-же это одна изъ умнѣйшихъ нашихъ книгъ. Сколько поднимаетъ онъ вопросовъ! Конечно, ни одинъ почти не разрѣшенъ, но спасибо и за то, что они подняты — и въ русской книгѣ! Онъ вводитъ насъ въ преддверіе; святыня заперта; таинство закрыто; мы недоумѣваемъ и спрашиваемъ: самъ онъ былъ-ли въ святынѣ? Разоблачено-ли предъ нимъ таинство? Разрѣшена-ли для

---

[1]) Декабристъ Николай Васильевичъ Басаргинъ, бывшій до 1826 года поручикъ л.-гв. Егерскаго полка и старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи, въ 1856 г. возвратился изъ Сибири и скончался въ 1861 г. въ своемъ имѣніи, во Владимірской губерніи. Составитель весьма интересныхъ записокъ.

Ред.

него загадка? Однако, все ему спасибо: онъ понялъ, что есть и загадка, и таинство, и святыня

11-го апрѣля.

Я здѣсь давалъ „Die Seherin von Prevorst“ прочесть одному моему знакомому. Онъ отослалъ мнѣ книгу черезъ два дня съ запискою, въ которой сказано: „ich glaube, dass der Mensch etwas besseres zu thun hat, als solchen Phantastereien nach zu hängen“. Потомъ онъ самъ у меня былъ и я съ нимъ разговорился; его главное возраженіе, что не для чего, не къ чему являться духамъ. Точно-ли это такъ? Этотъ вопросъ ведетъ очень далеко. Послѣдній его результатъ вотъ какой: не для чего, не къ чему быть христіаниномъ, не къ чему вѣрить во что бы то ни было, нашимъ богомъ должно быть брюхо, а нашею добродѣтелью — прожить на семъ свѣтѣ какъ можно прохладнѣе, спокойнѣе, пріятнѣе. Неужто въ самомъ дѣлѣ таковъ результатъ положительнаго, во всѣхъ своихъ выводахъ, совершенно съ самимъ собою согласнаго отверженія вѣры во всякую возможность для насъ сообщаться съ душами, покинувшими тѣло, въ дѣйствительное существованіе этого сообщенія, въ необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ ощутительности этого сообщенія? Для младенчествующей вѣры, для вѣры тѣхъ, которые смиренно, безмолвно, безъ пытливости принимаютъ все, чему церковь учитъ, конечно, не нужны такія напоминанія, что есть иной міръ за предѣлами видимаго. Но въ нашъ вѣкъ много-ли такихъ христіанъ? Отвергая возможность для существъ безтѣлесныхъ и душъ, отшедшихъ сообщаться съ нами, нынѣ, въ XIX вѣкѣ, умъ человѣческій невольно отвергнетъ эту возможность и во всякое время... Что-же тогда будетъ съ чудесами Ветхаго и Новаго Завѣта? съ явленіемъ тѣни Самуила Саулу и ангеловъ патріархамъ и пророкамъ, съ воскресеніемъ Лазаря и самого Спасителя, съ выходомъ изъ гроба многихъ, давно уже умершихъ, въ часъ смерти Христовой? Все это сдѣлается задачею неразрѣшимою, неодолимымъ камнемъ преткновенія для самаго чистосердечнаго желанія согласить ученіе Евангельское съ философствованіемъ такъ называемаго здраваго разсудка, котораго, впрочемъ, здравіе и разсудительность я тутъ вовсе не постигаю. Поневолѣ начнешь все это объяснять себѣ кое-какъ, то какъ иносказаніе, то какъ произведеніе фиглярства и чревовѣщательства (напр. появленіе Самуила), то какъ пробужденіе отъ обморока; противорѣчія встрѣтятся на каждомъ шагу; напр. обманщица, фиглярка, говоритъ правду, предсказываетъ непреложную судьбу царю израильскому; существа аллегорическія слу-

жатъ путеводителями, товарищами въ дорогѣ молодому Товію, вку шаютъ отъ трапезы Авраама, поднимаются съ лица земли и уви сятъ Илію, Іезекіиля, Авакума, св. Филиппа, входятъ въ заперты двери,—устрашаютъ ослицу Валаамову, поражаютъ ужасомъ Павла, разговариваютъ съ нимъ и пр., и пр. Что шагъ, то препятствіе необоримое для покушеній все объяснить естественно, разсудительно, складно. Не говорю уже о чудесахъ, которыя повѣствуются намъ въ житіяхъ святыхъ и мучениковъ. Словомъ сказать, тутъ дѣлать нечего, непремѣнно должно принять возможность для существъ безтѣлеснаго міра сообщаться съ нами, или перестать быть христіаниномъ. Можно-ли, по крайней мѣрѣ, отвергая эту возможность, спасти вѣрованіе въ безсмертіе души? Невозможно: нѣтъ метафизическихъ доказательствъ, что будемъ жить за предѣлами гроба такихъ, которыя-бы совершенно успокоили сердце, а Христосъ, всегдашній проповѣдникъ и провозгласитель міра невидимаго, для котораго мы должны жить, о которомъ одномъ должны мы заботиться, явится для всякаго, кто желаетъ знать только этотъ видимый міръ, мечтателемъ, фантастомъ. Великіе ѳеисты языческаго міра, Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Плутархъ, съ гораздо большею логикою и послѣдовательностію, чѣмъ наши умники,—всѣ принимали не только возможность, но и дѣйствительность этого сообщенія; за то наши, читая ихъ разсказы, улыбаются и говорятъ, пожимая плечами: „Жаль! они тутъ заплатили дань слабости человѣческой!“

Для меня книга Юстина Кернера, именно, потому чрезвычайно отрадное явленіе, что она крѣпитъ во мнѣ вѣру въ моего Спасителя и съ радостью заставляетъ отвергнуть всѣ нелѣпыя раціональныя истолкованія того, что теперь и безъ нихъ для меня ясно и понятно.

18-го апрѣля.

Прозелитизмъ и нетерпимость достались на часть и гг. философовъ, даже на часть секты индиферентистовъ! Напр., здѣсь есть нѣкто, твердо увѣренный, что обратитъ меня въ виландо-кантовскій нѣмецкій индиферентизмъ 1770-хъ годовъ, а если ему не удастся, онъ, вѣроятно, провозгласитъ меня ханжей, лицемѣромъ или глупцомъ.

19-го апрѣля.

На счетъ моего индиферентиста я ошибся, и, признаюсь, очень радъ. Не впаду-же и я въ ошибку, въ которую, полагалъ, что онъ впадетъ; стану вѣрить, что онъ въ своихъ мнѣніяхъ искренень и

не усумнюсь въ его честности. Но все-же для его счастья позволительно мнѣ желать, чтобъ онъ былъ другаго мнѣнія.

30-го апрѣля.

Швейковскій пріобщился Святыхъ Таинъ и написалъ завѣщаніе.

Былъ у меня Бриггенъ и разсказывалъ много интереснаго [1]).

1-го мая.

Краевскій [2]), безъ всякаго сомнѣнія, лучшій нашъ критикъ, умный, честный, добросовѣстный. Но, пораженный тѣмъ, что безотрадно въ нынѣшнемъ состояніи нашего общественнаго быта, онъ слишкомъ рѣзко не извиняетъ, нѣтъ, почти оправдываетъ тѣхъ, которые нарушаютъ основанія, святыя правила этого быта, напр. святость супружества. Онъ любовницу Печорина чуть-ли не предпочитаетъ прекрасной Татьянѣ Пушкина; онъ находитъ, что въ бракѣ безъ любви много гадкаго и возмутительнаго, даже порочнаго... Это, конечно, такъ, но все-же жертва подобнаго брака, если свято хранитъ долгъ свой, въ глазахъ самого-же Краевскаго, пусть-бы только онъ захотѣлъ хорошенько все раздумать, не только должна нравственно стоять непремѣнно выше прелюбодѣйки, но и казаться существомъ не въ примѣръ болѣе прекраснымъ и поэтическимъ. Нѣтъ, общественное мнѣніе не совсѣмъ вздоръ: оно, конечно, очень часто впадаетъ въ заблужденія, часто и справедливые его приговоры безчеловѣчны; но все-же оно основано на вѣчной идеѣ истины, красоты и совершенства. Жоржзандовскія разглагольствія никакъ не очистятъ той, которая разъ уронила себя передъ самою собою; тутъ Eugène Sue съ своею Fleure de Marie видѣлъ гораздо дальше всей школы Сен-Симонистовъ. Честность— вотъ условіе, sine qua non, подъ которымъ мужчина достоинъ своего имени: женщина не можетъ почитать бездѣльника, а цѣломудріе— вотъ честность женщины.

2-го мая.

Май ужъ для меня начинается; это значитъ, начинаются непріятности. Сегодня получилъ я извѣстіе, что не позволяютъ мнѣ жить въ городѣ.

---

[1]) Декабристъ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-деръ-Бриггенъ, въ 1826 г. отставной полковникъ л.-гв. Измайловскаго полка, возвращенъ изъ Сибири въ 1856 г. † въ Спб., 27-го іюня 1859 г.

[2]) Читай „Бѣлинскій", см. прим. выше. Ред.

3-го мая 1845 г.

Писалъ письма къ гр. Орлову, къ Одоевскому и Свистунову, неужто откажутъ?

6-го мая.

Бѣдный Швейковскій (декабристъ) очень плохъ.

7-го мая.

Сегодня разговаривалъ я съ женою о томъ, что у насъ мало, да чѣмъ-то мы будемъ жить и пр. Вдругъ блеснула мнѣ мысль, что Спаситель велитъ только заботиться о настоящемъ днѣ и что Онъ, вѣрно, меня не оставитъ... Эта мысль меня удивительно какъ утѣшила и успокоила.

10-го мая.

Сегодня, въ 3 часа ночи, скончался на моихъ рукахъ Иванъ Семеновичъ Швейковскій; при смерти его былъ фонъ-деръ Бриггенъ и Басаргинъ.

12-го мая.

Перелистывалъ стихотворенія Шиллера. Они на меня подѣйствовали очень странно; мнѣ стало жаль поэта, жаль точно такъ, какъ мнѣ жаль, когда размышляю о жизни императора Александра Павловича, который въ моихъ глазахъ—одно изъ самыхъ трагическихъ лицъ въ исторіи.

15-го мая.

Фонъ-деръ-Бриггенъ прочелъ мнѣ 4 и 5 главы своего „Цесаря“; пятая очень занимательна и въ высокой степени оживлена драматическимъ интересомъ.

18-го мая.

Сегодня, черезъ двадцать лѣтъ, я ѣлъ спаржу и раковъ.

19-го мая.

Бриггену вышелъ переводъ на Кавказъ. Онъ, бѣдный, въ самомъ трудномъ теперь положеніи, говоритъ, что это для него все равно, что 13-го іюля 1826 года [1]). Тогда его разлучили съ одним семействомъ, теперь съ другимъ.

---

[1]) День объявленія приговора декабристамъ. Ред.

22-го мая.

Сегодня ровно два мѣсяца, какъ я въ Курганѣ [1]). Вотъ такъ-то все проходитъ! Сколько было ожиданій, страховъ, надеждъ, когда я отправлялся сюда!—и все это теперь за мною, и теперь, вѣроятно, тѣ люди, съ которыми я жилъ въ Акшѣ, изъ которыхъ кое-кто, кажется, меня и любилъ, начинаютъ уже забывать меня!

Vanitas vanitatum!

23-го мая.

Слава Богу, принялся опять за дѣло, а то я всѣ эти дни читалъ неимовѣрныя глупости, именно второй томъ „Ста русскихъ литераторовъ“; тутъ нѣтъ ни одной живой статьи и Ѳаддей Булгаринъ сіяетъ въ этомъ сборникѣ, какъ звѣзда первой величины: онъ, по крайней мѣрѣ, хоть смѣшенъ.

25-го мая.

Третьяго дня я совершенно нечаянно вспомнилъ нѣсколько стиховъ пьесы, которую я написалъ 24 года тому назадъ въ Грузіи—на взятіе греками Триполиццы. Я тогда только-что началъ знакомиться съ книгами Ветхаго Завѣта, которыя покойный Грибоѣдовъ заставилъ меня прочесть.

Вотъ начало:

Глаголъ Господень былъ ко мнѣ
За цѣпью горъ, на брегѣ Кира:
„Ты дни влачишь въ мертвящемъ снѣ,
Въ объятіяхъ лѣностнаго міра...“

Потомъ обращеніе черезъ пять или шесть строфъ къ Англіи:

О ты, коварный Альбіонъ,
Безсмертнымъ избранный когда-то!
Своимъ ты богомъ назвалъ злато;
Безсмертный сокрушитъ твой тронъ.
Тебя замучаютъ владыки;
На чадъ твоихъ наляжетъ страхъ;
Во всѣ разсыплешься языки,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

* *
*

Народовъ чуждыхъ пѣснью будешь
И притчею своихъ враговъ,
И имя славное забудешь
Среди бичей, среди оковъ.

---

[1]) Окружной городъ Тобольской губерніи, на лѣвомъ берегу рѣки Тобола, въ 531 верстахъ къ ю. ю. з. отъ Тобольска; въ 1862 г. въ городѣ Курганѣ было до трехъ съ половиною тысячъ душъ обоего пола. Ред.

26-го мая 1845 г.

Сегодня день рожденія покойнаго Пушкина.

Я сбился съ своей колеи; у меня было множество гостей: Бри генъ, Пейкеръ, Пассекъ, Чайковскій, Басаргинъ, Щепинъ [1] Башмаковъ, а причина прихода нѣкоторыхъ та, что Евгени Андреевна была въ банѣ и, стало быть, у городничаго не игра въ карты.

27-го мая.

Сегодня ночью я видѣлъ во снѣ Крылова и Пушкина. Кры лову я говорилъ, что онъ первый поэтъ Россіи и никакъ этого не понимаетъ. Потомъ я доказывалъ преважно ту-же тему Пушкину Грибоѣдова, самого Пушкина, себя я называлъ учениками Крылова Пушкинъ тутъ нѣсколько въ насмѣшку назвалъ и Баратынскаго. Я на это не согласился; однако, оставался при прежнемъ мнѣніи. Теперь не во снѣ скажу, что мы, т. е. Грибоѣдовъ и я, и даже Пушкинъ, точно обязаны своимъ слогомъ Крылову, но слогъ только форма, роды-же, въ которыхъ мы писали, все-же гораздо выше басни, а это не бездѣлица.

28-го мая.

Сегодня, въ свои именины, я получилъ письмо и деньги отъ сестры и Басаргинъ подарилъ мнѣ часы.

30-го мая.

Вотъ и послѣдній день мая! Этотъ годъ даже май былъ для меня счастливый мѣсяцъ. Благодарю Тя, мой Боже, что, согрѣвая въ моемъ сердцѣ истинную вѣру, исцѣляешь меня отъ суевѣрія! И какъ отечески, какъ, безъ всякой заслуги съ моей стороны, милосердъ благодѣяніями!

4-го іюня.

Загоскинъ не блистательный талантъ, но человѣкъ, хотя нѣ сколько и ограниченный, съ теплою душою и русскимъ умомъ. Его „Мирошевъ“ принадлежитъ къ лучшимъ романамъ на русскомъ языкѣ.

---

[1]) Кн. Дмитрій Александровичъ Щепинъ-Ростовскій, декабристъ, въ 1826 г. былъ штабсъ-капитанъ л.-гв. Московскаго полка; возвращенъ изъ Сибири въ 1856 г., скончался въ Ярославской губ. въ 1859 г. Ред.

6-го іюня.

„Мирошевъ“ Загоскина точно очень недурная книга; повторяю, я прочелъ этотъ романъ съ удовольствіемъ; но въ „С. О.“ такая нелѣпая ему похвала, что такъ и хочется г. рецензенту напомнить стихъ Крылова: „Услужливый дуракъ опаснѣе врага“.

10-го іюня.

Минуло мнѣ сегодня 48 лѣтъ. Печально я встрѣтилъ день своего рожденія, пока не сошлись гости. Я сталъ выхаживать стихи, да не удалось составить болѣе того, что слѣдуетъ:

Еще прибавился мнѣ годъ
Къ годамъ унылаго страданья;
Гляжу на ихъ тяжелый ходъ,
Не ропща, но безъ упованья.
***
Что будетъ, знаю напередъ:
Нѣтъ въ жизни для меня обмана,
Блестящъ и веселъ былъ восходъ,
А западъ весь во мглѣ тумана.

Вдобавокъ я боленъ.

16-го іюня.

Опять погорячился и разбранился съ Щепинымъ; да онъ, право, лучше меня,—первый протянулъ мнѣ руку, между тѣмъ, какъ я ему, Богъ знаетъ, что наговорилъ.

6-го августа.

Опять мѣсяцъ прошелъ—и я не писалъ своего дневника. Я былъ боленъ, меня мучила хандра, которая отчасти произошла отъ праздности. Справедливо изреченіе старинныхъ азбукъ: „праздность мать всѣхъ пороковъ!“ Во время хандры, я успѣлъ поссориться съ Басаргинымъ и понадѣлалъ, Богъ знаетъ, сколько глупостей.

Статья, которую я сегодня кончилъ, статья о нашей грамматической терминологіи. Она, если Богъ дастъ, будетъ добрымъ началомъ ряда статеекъ о русской грамматикѣ.

21-го сентября.

Перебрался въ свой собственный домъ, и вдобавокъ больной.

22-го сентября.

Процѣживалъ у меня Вожжинскій паливку и, между прочимъ, разсказывалъ свою исторію: это цѣлый романъ, въ которомъ покойный полковникъ Севастіановъ, убитый потомъ подъ Варшавою, играетъ чудесную роль.

9-го октября 1845 г.

Кельбѣдинъ получилъ письмо отъ Бѣлкина, въ которомъ ш
шутъ будто-бы скончалась Э. Ѳ. Брейткопфъ. Еще одинъ ангел
возвратился въ свою отчизну небесную!

10-го октября.

И ты на небо воспарилась,
Унылыхъ дней моихъ свѣтило!
Любви, души моей звѣзда,
Ты возвратилася туда,
Куда тебя давно манило
Все, что тебѣ когда-то было
Святымъ и милымъ!—Ты опять
Тамъ обняла отца и мать,
И вновь къ тебѣ простерши, братья
Съ улыбкой радости, объятья,
Предъ Богомъ ты—и не одна,
Тебѣ сестра возвращена.

В. К. Кюхельбекеръ.

Примѣчаніе. Здѣсь кончается „Дневникъ“ Вильгельма Карло
вича Кюхельбекера; менѣе чѣмъ черезъ годъ, именно 11-го
августа 1846 года, онъ скончался въ г. Тобольскѣ, куда, въ мартѣ
1846 г., получилъ разрѣшеніе переѣхать для пользованія отъ бо
лѣзни,—чахотки, которая и низвела его въ могилу.

Ред.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 13-го августа род. / ум. 19-го сентября 1883.

XLI [1]).

Я занимался очень прилежно своею работою и это обстоятельство спасло меня однажды отъ большой непріятности. Римское правительство, желая поправить свои финансы, вздумало разыграть въ лотерею каменный домъ. Въ папской области почти всѣ жители живутъ надеждою, купивъ лотерейный билетъ, выиграть, рано или поздно, за нѣсколько копеекъ, нѣсколько тысячъ скудъ. Чтобы угадать счастливый номеръ предстоящаго тиража, римляне обращаютъ вниманіе на всевозможныя суевѣрныя примѣты; если кто-нибудь пришелъ въ гости, да нечаянно зевнулъ, то его пріятель, желающій взять билетъ въ лотерею, беретъ номеръ 90, если чихнулъ, то нужно брать

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601 — 634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337; іюнь, стр. 547—580; томъ LXXI, іюль, стр. 25—70; августъ 239—264; сентябрь, стр. 519—546.

номеръ 18, зашелъ человѣкъ, давно не бывавшій въ домѣ, то берутъ 91-й номеръ и т. д.

Римляне, особенно бѣдный классъ народа, на яву и во снѣ мечтаютъ о томъ, какъ-бы угадать счастливые номера и пріобрѣсти ихъ. Заплативъ 20 коп., они могутъ выиграть 10,000 ассиг., хотя выиграть ихъ очень трудно, ибо изъ числа девятидесяти номеровъ вынимается только пять выигрышныхъ, и угадать ихъ очень трудно. Многіе всю жизнь берутъ билеты въ лотереи и до глубокой старости мечтаютъ о выигрышѣ, но ничего не выигрываютъ; поэтому можно себѣ представить, какую радость произвело извѣстіе о пущенномъ въ лотерею каменномъ домѣ. Всѣ бросились брать билеты. Розыгрышъ долженъ былъ происходить въ обворожительной виллѣ Боргезе.

Насталъ воскресный день; погода была божественная; всѣ жильцы нашего дома запаслись билетами и, послѣ обѣда, весь Римъ потянулся въ виллу Боргезе. Я-же, изъ предосторожности и не желая терять времени, остался дома. Выглянувъ въ окно, я увидалъ, что только однѣ собаки спали, утомленныя жарою, среди улицы; кромѣ нихъ не видать было ни одной живой души. Немного спустя, у входной двери моей квартиры раздался звонокъ; а возлѣ этой двери, хозяевами была продѣлана маленькая щель, изъ которой можно было видѣть лѣстницу. На первый звонокъ я не отворилъ; слышу второй звонокъ, смотрю въ щелку и вижу здоровеннаго мужчину, который, судя по его истасканной плисовой курткѣ, показался мнѣ отъявленнымъ воромъ; онъ тщательно разсматривалъ замочное отверстіе. Не зная что дѣлать, ибо я былъ одинъ въ домѣ, я рѣшился повелительнымъ голосомъ закричать:

— „Кто ты такой?“

Онъ остановился, какъ громомъ пораженный, не зная откуда его видятъ; а я, желая показать, что я не одинъ въ домѣ, крикнулъ, какъ будто моимъ хозяевамъ: „Господа, я тотчасъ приду“, и, отворивъ дверь, спросилъ: „Что вамъ надобно?“ Притворяясь больнымъ, человѣкъ говоритъ, что недавно вышелъ изъ лазарета и проситъ помощи.

Я возразилъ на эти слова голосомъ полнымъ негодованія: „Какъ, вы приходите за помощью въ то время, когда весь городъ пустъ; ваше намѣреніе я понимаю, поэтому прошу

отчасъ оставить нашъ домъ, иначе я и хозяева позовемъ жандарма и передадимъ васъ въ руки полиціи. Вы явились не съ просьбою, а со злымъ умысломъ, поэтому идите скорѣе вонъ".

Опустивъ голову, онъ вышелъ. Я-же, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что на улицѣ стоялъ его товарищъ, которому онъ, вѣроятно, сообщилъ о своей неудачѣ, встрѣтивъ осторожнаго жильца. Не будь я дома, мы были-бы всѣ обокрадены. Хозяева, которымъ я предсказывалъ, что въ этотъ день воры хорошо поживятся, очень благодарили меня и удивлялись моей предусмотрительности, благодаря которой уцѣлѣло ихъ небольшое имущество.

Говоря о виллѣ Боргезе, нельзя не упомянуть объ ея очаровательныхъ садахъ, находящихся за Народными воротами, о ея чудныхъ деревьяхъ, о ея прекрасныхъ полянахъ, куда жители Рима спѣшатъ, чтобы насладиться по вечерамъ чистымъ воздухомъ и прохладою; кто не чувствовалъ себя счастливымъ находясь въ этой виллѣ и кто можетъ забыть ее? Всякій иностранецъ, осмотрѣвъ древности Рима, отдыхаетъ въ виллѣ Боргезе.

Но съ этою виллою связано и одно темное воспоминаніе: папа Павелъ V изъ дома Боргезе желалъ расширить эту виллу, присоединивъ къ ней близь-лежащую виллу Ченчи; владѣлецъ этой виллы, Ченчи, человѣкъ богатый (онъ управлялъ дворцомъ папы), имѣлъ прелестную дочь; но онъ былъ тираномъ всего семейства. Родные рѣшились избавиться отъ него и убили его ночью, во время сна вколотивъ ему гвоздь въ ухо, а трупъ его выбросили во дворъ, заявивъ народу и судьямъ, что онъ упалъ съ балкона, будучи не въ своемъ видѣ, и убился. Толки объ этомъ преступленіи уже смолкли, когда, на свою бѣду, семейство Ченчи отдало въ стирку окровавленное бѣлье, которое вначалѣ было тщательно спрятано. Прачка обратила вниманіе на подозрительныя кровавыя пятна и донесла въ судъ. Вся семья Ченчи, съ матерью, была взята подъ стражу, ихъ всѣхъ судили и приговорили къ смертной казни.

Прелестная дочь Ченчи, прозванная la bella Ченчи, кокетливо одѣлась, зная, что она красива и вызоветъ слезы состраданія у всего Рима; всю дорогу, до мѣста казни, она усердно молилась и этимъ надолго запечатлѣла свой образъ въ сердцахъ римлянъ.

Корыстолюбивый папа, желая истребить все семейство Ченчи, чтобы завладѣть виллою, встрѣтилъ помѣху своему намѣренію въ лицѣ младшаго сына Ченчи, невиннаго мальчика, который одинъ изъ всего семейства остался живъ. Чтобы избавиться отъ него, папа приказалъ его оскопить. Такимъ образомъ, вилла Ченчи присоединена была къ виллѣ Боргезе и въ ней сохранился еще маленькій загородный домъ Ченчи и надъ дверьми его гербъ, на которомъ изображено нѣсколько яблоковъ на чистомъ полѣ. Кто только не гуляетъ въ этомъ отдаленномъ уголкѣ виллы Боргезе, всѣ повторяютъ эту ужасную легенду о корыстолюбіи папы Павла V, не пожалѣвшаго даже малолѣтняго наслѣдника Ченчи. Говорятъ, что сохранившійся портретъ Беатричи Ченчи былъ написанъ съ нея Гвидо Рени въ то время, когда она содержалась въ тюрьмѣ.

Замѣчателенъ и монастырь Санъ-Онофріо, гдѣ скончался Торквато Тассо, наканунѣ торжества, которое готовилъ ему Римъ. Въ саду этого монастыря находился чудный, красивый дубъ, который былъ виденъ со всѣхъ концовъ Рима, такъ какъ монастырь стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ; сильная буря сломила однажды это чудное дерево. Другъ мой, пейзажистъ, англичанинъ мистеръ Строттъ, сдѣлалъ съ него гравюру.

Въ церкви монастыря Санъ-Онофріо, гдѣ схороненъ Тассъ, находится скромный памятникъ съ надписью и портретомъ поэта. Съ площади, передъ этимъ монастыремъ, открывается лучшій видъ на Римъ, ибо Санъ-Онофріо стоитъ на одномъ изъ семи холмовъ, на которыхъ построенъ вѣчный городъ.

Упомянувъ о виллѣ Боргезе, я долженъ сказать нѣсколько словъ и о семействѣ богатаго и славнаго князя Боргезе. Фамилія Боргезе ведетъ свое происхожденіе отъ шляпнаго мастера, но, несмотря на это, не изъ одной римской фамиліи не избирались такъ часто папы, какъ изъ семейства Боргезе. Всякій папа имѣлъ обыкновеніе обогащать своихъ племянниковъ; этотъ обычай извѣстенъ подъ названіемъ непотизма, „племянничества“. Благодаря этому счастливому обстоятельству, въ домѣ князей Боргезе скопилось огромное богатство. Къ чести фамиліи Боргезе слѣдуетъ сказать, что, при своемъ богатствѣ, папы изъ этого дома не забывали украшать Римъ превосходными церквами и были меценатами искусствъ.

Наполеонъ I, въ апогеи своей славы и могущества, отдалъ любимую свою сестру Паулину за дядю нынѣшняго (1875 г.) представителя дома Боргезе. Послѣдній Боргезе прославилъ свое имя, вступивъ въ бракъ съ ангеломъ добродѣтели, лэди Шрюссбери. Она плѣняла всѣхъ своею красотою, а состраданіемъ къ страждущему человѣчеству привязала къ себѣ въ Римѣ всѣ сердца, но Провидѣніе не дало ей долговременной жизни, какъ будто сонмъ ангеловъ и святыхъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ имѣть ее въ своей средѣ. Въ веселое время для Рима, въ его октобратѣ, т. е. въ октябрѣ мѣсяцѣ 1840 г., когда всѣ восхищались, видя княгиню среди ея семьи на балконѣ виллы Боргезе, она простудилась, получила неизлечимую въ Римѣ болѣзнь-жабу (Angina) и въ нѣсколько часовъ скончалась. Весь Римъ, услыхавъ объ ея кончинѣ, горевалъ; бѣдные проливали слезы, вспоминая съ признательностью ея несчетныя благодѣянія. При выносѣ ея тѣла изъ дворца Боргезе, всѣ улицы были полны народа, который отпрегъ лошадей изъ кареты, въ которой стоялъ гробъ, и на своихъ плечахъ довезъ его до церкви Santa Maria Maggiore (Санта Марія Маджіоре). Въ Римѣ существуетъ обычай перевозить тѣла высокопоставленныхъ лицъ въ каретѣ, особо для сего имѣющейся. Въ ней стоитъ гробъ, и возлѣ него сидитъ только одинъ духовникъ покойнаго. Такъ отошла въ вѣчность святая и незабвенная красавица, жена Марко Антоніо Боргезе, урожденная Шрюссбери, принесшая своему мужу огромное богатство.

Другая дочь лорда Шрюссбери вышла за потомка, знаменитыхъ въ исторіи Италіи генуэзскихъ князей Доріа. Она была извѣстна только своимъ именемъ, какъ княгиня Доріа, не наслѣдовавъ ангельскихъ добродѣтелей сестры своей.

Только что схоронили княгиню Боргезе, какъ умираетъ князь Піомбино, извѣстный своимъ богатствомъ и примѣрною скупостью, имѣвшій подвалы полные золота и серебра. Не было богача въ Римѣ, у котораго капиталъ заключался-бы въ такомъ количествѣ звонкой монеты. Будучи очень старъ и чувствуя приближеніе смерти онъ приказалъ вѣрной и преданной ему прислугѣ свести себя въ подвалъ, велѣлъ вскрыть свои сокровища и, взглянувъ на нихъ въ послѣдній разъ, на другой день скончался. Не успѣло еще остыть его тѣло, какъ стучатся въ ворота его дома. Отворивъ, слуги видятъ, что пріѣхали роспускн и люди, занимающіеся

очищеніемъ города отъ падали, говорятъ: „Насъ прислали къ вам у васъ околѣлъ оселъ“.

Ихъ прогнали, и вечеромъ въ тотъ день были назначены похороны князя. Всѣ улицы, начиная отъ его дворца, были полны народа, и только что появилась траурная карета съ гробомъ, какъ послышался пронзительный свистъ, ругательства и крикъ: „Въ рѣку! въ рѣку!“ Это у римлянъ самое позорное слово: въ рѣку бросаютъ всякую падаль, и покойнаго князя желали почтить именемъ падали. Съ ужасомъ смотрѣли иные на это поруганіе надъ тѣломъ римскаго князя, но бо́льшая часть народа, стоя на улицахъ сплошною массою и наполняя всѣ окна, кричала, свистѣла, давая покойному самыя обидныя названія. Многіе говорили, что едва-ли найдется въ римской исторіи другой примѣръ подобнаго поруганія.

Богатство князя Ціомбино наслѣдовалъ его сынъ, женатый на весьма красивой княжнѣ Массимо; молодой князь началъ немедленно возобновлять старый дворецъ, чтобы дать заработокъ бѣдному народу, присоединился къ либеральной партіи римской молодежи и былъ назначенъ генераломъ, образовавшейся въ 1848 году, національной гвардіи. Во время бѣгства папы въ Неаполь, онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ перемѣнахъ и случайностяхъ тогдашняго тріумвирата. По возстановленіи папскаго престола въ 1848 г., князь Піомбино долженъ былъ эмигрировать.

XLII.

Иной разъ, вечеромъ, послѣ усидчивой работы, и вмѣсто кофейни, гдѣ встрѣчались одни и тѣ-же личности, я отправлялся, для развлеченія, въ театръ, большею частію въ театръ Волле, гдѣ мѣста были дешевы и актеры, большею частію, хорошіе. Смотря комедіи Гольдони, я отъ души смѣялся игрѣ, неподражаемаго въ роляхъ отцовъ, г. Тадси. Въ этомъ-же театрѣ давались и оперы. Въ памяти моей сохранился обликъ скромной пѣвицы Фонтана; она была слаба здоровьемъ и вскорѣ умерла отъ чахотки.

Въ театрѣ Волле производила фуроръ m-lle Ристори; игра

ея возбуждала въ сердцахъ римлянъ какой-то особенный восторгъ. Въ нее влюбился молодой маркизъ Капранака и, не смотря на свое дворянство, онъ женился на ней, какъ на женщинѣ, обладавшей рѣдкимъ талантомъ. Подобный-же фуроръ Ристори произвела въ Парижѣ; наконецъ, она побывала и въ нашей сѣверной столицѣ. Театръ Волле былъ очень удобенъ; онъ находился почти въ самомъ центрѣ Рима. Бывало, за одинъ папетто (papetto — 20 к. сер.) вдоволь насмѣешься и отъ души насладишься хорошимъ пѣніемъ и прелестною музыкою Беллини или Доницетти. Иной разъ у меня являлось желаніе достать во время карнавала билетъ на первое представленіе въ большомъ театрѣ Аполлона, въ которомъ даются оперы только во время карнавала; остальное время года этотъ театръ бываетъ закрытъ; карнавалъ начинается со втораго дня Рождества и кончается во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста (mardi gras). Достать билетъ на первое представленіе оперы трудно, такъ какъ этотъ вечеръ рѣшаетъ участь антрепренера оперы, т. е. понравятся-ли римской публикѣ ангажированные имъ пѣвцы и пѣвицы. Это первое представленіе еще тѣмъ любопытно, что сидящіе въ ложахъ бель-этажа, угощаются въ этотъ вечеръ на счетъ правительства мороженымъ. По окончаніи перваго дѣйствія, едва успѣютъ опустить занавѣсъ, какъ, словно по волшебству, отворяются во всѣхъ ложахъ двери и оффиціанты разомъ являются съ серебряными подносами, на которыхъ художественно разставлены порціи мороженаго. Ловкость, съ какою это дѣлается, забавляетъ всѣхъ зрителей, особенно молодежь партера.

Если оперная труппа бывала удачная, то меня часто влекло въ театръ Аполлона, гдѣ однажды я увидѣлъ въ бель-этажѣ полную даму, въ черномъ бархатномъ платьѣ; она вся горѣла дорогими каменьями.

Многіе взоры были устремлены на нее, любопытство подстрекнуло и меня узнать, изъ какой страны прилетѣла эта птичка, заинтересовавшая корыстолюбивыхъ римлянъ. И что-же? Узнаю, что это моя землячка, богатая дѣвица Закадатова изъ Одессы. И я тотчасъ рѣшилъ, что она попадетъ въ сѣти какого-нибудь римлянина. Такъ и случилось: въ Римѣ жилъ князь Корсини, богачъ, имѣвшій отличный дворецъ, съ прекрасною картинною галлереею; по разсказамъ римлянъ, когда князь

ѣздилъ въ Вѣну, то ему не было надобности останавливаться по пути въ гостинницахъ, такъ какъ по всей этой дорогѣ были разбросаны его дворцы, въ которыхъ онъ могъ останавливаться. Не смотря на свое богатство и на почтенные года (ему было около 80 лѣтъ), онъ явился претендентомъ на руку и сердце одесской богачки. Весь подкрашенный, въ парикѣ, съ фальшивыми бакенбардами, съ икрами, подбитыми разными подкладками, но ловкій въ обхожденіи, проворный на ходьбѣ, съ легкостью выскакивавшій изъ кабріолета, къ тому-же богатый и обладатель княжескаго титула, онъ получилъ согласіе дѣвицы Закацатовой, о состояніи которой онъ разузналъ отъ ея банкира. Всѣ смѣялись и восхищались успѣхомъ восьмидесятилѣтняго старца, съумѣвшаго побѣдить молодую, дебелую дѣвицу съ туго набитымъ кошелькомъ. Но можно себѣ представить изумленіе новобрачной, когда ея молодой супругъ началъ снимать прикрасы своего старческаго тѣла. Голова, прикрытая отлично-сдѣланнымъ парикомъ, оказалась лысиною; затѣмъ были сняты бакенбарды, смыта краска со щекъ, исчезли прикрѣпленныя фальшивыя брови и вмѣсто круглыхъ икоръ на ногахъ остались однѣ кости.... Разочарованная супруга начала скучать и отъ бездѣлья располнѣла до невѣроятія, такъ что ея мужу пришлось устроить машину, которая подымала ее въ верхніе покои.

Въ царствованіе императора Николая I, по установленному правилу, всѣ наши путешественники, обязаны были по прошествіи пяти лѣтъ возвращаться въ Россію для возобновленія своего паспорта; такъ и княгинѣ Закацатовой-Корсини пришлось ѣхать домой, можетъ быть и не за паспортомъ, а для того, чтобы, по совѣту мужа, забрать съ собою остальныя деньги. Она собралась въ путь, но дальновидный супругъ ея, будучи уменъ какъ италіанецъ и предвидя могущія быть послѣдствія отъ ея тучности, говоритъ ей:

— „Знаешь ли, душечка, твои брильянты грязны, я ихъ отдамъ вычистить, и пріѣхавъ ты будешь въ нихъ горѣть, какъ солнышко“.

Она думать много не привыкла, оставила брильянты и уѣхала. Не долго пришлось новой княгинѣ пожить въ Петербургѣ; вскорѣ по пріѣздѣ, она, безъ страданій, умерла отъ удара. Обобранные ея родные знать не хотѣли объ ея итальянской

прислугѣ, которую она привезла съ собою. Эту прислугу, голодную и недовольную, италіанское посольство отправило обратно въ Римъ или во Флоренцію.

XLIII.

Во время посѣщенія Рима императоромъ Николаемъ I, при немъ находился князь П. М. Волконскій, и меня тогда-же познакомили съ Прасковьею Николаевною Жеребцовой, которая была въ дружескихъ отношеніяхъ съ нимъ. Теперь ихъ обоихъ нѣтъ на свѣтѣ, но я не могу забыть въ высшей степени любезнаго обхожденія и симпатичной наружности г-жи Жеребцовой, въ которой не было ни малѣйшей натянутости. Не скажу, чтобы черты ея лица были особенно красивы, но она понравилась мнѣ съ перваго раза и я не удивлялся тому, что она плѣнила князя и побѣдила всѣхъ его поклонницъ, искавшихъ его расположенія изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Князь остался ей вѣренъ до послѣдняго часа жизни. Для меня Прасковья Николаевна казалась женщиною, въ полномъ смыслѣ слова, симпатичною.

Въ Римѣ была дорогая наша madame Кавосъ, коей мужъ, извѣстный строитель московскаго и др. театровъ, овдовѣвъ, женился вторично. Мнѣ пришлось обѣдать въ ея обществѣ у Ѳ. А. Бруни. Онъ жилъ въ то время у Рипетто, въ большомъ зданіи, выстроенномъ на средства папы Григорія XVI, и жилъ роскошно, такъ какъ его жена обладала рѣдкимъ умѣньемъ всякаго занять и угостить. Ея маленькая дочь Тереза была очень рѣзва и забавна.

Нашимъ товарищемъ по архитектурѣ былъ молодой пенсіонеръ, сынъ честнѣйшаго архитектора Росси, который могъ-бы оставить своимъ дѣтямъ милліоны, такъ какъ имъ построены въ Петербургѣ огромныя зданія, какъ-то: Главный штабъ, Михайловскій дворецъ, Александринскій театръ, театральное училище и произведено множество другихъ колоссальныхъ работъ, но онъ оставилъ имъ одно доброе имя. Мы имѣли несчастіе потерять его во цвѣтѣ лѣтъ, отъ грудной болѣзни.

Затѣмъ и хозяинъ мой, Филиппо Ченчи, какъ я уже сказалъ, началъ хилѣть. Мнѣ казалось, что у него чахотка, болѣзнь

опасная для прочихъ жильцовъ: онъ исхудалъ, кашлялъ и докторъ также подозрѣвалъ въ немъ эту неумолимую болѣзнь. Наконецъ, онъ слегъ въ постель, чтобы болѣе съ нея не вставать. Его причастили и соборовали, и послѣ соборованія священникъ накрылъ его чѣмъ-то въ родѣ ораря, который католическіе священники носятъ на шеѣ; я видѣлъ это въ первый разъ въ жизни. Въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцѣ, въ маленькой комнаткѣ больнаго, подъ крышею, жара была невыносимая. Мнѣ часто приходилось переворачивать больнаго, такъ какъ у старушки жены его прислуги не было и я находилъ, что бѣдный Ченчи до того высохъ, что сталъ похожъ на мѣшокъ съ костями; онъ не могъ принимать никакой пищи, такъ что бѣдняга часто жаловался, говоря: „за что Богъ меня такъ наказываетъ, что я долженъ такъ страдать и умереть, наконецъ, съ голода“. Иной разъ старушка спускалась ко мнѣ и просила сходить въ приходъ позвать священника прочитать отходную, которая въ папской области считается главною молитвою. Напримѣръ, когда во время драки, пылкіе римляне пускаютъ въ ходъ ножи и одинъ изъ нихъ окажется опасно раненымъ, тотчасъ идутъ за священникомъ и первый попавшійся на дорогѣ ксендзъ читаетъ надъ раненымъ отходную. Римскіе священники имѣютъ большой навыкъ узнавать, по пульсу больнаго, много-ли ему остается жить. Въ первый разъ, когда я пошелъ за священникомъ, онъ тотчасъ явился и привѣтствуя больнаго, какъ-бы желая поздороваться съ нимъ, взялъ его руку и незамѣтно ощупалъ его пульсъ, затѣмъ, выйдя къ намъ, онъ сказалъ старушкѣ:

— „Будьте покойны, онъ проживетъ еще недѣлю“.

Между тѣмъ, докторъ, лечившій Ченчи, зашелъ ко мнѣ и сообщилъ, что онъ узналъ его болѣзнь: это не чахотка, а ракъ въ желудкѣ. „Въ удостовѣреніе чего“, продолжалъ врачъ, „какъ скоро онъ умретъ, я возьму карету и мы свеземъ его въ госпиталь Della consolazione (утѣшеніе), гдѣ я при васъ вскрою его“. Прошло семь дней и вновь, какъ теперь припоминаю, въ субботу, около полудня, старушка встревоженная просила меня сходить въ монастырь св. Андрея del Frate (это былъ нашъ приходъ) и позвать священника. Иду, звоню въ большія монастырскія двери, мнѣ отворяютъ, и я говорю служанкѣ: „Филиппо Ченчи умираетъ, хозяйка проситъ священника для отходной“.

„Тотчасъ придетъ“, былъ отвѣтъ. Спустя ¼ часа священникъ явился и, побывавъ у больнаго, сказалъ: „Эту ночь надобно ожидать его кончины; въ 7-мь часовъ вечера я буду у васъ, приготовьте что-нибудь, чтобы я могъ прилечь въ ожиданіи“.

Старушка все приготовила; въ 7 часовъ явился священникъ и прилегъ. Я-же спустился въ свою комнату и просилъ разбудить меня, когда начнется служба отходной. Было около 12 час. ночи, когда хозяйка со слезами позвала меня къ умирающему. Читались молитвы по латыни, которыя умирающій повторялъ, въ нихъ упоминалось имя Маріи и Іосифа, и когда отходная окончилась, умирающій внятнымъ голосомъ сказалъ: „аминь“, послѣ чего голова его закатилась, онъ испустилъ сильный вздохъ и скончался. Тутъ находился племянникъ хозяйки и его мать, которая увела мою старушку къ себѣ. Племянникъ-же обмылъ тѣло своего дяди, и его отнесли внизъ въ мою комнату. Гробъ былъ готовъ, но докторъ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ, что получилъ позволеніе вскрыть тѣло. Онъ надѣлъ на трупъ лѣтній рабочій сюртукъ, нахлобучилъ ему на голову какую-то фуражку, и взявъ покойнаго подъ руки, мы свели его съ лѣстницы и посадили въ карету, закрывъ ему лице. Въ госпиталѣ все было готово: столъ и инструменты. Докторъ сдѣлалъ Ченчи крестообразный разрѣзъ надъ животомъ и я увидалъ, что въ главной кишкѣ образовался, какъ будто, клубокъ, который приходилось раздирать; это доказывало, что пища не могла достигать своего назначенія и что больной умеръ отъ голода. Чувствуя сердечную грусть вслѣдствіе всего видѣннаго мною, я простился съ докторомъ и съ тѣломъ моего хозяина, котораго искренно уважалъ за его живую вѣру, строгость и порядокъ, соблюдавшійся въ его домѣ. Чтобы разогнать грустныя мысли, я отправился въ Альбано, и на другой день возвратился домой, найдя въ моей комнатѣ полный порядокъ. У старушки остался сынъ Антоній. Онъ былъ музыкантомъ въ полку у папы; къ сожалѣнію, онъ сбился впослѣдствіи съ толку, растративъ то малое, что было у его матери, которая умерла послѣ моего отъѣзда изъ Рима, въ крайней бѣдности. У нея былъ еще племянникъ Михеле, простоватый малый; онъ зналъ наизусть названія всѣхъ церквей, различалъ даже звонъ ихъ колоколовъ. Въ дни большихъ праздниковъ, онъ стоитъ, бывало, у открытаго окна и наблюдаетъ, который колоколъ начнетъ звонить ранѣе другихъ.

Онъ аккуратно посѣщалъ церковныя службы, зналъ въ ка
день празднуется какой изъ святыхъ. Покойный Ченчи, к
хозяинъ, старался, чрезъ своихъ знакомыхъ канониковъ и д
ховныхъ лицъ, ввести его въ орденъ іезуитовъ. Іезуиты проси
Ченчи, привести своего племянника. Когда Ченчи явились в
монастырь, генералъ ордена спросилъ: знаетъ-ли онъ наук
имѣетъ-ли даръ слова? Дядя отвѣчалъ, что юноша очень смир
наго характера, послушенъ и т. п. — „Намъ нужно хорошаг
богослова, а добрыхъ людей мы всюду найдемъ“, былъ отвѣт
іезуита.

Когда образовалось новое братство—маркиза del Bufolo
оставившаго для этой цѣли извѣстную сумму денегъ, то Михе
пожелалъ вступить въ это общество и былъ принятъ.

XLIV.

Насталъ знаменательный, историческій для Италіи, 1846-й
годъ, когда она изъ страны разрозненной соединилась въ одно
цѣлое. Началомъ всѣхъ этихъ перемѣнъ послужила кончина
папы Григорія XVI и возведеніе на престолъ Пія IX; это со-
бытіе произошло слѣдующимъ образомъ.

Наступалъ день праздника San Filippo Neri, въ честь кото-
раго построена въ Римѣ отличная церковь и папа ежегодно
совершаетъ въ ней богослуженіе. Въ церемоніалѣ самую инте-
ресную личность составляетъ крестоносецъ, который открываетъ
процессію, сидя, верхомъ на осликѣ, съ большимъ крестомъ
въ рукахъ. Папа ѣдетъ въ церковь въ золотой каретѣ, которая
вся въ стеклахъ, а народъ, стоя на колѣняхъ по всему пути,
получаетъ папское благословеніе. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что
на козлахъ этой кареты не сидитъ кучеръ, а лошадей ведутъ
подъ уздцы папскіе конюха, чтобы кучеръ не сидѣлъ спиною
къ святому отцу.

И вотъ во время богослуженія разнесся слухъ, что папа не
присутствовалъ въ церкви San Filippo Neri, потому что онъ забо-
лѣлъ и у него закрылась фонтанель. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ
папа захворалъ полипомъ въ носу, который не давалъ ему иной
разъ дышать носомъ. Нашелся докторъ, нѣмецъ, пріѣхавшій съ

Рейна, который открылъ ему фонтанель и папа выздоровѣлъ. Святой отецъ наградилъ его приличнымъ подаркомъ, а именно далъ ему всѣ медали, выбитыя въ честь работъ, произведенныхъ въ его долголѣтнее царствованіе. Эти медали были даны доктору въ двухъ экземплярахъ, т. е. по одной золотой и серебряной; возвращаясь на Рейнъ, докторъ былъ обокраденъ и потерялъ все подаренное ему папою.

Два дня спустя послѣ вышеупомянутаго церковнаго праздника, слышимъ, что папа скончался, такъ что въ городѣ ранѣе узнали объ его смерти, нежели объ его опасной болѣзни. Немедленно начались толки о томъ, что̀ станетъ съ Римомъ? Время было трудное. А когда стало извѣстно, что папа при смерти и болѣе не встанетъ, то всѣ его бросили, даже его брадобрѣй Ганданино и тотъ скрылся, такъ что больному некому было подать воды. Говорили также, что даже тѣло его набальзамировали небрежно.

На другой день, послѣ обѣда, я отправился къ храму св. Петра. Пронесся слухъ, что вечеромъ тѣло папы будетъ перенесено въ эту церковь. На улицахъ толпился народъ. Чудная іюньская погода и блестящее солнце скорѣе радовали, нежели печалили воображеніе и умъ. Дорогою я встрѣтилъ весь взводъ швейцарцевъ въ шинеляхъ и съ багажемъ за плечами. Они шли къ кардиналу Камерленгу, на которомъ лежала обязанность, въ случаѣ кончины папы, управлять папскою областью до избранія новаго папы.

Въ это время кардиналъ имѣетъ право даже чеканить монету со своимъ гербомъ. У швейцарцевъ существуетъ обычай, въ случаѣ смерти папы, идти къ кардиналу, заступающему его мѣсто, со своими пожитками и семьями, какъ будто отправляясь домой. Пришедши къ кардиналу, они спрашиваютъ:

„Кто намъ будетъ платить?“

— „Мы платимъ“, отвѣчаетъ кардиналъ.

Тогда швейцарцы вновь идутъ на службу и водворяются со своими пожитками и семействами въ принадлежащихъ имъ казармахъ. Этимъ поступкомъ швейцарской гвардіи оправдывается французская пословица:

„Point d'argent, point de Suisses“.

У главнаго входа св. Петра толпился народъ, выжидая

чего-то; говорили, что скоро понесутъ изъ дворца тѣло папы. Нѣсколько минутъ спустя, вижу проходитъ небольшая процессія: въ срединѣ ея шли кардиналы, придерживая большую доску, покрытую серебрянымъ глазетомъ, съ прикрѣпленными къ ней десятью большими кольцами, на которой, въ полномъ облаченіи, лежало тѣло папы Григорія XVI; держась за кольца, кардиналы внесли тѣло въ церковь св. Петра.

На другой день происходили похороны, а такъ какъ они не представляютъ, по словамъ римлянъ, ничего особеннаго, то я остался дома за работою. Интересный обрядъ совершается вечеромъ, когда при должныхъ свидѣтеляхъ тѣло покойнаго папы кладутъ въ свинцовый гробъ и туда-же опускаютъ монеты и медали, выбитыя въ его царствованіе, въ двухъ экземплярахъ; въ гробъ кладутъ также копіи со всѣхъ булъ, разосланныхъ въ его царствованіе въ разныя страны католическаго міра.

Какъ скоро все это уложено, свинцовый гробъ запаивается, къ нему прикладываются правительственныя печати и его ставятъ, въ присутствіи тѣхъ-же свидѣтелей, въ дубовый гробъ, который стоитъ временно, до кончины слѣдующаго папы, надъ дверьми одной изъ капеллъ св. Петра, въ особо для того сдѣланномъ каменномъ гробѣ, изъ коего его вынимаютъ при кончинѣ другаго папы, и тогда уже хоронятъ окончательно, въ подвалѣ церкви св. Петра, а вновь скончавшійся папа точно такимъ-же образомъ ставится въ каменный гробъ и ожидаетъ окончательнаго погребенія до кончины своего преемника. Съ погребеніемъ папы Григорія XVI, память о немъ совершенно умерла въ народѣ; о немъ перестали говорить, какъ будто его никогда не существовало.

Въ кофейняхъ посѣтители всѣхъ сословій толковали и старались угадать, кто будетъ избранъ новымъ папою. Всѣ боялись тайныхъ обществъ, распускавшихъ среди народа мысли о соединеніи всей Италіи въ одно государство и о томъ, что пора освободить Италію отъ чужеземнаго гнета австрійцевъ; многіе говорили, что все будетъ зависѣть отъ вновь избраннаго папы. Затѣмъ начинались сужденія о кардиналахъ, ихъ достоинствахъ и о томъ, насколько они расположены поддержать желаніе народа. Болѣе всего смѣялись и шутили надъ знаменитымъ лингвистомъ, кардиналомъ Меццофанти; уподобляя собрані

кардиналовъ вавилонской башнѣ, говорили, что онъ одинъ будетъ въ состояніи понимать всѣ нарѣчія представителей католическаго міра. Пока шли эти толки, кардиналы съѣхались и были введены въ длинное одноэтажное зданіе, примыкающее къ Квириналу, раздѣленное на нѣсколько небольшихъ комнатъ. Это собраніе кардиналовъ называется конклавомъ, который иной разъ длится очень долго; кардиналы, во время конклава, совершенно бываютъ отрѣшены отъ своего дома, имѣя при себѣ только одного слугу. Даже, когда имъ привозятъ пищу въ ихъ каретахъ, то всякое блюдо тщательно осматривается, изъ опасенія, нѣтъ-ли въ дичи или пирожкѣ какой-либо записочки. Римляне, изъ любопытства, долгомъ считаютъ каждый вечеръ гулять на горѣ Пинчіо, откуда можно видѣть, избранъ-ли папа или нѣтъ. Если онъ избранъ, то изъ зданія конклава не видать дыма, если-же не избранъ, то видѣнъ дымъ. Это происходитъ отъ слѣдующей причины: каждый кардиналъ идетъ утромъ въ капеллу совершать обѣдню; при окончаніи ея, онъ кладетъ въ общую урну для собиранія голосовъ билетъ съ именемъ избираемаго имъ кардинала. Послѣ обѣда производится счетъ голосовъ въ присутствіи высокопоставленной личности, и если ни одинъ кардиналъ не получилъ должное число голосовъ, то билетики сжигаются и дымъ, видимый съ горы Пинчіо, извѣщаетъ любопытствующихъ о томъ, что папа еще не избранъ.

На этотъ разъ, послѣ самаго короткаго засѣданія кардиналовъ въ конклавѣ, разнесся вечеромъ слухъ, что папа избранъ, ибо дыма не видали. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что при избраніи новаго папы, три первенствующія католическія державы: Франція, Австрія и Испанія имѣютъ право одобрить или отвергнуть сдѣланный кардиналами выборъ, поэтому имя избраннаго кардинала сообщается предварительно посламъ вышеупомянутыхъ державъ, у коихъ имѣются списки съ замѣчаніями на этотъ случай. Какъ скоро съ ихъ стороны не встрѣтится препятствія, то новому папѣ объявляютъ объ его избраніи, отдергивая, какъ говорятъ, съ этою цѣлью занавѣсъ, находящійся вверху надъ его комнатою; говорили, будто съ кардиналомъ Мастай сдѣлалось дурно, когда онъ увидѣлъ свой занавѣсъ отодвинутымъ.

Въ тотъ вечеръ, когда разнеслась вѣсть объ избраніи новаго папы, зайдя въ кофейню Луиджи, я услыхалъ тамъ оживленные

толки объ избранномъ кардиналѣ, какъ объ отъявленномъ ли ралѣ; фамиліи его не припомню, только это былъ отнюдь кардиналъ Мастай, котораго всѣ знали.

Имя новаго папы дѣлается извѣстнымъ только на друг день его избранія, и объявляется съ балкона папскаго двор на Monte Cavallo (Лошадиная гора, названная такъ отъ двух колоссальныхъ лошадиныхъ группъ, украшающихъ фонтан который находится на этой площади). Этотъ дворецъ стоитъ н одномъ изъ семи холмовъ Рима. По принятому обычаю, когд кардиналы засѣдаютъ въ конклавѣ, то всѣ двери дворца Monte Cavallo задѣлываются наглухо кирпичемъ, чтобы совѣщающіеся не могли получить какихъ-либо сообщеній изъ города. Вслѣдствіе этого, когда несмѣтная толпа народа собралась на слѣдующій день къ 10 часамъ утра на площадь передъ дворцомъ, чтобы увидать новаго папу, то въ виду всѣхъ начали ломать заложенную дверь, выходившую на балконъ, и когда эта работа была окончена, на перила балкона былъ постланъ бархатный коверъ и поставлены двѣ большія зажженныя восковыя свѣчи. Тогда появился новый папа, бывшій кардиналъ Мастай; народъ громко привѣтствовалъ его. Онъ благословилъ толпу и ушелъ въ свои покои.

На всѣхъ улицахъ начался говоръ и шумъ; какъ молнія, облетѣло весь городъ имя вновь избраннаго папы, тѣмъ болѣе, что съ вечера народу была извѣстна совсѣмъ другая фамилія, и вдругъ избраннымъ оказался кардиналъ Мастай, всѣмъ извѣстный какъ честнѣйшій и самый справедливый изъ всѣхъ кардиналовъ. Безпечность покойнаго Григорія XVI была всѣмъ извѣстна, всѣ надъ нимъ смѣялись и порицали его, говоря: „Теперь папская область, а можетъ быть и вся Италія воскреснутъ“. Народъ строилъ всевозможныя предположенія, Римъ радовался сдѣланному кардиналами выбору. Тотчасъ стало извѣстно, что кардиналъ Мастай (Ферретти), изъ благодарности къ памяти папы Пія VII, приметъ его имя и будетъ именоваться Піемъ IX.

Дворянинъ Мастай, по бѣдности своей, поступилъ въ молодости на службу въ дворянскую гвардію, которая причисляется къ конницѣ и сопровождаетъ всюду папу верхомъ, одѣтая въ красивый синій мундиръ. Такъ какъ Мастай страдалъ припад-

ками падучей болѣзни, то папа Пій VII совѣтовалъ ему оставить кавалерійскую службу, сопряженную съ опасностью, такъ какъ онъ могъ лишиться жизни въ случаѣ неожиданнаго припадка. Мастай согласился и вступилъ въ духовное братство миссіонеровъ. Исполняя обязанности миссіонера въ Южной Америкѣ, онъ имѣлъ счастье спастись, однажды, отъ убійцъ, которые умертвили всѣхъ его товарищей. По возвращеніи въ Римъ, онъ окончательно вступилъ въ духовное званіе; своею справедливостью снискалъ любовь подчиненныхъ и достигъ высшей, въ духовномъ званіи, чести—папскаго престола. Все это онъ приписывалъ молитвамъ Пія VII, котораго память для него была священна.

Всѣ недоумѣвали, какъ могло случиться, что былъ избранъ Мастай, когда онъ, какъ либералъ, находился въ числѣ лицъ, исключенныхъ изъ списка австрійцевъ. Это политическое недоразумѣніе приписывали французскому послу де-Росси, давшему совѣтъ сообщить австрійскому послу имя другаго кардинала, который вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ Австріи. Благодаря этому все устроилось какъ нельзя лучше и кардиналъ Мастай вступилъ на престолъ.

У новаго папы было два брата, одинъ изъ нихъ находился въ тюрьмѣ, за свои либеральныя идеи, а другой, по той-же причинѣ, долженъ былъ эмигрировать. Будучи делегатомъ папы Григорія XVI въ Романіи, въ странѣ свободомыслящей, гдѣ нѣтъ дома, въ которомъ-бы не оплакивали того или другаго члена семейства какъ изгнанника или томящагося въ тюрьмѣ, будущій папа, Мастай, съумѣлъ привязать къ себѣ этотъ талантливый, красивый и здоровый народъ, составлявшій красу папскаго войска. Делегатъ понялъ хорошія свойства этого народа, и относился къ нему съ уваженіемъ. Однажды, явился къ делегату жандармскій начальникъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что онъ открылъ заговоръ, что имена заговорщиковъ у него записаны, и онъ ожидаетъ за усердіе свое хорошее вознагражденіе отъ правительства. Мастай потребовалъ у него этотъ списокъ. Жандармъ колебался, зная сострадательное сердце делегата, но ослушаться его не смѣлъ. Прочитавъ имена заговорщиковъ, Мастай разорвалъ списокъ и бросилъ его въ каминъ.

— „Что вы дѣлаете, ваше преосвященство (Vostra Emminenza)“, воскликнулъ начальникъ жандармовъ.

— „Будьте покойны, отвѣчалъ делегатъ, — вы не лишитесь награды, а я прочелъ имена виновныхъ, я ихъ всѣхъ знаю и дамъ имъ должное наставленіе и предостереженіе. Довольно сынамъ Италіи томиться въ тюрьмахъ и блуждать по чужимъ странамъ безъ крова и куска хлѣба. Пора осушить слезы престарѣлыхъ матерей, лишенныхъ сыновей, пора возвратить женамъ ихъ мужей и дѣтямъ ихъ отцевъ. Не будемъ умножать число несчастныхъ!“

Подобный великодушный поступокъ не могъ остаться въ тайнѣ.

Въ 1830 и 1831 годахъ, когда вся Италія была потрясена революціею, только въ Романіи все было спокойно, что и доставило делегату Мастай Феретти кардинальскую шапку. Все это я описываю со словъ итальянцевъ, и послѣдующія дѣйствія папы Пія IX придаютъ этому разсказу правдоподобіе.

Избраніе новаго папы было радостнымъ событіемъ для всего народа; Римъ какъ будто воспрянулъ, начались разныя приготовленія къ предстоявшему празднику, 8-го сентября, въ церкви Santa Maria del Popolo. На Народной площади начали воздвигать, по подпискѣ, роскошную тріумфальную арку. Художники, даже иностранные, допускались къ цѣлованію руки у папы; народныя школы и тѣ были имъ приняты въ аудіенціи. Благонамѣренные люди опасались, чтобы не пришлось папѣ поплатиться рано или поздно за такія нововведенія и сожалѣли о томъ, что онъ мало знаетъ римлянъ.

Тогдашній французскій посланникъ де-Росси пострадалъ въ свое время за свои либеральныя идеи, долженъ былъ бѣжать изъ Италіи и сдѣлался профессоромъ правъ сперва въ Парижѣ, затѣмъ въ Женевѣ. Король Людовикъ-Филиппъ, оцѣнивъ его способности, привлекъ его къ себѣ на службу и назначилъ посланникомъ къ папѣ Пію IX. Эти два великіе мужа поняли другъ друга. Де-Росси, будучи итальянецъ и видя въ папѣ Піѣ IX залогъ возрожденія Италіи, выпросилъ у французскаго короля отставку, сдѣлался министромъ святаго отца и въ этомъ званіи началъ хлопотать объ упраздненіи ордена іезуитовъ. Папа долго колебался, но уступилъ, наконецъ, просьбамъ своего министра; орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ, имъ было дозволено остаться въ Римѣ съ условіемъ, чтобы они измѣнили одежду свою, которая ненавистна всякому, знающему ихъ прошлое, и носили-бы

обыкновенное платье католическаго священника. Іезуиты смѣялись надъ этою мѣрою, говоря:

„Не бойтесь и не стыдитесь покроя нашего платья, бойтесь скорѣе нашего ума!“

Многіе обскуранты находили, что іезуиты правы, либералы-же съ презрѣніемъ, при встрѣчѣ съ ними, отворачивались и плевали.

На Народной площади, къ 8-му сентября 1846 г., построена была великолѣпная арка, съ самыми вдохновенными надписями. Улица Корсо съ ранняго утра была полна народомъ, изо всѣхъ оконъ свѣшивались дамаскъ и богатѣйшіе ковры. Погода стояла превосходная; въ окнахъ красовались дамы и дѣвицы, щеголявшія головными уборами и нарядами; всѣ онѣ имѣли букеты цвѣтовъ въ рукахъ. У тріумфальной арки стояла депутація и самъ строитель; въ $10^1/_2$ час. пушечный залпъ возвѣстилъ Риму начало поѣзда изъ дворца папы на Monte Cavallo. Все встрепенулось на Корсо, народъ съ радостью заговорилъ: „Папа ѣдетъ“. Дамскія головки начали высовываться изъ оконъ, посматривая въ даль и любопытствуя увидѣть начало процессіи. Отдаленный крикъ народа возвѣстилъ, что папа въѣхалъ въ главную улицу Рима—Корсо. Эти возгласы становились явственнѣе по мѣрѣ того, какъ процессія подвигалась къ Народной площади. Вдали видѣнъ былъ цѣлый дождь цвѣтовъ, летѣвшихъ изъ оконъ, откуда публика не менѣе усердно махала платками. Процессія была уже вблизи; былъ видѣнъ высокій крестъ въ рукахъ крестоносца, за которымъ шла свита папы, дворянская гвардія, и, наконецъ, молодцы драгуны. Все это блестѣло при лучахъ палящаго солнца.

Наконецъ, показался всѣми въ то время боготворимый сѣдовласый папа Пій IX, сидѣвшій въ своей золотой каретѣ съ радушною улыбкою на устахъ. Отовсюду слышались крики: „Св. отецъ, благословеніе“! и онъ благословлялъ крестомъ стоявшій на колѣнахъ народъ. Подъѣхавъ къ аркѣ, гдѣ воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ цвѣтовъ, которыми была усѣяна вся дорога, золотая карета, по данному папою знаку, неожиданно миновала арку, проѣхавъ мимо нея съ правой стороны, въ то время какъ всѣ присутствовавшіе думали, что карета въѣдетъ подъ арку. Депутація чувствовала себя обиженною, другіе-же восхищались

скромностью папы, не хотѣвшаго принять подобную честь, будучи на тронѣ всего около двухъ мѣсяцевъ. Тріумфальная арка—есть почесть, воздаваемая за многолѣтній трудъ, на поле отечества. Таково было въ то время общее мнѣніе образованнаго класса. Строители и жертвователи остались въ совершенномъ разочарованіи и подверглись народнымъ насмѣшкамъ.

Народъ, видя безпримѣрную любовь св. отца къ своимъ подданнымъ, желалъ почти ежедневно получать отъ него благословеніе, вслѣдствіе чего папѣ приходилось по нѣсколько разъ въ недѣлю выходить на балконъ своего дворца на Monte Cavallo, который украшали, какъ уже было сказано, по этому случаю бархатнымъ ковромъ; держа въ рукахъ двѣ зажженныя свѣчи, папа благословлялъ съ этого балкона народъ, съ крикомъ просившаго у св. отца благословенія. Этою добротою и снисходительностью его многіе были недовольны, такъ какъ торжественное благословеніе было прежде преимуществомъ историческихъ базиликъ и совершалось три раза въ годъ, именно: въ Великій четвергъ—съ балкона церкви св. Петра, въ праздникъ Успенья—съ балкона церкви Іоанна Латеранскаго, и въ праздникъ Благовѣщенія—съ балкона церкви св. Маріи Старшей (Maria Magiore). Теперь-же, по милости всякаго сброда, это благословеніе сдѣлалось чуть-ли не шуточнымъ представленіемъ, оскорблявшимъ санъ первосвященника. Эта снисходительность папы заставила тайныя общества стремиться къ достиженію давно задуманныхъ цѣлей и всѣ надежды свои они возложили на тѣ буйныя головы, которыя за свои либеральныя идеи должны были нѣкогда покинуть Италію и проживая въ Англіи и Америкѣ, сроднились со свободою, не разсчитывая созрѣлъ-ли для этого итальянскій народъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей, печать стала намекать на амнистію, которую можетъ даровать только глава церкви, а за нимъ послѣдуютъ всѣ остальные правители Италіи. Но на дѣлѣ было иначе, напротивъ, всѣ боялись либерализма папы и вездѣ принимали строгія мѣры противъ подданныхъ Папской Области. Какъ скоро амнистія была провозглашена, всѣ эмигранты возвратились въ Римъ, гдѣ разомъ оказалось огромное количество горючаго матеріала, способнаго воспламенить всю Италію. Возвратившіеся эмигранты еще до изгнанія своего считались народомъ неспокойнымъ, теперь-же, испытавъ бѣдность и нужду, а

авное, проживъ нѣсколько лѣтъ въ конституціонныхъ госу-рствахъ, люди эти старались ниспровергнуть существующій рядокъ.

Пріютивъ у себя эти буйныя головы, папѣ слѣдовало обез-ечить ихъ существованіе: доставить имъ работу, занятія и Бста, тѣмъ болѣе, что это были люди талантливые и способ-ые; но объ этомъ, къ сожалѣнію, не позаботились. Сперва они ерпѣливо переносили свое тяжелое положеніе, но бѣдность яла верхъ и въ ихъ пользу стали собирать милостыню по офейнямъ и по церквамъ. А они сами стали волноваться и хлопотать о конституціи. Свободная печать громила министерство апы и подъ ея давленіемъ была торжественно провозглашена онституція; затѣмъ для засѣданій представителей итальянскаго арода было отведено извѣстное по своей прекрасной архитек-урѣ зданіе „la Cancelaria". На эти засѣданія явились замѣча-ельные писатели и ораторы, одушевленные одною мыслью низ-ергнуть существующій порядокъ и учредить республику. Послѣ сего дарованнаго папою, какъ то: амнистія, свободная печать конституція, оставалось только учредить національную гвардію. Добрый Пій IX и на это согласился.

Когда былъ обнародованъ строгій указъ о томъ, что всѣ ители Рима, не исключая иностранцевъ, проживших въ немъ олѣе 10 лѣтъ и получившихъ вслѣдствіе этого право граж-анства, должны нести службу въ національной гвардіи, то мирные и благомыслящіе римляне призадумались, увидѣвъ, что либералы забрали власть въ свои руки, и что папа связанъ, какъ говорится, по рукамъ и по ногамъ, ибо, давши противнику своему оружіе въ руки, онъ долженъ былъ неминуемо сдѣлаться его жертвою; время доказало истину этихъ словъ: не прошло и мѣсяца, какъ папа убѣдился въ этомъ на горькомъ опытѣ.

Не могу забыть разговора, который я имѣлъ вечеромъ въ тотъ день, когда либеральная партія ликовала по случаю обна-родованья указа объ учрежденіи національной гвардіи.

Я стоялъ на горѣ Пинчіо, восхищаясь видомъ на Римъ, при вечернемъ освѣщеніи; возлѣ меня стоялъ молодой патеръ, и когда я заговорилъ съ нимъ о новомъ указѣ, то онъ замѣ-тилъ, что папа, давъ народу оружіе, самъ себѣ готовитъ погибель.

Между иностранцами, особенно между нѣмцами, которые пріѣхавъ въ Римъ, жили тамъ зачастую по нѣсколько лѣтъ этотъ указъ, призывавшій многихъ изъ нихъ на службу, вы валъ оживленные толки. Мои товарищи привыкли кочевать из одного квартала въ другой и, проживъ болѣе 10 лѣтъ въ Римѣ жили въ разныхъ частяхъ города всего по нѣсколько мѣсяцевъ Попы-кураты, по нашему частные пристава, коимъ было пору чено составить списки римлянъ и иностранцевъ, получившихъ права римскаго гражданства, не трудились подвести итогъ годамъ проведеннымъ этими художниками въ Римѣ,—имъ до этого дѣла не было. Со мною-же случилось совершенно противопо ложное.

Я прожилъ на квартирѣ Ченчи безвыѣздно почти 12 лѣтъ и куратъ моей части зналъ меня хорошо и всегда называлъ римляниномъ, вслѣдствіе чего мнѣ и прислали билетъ о томъ, что я зачисленъ въ національную гвардію. Зная хорошо, что хотя эта служба не сопряжена съ трудностями и опасностями но влечетъ за собою потерю времени, я началъ хлопотать о своемъ увольненіи. Прежде всего я обратился къ нашему посланнику Бутеневу. Онъ мнѣ замѣтилъ, что такъ какъ я пользуюсь правами гражданина города Рима, будучи освобожденъ отъ платежей за паспортъ и т. п., то я обязанъ нести и тяжести страны.

— „Впрочемъ, я буду писать объ этомъ въ Петербургъ, вамъ же совѣтую исполнять обязанность, возложенную папою на національную гвардію“.

Мнѣ посовѣтовали пойти къ начальнику національной гвардіи, князю Альдобрадини, высказать ему, что я слабаго здоровья и иностранецъ; вслѣдствіе чего я отправился во дворецъ Боргезе, гдѣ въ пріемной князя нашелъ много военныхъ, и по происходившей суетѣ мнѣ показалось, что тутъ рѣшаются важныя дѣла. Меня допустили къ князю. Онъ принялъ меня вѣжливо и на мою просьбу отвѣчалъ: „какъ? вы чувствуете себя слабымъ? мнѣ кажется, вы здоровы какъ нашъ римскій монахъ; вамъ слѣдуетъ служить“.

Это сравненіе здороваго человѣка съ монахомъ—общепринятое сравненіе; здоровью монаховъ римляне смѣются и въ то-же время завидуютъ.

Какъ скоро римляне получили оружіе, они стали помышлять объ освобожденіи Италіи отъ австрійскаго ига въ Ломбардіи и Венеціи, и начали прилагать все стараніе къ тому, чтобы папа объявилъ Австріи войну, не смотря на то, что союзниковъ не имѣли и не были подготовлены въ военномъ дѣлѣ. Всѣ здравомыслящіе люди удивлялись легкомыслію коноводовъ либеральной партіи. Папа удивлялся этому сумасбродству и не могъ рѣшиться объявить войну лучшему своему союзнику безъ всякой къ тому причины. Неподатливость его огорчала ихъ и злила. Тогда только папа увидалъ, что его доброта и либерализмъ перешли границы, и что несчастные обманутые его подданные падутъ жертвою выказанной имъ слабости характера.

Между тѣмъ, изъ разныхъ провинцій папской области толпами стекались волонтеры. Какъ свои, такъ и иностранцы смотрѣли на нихъ съ сожалѣніемъ, видя въ нихъ мясо для австрійскихъ пушекъ. Въ Римѣ имъ устраивались пышныя встрѣчи, ихъ щедро угощали, стараясь возбуждать ихъ храбрость изысканными рѣчами: римляне-же исподтишка смѣялись надъ ними, сожалѣли объ ихъ участи, говоря, что Наполеону I съ его отличными солдатами было трудно покорить австрійцевъ, здѣсь-же молодежь, едва умѣющая носить оружіе, горсть ребятишекъ, не знающая военной жизни, не бывъ никогда на войнѣ, идетъ сражаться противъ Австріи, одной изъ первыхъ военныхъ державъ Европы.

Въ это смутное, неспокойное время золото и серебро, которыми прежде изобиловалъ Римъ, исчезли, появились въ неимовѣрномъ количествѣ ассигнаціи. Римляне говорили: „Римъ стоитъ на золотомъ и серебряномъ фундаментѣ“, намекая на то, что эти фундаменты сохранены или спрятаны въ подземельяхъ дворцовъ и домовъ. Въ Римѣ появились, въ это время, двѣ совершенно противоположныя партіи, получившія названія либераловъ и отсталыхъ обскурантовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежало все высшее сословіе Рима, иностранцы и художники.

Либералы, разсѣянные во всѣхъ концахъ Италіи, во главѣ бѣдняковъ энтузіастовъ, воспользовались амнистіею папы Пія IX, и наполнили Римъ; къ нимъ принадлежалъ молодой римскій князь Піомбино, который, будучи проученъ поруганіемъ надъ тѣломъ его отца, присоединился къ либеральной партіи.

Всюду шла подписка для составленія капитала на покуп ружей и на обмундированіе національной гвардіи. Отъ аристо кратовъ и духовенства требовались деньги. Мундиръ націо наловъ былъ простой по рисунку, но весьма красивый: синяг цвѣта пара съ краснымъ воротникомъ, съ бѣлыми широки перевязями для темляка, и жаберны. Обмундировка подвигалас быстро, либералы были бѣдны, но сильны, аристократы - и и духовенство были богаты, но безсильны, и страха ради щедр жертвовали деньгами, боясь все потерять, такъ какъ бѣдняк были многочисленны, вооружены и грозно смотрѣли на богатыхъ.

Господствующею мыслію либераловъ было выгнать австрій цевъ изъ Италіи; — мысль смѣлая; новобранцевъ и всю націо нальную армію начали пріучать къ трудностямъ военной службы, къ ружейнымъ пріемамъ, мѣткой стрѣльбѣ, начали утруждать ихъ дальними прогулками, по нѣсколько верстъ, внѣ Рима.

Времени потеряно было много. Ассигнаціи, сдѣланныя сперва цѣною въ одну скуду ($1^1/_4$ руб.), въ провинціяхъ дѣлались стоимостью въ гривенникъ и копейку, они переполняли карманы, терялись и рвались очень легко, что вызывало частыя жалобы.

Знаменитыя римскія вина начали разбавлять водою, и когда дѣлали по этому поводу замѣчанія виноторговцу, онъ доказывалъ причину этого, самымъ наглядным образомъ; взявъ 50 скудъ серебряною монетою, которыя, будучи положены одна на другую, стояли твердо, онъ бралъ затѣмъ ассигнацію и ставилъ ее ребромъ на столъ, отчего она гнулась и падала, и выводилъ изъ этого заключеніе, что прежняя монета, будучи изъ серебра, была тверда, и вино было крѣпкое, не разбавленное, теперешняя-же бумажная ассигнація стойкости не имѣетъ; такъ и вино за нее получается слабое и неудовлетворительное. Однажды у часоваго, стоящаго у римскаго банка, спросили: „отъ кого онъ бережетъ богатства—отъ вора или отъ огня?“

— „Вору здѣсь нечего воровать, я берегу ассигнаціи отъ огня“, отвѣчалъ онъ.

При платежахъ, ни правительство, ни банкиры не имѣли времени разрѣзать или отдѣлять одну ассигнацію отъ другой, и давали деньги въ видѣ длинной бумажной ленты, на которой было напечатано 20 или 30 скудъ; пришедши домой, приходилось отдѣлять одну скуду отъ другой. Фальшивыхъ монетчиковъ

ылась бездна. Однажды на улицѣ, во время сильнаго вѣтра, летѣли съ крыши, въ видѣ бумажнаго дождя мелкіе лис-чки; прохожіе увидали ихъ и убѣдились, что это сѣрыя, только о отпечатанныя ассигнаціи, которыя сушились на крышѣ; онѣ ли унесены вѣтромъ и, летая въ воздухѣ, наконецъ, упали на млю. Подобныхъ труженниковъ было много; они ловили, какъ ворится, рыбу въ мутномъ омутѣ. У либераловъ были свои таенныя мысли; разбирать подобныя продѣлки имъ не было ремени. Особенно невыносимо и пагубно было это время для оровъ и мошенниковъ. Всюду жили люди, числившіеся въ гвар-и, всѣ дома ими были полны. Боже избави, ежели раздавался рикъ: „здѣсь воръ или мошенникъ“. Въ одинъ мигъ сбѣгались есятки вооруженныхъ палашами и творили съ пойманнымъ асправу на мѣстѣ. За то это сословіе легкой наживы терпѣть е могло національную гвардію.

Ѳ. И. Іорданъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Жемчужниковъ.

Къ разсказу Е. Г. Гвоздикова.

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины“ (изд. 1890 г., т. LXVIII), помѣщенъ разсказъ Е. Г. Гвоздикова „Ахметка—башкирскій шутъ“, котораго держалъ при себѣ г. Жемчужниковъ. Объ этомъ Жемчужниковѣ я много слышалъ разсказовъ отъ его пріятеля, покойнаго князя Сергѣя Васильевича Трубецкаго, находившагося въ 1850-хъ годахъ въ Оренбургскомъ краѣ, нижнимъ чиномъ, куда онъ послѣ разжалованія, по дѣлу, сопряженному съ увозомъ г-жи Ж., былъ сосланъ въ одинъ изъ линейныхъ батальоновъ.

Припоминаю одинъ изъ нихъ. Жемчужниковъ, состоя при тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ Василіи Алексѣевичѣ Перовскомъ адъютантомъ или чиновникомъ особыхъ порученій, былъ посланъ по какому-то случаю въ степь; по возвращеніи, будучи большимъ краснобаемъ, такъ увлекъ разсказомъ своего принципала, что тотъ поручилъ ему свой докладъ изложить письменно, намѣреваясь по немъ послать свое донесеніе въ Петербургъ, и въ концѣ добавилъ: „пожалуйста, напишите поцвѣтистѣе“. Жемчужниковъ, получа хотя и служебное порученіе, не могъ не попроказничать; свой черновой докладъ онъ поручилъ переписать писарю такъ, чтобы каждая буква была написана особою краскою, и, выбравъ, когда у генералъ-губернатора былъ большой пріемъ, подалъ свое произведеніе. В. А., развернувъ тетрадь, не могъ понять—что такое, у него зарябило въ глазахъ, Жемчужниковъ же стоялъ въ почтительной позѣ; наконецъ, В. А. обратился къ нему съ вопросомъ: что это такое? Послѣдовалъ отвѣтъ: „докладъ, который в. высокопр--во поручили мнѣ составить“. „Да что эта за радуга?“—„В. высокопр—во изволили приказать написать поцвѣтистѣе, я такъ и сдѣлалъ“.

В. И. Герцыкъ.

г. Муромъ.

Н. П. Огаревъ.

Въ XI кн. журнала помѣщено стихотвореніе Н. П. Огарева: „Много грусти“, въ томъ предположеніи, что оно еще не было напечатано.

Надо допустить, что стихотвореніе это не принадлежитъ къ числу неизвѣстныхъ, такъ какъ оно положено даже на музыку А. Толстымъ и. еще въ 1864 году издано въ Петербургѣ музыкальнымъ магазиномъ Бернарда.

Въ самомъ текстѣ есть незначительная разница противъ напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“, именно: въ 3-й строкѣ вмѣсто словъ „съ радостью“ слѣдуетъ читать „радостно“ и въ 6 строкѣ вм. „онъ“—„тотъ“.

П. И. Порай-Кошицъ.

г. Ярославль.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1859 г. [1]).

11-го октября. Ѣздилъ утромъ въ Царское Село представляться наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу. Онъ еще весьма застѣнчивъ и не привыкъ къ пріему представляющихся. На желѣзной дорогѣ видѣлъ ген. Тотлебена и фл.-адъют. Стюрлера. Послѣдній долго говорилъ о современныхъ вопросахъ и съ большою любознательностью освѣдомлялся о томъ, что дѣлается у насъ въ министерствѣ.

Царское Село по прежнему пахнетъ Версалемъ. Версаль и современные комиссіи и комитеты,—какъ мало между ними общаго! Впрочемъ, между ними два вѣка.

12-го октября. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту. Туго идетъ теперь дѣло у министра (М. Н. Муравьева). Онъ все занятъ маневрами и демонстраціями, ищетъ людей, говоритъ про Бельгію,—однимъ словомъ, такъ далекъ отъ текущаго хода администраціи, что трудно на пять минутъ продержать его на предметѣ доклада.

Видѣлъ оберъ-полиціймейстера гр. (П. Анд.) Шувалова. Онъ за Ростовцевскія комиссіи. Должно быть Ростовцевъ силенъ.

13-го октября. Утромъ представлялся е. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу. У Р** была въ департаментѣ непріятная сцена съ Смирновымъ. Первый, qui est taquin, раздражилъ втораго,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167—182; май, стр. 339—360; іюнь, стр. 603—616; т. LXXI, іюль, стр. 71—82; августъ, стр. 265—278, сентябрь, стр. 547—562.

qui est un rustre. Младшій прикрикнулъ на старшаго. Вечеромъ призывалъ Смирнова. Онъ объявилъ, что подастъ просьбу объ увольненіи отъ должности.

15-го октября. Утромъ въ департаментахъ. Встрѣтилъ на Невскомъ Соболевскаго. Я не узналъ его, такъ онъ измѣнился. Но онъ еще узналъ меня. Видѣлъ Вилькена. Онъ не знаетъ въ какомъ министерствѣ пустить корни, въ нашемъ или въ своемъ.

16-го октября. Вечеромъ въ итальянской оперѣ, гдѣ давали Othello (Tamberlick, Calzolari, m-me Lagrua). Превосходное исполненіе Россиніевской оперы, при знаменитомъ ut Тамберлика. Ужиналъ у Гернгроса.

17-го октября. Въ іюльской книжкѣ Edinburg Review прочелъ, что для высокопоставленнаго лица секретъ къ достиженію дешевой, и потому весьма быстро безслѣдно исчезающей, популярности состоитъ въ drinking toasts, shaking people by the hand, and calling them Jack and Tom. Сказано это въ журналѣ про Георга IV, но весьма напоминаетъ князя (Ал. Аркад.) Суворова.

22-го ноября. Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра. Днемъ ходилъ съ женою по набережной, гдѣ еще пусто, потому что высочайшія особы въ Царскомъ Селѣ. Вечеромъ былъ у Мещерскихъ. Глухо, холодно, скучно, жестко, пусто. У меня постоянная боль въ сердцѣ. Цѣлый день оно будто сжато; иногда менѣе, иногда болѣе, но словно изъ тисковъ не выходитъ.

Меня гнететъ зловѣщее предчувствіе. 1862-й годъ, предназначенный къ празднованію тысячелѣтія Россіи, будетъ-ли праздничнымъ годомъ? Быть можетъ, я ошибаюсь Дай Богъ, чтобы я ошибся. Но мнѣ сдается, что мы наканунѣ сильнаго потрясенія, тяжкихъ испытаній,—если не конечнаго распаденія того, что доселѣ называлось Россіею. Правительство ежедневно болѣе и болѣе обнаруживаетъ и свой внутренній разладъ, и свое внѣшнее безсиліе. А въ тѣхъ силахъ, которыя подъ нимъ движутся и его колеблятъ, какъ мало признаковъ будущаго единства.

23-го ноября. Вопросъ о продажѣ государственныхъ имуществъ помимо министерства государственныхъ имуществъ и malgré le ministre, снова въ ходу. Предсѣдатель государственнаго совѣта испросилъ высочайшее повелѣніе о сосредоточеніи въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта всего производства объ отчужденіи казенныхъ имуществъ, въ томъ числѣ и „государственныхъ“, въ собственномъ смыслѣ, въ послѣдствіе высочайшаго повелѣнія, объявленнаго по комитету финансовъ въ іюлѣ. Высочайшее повелѣніе испрошено безъ предваренія (М. Н.) Муравьева и объявлено

ему государственнымъ секретаремъ въ формѣ, явно обнаруживающей, что оно испрошено собственно для него, противъ него, и чтобы съ нимъ справиться.

(Неудобство) сосредоточенія подобной операціи въ одномъ изъ департаментовъ законодательнаго установленія и допущеніе принципа продажи безъ участія и предувѣдомленія подлежащаго министра очевидно показываетъ, въ какомъ печальномъ колебаніи и разладѣ находится наша государственная администрація. Государь явно затрудняется на кого-либо опереться и на что-либо окончательно рѣшиться, потому что каждый докладываетъ ему дѣла не такъ, какъ они собственно суть, а такъ, какъ этотъ каждый желаетъ, чтобы его величество ихъ видѣлъ. Отсель шаткость. Сегодня, при докладѣ, государь сказалъ самъ министру государственныхъ имуществъ, что означенное высочайшее повелѣніе, только что изданное, „собственно не относится до министерства государственныхъ имуществъ“.

Мнѣ поручено министромъ составить по этому вопросу записку, для доклада государю въ слѣдующій очередный день, черезъ недѣлю.

Въ петербургскомъ университетѣ была, говорятъ, сцена рукоплесканій и т. д. въ честь профессора Костомарова, съ цѣлію демонстраціи противъ распоряженій по казанскому университету, гдѣ и. д. попечителя В* за подобныя шумныя манифестаціи исключилъ изъ университета почти половину студентовъ.

24-го ноября. Утромъ у е. и. в. вел. княгини Екатерины Михаиловны, съ поздравленіемъ. Были тамъ многіе изъ сильныхъ нашего міра, но не всѣ. Беззаботно улыбающійся министръ внутреннихъ дѣлъ (Ланской), едва передвигающій ноги гр. Блудовъ, сильно покачивающійся на своихъ атлетическихъ ногахъ кн. Орловъ, нескладный видомъ, духомъ и дѣяніями графъ Панинъ.

25-го ноября. Утромъ въ департаментахъ. Заходилъ къ Потапову. Вечеромъ дома. У меня былъ П**, en quête de nouvelles. У меня ихъ не искать.

26-го ноября. Цѣлый день дома, за работой. Составлялъ записку для всеподданнѣйшаго доклада, въ отвѣтъ на объявленное Бутковымъ высочайшее повелѣніе о сосредоточеніи производства по продажѣ государственныхъ имуществъ въ департаментѣ экономіи государственнаго совѣта.

27-го ноября. Докладъ по департаменту сельскаго хозяйства. Обѣдалъ у Муравьевыхъ. Министръ говорилъ мнѣ, что кн. Орловъ и Бутковъ оба увѣряютъ, будто-бы докладъ государю по департаменту экономіи государственнаго совѣта сдѣланъ безъ особаго

намѣренія, и только въ родѣ канцелярскаго безсознательнаго пріема (!?). Князь Орловъ находитъ, также какъ и министръ, что продажа государственныхъ имуществъ для извѣстной цѣли, комитетомъ финансовъ указанной, дѣло несбыточное. Муравьевъ былъ очень доволенъ моею запискою по этому предмету.

28-го ноября. Утромъ въ департаментахъ. Обѣдалъ у Штиглицовъ съ англійскимъ посломъ, лордомъ Крэмптономъ, у котораго замѣчательно пріятное и, при совершенно бѣлыхъ волосахъ, замѣчательно свѣжее и молодое лицо [1]), гр. Ферзеномъ, Гернгросомъ, Грейгомъ и еще кое-кѣмъ.

По дѣлу купца Малкова съ генералъ-губернаторомъ П. Н. Игнатьевымъ, Дмитрій Петровичъ Хрущовъ, въ соединенномъ званіи сенатора и гласнаго или старшины думы, написалъ письмо къ государю въ которомъ испрашиваетъ высочайшаго повелѣнія дозволить дальнѣйшее движеніе дѣла. Дѣло было прекращено высочайшимъ повелѣніемъ, воспрещающимъ Малкову подавать дальнѣйшія жалобы. Малковъ правъ; П. Н. Игнатьевъ неправъ. Но дѣло испорчено съ самаго начала нашими предержателями власти, которымъ удалось выпросить вышерѣченное повелѣніе. Давши это повелѣніе, и давъ его сознательно, для поддержанія авторитета генералъ-губернатора, трудно взять его назадъ.

Его величество передалъ письмо на разсмотрѣніе комитета министровъ. Оно обсуживалось въ прошлое засѣданіе, 25-го числа. N. N. пріѣхалъ въ комитетъ и говорилъ въ пользу Хрущова. То-же самое сдѣлали кн. Долгоруковъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ совѣтовъ N. N., и Ланской, по совѣту (Н. А.) Милютина и потому, что онъ съ самаго начала защищалъ Малкова. Другіе члены, въ особенности Чевкинъ и Муравьевъ, сильно указывали на неумѣстное вмѣшательство въ дѣло человѣка, который ни какъ сенаторъ, внѣ сената, ни какъ гласный, внѣ думы, не имѣлъ никакого права на подобное вмѣшательство. Положено — сдѣлать строгое замѣчаніе Хрущову. Опять полумѣра, ничего не значущая и ни къ чему не ведущая. Хрущовъ, очевидно, томится своимъ неучастіемъ въ администраціи и прицѣпляется къ каждому случаю, чтобы выставиться на сцену и faire parler de lui. Какъ ни будь правъ Мал-

[1]) 75-тилѣтній lord John Crampton въ 1860 г. женился на дебютировавшей у насъ въ итальянской оперѣ молоденькой и хорошенькой примадоннѣ Balfe (дочери композитора). Три года спустя, послѣ скандальнаго процесса, супругамъ данъ разводъ, причемъ было удостовѣрено, что бывшая пѣвица не утратила права на couronne de fleurs d'orangers (см. Вольфъ, Хроники Петербургскихъ театровъ, ч. III). Н. В.

ковъ, очевидно, что весь порядокъ управленія выворачивается на изнанку, если каждый изъ вѣрноподданныхъ его величества начнетъ обращаться къ монарху съ письмами, чтобы наставлять правительство на путь истины.

Ростовцевъ боленъ и его болѣзнь, говорятъ, со дня на день принимаетъ болѣе и болѣе опасный видъ. Исходъ сомнителенъ, и, вѣроятно, исходъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій совершится ранѣе, чѣмъ исходъ крестьянскаго дѣла. Казалось, ему суждено было играть до конца въ этомъ дѣлѣ рѣшительную роль. Все шло своимъ порядкомъ. Онъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Внезапно является дѣйствіе той невидимой руки, которая столь часто, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и разсчетамъ, завязываетъ или разсѣкаетъ узлы, поднимаетъ или укрощаетъ бури, и перестанавливаетъ или перемѣняетъ, какъ простыя шашки, видимыхъ двигателей земныхъ событій. Эта рука удаляетъ со сцены знаменитаго автора висбаденскихъ писемъ. Занавѣсъ уже готовъ опуститься за нимъ. Передъ кѣмъ поднимется онъ снова?

29-го ноября. Утромъ у министра. Работалъ.

Были у меня Паскевичъ и Шуваловъ. Первый съ проектомъ письма къ государю по эмансипаціонному вопросу, которое я совѣтовалъ ему не посылать, не получивъ на то предварительно, при удобномъ случаѣ, разрѣшенія. Второй—съ очеркомъ эмансипаціоннаго проекта, довольно удачно составленнымъ.

Графиня Шувалова и княгиня Паскевичъ демонстрируютъ противъ N. N. Онѣ не поѣхали на балъ, 24-го числа. На другой день княжна Львова освѣдомлялась о причинѣ неявки. Дамы отвѣчали извиненіемъ „по случаю нездоровья“, гр-ня Шувалова—мягко, кн-ня Паскевичъ—сухо. На это княжна Львова написала послѣдней, что въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, присылаютъ заблаговременно письменныя извиненія. Тогда кн-ня Паскевичъ возразила, что если это замѣчаніе исходитъ отъ N. N., то она покоряется. но если отъ княжны Львовой, — то удивляется, что сія послѣдняя принимаетъ на себя трудъ ей давать совѣты.

30-го ноября. Государю была сегодня представлена министромъ записка по вопросу о продажѣ государственныхъ имуществъ. Оную повелѣно внести въ совѣтъ министровъ, въ который и пригласить исправляющаго должность предсѣдателя департамента экономіи государственнаго совѣта.

Генералъ Муравьевъ увѣряетъ, будто-бы письмо Хрущова къ Государю отвезла и передала N. N.

1-го декабря. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ ѣздилъ

къ Ланскому, который намедни упрекалъ меня въ небытіи у [redacted] но не засталъ. Впрочемъ, весь день за работой.

По дѣлу о капиталахъ министерства Муравьевъ полагалъ, [redacted] отдѣлался назначеніемъ 10-ти милліоновъ въ распоряженіе генер[redacted] Ростовцева. Но Татариновскій комитетъ самъ себѣ на умѣ. О[redacted] черезъ высшій комитетъ,—Блудовскій,—объ устройствѣ кассовог[redacted] порядка, успѣлъ испросить высочайшее повелѣніе, подвергающ[redacted] въ другой формѣ капиталы министерства государственныхъ им[redacted] ществъ пересортированію и отчасти конфискованію, на основаніи соображеній спеціальнаго, т. е. Татариновскаго комитета. Жалкое положеніе дѣлъ... Между тѣмъ, напрасно генералъ Муравьевъ забраковалъ мой первый проектъ отзыва на требованія Татаринова и вмѣсто того, чтобы обратиться къ существу дѣла, т. е. къ невозможности предать себя со связанными руками въ разбитыя параличемъ руки министерства финансовъ, довольствовался финтом 10-ти милліоновъ и шарканіемъ ноги передъ ген. Ростовцевымъ.

2-го декабря. Утромъ у министра. 5-е засѣданіе училищнаго комитета.

Вечеромъ заходилъ къ Головнину. Изъ разговора съ нимъ вижу, что онъ продолжаетъ быть... и знаетъ все, что дѣлается. Вечеромъ-же у меня былъ П**.

3-го декабря. Утромъ въ департаментахъ. Обѣдалъ у Гернгроса. Вечеромъ у него-же.

Совѣтъ министровъ на сегодня отказанъ, по болѣзни кн. Орлова.

4-го декабря. Утромъ у е. и. в. вел. кн. Николая Николаевича по дѣлу о проектѣ устава общества акклиматизаціи животныхъ и растеній. Видѣлъ тамъ генерала Катенина, который говорилъ пессимистомъ объ общемъ положеніи дѣлъ ввѣреннаго ему края. Потомъ у министра (М. Н. Муравьева) съ докладомъ по департаменту сельскаго хозяйства. Обѣдалъ у Муравьевыхъ.

Генералъ Муравьевъ постоянно выѣзжаетъ на конькѣ тонкостей. Онъ и со мною откровененъ въ формѣ какой-нибудь десятичной дроби. Изъ проскользающихъ признаній или разсказовъ о своихъ дѣйствіяхъ видно, что онъ sehr rührig и по прежнему нигдѣ не стоитъ твердою ногою. Старается держаться за Орлова и Ростовцева. Ѣздитъ къ нимъ и видно кланяется въ глаза, хотя и бранитъ заочно. Въ дѣлѣ о продажѣ государственныхъ имуществъ онъ выхлопоталъ письмо отъ Ростовцева къ государю, въ смыслѣ писаннаго мною всеподданнѣйшаго доклада. Вообще видно, что онъ (Муравьевъ) нисколько не увѣренъ въ своихъ силахъ и своемъ умѣніи при коллегіальномъ обсужденіи дѣлъ. Все старается какъ-

нибудь покончить дѣло en tête à tête и только пріодѣть оное en conclave. Отъ этого дѣла постоянно и раздѣваются, вслѣдъ за пріодѣніемъ. Кто-нибудь разоблачитъ ихъ также en tête à tête и слѣдуетъ опять браться за прежнія продѣлки. Жалкій министръ, жалкая система.

Эмиль Вульфъ женится на Терезѣ Кёхли. Bonne fin de vieux garçon et de demoiselle émancipée. Крѣпко сердиты нареченные наслѣдники Вульфа.

5-го декабря. Утромъ у министра, который объявилъ мнѣ, что предполагаетъ меня занять по крестьянскому дѣлу. Цѣлый годъ онъ брался за другихъ. Теперь рѣшается обратиться въ ту сторону, куда ему, по разнымъ причинамъ, обращаться не хотѣлось.

Дворъ сегодня переѣхалъ въ Петербургъ.

Паскевичъ далъ мнѣ знать, что его записка по крестьянскому вопросу представлена государю 3-го числа. Послѣдствія еще неизвѣстны.

6-го декабря. Былъ днемъ у Шувалова и княгини Голицыной (Суворовой). Когда такимъ образомъ мнѣ случайно приведется свидѣться съ людьми, я всегда возвращаюсь домой съ оживленнымъ сознаніемъ необходимости, — до поры до времени, — съ ними видѣться какъ можно рѣже.

Сегодня получено извѣстіе, что часть праваго Кавказскаго фланга, подъ предводительствомъ Магометъ-Аминя, покорилась. Кн. Барятинскій пожалованъ фельдмаршаломъ. Съ жезломъ отправили къ нему флиг.-адъютанта Дурново. Братъ князя Анатолій назначенъ командиромъ Преображенскаго полка.

Сегодня же, по случаю 25-лѣтія состоянія или численія государя въ Преображенскомъ полку, происходили разныя церемоніи. Въ Михайловскомъ манежѣ былъ парадъ, съ молебномъ, съ проѣздкой государыни императрицы въ фаэтонѣ и въ сопровожденіи трубовъ вдоль фронта, съ отданіемъ ей чести и представленіемъ рапорта государемъ императоромъ.

7-го декабря. Вечеромъ докладъ по 2-му д—ту. До доклада у меня были Паскевичъ и Шуваловъ. Письмо перваго къ государю возвратилось съ характеристическими высочайшими отмѣтками. Противъ мѣста, гдѣ было сказано, что правительство во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать изъ крестьянъ поземельныхъ собственниковъ, государь написалъ, что это существенное условіе, отъ котораго онъ „ни подъ какимъ видомъ не отойдетъ“. Противъ мѣста, гдѣ говорилось о предоставленіи крестьянамъ права отказа отъ земли, государь отмѣтилъ на полѣ: „и тогда помѣщики будутъ

сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру". Противъ замѣчанія, что предположенія редакціонныхъ комиссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, отмѣтка: „да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать". Противъ предположенія, что крестьяне должны получить полную личную свободу не далѣе, какъ черезъ три года: „съ перваго дня по изданіи новаго положенія". Противъ словъ, что выкупъ долженъ быть добровольный: „иначе я его не допускаю". Наконецъ, противъ увѣренія въ добросовѣстности побужденій автора письма: „вѣрю, но сожалѣю о неправильности взгляда".

До написанія этихъ отмѣтокъ письмо Паскевича, вѣроятно, было послано къ Ростовцеву.

8-го декабря. Утромъ у кн. Вяземскаго. Вечеромъ дома. Ростовцевцы, и между ними одинъ изъ ярыхъ,—Булгаковъ, распускаютъ по городу слухъ, что Паскевичъ жестоко отдѣланъ.

Читалъ записки Державина въ „Русской Бесѣдѣ" и княгини Дашковой въ „Отечественныхъ Запискахъ". Не завидное было ихъ время. Неужели не можетъ быть иначе? Не взирая на генералъ-прокуроровъ, россійскую академію, цицаты изъ Дидерота и Жанъ-Жака Руссо, не взирая на лирическія пѣсни пѣвца Фелицы,—такъ и пахнетъ татарскимъ улусомъ.

9-го декабря. Утромъ у министра. Князь (Василій Андреевичъ) Долгоруковъ увѣдомилъ министра, что государь вѣроятно, спроситъ о его мнѣніи насчетъ заключительной статьи Безобразова „Аристократія и интересы дворянства", въ ноябрской книжкѣ „Русскаго Вѣстника". Видно, III-е отдѣленіе прочитало статью. Она написана дѣльно. Но — такъ могли-бы писать въ Англіи, во времена короля Іоанна, передъ истребованіемъ отъ него великой хартіи. Совершенно основательно все сказанное о невыгодахъ государственнаго служилаго ремесла и о преимуществахъ государственныхъ дѣятелей, пользующихся нравственною и матеріальною независимостью, передъ дѣятелями, не имѣющими ни той, ни другой. Совершенно основателенъ также совѣтъ, данный дворянству, превратиться изъ касты въ государственное сословіе въ раціональномъ смыслѣ. Но неосторожны многія выраженія и безъ оглядки обнаружена мысль, что для осуществленія теоріи самоуправленія надлежитъ,—не давить внизъ, привиллегіями, а ограничивать и стѣснять вверхъ, правами. Прямо сказано, въ одномъ мѣстѣ, что сперва нужно обезпечить себѣ уваженіе и довѣріе, а потомъ предъявить свои права. Эти права, конечно, не могутъ быть „предъявлены" не задѣвъ и III-го отдѣленія по весьма различнымъ направленіямъ.

10-го декабря. Утромъ былъ у министра, который занятъ приготовленіемъ къ совѣту министровъ, гдѣ будетъ читаться его докладъ по вопросу о продажѣ государственныхъ имуществъ.

30-го декабря. Анти-ростовцевцы предприняли формальную ажитацію въ имперіи, разослали агентовъ по губерніямъ, получаютъ, какъ говорятъ, des adresses d'adhésion и т. п. Вотъ до чего доведено дѣло и низведено. Одинъ генералъ-адъютантъ и три флигель-адъютанта открыто дѣйствуютъ на свою руку на перекоръ и находятъ себѣ приверженцевъ и помощниковъ(??).

31-го декабря. Утромъ у министра. Потомъ у княгини Голицыной. Вечеромъ дома.

Истекаетъ 1859-й годъ. Смотрю назадъ, требую отчета въ немъ отъ моей памяти. Память отвѣчаетъ съ трудомъ, неохотно, безсвязно. Ея повѣсть похожа на длинную, незаконченную фразу. Вопрошаю сердце. Сердце сжимается и молчитъ. Благодарю Бога. Меня спасала Его десница. Не постигло меня ни одно несчастіе, не испыталъ я ни одного глубокаго горя. Но видно, что Ему не угодно было, чтобы у меня отлегло на душѣ. Бремя тоже. Черепъ по прежнему въ тискахъ. И въ этомъ году я не могу сказать, чтобы я вздохнулъ свободно, вольно, широко, легко, — хоть одинъ разъ. Не видалъ ни разу безоблачнаго неба. Ни разу не преклонилъ головы подъ яркимъ лучемъ счастія.

Господи! еще разъ благодарю.

1860 г.

14-го января. Утромъ въ департаментахъ. У меня были тамъ гр. Медемъ и кн. Ливенъ. Все бьютъ на то, чтобы сохранить неприкосновеннымъ право исключительнаго землевладѣнія въ Курляндіи.

Вечеромъ заѣзжалъ къ Гернгросу. Видѣлъ у него Рачинскаго, только-что возвратившагося изъ Москвы. Онъ говоритъ, что тамъ расположеніе умовъ ультра-красное, въ смыслѣ оппозиціи правительству, и что вообще ожидаютъ катастрофы въ теченіе года. Однако о этому предмету еще отзываются въ шутливомъ тонѣ. Bientôt il n'y aura plus que des égorgeurs et des égorgés, говоритъ Н. В. Сушковъ, et je serai des premiers.—Comment cela? mais ce serait être assassin!—Oui. Mais si l'un est assassinat, l'autre est suicide. Or après un il y a encore moyen de faire pénitence, ce qui est impossible après l'autre.

15-го января. Сегодня генеральскій обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ въ честь кн. Барятинскаго.

Ген. Ростовцевъ опасно боленъ карбункуломъ.

16-го января [1]). Ген. Зеленый говорилъ мнѣ, что на вчерашнемъ обѣдѣ господствовало обычное всеобщее явленіе. Всѣ высшіе міра сего изгибались въ три дуги передъ кн. Барятинскимъ, — за исключеніемъ, впрочемъ, кн. Орлова. Ген. Муравьевъ былъ однимъ изъ самыхъ гибкихъ.

17-го января. Утромъ у обѣдни. Вечеромъ былъ у Гернгроса.

Князю Барятинскому данъ былъ обѣдъ въ англійскомъ клубѣ. На этотъ случай кн. Вяземскій написалъ, по своему обыкновенію, стихи и много стиховъ. Менѣе 10-ти, 15-ти или даже 20-ти куплетовъ онъ, вообще не пишетъ. Весьма хороши двѣ строфы, гдѣ рѣчь о Ермоловѣ. Прочія гораздо слабѣе, и первый куплетъ, гдѣ происходитъ игра словъ на томъ, что кн. Барятинскій взялъ въ плѣнъ Шамиля, но успѣхъ его не „ошеломилъ“, болѣе чѣмъ слабъ.

18-го января. Вечеромъ докладъ до $^1/_2$ 2-го часу ночи по 2-му департаменту. Все прежнія колебанія и прежняя неопредѣлительность взгляда по современнымъ вопросамъ.—Тяжело.—Равнымъ образомъ прежняя гибкость и трусливость въ отношеніи къ другимъ значительнымъ личностямъ. Министръ государственныхъ имуществъ (М. Н. Муравьевъ) явно боится министра юстиціи. Онъ почти преклоняетъ голову, когда произноситъ слово „намѣстникъ“, что непремѣнно уже означаетъ кн. Барятинскаго, а не кн. Горчакова. При всемъ этомъ и прежнее отсутствіе общихъ понятій и убѣжденій о правѣ въ смыслѣ юридическомъ и правительственномъ; α и ω его системы—высочайшія повелѣнія. Законъ для М. Н. Муравьева имѣетъ смыслъ и силу только тамъ, гдѣ только не случится или нельзя пріурочить повелѣнія. Ханъ, бекъ, мирза, паша, мандаринъ,— все, что угодно, но не министръ. Много нужно природнаго ума, смѣтливости и изворотливости, чтобы на дѣлѣ примѣнять къ европейскимъ вопросамъ эти азіатскія средства.

19-го января. Слышалъ отъ Беклемишева о сценѣ, недавно происшедшей между Смирновымъ и (Я. А.) Соловьевымъ въ комитетѣ для составленія проекта учрежденія уѣздныхъ полицій. Смирновъ, выведенный изъ терпѣнія систематическими нападками на губернаторовъ и губернскія власти вообще, сказалъ Соловьеву, что его рѣчи клевета, а онъ самъ клеветникъ. Соловьевъ отвѣчалъ, ударивъ

[1]) Мы опускаемъ почти ежедневно повторяемыя отмѣтки автора: „Утромъ въ департаментахъ“, или „утромъ у министра, потомъ въ департаментахъ. Вечеромъ дома“. Ред.

кулакомъ по столу, что, не смотря на чинъ и званіе Смирнова, онъ его заставитъ молчать. Предсѣдатель, Ник. Алекс. Милютинъ, сказалъ: „господа, мы здѣсь не для личныхъ объясненій; перейдемъ къ § 19-му". Сцена происходила при Беклемишевѣ.

21-го января. Въ Москву, для надзора за цензурою, назначается сенаторъ Щербининъ. Когда онъ передъ отъѣздомъ былъ у разныхъ министровъ, то каждый изъ нихъ выразилъ полное сочувствіе къ свободному печатному слову, и просилъ изъять изъ круга употребленія онаго только одну область,—свое вѣдомство.

Сегодня, говоря о предстоящемъ отъѣздѣ ген. Ростовцева заграницу, М. Н. Муравьевъ сказалъ Зеленому: „быть можетъ, Богъ сохранитъ Якова Ивановича для Россіи". Вспоминаю о coup de poignard, который долженъ былъ, по желанію Муравьева, нанести Ростовцеву Позенъ (см. мою замѣтку подъ 10 мая 1859 г.). Mutantur tempora et nos mutamur in illis.

23-го января. Работалъ по обыкновенію. Утомительно.

24-го января. Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра, который задержалъ меня до 2-хъ часовъ. Заѣзжалъ къ Паскевичу, но не засталъ его. Тяжело на сердцѣ. Уповаю на Бога.

16-го февраля. (Н. А.) Милютинъ разсказывалъ мнѣ на какихъ надѣется защитниковъ дѣла редакціонныхъ комиссій въ высшемъ крестьянскомъ комитетѣ. Прежде всего—на Чевкина, хотя „онъ совсѣмъ дѣла не понимаетъ". Повторяя этотъ отзывъ на счетъ Чевкина, Н. А. Милютинъ лукаво улыбается и, повидимому, думаетъ, „а хорошо понималъ оное самъ Ростовцевъ!" Затѣмъ—на Панина: потому что онъ богатый помѣщикъ и ему будетъ стыдно оппонировать. Наконецъ—на Муравьева, единственно потому, что онъ передъ государемъ и Ростовцевымъ слишкомъ уже высказался и „ангажировался" въ пользу трудовъ редакціонныхъ комиссій. Выходитъ, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ всегда себѣ вѣренъ въ Unzuverlässigkeit. О двуличности съ нимъ и говорить нечего: онъ многоличность.

Грейгъ передавалъ мнѣ подробности свиданія между Панинымъ и вел. кн. ген.-адмираломъ, послѣ назначенія перваго предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій. Панинъ сказалъ, что пріѣхалъ не къ великому князю, а къ государственному мужу, особенно занимавшемуся и интересующемуся крестьянскимъ вопросомъ. Затѣмъ онъ изложилъ свой политическій credo. „У меня есть убѣжденія", сказалъ онъ, „сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданнической присяги, я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя императора. Если я

какимъ либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь, что госу дарь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю тотчас отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно на перекоръ имъ, съ тою, и даже бо̀льшею, энергіею, какъ еслибы я руководствовался моими собственными убѣжденіями". Примѣромъ гр Панинъ привелъ дѣло объ отмѣнѣ литовскаго статута. „Я был противъ отмѣны", сказалъ онъ, „но дѣйствовалъ рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ кто-либо̀ изъ тѣхъ, которые были въ пользу отмѣны".

Грейгъ сказалъ: „c'est l'apologie de la lâcheté la plus complète que j'aie jamais entendue". Другіе отозвались объ этомъ credo слѣ дующимъ образомъ: „Панинъ былъ правъ".

11-го марта. Молодой Демидовъ стрѣлялся съ офицеромъ конной гвардіи Мейендорфомъ, который прострѣлилъ ему обѣ ляшки. Пуля прошла черезъ одну и засѣла въ другой, гдѣ ее не нашли. Въ городѣ очень заняты исканіемъ этой пули и всегдашнее вліяніе золота обнаруживается какъ слѣдуетъ. О Демидовѣ спра шиваютъ съ видомъ участія даже люди, мало съ нимъ знакомые. Говорятъ о немъ осклабляясь, съ какою-то особою пріятельскою физіономіею.

Артиллерійскій юнкеръ бар. Вреде заколотъ шашкою въ Екатерингофѣ. Говорятъ, что онъ умираетъ или умеръ уже, и далъ расписку, что самъ по неосторожности накололся. Но бывшіе съ нимъ товарищи, Витгенштейнъ, Райскій и еще двое другихъ, (все люди оставившіе корпуса, полки или учебныя заведенія), возбуждаютъ сомнѣніе въ истинѣ этого увѣренія Вреде. Говорятъ, что дѣло было за картами и росписка Вреде поддѣльная. Производится слѣдствіе.

Въ Твери была другая исторія. Нѣсколько гусарскихъ офицеровъ и юнкеровъ, въ полупьяномъ видѣ, произвели разныя буйства и объявляли въ какомъ-то селеніи свободу крестьянъ.

Изъ Харькова привезли и засадили въ здѣшнюю крѣпость нѣсколько человѣкъ студентовъ (говорятъ, числомъ до 18-ти), вслѣдствіе открытія какого-то тайнаго общества. Говорятъ, что это дѣло старое, что общество давно упразднилось, и что кн. А. Ѳ. Голицынъ (статсъ-секретарь у принятія прошеній), который здѣсь производитъ слѣдствіе по этому дѣлу, fait mousser la chose.

12-го марта. Министръ постоянно преслѣдуетъ мечту о минимумѣ обязательнаго надѣла для крестьянъ, расчитаннаго такъ, чтобы плата за этотъ minimum по кадастровой оцѣнкѣ равнялась окладному оброку + подушныя. Выходитъ, что мѣстами для сего нужно 0,10 десятинъ, а мѣстами 18 десятинъ на душу.

13 марта. Утромъ у обѣдни. Былъ у меня (кн. Дм. Александр.) Оболенскій. Онъ также находитъ много безсвязности въ распоряженіяхъ.

19-го марта. Читалъ проектъ всеподданнѣйшаго адреса петербургскаго дворянства. Тамъ говорится про заклейменіе его величествомъ слуховъ объ упадкѣ его довѣрія къ дворянскому сословію словами „ложь и клевета“ (въ рѣчи къ депутатамъ 24-хъ губерній) и, между прочимъ, указывается на составленіе въ особомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проекта устройства земскихъ полицій на неизбирательномъ началѣ.

Вечеромъ былъ у меня Н. А. Милютинъ. Въ раздраженномъ состояніи духа.

20-го марта. Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра. Губернскіе депутаты продолжаютъ трудиться надъ контръ-проектомъ по крестьянскому дѣлу.

21-го марта. Передана министру Муравьеву записка князя Д**, отца весьма извѣстной княжны, который въ ней разсказываетъ, что онъ купилъ имѣніе въ Силезіи и устроилъ въ немъ ферму, чтобы русскіе могли туда пріѣзжать и учиться сельскому хозяйству, что онъ купилъ паровой плугъ въ 12 силъ и теперь намѣренъ учредить образцовое хозяйство въ южныхъ степяхъ, что однако-же этого мало для преуспѣянія земледѣлія въ нашемъ отечествѣ, что для сего нужно министерство земледѣлія, и что, въ виду этой необходимости, онъ, кн. Д**, пренебрегая насмѣшками, которыми, обыкновенно, привѣтствуются подобные „выскочки“ (sic), предлагаетъ свои услуги, чтобы употребить нравственный капиталъ, полученный имъ отъ природы (sic).—Все это буквально точно. Все это прочитано вслухъ, при передачѣ записки министру.

22-го марта. Адресъ петербургскаго дворянства былъ предметомъ новыхъ преній въ губернскомъ собраніи. Въ немъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и, между прочимъ, исключено слово „заклеймили“ въ отношеніи къ извѣстнымъ выраженіямъ въ рѣчи къ губернскимъ депутатамъ.

24-го марта. Утромъ на погребеніи кн. И. А. Шаховскаго. Изъ почтенныхъ ветерановъ наполеоновскихъ войнъ остаются въ живыхъ едва-ли не двое: гр. Паленъ и Ермоловъ.

Обѣдалъ у Карамзина, для слушанія чтенія писемъ его отца къ И. И. Дмитріеву. Не вѣдаю, почему съ нами обѣдалъ шефъ жандармовъ, кн. Долгоруковъ. Развѣ въ родѣ essai de censure politique. Въ письмахъ не много замѣчательнаго. (В. Н.) Карамзинъ хвалилъ ихъ съ обыкновеннымъ, рѣзкимъ, раздражительнымъ апломбомъ, который его во всемъ и всюду сопровождаетъ. На сей разъ сыновнія чувства придавали ему менѣе непріятныя формы.

25-го марта. Вечеромъ у вел. княгини Елены Павловны, подъ фирмою княжны Львовой. До полуночи общество забавлялъ фокусникъ, m-r Philippe. Мнѣ надоѣдаютъ эти фокусы и я провелъ весь вечеръ въ другой комнатѣ, en quatre съ фрейлиною Раденъ, гр. Нессельродомъ и скрипачемъ Венявскимъ.

26-го марта. Вечеромъ у всенощной.

27-го марта. Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра. Обѣдалъ у вел. княгини Елены Павловны съ гр. Рибопьеромъ и фрейлиною Раденъ. Вечеромъ былъ у Гернгроса. Товарищъ министра сказалъ мнѣ, что мнѣ къ Пасхѣ жалуется Аннинская лента. Fiat; но обошелся бы и безъ нея.

28-го марта. Утромъ въ церкви. Вечеромъ въ церкви и докладъ по 2-му департаменту. Министромъ мнѣ поручено видѣться съ кн. Долгоруковымъ, претендентомъ на употребленіе своего „нравственнаго капитала“ и на министерство земледѣлія. Сегодня спрашивали о положеніи этого дѣла.

29-го марта. Утромъ въ церкви. Потомъ у министра. Былъ у кн. Долгорукова, который, повидимому, не совсѣмъ здоровъ головою. Онъ городилъ разнаго рода чепуху и, между прочимъ, указывая на вліяніе законодательства на климатъ, утверждалъ, que si les propriétaires riverains du Don étaient tenus à y construire des barrages, il y aurait plus d'eau, et par conséquent il y tomberait plus de pluie, vu qu'il en tombe toujours davantage là, où il y a plus d'eau qu'ailleurs. Въ пятницу онъ будетъ у министра, съ чѣмъ его послѣдняго поздравляю.

31-го марта. Удостоился Св. Причащенія. Былъ у ген. Мандерштерна, въ крѣпости.

1-го апрѣля. Великая пятница. Заходилъ въ Казанскій соборъ. Вечеромъ у всенощной.

2-го апрѣля. Ночь во дворцѣ. Давно не былъ тамъ въ пасхальный праздникъ. Другія лица, и вмѣстѣ съ тѣмъ все тѣ-же. Та-же толпа, то-же въ ней отсутствіе каждаго чувства, кромѣ любопытства насчетъ чужихъ наградъ и нетерпѣнія разъѣхаться по домамъ.

3-го апрѣля. Утромъ былъ у министра, на официальномъ пріемѣ „высшихъ чиновъ министерства“, какъ сказано было въ повѣсткѣ. Видѣлъ, какъ министръ говорилъ съ тремя губернскими предводителями, между которыми былъ Скарятинъ. Подошелъ и слышалъ слѣдующее: „конечно, надобно уладить такъ, чтобы не было обидно ни той, ни другой сторонѣ. И государь это сказалъ. Безъ нарушенія правъ собственности. Впрочемъ, вашъ предсѣдатель ведетъ дѣло осторожно. Онъ министръ юстиціи, и потому у него юридическія

начала въ рукахъ; онъ привыкъ держаться на уровнѣ права и, какъ министръ юстиціи, будетъ наблюдать, чтобы права не были нарушены, т. е. онъ будетъ исполнять волю государя. Эмансипаціи, конечно, всѣ желаютъ. Итакъ, все дѣло, я увѣренъ, легко уладится и будетъ разрѣшено безъ затрудненій и удовлетворительно".

— Поздравляю, сказалъ я Скарятину: наконецъ-то, вы знаете, чего вамъ ожидать и какъ все дѣло устроится.

Адресъ петербургскаго дворянства былъ представленъ государю и, говорятъ, возвратился въ портфелѣ представлявшаго оный министра внутреннихъ дѣлъ, безъ всякой высочайшей резолюціи. Вновь избранный губернскій предводитель, гр. Шуваловъ, еще не утвержденъ. Въ четвергъ адресъ будетъ предметомъ совѣщанія совѣта министровъ.

Гр. Панинъ хотѣлъ назначить членомъ редакціонныхъ комиссій гр. Владиміра Бобринскаго. По этому поводу Бобринскій былъ у государя. Аудіенція прекратилась холодно и сухо, вслѣдствіе отказа Бобринскаго участвовать въ занятіяхъ комиссіи безъ права заявлять особыя мнѣнія или права не подписывать заключеній большинства, съ которыми онъ былъ бы несогласенъ. Государь говорилъ, что этотъ порядокъ для этой комиссіи такъ установленъ. Гр. Панинъ сказалъ Бобринскому весьма наивно: „mais ce que vous dites est la condamnation de toute ma carrière; j'ai passé ma vie à signer des choses que je n'approuvais pas".

4-го апрѣля. Утромъ ѣздилъ благодарить государя. Предъ аудіенціей провелъ цѣлый часъ en tête à tête съ (В. Г.) Татариновымъ, который также представлялся, чтобы благодарить за награду (чинъ). Татариновъ, повидимому, разсудительный и здравомыслящій человѣкъ, хотя и не быстраго ума и не широкихъ взглядовъ. Мы были позваны вмѣстѣ. Государь благодарилъ за наши труды и былъ любезенъ. Но когда онъ спросилъ Татаринова о положеніи дѣлъ его комиссіи и о возникшемъ, по протестамъ нѣкоторыхъ депутатовъ, отдѣльномъ вопросѣ о составленіи смѣтъ на будущій годъ, то Татариновъ началъ объяснять ему дѣло неясно и аудіенція прекратилась.

Вечеромъ читалъ переписку Гумбольдта съ Варнгагеномъ. Wahrheit ist man nur denen schuldig, die man tief achtet, — also Ihnen,—пишетъ первый второму по поводу seiner Impietäten. Гумбольдтъ обнаруживаетъ въ этой перепискѣ умственныя и политическія тенденціи d'une gauche assez avancée. Заодно съ Фр. Араго, съ кѣмъ онъ былъ весьма друженъ. Почему высокіе умы такъ склонны чваниться своимъ безбожіемъ? Явно, что это льститъ ихъ

самолюбію. Слѣдовательно—слабость, слѣдовательно—недугъ, сл
довательно самое безбожіе это есть не признакъ здравой силы у
а только признакъ болѣзненности въ умѣ, впрочемъ, сильномъ и свѣ
ломъ. Развѣ нельзя быть Гумбольдтомъ и христіаниномъ? Замѣч
тельно, что въ перепискѣ два пробѣла: за время ландтага 1847
и за время мартовской революціи. Вѣроятно, письма, въ эти періо
писанныя, не отличались прозорливостью et jureraient avec le rest
Ихъ предпочли оставить подъ спудомъ. C'est ainsi que l'on éc
l'histoire. Надѣюсь, что если когда-либо напечатаютъ мои записк
то не вычеркнутъ ошибочныхъ воззрѣній. Неужели ошибка въ пре
видѣніи менѣе поучительна, нежели вѣрное предугадываніе бу
дущаго?

5-го апрѣля. Обѣдалъ у Веневитиновыхъ. Послѣ обѣда добры
Веневитиновъ пустился въ разговоръ о современныхъ дѣлахъ с
И. В. Сабуровымъ.

— „Jusqu'à présent", сказалъ онъ,—la Russie était un roc contr
lequel toute la mousse (sic!) de l'Europe venait se briser. Si ce ro
est renversé, que deviendra l'Europe?"

П. А. Валуевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1867 г. [1]).

Январь 1. Воскресенье. Заходилъ, между прочимъ, справиться о здоровьѣ Николая Алексѣевича Милютина. Онъ очень плохъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, ему грозитъ размягченіе мозга.

„Голосъ“ прощенъ: ему дозволено выходить въ свѣтъ.

4. Среда. Вечеръ у президента академіи наукъ. Многое множество людей всякаго рода, т. е. ученыхъ и чиновниковъ. И все время пробесѣдовалъ съ оберъ-прокуроромъ Семеновымъ и астрономомъ Смысловымъ.

8. Воскресенье. Служеніе наукѣ, конечно, составляетъ и у насъ, какъ вездѣ, одно изъ важнѣйшихъ призваній для людей, одаренныхъ сильною мыслью и талантомъ. Но есть два способа

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592.

служить наукѣ. Одинъ состоитъ въ накопленіи и въ разработкѣ матеріаловъ: это фактическій способъ; другой—въ группировкѣ этихъ матеріаловъ, въ возведеніи изъ нихъ зданія, въ освѣщеніи ихъ: это способъ, такъ сказать, духовный. Оное надо дѣлать и сего не оставлять. Наукѣ также нуженъ смыслъ, идея, какъ искусству нуженъ идеалъ.

Эстетическій характеръ произведеній искусства состоитъ въ красотѣ образовъ, содержаніе которыхъ соотвѣтствуетъ требованіямъ мысли и чувства. А какъ эти потребности бываютъ различны, смотря по времени, народностямъ и разнымъ періодамъ человѣческаго развитія, то и содержаніе художественныхъ образовъ бываетъ чрезвычайно различно. Со стороны художника большая ошибка не соразмѣрять содержаніе своего произведенія съ дѣйствительными потребностями даннаго періода и подчинять его требованіямъ поколѣнія отжившаго.

Поутру былъ у Ивана Леонтьевича Янышева, который сдѣланъ ректоромъ Александро-Невской духовной академіи. Онъ принялъ меня съ прежнимъ дружелюбіемъ. Вечеръ у Краевскаго.

13. Пятница. Вчера умеръ Н. И. Гречъ. Сегодня я заѣзжалъ къ его женѣ, Евгеніи Ивановнѣ, и, между прочимъ, просилъ ее доставить мнѣ кое-какія біографическія свѣдѣнія о немъ. Мнѣ хотѣлось-бы помянуть его правдивымъ словомъ. Не смотря на нѣкоторыя черты характера и поступки, которые не разъ возстановляли противъ него общественное мнѣніе, Гречъ, все-таки, былъ замѣчательный дѣятель въ литературѣ и человѣкъ съ несомнѣнными способностями и заслугами. Въ послѣднее время онъ былъ у насъ почти забытъ; но это участь многихъ изъ нашихъ знаменитыхъ людей. Имъ надобно умереть, чтобы о нихъ вспомнили и ихъ оцѣнили. Покойному было 80 лѣтъ.

14. Суббота. Часто случается слышать о какомъ-нибудь общественномъ или государственномъ лицѣ: „Онъ не знаетъ Россіи“. Справедливъ-ли этотъ укоръ? Кто изъ насъ можетъ похвалиться, что знаетъ ее? Правда, многіе изъ нашихъ администраторовъ и писателей не знаютъ даже статистики, не только государства, но даже тѣхъ отдѣльныхъ мѣстностей, о которыхъ пишутъ статьи и книги или для которыхъ составляютъ проекты

правленія—это, конечно, непростительное невѣжество. Но характеръ народа, его политическое и нравственное значеніе или назначеніе, кому они извѣстны? Опредѣлились-ли они, выразились-ли на столько, чтобы можно было составить о нихъ точное понятіе и судить о нихъ? Русскій духъ, русская интеллигенція, русская народность — что это такое, какъ ни слова, ни общія слова въ нашихъ сужденіяхъ, хотя въ дѣйствительности это великія, многозначительныя сущности? Но потому-то что онѣ великія, многозначительныя, ихъ и не легко опредѣлить и не слѣдуетъ къ нимъ относиться легкомысленно.

Вечеръ у Ржевскаго. У него, между прочимъ, собираются сторонники, такъ называемыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, среди которыхъ особенно выдается редакторъ „Вѣсти“ Скарятинъ. Я по временамъ заглядываю туда, чтобы имѣть понятіе и объ этой сторонѣ нашей общественности. Притомъ, здѣсь узнаешь и многіе любопытные факты и слышишь любопытныя сужденія. Такъ, напримѣръ, сегодня кто-то, предсѣдатель какой-то комиссіи, ѣздившій, по порученію правительства, въ Среднюю Азію, разсказывалъ очень много интересныхъ вещей о тамошнемъ краѣ и народности, а также о генералѣ Черняевѣ, отъ котораго этотъ кто-то въ восхищеніи. Если вѣрить всему, что я слышалъ сегодня, то наше правительство дѣлаетъ въ Азіи огромныя ошибки.

15. Воскресенье. На свѣтѣ есть одна серьезная вещь — это смерть.

Вечеръ у Тройницкаго, гдѣ обыкновенно собираются представители высшей бюрократіи—директоры департаментовъ, члены министерскихъ совѣтовъ, сенаторы и проч. Странны наши русскіе люди! Вмѣсто того, чтобы поддерживать новое, какое-нибудь зарождающееся общественное учрежденіе, они всѣми силами стараются его опорочить и уронить. Такъ, напримѣръ, дѣлается и съ земскими учрежденіями. Нѣкоторые господа считаютъ долгомъ своего остроумія осмѣивать все, что тамъ говорится и дѣлается. Я вчера и сегодня наслушался много подобныхъ вещей. Впрочемъ, самъ Тройницкій, хотя и товарищъ министра, чуждъ этого стремленія.

Поутру былъ еще у Марка (Любощинскаго): этотъ всегда стоитъ за всѣ добрыя начинанія.

Совѣтъ по дѣламъ печати недавно давалъ обѣдъ своему бы шему предсѣдателю Щербинину. Какъ опошлились всѣ з обѣды! Всѣ знаютъ какой плохой предсѣдатель былъ Щерб нинъ, никто его не уважалъ и теперь не уважаетъ, а, меж тѣмъ, въ честь его устраиваютъ праздникъ.

16. Понедѣльникъ. На похоронахъ Н. И. Греча. Отпѣва его въ лютеранской Петропавловской церкви, а похоронили Волковомъ кладбищѣ. Въ церкви мало-кто былъ, а на кладби и еще того меньше. Меня удивило присутствіе въ церкви гра Строгонова, Григорія Александровича, который вмѣстѣ мною несъ гробъ спереди. Изъ сановныхъ людей были брат Княжевичи, да еще два-три звѣздоносца, три-четыре литер тора, три-четыре академика — вотъ и вся чиновная и умстве ная знать. Я отправился на кладбище вмѣстѣ съ Струговщ ковымъ.

Земское с.-петербургское собраніе закрыто правительственно властью.

Въ № 17-мъ напечатано уже не только о закрытіи, но об уничтоженіи земскаго с.-петербургскаго собранія, т. е. прекращеніи его дѣйствій на будущее время.

17. Вторникъ. Пишутъ изъ Одессы въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (№ 17), что тамъ умеръ Билярскій, Петръ Спиридоновичъ, нашъ академикъ и профессоръ Одесскаго университета.

Уничтоженіе земскихъ собраній Петербургской губерніи — гибельная мѣра. Не предвѣщаетъ-ли оно впереди ихъ общаго уничтоженія, т. е подчиненія власти министровъ и губернаторовъ? Валуевъ это, конечно, хорошо понимаетъ. Стать выше закона, дать своему произволу полный просторъ, всегда было его задачею. Стоитъ только преувеличить движеніе въ обществѣ и въ земствѣ, обвинить ихъ въ нигилизмѣ — и съ этимъ можно достигнуть всего, чего угодно. Вѣдь посягаютъ уже и на суды. Говорятъ, на-дняхъ еще былъ внесенъ въ комитетъ министровъ проектъ объ учрежденіи какого-то контроля изъ высшихъ административныхъ лицъ надъ судами и надъ всѣми судебными учрежденіями, не исключая и сената. Вотъ что дѣло, такъ дѣло! На этотъ разъ проектъ о подчиненіи судовъ административной власти не прошелъ.

18. Среда. Въ № 8 газеты „Москва“ напечатана статья по поводу панихиды по убіеннымъ кандіотамъ. На эту панихиду надо было испрашивать разрѣшеніе отъ высшей петербургской администраціи. Редакторъ газеты очень сильно осуждаетъ необходимость испрашивать дозволеніе на проявленіе всякаго общественнаго чувства и еще смѣлѣе касается зависимости церкви отъ свѣтскихъ властей. Главное управленіе по дѣламъ печати хотѣло дать предостереженіе редакціи, но ограничилось внушеніемъ.

20. Пятница. Крузе, предсѣдатель с.-петербургской земской управы, сосланъ въ Оренбургъ, графъ Шуваловъ—въ Парижъ, сенатору Любощинскому велѣно подать въ отставку.

Газетѣ „Москва“ дано первое предостереженіе („Сѣверная Почта“ № 15).

21. Суббота. Двадцать пять лѣтъ правилъ нами страхъ. И что-же вышло? Пагубная крымская война, закончившаяся постыднымъ миромъ, польская революція, страшное разстройство финансовъ и вообще всякое разстройство, деморализація всѣхъ сословій, нигилизмъ съ гнуснымъ посягательствомъ на цареубійство.

Споръ въ засѣданіи академіи наукъ. Г. говоритъ въ своей небольшой статьѣ, что Карамзинъ сдѣлалъ много новаго для письменнаго нашего языка. Другіе это отрицали. Пекарскій, какъ подобаетъ великому демократу, вовсе отрицалъ значеніе геніальныхъ личностей въ дѣлѣ образованія и языка. С—ій вступилъ въ обычныя свои педантическія объясненія, въ которыхъ тоже отвергалъ значеніе таланта.

Былъ у Марка (Любощинскаго). Онъ очень разстроенъ.

Нѣсколько часовъ спустя получилъ отъ него извѣстіе, что сенаторство ему возвращено.

22. Воскресенье. Вчера настала оттепель въ природѣ: если-бы она принесла оттепель и въ нашихъ дѣлахъ, а именно—смягченіе указа объ уничтоженіи с.-петербургскаго земскаго собранія.

Человѣкъ есть сила самообразующаяся. По крайней мѣрѣ, онъ способенъ развиться до степени этой силы.

Сильные и мрачные толки о судьбѣ нашихъ земскихъ учрежденій. Всеобщее неодобреніе мѣры, принятой относительно Петер-

бургской губерніи. Въ № 15 „Московскихъ Вѣдомостей“ цѣ
комъ напечатанъ актъ тамбовскаго собранія, въ которомъ
исчисляетъ крайнія затрудненія, порожденныя закономъ 21 ноябр
и проситъ правительство обратить на это вниманіе. Актъ наш
санъ умно.

23. Понедѣльникъ. Какое странное сопоставленіе нигилизма съ земскими учрежденіями! А между тѣмъ, оно сдѣлано потому что спб. земское собраніе уничтожено, какъ какое-нибудь тайное нигилистическое общество.

24. Вторникъ. Замѣчательная статья въ № 18 газеты „Москва“ въ отвѣтъ на сдѣланное ей предостереженіе.

27. Пятница. Сѣтованія на уничтоженіе петербургскаго земскаго собранія не прекращаются. Нѣтъ никого, кто не порицалъ-бы Валуева и Шувалова, которыхъ считаютъ виновниками этого дѣла.

Между тѣмъ, говорятъ, и за-границей общественное мнѣніе все больше и больше настраивается противъ Россіи. Фонды наши вездѣ страшно упали; кредитъ окончательно подорванъ; сдѣлки по желѣзно-дорожнымъ дѣламъ приняли самый невыгодный оборотъ. Въ „Таймсѣ“ въ передовой статьѣ прямо говорится *по* поводу нашихъ земскихъ учрежденій, что въ Россіи все такъ ненадежно и смутно, что съ ней нельзя вступать ни въ какія сдѣлки. Бисмаркъ еще до катастрофы съ этими учрежденіями произнесъ въ Прусской палатѣ рѣчь о насъ въ весьма обидномъ, насмѣшливомъ тонѣ—и это въ близкой, дружественной намъ державѣ! Положеніе Россіи становится день ото дня мрачнѣе и затруднительнѣе.

28. Суббота. Въ № 20 „Народнаго Голоса“ напечатана чрезвычайно рѣзкая статья противъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Издаетъ эту газету какое-то странное, загадочное существо — Литвиновъ-Юрьевичъ. Онъ прямо, безъ всякихъ околичностей, выдаетъ себя за какого-то агента. Ему дано пособіе на изданіе газеты. Въ ней участвуетъ съ нимъ Джунковскій, который перешелъ изъ православія въ католичество, пребывалъ въ немъ двадцать лѣтъ въ качествѣ монаха и занималъ высокія въ духовной іерархіи должности, потомъ снова обратился въ православіе и теперь живетъ въ Петербургѣ. Онъ студентъ нашего университета, и я хорошо его зналъ. Онъ отличался страстью

къ писательству и закидывалъ меня сочиненіями о всевозможныхъ предметахъ, которыхъ вовсе не зналъ или зналъ плохо, за что получалъ отъ меня профессорскія нотаціи. Потомъ, едва умѣя читать по-гречески, онъ вздумалъ переводить Одиссею. Впрочемъ, онъ обнаруживалъ способности. Вскорѣ по выходѣ изъ университета онъ участвовалъ въ „Маякѣ“, издававшемся Бурачкомъ, а въ заключеніе уѣхалъ изъ Россіи и обратился въ католичество. Монахомъ онъ вздумалъ жениться, на что, разумѣется, не получилъ разрѣшенія отъ папы. Но онъ все-таки женился, бросилъ католичество и возвратился въ Россію, гдѣ началъ писать злыя, обличительныя статьи на папу и католиковъ. Говорятъ, жена его бросила, и онъ теперь здѣсь живетъ одинокимъ.

Вечеръ провелъ у добрѣйшаго и почтеннаго В. М. Княжевича.

29. Воскресенье. Вечеръ у Тютчева. Писемскій читалъ свою трагедію: „Гладкій“ изъ временъ Бирона, регентства Анны Леопольдовны и вступленія на престолъ Елизаветы. Пьеса не лишена достоинствъ. Она чище другихъ пьесъ Писемскаго.

30. Понедѣльникъ. Я никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи и оттого остаюсь одинокимъ. Хотя это лишаетъ меня извѣстнаго рода популярности, къ чему въ свое время я, конечно, не былъ не чувствителенъ, однако теперь я не ропщу на мое одиночество. Оно избавило меня отъ зависимости и тревогъ, неразлучныхъ съ прилѣпленностью къ извѣстному образу мыслей, который не возникъ изъ тебя самого; оно дало уму моему силу расширить горизонтъ свой и уберегло его отъ односторонности и мелочности, и, если я до сихъ поръ сохранилъ нѣкоторую свободу духа и характера, то этимъ я обязанъ моему одиночеству.

Дѣлать и говорить можно горячо, но ни говорить, ни дѣлать не должно сгоряча.

Февраль 1. Среда. Вечеръ у **. Множество всякихъ людей — мужчинъ и женщинъ. Хозяинъ познакомилъ меня съ Витте, директоромъ народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ. Мнѣ показался онъ человѣкомъ вполнѣ обыкновеннымъ. Онъ говоритъ очень много, но у него все выходятъ больше слова, чѣмъ мысли. Онъ самъ себѣ придаетъ цѣну за то, что

служилъ съ пользою русскому дѣлу въ Польшѣ. Мы что-то н
слышали про русскій патріотизмъ, да и, вообще, про высшія
стоинства Витте, а извѣстно только, что его, какъ говорит
вывелъ въ люди N. N., у котораго онъ былъ домашнимъ че
вѣкомъ.

3. Пятница. Иное дѣло знаніе, и иное дѣло мышлен
Знаніе невозможно безъ мышленія, но мышленіе, само по себ
составляетъ непреодолимую потребность человѣческаго духа. К
чему-бы оно ни стремилось, какихъ-бы результатовъ ни дост
гало, оно является основнымъ закономъ нашей природы. Въ нем
и изъ него возникаютъ вопросы о жизни, о сущности все
сущаго, о Богѣ, о судьбѣ и назначеніи человѣка. Ограничи
мышленіе областью знанія, осудить его стремленія подъ предл
гомъ недостовѣрности его выводовъ и недостижимости его цѣли.—
значитъ все равно, что воспретить дышать.

7. Вторникъ. Графъ Шуваловъ вносилъ два проекта в
государственный совѣтъ: одинъ о томъ, что все Поволжье испол
нено дурнаго духа, и потому необходимо все это пространст
оцѣпить жандармскими агентами, раздѣливъ ихъ на группы. Дл
этого графъ требовалъ кредита въ восемьдесятъ тысячъ рублей.
Другой проектъ его касался усиленія карательныхъ мѣръ про
тивъ тайныхъ обществъ и противъ зловредныхъ покушеній в
земскихъ собраніяхъ. Нашелся одинъ изъ членовъ государствен
наго совѣта, который замѣтилъ, что крайне неприлично смѣши
вать тайныя общества съ земствомъ.

Былъ Чижовъ. Обычная съ нимъ дружеская бесѣда.

8. Среда. Раутъ у министра народнаго просвѣщенія. Тутъ
между прочимъ, занималъ общество своими разсказами Горбу
новъ. Онъ, дѣйствительно, мастерски схватываетъ и передаетъ
черты народныхъ типовъ. Министръ былъ очень озабоченъ
извѣстнымъ скандальнымъ происшествіемъ въ Московскомъ уни
верситетѣ. Профессора Дмитріевъ и Чичеринъ со своими
приверженцами—всего семь человѣкъ—подняли настоящее воз
станіе противъ ректора и совѣта. Университетъ хотѣлъ выбрать
на слѣдующее пятилѣтіе профессора Лешкова, а тѣ не хотѣли.
и Чичеринъ написалъ и прочиталъ въ совѣтѣ обидную бумагу
по этому поводу. Дошло дѣло до министра, который не одобрилъ
дѣйствій меньшинства. И вотъ теперь лица, составляющія это

меньшинство: Чичеринъ, Дмитріевъ, Соловьевъ, Бабстъ и кто-то еще подаютъ въ отставку.

11. Суббота. Вечеръ у графини Блудовой. Тамъ встрѣтилъ мою бывшую ученицу, фрейлину Воейкову. Она мало перемѣнилась.

Мы считаемъ правительство какимъ-то богомъ; думаемъ, что оно, какъ само небо, должно стоять выше общества и по умственнымъ качествамъ, и по добродѣтели, и по знанію — и оттого требуемъ отъ него чуть не безошибочныхъ дѣлъ. Но развѣ оно не есть продуктъ того-же народа, какимъ управляетъ? Умъ добродѣтели и пороки послѣдняго дѣйствуютъ въ немъ безсознательно и бываютъ причиною всего, что дѣлается имъ дурнаго или хорошаго. Если правительство шатко, непослѣдовательно, опрометчиво и проч., то это оттого, что всѣ мы русскіе люди шатки, непослѣдовательны, опрометчивы и проч.

14. Вторникъ. Вечеръ въ театрѣ на представленіи „Іоанна Грознаго“. Играли пьесу плохо. Самойловъ былъ довольно хорошъ, когда ему приходилось выражать гнѣвъ Іоанна, но ему не доставало царственнаго величія. Нильскій какой-то дубовый человѣкъ: ни въ лицѣ его, ни въ движеніяхъ, ни въ дикціи не отражалось и тѣни Годунова. Я зналъ его еще, когда онъ игралъ на школьномъ театрѣ, подъ названіемъ Нилуса. Онъ и тогда уже изумлялъ меня своею деревянностью; съ тѣхъ поръ онъ ни мало не улучшился. Единственное его достоинство въ томъ, что онъ красивъ собою, но для искусства этого мало. Что-же касается остальныхъ бояръ, то это нѣчто просто безобразное. Это собраніе какихъ-то холоповъ. Положимъ, что въ дѣйствительности это и были царскіе холопы — но, все-таки, царскіе и не до такой степени пошлые. Владимірова — царица — была недурна, но роль ея довольно ничтожна. Обстановка пьесы великолѣпна.

18. Суббота. Чего не достаетъ вашему сердцу въ нравственныхъ принципахъ, то вы должны пополнить разсудкомъ. Если, напримѣръ, вы въ себѣ находите мало внутренняго расположенія къ тому, чтобы уважать людей, то вы должны предписать себѣ уважать ихъ на столько, чтобы не дѣлать имъ и себѣ вреда. Что касается дѣланія добра, то вы должны его дѣлать единственно потому, что добро есть вещь сама по себѣ хорошая

и что во всякомъ случаѣ хорошо поступать есть обязанность и необходимость для существа разумнаго.

Людей, какъ и вещи, надо оцѣнивать по ихъ качеству и отдѣлкѣ, а не потому, въ какой мѣрѣ они годны или негодны, собственно, для вашего употребленія.

Заходилъ освѣдомиться о Тройницкомъ, который опасно боленъ. Сегодня ему хуже. Опасаются за его жизнь.

19. Воскресенье. Заходилъ къ Тройницкому: ему немного лучше. Вечеромъ у Норова.

20. Понедѣльникъ. Вчера Норовъ показывалъ мнѣ стихи, которые написалъ и подарилъ ему Валуевъ. Сочинены они были еще въ 1848 году. Стихи идиллическаго содержанія о счастьи, котораго желаетъ авторъ — счастья отрѣшиться отъ всѣхъ свѣтскихъ и особенно канцелярскихъ заботъ. Слухи носятся, что Валуевъ оставляетъ министерство: обращеніе къ этимъ стихамъ не есть-ли намекъ на то? Норову авторъ далъ ихъ дня три тому назадъ.

21. Вторникъ. Бо́льшая часть нашихъ тревогъ происходитъ оттого, что мелочи мы принимаемъ за важныя вещи, а съ вещами важными обращаемся какъ съ мелочами.

Впрочемъ, что не мелочь въ жизни человѣческой, не исключая и самой жизни?

22. Среда. Солнечное затмѣніе сегодня, говорятъ, а между тѣмъ солнце во всю зиму не сіяло такъ блистательно, какъ сегодня.

Земля русская перестраивается, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже строится. Оттого тутъ пропасть наваленнаго въ кучу всякаго матеріала—и все это еще не обдѣлано, не прилажено. Кто архитекторъ? Архитекторовъ пропасть, но настоящіе только Богъ и народный духъ.

Въ № 43 „Сѣверной Почты“ напечатано строгое предостереженіе „Москвѣ“.

23. Четвергъ. Наши (мѣстные администраторы) выдумали забавную новую проказу: ссылать во внутреннія губерніи содержателей гостинницъ въ Москвѣ, а самыя гостинницы немедленно закрывать административнымъ порядкомъ, если они не заявятъ въ полицію и не пропишутъ видъ кого-либо изъ остановившихся у нихъ, хоть на нѣсколько часовъ. Это всегда и дѣлалось

гостинницами, но полиція всегда отказывала въ прописке доставляемыхъ ей видовъ. Газета „Москва“ напечатала умную и энергическую статью по этому поводу: за это ей и сдѣлано второе предостереженіе. Послѣднее, по обыкновенію, такъ формулировано, что прочитавъ и его, и статью, на которую оно падаетъ, никто не пойметъ, за что дано предостереженіе. (Статья въ № 35 „Москвы“).

Въ слѣдующемъ 36-мъ номерѣ той-же газеты помѣщена очень хорошая рѣчь Полетики, произнесенная на какомъ-то политико-экономическомъ банкетѣ. За рѣчь, пожалуй, послѣдуетъ новое предостереженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прекращеніе газеты.

26. Воскресенье. Вечеромъ былъ у А. С. Норова, который просилъ меня подписать его духовную.

Мартъ 1. Среда. „Весна вокругъ живитъ природу“, — да, календарная весна, такъ какъ сегодня 14 градусовъ мороза, а вчера было 18°: настоящая весенняя погода.

4. Суббота. Толки о страшномъ воровствѣ соли и желѣза въ Нижнемъ-Новгородѣ. Того и другаго украдено болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей.

Еще толки о продажѣ московской желѣзной дороги.

Въ № 49 „Сѣверной Почты“ напечатано предостереженіе Спб. вѣдомостямъ за двѣ статьи въ защиту земства, написанныя (Александр. Ив.) Кошелевымъ.

5. Воскресенье. Странное иногда сочетаніе мыслей происходитъ во снѣ. Мнѣ приснился покойный Н. И. Гречъ. Мы были въ какомъ-то обществѣ, и кто-то изъ среды его говорилъ что-то о заслугахъ Греча. На это онъ замѣтилъ: — „Все это ничего, а единственная полезная вещь, которую я сдѣлалъ — это то, что я умеръ“. — „Ну“, отвѣчалъ я ему: „мы не будемъ вамъ за это благодарны“.

Соли украдено въ Нижнемъ-Новгородѣ полтора милліона пудовъ и отъ ста двадцати до ста семидесяти тысячъ пудовъ желѣза.

7. Вторникъ. Въ № 45 „Москвы“ помѣщенъ отвѣтъ на второе предостереженіе, сдѣланное этой газетѣ. Презрительнѣе отзываться о цензурѣ нельзя.

8. Среда. При осуществленіи какой-нибудь задачи ничто не дается сразу. Притомъ необходимо постоянство усилій.

Однѣ и тѣ-же постоянныя работы инфузорій въ теченіе многихъ тысячелѣтій образовали острова, цѣлыя горы и даже пространства материковъ. А мы, бѣдные русскіе, отличаемся недостаткомъ этого качества малѣйшихъ насѣкомыхъ.

10. Пятница. Я продолжаю заниматься собираніемъ разнаго запаса свѣдѣній и изощреніемъ моего ума и вообще самоусовершенствованіемъ такъ, какъ будто передо мной лежитъ еще длинная перспектива жизни. Много узнаю такого, что гораздо было-бы полезнѣе знать прежде, и многое во внутренней своей администраціи устраиваю такъ, что если-бы подобныя мѣры принимались въ раннюю эпоху жизни, то я избѣжалъ-бы безчисленнаго множества ошибокъ и хоть нѣсколько ближе походилъ-бы на свой идеалъ. Поздненько—нечего дѣлать, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Притомъ, есть какое-то великое утѣшеніе чувствовать еще въ себѣ на закатѣ дней довольно силъ для того, чтобы идти впередъ, а не оставаться назади или стоять все на одномъ мѣстѣ. Итакъ, впередъ, впередъ, пока не споткнемся о могилу, въ которую лучше стремглавъ свалиться, чѣмъ какъ червяку доползти до нея.

Валуевъ совершилъ три незабвенныя, особенно значительныя (нехорошія дѣянія): это знаменитый наказъ объ усиленіи губернаторской власти, его поведеніе съ земствомъ и дѣянія по дѣламъ печати.

Вотъ и послѣдняго находившагося при немъ умнаго человѣка,—Тройницкаго онъ устранилъ отъ себя. Онъ сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта.

12. Воскресенье. Какой это удивительный миѳъ: человѣкъ похитилъ съ неба огонь-разумъ. Полный сознанія своего великаго могущества, онъ началъ дѣйствовать; власть его надъ природою оказалась громадною; знаніе расширило передъ нимъ горизонтъ на безконечное пространство. „Я обойдусь безъ боговъ“, сказалъ онъ себѣ: — „Я самъ богъ“. Но за эту дерзость онъ дорого заплатилъ. Сердце его начали терзать приступы скорби; немощь приковала его къ Кавказу — и, хотя онъ не упалъ духомъ, но долженъ страдать глубоко и безвыходно, потому что онъ утратилъ вѣрованія.

Былъ у Тройницкаго. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, которая чуть не уложила его въ могилу. Онъ оста-

вилъ мѣсто товарища министра и сдѣланъ членомъ государственнаго совѣта, чѣмъ онъ, разумѣется, весьма доволенъ.

Я посидѣлъ у него съ часъ, а потомъ отправился на обѣдъ въ Римско-католическую академію, гдѣ происходило торжество, по случаю храмоваго праздника. Собралось множество католическихъ священниковъ и епископъ. Тутъ былъ и директоръ департамента иностранныхъ исповѣданій графъ Сиверсъ, съ которымъ я и проговорилъ все время обѣда. На другомъ концѣ стола съ нами обѣдали и воспитанники академіи. Когда предложенъ былъ тостъ за государя, молодые люди прекрасно пропѣли: „Боже, царя храни“. Это былъ сюрпризъ. Я никогда не слыхалъ этого гимна въ Римско-католической академіи. И, говорятъ, молодые люди сдѣлали это сами, безъ напоминанія и возбужденія со стороны академическаго начальства. Я не перестаю еще трогаться подобными выраженіями общественныхъ чувствъ, если они имѣютъ въ виду не одно лицо, но и идею. И въ этотъ разъ я былъ тронутъ. Я былъ единственный русскій на этомъ обѣдѣ, а то все или нѣмцы, или поляки. Я предложилъ директору тостъ за здоровье воспитанниковъ, который былъ немедленно провозглашенъ.

13. Понедѣльникъ. Кто содѣйствуетъ эстетическому образованію людей, тотъ содѣйствуетъ и образованію нравственному, въ важности котораго, кажется, нельзя сомнѣваться.

14. Вторникъ. У меня необыкновенная способность отравлять всякое пріятное расположеніе духа въ себѣ, то опасеніями за будущее, то подозрѣніями въ достоинствѣ этого самаго явленія, то, наконецъ, сомнѣніями въ законности его и въ моемъ правѣ на что-нибудь хорошее и пріятное.

15. Среда. Итакъ, говорятъ, судьба московской желѣзной дороги рѣшена: ее опредѣлено продать и притомъ иностранцамъ. Всеобщее сожалѣніе и недовольство по этому случаю. Да и дорога эта доведена до такого состоянія, что по ней скоро нельзя было-бы ѣздить. Купцы подавали жалобу министру финансовъ, что они лишены возможности безпрепятственнаго передвиженія товаровъ между обѣими столицами. Что-же дѣлаетъ министръ путей сообщенія? Дорога находится въ рукахъ какого-то американца, съ которымъ N. N. заключилъ контрактъ, а по контракту тотъ не обязался ремонтировать ни дороги, ни ваго-

новъ. Говорятъ, N. N. взялъ съ контръ-агента за эту сдѣлку полмилліона и положилъ себѣ въ карманъ.

Отстаивайте сами, какъ знаете, лучшую долю. Если у васъ найдется довольно настойчивости, постоянства, то вы одолѣете противниковъ и достигнете того, чего достигаетъ всякій, дѣйствующій твердо и послѣдовательно. Если-же у васъ не найдется достаточныхъ для того силъ, то вы останетесь пустыми людьми, способными только на то, чтобы вами вертѣли и васъ вели другіе, какъ имъ угодно и какъ для нихъ полезно. Вы пожнете то, что посѣяли или не пожнете ничего, потому что ничего не сѣяли.

20. Понедѣльникъ. Въ три часа былъ на выносѣ тѣла Евграфа Петровича Ковалевскаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, умершаго третьяго дня. Стеченіе народа огромное, и все народа, носящаго красныя, синія и даже голубыя ленты, такъ что я, маленькій, темненькій человѣчекъ, утопулъ, какъ капля, въ этомъ океанѣ величія.

Въ тотъ-же день хоронили съ подобающими военными почестями Ивана Петровича Миллера — бо онъ былъ генералъ-лейтенантъ.

21. Вторникъ. Отношенія съ людьми должно поддерживать ради собственной безопасности, но такъ, чтобы они не опутывали тебя, какъ сѣтью и не мѣшали совершенно свободнымъ движеніямъ твоего духа. Пусть каждый день что-нибудь прикладываетъ къ суммѣ твоей нравственной независимости.

24. Пятница. Большіе толки о рѣшеніи суда по дѣлу чиновника Протопопова, ударившаго въ лицо своего вице-директора графа Кошкуля. Присяжные его оправдали какъ человѣка, находившагося въ ненормальномъ состояніи духа.

Объ уступкѣ или продажѣ части нашихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній Сѣверо-Американскимъ Штатамъ говорятъ нѣкоторые, знающіе дѣло, что это ловкій маневръ нашей дипломатіи, направленный противъ Англіи за ея враждебную намъ политику по такъ называемому восточному вопросу.

Толкуютъ еще объ остзейскомъ архіепископѣ Платонѣ, уволенномъ или переведенномъ въ Черкаскъ за то, что онъ вышелъ на защиту православія, печатно оскорбленнаго однимъ лютеранскимъ пасторомъ.

26. Воскресенье. Видѣлся съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ, съ которымъ не встрѣчался лѣтъ пятнадцать или болѣе. Мы дружески побесѣдовали о современныхъ дѣлахъ.

29. Среда. Газета „Москва“ пріостановлена на три мѣсяца (№ 69 „Сѣверной Почты“) за статью въ № 65 о пасторѣ Дейбнерѣ и „за постоянное стремленіе порицать дѣйствія правительства, особенно выразившіяся въ передовыхъ статьяхъ №№ 57, 62, 63 и 64“. Между тѣмъ, въ № 66 напечатана превосходная статья по поводу циркуляра редакторамъ, чтобы они не печатали укорительныхъ статей о театральномъ управленіи, на что жаловался министру внутреннихъ дѣлъ министръ двора. Этимъ циркуляромъ опять какъ-бы вводится предварительная цензура.

31. Пятница. По поводу оправданія Протопопова „Вѣсть“ прямо обвиняетъ судъ въ революціонныхъ стремленіяхъ. Не удивительно, если съ судами послѣдуетъ то-же, что съ земскими учрежденіями. Дѣло о Протопоповѣ перенесятъ въ кассаціонный сенатъ. Вотъ будетъ скандалъ, если сенатъ отмѣнитъ рѣшеніе суда и велитъ наказать бѣднаго Протопопова, признаннаго сумасшедшимъ.

Валуевъ любитъ повторять, что онъ не признаетъ общественнаго мнѣнія, что его у насъ нѣтъ. Онъ не разъ повторялъ это мнѣ, **, Тройницкому.

Апрѣль 1. Суббота. Воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей также почтенно и честно, какъ и воздерживаться отъ нѣкоторыхъ поступковъ.

По мнѣнію нашихъ государственныхъ бюрократовъ, управлять народомъ можно не опираясь на общественный духъ. Что дѣло, то дѣло! Любопытно только знать, что сдѣлала-бы наша бюрократія безъ участія этого духа — ну, хоть-бы въ польское возстаніе?

3. Понедѣльникъ. Мы часто ошибаемся, думая, что понимаемъ вещи, тогда какъ мы только называемъ ихъ.

4. Вторникъ. Сегодня минулъ годъ, какъ совершено было гнусное покушеніе на жизнь государя. Открытіе часовни у Лѣтняго сада.

(Иной) чиновникъ, съ одной стороны, есть рабъ—рабъ своего начальника, а съ другой—воръ, и чѣмъ онъ выше въ служебной іерархіи, тѣмъ раболѣпнѣе и тѣмъ вороватѣе. Но, если онъ ни

то, ни другое, что, конечно, случается, то онъ бѣднякъ, осу-
денный на страданіе.

На-дняхъ къ мировому судьѣ явился какой-то чиновникъ
Ивановъ, въ оборванной одеждѣ, съ странною просьбою поса-
дить его въ тюрьму, такъ какъ онъ, за сокращеніемъ штатовъ,
былъ уволенъ со службы и умираетъ отъ холоду и голоду, а
въ тюрьмѣ его накормятъ и отогрѣютъ. Судья, разумѣется, ему
отказалъ въ такой необыкновенной просьбѣ. Тогда Ивановъ
вышелъ въ переднюю комнату суда, далъ пощечину стоявшему
тамъ городовому, возвратился къ судьѣ и сказалъ: „Теперь вотъ
вы уже не имѣете права отказать мнѣ въ тюрьмѣ: я прибилъ
городоваго“. Судья отправилъ его въ тюрьму.

5. Среда. Валуевъ и нѣкоторые другіе чиновники тре-
буютъ, чтобы Протопоповъ былъ непремѣнно наказанъ, несмотря
на то, что послѣдній совершилъ преступленіе въ ненормальномъ
состояніи. Требуютъ они этого „для примѣра другимъ“. Кому—
сумасшедшимъ?

6. Четвергъ. Въ человѣческомъ кругу все подозрительно,
или презрительно, или сожалительно. Въ природѣ лучше. Тамъ,
по крайней мѣрѣ, нѣтъ лжи, лицемѣрія. Каждая снѣжинка,
каждая капля дождя есть то, что она есть; и, смотря на нее,
наблюдая ее, видишь и въ малости ея вѣчный ходъ вещей и
соотношенія, которыми держится міръ.

12. Среда. Очень мѣтко выраженіе князя Щербатова
(Екатерининскаго) о царедворцахъ, которые считаютъ дворъ
своимъ отечествомъ. Такимъ-же точно образомъ чиновникъ счи-
таетъ канцелярію или департаментъ своимъ отечествомъ.

14. Пятница. Сегодня мнѣ разсказалъ о К** любопытныя
вещи А. С. Вороновъ, которому Тотлебенъ отдалъ его, такъ
сказать, на выучку. Вороновъ провозился съ нимъ около года и
рѣшительно ничего не могъ вбить ему въ голову. Едва-едва
успѣлъ онъ немного улучшить его грамотность или, лучше ска-
зать, безграмотность и научить первымъ правиламъ ариѳметики.
Въ обращеніи онъ, вообще, остается мужикомъ, какъ былъ,
несмотря на свое дворянство и охоту втираться въ такъ назы-
ваемое порядочное общество. Но онъ отлично понимаетъ, что
сдѣлался важнымъ человѣкомъ, и съ удовольствіемъ принимаетъ
всякія изъявленія преданности и уваженія. Онъ начиналъ уже

немножко было и попивать, но пока остановился, благодаря крѣпкому надзору Тотлебена. Вообще за нимъ ухаживаютъ и присматриваютъ, какъ за несовершеннолѣтнимъ. Ему приписывались нѣкоторыя умныя изрѣченія, въ родѣ того, что онъ „долженъ горѣть чисто, какъ свѣча воска яраго“, но это выдумка. Никогда ничего умнаго онъ не говорилъ, да и говорить не въ состояніи, потому что онъ отъ природы тупъ до крайности. Зато вотъ такія вещи, напримѣръ, онъ въ состояніи говорить и говоритъ. На-дняхъ, къ четвертому апрѣля, ему изъ разныхъ мѣстъ Россіи было прислано до шестидесяти поздравительныхъ телеграммъ, въ томъ числѣ нѣсколько отъ губернаторовъ. Вороновъ замѣтилъ, что это должно быть ему пріятно. К** отвѣчалъ: „Что за пріятность! Лучше-бы было, если-бъ они мнѣ прислали деньги, которыхъ стоила пересылка телеграммъ“. Хорошо, что его опредѣляютъ или онъ самъ опредѣляется въ военную службу—гусаромъ въ Павлоградскій полкъ. А то онъ непремѣнно, наконецъ, спился-бы отъ праздности. Жена его тоже совершенно простая русская баба, однако, смышленнѣе и благообразнѣе его. Она показываетъ и охоту къ ученію и кое-какъ дошла до того, что разбираетъ грамоту. Но мужъ обращается съ нею грубо, а тещу, которая съ нимъ живетъ и показываетъ склонность къ пьянству, непомѣрно ругаетъ.

16. Воскресенье. День Пасхи. У заутрени и обѣдни въ церкви театральнаго училища.

Я всегда скорѣе готовъ усомниться въ моемъ правѣ, чѣмъ преувеличивать его.

18. Вторникъ. Обѣдалъ у католиковъ въ академіи. Ректоръ праздновалъ полученіе звѣзды. Я былъ осыпанъ обычными любезностями и ласками, начиная съ епископа, до послѣдняго клирика. Спасибо!

19. Среда. Зашелъ поутру къ Тютчеву Федору Ивановичу; онъ боленъ уже недѣли двѣ, страдаетъ ногами. Мы побесѣдовали съ нимъ довольно долго. Все одно и то-же—мрачно всюду, глухо всюду! Это не выдумка, какъ я полагалъ, что государь ѣдетъ въ Парижъ. Онъ рѣшительно этого хочетъ, несмотря на всѣ протесты окружающихъ, особенно князя Горчакова. Тутъ видятъ интригу Наполеона и барона **. Жалѣютъ

о Замятинѣ, у котораго отняли портфель министра юстиц Съ именемъ Замятина, все-таки, связано дѣло введенія новы судовъ. Урусовъ, какъ говорятъ, очень неохотно взялся временное управленіе министерствомъ юстиціи.

20. Четвергъ. Наконецъ, мнѣ удалось посодѣйствова опредѣленію Барановскаго С. И. профессоромъ русской сл весности въ Дерптскій университетъ, на мѣсто вышедшаго отставку Розберга.

23. Воскресенье. На двухъ именинахъ сегодня: обѣдалъ Богушевича, а вечеръ—у такъ называемыхъ нами старичковъ то-есть у Тимковскихъ Егора Ѳедоровича и Юліи Павловны. У перваго встрѣтилъ Макушева, автора вышедшаго недавно въ свѣтъ сочиненія о славянахъ, и Ордина, весьма образованнаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, а у вторыхъ— генерала Дарагана.

24. Понедѣльникъ. Нѣтъ ничего безобразнѣе русской бюрократіи. Характеристика ея въ двухъ словахъ: воровство и произволъ.

26. Среда. Познакомился съ Троицкимъ, который назначается профессоромъ философіи въ Казанскій университетъ. Онъ былъ у меня, но не засталъ меня дома, а сегодня я встрѣтился съ нимъ у (Н. М.) Благовѣщенскаго.

27. Четвергъ. Въ 86-мъ номерѣ „Московскихъ вѣдомостей" описано прощаніе архіепископа Платона съ паствою. Тутъ-же и прекрасная рѣчь его.

Происшествіе въ Везенбергѣ. Во время публичнаго молебствія 4-го апрѣля, совершеннаго нашимъ православнымъ духовенствомъ, въ присутствіи полка и другихъ русскихъ людей, нѣмцы, тутъ находившіеся, не хотѣли снять шапокъ, а когда имъ замѣтили о неприличіи этого, то они только смѣялись. Мудрено-ли? Они безъ сомнѣнія знаютъ, что оставляетъ ихъ край православный архіепископъ за то, что онъ защищалъ наше вѣроисповѣданіе отъ нападеній лютеранскихъ поповъ, которыя они себѣ позволяютъ всенародно и печатно.

Май 3. Среда. Прочиталъ новый романъ Тургенева „Дымъ". О немъ много шуму въ публикѣ. Многіе недовольны тѣмъ, что Тургеневъ будто-бы обругалъ Россію. Конечно, онъ выказываетъ себя не особенно благосклоннымъ къ ней. Въ романѣ

вѣетъ духъ недовольства всѣмъ, что дѣлалось и дѣлается въ ней. Но толки и порицанія вообще преувеличены. Народности нашей романъ почти не касается. Весь онъ сатира, чуть не памфлетъ на нашихъ заграничныхъ шатуновъ обоего пола. Особенно достается аристократамъ и политикамъ: это имъ подѣломъ. Что касается литературнаго достоинства романа, то по-моему онъ слабѣе многихъ изъ другихъ произведеній Тургенева. Разсказъ очень оживленъ; очерки нравовъ набросаны смѣло и легко; но въ характерахъ мало творчества: они вообще только набросаны. Впрочемъ, одинъ характеръ рѣзко выдается своею полнотою и законченностью—это характеръ Ирины. Все остальное, какъ я уже сказалъ, состоитъ изъ легкихъ очерковъ.

Какъ быть высокаго мнѣнія объ этой траги-комедіи, которая называется жизнью?

5. Пятница. Провелъ у себя вечеръ въ бесѣдѣ съ Троицкимъ, авторомъ книги: „О нѣмецкой философіи въ текущемъ столѣтіи“. Книгу эту онъ представлялъ въ Московскій университетъ, какъ диссертацію для полученія докторской степени. Тамъ Юркевичъ возсталъ противъ начала автора, и тотъ принужденъ былъ перенести свою диссертацію въ здѣшній университетъ. Я теперь читаю книгу Троицкаго, и мнѣ становится ясно, почему ея не принялъ московскій университетъ. Дѣло въ томъ, что авторъ держится исключительно, такъ называемаго, индуктивнаго метода въ изслѣдованіи духа,—метода, принятаго всѣми англійскими философами. Противъ нѣмецкихъ философовъ Троицкій сильно возстаетъ, страшно порицаетъ Канта, а Кондильяка и сенсуалистовъ превозноситъ. Впрочемъ, я отказываюсь отъ окончательнаго приговора, такъ какъ не прочелъ еще всей книги.

8. Понедѣльникъ. Вчера шелъ снѣгъ при гнуснѣйшемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Что-жъ? Все это приличная декорація для многаго, что у насъ дѣлается. Смѣшно слышать отовсюду ругательства, которыми осыпаютъ нашъ климатъ и погоду, а между тѣмъ и самъ невольно поддаешься негодованію и досадѣ—обычнымъ спутникамъ слабости и малодушія.

10. Среда. Большой вечеръ и концертъ въ честь славянъ у графа Кушелева-Безбородко. Что за роскошь, что за великолѣпіе въ убранствѣ дома и во всемъ, что касалось пирше-

ства! Зимній садъ, напримѣръ, залитый огнями, представлялъ нѣчто волшебное. Славяне, кажется, были очень тронуты всѣмъ, что для нихъ тутъ дѣлалось: весь этотъ блистательный вечеръ былъ созданъ для нихъ рукою, которая не жалѣла денегъ и расположила все съ большимъ тактомъ и приличіемъ. Я познакомился съ Головацкимъ и еще какимъ-то сербомъ. Первый говоритъ по-русски хорошо, а второй порядочно. Больше всѣхъ обращали на себя вниманіе Палацкій и Ригеръ. Лицо и обращеніе перваго изобличаютъ умъ и хорошее воспитаніе; физіономія втораго очень энергична. Посѣтителей было болѣе семисотъ, и на всѣхъ великолѣпный ужинъ. Больше всѣхъ говорилъ я съ Бажановымъ, Буняковскимъ, Краевскимъ, Пыпинымъ.

Князь Горчаковъ не былъ на вечерѣ. Графъ Кушелевъ показывалъ мнѣ записку, въ которой князь говоритъ, что онъ до послѣдней минуты еще надѣялся быть у него, но теперь оказывается, что не можетъ. Записка получена вечеромъ. Говорятъ, съ австрійскимъ посольствомъ было объясненіе, вслѣдствіе котораго, ни Горчаковъ не явился на вечеръ, ни государь не принялъ славянъ у себя, хотя велѣлъ передать имъ самый любезный привѣтъ.

Вчера на представленіи „Жизни за царя“ въ Маріинскомъ театрѣ произошла демонстрація: публика съ крикомъ и шумомъ встрѣтила польскую мазурку. Въ демонстраціи дѣятельно участвовали славяне, повторяя свое: „Слава, слава!“

11. Четвергъ. Обѣдъ въ залѣ Дворянскаго собранія въ честь славянъ. Зала буквально была набита гостями, такъ что едва оставалась узенькая тропинка между столами для прохода лакеевъ, разносившихъ блюда. На стѣнахъ красовались флаги и гербы всѣхъ славянскихъ племенъ, надъ которыми простиралъ крылья русскій орелъ. Верхнія галлереи были заняты дамами. На эстрадѣ помѣщались хоры музыкантовъ и пѣвцовъ. Общій характеръ праздника былъ оживленъ и не лишенъ торжественности. Рѣчей за обѣдомъ большинство, конечно, не слышало. Однако, по свидѣтельству тѣхъ, которые ихъ слышали, наши рѣчи вообще были плохи, кромѣ рѣчи графа Толстаго: ее всѣ хвалятъ. Я-же знаю только то, что всѣ эти рѣчи были чрезвычайно длинны, особенно рѣчь Ламанскаго. Изъ славянъ лучше прочихъ говорилъ Ригеръ. Вѣроятно, все это будетъ на-

печатано. Музыка и пѣвчіе исполняли славянскія пѣсни; изъ нихъ мнѣ особенно понравился народный гимнъ чеховъ. Послѣ обѣда загремѣли Жуковскіе пѣсельники, и пошла русская пляска. Все это было очень недурно и вполнѣ прилично. Я за столомъ сидѣлъ между Глѣбовымъ и молодымъ Тройницкимъ. Каждый изъ насъ, русскихъ, заплатилъ по двѣнадцати рублей за обѣдъ; славяне-же были нашими гостями. Они, кажется, остались всѣмъ очень довольны, да и нельзя не быть довольными. Ихъ угощали не только роскошно, но и искренно, привѣтливо.

До обѣда славяне отслушали обѣдню въ Исакіевскомъ соборѣ, гдѣ служеніе отправлялъ архіерей, въ честь праздника Кирилла и Меѳодія. Послѣ обѣдни они были въ академіи наукъ на засѣданіи II отдѣленія. Тутъ дѣйствовалъ Срезневскій, въ качествѣ представителя славянскихъ нарѣчій. Послѣ засѣданія осматривали музей. Я больше всѣхъ говорилъ съ Головацкимъ и Молчановымъ.

Казацкій генералъ съ удивительною рожею. На ней какъ-будто отпечатана такая программа, что, если онъ хоть четвертую часть ея исполнилъ, то его десять разъ стоило повѣсить. А между тѣмъ, странное дѣло—тутъ-же видно и какое-то добродушіе [1]).

12. Пятница. Продолжалъ читать Троицкаго. Нашъ философъ въ своей книгѣ о нѣмецкой психологіи бьется изо всѣхъ силъ, доказывая, что только у англичанъ есть настоящая психологія, что ихъ индуктивный методъ есть единый истинный, православный, а всѣ нѣмецкія изслѣдованія о духѣ—тупоумная ересь. Съ нѣмецкими философами онъ вообще не церемонится, но благоговѣетъ до идолопоклонства передъ Бэкономъ, Локкомъ, Миллемъ, Броуномъ, Бэномъ и проч. Даже французъ Кондильякъ у него выше всѣхъ нѣмецкихъ философовъ.

Впрочемъ, въ англійскомъ методѣ есть и свои хорошія стороны, напримѣръ, описательная часть разныхъ душевныхъ явленій.

13. Суббота. Въ этой трагикомедіи, которая называется жизнью человѣческою, бываютъ легкія интермедіи въ родѣ обѣ-

---

[1]) Это, нынѣ покойный, Яковъ Петровичъ Баклановъ. См. его интересныя записки въ „Русской Старинѣ“ изд. 1870 и 1871 гг. Ред.

довъ, званныхъ вечеровъ и проч. Вотъ и сегодня обѣдъ у графа Толстаго, министра народнаго просвѣщенія—все для тѣхъ-же славянъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ сказали теплыя и одушевленныя рѣчи. Вообще они восхищены не только пріемомъ нашимъ, но и многимъ, что у насъ видѣли. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Мы многаго ожидали, а нашли то, что превзошло всякое ожиданіе“. Разумѣется, они не видятъ оборотной стороны медали, особенно нашихъ административныхъ порядковъ. Да и пусть не знаютъ. Все-таки изъ того, что они у насъ видятъ, кое-что есть и дѣйствительно хорошаго. Одинъ изъ славянъ сегодня, напримѣръ, говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ о судахъ нашихъ.

17. Среда. Человѣкъ достигаетъ житейской мудрости только собственнымъ опытомъ и собственными ошибками, но обыкновенно пріобрѣтаетъ ее тогда, когда уже не въ состояніи вкушать плодовъ ея.

Нѣтъ ничего глупѣе, какъ жаловаться на свои неудачи. Вѣдь, что посѣялъ, то и пожнешь. Но выклюютъ птицы и истребитъ жатву непогода? Такъ что-жъ? Чего ты не могъ отвратить своими силами, то долженъ сносить терпѣливо, такъ какъ не для тебя-же все дѣлается.

Люди ужасно любятъ прикидываться добродѣтельными мучениками въ минуты невзгоды, а больше всего мы бываемъ вовсе недобродѣтельными мучениками своихъ собственныхъ глупостей, страстей и предразсудковъ.

21. Воскресенье. Прескверная привычка откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня.

Многіе думаютъ, что они очень добры, потому только, что они не дѣлаютъ зла.

Кассаціонный сенатъ отвергъ прокурорскій протестъ по дѣлу Протопопова и утвердилъ рѣшеніе судебной палаты объ изъятіи его отъ всякаго наказанія. Событіе замѣчательное и отрадное.

Амнистія полякамъ.

24, среда и 25, четвергъ. Эти два дня провелъ въ „Пустынькѣ“ у графа Алексѣя Константиновича Толстаго, автора „Іоанна Грознаго“. Тутъ были еще Маркевичъ, Благовѣщенскій и Костомаровъ. „Пустынька“—нѣчто въ родѣ роскошнаго замка на берегу Тосны, на разстояніи отъ Петербурга

въ часъ съ четвертью ѣзды по Московской желѣзной дорогѣ и въ четырехъ или пяти верстахъ отъ станціи Саблино. Жена графа, бывшая Бахметьева, оказалась одною изъ моихъ бывшихъ ученицъ. Мы были приняты и угощены съ самымъ дружескимъ радушіемъ. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ я премилую шотландку миссъ Брезе, которая говоритъ по-русски, хотя и плохо, но понятно. Графиня женщина очень умная, любезная и хорошо образованная. Все въ этомъ домѣ изящно, удобно и просто. Самая мѣстность усадьбы интересна. Ѣдешь къ ней по гнусному ингерманландскому болоту, и вдругъ, неожиданно, натыкаешься на рѣку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположномъ берегу ея домъ, который, такимъ образомъ, представляетъ красивое и поэтическое убѣжище.

26. Пятница. Получена телеграмма изъ Парижа о новомъ покушеніи на жизнь государя. На этотъ разъ это уже полякъ, какой-то Березовскій, уроженецъ Волынской губерніи. Покушеніе совершилось въ Булонскомъ лѣсу, когда государь ѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ Наполеономъ, съ наслѣдникомъ и великимъ княземъ Владиміромъ. Негодяй выстрѣлилъ изъ двухствольнаго пистолета, который разорвало въ рукахъ самого злодѣя и повредило ему одну изъ его предательскихъ рукъ. Тутъ уже ничья сторонняя сила, а просто счастливая случайность спасла добраго, благороднаго Государя. А вѣдь всего нѣсколько дней тому назадъ Польшѣ объявлена амнистія!

28. Воскресенье. Вчера и третьяго дня сильное движеніе въ городѣ, по случаю злодѣйскаго покушенія на жизнь Государя. Всеобщая радость о новомъ спасеніи.

Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что покушеніе было единичное, что дѣло это не есть общее польское. Но поляки обнаружили столько единодушія въ нанесеніи вреда Россіи, что всякое частное дѣло въ этомъ родѣ невольно приписываешь всѣмъ, которые, если и не участвовали въ заговорѣ, то непремѣнно сочувствовали ему, а многіе и помогали тайно. Вѣдь раздавались-же въ Парижѣ крики: „Да здравствуетъ Польша“! — во время проѣзда Государя по улицамъ, гдѣ, какъ пишутъ, сами французы встрѣчали его съ подобающимъ почетомъ. Кричали, должно полагать, поляки, а, можетъ быть, и французскіе сотрудники газетъ, ругающихъ насъ наповалъ.

Говорятъ, Государыня глубоко поражена этимъ несчастным событіемъ, но въ то-же время и счастлива, что зло не совершилось. Впрочемъ, есть отчего придти въ ужасъ.

Вечеромъ былъ Р—скій. Его произвели въ тайные совѣтники, а мѣсто губернатора все-таки ему не дали, какъ онъ ни добивается.

30. Вторникъ. Для такъ называемаго счастья чуть ли всего нужнѣе извѣстная доля умственнаго ничтожества.

31. Среда. Вчера экзаменъ въ римско-католической академіи. Какъ всегда—хорошо.

Что-бы вы сказали о человѣкѣ, который, занимая въ вашем домѣ нѣсколько времени квартиру, вдругъ пришелъ-бы къ вам и сказалъ: „Выбирайтесь вонъ, я хочу жить здѣсь одинъ, это мой домъ“. Вы, конечно, сочли-бы этого человѣка за сумасшедшаго, и такъ какъ онъ безпокоилъ-бы васъ своимъ домогательствомъ, то вы употребили-бы все отъ васъ зависящее, дабы избавиться отъ него. Таковы, точь въ точь, поляки нашихъ западныхъ губерній.

Іюнь 1. Четвергъ. Сегодня въ окружномъ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя.

Переѣхали на дачу въ Павловскъ, на ту-же самую, что и въ прошедшіе года, то-есть къ Мёрдеру.

2. Пятница. Засѣданіе въ академіи и въ комиссіи для назначенія Уваровскихъ премій. Я припомнилъ происшествіе прошлаго года, когда нѣкоторые члены не хотѣли присудить преміи графу Толстому подъ тѣмъ предлогомъ, что посторонній рецензентъ не доставилъ своего мнѣнія. Я, между прочимъ, сказалъ, что если академія не считаетъ себя компетентною въ сужденіи о вопросахъ эстетическихъ и нравственныхъ, то лучше пусть прямо откажется отъ этой обязанности: это достойнѣе, чѣмъ быть только передатчицею сочиненій изъ рукъ авторовъ въ руки постороннихъ рецензентовъ. Это принято было съ глубокимъ молчаніемъ. Никто не рѣшился признать академію неспособною судить объ означенныхъ вопросахъ. Рѣшено—поступившія нынѣ на Уваровскую премію драмы предоставить моей критикѣ.

3. Суббота. Въ судѣ. Привели какихъ-то трехъ воровъ со взломомъ, но дѣло не разбиралось, потому что полиція, на основаніи прежнихъ порядковъ, занялась перепискою бумагъ и не озаботилась представить въ судъ одного необходимаго свидѣтеля.

Поэтому судъ и не могъ начать дѣла, и только опредѣлилъ отнестись къ кому слѣдуетъ о взысканіи съ полиціи за это упущеніе. Затѣмъ публика и присяжные разошлись до вторника.

Ночевалъ уже на дачѣ. Вечеромъ былъ на музыкѣ, гдѣ видѣлъ греческаго короля. На видъ, онъ болѣе, чѣмъ молодъ.

6. Вторникъ. Въ судѣ отъ одиннадцати часовъ утра до четверти девятаго вечера безвыходно, такъ что я пообѣдалъ въ Павловскѣ уже въ одиннадцать часовъ. Въ засѣданіи суда разбиралось два дѣла—о кражѣ со взломомъ. Въ первое дѣло я не попалъ, по жребію, въ присяжные, но намъ не велѣно было уходить, такъ какъ впереди было еще дѣло. Тутъ и я уже попалъ въ присяжные и, кромѣ того, меня еще выбрали старшиною. Судили двухъ воровъ, укравшихъ деньги изъ питейной лавочки, со взломомъ въ ней дверей. Одинъ былъ мальчуганъ, лѣтъ восемнадцати, съ очень выразительнымъ лицомъ, крестьянинъ, промышлявшій поденною работою. Онъ тотчасъ признался, что деньги укралъ онъ, и онъ одинъ. Другой, глуповатый мужикъ, пойманный вмѣстѣ съ первымъ, когда они оба гуляли въ трактирѣ, рѣшительно отказывался отъ соучастія. Замѣчательно, что молодой воръ тоже упорно отвергалъ это участіе, говоря, что не хочетъ никого подвергать отвѣтственности за дѣло, которое совершилъ онъ одинъ. Засѣданіе затянулось, потому что надо было допрашивать много свидѣтелей. Мы, присяжные, толковали не долго, потому что дѣло было очевидно. Вопросъ состоялъ только въ томъ: слѣдуетъ-ли просить о снисхожденіи къ молодому вору, въ уваженіе къ его лѣтамъ и признанію? Большинство голосовъ рѣшило просить. Судъ приговорилъ молодаго на годъ въ смирительный домъ, а старшаго на годъ и четыре мѣсяца. Адвокаты говорили въ пользу своихъ кліентовъ очень усердно и хорошо, а прокуроръ, еще очень молодой человѣкъ, нѣсколько растянуто и неумѣло. Но вообще я вынесъ изъ суда самое благопріятное впечатлѣніе. Все велось съ большимъ достоинствомъ, добросовѣстно и съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій. Подсудимые видѣли, что ничего не было упущено для облегченія ихъ судьбы и, если они подверглись карѣ, то эту кару наложилъ на нихъ законъ, а не произволъ судей.

9. Пятница. Великое зависитъ отъ малаго столько-же, если

не больше, сколько малое отъ великаго. Непримѣтность и ничтожество малаго служатъ ему лучшею защитою отъ внѣшнихъ нападеній; великое-же, по своей крупности и замѣтности, открыто этимъ нападеніямъ со всѣхъ сторонъ. На эту мысль навели меня два комара, которые сегодня ночью не давали мнѣ спать и которыхъ я, сколько ни старался, никакъ не могъ поймать.

10. Суббота. Въ судѣ. Меня опять выбрали старшиною. Судили жалкаго воришку, лѣтъ семнадцати, который укралъ образа у иконописца. Такъ какъ онъ во всемъ признался и, повидимому, раскаялся, то его приговорили къ четырехмѣсячному заключенію въ смирительномъ домѣ.

12. Понедѣльникъ. Нѣтъ хуже и отвратительнѣе животнаго, какъ слуга, сдѣлавшійся господиномъ.

Самые опасные внутренніе враги наши не поляки, не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ.

Ничего нѣтъ невозможнаго, если наше земство и суды наши будутъ подорваны этими врагами. Говорятъ, на-дняхъ министръ юстиціи объяснялся съ предсѣдателемъ здѣшняго окружнаго суда и, между прочимъ, замѣтилъ, что присяжные не оправдываютъ ожиданій правительства, которое надѣялось найти въ нихъ консервативный элементъ, а находитъ противное.

15. Четвергъ. Сегодня послѣднее мое засѣданіе въ судѣ. По окончаніи, передъ уходомъ, я долго бесѣдовалъ съ прокуроромъ. Онъ съ глубокимъ прискорбіемъ жаловался на то, что администрація всячески старается вредить судамъ. И если, къ сожалѣнію, встрѣтится какая-нибудь ошибка со стороны послѣднихъ, какъ, напримѣръ, на-дняхъ незаконный приговоръ, постановленный мировымъ судьею надъ священникомъ Борисоглѣбскимъ, по дѣлу о публичномъ оскорбленіи одной дамы,—то администрація чуть съ ума не сходитъ отъ радости.

Прокуроръ, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что когда ѣздилъ съ ассизами по уѣздамъ, онъ удивленъ былъ здравомысліемъ и безпристрастіемъ присяжныхъ изъ крестьянъ.

18. Воскресенье. Лучше не давать ничего, чѣмъ, давши, брать назадъ.

У крѣпкаго, здороваго тѣла выросла на носу небольшая бородавка. Вмѣсто того, чтобы прижечь ее ляписомъ или употребить какое-либо другое мѣстное средство, или даже оставить

ее такъ, потому что она въ сущности ничему не мѣшала, невѣжда докторъ опредѣлилъ отрѣзать носъ.

19. Понедѣльникъ. Въ политической будущности Россіи я не отчаиваюсь, потому что народъ есть все-таки сила, но я отчаиваюсь въ томъ, чтобы въ Россіи установилась когда-нибудь хорошая администрація.

22. Четвергъ. Между обыкновеннымъ умомъ и способностями государственнаго человѣка огромная разница. О такомъ-то министрѣ у насъ говорятъ: „онъ человѣкъ умный", а между тѣмъ, въ дѣлѣ государственномъ онъ человѣкъ весьма посредственный. Онъ способенъ распутывать и завязывать узлы текущихъ бюрократическихъ вещей, но ему не достаетъ высшихъ государственныхъ соображеній и видовъ: здѣсь умъ его оказывается мелкимъ и тѣснымъ. И никогда еще, кажется, мы не были такъ бѣдны высшими государственными умами, какъ нынѣ. А между тѣмъ, характеръ времени настоятельно требуетъ ихъ.

Къ двумъ вещамъ нельзя имѣть никакого довѣрія—къ порядкамъ русской администраціи и къ петербургскому климату.

23. Пятница. Вчера прекратились наши засѣданія въ отдѣленіи академіи.

Нѣтъ ничего опаснѣе въ бюрократіи, какъ немного больше ума, чѣмъ въ обыкновенномъ человѣкѣ и гораздо меньше способностей, чѣмъ ихъ прилично имѣть государственному человѣку. Онъ тогда имѣетъ всѣ претензіи послѣдняго, но безъ возвышенности, безъ широты его видовъ и безъ стремленія къ великому историческому значенію.

26. Понедѣльникъ. То, что мы знаемъ о человѣкѣ, весьма неутѣшительно, а чего мы не знаемъ, наполняетъ душу нашу скорбію и сомнѣніями.

27. Вторникъ. Вчера было обрученіе великой княжны, дочери Е. И. В. в. к. Константина Николаевича, съ греческимъ королемъ.

Вокзалъ и городъ Павловскъ иллюминованы. Государь съ итальянскимъ наслѣднымъ принцемъ ненадолго останавливался въ экипажѣ у музыки—народъ крикнулъ „ура"—онъ уѣхалъ.

А. В. Никитенко

Н. М. Смирновъ и П. Н. Клушинъ.

Замѣтка къ письмамъ А. О. Смирновой.

[„Русск. Стар." 1890 г., т. LXVIII, кн. 11].

Въ ноябрьской книгѣ „Русской Старины" съ большимъ интересомъ прочелъ я письма А. О. Смирновой. Они особенно для меня любопытны, такъ какъ я бывалъ въ домѣ ея мужа, гостепріимнаго губернатора Н. М. Смирнова, сначала какъ чиновникъ, командированный министромъ юстиціи въ комиссію по Высочайшему повелѣнію для производства слѣдствія о сокрытыхъ милліонахъ послѣ смерти Чернова сыномъ его, а потомъ, черезъ годъ послѣ сего, состоя младшимъ чиновникомъ при сенаторѣ князѣ С. И. Давыдовѣ, ревизовавшемъ Калужскую губернію, велъ порученное ему дѣло объ оклеветаніи генералъ-лейтенантомъ Ив. Захар. Е** калужскаго губернатора Смирнова.

Клевета эта заключалась въ томъ, что сынъ Ивана Захаровича, гвардіи полковникъ Ив. Ив. Е**, подалъ чрезъ графа Закревскаго государю жалобу, писанную будто бы со словъ отца, о томъ, что послѣ роскошнаго завтрака, губернаторъ Смирновъ далъ подписать старику отцу крѣпостной актъ на все его имѣніе, село Алешно, въ пользу побочной дочери его, жены шурина Смирнова, тогда какъ старикъ Ершовъ полагалъ, что онъ подписываетъ актъ на небольшую часть изъ этого имѣнія. Слѣдствіе это было произведено внѣ всякаго вліянія графа Закревскаго и происходила ревизія сенаторская не въ 1849 году, какъ помѣчено на письмахъ А. О. Смирновой, а въ 1850-мъ году. По ревизіи же были обнаружены неправильныя и явнопристрастныя дѣйствія губернатора Смирнова въ пользу помѣщика Толбугина. Это дѣло послужило поводомъ къ увольненію Н. М. Смирнова отъ должности калужскаго губернатора [1]), не смотря на большую у него протекцію и на защиту его самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ, которому государь Николай Павловичъ сказалъ:

— „Графъ, я посылалъ князя Давыдова и ему вѣрю".

А. О. Смирнова ранѣе окончанія ревизіи пріѣхала въ Петербургъ, чтобы хлопотать о мужѣ. Когда я пріѣхалъ туда съ ревизіи, то первое, что услышалъ отъ князя Павла Вас. Голицина, впослѣдствіи шталмейстера, что государь Николай Павловичъ получилъ записку о томъ, что сенаторъ князь Давыдовъ ничего не дѣлалъ, а всѣмъ орудовали чиновники: Колмаковъ (Николай Марковичъ) и Жизневскій, на это я сказалъ князю Голицыну:— „Очень радуюсь, сдѣлавшись извѣстнымъ государю, а за свои дѣйствія вполнѣ отвѣчаю".

Жаль, что Ольга Николаевна Смирнова, увлекшись, въ примѣчаніяхъ къ письмамъ матери своей, чувствомъ вражды покойнаго ея отца къ П. Н. Клушину, описала невѣрно факты и не стѣснилась въ употребленіи черной краски для его характеристики.

А. К. Жизневскій.

г. Тверь.

---

[1]) У меня сохранилась копія съ составленной мною записки по этому дѣлу, которую сенаторъ кн. Давыдовъ подалъ министру юстиціи графу В. Н. Панину, по пріѣздѣ его изъ заграницы, дабы оградить себя отъ интригъ Смирновыхъ. **А. Ж.**

АЛЕКСАНДРЪ ЕВСТАФІЕВИЧЪ МАРТЫНОВЪ,

Артистъ императорскихъ театровъ.

1816 $\frac{\text{12-го іюля род.}}{\text{умеръ 16-го августа}}$ 1860 гг.

Болѣзнь, смерть и погребеніе.

А. Н. Островскій—П. С. Ѳедорову.

12-го августа 1860 г. Харьковъ.

Милостивый государь Павелъ Степановичъ. Очень грустное извѣстіе принужденъ я сообщить вамъ. Александръ Евстафьевичъ плохъ, очень плохъ. Крымъ, на который онъ такъ надѣялся, не помогъ ему нисколько и болѣзнь его развивается быстро. По возвращеніи изъ Крыма въ Одессу, онъ не захотѣлъ тамъ лечиться, да и доктора не совѣтовали, считая одесскій климатъ гибельнымъ для его здоровья. Изъ Одессы онъ, кажется, писалъ женѣ о своемъ положеніи; не знаю, откровенно-ли и въ какихъ выраженіяхъ? Говорить съ нимъ объ этомъ было-бы безжалостно. До Харькова я довезъ его въ моемъ экипажѣ, съ остановками по 12 часовъ въ сутки и, благодаря хорошей погодѣ и отличной дорогѣ, мы доѣхали благополучно. Въ Харьковѣ Александръ Евстафьевичъ остановился отдохнуть и полечиться. Лучше нельзя найти мѣста для отдыха; здѣсь у него очень много знакомыхъ и есть хорошіе доктора. Его лечитъ докторъ Рендовскій, профессоръ университета. Изъ Харькова Александръ Евстафьевичъ ѣдетъ въ почтовой каретѣ; содержатель почтъ, по знакомству, предлагаетъ

въ его распоряженіе удобный и покойный экипажъ. По моему мнѣнію, Александру Евстафьевичу, въ его положеніи, пускаться въ дорогу на 700 верстъ не безопасно, но онъ никакъ не хочетъ оставаться еще въ Харьковѣ, да и докторъ не считаетъ этотъ путь для него опаснымъ и совѣтуетъ ему ѣхать. Все, что я могъ сдѣлать съ своей стороны,—это бросить свой экипажъ и взять мѣсто въ той-же каретѣ, чтобы не оставлять Александра Евстафьевича и быть ему хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ въ дорогѣ. Мы выѣзжаемъ въ воскресенье (14-го числа). Все, что можно будетъ сдѣлать, я сдѣлаю; но я все-таки боюсь за эту дорогу и, видя его постепенное разрушеніе, теряю энергію. Я до сихъ поръ все имѣлъ надежду, что онъ вернутся въ Петербургъ въ силахъ, съ Харькова я потерялъ эту надежду. Изъ Москвы я васъ увѣдомлю. Я-бы васъ увѣдомилъ по телеграфу, но докторъ говоритъ, что еще большой опасности нѣтъ. Тяжелый крестъ выпалъ на мою долю! Мысль, кого мы теряемъ! не даетъ мнѣ опомниться. Я очень мнителенъ. Что, если доктора, совѣтуя ему ѣхать, хотятъ только сбыть его съ рукъ! Я боюсь самъ захворать, тогда что будетъ! Я одинъ только при немъ изъ близкихъ ему. Когда пріѣдемъ въ Москву, тамъ дѣло другое. Но какъ-то доѣдемъ до Москвы. Вотъ въ чемъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, я васъ буду увѣдомлять о всемъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга

А. Островскій.

Петербургъ. Дирекція театровъ инспектору Ѳедорову.

1860 г. Августа 14-го, 10 ч. 55 м. ночи.

Мартыновъ безнадеженъ. Ѣхать нельзя. Что дѣлать? Ждемъ отвѣта въ Харьковъ Турбину. Островскій, Турбинъ, Щербина.

Августа 15-го 10 ч. 25 м. ночи.

Видимо слабѣетъ; надежды нѣтъ; мѣры приняты, лечатъ: Хлофелора, Груббе, Риндовскій, Котелевскій. Будемъ извѣщать. Островскій. Турбинъ.

Августа 16-го 4 ч. 14 м. утра.

Былъ консиліумъ. Жить не долго. Жена едва-ли застанетъ. Если умеръ, что дѣлать? Островскій, Турбинъ.

Августа 16-го, 7 ч. 45 м. дня.

16-го августа въ $7^1/_2$ часовъ пополудни Мартыновъ скончался. Что дѣлать? Щербина.

А. Н. Островскій—П. С. Ѳедорову.

[21-го августа 1860 г. Харьковъ].

Милостивый государь Павелъ Степановичъ! Хлопоты послѣднихъ дней, горькое сознаніе потери человѣка, не замѣнимаго для искусства и дорогаго лично для меня, мѣшали мнѣ, до сихъ поръ, сообщить вамъ подробности болѣзни и смерти Александра Евстафьевича. Хотя я и всѣ, видѣвшіе его въ Одессѣ и въ Крыму, не имѣли ужъ никакой надежды на его выздоровленіе, хотя я и самъ видѣлъ и со всѣхъ сторонъ слышалъ, что едвали Мартыновъ доѣдетъ до Петербурга, — тѣмъ не менѣе смерть его поразила насъ, какъ что-то неожиданное. Какъ-то не хотѣлось вѣрить, что можетъ умереть такой человѣкъ. Съ самаго отъѣзда и до послѣдняго его вздоха я не разлучался съ нимъ; весь ходъ болѣзни и послѣднія минуты его происходили на моихъ глазахъ. Покорнѣйше прошу васъ, Павелъ Степановичъ, свѣдѣнія, которыя я передаю вамъ въ этомъ письмѣ, сообщить его родственникамъ и друзьямъ, самъ я едва-ли скоро могу быть въ Петербургѣ, я такъ усталъ морально и физически, что мнѣ нужно отдохнуть. — Отъ Москвы до Одессы мы поѣхали на Воронежъ; первая ошибка Александра Евстафьевича была, что онъ почти не отдохнувши съ дороги игралъ въ Воронежѣ три большихъ спектакля сряду. Изъ Воронежа мы пріѣхали въ Харьковъ, здѣсь, не смотря на просьбы мои, Щербины и Турбина, онъ не захотѣлъ даже отдохнуть и мы поѣхали въ Одессу. Хотя дорога и утомила Александра Евстафьевича, но въ Одессу онъ пріѣхалъ въ состояніи довольно удовлетворительномъ. Одесса въ іюнѣ — это печь, — сорока-градусныя жары, ни одной капли дождя, адская пыль, — все это едва переносимо и для здороваго, а для больнаго чахоткою убійственно. Вліяніе одесскаго климата оказалось скоро, — на третій-же день открылись у Александра Евстафьевича изнурительные поносы,—сверхъ того каждый спектакль добивалъ въ немъ послѣднія силы. Послѣ „Кощея“ я думалъ, что онъ умретъ тутъ-же на сценѣ. Когда мы уговаривали его, что-бы онъ отдохнулъ, или вовсе бросилъ Одессу, онъ отвѣчалъ, что онъ связанъ словомъ, что Крымъ его поправитъ. Между тѣмъ онъ сердился на самого себя и часто говорилъ, что „глупо ѣздить въ Одессу за деньгами, что за это не 2,000 р., а 20,000 мало“. Въ Крымъ онъ поѣхалъ съ силами совершенно разбитыми, такъ-что едва вошелъ на пароходъ. Въ Ялтѣ,—какъ за послѣднее средство, онъ взялся за кумысъ; но пилъ его не долго, онъ скоро ему

опротивѣлъ. Тутъ стали появляться очень дурные признаки, именно: обильная мокрота дурнаго свойства, которую онъ, при совершенной слабости, едва имѣлъ силы откашливать. Въ концѣ іюля онъ сталъ собираться домой, но какъ-то нехотя и съ какимъ-то страхомъ. Сколько разъ онъ говорилъ мнѣ и окружающимъ: „Какъ я покажусь домой? Что скажутъ? Я испугаю семейство. Найдутся люди, которые будутъ говорить, что я поѣхалъ за деньгами, а потерялъ здоровье. А что я выигралъ? Я теперь долго, долго долженъ буду лечиться. Я потеряю то въ Петербургѣ, что досталъ здѣсь". Мы ѣхали опять черезъ Одессу и пробыли тамъ два дня; тутъ онъ сталъ торопиться. Я предлагалъ ему отдохнуть. „Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду, я ужъ послалъ сегодня письмо, я приготовилъ своихъ ко всему". Мы выѣхали изъ Одессы 2-го августа, ѣхали тихо, останавливались на ночь и среди дня въ жаръ. Кашель все становился хуже, мокрота увеличивалась, а силы слабѣли. Передъ Харьковымъ онъ сказалъ Степану: „я умру въ Харьковѣ". Когда я утѣшалъ его, что онъ доѣдетъ благополучно, онъ отвѣчалъ мнѣ, что на него начинаетъ нападать апатія и совершенное равнодушіе ко всему. Въ Харьковъ мы пріѣхали 8-го числа и онъ предполагалъ пробыть дней 5-ть или 6-ть. Къ концу болѣзнь начала развиваться быстро, пропала всякая надежда даже временно возстановить его силы. Ни смотря ни на что, онъ хотѣлъ ѣхать, я не рѣшился ему противорѣчить, хотя твердо былъ убѣжденъ, что онъ умретъ дорогою. Нанята была почтовая карета и въ 12 часовъ дня въ воскресенье назначенъ былъ выѣздъ. (Я писалъ вамъ тогда). Утромъ я взошелъ къ Александру Евстафьевичу, онъ лежалъ еще на кровати. „Какъ я поѣду?"—сказалъ онъ—„я очень слабъ сегодня".—„Такъ отдохните еще денька два..."—„Да, вѣдь, ужъ взяты билеты и деньги заплачены".—„Я сейчасъ ихъ передамъ, здѣсь желающихъ много, спасибо скажутъ".—„Такъ похлопочите". Я поѣхалъ на почту и передалъ билеты. Въ этотъ-же день онъ ужъ не могъ самъ перейти до дивана, на которомъ обыкновенно лежалъ днемъ. Доктора ничего ужъ не могли сдѣлать—легкихъ не было. Въ понедѣльникъ Александръ Евстафьевичъ ужъ не могъ самъ подняться съ подушки. Во вторникъ былъ консиліумъ; но ужъ кончина приближалась. Въ этотъ день я и Степанъ ужъ не отходили отъ него ни шагу.—Въ 5 часовъ онъ еще принялъ лекарство, въ 6 ужъ не принималъ; я спросилъ у него: „не зажечь-ли огня?" Онъ тихо проговорилъ: „зажгите", и это были послѣднія его слова. Часовъ въ 7 онъ какъ-то странно обвелъ глазами комнату, я велѣлъ Степану подойти къ нему поближе, думая, что онъ его ищетъ гла-

зами; Степанъ всталъ противъ него, но мы ошиблись, взоръ его остановился, онъ глядѣлъ, уже не видя ничего. Потомъ онъ началъ дышать тише и тише и черезъ полчаса жизнь перешла въ смерть такъ незамѣтно, что мы все еще ждали послѣдняго вздоха, когда уже все было кончено. Вообще болѣзнь Александра Евстафьевича очень походила на медленное, постоянное угасаніе; начиная съ Одессы день за день съ страшною постепенностью угасали его силы; все слабѣло: память, слухъ, зрѣніе, аппетитъ и чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ быстрѣе. Онъ умеръ во вторникъ (16-го) въ 7 часовъ съ $^1/_2$; въ среду его положили въ гробъ и вынесли въ кладбищенскую церковь. Мы три версты несли его на рукахъ, перемѣняясь съ артистами и студентами. Самое большое сочувствіе къ покойному обнаружили артисты и университетъ. На выносѣ, кромѣ студентовъ, былъ ректоръ и профессора. Въ пятницу отпѣли и закрыли гробъ. Подробности этихъ дней пусть напишетъ кто-нибудь другой, я все это видѣлъ какъ во снѣ. Вотъ все, что я могу передать вамъ. Съ почтеніемъ и преданностію остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга А. Островскій.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ [1]).

† 16-го августа 1860 г.

Тяжело мнѣ начинать сегодняшнюю бесѣду, потому что долженъ говорить о событіи, которое одѣло Петербургъ трауромъ, не тѣмъ внѣшнимъ, наружнымъ трауромъ, подъ которымъ очень часто скрывается полнѣйшее равнодушіе, а трауромъ истиннымъ, безъ наружныхъ признаковъ, безъ чернаго платья и креповыхъ повязокъ, выражающимся невольными слезами, незримою, но тяжкою болью въ сердцѣ. Я не преувеличиваю: извѣстіе о смерти нашего милаго, нашего несравненнаго Мартынова поразило всѣхъ насъ такъ, какъ будто у каждаго изъ насъ умеръ родной, сердечно-близкій, дорогой человѣкъ. Со слезами на глазахъ сообщали другъ другу это глубоко-грустное извѣстіе, только о немъ и говорятъ теперь въ городѣ;

[1]) Фельетонъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, № 180, 21-го августа 1860 года.

при имени Мартынова стихаетъ веселье; съ самаго беззаботнаг лица сбѣгаетъ улыбка, уступая мѣсто выраженію непритворно печали.

Нѣтъ нашего Мартынова, этого великаго художника и благ роднѣйшаго человѣка. Въ слезы мои желалъ-бы я обмакнуть пер чтобъ передать ту печаль, которая овладѣла мною, которая овл дѣла всѣми знавшими и любившими его: а знали и любили его вс въ нашемъ городѣ, всѣ до единаго. Слова, впрочемъ, тутъ безп лезны; никакое краснорѣчіе не въ силахъ сказать болѣе того, чт говорятъ два слова: нѣтъ Мартынова.

И умеръ онъ не въ родномъ своемъ городѣ, а далеко отъ него далеко отъ горячо-любимой семьи, отъ многочисленныхъ друзей Тяжелы были страдальцу предсмертныя минуты: не было около него нѣжной и преданной жены, не было малютокъ дѣтей; не про стился онъ съ ними послѣднимъ цѣлованіемъ, не взглянулъ онъ на нихъ въ послѣдній разъ, прощаясь съ жизнью, которая вся была любовью къ нимъ.

Болѣзнь, отъ которой скончался Александръ Евстафьевичъ, иногда медленно, но всегда вѣрно-дѣйствующая, обнаружилась явно года три тому назадъ. Онъ захворалъ лѣтомъ, въ Павловскѣ, такъ что опасались за его жизнь; но предпринятая имъ поѣздка за границу, благословенное небо Италіи и эмскія воды возстановили его упадавшія силы. Впрочемъ, онъ не совершенно поправился: весною 1859 года снова отправился въ Германію, снова пилъ эмскія воды, и, на этотъ разъ, возвратился въ Петербургъ съ запасомъ новыхъ силъ. Родные и друзья стали надѣяться за Александра Евстафьевича. Онъ самъ говорилъ, что не узнаетъ себя. Всю про шедшую зиму трудился онъ неутомимо, являясь безпрестанно въ наиболѣе трудныхъ, въ наиболѣе требующихъ физическихъ и нравственныхъ усилій, роляхъ своего обширнаго репертуара. Мнѣ слу чалось видѣть его очень утомленнымъ послѣ роли; но я видѣлъ, какъ и В. А. Каратыгинъ, человѣкъ здоровья колоссальнаго, утом лялся отъ любимой роли, сыгранной съ увлеченіемъ. Бывали съ Александромъ Евстафьевичемъ: одышка, кашель; но съ этимъ люди живутъ долго. Притомъ-же въ лѣта Александра Евстафьевича болѣзнь легкихъ можетъ продлиться долгіе годы. Такими разсу жденіями успокоивали себя всѣ близкіе и друзья его; да и самъ онъ нерѣдко успокоивалъ ими себя и своихъ близкихъ.

— Теперь ужъ я не лечиться ѣду, а денегъ добывать, гово рилъ онъ, собираясь въ путь, изъ котораго ему не суждено было воротиться.

Сначала онъ отправился въ Москву, гдѣ далъ нѣсколько представленій. Тамъ, хоть и недавно покинулъ онъ свою семью, вдругъ овладѣло имъ непреодолимое желаніе повидать жену и дѣтей; онъ уѣхалъ тайкомъ, между двумя представленіями, пробылъ въ Петербургѣ только день, и явился въ Москву почти къ самому спектаклю.

Кончивъ рядъ представленій, Александръ Евстафьевичъ отправился, вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ, на югъ. Въ Воронежѣ онъ игралъ, собралъ денегъ и тотчасъ-же отправилъ ихъ женѣ. „Вотъ тебѣ деньги", писалъ онъ ей, „которыя упали мнѣ съ неба".

Въ Одессѣ онъ также далъ нѣсколько представленій съ блистательнымъ успѣхомъ. Александръ Евстафьевичъ, какъ и всѣ геніальные люди, былъ необыкновенно скроменъ; никто никогда не слыхалъ, чтобъ онъ сказалъ, какъ это дѣлаютъ многіе, даже даровитые актеры: сегодня я доволенъ собою,—или—такая-то роль мнѣ удалась; напротивъ, онъ постоянно не довѣрялъ себѣ и съ робостью выходилъ на сцену передъ незнакомой публикой или въ новой роли. Я самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ онъ страхомъ выходилъ на сцену на второе представленіе комедіи г. Чернышева: „Не въ деньгахъ счастье". Я сидѣлъ у него въ уборной. Пока его одѣвали, онъ не выпускалъ изъ рукъ роли и съ безпокойствомъ останавливался то на той, то на другой страницѣ.

— Страшно! сказалъ онъ, наконецъ.

— Помилуйте, Александръ Евстафьевичъ, развѣ можно бояться послѣ необыкновеннаго успѣха вашего въ этой роли.

— Вотъ оттого-то я и боюсь. Развѣ вы не помните, что было въ прошедшій разъ.

При первомъ представленіи „Не въ деньгахъ счастье", Мартыновъ не только до глубины души взволновалъ и потрясъ зрителей своею вдохновенною, геніальною игрою — онъ явился предъ ними совершенно новымъ человѣкомъ: толпа не подозрѣвала, что Мартыновъ-комикъ—въ то-же время актеръ трагическій. Зала тряслась отъ восторженныхъ кликовъ и рукоплесканій. Нѣсколько литераторовъ и журналистовъ поспѣшили, по окончаніи піесы, въ уборную Александра Евстафьевича, чтобы выразить ему свое удивленіе и благодарность. При мнѣ вошли И. С. Тургеневъ и А. А. Краевскій; оба съ чувствомъ пожали руку великаго художника.

— Что вы со мной сегодня сдѣлали! сказалъ взволнованнымъ голосомъ И. С. Тургеневъ, прижимая Мартынова къ груди своей и горячо цѣлуя его.

На это-то послѣднее обстоятельство и намекалъ мнѣ Александръ Евстафьевичъ.

— Что, говорилъ онъ, если я сегодня сыграю хуже, нежели в первый разъ?...

Никогда не говорилъ онъ и объ успѣхахъ своихъ; но пріем сдѣланный ему въ Одессѣ, былъ такъ блестящъ и задушевенъ, ч самъ Мартыновъ писалъ: „никогда еще не встрѣчалъ я такого пріема".

Изъ Одессы отправился Александръ Евстафьевичъ въ Крымъ и поселился въ Ялтѣ. Въ письмахъ своихъ оттуда онъ съ восторгом говорилъ о роскошной природѣ и благорастворенномъ климатѣ, отъ которыхъ ждалъ новыхъ силъ на новые подвиги; тамъ-же на чалъ пить кумысъ, который, какъ мнѣ говорили, вредно подѣйство валъ на его желудокъ. Въ послѣднихъ письмахъ извѣщалъ онъ о скоромъ возвращеніи своемъ въ Петербургъ и о томъ, что отказался отъ приглашенія на одну изъ провинціальныхъ сценъ, потому что трудное путешествіе по дорогамъ Южной Россіи слишкомъ утомляло и разслабляло его. Это разслабленіе было, вѣроятно, предвѣстни комъ роковаго кризиса, такъ быстро сведшаго его въ могилу.

Первая телеграфическая депеша, полученная изъ Харькова и подписанная гг. Островскимъ, Турбинымъ и Щербиною, извѣщала о крайне опасномъ положеніи Александра Евстафьевича; вѣсть объ этой депешѣ молніей разнеслась по городу и повергла въ унын всѣхъ знавшихъ его. Семья его, и не только семья, но и всѣ домаш ніе, совершенно растерялись и могли только плакать. Въ отвѣтъ на депешу была послана отсюда въ Харьковъ другая, съ просьбой не щадить никакихъ усилій для спасенія Мартынова и сообщить немедленно о ходѣ его болѣзни. Полученъ былъ отвѣтъ, что Мар тыновъ слабѣетъ и, вслѣдъ за симъ, новая депеша возвѣстила, что, не смотря на усилія лучшихъ врачей Харькова, великій художникъ скончался 16-го августа (1860 г.).

Теперь, когда ударъ совершился, когда нельзя уже сомнѣваться, что мы потеряли Мартынова, всѣхъ занимаетъ мысль о будущности его семейства. Успѣлъ-ли онъ накопить столько, чтобы обезпечить его? Врядъ-ли. Александръ Евстафьевичъ долго боролся съ нуждой, долго былъ единственною поддержкою многочисленнаго семейства и только недавно достигъ относительнаго благосостоянія. Жизнь его долго была цѣпью лишеній и трудовъ; лишь въ послѣдніе годы явилась для него возможность пріобрѣтать столько, чтобы достав вить семьѣ своей, со временемъ, безбѣдную будущность. Но въ эти послѣдніе годы много унесла у него болѣзнь, а смерть похитила его у семьи въ самую нужную, можетъ быть, для нея минуту.

Когда-то Александръ Евстафьевичъ разсказывалъ мнѣ нѣсколько

эпизодовъ изъ своей жизни; я тогда-же записалъ слышанное и, по случаю обѣда, даннаго ему въ мартѣ 1859 года, передъ отъѣздомъ его за границу, петербургскими литераторами, напечаталъ въ одномъ изъ повременныхъ изданій нашихъ. Біографія Мартынова должна быть не только, по возможности, полнымъ собраніемъ фактовъ изъ поучительной его жизни, но и серьезнымъ изслѣдованіемъ его художническаго поприща; Мартыновъ былъ актеръ геніальный, пробившій новый путь въ своемъ искусствѣ, а потому его біографія должна имѣть не только историческій, но и научный характеръ. Предоставляя этотъ важный трудъ другимъ и самъ, не отказываясь совершить его со временемъ, я, тѣмъ не менѣе, рѣшаюсь повторить читателямъ „Русскаго Инвалида“ уже однажды напечатанный мною біографическій очеркъ. При всей своей краткости, онъ дастъ нѣкоторое понятіе о томъ, какихъ трудовъ стоило Мартынову побороть нужду, достигнуть благосостоянія и занять на нашей сценѣ первое мѣсто, принадлежащее ему по всѣмъ правамъ.

Отецъ Александра Евстафьевича, человѣкъ очень умный и дѣловой, управлялъ дѣлами Екатерины Александровны Сухозанетъ, которая была очень къ нему расположена и принимала живое участіе въ немъ и его семействѣ. Замѣтивъ однажды хорошенькаго и бойкаго мальчика, его сына, она спросила отца, что онъ намѣренъ изъ него сдѣлать? Управляющій отвѣчалъ, что уже записалъ его въ Петропавловское училище, а на счетъ дальнѣйшей судьбы его не рѣшилъ еще ничего.

— Отчего-же не отдашь ты его въ какое-нибудь казенное заведеніе?

Мартыновъ объяснилъ, что сынъ его, вслѣдствіе своего происхожденія, не имѣетъ на это права.

— Не хочешь-ли опредѣлить его въ театральное училище? Тамъ онъ можетъ выучиться какому-нибудь искусству: сдѣлается актеромъ, танцовщикомъ или музыкантомъ?

— Я всегда желалъ сдѣлать моего сына художникомъ, отвѣчалъ Мартыновъ,—и былъ-бы счастливъ, еслибъ могъ опредѣлить его въ театральное училище.

Г-жа Сухозанетъ взялась хлопотать объ этомъ и пригласила къ себѣ, съ этою цѣлію, членовъ тогдашняго театральнаго комитета: князя Гагарина, графа Віельгорскаго, графа Кутайсова и князя Долгорукова. Князь А. С. Гагаринъ, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло опредѣленіе молодаго Мартынова въ театральное училище, по какимъ-то причинамъ не явился на обѣдъ; г-жа Сухозанетъ написала къ нему и послала письмо съ обоими Мартыновыми.

Князь принялъ ихъ очень ласково и приказалъ явиться управлявшему императорскими театрами Остолопову, который послалъ ихъ къ члену театральной конторы Гемнигу. Мартыновъ отецъ пошелъ къ нему одинъ и былъ принятъ имъ очень неласково такъ что рѣшился отказаться отъ надежды опредѣлить сына. Молодой Мартыновъ сталъ готовиться къ поступленію въ Петропавловское училище, и всѣ мечты объ искусствѣ и артистической будущности были отложены въ сторону. Богъ знаетъ, что вышло-бы изъ него, еслибъ неожиданный случай, о которомъ любилъ вспоминать Александръ Евстафьевичъ, не помогъ ему снова попасть на дорогу, съ которой столкнулъ его неласковый пріемъ г. Гемнига.

Молодой Мартыновъ гостилъ у тетки своей, жившей у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной, гдѣ помѣщается въ настоящее время (1860 г.) „Русскій магазинъ“. Однажды его послали зачѣмъ-то къ отцу. Вышедъ отъ тетки, Мартыновъ, вѣроятно, для сокращенія пути, поспѣшилъ купить у разнощика огромный пряникъ, и принялся лакомиться на ходу, не обращая вниманія на проходящихъ. За то одинъ изъ проходившихъ, какой-то офицеръ, обратилъ на него вниманіе. Онъ былъ, вѣроятно, изъ благовоспитанныхъ и не понравилось ему, можетъ быть, что хорошенькій и опрятно одѣтый мальчикъ ѣстъ огромный пряникъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ остановилъ Мартынова на Аничковомъ мосту.

— Какъ это не стыдно тебѣ, душенька, ѣсть пряникъ на улицѣ?— сказалъ онъ ему,—это неприлично. Брось, пожалуйста.

Мартыновъ послушался и швырнулъ пряникъ въ Фонтанку.

Такое безусловное послушаніе тронуло офицера, который, чтобъ наградить послушнаго мальчика, повелъ его съ собою въ кондитерскую, помѣщавшуюся въ нынѣшнемъ домѣ Тулякова, угостилъ его пирожками и купилъ ему конфетъ, прося, чтобы онъ не ѣлъ ихъ на улицѣ, а донесъ до дому. Добрый офицеръ не подозрѣвалъ, разумѣется, что его поступокъ съ незнакомымъ ребенкомъ будетъ имѣть важныя послѣдствія, рѣшитъ судьбу его, подаритъ русскому театру великаго актера.

Мартыновъ вышелъ изъ кондитерской и пустился бѣжать домой. Вдругъ его остановилъ чей-то голосъ.

— Куда это ты бѣжишь, Мартыновъ? закричалъ ему кто-то.

Мартыновъ поднялъ голову и увидалъ князя А. С. Гагарина.

— Отчего ты не въ училищѣ? спросилъ строго князь.

Мартыновъ замялся.

Князь повторилъ свой вопросъ болѣе строгимъ голосомъ и испуганный мальчикъ объяснилъ, что его не приняли. Князя это уди-

вило. Онъ приказалъ, чтобъ Мартыновъ явился къ нему съ отцомъ своимъ на слѣдующій-же день, въ восемь часовъ утра.

— Да ты знаешь-ли кто я? спросилъ онъ въ заключеніе.

— Знаю-съ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Кто-же я?

— Вы князь.

Но какой князь, этого Мартыновъ не зналъ, потому что отецъ его, говоря при немъ съ княземъ, называлъ его вашимъ сіятельствомъ, а не по фамиліи. Назвавъ себя, князь еще разъ повторилъ приказаніе явиться на слѣдующій день непремѣнно.

Въ назначенный часъ Мартыновы были у князя, который сказалъ имъ, чтобъ они пришли къ десяти часамъ въ училище. Въ десять часовъ всѣ формальности были кончены и Александръ Мартыновъ уже зачисленъ въ число казенно-коштныхъ воспитанниковъ.

Врядъ-ли кто, когда-нибудь, радовался своему поступленію въ школу, какъ радовался Мартыновъ; онъ былъ совершенно счастливъ и принялся съ рвеніемъ заниматься всѣмъ, чему учили въ школѣ. Художническая его природа сказалась очень скоро; но не скоро удалось ему сблизиться съ тѣмъ искусствомъ, о которомъ думалъ на яву и грезилъ во снѣ. Театральное училище, какъ извѣстно, было основано почти съ спеціальною цѣлью приготовлять танцовщиковъ и танцовщицъ; музыкальный и драматическій классы образовались уже впослѣдствіи. При поступленіи въ училище Мартынова, они существовали, но танцы продолжали преобладать, и всѣ, безъ исключенія, воспитанники были обязаны учиться у знаменитаго балетмейстера и хореографа Дидло. Мартыновъ также поступилъ въ его классъ и пробылъ въ немъ два года, т. е. до двѣнадцати-лѣтняго возраста. Онъ оказалъ такіе успѣхи, что Дидло, учитель строгій и разборчивый, поставилъ его въ первую пару, т. е. открылъ ему дорогу въ первые танцовщики. Онъ и сдѣлался-бы, вѣроятно, танцовщикомъ, если-бъ судьба, покровительница русской драмы, не спасла его. Танцовальный классъ лишился своего знаменитаго учителя, мѣсто его заступили другіе, далеко не столь знающіе и даровитые, и все танцовальное дѣло пошло на выворотъ. Не слыша болѣе грознаго голоса, не видя болѣе строгой руки Дидло, ученики танцовальнаго класса стали пренебрегать своимъ искусствомъ, а Мартыновъ, котораго Дидло никакъ не выпустилъ-бы изъ рукъ, былъ отданъ въ ученики декоратору Конопи.

Конопи былъ ангажированъ дирекціею съ условіемъ быть декораторомъ и имѣть двухъ учениковъ; такъ какъ Мартыновъ былъ лучшимъ ученикомъ рисовальнаго класса, то его и отдали, вмѣстѣ

съ Горшенковымъ, къ Конопи. Такимъ образомъ, онъ изъ танцовщиковъ чуть было не сдѣлался декораторомъ. Три года учился онъ у своего новаго учителя, который былъ въ восторгѣ отъ его успѣховъ и уже видѣлъ въ немъ достойнаго себѣ преемника. Но Конопи умеръ и Мартыновъ снова остался безъ наставника. Ему было тогда пятнадцать лѣтъ.

Не можемъ не замѣтить здѣсь мимоходомъ, что и Дидло и Конопи имѣли благодѣтельное вліяніе на Мартынова: свобода, непринужденность и—когда нужно—изящество движеній, даны ему, безъ всякаго сомнѣнія, уроками Дидло; а искусствомъ гримироваться обязанъ онъ, конечно, урокамъ Конопи и занятіямъ живописью.

Мартыновъ давно уже завидовалъ тѣмъ изъ своихъ товарищей которые разыгрывали разныя піесы на учебной сценѣ училища, готовились въ актеры; освободившись отъ занятій декораціонною живописью, онъ сталъ также добиваться ролей. Сначала, какъ неопытному, ему давали роли незначительныя; но по свидѣтельству всѣхъ его товарищей, онъ съ перваго раза ходилъ и дѣйствовалъ на сценѣ свободно, какъ дома. Ему стали поручать болѣе значительныя роли и скоро онъ обратилъ на себя, въ водевилѣ: „Знакомые незнакомцы“, вниманіе новаго директора театровъ, А. М. Гедеонова. Съ чувствомъ глубокой благодарности отзывался А. Е Мартыновъ объ А. М. Гедеоновѣ, который первый оцѣнилъ будущее дарованіе пятнадцатилѣтняго мальчика и рѣшительно приказалъ ему заниматься драматическимъ искусствомъ, готовиться въ актеры. Послѣ А. М. Гедеонова, должно упомянуть о П. А. Каратыгинѣ, бывшемъ въ то время репетиторомъ, т. е. учителемъ драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ. Онъ также разгадалъ дарованіе Мартынова, принялъ его подъ свое особое покровительство: Мартыновъ со слезами на глазахъ разсказывалъ мнѣ, какъ П. А. Каратыгинъ, оставшись совершенно доволенъ исполненіемъ роли, въ піесѣ „Хитрость служанки“, поцѣловалъ его. „Это была первая награда, меня ободрившая, говорилъ Мартыновъ, и я никогда не забуду о ней“. И впослѣдствіи, когда Мартыновъ, будучи еще воспитанникомъ, сталъ играть на большой сценѣ, П. А. Каратыгинъ былъ постояннымъ ходатаемъ за него и заступникомъ.

Въ первый разъ появился Мартыновъ на большой сценѣ въ піесѣ: „Дочь волшебнаго міра“, въ роли жокея. Это, впрочемъ, роль дѣтская и можно-бы о ней вовсе не упоминать. Первымъ-же публичнымъ дебютомъ его была роль Мирошки, въ извѣстномъ водевилѣ Григорьева 2-го, „Филатка и Мирошка, соперники или четыре жениха и одна невѣста“, въ 1832 году. Дебютъ былъ блистатель-

ный. Потомъ онъ игралъ за актера Величкина въ піесѣ „Глухой или полный трактиръ“, и опять имѣлъ успѣхъ. Затѣмъ должно упомянуть объ успѣхѣ его въ піесѣ „Женихъ Лунатикъ“, за которую его вызвали въ первый разъ одного, а не вмѣстѣ съ прочими актерами.

Успѣшно началъ свое поприще Мартыновъ, но продолжалъ его не безъ труда; быстро пріобрѣтая любовь публики, онъ очень медленно улучшалъ свое матеріальное состояніе, и долго боролся съ тяжкою нуждою. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получалъ онъ самое незначительное жалованье и былъ единственною подпорою многочисленнаго семейства. Много прекрасныхъ чертъ въ этомъ періодѣ частной жизни Мартынова, свидѣтельствующихъ, что онъ былъ такой-же благородный и добрый человѣкъ, какъ и великій художникъ. Скажу, чтобы дать понятіе о лишеніяхъ, которыя Мартыновъ принужденъ былъ переносить, что онъ часто разучивалъ свои роли при свѣтѣ луны, за неимѣніемъ сальной свѣчки!... Случилось мнѣ однажды слышать отъ него и комическій эпизодъ изъ этого періода его жизни; впрочемъ, эпизодъ комическій только по внѣшней своей обстановкѣ, а въ сущности высокодраматическій.

Какъ-то удалось Мартынову, благодаря усиленной экономіи сшить себѣ новую пару платья. Онъ былъ совершенно счастливъ въ этотъ день и цѣлый день прогулялъ по Невскому, утѣшаясь какъ ребенокъ и въ полной увѣренности, что всѣ обращаютъ вниманіе на его новый съ иголочки костюмъ. Вернувшись къ вечеру домой, онъ принялся учить роль изъ комедіи „Хризоманія“, а платье бережно развѣсилъ на два стула, украшавшіе его комнатку. Жилъ онъ тогда съ семействомъ въ нижнемъ этажѣ. Утомленный прогулкой и ученіемъ, онъ заснулъ, какъ убитый и, вѣроятно, проснулся-бы довольно поздно, еслибъ не разбудилъ его холодъ. Проснувшись, онъ увидалъ, что окно отворено, и, подошедъ къ окну, чтобъ затворить его, замѣтилъ, что великолѣпный костюмъ его исчезъ. Каково-же было ему идти на другой день на репетицію въ истертомъ сюртукѣ и въ сапогахъ съ заплатками, тогда какъ наканунѣ онъ мечталъ о впечатлѣніи, которое произведетъ его новенькій сюртукъ. Впослѣдствіи первый актеръ нашей сцены достигъ относительнаго благосостоянія; но я не сомнѣваюсь, что много силъ унесли у него лишенія и борьба съ тяжкою, незаслуженною нуждою.

Замѣчательно, что однимъ изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ Мартынова былъ извѣстный французскій актеръ Алланъ. Однажды, когда Аллана спросили, видѣлъ-ли онъ русскихъ актеровъ и кого

онъ считаетъ лучшимъ изъ нихъ, Алланъ назвалъ А. Е. Мартынова актеромъ высоко-даровитымъ, какихъ онъ не встрѣчалъ и на европейскихъ сценахъ. Должно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ иностранные актеры, пріѣзжавшіе въ Россію, ходили смотрѣть Мартынова и что онъ пользовался большою извѣстностію въ парижскомъ театральномъ мірѣ. Знаменитый Лаблашъ былъ также его поклонникомъ и я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ смѣялся своимъ звонкимъ и густымъ смѣхомъ, потрясавшимъ его громадное туловище, глядя на Мартынова въ „Знакомыхъ незнакомцахъ".

— Чему смѣетесь вы? спросили его;—развѣ вы понимаете?

— По русски не понимаю ни слова, отвѣчалъ Лаблашъ, — но понимаю Мартынова [1]).

Медленно завоевывалъ себѣ Мартыновъ то мѣсто, которое принадлежало ему по праву, которое онъ долженъ былъ-бы занять давно. Наша драматическая литература небогата произведеніями, которыя могли-бы служить къ развитію дарованія въ актерѣ, къ тому, чтобы показать это дарованіе со всѣхъ его сторонъ. Притомъ-же на сценѣ, не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, существуетъ родъ преемничества, основаннаго на такъ называемомъ амплуа, недозволяющаго артисту выходить изъ извѣстнаго рода ролей. У насъ еще этотъ предразсудокъ слабѣе, нежели въ другихъ странахъ; но и у насъ еще недавно, при актерѣ, игравшемъ первыя роли, чрезвычайно трудно было добиться до нихъ актеру молодому; и у насъ очень рѣдко, и то не безъ труда, позволялось актеру перемѣнить амплуа. Ты комикъ, такъ и играй комическія роли, хоть бы и созналъ ты въ себѣ трагическія чувства. Въ этомъ отчасти виновата извѣстная часть публики, которая, привыкнувъ смѣяться надъ игрою комика, смѣется надъ нимъ и тогда, когда у иныхъ исторгаетъ онъ слезы. Вслѣдствіе всего этого, Мартыновъ болѣе двадцати лѣтъ несъ на себѣ бремя водевиля, игралъ передѣлки нелѣпыхъ французскихъ пьесъ, размѣнивалъ свой громадный талантъ на мелкую монету. Но и въ этихъ, недостойныхъ его дарованія, произведеніяхъ, онъ часто бывалъ поразителенъ, великъ: Бѣлинскій давно уже прозрѣлъ въ немъ великаго художника. Мартыновъ сознавалъ въ своемъ талантѣ трагическую сторону и не разъ пытался показать ее публикѣ; но публика, привыкшая видѣть въ немъ только комика, не хотѣла вѣрить ей. Она рукоплескала своему

---

[1]) Эти свѣдѣнія были сообщены мною въ № 58 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1859 года. Авт.

любимцу, вызывала его; но Кащей, Гарпагонъ, доведенный до преступленія разгульный парень, въ драмѣ г. Потѣхина „Чужое добро въ прокъ нейдетъ“, не заставили публику перемѣнить мнѣніе; между тѣмъ, какъ сцену смерти въ Кащеѣ, сцену потери денегъ въ Скупомъ, сцену въ драмѣ г. Потѣхина и многія другія игралъ Мартыновъ съ потрясающимъ трагизмомъ,—драмѣ г. Чернышева „Не въ деньгахъ счастье“ было суждено открыть, наконецъ, публикѣ всю громадность и всеобъемлемость этого геніальнаго актера. И какъ-же удивились тогда, что Мартыновъ, который все смѣшилъ, заставилъ нѣсколько тысячъ зрителей плакать и трепетать. Съ этой минуты открылся для Мартынова новый путь, такъ рано пресѣченный смертію: только двѣ роли въ томъ-же родѣ удалось ему создать съ тѣхъ поръ— въ „Отцѣ Семейства“ г. Чернышева и въ „Грозѣ“ г. Островскаго. Мартынова постигла участь большей части геніальныхъ художниковъ русскихъ: подобно Пушкину, Гоголю, Брюлову, Иванову и Глинкѣ, онъ сошелъ въ могилу въ цвѣтѣ лѣтъ, достигнувъ въ высшей степени своего художественнаго развитія, не сказавъ своего послѣдняго слова, не довершивъ своего подвига.

Осиротѣла русская сцена—она лишилась лучшаго своего украшенія, самой могучей поддержки своей. Долго, очень долго останется эта тяжкая утрата незамѣненною, потому что великіе художники не часто являются.

Велико значеніе Мартынова на русской сценѣ; оно не умретъ, потому что онъ пробилъ въ искусствѣ новую стезю. Теперь, послѣ Мартынова, сдѣлался невозможенъ тотъ ложный взглядъ на искусство, который удалилъ его отъ жизни и природы; теперь оно все болѣе и болѣе будетъ сближаться съ тою и другою, стремиться къ правдѣ и истинѣ.

Жизнь Мартынова принадлежитъ исторіи русскаго театра, въ которой займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ былъ женатъ на Марьѣ Павловнѣ Шелиховой, доброй, нѣжной и любящей подругѣ, которую любилъ самъ всею силою своей прекрасной души. Онъ оставилъ послѣ себя пятерыхъ дѣтей, трехъ сыновей и двухъ дочерей. Младшая дочь еще на рукахъ, а старшая играла уже въ прошедшемъ году, въ бенефисъ отца, дѣтскую роль, съ необычайными для ея лѣтъ тактомъ и умомъ, вѣрными признаками дарованія. Сыновья его также умны не по лѣтамъ и многое обѣщаютъ въ будущемъ. По субботамъ, въ день свободный отъ спектаклей, собирались у Александра Евстафьевича, вечеромъ, его родные, друзья, близкіе знакомые, въ числѣ которыхъ бывали всѣ извѣстные наши литераторы;

на вечерахъ этихъ радушные хозяева, встрѣчавшіе каждаго гос
какъ роднаго, заставляли иногда дѣтей своихъ разыгрывать цѣл
пьесы, почти всегда строго-художественнаго содержанія. Оди
изъ мальчиковъ, Александръ, малютка лѣтъ десяти, удивилъ мен
однажды исполненіемъ роли Фамусова. Я замѣтилъ стоявшем
подлѣ меня Александру Евстафьевичу, что малютка произнес
нѣсколько словъ съ поразительною правдою.—„А вѣдь самъ, я не
училъ“, поспѣшилъ отвѣтить счастливый отецъ, и слезы блеснул
на глазахъ его.—Два старшихъ мальчика съ успѣхомъ занимаются
музыкой. Третій еще очень малъ. Весело бывало видѣть Александра
Евстафьевича среди его милой семьи, окруженнаго дѣтьми, кото-
рыхъ онъ страстно любилъ. Дай Богъ, чтобъ эти прелестныя дѣти
помогли своей матери перенесть тяжкое горе, такъ неожиданно ее
поразившее...

Василько Петровъ.

1860 г.

С. И. Турбинъ—П. С. Ѳедорову.

24-го августа 1860 г. Харьковъ.

М. г. Павелъ Степановичъ. Принявъ на себя грустную обязанность похоронъ нашего несравненнаго и незамѣнимаго Мартынова, считаю долгомъ увѣдомить васъ, какъ и что было сдѣлано. Послѣ скромной погребальной процессіи, которая обошлась безъ дрогъ и факеловъ, потому что тѣло покойнаго отнесли на рукахъ студенты и актеры, согласно вашей телеграфической депеши, было приступлено къ приготовленію гроба для отправки въ Петербургъ.

Денегъ послѣ покойнаго осталось 73 р. 40 к.; все, что было нужно сверхъ этой суммы, предложилъ директоръ Харьковскаго театра Иванъ Александровичъ Щербина. Всѣхъ расходовъ, вмѣстѣ съ рессорными дрогами и прогонами до Москвы, оказалось 507 р. 98 к., почему г. Щербиною выдано 434 р. 58 к. Подробный расчетъ, вмѣстѣ съ расписками получателей, будетъ къ вамъ высланъ

вслѣдъ за этимъ письмомъ. Тѣло покойнаго предположено отправить 31-го августа, раньше было невозможно, потому что во всемъ Харьковѣ готовыхъ дрогъ не нашлось и ихъ пришлось заказывать. А. Н. Островскій выѣхалъ изъ Харькова 23-го августа. Вещи Мартынова по описи и съ печатями сданы мнѣ, я ихъ думаю отослать съ тѣмъ-же человѣкомъ, который будетъ сопровождать тѣло. Одинъ-же ящикъ, въ которомъ вложены разныя цѣнныя вещи и одесскій подарокъ пересылаю на ваше имя по почтѣ.

Затѣмъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, имѣю честь остаться навсегда вашимъ и проч. С. Турбинъ.

М. П. Мартынова—П. С. Ѳедорову.

26-го августа 1860 г.

М. г. Павелъ Степановичъ. Мнѣ объявили желаніе гг. артистовъ быть участниками (въ издержкахъ) въ погребеніи тѣла моего незабвеннаго друга; отъ всей души благодарю ихъ, но прошу васъ всепокорнѣйше объяснить имъ, что, понимая искренность жертвы этой, я не могу и не должна принять ее, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время я слишкомъ счастлива и обезпечена милостями нашего отца монарха! Еще разъ прошу васъ, Павелъ Степановичъ, отъ имени моего благодарить гг. артистовъ за вниманіе и прекратить всякія пожертвованія. Надѣюсь, что вы не откажетесь исполнить покорную просьбу всегда душевно преданной вамъ

М. Мартыновой.

М. г. Павелъ Степановичъ. Не знаю, какъ и благодарить васъ за всѣ попеченія и вниманіе!.. Слава Богу, что въ Москвѣ умѣли распорядиться отправленіемъ тѣла покойнаго, какъ мы желали. Благодарности моей А. Н. Островскому и гг. артистамъ московскимъ — нѣтъ предѣловъ!.. Препровождаю вамъ обратно оба письма и прошу покорнѣйше, если можно, прислать мнѣ еще нѣсколько билетовъ, чѣмъ премного обяжете истинно, глубоко преданную вамъ М. Мартынову.

С. И. Турбинъ—П. С. Ѳедорову.

30-го августа 1860 г. Харьковъ.

М. г. Павелъ Степановичъ. Вслѣдъ за отсылкою моего письма, я получилъ, вмѣстѣ съ открытымъ листомъ, ваше, и спѣшу отвѣтить немедленно. А. Н. Островскаго, вѣроятно, вы скоро увидите сами и потому ваше желаніе будетъ исполнено. Я же могу разсказать только то, что̀ видѣлъ и знаю.

Въ день пріѣзда Мартынова въ Харьковъ, т. е. 8-го августа, я встрѣтилъ Островскаго, который былъ у меня, но не засталъ дома. „Какъ? Что?“ —„Плохо!.. едва-ли доѣдетъ!“ — вотъ были слова, которыми мы обмѣнялись при встрѣчѣ. Войдя въ номеръ, занимаемый Мартыновымъ, я ужаснулся, не смотря на то, что былъ уже предупрежденъ и зналъ всегда Александра Евстафьевича худымъ и тощимъ. Представьте себѣ, въ буквальномъ смыслѣ, скелетъ, обтянутый кожею, и вы будете имѣть понятіе о томъ состояніи, въ какомъ Мартыновъ вернулся изъ Крыма. Повидавшись со мною, онъ сказалъ:

— „Плохо; мнѣ, видно, эту зиму играть не придется; развѣ въ свой бенефисъ. Хорошо, что я добрался до Харькова, здѣсь надобно отдохнуть, попросите ко мнѣ доктора Ланга, это мой пріятель“.

Къ сожалѣнію, Ланга въ это время въ Харьковѣ не было и потому желаніе больнаго нельзя было исполнить. Приглашенный профессоръ Рындовскій сказалъ мнѣ и Островскому объ опасности, но въ началѣ предполагалъ, что жизнь Мартынова можетъ еще продлиться нѣсколько времени; но совершенный упадокъ силъ и отсутствіе аппетита скоро выказали неосновательность этой надежды. По свойству бо̀льшей части страдающихъ чахоткою, Мартыновъ не сознавалъ опасности своего положенія и постоянно безпокоился и торопилъ Островскаго отъѣздомъ, говоря: „Мнѣ теперь гораздо лучше... мнѣ было нужно отдохнуть... мнѣ не слѣдовало играть“. Чтобы его успокоить, была нанята карета вольныхъ почтъ и опредѣлено выѣхать въ воскресенье, т. е. 14-го августа. Въ субботу его тревожила мысль о томъ, какъ онъ будетъ ѣхать по желѣзной дорогѣ, какъ будетъ трудно сидѣть въ вагонѣ и какъ онъ огорчитъ въ Петербургѣ родныхъ своимъ болѣзненнымъ видомъ. „Мнѣ лучше. Я могу ѣхать... видите“, съ этими словами онъ подымался съ дивана и дѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, не позволяя себя поддерживать, но это движеніе его утомляло и онъ садился на диванъ. На кровати онъ лежалъ только ночью, а цѣлый день проводилъ на диванѣ. Когда было рѣшено нанять почтовую

карету, мнѣ пришлось разсказать нѣсколько разъ, какъ она устроена и покойно-ли въ ней будетъ ѣхать. Въ субботу вечеромъ, прощаясь со мною, Мартыновъ сказалъ мнѣ: „Приходите-же завтра проводить меня. Помните, какъ я васъ провожалъ въ Петербургѣ?“

Въ воскресенье утромъ я узналъ отъ Островскаго, что больному сдѣлалось хуже и что онъ самъ уже не хочетъ ѣхать. Въ одну ночь болѣзнь усилилась страшно. Собранные доктора объявили, что ему жить осталось сутки. Тяжело и грустно было смотрѣть на живаго покойника, но онъ все время оставался въ полной памяти и узналъ всѣхъ знакомыхъ безъ затрудненія и охотно разговаривалъ, но голосъ былъ уже до того слабъ, что понимать слова было возможно только тщательно прислушиваясь.

Въ день кончины, подавая мнѣ руку, Мартыновъ проговорилъ едва слышнымъ голосомъ: „Посмотрите, какъ высохли“.—„Ничего, Богъ дастъ, поправитесь“, отвѣчалъ я; на это онъ улыбнулся и прошепталъ нѣсколько словъ, которыхъ я не понялъ.

За нѣсколько минутъ до смерти, Мартыновъ приказалъ своему слугѣ Степану затворить окно и потомъ принести свѣчку.

Вотъ всѣ грустныя обстоятельства и подробности, которыя я знаю, прибавлять и украшать цвѣтами краснорѣчія не умѣю и потому оканчиваю. Желая вамъ всего лучшаго, имѣю честь остаться и проч. С. Турбинъ.

И. А. Щербина—П. С. Ѳедорову.

М. г. Павелъ Степановичъ. Въ письмѣ вашемъ къ Сергѣю Ивановичу (Турбину) весьма пріятно было прочитать строки вашего вниманія ко мнѣ. Бывая иной день по нѣсколько разъ у Мартынова, хотя и невыразимо грустно было видѣть безнадежное его состояніе; но проведенные съ нимъ дни навсегда останутся незабвенными, ибо я привыкъ, уважая, любить Мартынова и удивляться его могучему, незамѣнимому таланту. Отдавъ ему послѣдній долгъ, навсегда сегодня прощаемся и съ прахомъ его. Передать что-либо изъ видѣннаго мною будетъ повтореніемъ того, что передали вамъ въ письмахъ своихъ А. Н. Островскій и С. И. Турбинъ. Примите и пр. Щербина.

Опись съ оцѣнкою, составленная въ присутствіи второй полицейской части г. Харькова вещамъ, оставшимся послѣ смерти артиста императорскихъ театровъ Мартынова, находившимся въ опечатанномъ деревянномъ ящикѣ.

2-го сентября 1860 года.

1) Серебряный вызолоченный бокалъ, съ принадлежащимъ къ нему такимъ-же блюдечкомъ, оцѣнены въ сто рублей.

2) Серебряная вызолоченная чайная ложечка оцѣнена въ пять рублей.

3) Булавка золотая, съ тремя большими и двадцатью однимъ меньшими брилліантовыми камнями, оцѣнена въ сто семьдесятъ пять рублей.

4) Золотая булавка съ мозаикою оцѣнена въ восемь рублей.

5) Двѣ золотыхъ цѣпочки для часовъ, одна старая, другая новая, оцѣнены въ сто двадцать пять рублей.

6) Цѣпочка золотая для ключика, съ печатью изъ сердолика, съ вензелемъ, оцѣнена въ двадцать рублей.

7) Золотой перстень, съ вензелемъ на сердоликѣ, оцѣненъ въ двадцать рублей.

8) Золотое кольцо въ видѣ змѣйки, съ тремя брилліантиками, оцѣнено въ десять рублей.

9) Футляръ для бокала, обдѣланный въ тѣсненую бумагу, оцѣненъ въ одинъ руб. пятьдесятъ коп.

10) Футляръ для булавки, обдѣланный въ красный бархатъ, оцѣненъ въ одинъ рубль.

А всего описано и оцѣнено на сумму четыреста шестьдесятъ пять рублей пятьдесятъ копѣекъ. 465 р. 50 к.

Опись и оцѣнку производилъ частный приставъ Чугаевъ.

Оцѣнку полагалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ Карлъ Эггинкъ.

При описи и оцѣнкѣ свидѣтелями были: генеральнаго штаба капитанъ Турбинъ, коллежскій регистраторъ Иванъ Гриводубовъ.

М. П. Мартынова—П. С. Ѳедорову.

5-го сентября 1860 г.

М. г. Павелъ Степановичъ. Спѣшу исполнить желаніе ваше: покойный Александръ Евстафьевичъ выѣхалъ въ Москву въ первый разъ 12-го апрѣля, на другой день бенефиса г-жи Снѣтковой; 1-го мая онъ неожиданно пріѣхалъ повидаться съ нами и 2-го снова уѣхалъ въ Москву. Изъ Москвы выѣхалъ 17-го мая въ Одессу; пробывъ нѣсколько дней въ Воронежѣ, онъ пріѣхалъ 5-го іюня въ Одессу; кончивъ дѣла свои, выѣхалъ 7-го іюля въ Крымъ; на возвратномъ пути, 2-го августа, онъ былъ снова въ Одессѣ, откуда и выѣхалъ на Харьковъ 3-го августа.

Перечитывая всѣ письма незабвеннаго друга моего, я убѣдилась, что слухи о началѣ болѣзни его еще въ Москвѣ совершенно ложны; напротивъ, онъ радовался состояніемъ своего здоровья во все время пребыванія своего въ Москвѣ и въ Воронежѣ! Даже первое письмо его изъ Одессы доказывало только, что онъ разстроился отъ ужасной дороги, и уже жалѣлъ, что рѣшился ѣхать въ Одессу. Однимъ словомъ, дорога и нестерпимый, удушливый климатъ Одессы и въ нѣкоторой степени несчастный кумысъ—убили его!.. Передаю вамъ подробности эти, какъ единственному человѣку, который понималъ его и былъ всегда душевно любимъ и уважаемъ покойнымъ. Не знаю, передалъ-ли вамъ Ѳ. А. Бурдинъ просьбу мою на счетъ бенефиса? Жду вашего совѣта и согласія. Всегда преданная вамъ душою М. Мартынова.

А. Н. Островскій—П. С. Ѳедорову.

5-го сентября 1860 г. Москва.

М. г. Павелъ Степановичъ. Вчера, въ 11 часовъ утра, я получилъ извѣстіе, что тѣло А. Е. Мартынова будетъ въ Москву къ 4 часамъ по полудни. Я извѣстилъ артистовъ и просилъ ихъ собраться у заставы, а самъ поѣхалъ къ архимандриту Данилова монастыря просить его, чтобы онъ съ своими монахами встрѣтилъ тѣло у заставы и позволилъ поставить его на время въ той церкви, въ которой мы отпѣвали Гоголя. Такъ все и сдѣлалось. Сегодня въ 2 часа назначена панихида, а завтра въ 10 часовъ обѣдня и послѣдняя панихида передъ отправленіемъ тѣла въ Петербургъ, о чемъ я распорядился публиковать въ газетахъ. Вотъ все, что я умѣлъ и успѣлъ сдѣлать. Ваше театральное начальство уклонилось отъ распоряженій и всѣ хлопоты опять пали на меня. Издержки, во время пребыванія тѣла въ Москвѣ, артисты принимаютъ на себя, они-же распоряжаются и церемоніею проводовъ до желѣзной дороги. Увѣдомляя васъ объ этомъ, я надѣюсь, что вы одобрите мою мысль и мое распоряженіе поставить прахъ покойнаго Александра Евстафьевича (для желающихъ почтить его память) рядомъ съ Гоголемъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга А. Островскій.

Отправка тѣла Мартынова въ Спб.

6-го сентября 1860 г.

М. г. Евгеній Макаровичъ. Назначенныхъ сегодня заупокойно обѣдни и перевезенія тѣла Мартынова изъ Данилова монастыр на желѣзную дорогу, нельзя было отложить до субботы, такъ как всѣ распоряженія уже были сдѣланы и о томъ объявлено въ вѣд мостяхъ и особыми повѣстками артистамъ. Это вовлекло-бы в новые расходы и едва-ли было-бы допущено начальствомъ мона стыря. Но въ исполненіе вашей депеши, мы отнеслись къ начал ству желѣзной дороги, которое отвело помѣщеніе для тѣла, гд оно и будетъ находиться до 10-го сентября, и въ этотъ день, т. е въ субботу, отправится въ Петербургъ, въ 2 часа, съ пассажирским тридцати-часовымъ поѣздомъ. Спѣшу писать, ѣду къ обѣднѣ.

Примите и проч. Н. П. (не разобрано).

С. И. Турбинъ—П. С. Ѳедорову

5-го октября 1860 г. Харьковъ.

М. г. Павелъ Степановичъ. Окончивъ мои грустныя хлопоты, пишу къ вамъ, вмѣстѣ со счетами и росписками, которыя, пользуяс своимъ полуофиціальнымъ положеніемъ, отправляю на казенны счетъ. Вы, вѣроятно, уже получили мое письмо, отправленное съ лакеемъ покойнаго Александра Евстафьевича. Послѣдніе проводы нашего незамѣнимаго артиста были довольно парадны; были музыка и пѣвчіе; хотя властей, точно также какъ и при выносѣ, по много-численности ихъ занятій и сугубой важности занимаемыхъ мѣстъ, въ наличности не оказывалось, ну, да Богъ съ ними, покойникъ не имѣлъ даже штабъ-офицерскаго чина и потому онымъ властямъ безпокоиться было-бы даже неприлично. Надѣясь, что вы не осудите моей выходки и оставаясь въ полной увѣренности, что не лишите вашего расположенія, остаюсь преданный навсегда и готовый къ услугамъ С. Турбинъ.

Иванъ Александровичъ Щербина свидѣтельствуетъ вамъ по-чтеніе. Перешлите ему поскорѣе издержанныя деньги, я это пишу, потому что знаю не совсѣмъ блистательное положеніе харьковскаго театра, совершившаго въ настоящемъ году экспедицію въ Полтаву, à la Карлъ XII. По-просту, полтавско-ильинская ярмарка доставила около 5 тыс. сер. чистаго убытку. Это между нами.

1860.

НА МАРІИНСКОМЪ ТЕАТРѢ

въ Понедѣльникъ, 10-го Октября,

въ пользу вдовы и дѣтей артиста А. Е. МАРТЫНОВА,

Русскими придворными актерами, при участіи артистовъ: итальянской, русской оперной, балетной, французской и нѣмецкой труппъ, представлено будетъ,

ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ:

СТАРЫЙ ДРУГЪ

ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

Картины изъ московской жизни, въ 3-хъ дѣйств., соч. А. Островскаго.

Дѣйствіе 1.

дѣйствующія лица:

Татьяна Никоновна, мѣщанка, хозяйка небольшаго деревяннаго дома—г-жа Громова.—Олинька, ея дочь, портниха, 20-ти лѣтъ—г-жа Снѣткова 3.—Пульхерія Андреевна Гущина, жена чиновника—г-жа Линская.—Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ, титулярный совѣтникъ—г. Максимовъ 1.

Дѣйствіе 2.

дѣйствующія лица:

Гаврило Прохорычъ Васютинъ, старикъ, отставной чиновникъ — г. Зубровъ.—Анфиса Карповна, жена его—г-жа Сабурова.—Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ, сынъ ихъ—г. Максимовъ 1.—Вавило Осиповичъ Густомѣсовъ, купецъ, лѣтъ 35—г. Бурдинъ. Орестъ, лакей, лѣтъ 50—г. Горбуновъ.—Пульхерія Андреевна Гущина—г-жа Линская. — Проситель — г. Шемаевъ.

Дѣйствіе 3.

дѣйствующія лица:

Татьяна Никоновна — г-жа Громова.

Олинька — г-жа Снѣткова 3.

Пульхерія Андреевна — г-жа Линская.

Прохоръ Гаврилычъ — г. Максимовъ 1.

Вавило Осиповичъ — г. Бурдинъ.

АНТРАКТЪ.

Артистъ нѣмецкой труппы г. Фридрихъ Гаазе прочтетъ балладу Гёте „Лѣсной царь“

(«DER ERLKÖNIG»).

Артистъ русской оперной труппы г. Петровъ будетъ пѣть пѣсню:

«Борода-ль моя, бородушка».

Г-жа Муравьева и г. Л. Ивановъ танцовать будутъ:

«PAS DE DEUX».

НА ХЛѢБЪ И НА ВОДУ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи, подражаніе французскому В. И. Р.

Роль Сашеньки будетъ играть дѣвица Александра Мартынова.

дѣйствующія лица:

Сашенька, пансіонерка . . . . д-ца А. Мартынова.
Шарлота Карловна Шамбергъ, классная дама . . . г-жа Громова.
Николай Платоновичъ Новскій, небольшой чиновникъ . . . . . г-нъ Зубровъ.

АНТРАКТЪ.

Артистка французской труппы г-жа Стелла-Колассъ прочтетъ:

Les enfants de la morte,

poésie de m-r Charles Lafont, couronnée par l'Académie Française.

Артистъ итальянской оперной труппы г. Тамберликъ будетъ пѣть:

„Русскій романсъ“.

Г-жа Лядова 2 и г. Богдановъ будутъ танцовать:

Мазурку (Mazurka Pétulance).

ЗАВТРАКЪ У ПРЕДВОДИТЕЛЯ

или

ПОЛЮБОВНЫЙ ДѢЛЕЖЪ.

Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. И. С. Тургенева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Николай Ивановичъ Балагалаевъ, предводитель . . . . . г. Сосницкій.
Петръ Петровичъ Пехтерьевъ, бывшій предводитель . . . г. Самойловъ.
Мирволинъ . . . . г. Зувровъ.
Антонъ Семеновичъ Алупкинъ, помѣщикъ г. Каратыгинъ.
Евгеній Тихоновичъ Суслевъ, судья . . г. Марковецкій.
Ѳерапонтъ Ильичъ Безпандинъ . . . . . г. Григорьевъ.
Анна Ильинишна Каурова, вдова . . . . г-жа Линская.
Вельвицкій, письмоводитель . . . . . г. Бойковъ.
Порфирій Игнатьевичъ Наглановичъ, становой . . . . . г. Брянцевъ.
Герасимъ, дворецкій Балагалаева . . . г. Сапшуговъ.
Карпъ, кучеръ Каурової. . . . . г. Максимовъ 2.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ имѣніи Балагалаева.

Порядокъ спектакля: 1) Завтракъ у предводителя, 2) Антрактъ. 3) На хлѣбъ и на воду. 4) Антрактъ. 5) Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Начало въ 7 часовъ.

Билеты для сего спектакля можно получать въ кассѣ Маріинскаго театра.

Романсъ, который пѣлъ Тамберликъ въ бенефисъ семейству Мартынова. 10-го октября 1860 г.:

Его ужъ нѣтъ!

РОМАНСЪ.

Слова Н. И. Куликова. Музыка П. П. Булахова.

Его ужъ нѣтъ, (bis) любимца славы,
Кто такъ искусство уважалъ,
Кто изучалъ родные нравы,
Кто самъ творилъ, не подражалъ.
Его ужъ нѣтъ, любимца славы:
Цвѣтокъ безвременно увялъ!

***

Тебя ужъ нѣтъ (bis), ты взятъ могилой —
Мы покоряемся судьбѣ.
Но ты на вѣкъ таланта силой
Зажегъ въ сердцахъ любовь къ себѣ.
Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ милый...
Но память вѣчная тебѣ!

Стихи въ память Мартынова.

Сегодня, кажется, что я... не такъ играла?...
Хоть слова пропустить не смѣла одного...
Но, если роль мою я слабо исполняла,
Быть можетъ, вы... поймете... отчего?..
Я въ прошлый годъ пріятно такъ училась,
Казалось, счастію не будетъ конца...
(Покачавъ головкою).
Но вдругъ прошли мечты и я на вѣкъ лишилась
Наставника и добраго отца!
Который, силою возвышеннаго чувства,
Мнѣ путь сценическій открылъ-бы, облегчилъ,
Съ годами, тайны всѣ и красоты искусства
Онъ бы, конечно, мнѣ открылъ!..
Его талантъ имѣлъ всегдашнее вліянье
На всякаго, кто былъ съ душею и умомъ;
Теперь ужъ нѣтъ его!... одно воспоминанье
Пріятное осталося о немъ;
Такъ утѣшеньемъ, намъ отрадой лучшей будетъ
Когда забвеніе... не вдругъ еще придетъ...
Кто артистическихъ заслугъ не позабудетъ
И маленькихъ Мартынова сиротъ!

Примѣчаніе. Эти стихи написаны были П. И. Григорьевымъ для прочтенія дѣвицею Мартыновою въ бенефисъ, данный семейству ея отца, 10-го октября 1860 г., но недозволены директоромъ театровъ.

12-го октября 1860 г.

Полученные мною отъ М. П. Мартыновой, 11-го октября 1860 г., 500 р. с., отправлены 12-го того-же мѣсяца въ Харьковъ къ Ивану Александровичу Щербинѣ, въ возвратъ издержанныхъ имъ денегъ на погребеніе А. Е. Мартынова.

Его превосход—ству г. директору императорскихъ театровъ, гофмейстеру и кавалеру Андрею Ивановичу Сабурову,

вдовы умершаго артиста русской драматической труппы Александра Мартынова. Маріи Павловой Мартыновой прошеніе.

ноябрь 1860 г.

По смерти мужа моего, послѣдовавшей 16-го минувшаго августа, я осталась въ самомъ безпомощномъ положеніи, съ пятью малолѣтними дѣтьми, и не говорю уже о душевной моей скорби, но не могу умолчать, что съ кончиною его я лишилась всѣхъ средствъ къ существованію и воспитанію моихъ дѣтей, о чемъ такъ много заботился покойный мужъ мой и для чего такъ неустанно онъ трудился.

В—му пр—ству извѣстно, какія заслуги и пользу приносилъ онъ русской сценѣ и искусству, и если я смѣю еще надѣяться на безбѣдную будущность, то это покуда заключается единственно въ томъ упованіи, что такія заслуги, чрезъ посредство в. пр—ства и милостивое ходатайство его сіятельства нашего добрѣйшаго министра, обратятъ, быть можетъ, исключительное благосклонное вниманіе всемилостивѣйшаго монарха на бѣдную вдову Мартынова съ пятью сиротами.

Прилагаю при семъ форменное прошеніе мое о назначеніи мнѣ съ дѣтьми, по существующему положенію, пенсіона, повергаю участь мою съ ними на благотворное вниманіе в. пр—ства, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи отъ щедротъ монаршихъ, если не болѣе существеннаго пенсіона, то въ добавокъ къ слѣдующему по положенію, хотя постояннаго пособія на безбѣдное существованіе и воспитаніе моихъ малолѣтнихъ дѣтей. Вдова Марія Павлова Мартынова.

Ноября 1860 г.

Сообщ. 9-го февраля 1880 г. **И. Ѳ. Горбуновъ.**

Петръ Великій въ костюмѣ голландскаго рабочаго,

въ августѣ 1697 г.

Въ 1811 году, въ типографіи Н. С. Всеволожскаго, въ Москвѣ, было отпечатано „Собраніе собственноручныхъ писемъ государя императора Петра Великаго къ Апраксинымъ“, въ двухъ томахъ.

Издателемъ этихъ писемъ былъ нѣкто Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ, жившій въ теченіе первой четверти настоящаго столѣтія въ Москвѣ и занимавшійся тамъ переводами съ французскаго языка („Картина народовъ, населяющихъ Европу“, соч. Ф. Шелля, переводъ П. Яковлева, Москва, 1811 г.; „Отчаяніе любви“, комедія, соч. барона Бильдербека, переводъ П. Яковлева, Москва, 1811 г.). Напечаталъ-же онъ письма Петра Великаго съ оригиналовъ, принадлежавшихъ въ то время потомку Петровскаго знаменитаго адмирала, генералу-отъ-кавалеріи Степану Степановичу Апраксину. Въ посвященіи своей книги этому лицу онъ говорилъ: „Вашей толико лестной ко мнѣ довѣренности обязанъ я за счастіе быть издателемъ сихъ драгоцѣнныхъ писемъ государя Петра Великаго къ знаменитому предку вашему, коего высокія добродѣтели суть наслѣдное достояніе изящной души вашей—кому-же иному посвящу ихъ? Примите-же, ваше высокопревосходительство, сіе приношеніе отъ сердца, исполненнаго безконечною благодарностью къ вамъ, истинному моему благодѣтелю!“

Къ первому тому изданія П. Яковлева былъ приложенъ портретъ Петра I, гравированный пунктиромъ Н. Свистуновымъ. Внизу находилась подпись: „Изображеніе Петра Великаго, когда онъ въ Голландіи отдыхалъ послѣ работъ у кораблей въ матросскомъ платьѣ“. Въ предисловіи-же было сказано про этотъ портретъ: „Приложенное къ сей части изображеніе Петра Перваго подарено имъ самимъ адмиралу Апраксину; подпись сохранена та-же“.

Изъ этого надо заключить, что оригиналъ портрета въ то время

принадлежалъ, вмѣстѣ съ оригиналами писемъ, тому-же генералу отъ-кавалеріи, Ст. Ст. Апраксину, по всей вѣроятности, живши въ началѣ настоящаго столѣтія въ Москвѣ, какъ и Павелъ Яковле

Куда дѣвался, съ тѣхъ поръ, оригинальный портретъ Петра I подаренный имъ адмиралу Апраксину,—ничего не было извѣстн до настоящаго времени.

Теперь онъ снова появился на свѣтъ. Онъ принадлежитъ од ному московскому любителю и собирателю предметовъ русской старины и произведеній искусствъ, Алексѣю Петровичу Бахру шину. Настоящій портретъ Петра Великаго былъ купленъ имъ въ 1884 году, въ Москвѣ, у Сухаревой башни, во время воскрес наго торга, за 15 рублей. Размѣръ картины: 15 вершковъ вы шины и 11 вершковъ ширины. Петръ I представленъ здѣсь въ красномъ кафтанѣ, въ полосатыхъ штанахъ и голубыхъ чулкахъ на головѣ широкополая шляпа. Онъ куритъ изъ бѣлой глиняной голландской трубочки. Портретъ былъ вставленъ въ плохую ста рую, но не старинную, позолоченную раму.

По осмотрѣ портрета, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петер бургѣ, знатоками живописи, и именно, преимущественно, по части живописи голландской, было признано единогласно: 1) что портретъ этотъ, по всей вѣроятности, есть оригиналъ, а не копія; 2) что онъ писанъ, вѣроятно, съ натуры, во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи, неизвѣстнымъ голландскимъ живописцемъ первой половины XVIII столѣтія, художникомъ довольно второстепеннымъ, представившимъ Петра въ томъ самомъ домикѣ, гдѣ онъ жилъ во время своихъ работъ на верфи, вѣроятно, въ Саардамѣ, курящимъ глиняную голландскую трубочку; 3) что на портретѣ незамѣтно никакихъ ретушей, передѣлокъ и подправокъ.

При сличеніи-же портрета, писаннаго масляными красками, съ гравюрою Свистунова, оказалось, что послѣдняя, несомнѣнно, дѣлана съ перваго, но только съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями, конечно, зависѣвшими, во-первыхъ, отъ того, что граверъ Свистуновъ былъ плохой рисовальщикъ, а какъ граверъ—художникъ, можно сказать, „лубочный“; а во-вторыхъ, отъ того, что портретъ писанъ довольно темными красками, и сверхъ того очень почернѣлъ отъ времени, такъ что многое, что теперь намъ ясно передала фотографія, было не очень-то опредѣлительно.

Главнѣйшія разницы между оригиналомъ и гравированною копіею слѣдующія:

1) Въ копіи, печь имѣетъ нѣсколько другую форму въ общемъ и въ деталяхъ; внизу, подъ плинѳомъ, произвольно пририсованы ножки, въ родѣ кубышекъ;

2) За лѣвымъ плечомъ Петра I, въ копіи, нарисована закругленная вверху нишь, тогда какъ въ оригиналѣ видно окно съ рамою, которой переплеты образуютъ кресты;

3) Кувшинъ съ пивомъ и горшочекъ съ табакомъ помѣщаются, въ оригиналѣ, на столѣ, въ копіи—на выступѣ ниши;

4) Ножки скамейки, на которой сидитъ Петръ I, въ оригиналѣ двухъ сортовъ: двѣ лѣвыя—совершенно вертикальныя, двѣ правыя—косыя; въ копіи—всѣ четыре ножки косыя;

5) На картинѣ масляными красками, на Петрѣ надѣты короткіе полосатые штаны; въ копіи матерія этихъ штановъ—не полосатая;

6) Дымокъ отъ трубки, идущій изъ губъ Петра, въ оригиналѣ очень маленькій и легкій; въ копіи—большой и клубами;

7) Вообще, поза рукъ и ногъ Петра I въ копіи очень плохая, отъ очевидной неумѣлости рисовальщика и гравера Свистунова; въ оригиналѣ она несравненно вѣрнѣе и художественнѣе. То-же надо сказать и про лицо Петра.

Приложенная при настоящей книгѣ „Русской Старины“ гравюра на деревѣ исполнена очень вѣрно художникомъ Вас. Вас. Матэ съ очень удовлетворительной фотографической копіи, присланной изъ Москвы Алексѣемъ Петровичемъ Бахрушинымъ.

В. В. Стасовъ.

Алмазная шапка царя Петра Алексѣевича.
Скипетръ перваго наряда и скипетръ втораго наряда.

РАЗЖАЛОВАННЫЙ КАПИТАНЪ

1717 г.

Къ февралѣ 1706 года „цыфиршикъ“, какъ назывались тогда ученики артиллерійской цыфирной школы, Алексѣй Луцкій подалъ въ приказъ артиллеріи челобитье, въ которомъ писалъ: „Въ прошломъ, государь, 1705 году, по твоему государеву указу, велѣно мнѣ быть въ приказѣ артиллеріи, въ твоей государевой школѣ для наученія ариѳметикѣ и геометріи и тригеонометріи, и изучилъ я ту ариѳметику и уже оканчеваю геометрію, а твоего государева денежнаго жалованья мнѣ ничего противъ моей братьи не учинено, которые со мной въ одномъ ученіи и твоего государева жалованья берутъ они въ годъ по 10 рублевъ. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества, вели, государь, мнѣ, противъ вышеписанныхъ моей братіи учениковъ, свой великаго государя окладъ учинить“ [1]).

По разсмотрѣніи въ приказѣ свидѣтельства школьнаго учителя просьба челобитчика была уважена и Луцкій, поверстанный высшимъ окладомъ, продолжалъ „оканчевать“ геометрію. Однако, не долго пришлось ему оставаться за наукой: въ слѣдующемъ-же 1707 году онъ былъ взятъ изъ школы, при обстоятельствахъ, роковымъ образомъ повліявшихъ на всю его будущность и дальнѣйшую службу.

Помянутый 1707 годъ является вообще любопытнымъ въ исторіи артиллерійской администраціи, доказавъ всю непрочность, существовавшей въ то время, регламентаціи полномочій лицъ и учрежденій, ее составлявшихъ, благодаря чему во главѣ управленія

[1]) Архивъ ст. дѣлъ Спб. Артил. Музея. Дѣла шт. ген.-фельдцейхмейстера, св. 5, л. 712.

артиллеріей разомъ выступили трое самостоятельныхъ распорядителей. Возникло-ли то слѣдствіемъ, случившагося тогда, отъѣзда изъ Москвы въ походъ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса и неэнергичности, приставленнаго послѣднимъ къ временному управленію артиллерійскими дѣлами, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, или-же причиною тому была неточность выраженій въ указѣ Петра о передачѣ вѣданія артиллеріей въ Москвѣ, при предполагавшемся въ то время исправленіи вооруженій послѣдней, въ руки губернатора князя Гагарина и капитана Преображенскаго полка Корчмина—опредѣленно выяснить трудно. Отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что, приступивъ къ выполненію государева повелѣнія, князь Гагаринъ и Корчминъ простерли свои полномочія и на всѣ отрасли артиллерійскаго управленія, непосредственно подчинивъ своимъ распоряженіямъ центральный органъ послѣдняго, приказъ артиллеріи, и безотчетно хозяйничая въ немъ. „Стольникъ князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ—доноситъ Брюсу растерявшійся дьякъ приказа Павловъ — приказнымъ людемъ и офицеромъ и бомбардиромъ и пушкарямъ и всякимъ мастеровымъ людемъ съ оклады,.... такожъ, что есть нынѣ налицо въ артиллеріи пушекъ, мортировъ и иныхъ всякихъ артиллерійскихъ припасовъ взялъ изъ приказа артиллеріи для вѣдѣнія себѣ списки... а о всякихъ дѣлахъ приказу артиллеріи велѣлъ докладывать себѣ. И о томъ буди тебѣ, государю, извѣстно“ [1]).

Въ то же время другой, Корчминъ, хозяйничалъ надъ личнымъ составомъ артиллеріи; разбиралъ и переписывалъ артиллеристовъ Москвы по своему усмотрѣнію; забралъ изъ школъ учителей: Грана, Шпарейтера и Магницкаго къ обрисовкѣ Кремля и Китай-города; наряжалъ къ себѣ „на дворъ“ школьныхъ учениковъ и широко распоряжался дѣлами приказа, не оставляя даже предписывать разсылки артиллерійскихъ припасовъ между такими пунктами, какъ Смоленскъ и Брянскъ [2]).

Напрасно протестовалъ Брюсъ и нѣсколько разъ писалъ Ромодановскому не отпускать отъ себя вѣданія артиллерійскихъ дѣлъ; ни заявленій Ромодановскаго, ни писемъ и указовъ фельдцейхмейстера своему ставленнику и дьякамъ приказа Гагаринъ и Корчминъ уже не слушались. Вотъ что писалъ, наконецъ, вполнѣ уже выбитый изъ власти, князь Ромодановскій: „Письмо твое, въ которомъ милость твоя пишетъ ко мнѣ по прежнему управлять вся-

[1]) Арх. ст. дѣлъ Спб. Артилл. Музея. Дѣла шт. ген.-фельдцейхмейстера, св. 8, л. 769.

[2]) Тамъ-же, л. 743.

кими дѣлами въ артиллеріи, и я то письмо посылалъ къ кн. Матвѣю Петровичу для вѣдома, чтобъ онъ вѣдалъ государевъ указъ, и онъ мнѣ отказалъ, а сказалъ, что я этому письму не вѣрю(!) безъ руки государевой. И нынѣ пишете, государь, ко мнѣ о управленіи иныхъ дѣлъ артиллерійскихъ изволите писать напрасна (sic): дѣло все Гагарина, а мнѣ лишь остуда" [1]).

Въ это-то, если можно такъ выразиться, смутное время, въ числѣ лицъ, подпавшихъ подъ обиду троевластія, выступилъ и вышепомянутый Луцкій, взятый Корчминымъ въ 1707 году изъ школы къ городовому въ Москвѣ строенію. По своему-ли, дѣйствительно, челобитью, безъ вѣдома Брюса, кн. Гагарину — какъ писали впослѣдствіи, или по особенному расположенію къ нему московскаго коменданта, Луцкій въ томъ-же году былъ за ту „городовыхъ дѣлъ службу" пожалованъ чиномъ прапорщика и, вопреки дѣйствовавшаго въ то время законоположенія: „школьнымъ ученикамъ въ иной чинъ кромѣ артиллеріи не отлучаться", зачисленъ въ пѣхотный полкъ Грузинцева. „И служилъ я, говоримъ далѣе словами самого Луцкаго [2]), бывъ при ономъ полку прапорщикомъ во оной-же Москвѣ при ученья солдатъ и на караулѣхъ по 708 годъ, а въ 708 году по его-жъ губернаторскому [3]) усмотрѣнію—за объявленія службы дѣда и отца моего, что онъ выѣхалъ, желая тебѣ, государю, служить съ вѣрностію на ваше царское величество имя съ командой своей ротмистромъ, также и за многіе службы и за раны отца моего, что онъ служилъ во многихъ вашего царскаго величества службахъ безпорочна (sic) ротмистромъ-же—пожалованъ я былъ порутчикомъ и по его-жъ отправленію посланъ былъ съ грамотою во ономъ-же году въ Смоленскъ къ господину губернатору Петру Самойловичу Салтыкову, а по его распоряженію изъ Смоленска посланъ былъ я въ армію въ полки, и служилъ въ армейскихъ полкахъ въ корпусѣ господина ѳельдмаршала Шереметева — капитаномъ, потомъ и въ другихъ генеральныхъ разныхъ дивизіяхъ въ Украйнѣ

---

[1]) Письмо кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго Брюсу. Тамъ-же, л. 288.—Любопытно отмѣтить то обстоятельство, что, не смотря на причиняемыя кн. Гагариным непріятности, Брюсъ оставался къ нему по прежнему любезенъ и и даже билъ ему челомъ изъ похода двумя антулами венгерскаго вина, „котораго во всей Польшѣ лучше онаго не сыскано и милости вашей кушать его во здравіе". Письмо Брюса кн. М. П. Гагарину. Тамъ-же, л. 303.

[2]) Челобитье А. Луцкаго отъ 1-го авг. 1717 г. Тамъ-же, дѣла Арх. св. 11, лл. 186—190.

[3]) Кн. М. П. Гагарина.

Д. С.

при господинѣ гетманѣ Скоропацкомъ и въ Кіевѣ при господинѣ губернаторѣ князѣ Голицынѣ въ Новой Печерской крѣпости у городовыхъ дѣлъ и подъ Каменнымъ Затономъ, и подъ сѣчью противъ непріятельскихъ людей: татаръ и запорожцевъ, и во многихъ партіяхъ до прибытія о замираніи турецкаго посла. А послѣ замиранія у разрытія городовъ: у Новобогородска, подъ Вольнымъ и Качерее-жъ, во всѣхъ службахъ безотлучна (sic) по сей 717 годъ"... Послѣдній и сталъ роковымъ для челобитчика. Прослуживъ при столь разнородной дѣятельности болѣе 11 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ, Луцкій вдругъ былъ потребованъ въ военную канцелярію и сталъ на смотръ извѣстнаго генералъ-пленипотенціара князя Якова Ѳедоровича Долгорукова. Отъ бывшаго „цыфиршика" потребовали сказку о службѣ, объявивъ которую, едва-ли онъ ожидалъ того строгаго и безпримѣрнаго до курьеза рѣшенія, какое излагалъ въ своемъ письмѣ Брюсу кн. Долгоруковъ, отправляя Луцкаго по прежнему въ артиллерію: „Сего ѳевраля 21 дня, по генеральному смотру, оной Луцкій написанъ попрежнему въ цыфирную школу въ ученики и, того ради, посланъ онъ къ вашей милости при семъ письмѣ. Изволишь о опредѣленіи его учинить по указу царскаго величества" [1]).

Двѣ недѣли спустя, Луцкій уже предсталъ передъ лицомъ артиллерійской администраціи, не менѣе смущенной столь небывалымъ обстоятельствомъ, опредѣленія въ школу недорослей ученика изъ разжалованныхъ капитановъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній при явкѣ сказалъ себѣ отъ роду тридцать три года. При подобныхъ условіяхъ буквальное выполненіе царскаго указа казалось невозможнымъ, а потому до спеціальнаго разрѣшенія участи новоприверстаннаго школьника, съ Луцкаго была лишь взята подписка съ обязательствомъ, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и штрафа „до опредѣленія его въ школу или въ другія науки ставиться ему въ артиллерійской канцеляріи по вся дни и безъ указу изъ С.-Петербурга ему не съѣхать" [2]).

Наконецъ, узнаемъ и о печальной участи, постигшей злосчастнаго капитана. Приказомъ генералъ-фельдцейхмейстера, въ виду невозможности по зрѣлымъ годамъ зачислить Луцкаго въ школу, его опредѣлили снова на службу въ полкъ артиллеріи, но разжаловавъ въ самый низшій чинъ канонира. Тщетно уже Луцкій хлопоталъ о смягченіи приговора, жалуясь въ челобитной, что онъ-де „изъ дѣдовскихъ и отцовскихъ выѣздовъ и службы, и своихъ

[1]) Письмо кн. Я. Долгорукова Брюсу. Тамъ-же. Д. шт. ген.-фельдц., св. 27, л. 73.

[2]) Тамъ-же. Д. полк., св. 3264, л. 66.

ото всѣхъ службъ и произшедшихъ чиновъ — униженъ, и нынѣ противъ своей братіи, не токмо что заслужившихъ, и противъ неслужащаго—зѣло умаленъ". Судъ былъ не скорый, но и не милостивый, позволившій челобитчику лишь къ 723 году дослужиться до третьяго, все-же низшаго званія,—чина капрала.

Д. П. Струковъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ВОЕННОМУ ВѢДОМСТВУ

въ 1730 г.

I.

«1730 г. іюля въ 12 день, по указу ея императорскаго величества канцеляріи главной артиллеріи и фортификацій, по репорту артиллерійскаго купчины Михаила Вихарева, сего іюля 10 дня, приказано: приторгованныя имъ, Вихаревымъ, во артиллерійской лазаретъ для парения больнымъ сосновыхъ шишекъ, корчагъ десять у купецкаго человѣка Григорія Иванова, ценою каждая по три копейки, купить и отдать подпорутчику Лутовскому с росписку, а денги по торгованной ценѣ, всего тритдцать копеекъ, для отдачи оному продавцу выдать означенному купчине Вихареву от артиллерійской казначейской должности, записавъ въ расходъ с росписку, а ему, купчине, отдавъ тому продавцу и взявъ в пріемѣ оныхъ росписку, объявить тое росписку ко оной казначейской должности, потомъ к той должности послать указъ. B. de-Münnich».

II.

«1730 г. іюля въ 31 день, по указу ея императорскаго величества канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи, по репорту артиллерійскаго купчины Івана Іванова сего іюля 21 дня, приказали: приторгованныя имъ, Івановымъ, по требованію подполковника Фон Заса, для умяхченія чугунныхъ пушекъ нижеозначенныя припасы, а именно: у компанейщика Івана Маркова пива десять анкеровъ по штидесятъ копеекъ, у дворцоваго крестьянина Зиновья Агаѳонова дровъ березовыхъ три сажени по рублю по тритцати копеекъ купить, и денги по сторгованной цене, всего девять рублевъ девяносто копеекъ, для отдачи онымъ продавцамъ выдать отъ артиллерійской казначейской должности оному купчине, записавъ в расходъ с росписку, а

ему, Іванову, тѣ денги раздать помянутымъ продавцамъ с росписками, а тѣ росписки для отчету подать х казначейской должности и о томъ къ оной должности послать указомъ. B. de Münnich».

Прошеніе разжалованнаго изъ подпоручиковъ въ профосы [1]) и о возвращеніи ему прежняго подпоручичьяго чина.

«Свѣтлѣйшему князю Лудвигу лантъ-графу Гессенъ Гомбургскому высокопревосходительному г-ну генералъ маэору всенижайшее доношеніе.

1. «Понеже по указанной конфирмаціи за продерзость мою повелѣно быть мнѣ годъ въ драгунехъ, а по прошествіи года быть паки въ прежнемъ моемъ рангѣ подпорутчикомъ.

2. «А понеже хотя при осмотрѣ вашей высококняжеской свѣтлости тысяща семсотдвадесять девятаго года мое всенижайшее доношеніе полку нашего г-на полковника Натали (de Natali) и поданъ (которое было написано в той силѣ, чтобъ мое долговременное провоское арестование в указное годищное время зачтено было, ибо и в томъ долгомъ и трудномъ арестѣ лонесъ немалую тяжесть, а к тому еще и въ вычетѣ денежнаго жалованья и во отнятіи денщичьява возъимѣлъ многую обиду), обаче и на оное мое всенижайшее доношение отъ вашей великокняжеской свѣтлости высокопревосходительнымъ указомъ повелѣно мнѣ ожидать дондеже выдетъ указъ по государственной военной коллегіи, терминъ которой уже прошелъ.

«Того ради во всенижайшей моей мизерной и рабской покорности слѣзно прошу вашу высококняжескую свѣтлость о высокомилостивой резолюціи, чтобъ я въ указное время допущенъ былъ в надлежащій мой чинъ, ибо милость хвалится и на судѣ; за которую и я, мизерный, долженъ до конца живота моего о вашемъ высококняжескомъ здравіи Бога просити і повсюду прославляти высокое имя вашей высококняжеской свѣтлости.

«О семъ доноситъ от кавалеріи Пермскаго полку драгунъ Семенъ Розладинъ. 1730 года, февраля въ 9 день.

«Ксему доношению драгунъ Семенъ Розладинъ руку приложилъ».

Сообщ. **А. И. Савельевъ.**

---

[1]) Въ составѣ чиновъ (урядниковъ) въ каждомъ полку въ XVII и XVIII стол. русскихъ войскъ были: „судья со своими державными людьми, судный секретарь или писарь, судный вевелъ (Gerichts Webel), 10 человѣкъ цѣловальниковъ (присяжныхъ), по одному отъ всякаго знамени или роты, полковой профостъ, сирѣчь приставъ съ своими поручиками или податными, съ палачемъ". (Военное право въ Россіи и пр. П. О. Бобровскаго).

А. С.

Генералъ Де-Геннинъ

1736 г.

Извѣстный артиллерійскій генералъ Вилимъ Ивановичъ Де-Геннинъ имѣлъ въ своемъ управленіи, одно время, олонецкіе желѣзные заводы. Принося здѣсь значительную пользу дѣлу, Де-Геннинъ въ то же время являлся, по словамъ нашего историіографа Соловьева, и горячимъ ходатаемъ о нуждахъ мѣстнаго населенія, подвергавшагося особенному притѣсненію отъ мѣстнаго правительства, въ виду сильно развитаго среди олончанъ раскольничества. Видя въ Вилимѣ Ивановичѣ своего смѣлаго заступника, населеніе, въ особенности-же духовенство, весьма оцѣнило значеніе этого человѣка для края, какъ образчикъ тѣхъ отношеній къ нему, въ которыя поставленъ былъ Де-Геннинъ своимъ заступничествомъ, сохранился весьма любопытный документъ. Это—посланіе олонецкихъ монаховъ, сложенное ими, отъ полноты испытываемыхъ чувствъ благодарности къ своему ходатаю, въ форму, близко напоминающую собою даже что-то въ родѣ акафиста.

Вотъ что читалъ Вилимъ Ивановичъ, сидя уже въ Петербургѣ, куда былъ отозванъ для управленія артиллерійскихъ дѣлъ въ канцеляріи:

„Свѣтлосіяющій высокопревосходительный господинѣ господинѣ (sic) Вилимѣ Ивановичъ: Нашъ всепремилостивый государь. Преславное и всепредивное вашея высокогосподскія свѣтлости и великоразумное и многомилосердое народоправленія и ароматоносное и всеблагодатное щедротоналитія, вси народи всерадостными языки, всеблагодарственно восхваляютъ, гради всежелательно хвалятѣ, веси и села всеизрядно благодарствуютѣ, купечестія всеусердно прославляютъ, воинствующіи благодарно возглашаютѣ. Колико блажатѣ присно бѣдніи и беззаступніи, колико прослаютѣ неусыпно благорадніи, колико славятѣ непрестанно избавлцеміи отъ напастей. И не сіи токмо вашу высокогосподскую прехвально возносятѣ благость, но и благородныхъ благороднѣйшіи почитаютѣ лица, преизрядно чествуютѣ и высокогосподскія персоны, милостивно жалуютѣ и самыя преславныя императорскія особы, по мудрому премудраго гласу: Пріятѣ бываетъ царемъ слуги разуменѣ: Притчи глава кѓ (14).

„Чесо ради и мы послѣдніи и убогонищіи вашего всеблагодатнаго высокогосподства превысокою милостію и всебогатыми щедротами, толь присно и непреставательно по вынуокружаеміи; ваше многомилостивѣйшее высокогосподское достояніе, вашу ароматоносную высокопревосходительную благость непреставательно вспоминающе, неусыпательно благодарствующе, вси

пустыннообитатели, вси бѣдніи сиротожители неуимащимися устами, непремолцающими языки ваше всепрещедрое ублажаемъ превосходительство, саміи холми благодарственныя издаютѣ гласы, саміи вертепи всеусердныя благодаренія возносятѣ, самыя сиротскія колибы (sic) хвалительная восклицаютѣ непреставательно и вся пустыня и вси пустыненасельницы вашу премилостиваго нашего государя высокопревосходящюю милость неуемно благодарствуемѣ, неусыпно восхваляемѣ, непрестанно благодаримѣ и благодарствовати никогда-же престанемъ, по писанному: Благословлятѣ тя людіе нищіи и градовѣ человѣкѣ обидимихѣ благословятѣ тя: Былѣ бо еси всякому граду смирену помощникѣ и скорбящимѣ скудости ради покровѣ: Исаія, глава кѣ (25).

„Просимѣ вашея высокогосподскія преславныя милости, просимѣ высокопревосходительныя благости и всепребогатаго человѣколюбія и нынѣ и впредь текущія не оставити вашего высокогосподскаго милосердія отъ насъ. Не отринути отъ всеблагодатнаго и премилостиваго покрова и заступленія насъ въ случающихся нашихъ нуждахъ и требованіяхъ. Ей, многомилостивый нашъ государь, буди намъ бѣднымъ претихое милосердія пристанище и все ароматоносное и пресладчайшее щедротъ отишіе, по милостивому всепремилостиваго Владыки гласу: Блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ: Матфей зд 17), і (10).

„Да дастѣ-же дастѣ всепремилостивый Господь Богъ вашему высокогосподскому всесіятельному превосходительству всездравственну, благополучну и многорадостну на премногія лѣта быти, быти и быти. Вашего высокогосподскаго всесіятельнаго превосходительства всепремилостиваго нашего государя всепокорніи раби, Олонецтіи выгопустынніи жители многоблагодарственно всѣ смиренно низоземно кланяемся“ [1]).

Генваря 17 дня 1736 г.

Сообщ. **Д. П. Струковъ.**

[1]) Архивъ стар. дѣлъ Спб. Артил. истор. Музея, Д. Командн. св. 1142, л. 119.

Придворные маскарады

въ 1751 г.

Часу въ двѣнадцатомъ пополуночи на 14-е декабря 1751 года въ ка
целяріи главной артиллеріи и фортификаціи было получено отъ гр
маршала Нарышкина извѣщеніе о предстоявшемъ при высочайше
дворѣ публичномъ маскарадѣ. Приглашая оповѣстить всѣхъ желающихъ бы
на немъ офицеровъ вѣдомства помянутой канцеляріи, Нарышкинъ вмѣст
съ тѣмъ предлагалъ послѣдней ознакомить ихъ съ общими порядками пр
дворнаго маскарада, „имѣющаго быть противъ прежде бывшихъ при двор
ея императорскаго величества маскарадовъ"; въ виду чего и присоединил
къ своему письму особое „объявленіе". Этотъ любопытный документъ мы
представляемъ читателямъ уважаемой „Русской Старины" [1]).

Д. П. Струковъ.

«Объявленіе».

„Ея императорское величество изволила указать именнымъ сво-
его императорскаго величества указомъ въ нынѣшнемъ декабрѣ мѣ-
сяцѣ послѣ высочайшаго торжества рожденія ея императорскаго
величества, то есть по прошествіи 18 числа, при дворѣ ея импера-
торскаго величества быть публичному маскараду противъ таковыхъ,
каковы прежде были, на который пріѣздъ имѣть всѣмъ придвор-
нымъ и знатнымъ персонамъ и чужестраннымъ и всѣму дворянству
съ фамиліями, кромѣ малолѣтнихъ, точію въ однихъ только домо-
нахъ (sic), какъ мужеска, такъ и женска полу. И притомъ, чтобъ
всѣ были въ баутахъ, которые-бы были до самой маски, чтобъ щекъ
и шеи не было-бъ видно и для того отнюдь оныхъ баутовъ не

[1]) Архивъ стар. дѣлъ спб. артил. музея. Д. Сборн. св. 25, № 442.

было-бъ сдѣланныхъ изъ флеровъ, и женскому полу быть въ малыхъ фишбенахъ. А кромѣ онаго сорту маскараднаго платья никакого другаго одѣянія не употреблять, а ежели кто, окромѣ того домина, въ другихъ какихъ ни на есть маскарадныхъ платьяхъ пріѣздъ имѣть будутъ, того во оной маскарадъ не допускать. И чтобъ на ономъ въ маскарадномъ платьѣ мишурнаго убранства и въ тѣхъ убранствахъ хрусталей нигдѣ не было, да не имѣть-же при себѣ никакихъ оружій; и кто не дворянинъ, тотъ-бы во оной маскарадъ быть не дерзалъ подъ опасеніемъ штрафа. А сколько во ономъ маскарадѣ всѣхъ дамскихъ и кавалерскихъ персонъ дѣйствительно быть имѣетъ, пропускъ чинить по прежнему, по билетамъ-же. И о томъ ея императорскаго величества высочайшемъ соизволеніи тѣмъ персонамъ учинить повѣстки, чтобъ тѣ персоны, кто во ономъ маскарадѣ быть желаетъ, заблаговременно сдѣланіемъ оныхъ доминъ и баутъ исправиться могли, такожь, чтобъ тѣ персоны, кто во оной маскарадъ быть желаютъ, для пропуску билетовъ требовали, противъ прежнихъ-же объявленіевъ, точно на то число персонъ, сколько въ томъ маскарадѣ быть имѣютъ, дабы во исчисленіи персонъ не было помѣшательства. Объ ономъ ея императорскаго величества высочайшемъ повелѣніи кому надлежитъ противъ прежняго по командамъ учинить объявленіи, дабы по полученіи онаго объявленія съ требованіемъ отъ тѣхъ командъ на точное число персонъ, кто во ономъ маскарадѣ быть желаютъ, билетовъ въ придворную контору присланы были письменныя извѣстія, съ прописаніемъ кому тѣ билеты отдать надлежитъ. А пропускъ тѣмъ будущимъ въ маскарадѣ персонамъ чиненъ быть имѣетъ противъ прежняго и онымъ при входѣ у дверей маски снимать надлежитъ, такожь приставленнымъ гофъ-фурьерамъ и лейбъ-гвардіи оберъ-офицерамъ о чести спрашивать приказано. А котораго числа оный маскарадъ дѣйствительно быть имѣетъ, о томъ знать дано будетъ впредь. И для того объ ономъ высочайшемъ ея императорскаго величества повелѣніи для надлежащаго о всемъ вышеписанномъ исполненія во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ чрезъ сіе и объявляется".

Сообщ. Д. П. Струковъ.

ПЕРЕПИСКА НА БЕРЕЗОВОЙ КОРѢ ВЪ КАМЧАТКѢ

въ 1767—1768 гг.

Въ галлереѣ разныхъ рукописныхъ рѣдкостей парижской національной библіотеки находится подъ стекломъ манускриптъ, названный такъ: „Charte srusses écrites sur l'écorce de bouleau“ (русскія хартіи, писанныя на березовой корѣ). Естественно было русскому человѣку заинтересоваться этими, такъ называемыми, хартіями. Библіотекарь досталъ ихъ изъ витрины и предоставилъ мнѣ разсмотрѣть ихъ, прося сообщить библіотекѣ ихъ содержаніе. Оказалось, что это не хартіи, что и слѣдовало ожидать, а два отношенія, писанныя изъ верхнекамчатской приказной избы въ большеретскую (рѣцкую?) канцелярію казачьимъ сотникомъ Архипомъ Шелковниковымъ въ 1767 и въ 1768 годахъ. Оба отношенія писаны чернилами на березовой корѣ и, очевидно, писаны перомъ. Кусокъ коры, на которой писано отношеніе 1767 года, сложенъ вдвое въ форматѣ маленькаго листа почтовой бумаги. Отношеніе-же 1768 года написано на кускѣ коры, величиною въ полулистъ обыкновенной писчей бумаги, сложенной вдвое. Такой форматъ и до сихъ поръ имѣютъ въ нашихъ канцеляріяхъ „неважныя“ бумаги. Отношеніе 1767 года написано очень неразборчиво, на второй страницѣ чернила совсѣмъ выцвѣли, а кора стала совсѣмъ коричневою. Вслѣдствіе этого разобрать писанное въ подробности нельзя. Если я приписываю это отношеніе сотнику Архипу Шелковникову, то это потому, что видно ясно, что оно писано изъ верхнекамчатской приказной избы, и почеркъ этого документа совершенно схожъ съ подписью Шелковникова, хорошо сохранившеюся на второмъ отношеніи. По сохранившимся словамъ и фразамъ можно догадаться, что сотникъ получилъ, 10-го августа 1766 года, изъ большеретской канцеляріи указъ отъ 10-го іюля за № 768, при которомъ былъ приложенъ указъ

правительствующаго сената, коимъ предписывалось представлять ежемѣсячныя вѣдомости о количествѣ проданныхъ „хлѣбныхъ припасовъ и другихъ наицѣннѣйшихъ товаровъ". Вѣроятно, онъ не исполнилъ этого требованія и получилъ подтвержденіе, потому что онъ оправдывается тѣмъ, что въ минувшихъ іюлѣ и августѣ (1767 г.) этихъ припасовъ и товаровъ въ продажѣ не имѣлось.

Второе отношеніе сохранилось очень хорошо и написано разборчиво. Въ немъ Шелковниковъ сообщаетъ о покупкѣ и отправкѣ сладкой травы въ нижнекамчатскую приказную избу для винокуренія. Ниже я привожу это отношеніе цѣликомъ. Считаю нужнымъ сдѣлать отъ себя слѣдующее замѣчаніе. Такъ какъ эти отношенія писаны въ разные годы и на нихъ находится помѣта о занесеніи ихъ въ реестръ, то они не представляютъ собою какого-либо исключенія. Очевидно, въ Камчаткѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка офиціальная переписка велась на березовой корѣ. Интересно также, что тамъ умудрились гнать водку изъ какой-то сладкой травы, которая была не дешева, стоила три рубля за пудъ. Вѣроятно, хлѣбъ былъ еще дороже; его помѣщали на ряду съ „наицѣннѣйшими" товарами.

Какъ попали эти любопытныя произведенія камчатскихъ канцелярій въ парижскую національную библіотеку? Извѣстно только, что они доставлены капитаномъ Дюпти-Туаромъ (Dupetit Thouars), но какъ они попали къ нему въ руки и кто такой онъ былъ самъ, я не могъ узнать.

Вотъ точная копія отношенія, писаннаго въ 1768 году съ сохраненіемъ правописанія.

„Въ Камчатскую Болшеретскую Канцелярію изъ Верхнекамчатской приказной избы. Репортъ.

Ея Императорскаго Величества искамчатской Болшеретской канцеляріи указ майя ô 30 числа сего 768 года под № 509 оботпуске въ нижну Приказну избу сладкой травы котпущенной напредь ôсель вту приказну избу сту пятидесяти еще ста пятидесятъ пудъ втребуемое ôтоль трехъ сотное число пудовъ искупя здесь уразныхъ людей сторгу вдешней приказной избе сего іюня 16 дня полученъ: а по справкѣ вдешней Приказной избе оказалось, минувшаго майя 6 числа сего года по силѣ указовъ искамчатской Болшеретской канцеляріи ôпущено ôсюдъ внижне камчатскую приказну избу создешнимъ казакомъ Савой дудыниномъ на винное куреніе сладкой травы кпрежде ôпущенной сту пятидесятъ пудамъ; тожъ число аимянно переверенной из авачинской гавани сто пудъ по три рубли пудъ на триста рублевъ покупкой здесь сего года пятідесятъ пудъ

по три рубли по восмидесятъ копеекъ пуд на стодевяносто рублев итого сто пятідесятъ пудъ на четыреста девяносто рублевъ за ко торую траву дѣнги обявленное число четыреста девяносто рублев изъ нижней Приказной избы стемже казакомъ дудынинымъ присланы и вприход записаны, а понеже за вышеписаннымъ послѣднимъ внижну приказну избу ѳпускомъ оставалось здесь сладкой травы пятдесять восемь пудъ сфунтами, ибо более оной травы здесь вверхнемъ остроге необыскалось и для того внижну Приказну избу о томъ минувшаго майя 22 дня сообщениемъ знать дано.

Казачей Сотникъ Архипъ Шелковниковъ.

Июня 18 дня 1768 года.

Копеистъ Мартынъ....." (фамилія написана неразборчиво и выцвѣла).

На первой страницѣ отношенія сверху есть помѣта: „№ 358. Получено 7 іюля записая.....". Дальше разобрать нельзя. — На поляхъ на второй страницѣ противъ словъ „по три рубли повосьмидесятъ копеекъ" поставленъ „№ 222", неизвѣстно къ чему относящійся.

Сообщ. Г. Аѳанасьевъ.

Парижъ.
5 января 1889 г.

Графъ А. А. Аракчеевъ—ген.-маіору Ивану Терентьевичу Спазину [1])

1803 г.

„Ваше превосходительство говорите въ письмѣ вашемъ отъ 27 октября, что будто вы мною позабыты, но оное совсѣмъ неправда, ибо получивши столько доказательствъ моей къ вамъ любви, не можете сомнѣваться и въ продолженіи оной. И мнѣ кажется, что я не подалъ причины, ибо при всѣхъ своихъ недосугахъ, я всегда съ удовольствіемъ читаю письма ваши и не одно изъ нихъ не осталося безъ отвѣту. Я надѣюсь, что ваше превосходительство, хотя нынѣшнею зимою пріѣдете къ намъ въ Петербургъ, вмѣстѣ и съ ея превосходительствомъ; при чемъ скажу вамъ чистосердечно, что вы такъ углубились въ одну экономію и позабыли совсѣмъ, что, имѣвши молодую—и какъ слышалъ—прекрасную жену, непремѣнно должно и нужно быть каждый годъ въ Петербургѣ, для доставленія ей всѣхъ удовольствій и веселостей и для занятія модныхъ обращеній, ловкой развязности и любезной разсѣянности. Примите сей мой дружескій совѣтъ и бросьте ваши четверики, чинъ и достатокъ запрещаютъ заниматься оными. Сіе говорю, истинно жалѣя о ея превосходительствѣ, надѣясь, что хотя заочно будетъ меня благодарить за сей спасительный совѣтъ. 12 ноября 1803 г.“.

Сообщ. Д. П. Струковъ.

[1]) Арх. ст. дѣлъ Спб. Артил. Музея. Дѣла инспект., св. 331.

ПРОЕКТЪ СОЖЖЕНІЯ ФЛОТОВЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИХЪ

1804—1805 гг.

Письмо, арестъ и допросъ титулярнаго совѣтника Берндта

январь — 1804—1805 гг. — іюль.

ражданинъ посланникъ! Я знаю тайну, какъ сжечь такелажъ флота въ такомъ даже отдаленіи, что оружіе онаго до меня достичь не можетъ. Если французской республикѣ угодно имѣть такое свѣдѣніе, то я предлагаю открыть оное. А такъ какъ письменно изъяснить сіе не весьма удобно, то я обязываюсь, для переговоровъ по сему предмету, пріѣхать къ вамъ, съ возвращеніемъ мнѣ путевыхъ издержекъ. Изобрѣтеніе сіе въ сравненіе съ обыкновенными военными иждивеніями чрезвычайно выгодно, а въ приведеніи онаго въ дѣйство я ручаюсь. Я требую отъ васъ скораго отвѣта, ибо въ противномъ случаѣ намѣренъ открыть оное другой державѣ; ожидаю отвѣта вашего на нѣмецкомъ языкѣ. Берндтъ, Россійскій императорскій совѣтникъ".

Письмо это, писанное по нѣмецки, послано было изъ Риги 2 января 1804 года, въ Петербургъ, съ французскимъ адресомъ: „Секретъ. Господину посланнику Гредувиллю (Hredouville), въ собственныя руки".

Вмѣсто рукъ французскаго посланника письмо попало въ руки русскаго правительства. Россійскій императорскій совѣтникъ оказался титулярный совѣтникъ Карлъ или Христоферъ Вильгельмъ Берндъ (Behrndt), родомъ изъ шведской Померанiи, находившійся уже 21 годъ на русской службѣ. Въ послѣднее время онъ былъ надзирателемъ рижской пограничной таможни и жилъ съ женою и дочерью въ своемъ домѣ въ Пернавской слободѣ.

Берндтъ былъ вызванъ въ Петербургъ, 3 февраля, по приказанію министра юстиціи князя П. В. Лопухина—Берндтъ, письменно, на допросѣ показалъ, понѣмецки, слѣдующее:

„Бѣдность побудила меня къ желанію открыть тайну мою французскому посланнику, дабы выпутаться изъ долговъ и доставить воспитаніе дитяти моему. Для чего же я не открылъ оной правительству, тому причина слѣдующая:

Я не самъ изобрѣлъ тайну сію, но церковникъ Бергманъ, въ Ригѣ, открылъ мнѣ оную поверхностно и при томъ говорилъ, что онъ объявитъ объ оной его императорскому величеству, сколь скоро онъ получитъ отъ нѣкоего министра, имени его я не упомню, которому онъ сообщилъ уже тайну касательно распоряженій, кои должно чинить въ то время, когда ледъ тронется".

Видно, что секретомъ очень интересовались. 25 февраля 1804 г., князь Лопухинъ снова спрашивалъ Берндта. Тотъ написалъ: „Тайну, для которой я призванъ въ С.-Петербургъ, знаю только поверхностно; все-же, что мои силы позволятъ, употреблю, дабы правительство сколь можно скорѣе свѣдало оную отъ самого изобрѣтателя Бергмана".

Вызванъ въ Петербургъ изъ Риги и церковникъ церкви св. Іакова Георгъ Людвигъ Бергманъ (Bergmann). 18 марта, на спросъ министра юстиціи, „какой имѣетъ планъ сжечь непріятельскій флотъ", Бергманъ написалъ по нѣмецки:

„Начало сего дѣла съ г. Берндтомъ было слѣдующимъ образомъ:

Г. Берндтъ часто пріѣзжалъ ко мнѣ въ Ригу, по полученіи моей отставки изъ таможни. Мы разговаривали многократно о великой стужѣ и о вскрытіи рѣки, по которой проходящій ледъ причиняетъ городу великія несчастія. Я ему далъ знать, что есть одинъ способъ, по которому можно разорвать ледъ и тѣмъ избавить жителей рижскихъ отъ потопа и проч.

Берндтъ о семъ любопытствовалъ, а я, считая его своимъ пріятелемъ, полагалъ, что онъ употребленій сего плана дѣлать не будетъ, и для того, въ откровенности, далъ ему оный прочесть.

Нѣсколько времени потомъ спустя, пріѣзжалъ Берндтъ ко мнѣ въ Ригу въ другой разъ, говоря, что онъ читалъ въ Гамбургскихъ газетахъ о бомбахъ, ящикахъ и проч. и что слѣдовательно о семъ средствѣ уже другимъ извѣстно. — Но, прочитавъ самъ газеты, нашелъ, что съ моимъ средствомъ не согласно, и увидѣлъ, что проба была сдѣлана лѣтомъ; слѣдовательно не касается льда, но относится къ истребленію непріятельскихъ кораблей. Нечаяннымъ же образомъ попалъ я на мысль, чтобъ сжечь непріятельскіе ко-

рабли, то есть: 18 лѣтъ тому назадъ видалъ я фейерверкъ, который кончился нѣсколькими дюжинами ракетъ, которые всѣ поднялись хорошо, а нѣкоторыя изъ нихъ прошли, по какому-то случаю, горизонтально, безъостановочно между деревьями, чего, кромѣ меня, никто не примѣтилъ. Я тотчасъ думалъ о томъ извѣстить государя императора, чтобы такимъ образомъ, при случаѣ, сжечь непріятельскій флотъ, но я о томъ удержался, потому что проба еще мною не была сдѣлана и чтобъ другимъ не дать повода надо мною смѣяться, въ случаѣ, если оная не удастся.

Но чтобы я о томъ писалъ къ какому ни на есть министру или другой державѣ, то сіе есть сущая ложь, и если Берндтъ честный человѣкъ, то того навѣрно сказать не можетъ".

На слѣдующій день былъ произведенъ допросъ Берндту, по строго составленнымъ вопроснымъ пунктамъ:

„...Ты и долженъ теперь доказать, что онъ (Бергманъ) означенной секретъ знаетъ и притомъ заподлинно объявить, въ чемъ состоитъ та поверхность, которую онъ, какъ ты показалъ, тебѣ открылъ?"

Берндтъ отвѣчалъ: „поверхность открытой мнѣ г. Бергманомъ тайны дѣйствительно состоитъ въ показанныхъ имъ въ его объясненіи ракетахъ, кои горизонтально пустить можно. На концѣ улицы, называемой Гильденштубенъ, онъ мнѣ точно ввѣрилъ сіе самое за тайну, которую намѣренъ онъ былъ открыть государю императору".

Затѣмъ слѣдовалъ вопросъ: ...„ты долженъ также на сіе (т. е. въ подтвержденіе своихъ словъ, что Бергманъ объявитъ о секретѣ государю, какъ только получитъ отвѣтъ отъ министра, которому сообщилъ, что слѣдуетъ сдѣлать по вскрытіи водъ) неоспоримое доказательство сдѣлать, или признательно сказать, откуда все означенное ты взялъ?"

Берндтъ написалъ на это: „мѣсяцевъ за шесть предъ симъ г. Бергманъ послалъ таковой прожектъ къ одному изъ здѣшнихъ министровъ, и, какъ кажется, къ г. Новосильцеву, по крайней мѣрѣ онъ такъ говорилъ, жалуясь при томъ, что не получаетъ никакого отвѣта. Вся же тайна состоитъ въ томъ, чтобы отвращать наводненіе при вскрытіи льда, о чемъ упоминаетъ онъ въ объясненіи своемъ отъ 18 марта, и которая состоитъ въ бомбахъ и проч.

Впрочемъ объявляю я, что ни съ кѣмъ не говорилъ я о сей матеріи, французскаго министра знаю только по имени и ничего другаго не имѣлъ въ предметѣ, кромѣ того, что уже показалъ въ объясненіи 5-го числа".

Обо всемъ этомъ князь Лопухинъ доложилъ императору, который, „усмотря невинность Бергмана, повелѣть соизволилъ: отправить его обратно въ Ригу, а Берндта предать сужденію по законамъ".

Содержавшійся въ тюрьмѣ, Берндъ, при допросѣ на судѣ, дополнилъ: „Когда я прислалъ проектъ о умноженіи государственныхъ доходовъ министру коммерціи князю Гагарину, онъ мнѣ велѣлъ запретить подавать таковые-жъ впередъ, что мнѣ и было объявлено чрезъ таможеннаго инспектора Телѣжникова". „Я сей секретъ только одному иностранному министру открыть хотѣлъ, не зная, что открытіе морскаго маневра пріятелю Россійской имперіи есть преступленіе присяги. Измѣнить Россіи я никогда намѣренія не имѣлъ, почитая и любя своего монарха. Никто не знаетъ о моемъ предпріятіи и не соучавствуетъ въ ономъ; мое-же единственное намѣреніе было за оное получить подарокъ".

„Имя того (французскаго) министра я читалъ въ вѣдомостяхъ, но онаго никогда не видѣлъ, ниже у него не былъ, и не получалъ отъ него никакого вознагражденія".

Въ судебныхъ мѣстахъ, хотя и было предположено признать Берндта виновнымъ въ нарушеніи вѣрноподданнической присяги, а потому лишить чиновъ, а съ оными выслуженнаго имъ личнаго дворянства и сослать въ работу; но въ половинѣ слѣдующаго 1805 года послѣдовало высочайшее повелѣніе:

„Берндта, призвавъ въ присутствіе сената, сдѣлать ему строжайшій выговоръ и, изъясня какое онъ за преступленіе свое заслужилъ наказаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ему, что его императорское величество изъ единаго милосердія всемилостивѣйше ему прощаетъ".

Объявивъ Берндту монаршую волю, сенатъ освободилъ его.

Сообщ. въ 1870 г. **А. Г. Пупаревъ.**

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛАЖЕЧНИКОВЪ

письмо его къ профессору П. В. Побѣдоносцеву

1823 г.

Милостивый государь Петръ Васильевичъ [1])! Давно уже не имѣлъ я удовольствія бесѣдовать съ вами: причиною тому путешествіе мое по Саратовской губерніи, продолжавшееся близь трехъ мѣсяцевъ по случаю порученія господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія изслѣдовать случившееся въ саратовской гимназіи дѣло и обозрѣть всѣ тамошнія училища на правахъ визитатора. Порученіе сіе для меня чрезвычайно лестно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень тягостно по худому времени года.

Возвратившись къ своимъ пенатамъ, почитаю пріятнѣйшимъ долгомъ побесѣдовать съ вами нѣсколькими строками. Говоря о путешествіи моемъ, скажу вамъ, что занимательнѣйшею эпохою онаго почитаю посѣщеніе мною Сарепты—нѣмецкой колоніи, извѣстной вамъ по описанію путешественниковъ и, особенно, по тому, какое о немъ сдѣлалъ г. Измайловъ. Проживъ тамъ два дня, я воображалъ себя перенесеннымъ въ поля Саксоніи и Силезіи. Давно уже не наслаждался я такимъ удовольствіемъ, какое чувствовалъ въ сіи два дня въ Сарептѣ, любуясь правами тамошнихъ колонистовъ.

Нѣтъ-ли у васъ литературныхъ новостей?—Наши же края занимаетъ нынѣ „Полярная Звѣзда“; меня же, признаюсь, терзаетъ взглядъ ея на словесность бѣднаго нашего уголка земли. Можно сказать, что смѣлостью нынѣ берутъ. Авторъ г. Бестужевъ, извѣстный одною критикою на азбуку и кавалерійскую школу и поѣздкою въ Ревель, наполненною дерзкими вылазками на здравый смыслъ, избалованный партіями, студентъ—(не) обѣщающій быть хорошимъ профессоромъ, какъ говоритъ Гречъ — но которому много еще надобно поучиться, чтобы таковымъ сдѣлаться, недавно вылѣзшій

[1]) Профессоръ Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ

изъ пеленъ разсудка, осмѣливается судить и рядить о словесности русской и производить въ великіе люди!

Право, мой почтеннѣйшій наставникъ, волнуется кровь, видя такихъ слѣпыхъ и безсовѣстныхъ литературныхъ судей. Что меня болѣе всего огорчаетъ, то эта мысль, что слава пріобрѣтается нынѣ такъ легко. На ряду съ великими людьми, какъ-то: Дмитріевымъ, Мерзляковымъ и прочими, видишь Кюхельбекера, Дельвига и разную литературную саранчу, между тѣмъ, какъ на пути ко храму безсмертія взоръ не обрѣтаетъ ни Давыдова (Ивана Ивановича), похитившаго треугольникъ разсудка у Локка и Бэкона и пальму краснорѣчія у (Римскаго) отца сего искусства, ни моего почтеннѣйшаго наставника, котораго слогъ, подобно величественной рѣкѣ, несетъ обиліе и сокровище литературы, ни воспитателя-словесника Ант. Ант. Антонскаго, умѣющаго такъ хорошо дѣлать то, что онъ такъ хорошо описываетъ, и прочихъ писателей, сіяющихъ въ нашемъ мірѣ свѣтомъ непомеркающимъ. Скрѣпивъ сердце, помолчу до времени.

Опять къ вамъ съ просьбою: сдѣлайте одолженіе, возьмите на себя трудъ приказать напечатать похвальные листы по прилагаемой формѣ, только прошу покорнѣйше сказать, чтобы оставили болѣе мѣста для подписи 8 учителей. Изъ сихъ листовъ должны нѣкоторые быть большаго формата, другіе малаго. Еще смѣю напомнить вамъ о математикахъ Фусса и присовокупить просьбу, нельзя-ли заказать маленькій тафтяной шаръ для пущенія во время публичнаго испытанія, при прочихъ физическихъ опытахъ по примѣру г-на Страхова. Что бы ни стоилъ таковой, я охотно заплачу. Не знаете-ли вы также, гдѣ бы можно купить хорошую электрическую машину для разныхъ опытовъ?

Много обяжете заказомъ всего упомянутаго, за что съ будущею почтою деньги доставлю (исключая электрической машины).

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію, честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Лажечниковъ.

22 мая 1823 г.

Сообщ. изъ г. Орла **Н. А. Побѣдоносцевъ.**

Василій Ивановичъ Красовъ

въ 1851—1854 гг.

Въ своихъ интересныхъ „Воспоминаніяхъ“ („Русская Старина“ 1887 г.) Фридрихъ Боденштедтъ сообщаетъ о знакомствѣ съ поэтомъ Василіемъ Ивановичемъ Красовымъ, при чемъ замѣчаетъ, что о дальнѣйшей его судьбѣ ему ничего неизвѣстно. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о поэтѣ Красовѣ: съ декабря 1851 года по іюль мѣсяцъ 1854 г., Красовъ былъ преподавателемъ русскаго языка во вновь открытомъ, въ 1851 г., въ Москвѣ, Александринскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ, что нынѣ Александровское военное училище. 3-го декабря начался пріемъ воспитанниковъ въ корпусѣ, 6-го декабря послѣдовало открытіе корпуса и освященіе корпусной церкви, устроенной въ помѣщеніи, гдѣ нѣкогда былъ домашній театръ графа Апраксина, которому принадлежалъ этотъ домъ, а 7-го числа открылись занятія въ классахъ, которыхъ было только два: младшій—первый приготовительный, и старшій—второй приготовительный. Первый урокъ во второмъ приготовительномъ классѣ въ тотъ день былъ Василія Ивановича Красова. Спустя $^1/_4$ часа послѣ начала урока, входитъ въ классъ, бывшій главный начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, графъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, который зналъ Красова, какъ преподавателя русскаго языка въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, и, взявъ въ руки мѣлъ, написалъ на классной доскѣ слѣдующее четверостишіе:

Ораторъ классовъ
Господинъ Красовъ
Учитъ, не устаетъ,
Намъ ума даетъ.

Въ 1853 году, передъ началомъ Восточной войны, Красовъ написалъ свое патріотическое стихотвореніе „Поликары“. Преподаваніе свое онъ велъ не по учебникамъ, а самъ изустно продиктовалъ намъ всю русскую грамматику и синтаксисъ. Характеръ Василій Ивановичъ имѣлъ вспыльчивый и раздражительный, чему причиной была болѣзнь его чахотка, которой онъ страдалъ и которая свела его въ могилу въ іюнѣ 1854 года. Незадолго до своей смерти, онъ приходилъ въ корпусъ въ тепломъ пальто, не смотря на сильный жаръ, и какъ-бы прощался съ нами.

Сообщ. въ 1888 г. **Александръ Вѣлениновъ.**

СИБИРСКІЙ СТАРЕЦЪ ѲЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ

1837—1864 гг.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1887 г. мы привели нѣсколько любопытныхъ данныхъ изъ жизни старца Ѳедора Кузьмича, заживо сдѣлавшагося героемъ народныхъ легендъ, предметомъ глубокаго, почти благоговѣйнаго, почитанія народомъ, а жизнь его—предметомъ фантастическихъ сказаній. Въ „Русской Старинѣ“ 1887 г. и въ третьемъ выпускѣ альбома портретовъ русскихъ дѣятелей мы помѣстили портретъ Ѳедора Кузьмича. Вотъ еще нѣсколько данныхъ къ его біографіи, изъ записокъ покойнаго епископа Петра.

Ред.

Въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 по 1864 годъ подвизался старецъ подъ именемъ Ѳедора Кузьмича — личность очень замѣчательная. Собственное имя его неизвѣстно, происхожденіе его покрыто таинственностію, которой старецъ никому не открывалъ. По наведеніи справокъ въ томской экспедиціи о ссыльныхъ, оказалось, что старецъ Ѳ. Кузьмичъ въ г. Красноуфимскѣ, Пермской губерніи, въ 1837 г., судился за бродяжничество, по суду наказанъ плетьми (20 ударами) и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Замѣчательно, что, когда вели его съ прочими арестантами по этапамъ, арестанты, конвойные солдаты и этапные офицеры оказывали ему особенное уваженіе, охраняли отъ непріятностей, отъ негодныхъ людей, на ночлегахъ отводили ему особую комнатку, и старецъ во всю дорогу ни въ чемъ не нуждался. По распоряженію экспедиціи о ссыльныхъ, старецъ сначала поселился въ деревнѣ Зерцалахъ Томской губерніи, на границѣ съ Енисейскою губ., на московскомъ трактѣ. Тогда ему было подъ 60 лѣтъ. Благообразная наружность старца, свидѣтельствовавшая о его строгой подвижнической жизни, съ перваго раза внушала крестьянамъ особенное уваженіе

къ нему и готовность принять къ себѣ. Сначала принялъ стар
къ себѣ приписанный Иванъ Ивановъ изъ каторжныхъ, отслужи
шій срокъ въ казенномъ заводѣ. Въ первую зиму старецъ жил
вмѣстѣ съ семействомъ хозяина въ одной избѣ. На другую зиму, п
просьбѣ старца, Ив. Ив., съ помощію другихъ крестьянъ, построи
особую избушку, въ которой старецъ прожилъ 11 лѣтъ, во все эт
время питался однимъ ржанымъ хлѣбомъ или сухарями съ водо
Въ первое лѣто старецъ, вѣроятно, хотѣлъ испытать пріисковы
работы, отправился на золотые пріиски г. Асташева или купца По
пова, провелъ тамъ все лѣто. Въ послѣдующіе годы иногда уходил
на жительство въ сосѣднія деревни, и занимался тамъ обученіемъ
дѣтей грамотѣ. Потомъ изъ деревни Зерцалъ старецъ перешелъ на
жительство въ ближнее село Краснорѣчинское по приглашенію доб
раго крестьянина Ивана Латышева, у котораго прожилъ 3 года,
для бо̀льшаго уединенія удалился на жительство въ деревню Кара
бейникову, въ которой прожилъ тоже 3 года, и опять перешелъ въ
село Краснорѣчинское къ Латышеву. Вездѣ онъ жилъ въ особой
избушкѣ, а лѣтомъ иногда въ лѣсу на пасекѣ (пчельникѣ), велъ
жизнь сокровенную, только видѣли хозяева, у которыхъ онъ жилъ,
что постоянно постился, довольствовался сухояденіемъ и много мо
лился. Книги у него были: Евангеліе, Псалтырь, акаѳистъ Пресвятой
Троицѣ, кіевскій молитвословъ и друг. Евангеліе и какой-то вен
зель старецъ, при отъѣздѣ въ Томскъ, оставилъ въ часовнѣ, въ
деревнѣ Зерцалахъ. Имущества у него вовсе никакого не было,
кромѣ одежды, которую носилъ. Лѣтомъ онъ ходилъ въ одной бѣлой
длинной рубашкѣ, подпоясанной поясомъ, изъ деревенскаго холста,
а зимою надѣвалъ простой бумажный халатъ чернаго цвѣта, или
простой тулупъ при выходѣ на холодъ. Строгая воздержность въ
пищѣ, или постоянный постъ, утончая тѣло, подавляя всѣ плотскія
страсти, отрѣшая отъ привязанности къ земному, облегчалъ дѣятель
ность духа, давалъ ему легкость возноситься мыслями въ горній міръ;
постоянное богомысліе, молитвы очищали, просвѣщали его умъ и
сердце, такъ что старецъ получилъ отъ Бога даръ прозорливости,
которая открывалась въ его бесѣдахъ съ разными лицами, посѣщав
шими его для полученія наставленій. Наставленія его были серьезны,
немногорѣчивы, разумны, всегда направлены къ нравственному со
стоянію посѣтителя, часто мѣтили на сокровенныя помышленія,
тайны сердца и поступковъ, большею частію были прикровенны,
такъ что едва были понятны тому, къ кому относились, а другимъ
было часто непонятно, къ чему это онъ говоритъ. Жаль, что эти
наставленія разнымъ лицамъ никѣмъ не записывались въ свое время,
и теперь они потеряны для насъ.

Томскій купецъ Семенъ Ѳеофан. Хромовъ въ 1852 году, проѣзжая чрезъ село Краснорѣчинское по дѣламъ золотопромышленности и услышавъ, что здѣсь проживаетъ замѣчательный старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, зашелъ къ нему въ его келію побесѣдовать. Благообразный видъ и разговоръ старца произвели на посѣтителя самое благопріятное впечатлѣніе. По описанію Хромова, старецъ былъ высокаго роста (2 арш. 9 или 10 вершковъ), плечистый, статный, видъ его достопочтенный, величественный, лице бѣлое, красивое, хотя онъ никогда не умывался; глаза голубые, рѣчь тихая, сложная. Впрочемъ, иногда онъ казался строгимъ, и даже очень строгимъ, повелительнымъ. Поступь, походка, всѣ манеры были, какъ у человѣка благовоспитаннаго, образованнаго. Изъ всего видно было, что онъ человѣкъ не простаго происхожденія, хотя и старался соблюдать простоту въ рѣчахъ и во всемъ поведеніи. Потомъ Хромовъ каждый годъ, въ проѣздъ чрезъ Краснорѣчинское село, заходилъ къ старцу на бесѣду. Старецъ давалъ ему разныя наставленія, между прочимъ, узнавъ, что Хромовъ занимается пріисканіемъ золота, не разъ говаривалъ ему: „Напрасно занимаешься золотымъ промысломъ, и безъ этого Богъ тебя питаетъ. Не старайся заявлять много пріисковъ, съ тебя довольно, будешь сытъ“. Старецъ, какъ будто, предвидѣлъ, что Хромову придется пострадать и разориться отъ пріисковъ, какъ и случилось. Въ 1858 году Хромовъ пригласилъ старца переселиться къ нему въ Томскъ на жительство. Старецъ согласился, пріѣхалъ къ нему въ октябрѣ означеннаго года и при свиданіи говорилъ Хромову: „Живя въ деревнѣ, я хотѣлъ было удалиться въ лѣсъ въ уединеніе дальше отъ народа, но на это не было воли Божіей“. Какъ ему открылась воля Божія, онъ не объявилъ. Хромовъ далъ ему помѣщеніе сначала въ мезонинѣ своего дома; лѣтомъ старецъ жилъ на Заимкѣ (дачѣ) Хромова, въ 4-хъ верстахъ отъ Томска, въ лѣсу, а потомъ Хромовъ построилъ ему особую келію въ садикѣ при своемъ домѣ, гдѣ старецъ жилъ до конца своей жизни и гдѣ старецъ велъ жизнь уединенную, сокровенную, при суровомъ постѣ, занимался постоянно молитвою, богомысліемъ. Хромовъ говоритъ, что во время болѣзни старца, онъ замѣтилъ на колѣняхъ его большіе наросты, которые произошли отъ продолжительнаго стоянія на колѣняхъ во время молитвы. А труды его и подвиги одному Богу извѣстны, потому что онъ всегда скрывалъ ихъ, развѣ когда тихонько увидятъ, что онъ молится Богу, но это днемъ, а ночью онъ никогда никого не принималъ къ себѣ. Днемъ хотя принималъ разныхъ посѣтителей, но самъ ни къ кому не ходилъ, только однажды, въ началѣ жизни въ Томскѣ, послѣ

литургіи въ Крестовой церкви, заходилъ къ преосвященному Парѳенію, потомъ къ настоятелю монастыря архимандриту Виктору и схіеромонаху Герману, больше ни у кого не бывалъ. Преосвященный Парѳеній иногда посѣщалъ старца. Посѣтителей не всѣхъ безъ различія старецъ принималъ; иныхъ хотя и принималъ, но ничего не говорилъ имъ, а инымъ странникамъ отказывалъ, говоря: „Бродяги! что имъ дѣлать у меня?“ Пищу старецъ употреблялъ очень умѣренно, и всегда постную: ржаной хлѣбъ (пшеничнаго не кушалъ), щи съ грибами, иногда горохъ, а въ великіе праздники разрѣшалъ на рыбу и яйца. Предъ обѣдомъ онъ долго молился, и каждый разъ дѣлалъ четыре земныхъ поклона, по мнѣнію Хромова, три Пресвятой Тройцѣ, а 4-й Пресвятой Богородицѣ. Постели у него не было, спалъ на лежанкѣ у печки, безъ всякой подстилки, безъ одѣяла; подъ головою, вмѣсто подушки, лежалъ чурбанъ. Въ Крестовую церковь старецъ ходилъ нерѣдко и становился позади всѣхъ, въ часовню Иверской иконы Божіей Матери ходилъ часто. Купецъ Хромовъ, какъ ближе другихъ зналъ старца и пользовавшійся его расположеніемъ и довѣріемъ, по глубокому уваженію къ старцу, записывалъ болѣе замѣчательные случаи въ жизни старца. Такъ, напр., въ своихъ запискахъ онъ передаетъ слѣдующее. Лѣтомъ 1859 г., во время проживанія на Заимкѣ, старецъ былъ очень боленъ, такъ что никакой пищи не принималъ, кромѣ холодной воды. Въ это время, говоритъ Хромовъ, я рѣшился полюбопытствовать, не откроетъ-ли старецъ, кто онъ. На этотъ вопросъ старецъ сказалъ: „Нѣтъ, это никогда не можетъ быть открыто“, и прибавилъ: „объ этомъ спрашивали меня преосвященный Иннокентій Камчатскій и Аѳанасій Томскій, и имъ не открыто“. Когда я сказалъ преосвященному Парѳенію, что старецъ очень боленъ, то преосвященный велѣлъ мнѣ предложить старцу исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Тайнъ, и ему будетъ легче. Старецъ на это сказалъ: „Не угодно-ли преосвященному лично поговорить со мною здѣсь“. Преосвященный съ удовольствіемъ согласился, пріѣхалъ на Заимку и бесѣдовалъ съ старцемъ около трехъ часовъ. Послѣ преосвященный говорилъ мнѣ: „Старецъ едва-ли не въ прелести. Нужно молиться о немъ Богу. Онъ мнѣ говорилъ, что ему является небесный свѣтъ, что онъ видѣлъ Святую Тройцу, что ему открыто, когда онъ умретъ, и многое тому подобное говорилъ старецъ, а пріобщиться Св. Тайнъ не согласился“. Онъ неоднократно говорилъ Хромову, что онъ, по милости Божіей, ежедневно удостоивается трапезы Господней, т. е. принимаетъ Святое Причастіе чрезъ ангела Господня. На другой день я поѣхалъ на Заимку и передалъ старцу

слова преосвященнаго, что онъ находится въ прелести. Старецъ на это сказалъ: „Нѣтъ, преосвященный еще мало знаетъ, хотя и ученъ, но не понимаетъ. Я благодарю Царя Небеснаго и по великой Его милости вкушаю благодатную пищу. А ты какъ думаешь обо мнѣ? Если сомнѣваешься во мнѣ, то выбрось меня больнаго на улицу!“ Предъ кончиною своею старецъ открылъ мнѣ, что угодникъ Божій, иркутскій святитель Иннокентій, помирилъ ихъ съ преосвященнымъ Парѳеніемъ. „Однажды, говоритъ Хромовъ, старецъ мнѣ говорилъ, что, по благодати Божіей, ему открыты помыслы и сердца человѣческія, что я многократно испытывалъ на себѣ; — иногда случалось приходить къ нему съ разсѣянными помыслами, онъ сейчасъ-же обличалъ меня, только не прямо, а какъ-то загадочно. Однажды я велѣлъ женѣ отнести старцу холста потоньше на рубаху. А она подумала: на что ему тонкій холстъ? и взяла потолще. Когда стала отдавать холстъ старцу, онъ обличилъ ее, говоря: обѣщанъ былъ холстъ тонкій, такъ и нужно-бы это исполнить. Впрочемъ для меня, бродяги, и этотъ очень хорошъ. Намъ извѣстно было, говоритъ Хромовъ, что старецъ никогда не умывался, а только, бывало, въ годъ раза два обмывалъ себѣ ноги. Однажды старецъ подошелъ къ бочкѣ съ водою среди двора и просилъ жену мою полить ему воду на голову. Это показалось намъ необычнымъ и удивительнымъ. Послѣ мы узнали, что въ это самое время былъ большой пожаръ въ Апраксиномъ дворѣ въ С.-Петербургѣ. Однажды жена моя, продолжаетъ Хромовъ, пріѣхавъ на Заимку, гдѣ жилъ лѣтомъ старецъ, захотѣла провѣдать его, узнать, не нужно-ли ему чего. Войдя въ келію, увидѣла, что старецъ сидитъ на лежанкѣ, въ одной простой рубашкѣ; ей стало что-то грустно и она подумала про себя: Боже мой, какой человѣкъ, а самъ рѣшился пойти на такой трудный подвигъ, взять на себя такой тяжелый крестъ, смирилъ себя до такого уничижительнаго состоянія! Старецъ вдругъ говоритъ ей: „Э, полно, любезная! На это была воля Божія“. Хромовъ передаетъ еще слѣдующій замѣчательный случай. „Однажды я былъ у старца въ 11 часу дня и оставилъ его здоровымъ. Вскорѣ послѣ меня, пошла къ нему енисейская игуменья и не могла отворить дверь, была заперта. Я сейчасъ опять пошелъ въ келію старца, дверь была не заперта, а старца нашелъ лежащимъ на скамьѣ совершенно мертвымъ; не говорилъ, не дышалъ, не видно было никакихъ признаковъ жизни, и это продолжалось часовъ 7 или 8. Потомъ онъ открылъ глаза, перекрестился. Жена моя спросила его: „Вы, батюшка, здоровы-ли?“ Онъ отвѣчалъ: „По милости Божіей, здоровъ“. Мы не знали, что

и подумать о такомъ случаѣ съ старцемъ. Вѣроятно, онъ бы[л] духомъ восхищенъ въ горній міръ.

Мы, да и не одни мы, говоритъ Хромовъ, часто ощущали в келіи старца необыкновенное благоуханіе, которое нельзя сравнивать ни съ какими обыкновенными ароматами, духами, которых[ъ] какъ знаю, у старца никогда не бывало. Многіе иногда видѣли в его кельѣ ночью свѣтъ, тогда какъ намъ извѣстно было, что ста рецъ никогда не зажигалъ у себя ни свѣчи, ни лампады, всегда оставался въ темнотѣ.

Въ первый день Св. Пасхи, пишетъ Хромовъ, я пришелъ к старцу похристосоваться. Похристосовались, старецъ далъ мн[ѣ] красненькое яичко, которое, принесши домой, я положилъ предъ св. иконами, на чайномъ блюдечкѣ. По окончаніи Св. Пасхи, я вздумалъ посмотрѣть яичко и увидѣлъ, что изъ него истекаетъ масло. Я подивился этому и положилъ яйцо съ другими яйцами, лежавшими тутъ-же на другомъ блюдцѣ. Черезъ нѣсколько времени посмотрѣлъ я это яйцо, масла на немъ не было. Послѣ того я опять положилъ его на отдѣльное блюдце и чрезъ нѣкоторое время опять увидѣлъ на немъ масло".

Благочестивый священникъ города Томска, вдовецъ о. Ѳедоръ Краснопѣвцевъ, однажды пришелъ къ Ѳедору Кузьмичу побесѣдовать. Бесѣда продолжалась довольно долго. На прощанье старецъ даетъ о. Ѳедору яблоко и велитъ съѣсть. От. Ѳедоръ отказывался взять яблоко, говоря: „яблокомъ Ева соблазнила Адама". Старецъ на это сказалъ: „Я даю тебѣ не то яблоко, а благолѣпное, о которомъ говорится въ акаѳистѣ Божіей Матери". От. Ѳедоръ взялъ яблоко и съѣлъ дома. Вскорѣ послѣ того о. Ѳедоръ оставилъ приходъ и сталъ юродствовать Христа ради, и доселѣ юродствуетъ, живетъ одинокій въ своемъ домикѣ, даже прислуги не имѣетъ: когда уходитъ изъ дома, дверей не запираетъ, и Богъ хранитъ его скудное имущество. Онъ ведетъ самую строгую, аскетическую жизнь, все время проводитъ въ постѣ и молитвѣ. Каждый день, лѣтомъ и зимою, несмотря ни на какую погоду, неопустительно ходитъ къ утрени, литургіи, большею частію ранней, потомъ идетъ въ часовню Иверской Божіей Матери, служитъ ей молебенъ съ акаѳистомъ, сначала для себя, потомъ для приходящихъ богомольцевъ, въ первомъ часу возвращается домой, потомъ ходитъ къ вечерни, а предъ праздниками ко всенощной. Дома пьетъ-ли чай и чѣмъ питается никто не знаетъ. Люди съ мірскимъ духомъ считаютъ его помѣшаннымъ, а люди, не омраченные мірскимъ духомъ, признаютъ его святымъ человѣкомъ, получившимъ отъ Бога даръ прозорливости,

по которой онъ видитъ сердца и помыслы людей, и иногда обличаетъ ихъ, но обличаетъ, большею частью, прикровенно, такъ что посторонніе часто и не понимаютъ, къ чему это онъ говоритъ.

Старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, проживъ болѣе 80-ти лѣтъ, приближался къ предѣлу земной жизни, когда и надъ нимъ должно было исполниться опредѣленіе Творца, въ лицѣ праотца Адама изреченное и всѣмъ его потомкамъ: Земля еси и въ землю поидеши (Быт. 3, 19), и Екклезіаста: и возвратится перстъ въ землю, изъ нея-же взята бысть (Еккл. 12, 7); а духъ возвратится къ Богу, -иже даде его. Для лучшаго очищенія чувственной природы, для приготовленія души къ небесной жизни, для облегченія перехода въ вѣчность, Господь, въ началѣ января 1864 г., послалъ старцу болѣзнь, которая съ каждымъ днемъ усиливалась, уложила его на одръ, на которомъ онъ не долго мучился. 20-го января онъ разслабѣлъ до того, что самъ не могъ поворотиться на лежанкѣ, надобно было часто переворачивать его то на спину, то на правый, то на лѣвый бокъ. Въ это время старецъ часто осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Во время болѣзни часто бывали ему видѣнія: то Спаситель являлся, то Пресвятая Богородица, то лики Святыхъ. Съ 10 часовъ утра особенно тяжело стало старцу, онъ томился, метался. „Видя, какъ старецъ мучится, говоритъ Хромовъ, я подумалъ про себя: не отъ того-ли онъ такъ мучится, что отказался пріобщиться Святыхъ Таинъ. Старецъ, провидя мои мысли, вдругъ твердымъ голосомъ спрашиваетъ меня: „Панокъ, и ты думаешь удалиться отъ меня?“ Я, познавъ свой грѣхъ, сказалъ: „Батюшка, прости; нѣтъ, не думаю“. Такъ старецъ томился, постоянно перемѣнялъ положеніе, въ три четверти 9-го часа вечера 20-го января 1864 года три раза вздохнулъ тяжело, а въ четвертый разъ, вздохнувши тихо, и безъ стоновъ предалъ свою праведную душу въ руки Божіи. Правая рука лежала на груди съ сложеніемъ перстовъ для крестнаго знаменія. По утру, 21-го числа, мы узнали, что въ то самое время, когда душа старца разлучилась съ тѣломъ, кучеръ и горничная нашего сосѣда, лѣкаря Левашова, въѣзжая въ городъ, съ горы видѣли пожаръ около нашего дома, и три раза вылетало огромное пламя. По пріѣздѣ домой они спрашивали: не загоралось-ли у насъ или у сосѣдей нашихъ? Имъ отвѣтили: нѣтъ. При этомъ одна женщина замѣтила: „не чудо-ли это, каковъ-то у Хромовыхъ старецъ, не померъ-ли?“ 23-го числа торжественно совершили погребеніе старца настоятель Томскаго Алексѣевскаго монастыря архимандритъ Викторъ, каѳедральный протоіерей Гав. Завидовскій, бывшій каѳедральный прот. Михаилъ Германовъ, казначей монастыря Рафаилъ и свящ. Василій Россовъ.

Погребенъ старецъ на сѣверо-восточной сторонѣ, въ 3-хъ саженяхъ отъ алтаря монастырской церкви. Вотъ еще чудо, о которомъ нельзя умолчать! Мы сочли нужнымъ приготовить кушанья и напитки для поминальнаго обѣда на 30 человѣкъ,—такъ и приготовили, а обѣдало около 80-ти человѣкъ и всего для всѣхъ было достаточно, даже остатковъ кушанья и напитковъ было довольно.

Старица Домна Карповна, Христа ради юродивая, бывши въ домѣ Хромова въ августѣ 1871 года, говорила ему: „мало-ли что народъ говоритъ, нельзя всему вѣрить. Вотъ говорили про старца, который жилъ у васъ, что онъ раскольникъ и другой вѣры. Но я знаю, что онъ святой! Когда онъ жилъ въ кельѣ вашего сада, я была очень больна; пришедши въ вашъ садъ, осталась на ночь въ саду для того, чтобы пойти къ старцу и получить отъ него исцѣленіе. Стала стучать въ дверь, старецъ отворилъ, и какъ только я вступила на порогъ, онъ исцѣлилъ меня совершенно отъ болѣзни. Святой былъ старичокъ“. Надобно замѣтить, что Домна Карповна и сама была святая и имѣла даръ прозрѣнія; скончалась она 15-го октября 1872 г., погребена въ женскомъ Томскомъ монастырѣ. Хромовъ въ своихъ запискахъ записалъ много случаевъ, когда онъ и другіе ощущали въ кельѣ старца, при жизни и по смерти его, необыкновенное благоуханіе, видѣли свѣтъ въ кельѣ и слышали пѣніе. Было много случаевъ, когда, по молитвамъ старца, Хромовъ и другіе знакомые его исцѣлялись отъ тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней, въ которыхъ врачи не могли помочь больнымъ.

Епископъ Петръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1892 года будутъ, между прочими, напечатаны: Записки *А. Т. Болотова*, 1796—1802 гг., *А. М. Тургенева*, — Дневники — графа *П. А. Валуева* (1861 — 1870 гг.) и академика *А. В. Никитенко* (1869—1877 гг.), — Записки профессора *Н. В. Берга* († 1884 г.), — Записки ген.-отъ-инф. *А. А. Одинцова*; *Н. В. Веригина; Штрандмана* (1769 — 1790 гг.); князя *Горчакова;* кн. *Яшвиля*; *М. А. Бестужева; Полторацкаго*; *Печерина*; *Третьякова* (о московскомъ университетѣ); *П. Д. Шестакова* и *Н. М. Соковнина* (о казанскомъ университетѣ); *Хржановскаго* и *Мохнацкаго* (1831 г.); проф. *Ростиславова*; почетн. члена академій наукъ и военно-медицинской *Н. Ѳ. Здекауера; Н. И. Куликова* (о театрѣ), и многихъ друг.; — Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка бывшаго профессора *В. А. Бильбасова* и профессора А. Г. *Брикнера*.—Изслѣдованія о царствованіи Александра I, *Н. К. Шильдера*,—и проч.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ **1892** годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ *М. И. Семевскаго*— изд.-ред. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подъяческой, д. № 7.

☞ Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1892 г. въ случаѣ, если подпишутся въ теченіи сего **ноября** и не позже 1-го декабря, получаютъ *немедля безплатно* весьма интересную книгу: „**Россія и Русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка,—„записки и воспоминанія графа Эрнеста Миниха**“, изящное изданіе, въ 1891 г., Спб., въ 8 д., стр. 340, съ портретомъ автора. На пересылку этой книги подписчики прилагаютъ *35* коп. (пять почтовыхъ марокъ).

☞ Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ „**Альбомы портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей**“, превосходно выполненныя лучшими русскими художниками, гравюры на мѣди и на деревѣ, можно получить по **рублю** за выпускъ (выпуски III, IV и V) и три почтовыя марки за пересылку каждой изъ этихъ книгъ.

[См. на оборотѣ].

Въ книжномъ магазинѣ „Русской Старины“, Спб., Большая Подъяческая, д. № 7, можно получить, издаваемый подъ редакціей М. И. Семевскаго, историческій сборникъ:

АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА

изданіе почетнаго члена Археологическаго института и члена Саратовской ученой архивной комиссіи князя Ѳедора Алексѣевича Куракина.

С.-Петербургъ, 1890 и 1891 гг., въ б. 8-ю долю, книги первая и вторая, стр. 414 и 480, съ портретами Петра Великаго, князей Бориса Ивановича и Александра Борисовича Куракиныхъ, снимками рукописей и родословіемъ этой фамиліи. Изданіе украшено (томъ второй) заставками и виньетками, художественно выполненными почетнымъ членомъ императорской академіи художествъ проф. Ѳ. Г. Солнцевымъ. Цѣна книгъ: на веленевой бумагѣ, книга I—три руб., книга II—четыре рубля; на обыкновенной бумагѣ, книга I — два рубля, книга II — три рубля.

Третья книга „Архива кн. Ѳ. А. Куракина“ печатается.

☛ Главный складъ изданія **„Архива князя Ѳ. А. Куракина“** находится въ имѣніи князя Ѳедора Алексѣевича Куракина, Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, село Надеждино-Куракино, куда благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору имѣнія; пересылка оттуда книгъ „Архива“ производится безплатно.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА НЕВИЛЛЯ О МОСКОВІИ

1689 г.

Походъ москвитянъ на Крымъ 1689 года [1]).

Князь Голицынъ, видя, что партія царя Петра ежедневно усиливается, и опасаясь, что могущество ея увеличится еще болѣе въ его отсутствіе, всѣми средствами старался передать начальство надъ войсками въ другія руки. Убѣдясь, однако, что ему весьма трудно исполнить свое желаніе, онъ самъ, добровольно, не безъ задней мысли, предложилъ себя опять въ полководцы, справедливо разсуждая, что для него почетнѣе будетъ принять добровольно то, что, какъ онъ ясно видѣлъ, ему навяжутъ и противъ его желанія. Онъ принялъ всевозможныя мѣры, чтобы второй походъ былъ успѣшнѣе перваго. Будучи болѣе великимъ политикомъ, нежели полководцемъ, и легко получивъ все, чего онъ требовалъ, онъ рѣшилъ, что войско выступитъ въ походъ ранѣе прежняго. Часть неудачи перваго похода необходимо было приписать медленности воинскихъ движеній, а потому всѣмъ войскамъ приказано было собраться на назначенномъ мѣстѣ къ 1-му февраля. Приказъ исполненъ былъ въ такой точности, что войска начали сходиться со всѣхъ сторонъ въ декабрѣ, исключая

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 419—450.

Сибири, откуда совершенно не вытребовано было войско, вслѣдствіе войны, которую необходимо было вести противъ обитавшихъ по сосѣдству съ Сибирью жителей Великой Татаріи. Приготовленія были гораздо значительнѣе, нежели въ первомъ походѣ, но налогъ на народъ не превосходилъ прежняго, ибо взимаемо было, какъ обыкновенно, по рублю со двора. Московскія войска собрались въ Сумахъ (Sont), новгородскія—въ Рыльскѣ (Riski), казанскія—въ Богодуховѣ (Bagadouka), бѣлогородскія—въ Каменкѣ (Kamminski), а сѣвскія—въ Калантарѣ (Kalantar). Всѣ отряды находились подъ начальствомъ прежнихъ полководцевъ, исключая бѣлогородскаго, который переданъ былъ Борису Петровичу Шереметеву, по причинѣ смерти князя Михайла Андреевича Голицына. Отряды оставались не долго по своимъ квартирамъ, такъ какъ князь Голицынъ приказалъ выступить прежде, чѣмъ растаетъ ледъ на рѣкѣ Мерло, что было весьма благоразумно, ибо многія рѣки, лежавшія на ихъ пути, вскрываясь, сильно разливаются при наступленіи половодья. Пѣхота стала лагеремъ на другомъ берегу рѣки, при входѣ въ лѣсъ, а конница размѣстилась по прибрежнымъ городамъ. Переждавши оттепель, Голицынъ, 1-го апрѣля, поставилъ свой шатеръ на другомъ берегу рѣки, то-же самое сдѣлали генералы, и 6-го апрѣля москвитяне двинулись къ Самарѣ, гдѣ всѣ ихъ полки и соединились. Гетманъ Мазепа также прибылъ туда. 13-го всѣ войска перешли за рѣку и безъ замедленія направились къ Перекопу, котораго достигли черезъ мѣсяцъ. Обозъ препятствовалъ дѣлать большіе переходы, такъ какъ каждый солдатъ имѣлъ съ собою запасъ на четыре мѣсяца, кромѣ разданнаго въ Самарѣ и степи, по которой проходило войско; громадное скопленіе запасовъ значительно замедляло движеніе, также и артиллерія, состоявшая изъ 700 пушекъ и множества мортиръ. Наконецъ, армія достигла Карачакрака (Keratcheka), гдѣ и стала лагеремъ. Лошади были пущены на пастбище, такъ какъ трава была еще слишкомъ низка и косить ее было невозможно, солдаты-же спокойно отдыхали до полуночи, когда всѣ вдругъ были испуганы сильнымъ шумомъ, казавшимся, при ржаніи лошадей и воплях людей, ужаснымъ. Предполагали уже внезапное нападеніе татаръ, но оказалось, что смятеніе это причинили вырвавшіяся и бѣгавшія по лагерю лошади. На другой день увидали, что около 6,000

лошадей изъ московскаго отряда убѣжали въ степь, хотя имъ и были связаны ноги. Вслѣдствіе этого оказалось необходимымъ дать каждому время на поимку его лошади, большая часть которыхъ и приведена была обратно въ лагерь. На другой день войско двинулось и черезъ нѣсколько дней достигло берега Днѣпра, извѣстнаго подъ именемъ Каирки [1]). Здѣсь москвитяне захватили нѣсколькихъ татаръ, отъ которыхъ и узнали, что хана нѣтъ въ Перекопѣ, что онъ въ Буджакѣ и что онъ никакъ не подозрѣваетъ, чтобы противъ него направлена была такая страшная армія; а, напротивъ, сказывали ему, что хотя войско и находится въ пути, но оно займется строеніемъ крѣпостей, какъ дѣлали москвитяне въ прошломъ году; далѣе они сообщили, что они посланы султаномъ Калгой для развѣдокъ. Отъ Каирки перешли къ Каиркѣ-Мешезнѣ (Kairka-Meschesna—Мечеть-Каиръ, см. предыдущее примѣчаніе), гдѣ Голицынъ приказалъ положить на каждую телѣгу фашиннику, по четыре кола и взять воды, такъ какъ далѣе нельзя было найти уже лѣсу. Здѣсь войско, оставивши берега Днѣпра, направилось на югъ, прямо на Перекопъ, и шло два дня по безводной степи. 13-го мая, высланные рано утромъ, передовые извѣстили, что приближается непріятель. Москвитяне приготовились встрѣтить его въ порядкѣ. Обозъ-прикрытый пѣхотою и артиллеріею, расположенъ былъ на правомъ флангѣ, кавалерія-же и дворянство находились на лѣвомъ флангѣ каждаго отряда. Московскія войска, предводимыя Голицынымъ, были въ срединѣ; новгородскія направо, гетманъ налѣво, а еще лѣвѣе его находились Шереметевъ и Долгорукій; отрядъ Неплюева составлялъ арріергардъ. Татары напали на авангардъ Шеина, а отъ него, послѣ небольшой стычки, внезапно свернули справа налѣво и напали на отрядъ Шереметева, который, будучи самымъ малочисленнымъ, былъ смятъ и обращенъ въ бѣгство. Конница смѣшалась; непріятель ворвался въ обозъ, который и былъ уже почти захваченъ, но Голицынъ послалъ Шереметеву помощь и татары принуждены были удалиться, оставя москвитянамъ свободный проходъ до Черной долины (Thorna d'oliva), гдѣ войско стало лагеремъ, чтобы запастись здѣсь водою, такъ какъ это мѣсто болотистое

[1]) Намъ извѣстна рѣчка Каиръ или Каирка, которая въ дневникѣ Гордона названа также и Мечеть-Каиръ. А. Б.

и, находясь всего въ 5-ти льё отъ Перекопа, является тако лучшимъ пастбищемъ всей мѣстности. Небольшой отрядъ татаръ съ султаномъ Калгою (Garka Sultan), приблизился для рекогносцировки, желая узнать силу и недостатки войска; онъ захватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, отъ которыхъ и вывѣдалъ все, что необходимо было узнать. Плѣнныхъ отвезли къ хану, который въ трехъ миляхъ оттуда стоялъ лагеремъ, на Каланчакѣ (Kalantecheck), небольшой рѣчкѣ, въ двухъ миляхъ отъ Перекопа, берущей начало въ степяхъ и впадающей въ Азовское (Palus Meotides) или Черное море. Едва только услышалъ ханъ, что москвитяне идутъ на Крымъ, онъ явился изъ Буджака съ 4,000 конницы, для защиты своихъ владѣній. На Каланчакъ онъ пришелъ только за два дня до москвитянъ, перешедши Днѣпръ подъ Асланъ-Керменемъ (Assenan-Kirman), городомъ, лежащимъ на этой рѣкѣ и принадлежащимъ туркамъ. 16-го мая армія москвитянъ двинулась и перешла къ Зеленой долинѣ (Zelona dolina), въ одной милѣ отъ Черной долины (Tharn dolina). Здѣсь ханъ встрѣтилъ москвитянъ со всѣми своими силами, которыя онъ успѣлъ собрать и которыя простирались до 30,000—40,000 конницы, двигавшейся во множествѣ небольшихъ отрядовъ. Москвитяне незамѣтно были окружены татарами и принуждены остановиться.

Оба воинства наблюдали другъ за другомъ, не предпринимая ничего, хотя и казалось, что москвитяне были за нападеніе. Но они были рады выжидать, находясь въ безопасности за крѣпкими палисадами, привезенными на телѣгахъ. Пѣхота и артилерія такъ хорошо защитили свой лагерь, что татары не могли въ него ворваться. Конница-же не была защищена палисадомъ, что и побудило три или четыре отряда татаръ, въ 1,000 лошадей каждый, напасть на нее. Но татары принуждены были отступить въ безпорядкѣ, такъ какъ большую помощь оказалъ конницѣ обозъ, изъ-за котораго москвитяне поражали татаръ изъ пушекъ и ружей: они положили на мѣстѣ 300 или 400 непріятелей, хотя при этомъ поразили и многихъ своихъ соотечественниковъ. Въ то-же время, съ другой стороны, султанъ Нуреддинъ напалъ съ своимъ отрядомъ на казаковъ Сумскаго и Ахтырскаго полковъ (cosaques de Sont et Ackrerko), бывшихъ подъ начальствомъ Емельяна Украинцева, думнаго дьяка или государственнаго секретаря. Онъ, очень плохо зная военное дѣло и какъ настоящій москвитянинъ, до

того испугался, что не устоялъ противъ татаръ. Они ворвались въ обозъ, перерѣзали лошадей, трупы которыхъ мѣшали затѣмъ отряду спасаться бѣгствомъ, разграбили возы, прошли даже въ средину лагеря и увлекли съ собою 20 пушекъ, вполнѣ снаряженныхъ и готовыхъ къ дѣлу. Однимъ словомъ, если-бы бояринъ Долгорукій (Boyar Rouka) не выдвинулся съ своимъ отрядомъ, казаки были-бы рѣшительно разбиты. На Шереметева напалъ въ то-же время другой отрядъ татаръ, который и пробился было до обоза; но онъ самъ съумѣлъ защититься лучше Емельяна и принудилъ татаръ къ отступленію, выказавъ здѣсь отличную храбрость, такъ какъ онъ человѣкъ съ великими достоинствами но только смертельный врагъ Голицына, который былъ-бы радъ если-бы Шереметевъ потерпѣлъ пораженіе и погибъ-бы, что, дѣйствительно, и могло случиться, если-бы къ нему не подоспѣла быстрая помощь. Когда такимъ образомъ татары были отбиты, успѣвши, однако-же, ограбить обозъ и захватить добычу, армія двинулась впередъ, съ цѣлью достигнуть мѣстности, въ которой можно было-бы получить воду. На другой день она двинулась къ Каланчаку, и такъ какъ найдено было неудобнымъ вести конницу отдѣльно отъ обоза, то велѣно было соединить ее съ послѣднимъ, и все раздѣленное до сихъ поръ войско соединилось въ одинъ отрядъ, имѣвшій болѣе 200,000 возовъ, которые составили каре; обозъ-же прикрытъ былъ артиллеріею и пѣхотою, которая несла на плечахъ палисады, для того, чтобы быть болѣе подготовленною къ устройству, въ случаѣ нужды, ретраншемента. Въ это время, какъ москвитяне двигались въ такомъ порядкѣ, татары явились было опять, но осмотрѣвши армію со всѣхъ сторонъ и видя, что конница, которую они полагали найти отдѣленною, присоединена къ обозу, они удовольствовались тѣмъ, что держали москвитянъ въ страхѣ; затѣмъ они удалились, чтобы позаботиться о защитѣ Перекопа, который, какъ они полагали, долженъ былъ подвергнуться нападенію этого многочисленнаго непріятеля. Въ этотъ день москвитяне стали на Каланчакѣ и на другой перешли въ бродъ эту рѣку. Не встрѣтивъ здѣсь татаръ, они ободрились и нѣкоторые изъ нихъ, оставя обозъ, взошли на холмъ, съ вершины котораго Перекопъ казался имъ объятымъ дымомъ и пламенемъ, такъ какъ татары сами зажгли предмѣстье города Оръ (Faux-bours de la ville de

Hur), боясь, что москвитяне завладѣютъ имъ. 16-го мая войско двинулось далѣе, по направленію къ Перекопу, и остановилось на разстояніи пушечнаго выстрѣла, имѣя направо Черное море, налѣво-же степи. Татары не стрѣляли въ москвитянъ изъ города, такъ какъ за большимъ разстояніемъ не могли причинить имъ вреда, но безпрестанно палили съ башни, стоявшей на берегу Чернаго моря. Когда москвитяне подошли къ Перекопу, было 10 или 11 часовъ утра, и всѣ надѣялись, что ночью будетъ предпринятъ штурмъ на Перекопъ или его валы, но вечеромъ, когда офицеры ожидали приказаній, всѣ изумлены были, услышавъ, что на другой день положено отступать. Отступленіе москвитянъ было столь неожиданно, что надобно разсказать о причинахъ его.

Когда московское войско стало близко къ городу, ногаи и калмыцкіе татары, подданные московскаго царя, бывшіе развѣдчиками, часто выѣзжали на бой съ перекопцами. Одинъ изъ ногаевъ, служившій хану, увидѣлъ нечаянно знакомаго ему москвитянина и закричалъ ему издали на своемъ языкѣ: „Изъ-за чего мы боремся? Почему не скажешь ты своему боярину, чтобы онъ помирился съ ханомъ?“ Москвитянинъ отвѣчалъ, что если-бы боярinъ былъ увѣренъ въ желаніи хана заключить миръ, то и онъ, вѣроятно, изъявилъ-бы согласіе, но что если ханъ дѣйствительно желаетъ мириться, то онъ можетъ послать отъ себя кого-либо, чтобы переговорить объ этомъ“. „Хорошо“,—сказалъ перекопскій ногаецъ,—„ступай-же къ своему боярину, или генералу, и увѣрь его, что если онъ желаетъ мира, то ханъ согласится на него“. Московскій ногаецъ явился къ Голицыну, разсказалъ все, что слышалъ отъ татарина, и нашелъ генерала расположеннымъ вступить въ переговоры и воротиться безъ пролитія крови. Голицынъ приказалъ написать письмо отъ имени московскаго ногайца къ его знакомцу, приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „Я донесъ боярину Голицыну о томъ, что мы съ тобою говорили, и онъ очень радъ итти на примиреніе, почему пусть пришлютъ къ нему кого-либо, кто изложилъ-бы доводы и требованія хана“. Письмо было передано первому показавшемуся изъ Перекопа татарину и принесено хану, который былъ въ раздумьѣ и совѣтовался въ то время съ своими мурзами, какъ имъ избавиться отъ страшнаго непріятеля. Прочитавши письмо, ханъ

послалъ спросить у Голицына, съ согласія-ли его оно писано и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отправилъ мурзу Сулешева (Suilech murza), москвитяне-же прислали заложникомъ одного дворянина, Зміева (Esmeyan). Послѣ этого начали договариваться, причемъ москвитяне поставили пять слѣдующихъ условій: татары должны отдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, прекратить нападенія на царскія области, отказаться отъ 80,000 экю дани, ежегодно платимой москвитянами, не нападать на Польшу и не помогать туркамъ. Мурза, прекрасно понимая, что такому огромному войску невозможно долго оставаться безъ фуража и воды, желалъ лишь продлить переговоры и далъ поэтому нѣкоторую надежду на соглашеніе. На слѣдующій же день онъ сказалъ, что ханъ требуетъ тѣхъ-же условій, на которыхъ имъ заключенъ былъ миръ съ царемъ, что онъ не только настаиваетъ на платежѣ ежегодной дани, но требуетъ непремѣнно уплаты 240,000 экю, не заплаченныхъ ему за послѣдніе три года. Князь Голицынъ не могъ согласиться на такія условія; находя невозможнымъ стоять дальше лагеремъ на песчаной, безводной степи, онъ рѣшился отступать. Боясь преслѣдованій, онъ взялъ съ собою мурзу до Каланчака; оттуда послалъ его въ Перекопъ и получилъ своего заложника. Вотъ краткій очеркъ событій крымскаго похода.

Послѣ этого русское войско шло три недѣли до Самары, гдѣ оставивъ тяжелый обозъ свой, перешло рѣку и черезъ шесть дней достигло рѣки Мерло. Голицынъ послалъ, между тѣмъ, курьеровъ къ царямъ и къ польскому королю, хвастая, что онъ разбилъ татаръ и прогналъ ихъ въ ихъ земли. Царевна, получивъ сіи извѣстія, приказала торжествовать побѣды по всему государству, и согласно обычаю, послала окольничаго съ хвалебною грамотою войску и съ червонцами для наградъ. Въ заключеніе присланъ былъ указъ распустить войско, и только боярин Волынскій, воевода ново-богородицкій (boyar Valenski, woyevade de novabogoodissa) оставленъ былъ на Самарѣ, съ 5-ю или 6000 человѣкъ.

Таковъ былъ успѣхъ двухъ походовъ москвитянъ въ Крымъ, которые не только не принесли имъ никакой пользы или славы, но, напротивъ, причинили, насколько можно судить, величайшій вредъ государству тѣмъ, что вскорѣ послѣ возвращенія послѣдовало паденіе ихъ полководца Голицына. Все разсказанное

здѣсь я слышалъ отъ посланниковъ польскаго короля, бывшихъ при московскомъ дворѣ и находившихся при войскѣ московскомъ во всѣхъ походахъ со времени кончины царя Ѳеодора до настоящаго времени. Теперь мнѣ остается разсказать подробности событій, которыхъ я былъ очевидцемъ, такъ какъ я имѣлъ смѣлость нерѣдко ходить переодѣтымъ по городу и посѣщать даже Троицкій монастырь.

Повѣствованіе о смятеніяхъ.

Князь Голицынъ, по возвращеніи въ Москву, нашелъ дѣла въ совершенно иномъ положеніи. Враги его, узнавъ истину о его походѣ, сдѣлали его ненавистнымъ царю Петру. Онъ отказалъ Голицыну въ аудіенціи, и только посредничество царевны сдѣлало то, что царь допустилъ его къ цѣлованію руки. Но онъ осыпалъ его горькими укоризнами и не хотѣлъ слышать его оправданій. Затѣмъ Голицына оставили на нѣсколько дней въ покоѣ, но щедрость царевны въ наградахъ вызвала новое слѣдствіе. Она желала раздать боярамъ значительныя богатства, чтобы такимъ образомъ признать ихъ заслуги государству, но царь воспротивился этому и хотѣлъ прежде всего изслѣдовать ихъ заслуги, чтобы сообразно съ ними назначить награды. Царевна, желая настоять на своемъ, упорными просьбами склонила царя на исполненіе ея желаній. Она пожаловала Голицыну 1500 крестьянскихъ дворовъ, въ различныхъ мѣстахъ; другимъ боярамъ начальникамъ отрядовъ дано было по 300 дворовъ, остальнымъ главнымъ офицерамъ соразмѣрно чину каждаго; вообще всѣмъ дворянамъ, бывшимъ въ походѣ, даны были награды, съ цѣлью привлечь всѣхъ на сторону царевны. Подобныя награды никогда до сего времени не были въ обычаѣ у москвитянъ, и цари довольствовались всегда тѣмъ, что давали царскій кафтанъ тому, кого хотѣли особенно почтить.

Голицынъ продолжалъ управлять съ своимъ прежнимъ, обычнымъ самовластіемъ, и, поддерживаемый царевною, рѣшился на смѣлое предпріятіе. За все время, что гетманы считались подвластными царю московскому, они никогда не являлись въ Москву. Голицынъ-же, подъ предлогомъ награжденія гетмана честью быть представленнымъ царямъ, на самомъ-же дѣлѣ со-

всѣмъ съ другими намѣреніями, приказалъ Мазепѣ прибыть въ Москву съ 500-ми главныхъ его офицеровъ. Во время прибыванія гетмана въ Москвѣ, я не могъ добиться у москвитянъ позволенія видѣть его и потому нѣсколько разъ, ночью, я, переодѣтый, навѣщалъ его, сопровождая нѣмца, царскаго лекаря, ходившаго къ нему, чтобы увѣрить его въ покровительствѣ польскаго короля. Царь Петръ находился въ одномъ изъ своихъ увеселительныхъ дворцовъ, называемомъ Преображенское (Obrogensco) и расположенномъ на берегу рѣки Яузы (Yarus), на разстояніи менѣе мили отъ Москвы, когда царевна Софія и Голицынъ составили заговоръ, о которомъ мы здѣсь и разскажемъ подробнѣе. Царевна, предвидя, что со временемъ, рано или поздно, Петръ сдѣлается камнемъ преткновенія для ея власти и опаснымъ препятствіемъ ея властолюбію, если она заблаговременно не предупредитъ опасности, очень раскаявалась, что послушалась прежде мудрыхъ и умѣренныхъ совѣтовъ Голицына. Она видѣла, какого труда ей стоило испросить аудіенцію для своего любимца и притомъ еще столь непріятную, и была очень обижена этимъ, какъ и тѣми упреками, которые Голицыну пришлось выслушать. И хотя ей удалось затѣмъ уговорить царя—разрѣшить ей раздачу щедрыхъ наградъ по ея желанію, но она не могла забыть, какъ дорого все это ей стоило и какое сопротивленіе ей пришлось при этомъ преодолѣть; и ко всему этому она была болѣе чувствительна, чѣмъ кто-либо другой, такъ какъ она до сихъ поръ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ управляла государствомъ безотчетно, какъ только ей было угодно. Она совершенно справедливо предвидѣла, что въ будущемъ ей нельзя уже надѣяться на то-же, что лучшее, что могло ее ожидать, было — постепенная потеря власти, по мѣрѣ того, какъ власть брата постепенно возрастала-бы. Въ этомъ она справедливо видѣла и причину того, что братъ не окончательно воспротивился ея желаніямъ. Но она понимала, что со временемъ всякія снисхожденія относительно ея уступятъ мѣсто оскорбленіямъ со стороны приверженцевъ ея брата, въ то время, какъ ея сторонники будутъ уничтожены, и что сама она, послѣ многократныхъ непріятностей, будетъ вынуждена отказаться отъ всякихъ притязаній и укрыться въ свой монастырь.

Всѣ эти соображенія побудили царевну, честолюбивую и

смѣлую, болѣе нежели можно было ожидать отъ женщины, рѣшиться на все, чтобы удержаться на той ступени величія, на которой она находилась и къ которой она всегда стремилась. Во время своего правленія, она дѣлала что только могла, чтобы привлечь къ себѣ много сторонниковъ; этою-же цѣлью объясняются и раздававшіяся ею щедро, подъ предлогомъ вознагражденія за оказанныя государству услуги, награды, такъ какъ она понимала, что эти дары окажутъ бо́льшее впечатлѣніе на тѣхъ, кто ихъ получалъ, чѣмъ почесть, которую могъ имъ оказать царь, раздавая имъ, по примѣру его предшественниковъ, кафтаны. Она внушила Голицыну опасеніе, что общіе враги ихъ не удовлетворятся постепеннымъ умаленіемъ ея власти, но пойдутъ далѣе; что они захотятъ заключить ее, противъ ея воли, въ монастырь, что, разумѣется, неизбѣжно повлечетъ за собою и его паденіе, и погибель всѣхъ его родныхъ и друзей. Голицынъ долженъ былъ убѣдиться ея доводами, и хотя онъ былъ остороженъ и уменъ и по природѣ не терпѣлъ никакихъ насилій, но не могъ противиться намѣреніямъ царевны. Онъ желалъ только, прежде нежели приступить къ дѣлу, послать старшаго своего сына въ качествѣ посла въ Польшу, съ большею частью своихъ сокровищъ, чтобы сберечь себѣ, такимъ образомъ, пристанище при наступленіи бурь, исхода которыхъ онъ, какъ умный человѣкъ, не желалъ предугадывать. Но нетерпѣливость царевны, которая доказывала Голицыну, что не слѣдуетъ терять ни минуты времени, и что это было-бы излишнею предосторожностью, такъ какъ въ успѣхѣ сомнѣваться невозможно, одержала верхъ. Послѣ всѣхъ съ давняго времени принятыхъ ею мѣръ, она рѣшилась на послѣднее средство и исполнителемъ своего замысла избрала Ѳедора Шакловитаго, начальника стрѣлецкаго приказа, который, благодаря поддержкѣ царевны, изъ ничтожнаго писца сталъ окольничимъ или меченосцемъ,—званіе, слѣдующее непосредственно за званіемъ боярина-сенатора. Шакловитый, обѣщавъ въ точности исполнить волю царевны, собралъ въ замкѣ Кремль (Crim), обычной резиденціи царя и патріарха, въ которомъ находятся всѣ государственные приказы, 600 надежныхъ стрѣльцовъ, подъ начальствомъ полковника Рязанцева (Rojannau) и, ставъ во главѣ ихъ, приказалъ имъ слѣдовать за нимъ въ Преображенское. Но въ то время, какъ онъ отдавалъ этотъ приказъ,

двое изъ бывшихъ въ Кремлѣ стрѣльцовъ, мучимые угрызеніемъ совѣсти, рѣшились не обагрять рукъ кровью своего государя и скрывшись, дали знать обо всемъ царю Петру. Изумленный до крайности, онъ вскочилъ съ постели и тотчасъ послалъ за своими дядями, братьями матери, и впопыхахъ совѣтовался съ ними о томъ, что̀ слѣдуетъ предпринять. Рѣшено было послать въ городъ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ происшествія. Одинъ изъ царскихъ дядей и князь Борисъ отправились съ этимъ порученіемъ; на пути они встрѣтили Шакловитаго, ѣдущаго съ стрѣльцами, скрылись отъ нихъ въ сторону и поспѣшили затѣмъ обратно спасать царя. Бѣдный Петръ едва имѣлъ время сѣсть въ коляску съ матерью, супругою, сестрою и, сопровождаемый немногими вѣрными слугами, поскакалъ въ Троицкій монастырь. Заговорщики, пріѣхавъ, начали искать царя, но стрѣльцы, бывшіе на стражѣ у царя, не знавшіе ни о чемъ и удивленные лишь бѣгствомъ его, разсказали своему начальнику или судьѣ, что его величество поспѣшилъ уѣхать съ величайшею поспѣшностью.

Упустивъ изъ рукъ свою жертву, Шакловитый возвратился по утру къ царевнѣ, которую нашелъ не менѣе опечаленною, нежели онъ самъ, неудачею этого предпріятія. Бѣгство это вызвало большое изумленіе среди жителей Москвы, и никто не могъ угадать причины его. Но къ вечеру стало извѣстно, что царь Петръ прислалъ къ царевнѣ, упрекая ее въ злодѣйствѣ, а она совершенно отреклась отъ всего, увѣряя, что произошла ошибка, что за заговорщиковъ приняли стрѣльцовъ, которые пріѣзжали смѣнять караулы, и что ее жестоко оскорбляютъ, считая ее способною на такое отвратительное дѣло, какъ убійство роднаго брата. Объясненіе всего происшедшаго прибытіемъ стрѣльцовъ для смѣны карауловъ показалось всѣмъ слишкомъ недостаточнымъ, такъ какъ смѣна производилась всегда днемъ а стрѣльцы пріѣзжали въ Преображенское ночью. Но какъ-бы то ни было, царь Петръ, достигнувъ благополучно Троицкаго монастыря, написалъ ко всѣмъ боярамъ, чтобы они безъ замедленія явились къ нему туда. Онъ написалъ также ко всему дворянству и послалъ приказы во всѣ города держать милицію наготовѣ для поддержки его. Когда все государство узнало такимъ образомъ о заговорѣ Шакловитаго, къ царю стали стекаться люди изъ разныхъ концовъ государства, и, менѣе нежели въ недѣлю,

собралось въ Троицкій монастырь множество дворянства. Немедленно послалъ царь указъ Голицыну явиться къ нему, но Голицынъ уклонился, подъ предлогомъ, что его не отпускаетъ царь Іоаннъ.

Царевна дѣлала между тѣмъ все, что только было возможно, чтобы имѣть на своей сторонѣ стрѣльцовъ, на которыхъ Петръ разсчитывалъ. Она созвала къ себѣ ихъ пятисотниковъ и десятниковъ (Piecestniks et Diecestenites), которые въ подобныхъ случаяхъ могли имѣть на умы солдатъ болѣе вліянія, нежели полковники и другіе офицеры. Разставивъ ихъ у лѣстницы, она послѣ обѣдни вышла къ нимъ съ царемъ Іоанномъ, и, остановясь на верхней ступени, царь сказалъ имъ слѣдующее: „Братъ мой удалился въ Троицкій монастырь по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ хочетъ нарушить спокойствіе государства, и я самъ слышалъ, какъ говорили, что онъ приказалъ вамъ явиться къ нему, но мы запрещаемъ вамъ подъ страхомъ смертной казни повиноваться его приказаніямъ, чтобы избѣгнуть всѣхъ печальныхъ послѣдствій, могущихъ вслѣдствіе этого произойти“.

Царевна подтвердила приказъ Іоанна, стрѣльцы, тѣмъ не менѣе придали ему очень мало значенія; они отправились въ Троицкій монастырь и увѣрили царя Петра въ своей преданности. Видя ихъ поступокъ и зная, кромѣ того, что бо́льшая часть бояръ также присоединилась къ Петру, царевна рѣшилась примириться съ нимъ, для чего и отправила къ нему двухъ своихъ тетокъ, сестеръ отца, царевну Анну Михайловну и сестру свою Марѳу Алексѣевну (La Princesse Anne Michalewa et une de ses sœurs Marfa Aleyewa).

Прежде чѣмъ идти дальше, необходимо сказать, что фактъ управленія государствомъ царевною Софіею возбудилъ и въ другихъ принцессахъ царской крови сильное желаніе оставить, подобно ей, свои монастыри и перейдти, какъ она, въ царскій дворецъ. Съ этимъ она и должна была мириться во время своего правленія, изъ опасенія, чтобы тѣ доводы, на которыя она могла-бы ссылаться, отказывая имъ, не были-бы обращены противъ нея самой и чтобы она не вынуждена была въ такомъ случаѣ своими противниками къ возвращенію въ свой монастырь.

Кромѣ трехъ вышеназванныхъ принцессъ Авдотья или Доро-

тея, Екатерина, Софья, Марія, Ѳеодосія или Ѳеодора (Avidote ou Dorothée, ou Catherine, Sophie, Marie, Fediassa ou Theodore) были родныя сестры по отцу и матери царя Іоанна Алексѣевича; мать ихъ была изъ рода Милославскихъ (Mirasselawka). Царь Петръ и царевна Наталья были отъ втораго брака Алексѣя съ дѣвицею изъ рода Нарышкиныхъ. Супруга царя Іоанна была изъ рода Салтыковыхъ (Salliskau), имя ея Марѳа; всѣ ошиблись, полагая, что она родитъ сына, такъ какъ она родила дочь. Царь Петръ женился на дѣвицѣ изъ дома Лопухиныхъ (la Poukin), по имени Марфія или Марѳа. Она такъ испугалась, бывши принуждена слѣдовать за супругомъ своимъ въ его ночномъ побѣгѣ, почти полунагая, чтобы спастись отъ смерти (что неизбѣжно и случилось-бы, если-бы не предостерегъ младшій Голицынъ), что выкинула черезъ нѣсколько дней послѣ этого. Но взамѣнъ того она родила сына въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ и рожденіе этого царевича нанесло послѣдній рѣшительный ударъ партіи царевны Софіи. Возвращаемся къ нашему разсказу.

Итакъ, двѣ тетки царевны Софіи и сестра ея отправились въ Троицкій монастырь, съ цѣлью примирить племянника съ племянницею: Прійдя въ то мѣсто, гдѣ укрылся Петръ, онѣ просили его не вѣрить слухамъ, заставившимъ его бѣжать; увѣряли его, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе, которое употребляютъ во зло, стараясь поссорить его съ сестрою, и что онъ можетъ возвратиться въ Москву совершенно спокойно и безопасно. Царь Петръ отвѣчалъ царевнамъ, что совсѣмъ не пустой испугъ заставилъ его бѣжать, и что дѣйствительно составленъ былъ заговоръ умертвить его мать, его супругу, его дядей и его самого. При этомъ онъ разсказалъ имъ такія подробности заговора, что тетки не могли болѣе спорить. Съ ужасомъ и плачемъ говорили онѣ, что не участвуютъ въ такомъ страшномъ заговорѣ, и клялись, что не возвратятся въ такомъ случаѣ въ Москву, но хотятъ жить и умереть вмѣстѣ съ нимъ.

Узнавъ о плохомъ успѣхѣ переговоровъ тетокъ своихъ съ царемъ и недоумѣвая, что̀ оставалось ей теперь предпринять, царевна Софія обратилась къ патріарху и, объяснивъ ему свое горе, съумѣла такъ подѣйствовать на него, что добрый человѣкъ предложилъ ей свое посредничество. Въ тотъ-же день поѣхалъ онъ къ царю, разсказалъ ему о причинѣ своего пріѣзда и гово-

рилъ все, что только могъ придумать для примиренія всѣ царскаго семейства. Но онъ былъ весьма изумленъ, когда ем сказали, что заговоръ распространяется и на него, ибо въ нем участвуетъ Лигомедъ, или игуменъ Сильвестръ, который, въ случ удачи заговора, будетъ патріархомъ. Такія извѣстія очень встр вожили патріарха и онъ почелъ за лучшее остаться въ Троиц комъ монастырѣ, пока дѣло объяснится и все успокоится, издав между тѣмъ, повелѣніе захватить всѣхъ измѣнниковъ.

Въ бо́льшемъ противъ прежняго затрудненіи царевна собрал всѣхъ своихъ приверженцевъ и совѣтовалась съ ними, что̀ е дѣлать? Рѣшено было, что окольничаго Шакловитаго скроют во дворцѣ, а игумену Сильвестру дадутъ возможность спастись.

Сама-же царевна съ Голицынымъ и другими друзьями своим отправилась въ Троицкій монастырь, чтобы постараться прими рить брата, который съ своей стороны прислалъ уже второ приказъ стрѣльцамъ немедленно всѣмъ явиться къ нему и привезти съ собою измѣнниковъ. Царевна не была еще на половин дороги, когда встрѣтилъ ее посланный Петромъ бояринъ Троекуровъ (Trokourau) и сказалъ, что она должна ѣхать обратно, увѣряя, что ее не примутъ. Убѣжденная, что опасно было-бы ослушаться, и что у брата, дѣйствительно, ожидаетъ ее плохой пріемъ, царевна воротилась въ Москву. На слѣдующій день стрѣльцы и нѣмцы всѣ явились въ Троицкій монастырь. Бояре, по общему совѣту, рѣшили послать захватить всѣхъ заговорщиковъ, гдѣ-бы они ни находились. Полковникъ Сергѣевъ (Sarque) съ 300 человѣкъ былъ отправленъ исполнить это порученіе. Немедленно, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, онъ пошелъ прямо въ царскій дворецъ, громко требуя выдачи Ѳедьки Шакловитаго. Вслѣдствіе открывшейся измѣны Шакловитаго, его называли уже не Ѳедоромъ, или Ѳеодоромъ, но уменьшительнымъ именемъ, что у москвитянъ означаетъ презрѣніе. Царевна сначала оказала было нѣкоторое сопротивленіе, но видя, что полковникъ очень рѣшительно требуетъ исполненія приказа и предчувствуя, съ другой стороны, худыя послѣдствія дальнѣйшаго сопротивленія, выдала ему Ѳедьку и его товарищей. Преступники, закованные въ цѣпи, были препровождены въ Троицкій монастырь въ простой телѣгѣ. Съ другой стороны, Голицынъ, видя близость паденія всего своего величія и желая сдѣлать все

возможное для сохраненія его, рѣшился добровольно отправиться къ царю. Онъ взялъ съ собою сына своего Алексѣя, друзей, дворецкаго Толочанова, великаго казначея Ржевскаго, воеводу Сѣвскаго-Неплюева—совѣтника своего и любимца, свою креатуру Змѣева, который въ арміи былъ генералъ-комиссаромъ, и своего близкаго пріятеля, нѣкоего Касогова (son collegue de Talachanau d'Woski, ou maître d'hôtel de Czars, de Requenski, grand thresarier, de Nepluevan, gouverneur de Serenne, son conseiller et favory, d'Esmeyan, sa creature, qui à l'armée faisait la charge de Commissaire Général et d'un nommé Kassantan son intime). Но ворота Троицкаго монастыря оказались закрытыми для него и для его свиты; вслѣдъ за этимъ къ нему и его друзьямъ приставлена стража, съ воспрещеніемъ имъ выходить изъ своихъ жилищъ.

Едва только привезенъ былъ Ѳедька въ Троицкій монастырь, какъ его препроводили въ большую залу, куда царь созвалъ всѣхъ бояръ. Ѳедьку разспрашивали четыре часа и потомъ увели въ одну изъ монастырскихъ башенъ, гдѣ его и пытали, или, лучше сказать, сѣкли. Такая пытка называется „кнутъ“ (Kenouse). Жертву привязываютъ къ спинѣ сильнаго человѣка, стоящаго прямо на ногахъ и опирающагося руками на особое приспособленіе, похожее на высокую, въ человѣческій ростъ, скамейку и въ такомъ положеніи наносятъ 200 или 300 ударовъ кнутомъ, преимущественно по спинѣ. Удары начинаютъ наносить пониже затылка, и идутъ сверху внизъ. Палачъ съ такимъ искусствомъ наноситъ ударъ, что съ каждымъ разомъ отрываетъ кусокъ мяса, соотвѣтствующій толщинѣ кнута. Подвергшіеся истязанію большею частью умираютъ или остаются калѣками. Ему связали на спинѣ руки, подняли на воздухъ и палачъ сталъ наносить удары кнутомъ, по длинѣ похожимъ на кучерской, но отличающійся тѣмъ, что ремни его изъ толстой и жесткой кожи. При каждомъ ударѣ ремни глубоко врѣзывались въ тѣло и причиняли ему ужаснѣйшія боли. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ, Ѳедька признался, что хотѣлъ умертвить мать царя, его самого и трехъ братьевъ его матери. Удовлетворившись этимъ признаніемъ, его отвели въ темницу. Отсюда онъ письменно изложилъ Петру всѣ подробности заговора, оправдываясь тѣмъ, что его вовлекли другіе въ это жестокое дѣло, и указывая на виновниковъ заговора. Царь,

хотя и былъ увѣренъ въ вѣроломствѣ сестры своей, не хотѣ
однако-же подвергнуть публичному позору принцессу царск
крови, а князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ долженъ бы
употребить все свое вліяніе на царя, чтобы убѣдить его не пр
нать его (Голицына) рода казнью его двоюроднаго брата. Посл
Θедьки были допрашиваемы еще семь другихъ заговорщико
которые должны были быть исполнителями предполагавшагос
кровопролитія. Ихъ подвергли необыкновенной пыткѣ, несра
ненно болѣе жестокой, чѣмъ первая. Имъ обрили голову и
крѣпко связавъ ихъ, стали капать на нее горячую воду
Мученіе злодѣевъ было до того нестерпимо, что они тотчас
сознались въ своемъ преступленіи и, подобно Θедькѣ, открыл
имена всѣхъ виновниковъ и сообщниковъ заговора. Два дн
прошло послѣ этого въ совѣщаніяхъ о томъ, какъ наказат
злодѣевъ. Князь Голицынъ, сынъ его и друзья были осуждени
въ ссылку, и приговоръ имъ былъ прочитанъ государственны
секретаремъ на ступеняхъ дворцоваго крыльца. Стоя выслушал
его Голицынъ, окруженный стражею, которая привела его из
квартиры. Приговоръ Голицына состоялъ въ слѣдующихъ словах

„По повелѣнію царя осуждаетесь вы ѣхать въ Каргополь
á Karga Ville sous le Pôle!), и оставаться тамъ до конца
вашихъ дней, лишенные милостей е. ц. в.; милосердіе его
однако-же таково, что онъ назначаетъ вамъ по три су въ
день на пропитаніе; его правосудіе предписываетъ далѣе,
чтобы все ваше имущество взято было въ казну".

Несчастный князь Голицынъ слушалъ приговоръ, опустя
голову и отвѣчалъ только, что ему трудно оправдаться предъ
е. ц. в. Онъ удалился немедленно и былъ препровожденъ
назначеннымъ для сего полковникомъ на мѣсто его ссылки.
Одинъ изъ государственныхъ секретарей отправился въ Москву,
чтобы описать его домъ и всѣ сокровища. Тамъ оказалось
очень много богатой мебели, 100,000 червонцевъ въ сундукѣ,
зарытомъ въ погребѣ, взятыхъ, какъ полагаютъ, изъ имущества
гетмана Ивана Самойловича, 400 пудовъ серебряной посуды,
считая пудъ по 40 фунтовъ, и разныя серебряныя монеты. Жена
несчастнаго князя и невѣстка его сосланы были вмѣстѣ съ нимъ
и его сыномъ, и всѣмъ четверымъ было разрѣшено взять съ
собою только тридцать рублей. Когда Голицынъ былъ высланъ—

бояринъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ (le boyar l'Evanty, et Romanowich, Nepleuvant), воевода сѣвскій, приведенъ былъ къ ступенямъ и осужденъ на пожизненную ссылку въ Пустозерскъ (Poustozora) — городъ, лежащій гораздо сѣвернѣе Каргополя (Karga Poka), при чемъ ему было заявлено, что такъ какъ онъ покушался лишить царя власти, то подвергается вѣчной немилости, имѣнія-же его конфискуются. Венедикту Андреевичу Зміеву (Wedenik Andrewik Esnnau) приказано, впредь до слѣдующаго повелѣнія, жить въ своихъ имѣніяхъ. Касаговъ (Kassacau) былъ лишенъ всѣхъ должностей и также осужденъ жить въ своихъ помѣстьяхъ. Дворецкій Толочановъ (Talaskanau) назначенъ былъ на всю жизнь воеводою въ Переяславль (Prziacelavaka),—городъ неподалеку отъ Кіева (Kiau), на Днѣпрѣ (Nieper), а великій казначей посланъ воеводою въ Ново-Богородицкъ (Novobogrod) на рѣкѣ Самарѣ.

На другой день Ѳедькѣ отрубили голову на плахѣ; ту-же казнь потерпѣли и два стрѣльца, которые должны были быть исполнителями покушенія. Полковникъ, которому предназначено было предводительствовать отрядомъ убійцъ,—былъ высѣченъ кнутомъ, послѣ чего ему отрѣзали языкъ и сослали на всю жизнь въ Сибирь, причемъ дали на пропитаніе по одному су въ день; остальнымъ пятерымъ стрѣльцамъ также отрѣзаны были языки и они сосланы были въ Сибирь добывать соболей. Когда окончились эти экзекуціи, царь Петръ велѣлъ извѣстить о томъ царевну, приказывая ей оставить дворецъ и удалиться въ монастырь, который она выстроила на разстояніи одной версты или полъ итальянской мили отъ Москвы. Она отказалась повиноваться приказу брата, ибо не могла рѣшиться на пожизненное затворничество, изъ коего ей удалось вырваться, вопреки обычаямъ страны, и предпочитала искать убѣжища въ Польшѣ. Но когда увѣдомили объ этомъ царя Петра, онъ послалъ приказаніе начальнику стрѣльцовъ препроводить царевну волею или неволею въ монастырь, поставить кругомъ мѣста ея заточенья стражу и не допускать къ ней никого, что и было исполнено. Черезъ два дня послѣ этого царь Петръ возвратился въ Москву и въѣхалъ въ столицу верхомъ, причемъ ничего замѣчательнаго не было, кромѣ, того что восемнадцать тысячъ вооруженныхъ стрѣльцовъ находились при царѣ.

Черезъ четверть часа послѣ этого прибыли въ колескѣ супру и мать царя и всѣ поѣхали прямо во дворецъ. Царь Іоанн встрѣтилъ брата на дворцовомъ крыльцѣ; они обнялись. Петр просилъ Іоанна быть ему другомъ, и тотъ, который говорил за Іоанна, увѣрилъ Петра въ его дружбѣ къ нему. Затѣм цари удалились въ свои покои, и съ тѣхъ поръ упоминал объ Іоаннѣ только въ заголовкахъ государственныхъ актовъ.

Такъ кончилось правленіе царевны Софіи, нѣсколько лѣт бывшей повелительницею обширнаго государства Московскаго. Увлекаемая безмѣрнымъ честолюбіемъ, она хотѣла захватить въ свои руки неограниченную власть, данную ей отъ имени братьевъ, и остаться навсегда независимою и самовластною, но кончила паденіемъ и заключеніемъ на всю жизнь въ монастырѣ, съ 800-ми монахинями, которыхъ она нарочно вызвала изъ Кіева, съ намѣреніемъ пріобрѣсть какъ можно больше приверженницъ и въ надеждѣ, что онѣ будутъ скорѣе блюсти интересы ея, нежели брата Петра, подданными котораго онѣ сдѣлались только въ 1666 году, когда палатинатъ и городъ Кіевъ поляки уступили москвитянамъ. Но таковыми онѣ оказались только по имени.

Причины смятеній.

Послѣ подробнаго изложенія московскихъ событій необходимо объяснить, что смятенія, какъ происшедшія уже въ этомъ государствѣ, такъ и тѣ, которыя впредь могутъ произойти, суть слѣдствіе козней царевны Софіи, умъ и дарованія которой нисколько не походятъ на ея наружный видъ, ибо она очень безобразна, необыкновенно толста, съ головою огромною, какъ подушка; на лицѣ у нея волосы, на ногахъ наросты, и ей теперь, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ; но насколько станъ ея толстъ, коротокъ и грубъ, настолько, напротивъ, тонокъ и проницателенъ умъ; и хотя она никогда не читала и не изучала Макіавеля, но по природѣ знаетъ его принципы и особенно то, что нѣтъ ничего, никакого преступленія, котораго нельзя было-бы предпринять, разъ дѣло идетъ о полученіи власти. Если-бы она довольствовалась управленіемъ государства и не пыталась-бы избавиться отъ своего брата, то нѣтъ

сомнѣнія, что никто не возъимѣлъ-бы смѣлости образовать противъ нея партію въ пользу брата Петра.

При концѣ жизни царя Ѳеодора, предвидя, что онъ, при болѣзненномъ своемъ состояніи, недолго проживетъ, Софія, обладая вышеназванными качествами, рѣшилась оставить свой монастырь, не смотря на строгій обычай, согласно которому всѣ члены царскаго семейства женскаго пола обязаны проводить жизнь въ монастырѣ въ безбрачномъ состояніи. Для этой цѣли она начала оказывать необыкновенную любовь и нѣжность къ своему брату и сочувствіе къ его страданіямъ, и начала скорбѣть о своемъ несчастіи, что она не можетъ видѣть столь нѣжно любимаго брата и не можетъ сама предложить ему всѣхъ тѣхъ услугъ, которыя можно оказать человѣку, въ здоровьѣ котораго мы заинтересованы. Во время приступовъ болѣзни Софія безпрестанно посылала спрашивать о немъ, не пропуская ни одного случая, гдѣ-бы она могла выразить свои чувства по отношенію къ нему и глубокую печаль о томъ, что она лишена возможности оказывать ему услуги, какъ любимому человѣку. Подготовивъ такими средствами умы къ своимъ замысламъ, она оставила монастырь подъ предлогомъ, что хочетъ ходить за своимъ больнымъ братомъ и сдѣлать всевозможное, чтобы облегчать его муки; и она исполнила это, никого почти не допуская къ нему, находясь безпрестанно при немъ и давая ему сама всѣ лекарства. Умная принцесса предвидѣла, что чѣмъ больше она сдѣлаетъ для него, тѣмъ больше пріобрѣтетъ любви со стороны его и уваженія со стороны всѣхъ другихъ. Она внушила, такимъ образомъ, благопріятное о себѣ мнѣніе знатнымъ, съ которыми была крайне любезна и предупредительна, и расположила къ себѣ народъ своею ласковостью, стараясь, чтобы тѣ и другіе остались довольными ея поведеніемъ и безъ неудовольствія смотрѣли-бы на то, чего имъ до сихъ поръ не приходилось видѣть. Казалось, что она могла удовольствоваться успѣхомъ своего выхода изъ монастыря, но такъ какъ она имѣла намѣреніе болѣе туда не возвращаться, то справедливо разсудила, что единственный способъ избавиться отъ опасенія быть когда-нибудь снова водворенною въ монастырь—былъ—стать полною повелительницею государства. Такіе замыслы не могли имѣть успѣха безъ поддержки большой партіи. Она рѣшилась образовать таковую и, взвѣсивъ достоинство окружавшихъ

ее, не нашла никого болѣе способнаго стать во главѣ этой партіи, какъ князя Голицына. Онъ былъ человѣкъ великихъ достоинствъ, и происходилъ, безспорно, отъ послѣдняго литовскаго герцога изъ рода Ягеллоновъ. Царедворцы были сперва очень довольны выборомъ его, думая, что онъ будетъ только по имени министръ, и что всѣ они раздѣлятъ власть съ нимъ. Голицынъ, обладая одинъ бо́льшимъ умомъ, нежели всѣ москвитяне вмѣстѣ, безъ труда поддерживалъ въ нихъ такое мнѣніе во все царствованіе Ѳеодора. Неожиданная смерть послѣдняго дала случай Хованскому, смѣлому, могущественному вельможѣ и непримиримому врагу Голицына, произвести возмущеніе и погубить всѣхъ знатныхъ, которые могли противиться ему въ намѣреніяхъ его завладѣть въ свою пользу престоломъ, подъ предлогомъ мщенія за смерть царя, будто-бы отравленнаго, и наказанія виновныхъ. Но будучи уже вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что престолъ достанется ему, Хованскій, какъ видно въ главѣ о 1682 годѣ, былъ, не смотря на то, что ему некого было страшиться, наказанъ за свою дерзость и жестокости. Смерть этого бунтовщика имѣла желанныя для царевны послѣдствія, ибо укрѣпила правленіе за нею; въ силу чего она отдала званіе великаго канцлера своему любимцу, который такъ съумѣлъ воспользоваться имъ, что нѣтъ примѣра, чтобы подданный управлялъ въ этой странѣ съ такою властью, какъ онъ. Принцесса *Софія*, видя себя въ состояніи предпринять все, что ей угодно, захотѣла, для успокоенія своей совѣсти, загладить свои скандальныя отношенія къ своему любимцу таинствомъ брачныхъ узъ. Все затрудненіе состояло въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ жены Голицына, на что этотъ князь не могъ рѣшиться, будучи отъ природы человѣкомъ благороднымъ. Къ тому-же онъ взялъ за нею большія богатства и имѣлъ отъ нея дѣтей, которыхъ онъ любилъ болѣе, нежели дѣтей, прижитыхъ съ царевною, которую онъ любилъ лишь, какъ виновницу своего величія. Но, благодаря женской изобрѣтательности, она такъ искусно повела дѣло, что убѣдила его уговорить жену сдѣлаться монахинею. Вслѣдствіе этого, согласно религіи москвитянъ, мужъ, выставивъ на видъ силу своего темперамента, не дозволяющаго ему оставаться внѣ брака, могъ получить отъ патріарха разрѣшеніе снова жениться. Когда эта добрая женщина выразила свое согласіе, царевна не

сомнѣвалась болѣе въ успѣхѣ своихъ замысловъ. Затрудненіе состояло лишь въ томъ, чтобы заставить Голицына одобрить убіеніе обоихъ царей, что она окончательно порѣшила, видя лишь въ этомъ возможность удержать власть за собою, своимъ будущимъ мужемъ и дѣтьми. Но князь этотъ, болѣе тонкій политикъ, нежели влюбленный, представилъ ей весь ужасъ этого замысла, убѣждая ее, что исполненіе его несомнѣнно навлечетъ на нихъ гнѣвъ и ненависть всѣхъ и каждаго. Эта ненависть, хотя и скрытая, можетъ въ одинъ прекрасный день вспыхнуть и дать возможность и случай кому-нибудь изъ недовольныхъ, подъ предлогомъ мщенія за смерть царей, предпринять возстаніе, подобно Хованскому, который воспользовался подобнымъ-же предлогомъ, чтобы завладѣть престоломъ. Послѣднее легко и могло случиться, если-бы она не приняла надлежащихъ мѣръ. Голицынъ предложилъ Софіи путь болѣе разумный и, очевидно, болѣе вѣрный, состоявшій въ томъ, чтобы женить царя Іоанна и, въ виду его безсилія, подыскать его женѣ любовника, на что послѣдняя согласилась-бы для блага государства, съ цѣлью дать ему наслѣдниковъ. Когда потомъ у Іоанна родится сынъ, царь Петръ естественно лишится всѣхъ своихъ друзей и приверженцевъ; царевна сочетается бракомъ съ Голицынымъ, а чтобы сдѣлать ихъ бракъ еще болѣе пріятнымъ для всего свѣта, въ патріархи изберутъ Сильверста, инока греческой религіи, но по рожденію поляка, который немедленно предложитъ посольство въ Римъ для соединенія церкви латинской съ греческою, что, если-бы совершилось, доставило-бы царевнѣ всеобщее одобреніе и уваженіе. Тогда царя Петра можно будетъ принудить постричься или, если это не удастся, то можно будетъ избавиться отъ него способомъ еще болѣе вѣрнымъ и не столь ненавистнымъ, какъ предлагаемый Софіею. Когда это исполнится, надобно будетъ повести дѣло такъ, чтобы Іоаннъ открыто призналъ дурное поведеніе своей жены, объявивъ, что не онъ отецъ ея дѣтей. Доказательства на все это пріискать будетъ легко въ виду мѣръ, которыя они приняли для того, чтобы она имѣла дѣтей. Затѣмъ послѣдуетъ разводъ, и послѣ заключенія царицы въ монастырь, царь женится вторично, но дѣтей у него, разумѣется, уже не будетъ. Такимъ безвреднымъ средствомъ они, безъ опасенія наказанія свыше, будутъ править государствомъ

во все время жизни Іоанна, а по кончинѣ его сдѣлаются наслѣдниками, по причинѣ пресѣченія мужскаго рода въ царскомъ семействѣ.

Царевна, усматривая въ этомъ планѣ выгоду для себя, весьма охотно одобрила всѣ эти предположенія и предоставила Голицыну исполнить ихъ. Ей и въ мысль не приходило, что у Голицына были свои дальнѣйшіе замыслы, что, надѣясь пережить Софію, онъ не сомнѣвался въ томъ, что послѣ совершеннаго имъ присоединенія москвитянъ къ римской церкви, папа назначитъ его законнаго сына наслѣдникомъ престола вмѣсто тѣхъ дѣтей, которыхъ онъ прижилъ съ царевною.

Голицынъ началъ женитьбою Іоанна, и такъ какъ цари московскіе никогда не сочетаются бракомъ съ иностранными принцессами, то приказано было представить ко двору всѣхъ красивыхъ русскихъ дѣвушекъ. Здѣсь осматриваютъ ихъ обыкновенно мать, сестры и родственницы царя, съ лекарями и хирургами, выбирая ту, которая имъ болѣе всего нравится. Выбрать дѣвушку, которая была-бы наиболѣе удобна для ихъ намѣреній, оказалось не трудно; по вступленіи ея въ супружество съ Іоанномъ, ей былъ данъ въ любовники одинъ итальянскій хирургъ, отъ котораго она вскорѣ и родила. Но, къ несчастью, ребенокъ оказался женскаго пола и, такимъ образомъ, оставалось только выжидать лучшаго. Между тѣмъ, приверженцы Петра, узнавши о козняхъ царевны, составили противоположный заговоръ, но, находя себя безсильными привести его въ исполненіе, они склонили на свою сторону другаго князя Голицына, Бориса, двоюроднаго брата любимца Софіи, котораго этотъ послѣдній презиралъ за страсть къ пьянству, такъ какъ его родъ не принадлежитъ, подобно другимъ, къ рабскимъ. Этотъ-то Голицынъ, по происканъ этой партіи, и сдѣлался любимцемъ царя Петра. Затѣмъ, подъ видомъ оказанія особенной чести, великаго Голицына принудили принять на себя начальство надъ войсками во второмъ крымскомъ походѣ; въ отсутствіе его выбрана была Петру невѣста и онъ женился, несмотря на несогласіе царевны. Такой смѣлый поступокъ усилилъ партію царя Петра, и всѣ молодые царедворцы, отцы которыхъ всегда были на сторонѣ Софіи, перешли къ нему. Голицынъ, по возвращеніи своемъ, видя всѣ свои замыслы разрушенными супружествомъ младшаго

царя и беременностью его супруги, согласился, наконецъ, отдѣлаться отъ него. Но предпріятіе это не удалось, какъ мы уже разсказали въ статьѣ о 1687 годѣ. Голицынъ сталъ помышлять о бѣгствѣ и исполнилъ-бы свое намѣреніе, если-бы Софія не воспротивилась этому, увѣряя, что никто не осмѣлится посягнуть на ея власть. Онъ все-таки хотѣлъ послать своего старшаго сына въ посольствѣ въ Польшу съ меньшимъ сыномъ, внукомъ и всѣми богатствами, потомъ отправиться самому, если заговоръ не будетъ имѣть ожидаемаго успѣха, въ надеждѣ снискать покровительство польскаго короля обѣщаніемъ набрать войско въ его королевствѣ и, соединившись съ казаками и татарами, достигнуть силою того, чего онъ не могъ добиться посредствомъ своей политики. Этотъ планъ могъ-бы осуществиться въ виду того, что въ странѣ имѣлось много его приверженцевъ. Но царевна, не желая терять его изъ виду, замедлила удаленіе своего любимца до послѣдняго дня, когда удаленіе его было уже неотвратимо. Но все-же онъ могъ и тогда еще спастись бѣгствомъ, такъ какъ имѣлъ всѣ государственныя печати въ своихъ рукахъ и такъ какъ отъ Москвы до ближайшаго польскаго города всего только сорокъ нѣмецкихъ миль. Я увѣренъ, что онъ и убѣжалъ-бы тогда, такъ какъ предполагалъ прежде, но видя, что неистовство и опрометчивость Софіи воспрепятствовали исполненію его замысла, онъ предпочелъ претерпѣть всѣ удары судьбы и даже казнь, нежели подвергнуть свое семейство всѣмъ оскорбленіямъ, какія могла выдумать злость его враговъ, и увидѣть себя послѣ такого высокаго положенія несчастнымъ бѣглецомъ, безъ денегъ и имѣнія на чужой сторонѣ.

Нынѣшнее состояніе Московіи.

Послѣ того, какъ Голицынъ отправился на мѣсто своей ссылки, Нарышкинъ, дѣдъ царя Петра по матери, видѣлъ только одно препятствіе занять мѣсто князя, въ лицѣ младшаго Голицына, любимца царскаго, котораго тѣмъ труднѣе ему было низвергнуть, что онъ самъ (Нарышкинъ) былъ причиною его возвышенія. Но такъ какъ Петръ и любимецъ его были весьма неопытны, то старому дипломату нетрудно было внушить своему внуку подозрѣніе въ этому любимцу, указывая на его

постоянныя просьбы сохранить жизнь двоюродному брату и обвиняя его вслѣдствіе этого въ соучастіи въ замыслахъ великаго Голицына. Но царь, напротивъ, объяснялъ въ отвѣтъ на это, какъ трудно ему подозрѣвать вѣрность человѣка, который три раза спасъ ему жизнь. Тогда Нарышкинъ явился къ царю, сопровождаемый дочерью и сыновьями, и всѣ они со слезами на глазахъ заявили, что если онъ не соглашается отставить теперь одного Голицына, своего любимца, то гораздо цѣлесообразнѣе было-бы призвать другаго, великаго Голицына. Человѣкъ, болѣе царя Петра опытный, не поколебался-бы такими словами, но царь весьма смутился и обѣщалъ сослать любимца своего на всю жизнь его въ его деревни. Услышавъ о томъ, Голицынъ тотчасъ-же уѣхалъ, не дожидаясь царскаго приказа. Едва сказали царю объ его удаленіи, какъ онъ началъ посылать къ нему курьера за курьеромъ, спрашивая о причинѣ его бѣгства, на что онъ только отвѣчалъ, что если его прежнее поведеніе не могло убѣдить царя въ его вѣрности, то онъ послѣ этого не желаетъ никогда болѣе являться ко двору. Царь такъ тронутъ былъ его отвѣтомъ, что послалъ двухъ бояръ привѣтствовать его отъ своего имени и черезъ нѣсколько дней послѣ этого, сгорая нетерпѣніемъ видѣть его, послалъ къ нему еще двухъ, чтобы просить его возвратиться, что тотъ тотчасъ-же и исполнилъ. Царь, встрѣтивъ его тысячекратными лобызаніями, оказалъ ему этимъ такую почесть, что она испугала Нарышкиныхъ и ихъ партію, и заставила ихъ рѣшиться искать дружбы царскаго любимца, который въ теченіи нѣсколькихъ дней представлялъ изъ себя важное лицо, разсыпая милости своимъ друзьямъ. Но затѣмъ этотъ князь, не имѣя ни одного изъ дарованій своего мудраго родственника, началъ подражать ему и низвергать знатныхъ людей, раздавая мѣста подобнымъ себѣ пьяницамъ. Вскорѣ онъ впалъ въ немилость, такъ какъ противная партія такъ ловко повела дѣло, что заставила Петра опасаться возрожденія партіи Софіи. Онъ рѣшился вслѣдствіе этого отдать мѣсто великаго Голицына, котораго добивался Борисъ и которое онъ до сихъ поръ занималъ только временно, старому Нарышкину, отцу своей матери. Такой неожиданный оборотъ дѣла заставилъ всѣхъ обратиться къ партіи Нарышкина, сыновья котораго вскорѣ заняли всѣ важныя мѣста: старшій

сынъ его получилъ званіе оберъ-гофмейстера, доселѣ принадлежавшее молодому Голицыну; послѣдній до того оскорбился этимъ, что не могъ скрыть своего негодованія и укорялъ царя въ слабоуміи. Враги его воспользовались его неосторожностью и уговорили царя, который не отличается никакими достоинствами, кромѣ жестокости, съ позоромъ изгнать своего любимца. Теперь-же они только и добиваются разрѣшенія казнить обоихъ уже изгнанныхъ Голицыныхъ. Но тѣ, кто радовался паденію великаго Голицына, вскорѣ раскаялись въ его погибели, такъ какъ Нарышкины, которые управляютъ ими въ настоящее время, будучи необразованы и грубы, начали, вопреки всякому политическому смыслу и благоразумію, уничтожать все, что этотъ великій человѣкъ умно и разсудительно ввелъ новаго для славы и пользы націи; они желали пріобрѣсти всеобщее уваженіе, облекаясь снова въ свою черную, зловонную шкуру.

Эти варвары снова запретили иностранцамъ въѣздъ въ Россію, равно какъ и отправленіе католической службы. Одинъ только польскій посланникъ, и то съ большимъ трудомъ, могъ получить позволеніе устроить у себя на дому часовню. Говорятъ даже, что они заставятъ москвитянъ ограничиться изученіемъ только лишь письма и чтенія, проявляя и въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ другомъ, свою тираническую и деспотическую власть, что заставитъ всѣхъ сильно сожалѣть о великомъ Голицынѣ. Послѣдній построилъ огромное прекрасное каменное зданіе для коллегіума, вызвалъ изъ Греціи 20 ученыхъ и выписалъ много книгъ; онъ убѣждалъ дворянъ отдавать дѣтей своихъ учиться въ это заведеніе, разрѣшилъ имъ посылать дѣтей въ латинскія училища въ Польшу, другимъ-же совѣтовалъ нанимать для дѣтей польскихъ гувернеровъ; иностранцамъ онъ разрѣшилъ свободный въѣздъ и выѣздъ изъ Московіи, что до него не было въ обычаѣ. Онъ желалъ также, чтобы дворяне путешествовали заграницу для изученія военнаго искусства въ иностранныхъ государствахъ, такъ какъ онъ задался цѣлью учредить порядочное войско, вмѣсто полчищъ изъ крестьянъ, которые, будучи призываемы на войну, оставляютъ свои поля безъ обработыванія; вмѣсто этой безполезной для государства службы, онъ предполагалъ обложить населеніе умѣренною подушною податью. Онъ думалъ также содержать постоянныя

посольства при главнѣйшихъ европейскихъ дворахъ и дать полную свободу вѣроисповѣданіямъ въ Московіи; допустивъ уже въ страну іезуитовъ, онъ часто бесѣдовалъ съ ними, но на другой-же день послѣ его паденія они были высланы за границу, причемъ отъ имени царей было объявлено императору и королю польскому, которые присылали ихъ, что отнынѣ имъ навсегда запрещается пріѣзжать въ Московію. Придерживаясь этого рѣшенія, они, въ мартѣ 1690 года, отказали послу польскаго короля, требовавшему отъ имени своего государя и отъ имени императора позволенія проѣзда въ Китай патеру Гримальди, находящемуся нынѣ въ Польшѣ.

Я никогда не кончилъ-бы, если-бы пожелалъ разсказать все, что знаю о князѣ Голицынѣ. Достаточно указать на то, что онъ хотѣлъ заселить пустыни, обогатить нищихъ, изъ дикарей сдѣлать людей, превратить трусовъ въ добрыхъ солдатъ, хижины въ чертоги, и что всѣ эти предпріятія погибли въ Московіи съ его паденіемъ. Собственный домъ его былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, покрытъ мѣдными листами и внутри украшенъ дорогими коврами и прекрасною живописью; онъ устроилъ также дворецъ для иностранныхъ пословъ; все это до того понравилось боярамъ и народу, что во время его управленія въ Москвѣ было выстроено болѣе 3,000 каменныхъ домовъ. Такое число не покажется преувеличеннымъ, если мы скажемъ, что въ Москвѣ находится до полумилліона жителей, и что она состоитъ, собственно говоря, изъ трехъ расположенныхъ одинъ въ другомъ городовъ; каждый изъ нихъ огражденъ огромною стѣною и рвомъ, наполненнымъ водою для защиты Москвы отъ нападенія татаръ и поляковъ. Первый изъ нихъ называется Кремль (Kzim), второй—Бѣлгородъ (Bialagrod), т. е. Бѣлый городъ, а третій—Новгородъ (Novogrod) т. е. Новый городъ.

Любопытнымъ для иностранцевъ является въ этомъ городѣ то, что въ декабрѣ мѣсяцѣ возводятся на площади 2,000 деревянныхъ домовъ для восточныхъ и европейскихъ купцовъ. Князь Голицынъ построилъ также на Москвѣ рѣкѣ, впадающей въ Оку, каменный мостъ о 12-ти аркахъ, очень высокій, въ виду большихъ половодій; мостъ этотъ единственный каменный во всей Московіи, строилъ его польскій монахъ.

Нравы и религія москвитянъ.

Москвитяне, собственно говоря, сущіе варвары, недовѣрчивые, лживые, жестокіе, развратные, обжорливые, корыстолюбивые, нищіе и трусы. Всѣ они рабы, исключая трехъ иностранныхъ родовъ: князя Черкаскаго, бывшаго владѣтеля страны того-же имени, очень богатаго, Голицына и Артамоновича. Они до того грубы и невѣжественны, что безъ помощи нѣмцевъ, находящихси въ Москвѣ въ большомъ количествѣ, не могли-бы ничего сдѣлать хорошаго. Они неопрятны, хотя и моются часто въ нарочно для того построенныхъ баняхъ, которыя натапливаются до такой степени, что никто на свѣтѣ не могъ-бы перенести такого жара. Мужчины и женщины ходятъ вмѣстѣ въ одну баню, которая обыкновенно ставится на берегу рѣки, для того, чтобы кто не стерпитъ жара, могъ-бы идти и бросаться прямо въ холодную воду, что они продѣлываютъ одинаково и зимою и лѣтомъ. Хотя москвитяне очень крѣпкаго сложенія, но къ холоду они чувствительнѣе, чѣмъ поляки. Пища и питье у нихъ самыя грубыя; обыкновенная пища состоитъ изъ огурцовъ и астраханскихъ дынь, которые они мочатъ на зиму, заквашиваютъ и солятъ. Они не ѣдятъ телятъ изъ-за предразсудка, о которомъ стыдно разсказывать, а голубей—изъ-за того, что Святой Духъ изображается въ этомъ видѣ. Мужчины одѣваются почти такъ-же, какъ поляки. Богатые носятъ зимою платья изъ голландскаго сукна, съ дорогимъ мѣховымъ подбоемъ; шапки украшаютъ драгоцѣнными каменьями—тѣ, кто можетъ, или-же вынизываютъ жемчугомъ, котораго въ этой странѣ очень много. Лѣтомъ-же одѣваются въ платья изъ персидскихъ и китайскихъ шелковыхъ тканей.

Женщины одѣты по турецки. Самая бѣднѣйшая старается сдѣлать себѣ шапку изъ персидскаго сукна, сообразно со средствами, болѣе или менѣе дорогаго. Богатыя вынизываютъ свои шапки жемчугомъ или драгоцѣнными каменьями. Зимнія женскія платья, или кафтаны, дѣлаются изъ золотой парчи, подбитой куницами; лѣтомъ—изъ китайскихъ тканей. Подъ своимъ головнымъ уборомъ москвитянки тщательно прячутъ волосы. Ходятъ онѣ съ большимъ трудомъ, такъ какъ башмаки ихъ сдѣланы на манеръ сандалій и въ то-же время—въ формѣ туфель, которыя

слишкомъ широко сидятъ на ногѣ. Безразсудство этихъ женщинъ доходитъ до того, что онѣ красятъ себѣ лицо, брѣютъ брови, мѣста коихъ раскрашиваютъ въ самые разнообразные цвѣта. Онѣ весьма расположены къ иностранцамъ и легко вступаютъ съ ними въ интимныя связи. Онѣ презираютъ своихъ мужей, которые выказываютъ свою ревность лишь въ томъ случаѣ, когда ухаживающій не дѣлаетъ подарковъ. Москвитяне любятъ ходить пѣшкомъ и очень быстро шагаютъ. Экипажи у нихъ самые жалкіе и большая часть москвитянъ ѣздятъ по городу верхомъ, на плохихъ лошадяхъ, предшествуемые слугами, бѣгущими впереди, съ непокрытою головою. Зимою лошаденку запрягаютъ въ сани — единственный ихъ экипажъ. Женщины ѣздятъ въ дурныхъ экипажахъ, коляскахъ въ родѣ паланкина, обыкновенно запряженныхъ въ одну лошадь. Садится ихъ въ такую повозку пять, шесть, какъ будто въ ящикъ, потому что скамеекъ внутри нѣтъ. Хотя въ Москвѣ находится до 500, даже, можетъ быть, до 600,000 жителей, но въ ней нѣтъ и трехъ сотъ такихъ колясокъ. но зато имѣется съ тысячу маленькихъ телѣжекъ, запряженныхъ въ одну лошадь, для перевозки публики, за небольшую плату, съ одного мѣста на другое. Имѣется въ Москвѣ также нѣсколько колясокъ въ родѣ французскихъ, которыя болѣе богатые люди выписали изъ Голландіи и Данцига. Царскія кареты всѣ очень старыя; причина этому та, что они сами таковыхъ не покупаютъ, такъ какъ надѣятся получить ихъ въ подарокъ отъ иностранныхъ государей или посланниковъ. Лучшія, которыя они имѣютъ, дѣлаются, по обычаю страны, съ дверцами или-же въ формѣ паланкиновъ. Сани царскія — великолѣпны. Тѣ, которыя открыты, дѣлаются изъ золоченаго дерева и обиваются внутри бархатомъ и широкими галунами. Ихъ запрягаютъ въ шесть лошадей, шлеи которыхъ украшены такимъ-же бархатомъ. Тѣ сани, которыя закрыты, дѣлаются въ видѣ каретъ, со стеклами, снаружи обиваются краснымъ сукномъ, внутри-же соболями. Въ такихъ саняхъ можно лежать и спать во время переѣздовъ, которыя, въ виду такого удобства, москвитяне совершаютъ зимою и ночью.

Когда цари выѣзжаютъ за городъ, то вмѣсто саней и колясокъ употребляютъ обыкновенные простые экипажи. Въ окрестностяхъ Москвы цари имѣютъ нѣсколько деревянныхъ домовъ,

которые несправедливо называются „увеселительными“, такъ какъ въ нихъ нѣтъ садовъ, а просто они окружены стѣнами, изъ опасенія, чтобы не раззорили ихъ поляки, или татары, которые нападали на Москву, что часто случалось еще лѣтъ за пятьдесятъ, не болѣе, тому назадъ.

Петръ весьма высокъ ростомъ, хорошо сложенъ и довольно красивъ лицомъ. Глаза у него довольно большіе, но блуждающіе, вслѣдствіе чего бываетъ непріятно на него смотрѣть. Несмотря на то, что ему только 20 лѣтъ, голова у него постоянно трясется. Любимая его забава заключается въ натравливаніи своихъ любимцевъ другъ на друга и весьма нерѣдко одинъ убиваетъ другаго изъ желанія войти къ царю въ милость. Зимою онъ велитъ вырубать огромныя проруби во льду и заставляетъ самыхъ толстыхъ бояръ проѣзжать по нимъ въ саняхъ. Такъ какъ молодой ледъ оказывается непрочнымъ, то они проваливаются въ воду и нерѣдко тонутъ. Любитъ онъ также звонить въ большой колоколъ, но самая главная страсть его — любоваться пожарами, которые весьма часто случаются въ Москвѣ. Москвитяне не берутъ на себя труда тушить ихъ, пока огонь не истребитъ 400 или 500 домовъ. Правда, что и убытка тутъ бываетъ большею частью немного, потому что дома москвитянъ не лучше свиныхъ хлѣвовъ во Франціи и въ Германіи; ихъ продаютъ на рынкѣ совсѣмъ готовыми. Въ 1688 году сгорѣло въ Москвѣ 3.000 домовъ, и въ прошломъ году въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ я видѣлъ три пожара, каждый изъ которыхъ истребилъ, по малой мѣрѣ, 500—600 домовъ. Пожары чаще всего происходятъ отъ пьянства и неосторожнаго обращенія съ огнемъ, такъ какъ они никогда не тушатъ свѣчей, горящихъ въ ихъ комнатахъ передъ иконами.

Посту предшествуетъ у нихъ карнавалъ, который продолжается столько-же дней, сколько и самый постъ. Въ теченіе этого карнавала безпорядокъ настолько великъ, что иностранцы, живущіе въ предмѣстьяхъ, не рѣшаются выходить изъ дому и ходить въ городъ, ибо москвитяне дерутся какъ дикіе звѣри и напиваются водкою и другими крѣпкими и отвратительными напитками, проглотить которые кромѣ нихъ не въ состояніи никто въ цѣломъ мірѣ. Не удивительно, что москвитяне теряютъ тогда и послѣднюю каплю разума, которая у нихъ еще имѣется, и рѣжутся другъ съ другомъ длинными ножами, похожими на

штыки. Лучшій другъ готовъ убить своего-же друга изъ-за копѣйки или су. Чтобы уменьшить этотъ безпорядокъ, довольствуются тѣмъ, что посылаютъ стражу, но солдаты бываютъ не трезвѣе народа, появляясь почти всегда уже послѣ преступленія и если имъ обѣщана часть добычи, то преступникъ можетъ спокойно скрыться. Тамъ не находятъ ничего ужаснаго въ томъ что почти ежедневно встрѣчаютъ на улицахъ трупы убитыхъ людей.

Ѣдятъ москвитяне такъ много, что послѣ обѣда они вынуждены спать часа три, и тотчасъ послѣ ужина ложиться спать. За то они встаютъ весьма рано. Даже и въ походахъ каждый солдатъ, не исключая и стражи, непремѣнно спитъ послѣ обѣда. Лѣтомъ, въ полдень, они совершенно раздѣваются, купаются и спятъ въ такомъ видѣ. Дождя они не любятъ и дождь идетъ у нихъ рѣдко. Они носятъ шапки, и при встрѣчѣ съ пріятелемъ каждый крестится, послѣ чего они жмутъ другъ другу руку. Крестное знаменіе они, вѣроятно, дѣлаютъ съ цѣлью призвать Бога свидѣтелемъ ихъ вѣроломства, ибо недобросовѣстность—одно изъ ихъ качествъ.

Вѣра у москвитянъ греческая, но ее можно назвать архи-схизматическою (archi-schismatique), ибо она изобилуетъ ужасными суевѣріями, созданными ихъ невѣжествомъ, такъ что москвитянъ можно назвать полуидолопоклонниками. Хотя у нихъ и сохранилось духовенство, но уваженіе, оказываемое ему, чисто внѣшнее. Внѣ церкви они не задумываются оскорблять священниковъ и монаховъ: они только срываютъ съ нихъ шляпы, бьютъ палками и послѣ истязанія одѣваютъ имъ шляпы снова. Патріархъ московскій прежде жилъ въ Кіевѣ, но когда сей городъ перешелъ къ москвитянамъ, послѣдніе получили разрѣшеніе перевести его резиденцію въ Москву. Патріархъ избирается обыкновенно изъ числа митрополитовъ и утверждается царемъ. Онъ не можетъ быть свергнутъ, какъ это случилось съ его предшественникомъ, никѣмъ, кромѣ патріарховъ царьградскаго и антіохійскаго, которые нарочно поставили патріарха, бывшаго въ прошломъ году, въ царствованіе Ѳеодора, и нынѣ умершаго, въ зависимость отъ царя; онъ былъ избранъ только за свою красивую бороду. Патріархъ и митрополиты носятъ всегда священническую рясу, которую никогда не снимаютъ, ѣдутъ-ли въ эки-

пажѣ или даже верхомъ. Имъ предшествуетъ съ крестомъ прислужникъ, который, какъ и прочіе, идетъ съ обнаженною головою. Какова-бы ни была погода, слуги, согласно обычаю, идутъ впереди господина съ обнаженными головами. Мантіи ихъ отличаются отъ мантій нашихъ епископовъ только тѣмъ, что онѣ отдѣланы множествомъ погремушекъ и бубенчиковъ. Священники ихъ держатъ въ рукахъ четки, висящія до земли, и постоянно надъ ними что-то бормочутъ. Набожность ихъ выражается, главнымъ образомъ, въ процессіяхъ, которыя совершаются съ слѣдующими церемоніями: все духовенство въ богатыхъ облаченіяхъ, большею частью унизанныхъ жемчугомъ, выходитъ толпою, въ безпорядкѣ, изъ одной церкви, съ тѣмъ чтобы направиться въ другую, гдѣ назначена служба. Каждый священникъ держитъ что-нибудь въ рукахъ; одни—книги, другіе—кресты, а многіе—священническіе жезлы. Идущіе близь митрополита или патріарха несутъ огромныя изображенія Богоматери, украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчужными четками. Другіе несутъ огромные четырехугольные кресты, тоже весьма богатые и до того тяжеловѣсные, что нѣкоторые изъ нихъ съ трудомъ поднимаютъ четыре священника. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые несутъ евангелія, драгоцѣннѣе которыхъ, несомнѣнно, не найти во всей Европѣ, потому что одно такое евангеліе стоитъ около 25 или 30 тысячъ экю. Я видѣлъ, между прочимъ, одно евангеліе, которое отдѣлано, по заказу царя Петра, французскимъ ювелиромъ. Каждая сторона украшена пятью изумрудами, изъ коихъ самый малый стоитъ болѣе 10,000 экю. Вѣсъ золотаго переплета простирается до четырехъ фунтовъ, такъ какъ эти господа цѣнятъ работу лишь тогда, когда она тяжеловѣсна. Затѣмъ слѣдуютъ игумены, за ними митрополиты и позади всѣхъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, идетъ патріархъ въ жемчужной шапкѣ, за исключеніемъ трехъ коронъ, весьма похожей на папскую тіару. Его должны поддерживать цари, но такъ какъ эти послѣдніе во время шествія сами должны быть поддерживаемы, то ихъ замѣняютъ знатные люди, нарочно для того опредѣляемые. Впереди такихъ процессій около ста человѣкъ метутъ дорогу и посыпаютъ ее пескомъ. Это происходитъ отъ того, что до управленія Голицына надо было шагать по грязи; онъ-же, за отсутствіемъ въ этой странѣ какой-бы то ни было мостовой, приказалъ

устроить деревянные мостки, но послѣ его паденія только главныя улицы поддерживаются въ такомъ видѣ. Москвитяне ограничиваются лишь тѣмъ, что присутствуютъ при богослуженіи, которое священники ихъ начинаютъ обыкновенно въ полночь, не смотря на то, что оно очень долго продолжается. В церкви они никогда не садятся и молятся Богу только мысленно такъ какъ большинство изъ нихъ неграмотны и никто, не исключая и священниковъ, не знаетъ греческаго языка. Праздниковъ у москвитянъ очень много; празднуютъ они ихъ всеобщимъ трезвономъ, начинающимся наканунѣ и кончающимся на слѣдующій день съ закатомъ солнца. Работаютъ они во всѣ дни года безъ различія. Москвитяне имѣютъ большую склонность къ богомолію. Царь Іоаннъ, не смотря на то, что онъ совершенно парализованъ, проводитъ всю свою жизнь въ посѣщеніи святынь. Между тѣмъ, для него было-бы гораздо выгоднѣе не показываться такъ часто въ народѣ, но, напротивъ, совершенно скрыться въ своемъ дворцѣ, ибо онъ страшно безобразенъ и возбуждаетъ только жалость, не смотря на то, что ему только 28 лѣтъ, такъ что на него трудно смотрѣть. Когда москвитяне куда-либо входятъ, они начинаютъ класть земные поклоны, многократно креститься и кланяться образамъ или тому мѣсту, гдѣ они должны висѣть. Священники ихъ женаты, но не могутъ спать съ своими женами наканунѣ праздниковъ. Что касается епископовъ и игуменовъ, то они должны жить въ безбрачіи. Если римскій католикъ вступаетъ въ ихъ религію, они его снова крестятъ: ежели онъ женатъ и жена его не соглашается вмѣстѣ съ нимъ перемѣнить религію, онъ можетъ жениться на другой. Москвитяне въ теченіе года соблюдаютъ три поста: первый — какъ и у насъ; второй — за шесть недѣль до Рождества и третій — за двѣ недѣли до Успенія. Въ теченіе этого времени москвитяне приготовляютъ всѣ блюда на маслѣ, которое послѣ нихъ самихъ несомнѣнно самое зловонное вещество въ мірѣ. Вслѣдствіе этого большинство солдатъ вымираетъ, такъ какъ рыба, которую они кормятся, сушится на солнцѣ и почти всегда бываетъ гнилая, каковое обстоятельство и является источникомъ ужасныхъ болѣзней. Сюда слѣдуетъ прибавить, что вся эта дурная пища еще хуже переваривается, благодаря ихъ обыкновенному питью, состоящему изъ воды и муки и называемому—квасъ (couatz).

Они любятъ также строить церкви и всякій бояринъ, прежде чѣмъ выстроить домъ, воздвигаетъ часовню, и содержитъ сообразно со своими средствами большее или меньшее количество монаховъ. Въ Москвѣ находится 1,200 церквей, выстроенныхъ изъ камня, куполообразной формы, что придаетъ имъ мрачный видъ. Всѣ онѣ имѣютъ по пяти башенокъ съ колоколами, на каждой башенкѣ находится четырехугольный крестъ, изъ которыхъ самый малый имѣетъ высоту трехъ локтей. Самые великолѣпные храмы Москвы суть: церковь Богоматери и церковь Архангела Михаила, около царскаго дворца. Куполъ и башенки покрыты позолоченою мѣдью, а кресты вызолоченнымъ серебромъ. Внутренность этихъ церквей раскрашена подъ мозаику. Противъ нихъ находится огромная колокольня, гдѣ виситъ много большихъ колоколовъ, между прочимъ одинъ въ 20 футовъ въ поперечникѣ, въ 40 футовъ въ вышину и одинъ локоть въ толщину. Чтобы придать этому колоколу звучность, пришлось отнять отъ него, при помощи рѣзца, до 40,000 фунтовъ. Въ него звонятъ только въ праздникъ Крещенія, который считается у москвитянъ самымъ священнымъ. Въ этотъ колоколъ ударяютъ также, когда царь спитъ съ царицею, съ тѣмъ чтобы народъ сталъ молиться за дарованіе имъ наслѣдника, ибо дочерей въ этой странѣ ни во что не ставятъ. Половина московскихъ земель принадлежитъ монахамъ, ибо благочестіе москвитянъ заключается въ построеніи монастырей, изъ коихъ многіе содержатъ болѣе 100 монаховъ, живущихъ въ полномъ изобиліи, хотя и совершенномъ невѣжествѣ. Существуетъ также много женскихъ монастырей, которые имѣютъ въ обычаѣ посылать старухъ на поиски за армянскими и европейскими купцами. Подъ предлогомъ купить у нихъ товаръ, онѣ ихъ убиваютъ, послѣ того какъ добьются самаго существеннаго, если эти купцы мало знакомы съ нравственностью этихъ святыхъ дѣвъ и, влекомые страстью къ наживѣ, соглашаются идти къ нимъ.

Ни одно изъ вѣроисповѣданій, за исключеніемъ католическаго, которое москвитяне послѣ своего считаютъ самымъ лучшимъ, не находитъ себѣ въ Московіи запрещенія. Если какой-либо иностранецъ входитъ въ ихъ церковь, они заставляютъ его принять ихъ вѣру, такъ какъ прежде всѣ, побывавшіе въ ихъ церквахъ, потѣшались надъ ихъ обрядами и пѣніемъ, весьма похожимъ на пѣніе нѣмыхъ.

Изложеніе разсказовъ Спафарія о путешествіи въ Китай и торговлѣ съ этою страною.

Мѣховая торговля уже очень давно возникла въ Московіи, но она приняла теперь совершенно иной характеръ. Въ старину соболи въ Московіи были очень мало извѣстны и москвитяне пользовались только дешевыми мѣхами, исключая горностаевыхъ, на которые они вымѣнивали что имъ было надобно. Дѣдъ нынѣшнихъ царей, Василій Васильевичъ, прозванный Грознымъ; (справедливому названію этому не будутъ удивляться, если мы скажемъ, что жестокость его доходила до того, что онъ ради шутки забавлялся жизнью людей; такъ, однажды, онъ велѣлъ кучеру своему ѣхать съ каретою, въ которой сидѣла супруга его, по едва замерзшему озеру, находящемуся въ четверти мили отъ Москвы; карета провалилась сквозь ледъ и всѣ сидѣвшія въ ней утонули). Покоривши царство Казанское и Астраханское, онъ открылъ часть той обширной страны, которую называютъ Сибирью, что на славянскомъ языкѣ значитъ тюрьма, такъ какъ этотъ жестокій по природѣ властитель посылалъ въ эту область, тогда не имѣвшую еще никакого названія, всѣхъ, кто лишался его милости; этимъ-то сосланнымъ москвитяне и обязаны открытіемъ дороги въ Китай и множества куницъ, которыхъ они нашли на этихъ обширныхъ пространствахъ, покрытыхъ непроходимыми и неизвѣстными доселѣ лѣсами, которые, вѣроятно, простираются до самаго Ледовитаго моря. Охотники проникли въ эти лѣса, подвигаясь постепенно впередъ за ловлею разныхъ звѣрей, какъ-то: черныхъ лисицъ, рысей и другихъ дикихъ животныхъ, которыми изобилуютъ упомянутые необитаемые никѣмъ лѣса и шкуры которыхъ такъ дорого цѣнятся. Послѣ смерти Грознаго, сынъ его, наслѣдовавшій ему, рѣшилъ, что для государства его будетъ очень выгодно, если онъ разрѣшитъ въѣздъ иностраннымъ купцамъ. Голландцы первые пытались пройти въ Московское море, но безуспѣшно. Англичане были счастливѣе ихъ и достигли Архангельска — портъ, находящійся въ морѣ или заливѣ Св. Николая Царь, услышавъ о томъ, даровалъ имъ большія привиллегіи, состоявшія въ томъ, что они не должны были платить пошлинъ за привозные и вывозные

товары; онъ сдѣлалъ это съ цѣлью побудить ихъ развить свою торговлю въ Московіи. Голландцы, завидуя этому открытію англичанъ, старались всячески повредить имъ, но царь, опасаясь, что это причинитъ только задержку развитію торговли, запретилъ голландцамъ входъ въ Архангельскую гавань; такимъ образомъ англичане остались хозяевами торговли въ этой странѣ до смерти Карла I-го, короля Великой Британіи. Узнавъ о казни послѣдняго, царь, въ видахъ политики, какъ-бы въ наказаніе за такое дѣяніе, совершенное надъ особою государя, отнялъ у англичанъ всѣ ихъ привиллегіи и разрѣшилъ голландцамъ въѣздъ въ этотъ портъ, подъ условіемъ платежа 15-ти процентовъ на всѣ привозные и вывозные товары; благодаря этому, они такъ развили эту торговлю, что нынѣ находится въ Московіи болѣе 200 голландскихъ торговцевъ, бо́льшая часть коихъ уѣзжаетъ зимою въ Москву, по причинѣ жестокихъ холодовъ. Тогда въ первый разъ введены были въ Московіи деньги, которыя нынѣ тамъ сдѣлались такъ-же обыкновенны, какъ въ Польшѣ. Въ предмѣстіяхъ Москвы живетъ въ настоящее время болѣе тысячи купцовъ англійскихъ, голландскихъ, фламандскихъ, гамбургскихъ и итальянскихъ. Они торгуютъ русскою кожею и кавьяромъ, или осетровою икрою, изъ которой они дѣлаютъ лепешки, толщиною въ палецъ и шириною съ ладонь, солятъ ихъ и просушиваютъ на солнцѣ; этотъ товаръ находитъ у нихъ большой сбытъ, такъ какъ въ устьяхъ Волги и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, они ловятъ безчисленное множество осетровъ, которые доставляются затѣмъ Волгою въ Москву, и отсюда уже развозятся по всей Московіи и въ сосѣднія государства (какъ это въ этихъ послѣднихъ дѣлается съ сельдями). Товаръ этотъ особенно находитъ себѣ потребленіе во время трехъ постовъ, которые они строго соблюдаютъ. Англичане и голландцы мѣняютъ москвитянамъ свои сукна и пряности на хлѣбъ, пеньку, смолу, поташъ (для краски) и золу. Фламандцы и гамбуржцы покупаютъ у нихъ воскъ и желѣзо. Корабли этихъ народовъ приходятъ въ Архангельскъ въ іюлѣ и отплываютъ оттуда въ сентябрѣ; оставаясь долѣе, они рискуютъ погибнуть въ морѣ. Переходъ изъ Бергена въ Архангельскъ совершается обыкновенно въ 15 или 20 дней, столько-же времени длится и обратный путь. Торговля эта очень значительна, хотя въ годъ приходитъ

въ Архангельскъ не болѣе тридцати кораблей. Прежде персіяне возили свои товары на Архангельскъ, но Голицынъ разрѣшилъ имъ возить ихъ прямымъ путемъ на Ригу, съ тѣмъ, чтобы уплачивать 15 процентовъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ раньше они платили по 5-ти процентовъ въ трехъ разныхъ городахъ по дорогѣ въ Архангельскъ. Онъ далъ имъ такимъ образомъ возможность выгадывать цѣлый годъ, такъ какъ дорога изъ Риги въ Голландію длилась 4 мѣсяца, а изъ Риги въ Испагань — 3 мѣсяца. Персіяне приплываютъ изъ Испагани черезъ Каспійское море въ концѣ октября, и оттуда ѣдутъ дальше на саняхъ на счетъ царя пять недѣль; назадъ они спускаются по Волгѣ и совершаютъ путь въ тридцать и сорокъ дней. Голландцы уговорили великаго Голицына послать нѣсколькихъ изъ ихъ моряковъ и плотниковъ въ Астрахань, которые и построили тамъ два фрегата, на которыхъ легко доходили по Каспійскому морю до Шемахи — перваго изъ персидскихъ городовъ; но мѣсяцевъ восемнадцать тому назадъ татары сожгли эти корабли; нынѣшніе-же московскіе министры не разрѣшаютъ строить новыхъ, что окажется впослѣдствіи весьма невыгоднымъ, такъ какъ московскіе суда ничто иное какъ большія лодки, снабженныя двумя рулями и парусомъ, который въ случаѣ непопутнаго вѣтра опускается, и судно, такимъ образомъ, отдается на волю вѣтра.

Намѣреніемъ Голицына было поставить Московію на одну ступень съ другими государствами. Онъ собралъ точныя свѣдѣнія о состояніи европейскихъ державъ и ихъ управленій и хотѣлъ начать съ освобожденія крестьянъ, предоставивъ имъ земли, которыя они въ настоящее время обрабатываютъ въ пользу царя, съ тѣмъ чтобы они платили ежегодный налогъ. По его вычисленію, налогъ этотъ увеличилъ-бы ежегодную доходность земель этихъ государей болѣе чѣмъ вдвое, въ то время какъ теперь получаемая прибыль не превышаетъ 7-ми или 8-ми милліоновъ ливровъ французской валюты. Что касается до другихъ предметовъ дохода, то трудно опредѣлить ихъ дѣйствительную стоимость. То-же самое онъ хотѣлъ ввести по отношенію къ кабакамъ и разнымъ продуктамъ и предметамъ торговли, полагая, что такимъ путемъ сдѣлаетъ народъ трудолюбивымъ и промышленнымъ, такъ какъ ему представится надежда на обогащеніе. Что касается

охоты на соболей, онъ не сдѣлалъ никакихъ нововведеній. Добыча соболей производится преступниками, ссылаемыми въ Сибирь, подобно тому, какъ во Франціи ссылаютъ на галеры, и солдатами, которыхъ посылаютъ туда полками, подъ начальствомъ полковника, оставляя ихъ тамъ обыкновенно на семь лѣтъ. И тѣ и другіе обязаны приносить еженедѣльно извѣстное количество шкурокъ; причемъ они должны наблюдать, чтобы на нихъ не было дырочекъ и чтобы онѣ не были замараны кровью, отъ чего, какъ говорятъ, эти шкурки, въ особенности-же собольи, портятся; поэтому за каждую продырявленную шкурку охотника наказываютъ палочными ударами; чтобы избѣжать ихъ, они не стрѣляютъ иначе, какъ только одною пулею въ голову звѣрька, къ чему они почти всѣ пріучены, такъ какъ москвитяне вообще не знакомы съ употребленіемъ мелкой дроби. Такъ какъ охота эта требуетъ, такимъ образомъ, большаго терпѣнія и усердія, то офицерамъ разрѣшено, для того чтобы заинтересовать солдатъ, распредѣлять между ними всѣ тѣ шкурки, которыя они добудутъ сверхъ того числа, которое они должны еженедѣльно представлять въ казну. Излишекъ этотъ бываетъ очень значителенъ, такъ что полковникъ въ семь лѣтъ наживаетъ тысячъ до четырехъ экю, подчиненные ему офицеры по соразмѣрности; заработокъ-же солдатъ составляетъ не болѣе шести или семи сотъ экю. Нужно имѣть, такимъ образомъ, добрыхъ друзей, чтобы быть туда посланнымъ, такъ какъ каждый дворянинъ получаетъ въ Московіи жалованья не болѣе 1,000 экю, половина которыхъ выплачивается притомъ-же соболями, которые при этомъ оцѣниваются обыкновенно выше настоящей ихъ цѣны. Полковникъ получаетъ четыреста экю, а другіе офицеры по соразмѣрности. Голицынъ хотѣлъ было установить, для пользы царя и офицеровъ, уплату всѣхъ государственныхъ расходовъ сполна деньгами, для чего онъ и намѣревался посылать всѣ мѣха, въ которыхъ не имѣется надобности, черезъ надежныхъ людей, въ иностранныя земли, чтобы продать ихъ тамъ, или-же обмѣнять на нужные товары, которые были-бы затѣмъ продаваемы въ пользу царя. То, что онъ сдѣлалъ для утвержденія сухопутной торговли съ Китаемъ черезъ Сибирь и Татарію, заслуживаетъ особаго описанія.

Спафарій, родомъ волохъ, былъ изгнанъ изъ своей родины,

послѣ того какъ ему отрѣзанъ былъ кончикъ носа за то, что онъ открылъ султану тайный договоръ между воложскимъ господаремъ, его родственникомъ, и королемъ польскимъ, послѣ чего господарь былъ низложенъ и принужденъ бѣжать въ Польшу, гдѣ и получаетъ при дворѣ короля опредѣленную пенсію. Спафарій удалился сначала къ бранденбургскому курфирсту, гдѣ былъ принятъ очень хорошо, такъ какъ онъ очень образованъ и хорошо знаетъ греческій, латинскій и итальянскій языки. Но король польскій увѣдомилъ курфирста о вѣроломствѣ Спафарія и послѣдній тотчасъ-же долженъ былъ оставить его дворъ. Не зная куда ему обратиться, онъ отправился въ Московію. Голицынъ принялъ его очень хорошо, далъ ему содержаніе, а черезъ нѣсколько времени потомъ отправилъ его отъ имени царя въ Китай съ порученіемъ изслѣдовать возможность учрежденія сухопутной торговли между этимъ государствомъ и Московіею. Два года провелъ Спафарій въ путешествіи; причемъ ему пришлось бороться съ величайшими трудностями; но будучи очень способенъ и уменъ, онъ собралъ во время этого путешествія множество свѣдѣній о положеніи мѣстностей, которыя онъ проѣзжалъ, и по возвращеніи обнадежилъ Голицына, что во второе его путешествіе можно будетъ устроить такой путь, который дастъ возможность ѣздить по этой странѣ такъ-же удобно, какъ по всякой другой. На основаніи этихъ увѣреній, Голицынъ началъ выбирать наиболѣе удобный и кратчайшій путь для перевозки товаровъ; найдя его, онъ сталъ изыскивать средства для учрежденія тамъ постояннаго сообщенія и рѣшилъ построить отъ Москвы до Тобольска, главнаго города Сибири, нѣсколько деревянныхъ домовъ на каждой десятой милѣ; въ домахъ этихъ должны были быть поселены крестьяне, которымъ предоставлены были-бы доходы съ извѣстнаго количества земель съ тѣмъ, чтобы каждый домъ содержалъ по три лошади, которыхъ на первый разъ онъ долженъ былъ имъ самъ выдать, съ правомъ взимать съ проѣзжающихъ въ Сибирь и обратно по собственной надобности по 3 коп. съ лошади за каждыя 10 верстъ, равныя двумъ нѣмецкимъ милямъ. По всей сибирской дорогѣ, такъ какъ и по всей Московіи, поставили столбы для указанія пути и числа верстъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ такъ глубокъ, что лошади не могутъ идти, также построили дома, въ которыхъ поселили

осужденныхъ на вѣчное изгнаніе, снабдивъ ихъ деньгами, припасами и заведя у нихъ большихъ собакъ, которыя должны были вмѣсто лошадей тащить сани по снѣгу. Въ Тобольскѣ-же, городѣ, расположенномъ на рѣкѣ Иртышѣ, который неправильно называютъ Обью, въ которую онъ только впадаетъ, Голицынъ велѣлъ выстроить большіе магазины и въ нихъ имѣть запасы, а также барки, караваны которыхъ могли по рѣкѣ подыматься до Кизильбаша (Kesilbas),—озера, находящагося у подошвы горъ Прагогскихъ (Pragog), гдѣ также были устроены необходимыя для продолженія путешествія удобства.

Спафарій увѣрялъ меня, что онъ совершилъ свое послѣднее путешествіе черезъ Сибирь въ пять мѣсяцевъ, и такъ легко и удобно, какъ въ нашей Европѣ. Я хотѣлъ узнать отъ него всѣ подробности, а также имена рѣкъ, горъ и областей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, но я нашелъ его очень осторожнымъ въ этомъ отношеніи и очень молчаливымъ. Я понялъ хорошо, что если онъ не удовлетворилъ моему любопытству, то только изъ боязни, что если это узнается, его обвинятъ въ томъ, что онъ открылъ что-либо, что они желаютъ держать въ тайнѣ отъ всѣхъ другихъ народовъ, и угожденіе, которое онъ оказалъ мнѣ, объяснивъ мнѣ то, о чемъ я его спрашивалъ, будетъ награждено палочными ударами, отъ которыхъ не избавляютъ въ Московіи никого, начиная съ послѣдняго крестьянина до бояръ. Изъ словъ его я, однако, понялъ, что онъ собирается въ слѣдующемъ своемъ путешествіи найти путь болѣе короткій и удобный. Голландцы, всегда завистливые къ другимъ народамъ, что доказали они всѣми учрежденіями своими на востокѣ, стараясь захватить въ свои руки всемірную торговлю и исключить изъ нея всѣ другіе народы, убѣдили москвитянъ, послѣ паденія Голицына, запретить всѣмъ иностраннымъ купцамъ проѣздъ черезъ русскія владѣнія. Они опасались, что если эта дорога будетъ узнана лучше и по ней откроется легкій проѣздъ, то французы непремѣнно постараются завладѣть ею, станутъ перевозить лучшіе предметы торговли, которые охотно покупаютъ китайцы и татары, отдавая за нихъ свои лучшіе и цѣнные товары; а это со временемъ можетъ нанести значительный вредъ голландской торговлѣ черезъ мысъ Доброй Надежды, Батавію, Малакку и другія мѣста на востокѣ, которыя голландцы отняли

у португальцевъ и англичанъ. Они предвидѣли, что удобство и безопасность сообщенія по сухому пути, разъ навсегда уже установленному, заставитъ всѣхъ иностранныхъ купцовъ предпочесть именно его, чѣмъ видѣть себя подверженными ежедневно бурямъ, неудобствамъ, болѣзнямъ и всякаго рода случайностямъ морскаго пути — не говоря уже о годахъ, которые нужно употребить на такое путешествіе. Такимъ образомъ, благодаря иностранцамъ, могла-бы со временемъ развиться по этому пути обширная торговля. Москвитянъ голландцамъ опасаться было нечего, ибо, какъ это имъ хорошо извѣстно, они слишкомъ мало имѣютъ ума, чтобы добиться чего-либо значительнаго. Кромѣ того, они слишкомъ бѣдны, чтобы покупать драгоцѣнные товары этихъ странъ, а потому они ничего и не будутъ въ состояніи вывозить оттуда, кромѣ небольшаго количества шелку, чаю, деревянныхъ издѣлій и разныхъ бездѣлокъ. Такимъ образомъ, голландцы могутъ быть увѣрены, что москвитяне ни теперь, ни въ будущемъ не въ состояніи будутъ соперничать съ ними въ торговлѣ. Король польскій, спустя нѣсколько лѣтъ, жаловался черезъ своего посланника на это запрещеніе, такъ какъ оно совершенно противорѣчитъ трактату 1686 года, въ которомъ прямо сказано, что подданные короля польскаго могутъ ѣздить по этому пути туда и обратно. Но въ отвѣтъ на это онъ получилъ только то, что такъ приказали цари. Подобный-же отвѣтъ данъ былъ и шведскому королю, посланникъ котораго Фабриціи, для поддержанія всеобщаго мира, заключилъ въ 1686 году съ ними трактатъ, по поводу торговли съ Персіею. Москвитяне полагаютъ, что они дѣлаютъ уже очень многое, разрѣшая польскимъ посламъ ѣздить черезъ ихъ владѣнія въ Персію и доставляя имъ экипажи на всемъ протяженіи до Астрахани.

Польскій король включилъ вышеозначенную статью въ трактатъ 1686 года по просьбѣ іезуитовъ, которые надѣялись пробраться этимъ путемъ въ Китай. Но Голицынъ, не смотря на все свое могущество, не могъ, однако-же, доставить разрѣшеніе позволенія тѣмъ іезуитамъ, которыхъ графъ Сири, посланникъ польскій въ Персіи, привезъ съ собою въ Москву въ 1688 г., съ просьбою короля объ облегченіи имъ пути въ Китай; дѣло въ томъ, что голландскій посланникъ въ Москвѣ, дѣйствуя въ духѣ своей націи, немедленно далъ подъ рукою знать москви-

янамъ, что въ числѣ 12-ти польскихъ іезуитовъ находятся . Авриль и Бовилье, французы, которыхъ христіаннѣйшій ко-оль посылаетъ будто-бы развѣдать о пути въ Китай. Послѣ того эти варвары объявили польскому посланнику, что онъ ожетъ взять съ собою въ Персію подданныхъ польскаго короля, но что касается до французовъ, король которыхъ оскорбилъ царскаго посла, то имъ не будетъ никакой милости, кромѣ той, что они могутъ ѣхать обратно дорогою, которою пріѣхали въ Москву. По возвращеніи ихъ въ Польшу, король польскій пре-проводилъ ихъ въ Царьградъ. Но можно надѣятся, что по заклю-ченіи мира, который принесетъ королю Франціи столько-же, а быть можетъ и еще болѣе славы, нежели заключенные раньше, ему легко будетъ принудить москвитянъ разрѣшить его подданнымъ учредить торговый путь съ Китаемъ.

Перев. съ франц. **А. И. Браудо.**

Домъ временъ Іоанна Грознаго

въ городѣ Гороховцѣ.

Въ городѣ Гороховцѣ, Владимірской губ., существуютъ два древнихъ дома, замѣчательныхъ по архитектурѣ и устройству, въ которыхъ, по мѣстному преданію, останавливался царь Иванъ Васильевичъ Грозный и которые принадлежатъ одному изъ мѣстныхъ жителей. Одинъ изъ этихъ домовъ уже перестроенъ, это-же ожидаетъ, конечно и другой домъ, и такимъ образомъ эти драгоцѣнные памятники старины будутъ уничтожены, а мы, къ сожалѣнію, не можемъ похвастать избыткомъ старинныхъ сооруженій, чтобы такъ небрежно относиться къ немногимъ еще уцѣлѣвшимъ.

Конечно, отъ частнаго лица нельзя требовать сохраненія такихъ драгоцѣнностей: не всякій имѣетъ возможность и не всякій знаетъ ихъ цѣну; такому городу, какъ Гороховецъ, также нельзя взять на себя сохраненіе драгоцѣнной старины, но мнѣ казалось-бы, что Московскому археологическому обществу слѣдовало-бы тѣмъ или другимъ способомъ, хотя-бъ напр. пріобрѣтеніемъ этого дома, не допустить его до уничтоженія.

Мнѣ кажется, что въ случаѣ нужды нашлись бы даже любители, которые бы не отказались внести свою посильную лепту для спасенія этого дѣйствительно цѣннаго памятника русской старинной архитектуры и зодчества.

Леонидъ Мих. Савеловъ.

НИКИТА ПАНИНЪ и МЕРСЬЕ де ЛА-РИВЬЕРЪ

(1762 - 1767).

Они родились, выросли и возмужали при условіяхъ разныхъ до противоположности: одинъ въ Россіи—другой во Франціи; Панинъ былъ шляхетскаго происхожденія, не родовитаго—Ла-Ривьеръ былъ аристократъ pur sang; Панинъ жилъ нѣсколько лѣтъ заграницею, гдѣ много изучалъ, ко всему присматривался, многое заимствовалъ — Ла-Ривьеръ покидалъ родину только для того, чтобъ распространить за предѣлами Франціи ея новыя идеи. Ихъ взгляды, убѣжденія, вкусы были настолько различны, что только проницательная воля Екатерины II могла привести ихъ къ взаимной перепискѣ, и именно въ то время, когда русскій Панинъ не потерялъ еще надежды ограничить власть императрицы, французъ Ла-Ривьеръ признавалъ монархію единственно разумною формою правленія.

Переписка Никиты Панина и Мерсье де Ла-Ривьера хранится въ нашемъ государственномъ архивѣ [1]) до настоящаго времени неизданною и никѣмъ не разработанною. Это вполнѣ понятно: взятая сама по себѣ, переписка эта не только не представляетъ особеннаго интереса, но, касаясь чисто личныхъ пререканій, можетъ повести лишь къ ложнымъ представленіямъ. Эта переписка получаетъ, однако, совершенно иное освѣщеніе, при ближайшемъ знакомствѣ съ ея авторами и съ тѣми цѣлями, которыя каждый изъ нихъ признавалъ въ данный моментъ главною задачею своей жизни.

[1]) Госуд. Арх., разр. XI, № 686.

I.

Современники, лично знавшіе Никиту Ивановича Панина, императрица Екатерина II и даже самъ Панинъ единогласно свидѣтельствуютъ [1]), что именно Панину принадлежитъ мысль о реформѣ „государственнаго установленія". Какъ всегда и вездѣ, недовольныхъ настоящимъ было много, но одинъ только Панинъ ясно сознавалъ направленіе этой реформы и довольно точно опредѣлилъ себѣ ея задачи. Двѣнадцать лѣтъ, проведенныя имъ въ Стокгольмѣ, не пропали для него даромъ. Шведскій „періодъ свободы", эпоха шляхетской демократіи, когда Швеція была „аристократическою республикою съ жалкимъ подобіемъ короля", не могла не произвести на Панина извѣстнаго впечатлѣнія. По возвращеніи изъ Стокгольма, разница между Швеціею и Россіею бросалась Панину въ глаза: ему уже невыносимо холопство вельможъ, его коробитъ „наглость" Шуваловыхъ, его оскорбляютъ капризы временщиковъ. Осторожный до скрытности, ни предъ кѣмъ не высказывавшій своихъ политическихъ убѣжденій, Панинъ выжидалъ случая, и когда, еще при жизни Елисаветы Петровны, обсуждался вопросъ о престолонаслѣдіи, указывалъ на необходимость государственныхъ реформъ, причемъ, говорятъ, предъ нимъ рисовался, какъ образецъ, государственный строй Швеціи.

Неужели, однако, Швеція можетъ быть образцемъ для Россіи? При сравненіи обѣихъ странъ, неужели Панина не поражали отличія, рѣзкія, бросающіяся въ глаза, между государственнымъ развитіемъ Швеціи и Россіи?

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXV, 415; Сегюра записки, Спб. 1865 г. стр. 18, Laveaux, I, 248; Goudar, 33; Rulhière, 67; Asseburg, 317; Бильбасовъ, I, 610. Подробное изученіе записокъ гр. Сегюра не оставляетъ сомнѣнія, что онѣ составлены подъ сильнымъ вліяніемъ взглядовъ Екатерины относительно такихъ русскихъ дѣятелей, какъ напр. Панинъ, умершій въ 1783 году, за два года до пріѣзда Сегюра въ Россію. То обстоятельство, что княгиня Дашкова не опровергла приписываемыхъ ей взглядовъ, объясняется лестнымъ для нея отзывомъ: la princesse devait à son genie une violente horreur de l'esclavage. Гораздо важнѣе умолчаніе самого Панина: его разсказъ, записанный Ассебургомъ, относится къ тому времени, когда подобныя упоминанія могли повести къ серьезнымъ для него послѣдствіямъ. Само собою, однако, разумѣется, что никакихъ „кондицій" редижировано не было и никакіе „grands de l'Empire" въ этомъ не участвовали. Самая мысль возможна, но облечена въ форму невѣроятную. Не называемый гр. Сегюромъ „хитрый и смѣлый министръ" есть Н. И. Панинъ, нарисованный со словъ Екатерины II.

Какъ и Россія, Швеція была страною по преимуществу земледѣльческою; какъ и въ Россіи, въ Швеціи не развилась городская жизнь, такъ какъ земли было много, рукъ мало, и торговля ограничивалась вывозомъ сыраго матерьяла, а промышленность оставалась кустарною. Но этимъ сходство двухъ сосѣднихъ странъ вполнѣ исчерпывалось. Самое географическое положеніе Швеціи благопріятствовало развитію свободной политической жизни. Со всѣхъ сторонъ защищенная горами и пустыми пространствами, Швеція не подвергалась непріятельскимъ вторженіямъ, и государственное устройство ея не зависѣло ни отъ войны, ни отъ посторонняго вліянія, иногда, какъ въ Россіи, насильственнаго. Этого, однако, мало: было различіе еще болѣе рѣзкое между Швеціею и Россіею, заключавшееся въ особомъ, только Швеціи свойственномъ, устройствѣ сословій. Въ западно-европейскихъ государствахъ только три сословія играли политическую роль: духовное, дворянское и городское; только эти сословія посылали своихъ представителей на сеймъ, только они ограничивали королевскую власть. Крестьянское-же сословіе, вездѣ наиболѣе многочисленное, нигдѣ не составляло особой политической корпораціи, кромѣ Швеціи; только въ Швеціи крестьянство составляло особое сословіе, четвертое. Такъ какъ шведское государство возникло не завоеваніемъ, то его низшее четвертое сословіе никогда не находилось въ состояніи рабства, никогда не должно было бороться, захватывать, тѣмъ или инымъ путемъ добывать себѣ гражданскія и политическія права.

Понятно, что и устройство „верховныхъ правительствъ", какъ выражается Панинъ, должно быть въ Швеціи совсѣмъ иное, чѣмъ въ Россіи. Носителями верховной власти въ Швеціи признавались земскіе чины; король обязанъ утвердить рѣшеніе, принятое земскими чинами; король управляетъ государствомъ лишь съ согласія государственнаго совѣта, зависимаго отъ земскихъ чиновъ [1]). Въ Россіи государственное устройство развивалось и росло совершенно инымъ путемъ [2]).

---

[1]) Nordenflycht, Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Berlin, 1881 г. Авторъ баронъ Норденфлихтъ — шведскій аристократъ-консерваторъ; онъ стоитъ за олигархію, за аристократію, и его государственный идеалъ витаетъ между Густавомъ-Адольфомъ и Акселемъ Оксенштерномъ. Эта партійность автора отразилась на книгѣ, отличающейся, однако, большими достоинствами.

[2]) Записка „Объ устройствѣ Верховныхъ Правительствъ въ Россіи", поданная императору Александру I въ 1816 году (рукопись); Ивановъ, Историческое обозрѣніе мѣстъ и учрежденій. Москва, 1850 г.; Вицынъ, Краткій очеркъ управленій въ Россіи. Казань, 1855 г.

При особѣ русскихъ государей существовали для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ особыя палаты: большая, малая, золотая, отвѣтная и передняя. Патріарху и митрополитамъ принадлежало первое, по государѣ, мѣсто; за ними слѣдовали родственники царя и прочіе бояре. Дѣла вершились словесно; ни журналовъ, ни протоколовъ не составлялось. Постановленія палатъ, подъ наименованіемъ указовъ, отъ имени какъ царя, такъ и бояръ, составлялись и разсылались къ исполненію дьяками, и за ихъ только подписью. Эти-то палаты и составляли „верховное правительство". Имъ подчинены были разряды и приказы для военныхъ и другихъ дѣлъ. Всѣ эти присутственныя мѣста находились въ Москвѣ. Внутри государства, раздѣленнаго на обширныя области, и по окраинамъ дѣлами правили воеводы и окольничіе, имѣвшіе власть судебную и полицейскую. Воеводы, при помощи дьяковъ и подьячихъ, вершили тяжебныя дѣла, собирали доходъ, наказывали преступленія.

Таково, въ общихъ чертахъ, государственное управленіе допетровской Руси. Въ 1697 году, отправляясь въ первое заграничное путешествіе, Петръ I учредилъ „временное верховное правительство" все еще изъ бояръ. Только по возвращеніи Петра изъ заграницы, въ 1700 году, начались государственныя реформы и, прежде всего, упорядоченіемъ системы государственныхъ доходовъ: въ Москвѣ было учреждено особое присутственное мѣсто для пріема и выдачи государственной казны, состоявшее изъ президента и бургомистровъ, по выбору изъ купеческихъ людей [1]). Имъ подчинены были бургомистры всѣхъ другихъ городовъ и всѣ сборы были изъяты изъ вѣдѣнія воеводъ. За этою первою реформою, до 1711 г., несмотря на жестокую и крайне опасную войну, слѣдовали почти ежегодно новыя учрежденія правительственныхъ мѣстъ по военнымъ, морскимъ и другимъ государственнымъ отраслямъ, при чемъ государство раздѣлено было на восемь губерній, съ извѣстнымъ числомъ провинцій и уѣздовъ; въ губерніяхъ назначены губернаторы и губернскія правленія, въ провинціяхъ—воеводы и провинціальныя канцеляріи, въ уѣздахъ—ландраты и комиссары, въ городахъ—коменданты и ратуши.

Въ это время прежнія палаты совершенно исчезли. Важныя дѣла Петръ поручалъ новымъ лицамъ, пользовавшимся его довѣ-

[1]) Этотъ мотивъ вполнѣ разъясненъ въ указѣ отъ 30 сентября 1700 года: „А буде въ какомъ городѣ какихъ доходовъ не доберутъ и сполна не вышлютъ, и тѣ деньги имать на выборныхъ людяхъ, кто ихъ бурмистровъ выбиралъ, для того, что они тотъ недоборъ учинятъ за ихъ выборомъ". П. С. Зак., № 1813.

ріемъ; эти лица носили званіе министровъ и составляли такъ называемую „Ближнюю Канцелярію“ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Ближней Канцеляріи предсѣдательствовалъ самъ Петръ, ея засѣданія назывались „консиліи“.

Въ 1711 году, въ виду предстоявшаго, по случаю турецкой войны, отсутствія государя, былъ учрежденъ, вмѣсто прежняго верховнаго правительства изъ бояръ, „Управительный Сенатъ“ изъ восьми сенаторовъ. Отъ сенаторовъ была взята присяга на вѣрность государю и государству, но сенату не было дано ни учрежденія, ни наказа, ни даже инструкціи. Сенату поручались самыя разнообразныя дѣла, иногда даже довольно ничтожныя, въ родѣ присмотра за домами лицъ, сопровождавшихъ государя; между тѣмъ, на существовавшую еще Ближнюю Канцелярію возлагались важныя дѣла по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Не было даже опредѣленнаго времени для собраній сената и лишь въ 1716 году повелѣно ему собираться три раза въ недѣлю; только въ 1719 году повелѣно и въ 1721 году подтверждено, чтобъ всѣ мѣста и лица, получающія высочайшіе указы и повелѣнія, вносили ихъ прежде обнародованія въ сенатъ. Неудивительно, поэтому, что въ первое время сенатъ нерѣдко получалъ отъ Петра знаки его неудовольствія: сохранились указы, въ которыхъ сенату предписывается воздержаться „отъ старыхъ глупостей“, не говорить въ засѣданіяхъ „лишнихъ словъ“, кромѣ дѣла, „не перебивать рѣчей“ и т. под.

Одновременно съ сенатомъ, въ 1711 году, учреждены должности оберъ-фискаловъ и фискаловъ. Они должны завѣдывать и доносить сенату о всѣхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ по казеннымъ дѣламъ и, не зря на лица, уличать предъ сенатомъ всякаго, кто неправду учинитъ. Въ 1714 году учреждены фискалы въ губерніяхъ, по четыре въ каждой, особенно-же „для безгласныхъ дѣлъ, въ которыхъ нѣтъ истца“. Позже они обратились въ прокуроровъ, оберъ-прокуроровъ и генералъ-прокурора.

Всѣ эти мѣры не привели, однако, къ желаемымъ результатамъ. Новое вино разливалось въ старые мѣха: невѣжество и самовластіе, унаслѣдованныя отъ прежняго образа правленія, извращали всѣ дѣла въ новыхъ учрежденіяхъ. Въ виду этого была принята чрезвычайно важная мѣра: указомъ 1714 года было повелѣно всѣ рѣшенія, какъ въ сенатскихъ, такъ и въ губернскихъ учрежденіяхъ,

---

[1]) „Министрамъ, которымъ бываетъ съѣздъ въ Ближнюю Канцелярію, съѣзжаться во вся недѣли въ 3 дни, въ понедѣльникъ, въ среду, въ пятокъ“. П. С. З. №№ 2188, 2218.

производить протоколами „не одному лицу, а всѣмъ, опредѣлен
къ тому дѣлу“. Такъ былъ установленъ коллегіальный поря
веденія дѣлъ еще до учрежденія коллегій.

Безпристрастно всматриваясь въ положеніе дѣлъ того врем
должно признать, что эта мѣра спасла петровскую реформу.
и въ настоящее время не часто встрѣчаются лица, соединяющ
способность, и знаніе, и честность, то въ началѣ XVIII вѣка, ко
большинство относилось къ нововведеніямъ съ недовѣріемъ, нерѣ
съ враждебностью, только формами коллегіальнаго порядка,
рѣшеніи дѣлъ самыхъ маловажныхъ, можно было соединить раз
мысліе, обезсилить злонамѣреніе, руководить незнаніе; только со
купное сужденіе всѣхъ лицъ исправляло пристрастіе и недостат
каждаго въ отдѣльности. Этимъ указомъ 4-го апрѣля 1714 го
запрещалось „подъ смертною казнью“ секретарямъ и дьяка
всѣхъ мѣстъ, отъ сената до послѣдней канцеляріи, крѣпить
посылать указы къ исполненію прежде подписи протокола всѣ
членами. Угроза смертною казнью лучше всего свидѣтельствует
какую необузданную власть имѣли секретари и дьяки при не
жествѣ своихъ принципаловъ.

Самъ Петръ всѣ упованія свои возлагалъ только на коллеги
Сенатъ учрежденъ какъ-бы временно, на случай отсутствія го
даря; сенату не дано прочнаго учрежденія; объ учрежденіи
коллегій Петръ заботился задолго до ихъ открытія, собиралъ св
дѣнія, обсуждалъ подробности, выписывалъ иностранцевъ.

Еще въ апрѣлѣ 1715 года Петръ требуетъ отъ своего посл
при датскомъ дворѣ прислать ему печатные или писанные устав
всѣхъ коллегій, инструкціи для всѣхъ членовъ, также должност
и чины земскихъ и прочихъ правителей и все, что къ тому надл
житъ, „ибо мы слышали, что и шведы отъ нихъ взяли“. Въ соб
ственноручной запискѣ по этому поводу сказано: „писать въ Копен
гагенъ, чтобъ прислать весь Анштальтъ экономіи государства Дат
скаго, а именно уложеніе гражданское и воинское, сколко кол
легіумъ, что каждой должность, сколко персонъ въ коллегіи каж
дой, какое жалованье кому, какіе ранги между себѣ, и прочее вс
отъ большаго до малаго“. Въ ноябрѣ, Петръ пишетъ посланному
въ Данію Ягужинскому, чтобъ онъ вмѣстѣ съ русскимъ министромъ
въ Копенгагенѣ постарался пригласить въ каждую коллегію по
„достойному члену“, не старыхъ лѣтъ, чтобъ могли „россійскому
языку научиться“, прибавляя: „а безъ того по однимъ книгамъ

[1]) П. С. З., № 2791.

нельзя будетъ дѣлать, ибо всѣхъ аргументацій никогда не пишутъ". Въ декабрѣ, Петръ поручаетъ ему-же достать экономическія учрежденія Швеціи, присовокупляя: „и держите сіе тайно". Въ 1717 г., путешествуя заграницею, Петръ самъ присматривается къ коллегіямъ; въ 1718 г. пишетъ регламенты; 28-го апрѣля 1718 года издаетъ указъ объ учрежденіи коллегій, въ іюнѣ назначаетъ личный составъ и, указомъ 12-го декабря, опредѣляетъ годовой срокъ для подготовки: „въ коллегіяхъ дѣла заправлять въ будущемъ 1719 году старымъ, а въ 1720 г. новымъ манеромъ, понеже новымъ манеромъ еще не управились [1]).

Учрежденіемъ коллегій управленіе государственными дѣлами приведено было въ извѣстный порядокъ, котораго въ сенатѣ, гдѣ всѣ дѣла были смѣшаны, не могло быть. Теперь сенатъ получилъ иное назначеніе: особымъ указомъ, президентамъ коллегій повелѣно было засѣдать въ сенатѣ, вслѣдствіе чего сенатъ сталъ общимъ присутствіемъ коллегій, средоточіемъ всѣхъ дѣлъ, весьма важнымъ и полезнымъ для сохраненія необходимой связи и для согласованія различныхъ частей. Сенатъ, однако, не могъ правильно функціонировать: президентомъ его былъ самъ государь, не имѣвшій возможности постоянно присутствовать въ сенатѣ, вслѣдствіе чего явилось медленное отправленіе дѣлъ, повлекшее за собою дальнѣйшее измѣненіе сената.

Первоначально эта медленность была приписана, вмѣсто настоящей ея причины, тому, что президенты коллегій, занятые своимъ дѣломъ, не имѣли времени засѣдать въ сенатѣ и, указомъ 12-го января 1722 года, личный составъ сената былъ измѣненъ [2]): въ немъ должны были засѣдать, вмѣсто президентовъ коллегій, вновь назначенные вторые президенты, неуправлявшіе коллегіями, но носившіе только званіе президентовъ и съ дѣлами вовсе незнакомые. Въ этомъ-же году учреждена была при сенатѣ должность генералъ-прокурора и опредѣлены обязанности сената: сенатъ является верховнымъ мѣстомъ въ порядкѣ законодательномъ (изданіе новыхъ законовъ, отмѣна или толкованіе прежнихъ), судебномъ (правосудіе по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ) и исполнительномъ (власть надъ коллегіями, конторами и канцеляріями). Въ этомъ смѣшеніи властей заключалась непрочность установленія сената и корень тѣхъ перемѣнъ, которымъ онъ почти безпрерывно былъ подверженъ.

---

[1]) П. С. З., №№ 3197, 3205, 3207, 3255.
[2]) П. С. З., № 3877.

Замѣна президентовъ коллегій въ сенатѣ новыми членами, носившими лишь званіе президентовъ, но коллегіями не управлявшими, только усилило антагонизмъ между сенатомъ и коллегіями: однимъ и тѣмъ-же дѣломъ управляли теперь два мѣста: сенатъ и коллегія; оба они должны были рѣшать на основаніи однихъ и тѣхъ-же законовъ и регламентовъ; вслѣдствіе чего, коллегія, избѣгая отвѣтственности, часто спрашивала разрѣшенія сената, а сенатъ, по тому-же побужденію, предписывалъ коллегіи „поступать *по* законамъ".

Наконецъ, должность генералъ-прокурора только въ слабой степени могла исправить обнаружившіеся безпорядки, такъ какъ одному лицу невозможно услѣдить за всѣмъ разнообразіемъ дѣлъ и охранить общественную пользу отъ ошибокъ невѣжества и ухищреній корыстолюбія. Самое званіе генералъ-прокурора, чрезъ руки котораго проходили всѣ дѣла въ сенатѣ, приближало его къ государю болѣе всѣхъ другихъ министровъ и давало ему столь сильный перевѣсъ, что мнѣніе его одного становилось общимъ мнѣніемъ сената. Форма коллегіальнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ сенатѣ служила только къ приданію большей важности волѣ и мнѣніямъ генералъ-прокурора, къ оправданію его предъ государемъ.

Кромѣ сената и коллегій, въ это-же время продолжалъ собираться и кабинетъ, въ который Петръ I призывалъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ для совѣщаній по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ.

Съ кончиною Петра I недостатки управленія обнаружились еще яснѣе. Не постигая, однако, коренной причины слабости правленія, въ которомъ „власти не поставлены въ свойственный имъ порядокъ и одна другую пересѣкаютъ, противорѣчатъ и тѣмъ ослабляютъ", преемники Петра Великаго приступили не къ упорядоченію самого сената, а къ учрежденію верховныхъ правительствъ надъ сенатомъ.

Въ 1726 же году былъ учрежденъ „верховный тайный совѣтъ", причемъ сенату повелѣно именоваться „высокимъ", а уже не „правительствующимъ". Въ 1730 году, послѣ „ . . . . . скандала", разыгранаго верховнымъ тайнымъ совѣтомъ при воцареніи Анны Ивановны, указомъ отъ 4-го марта, какъ верховный совѣтъ, такъ и высокій сенатъ были уничтожены и правительствующій сенатъ возстановленъ съ прежнимъ званіемъ и властію [1]), но не надолго. Власть была уже настолько обезсилена, что черезъ какой-нибудь

---

[1]) П. С. З., № 5,510.

годъ, въ 1731 году, верховный тайный совѣтъ вновь воскресъ подъ наименованіемъ „кабинета“, вслѣдствіе чего правительствующій сенатъ опять потерялъ свое значеніе. Отъ учрежденія верховнаго тайнаго совѣта и кабинета „произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло“ [1]). Елизавета Петровна возстановила правительствующій сенатъ въ прежней силѣ, но при этомъ учредила „конференцію“ для совѣщанія по важнымъ внѣшнимъ дѣламъ, а въ 1756 году этой конференціи повелѣно „отправлять всякаго рода внутреннія и военныя дѣла, посылая во всѣ мѣста, не исключая и сената, экстракты изъ своихъ протоколовъ [2])“. Другими словами: конференція по внѣшнимъ дѣламъ обращена въ верховный тайный совѣтъ, въ кабинетъ. Такимъ образомъ, власть правительствующаго сената опять, уже въ третій разъ, была ограничена и стѣснена.

Вотъ тѣ фактическія данныя, которыя Панинъ могъ представлять Екатеринѣ II, въ доказательство необходимости произвесть коренную реформу въ государственномъ строѣ Россіи. Данныя, слова нѣтъ, серьезныя, и Екатерина признала необходимость реформы.

Конечно, съ согласія Екатерины, но, вѣроятно, по настоянію Панина, въ манифестѣ отъ 6-го іюля о восшествіи на престолъ было объявлено: „наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ-бы правительство любезнаго Нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло“ [3]). На Панина, конечно, и было „возложено“ составить проектъ такихъ „государственныхъ установленій“, и въ іюлѣ-же, во всякомъ случаѣ, не позже августа [4]), т. е. мѣсяцъ спустя послѣ воцаренія

---

[1]) П. С. З., № 8480, отъ 12-го декабря 1741 года.

[2]) П. С. З., № 10,621, отъ 5-го октября 1756 года.

[3]) „Архивъ Сената“, т. 102, л. 24; „Санктпетербургскія Вѣдомости“ за 1762 г., № 55; Указы Екатерины II, 14; Осьмнадц. Вѣкъ, IV, 222; Госуд. Архивъ, разр. III, № 23; П. С. З., № 17,759.

[4]) Госуд. Архивъ, разр. X, № 4. Проектъ Панина, составленный въ формѣ манифеста для обнародованія, подписанъ Екатериною 28-го декабря 1762 года (л. 10); но уже въ августѣ, въ манифестѣ о возвращеніи гр. А. П. Бестужеву-Рюмину прежнихъ достоинствъ, сказано было: „жалуемъ его первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ Нашемъ императорскаго совѣта“ (Сборникъ, VII, 143). Слѣдовательно, въ августѣ учрежденіе императорскаго совѣта было

Екатерины, Панинъ представилъ обширный, очевидно, заран обдуманный, если не вполнѣ изготовленный, проектъ, касавшій реформы верховнаго правительства.

Проектъ Панина распадается на двѣ части, совершенно сам стоятельныя: объ учрежденіи императорскаго совѣта и о раздѣлен сената на департаменты. Въ обѣихъ частяхъ нѣтъ ничего новаг ничего оригинальнаго.

Вторая часть показываетъ, что Панинъ вѣрно понялъ коре неустойчивости сената, точно опредѣлилъ мѣры для упорядочен лучшаго изъ петровскихъ учрежденій; но эти-же мѣры предпол гались и 30 лѣтъ назадъ [1]), съ тою лишь разницею, что тог находили необходимымъ раздѣлить сенатъ на пять департаментов теперь — на шесть, тогда назначалось въ каждый департамент „четыре или пять“ членовъ, теперь — „не меньше пяти“. Един ственное отличіе, но весьма характерное, въ проектѣ Панина за ключалось въ предоставленіи сенату „имѣть свободность нам представлять и на Наши собственныя повелѣнія, ежели они в исполненіи своемъ могутъ касаться или утѣснить Наши государ ственные законы или народа Нашего благосостояніе“.

Первая-же часть проекта является не болѣе, какъ реставра ціею учрежденія, доказавшаго уже, и не разъ, полную свою непри годность: императорскій совѣтъ есть не что иное, какъ тотъ-же верховный тайный совѣтъ, тотъ-же кабинетъ, та-же конференція, только подъ другимъ названіемъ.

По проекту Панина, императорскій совѣтъ состоитъ изъ импе раторскихъ совѣтниковъ, „число коихъ никогда восми превосхо дить и менше шести умалиться не должно“ (§ 1); четверо изъ этих совѣтниковъ назначаются статсъ-секретарями по дѣламъ иностран нымъ, внутреннимъ, военнымъ и морскимъ (§ 2). Всѣ дѣла, при надлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монар шей самодержавной власти Нашему собственному попеченію и рѣ шенію, словомъ, все то, что служить можетъ къ собственному само державнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи госу дарственномъ, имѣетъ быть въ Нашемъ императорскомъ совѣтѣ, яко

уже какъ-бы предрѣшено. Можно догадываться, что это предрѣшено *было* еще въ іюлѣ: въ проектѣ Панина говорится объ обѣщаніи новыхъ государственныхъ установленій“, заявленныхъ въ іюлѣ (Госуд. Архивъ, l. c., л. 2).

[1]) См. указъ отъ 1-го іюня 1730 года, напечатанный въ П. С. З., № 5570. Указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Не приняла Екатерина и проекта Панина, но позже, преобразовывая сенатъ, Екатерина воспользовалась и указомъ 1730 года, и проектомъ Панина.

у Насъ собственно" (§ 4). „Но чтобъ содержащееся въ предъидущемъ параграфѣ имѣло въ производствѣ надобную форму и порядокъ, чѣмъ-бы добрый государь, при его попеченіи и безпристанныхъ и великихъ трудахъ, ограничивалъ себя въ ошибкахъ, свойственныхъ человѣчеству, то Мы, раздѣляя сіи Наши дѣла на четыре департамента, опредѣлили къ каждому изъ нихъ по особливому статскому секретарю, которые секретари должны быть Нашею живою запискою рачительному государю принадлежащаго точнаго свѣдѣнія о установленіяхъ и состояніи всѣхъ вещей, составляющихъ дѣла, порядокъ и положеніе государства всего, въ чемъ каждый по своему департаменту и заимствуетъ часть Нашего собственнаго попеченія. Императорскій-же совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ Мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до Насъ, яко до государя, дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣлены между тѣми статскими секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, вырабатывать, въ ясность приводить, Намъ въ совѣтѣ предлагать и по нихъ отправленіе чинить по Нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ" (§ 5). „Сей совѣтъ собирается каждый день, кромѣ субботы, воскресныхъ и праздничныхъ дней, когда только дѣло есть, въ особливомъ къ тому назначенномъ аппартаментѣ у двора Нашего. Тутъ, въ присутствіи Нашемъ, каждый статскій секретарь по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и высочайшему императорскому рѣшенію. А совѣтники императорскіе своимъ мнѣніемъ и разсужденіями оныя оговариваютъ и Мы Нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ Нашу послѣднюю резолюцію" (§ 8).

Будучи великою княгинею и даже императрицею, но не имѣя еще власти, Екатерина, быть можетъ, молчаливо выслушивала мнѣнія Панина о государственномъ строѣ; теперь, ставъ самодержицею, она читала, перечитывала и другимъ давала читать этотъ проектъ Панина. Замѣчательно, что проектированный Панинымъ императорскій совѣтъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія [1]): одни

[1]) Въ Госуд. Архивѣ хранятся два мнѣнія о проектѣ, неизвѣстно кѣмъ представленныя: а) краткій отзывъ, съ предложеніемъ измѣнить введеніе въ манифестъ (л. 45), и б) болѣе подробный, съ присоединеніемъ семи замѣчаній на различные параграфы проекта (лл. 46 — 56). Оба эти мнѣнія изданы въ Сборникѣ, VII, 217. Третье, извѣстное намъ, мнѣніе принадлежитъ фельдцейхмейстеру Вильбоа. Оно напечатано Blum, Des Grafen Sievers Denkwürdigkeiten, Leipzig, 1857, I, 144; небольшіе отрывки его переведены Соловьевымъ, XXV, 182; Корсаковъ, Сторонники Екатерины

отнеслись къ нему вполнѣ равнодушно, другіе прямо назвали эт
совѣтъ настоящимъ именемъ—императорскимъ верховнымъ тайн
совѣтомъ, третьи, наконецъ, высказались довольно рѣзко прот
проекта.

„Не знаю, кто составитель этого обширнаго проекта, пише
фельдцейхмейстеръ Вильбоа, но мнѣ кажется, какъ будто о
подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется бо
къ аристократическому правленію. Вліятельные члены обязате
наго и государственнымъ закономъ установленнаго императорск
совѣта (особенно если они обладаютъ достаточнымъ къ тому св
воліемъ, честолюбіемъ и смышленностью) весьма удобно могу
вырости въ соправителей. По крайней мѣрѣ, если есть намѣре
къ такому переустройству, то императорскій совѣтъ представляет
первымъ къ тому шагомъ, а такое преобразованіе неминуемо пр
вело-бы къ разрушенію могущества и величія Россійской импер

„Мудрость императрицы позволяетъ не опасаться этого; е
намѣренія направлены къ прочному процвѣтанію имперіи и о
конечно, легко устранить все, изъ чего въ будущемъ могли-
произойти вредныя послѣдствія. Ея благоразуміе и ея свѣтлы
взглядъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ „совѣтѣ", но е
здоровье требуетъ облегченія отъ несносной тягости восходящих
до нея неразслѣдованныхъ дѣлъ. Этому, кажется, могло-бы вполн
помочь раздѣленіе ея личнаго кабинета на необходимые департа
менты, притомъ такъ, чтобъ только извѣстные, закономъ устано
ленные, доклады представлялись ей самой, и чтобъ въ каждом
департаментѣ предсѣдательствовалъ статсъ секретарь или каби
нетъ-секретарь. Эти секретари должны принимать входящія бумаг
нумеровать ихъ, вести протоколы входящихъ и исходящихъ бумагъ
докладывать ихъ въ точно опредѣленные часы, оформливать резо
люціи императрицы по каждому докладу, подносить къ высочай
шему подписанію и затѣмъ, безъ замедленія, приводить въ исполненіе.

„Если эти секретари, необремененные никакою другою долж
ностью, будутъ обладать здравымъ смысломъ, добрымъ нравомъ,

въ „Истор. Вѣст.", XV, 244. Мы приводимъ полный переводъ мнѣнія Вильбоа,
наиболѣе серьезнаго изъ всѣхъ. Издатель не объясняетъ, откуда получилъ
онъ это мнѣніе: печатаетъ-ли онъ его цѣликомъ или въ извлеченіи, словомъ,
не представляетъ никакихъ данныхъ для сужденія объ этомъ важномъ доку-
ментѣ. Можно, однако, догадываться, что мнѣніе Вильбоа было первона-
чально составлено на французскомъ языкѣ и переведено издателемъ на
нѣмецкій. Есть также нѣкоторое основаніе предполагать, что издатель, при
переводѣ, измѣнилъ внѣшнюю форму, при чемъ, быть можетъ, пострадало
нѣсколько и содержаніе.

честнымъ направленіемъ и скромностью, если всѣ они будутъ знать законы имперіи и каждый изъ нихъ будетъ обладать достаточными познаніями по управляемому имъ департаменту, то императрица, вмѣсто тягости, найдетъ развлеченіе и забаву въ самомъ порядкѣ и разнообразіи докладываемыхъ дѣлъ. Потребности бѣдныхъ и удрученныхъ, несправедливости и безпорядки надежнѣе дойдутъ до нея чрезъ департаменты; всякій подданный будетъ доволенъ, увѣренный, по крайней мѣрѣ, что имъ управляютъ не безъ вѣдома императрицы и что онъ во всякое время можетъ прибѣгнуть къ ея защитѣ. Въ этомъ случаѣ тѣ присутственныя мѣста, изъ которыхъ проектъ предполагаетъ назначить императорскихъ совѣтниковъ, не лишатся своихъ предсѣдателей или членовъ и не понесутъ, поэтому, никакого упущенія; императрица-же, всякій разъ какъ пожелаетъ, можетъ обращаться за совѣтами къ любому изъ наиболѣе способныхъ военныхъ или гражданскихъ дѣятелей; между тѣмъ, какъ при установленіи императорскаго совѣта императрица ограничена совѣтомъ извѣстныхъ лицъ, облеченныхъ званіемъ императорскихъ совѣтниковъ.

„Равнымъ образомъ, въ этомъ случаѣ и сенатъ не будетъ имѣть никакого повода къ неудовольствіямъ, къ зависти и ревности, которыя неминуемо явятся по учрежденіи императорскаго совѣта, какъ-бы проектъ ни подтверждалъ и ни выставлялъ преимуществъ сената. Раздѣленіе-же сената на различные департаменты — превосходно и въ значительной степени облегчитъ производство дѣлъ. Только число сенаторовъ, какъ въ каждомъ департаментѣ, такъ и въ общемъ собраніи, представляется слишкомъ большимъ: чѣмъ болѣе лицъ, тѣмъ болѣе различныхъ взглядовъ, страстей, партій, раздоровъ и, вслѣдствіе того, тѣмъ менѣе справедливости и тѣмъ медленнѣе производство [1]). Три, четыре самое большое, въ каждомъ департаментѣ—неужели совокупность ихъ ума, знанія и способностей не будетъ достаточна, чтобы сдѣлать даже болѣе того, что отъ нихъ можетъ потребоваться? Самое важное при этомъ—удачный выборъ генералъ-прокурора и секретарей для такого собранія.

---

[1]) Неизвѣстный русскій не призналъ число сенаторовъ слишкомъ большимъ, но считалъ долгомъ замѣтить по поводу 30-ти сенаторовъ: „Но притомъ потребно недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобъ самодержавную власть, подобно уздѣ, изъ рукъ не выпускать, какъ уже при избраніи не по крови, но Богомъ и народомъ, въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Анны Іоанновны, оная въ немаломъ потрясеніи и колебаніи была“. „Государственный Архивъ“, l. c., т. 48.

„Впрочемъ, русскій государь необходимо долженъ обладать неограниченною властью. Императорскій-же совѣтъ, напротивъ, слишкомъ ужъ приближаетъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“...

Какими побужденіями ни руководствовался-бы Вильбоа, Екатерина не нуждалась въ напоминаніи, что „русскій государь необходимо долженъ обладать неограниченною властью“. Конечно, императорскій совѣтъ Панина не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ совѣтомъ Швеціи: государственный совѣтъ зависитъ отъ земскихъ чиновъ, которыхъ нѣтъ въ Россіи; императорскій совѣтъ вполнѣ зависитъ отъ императрицы, которая назначаетъ членовъ и утверждаетъ доклады совѣта. Но императорскій-ли совѣтъ, верховный-ли тайный, кабинетъ или конференція, какъ-бы верховное учрежденіе не титуловалось, оно не можетъ имѣть мѣста не только рядомъ, но и близь Екатерины. Въ докладѣ, которымъ сопровождался проектъ Панина, сказано: „Изъ власти законоданія и самодержавной заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой“ — и Екатерина вполнѣ съ этимъ согласна; но, прибавляетъ Панинъ, „государь никакъ инако власть въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“ — и Екатерина вполнѣ отвергаетъ это. Власть вручена ей, и ей одной: она ни съ кѣмъ не подѣлитъ ее.

Но эта власть перешла въ ея руки при обстоятельствахъ, заставляющихъ Екатерину быть крайне осмотрительною. Въ началѣ августа Екатерина писала графу Станиславу Понятовскому: „Меня будутъ принуждать сдѣлать много еще странностей; если я уступлю — меня будутъ обожать, если нѣтъ — право, сама не знаю, что случится“ [1]). Императорскій совѣтъ — одна изъ такихъ странностей, тѣмъ болѣе опасная, что исходитъ отъ человѣка, которому, положимъ, Екатерина многимъ обязана, но который еще такъ недавно хотѣлъ вовсе лишить ее самодержавной власти, предоставивъ ей только регентство до совершеннолѣтія своего воспитанника, великаго князя Павла Петровича, и когда это не удалось, когда предполагавшаяся регентша стала дѣйствительною самодержицею, онъ теперь настаиваетъ на раздѣленіи ея самодержавной власти между императорскими совѣтниками. Принять проектъ Панина нельзя, но и рѣзко, прямо отвергнуть его—опасно.

---

[1]) Госуд. Архивъ, разр. III, № 16; Jacob, 19; Архивъ кн. Воронцова, XXV, 425.

Какъ-же вышла Екатерина изъ этого положенія?

Панинъ представилъ Екатеринѣ свой проектъ „въ формѣ акта къ подписанію", въ видѣ совершенно готоваго уже манифеста, который оставалось только подписать. Екатерина продержала у себя нѣсколько дней манифестъ и возвратила Панину съ своимъ замѣчаніемъ, требовавшимъ исправленія. Въ манифестѣ, при упоминаніи о восшествіи на престолъ императора Петра III, было сказано: „и не можетъ-ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не только установленнаго правительства, но и письменныхъ законовъ не было". Екатерина подчеркнула слово „варварскимъ" и на полѣ листа приписала: „Правда, что жалѣть о томъ было должно, но неправда то, чтобъ мы потому были хуже татаръ и калмыковъ; а хотя-бъ и были таковы, то и при томъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственной славѣ, да и персональнымъ интересамъ нашимъ противно также, на всю націю и на самихъ предковъ нашихъ указующее поношеніе". По смыслу замѣчанія Екатерины, слѣдовало или измѣнить всю фразу, чтобъ избѣжать „поношенія предковъ", или вовсе ее уничтожить, какъ совершенно негодную для манифеста; но авторское самолюбіе избрало третій выходъ: манифестъ былъ переписанъ съ исключеніемъ только слова варварскимъ. Изъ этого Екатерина могла уже ясно видѣть, что ея замѣчаніями вовсе не думаютъ руководствоваться буквально и находятъ достаточнымъ только формальное ихъ исполненіе.

Между тѣмъ Екатерина составила списокъ восьми „императорскихъ совѣтниковъ", показывала списокъ Панину, какъ-бы совѣтуясь съ нимъ. Пробѣгая теперь этотъ списокъ [1]), нельзя не замѣтить, что скорѣе форма, чѣмъ убѣжденіе руководило императрицею: въ спискѣ поставлены рядомъ два опальныя лица: графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ и князь Я. П. Шаховской, хотя отношеніе къ нимъ Екатерины было далеко не одинаковое; рядомъ съ главными пособниками: графомъ К. Г. Разумовскимъ, Н. И. Панинымъ, княземъ М. Н. Волконскимъ, не только гр. З. Г. Чернышевъ, навлекшій уже на себя немилость императрицы, но и гр. М. И. Воронцовъ, бывшій сторонникъ Петра III, противникъ воцаренія Екатерины. Если-бы императрица серьезно обдумывала личный составъ императорскаго совѣта, въ списокъ не были-бы включены ни графъ Воронцовъ, ни графъ Чернышевъ, и въ него, вѣроятно, вошли-бы лица, къ которымъ Екатерина относилась въ это время съ особымъ

[1]) Сборникъ, VII, 201; Соловьевъ. XXV, 182.

довѣріемъ: мы встрѣтили-бы въ проектированномъ спискѣ И. И. Неплюева, гр. П. С. Салтыкова, В. И. Суворова и, быть можетъ, другихъ.

Въ манифестѣ о возвращеніи чиновъ и достоинствъ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину, подписанномъ Екатериною 31-го августа 1762 г., онъ назначался „первымъ совѣтникомъ новаго учреждаемаго при дворѣ Нашемъ императорскаго совѣта“. Панинъ во очію могъ теперь убѣдиться, что его проектъ принятъ. Между тѣмъ, къ этому времени самый проектъ не былъ еще утвержденъ; было признано неудобнымъ оглашать о совѣтѣ ранѣе его учрежденія, и подчеркнутыя выше слова были исключены изъ манифеста [1]).

Самый проектъ, какъ оказалось, нуждался еще въ поправкахъ. Предсѣдатели государственныхъ департаментовъ въ императорскомъ совѣтѣ были названы въ проектѣ министрами; Екатерина отмѣтила на полѣ: „слово министры не можно-ль переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу?“ Чисто русскаго выраженія, соотвѣтствующаго понятію „министръ“, не нашлось въ русскомъ языкѣ, и министровъ окрестили въ „статскіе секретари“, которымъ, однако, тоже не могли „точную дать силу“. Манифестъ вновь былъ переписанъ и представленъ императрицѣ.

Екатерина увидѣла, что ея замѣчаніе опять исполнено не вполнѣ, но смолчала, и занялась назначеніемъ статскихъ секретарей въ департаменты. Во „внутренній“ департаментъ былъ назначенъ самъ составитель проекта, Н. И. Панинъ; въ „чужестранный“ — графъ М. И. Воронцовъ, въ „военный“ — гр. З. Г. Чернышевъ, въ „морской“... такъ никого и не нашлось годнаго. Списокъ этотъ, оставшись недописаннымъ, составлялся, очевидно, только для видимости: статскимъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ предположенъ графъ Воронцовъ, въ то время утерявшій уже всякое довѣріе императрицы, и по внутреннимъ дѣламъ — Н. И. Панинъ, никогда внутренними дѣлами не занимавшійся [2]).

---

[1]) „Санктпетербургскія Вѣдомости“ за 1762 годъ, отъ 3-го сентября, № 71.

[2]) Въ назначеніи Н. И. Панина, постоянно служившаго въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, статскимъ секретаремъ по внутреннимъ дѣламъ, крылась, быть можетъ, насмѣшка надъ тѣмъ мѣстомъ доклада, гдѣ Панинъ говорилъ: „Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилося слышить у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была-бы милость, всякова на все станетъ“. Госуд. Архивъ, разр. X, № 4, л. 41.

Были поправки и во второй части проекта, касавшейся раздѣленія сената на департаменты. Въ проектѣ было, между прочимъ, сказано: „Сіе раздѣленіе дѣлъ по департаментамъ не опредѣляется непоколебимымъ или непремѣннымъ; но сенатъ власть имѣетъ оное перемѣнять по временамъ, какъ когда свойства дѣлъ могутъ найтись выгоднѣе въ томъ или другомъ департаментѣ"; Екатерина подчеркнула слова: „оное перемѣнять" и приписала противъ нихъ: „о перемѣнѣ оныхъ докладывать Намъ". Манифестъ опять былъ исправленъ согласно замѣчанію императрицы. Читая исправленный текстъ, Екатеринѣ не понравилось слово „департаментъ" — она на полѣ приписала: „называть экспедиціями, а не департаментами".

Поправкамъ не предвидѣлось конца. Вопросъ о реформѣ верховнаго правительства затягивался. Панинъ торопилъ, настаивалъ; Екатерина тянула, уклоняясь подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами.

Къ декабрю всѣ уже такіе предлоги были, кажется, исчерпаны. Въ депешѣ отъ 19-го декабря саксонскій резидентъ Прассе сообщаетъ, что гр. Бестужевъ-Рюминъ передалъ ему подъ секретомъ, что въ министерствѣ послѣдуютъ перемѣны, что будетъ учрежденъ особый совѣтъ и что объ этомъ будетъ объявлено черезъ 12 или 14 дней [1]). Дѣйствительно, Панинъ могъ торжествовать побѣду: 28-го декабря 1762 года манифестъ объ учрежденіи императорскаго совѣта и о раздѣленіи сената на департаменты былъ подписанъ императрицею Екатериною.

Но торжество Панина было непродолжительно. Въ тотъ же день, 28-го же декабря, Екатерина разорвала листъ съ своею подписью. Манифестъ не былъ обнародованъ, императорскій совѣтъ не былъ учрежденъ.

Второй уже разъ Панинъ терпитъ пораженіе въ своемъ стремленіи ограничить власть Екатерины. Ни для кого не было тайной, и Панинъ не скрывалъ даже отъ самой Екатерины своего мнѣнія, что, послѣ Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны

[1]) Der Graf Bestuschew sagte mir im engsten Vertrauen, dass mit dem Ministerio hierselbst eine Veränderung vor wäre und statt dessen ein Conseil errichtet werden sollte, dass dieses in 12 bis 14 Tagen geschehen würde. Die bevorstehende Abänderung war mir schon bekannt und ohnmöglich können auch die Sachen so bleiben, denn die Kanzler haben keinen oder wenigen Credit und der Oberhofmeister Panin, über den und dessen Seichtigkeit und Ungereimtheit Bestuschew gar sehr klagt, und der doch eigentlich nicht Minister ist, hat dessen zuviel und will sich doch gleichwohl nicht anders als nur mit solchen Sachen befassen, die in seinen Kram taugen oder nach seinem Geschmack sind. Дрезденскій Архивъ, vol. VII, № 98.

перейти прямо къ великому князю Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, можетъ быть объявлена только регентшею. Панинъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія, и Екатерина была провозглашена самодержавною императрицею. Панинъ, однако, не смирился. Уже не явно, напротивъ, съ намѣреніемъ скрывая свою основную мысль, онъ предлагаетъ Екатеринѣ проектъ императорскаго совѣта, учрежденіемъ котораго, въ концѣ концовъ, имѣлось въ виду ограниченіе самодержавной власти. Полгода длилась борьба и Панинъ, опять никѣмъ не поддержанный, вторично былъ побѣжденъ, его проектъ отвергнутъ.

Излечатъ-ли Панина эти неудачи? Откажется-ли онъ, послѣ такихъ уроковъ, отъ противодѣйствія монархическому принципу? Нѣтъ: пять лѣтъ спустя, въ 1767 году, онъ еще разъ, и уже послѣдній, проявилъ тѣ-же тенденціи по поводу прибытія въ Россію Мерсье де Ла-Ривьера.

II.

Первый французъ, рѣшившійся, по приглашенію Екатерины, посѣтить Россію, былъ Мерсье де Ла-Ривьеръ [1]). Императрица приглашала Вольтера, упрашивала Даламбера—ни тотъ, ни другой не откликнулись на ея зовъ, не смотря ни на какія предложенія.

Въ 1767 году Ла-Ривьеръ занималъ выдающееся положеніе, какъ юристъ, администраторъ, философъ и ученый экономистъ, только-что издавшій свое знаменитое сочиненіе „Естественный порядокъ политическихъ обществъ“, въ которомъ онъ впервые изложилъ, простымъ и яснымъ языкомъ, основанія новой науки, созданной докторомъ короля Людовика XV, знаменитымъ Кенэ. Адамъ

[1]) Мы употребляемъ общепринятое написаніе (Blanqui, Hist. de l'écon. polit.; Say, Traité d'écon. polit., etc.), но оно не вѣрно. Въ парижскомъ архивѣ хранятся официальныя бумаги, подписанныя такъ: Paul Pierre Lemercier de La-Rivière (Les cartons des archives du ministère de la marine). Только Quérard (France litéraire) всегда вѣрно пишетъ эту фамилію. Во французской исторической литературѣ намъ извѣстна только одна небольшая замѣтка M. F. Joubleau, Notice sur P. P. Lemercier de La-Rivière, помѣщенная въ Séances et travaux de l'académie des sciences morales et politiques. 1858. Въ нашемъ Государственномъ Архивѣ хранится, кромѣ указанной выше переписки Ла-Ривьера съ Панинымъ (XI, 686), еще переписка его съ разными лицами (XI, 1035) и письма къ Екатеринѣ II (XI, 1034). Два письма ла-Ривьера, къ Дидро и къ Рэйналю, были уже изданы нами въ изслѣдованіи „Дидро въ Петербургѣ“, вышедшемъ въ 1884 г.

Смитъ называетъ Кенэ „версальскимъ мыслителемъ“, а его систему „величественною и мудрою“; Ла-Ривьеръ былъ любимымъ ученикомъ этого мыслителя, и горничная красивой Помпадуръ, Гуссэ, свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ: „Изъ всѣхъ своихъ послѣдователей, Кенэ наиболѣе уважалъ де Ла-Ривьера; онъ признавалъ его человѣкомъ геніальнымъ и считалъ его единственнымъ лицомъ, способнымъ управлять финансами Франціи“ [1]). Ла-Ривьеръ, своею жизнью, вполнѣ оправдалъ такой лестный отзывъ своего великаго учителя.

Пройдя юридическую школу, Ла-Ривьеръ, въ 1747 году, будучи 20-ти лѣтъ, поступилъ въ парижскій парламентъ, когда распря между магистратурой и дворомъ приняла уже довольно острый характеръ, но не обратилась еще въ систему, погубившую обѣ воюющія стороны. Такой толчекъ этой распрѣ былъ приданъ „Энциклопедіей“, появленіе которой вынесло академическій раздоръ между янсенистами и моленистами на улицу, возбудило умы и привлекло въ ряды оппозиціи всю интеллигенцію страны. Изданіе „Энциклопедіи“ было запрещено; оппозиція энциклопедистовъ росла и крѣпла. Поддержанная общественнымъ мнѣніемъ, оппозиція поражала министерскую, придворную партію на всей линіи, не пренебрегая ничѣмъ, ни даже такими средствами, какъ кликуши св. Медара, появившіяся на парижскомъ кладбищѣ. Когда правительство, спасая парижское населеніе отъ подобной эпилепсіи, закрыло кладбище, на его воротахъ оппозиція начертила слѣдующее двустишіе:

De par le roi defense à Dieu
De faire de miracle en ce lieu.

Парламентъ противодѣйствуетъ власти; правительство не обращаетъ вниманія на требованія оппозиціи и совѣтуетъ королю „избавиться отъ несносной опеки парламента“. Въ 1756 году, королевскимъ декретомъ парламентъ былъ изгнанъ изъ Парижа. Въ эту-то трудную минуту, когда съ бездѣйствіемъ парламента исчезло для населенія всякое правосудіе, а правительственныя распоряженія, какъ не регистрованныя парламентомъ, потеряли всякую законную силу, Ла-Ривьеръ, своимъ вліяніемъ, своими доводами, достигъ примиренія двухъ враждебныхъ лагерей—двора и парламента—причемъ вошелъ въ близкія сношенія и съ угасавшею уже госпожею Помпадуръ, и съ будущимъ кардиналомъ, тогда еще только аббатомъ Берни. Эта услуга, оказанная не столько парламенту, сколько

[1]) Barrière, Bibliothèque des mémoires, III, 90.

двору, выдвинула Ла-Ривьера изъ ряда обычныхъ парламентскихъ дѣятелей и выказала его не только юридическія способности, но и административный талантъ. Правительство рѣшилось воспользоваться имъ, и въ 1758 году Ла-Ривьеръ былъ назначенъ на трудный и отвѣтственный постъ интенданта о. Мартиники, куда онъ прибылъ вслѣдъ за первою блокадою острова англійскимъ флотомъ.

Семилѣтняя война въ полномъ разгарѣ. Пользуясь превосходствомъ своего флота, Англія нападаетъ на французскія колоніи и жестоко мститъ за пораженія своихъ сухопутныхъ войскъ въ Европѣ. Ла-Ривьеръ принялъ островъ, „лишенный провіанта, безъ укрѣпленій, разрушенныхъ бомбардировкою, безъ снарядовъ, разстрѣлянныхъ при отраженіи непріятеля, съ пустою королевскою кассою, безъ кредита, безъ торговли". Маркизъ Богарнэ, губернаторъ всѣхъ французскихъ острововъ въ американскихъ водахъ, вполнѣ подтвердилъ справедливость этого перваго донесенія интенданта, прибавляя, что „безъ помощи метрополіи о. Мартиника подняться не можетъ". Благодаря трудамъ интенданта, островъ, однако, поднялся безъ всякой помощи со стороны Франціи: такъ какъ кредитъ короля былъ окончательно подорванъ, то Мерсье де Ла-Ривьеръ заключилъ заемъ десяти милліоновъ франковъ на свое имя, обезпечивъ его своими землями во Франціи; предоставивъ извѣстныя льготы иностраннымъ судамъ, онъ оживилъ торговлю, снабдилъ островъ жизненными припасами, привлекъ рабочую силу, негровъ, и далъ населенію возможность заняться промыслами. Спустя три года, когда англичане вновь появились у о. Мартиники, они не хотѣли вѣрить, чтобы опустошенный ими островъ могъ такъ скоро оправиться. Теперь къ острову подошли до 200 судовъ англійскаго флота съ 16,000 десанта. Всякое сопротивленіе было-бы безумiемъ: на островѣ, въ крѣпостяхъ, не было войска, въ портахъ—ни одного военнаго судна. 12-го февраля 1762 г. о. Мартиника сдался на капитуляцію. По условіямъ капитуляціи, интенданту Ла-Ривьеру былъ предоставленъ „нейтральный корабль", съ правомъ нагрузить его по собственному усмотрѣнію. Конечно, всякій интендантъ позаботился-бы, прежде всего, о собственномъ имуществѣ, но не Ла-Ривьеръ: морская война съ Англіею по необходимости велась французами при помощи корсаровъ; спасти капитановъ этихъ каперскихъ судовъ значило оказать Франціи значительную услугу, и Ла-Ривьеръ посадилъ на свой корабль до сотни этихъ храбрыхъ моряковъ, оставляя въ добычу англичанъ своихъ негровъ, своихъ лошадей, все свое имущество.

Въ томъ-же 1762 году былъ заключенъ миръ между Франціею и Англіею, по которому о. Мартиника былъ возвращенъ Франціи.

Ла-Ривьеръ вновь былъ назначенъ интендантомъ острова. „Мы нашли Мартинику въ агоніи—доноситъ маркизъ Фенелонъ, вновь назначенный губернаторъ — истощенною англичанами, лишенною негровъ, которые распроданы, и воловъ, которые увезены, разоренною въ конецъ. Населеніе пало духомъ. Придется не управлять, а создавать".

10-го іюля 1763 года, Ла-Ривьеръ вновь прибылъ на Мартинику. Онъ не узналъ своего острова: жители обѣднѣли, провіантъ вздорожалъ: мѣра риса, главной пищи негровъ, поднялась съ 18-ти до 50-ти франковъ; число негровъ, главной рабочей силы, уменьшилось на 80%, количество обработываемыхъ полей — на 90%. Въ инструкціи, данной герцогомъ Шуазель интенданту, предписывалось „снабдить островъ изобильно жизненными припасами и купить по дешевой цѣнѣ возможно бо̀льшее число негровъ". Въ инструкціи ничего, однако, не говорилось, какимъ образомъ исполнить ее безъ надлежащихъ матеріальныхъ средствъ. Здѣсь-то, на о. Мартиникѣ, впервые Ла-Ривьеръ примѣнилъ на практикѣ принципы свободной торговли, которые возродили островъ къ новой жизни и прославили его интенданта.

Ла-Ривьеръ разрѣшилъ всѣмъ кораблямъ, безъ различія національностей, привозить на островъ негровъ, продовольственные припасы, строевой лѣсъ и все, необходимое для колоніи, откуда кто пожелаетъ, безпошлинно. Это было неслыханное для того времени нововведеніе, такъ какъ въ порты французскихъ колоній могли входить для торговли только французскія суда. Предоставляя такое-же право англійскимъ судамъ, Ла-Ривьеръ сразу вызвалъ сильную конкуренцію, конкуренція — удешевленіе. Вслѣдствіе такого распоряженія, англійскіе корабли запрудили всѣ порты Мартиники необходимыми ей продуктами; жизненные припасы упали въ цѣнѣ на 50%. Теперь рисъ продавался по 16 франковъ. Французы не могли конкурировать съ англичанами: мѣра англійской трески стоила 3 франка, французской — 16 фр.; доски для бочекъ, привезенныя изъ Новой Англіи, обходились въ 10 — 12 франковъ, тогда какъ транспортъ ихъ изъ Франціи увеличивалъ цѣну до 18 — 20 франковъ. Этого мало: всѣмъ кораблямъ, привозившимъ на островъ потребные товары, Ла-Ривьеръ предоставилъ право вывозить съ острова сахарную водку, сахаръ и всѣ мѣстные продукты, чрезъ что рынокъ для сбыта мартиникскихъ продуктовъ сталъ значительно обширнѣе и цѣна ихъ поднялась. Островъ просто воскресъ: число негровъ быстро возросло, потребленіе жизненныхъ припасовъ увеличилось, умножился вывозъ мѣстныхъ продуктовъ; словомъ, островъ

сталъ процвѣтать и мѣстные жители благословляли своего интен-данта.

Французскіе же негоціанты проклинали его. Они имѣли моно-лію торговли съ о. Мартиникою и свобода торговли естественн была для нихъ невыгодна. Они подали жалобу министру герцог Шуазелю; Ла-Ривьеръ отвѣчалъ на эту жалобу обширною запискою, въ которой не только защищалъ свои распоряженія, но и указывал все зло запретительной системы [1]). „Часто смѣшиваютъ — писалъ онъ, между прочимъ—истинные интересы торговли, интересы чисто государственные, съ интересами торговцевъ, неимѣющими съ госу-дарствомъ ничего общаго. Это смѣшеніе вводитъ всѣхъ въ заблуж-деніе. Его, однако, легко избѣжать: для этого необходимо только упростить вопросъ, разсматривая всѣхъ негоціантовъ, скупающихъ наши колоніальные товары, какъ одно лице, и обращая эти товары, вывозимые заграницу, въ деньги. При этомъ не нужно уже будетъ отдѣлять частный доходъ отъ частнаго предпріятія: деньги, поло-женныя въ правую руку или въ лѣвую не представятъ существен-наго различія отъ ихъ помѣщенія; все вниманіе будетъ обращено на ихъ употребленіе и на общій отъ нихъ доходъ, какъ на един-ственный, который дѣйствительно интересуетъ государство. Если съ этой стороны взглянуть на операціи, воспрепятствовавшія тремъ или четыремъ французскимъ негоціантамъ получить съ о. Марти-ники лишнихъ 30,000 франковъ прибыли, то, очевидно, что для интересовъ торговли, для государственныхъ интересовъ, эти 30,000 франковъ получили лучшее помѣщеніе, оставаясь въ рукахъ насе-ленія, чѣмъ если-бы перешли въ руки трехъ или четырехъ куп-цовъ: оставаясь въ населеніи, эти деньги пойдутъ на покупку не-гровъ, расчистку земли, увеличеніе производства, словомъ, умно-жатъ государственное богатство, между тѣмъ какъ въ рукахъ куп-цовъ онѣ только увеличили бы благосостояніе трехъ частныхъ лицъ. Крики нашихъ французскихъ негоціантовъ противъ меня ука-зываютъ лишь разницу между честными доходами, которые они по-лучили съ о. Мартиники, и безчестными, которые они разсчитывали получить. Ставя свой личный интересъ выше государственнаго, купцы готовы зарѣзать курицу, несущую золотыя яица; я спасъ ей жизнь и тѣмъ сохранилъ ее для ихъ же интересовъ, которые они дурно понимаютъ".

[1]) Mémoires pour M. de Choiseul servant de réponses aux motifs de mon rappel et à plusieurs de ses dernières dépêches qui ne me sont parvenues que pendant le cours de ma maladie. Compte rendu de l'académie des sciences. Paris, 1859, I, p. 132.

Свобода торговли спасла о. Мартинику; еслибъ запретительная система не была отмѣнена, она убила-бы эту французскую колонію вѣрнѣе всякаго англійскаго разгрома, и вотъ по какому простому разсчету, приводимому въ запискѣ Ла-Ривьера: островъ производилъ всего на 16 мильоновъ франковъ, что̀, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ, давало 4 мильона чистой прибыли, изъ которой 1 мильонъ шелъ на уплату государственнаго налога, а населенію оставалось 3 мильона на обработку полей, содержаніе семьи, пропитаніе негровъ; между тѣмъ французскіе откупщики, пользуясь только-что оконченною войною, повысили цѣны на продукты до такой степени, что на одно пропитаніе островитянъ потребовалось бы 5 мильоновъ франковъ болѣе [1]), чѣмъ обыкновенно. При чистомъ доходѣ въ 3 мильона невозможно уплатить 5 мильоновъ иначе, какъ изъ валоваго дохода, т. е. изъ суммъ, потребныхъ на самое производство

Принципъ свободы торговли и въ концѣ XIX стол. не понимается многими умами, смѣшивающими государственные интересы торговли съ частными интересами торговцевъ; для практическаго же примѣненія этого принципа въ половинѣ XVIII вѣка требовалось много усилій и труда. Эти заботы, въ связи съ вліяніемъ климата, подорвали здоровье Ла-Ривьера: онъ занемогъ изнурительною лихорадкой, три мѣсяца пролежалъ въ постели, и, по требованію докторовъ, долженъ былъ покинуть островъ. Онъ возвратился во Францію, въ концѣ 1764 года, „скорѣе мертвый, чѣмъ умирающій—онъ не узналъ никого, даже родныхъ“.

Когда Ла-Ривьеръ выздоровѣлъ, его имя было у всѣхъ на устахъ, пріобрѣло громкую извѣстность, стало знаменемъ. Дѣло въ томъ, что маркизъ Фенелонъ, вполнѣ сознававшій, что только благодаря свободѣ торговли интенданту удалось спасти о. Мартинику, распространилъ во множествѣ экземпляровъ знаменитую записку Ла-Ривьера, въ которой высказывались совершенно новые политико-экономическіе взгляды, во-очію обличавшіе полную несостоятельность запретительной системы правительства. Восемнадцать лѣтъ позже, обнародованіе знаменитаго отчета (Compte Rendu) Неккера произведетъ еще бо̀льшее впечатлѣніе, чисто революціоннаго характера; распространеніе записки (Mémoire) Ла-Ривьера вызвало, однако, значи-

[1]) Такъ, напримѣръ, боченокъ мяса, стоившій 65 франковъ, продавался теперь по 105 фр., т. е. цѣна мяса повысилась на 40 фр.; о. Мартиника потребляетъ 50,000 бочекъ мяса, слѣдовательно, это повышеніе увеличивало расходъ на 2 мильона франковъ. Соотвѣтственно повысилась въ цѣнѣ мука и другіе припасы, привозимые изъ Франціи.

тельное движеніе въ умахъ и поставило ея автора въ ряды выдающихся дѣятелей Франціи.

Отчетъ Неккера былъ изданъ съ согласія короля; распространеніе записки Ла-Ривьера было поставлено ему въ вину и возбудило противъ него все министерство и дворъ. Ла-Ривьеръ „былъ отставленъ“ и впалъ въ немилость. Узнавъ объ этомъ, маркизъ Фенелонъ писалъ герцогу Шуазелю: „Мерсье де Ла-Ривьеръ стяжалъ себѣ уваженіе всѣхъ честныхъ людей; я позволяю себѣ думать немъ также, какъ они, и имѣть мужество сказать это вамъ“.

Оставшись не у дѣлъ, Ла-Ривьеръ всецѣло посвятилъ себя политической экономіи и принялъ дѣятельное участіе въ органѣ экономистовъ „Journal de l'agriculture, du commerce et des finances“. В всѣхъ своихъ статьяхъ онъ старался найти и указать полную связь между естественнымъ правомъ и политическою экономіею, касаясь вопроса, который въ то время интересовалъ лучшихъ экономистовъ съ Кенэ во главѣ, и прямо вытекалъ изъ направленія, принятаго философіею второй половины прошлаго вѣка. Когда „Journal de l'agriculture, du commerce et des finances“ былъ запрещенъ, Ла-Ривьеръ собралъ эти статьи, подвергъ ихъ новой переработкѣ и издалъ, въ началѣ 1767 года, свой знаменитый „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“.

Книга эта произвела еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его „Mémoire“, и имѣла необыкновенный для того времени успѣхъ. В первые-же мѣсяцы было продано 3,000 экземпляровъ. Экономисты и философы раздѣлились на двѣ партіи: Гриммъ, Мирабо, Мабли находили книгу „мерзкою“ (détestable); Дидро, Гольбахъ, Кондильякъ не находили словъ для превозношенія книги и ставили ее выше „Esprit de lois“ [1]) „Gazette du commerce“ и „Ephémérides du citoyen“ посвящали цѣлые столбцы восхваленіямъ или порицаніямъ книги; дошло до того, что въ парижскихъ салонахъ было условлено не касаться вопроса о естественномъ порядкѣ политическихъ обществъ. Вскорѣ изъ довольно обширнаго „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“ было сдѣлано краткое извлеченіе, доступное большинству, подъ заглавіемъ: „Origine et progrès d'une science nouvelle“.

Это дѣйствительно „новое ученіе“, ученіе физіократовъ, фритредеровъ, занимало умы, обсуждалось всѣми. Сторонники этого ученія и противники его, своими отзывами въ салонахъ и статьями въ газетахъ, возбуждали рядъ вопросовъ, при чемъ имя Ла-Ривьера было у всѣхъ на устахъ и его популярность, его слава росла и ширилась.

---

[1]) Tourneux, Correspondance, VII, 443—450.

Въ это именно время, въ началѣ 1767 года, русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ передалъ Ла-Ривьеру приглашеніе Екатерины II прибыть въ Россію, ко двору русской императрицы.

III.

Въ 1767 году, созваніемъ комиссіи для составленія новаго уложенія, Екатерина заложила фундаментъ своего величія. Необходимость „Уложенія“ не только сознавалась многими, но и живо чувствовалась всѣми русскими людьми. „Когда мысленно воззримъ на минувшее время—говорили депутаты императрицѣ—духъ въ насъ еще трепещетъ и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы нашу вѣру подверженною презрѣнію и ругательству, яснымъ двумъ предзнаменованіямъ ея истребленія. Видѣли мы законы, общее житіе утверждающіе и сохраняющіе, приведенные въ замѣшательство, противорѣчіе и неисполненіе, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Не столпы только правленія колебались, но и самое онаго основаніе потряслося. Государственные доходы истощились, потеряна была довѣренность и угнетена торговля. Грабительство, лакомство, корысть, насильство и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ людей ободренные, возрастали съ гибелью для народа и усугубляли бѣдствіе отечества нашего и, наконецъ, вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку [1]). Представители народа, созванные Екатериною, искренно желали укрѣпить „основанія правленія“.

Созывая депутатовъ въ комиссію, Екатерина не имѣла въ виду ни воскрешать историческихъ преданій русской земли, ни возстановлять давно уже порванную связь между старою земскою Русью и новою императорскою Россіею. Она въ то время не знала еще ни о мірскихъ уложеніяхъ, ни объ уставныхъ грамотахъ, ни о земскомъ соборѣ 1648 года, составившемъ соборное уложеніе, это „великое земское дѣло“. Объяснять созывъ депутатовъ въ комиссію вліяніемъ Монтескье едва-ли нужно: мысль о совѣщаніи съ подданными объ ихъ „нуждахъ и недостаткахъ“ такъ проста, такъ естественна, что объясняется сама собою, безъ всякаго посторонняго вліянія. Пришла-же она, полъ-вѣка ранѣе, русскому мужику:

[1]) П. С. З., № 12978.

— „Къ сочиненію тоя судебныя книги избрать человѣка два или три изъ духовнаго чина самыхъ разумныхъ и ученыхъ людей, и въ божественномъ писаніи искусныхъ, и отъ гражданства, кои въ судебныхъ и во иныхъ правительныхъ дѣлахъ искусны, и высокаго чина, кои не горды и ко всякимъ дѣламъ нисходительны, и отъ иныхъ чиновъ, кои не высокоумны, и отъ приказныхъ людей, кои въ дѣлахъ разумны и правдолюбны, и отъ купечества, кои во всякихъ дѣлахъ перебыли-бъ, и отъ солдатъ, кои смышлены и въ службахъ и въ нуждахъ натерлися и правдолюбивые, изъ людей боярскихъ, кои за дѣлы ходятъ, и изъ фискаловъ. А мнится мнѣ: не худо-бы выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали-бъ и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что и въ мордвѣ разумные люди есть, то какъ во крестьянехъ не быть людемъ разумнымъ?

„И написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ изложеніи, какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, какъ богатымъ, такъ и убогимъ, какъ высокочинцамъ, такъ и низкочинцамъ, и самымъ земледѣльцамъ, обиды-бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было.

„На сіе мое реченіе многіе возропщуютъ, яко-бы азъ его императорскаго величества самодержавную власть народосовѣтіемъ снижаю; азъ не снижаю его величества самодержавія, но ради самыя истинныя правды, дабы всякій человѣкъ осмотрѣлъ въ своей бытности, нѣтъ-ли кому въ тыихъ новоизложенныхъ статьяхъ каковыя непотребныя противности, иже правости противна. И аще кто узритъ каковую неправостную статью, то-бы безъ всякаго сомнѣнія написалъ, что̀ въ ней неправость, и ничего не опасаясь подалъ-бы ко исправленію тоя книги, понеже всякъ рану свою въ себѣ лучше чуетъ, нежели въ иномъ комъ. И того ради надобно всякимъ людямъ свои бытности выстеречи, дондеже книга не совершится; а егда она совершится, то уже никто не можетъ помочи; того-бо ради и дана свободность, дабы послѣди не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги. Того-то ради надлежитъ ю вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья ни отъ кого порочена не была, но всякъ-бы себя выстерегъ, и чтобы впредь никому спорить было не мочно, но въ вѣки вѣковъ было-бы не нанарушимо оно.

„Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобъ оно ни отъ какого

чина незыблемо было. И того ради безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овомуже менѣе. Обаче нѣтъ такого человѣка, ему-же бы не далъ Богъ ничего; и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному; и того ради и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься; и малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, коихъ въ совѣтъ призывать надобно; понеже малосмысленными человѣки многащи Богъ вѣщаетъ и того ради въ установленіи правосудія вельми пристойно изслѣдовать многонароднымъ совѣтомъ“ [1]).

Подобно Посошкову, Екатерина не только признавала, что совѣщаніе съ представителями народа „не снижаетъ самодержавія“, но и видѣла „по опыту прежнихъ временъ“, что составленіе „Уложенія“ однимъ канцелярскимъ порядкомъ невозможно. Она знала, конечно, о неудачѣ, постигшей въ этомъ отношеніи Петра Великаго. По указу императора, юстицъ-коллегія перевела шведское уложеніе, сдѣлала сводъ россійскихъ законовъ со шведскими и сенату данъ былъ указъ о слушаніи этого перевода: „слушаючи, которые пункты покажутся несходными къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго уложенія или новые пункты дѣлать; такожь, ежели покажутся которые въ старомъ уложеньѣ важнѣе, нежели въ шведскомъ, тѣ такожь противу написать, и все то намъ къ слушанію изготовить; для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣніе имѣютъ, какъ у насъ“. Изъ этого ничего не вышло. Неудались и всѣ попытки послѣ Петра Великаго, числомъ четыре, созвать соборъ для сочиненія новаго уложенія: четыре правительства, одно за другимъ, боялись созвать выборныхъ отъ народа, довольствовались тѣми, кого присылали губернаторы „согласясь обще съ дворянами“, заботились лишь о томъ, чтобъ уложеніе было составлѣно „при довольномъ числѣ членовъ“ и сочинено „съ поспѣшеніемъ“.

Екатерина отнеслась къ дѣлу серьезно, съ любовью. За долго до призыва выборныхъ людей, императрица читаетъ энциклопедистовъ, изучаетъ Монтескье, дѣлаетъ выписки изъ Блэкстона, знакомится съ трудомъ Беккаріа и пишетъ „наказъ“ комиссіи. „Я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія. Два года я и читала, и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова“.

---

[1]) Посошковъ, Москва, 1842, стр. 79.

Она позаботилась не только о составѣ комиссіи, узаконивъ „обрядъ выборовъ", но и о порядкѣ ея засѣданій, составивъ „обрядъ управленія комиссіи". 14-го декабря 1766 года былъ изданъ манифестъ о созывѣ представителей народа, и съ этого дня Екатерина вся отдалась заботамъ о комиссіи: она слѣдитъ за выборами, интересуется депутатскими наказами, вычисляетъ стоимость содержанія депутатовъ, хлопочетъ о лицахъ, которыя должны руководить комиссіею, о помѣщеніи для засѣданій, даже о квартирахъ для депутатовъ.

Въ это-то время Екатерина услышала о Мерсье де Ла-Ривьерѣ. Газеты были наполнены извѣстіями объ его управленіи островомъ Мартиникою, дважды имъ спасенномъ; Дидро, Рейналь и другіе „друзья императрицы" выхваляли его „Mémoire", прославляли автора и рекомендовали его, какъ администратора hors concours, по выраженію „Gazette du commerce". Въ это-же время, представитель Россіи въ Мадридѣ, случайно находившійся въ Парижѣ, баронъ О. Н. Штакельбергъ, прислалъ Н. И. Панину обширную депешу, въ которой подробно сообщалъ объ административной дѣятельности Мерсье де Ла-Ривьера на островѣ Мартиникѣ, указывалъ, какъ французское министерство не оцѣнило его талантовъ, дурно вознаградило его за оказанныя имъ услуги, и со словъ аббата Рейналя, прибавлялъ, что „досада на свое правительство и желаніе отличиться въ какой-либо другой странѣ, проявивъ свои дарованія и свой образъ дѣйствій, побудятъ его, быть можетъ, поступить на службу Россіи", что онъ „не колеблется извѣстить объ этомъ ея императорское величество, убѣжденный, что императрица не можетъ найти человѣка болѣе достойнаго, по сердцу и уму, для заботъ по ея приказаніямъ относительно коммерческихъ установленій и всего, касающагося политико-экономической области" [1]). Панинъ представилъ эту депешу императрицѣ. Екатерина прочла ее и, вмѣсто обычной резолюціи на самой депешѣ, написала Панину, на отдѣльномъ листкѣ, слѣдующую записку:

„Никита Ивановичъ! „Заклинаю васъ написать Штакельбергу, и на случай, если онъ уже не во Франціи, князю Голицыну, чтобъ они вошли въ переговоры съ этимъ г. де Ла-Ривьеромъ о переселеніи его въ Россію. Помните главное—не разглашайте его имени, чтобъ французское министерство не помѣшало ему пріѣхать сюда. Онъ долгое время лужилъ на о. Мартиникѣ, въ его „Запискѣ"

[1]) Госуд. архивъ, XI, 686, л. 6.

встрѣчаются очень хорошія мысли, и онъ будетъ намъ полезнѣе, чѣмъ имъ,—они не умѣютъ пользоваться имъ“ [1]).

Какъ-же думала воспользоваться Екатерина мартиникскимъ интендантомъ? Не только современники, друзья и сторонники интенданта, но и въ настоящее время, въ сочиненіяхъ, изданныхъ въ 1891-мъ году, высказывается не какъ предположеніе, а какъ увѣренность, что Екатерина разсчитывала на помощь Ла-Ривьера при составленіи новаго Уложенія [2]). Невозможное по нашимъ понятіямъ предположеніе является весьма вѣроятнымъ относительно взглядовъ того времени. Согласно раціоналистической философіи XVIII вѣка, Екатерина была убѣждена, что разумъ и только разумъ могъ и долженъ сочинить новое уложеніе. Раціонализмъ прошлаго вѣка отвергалъ историческое начало въ развитіи народа; все, что выработала исторія признавалось подлежащимъ переработкѣ на основаніи разума. Воспитанная на просвѣтительныхъ идеяхъ французской философіи XVIII вѣка, Екатерина и не подозрѣвала, что законы страны являются только результатомъ историческаго развитія, что они всегда соотвѣтствуютъ характеру народа, во многомъ зависятъ отъ условій быта, отъ климата, почвы. Не нужно быть русскимъ, но нужно знать Россію и ея прошлое, чтобъ составить для Россіи такое уложеніе, которое позволитъ „видѣть русскій народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольство можетъ на сей землѣ простираться“ — надо только обладать „просвѣщеннымъ разумомъ“, а Ла-Ривьеръ, судя и по отзыву парижскихъ философовъ, и по собственной дѣятельности, вполнѣ обладалъ такимъ разумомъ.

Панинъ съ восторгомъ относился къ мысли объ участіи народа въ законодательствѣ. Ла-Ривьеръ, такъ смѣло нарушавшій королевскіе декреты, могъ только укрѣпить, если не расширить эту мысль. Тотчасъ по полученіи вышеприведенной записки Екатерины, Панинъ написалъ барону Штакельбергу, что „вслѣдствіе высокаго мнѣнія, высказаннаго имъ о талантахъ Мерсье де Ла-Ривьера, ея императорское величество желала-бы имѣть его на своей службѣ“, и поэтому поручила ему переговорить съ мартиникскимъ интендантомъ объ условіяхъ, на которыхъ онъ согласился-бы пріѣхать въ Россію. Штакельберга не было уже въ Парижѣ, онъ уѣхалъ

---

[1]) Сборникъ, X, 240.

[2]) Catherine II jugea que l'auteur de l'Ordre naturel pourrait l'aider à rédiger le Code de toutes les Russies. Say, Diction. d'écon. polit., Paris, 1891, II, 114.

на свой постъ въ Мадридъ, и порученіе было выполнено кн. Голицынымъ. „Мерсье де Ла-Ривьеръ—писалъ кн. Голицынъ Панину—принялъ съ полнымъ удовольствіемъ новость, которую я сообщил ему, что предложеніе, сдѣланное барономъ Штакельбергомъ о переходѣ его на русскую службу, принято ея величествомъ“ [1]).

Переговоры эти велись въ апрѣлѣ 1767 года, въ іюнѣ должны были открыться засѣданія комиссіи, и кн. Голицынъ спѣшитъ с заключеніемъ договора. По этому договору, Ла-Ривьеръ отправляется въ Россію, чтобъ по мѣрѣ силъ работать „для пользы и блага какъ человѣчества, такъ и подданныхъ ея императорскаго величества“, при чемъ „всѣ путевыя издержки уплачиваются русскимъ правительствомъ“.

Отправляясь изъ Парижа въ Петербургъ, быть можетъ, и Москву, Ла-Ривьеръ имѣетъ въ виду не точно опредѣленную задачу, не ясно обусловленную цѣль, а „пользу и благо“, и даже не Россію, куда онъ ѣдетъ, а прежде всего „человѣчества“ и потомъ уже, конечно, и русскихъ, какъ составляющихъ часть человѣчества! Въ этомъ сказывался весь XVIII вѣкъ, съ его общечеловѣческою пользою и міровымъ благомъ, достигаемымъ только разумомъ. Разумъ одинъ, условіе его функціонированія всегда и вездѣ одинаковы; Ла-Ривьеръ спасъ о. Мартинику, онъ осчастливитъ Россію и всякую страну, гдѣ только приложитъ свои таланты, примѣнитъ свои знанія! Въ этомъ убѣждены не только самъ Ла-Ривьеръ, но и всѣ адепты раціоналистической философіи XVIII вѣка, всѣ французскіе философы, экономисты, энциклопедисты и какъ-бы они себя ни называли. Не только въ первые годы царствованія Екатерины, но много лѣтъ позже, когда уже Польша была уничтожена, Крымъ присоединенъ къ Россіи и Екатерина являлась рѣшительницею судебъ западно-европейскихъ державъ, иностранцы, являвшіеся въ Россію, смотрѣли на себя какъ на реформаторовъ, призванныхъ осчастливить русскій народъ [2]). Какой-нибудь нѣмецъ Циммерманъ, извѣстность котораго не выходила за предѣлы мѣстнаго герцогства, только и мечталъ о томъ, что Екатерина призоветъ его реформировать Россію [3]). Какъ-же долженъ былъ смотрѣть на свое приглашеніе Ла-Ривьеръ, слава котораго именно въ это время достигла своего апогея?

---

[1]) Госуд. Архивъ, в. с., л. 7.

[2]) Es gab freylich noch manchen Ausländer, welcher sich zum Reformator von Russland, vielleicht von seiner halben Welt, tüchtig fühlte. Weikard, Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte, Leipzig, 1802, S. 351.

[3]) Weikard, в. с., S. 318, 358.

Онъ, прежде всего, проситъ князя Голицына вести все дѣло въ тайнѣ, безъ огласки: французское министерство недовольно имъ и, узнавъ, что императрица приглашаетъ его въ Россію, можетъ не дать ему отпуска и тѣмъ лишить его возможности принесть „пользу и благо человѣчеству". Въ самомъ началѣ переговоровъ, отъ 6-го мая, онъ пишетъ кн. Голицыну: „Я полагаю, что мнѣ не должно бывать у вашего превосходительства. Это, конечно, всѣ узнали-бы и обратили-бы вниманіе на то, что я вижусь съ иностраннымъ министромъ, не показываясь ни одному изъ своихъ. Даже замѣчу, князь, что вы сами стали-бы, болѣе чѣмъ всякій другой, предметомъ разговоровъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваша императрица старается привлечь къ себѣ людей, пользующихся нѣкоторою извѣстностью. И тѣмъ охотнѣе стали-бы это объяснять по своему, что, не будучи уже въ состояніи скрывать отъ себя нелѣпость своего положенія, принятаго ими относительно моей совмѣстной съ г. Фенелономъ администраціи на о. Мартиникѣ, они увѣряютъ себя будто я долженъ быть недоволенъ" [1]). Онъ получилъ отпускъ на два года, говоря всѣмъ, что отправляется путешествовать по Германіи.

Человѣкъ серьезный, привыкшій строго относиться къ принимаемымъ на себя обязанностямъ, Ла-Ривьеръ, убѣжденный, что его зовутъ въ Россію для дѣятельности разносторонней, обширной [2]), пригласилъ, въ качествѣ секретарей [3]), двухъ-трехъ спеціалистовъ, которые должны были помогать ему, работать подъ его руководствомъ. Эти секретари выѣхали ранѣе его и отправились по другой дорогѣ, чтобы „ввести въ заблужденіе любопытныхъ".

Увѣдомляя Панина объ отъѣздѣ Ла-Ривьера изъ Парижа, князь Голицынъ приложилъ къ своему письму только что вышедшій

---

[1]) Госуд. Архивъ, в. с., л. 9.

[2]) Въ числѣ приглашенныхъ имъ лицъ находился и Виллье (de Villier), парижскій адвокатъ, въ теченіи трехъ лѣтъ находившійся въ Англіи для изученія англійскихъ законовъ. Онъ жилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ, добросовѣстно исполняя возлагавшіяся на него порученія, и былъ лично извѣстенъ Екатеринѣ, которая отзывалась о немъ такъ: „M-r de Villier est sage, a de l'esprit et est très instruit". Онъ былъ юрисконсультомъ генералъ-прокурора. Сборникъ, X, 55, 95.

[3]) Фальконетъ, ранѣе Ла-Ривьера прибывшій въ Россію и переписывавшійся съ Екатериною, тоже былъ убѣжденъ, что Ла-Ривьера вызывали „для совѣщанія о вопросахъ правовѣдѣнія и о всемъ, что могло споспѣшествовать благополучію Россіи и славѣ царствованія", какъ о томъ говорила ему сама Екатерина. Idem, 52.

томъ „L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques", появленіе котораго произвело такой шумъ въ Парижѣ.

Н. И. Панинъ зналъ Ла-Ривьера только съ хорошей стороны. Въ депешѣ барона Штакельберга, въ отзывахъ аббата Рейналь, Дидро, Кенэ и др. лицъ, пользовавшихся уваженіемъ, Ла-Ривьеръ рисовался съ очень лестной стороны, какъ образованный юристъ, членъ парламента и строгій экономистъ, послѣдователь и даже продолжатель Кенэ. Составленный имъ въ свою защиту „Mémoire" убѣдилъ Панина, что это дѣльный администраторъ и энергическій интендантъ, ставящій интересы ввѣренной ему области выше придворнаго угодничества, рѣшающійся противодѣйствовать королевскимъ декретамъ, „ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснить благосостояніе народа" [1]). Прочитавъ Mémoire", Панинъ надѣялся встрѣтить въ его авторѣ „своего человѣка"; ознакомившись-же съ „Ordre naturel", убѣдился, что Ла-Ривьеръ ему „не ко двору".

Излагая основныя причины „новаго ученія", Ла-Ривьеръ обратилъ особенное вниманіе на политическую сторону вопроса, которая и тогда уже представлялась Ахиллесовой пятой этого ученія. Ярый монархистъ, роялистъ въ душѣ, Ла-Ривьеръ искренно былъ убѣжденъ, что при абсолютной монархіи „счастіе народовъ" достигается надежнѣе и полнѣе, чѣмъ въ республикѣ Руссо или въ конституціонной монархіи Монтескье. Онъ признаетъ, что задача законодателя заключается исключительно въ обезпеченіи личной свободы и личной собственности, и не видитъ причинъ, по которымъ „избранники народа" могли-бы представить болѣе такого обезпеченія, чѣмъ наслѣдственный государь, естественно и лично заинтересованный „въ сохраненіи спокойствія и въ накопленіи богатствъ". Для контроля королевской власти Ла-Ривьеръ признавалъ достаточнымъ судебную власть, обязанную, подобно французскимъ парламентамъ, отправлять правосудіе и слѣдить за согласованіемъ королевскихъ декретовъ съ естественными законами. Обязанности короля онъ ограничивалъ поддержаніемъ безопасности и, согласно съ естественными условіями быта, предоставлялъ королю извѣстную часть чистаго дохода съ земли, собираемую въ видѣ прямаго налога. Эту свою политическую систему Ла-Ривьеръ самъ охарактеризовалъ крайне неудачнымъ выраженіемъ „законнаго деспотизма" (despotisme légal), возбудившимъ серьезныя возраженія и насмѣшки [2]).

---

[1]) Слова Панина въ проектѣ реформы сената, отвергнутомъ Екатериною.

[2]) Въ опроверженіе этой системы Вольтеръ написалъ „L'homme aux quarante écus".

Во французской литературѣ прошлаго вѣка „L'Ordre naturel" является лебединою пѣснью монархизма. Наканунѣ революціи, Ла-Ривьеръ громко и публично проповѣдывалъ, что „наслѣдственная монархія есть лучшая форма правленія", что „человѣкъ по природѣ своей необходимо долженъ быть управляемъ деспотомъ", что „самодержецъ представляетъ собою образъ Бога на землѣ" и т. под. [1]). Понятно, что такая книга была скоро и вполнѣ забыта во Франціи. Но въ Россіи? Не представлялось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Екатерина, прочтя „L'Ordre naturel", найдетъ во взглядахъ автора много общаго, ей симпатичнаго, что она, въ случаѣ надобности, встрѣтитъ въ доводахъ Ла-Ривьера большую для себя опору. „Книга Монтескье Esprit des lois служитъ мнѣ молитвенникомъ", писала Екатерина Даламберу; если книга Монтескье можетъ быть молитвенникомъ, то книга Ла-Ривьера должна стать для нея молитвою: Монтескье училъ новымъ политическимъ началамъ, Ла-Ривьеръ оправдывалъ старыя политическія традиціи. Для Екатерины важенъ былъ не Монтескье, а Ла-Ривьеръ.

Для Екатерины, не для Панина. Какіе мотивы ни руководилибы Екатериною при созваніи законодательной комиссіи, эта комиссія уже созвана, представители народа уже съѣхались, день открытія засѣданій уже назначенъ. Для людей такого закала, какъ Панинъ, было чрезвычайно важно, чтобъ комиссія состоялась и чтобъ плоды ея были плодотворны; Ла-Ривьеръ-же посвящаетъ цѣлыя главы доказательству, что народъ не можетъ быть законодателемъ, что раздѣленіе властей законодательной и исполнительной немыслимо [2]). Для Панина нѣтъ выбора: Екатерина не увидитъ книги „L'ordre naturel", Ла-Ривьеръ не останется въ Россіи.

Панинъ, на этотъ разъ, достигъ того и другаго.

Переѣздъ изъ Парижа въ Петербургъ дѣлался обыкновенно въ шесть недѣль; Ла-Ривьеръ пробылъ въ дорогѣ почти три мѣсяца, главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе нездоровья, заставившаго его останавливаться на 19 дней въ Берлинѣ, 10 въ Данцигѣ, 17 въ Ригѣ. Онъ ѣхалъ въ трехъ экипажахъ, съ нимъ было двѣ дамы— жена и г-жа де-Боранъ [3])—два секретаря и двое прислуги: лакей и горничная. Это путешествіе произвело на всѣхъ спутниковъ тяже-

[1]) L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. Paris. 1767, p. 127, 130, 142, 167, 180 sqq.

[2]) Idem, p. 106, 118—127.

[3]) Une petite chanteuse du concert de la reine, qui ne fera pas fortune en Russie par sa maniére de chanter. Tourneux, Correspondance, VII, 449; Thiebault, Mes souvenirs, Paris, 1805, III, 165.

лое впечатлѣніе. На другой-же день пріѣзда, Ла-Ривьеръ писалъ доктору Кенэ: „Хорошее дѣло, докторъ, путешествіе въ Петербургъ, когда оно уже сдѣлано; но это ужасное дѣло, когда его дѣлаешь“ [1]. Въ другомъ письмѣ встрѣчаются слѣдующія подробности: „Мы много мучились уже въ пескахъ Вестфаліи, гдѣ мы дѣлали 11 лье въ 18 часовъ. За Помераніей — еще хуже. Но все это ничто въ сравненіи съ ужасающею дорогою отъ Данцига въ Курляндію. Мы сдѣлали около 60 миль наполовину въ водѣ: одно, а иногда и два колеса кареты были въ морѣ. Мы впрягали 17 лошадей, которыя съ трудомъ вытаскивали экипажъ, который вязъ въ песку. Положеніе безвыходное: слѣва море, справа песокъ и на разстояніи 10—11 миль ни одного жилья, ни даже деревца. Если-бъ сломался экипажъ, мы должны были-бы стоять на мѣстѣ. Разстояніе въ 10—11 миль мы преодолѣвали въ 25 часовъ, не менѣе. Эта ужасная дорога на половину въ Пруссіи, на половину въ Польшѣ. На половинѣ пути—Кенигсбергъ. Кромѣ Кенигсберга и Митавы, нигдѣ нѣтъ гостинницъ. Путешественникъ беретъ съ собою кровать и всѣ необходимыя вещи“ [2]). Общее впечатлѣніе получалось невыгодное: „Необходимо признать, что отъ Брюсселя до Петербурга мы не видѣли хорошихъ дорогъ“.

На пути, при остановкахъ, иногда вынужденныхъ нездоровьемъ, Ла-Ривьера принимали, какъ выдающагося писателя, имя котораго хорошо уже было извѣстно за предѣлами Франціи. Принцъ Генрихъ прусскій въ Потсдамѣ и герцоги брауншвейгскіе въ Берлинѣ посвящали цѣлые вечера бесѣдѣ съ Ла-Ривьеромъ, особенно по поводу его книги, и почтили его лестными письмами. Русскій посолъ, кн. Долгоруковъ, позаботился облегчить по возможности дальнѣйшее путешествіе. Въ Ригѣ его принимали, какъ знаменитаго ученаго, снабдили его рекомендательными письмами къ своимъ друзьямъ въ Петербургѣ, и баронъ Будбергъ сталъ переводить „L'ordre naturel“ на нѣмецкій языкъ [3]).

Въ первыхъ числахъ октября Ла-Ривьеръ прибылъ въ Петербургъ. Императрица была въ Москвѣ, гдѣ 30-го іюля были открыты засѣданія законодательной комиссіи. Петербургскій губернаторъ Глѣбовъ переслалъ въ Москву письмо Дидро императрицѣ, привезенное Ла-Ривьеремъ, и письмо Панину отъ Ла-Ривьера, которое,

---

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 1035, л. 13.
[2]) Госуд. Архивъ, в. о., л. 17.
[3]) Госуд. Архивъ, XI, № 1035, л. 9, 14 и 21.

къ сожалѣнію, въ Государственномъ Архивѣ не сохранилось. О содержаніи его можно лишь отчасти догадываться по отвѣтному письму Панина, которое приводимъ въ точномъ переводѣ:

Москва. 9-го октября 1767 г.

„Я получилъ, милостивый государь, письмо, которымъ вы меня почтили. Вы легко поймете мое огорченіе при извѣстіи о всѣхъ безпокойствахъ вашего путешествія и о нездоровьи, которое заставляетъ васъ оставаться въ Петербургѣ. Безъ этого, полагаю, вы только проѣхали бы черезъ Петербургъ, чтобъ прибыть въ Москву, и я имѣлъ бы удовольствіе скорѣе познакомиться съ вами.

„Я доложилъ императрицѣ о вашемъ пріѣздѣ и о причинахъ, задерживающихъ васъ въ Петербургѣ. Въ то-же время я сообщилъ ея императорскому величеству о занятіяхъ, которыя вы предположили себѣ до ея возвращенія. Императрица съ благоволеніемъ одобряетъ предположенныя вами занятія въ этотъ промежутокъ времени.

„Она приказала генералъ-губернатору Глѣбову предоставить вамъ удобную квартиру. Онъ найдетъ для васъ, милостивый государь, домъ, такъ какъ въ Петербургѣ нѣтъ домовъ, принадлежащихъ коронѣ. Вы условитесь съ нимъ насчетъ числа необходимыхъ для васъ комнатъ или, если предпочитаете, потрудитесь сами устроиться по своему вкусу. Вы будете получать отъ него по сто рублей въ мѣсяцъ, назначенные на этотъ предметъ. Ему поручено передать вамъ тысячу рублей на восполненіе того, что могло бы недоставать въ меблировкѣ вашей квартиры, и вы будете получать по 200 рублей въ мѣсяцъ на расходы по вашему дому.

„Изъ письма, которымъ вы меня почтили, я вижу, что расходы по вашему путешествію превзошли сумму, полученную вами отъ кн. Голицына. Будьте столь добры, сообщите мнѣ цифру излишка, и я тотчасъ же возвращу его вамъ.

„Съ сожалѣніемъ вижу, что пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я буду въ состояніи лично засвидѣтельствовать вамъ то уваженіе, которое мнѣ внушили къ вамъ и съ которымъ я имѣю честь быть“ и т. д. [1]). „Н. Панинъ“.

Письмо, казалось-бы, какъ письмо; но внимательно вчитываясь

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 2. Приказъ Екатерины Глѣбову о квартирѣ и деньгахъ для Ла-Ривьера см. „Русскій Архивъ“ 1867 г., стр. 359. Въ копіяхъ, данныхъ Фальконету, этого письма не оказалось. Сборникъ, X, 30.

въ него, не трудно усмотрѣть, что услуги Ла-Ривьера не будут приняты и что ему остается только возвратиться во Францію.

По контракту, Ла-Ривьеръ обязанъ былъ ѣхать въ Петербургъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, усталый, полубольной, и узнавъ, что императрица въ Москвѣ, Ла-Ривьеръ, конечно, не могъ ѣхать въ Москву, не получивъ на то разрѣшенія императрицы. Въ Москвѣ третій уже мѣсяцъ засѣдаетъ законодательная комиссія; Ла-Ривьеръ убѣжденъ, какъ и всѣ, что его вызвали для работъ въ комиссіи; между тѣмъ Панинъ пишетъ, что императрица разрѣшила ему заниматься въ Петербургѣ „до ея возвращенія“ (jusqu'à Son retour). Что Ла-Ривьеръ предполагалъ ѣхать въ Москву, упоминаютъ, и не разъ [1]), лица, сопровождавшія его, и самъ Ла-Ривьеръ. Упоминая императрицѣ о письмѣ Панина и, очевидно, не довѣряя ему, Ла-Ривьеръ пишетъ Екатеринѣ, отъ 18-го октября: „но несмотря на непогоду, я явлюсь въ Москву, если вы того потребуете“ [2]). Такимъ образомъ, паниновское jusqu'à Son retour не могло быть отвѣтомъ на письмо Ла-Ривьера, а являлось прямымъ указаніемъ, что императрица не желаетъ, чтобы онъ пріѣзжалъ въ Москву.

Этого мало: въ письмѣ Панина высказано и оскорбительное для Ла-Ривьера пренебреженіе. Оканчивая письмо формою обычной вѣжливости, Панинъ прямо говоритъ объ уваженіи, которое ему внушили (la considération qu'on m'a inspirée pour vous). Ла-Ривьеру хорошо извѣстно, что Панинъ читалъ его „Mémoire“, получилъ его „L'ordre naturel“ и, тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ только объ уваженіи, которое ему внушено другими и котораго онъ самъ, слѣдовательно, не получилъ еще къ нему.

Мы высказали выше сожалѣніе, что письмо Ла-Ривьера къ Панину не сохранилось въ Государственномъ архивѣ. Въ самомъ дѣлѣ: въ архивѣ сохранились всѣ его письма, даже первое, изъ Данцига, отъ 28-го августа, ничтожное по содержанію, и пропало то именно письмо, которое одно въ состояніи разъяснить всю послѣдующую переписку. Теперь можетъ явиться предположеніе, что Панинъ, желая устранить Ла-Ривьера, какъ монархиста, составилъ свой

---

[1]) L'Impératrice revient au mois de decembre, si par hazard Elle prolongeait son voyage, j'irai la trouver (Госуд. Архивъ, XI, 1035, л. 2, письмо отъ 4-го октября). Notre ami ira à Moscou, quand la glace permettra aux traîneaux de rouler (Idem, л. 3). L'impératrice est à Moscou. Je serai peut-être encore dans le cas de faire ce voyage (Ibid, л. 4, письмо отъ 5-го октября). Notre ami sera forcé de faire le voyage à Moscou (Ibid., л. 9).

[2]) Госуд. Архивъ, XI, 1034.

отвѣтъ въ формѣ, совершенно произвольной, уничтоживъ письмо Ла-Ривьера.

Какъ-бы ни было, мысль о томъ, что Панинъ желалъ устранить Ла-Ривьера, не подлежитъ сомнѣнію.

Ла-Ривьеръ прибылъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября; на его первое письмо въ Москву, Панинъ отвѣчалъ 9-го октября; а спустя три дня, Екатерина, въ письмѣ къ Фальконету, отъ 12-го октября, пишетъ между прочимъ: „Скажите мнѣ свое мнѣніе о г. Ла-Ривьерѣ. Между нами будь сказано, я желаю, чтобъ онъ не слишкомъ-то заважничался, тѣмъ болѣе, что онъ могъ-бы сдѣлаться мнѣ ненужнымъ“ [1]). Кто-же могъ бросить уже Екатеринѣ мысль, что Ла-Ривьеръ слишкомъ большаго о себѣ мнѣнія? Кто, кромѣ Панина, могъ внушить императрицѣ, что Ла-Ривьеръ „не нуженъ“ ей?

Не смотря на то, что въ самомъ вопросѣ Екатерины ясно уже сказался ея взглядъ на Ла-Ривьера, тѣмъ не менѣе, даже осторожный Фальконетъ, въ своемъ отвѣтѣ, высказывается не противъ, а за Ла-Ривьера, рисуя его человѣкомъ высокихъ качествъ [2]): „Небольшой излишекъ самолюбія или довѣрчивости (весьма, впрочемъ, простительный) дѣлаетъ-ли поведеніе его непослѣдовательнымъ? Не знаю. Значеніе его задачи придаетъ-ли ему такой тонъ, который въ иностранцѣ, только-что прибывшемъ, бросается въ глаза людямъ простымъ и нерѣдко скромнымъ? Не знаю. На мой взглядъ душа его чиста, а не всѣ расположены благосклонно судить его. То, что о немъ пишутъ изъ Парижа, а также заглавіе его книги, которую я еще не читалъ, заставляютъ предполагать, что онъ человѣкъ первостепеннаго достоинства“ (un homme du premier mérite). Конечно, un homme du premier mérite, какъ и всякій смертный, имѣетъ свои особенности, странности, даже слабости, но не по нимъ дѣлается оцѣнка людей.

Письмомъ Панина къ Ла-Ривьеру, отъ 9-го октября, началась та переписка между ними, на основаніи которой Екатерина составила себѣ мнѣніе о Ла-Ривьерѣ, мнѣніе, повторяемое всѣми до настоящаго времени [3]). Екатерина придавала значеніе этой перепискѣ и потому еще, что письма Ла-Ривьера должны были объяснить французскимъ философамъ, особенно-же Дидро, почему императрица не признала возможнымъ воспользоваться услугами реко-

---

[1]) Сборникъ, X, 21.
[2]) Ibid., 22.
[3]) Сборникъ, X, 240; XVII, 255.

мендованнаго ими Ла-Ривьера. Съ этою-то цѣлью Фальконету бы доставлены, по приказанію императрицы, копіи всѣхъ писемъ, ко рыми обмѣнялись Ла-Ривьеръ и Панинъ, за исключеніемъ, одна вышеприведеннаго нами письма Панина [1]), хотя именно это писа и вызвало переписку „довольно ѣдкаго свойства". Изъ перепис Фальконета съ императрицею и съ французскими философами мож видѣть, что̀ именно не нравилось въ письмахъ Ла-Ривьера, чт ставилось ему въ вину, на чемъ были основаны дурные о нем отзывы.

Рекомендуя Екатеринѣ юриста Виллье, приглашеннаго въ Россі Ла-Ривьеромъ, Фальконетъ пишетъ императрицѣ: „тихій, скромны Виллье не станетъ хвастливо кричать, что взоры всей Европ устремлены на него" [2]). Собственно говоря, Ла-Ривьеръ не на салъ подчеркнутыхъ Фальконетомъ словъ. Онъ писалъ то, да и такъ. Въ письмѣ къ императрицѣ, отъ 18-го октября, Ла-Ривьер упомянувъ о чести быть привлеченнымъ императрицею къ тѣм работамъ законодательной комиссіи, которыя навсегда должны по крыть ее истинною славою, прибавлялъ, что онъ „сдѣлаетъ не возможное", чтобъ достойно выполнить тѣ порученія, которыя ей угодно будетъ возложить на него. Въ доказательство своего усердія онъ приводилъ, во-первыхъ, приглашеніе имъ свѣдущихъ людей, способныхъ помогать ему, и, во-вторыхъ, свое личное положеніе, о которомъ онъ писалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я смотрю на себя здѣсь, какъ на человѣка, на котораго теперь устремлены глаза всей Европы, не вслѣдствіе той небольшой извѣстности, которую я, быть можетъ, стяжалъ, но потому, что взоры всей Европы устремлены на государыню, которая сдѣлала мнѣ честь призвать меня. Такимъ образомъ, я обязанъ, такъ сказать, отчетомъ всей Европѣ о томъ, что̀ я могу сдѣлать на служеніи той, которая стала предметомъ вниманія всѣхъ иностранцевъ" [3]).

Словамъ и выраженіямъ, встрѣчающимся въ писаніяхъ прошлыхъ вѣковъ, должно придавать современный имъ смыслъ и значеніе; нельзя о письмахъ прошлаго вѣка судить по понятіямъ нынѣшняго. Для насъ, дѣйствительно, можетъ казаться страннымъ

---

[1]) Je rends bien des grâces à Votre Majesté de la permission de garder ces copies. Il y a sans doute une lettre du comte Panin qui occasionne les plaintes que m-r de la Rivière fait du traitement, elle rendrait la discussion complète. si elle était jointe aux autres.

[2]) Сборникъ, XVII, 54.

[3]) Госуд. Архивъ, XI, № 1034.

человѣкъ, ничего еще въ Россіи не сдѣлавшій и уже убѣжденный, что на него устремлены взоры всей Европы; но въ 1767 году, какъ вся Европа съ удивленіемъ смотрѣла на созывъ въ Россіи законодательной комиссіи, такъ и въ Россіи сама императрица была убѣждена, что не только Европа, но все человѣчество слѣдитъ за работами этой комиссіи. Когда депутаты, принявъ присягу, явились къ императрицѣ, вице-канцлеръ, кн. А. М. Голицынъ, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, отъ имени императрицы, сказалъ между прочимъ:

—„Начинайте сіе великое дѣло и помните при каждой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ показать, сколь велико было ваше радѣніе о общемъ добрѣ и блаженствѣ рода человѣческаго, о вселеніи въ сердце людское добронравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствіи, безопасности каждаго и о блаженствѣ любезныхъ согражданъ вашихъ.

„Вы имѣете случай прославить себя и вашъ вѣкъ и пріобрѣсти себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ.

„Отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы: очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ, и путь къ оной вамъ открытъ“ [1]).

„Взоры Европы“, обращенные на Ла-Ривьера, имѣютъ такое-же значеніе, какъ „очи подсолнечныхъ народовъ“, обращенные на комиссію.

Переписка Панина съ Ла-Ривьеромъ касается, главнѣйшимъ образомъ, денежныхъ расчетовъ. Въ Парижѣ, когда кн. Голицынъ завелъ объ этомъ рѣчь, Ла-Ривьеръ отказался опредѣлить себѣ вознагражденіе за трудъ, отчасти не зная, въ чемъ будутъ состоять его занятія, отчасти, вѣроятно, полагая, что императрица во всякомъ случаѣ щедро вознаградитъ его. Когда, въ письмѣ отъ 9-го октября, Панинъ увѣдомилъ, что назначено 100 руб. квартирныхъ и 200 руб. столовыхъ въ мѣсяцъ, Ла-Ривьеръ обидѣлся: онъ занималъ во Франціи мѣсто съ жалованьемъ въ 40,000 экю; онъ прибылъ въ Россію не одинъ, съ пятью помощниками, и ему предлагаютъ 3,600 руб. въ годъ, т. е. 14,400 франковъ, чего, конечно, было недостаточно на одно содержаніе его семьи и секретарей. Ла-Ривьеръ не принялъ этого расчета и предпочелъ смотрѣть на свое пребываніе въ Петербургѣ, какъ на продолженіе путешествія, расходы котораго, по договору, уплачивались русскимъ правительствомъ. Екатерина приняла сторону Ла-Ривьера. Увѣдомляя его объ

[1]) Русск. Архивъ, 1867 г., стр. 364; Сборникъ, IV, 39.

этомъ, Панинъ прибавлялъ, что предложенные ему 300 руб. въ мѣсяцъ составляютъ содержаніе первыхъ чиновъ гражданской службы въ Россіи.

Фальконетъ, въ письмѣ къ Дидро, упоминаетъ объ этихъ денежныхъ счетахъ, высказывая взглядъ, внушенный ему, вѣроятно, Панинымъ: „Если вы будете рекомендовать кого-нибудь императрицѣ, постарайтесь, чтобъ это лицо, говоря въ письмѣ о своемъ безкорыстіи, не заявляло, что во Франціи оно получало 40,000 экю въ годъ, не считая наградныхъ. Вѣдь, подобное заявленіе должно разсматриваться, какъ назначеніе себѣ жалованья, размѣръ котораго это лицо не желало опредѣлить прежде прибытія въ Россію. Послѣ такого заявленія, жалованье должно достигать 80,000 экю, не считая наградныхъ: человѣку достойному, покидающему родину и отправляющемуся въ страну снѣговъ единственно ради любви къ человѣчеству и для закрѣпленія славы великой императрицы, нельзя-же предложить менѣе чѣмъ вдвое противъ того, что онъ получалъ на родинѣ—кажется, ясный намекъ?“ [1]).

Разсужденіе Фальконета, кѣмъ-бы оно ни было подсказано, неосновательно. Панинъ хорошо зналъ, что Ла-Ривьеръ пріѣхалъ не одинъ; игнорировать приглашенныхъ Ла-Ривьеромъ лицъ значило отказаться отъ услугъ самого Ла-Ривьера. Это во-первыхъ; во-вторыхъ: приравнивать Ла-Ривьера, приглашеннаго въ Парижѣ въ тотъ именно моментъ, когда онъ былъ на верху славы, къ первымъ чинамъ гражданской службы нельзя, какъ нельзя было поручить этимъ первымъ чинамъ той работы, для которой вызывался Ла-Ривьеръ. Кого-бы Панинъ ни разумѣлъ подъ первыми чинами гражданской службы, онъ долженъ-же былъ знать, что эти первые чины не были въ состояніи не только сочинить, но, въ большинствѣ случаевъ, даже прочесть и понять „L'ordre naturel“. Наконецъ, въ-третьихъ, Фальконетъ неосновательно удивляется большому жалованью, которое будто-бы запрашивалъ Ла-Ривьеръ. Онъ, прежде всего, не запрашивалъ, а констатировалъ фактъ, который баронъ Штакельбергъ или кн. Голицынъ обязанъ былъ сообщить русскому двору, чтобы правительство знало съ кѣмъ оно будетъ имѣть дѣло; сверхъ того, размѣръ вознагражденія подобныхъ лицъ долженъ быть опредѣленъ сообразно со взглядами того времени. Что 3,600 рублей, или 14,400 франковъ, составляли вознагражденіе недостаточное,—Фальконетъ, незадолго до того приглашенный, долженъ былъ знать: онъ самъ получалъ почти вдвое болѣе—по 25,000 франк. въ годъ, по контракту

[1]) Revue moderne, XXIII, 382; Сборникъ, XVII, 255.

на восемь лѣтъ и подъ условіемъ получить, во всякомъ случаѣ, не менѣе 200,000 франковъ. И эти 25,000 фр. признавались въ свое время вознагражденіемъ столь малымъ, что о безкорыстіи Фальконета велась цѣлая переписка. Ла-Ривьеръ „запросилъ“ 40,000 экю. Много это или мало? Одинъ изъ пяти секретарей, приглашенныхъ Ла-Ривьеромъ, получилъ мѣсто юрисконсульта при генералъ-прокурорѣ; такихъ юрисконсультовъ нужно было четыре; недостающихъ трехъ искали, конечно, за-границею, и результатъ этого исканія Екатерина такъ передаетъ этому-же Фальконету, въ письмѣ отъ 17-го іюля 1768 года: „Мы уже искали такихъ людей въ Германіи и нѣкоторые запросили всего 10.000 червонцевъ (болѣе 200,000 фр.) жалованья“ [1]). Другими словами: даже нѣмецкіе юристы, не славившіеся въ XVIII столѣтіи, рѣшались ѣхать въ Россію не иначе, какъ за вознагражденіе, въ четырнадцать разъ превышавшее содержаніе первыхъ чиновъ гражданской службы.

Въ письмахъ Ла-Ривьера Панину блистательно разъяснено недоразумѣніе, послужившее для Панина главнымъ, какъ кажется, поводомъ къ устраненію Ла-Ривьера. Недоразумѣніе это касается срока службы Ла-Ривьера въ Россіи: на основаніи писемъ Дидро, барона Штакельберга и князя Голицына, въ Петербургѣ смотрѣли на Ла-Ривьера, какъ на лицо, готовое, по неудовольствіямъ на свое министерство, навсегда покинуть Францію, между тѣмъ какъ Ла-Ривьеръ взялъ отпускъ только на два года, съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться въ свое отечество. Ла-Ривьеръ во всякомъ случаѣ не можетъ отвѣчать за то, что въ Россіи повѣрили ложнымъ слухамъ и, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ человѣка, приравняли его къ первымъ чинамъ гражданской службы. Въ оправданіе лично себя, Екатерина послала Фальконету письмо Дидро; Фальконетъ отвѣчалъ императрицѣ: „Я очень обязанъ вамъ за письмо Дидро. Если-бъ я стоялъ за его стуломъ, когда онъ писалъ его, я сказалъ-бы ему: другъ мой, напиши другое. Зачѣмъ выдавать г. де Ла-Ривьера за человѣка, какъ-будто высланнаго изъ своей среды, когда онъ имѣетъ всего отпускъ на два года? Зачѣмъ намекать, будто онъ закрываетъ себѣ двери во Францію, когда это не такъ? Г. де Ла-Ривьеръ не говоритъ, что онъ недоволенъ министерствомъ—Дидро выдаетъ свои опасенія за дѣйствительность“ [2]). Екатерина признала это недоразумѣніе и, въ письмѣ отъ 29-го ноября,

---

[1]) Сборникъ, XVII, 56.
[2]) Сборникъ, XVII, 24.

выразилась о немъ такъ [1]): „И Дидро, и кн. Голицынъ, Штакельбергъ, мой посланникъ въ Испаніи, и аббатъ Рейналь, вы, и Панинъ, и я, и самъ авторъ „L'ordre naturel"—мы всѣ ошиблись, мы всѣ бѣлены объѣлись, мы вѣримъ письмамъ, сплетнямъ. Мы были глупы: мы должны были знать, что изо-дня въ день люди ссорятся, мирятся, бѣгутъ другъ друга, другъ другу помогаютъ, то хотятъ, то не хотятъ, и что есть такіе, которые стараются обмануть, но я спрашиваю васъ, г. Фальконетъ, честно-ли это?"

Кто-же „старается обмануть"? По мнѣнію Екатерины, конечно Ла-Ривьеръ. Она не видѣла его, не разговаривала съ нимъ и уже смотритъ на него, какъ на человѣка нечестнаго. Такой рѣзкій и рѣшительный отзывъ могъ быть результатомъ или наговоровъ Панина, или писемъ Ла-Ривьера. Можно-ли-же изъ этихъ писемъ усмотрѣть, что Ла-Ривьеръ старается обмануть?

В. А. Вильбасовъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

---

[1]) Idem, 30.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 $\frac{\text{13-го августа род.}}{\text{ум. 19-го сентября}}$ 1883.

XLV [1]).

Не могу и теперь, по прошествіи стольких лѣтъ, забыть чуднаго климата Италіи, ярко горящаго солнца и вѣчно голубаго неба, которое такъ рѣдко бываетъ покрыто тучами, что я иногда желалъ темныхъ дождливыхъ дней, въ которые могъ-бы отдохнуть отъ работы; въ ясную-же погоду не хотѣлось проводить праздно ни одного часа. Иной разъ, бывало, встрѣтишь на Корсо пріятеля, итальянца художника, обращаешь его вниманіе на прелесть дня и блестящее солнце, а онъ вмѣсто того, чтобы восхищаться со мною, говоритъ: „Да, это правда, чудное свѣтлое солнышко, но оно ничего намъ не даетъ и въ кошелькѣ у насъ

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601—634; т. LXX, апрѣль, стр. 71—116: май, стр. 305—337; іюнь, стр. 547—580; томъ LXXI, іюль, стр. 25—70; августъ 239 — 264; сентябрь, стр. 519—546; томъ LXXII, октябрь, стр. 113—137.

пусто, а у васъ хоть и нѣтъ ясныхъ дней, но зато свѣтитъ въ карманѣ". Въ этой классической странѣ, чуть-ли не всякій домъ былъ нѣкогда жилищемъ какой-нибудь знаменитости по части наукъ и искусствъ. Такъ, въ моей улицѣ, Via-Sistina, жилъ нѣкогда Флаксманъ, скульпторъ Бернини, безсмертный Торвальдсенъ и въ концѣ улицы, по направленію къ францисканскому монастырю Св. Троицы, находились дома Клавдія Лоррена, Пуссена и Сальватора-Розы. И вотъ, гуляя по улицамъ, среди классическихъ остатковъ нѣкогда побѣдоноснаго Рима, и слыша постоянно имена великихъ художниковъ, является невольное желаніе и самому составить себѣ имя между своими соотечественниками. И дѣйствительно, никакая другая страна не можетъ быть такъ полезна молодому художнику, желающему усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, какъ Италія. Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаешь классическія лица и костюмы, художественно наброшенные на плечо плащи, живописную одежду духовенства, капуцинъ и кардиналовъ, не менѣе живописны и наѣздники, гонящіе быковъ, оригинальная одежда транстеверинцевъ, ихъ игры del-moro, имѣющія зачастую трагическій конецъ. Тутъ слѣдуетъ прибавить, что итальянецъ при малѣйшей обидѣ хватается за ножъ и рабочій римлянинъ, уходя утромъ на дневной трудъ, не можетъ поручиться вернется-ли онъ вечеромъ домой. Даже уличные мальчишки до того вспыльчивы, что поссорившись между собою изъ-за бездѣлицы, хватаютъ что-нибудь съ земли и показываютъ видъ, что, не имѣя ножа, они готовы хоть камешкомъ расплатиться за обиду.

Однажды, въ воскресный день, въ трактиръ Гальонэ, гдѣ я обѣдалъ, явилась цѣлая партія транстеверинцевъ съ выразительными физіономіями, въ своемъ красивомъ національномъ костюмѣ: бархатныхъ курткахъ, наброшенныхъ на одно плечо, пестрыхъ жилетахъ, коротенькихъ панталонахъ, синихъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Они вошли съ веселыми лицами, съ шумнымъ говоромъ усѣлись за столъ, и первымъ дѣломъ начали вытирать весь приборъ чистою салфеткою (это общій обычай у всѣхъ римлянъ), заказали обѣдъ, поѣли и затѣмъ началась попойка... и вдругъ изъ-за какого-то пустяка или мнимо нанесенной обиды, всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и вмигъ похватались за ножи: двое упали раненые, а

другіе исчезли, быть можетъ, для того, чтобы покончить распрю на свободѣ. Не желая быть свидѣтелемъ, когда явится полиція, я расплатился и ушелъ; но позже слышалъ, что одинъ изъ раненыхъ умеръ. Въ другой разъ сижу въ кофейной, также въ воскресный день, вечеромъ, когда народъ возвращался толпою съ загороднаго гулянья, какъ вдругъ, точно молнія, вбѣгаетъ какой-то человѣкъ, летитъ стрѣлою и исчезаетъ черезъ кухню во дворъ, вслѣдъ за нимъ съ неимовѣрною быстротою вбѣгаетъ другой, чтобы нагнать его и хватить сзади ножемъ, но, промахнувшись, ударяетъ мраморный столикъ съ такою силою, что лезвіе ножа разлетается на двѣ части; озлобленный своею неудачею, онъ преспокойно вышелъ изъ кофейни. Подобные случаи часто повторяются въ Римѣ, особенно въ воскресные и праздничные дни. А какъ живописенъ этотъ народъ, особенно женскій рабочій классъ, который, неустанно трудясь цѣлый годъ, считаетъ долгомъ повеселиться въ октябрѣ! Женщины эти нанимаютъ коляску, одѣваютъ на голову родъ мужской шляпы, украшенной цвѣтами, и въ этомъ живописномъ костюмѣ садятся по 8 и 9 человѣкъ въ экипажъ съ бубнами въ рукахъ и, распѣвая ·ни, катаются по всѣмъ улицамъ. Послѣ этого у нихъ бываетъ ·казанъ обѣдъ въ загородномъ трактирѣ, гдѣ, исправно покушавъ и выпивши хорошо, они начинаютъ танцовать вѣчно одинъ и тотъ-же танецъ „il saltarello“. Къ обѣду и къ танцамъ присоединяются ихъ мужья, женихи и друзья. Да и вообще римляне любятъ круглый годъ обѣдать въ праздничные дни за-городомъ, гдѣ они на открытомъ воздухѣ играютъ въ ·шары, а молодежь, окруженная толпою, импровизируетъ на гитарѣ какую-нибудь пѣсню.

Въ высшей степени интересны въ Римѣ церковныя празднества. Не говоря о торжественныхъ богослуженіяхъ Страстной и Пасхальной недѣль, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, 1-го числа праздникъ „Всѣхъ Святыхъ“; затѣмъ слѣдуютъ дни поминовенія усопшихъ, начиная съ папъ, въ послѣдній-же день недѣли поминаютъ всѣхъ казненныхъ. Во многихъ церквахъ выставляютъ фигуры библейскаго содержанія, но самая интересная церковь—это Св. Исидора, принадлежащая капуцинамъ. Монахи эти носятъ одежду изъ грубаго сукна свѣтло-кирпичнаго цвѣта, ходятъ босые, въ сандаліахъ, и на тѣлѣ не носятъ никакого бѣлья. Но вообще

они отличаются добрымъ сердцемъ и строгихъ правилъ при... живаются только для себя. Знаменитая картина Гвидо-Ре... „Михаилъ Архангелъ, поражающій сатану“ находится въ ... монастырской церкви, подвалъ которой поражаетъ своимъ сво... образнымъ назначеніемъ и отдѣлкою: онъ служитъ усыпальницей умершихъ капуциновъ..

Большая подземная капелла украшена люстрою, по бокам... ея разныя украшенія, богатые карнизы и всѣ составлены из... костей умершихъ капуциновъ, а по угламъ, словно стражи под... земнаго царства, стоятъ скелеты капуциновъ со свѣчами в... рукахъ. Въ срединѣ подземелья возвышается насыпь изъ свѣтло-коричневаго песка, по преданію, привезеннаго изъ Іерусалима и имѣющаго свойство изсушать трупъ; въ этой-то насыпи хоронятъ монаховъ. Какъ только-что трупъ достаточно высохнетъ, его вынимаютъ, и если умершій отличался святостью жизни, то скелетъ его скрѣпляютъ, одѣваютъ въ монашескую одежду и ставятъ около стѣны, давъ ему свѣчу въ руку; такимъ образомъ онъ становится стражемъ этой единственной въ христіанскомъ мірѣ погребальной капеллы.

XLVI.

Разговорившись о незабвенномъ Римѣ, которому я столько обязанъ, я прервалъ разсказъ свой о моемъ пребываніи въ этомъ городѣ. Благодаря спокойной квартирѣ, которую я занималъ у Филиппа Ченчи, трудъ мой подвигался впередъ; но съ кончиною моего хозяина явились разныя препятствія: такъ, занимаемый имъ этажъ достался ему въ уплату долга и въ пожизненное владѣніе, съ его-же смертью, этажъ этотъ переходилъ законнымъ наслѣдникамъ, которые и предъявили моей старушкѣ свои права, такъ что ей пришлось искать новую квартиру. Это меня крайне опечалило, и въ то же время я получилъ повѣстку явиться чрезъ 6-ть дней на гауптвахту 4-го квартала, какъ солдатъ національной гвардіи.

Въ назначенный день я былъ къ 7 час. вечера на площади Nicosia (Никосіа). Гауптвахта содержалась во дворцѣ извѣстнаго въ то время живописца Камуччини. Въ 7 час. скомандовали отслужившей гвардіи, они положили ружья въ сошки и

пошли по домамъ. Вновь-же собравшіеся мои товарищи, изъ коихъ я никого не зналъ, бросились почти въ запуски къ назначенной намъ гауптвахтѣ брать ружья, а главное—примѣрить ремни съ палашемъ и жиберною, я же шелъ тихимъ шагомъ, какъ на чужой пиръ, думая — что попался какъ куръ во щи. Разсуждая такимъ образомъ, я пришелъ на гауптвахту и нашелъ всѣхъ уже съ перевязями, палашемъ и жиберною; начинаю отыскивать мои воинскіе доспѣхи, и вижу, что осталась только одна пара: примѣряю ее и убѣждаюсь, что перевязи эти, должно быть, украшали нѣкогда гиганта или толстяка: длина была ужасная, палашъ тащился по землѣ, а жиберна висѣла почти до задняго сгиба колѣна. Начали искать что-нибудь подходящее къ моему росту.

— Болѣе нѣтъ ничего, — былъ отвѣтъ. Въ углу я увидалъ ружье, спрашиваю: „чье это ружье?“ Мнѣ вѣжливо отвѣчаютъ: „оно ваше“, беру его въ руки, и, понятно, что послѣ карандаша и рѣзца оно показалось мнѣ страшилищемъ. Вижу, нашъ унтеръ-офицеръ въ хлопотахъ считаетъ насъ, дѣлаетъ перекличку, наконецъ, командуетъ намъ становиться. Мы выстроились. Онъ началъ разставлять насъ по росту и приступилъ къ ученью, выкрикивая команду взыскательнымъ, строгимъ голосомъ. Мнѣ очень было трудно въ мои 48 лѣтъ дѣлать всѣ ружейные пріемы чисто и бодро. Впрочемъ, унтеръ-офицеръ не былъ ко мнѣ строгъ и, поправляя мнѣ пальцы на рукахъ и сдвигая мои пятки, улыбался и хвалилъ мои успѣхи. Эта похвала меня такъ ободрила, что я долго еще послѣ окончанія ученія твердилъ показанные пріемы, чтобы къ утру знать ихъ въ совершенствѣ. Мой палашъ и жиберна сильно меня безпокоили; палашъ попадалъ между ногъ, и я падалъ, возбуждая общій смѣхъ; жиберна моя валялась по землѣ; вставая и забывъ о ней, я тащилъ за собою и стулъ, за который она зацѣплялась. Въ камерѣ былъ сдѣланъ родъ наръ, гдѣ можно было спать одинъ возлѣ другаго; только всѣ сидѣли на свѣжемъ воздухѣ.

Стемнѣло; я хотѣлъ прилечь; вхожу и вижу нашего барабанщика, спящаго крѣпкимъ сномъ; думаю: „прилягу и я“. Не прошло и пяти минутъ, какъ я почувствовалъ по всему тѣлу кусанье и зудъ. Тотчасъ вскочилъ и разсказалъ мой испугъ сотоварищамъ-солдатамъ: „Боже избави лечь на нары“ — отвѣчали

они,—„васъ заѣдятъ насѣкомые, на барабанщика не смотрите,—онъ безсмѣнный!“

Мы начали по двое проситься ужинать; насъ отпускали на часъ и на полтора. Къ 12-ти часамъ ночи пришла моя очередь. Дорогою, путаясь въ моемъ палашѣ, который волочился за мною и попадалъ между ногъ, я раза два падалъ, наконецъ, пришелъ домой. Старушка отворяетъ и съ ужасомъ смотритъ на меня. „Боже мой, что стало съ вами и съ нашимъ Римомъ, до чего Мать Пресвятая Богородица довела и оставила насъ!“ — приговаривала она, — я же военнымъ голосомъ, желая попугать старушку, говорю: „ужинать хочу; есть ужинъ?“ все это повелительно, шумя своими воинскими доспѣхами.

„Только и есть овечій творогъ“ (la ricotta),— былъ отвѣтъ. Она забыла взять ножъ; вспомнивъ, что при мнѣ есть палашъ, который, благодаря длинной перевязи, лежалъ возлѣ меня на полу, какъ вѣрный песъ, я схватываю его, обнажаю, и къ стыду моему убѣждаюсь, что онъ не рѣжетъ даже творогъ. Старушка улыбнулась, я же досадовалъ на то, что мой творогъ весь искрошился; осматриваю остріе палаша и нахожу его толщиною въ полъ пальца.

Возвратившись къ назначенному времени на гауптвахту, я былъ отправленъ съ другими въ дозоръ съ шуточнымъ паролемъ: „Старыхъ бабъ по домамъ, молодыхъ же къ намъ“.

Мы шли дружно, безъ разговора. На улицахъ было тихо: запоздалыхъ не встрѣчали, кромѣ влюбленной четы кошекъ, и ихъ дуэты показались мнѣ несносны. Когда я вернулся съ дозора, меня позвалъ унтеръ-офицеръ и говоритъ: „Ваша очередь быть на часахъ у дворца Боргезе, у сохранной казны“ Иду съ ружьемъ, подхожу къ часовому, мы мѣняемся съ нимъ ружьями, и онъ сообщаетъ мнѣ, что ружье его заряжено. „Вотъ тебѣ и бабушка“, думаю, я и съ простымъ ружьемъ не знаю что дѣлать. Унтеръ-офицеръ началъ читать мнѣ наставленія, передавъ прежде всего пароль, затѣмъ, что̀ слѣдуетъ говорить, когда явится патруль жандармовъ. Тутъ я увидалъ, что я дѣйствительно солдатъ. Унтеръ-офицеръ просилъ меня повторить его приказанія. Помню, что я очень ошибался, и онъ повторялъ и поправлялъ меня. Уходя, онъ замѣтилъ: „Будьте осторожны, здѣсь вы храните деньги гражданъ“.

При этихъ словахъ холодный потъ пробѣжалъ у меня по тѣлу, и я остался одинъ среди кромѣшной тьмы у спуска къ набережной il Ripetto; главное, я боялся своего заряженнаго ружья, придерживая его какъ можно дальше отъ тѣла и держа пальцы какъ можно дальше отъ курка. Что будетъ, думалось мнѣ, если въ темнотѣ узкаго переулка подкрадется кто-нибудь, да дастъ мнѣ туза въ затылокъ, я и покачусь внизъ со спуска; вдругъ слышу идутъ; кажется жандармы; они получили мой отвѣтъ, по правиламъ, въ исправности и пошли далѣе. Я благодарилъ Бога, что это сошло съ рукъ. Опять слышу легкій шумъ, прислушиваюсь и громко кричу: „chi viva?“ (кто живетъ). Отвѣта нѣтъ. Прислушиваюсь еще, — все тотъ-же шумъ, кричу вновь: „Кто живетъ?“ Тутъ я призадумался: гауптвахта далеко, съ ружьемъ не знаю что дѣлать, но я успокоивалъ себя, что вѣрно послѣ моего втораго спроса мошенникъ испугался и ушелъ. Постоявши и вновь почесавъ въ ухѣ, стараюсь прислушаться. Боже мой, все тотъ-же шепотъ и легкій шумъ. Я кричу третій разъ: „Кто живетъ?“ Отвѣта нѣтъ, мошенникъ не удаляется. Дѣлать нечего, я осторожно спустилъ ружье на лѣвую руку, машинально, дѣлая видъ, что готовлюсь стрѣлять, но, къ несчастью, и среди бѣлаго дня я не умѣлъ стрѣлять, а тѣмъ болѣе теперь, ночью, среди кромѣшной темноты. Я не зналъ, что дѣлать. Явилась благая мысль—идти на встрѣчу мошеннику и постараться поймать его. Иду, подхожу къ тому мѣсту, откуда слышался шумъ, и нахожу фонтанчикъ, который находится въ стѣнѣ дворца Боргезе и бьетъ въ небольшую чашу. Боже мой, какъ сильно было мое разочарованіе и какъ я былъ радъ, что я такъ дешево отдѣлался отъ страха.

Разсвѣло; явилось наше начальство, которое отлично выспалось. Нѣкоторые замѣчали, смотря на нихъ: „Бѣдняжки поустали, выспавшись хорошо; посмотрѣли-бы на насъ, которые не сомкнули глазъ ни на минуту: на гауптвахтѣ мѣшаютъ спать блохи и насѣкомые, на улицѣ спать опасно, чтобы не схватить лихорадку!“ Мы ходили по очереди завтракать въ близь находящіяся кофейни. Дѣла никакого не было. Я былъ одѣтъ весь въ сѣромъ: въ сѣрой шляпѣ, сѣрой парѣ, съ синими очками на носу. Скуки ради я разсматривалъ свою жиберну, которая оказалась полна паутины, а на ружьѣ нашелъ заповѣдь Господню:

„Не убій“, четко выгравированную. Увидавъ ее, я разсмѣялся, сказавъ себѣ: „Вотъ невинная страна! Оружіе, которое губитъ тысячи и убиваетъ людей, здѣсь дано только страха ради“. Пока я разсматривалъ это опасное украшеніе воина, курокъ выпалъ со своего мѣста; все ружье, по словамъ солдатъ національной гвардіи, было сущая дрянь и принадлежало ко времени папы Сикста V-го; всѣ они отъ души смѣялись, осматривая его.

Послѣ обѣда соотечественники-художники, узнавъ, что я на службѣ, просили позволенія посѣтить меня, и вмѣстѣ съ ними пришелъ другъ русскихъ художниковъ, скульпторъ Гаяси. Увидавъ меня въ военныхъ доспѣхахъ, съ палашомъ, который тащился по землѣ съ жиберною, спущенною почти до икръ, и въ синихъ очкахъ, всѣ хохотали; нѣкоторые достали изъ боковыхъ кармановъ записныя книжечки, чтобы набросать кроки на память,—такъ живописна была моя наружность. Посмѣявшись, художники распростились со мной.

Вѣжливость и привѣтливость составляютъ отличительную черту жителей этой счастливой страны.

Сидя съ незнакомыми мнѣ національными гвардейцами, я старался узнать, кто изъ нихъ къ какому сословію принадлежитъ: если который-либо изъ нихъ толковалъ много о кожѣ, то я взглядывалъ на его ногти, и если они были въ траурѣ, т. е. подъ ногтями было черно, то я угадывалъ, что это происходило отъ вара и дратвы, и смѣло говорилъ ему: „вы, вѣрно, занимаетесь сапожнымъ мастерствомъ“! Утвердительный отвѣтъ убѣждалъ меня въ томъ, что я не ошибся; въ тщедушномъ я узнавалъ портного и т. д. Однако, меня удивляло, что эти бѣдные люди, не получившіе образованія, были весьма пріятными собесѣдниками—такъ щедро надѣлила ихъ природа.

Весь день просиживали мы на гауптвахтѣ въ бездѣйствіи; глаза мои страдали отъ сильнаго свѣта, ибо мы сидѣли на открытомъ воздухѣ, гдѣ ничто не заслоняло солнечныхъ лучей. Отдавать честь никому не случалось, потому что папа, кардиналы и римскіе князья сидѣли дома въ своихъ дворцахъ, какъ взаперти. Слѣдующій случай заставилъ насъ отъ души посмѣяться: подъѣзжаетъ къ гауптвахтѣ экипажъ, изъ него выходитъ дама съ сыномъ, бѣленькимъ и нѣженькимъ, которому слѣдовало отбывать воинскую повинность вмѣстѣ съ нами, и проситъ нашего стар-

го не давать ему сидѣть возлѣ ружья, чтобы оно не разрялось и не убило-бы его, такъ какъ онъ объ огнестрѣльномъ ружіи понятія не имѣетъ. Ее успокоили, сказавъ, что будутъ беречь ея сына. Довольная сѣла дама въ карету и втянула туда своего агнца. Оставшіеся-же націоналы хохотали отъ души, говоря: „хорошо имѣть подобнаго защитника отечества“.

Придедши домой послѣ службы и взявъ въ руки мой гравировальный инструментъ, я почувствовалъ себя обиженнымъ заниматься послѣ ружья такою дрянью, какъ мой рѣзецъ; онъ показался мнѣ самымъ ничтожнымъ.

XLVII.

Приближалось время открытія палатъ. Въ то время финансы Италіи были въ большомъ упадкѣ, и всѣ боялись, что министръ двора де-Росси обнаружитъ это. Въ числѣ депутатовъ находился нѣкто Стербини, поэтъ и человѣкъ весьма талантливый, но своимъ нравственнымъ обликомъ напоминавшій Робеспіера; его всѣ боялись. Онъ былъ долгое время эмигрантомъ и только амнистія добраго Пія IX дала ему возможность возвратиться въ Италію.

Изъ многихъ періодическихъ изданій, выходившихъ въ то время въ Римѣ, первое мѣсто занималъ „Il Contemporanio“, т. е. „Современникъ“. Онъ держался крайняго республиканскаго направленія, сильно нападалъ на министра де-Росси за то, что онъ будто-бы часто мѣнялъ свои политическія убѣжденія, служилъ и Италіи, и Франціи, а теперь вновь служитъ папѣ.

Дѣло въ томъ, что республиканцы не были чисты: управляя страною и предвидя свое паденіе, устраивали дѣла въ свою пользу, чтобы обезпечить себя. Де-Росси, какъ министръ двора, могъ при открытіи палатъ обнаружить народу ихъ дѣйствія и разъяснить угрожающую странѣ опасность, вслѣдствіе чего вся печать изображала его самыми мрачными красками. Въ среду должно было состояться открытіе палатъ, а за три дня до этого, читаемъ въ газетѣ „Современникъ“ статью Стербини, написанную, можно сказать, не чернилами, а кровью, въ которой высказывалось, что дни де-Росси сочтены и что его ожидаетъ смерть.

Всѣ ждали съ ужасомъ среды и были увѣрены, что де-Росс будетъ измѣннически убитъ; къ несчастью, такъ и случилос Настала среда; день былъ дождливый и скучный. Утромъ говорю своему человѣку: „сегодня услышимъ что-нибудь стран ное, предупреждаю васъ!“

„Да“,—отвѣчаетъ онъ,—„что-то худо говорятъ объ открыті палатъ, которыя откроетъ де-Росси“.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. Часъ спустя, онъ въ испуг входитъ въ мою комнату и говоритъ: „Де-Росси убитъ кинжа ломъ“. Я не въ состояніи былъ долѣе работать; любопытств влекло меня туда-же, чтобы удостовѣриться въ ужасномъ зло дѣяніи, совершившемся въ правленіе добраго Пія IX, которы далъ все своему народу, пріютилъ даже чужихъ. И вотъ за вс благодарность!

Наскоро одѣвшись, я вышелъ на улицу, пробираясь сред толпы, стоявшей съ тревожными лицами; я дошелъ до зданія „la Concolaria“ и у воротъ увидѣлъ толпу народа, пробиравшуюся во дворъ; пройдя туда вмѣстѣ съ толпою, вижу небольшой дворъ и по лѣвую руку площадку, ведущую на широкую парадную лѣстницу, и внизу маленькую дверь въ швейцарскую, надъ которой виднѣлась запекшаяся на стѣнѣ струя крови. Всѣ смотрѣли на эту дверь, ибо въ швейцарской покоился прахъ убитаго министра. И затѣмъ вотъ что я узналъ изъ разсказовъ народа.

Въ церковь Santa Maria Maggiore, въ среду утромъ, явился на исповѣдь нѣкто, сообщилъ, что въ этотъ день будетъ убитъ де-Росси и просилъ исповѣдника довести это до свѣдѣнія папы. Немедленно давъ кающемуся разрѣшеніе, ксендзъ отправился къ папѣ и просилъ его дозволить ему открыть исповѣдь своего духовнаго сына. Получивъ разрѣшеніе, духовникъ сообщилъ о предполагаемомъ убійствѣ министра. Спустя немного времени, явился самъ де-Росси въ полномъ мундирѣ, другіе-же говорили, что онъ былъ просто въ черной парѣ, съ портфелемъ въ рукахъ; при немъ находился г. Регетти, его секретарь. Папа началъ умолять своего министра не ѣздить, а вручить бумаги другому; „вы ѣдете на погибель, на явную смерть“,—говорилъ папа.

—„Если я долженъ умереть за васъ“,—отвѣчалъ де-Росси,—

„я всегда готовъ. Ваше дѣло свято, а за святое дѣло я готовъ жертвовать собою".

Въѣхавъ на площадь передъ зданіемъ Della Cancelaria, министръ удивился, увидавъ, что на ней не было ни одного солдата націоналки и даже въ воротахъ зданія не видать было жандармовъ. Когда его карета въѣзжала въ ворота, послышался легкій свистъ. Прибывъ на площадку двора, онъ вышелъ изъ кареты съ маленькою тросточкою въ рукахъ; за нимъ, съ портфейлемъ, слѣдилъ его секретарь г. Регетти; министра обступила молодежь, всѣ въ черныхъ платьяхъ. Приближаясь къ лѣстницѣ, онъ почувствовалъ, какъ будто кто-то тронулъ его зонтикомъ, повернулъ шею въ ту сторону, чѣмъ и обнажилъ ее. Въ это время ему былъ нанесенъ ударъ кинжаломъ, который проникъ глубоко—до самаго сердца. Де-Росси хотѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, покачнулся и упалъ на руки своего секретаря; изъ раны его била фонтаномъ кровь, на которую съ ужасомъ смотрѣлъ народъ. Министра тотчасъ отнесли въ швейцарскую, гдѣ онъ оставался до ночи. Что съ нимъ стало—неизвѣстно.

Когда эта вѣсть достигла папы, онъ ушелъ въ свою капеллу и обнявъ распятіе, сильно плакалъ, видя въ Росси жертву своей неосторожности. Къ вечеру весь Корсо былъ иллюминованъ; по немъ расхаживалъ хоръ, распѣвая пѣсни и величая руку, поразившую врага отечества. Ужасъ объялъ страну, всѣ призадумались. Торжества на Корсо продолжались съ иллюминаціею и пѣніемъ еще нѣсколько дней. Изъ боязни жители дѣлали все, что желали республиканцы, хвалили убійцу, радовались ужасной смерти министра; одни только обскуранты, къ коимъ принадлежалъ и я, да почти всѣ иностранцы, не могли простить этого варварскаго убійства, тѣмъ болѣе, что, при конституціонномъ правленіи, министръ только излагаетъ свой будущій образъ дѣйствій депутатамъ, и если не встрѣтитъ сочувствія и будетъ забаллотированъ, то на его мѣсто можетъ быть избранъ другой. Но измѣннически убить министра, не давъ ему высказать плана его будущихъ дѣйствій, доказывало, что коноводы боялись его разоблаченій, тѣмъ болѣе, что найденная у него рѣчь заслужила общее одобреніе но она осталась въ тайнѣ, даже напечатать ее боялись.

Смерть де-Росси развязала руки республиканцамъ: [illegible] объявлена война Австріи; къ этимъ крестоносцамъ новѣйш[illegible] времени присоединился и нашъ князь Голицынъ, приня[illegible] католицизмъ еще при Григоріи XVI. Будучи слабъ умомъ, [illegible] очень богатъ, князь пожертвовалъ бо́льшую часть своего бога[illegible] ства, чтобы освободить Италію отъ ига австрійцевъ; но ем[illegible] какъ иностранцу, было болѣе чѣмъ смѣшно и нелѣпо вмѣш[illegible] ваться въ это дѣло. Итальянцы были рады увидѣть въ рядах[illegible] своего войска русскаго князя. Эта вѣсть разглашалась повсюд[illegible] Князь Голицынъ обѣщался мало того что служить, но нести наравнѣ съ другими всю тягость военной службы. Онъ дал[illegible] отправился пѣшкомъ съ войскомъ, но, сдѣлавъ нѣсколь[illegible] верстъ, захворалъ, и ему пришлось доѣхать въ своемъ экипаж[illegible] до Болоніи хворымъ, послѣ чего онъ вскорѣ скончался и похо[illegible] роненъ въ Болонской чертозѣ. Надъ прахомъ его воздвигнут[illegible] одинъ изъ лучшихъ памятниковъ этой знаменитой усыпальни.

Въ Римѣ съ поля сраженія получались извѣстія объ одних[illegible] только побѣдахъ. Обскуранты или здравомыслящіе недовѣр[illegible] чиво относились къ реляціямъ, по которымъ выходило, что у итальянцевъ убито 6 человѣкъ, у австрійцевъ-же 200; они го[illegible] ворили, смѣясь, что у итальянцевъ вѣрно пули свинцовыя, у австрійцевъ-же бумажныя. Однажды, вечеромъ, разнеслась ра[illegible] достная вѣсть, что австрійцы, сражавшіеся подъ предводитель[illegible] ствомъ генерала Радецкаго, разбиты на голову при Кустоцци. Въ тотъ-же вечеръ пришло другое извѣстіе и на дѣлѣ оказалось, что бѣдные итальянцы совершенно разбиты, выгнаны изъ Венеціанской области и идутъ домой, въ Римъ. Чрезъ двѣ недѣли возвратились эти войска исхудалые, съ сильно поношенною амуниціею; они разсказывали чудеса насчетъ порядка и стойкости австрійскихъ войскъ, и очень сожалѣли о томъ, что необдуманно начали дѣйствовать.

Варварскій поступокъ съ министромъ Росси обнаружил[illegible] существованіе въ Римѣ двухъ противоположныхъ партій: республиканцевъ и обскурантовъ; какъ я уже сказалъ, къ послѣдней партіи принадлежалъ и я, и часто довольно неосторожно высказывалъ итальянцамъ всю гнусность поступка ихъ коноводовъ: лишивъ жизни министра конституціоннаго государства они тѣмъ самымъ доказали свою незрѣлость и непониманіе

конституціоннаго образа правленія. Долженъ признаться, что я говорилъ по-итальянски какъ порядочный итальянецъ, любилъ пріобрѣтать книги и эстампы, чему научился проживъ нѣсколько времени въ Парижѣ и, затѣмъ, почти 4 года въ Лондонѣ. Мои воззрѣнія не нравились республиканцамъ, которые однажды, послѣ выхода моего изъ кафе, сказали: „Съ Фридерикомъ Жордани надобно раздѣлаться; пора закрыть ему ротъ".

На другой день талантливый молодой пейзажистъ, нѣмецъ, Францъ Дерберъ, передалъ мнѣ эти слова. Не зная какъ отучить себя отъ разговора съ республиканцами, съ которыми я привыкъ бесѣдовать въ кофейнѣ и которые привыкли меня слушать, я думалъ, думалъ и рѣшился начать курить, чтобы ротъ мой былъ чѣмъ-нибудь занятъ. Раньше я не курилъ. Какъ мнѣ не было тошно отъ первой сигары, дѣлать нечего, я сидѣлъ и курилъ молча; республиканцы смотрятъ на меня и ждутъ разговора, я-же молчу. Одинъ изъ нихъ замѣчаетъ мнѣ, почему я не говорю.

„Я курю",—былъ мой отвѣтъ, и такимъ образомъ, благодаря совѣту Франца Дербера, я сдѣлался молчаливъ. Я старался играть въ домино и шашки, охотниковъ было не мало и въ числѣ игроковъ былъ нашъ землякъ, архитекторъ-скульпторъ г. Щуруповъ. Онъ жилъ въ Римѣ; слѣдуя притчѣ евангельской, смотрѣлъ на птицъ небесныхъ, которыя не сѣютъ и не жнутъ, а сыты бываютъ: всегда веселый, всегда довольный, онъ жилъ недалеко отъ меня; встрѣчая его каждый вечеръ въ кафо Луиджи и глядя на довольную его физіономію, трудно было понять, какъ могъ онъ просуществовать въ Римѣ столь долгое время, не окончивъ ни одной работы. Возвратившись въ Петербургъ, онъ получилъ званіе профессора архитектуры. Построенные имъ домъ Кистера по 7-й линіи и церковь у Калашниковской пристани оказались неудачными; церковь даже не была имъ окончена и перешла въ вѣдѣніе дѣльнаго нашего архитэка тора, А. И. Рязанова. Щуруповъ женился на милой нѣмочкѣ и имѣетъ большое семейство.

XLVIII.

Теперь скажу нѣсколько словъ о моей квартирѣ. По смерти моего хозяина, занимаемый имъ 3-й этажъ, какъ я раньше упоминалъ, былъ отнятъ наслѣдниками дома. Проживъ столько лѣтъ въ семействѣ г. Ченчи и не желая бросить старушку, вдову Марію Джузеппе, я просилъ ее пріискать такую квартиру, въ которой было-бы и мнѣ удобно помѣститься, чтобы домъ былъ чистый и свѣтлый. Въ Римѣ очень трудно найти не меблированную квартиру, такъ какъ всѣ квартиры занимаются жителями для отдачи лишнихъ комнатъ художникамъ и путешественникамъ. Моя хозяйка съ трудомъ нашла свободную квартиру въ неопрятномъ переулкѣ Della Purificazione, съ вонючимъ входомъ и неудобнымъ для меня освѣщеніемъ, такъ что, при всемъ ея желаніи имѣть меня своимъ жильцомъ, я не могъ согласиться переѣхать въ эту квартиру, но обѣщалъ, что буду ходить къ ней обѣдать. Разставшись съ нею, я нашелъ отличную квартиру противъ бывшаго моего дома, у полковника національной гвардіи Борба. Входъ былъ отличный, свѣтъ вполнѣ удовлетворительный; и тутъ я прожилъ до моего отъѣзда въ Россію.

Убійство де-Росси и неблагодарность итальянцевъ къ доброму Пію IX не выходили изъ памяти обскурантовъ. О приготовленіи къ этому убійству разсказывали такъ: въ то время въ Римѣ существовалъ казино или клубъ подъ названіемъ „Casino di Roma“ (римскій клубъ), гдѣ рѣшалась участь многихъ лицъ. Когда задумали лишить жизни де-Росси, въ этомъ клубѣ была сдѣлана кукла или манекенъ; набравъ должное число отчаянныхъ молодыхъ людей изъ мастеровыхъ, занимавшихся обдѣлкою мрамора, вслѣдствіе чего рука у нихъ была вѣрная и глазъ мѣткій, члены клуба приказали этимъ молодымъ мастеровымъ каждый вечеръ являться въ казино и упражняться съ кинжаломъ въ рукахъ надъ куклою, нанося ей удары въ шею, въ извѣстное мѣсто, указанное докторами, членами того-же клуба. Опытъ показалъ, что ударъ былъ нанесенъ убійцею такъ мѣтко, что онъ проникъ до самаго сердца. Съ убійцами были заключены слѣдующія условія: они должны собраться къ извѣстному времени во дворѣ Della Cancelaria, и когда де-Росси выйдетъ изъ ка-

реты, они окружатъ его, одинъ изъ нихъ зонтикомъ тронетъ его въ бокъ такъ, чтобы, оглянувшись, онъ обнажилъ шею. Если ударъ оказался-бы неудачнымъ, то другой товарищъ долженъ былъ повторить его. Въ случаѣ-же удачи, убійца получитъ деньги на вояжъ и паспортъ, чтобы бѣжать немедленно въ Англію, а остальнымъ его товарищамъ была обѣщана награда. Объ этомъ убійцѣ я узналъ въ Лондонѣ въ 1862 году, гдѣ онъ занимался скульптурою и держалъ мастерскую; фамилія его Трентанове (Trintanove), въ Римѣ-же онъ былъ простой мастеровой и высѣкалъ мраморъ.

Въ Римѣ въ это бурное время появился простолюдинъ, продавецъ дровъ и сѣна, прозванный Чичеровакхіо; это былъ мужикъ огромнаго роста, отчаянный фанатикъ и приверженецъ всѣхъ либеральныхъ дѣйствій Пія IX. Его фанатизмъ не имѣлъ границъ: во всѣхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь Пія IX-го, Чичеровакхіо былъ первый; Онъ поставлялъ сѣно князю Григорію Петровичу Волконскому, и я имѣлъ удовольствіе увидать у князя эту знаменитость. онъ показался мнѣ колоссомъ; на немъ была плисовая куртка, короткіе штаны; однимъ словомъ, онъ былъ одѣтъ транстеверинцемъ. Коноводы видѣли въ немъ фанатика безъ образованія, которымъ можно управлять по своему желанію. Его фанатическая любовь къ св. отцу длилась до тѣхъ поръ, пока коноводы воздавали папѣ должную честь, но, наконецъ, ихъ терпѣніе истощилось, тогда и Чичеровакхіо повернулся спиною къ боготворимому имъ Пію IX.

Вскорѣ послѣ убійства де-Росси коноводы пожелали покончить съ самодержавіемъ папы и дѣйствовать самовольно, принялись за его министровъ и требовали ихъ смѣны. Для этого была собрана національная гвардія, которая, занявъ площадь передъ дворцомъ Monte Cavallo, требовала смѣны министровъ и послала во дворецъ своихъ депутатовъ. Пока происходила эта аудіенція, дворцовая полиція заперла всѣ входы и выходы изъ дворца, оберегая несчастнаго папу, который съ горемъ видѣлъ, до чего можетъ дойти неблагодарность осчастливленнаго имъ народа. Конечно, народъ былъ тутъ не при чемъ, въ этомъ случаѣ дѣйствовали одни ожесточенные республиканцы или либералы. Многіе изъ коноводовъ, найдя дворецъ

запертымъ, размѣстились по колокольнямъ; съ одной изъ нихъ былъ убитъ добрѣйшій Монсиньоръ, который, не подозрѣвая злыхъ умысловъ вышелъ изъ дворца погулять. Его подмѣтилъ съ колокольни одинъ изъ коноводовъ, прицѣлился и убилъ на мѣстѣ. Всѣ ужасались и молчали. Между тѣмъ депутаты обходились съ папою дерзко, но онъ не потерялъ своего достоинства, остался непреклоннымъ. Солдаты національной гвардіи пытались вторгнуться во дворецъ и зажгли однѣ изъ входныхъ воротъ, но пожаръ удалось, впрочемъ, довольно скоро потушить. Городъ былъ напуганъ этимъ происшествіемъ; всѣ говорили, что папа скроется, и тогда возгорится война. На другой день во дворецъ Monte Cavallo съѣхались всѣ послы. Они выражали папѣ свое соболѣзнованіе и успокаивали его, говоря, что ихъ правительства будутъ его защищать и что они не чувствуютъ себя въ безопасности и совѣтуютъ папѣ удалиться изъ Рима. Дня два прошли въ нерѣшительности, не знали чѣмъ все это кончится. На второй день послѣ описаннаго происшествія, поздно вечеромъ, когда папа ложился уже спать, является къ нему баварскій посолъ съ своимъ егеремъ, у котораго былъ портфель въ рукахъ, и требуетъ аудіенціи у папы по важнымъ дѣламъ. Весь аванзалъ былъ полонъ солдатами національной гвардіи; коноводы боялись побѣга папы; всѣ двери и всѣ выходы изъ комнатъ, садовъ и потаенныхъ мѣстъ оберегались часовыми. Съ дозволенія папы мажордомо впустилъ посла съ егеремъ; пробывъ нѣкоторое время въ покояхъ папы, посолъ вышелъ, сопровождаемый своимъ егеремъ. На другой день, рано утромъ, какъ молнія облетѣла изъ устъ въ уста вѣсть: „Папа бѣжалъ“.

Утромъ его не могли нигдѣ найти. И какъ это могло случиться, когда всѣ знали, что онъ былъ совершенно въ рукахъ республиканцевъ? Этотъ вопросъ обсуждался всѣми; всюду стояли кучки народа, и всѣ объясняли это событіе на свой ладъ. Одно было несомнѣнно, что папу спасъ баварскій посолъ. Въ портфелѣ у егеря была священническая верхняя одежда, сутанна, въ которую одѣлся егерь, папа же надѣлъ форменную одежду егеря, и съ нахлобученною на лобъ его форменною треугольною шляпою съ зеленымъ перомъ, прошелъ мимо толпившихся въ аванзалѣ національовъ и вышелъ съ посломъ, никѣмъ не будучи замѣченъ. Тотчасъ было объявлено временное правленіе и назна-

чены лица, которыя должны были стать во главѣ его;—имена ихъ не припомню. Съ побѣгомъ папы удалились кардиналы, послы и дворянство, такъ что Римъ опустѣлъ. Всѣ ожидали, что Франція не оставитъ папу; Италія есть, была и будетъ подъ покровительствомъ Франціи; почему всѣ боялись, что Франція въ скоромъ времени объявитъ войну Римской области, чтобы добиться возстановленія Пія IX на папскій престолъ.

Бѣдное римское духовенство перепугалось, притаилось; ихъ мало было видно на улицахъ. Многіе жили у своихъ друзей, спрятавшись на сѣновалѣ или въ какомъ-нибудь чуланчикѣ; ихъ скрывали отъ прислуги, которая могла выдать и хозяина, и ксендза. Боялись повсемѣстнаго истребленія духовенства. Тутъ начались всякаго рода безчинства и даже убійства. Въ это время я познакомился съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга Н. И. Розановымъ. Ему, какъ новичку въ Римѣ, я отрекомендовалъ квартиру у Маріи Джузеппе, гдѣ мы встрѣчались съ нимъ за приготовленнымъ мнѣ старушкою обѣдомъ, состоявшимъ почти ежедневно изъ супа съ вермишелью, куска говядины, фрукта и стакана вина, что и сохраняло мое здоровье, ему-же трудно было привыкнуть къ этому однообразному обѣду.

Въ это время мнѣ приходилось оканчивать мою доску, и я сидѣлъ дома, прилежно занимаясь. Розановъ, посѣщая меня иной разъ вечеромъ, разсказывалъ все случившееся въ городѣ за день. Одновременно съ бѣгствомъ папы было паденіе Орлеанской династіи и объявлена республика во Франціи; папская область также объявила республику. Итальянцы, раздраженные противъ Австріи, напали на венеціанскій дворецъ, мѣстопребываніе австрійскаго посла, сорвали съ него гербъ и, привязавъ къ хвосту осла, съ торжествомъ возили его по Корсо и, наконецъ, разломавъ, сожгли. Затѣмъ, французская республика объявила Риму войну, Къ этому времени пріѣхалъ давно ожидаемый славный вождь, генералъ Гарибальди; ему было вручено командованіе войскомъ. Приступъ французовъ былъ назначенъ на 30-е апрѣля 1849 г. Римляне, ожидая, что Гарибальди явится съ войскомъ изъ провинцій, начали готовить для солдатъ квартиры, освобождая монастыри; изъ сосѣдняго съ нами богатаго монастыря San Silvestro также были переведены всѣ монахини въ другіе монастыри. Итакъ, ожидаемое 20-ти-тысячное французское войско,

подъ предводительствомъ генерала Удино, было отправлено осаждать Римъ, возстановить папу и освободить его отъ преступныхъ республиканцевъ. Римъ готовился дать отпоръ этой безсовѣстной экспедиціи республиканскаго государства, посланной для того, чтобы подавить малую республику, которую Франціи слѣдовало-бы поддержать. Войско, подъ начальствомъ генерала Удино, подошло къ стѣнамъ Рима и расположилось отъ Воротъ Ангела, „Porta Angelica", до стѣнъ ватиканскаго или папскаго сада, который расположенъ на довольно большой возвышенности. Все пространство отъ Porta Angelica до Ватикана представляетъ плоскую мѣстность. Здѣсь расположился генералъ Удино, съ намѣреніемъ 30-го апрѣля 1849 года сдѣлать приступъ. 29-го апрѣля, довольно поздно вечеромъ, пришелъ Гарибальди съ своими новобранцами изъ Ріети; усталыхъ солдатъ помѣстили переночевать на соломѣ въ монастырѣ San Silvestro, а раннимъ утромъ ихъ всѣхъ отправили на высоты Римскихъ стѣнъ, которыя они должны были оборонять. Въ 10 часовъ утра началась пальба, продолжавшаяся до 7 часовъ вечера. Всѣ радовались тому, что итальянцы отстояли свое дѣло, и французы потерпѣли большой уронъ убитыми и ранеными, даже часть ихъ была взята въ плѣнъ.

Въ кафе Bongusto явился нашъ всегдашній собесѣдникъ г. Valati, живописецъ безсмѣнныхъ картинъ „Охота на кабановъ". Онъ былъ страстный охотникъ. По его разсказамъ, всѣ лучшіе римскіе охотники съ отличными ружьями помѣстились въ стѣнахъ папскаго сада, и оттуда, не будучи видимы непріятелемъ, мѣтко убивали ихъ одного за другимъ. Въ числѣ ихъ попался адъютантъ генерала Удино, молодой, богатый дворянинъ; мать этого юноши, желая открыть ему дорогу къ почестямъ и славѣ, упросила генерала Удино взять его къ себѣ въ адъютанты. Разъѣзжая по полю, передавая приказы, молодой офицеръ видѣлъ, какъ падали солдаты, будучи подстрѣлены съ высоты стѣнъ. Онъ чувствовалъ, что въ него мѣтятъ, старался лавировать на своемъ отличномъ конѣ, но сраженный пулею упалъ на землю. Говорили, будто его мать была въ станѣ войскъ, сопровождая его, какъ единственнаго сына. Что было съ нею, когда она потеряла его въ первомъ сраженіи, это можетъ понять всякій и не переживавшій такого горя.

Въ этотъ вечеръ торжеству и ликованію не было конца; по лицамъ провели нѣсколько плѣнныхъ солдатъ и одного французскаго офицера. Размѣстивъ ихъ на ночь, какъ слѣдовало, имъ дали отличный ужинъ; плѣнный-же офицеръ ничего не хотѣлъ есть, ругаясь, что ему пришлось воевать съ измѣнниками, онъ разсказывалъ, что Гарибальди, желая начать переговоры, выкинулъ бѣлое знамя, когда-же этотъ офицеръ приблизился, то Гарибальди, будто-бы, ловко перемѣнилъ знамя на красное, взялъ его въ плѣнъ. Послѣ этого сраженія была масса овацій, особенно генералу Галетти, который гордо возвращался со взводомъ жандармовъ; народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ, онъ сидѣлъ на отличномъ конѣ.

Французы отступили. Въ ночь, слѣдовавшую за сраженіемъ, стоны раненыхъ, которымъ ничѣмъ нельзя было помочь, раздирали душу. Римляне боялись подойти къ французамъ, французы-же боялись римлянъ, такъ что раненые, мучаясь послѣ жаркаго дня страшною жаждою, просили помощи и не могли получить ее; многіе изъ нихъ умерли среди ужасныхъ страданій; ночью, не смотря на страхъ, внушаемый убитыми и ранеными, нашлись безжалостные и смѣлые воры, которые, пользуясь темнотою, обокрали всѣхъ мертвыхъ и тяжело раненыхъ. Утромъ, когда увидали, что все поле чисто и свободно отъ французовъ, началась уборка тѣлъ; ихъ нашли всѣхъ обобранными, и какъ итальянцевъ, такъ и французовъ схоронили около стѣнъ Рима, именно у стѣны папскаго сада.

Перваго мая 1849 г., на другой день битвы, услыхавъ, что французы отступили, я отправился къ воротамъ Портезе; это самое высокое мѣсто или высшій холмъ, откуда весь Римъ виденъ какъ на ладони или на блюдечкѣ. День былъ чудесный; подхожу къ церкви San Pietro in Montorio, для которой Рафаэль написалъ свою безсмертную картину „Преображенье“; возлѣ нея возвышается гора, гдѣ были поставлены пушки; швейцарцы артиллеристы лежали на травѣ усталые, съ потемнѣвшими отъ пороха лицами, и смотрѣли на проходившихъ мимо непріязненно. Я подошелъ къ воротамъ Портезе; посреди ихъ стояла пушка и артиллеристы направляли дуло орудія на виллу Четырехъ Вѣтровъ (i quatro Venti), гдѣ находились французы, которые преспокойно тамъ расхаживали. Другіе

изъ пришедшихъ смотрѣли въ амбразуры стѣны, какъ вдруг намъ крикнули, что мы стоимъ на опасномъ мѣстѣ и что насъ могутъ убить. Я тотчасъ отправился къ спуску и, проходя мимо швейцарцевъ, которые всѣ въ пыли валялись на землѣ, я понялъ что̀ значитъ военная жизнь. Мнѣ казалось, что на ихъ физіономіи можно было прочесть, что эта попытка римлянъ противъ французовъ гибельна для бѣдной Италіи.

Нѣсколько времени спустя, желая узнать намѣренія итальянцевъ и прекратить кровопролитіе, французы начали со своей стороны переговоры, и парламентеромъ былъ г. Лесепсъ, который пріѣзжалъ въ Римъ нѣсколько дней подъ-рядъ со всѣми предосторожностями военнаго времени, съ завязанными глазами въ каретѣ, окруженной жандармами, и, вечеромъ, возвращался обратно въ лагерь генерала Удино. Въ это время мы ходили на возвышенныя мѣста Рима, откуда можно было видѣть лагерь французовъ; тамъ у нихъ висѣло бѣлье, около него играли солдаты, а нѣкоторые даже танцовали.

Римъ находился въ осадномъ положеніи: всѣ дворцы были пусты и заперты, ихъ богатѣйшія сокровища были въ рукахъ коноводовъ республиканской партіи и массы недоброжелательнаго народа, который желалъ имъ воспользоваться. Жители боялись грабежа, но честность Гарибальди все спасла. Онъ могъ-бы поживиться въ Римѣ богатою добычею, въ особенности для своихъ приверженцевъ, но онъ этого не сдѣлалъ.

Въ это трудное и опасное время республиканцы спасли эти богатства, прибивъ къ воротамъ всѣхъ оставленныхъ дворцовъ надпись: „Собственность республики“. Эта умная мѣра вызвала всеобщее сочувствіе римскаго народа, никто не осмѣлился прикоснуться къ республиканской собственности. Появились обмундированные гарибальдійцы: въ красныхъ рубахахъ, шляпахъ съ широкими полями и съ воткнутыми въ нихъ красными перьями; на офицерахъ было чудное сукно кардинальскаго достоинства. Между ними были красавцы: дровяникъ Чичероваккіо съ тѣмъ-же фанатизмомъ, съ какимъ онъ дѣйствовалъ нѣкогда въ пользу папы Пія IX, теперь перешелъ на сторону коноводовъ республиканской партіи и вмѣшивался во всѣ преступныя дѣйствія, которыхъ было не мало въ это смутное время. Чтобы ксендзы не имѣли вліянія на народъ чрезъ исповѣдь, въ одинъ прекрас-

ный день всѣ будочки (i confessionale), у которыхъ прихожане исповѣдаются, были вынесены на улицу и во многихъ мѣстахъ сожжены. Это было дѣло рукъ Чичеровакхіо.

Подходя однажды къ храму св. Петра, я увидѣлъ на площади передъ храмомъ толпу народа и узналъ, что во избѣжаніе палящаго солнца генералъ Гарибальди осматривалъ подъ колоннадою св. Петра солдатъ-новобранцевъ, которые должны были идти на защиту Рима и отправиться въ тотъ же вечеръ къ его стѣнамъ.

Гарибальди былъ небольшаго роста, бѣлокурый, съ длинными курчавыми волосами; онъ сидѣлъ на большой гнѣдой лошади; къ сѣдлу была привязана пара сапогъ. Онъ объѣхалъ собравшуюся молодежь; всѣ они были въ зеленыхъ полукафтанахъ, очень бѣдно одѣты, въ изорванной обуви, съ усталыми лицами, и каждый имѣлъ при себѣ огромную порцію хлѣба. У Гарибальди былъ адъютантъ-мулатъ, огромнаго роста, страшный лицемъ; его звали ser Andrea (серъ Андреа); на немъ была такая-же одежда, и пара огромныхъ сапогъ была, какъ и генерала Гарибальди прикрѣплена сзади къ сѣдлу его лошади. Это страшилище очень любило маленькихъ дѣтей; когда онъ хотѣлъ пошутить съ ними, а они боялись его и плакали, то онъ приближался къ нимъ, закрывая лицо рукою, и давъ имъ гостинца, игралъ съ ними. Говорили, что Гарибальди привезъ его изъ Мексики; а при бомбардированіи Рима его убило осколкомъ лопнувшей бомбы.

Перваго іюня былъ сдѣланъ французами второй приступъ, такъ какъ переговоры съ Лесепсомъ не привели къ желаемому французами результату. Послѣ вторичнаго, столь-же неудачнаго, приступа, генералъ Удино рѣшился, во избѣжаніе кровопролитія, взять Римъ посредствомъ траншей. А коноводы съ своей стороны хотѣли уничтожить вокругъ Рима, на разстояніи одной мили, всѣ виллы и дачи, изъ опасенія, чтобы французы подъ ихъ прикрытіемъ не подошли къ Риму. Эту пагубную мысль предложилъ въ палатѣ депутатовъ Чернускій, кажется полякъ; такимъ образомъ были срыты отличныя зданія, въ томъ числѣ живописный домикъ Рафаэля въ виллѣ Боргезе, гдѣ были срублены также прекрасныя деревья. Эта варварская предосторожность, кромѣ убытка, ничего не принесла. Молодой князь

Піомбино принадлежалъ, какъ я уже сказалъ, къ республиканской партіи, но его вилла была пощажена.

Приняли всѣ мѣры къ продовольствію жителей Рима: скотъ пригнали въ Римъ, у каждой мясной лавки стояли живые ягнята, козлята и проч. скотъ. Всѣ ворота города были заперты,—ни своимъ, ни римлянамъ выходъ и впускъ не дозволялся; между тѣмъ порядокъ соблюдался удивительный; обманывать боялись, такъ какъ всюду стояла національная гвардія. Однажды, въ субботу, когда работники получаютъ задѣльную плату, дозоръ встрѣтилъ одного рабочаго чуть не въ слезахъ. Оказалось, что онъ, получивъ заработанныя имъ деньги, зашелъ въ булочную купить хлѣба и, давъ крупную ассигнацію, просилъ сдачи, а булочникъ не далъ ее, говоря: „сдачи нѣтъ, забирай у меня хлѣбъ на твою крупную ассигнацію, такимъ образомъ мы сквитаемся“.

„Я ему отвѣчаю, что кромѣ хлѣба мнѣ нужно купить мясо, зелень, заплатить за квартиру“, — объяснялъ рабочій, онъ-же повторяетъ, что сдачи нѣтъ!

Тогда старшій солдатъ дозора вошелъ съ своими солдатами въ булочную и велѣлъ дать работнику сдачу; булочникъ отвѣчалъ: „сдачи нѣтъ!“

Тогда дозорный велитъ закрыть двери лавки, идетъ за прилавокъ, отворяетъ крайній ящикъ, находитъ въ немъ крупное серебро, во второмъ ящикѣ мелкое серебро и мѣдь, въ третьемъ—мелкія ассигнаціи, и строго говоритъ булочнику: „Безсовѣстный, какъ сдачи у тебя нѣтъ?“

Вынувъ все мелкое и крупное серебро, также ассигнаціи, онъ далъ сдачу серебромъ работнику, затѣмъ спросилъ стоявшихъ тутъ солдатъ и прохожихъ: „не желаетъ-ли кто размѣнять свои ассигнаціи?“ Немедленно появилась масса ассигнацій, онъ ихъ всѣ размѣнялъ, и сдавъ булочнику по счету размѣненныя ассигнаціи, замѣтилъ: „Какъ тѣ, такъ и другія деньги суть правительственныя, вы должны это знать. На первый разъ я васъ прощаю, другой-же разъ закроютъ вашу торговлю и подвергнутъ васъ отвѣтственности“.

Бомбардировки всѣ страшились. Церковь San Pietro in Montorio подверглась разрушительному огню; куполъ и потолокъ ея были совершенно уничтожены. Со стороны воротъ Портезе

французы начали подводить траншеи, поэтому эта церковь по своему сосѣдству съ воротами и была доступна непріятельскому огню. Карикатуры на бѣжавшаго папу наводняли Римъ. Этого святаго добряка представляли во всѣхъ видахъ. Одна изъ карикатуръ изображала большое сердце на маленькихъ ногахъ съ надписью: „Одно сердце, только безъ головы". Были и такіе фанатики, которые говорили: „Слѣдуетъ подвести мину подъ храмъ св. Петра и Ватиканъ и взорвать ихъ на воздухъ. Они привлекаютъ иностранцевъ, но когда ихъ не будетъ, то папы и поповъ не станетъ. Эти богатства искусствъ—наше несчастіе! Вы-же, иностранцы, всѣ почти обскуранты и смѣетесь надъ нашею борьбою; мы смотримъ на васъ хладнокровно и молчимъ до тѣхъ поръ, пока мы еще боремся съ непріятелемъ, но горе вамъ, если мы будемъ побѣждены, тогда мы всѣхъ васъ истребимъ". Разумѣется, я имъ отвѣчалъ: „Этимъ вы ничего не выиграете, потому что вы кормитесь иностранцами".

Я полюбопытствовалъ взглянуть, какъ французы дѣлали брешь въ стѣнѣ. Она подвигалась съ математическою вѣрностью, каждый выстрѣлъ ядромъ сбивалъ рядъ кирпичей. Брешь была довольно большая и доходила до земли. Говорили, что и траншеи уже кончены. Предполагали, что въ Петровъ день, ночью, будетъ сдѣланъ приступъ. Въ этотъ знаменательный день, когда бывала торжественная служба въ великолѣпной церкви св. Петра, когда зажигались двѣ иллюминаціи и великолѣпный фейерверкъ (la girandola), въ 1849 г. всѣ ходили съ поникшею головою, не зная, чѣмъ окончится этотъ день. Погода была пасмурная, ожидали дождя, который послѣ обѣда полилъ, какъ говорится, изъ ведра, и длился нѣсколько часовъ. Всѣ предполагали, что онъ зальетъ въ траншеяхъ всѣ боевые припасы французовъ. Оказалось противное. Около 9-ти часовъ вечера, у Понте Моло (Ponte Molo) французы открыли сильнѣйшій огонь, и одно ядро попало на Народную площадь. Это была военная хитрость, чтобы отвлечь войско, которое стояло у бреши, у воротъ Портезе. Римское военное начальство должно было отдѣлить отрядъ отъ воротъ Портезе, къ Понте Моло, и тѣмъ ослабить ту часть войска, которая стояла у бреши. Какъ скоро войско отошло, французы вошли черезъ брешь въ Римъ, встрѣтивъ слабое сопротивленіе, ибо итальянцы, которые оберегали это мѣсто, повер-

нулись къ нимъ спиною и, какъ смѣялись обскурантисты: „всѣ они были ранены въ спину“. Итакъ Римъ былъ взятъ, но французы заняли только его окраины, такъ какъ Удино не желалъ входить въ населенную часть города, избѣгая кровопролитнаго столкновенія съ горячимъ и отчаяннымъ народомъ. Онъ извѣстилъ республиканское начальство, что предоставляетъ жителямъ, которые чувствуютъ себя виновными противъ законнаго правительства, безпрепятственно въ три дня оставить Римъ. 3-го іюля, въ 1 часъ дня, онъ войдетъ съ войскомъ и займетъ городъ.

Эти три дня были самые опасные для Рима. Несчастные солдаты, пришедшіе изъ всѣхъ частей Италіи и сражавшіеся на стѣнахъ города, были большею частью убиты или перемерли отъ лихорадокъ. Оставшіеся въ живыхъ спустились въ городъ, ибо стѣны далеко отстоятъ отъ населенной части Рима, и явились въ качествѣ нищихъ, потерявшихъ свой родной уголъ и средства къ жизни, ибо многіе изъ нихъ были до войны мастеровые и заработывали хорошія деньги. Мирные жители Рима опасались: не бросились-бы эти отчаянные люди на грабежъ? Благодаря Бога, усиліями честнѣйшаго Гарибальди, все шло тихо и спокойно. Нашу кофейную посѣтилъ молодой, красивый миланезецъ, одинъ изъ несчастныхъ защитниковъ Рима. Нижнее платье его состояло почти изъ однихъ лохмотьевъ, которыя онъ прикрывалъ верхнею одеждою. Онъ чистосердечно описалъ свое положеніе: „Я переплетчикъ, говорилъ онъ, въ Миланѣ зарабатывалъ хорошія деньги. Услыхавъ, что папа хочетъ освободить Италію, я съ опасностью бѣжалъ изъ дома. Гдѣ я найду теперь отечество? Всюду возстановленъ порядокъ. Куда я ни явлюсь, во Флоренцію или въ Неаполь, меня ожидаетъ всюду заключеніе въ крѣпости или каторга; только одно для меня возможно — это идти съ нашимъ генераломъ, а куда онъ насъ поведетъ — одному Богу извѣстно“.

Говорили, будто правительство надѣлило этихъ бѣдняковъ деньгами, и на третій день цѣлая толпа этихъ защитниковъ отечества шла по Корсо, захватывая дорогою что попадало: то ослика, то лошадиную сбрую и много чего другаго. Разумѣется, при этомъ не обошлось безъ шума и спора между солдатами и народомъ, но труженики войны оставались побѣдителями и все захваченное уносили съ собою.

Гарибальди объявилъ всѣмъ, желавшимъ за нимъ слѣдовать, что „они должны быть готовы на всякія лишенія, и что радостей онъ имъ не обѣщаетъ!“

Всѣ они вышли въ ворота Іоанна Латеранскаго, направляясь въ горы, чтобы дойти до Анконы. Дорогою они сильно пострадали отъ болѣзней. Чичероваккіо потерялъ свою жену, а самъ былъ, какъ говорили, разстрѣлянъ австрійцами. Вообще, окончательная участь этихъ несчастныхъ осталась тайною. Настало 3-е іюля; день былъ невыносимо жаркій; Удино разослалъ нѣсколько пикетовъ, а самъ стоялъ съ 5-ю солдатами на площадкѣ монастыря Santa Trinita. Солнце ихъ ужасно пекло; никто не смѣлъ къ нимъ приблизиться; всѣ мы находились подъ страхомъ. Я вышелъ изъ дому довольно поздно. Удино вошелъ уже съ войскомъ въ Римъ черезъ Народныя ворота и отъ бывшихъ на мѣстѣ я услышалъ слѣдующее: у его адъютанта была карта Рима, но одинъ ксендзъ, стоявшій у воротъ, услыхавъ, что войску, т. е. кавалеріи, нужно знать гдѣ дворецъ князя Барберини, взялся ихъ провести; коноводы, уходя съ Гарибальди, приказали, чтобы никто не смѣлъ показывать дорогу французамъ, подъ опасеніемъ лишиться жизни, и только патеръ съ довольнымъ видомъ взялся быть ихъ проводникомъ. Удино съ блестящимъ генералитетомъ, съ распущенными знаменами и оглушающею музыкою, шелъ вдоль всего Корсо, всѣ окна и тротуары котораго были переполнены народомъ; вся эта толпа смотрѣла на французовъ, не выказывая ни удовольствія, ни озлобленія. Я увѣренъ, что хотя они и радовались тому, что нерѣшительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасное время прошло, но Боже избави было выказать свою радость!

Для войска были заранѣе отведены квартиры.

Итакъ ксендзъ привелъ кавалерію ко дворцу князя Барберини. Начальникъ поблагодарилъ его. Отправляясь довольный домой, онъ не успѣлъ дойти до середины площади del Tritone, какъ былъ окруженъ незнакомыми лицами, которыя нанесли ему ножами и кинжаломъ нѣсколько смертельныхъ ударовъ, затѣмъ истоптали его трупъ, такъ что вся внутренность вышла наружу. Когда вечеромъ я видѣлъ его, то нельзя было его распознать, что это человѣкъ. Подобный этому случай произошелъ, во время шествія французскаго войска по Корсо, на которомъ

имѣется отличная кофейная, подъ названіемъ Cafe Nuovo (Ка Нуово); одинъ изъ ея посѣтителей, при видѣ французскаго м ска, неосторожно выказалъ свою радость, сказавъ: „Прин наши избавители“. Послѣ этого онъ немедленно получилъ сза смертельный ударъ кинжаломъ.

Затѣмъ наступила довольно спокойная жизнь. Французы-оф церы, идя вечеромъ въ кофейни, сильно бренчали саблями, дав знать, что они вооружены; солдаты-же удивляли насъ избы комъ денегъ: всѣ харчевни, всѣ кофейни были биткомъ набит ими, съ ранняго утра до поздняго вечера; тамъ они утоля свою жажду виномъ, и, напившись вдоволь, по поданному тра тирщикомъ или кофейщикомъ счету, платили чистою, звонко монетою, о которой мы, римляне, совершенно забыли. Въ эт смутное время всѣ боялись, что, при возстановленіи папы, он не признаетъ выданныя республиканцами ассигнаціи, но фран цузскіе мѣнялы догадались, что такъ какъ Франція возстано вила папу, то онъ не захочетъ ее обидѣть, причинивъ чувстви тельный уронъ ея подданнымъ. Мнѣ пришлось тогда, зараб танныя отъ знаменитаго англійскаго скульптора Гибсона, ассиг націи размѣнять на звонкую монету съ 45 % потери.

Ѳ. И. Іорданъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМІРА ТЕРЛЕЦКАГО,

бывшаго греко-уніатскаго миссіонера

1808—1858.

XXIII [1]).

Съѣздъ на воды въ Спа.— Рулетка. — Шансы игры съ благотворительною цѣлью.—Графиня Киселева и ея страсть къ карточной игрѣ.

Испытанныя мною нравственныя потрясенія и неудобства тюремнаго сидѣнія потрясли совершенно мое здоровье; поэтому я рѣшился отправиться на знаменитыя бельгійскія воды Спа, чтобы, принимая желѣзистыя ванны, подкрѣпить свой ослабѣвшій организмъ. Въ Спа я встрѣтилъ нѣсколько семействъ, близко мнѣ знакомыхъ по Дрездену, а именно гр. Потоцкихъ, Понятовскихъ и другихъ. Спа числится селомъ, но въ дѣйствительности смотритъ значительнымъ городомъ: онъ застроенъ сплошными двухъ и трехъ-этажными домами, съ площадями и прекрасно содержимыми улицами. Въ латинскомъ костелѣ я служилъ по воскресеньямъ обѣдни по греко-славянскому обряду, имѣя священныя одежды и Богослужебныя книги съ собою. Однажды пришли Понятовскіе отслушать обѣдню, но опоздали. Въ притворѣ они спрашиваютъ нищаго, служилъ-ли уже бородатый священникъ обѣдню?

— «Ахъ, этотъ еврейскій священникъ? Да, онъ отслужилъ уже и ушелъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., т. LXIII, іюль, стр. 1—26; сентябрь, стр. 559—578; изд. 1891 г. іюнь, стр. 581—601.

домой!» Въ глазахъ нищаго борода сдѣлала меня евреемъ. Впрочемъ, взглядъ раздѣлялся и другими простолюдинами, что не очень-то хорошо свидѣтельствуетъ о знаніи католическими массами христіанскаго ученія и установившихся въ церкви обычаевъ.

Въ Спа въ то время процвѣтала рулетка. Любопытство завело меня однажды въ игорный домъ. Въ залѣ стоялъ недалеко отъ стѣны длинный столъ, у котораго сидѣлъ содержатель банка съ машинкою—рулеткою. Доска, по которой бѣжалъ кругомъ выбрасываемый машиною шарикъ, была окрашена на половину черной, а на половину красною краскою съ многими на ней нумерами. Отъ того, гдѣ задерживался шарикъ, зависѣлъ выигрышъ или проигрышъ. Подлѣ содержателя сидѣли съ одной и другой стороны по два человѣка. Первые имѣли предъ собою кучи золота, серебра и бумажныхъ денегъ; ихъ дѣло было уплачивать выигравшимъ, каждый на своей половинѣ стола, такими-же деньгами, какія кто изъ игроковъ ставилъ. Другіе два держали въ рукахъ по большія кочерги, которыя, однако, были настолько длинны, что имъ можно было достать до края стола; они наблюдали за проигрывающими, и, каждый съ своей стороны стола, загребалъ этими кочергами деньги. Все прочее пространство вокругъ стола занято было игроками. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за движеніемъ шарика. Казалось, весь интересъ ихъ жизни сосредоточивался на этой игрѣ; это было видно по лихорадочному блеску глазъ, по раскраснѣвшимся щекамъ и по нервному вздрагиванію всего тѣла.

Однажды я обѣдалъ у гр. Потоцкаго. Сейчасъ же послѣ обѣда является гр. Ксаверій Браницкій и обращается къ дочери Потоцкаго съ просьбою поставить на рулетку 2,500 франковъ отъ его имени. Она отказалась ставить столь значительный кушъ. Когда же и другіе, къ которымъ обращался Браницкій, не соглашались взяться за это дѣло, я обратился къ нему съ слѣдующими словами: «На свѣтѣ много бѣдныхъ и несчастныхъ, даже между вашими соотечественниками, которымъ-бы этими деньгами можно осушить слезы! Какъ вамъ не тяжело, графъ, пускать такую сумму на вѣтеръ»?

«Ужъ вы не можете обойтись безъ обычныхъ нравоученій! Какъ-бы то ни было, я рѣшился играть на эти деньги: я ихъ заработалъ на лошадяхъ, проданныхъ Наполеону. Если никто не хочетъ ставить, то я самъ поставлю. Но чтобы вамъ завязать ротъ, то, въ случаѣ выигрыша, ставку и весь выигрышъ я передамъ вамъ для раздачи бѣднымъ. Довольны-ли вы?»

—«Нѣтъ—отвѣтилъ я—хотя послѣднее ваше слово умнѣе перваго. Да, вѣдь, какая польза для бѣдныхъ въ случаѣ, если вы проиграете?»—«Я рѣшился играть во чтобы то ни стало! Но такъ какъ вы такъ ненасытны, то вотъ мое послѣднее слово: если я выиграю, то все отдамъ бѣднымъ, а въ случаѣ проигрыша, отдаю на бѣдныхъ 2500 фр., довольны вы теперь»?—«Еще не совсѣмъ; лучше бы вамъ было не играть вовсе, а эти 2500 фр. отдать бѣднымъ»! Но онъ не хотѣлъ ничего слышать объ этомъ, всталъ и ушелъ къ

игорный домъ. За нимъ пошли всѣ присутствующіе. Спустя четверть часа, они возвратились и на мой вопросъ, какъ пошло дѣло, сказали въ отвѣтъ: «какъ вы предсказали! Графъ поставилъ деньги; пустили въ ходъ машинку, загребли всѣ деньги и даже спасибо не сказали!» Вскорѣ послѣ этого пришелъ и самъ Браницкій и выбросилъ на столъ, у котораго я сидѣлъ, 250 наполеондоровъ. Я поблагодарилъ именемъ бѣдныхъ и сейчасъ отсчиталъ 100 фр. приходскому священнику для мѣстныхъ бѣдныхъ. Остальныя деньги я роздалъ нуждающимся полякамъ въ Брюсселѣ и Парижѣ, требуя отъ каждаго росписку, которыя я послѣ представилъ въ Парижѣ графу. Только 200 фр. я, съ его позволенія, удержалъ на изданіе брошюры: Slowo rusina do wszej braci szezepu slowiańskiego (слово русскаго ко всѣмъ братьямъ славянскаго племени), о которой рѣчь впереди.

Въ Спа я встрѣтилъ также графиню Киселеву, урожденную Потоцкую, женщину пожилую и весьма богатую. Мужъ ея былъ, если не ошибаюсь, русскимъ посланникомъ въ Парижѣ; но не знаю, по какой причинѣ онъ съ ней разошелся. Киселева была извѣстная картежница. Пристрастившись къ рулеткѣ, она въ одну недѣлю проиграла 30,000 фр. Узнавъ объ этомъ, я рѣшился, при встрѣчѣ на бульварѣ, ей замѣтить, что грѣшно зря бросать деньги, посредствомъ которыхъ можно-бы принести много добра. На мое замѣчаніе она сказала въ отвѣтъ: «да, это правда; mea culpa»!—«Лучше было—возразилъ я—сказать себѣ mea culpa до игры, и не играть вовсе; деньги пригодились-бы для бѣдныхъ!» — Однако, мои слова не подѣйствовали на скупую старуху, проигрывавшую равнодушно за карточнымъ столомъ значительныя суммы. Деньги она держала всегда при себѣ. Какъ разсказывали всѣ знавшіе ее близко, она имѣла обыкновеніе носить при себѣ всѣ свои капиталы, что-то около двухъ милліоновъ франковъ банковыми билетами и процентными бумагами. До чего доходила ея страсть къ игрѣ, лучше всего характеризуетъ слѣдующій забавный случай. Собравшись на поклоненіе Святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ, она по дорогѣ заѣхала въ Римъ, чтобы испросить благословенія у папы. Папа зналъ объ ея слабости, и, желая возбудить въ ней наклонность къ благотворенію, взялъ съ нея обѣщаніе никогда не садиться за карточный столъ. Не долго думая, она дала требуемое обѣщаніе. Страсть къ игрѣ оказалась, однако, сильнѣе даннаго обѣщанія. Долго она боролась сама съ собою. Наконецъ, она не выдержала, найди исходъ въ чисто іезуитской уловкѣ; она точно не садилась за карточный столъ, но играла стоя!

XXIV.

Жизнь генерала Скржинецкаго въ Брюсселѣ. — Лелевель и знакомство с нимъ.—Отъѣздъ въ Парижъ.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Спа, я совершенно пришелъ въ себя и окрѣпъ здоровьемъ. Рѣшившись возвратиться въ Парижъ, я отправился сперва въ Брюссель. Въ Брюсселѣ я остановился у генерала Скржинецкаго. — Скажунѣ сколько словъ объ этомъ выдающемся дѣятелѣ возстанія 1830—1831 гг. Мятежъ засталъ его полковникомъ, но вскорѣ выдвинулъ въ главнокомандующіе. Однако, послѣ неудачнаго сраженія при Остроленкѣ и приближенія русскихъ войскъ къ Варшавѣ, демократическая партія вознегодовала противъ главнокомандующаго и заставила его, равно какъ и главу тогдашняго революціоннаго польскаго правительства кн. Чарторыйскаго, спасаться бѣгствомъ. Послѣ усмиренія мятежа, Скржинецкій жилъ эмигрантомъ въ Галиціи, но когда въ 1839 году возникли недоразумѣнія между Бельгіею и Голландіею, и даже между обѣими этими странами, которыя до іюльской революціи были соединены въ одно королевство, угрожала вспыхнуть война, то бельгійское правительство пригласило его генераломъ en chef своихъ войскъ. Вскорѣ между обѣими странами послѣдовало примиреніе; тогда бельгійское правительство, кажется, вслѣдствіе протеста Россіи, зачислило его въ запасъ съ оставленіемъ ему чина и жалованья. Ревностный папистъ, рьяный противникъ православія, врагъ всякой вѣротерпимости, Скржинецкій видѣлъ спасеніе человѣчества только въ латинствѣ, уніатство же онъ допускалъ только какъ временно терпимое зло, о чемъ у насъ бывали горячія препирательства. Политическимъ его идеаломъ была аристократическая монархія; поэтому онъ ненавидѣлъ демократическую партію и всѣхъ ея поклонниковъ. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ честный и добрый. Одно, въ чемъ его можно было упрекнуть, это его довѣрчивость, поэтому онъ часто попадался на удочку, въ особенности, если льстили его самолюбію.

Въ Брюсселѣ проживалъ также Лелевель, ученый польскій историкъ, бывшій профессоръ варшавскаго университета, одинъ изъ главныхъ вожаковъ демократической партіи и членъ революціоннаго правительства послѣ паденія Чарторыйскаго. Онъ велъ весьма простой образъ жизни, согласно своимъ политическимъ убѣжденіямъ: жилъ въ маленькой комнатѣ надъ кофейней, ходилъ въ блузѣ, какъ настоящій ouvrier и столовался въ трактирѣ, посѣщаемомъ рабочими. Однажды съ нимъ случилось слѣдующее приключеніе. Странствуя по Бельгіи пѣшкомъ съ ранцемъ на плечахъ, онъ гдѣ-то на пути наткнулся на конныхъ жандармовъ; тѣ у него потребовали вида, котораго при немъ не было. На вопросъ о фамиліи и званіи, онъ назвалъ себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавилъ, что онъ членъ бывшаго польскаго правительства. Жан-

армамъ имя Лелевеля было извѣстно, но его внѣшность показалась имъ несоотвѣтствующей званію. Воображая, что они поймали какого-нибудь опаснаго бродягу, они его взяли между своихъ лошадей и доставили въ ближайшій городъ. Къ счастію, полицейскій чиновникъ, къ которому они его представили, былъ ему лично знакомъ: онъ весьма удивился, увидѣвъ его въ столь непріятномъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и забавномъ положеніи. Конечно, его немедленно выпустили.— Я посѣтилъ Лелевеля сейчасъ послѣ пріѣзда въ Брюссель. Онъ меня принялъ весьма дружелюбно, и, желая мнѣ отплатить визитомъ, спросилъ меня, гдѣ я остановился. Когда, однако, онъ узналъ, что я остановился у Скржинецкаго, онъ сказалъ: «ужъ извините, туда я не пойду; но все-таки пришлю вамъ кое-что для передачи въ Парижъ». Самому быть въ домѣ Скржинецкаго онъ считалъ невозможнымъ, но знакомство съ приверженцемъ аристократической партіи онъ прощалъ мнѣ какъ священнику, санъ котораго требуетъ сношеній съ людьми всевозможныхъ партій и самыхъ противоположныхъ убѣжденій.

Еще изъ Спа я писалъ въ Римъ донесеніе о случившемся со мною въ Дрезденѣ и, слѣдовательно, о неисполненіи возложенныхъ на меня порученій. Въ отвѣтъ я получилъ приказаніе передать папскому нунцію въ Брюсселѣ данныя мнѣ въ Римѣ грамоты, инструкціи и письма къ епископамъ, что я въ точности и исполнилъ.

Потерпѣвъ съ этой стороны неудачу, я пришелъ къ тому заключенію, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, нечего и думать о томъ, чтобы дѣло о соединеніи церквей, которое я считалъ цѣлью моей жизни, можно было направлять изъ Рима. Въ Римѣ революція была въ полномъ разгарѣ; папа искалъ убѣжища въ Гаэтѣ, въ предѣлахъ Неаполитанскаго королевства; кардиналы разбѣжались, кто куда могъ, и, конечно, думали о своей личной безопасности, а не о восточныхъ церквахъ. Въ виду всего этого, мнѣ становилось яснымъ, что Парижъ будетъ самымъ лучшимъ центромъ, откуда можно будетъ дать дѣлу о соединеніи церквей желательное направленіе. Итакъ, проживъ недѣлю въ Брюсселѣ, я отправился въ Парижъ.

XXV.

Хлопоты по поводу открытія въ Парижѣ семинаріи.—Возстановленіе восточнаго общества.—Воспитанники вновь открываемой семинаріи.—Свенцонэ у Браницкаго и случай съ Островскимъ.

По прибытіи въ Парижъ, я сейчасъ принялся за исполненіе задуманныхъ мною плановъ. Почва мнѣ показалась довольно благопріятною къ тому, чтобы возобновить восточное общество; устроивъ же это общество, я не терялъ изъ виду основаніе семинаріи восточныхъ миссіонеровъ, существованіе которой я считалъ необходимымъ для достиженія своихъ цѣлей. Но къ этому требовалось, кромѣ разрѣшенія высшаго начальства, и довольно значительныя матеріальныя средства. Прежде всего я обратился къ парижскому архіепископу Сибуру (Sibour), въ епархіи котораго я номинально числился. Въ немъ и въ окружающихъ его духовныхъ лицахъ, главнымъ же образомъ въ его племянникѣ, въ каноникѣ Сибурѣ, впослѣдствіи викарномъ парижскомъ епископѣ, я встрѣтилъ полное сочувствіе и согласіе на предположенное мною открытіе семинаріи. Теперь предсталъ самый неотложный вопросъ о томъ, откуда добыть деньги, необходимыя на наемъ помѣщенія для предположеннаго заведенія, на первоначальное обзаведеніе, устройство домовой при немъ церкви, содержаніе воспитанниковъ и на другія безотлагательныя нужды?—Существуетъ во Франціи обычай отъ времени до времени говорить проповѣди съ благотворительною цѣлью; это такъ называемыя sermons de charité. Стоящіе во главѣ благотворительныхъ обществъ или богоугодныхъ заведеній обращаются къ какому-нибудь выдающемуся проповѣднику, пользующемуся извѣстностью въ болѣе обширныхъ кругахъ, съ просьбою произнести въ извѣстный день въ посѣщаемой избранною публикою церкви проповѣдь, менѣе или болѣе соотвѣтствующую цѣли. Отказовъ въ такихъ случаяхъ почти не бываетъ. Настоятель церкви своевременно извѣщаетъ въ газетахъ и въ расклеиваемыхъ на улицахъ объявленіяхъ, что такой-то проповѣдникъ въ извѣстный воскресный или праздничный день въ такой-то церкви будетъ имѣть проповѣдь съ такою-то благотворительною цѣлью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ проситъ нѣсколькихъ дамъ изъ высшаго общества заняться собираніемъ пожертвованій. Согласившись, онѣ разсылаютъ отъ себя приглашеніе своимъ знакомымъ пожаловать на благотворительную проповѣдь. Отвѣтъ получается обыкновенно съ приложеніемъ пожертвованія никакъ не менѣе пяти франковъ, но обыкновенно болѣе. Такимъ образомъ, дамы-собирательницы уже приходятъ въ костелъ не съ пустыми руками, а очень часто съ туго набитыми кошельками. Тамъ имъ отводятъ болѣе почетное мѣсто, а, по окончаніи проповѣди, церковный швейцаръ отводитъ ихъ къ дверямъ костела, гдѣ онѣ просятъ пожертвованій у всѣхъ выходящихъ. Собранныя пожертвованія, представляющія иногда крупную сумму,

онѣ относятъ въ ризницу, гдѣ ихъ вручаютъ лицамъ, распоряжавшимся устройствомъ проповѣди съ благотворительною цѣлью. Къ этому средству рѣшился и я прибѣгнуть. Въ то время гремѣлъ въ Парижѣ о. Лакордеръ (Lacordaire), доминиканскій монахъ, проповѣдовавшій во всѣ недѣли Великаго поста въ церкви Notre Dame de Paris. Къ нему-то я и рѣшился обратиться, тѣмъ болѣе, что я былъ лично съ нимъ знакомъ. Парижскій архіепископъ вполнѣ одобрилъ мой планъ и даже обѣщалъ съ своей стороны просить Лакордера содѣйствовать моему дѣлу своею проповѣдью. Тѣмъ не менѣе, не мало стоило труда, пока удалось заручиться согласіемъ знаменитаго проповѣдника, въ этомъ отношеніи весьма неподатливаго и отказывавшаго многимъ просителямъ. Проповѣдь онъ назначилъ на Ѳоминую недѣлю.

Какъ я сказалъ выше, о. Лакордеръ пользовался весьма громкою извѣстностью: онъ считался первымъ проповѣдникомъ во Франціи. До принятія духовнаго сана, онъ не безъ успѣха подвизался въ адвокатурѣ. Не знаю, по какимъ побужденіямъ онъ рѣшился сдѣлаться священникомъ, а впослѣдствіи даже монахомъ. Вскорѣ онъ обратилъ на себя вниманіе публики своими проповѣдями, отличающимися глубиною мысли, яркостью красокъ, превосходною дикціею и замѣчательнымъ мимическимъ талантомъ. Темою для своихъ проповѣдей онъ выбиралъ вопросы, самые животрепещущіе, волновавшіе въ то время французское общество. Публика, и при томъ самая избранная, ломилась въ церковь, гдѣ обыкновенно раздавался его краснорѣчивый голосъ; но, такъ какъ онъ слишкомъ былъ отзывчивъ на вопросы дня, то и не удивительно, что онъ приходилъ въ столкновеніе не только съ церковными, но и политическими властями. Однако, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Наконецъ, онъ достигъ того, что его выбрали въ члены французской академіи,— однимъ изъ immortels. Костелы на перерывъ добивались чести имѣть его проповѣдникомъ, хотя-бы только одинъ разъ во время четыредесятницы; нѣсколько епархій назначили его своимъ почетнымъ каноникомъ. Онъ принадлежалъ къ партіи, основанной аббатомъ де-Ламэнэ, названной либерально-католической, къ которой принадлежали Монталамбэръ, де-Фалю, аббаты Жербэ, Марэ и много другихъ молодыхъ и способныхъ духовныхъ и мірянъ. Они желали примирить папство съ новыми идеями и стремленіями западно-европейскаго общества. Противъ нихъ съ яростію ополчился органъ іезуитовъ L'Univers. Когда же папа осудилъ дэ-Ламэнэ и отлучилъ его отъ церкви, то партія распалась и всѣ отшатнулись отъ него. Лакордеръ задумалъ воскресить во Франціи монашескій орденъ доминиканцевъ, но Римъ смотрѣлъ на него подозрительно, и, только послѣ двухлѣтняго искуса, такъ называемаго новиціата, онъ былъ постриженъ въ монахи. Руководство же вновь поступающими въ новиціатъ ему не рѣшились предоставить; новиціи должны были подвергаться искусу въ Римѣ на глазахъ куріи. Тогда я былъ въ Римѣ студентомъ академіи (колледжіо романо) и познакомился съ Лакордеромъ.

Въ пріисканіи дамъ-собирательницъ я встрѣтилъ содѣйствіе въ князѣ Шампаньи дэ Кадоръ, бывшемъ при Луи Филиппѣ пэромъ (paiг) Франціи и казначеемъ нашего восточнаго общества въ Римѣ. Вращаясь въ высшемъ парижскомъ обществѣ, онъ, конечно, безъ особеннаго труда могъ найти нѣсколькихъ знатныхъ дамъ, согласившихся охотно взять на себя эту обязанность.

Такимъ образомъ, вопросъ объ открытіи заведенія приближался къ своему осуществленію. Теперь предстояло только возобновить въ Парижѣ закрывшееся въ Римѣ восточное общество. И въ этомъ дѣлѣ помогъ мнѣ своимъ вліяніемъ и своими связями князь Кадоръ. Для возстановленія дѣятельности общества мы совмѣстно порѣшили держаться слѣдующихъ основаній: удержать названіе восточнаго и пригласить въ почетные предсѣдатели архіепископа; въ дѣйствительные же предсѣдатели кн. Кадоръ предлагалъ князя Чарторыйскаго. Тогда я сталъ возражать, что этимъ избраніемъ мы придадимъ обществу вредный политическій оттѣнокъ; князь оставилъ эту мысль и, на мою просьбу, согласился самъ принять предсѣдательство въ этомъ обществѣ. Само собою разумѣется, что Восточное общество должно было какъ нравственными, такъ и матеріальными средствами поддерживать открываемую семинарію для миссіонеровъ въ предѣлахъ восточныхъ церквей и учреждаемую при ней домовую церковь съ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ. Прежде всего надобно было испросить благословеніе на это дѣло папы Римскаго. Съ этою цѣлію я послалъ чрезъ посредство монсиньора Феррари письмо Его Святѣйшеству съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ предпринятаго нами дѣла и съ почтительнѣйшею просьбою благословенія нашего начинанія. Въ полученномъ мною отвѣтѣ монсиньоръ Феррари сообщилъ мнѣ, что, по поводу моего письма, папа изволилъ выразиться, что онъ одобряетъ и благословляетъ всѣ благія начинанія. Хотя этотъ отвѣтъ былъ составленъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, однако, мы удовлетворились имъ, видя въ немъ одобреніе нашему дѣлу. Тогда парижскій архіепископъ не замедлилъ принять почетное предсѣдательство, взявъ все дѣло подъ свое покровительство. Кн. Кадоръ выказалъ необыкновенную энергію съ самаго начала: въ концѣ 1849 г. составился подъ его предсѣдательствомъ комитетъ, въ который, въ числѣ прочихъ, вошли слѣдующіе члены изъ духовныхъ лицъ: Сибуръ (Sibour), племянникъ архіепископа, а впослѣдствіи викарный епископъ, Марэ (Maret), докторъ богословія и профессоръ Сорбоны, Коканъ (Coquand), секретарь архіепископа; изъ мірянъ же слѣдующія лица: баронъ D'Авриль (d'Avril), кн. Адамъ Чарторыйскій, полковникъ графъ Владиславъ Замойскій. Приглашенный предсѣдателемъ въ члены комитета гр. Ксаверій Браницкій отказался, но обѣщалъ содѣйствовать ежегодными денежными взносами. И дѣйствительно онъ давалъ ежегодно 1000 фр. и болѣе; кн. Кадоръ обѣщался жертвовать на нужды заведенія ежегодно 1000 фр.; кн. Чарторыйскій и гр. Замойскій по 100 фр., а другіе въ размѣрѣ своихъ средствъ.

Ободренный такимъ успѣхомъ, уже въ началѣ января 1850 года, я объявилъ печатно объ открытіи церкви и заведенія славяно-клеолическаго. Для ознакомленія французскаго общества, весьма мало знакомаго съ дѣломъ восточныхъ церквей, я сталъ помѣщать въ епархіальной газетѣ статьи соотвѣтственнаго содержанія, а комитетъ печаталъ отчеты о своихъ засѣданіяхъ происходившихъ каждый мѣсяцъ въ залѣ архіерейскаго дома.

Ко времени открытія заведенія посѣтилъ меня генералъ Быстржановскій, принимавшій участіе въ мадьярскомъ мятежѣ 1849 г. и только что пріѣхавшій въ Парижъ изъ Царьграда. Пришелъ онъ ко мнѣ съ просьбою принять въ открываемое заведеніе двухъ молодыхъ людей, сыновей галицкихъ греко-уніатскихъ священниковъ, окончившихъ полный гимназическій курсъ; они-де принимали участіе въ венгерскомъ возстаніи, а послѣ его усмиренія бѣжали вмѣстѣ съ другими въ Турцію, теперь же они желаютъ изучать богословскія науки, чтобы сдѣлаться священниками.—Генералъ брался ихъ доставить въ Парижъ, если только я для нихъ добуду французскіе паспорты; касательно ихъ поведенія и нравственности онъ ручался. Я выразилъ свое согласіе на предложеніе генерала и сталъ хлопотать о паспортахъ. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ безъ всякаго труда выдало требуемые паспорты. Немедленно они были отправлены во французское посольство въ Константинополѣ. Такимъ образомъ, нашлись и воспитанники для имѣющей открыться семинаріи.

Среди удачъ приходится весьма часто испытывать всякаго рода непріятности. Это случилось и со мною. На пасху въ 1850 г. графъ Ксаверій Браницкій, владѣвшій несмѣтными богатствами, пригласилъ къ себѣ на розговѣніе (по польски свенцонэ) всѣхъ болѣе выдающихся эмигрантовъ и не мало изъ французской знати, истративъ на это что-то около 30,000 фр. Я долженъ былъ, по его просьбѣ, освятить яства и питія, по русскому обычаю. Это многимъ изъ поляковъ не понравилось. Они были недовольны тѣмъ, что хозяинъ пригласилъ уніятскаго священника, между тѣмъ какъ имѣлись подъ рукою католическіе ксендзы. Этимъ воспользовался Островскій, весьма ѣдкій польскій писатель, редакторъ эмиграціоннаго изданія «Новая Польша» (Nowa Polska) и руководитель, составившейся, по иниціативѣ послѣдняго главнокомандующаго польскаго возстанія 1831 г. генерала Рыбинскаго, военной эмиграціонной клики. Нѣкоторые агенты этой клики обращались за пособіемъ къ Браницкому, но онъ имъ отказалъ на отрѣзъ. Inde iгае! . . . . Надо было чѣмъ-нибудь досадить хозяину - хлѣбосолу,— и вотъ въ ближайшемъ нумерѣ изданія Островскаго появляется описаніе свенцонаго съ злостнымъ намекомъ на то, что панъ грабя пригласилъ освящать пасху бородатаго русскаго попа, который возгласилъ: «Христосъ Воскресе», а, между тѣмъ, что-же это иное, какъ не знамя шизмы. Остроумно, не правда-ли?—Чтобы не повторяться, разскажу здѣсь еще объ одномъ моемъ

столкновеніи съ Островскимъ. Какъ выше было сказано, я написалъ на польскомъ языкѣ религіозно-политическую брошюру: Slowo rusina do brata szezepa slowiańskiego. Исходя изъ тогдашней своей точки зрѣнія,—враждебной православію и политической идеѣ русскаго народа, я въ этой брошюрѣ упрекалъ польское общество въ пренебреженіи къ грекс-уніатскому обряду и въ равнодушіи къ остальнымъ славянамъ; я указывалъ на опасность, угрожающую полякамъ и другимъ славянамъ отъ русскаго панславизма, приглашая поляковъ опомниться и, проникнувшись всеславянскимъ духомъ, выкинуть знамя польскаго панславизма. Немедля, послѣ выхода въ свѣтъ брошюры, появилась на нее критика Островскаго въ французскомъ католическомъ журналѣ: «Echo de la vérité», издаваемомъ патеромъ Минь (Migne). Въ этой статьѣ Островскій представилъ меня человѣкомъ, опаснымъ для Польши и католицизма, сознательно стремящимся къ Москвѣ и шизмѣ (православію); каждый параграфъ этой статьи оканчивался злобно: «да, мы почитаемъ о. Терлецкаго и мы отнюдь его не подозрѣваемъ!» По моимъ тогдашнимъ понятіямъ, эта статья показалась мнѣ въ высшей степени обидною и даже вредною для предпринятаго мною дѣла, въ успѣхъ котораго я вѣрилъ. Поэтому, я довелъ объ этомъ до свѣдѣнія парижскаго архіепископа, покровительствующаго учреждаемому мною заведенію. Владыко выбранилъ о. Минь, который явился ко мнѣ съ извиненіемъ и съ обѣщаніемъ помѣстить въ своемъ журналѣ мое возраженіе на эту статью, что и было исполнено. Островскому же было отказано въ помѣщеніи дальнѣйшаго со мною препирательства. Тогда онъ обратился къ познанскимъ польскимъ газетамъ, гдѣ и продолжалъ свои нападки на меня.

XXVI.

Проповѣдь Лакордера.—Знакомство съ протоіереемъ о. Васильевымъ.—Столкновеніе съ папскимъ нунціемъ.

Наконецъ, наступилъ день проповѣди о. Лакордера. Въ церкви Notre Dame de Paris, въ которой долженъ былъ раздаваться краснорѣчивый голосъ знаменитаго проповѣдника, въ тотъ же самый день происходила хиротонія въ епископы, что привлекло еще болѣе особъ высшаго парижскаго сословія, тѣмъ болѣе, что рукополагаемый принадлежалъ къ тому же сословію. Разумѣется, церковь была переполнена самымъ избраннымъ обществомъ. Дамы—собирательницы, принадлежащія къ высшей аристократіи, всѣ были налицо. Послѣ проповѣди, произведшей огромное впечатлѣніе, дамы отправились въ ризницу и передали мнѣ собранныя деньги, которыхъ оказалось около 3000 франковъ.

На проповѣди присутствовалъ также о. Іосифъ Васильевъ, настоятель

сольской русской церкви въ Парижѣ. Съ нимъ я познакомился раньше того совершенно случайно. Однажды я занялъ мѣсто въ омнибусѣ рядомъ съ еловѣкомъ среднихъ лѣтъ, довольно щегольски одѣтымъ, съ небольшою подтриженною бородкою. Я былъ въ рясѣ восточнаго покроя и съ длинною бородою. Мой сосѣдъ, окинувши меня любопытнымъ взглядомъ, спрашиваетъ меня, азумѣется, на французскомъ языкѣ, не принадлежу-ли я къ восточной церкви и какой именно? Я сказалъ ему, что я священникъ восточнаго обряда принадлежу къ русской церкви. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Тогда я спросилъ его, былъ-ли онъ на Востокѣ и гдѣ именно?—«На какомъ основаніи вы предлагаете мнѣ подобный вопросъ?»—«Ваше обращеніе ко мнѣ даетъ мнѣ право заключить, что вы интересуетесь дѣлами Востока».—«Я тоже священникъ!» отвѣтилъ незнакомецъ.—«Навѣрно, говорю, какой-нибудь протестанской церкви?»—«Нѣтъ, говоритъ онъ, я русскій священникъ здѣшней посольской церкви».—Тогда, въ свою очередь, я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Познакомившись, такимъ образомъ, мы уже не прекращали нашего знакомства и посѣщали другъ друга. Послѣ проповѣди Лакордера я зашелъ чрезъ нѣсколько дней къ о. Васильеву. Разговоръ пошелъ о недавней проповѣди Лакордера, въ которой онъ нападалъ на русское правительство за переходъ уніатовъ въ православіе, по ихнему шизму, при посредствѣ принудительныхъ мѣръ и даже гоненій: таково было тогда убѣжденіе всего запада, за небольшими исключеніями, распространяемое польскими эмигрантами и скрѣпляемое свидѣтельствомъ страдальцевъ, въ родѣ пресловутой Макрины. О. Васильевъ нападалъ на Лакордера, я-же защищалъ его; споръ кончался, какъ обыкновенно, тѣмъ, что каждый оставался при своемъ мнѣніи.

Получивъ необходимыя средства, я немедля занялся устройствомъ церкви и заведенія. На Вавилонской улицѣ я нанялъ небольшой домъ, въ которомъ кромѣ жилыхъ помѣщеній, находилась довольно пространная рабочая комната, удобная для передѣлки въ церковь. Живописецъ Павелъ Нико (Nicaud), членъ нашего Восточнаго общества, взялъ на себя трудъ написать нѣсколько иконъ для иконостаса: Спасителя, Богоматери, Св. Кирилла и Меѳодія и Св. Владиміра и Ольги. Едва я началъ устраиваться, какъ пріѣхали изъ Царьграда первые два воспитанника: Богумилъ Коростынскій и Іуліанъ Купловскій.

Въ это время имѣлъ я съ нунціемъ непріятное столкновеніе. Одно высокопоставленное лицо сообщило мнѣ, что въ папской нунціатурѣ неодобрительно отзываются о моемъ предпріятіи, такъ какъ-де оно не имѣетъ твердыхъ основаній, и поэтому лишено всякой будущности; мои-де воспитанники набраны въ предмѣстьѣ Св. Антонія изъ подонковъ общества и т. д. Эти слухи сильно меня смутили и, при томъ, въ высшей степени удивили, такъ какъ самъ нунцій монсиньоръ Форнари выказывалъ мнѣ всегда необыкновенную благосклонность. Поэтому я рѣшился отправиться къ нунцію. Онъ

принялъ меня въ присутствіи своего аудитора, т. е. совѣтника нунціатуры монсиньора Лазана. Разговоръ коснулся покровительства, которое мнѣ оказывалъ парижскій архіепископъ; нунцій не вытерпѣлъ и сказалъ съ негодованіемъ: «зачѣмъ онъ суется туда: это не его дѣло!» Напрасно я съ своей стороны дѣлалъ представленія, что основываемое заведеніе, какъ парижское, не можетъ обходиться безъ мѣстнаго епархіальнаго начальства и безъ его благословенія, тѣмъ болѣе, что и я самъ вхожу въ составъ клира этой епархіи. Нунцій настаивалъ на своемъ, и сказалъ въ заключеніе: «это дѣло Восточныхъ церквей: ему нечего мѣшаться». Когда-же я сталъ жаловаться на выходящія изъ нунціатуры неблагопріятные для моего заведенія слухи, тогда аудиторъ сказалъ: «знайте, что намъ довольно было-бы тиснуть нѣсколько строкъ въ газетахъ: ваше заведеніе полетѣло бы прахомъ!» Эти слова меня настолько возмутили, что я поднялся со стула и сказалъ съ ударніемъ: «если ваша совѣсть, монсиньоръ, позволяетъ вамъ это сдѣлать, то прошу не церемониться». Рѣшительный мой отвѣтъ подѣйствовалъ. Нунцій и аудиторъ поднялись съ своихъ сидѣній и стали наперерывъ меня увѣрять, что они этого не сдѣлаютъ, и что даже у нихъ этого и въ умѣ не было. Тѣмъ не менѣе, съ этого времени отношенія нунціатуры къ моему дѣлу стали холоднѣе и, по моему мнѣнію, эта холодность сообщалась далѣе римской куріи. Причину недовольства мною нунція я узналъ позже: между нимъ и архіепископомъ существовала сильная вражда; они избѣгали даже встрѣчи другъ съ другомъ. Не удивительно, что страстный по своему темпераменту италіанецъ, узнавъ о покровительствѣ, оказываемомъ мнѣ архіепископомъ, перенесъ эту вражду на меня и на мое заведеніе. Спустя, кажется, два года я посѣтилъ въ Римѣ возведеннаго уже въ кардиналы его еминенцію Форнари: онъ принялъ меня весьма любезно и выразилъ даже сожалѣніе, что мое дѣло не находитъ въ Римѣ должнаго сочувствія.

XXVII.

Лекціи богословія для воспитанниковъ семинаріи.—Устройство церкви и освященіе ея.—Посѣщеніе церкви парижскимъ архіепископомъ.—Пріѣздъ сына въ Парижъ; его болѣзнь и кончина.—Средства на содержаніе семинаріи.—Пожертвованіе двухъ незнакомокъ.—Престарѣлый священникъ Длускій.

Учрежденная мною семинарія имѣла уже двухъ воспитанниковъ. Предстояло теперь подумать о томъ, чтобы имъ давать богословское образованіе. Въ стѣнахъ самого заведенія этого нельзя было сдѣлать, какъ по скудости средствъ, такъ и по невозможности найти подходящихъ преподавателей богословскихъ предметовъ. Въ главной семинаріи Сэнъ Сюльписъ (Saint Sulpice), управляемой общиною того же имени, уставъ не допускаетъ учениковъ приходящихъ; въ Сорбонѣ, т. е. въ богословскомъ факультетѣ университета, высшее образованіе дается прошедшимъ уже семинарскій курсъ богословія. Обращался я къ настоятелю семинаріи, предназначенной для посылаемыхъ въ заморскія французскія колоніи миссіонеровъ, патеру Либерману, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Положеніе дѣлалось безыходнымъ, но, наконецъ, послѣ продолжительныхъ хлопотъ, я добился своего, благодаря вмѣшательству архіепископа и усердному содѣйствію преподавателя семинаріи патера Бодри (Baudry): семинарія Сэнъ Сюльписъ сдѣлала исключеніе для моихъ питомцевъ и приняла ихъ приходящими учениками.

Тѣмъ временемъ подвигалось впередъ устройство церкви при семинаріи: иконостасъ былъ оконченъ, престолъ и жертвенникъ поставлены на свое мѣсто, священные сосуды пріобрѣтены, устроенъ одинъ пока клиросъ,—однимъ словомъ, внутренность церкви стала принимать обычный видъ; по своему объему она могла вмѣстить 400 человѣкъ. Священныя одежды сдѣлали, по сообщеннымъ мною образцамъ, польскія сестры милосердія, содержащія въ Парижѣ польское женское учебное заведеніе. Нашлось въ Парижѣ нѣсколько мірянъ изъ Галиціи, знающихъ церковное пѣніе; они съ моими воспитанниками составили хоръ, которымъ управлялъ Куиловскій. Освященіе церкви архіепископъ поручилъ своему племяннику и генеральному викарію Сибуру. О предстоявшемъ освященіи церкви я своевременно извѣстилъ въ газетахъ, любопытныхъ собралось столько, что церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ видѣть рѣдкую обрядность. Послѣ священнодѣйствія нашъ хоръ пропѣлъ многолѣтіе архіепископу и священнодѣйствующему его викарію, что очень понравилось французамъ.

Оба моихъ питомца стали каждый день посѣщать лекціи въ семинаріи Св. Сульпиція. Дома мы совершали совмѣстно положенныя утреннія и вечернія молитвы; я служилъ почти ежедневно обѣдню; кромѣ того, питомцы упражнялись въ славянскомъ и французскомъ языкахъ. По воскресеньямъ и празд-

никамъ литургія совершалась позже и всегда привлекала много народа, большей части, французовъ. Вечеромъ въ тѣ-же дни я служилъ вечер говорилъ поученія, а когда первые питомцы были рукоположены во священ я заставлялъ и ихъ упражняться въ проповѣдяхъ.

Однажды мнѣ пришла мысль пригласить покровительствующаго мнѣ рижскаго архіепископа въ нашу церковь для присутствованія при св. литур Я намѣревался служить обѣдню за упокой души преставившагося въ то в холмскаго епископа Фелиціана Шумборскаго. Не заставъ дома высокопрос щеннаго, я написалъ ему письмо, съ приглашеніемъ въ церковь, и получ отвѣтъ, что владыко пріѣдетъ; но если онъ не прибудетъ до 10 часовъ, чтобы начинать обѣдню и безъ него. Я велѣлъ поставить кресло прямо тивъ царскихъ вратъ и въ 10 часовъ началъ литургію съ діакономъ, ко котораго служилъ бѣжавшій изъ холмской епархіи іеромонахъ Василевск Архіепископа еще не было, церковь была переполнена народомъ. Во время вел ектеніи я услышалъ шумъ въ церкви; сейчасъ-же я сообразилъ, что пріѣ архіепископъ. Такъ и было въ дѣйствительности; онъ привелъ съ собою двоихъ протоіереевъ (канониковъ), членовъ консисторіи. Великолѣпіе на обряда и стройность церковнаго пѣнія подѣйствовали на архіерея до та степени, что, по окончаніи обѣдни, онъ поднялся съ своего мѣста и сказ прочувствованное слово о благолѣпіи нашего обряда, о стройности пѣнія также распространился насчетъ серьезной важности начатаго мною дѣ Послѣ многолѣтія архипастырю, онъ пожелалъ осмотрѣть алтарь, почем открылъ для него царскія врата, и показалъ ему престолъ, жертвенникъ церковную утварь. Случилось при этомъ слѣдующая несообразность: любоп ные французы—мужчины и дамы хлынули въ царскія врата, а сдержать оказалось невозможнымъ. Присутствовавшій на богослуженіи покойный прот іерей Васильевъ, при первомъ свиданіи со мною, не замедлилъ побранить м за этотъ безпорядокъ, случившійся, впрочемъ, не по моей винѣ.

Исподволь стало умножаться число питомцевъ въ учрежденной мною с минаріи. Въ первомъ уже году по ея открытію ихъ было семь человѣкъ. Большинст изъ нихъ было изъ уніатовъ; но были также и латиняне, изъ поляковъ, лавшіе перейти въ греко-уніатскій обрядъ. Заявляли также и французы своемъ желаніи поступить въ семинарію; но, по трудности изученія для н славянскаго языка, пришлось имъ на первыхъ порахъ отказывать. Настоят лазаристовъ въ Константинополѣ патеръ Борэ прислалъ мнѣ двухъ грековъ, одного іеромонаха съ Аѳонской горы, а другаго молодаго мірянина изъ Солу (Солоникъ). Первый изъ нихъ, лишь только увидѣлъ, что у насъ нажить н чего, сейчасъ же заявилъ о своемъ нежеланіи оставаться; чрезъ 15 дней о выбылъ изъ заведенія. Другой оставался болѣе продолжительное время; весьма ограниченныя его умственныя способности подавали мало надежды успѣшность въ наукахъ. Онъ пригласилъ къ намъ своего друга, тоже гре

который пришелъ къ намъ съ намѣреніемъ выучиться чему-нибудь въ Парижѣ на нашъ счетъ, а потомъ насъ оставитъ. Я понялъ его затаенную цѣль, и потому постарался избавиться отъ него; уходя, онъ потянулъ съ собою и пріятеля-солунянина.

Въ это время одна польская дама г-жа Чарковская изъ Украйны, посѣтившая Парижъ, отправлялась по дѣламъ въ Познань, а затѣмъ въ Вроцлавль (Бреславль), съ тѣмъ, чтобы потомъ снова вернуться въ Парижъ. Я воспользовался этимъ случаемъ и попросилъ ее привезти ко мнѣ моего больнаго сына, котораго я оставилъ въ Краковѣ у родителей моей покойной жены, въ то время уже упокоившихся. По моему требованію, сынъ мой пріѣхалъ въ Вроцлавль, а оттуда съ г-жей Чарковской благополучно прибылъ въ Парижъ. Великою радостью наполнилось мое сердце при видѣ этого шестнадцатилѣтняго уже юноши, оставленнаго мною въ Краковѣ годичнымъ ребенкомъ. Но радость моя вскорѣ перешла въ тяжелую печаль, когда, послѣ тщательнаго изслѣдованія его больной груди врачемъ спеціалистомъ, оказалось, что большая часть его грудной клѣтки наполнена водою, и что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе. Почти два года прожилъ онъ со мною, перенося невыразимыя страданія; напрасно лучшіе врачи Парижа дѣлали консультаціи и два раза выпускали воду: онъ скончался въ 1853 году и былъ похороненъ въ Монморанси.

Содержаніе заведенія требовало не мало издержекъ. На это была употреблена бо́льшая часть членскихъ взносовъ Восточнаго общества; кромѣ того, нашлись и благотворители, дѣлающіе постоянные или случайные вклады на покрытіе текущихъ расходовъ. Кн. Кадоръ давалъ ежегодно 1000 фр.; столько-же а иногда и больше жертвовалъ графъ Ксаверій Браницкій. Сестры сосѣдняго съ нами Бенедиктинскаго монастыря, при полученіи годичной закупки съѣстныхъ припасовъ для своего монастыря, снабжали и наше заведеніе безвозмездно всякими припасами, прибавляя въ тому еще нѣсколько десятковъ франковъ. Горячее участіе въ судьбѣ заведенія принималъ также баронъ д'Авриль (d'Avril), служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; архіепископъ пожертвовалъ отъ себя 600 фр. Кромѣ того, каждый годъ кто-нибудь изъ лучшихъ проповѣдниковъ говорилъ проповѣди въ нашу пользу описаннымъ выше способомъ. Наконецъ, въ церковной кружкѣ собиралось въ праздничные и воскресные дни по нѣскольку десятковъ франковъ; при освященіи храма нашлось въ ней около 700 франковъ. Нельзя также не упомянуть о трогательномъ усердіи нѣсколькихъ бѣдныхъ француженокъ, зарабатывавшихъ своимъ трудомъ себѣ пропитаніе и, все-таки, удѣлявшихъ отъ своего излишка хоть небольшую лепту: онѣ избрали нашу церковь какъ-бы своею приходскою и радѣли объ ея нуждахъ, снабжая иногда какой-нибудь утварью. Бывали впрочемъ и случайныя приношенія, между прочимъ, по слѣдующему случаю. Генеральный викарій Сибуръ, освящавшій нашу церковь, былъ назначенъ

настоятелемъ одной изъ самыхъ богатыхъ въ Парижѣ церквей, св. Доминика предмѣстьѣ Сэнъ-Жэрмэнъ. Находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, при поздравленіи съ назначеніемъ, намекнулъ ему, что настоятель столь богатой церкви могъ-бы удѣлить отъ своего избытка что-нибудь нашей бѣдной церкви, пожертвовавши, напримѣръ, ризы, въ которыхъ мы очень нуждаемся. На слѣдующій день онъ прислалъ богатѣйшее облаченіе, но, къ сожалѣнію, латинскаго покроя. Я пошелъ его поблагодарить и сказалъ, что эти ризы непригодны для нашего обряда.

—«Я не знаю, какія тамъ у васъ ризы. Закажите какія вамъ угодно, разумѣется, на мой счетъ!»

«Я не пожалѣю вашего кармана», сказалъ я.

— «И хорошо сдѣлаете!» былъ его отвѣтъ.

По моему заказу были сдѣланы ризы изъ серебряной матеріи съ золотымъ позументомъ, а счетъ въ 300 фр. онъ заплатилъ сполна.

Однажды, когда я по дѣламъ заведенія отправился въ Римъ, передавши управленіе старшему священнику Длускому, зашли двѣ незнакомыя дамы и выразили желаніе посмотрѣть церковь и заведеніе. Осмотрѣвъ все, онѣ изъявили желаніе пожертвовать что-нибудь въ пользу церкви; старикъ указалъ имъ на церковную кружку, въ которой послѣ оказалось 2000 фр. Старикъ не спросилъ даже ихъ фамилій, а на мое замѣчаніе, по поводу этого упущенія, онъ сказалъ въ отвѣтъ: «Зачѣмъ? Богу извѣстно, кто онѣ. Онъ воздастъ имъ по заслугамъ за ихъ доброе дѣло!»

Личность этого старика-священника заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Это былъ человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и необыкновеннаго благочестія, но, разумѣется, воспитанный въ польско-шляхетскомъ духѣ. Во время Наполеоновскихъ войнъ, еще юношей, онъ поступилъ въ польскіе легіоны, сражавшіеся подъ начальствомъ геніальнаго полководца. Послѣ паденія Наполеона и заточенія его на островѣ св. Елены, Длускій отправился въ Америку, не зная никакого другаго языка, кромѣ польскаго. Прибывъ туда, онъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Къ счастію, понадобилась его военная опытность: онъ поступилъ солдатомъ въ армію Соединенныхъ Штатовъ. Но затѣмъ судьба зло подшутила надъ нимъ: ему пришлось прислуживать на кораблѣ американскихъ пиратовъ, чтобы какъ-нибудь снискать себѣ пропитаніе. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и рѣшился вернуться на родину, въ Бѣлоруссію. Здѣсь онъ, какъ бывшій семинаристъ, рѣшился сдѣлаться священникомъ и былъ назначенъ настоятелемъ прихода въ Новогородокъ (Новогрудокъ), Минской губерніи. Тѣмъ временемъ вспыхнулъ мятежъ 1831 года. Въ Новогрудкѣ молодежь стала волноваться; горячія головы стремились отовсюду, чтобы сформировать отрядъ инсургентовъ. Наконецъ, шайка составилась. Нѣсколько вожаковъ устремились къ нему, чтобы испросить у него благословенія на свой подвигъ. Сначала Длускій отнесся къ нимъ не-

одобрительно, сказавши, что между ними нѣтъ ни одного военнаго, что они всѣ неопытные юноши, которыхъ казаки, при первой же стычкѣ, перебьютъ или переловятъ. Но когда они упорствовали въ своемъ намѣреніи, онъ ихъ благословилъ, велѣлъ себѣ подать лошадь и отправился вмѣстѣ съ ними въ лѣсъ; какъ видно, солдатская кровь заговорила! Такимъ образомъ, очутившись въ рядахъ мятежниковъ и испытавши всѣ превратности польской революціи 1831 года, онъ вмѣстѣ съ отступающими польскими войсками, перешелъ границу конгресовки и сдѣлался эмигрантомъ. Подобно другимъ польскимъ эмигрантамъ въ Парижѣ, онъ получалъ пособіе отъ французскаго правительства и жалованіе съ церкви, гдѣ онъ служилъ самую позднюю обѣдню въ 12 ч. дня. Жилъ онъ весьма скромно, почти-что аскетически, а весь свой излишекъ отдавалъ бѣднымъ.

Однажды, когда я вечеромъ вернулся домой, мои питомцы доложили мнѣ, что приходилъ какой-то господинъ, по его словамъ, знакомый со мною, который пожелалъ осмотрѣть наше заведеніе. Онъ осмотрѣлъ внимательно нашу церковь и заведеніе во всѣхъ подробностяхъ и сказалъ, что на слѣдующій день опять заѣдетъ, оставивъ свою визитную карточку. На карточкѣ стояла фамилія «Кòнтэ Вѐкіа—Чѝта», но подобной фамиліи я не помнилъ. Съ нетерпѣніемъ я дожидался незнакомаго знакомца на слѣдующій день, и каково было мое удивленіе, когда я въ немъ узналъ князя Парми и Лукки, угощавшаго меня такъ гостепріимно въ Дрезденѣ. Разумѣется, теперь я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и не сбивался въ его титулѣ по прежнему, называя его въ своихъ обращеніяхъ «ваше королевское высочество!» Онъ отказался отъ престола въ пользу своего сына, а самъ поселился въ Парижѣ, въ гостинницѣ, частнымъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ завтракать и обѣщался пожертвовать изъ бывшей у него въ Луккѣ церкви греко-славянскаго обряда священную утварь и ризы въ нашу парижскую церковь; были же тамъ весьма красивыя и драгоцѣнныя утварь, иконы и облаченія. Впрочемъ, этимъ все и окончилось, такъ какъ послѣ уже намъ не приходилось встрѣчаться.

XXVIII.

Развитіе дѣятельности Восточнаго общества.—Уставъ общества и представленіе его на утвержденіе папы.

Наше Восточное общество продолжало крѣпнуть и развиваться; его дѣятельность стала замѣтно проявляться. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1850 года правленіе общества разослало письма къ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ съ сообщеніемъ объ основаніи въ Парижѣ этого общества, съ изложеніемъ высокой цѣли, къ которой оно стремится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ приглашеніемъ поступать въ почетные члены общества, прося о молитвахъ

объ успѣшной его дѣятельности и покровительствѣ. Многіе изъ епископовъ разныхъ странъ, съ выраженіемъ благодарности Богу за новую милость, дарованную церкви, съ радостью принимали званіе почетныхъ членовъ, благословляли благія начинанія общества, а нѣкоторые даже прилагали свои щедрыя подаянія. Между прочими, кардиналъ-примасъ Венгріи, архіепископъ Острогонскій (Гранскій), Спитовскій прислалъ 1000 фр. на цѣли общества. Архіепископъ Загребскій Гауликъ извѣстилъ, что повелѣлъ по всей епархіи приносить Богу молитвы о благопріятномъ окончаніи всѣхъ начинаній восточнаго общества, съ собираніемъ добровольныхъ пожертвованій для усиленія его средствъ. Получены были отвѣты отъ архіепископа Дураццо въ Албаніи Амвросія, отъ апостольскаго викарія въ Абиссиніи епископа Галли; отъ апостольскаго викарія въ Средцѣ (Софіи) епископа Кановы. Сей послѣдній, признавая вполнѣ необходимость существованія общества, прибавляетъ отъ себя, что было бы весьма желательнымъ и даже необходимымъ, если бы всѣ живущіе на востокѣ латиняне приняли греческій обрядъ, чинъ богослуженія греческой церкви, съ сохраненіемъ догматовъ, которыми римская церковь различается отъ греческой. И это пишетъ латинскій епископъ, долго жившій на Востокѣ и прекрасно знающій положеніе восточныхъ церквей.

Въ концѣ 1851 г. наше общество, значительно разросшееся и вошедшее въ силу, выдѣлило изъ своей среды новое правленіе, такъ называемый управляющій комитетъ, числомъ 23 лица. Кромѣ прежнихъ, предсѣдателя и двухъ его товарищей, прибавлено еще новыхъ два товарища: баронъ де-Монтиии (de Montigny) и герцогъ д-Истри (duc d'Istrie); избраны канцлеромъ (секретаремъ) профессоръ сорбонской академіи патеръ Баржеси (Bargès), и три письмоводителя. Въ члены комитета, между прочими, избраны: графъ Франциск де Шампани (Champagny), маркизъ д-Эпинэ сэнъ-Люкъ (d'Epinay Saint Luc). молодой Барошъ, сынъ министра, г. дэ-Монэсъ д-Эльбуиксъ (de Monès d'Elbouix) и др. Комитету поручено составить уставъ общества, представить его на утвержденіе апостольскаго престола и издавать журналъ, какъ органъ общества. Этого журнала явилось только три номера, въ которыхъ, кромѣ статей, относящихся до соединенія церквей, помѣщались письма владыкъ къ нашему обществу. Постановлено было отправить къ латинскимъ и греко-уніатскимъ епископамъ еще одно посланіе; для редактированія этого посланія избрана комиссія изъ трехъ лицъ, въ числѣ которыхъ избрали также и меня, какъ болѣе свѣдущаго въ дѣлахъ восточныхъ церквей. Въ этомъ посланіи было, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: бѣда въ томъ, что Западъ не знаетъ восточныхъ церквей; состояніе этихъ церквей извѣстно только изъ описаній путешественниковъ и латинскихъ миссіонеровъ, смотрящихъ на Востокъ съ своей точки зрѣнія; заблуждаясь сами, они вводятъ и другихъ въ заблужденіе.—Обращаясь къ патріархамъ, общество титуловало ихъ «Ваше Святѣйшество». Въ засѣданіи, въ которомъ второе посланіе, послѣ своей

окончательной редакціи, было представлено на утвержденіе общества, предсѣдательствовалъ я вмѣсто отсутствующаго предсѣдателя князя Кадора, какъ его товарищъ; я же подписалъ и второе посланіе къ епископамъ. Упоминаю объ этомъ потому, что, какъ мы увидимъ ниже, изъ этого возникла въ Римѣ цѣлая буря. Но объ этомъ послѣ.

Вслѣдствіе втораго посланія заявили свое согласіе поступить въ почетные члены общества восемьдесятъ епископовъ. Между прочими, должно отмѣтить греко-мелькитскаго патріарха Маслюма, халдейскаго Аодо, мѣстоблюстителя сирійскаго патріарха Самгири, латинскаго іерусалимскаго патріарха Валерга, архіепископа Буржскаго (de-Bourge) кардинала дю-Понъ (du Pont), царьградскаго армянскаго митрополита Галуна и много другихъ архіепископовъ и епископовъ.

По новому уставу члены общества раздѣлялись на четыре разряда, а именно: 1) почетные члены епископы и избранные обществомъ міряне изъ лицъ, занимающихъ болѣе выдающееся положеніе, 2) члены основатели, жертвующіе на нужды общества ежегодно 100 и болѣе франковъ; 3) дѣйствительные члены, вносящіе ежегодно менѣе 100 фр. или содѣйствующіе цѣлямъ общества своими учеными трудами или художественными произведеніями, и 4) члены соревнователи, содѣйствующіе обществу или своими молитвами или пожертвованіями въ произвольные сроки и въ любомъ количествѣ. Исполнительная власть была вручена правленію общества (комитету), который долженъ былъ направлять дѣйствія общества съ цѣлью соединенія восточныхъ христіанъ съ церковью римскою въ духѣ единенія вѣры съ нерушимымъ сохраненіемъ старинныхъ восточныхъ обрядовъ. Средства къ достиженію этой цѣли были: основаніе среди восточныхъ христіанъ миссій; учрежденіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется необходимымъ, духовныхъ учебныхъ заведеній; открытіе народныхъ школъ; составленіе, печатаніе и распространеніе духовно-нравственныхъ сочиненій на нарѣчіяхъ Востока и, наконецъ, обращеніе евреевъ и другихъ иновѣрцевъ въ христіанство. Особенное вниманіе и дѣятельность общества должны быть обращены на отличающееся своею многочисленностью славянское племя.

Новый уставъ нашего общества, вмѣстѣ съ челобитною объ его одобреніи, комитетъ послалъ папѣ чрезъ одного изъ секретарей, отправившагося въ Римъ. Папа передалъ его секретарю пропаганды монсиньору Барнабо, который его, какъ говорится, положилъ подъ сукно. Тѣмъ не менѣе, основная идея общества не осталась безъ вліянія на нѣкоторыя мѣропріятія римской куріи. Доказательствомъ тому служитъ небывалое въ римской церкви постановленіе, обнародованное какъ разъ въ это время, вмѣняющее латинскому епископу и миссіонерамъ въ Абиссиніи въ обязанность принять обрядъ абиссинской церкви. Между тѣмъ, какъ извѣстно, римская курія во всѣ времена стремилась открыто или тайно къ привлеченію восточныхъ христіанъ къ латинскому обряду, или, по

крайней мѣрѣ, къ медленному усвоенію ими латинской обрядности посредствомъ различныхъ нововведеній, вводимыхъ постепенно и, при томъ, въ высшей степени послѣдовательно.

XXIX.

Доносы на меня въ Римъ.—Аудіенція у Наполеона III.

Французское войско давно уже совладало съ революціею въ Римѣ и возвратило папѣ его мірской престолъ. Дѣла успѣли войти въ свою колею и, поэтому, я счелъ нужнымъ доложить въ Римѣ о дѣлахъ нашего общества, посредствомъ писемъ къ нѣкоторымъ благопріятствующимъ мнѣ лицамъ, къ секретарю пропаганды и даже къ самому папѣ. Однако, всѣ полученные изъ Рима отвѣты дышали холодною сдержанностью и полнымъ равнодушіемъ: все это свидѣтельствовало о томъ, что наши противники не дремали. Наконецъ, въ этомъ я вполнѣ убѣдился, получивъ отъ одного прелата, сочувственно относившагося къ нашему дѣлу, письмо съ извѣстіемъ о томъ, что у папы имѣются три доноса на меня. Въ одномъ изъ нихъ меня изображали самымъ ярымъ революціонеромъ, прикрывающимся только мантіею вѣры съ тѣмъ, чтобы замаскировать свои преступныя цѣли, направленныя не только противъ правительствъ вообще, но и противъ Россіи въ особенности. Въ другомъ, напротивъ, увѣряли, что я въ душѣ схизматикъ (православный съ католической точки зрѣнія), скрытый подъ личиною католичества и преданности римскому престолу, имѣющій цѣлью совращеніе латинянъ въ нѣдра православной церкви. Въ третьемъ, наконецъ, выводились доказательства, что я выдумалъ какой-то новый обрядъ, неизвѣстный уніатамъ, и что я такимъ образомъ могу нанести неисчислимый вредъ уніатскимъ церквамъ. Папа, правда, не повѣрилъ этимъ доносамъ, сказавъ: «non e vero» (это не правда), но все-таки, по совѣту извѣстившаго меня объ этомъ прелата, я представилъ на благоусмотрѣніе его святѣйшества подробное изложеніе воодушевлявшихъ меня намѣреній, моихъ взглядовъ на значеніе обрядовъ, съ обстоятельнымъ разъясненіемъ моего образа дѣйствій.

Въ одномъ изъ засѣданій, состоявшемся въ 1852 г., числа и мѣсяца уже не помню,—нашъ комитетъ рѣшилъ отправить депутацію къ Наполеону, тогда еще президенту французской республики, съ цѣлью просить его покровительства нашему дѣлу. Во главѣ депутаціи долженъ былъ стоять предсѣдатель общества князь дэ-Кадоръ, отецъ котораго былъ первымъ министромъ при Наполеонѣ I. Въ число членовъ депутаціи, кромѣ двухъ другихъ членовъ комитета, входилъ и я. Но прежде чѣмъ разсказать объ этой аудіенціи, я упомяну о своей встрѣчѣ съ Наполеономъ, еще раньше этого, на soirée у парижскаго архіепископа.

Покровительствовавшій мнѣ монсиньоръ Сибуръ имѣлъ, какъ и другія высокопоставленныя лица, свои jours fixes, на которыхъ я бывалъ отъ времени до времени. Однажды прихожу на такой вечеръ нѣсколько раньше обыкновеннаго и съ изумленіемъ вижу, что гостепріимные всегда салоны архіепископа заперты. Спрашиваю лакея о причинѣ этого, и узнаю, что архіепископъ принимаетъ, но что въ настоящую минуту президентъ обѣдаетъ у него; сейчасъ-де обѣдъ кончится и президентъ изволитъ перейти въ салонъ. Желаніе увидѣть вблизи человѣка, на котораго были устремлены взоры всего образованнаго міра, заставило меня дожидаться пріема. Тѣмъ временемъ стали собираться гости; всѣ сгорали нетерпѣніемъ, подобно мнѣ, лицезрѣть человѣка, столь замѣчательнаго, которому, какъ казалось, было предназначено занять еще болѣе выдающееся положеніе. Дверь въ салонъ отворилась, и всѣ гости устремились туда. По срединѣ салона стоялъ президентъ съ архіепископомъ. Входящіе дефилировали предъ главою государства, а высокопреосвященный хозяинъ представлялъ ихъ, если они не были ему раньше знакомы. Когда пришла моя очередь, то архіепископъ, поздоровавшись со мною, представилъ меня Наполеону словами: «отецъ Терлецкій, священникъ восточнаго обряда, принадлежащій къ парижской епархіи, настоятель имъ же основаннаго восточнаго духовнаго заведенія». Моя окладистая борода, должно быть, и священническая ряса восточнаго покроя обратили на себя вниманіе президента: на мнѣ остановился его проницательный взглядъ, а затѣмъ дважды онъ смѣрилъ меня съ головы до ногъ своими глазами, какъ будто стараясь запомнить всю мою фигуру. Съ неменьшимъ любопытствомъ всматривался и я въ лицо этого необыкновеннаго человѣка. Лицо его показалось мнѣ глубокомысленнымъ; онъ имѣлъ видъ человѣка замкнутаго въ себѣ, но характера непреклоннаго и непоколебимой воли. По тому обаянію, которое онъ производилъ на окружающихъ, было ясно видно, что ему Провидѣніе готовитъ другую роль. Вернувшись домой, я, разсказывая своимъ молодымъ воспитанникамъ объ испытанныхъ мною при представленіи впечатлѣніяхъ, прибавилъ съ твердою увѣренностью: это будущій императоръ! Впрочемъ, таково было мнѣніе и большинства мыслящихъ людей.

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу. Пріѣхавши въ Сэнъ-Клю (Saint-Cloud), загородный дворецъ Наполеона, на пути изъ Парижа въ Версаль, недалеко отъ Сэвръ (Sèvres), князь велѣлъ доложить о прибытіи депутаціи. Пришлось намъ ждать очень не долго; насъ ввели въ залу, среди которой, подлѣ стола, стоялъ Людовикъ Наполеонъ, президентъ французской республики. Послѣ поклоновъ и установленнаго этикетомъ представленія, князь Кадоръ началъ свою рѣчь. Въ весьма краснорѣчивыхъ словахъ онъ изложилъ президенту о назначеніи восточнаго общества трудиться по мѣрѣ силъ надъ вопросомъ, столь труднымъ для разрѣшенія и столь важнымъ для всего христіанства,—о соединеніи враждующихъ теперь церквей, восточной и западной;

для достиженія этой цѣли, имѣющей огромную важность и для старшей дочери церкви — Франціи, общество прибѣгаетъ къ высокому покровительству его императорскаго высочества. Затѣмъ князь Кадоръ, указывая на меня, прибавилъ, что присутствующій здѣсь о. Терлецкій, основатель этого общества и главный его дѣятель, сочтетъ своимъ счастіемъ объяснить съ большимъ знаніемъ дѣла его императорскому высочеству о цѣляхъ нашего общества. На сіи слова Наполеонъ, обернувшись ко мнѣ, вперилъ свой проницательный взоръ въ меня и окинулъ взглядомъ всю мою фигуру, пригадывая какъ будто бы что-то. На его лицѣ выражалось ожиданіе, и поэтому я, собравшись съ мыслями, въ сжатомъ видѣ, останавливаясь только на самомъ главномъ, сталъ излагать о цѣляхъ нашего общества, его устройствѣ и о значеніи соединенія церквей для всего христіанства. Президентъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ за ходомъ моей мысли, вникалъ во всѣ подробности дѣла, предлагалъ отъ себя вопросы, и, напослѣдокъ, окончилъ увѣреніемъ и обѣщаніемъ покровительства нашему дѣлу. Обернувшись засимъ къ князю Кадору, онъ сталъ его снисходительно упрекать въ томъ, что онъ не бываетъ при дворѣ, гдѣбы онъ его желалъ искренно видѣть. Князь былъ прежде при Луи Филиппѣ пэромъ (pair), но послѣ февральской революціи, уклонился отъ политической жизни. Князь оправдывался своимъ нездоровьемъ, а также тяжкимъ недугомъ своей жены. «А между тѣмъ, сказалъ Наполеонъ, я радъ-бы васъ здѣсь видѣть еще потому, что вы въ дѣтствѣ жили въ этомъ дворцѣ; это напомнитъ вамъ объ отцѣ»! На прощаніе, онъ еще разъ насъ увѣрялъ въ своемъ покровительствѣ, и отпустилъ весьма ласково.

XXX.

Поѣздка въ Римъ для рукоположенія двухъ питомцевъ. — Посѣщеніе благочестиваго кюрэ въ Арсѣ.— Образъ жизни этого кюрэ, его безкорыстіе и любовь къ паствѣ.—Кончина его и похороны.

Первыхъ два питомца учрежденнаго мною духовнаго учебнаго заведенія окончили въ 1853 году курсъ богословскихъ наукъ, и приходилось подумать объ ихъ рукоположеніи въ священники. Съ этою цѣлью я рѣшился отправиться въ Римъ. Кромѣ этого чисто служебнаго мотива моей поѣздки, я желалъ нѣсколько отдохнуть отъ непомѣрныхъ трудовъ по устройству и управленію семинаріею, а также разсѣяться, если это можно было, послѣ поразившаго меня несчастія—потери единственнаго и многообѣщавшаго моего сына Мстислава.

Предоставивши завѣдываніе семинаріею старику священнику Длускому, о нравственныхъ качествахъ котораго я упоминалъ выше, я пустился въ путь въ сопровожденіи нашего питомца Ленартовича, извѣстнаго польскаго поэта,

искренно преданнаго нашему обряду, связаннаго со мною сердечною дружбою, и еще одного молодаго француза, ввѣреннаго моему попеченію его матерью. По дорогѣ мы задержались въ Ліонѣ на нѣсколько дней, главнымъ образомъ по желанію посѣтить кюрэ въ Арсѣ, нынѣ уже покойнаго, Іоанна Марію Віянэ (Jean-Marie Vianay), слывшаго не только по всей Франціи, но и по сосѣднимъ государствамъ святостію своей благочестивой жизни.

Селеніе Арсъ отстоитъ отъ Ліона въ десяти льэ. Незначительное прежде селеніе, благодаря громкой славѣ своего кюрэ, къ которому стекался народъ отовсюду, чтобы испросить его молитвами благодати Божіей, превратилось въ значительное мѣстечко съ богатыми гостинницами, ресторацiями и лавками, въ которыхъ по преимуществу продавались разные священные предметы. Для удобства многочисленныхъ путешественниковъ, которыхъ набиралось въ иные дни цѣлыя сотни, стали ходить изъ Ліона дилижансы, которые удержались, не смотря на открытіе по близости желѣзной дороги, доставляющей въ свою очередь и своихъ пассажировъ въ Арсъ.

Съ товарищами пути и практикующимъ въ Ліонѣ врачемъ Корыбутомъ, моимъ хорошимъ знакомымъ, отправились мы по желѣзной дорогѣ въ это, прославленное богоспасаемою жизнію своего кюрэ, мѣстечко. Остановившись на ближайшей къ нему станціи, чрезъ три четверти часа мы достигли Арса. Вмѣстѣ съ нами ѣхало нѣсколько мѣстныхъ поселянъ; въ разговорѣ съ нами они выражались о своемъ священникѣ съ величайшимъ почтеніемъ. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «духовный нашъ отецъ уже очень старъ: мы опасаемся, чтобы въ случаѣ, если его Богъ призоветъ къ себѣ, у насъ не отняли его мощей. Онъ у насъ святой мужъ. При жизни, благодаря его молитвамъ, Богъ ниспосылаетъ намъ въ изобиліи всякихъ благъ. Если-же, по его кончинѣ, его прахъ будетъ лежать среди насъ, то это будетъ ручательствомъ, что благословеніе Божіе отъ насъ не отвернется». Сильная вѣра въ простомъ человѣкѣ насъ тронула до глубины души; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти простодушныя слова служили лучшимъ доказательствомъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ этого подвижника на Божьей нивѣ.

Прежде всего мы направили свои стопы къ деревенской церкви. Войдя въ нее, мы были поражены ея изящною простотою. На ступеняхъ алтаря стоялъ на колѣняхъ старикъ кюрэ, съ наклоненною серебристою головою, погруженный, какъ казалось, въ свою молитву. Его окружала небольшая горсть обоего пола людей, стоящихъ точно также на колѣняхъ и молящихся съ напечатлѣнною на ихъ лицахъ набожностью. Все дышало какимъ-то тихимъ, исходящимъ отъ чистаго сердца, благоговѣніемъ, на всемъ лежала печать искренняго благочестія; лица всѣхъ были озарены истинною вѣрою, преданностію волѣ Божіей и христіанскимъ смиреніемъ.

Съ молитвеннымъ настроеніемъ духа мы дожидались, пока кюрэ не поднимется съ своего мѣста, Окончивши свою молитву, онъ направился въ сакри-

стію [1]), куда и мы за нимъ поспѣшили. Предсталъ предъ нами небольшаго роста старикъ, лѣтъ свыше семидесяти, сѣдой какъ лунь, высохшій до такой степени, что черты лица рѣзко выступали; однако, на этомъ живомъ, можно сказать, скелетѣ свѣтились глаза какимъ-то чуднымъ блескомъ, и съ выраженіемъ удивительно пріятнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественнаго спокойствія на лицѣ. Приблизившись къ нему, я отрекомендовался священникомъ славянско-католическаго обряда и счелъ нужнымъ прибавить, что, услышавши о дарахъ Божіихъ, ниспосылаемыхъ на эту мѣстность его святыми молитвами, я рѣшился испросить его молитвъ на благопріятное окончаніе затѣяннаго мною дѣла и совершить предъ нимъ св. исповѣдь.—«Будете-ли служить св. литургію»? спросилъ онъ.—«Нѣтъ—отвѣтилъ я—такъ какъ я не взялъ съ собою служебника и священныхъ одѣяній».—Тогда онъ заявилъ готовность выслушать мою исповѣдь. Послѣ нея я въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ему о своихъ планахъ и предположеніяхъ. Онъ ободрялъ меня въ моемъ предпріятіи и, наконецъ, сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Великое это дѣло и много страданій придется вамъ перенести: но претерпите до конца и Богъ увѣнчаетъ его желаннымъ успѣхомъ».—Въ заключеніе онъ просилъ меня завернуть еще разъ въ Арсъ, чтобы отслужить обѣдню по славянскому обряду. Я обѣщался, и, дѣйствительно, на обратномъ пути изъ Рима заѣхалъ туда, взявъ съ собою служебникъ и ризы. Старику-кюрэ очень понравилось богослуженіе по греко-славянскому обряду.

Жизнь этого благочестиваго священника, уже тридцать лѣтъ прожившаго среди своей паствы, протекала съ неизмѣнною правильностью по разъ заведенному порядку. Вставалъ онъ ежедневно въ два часа утра и отправлялся въ церковь, гдѣ молился до разсвѣта. Въ это приблизительно время, а при особенномъ стеченіи пріѣзжихъ, уже въ два часа, народъ дожидался его на паперти. Въ семь часовъ онъ служилъ литургію. Погружаясь въ молитвенное настроеніе духа, онъ до такой степени забывалъ о всемъ, что богомольцы, желая имѣть какое-нибудь воспоминаніе о немъ, безъ всякаго стѣсненія отрѣзывали или локонъ его волосъ, или полу его одежды; въ послѣднемъ случаѣ они ставили кюрэ въ непріятное положеніе, такъ какъ онъ никогда не имѣлъ больше одной одежды,—той, которая была на немъ. Вслѣдствіе этого, во время его молитвеннаго экстаза, церковный сторожъ, становясь подлѣ него, сдерживалъ такого рода поползновенія со стороны богомольцевъ. По окончаніи богослуженія, онъ на полчаса заходилъ къ себѣ домой. Тогда-то онъ, если день не былъ постный, выпивалъ кружку молока; это было его завтракомъ. Въ постные же дни онъ не принималъ пищи до обѣда. Послѣ завтрака онъ опять возвращался въ церковь, гдѣ проводилъ все время въ молитвѣ, испо-

[1]) Боковой притворъ въ католическихъ храмахъ, въ которомъ хранятся священные предметы и богослужебныя книги.

вѣдуя богомольцевъ и бесѣдуя съ ними объ ихъ нуждахъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ говорилъ проповѣдь, которая отличалась всегда необыкновенною простотою и сердечною теплотою. Въ полдень онъ обѣдалъ. Обѣдъ его состоялъ изъ вареной зелени; мясной же пищи онъ никогда не потреблялъ. Пообѣдавши, онъ часа полтора или два посѣщалъ въ селеніи больныхъ или страдающихъ какими-нибудь недугами, оказывалъ имъ помощь, подавая совѣты и неся утѣшеніе въ горѣ. Послѣ этого христіанскаго своего подвига онъ опять возвращался въ церковь, гдѣ въ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ пребывалъ до десяти часовъ вечера, когда онъ отправлялся домой спать. Всю зиму онъ обучалъ сельскихъ дѣтей Закону Божію. Въ домѣ, довольно просторномъ, онъ жилъ одинъ, не принимая тамъ никого, одинъ изъ братьевъ его, сельскій учитель, приходилъ каждый день къ нему, чтобы подмести полъ и стереть пыль. Мы попросили показать намъ его помѣщеніе, и, въ то время, когда кюрэ былъ въ церкви, мы осмотрѣли его убогое жилище. Я думаю, что самый бѣдный житель Арса допускаетъ у себя больше комфорта, чѣмъ этотъ благочестивый старецъ: всѣ комнаты были лишины всякихъ удобствъ; не было даже одного стула. Въ послѣдней только комнатѣ стояла деревянная кровать съ жесткимъ сѣнникомъ, подушкою и бѣднымъ одѣяломъ; на столѣ возлѣ нея было разбросано нѣсколько книгъ религіознаго содержанія; въ шкафу хранилось нѣсколько десятковъ богословскихъ сочиненій съ иконами;—вотъ все имущество кюрэ, про котораго можно поистинѣ сказать, что онъ былъ не отъ міра сего.

Про него разсказывали, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ священникомъ въ Арсѣ, онъ никогда не выѣзжалъ за границу этого селенія. Только однажды онъ чуть не отступилъ отъ своего правила. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: вслѣдствіе наплыва пріѣзжихъ, стали ходить въ Арсъ омнибусы, и при томъ даже въ воскресные и праздничные дни, а такъ какъ они продолжали возить богомольцевъ, не смотря на его двукратныя увѣщеванія, въ назначенные для богослуженія и праздничнаго отдыха дни, то онъ рѣшился исполнить высказанную своимъ прихожанамъ угрозу—оставить селеніе, въ случаѣ неисполненія его требованія, взялъ свой молитвословъ и посохъ и вышелъ изъ села. Слухъ объ этомъ распространился по селенію съ быстротою молніи; всѣ жители встрепенулись, узнавъ о намѣреніи кюрэ покинуть ихъ. Сбѣжались всѣ, кто только могъ: мужчины, женщины и дѣти бросились въ догонку за своимъ духовнымъ отцомъ и нагнали его только на границѣ селенія. Тутъ всѣ бросились на колѣни и стали, съ полными слезъ глазами, просить батюшку остаться среди ихъ, увѣряя на чемъ свѣтъ стоитъ, что они не позволятъ уже ѣздить дилижансамъ по воскресеньямъ и праздникамъ. Наконецъ, кюрэ смиловался надъ ними и рѣшился возвратиться въ селеніе. Окруженный ликующею толпою, возвратился батюшка, и, дѣйствительно, омнибусы перестали ѣздить въ праздничные дни.

Однажды, въ пріѣздъ въ Арсъ епископа, мѣстный вельможа-землевладѣлецъ, живущій въ своемъ дворцѣ тутъ-же за границами селенія, пригласилъ преосвященнаго обѣдать къ себѣ, такъ какъ у мѣстнаго священника не только нечего было поѣсть, но даже не на чемъ было присѣсть; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умолялъ владыку во чтобы то ни стало взять съ собою кюрэ, о которомъ было извѣстно, что онъ ни за что не соглашается выйти за границы своего селенія. Владыко обѣщался уломать упрямаго старца. По окончаніи осмотра церкви, епископъ отпустилъ свой экипажъ и сказалъ сопровождавшему его прелату и священнику: «мы пойдемъ пѣшкомъ: погода чудная, да и итти недалеко!» Идутъ они пѣшкомъ и, разумѣется, кюрэ съ ними; когда-же они достигли границы села, то послѣдній, поклонившись низко, сталъ прощаться. Напрасны были просьбы преосвященнаго: кюрэ не рѣшился отступить отъ своихъ правилъ и вернулся обратно домой.

Деньги, какія у него водились, онъ раздавалъ бѣднымъ. Объ его безкорыстіи разсказываютъ слѣдующій случай: однажды тотъ-же самый епископъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній, назначилъ его почетнымъ каноникомъ (протоіереемъ), но, зная объ отсутствіи денегъ у кюрэ, подарилъ ему отъ себя отличительные знаки этого званія, серебряную, съ позолотою, и украшенную драгоцѣнными каменьями звѣзду и горностаевый плащикъ. Случилось, что, не долго спустя, обратился къ батюшкѣ какой-то неимущій съ просьбою о помощи. Не долго думая, онъ велѣлъ продать полученныя отъ епископа отличія своего новаго званія, и на вырученныя деньги помогъ бѣдному. На слѣдующій годъ пріѣзжаетъ опять преосвященный, но кюрэ его встрѣчаетъ въ старой своей одеждѣ. Догадавшись въ чемъ дѣло, владыко спрашиваетъ—отчего онъ его не встрѣтилъ въ присвоенной его сану одеждѣ?

— У меня ея уже нѣтъ! отвѣтилъ кюрэ.

— Не укралъ-ли кто нибудь?

— Нѣтъ, ваше преосвященство, я ее продалъ!

— Однако, если-бы мнѣ каждый годъ приходилось дѣлать подобные подарки, то я бы совсѣмъ обнищалъ!

Великій сей подвижникъ преставился еще въ 1859 году. Старческое тѣло, изнуренное постомъ и трудами ради спасенія душъ, ослабѣло совершенно. Кюрэ чувствовалъ, что его кончина близка. Печальная вѣсть объ этомъ быстро разнеслась какъ по селенію, такъ и по окрестностямъ. Къ одру умирающаго собралось много духовенства и народа. Самъ архіерей Лангальери (Langalerie) изъ Бэльей пріѣхалъ проститься съ умирающимъ. Праведникъ сей почилъ вѣчнымъ сномъ 4-го августа. Свыше 6,000 народа и 300 священниковъ собралось къ выносу тѣла въ церковь. Въ теченіе шести дней, пока не получилось разрѣшеніе похоронить его въ церкви, гробъ стоялъ въ ней и каждый день стекались толпы поклонниковъ. На похороны собралось нѣсколько десятковъ тысячъ народа. На похоронахъ преосвященный сказалъ рѣчь, въ которой,

между прочимъ, указалъ на то, что со смертію благочестиваго старца потеряла много не только вся епархія, гордившаяся имъ и славившаяся далеко за ея предѣлами, но и вся вѣрующая Франція, «а чего лишился вашъ владыка— продолжалъ говорить преосвященный»—онъ воистину потерялъ лучшаго друга, мало того—отца и образецъ для подражанія! А сколько потеряли всѣ бѣдные, несчастные и ищущіе исправленія грѣшники? Кто ихъ примиритъ съ Богомъ и совѣстію,—кто съумѣетъ съ ними бесѣдовать съ слезами умиленія и воодушевленнымъ словомъ искренняго убѣжденія?» Буквально весь народъ рыдалъ о своей потерѣ; скорбь о почившемъ была всеобщая.

XXXI.

Марсель.—Генуя.—Ливорно.—Прогулка въ Пизу.—Галицко-русскій полкъ въ Тосканѣ.—Чивита-Вэкіа.—Пріѣздъ въ Римъ.

Изъ Ліона спустился я на пароходѣ по Ронѣ до Авиньона, гдѣ я задержался на нѣкоторое время для посѣщенія одного знакомаго мнѣ врача, живущаго въ окрестностяхъ этого города. Изъ Авиньона по желѣзной дорогѣ я отправился въ Марсель, чтобы оттуда на пароходѣ моремъ отправиться въ Чивита-Вэкію. Въ Марсели на возвышающейся надъ городомъ скалѣ красуется церковь Пресвятыя Богородицы (de la garde) съ чудотворною иконою, прославленною многими чудесами. Въ этой церкви я служилъ обѣдню по грекославянскому обряду. Въ городѣ имѣется также уніатская церковь, устроенная французскимъ правительствомъ по просьбѣ антіохійскаго патріарха Маалюма для живущихъ въ Марсели мелькитовъ, занимающихся торговлею. Для богослуженія, совершаемаго у мелькитовъ на арабскомъ языкѣ, присылаютъ изъ епархіи знающаго языкъ іеромонаха.

На слѣдующій день нашего мореплаванія, мы пристали къ гавани г. Генуи, гордой нѣкогда столицы (superba) могущественной италіанской республики, сдѣлавшагося впослѣдствіи провинціальнымъ городомъ Сардинскаго, а нынѣ Италіанскаго королевства, славящагося своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, своими великолѣпными церквами, величественными дворцами съ богатѣйшими коллекціями статуй и картинъ, и, наконецъ, своею обширною торговлею. Слѣдующаго дня къ полудню, мы высадились въ Ливорно, богатомъ торговомъ городѣ тогдашняго великаго княжества Тосканскаго. Воспользовавшись нѣсколькими часами остановки, мы рѣшились отправиться по желѣзной дорогѣ въ отстоящую въ получасовомъ отсюда разстояніи Пизу. Осматривать въ Ливорно нечего было, такъ какъ это городъ новый, не имѣющій, кромѣ торговли, ничего замѣчательнаго. Находятся въ немъ двѣ греческія церкви, одна для православныхъ, а другая для уніатовъ; обѣ эти церкви богато снабжены утварью и украшены прекрасною италіанскою живописью и рѣзьбой. По дорогѣ

въ Пизу мы встрѣтили отрядъ австрійскихъ войскъ, занимавшихъ еще въ то время Тосканію. По чертамъ лица солдатъ мнѣ показалось, что это галичане, да и доносившіеся до меня звуки отзывались чѣмъ-то роднымъ. Возвращаясь въ Ливорно, на вокзалѣ я подсѣлъ къ одному австрійскому солдату и сталъ потихоньку напѣвать малорусскую думку. Услышавъ родной напѣвъ, солдатъ встрепенулся, какъ-бы отъ удара электрической искры, посмотрѣлъ на меня пристально, поднялся и ушелъ; должно быть, ему показалась чѣмъ-то непривычнымъ малорусская пѣсня, пропѣтая бородатымъ священникомъ на далекой чужбинѣ. Поднялся и я, и, подойдя къ нему, спросилъ по нѣмецки, откуда онъ? Тогда онъ отвѣтилъ по русски: «не разумѣю по-нѣмецки».—«А я знаю по русски!» Онъ вытаращилъ глаза. Отъ него я узналъ, что бо̀льшая часть войскъ, квартирующихъ въ Ливорно, состоитъ изъ уроженцевъ русской Галичины, и что при ихъ полку состоитъ военнымъ священникомъ нѣкто Корный. Жаль мнѣ стало, что я все время употребилъ на осмотръ видѣнной мною уже раньше Пизы, между тѣмъ, какъ я съ бо̀льшимъ удовольствіемъ провелъ-бы время въ бесѣдѣ съ роднымъ человѣкомъ. Однако, послышался звонокъ: хочешь не хочешь, садись и несись дальше, свѣтъ за глазами. Въ Пизѣ мы осмотрѣли знаменитую наклоненную башню, которая, такъ и кажется, готова рухнуть на землю, между тѣмъ какъ она составляетъ, оригинальностью своей постройки, диво зодчества,—великолѣпную въ греко-аравійскомъ стилѣ соборную церковь и кладбище, съ занимательною на стѣнахъ живописью, усыпанное землею, привезенною на 30 корабляхъ изъ Іерусалима во время крестовыхъ походовъ, когда Пиза еще числилась одной изъ могущественныхъ италіанскихъ республикъ. По возвращеніи въ Ливорно, я все-таки успѣлъ на нѣкоторое время забѣжать къ русскому полковому священнику Корному и намъ удалось полчаса провести въ пріятной бесѣдѣ.

Утромъ слѣдующаго дня мы уже были въ Чивита Вэкіа (Civita Vecchia), принадлежащей къ папской области и отстоящей восемь миль отъ Рима. За паспортными и таможенными мытарствами потеряли мы нѣсколько часовъ. Въ послѣ-обѣденное время мы усѣлись въ дилижансъ, и въ полночь очутились въ Римѣ.

XXXII.

Недоразумѣнія съ конгрегаціей пропаганды.—Аудіенція у папы.—Представленіе папѣ польскаго поэта Ленартовича.—Проволочки пропаганды.—Отъѣздъ изъ Рима.

Найдя себѣ квартиру и отдохнувши нѣсколько, я отправился въ присутствіе пропаганды (de propaganda fide), чтобы при ея посредствѣ добиться аудіенціи у папы. Первымъ словомъ монсиньора секретаря пропаганды, послѣ обычнаго привѣтствія, было:

— «Получили-ли вы мое письмо, посланное нѣсколько дней тому назадъ!»

«Нѣтъ не получилъ»!

— «Что, вы сдѣлались уже папой? (come? siate stato papa?)

«Не понимаю васъ, монсиньоре».

— «Да, вѣдь, вы уже пишите энциклики ко всѣмъ епископамъ вселенной!»

Теперь только я догадался, въ чемъ дѣло: злая иронія монсиньора намекала на то обстоятельство, что въ качествѣ товарища предсѣдателя подписалъ я, за отсутствіемъ кн. Кадора, посланія къ епископамъ. Лицо и голосъ монсиньора предвѣщали бурю. Не растерявшись, я отвѣтилъ твердо: «Прошу васъ, монсиньоре, указать мнѣ на постановленія Вселенскихъ соборовъ или кого-нибудь изъ папъ, запрещающія кому бы то ни было изъ членовъ церкви обращаться къ ея святителямъ; если таковое существуетъ, то признаюсь въ своей винѣ!»

— «Положимъ, это не воспрещается; но мнѣ не нравится тонъ вашего посланія!»

«Что же вы тамъ такое изволили замѣтить? Мнѣ кажется, тамъ не было ничего предосудительнаго!»

— «Какъ не было? Да, вѣдь, вы присвоили восточнымъ патріархамъ титулъ святѣйшества, принадлежащій исключительно папамъ римскимъ, при томъ, выразились неодобрительно о латинскихъ миссіонерахъ! Это, вѣдь, чуть-ли не преступленіе!»

«Что касается до перваго, мы, дѣйствительно, присвоили патріархамъ этотъ титулъ, такъ какъ онъ имъ принадлежитъ по праву!»

— «Нѣтъ, не принадлежитъ»!

«Извольте взглянуть, монсиньоре, во всѣ дѣла Вселенскихъ соборовъ: другаго титула, кромѣ святѣйшій или блаженнѣйшій (tua sanctitas, tua beatitudo) патріархамъ не дается; въ старину, въ письмахъ папъ къ патріархамъ точно также встрѣчается титулъ: святѣйшій или блаженнѣйшій братъ! Наконецъ, по всему Востоку онъ во всеобщемъ употребленіи. Стало быть, если это дозволялось вселенскимъ соборамъ, папамъ римскимъ и если таковъ всенародный обычай на востокѣ, то, кажется мнѣ, и мы не согрѣшили, употребивши этотъ титулъ».

— «Все это правда! Однако это было въ давно минувшее время; теперь же пропаганда титулуетъ патріарховъ: высокопреподобнѣйшій (Reverendissima dominatio vestra)».

Раздосадованный аргументаціею монсиньора, я сказалъ: «Какъ-же это такъ? Къ римскимъ епископамъ вы пишете: ваше преосвященство (Excellentia), а патріархамъ, первымъ по своему достоинству послѣ папы, стоящимъ даже выше кардиналовъ, вы отказываете даже въ этомъ титулѣ!»

— «Впрочемъ, это не настолько важно; гораздо серьезнѣе ваша выходка по отношенію къ миссіонерамъ!» Было же въ нашемъ посланіи сказано слѣдующее: самымъ большимъ несчастіемъ для Востока то, что Западъ его не знаетъ; если-же что-нибудь доходитъ до свѣдѣнія Запада, то это извѣстія путешественниковъ и латинскихъ миссіонеровъ, смотрящихъ на дѣла Востока, по большей части, съ своей узкой точки зрѣнія, и, поэтому, не только впадающихъ въ заблужденіе, но вводящихъ, въ свою очередь, въ заблужденіе и другихъ.—По поводу этого я замѣтилъ, что все это сущая правда! «Нѣтъ, не правда!» крикнулъ съ запальчивостью монсиньоръ».

«Да, вѣдь, въ этомъ я самъ убѣдился, въ свою бытность на Востокѣ: самолично я все это видѣлъ и самъ это слышалъ»!

— «Довольно! вы должны будете письменно представить свои оправданія»!

«Я готовъ хоть сейчасъ это сдѣлать!

— «Нѣтъ, оправданіе должно быть написано отъ имени общества»!

«Постараюсь это сдѣлать по возвращеніи въ Парижъ!» Этимъ пока окончилась наша перепалка.

Всю эту бурю, какъ я узналъ впослѣдствіи, вызвалъ апостольскій делегатъ въ Месопотаміи покойный уже Планшэ (Planchet), изъ ордена іезуитовъ, недавно поставленный въ епископы въ г. Моссуль. Самъ секретарь пропаганды показывалъ мнѣ его письмо, въ которомъ онъ нападалъ на присвоеніе въ нашемъ посланіи патріархамъ титула «святѣйшество» и на неодобрительный отзывъ о дѣятельности миссіонеровъ. Привязался же онъ къ слѣдующему случаю: проживающій въ Моссулѣ халдейскій патріархъ, получивши наше посланіе, обратился, по незнанію французскаго языка, къ сказанному делегату съ просьбою разъяснить ему его содержаніе. Прочитавши посланіе, делегатъ послалъ съ одной стороны жалобу въ пропаганду, а, съ другой, поставилъ на видъ французскому консулу, прибывшему туда недавно и еще не ознакомленному съ дѣлами Востока, о неумѣстности поступка какого-то живущаго въ Парижѣ Терлецкаго, возмущающаго весь Востокъ противъ латинской церкви, отъ чего могутъ произойти непріятныя для Рима и для покровительствующей ему державы—Франціи послѣдствія. Немедля, консулъ настрочилъ на меня въ Парижъ доносъ, который французское правительство, какъ относящійся къ церковнымъ дѣламъ, препроводило своему посланнику въ Римъ для представленія чрезъ посредство кардинала Антонелли папѣ.

Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ посыпались на меня обвиненія. Чтобы, однако, впослѣдствіи не возвращаться къ этому вопросу, я разскажу теперь о томъ, чѣмъ разрѣшилась собравшаяся надъ моею головою грозовая туча. Я засталъ еще въ Римѣ, пріѣхавшаго туда съ цѣлью выхлопотать утвержденіе устава нашего общества, поименованнаго уже раньше, его секретаря. Наслышавшись о неумѣстности, по мнѣнію пропаганды, титуляціи патріарховъ и нашего отзыва о дѣятельности латинскихъ миссіонеровъ, онъ поспѣшилъ въ Парижъ, созвалъ имѣющихся въ городѣ членовъ комитета, которыхъ было очень не много, такъ какъ дѣло было лѣтомъ, сообщилъ имъ объ опасности, угрожающей обществу вслѣдствіе сказанныхъ причинъ, и сталъ убѣдительно доказывать, что единственнымъ средствомъ избѣгнуть непріятностей—это принести въ жертву составителя посланія—Терлецкаго, однимъ словомъ, хотѣлъ выдать меня головою. Присутствующіе согласились и заготовили оправдательное письмо, въ которомъ, умывая какъ-бы отъ всего руки, не смотря на собственноручныя подписи, вся вина слагалась на меня. Къ счастью, не долго спустя послѣ его пріѣзда, пріѣхалъ и я въ Парижъ. Я собралъ засѣданіе и представилъ все дѣло въ другомъ освѣщеніи, приглашая присутствующихъ постоять за правду и защищать высказанные предъ цѣлымъ свѣтомъ и одобренные обществомъ взгляды. Всѣ пошли за мною: прежнее оправдательное письмо было уничтожено и мнѣ, и еще двумъ другимъ членамъ было поручено составленіе новаго отвѣта. Отстаивая правильность нашей точки зрѣнія, мы, тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе возможныхъ въ будущемъ недоразумѣній, высказали готовность сдѣлать пропагандѣ по поводу нѣкоторыхъ выраженій уступку. Въ скоромъ времени получились изъ Рима два письма: одно отъ кардинала префекта пропаганды къ князю Кадору, а другое отъ монсиньора секретаря ко мнѣ; въ своихъ высказывалось удовольствіе, по поводу преданности Восточнаго общества апостольскому престолу и конгрегаціи пропаганды. Итакъ, изъ большой тучи малый дождь!

Недоразумѣнія мои съ монсиньоромъ секретаремъ нисколько не помѣшали мнѣ добиться, при его посредствѣ, аудіенціи у папы, которая и была назначена въ ближайшій воскресный день. Его святѣйшество принялъ меня очень дурно, говорилъ съ какимъ-то нетерпѣніемъ, и, какъ видно было по всему, хотѣлъ, чтобы я, какъ можно скорѣе, освободилъ его отъ своего присутствія. При такихъ условіяхъ, нельзя было говорить о цѣли моего путешествія. Съ тяжелыми думами и глубокимъ огорченіемъ вышелъ я изъ Ватикана, думая, что уже все пропало и не зная, что дѣлать. На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, захожу я, сильно опечаленный, къ монсиньору секретарю, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, о причинѣ такой немилости папы. Монсиньоръ принялъ меня улыбаясь и сказалъ: «Вы опечалены по поводу дурнаго пріема, оказаннаго вамъ папой: не безпокойтесь! Вчера вечеромъ самъ папа изволилъ мнѣ сообщать, что васъ дурно принялъ; причиною всему этому была ужасная

зубная боль! его святѣйшество приказалъ сейчасъ же послѣ вашего ухода выдернуть зубъ, а вамъ явиться вторично!» Надежда опять вернулась ко мнѣ и съ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться второй аудіенціи, которую я и получилъ вскорѣ послѣ этого.

Во второй разъ папа былъ ко мнѣ весьма привѣтливъ и спросилъ съ сердечнымъ участіемъ, чего я желаю?

«Святый отецъ! — сказалъ я — нѣсколько лѣтъ я уже тружусь для церкви съ полнымъ самоотверженіемъ, не ища ничего для себя и отказавшись даже отъ предложеннаго мнѣ пропагандою въ 1848 году епископскаго сана; для открытой мною въ Парижѣ миссіонерской семинаріи я не добиваюсь никакой поддержки, изыскивая для содержанія ея средства своими заботами и трудомъ; тѣмъ не менѣе, я до сихъ поръ не получилъ отъ вашего святѣйшества ничего въ знакъ вашей ко мнѣ благосклонности!»

— «Чего-же хотите, чтобы я для васъ сдѣлалъ»?

«Ничего другаго, святый отецъ, какъ письменнаго одобренія моихъ дѣйствій»!

— «Хорошо; прикажу пропагандѣ заготовить бумагу. Чего-же вы еще желаете»?

«Въ моемъ заведеніи двое воспитанниковъ оканчиваютъ курсъ богословія; принадлежатъ они къ парижской епархіи. Прошу вашего святѣйшества позволить рукоположить ихъ въ миссіонеры парижскому архіепископу съ удержаніемъ ими восточнаго обряда».

— «Хорошо; распоряжусь, чтобы пропаганда написала парижскому архіепископу объ ихъ рукоположеніи».

«Третій воспитанникъ принадлежитъ къ латинскому обряду; прошу в. свят. о разрѣшеніи ему перейти на обрядъ греко-славянскій».

— «Объ этомъ сдѣлаете докладъ впослѣдствіи».

Затѣмъ папа поинтересовался узнать о томъ, какъ мы устроились въ Парижѣ; разспрашивалъ про Парижъ и съ большою снисходительностію предлагалъ другіе вопросы. Ободренный нравственно, съ радостнымъ настроеніемъ духа, вышелъ я изъ Ватикана. Слухъ о ласковомъ пріемѣ, оказанномъ мнѣ папою, быстро распространился по Риму; пошли даже толки о томъ, что я буду скоро поставленъ въ епископы; кто-то, другъ или недругъ, не знаю, сообщилъ даже объ этомъ моимъ знакомымъ въ Парижѣ, которые даже готовились выѣхать мнѣ на встрѣчу, чтобы меня поздравить съ новымъ назначеніемъ. Но я пріѣхалъ раньше, чѣмъ предполагали.

За полученіемъ обѣщанныхъ мнѣ бумагъ, я отправился къ монсиньору секретарю пропаганды. Онъ дѣйствительно получилъ приказаніе заготовить все, согласно данному мнѣ папою обѣщанію.

— «Но, къ чему вамъ двѣ бумаги, когда и одной будетъ съ васъ достаточно—сказалъ секретарь; мы напишемъ архіепископу относительно рукопо-

ложенія; это и будетъ одобреніемъ вашей дѣятельности»—Я былъ настолько простодушенъ, что согласился. Монсиньоръ велѣлъ мнѣ прійти за бумагой чрезъ нѣсколько дней; но она такъ и не была написана!—Предъ отъѣздомъ изъ Рима я имѣлъ у папы еще прощальную аудіенцію. Папа принялъ меня весьма привѣтливо. Я взялъ съ собою и Ленартовича, желавшаго получить папское благословеніе. Оставивъ его въ смежной залѣ, при прощаніи, я доложилъ папѣ, что взялъ съ собою одного питомца нашего заведенія, считающагося однимъ изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ, который имѣетъ страстное желаніе представиться и исправить благословенія его святѣйшества.

— «Не тотъ-ли это—сказалъ папа съ оттѣнкомъ негодованія—который былъ какъ-то у меня?—тотъ, помнится, кричалъ такъ громко, что я долженъ былъ его остановить!»—Я догадался, что рѣчь идетъ о Мицкевичѣ.

«И тотъ, смѣю увѣрить ваше святѣйшество, въ настоящее время—преданный сынъ церкви; но мой питомецъ принадлежитъ къ младшему поколѣнію».

— «Пусть придетъ»!—сказалъ папа и потянулъ за снурокъ отъ колокольчика. Вошелъ монсиньоръ камеріоре.

«Приведите товарища Терлецкаго!» Съ Ленартовичемъ бесѣдовалъ папа весьма ласково, похвалилъ его намѣреніе сдѣлаться миссіонеромъ, укрѣплялъ его въ немъ, и, наконецъ, отпустилъ насъ обоихъ весьма милостиво.

Все уже было готово къ пути, французское посольство выдало мнѣ и Ленартовиту билеты на безплатный проѣздъ на военномъ пароходѣ, а письма къ архіепископу какъ нѣтъ-такъ нѣтъ! Я сталъ надоѣдать монсиньору секретарю; наконецъ, онъ, освѣдомившись о днѣ нашего выѣзда, велѣлъ прійти въ тотъ-же самый день. Утромъ рано въ день отъѣзда отправляюсь къ секретарю; оказывается, что онъ на конференціи у кардинала префекта: видѣть его нельзя! Раздосадованный ѣду оттуда и встрѣчаю старика генерала Шимановскаго. Узнавъ о моемъ горѣ, онъ уговорилъ меня отправиться проститься къ кардиналу префекту Франсони, къ которому и онъ отправлялся. Прощаясь съ кардиналомъ, разсказалъ я ему о невозможности добиться обѣщаннаго письма Кардиналъ отворилъ дверь въ смежную комнату и сказалъ громко: «монсиньоръ секретарь! Терлецкій ждетъ какого-то письма къ парижскому архіепископу!»

— «Еще не написано! послышался голосъ изъ сосѣдней комнаты—но пусть онъ ѣдетъ, я ему пошлю его въ догонку, въ Парижъ!» Такимъ образомъ, снабженный однимъ только обѣщаніемъ, долженъ я былъ пуститься въ обратный путь.

XXXIII.

Отдыхъ въ помѣстьѣ кн. Кадора.—Новыя проволочки пропаганды.—Рукоположеніе въ священники обоихъ моихъ питомцевъ.—Хлопоты объ опредѣленіи ихъ миссіонерами.—Неудавшееся пожертвованіе въ пользу нашего заведенія.—Отъѣздъ въ Римъ.

На обратномъ пути я снова остановился въ Ліонѣ съ цѣлію посѣтить князя Кадора въ его имѣніи, недалеко отъ Сэнъ Этьэнъ (Saint Etienne), въ которомъ онъ проводилъ лѣто каждый годъ. Князь просилъ меня отдохнуть у него отъ трудовъ путешествія; при томъ, я хотѣлъ съ нимъ, какъ нашимъ покровителемъ и ревностнымъ сотрудникомъ во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ, подѣлиться хорошими извѣстіями изъ Рима, касающимися главнымъ образомъ дѣлъ нашего общества. Съ большимъ удовольствіемъ я провелъ у него цѣлую недѣлю.

Пріѣхавши въ Парижъ, я написалъ немедленно монсиньору секретарю пропаганды письмо, напоминая объ обѣщанной бумагѣ; вслѣдъ за этимъ я написалъ другое съ тѣмъ же самымъ напоминаніемъ. Наконецъ, получился отвѣтъ; но какой отвѣтъ? Папа-де велѣлъ вѣнскому нунцію навести у епархіальнаго начальника обоихъ питомцевъ справку о поведеніи рукополагаемыхъ, по полученіи которой не замедлитъ распорядиться ихъ рукоположеніемъ. Подобнымъ отвѣтомъ я былъ пораженъ въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что объ этомъ вовсе не было рѣчи въ Римѣ. Напрасны были письма, посылаемыя то секретарю пропаганды, то самому папѣ, въ которыхъ я выставлялъ на видъ то обстоятельство, что мои питомцы оставили свою епархію въ такомъ возрастѣ, когда о нихъ трудно было составить себѣ какое-нибудь понятіе: пришлось покориться необходимости! Наконецъ, послѣ шестимѣсячнаго ожиданія получилось разрѣшеніе рукополагать ихъ, но объ обѣщанномъ одобреніи моихъ дѣйствій ни слова!

Какъ-бы то ни было, я рѣшился достойнымъ образомъ приготовиться къ ожидаемой церемоніи. Самъ архіепископъ, обремененный своими многосложными обязанностями, не могъ рукополагать. Онъ далъ только низшія священнослужительскія степени; рукоположеніе-же на иподіаконство и на двѣ священныя степени діаконства и іерейства онъ поручилъ совершить епископу Пальегуа (Pallegoix), апостольскому викарію Сіамскому, находившемуся какъ разъ тогда въ Парижѣ. Рукоположеніе совершилось въ нашей церкви при многочисленномъ стеченіи народа, 20 марта (1 апрѣля) 1854 года. Оба молодыхъ священника: Коростынскій и Куиловскій [1]) на слѣдующій день уже сами служили обѣдню.

---

[1]) О. Куиловскій въ настоящее время состоитъ соборнымъ протоіереемъ и членомъ консисторіи недавно открытой греко-уніатской епархіи въ Станиславовѣ, въ Галичинѣ.

Рукоположеніе двухъ священниковъ придавало нѣкоторую санкцію непрочному еще положенію нашего заведенія. Число воспитанниковъ все увеличивалось. Поступилъ къ намъ одинъ латинскій священникъ, желавшій присоединиться къ уніи, о чемъ послано было ходатайство въ Римъ. Была надежда, что въ скоромъ времени число воспитанниковъ дойдетъ до десяти.

Приходилось думать о примѣненіи къ дѣлу пріобрѣтенной въ заведеніи подготовки обоихъ молодыхъ священниковъ на поприщѣ миссіонерской дѣятельности. Между тѣмъ, возникла кровопролитная война Россіи съ Турціею и коалиціею западныхъ державъ. Восточная война загоралась страшнымъ пожаромъ и захватывала все бо́льшую и бо́льшую площадь. Да и та территорія, на которой должна была, главнымъ образомъ, сосредоточиться дѣятельность нашихъ будущихъ миссіонеровъ, сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій. Мы теряли, нѣкоторымъ образомъ, почву подъ ногами. Общественное мнѣніе прислушивалось къ звуку оружія, и дѣлалось глухимъ и недоступнымъ къ какой-бы то ни было мирной дѣятельности. Всѣ судили и рядили о томъ, кто одержитъ верхъ въ этой исполинской борьбѣ. Съ одной стороны, брошены были на вѣсы силы трехъ и даже четырехъ державъ: казалось, гибель Россіи была близка; а съ другой, всѣмъ извѣстна была твердость и рѣшительность характера и желѣзная воля императора Николая Павловича, неисчерпаемые ресурсы Россіи и беззавѣтная храбрость ея войскъ: шансы склонялись въ пользу Россіи и въ памяти воскресали историческіе образы войны 1812 года.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я рѣшился выяснить наше положеніе и съ этою цѣлью отправиться въ Римъ. Это было во второй половинѣ іюля мѣсяца 1854 года.

Но прежде чѣмъ поведу читателя снова въ Вѣчный городъ, я разскажу объ одномъ происшествіи, свидѣтельствующемъ о необыкновенномъ сочувствіи, которымъ пользовалось наше заведеніе со стороны архіепископа парижскаго. Одинъ изъ благодѣтелей нашего заведенія обѣщался пожертвовать на его нужды 100,000 франковъ. Желая будущаго жертвователя связать какимъ-бы то ни было обязательствомъ, я уговорилъ его сообщить о своемъ благомъ намѣреніи архіепископу. Онъ это и сдѣлалъ. Однако, исполненіе обѣщанія, по неизвѣстной причинѣ, все откладывалось. Однажды Мицкевичъ, съ которымъ я бесѣдовалъ объ этомъ обстоятельствѣ, далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ: «постарайся какъ-нибудь уговорить архіепископа посѣтить этого барина: онъ ему съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ нарисуетъ картину бѣдственнаго положенія вашего заведенія и докажетъ необходимость обезпеченія его существованія какимъ-нибудь пожертвованіемъ; барская гордость заговоритъ въ немъ, и я не сомнѣваюсь, что онъ выброситъ 100, а то и больше тысячъ франковъ!» Хотя я, признаться, сомнѣвался въ согласіи архіепископа, но все-таки рѣшился попытаться. На мою просьбу, архіепископъ, подумавши немного, отвѣтилъ: «дѣлать мнѣ первому визитъ иностранцу, на мой взглядъ, не

прилично, но чтобы вамъ дать доказательство моего къ вамъ благоволенія, я сдѣлаю вотъ какъ: я дамъ въ его честь обѣдъ, на который приглашу и васъ и кого пожелаете изъ вашихъ знакомыхъ; послѣ обѣда мы сдѣлаемъ на него дружную атаку!»—Поблагодаривши архіепископа, я попросилъ позволенія пригласить отъ себя одного князя Кадора. Во время званнаго обѣда, на который было приглашено еще нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ, нашего вельможу посадили на первое мѣсто; владыко, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, расточая ему льстивыя похвалы, все заговаривалъ о дѣлѣ Восточныхъ церквей, о судьбѣ нашего заведенія и все ссылался на меня, какъ на близко-стоящее къ этому дѣлу лицо. Послѣ обѣда, когда уже подали черный кофе, владыко взялъ его подъ руку, посадилъ рядомъ съ собою на диванъ и, напомнивъ ему объ его обѣщаніи, намекнулъ на то, что теперь, когда о. Терлецкій собирается въ Римъ, лучше всего было бы оформить это дѣло. Тутъ какъ разъ подошелъ къ нимъ князь Кадоръ и я.—Но видно, на то не было воли Божьей! Напрасно было потрачено все краснорѣчіе владыки: вельможа не отказывался, правда, отъ исполненія своего обѣщанія когда-нибудь въ будущемъ, но въ настоящую минуту не хотѣлъ или не могъ ничего сдѣлать для нашего заведенія. А между тѣмъ, отъ этого зависѣло въ значительной степени обезпеченіе его существованія!

На пути въ Римъ все какъ будто сговорилось противъ меня: я опоздалъ къ отходу поѣзда при пересадкѣ въ Арль; въ Марсели засталъ холеру въ полномъ разгарѣ; наконецъ, пропустилъ время отхода почтоваго парохода, на которомъ я имѣлъ безплатный билетъ для проѣзда до Чивита Вэкія. Къ тому же, по причинѣ холеры, пришлось мнѣ выдержать въ этомъ несимпатичномъ городѣ десятидневный карантинъ, который, въ виду переполненія карантиннаго зданія, пришлось отсидѣть на крохотномъ угольномъ суднѣ.

XXXIV.

Борьба съ пропагандою возобновляется. — Обѣщаніе папы дать назначеніе новопоставленнымъ священникамъ.—Переговоры съ никопольскимъ латинскимъ епископомъ.—Уклончивый его отвѣтъ.

Мнѣ было, такъ сказать, на роду написано начинать каждое дѣло съ борьбы съ пропагандою! Когда я обратился къ монсиньору секретарю съ просьбою дать рукоположеннымъ уже обоимъ молодымъ священникамъ дипломы на миссіонеровъ съ миссіонерскими привилегіями, то онъ сказалъ: «этого я не могу сдѣлать: титулъ миссіонера можетъ быть данъ только священнику латинскаго обряда». «Какъ-же это такъ? да неужели греко-католики не такіе же сыны католической церкви, какъ и римско-католики? Не находятся-ли тѣ и другіе подъ главенствомъ папы римскаго?»

— «Что-же дѣлать: такой уже usus нашей пропаганды! Да вотъ и о. Арсеній (армянинъ), мой личный другъ, отправляясь на Востокъ, просилъ меня

снабдить его титуломъ миссіонера, кому-какъ кому, а ему я отъ души радъ былъ-бы это сдѣлать, а, между тѣмъ, онъ его не получилъ! Если нельзя, такъ нельзя».

«Какъ-же я его получилъ?—Да и вы сами, монсиньоръ, дали мнѣ его!»

— «Вы другое дѣло: васъ рукополагали въ Римѣ, какъ священника католическаго!»

«Извините, монсиньоре,—я его получилъ, перейдя уже на обрядъ греческій и отправляясь на Востокъ!»

— «Да, дѣйствительно; но знаете, тогда папа былъ новопоставленный, не ознакомленный еще съ обычаями пропаганды».

«Въ такомъ случаѣ, я стану объ этомъ просить самого папу».

— «Хорошо просите!»

На аудіенціи у папы, послѣ краткаго изложенія всего дѣла, я обратился къ его святѣйшеству съ просьбою дать моимъ бывшимъ питомцамъ, вмѣстѣ съ дипломами миссіонеровъ, какое-нибудь назначеніе. На лицѣ папы замѣтна была какая-то нерѣшительность: онъ какъ-будто затруднялся, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Наконецъ, какъ-бы остановившись на какомъ-то рѣшеніи, папа повелѣлъ мнѣ переговорить объ этомъ съ кардиналомъ Брунельи; онъ былъ знакомъ со мною съ давнихъ поръ и выказывалъ, по крайней мѣрѣ прежде, нашему дѣлу и мнѣ искреннее расположеніе. Это обстоятельство отчасти оживило мою надежду на благополучное окончаніе дѣла.

Вслѣдствіе доклада кардинала Брунельи, я имѣлъ снова аудіенцію у папы. Хотя у папы замѣтна была прежняя нерѣшительность, но какъ видно, подъ вліяніемъ покровительствующаго мнѣ кардинала, онъ рѣшился сказать: «Хорошо, я пошлю ихъ къ никопольскому епископу, въ Болгарію; тогда я и велю имъ выдать дипломы на миссіонеровъ!»

Разскажу еще объ одномъ столкновеніи съ монсиньоромъ секретаремъ пропаганды. Однажды, во время бесѣды съ моимъ покровителемъ Брунельи, я упомянулъ о томъ, что, содержа миссіонерское заведеніе въ Парижѣ на свой счетъ, я никогда не просилъ въ Римѣ какой-нибудь матеріальной помощи, не смотря на то, что мнѣ приходилось часто, даже и въ самомъ Римѣ, испытывать нужду. Брунельи передалъ объ этомъ папѣ, который, думая, что я и теперь нахожусь въ бѣдственномъ положеніи, повелѣлъ пропагандѣ выдать мнѣ сто скудовъ, что-то около полутораста рублей. Не зная ничего объ этомъ, прихожу въ пропаганду по какому-то дѣлу. Увидѣвъ меня, секретарь обращается ко мнѣ съ какимъ-то злорадствомъ: «Папа велѣлъ вамъ выдать сто скудовъ милостыни!» Послѣднее сіе выраженіе меня взорвало, и я поспѣшилъ отвѣтить: «я не прошу милостыни: я пришелъ просить миссіи для моихъ питомцевъ!»

— «Какъ хотите! сказалъ монсиньоръ и доложилъ объ этомъ папѣ. Вскорѣ послѣ этого былъ я у кардинала Брунельи. Послѣ привѣтствія, тотъ набросился

на меня съ упрекомъ: «Отчего вы пренебрегли пожалованнымъ вамъ папою вспомоществованіемъ? Папа былъ этимъ очень недоволенъ».

«Можно-ли допустить, чтобы я съ пренебреженіемъ отнесся къ дару его святѣйшества? Дѣло въ томъ, что мнѣ сказали въ пропагандѣ, что я пришелъ туда за милостынею; я отвѣтилъ, что пришелъ просить миссіи, а не милостыни!» Кардиналъ доложилъ объ этомъ папѣ, и вторично было повелѣно выдать мнѣ эти деньги, не упоминая уже вовсе о милостыни.

По распоряженію папы, пропаганда снеслась съ никопольскимъ епископомъ Парси о намѣреніи его святѣйшества основать въ предѣлахъ его епархіи нашей миссіи. На мои возраженія, что можно было-бы разсчитывать на гораздо лучшіе успѣхи, если бы эта миссія находилась въ зависимости отъ греко-уніатскаго епископа, вызваннаго для этой цѣли изъ Галичины, а не отъ латинскаго, въ пропагандѣ стали увѣрять, что коль скоро число возсоединенныхъ съ римскою церковью увеличится, то не заставитъ себя ждать и назначеніе греко-уніатскаго епископа.

Въ концѣ 1854 или въ началѣ 1855 года былъ полученъ благопріятный отвѣтъ отъ епископа Парси. Тѣмъ не менѣе, пропаганда не удовольствовалась имъ и затребовала отъ епископа дополнительныхъ свѣдѣній. Очевидно пропаганда противодѣйствовала всему этому начинанію и желала всячески меня оттереть отъ этого дѣла. Въ теченіе этого времени имѣлъ я двѣ или три аудіенціи у папы и горько жаловался на претерпѣваемыя греко-уніатскою церковью притѣсненія не только въ отдаленныхъ отъ Рима мѣстахъ, но даже и на глазахъ самого папы, намекая этимъ на дѣлаемыя мнѣ непріятности. Тогда папа, вспомнивъ, быть можетъ, о докладѣ кардинала Брунельи, и желая, чего добраго, меня примирить съ моею участью посредствомъ денежнаго вспомоществованія, вручилъ мнѣ дважды собственноручно по шестидесяти римскихъ червонцевъ; но могъ-ли этотъ даръ, хотя и исходящій отъ чистаго сердца, разсѣять мои тяжелыя думы и снѣдающую мое сердце тоску? Я, вѣдь, изнывалъ подъ тяжестью системы, унаслѣдованной отъ прежнихъ столѣтій, съ которой подчасъ и самому папѣ бороться было не подъ силу!

Наконецъ, полученъ былъ и второй, давно ожидаемый, отвѣтъ никопольскаго епископа. Высказывая свою полную готовность содѣйствовать нашему дѣлу, онъ прибавилъ, что теперешнія обстоятельства не вполнѣ благопріятствуютъ его начинанію, такъ какъ въ предѣлахъ ввѣренной ему епархіи свирѣпствуетъ военная буря, съ умиротвореніемъ-же края онъ готовъ принять моихъ питомцевъ съ распростертыми объятіями и предоставить полную свободу для ихъ миссіонерской дѣятельности.

XXXV.

Опасенія на счетъ будущности миссіонерскаго заведенія. — Рѣшеніе, послѣ внутренней борьбы, закрыть заведеніе.—Согласіе на то папы.—Распредѣленіе имущества.—Отъѣздъ на Востокъ.

Отвѣтъ епископа подавалъ, правда, надежду на будущую миссіонерскую дѣятельность, но мои обстоятельства складывались такъ, что немедленное приступленіе къ ней было для меня нравственнымъ долгомъ предъ церковью и обществомъ; было даже, можно сказать, вопросомъ жизни или смерти для моего заведенія. Кромѣ того, какое-то непонятное недовѣріе папскаго престола тяготѣло надъ начатымъ мною дѣломъ, несмотря на всю привѣтливость ко мнѣ лично папы; меня утомляла борьба съ упрямымъ противодѣйствіемъ пропаганды, выказываемымъ мнѣ на каждомъ шагу; наконецъ, недоброжелательство нѣкоторыхъ лицъ, въ особенности латинскихъ миссіонеровъ, боявшихся, повидимому, нашей конкурренціи на томъ же самомъ поприщѣ, на которомъ и они подвизались; все это наводило на меня какое-то необъяснимое уныніе и даже опасеніе за успѣшное окончаніе начатаго дѣла. Я хотѣлъ, не откладывая дальше приступленія къ дѣятельности, доказать на дѣлѣ пользу и цѣлесообразность моего предпріятія, а тутъ всѣ, какъ будто-бы сговорившись, твердятъ въ одинъ голосъ: дожидайся лучшихъ временъ! А могъ-ли я ждать? На моихъ рукахъ было цѣлое миссіонерское заведеніе, а, между тѣмъ, оно не имѣло ни какихъ-нибудь правъ, ни преимуществъ, ни возможности примѣнять къ дѣлу пріобрѣтенныхъ въ немъ познаній! Къ довершенію всего, на Востокѣ затянулась многолѣтняя война. Кому извѣстна была какъ несокрушимая энергія императора Николая, такъ и невозможность западнымъ державамъ отступленія безъ достиженія какихъ-нибудь осязательныхъ результатовъ, тотъ не сомнѣвался въ продолжительности войны. Возможно-ли было, при такихъ условіяхъ, держать все это время заведеніе въ Парижѣ, такъ сказать, на воздухѣ, не имѣя основательной надежды на улучшеніе его участи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ? Наконецъ; во время моего продолжительнаго отсутствія изъ Парижа, возникли между моими молодыми питомцами какія-то несогласія, которыя уже не могли улечься сами собой. Все это ввергло меня въ какое-то отчаяніе, одолѣть которое я уже не былъ въ состояніи!

Однако, должно было на что нибудь рѣшиться. Я попросилъ аудіенціи у папы и получилъ ее: наша бесѣда продолжалась долго; по всему видно было, что папа имѣетъ какое-то предубѣжденіе противъ парижскаго заведенія и находится въ нерѣшительности, что̀ съ нимъ дѣлать? Наконецъ, я спросилъ: «извольте, ваше святѣйшейство, сказать опредѣленно: желаете-ли, чтобы заведеніе существовало, или нѣтъ?»

Подумавши немного, папа сказалъ въ отвѣтъ: «Не могу сказать ни да, ни нѣтъ!»

Такимъ образомъ, мои сомнѣнія не разсѣялись! Въ частныхъ же бесѣдахъ съ монсиньоромъ секретаремъ, на мое предупрежденіе о томъ, что, при такомъ ходѣ дѣла, я буду принужденъ закрыть заведеніе, онъ отвѣтилъ равнодушно: «дѣлайте какъ хотите!»

О такомъ поворотѣ нашего дѣла я увѣдомилъ своихъ воспитанниковъ въ Парижѣ, чтобы узнать объ ихъ взглядѣ на этотъ счетъ. Они, правда, во всемъ полагались на меня, но во всѣхъ ихъ письмахъ проглядывала какая-то недовѣрчивость къ нашей будущности и неудовольствіе теперешнимъ переходнымъ состояніемъ. Долго еще я боролся съ своими мыслями: жаль мнѣ было бросить лелѣянныя мною мечты, уничтожить собственною рукою труды столькихъ лѣтъ и развѣять по вѣтру лучшія надежды, съ которыми я сросся всѣми силами своей души. Какъ это ни трудно было, я рѣшился разрушить собственное дѣло,—закрыть заведеніе, самому уйти изъ Европы далеко на Востокъ, и, посѣтивши еще разъ Святыя мѣста, уединиться гдѣ-нибудь въ монастырѣ въ Ливанскихъ горахъ и окончить свою жизнь въ молитвѣ и покаяніи. Каково было состояніе моей души, объ этомъ разсказать трудно. Моя душевная скорбь равнялась печали матери, которая вынуждена сама обречь на смерть свое родное дѣтище!

Но прежде чѣмъ рѣшить окончательно, я хотѣлъ сдѣлать еще послѣднюю попытку. Чрезъ посредство монсиньора секретаря я просилъ папу дать мнѣ письменный отвѣтъ, желательно-ли удержать наше парижское заведеніе, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда будетъ дана намъ на Востокѣ миссія? Получивъ на это отрицательный отвѣтъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что не было воли Божіей довести мое предпріятіе до желаннаго конца, и что, поэтому, нужно закрыть заведеніе.

О моемъ рѣшеніи я доложилъ монсиньору секретарю пропаганды и сдѣлалъ изъ Рима всѣ распоряженія по поводу закрытія заведенія. Желая снабдить своихъ питомцевъ какими-нибудь средствами при выходѣ ихъ на жизненное поприще, я рѣшился оставшіяся въ заведеніи деньги раздѣлить поровну между ними. Все имущество, удобное для пересылки по почтѣ, я пожертвовалъ въ «Народный Домъ» [1]) во Львовѣ и на вторую городскую церковь тамъ-же, считая все это собственностью русскаго народа. При раздѣлѣ денегъ питомцы оставили что-то около 400 франковъ и на мою долю; но я не желалъ ими воспользоваться и велѣлъ ихъ употребить на пересылку церковнаго имущества и другихъ предметовъ во Львовъ.

Уладивши, такимъ образомъ, все это дѣло, я собрался, какъ можно скорѣе, выѣхать на Востокъ, такъ какъ мнѣ уже тяжело было оставаться въ Римѣ

---

[1]) „Народный Домъ“ во Львовѣ—это національно-русская институція, вмѣщающая въ своихъ стѣнахъ библіотеку, архивъ, русскую бесѣду (клубъ), русскую Львовскую гимназію, народный театръ и другія учрежденія; рядомъ же воздвигается вторая городская церковь.

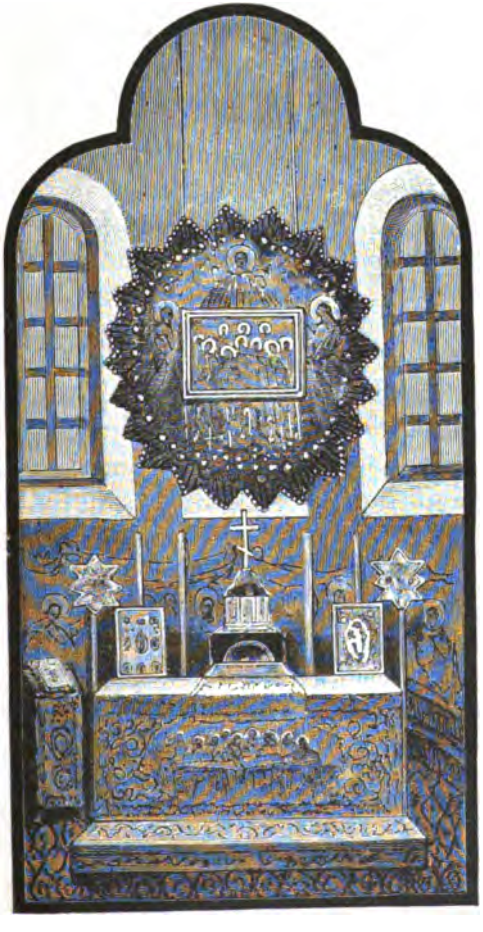
и вообще въ Европѣ. На прощаніе я отправился испросить послѣднее благословеніе у папы. Папа принялъ меня холоднѣе обыкновеннаго, похвалилъ мое намѣреніе постричься въ монахи и посовѣтовалъ причислиться къ какой нибудь епархіи.

Выѣхавши изъ Рима, я вторично отправился на Востокъ, не преисполненный свѣтлыхъ надеждъ, какъ въ первый разъ, но съ ложившимся тяжело на сердцѣ горемъ, съ разочарованіемъ въ душѣ и съ желаніемъ успокоиться отъ суеты міра сего въ тиши мирной обители.

Архимандритъ Терлецкій.

Сообщ. **Левъ Григ. Лопатинскій.**

КОНЕЦЪ.



Престолъ Кіево-Печерскаго монастыря при спущенной древней чудотворной иконы Успенія Божіей Матери.

Рис. проф. Ѳ. Г. Солнцевъ.

Домъ въ которомъ скончался И. А. Крыловъ

† 9-го ноября 1844 г.

Этотъ домъ, бывшій Блинова, находится въ С.-Петербургѣ, на первой линіи Васильевскаго острова, подъ № 22, и принадлежитъ въ настоящее время Екатеринѣ Сергѣевнѣ Соловейчикъ; фасадъ дома лѣтомъ 1890 г. измѣненъ противъ прежняго времени надстройкою 3-го этажа, вмѣсто бывшаго мезонина. Во всемъ домѣ не сохранилось ни малѣйшей памяти о томъ, что въ немъ когда-то жилъ и скончался нашъ безсмертный баснописецъ И. А. Крыловъ, но С.-Петербургское городское общественное управленіе, конечно, рано или поздно, но озаботится прибить мраморную доску къ этому дому съ надписью, что въ немъ скончался одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей, какимъ былъ и пребудетъ изъ вѣка въ вѣкъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

А. П.

Евг. Ив. Саковичъ

[поправка].

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., т. LXXI, августъ, стр. 266, въ дневникѣ графа А. П. Валуева, сказано: „1859 года 14-го января. Сегодня былъ у меня пріѣхавшій изъ Гродно статскій совѣтникъ Силовичъ и три люстратора, вызванные Гедиминымъ“.

Въ этихъ строкахъ необходимо исправить опечатку: не Силовичъ, а Саковичъ, Евгеній Ивановичъ.

Ѳ. А. Рахунковичъ,

бывшій въ 1859 г. люстраторъ
въ Витебской губерніи.

г. Витебскъ.

ДНЕВНИКЪ ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАЛУЕВА

1847—1860 гг.

1860 г. [1]).

Апрѣля 6-го. Министръ (М. Н. Муравьевъ) далъ мнѣ глупый памфлетъ, изданный въ Парижѣ какимъ-нибудь жесткоголовымъ русскимъ консерватистомъ (не могу сказать „консерваторомъ"), подъ заглавіемъ: „Le socialisme en Russie". Вмѣсто двухъ, къ этой книгѣ подобранныхъ эпиграфовъ, слѣдовало-бы снабдить ее однимъ нѣмецкимъ: „Ueber die Schnur gehauen". Муравьевъ давалъ эту книгу князю Орлову и наставилъ въ ней множество NB NB на поляхъ. Въ ней ругаютъ редакціонныя комиссіи. Давно-ли Михаилъ Николаевичъ (Муравьевъ) говорилъ: „быть можетъ, Богъ сохранитъ Россіи Якова Ивановича", т. е. ген. Ростовцова, прикрывавшаго собою эти-же самыя редакціонныя комиссіи.

Министръ снова крѣпко занятъ крестьянскимъ вопросомъ. Онъ сказалъ мнѣ про гр. Панина:— „Le ministre de la justice est très embarassé; il m'a dit lui-même, qu'il ne voyait pas clair dans la question".

Когда-же кто-нибудь изъ этихъ господъ узритъ свѣтъ въ потемкахъ?

8-го апрѣля. Обѣдалъ у министра. Докладъ министра внутр. дѣлъ отъ 4-го или 5-го августа, въ которомъ изложены были, говорятъ, разныя обвиненія, avant la lettre, противъ депутатовъ отъ

[1]) См. „Русскую Старину", изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 167–182; май, стр. 339—360; іюнь, стр. 603—616; томъ LXXI, іюль, стр. 71–82; августъ, стр. 265—278; сентябрь, стр. 547–562; т. LXXII, октябрь, стр. 139—154.

дворянства, котораго цѣлью было поселить въ умѣ государя предубѣжденія противъ нихъ и на которомъ, говорятъ, легли разныя неудобныя резолюціи, теперь дѣлаетъ много шума. Копіи съ этого доклада и съ означенныхъ резолюцій ходятъ по рукамъ. Сравниваютъ эти неблагопріятныя резолюціи и т. д. Князь Орловъ и князь Долгоруковъ, по словамъ М. Н. Муравьева, рѣзко обвиняютъ Ланскаго. Что-жъ далѣе?

9-го апрѣля. Обѣдалъ у гр. Нессельроде. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Панина, начинаютъ возникать смуты. Гр. Панинъ хотѣлъ опрокинуть начало безсрочнаго пользованія, но принужденъ былъ уступить.

10-го апрѣля. На-дняхъ государь принималъ депутатовъ с.-петербургскаго дворянства. Онъ утвердилъ гр. Шувалова губернскимъ предводителемъ, но замѣтилъ депутатамъ, что ихъ адресъ ему не нравится и что хотя въ немъ рѣчь о довѣріи, — онъ есть знакъ недовѣрія.

11-го апрѣля. Государь утвердилъ докладъ министра о введеніи въ С.-Петербургской губерніи оброка по новымъ оцѣнкамъ и о продажѣ земель крестьянамъ. Повидимому, онъ не замѣтилъ значенія этой мѣры.

13-го апрѣля. Вечеромъ съ $9^1/_2$ ч. до полуночи у вел. кн-ни Елены Павловны. Интересный разговоръ о положеніи нынѣшнихъ дѣлъ и о послѣднихъ годахъ царствованія императора Николая.

29-го апрѣля. Повидимому, есть шансы въ пользу лѣтней поѣздки министра. Она необходима, чтобы дать перевести духъ министерству.

1-го мая. У обѣдни. Былъ у товарища министра, который продолжаетъ болѣть. Обѣдалъ у кн-ни Салтыковой. Вечеромъ на свадьбѣ Евгенія Эксе съ дѣвицею Рихтеръ. Съ перваго взгляда видно, что она умна и одарена твердымъ характеромъ и изрядною силою воли.

2-го мая. Министръ (Мих. Ник. Муравьевъ), повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо увѣренъ въ своемъ значеніи у государя. Я опасаюсь, что онъ ошибается. Быть можетъ ясный вечеръ передъ ненастнымъ днемъ.

3-го мая. Обѣдалъ у Владиміра Карамзина, гдѣ пришлось мнѣ опять прослушать часа два переписку его покойнаго отца. Въ нѣкоторыхъ письмахъ есть нѣжныя и граціозныя черты, хорошо рисующія любящую душу Н. М. Карамзина. Но въ общемъ итогѣ мало занимательнаго и замѣчательнаго. Жизнь его сосредоточивалась въ семействѣ и въ Зимнемъ дворцѣ, но не обнимала Россіи. Болѣе

всего встрѣчаются bulletins de santé о высочайшихъ и домашнихъ особахъ. Взглядъ на дѣла управленія—царедворческій того времени. Возгласы на счетъ крестьянъ, „худо платящихъ оброкъ господамъ“, не сопровождаются никакимъ знакомъ какого-бы то ни было участія къ низшимъ классамъ народа. Въ этомъ нельзя прямо винить Карамзина. Въ то время Россія кончалась XIV-мъ классомъ по табели о рангахъ. Ниже этой степени, кромѣ солдатъ, которые имѣли коллективное, машинное значеніе, и купцовъ, представлявшихъ нѣчто въ родѣ необходимой промышленной прислуги,—ничего не было. Только скорлупа, въ которой вмѣщалось 14-ти-гранное зерно. Но это доказываетъ, что если Карамзинъ былъ добрый человѣкъ своего времени, то онъ и не опередилъ его. Лучшая черта въ его письмахъ—искренняя набожность. Но и здѣсь непріятная черта того времени: ни слова о бытѣ церкви.

8-го мая. У обѣдни. Видѣлъ Эттингена и гр. Константина Палена. По лифляндскому вопросу государь согласился по всѣмъ пунктамъ заключенія государственнаго совѣта, кромѣ одного, съ мнѣніемъ большинства, или, по крайней мѣрѣ, съ мнѣніемъ лицъ, вотировавшихъ за одно съ ген. Муравьевымъ. По пункту о церковныхъ повинностяхъ государь рѣшилъ, что ихъ вовсе не будетъ, что православная церковь содержится правительствомъ и что лютеранская впредь будетъ содержима дворянствомъ.

Характеристично. (Въ этомъ дѣлѣ) не замѣчаютъ: во-первыхъ, что существующія, давнишнія, узаконенныя отношенія неудобоотмѣнимы однимъ словомъ; во-вторыхъ, что содержаніе православной церкви правительствомъ ее унижаетъ и низводитъ пастырей на уровень чиновниковъ; въ третьихъ, что если однимъ указомъ можно возлагать подобныя обязанности на какое-либо губернское дворянство, то всякое обезпеченіе на счетъ принадлежащаго ему имущества обращается въ миѳъ, и, наконецъ, въ четвертыхъ, что единственнымъ результатомъ новаго закона будетъ то, что его обойдутъ.

10-го мая. Дѣло о новомъ устройствѣ уѣздныхъ полицій передано изъ государственнаго совѣта, куда оно поступило, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть оное до вакацій, въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, для разрѣшенія question préalable: какъ это дѣло разсматривать и къ какому сроку разрѣшить. Ген. Муравьевъ для сего остается здѣсь до 16-го числа.

Обѣдалъ за table d'hôte, hôtel Choutems, по желанію кн. Вяземскаго. Тамъ обѣдали гр. Нессельроде и гр. Рибопьеръ (отцы), а также нѣкоторые другіе почетные гости, ради чего обѣдъ ожидался особенно хорошій. Смертельно скучно. Ненавижу я трактиры, какого-бы чина ни были.

Вечеромъ заѣзжалъ къ Н. А. Солово. Она навострилась говорить отлично, складно, но пестро и обильно.

11-го мая. Вечеромъ у всенощной. Потомъ у министра, который возвратился изъ Царскаго Села. По докладу желанія вел. княгини Елены Павловны учредить преміи, въ видѣ медали, для вольнаго экономическаго общества, государь повелѣлъ внести о томъ записку въ комитетъ министровъ... Министръ (М. Н. Муравьевъ) теперь въ затрудненіи. Сначала онъ былъ непрочь подсолить ея высочеству. Потомъ передумалъ, вѣроятно, вслѣдствіе ея приглашенія ѣхать съ нею въ ея экстренномъ поѣздѣ по желѣзной дорогѣ. Въ концѣ концовъ, онъ хотѣлъ учинить что-то среднее и удовлетворить ея желаніе съ нѣкоторыми ограниченіями, и теперь находитъ, что вносить дѣло въ комитетъ министровъ неудобно и желаетъ изыскать средство къ передокладу. Онъ еще не откланивался государю и увидитъ его величество въ воскресенье.

12-го мая. Утромъ у обѣдни. Потомъ заѣзжалъ къ кн. (П. А.) Вяземскому. О предпослѣдней повѣсти Тургенева Наканунѣ онъ говоритъ, что это „наканунѣ“ не мѣшало-бы отложить до „завтра“. По поводу диспута Костомарова съ Погодинымъ кн. Вяземскій сказалъ:

— „До сихъ поръ мы не знали, куда идемъ; теперь не знаемъ даже откуда вышли“.

Вечеромъ былъ у меня Лебедевъ. При его опытности и юридическихъ знаніяхъ, странная неопредѣлительность въ общемъ взглядѣ на дѣла.

14-го мая. Въ засѣданіи главнаго комитета не рѣшили вопроса объ устройствѣ земскихъ полицій. Положено предложить его, 16-го числа, комитету четырехъ министровъ, а затѣмъ внести въ собраніе двухъ департаментовъ государственнаго совѣта, 18-го. Обѣдалъ у Муравьевыхъ.

16-го мая. Сегодня возвратилась изъ за-границы княгиня Вяземская. Вечеромъ заѣзжалъ къ Мещерскимъ.

17-го мая. Было засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, для разбора вопроса о преобразованіи уѣздныхъ полицій. Наканунѣ, въ засѣданіи четырехъ министровъ, куда Ланской взялъ себѣ въ подмогу Н. Милютина, ни на чемъ не остановились и ничего не рѣшили. Сегодня 8 голосовъ противъ 2-хъ (вел. князя Константина Николаевича и Ланскаго) приняли мнѣніе министра государственныхъ имуществъ о невозможности одобрить составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проектъ. Преимущественно возставали противъ соединенія городской полиціи съ уѣздною и противъ уни-

чтоженія избирательнаго начала, при назначеніи уѣздныхъ начальниковъ (вмѣсто исправниковъ по выбору отъ дворянства, проектъ учреждаетъ исправниковъ отъ короны). Указывали также на невозможность допущенія у насъ равенства всѣхъ сословій передъ полиціею, на несправедливость назначенія въ уѣздныя присутствія одного засѣдателя изъ дворянъ, при двухъ отъ сельскаго сословія и т. п. Я не читалъ до сихъ поръ проекта и говорю по паслышкѣ.

18-го мая. Утромъ былъ на спускѣ 111-ти-пушечнаго корабля „Николай I". Много народу, погода прекрасная, спускъ удался какъ нельзя лучше. Огромное судно спустилось въ воду такъ плавно и ровно, какъ могла-бы спуститься съ отлогаго берега рыбачья лодка. Публика у насъ еще холодна къ подобнымъ зрѣлищамъ. Видно, что для нея дѣло, преимущественно, въ спектаклѣ. Не проявляется того чувства гордой солидарности, которое долженъ возбуждать военный флагъ націи вообще и въ таковыхъ случаяхъ въ особенности.

Ко мнѣ пріѣзжалъ гр. Строгановъ, попечитель цесаревича. По случаю отъѣзда наслѣдника въ Либаву, онъ желаетъ имѣть нѣчто въ родѣ краткаго очерка Курляндской губерніи. Обратился ко мнѣ, по случаю моего тамошняго губернаторства.

Случайно узналъ, что Н. Милютинъ сломалъ себѣ руку. Его понесли лошади въ наемной извозчичьей каретѣ и опрокинули передъ подъѣздомъ губернскаго предводителя гр. Шувалова. Плохой признакъ или предзнаменованіе. Поѣхалъ къ Милютину послѣ обѣда. Онъ въ нѣсколько лихорадочномъ состояніи и много говорилъ о дѣлѣ уѣздныхъ полицій. Изъ его словъ, между прочимъ, замѣтно, что всѣ главныя начала проекта уже прежде были въ виду главнаго комитета и подъ вліяніемъ ген. Ростовцева тогда одобрены и предусмотрительно облечены высочайшимъ утвержденіемъ. Ясны двѣ вещи. Одна, что малодушіе нашихъ гг. министровъ и К°, при Ростовцевѣ, не даетъ имъ права на теперешнюю оппозицію; другая, что лагерь Н. А. Милютина и К° предусмотрительно пользовался этимъ малодушіемъ для закрѣпленія, подъ спудомъ канцелярской тайны, всѣхъ главныхъ началъ (надлежащею) санкціею.

26-го мая. Государь снова обратилъ въ совѣтъ министровъ, т. е. повелѣлъ въ него внести дѣло по просьбѣ кн. Сангушко, уже пять разъ рѣшенное.

28-го мая. Вечеромъ Муравьевъ уѣхалъ.

Кончилъ и отправилъ къ гр. Строганову записку о Курляндской губерніи, написанную мною для наслѣдника цесаревича.

29-го мая. Утромъ у обѣдни. Потомъ въ д—тахъ и у генерала Зеленаго. Кончилъ записку въ отвѣтъ на послѣдній маневръ князя

Суворова, въ дѣлѣ ландесмаршала, оберъ-ландесбефоллмэхтихта и оберъ-риттершафтсъ-гауптмана.

30-го мая. Вечеромъ Оболенскій сообщилъ мнѣ о пріѣздѣ Беринга, Перейры и другихъ иностранныхъ денежныхъ магнатовъ, по случаю предстоящаго собранія общества желѣзныхъ дорогъ. Очевидно, что эти господа нашъ совѣтъ въ грошъ не ставятъ и что нашъ совѣтъ не подъ силу имъ.

31-го мая. Вечеромъ, какъ всегда, дома.

1-го іюня. Вечеромъ ѣздилъ на острова. Мнѣ все и всѣ тамъ чужды.

Управляющій министерствомъ былъ въ Царскомъ Селѣ съ докладомъ по балтійскому дѣлу. Очевидно, хотѣли сдѣлать все угодное курляндцамъ. Въ Царскомъ Селѣ съ нетерпѣніемъ и досадою слушали то, что докладывалъ генералъ Зеленый. Странно,—и не странно,—какъ склонность къ остзейцамъ присуща! Въ подобныхъ случаяхъ меня болѣе чѣмъ когда-либо томитъ и гнететъ чувство моей зависимости. То-ли дѣло, если-бы я не былъ звѣздоноснымъ поденщикомъ!

2-го іюня. Въ годовомъ общемъ собраніи акціонеровъ главнаго общества жел. дорогъ. Оппозиція вела себя не очень прилично и весьма бездарно. Совѣтъ также поступилъ не очень прилично, раздавъ своимъ собственнымъ инженерамъ-французамъ акціи для подачи голосовъ. Результатъ былъ заранѣе извѣстенъ. Массою акцій, а слѣдовательно и голосовъ, состоявшихъ въ распоряженіи совѣта, всякая баллотировка заранѣе обезпечивалась въ его пользу. 3,600 противъ 700. Слѣдовательно болѣе 14 тыс. акцій и 15 милл. р. за совѣтъ и около 3 тыс. акцій и 3 милл. р. противъ него. Отношеніе какъ 5 : 1. Ораторы оппозиціи, гг. Стасовъ, Тепловъ, Устряловъ, вели свое нападеніе безъ толку; ихъ партія шумѣла также безъ толку. Предсѣдатель, бар. Мейендорфъ, не могъ справиться со своимъ голосомъ и обязанностью. Были минуты, когда собраніе походило на революціонный клубъ. На сторонѣ совѣта та-же слабость и безтолковщина, кромѣ А*..., который на себѣ вывезъ всю ту часть засѣданія, которую я вытерпѣлъ. Онъ говорилъ съ писаннаго, но говорилъ, т. е. diction et organe, отлично. Приготовленная для него рѣчь была улучшена противъ первоначальной редакціи и моментъ для произнесенія ея хорошо схваченъ. Перейра хотѣлъ сказать нѣсколько словъ. По этому поводу поднялась патріотическая буря, такъ какъ онъ долженъ былъ говорить по французски. Совѣту слѣдовало предусмотрѣть и предупредить бурю, испросивъ позволеніе и обѣщавъ тотчасъ переводъ. Вмѣсто этого стали утвер-

ждать, что французскій языкъ можетъ быть употребляемъ по праву. Какъ-бы то ни было, послѣ долгаго шума, Перейра сказалъ свой спичъ, въ которомъ ничего особеннаго не было. Но по лицу, по выраженію его глазъ, сейчасъ видно, что онъ умнѣе всѣхъ своихъ товарищей и что Луи Наполеонъ не даромъ имъ пользуется. На выборы Луи Наполеона, по части способностей, вообще можно положиться. Общее впечатлѣніе слѣдующее: совѣтъ плохъ, оппозиція еще гораздо хуже. Хрущовъ пытался ораторствовать, но вышелъ фіаско.

Послѣ обѣда ко мнѣ заѣзжалъ ген. Зеленый. Балтійское дѣло выиграно. Кн. Суворова поддерживали только кн. Долгоруковъ и гр. Адлербергъ. Гр. Панинъ, гр. Блудовъ и всѣ другіе члены совѣта министровъ поддержали Зеленаго, который вообще, повидимому, велъ дѣло очень хорошо. Онъ одинъ зналъ его какъ слѣдуетъ или слѣдовало, за исключеніемъ той юридической опредѣлительности понятій, которую всѣмъ этимъ господамъ такъ трудно себѣ усвоить. Состоялось слѣдующее опредѣленіе: „правительство, при отчужденіи и неотчужденіи своихъ имѣній и земель, предоставляетъ себѣ полное право распоряжаться оными по своему произволу, не стѣсняясь никакими мѣстными постановленіями“. По крайней мѣрѣ такъ повелѣно ген. Зеленому составить резолюцію, которую и представить его величеству. „Полный произволъ“ означаетъ здѣсь возможность все обратить въ мѣщанскіе лены. Но это послѣднее понятіе слишкомъ опредѣлительно. Произволъ удобопонятнѣе.

4-го іюня. Заѣзжалъ къ Рашету по дѣлу Голицына. Я поѣхалъ, конечно, въ сюртукѣ. Рашетъ вышелъ ко мнѣ во фракѣ со звѣздою. Рѣдко встрѣчался съ такими...

5-го іюня. У меня снова былъ Оболенскій. Онъ серьезно вербуетъ меня въ дирекцію главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

8-го іюня. Государь окончательно утвердилъ рѣшеніе по балтійскому дѣлу, но мои справки оставилъ у себя, обѣщавъ Зеленому ихъ возвратить. Важнѣйшее дѣло не возбуждаетъ въ немъ, повидимому, столько заботъ и сомнѣній, сколько этотъ курляндскій вопросъ.

9-го іюня. Писалъ въ Ригу Тидебелю и Беттихеру по балтійскому дѣлу. Посылалъ за Гершау, дабы черезъ него равнымъ образомъ нѣсколько противодѣйствовать первоначальному впечатлѣнію, которое исходъ этого дѣла произведетъ на мѣстахъ. Редакція высочайшаго повелѣнія нѣсколько измѣнена, но смыслъ тотъ-же.

10-го іюня. Обѣдалъ у Лазарева, котораго домъ видѣлъ въ

первый разъ послѣ его переустройства. Между многими прекрасными вещами есть одна картина Ванъ-Дейка, которая, конечно, принадлежитъ къ числу наилучшихъ его произведеній.

Вечеромъ ѣздили на острова съ женою и Никсомъ. Мы прошли пѣшкомъ по Елагину. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ „pointe“ все такъ тихо, свѣжо, уединенно, какъ будто въ деревнѣ. Мы прошли въ двухъ шагахъ отъ соловья, который продолжалъ разливаться трелями, не обращая вниманія на гуляющихъ. Встрѣтили тамъ Гершау, вдвоемъ съ римско-католическимъ ксендзомъ, вѣроятно, въ душеспасительной бесѣдѣ. Говорятъ, что Гершау переходитъ въ католицизмъ. Проѣхали потомъ по „старой“ и „новой“ деревнямъ. 25 лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ я тамъ жилъ и, по крайней мѣрѣ, 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ тамъ въ послѣдній разъ. Все перемѣнилось. Для меня это мѣсто походитъ на кладбище. Похоронено былое. Нынѣшнее поколѣніе не помнитъ того, которое ему предшествовало.

27-го іюня. Здѣсь теперь три графа Медемъ. Они дѣлаютъ противъ меня демонстрацію en m'ignorant ici. Это плата за курляндское дѣло. Сегодня кн. Голицынъ препроводилъ къ намъ всеподданнѣйшее прошеніе четвертаго графа Медемъ, губернскаго предводителя, по этому дѣлу. Въ прошеніи ничего нѣтъ новаго.

27-го августа. Пробѣлъ въ дневникѣ, врядъ-ли удастся пополнить впослѣдствіи. Возвратился пока одинъ. Жена и Никсъ остались въ Дагдѣ. Вчера былъ въ Казанскомъ соборѣ и въ Александро-Невской лаврѣ.

Вчера пріѣхалъ министръ (Муравьевъ). Видѣлъ его сегодня. Онъ хворъ, быть можетъ, только съ дороги. Обѣдалъ у Вяземскихъ, въ Лѣсномъ. А. А. Зеленый говорилъ мнѣ, что государь очень нерасположенъ къ министру (М. Н. Муравьевъ) и отзывается о немъ съ видимымъ неудовольствіемъ. Причиною тому товарищъ министра полагаетъ какъ 20 тыс. десят. Самарской земли, такъ и 60 тыс. рублей, которые М. Н. Муравьевъ успѣлъ выпросить себѣ, не сказавъ о томъ ни Зеленому, ни мнѣ, изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства, впредь до разсчета по покупкѣ у него пожалованной ему земли. По формѣ выдачи этихъ денегъ можно предполагать, что онѣ не ссуда, а окончательный подарокъ, въ добавокъ къ упомянутымъ десятинамъ, къ 4 тыс. р. на подъемъ и къ 8 тыс. р. на дорогу. Итогъ порядочный.

28-го августа. Страдаю глазами. Выѣзжаю какъ можно менѣе и почти никого не принимаю. Обѣдалъ у Рудницкаго.

29-го августа. Обѣдалъ у г-жи Герн— съ. Elle est bien jaune et bien vieillie.

30-го августа. Ген.-ад. (Дм. Ал.) Милютинъ назначенъ товарищемъ военнаго министра. Кн. Суворовъ—шефомъ Ряжскаго пѣх. полка, которымъ нѣкогда командовалъ его отецъ. Полковн. Ивановъ 30-й [1]) по этому поводу ходитъ въ раздумьѣ, соображая, что князю написать въ полкъ: „Ряжцы!... Ряжцы!...“ ...„не хорошо; надобно будетъ справиться, что писалъ кн. Барятинскій, когда его сдѣлали шефомъ...“ Ген. Зеленому дали Анненскую ленту.

31-го августа. Пріемъ у министра. Онъ опять подъ вліяніемъ путевыхъ впечатлѣній и бредитъ разными проектами, которыхъ не приводитъ въ исполненіе. Въ его рѣчахъ вырвалось сегодня удачное выраженіе, не знаю, его-ли или отъ кого позаимствованное: „наука никогда не проникала въ Россію, но оставалась къ ней въ положеніи касательной линіи“. Изображеніе вѣрное. Къ Россіи проведено множество научныхъ тангенсовъ. Перпендикулярно въ нее проникла только безалаберность.

Министръ читалъ мнѣ свою записку, написанную въ опроверженіе записки Княжевича. Въ ней онъ сильно возражалъ, между прочимъ, на предложеніе министра финансовъ удалить начинателя или основателя общества трезвости, епископа Волончевскаго.

12-го сентября. Министръ сообщилъ мнѣ разныя подробности о ходѣ крестьянскаго дѣла. Гр. Панинъ отлагаетъ до главнаго комитета борьбу съ редакціонистами, — если онъ дѣйствительно бороться намѣренъ, — а между тѣмъ даетъ имъ волю завершить проектъ по ихъ усмотрѣнію. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Булыгинъ, вѣроятно, по наставленію Муравьева, началъ возставать противъ главныхъ началъ проекта, что дало поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ съ Н. Милютинымъ, который сказалъ Булыгину, что плоды полуторагодовой думы и трудовыхъ ночей нельзя опровергать результатами поверхностнаго чтенія. Булыгинъ отвѣчалъ, что жаль, если одного поверхностнаго чтенія достаточно для отысканія столь существенныхъ недостатковъ въ плодахъ полуторагодовой думы. Теперь они съ Н. Милютинымъ не кланяются. Понимаю, впрочемъ, Н. Милютина. Онъ догадался, что Булыгину данъ mot d'ordre, и, не безъ основанія, можетъ упрекать его въ томъ, что говоритъ теперь, а молчалъ прежде, пока свѣтило солнце Ростовцева. Раздражительность Милютина въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, показываетъ, что онъ не столь увѣренъ въ окончательномъ успѣхѣ дѣла, какъ прежде полагали. Недавно кто-то говорилъ мнѣ, что Н. Милютинъ хочетъ разыграть у насъ роль Штейна. Нельзя не

[1]) Ивановъ (нынѣ покойный) состоялъ при кн. Суворовѣ. Ред.

отдать полной справедливости Н. Милютину. Онъ обнаружилъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, много стойкости, дѣятельности и умѣнья. Но онъ не созданъ быть Штейномъ. Если-бы Пруссія 1807 г. была преобразована не министромъ, а секретаремъ министра, то Н. А. Милютинъ могъ-бы быть этимъ секретаремъ въ Россіи. Но быть Штейномъ изъ-за плеча Ланскаго нельзя.

13-го сентября. Утромъ въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ видѣлъ приготовленія сельско-хозяйственной выставки. Она превосходитъ мои ожиданія. Потомъ былъ въ д-тахъ. Вечеромъ дома.

Кн. Суворовъ напомнилъ мнѣ bon mot кн. Меншикова, сказанный во время оно насчетъ баснописца Михайловскаго-Данилевскаго. Говорили о томъ, что Клейнмихель будетъ военнымъ министромъ. „Конечно, сказалъ кн. Меншиковъ, Данилевскій уже издалъ прибавленіе къ своимъ сочиненіямъ, въ которомъ значится, что вездѣ, гдѣ напечатано было „Чернышевъ", слѣдуетъ читать „Клейнмихель"

27-го сентября. Былъ на выставкѣ. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ 2-е засѣданіе кадастроваго комитета.

28-го сентября. Утромъ на торжественномъ открытіи выставки. При молебнѣ провозглашено многолѣтіе не только царской фамиліи, но и „всѣмъ трудящимся на пользу общую". Были: вел. кн. Николай Николаевичъ съ вел. кн-ней Александрою Петровною, принцъ Ольденбургскій, гр. Блудовъ, государств. контролеръ Анненковъ, нѣсколько генераловъ и адмираловъ.

Днемъ въ д-тахъ. Вечеромъ на свадьбѣ адъютанта вел. князя Константина Николаевича, кн. Ухтомскаго, съ разведенною графиней Цеппелинъ, урожденною Грейгъ. Обрядъ совершенъ въ церкви Мраморнаго дворца. Оттуда долженъ былъ ѣхать къ г-жѣ Грейгъ, въ тридевятую даль Васильевскаго острова. Возвращаясь домой, заѣзжалъ къ г-жѣ Гернгросъ. Потомъ работалъ до 2-хъ ч. ночи.

29-го сентября. Утромъ были разные посѣтители, между прочимъ, гр. Гейденъ и гр. Сиверсъ, оба отчасти съ заднею мыслью о покупкѣ казенныхъ фермъ или имѣній. Былъ на выставкѣ съ женой. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ 3-е засѣданіе кадастровой комиссіи. Чтобы нѣсколько помять гг. членовъ, не привыкшихъ къ коллегіальнымъ формамъ, я ихъ держалъ 5 часовъ сряду, съ $^1/_2$ 8-го до $^1/_2$ 1-го ночи.

30-го сентября. Докладъ по д-ту сельскаго хозяйства. Обѣдалъ у Муравьевыхъ. Послѣ обѣда объясненіе съ Пелагеею Васильевною (жена М. Н. Муравьева), которую я привелъ къ признанію, что она или они меня обвиняли въ разныхъ стараніяхъ повредить

министру. Не трудно было отбиться. Я ей при этомъ случаѣ прямо высказалъ, что они весьма несправедливо обвиняютъ въ томъ-же ген. Зеленаго.

Предсѣдателемъ комитета по крестьянскому вопросу будетъ, говорятъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ. „Nous devons cela à Paniпe", сказалъ Муравьевъ.

1-го октября. Утромъ у обѣдни. Былъ у гр. Гейдена. Потомъ въ департаментахъ. Вечеромъ до $^1/_2$1-го часа 4-е засѣданіе кадастровой комиссіи.

Гершау разсказывалъ сегодня, что въ Ami de la réligion напечатанъ цѣлый секретный докладъ министра внутр. дѣлъ по дѣламъ римско-католической церкви, съ пространными резолюціями государя императора.

2-го октября. Утромъ мнѣ помѣшали разные посѣтители быть у обѣдни. Видѣлъ, между прочимъ, Оболенскаго. Ничего не слыхалъ отъ него замѣчательнаго или новаго. Видно только, что главное общество желѣзныхъ дорогъ не такъ твердо на ногахъ, какъ считало себя твердымъ весною.

9-го октября. Навѣстилъ Н. А. Милютина, котораго нашелъ въ довольно сильномъ нервически-раздраженномъ настроеніи. Понятно. Послѣдствія продолжительно-напряженной работы, разныхъ кризисовъ и столкновеній, наконецъ, 6-ти-мѣсячнаго оффиціальнаго сообщничества съ гр. Панинымъ—сами по себѣ достаточно могли-бы объяснить это настроеніе, даже если-бы къ нимъ не присоединялось горькое чувство устраненія отъ дальнѣйшаго движенія дѣла. Усилія NN ввести Н. А. Милютина въ главный комитетъ не имѣли успѣха.

Былъ у княгини Изабеллы Гагариной. Она неистовствуетъ, при всей своей обычной кротости, противъ Луи Наполеона, Кавура, сардинскаго короля и его посланника, и т. д. Понимаю, какъ несносно безразсудны могли быть во время оно, а отчасти могутъ быть и нынѣ, les dames du faubourg St.-Germain, quand elles parlent politique.

Получилъ длинное письмо отъ кн. Суворова. Написано, по обыкновенію, какъ-бы въ лихорадочномъ бреду.

10-го октября. Заѣзжалъ къ кн. П. А. Вяземскому, сегодня возвратившемуся изъ Москвы. Былъ утромъ у министра, который объявилъ мнѣ, что желаетъ, чтобы я занялся крестьянскимъ дѣломъ и ему помогалъ разбирать оное между засѣданій главнаго комитета. Сегодня первое засѣданіе этого комитета. Сегодня-же получено телеграфическое извѣстіе объ изданіи австрійскимъ императоромъ

конституціи. Многознаменательное извѣстіе. Быть можетъ, и знаменательное совпаденіе извѣстія съ событіемъ.

Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту. Министръ разсказалъ мнѣ подробности перваго засѣданія главнаго комитета, поручивъ хранить объ этихъ сообщеніяхъ совершенную тайну, потому что всѣ члены комитета обязаны, по высочайшему повелѣнію, безусловно сохранять эту тайну. Предсѣдательствовалъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Дѣло началось объявленіемъ высочайшей воли насчетъ секрета совѣщаній, непремѣннаго окончанія занятій къ 1-му декабря, внесенія дѣла въ государственный совѣтъ не позже 15-го того-же мѣсяца и окончательнаго рѣшенія къ 1-му января будущаго года. Затѣмъ, прочитана, равномѣрно по высочайшему повелѣнію, предсмертная записка ген.-адъютанта Ростовцева (министръ передалъ мнѣ при этомъ случаѣ копію съ записки). Послѣ прочтенія оной, начались общія сужденія какъ о сущности дѣла, такъ и о порядкѣ совѣщаній. Положили имѣть до 2-хъ и 3-хъ засѣданій въ недѣлю и начать въ будущій разъ, 14-го числа, съ разбора проекта положенія о мировыхъ посредникахъ, уѣздныхъ присутствіяхъ и губернскихъ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ (экземпляръ проекта мнѣ, равнымъ образомъ, переданъ, съ порученіемъ доложить мои мысли и замѣчанія по сему предмету наканунѣ засѣданія). Гр. Блудовъ немедленно высказался въ пользу выкупа, не разбирая, какъ его произвести и какими способами его обезпечить. Кн. (Пав. Павл.) Гагаринъ говорилъ (повидимому, не совсѣмъ удачно) въ пользу безусловнаго примѣненія начала добровольныхъ соглашеній. Гр. Панинъ говорилъ о неприкосновенности правъ собственности и неуклонномъ соблюденіи высочайшей воли. Наконецъ, М. Н. Муравьевъ (явно куртизирующій гр. Панина и считающій его сильнымъ часа сего) также распространился насчетъ святости правъ собственности, и отъ нихъ (неизвѣстно какъ и почему) перешелъ къ знаменитымъ удѣльнымъ $^2/_5$ и $^3/_5$, а отсюда къ общимъ понятіямъ о минимумѣ надѣла, о кадастровой оцѣнкѣ земель для опредѣленія оброка, о переселеніи и т. п. Затруднительность выкупа, съ финансовой точки зрѣнія, подтвердили Чевкинъ и министръ финансовъ. Противъ обязательнаго выкупа высказался великій князь и почти всѣ члены. Гр. Блудовъ одинъ защищалъ его. Ланской молчалъ. Неблагорасположеніе къ трудамъ редакціонныхъ комиссій выражалось весьма ясно въ рѣчахъ Панина, Гагарина и Муравьева, у котораго долго сдержанная желчь, копившаяся еще со временъ Ростовцева, разливается. Впрочемъ, ничего рѣшительнаго не постановлено.

11-го октября. Утромъ въ д-тахъ. Вечеромъ за работой. Читалъ проектъ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Много хорошаго, хотя есть и странныя тенденціозныя особенности, напримѣръ, выборъ посредниковъ одними крестьянами (т. е. одною стороною изъ двухъ, между которыми преимущественно предполагается посредничество) и производство выборовъ дворянъ-посредниковъ крестьянами, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что редакціонныя комиссіи лучше владѣютъ законодательнымъ языкомъ, чѣмъ правительствующій сенатъ и II-е отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи.

12-го октября. Получилъ отъ министра полный экземпляръ проектовъ редакціонныхъ комиссій. Вечеромъ 6-е засѣданіе кадастровой комиссіи.

13-го октября. Вечеромъ у министра до 1 ч. ночи. Онъ въ сущности не столько занятъ крестьянскимъ дѣломъ, сколько критикою труда редакціонныхъ комиссій, ѣздитъ на конькѣ громкихъ фразъ о монархическихъ и демократическихъ началахъ, говоритъ о союзѣ съ Чевкинымъ и Панинымъ, утверждаетъ, что не смотря на всѣ высочайшія повелѣнія, дѣла нельзя кончить къ 1-му января, занятъ ожиданіемъ кн. Долгорукова и гр. Адлерберга, ссылается на постановленія комитета 4-хъ министровъ, о которомъ всѣ забыли, мечтаетъ о заимствованіи множества вещей изъ лифляндскаго крестьянскаго уложенія, увѣряетъ, что онъ въ двѣ недѣли могъ бы составить всѣ существенныя постановленія для введенія въ дѣйствіе новаго порядка вещей и проч. и проч.

Трудная мнѣ досталась доля. На сей разъ обычная моя забота, ежедневно разрѣшать проблемму параллелограма силъ и выводить діагонали, еще тягостнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Соглашаясь съ министромъ насчетъ разныхъ частностей, напр., насчетъ невозможности на первый разъ предоставить крѣпостнымъ крестьянамъ избраніе мировыхъ посредниковъ, насчетъ неумѣстности президентства городскаго головы и т. п., я не могъ согласиться насчетъ мнимыхъ превосходствъ нынѣшняго порядка волостнаго устройства и волостныхъ выборовъ, насчетъ не менѣе мнимой способности къ дѣйствію нашихъ губернскихъ и сословныхъ учрежденій, и въ особенности на счетъ пригодности чисто отрицательной, тормазовой методы въ дальнѣйшемъ направленіи и рѣшеніи дѣла. Аргументы ad rem были мало дѣйствительны. Я обратился къ аргументамъ ad hominem, и сказалъ министру, что онъ напрасно разсчитываетъ на силу гр. Панина и на помощь ген. Чевкина, и что если онъ только будетъ заботиться о разгромленіи проекта, не разбирая ни того, что въ немъ хорошо,

ни того, чего уже миновать нельзя, отъ частей, которыя устранить или измѣнить можно,—то онъ не спасетъ дѣла, а себя уронитъ.

14-го октября. Утромъ, до засѣданія главнаго комитета, опять у министра. Повторилось вчерашнее преніе. „Панинъ не устоитъ сказалъ я, а Чевкинъ вамъ измѣнитъ". Кажется, что это нѣсколько подѣйствовало.

Встрѣтилъ Языкова, который распространился по предмету австрійской конституціи.

16-го октября. Разсказываютъ, что Шуваловъ привезъ изъ Вѣны письмо и, кромѣ того, какія-то изустныя порученія, въ смыслѣ предостереженія отъ Австріи. Говорятъ, что письмо было сильное, и подѣйствовало. Желаю, чтобы было такъ. Еще болѣе желаю, чтобы къ намъ могли примѣнить то, что, по поводу австрійской конституціи газета „Constitutionnel" говоритъ объ австрійскихъ государяхъ. „C'est une maison royale, dont on peut dire qu'elle a toujours été, dans les temps de crise, à la hauteur de sa mission, et qu'elle a su, suivant les circonstances, subir ou dominer les situations, qui lui étaient faites".

Министръ (Муравьевъ) занятъ крестьянскимъ дѣломъ. Онъ отыскиваетъ новый путь къ разрѣшенію вопроса о надѣлахъ, и полагаетъ найти его въ раздѣленіи оброчныхъ и надѣльныхъ имѣній на различныя группы, изъ которыхъ онъ будетъ выводить среднія обязательныя нормы, къ которымъ однако-же надлежать будетъ прибѣгать только въ случаѣ не воспослѣдованія взаимныхъ соглашеній. Странно, что, занимаясь теперь такъ дѣятельно всѣми подобными вопросами, онъ не предпринялъ этого занятія ранѣе. Система $^{2}/_{5}$ и $^{3}/_{5}$, повидимому, уже брошена. Система минимума, выводимаго по нормѣ окладной оброчной подати, также признается, въ настоящее время, не примѣнимою къ дѣлу.

17-го октября. Въ 4 часа дня совершено въ церкви царскосельскаго дворца крещеніе вел. кн. Павла Александровича.

18-го октября. Утромъ у министра, который мучилъ меня полтора часа объясненіемъ своего изобрѣтенія по части нормъ надѣла и повинностей.

Обѣдалъ у Неелова съ его братомъ и Серг. Серг. Ивановымъ, съ которымъ третьяго дня познакомился. Разговоръ, конечно, имѣлъ предметомъ эманципаціонный вопросъ. Онъ продолжался 4 часа Мы не могли прійти ни къ какому заключенію. Мнѣніе этихъ господъ клонится къ тому, что теперь нельзя ожидать успѣха отъ добровольныхъ соглашеній, что однако-же правильная развязка возможна только путемъ добровольныхъ соглашеній, и что посему ну-

женъ переходный періодъ. Слѣдовательно, нельзя узаконять окончательно ни надѣла, т. е. ограниченія правъ собственности вотчинниковъ на землю, ни повинностей, т. е. вознагражденія за отводъ этой земли въ пользованіе крестьянъ.

Быть можетъ такъ; но возможно-ли подобное разрѣшеніе вопроса послѣ всего того, что сдѣлано и сбылось съ 1857 г. по 1860 г.?

19-го октября. Вечеромъ у Вяземскихъ. Здоровье князя возбуждаетъ во мнѣ опасенія. Его жизнь не по его привычкамъ и вкусу, а это дѣйствуетъ на его организмъ. Видѣлъ тамъ княгиню Марію Аркадьевну, только что пріѣхавшую изъ Царскаго Села и преисполненную Царскимъ. Она говоритъ, что умирающая императрица сегодня прощалась съ семействомъ и со всѣми приближенными слугами и служителями. Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ и вел. княгиня Ольга Николаевна Вюртембергская прибыли изъ-за границы.

Женою моею сдѣлано сегодня замѣчаніе, что всѣ русскія императрицы переживаютъ своихъ супруговъ. Отъ Екатерины I до Александры Ѳеодоровны дѣйствительно было такъ.

Сегодня было, въ Царскомъ, 4-е засѣданіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу.

20-го октября. Императрица Александра Ѳеодоровна скончалась сегодня въ исходѣ 9-го часа утра, послѣ продолжительной, и въ послѣдній день трудной, агоніи. Говорятъ, ей видѣлся во снѣ, за нѣсколько часовъ до смерти, покойный императоръ Николай Павловичъ, который будто подавалъ ей руку, чтобы ее увести съ собою. Сколько разъ повторяются подобныя видѣнія! Съ усопшею императрицею окончательно сходитъ со сцены прежнее царствованіе. Sit illae terra levis!

Государь прислалъ вчера къ министру записку Назимова—безразсудную, въ которой сей неудачный руссификаторъ Литвы обращается къ новому способу руссификаціи. Онъ требуетъ, чтобы министерство государственныхъ имуществъ пріостановило раздачу съ торговъ новыхъ фермъ въ западномъ краѣ и вмѣсто того предприняло бы въ немъ колонизацію кореннаго русскаго дворянства, раздавая эти фермы отставнымъ генераламъ, офицерамъ, чиновникамъ и т. п. Назимовъ ожидаетъ отъ таковыхъ колонистовъ подавленія польскаго элемента, полагаетъ, что ихъ православное усердіе обезпечитъ благолѣпіе храмовъ и т. д. Все это испещрено разными частными нелѣпицами и подкрѣпляется баснословными цифрами. Но какимъ образомъ 200 или 300 мелкихъ арендаторовъ подавятъ польскую народность, и какіе коренные русскіе дворяне устремятся

на хозяйственные подвиги въ предѣлахъ фермъ, заключающихъ въ себѣ среднимъ числомъ не болѣе 200 десятинъ,—не объяснено.

24-го октября. Написалъ и представлялъ министру мои соображенія по вопросамъ о надѣлахъ и о повинностяхъ. По этому поводу происходилъ длинный разговоръ съ Нееловымъ и со мною. Министръ нѣсколько разъ повторялъ прежнія выходки, насчетъ придумываемыхъ имъ способовъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, нѣсколько разъ возвращался къ прежнимъ непостижимымъ противорѣчіямъ и запутанностямъ, и кончилъ тѣмъ, что весьма добродушно и наивно благодарилъ меня за то, что я „просвѣтилъ“ его по предмету отдѣльности вышереченныхъ вопросовъ. „Я до сихъ поръ смѣшивалъ эти понятія“—сказалъ онъ. Если ихъ онъ смѣшивалъ съ ноября 1857 г. по октябрь 1860 г., то чего же онъ не смѣшивалъ? Въ разговорѣ онъ съ рыцарскою рѣшимостью объявилъ, что въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ стойко будетъ стоять за права собственности и коренныя основанія гражданскаго порядка, будетъ повиноваться только своей совѣсти, и не подпишетъ ничего, велѣніямъ этой совѣсти противорѣчащаго. Посмотримъ. Слѣдующее засѣданіе главнаго комитета назначено на 26-е число, но такъ какъ въ этотъ день министръ долженъ быть въ Царскомъ Селѣ утромъ, для всеподданнѣйшаго доклада, то онъ просилъ великаго князя взять его съ собою въ городъ на экстренный поѣздъ.

25-го октября. Удосужился читать газеты и журналы послѣ обѣда, чего не было съ прошлой недѣли.

То, что Asterburg говорилъ о поэтѣ Pope—примѣнимо къ Чевкину: mens curva in corpore curvo.

26-го октября. Послѣ обѣда 7-е засѣданіе кадастровой комиссіи. Вечеромъ до $^1/_2$ 2-го ч. ночи у министра съ Нееловымъ и Ивановымъ, въ разговорахъ по крестьянскому дѣлу. Хамелеонъ имѣлъ сегодня не только рыцарскій, но и богомольный порывы. Онъ воззрѣлъ къ небу, говоря, что думаетъ только объ исполненіи долга; но характеристично присовокупилъ на сей разъ, что онъ скажетъ свое мнѣніе,—не говоря, какъ прежде, что готовъ уйти, если это мнѣніе не восторжествуетъ. Онъ опять поворотилъ, въ сущности дѣла, къ началамъ удѣльной системы. По его словамъ, въ засѣданіи главнаго комитета приняты разныя постановленія, обезпечивающія территоріальныя права и власть помѣщиковъ.

27-го октября. Объявленъ церемоніалъ процессіи, по случаю перевезенія тѣла покойной императрицы въ Петропавловскій соборъ. Шествіе должно начаться у Обводнаго канала. Слѣдовательно, верстъ 10 до собора, если Троицкій мостъ не разведутъ, по случаю

льда, болѣе 15-ти если придется слѣдовать на Николаевскій мостъ. А всѣмъ высшимъ сановникамъ положено въ немъ участвовать, не смотря на ихъ лѣта и на позднее время года.

28-го октября. Вечеромъ заѣзжалъ къ Мещерскимъ. Передъ тѣмъ у меня былъ Скарятинъ. Между прочимъ, слышалъ отъ него, что прошлою зимою, въ привольной бесѣдѣ, Н. А. Милютинъ будто бы проговорился въ присутствіи его, Хлюстина и нѣсколькихъ другихъ дворянъ, высказавъ такъ свою заднюю мысль:

— „Васъ, дворянъ, нельзя расшевелить мелочами. Вы почешетесь, перевернетесь, да опять заснете. Васъ надобно такъ кольнуть, чтобы вы подпрыгнули вверхъ".

Нѣчто въ этомъ родѣ говорилъ мнѣ, прошлою весною, кн. Александръ (Илларіоновичъ) Васильчиковъ.

29-го октября. Сегодня по утру, по установленному церемоніалу, тѣло покойной императрицы изъ Чесменской церкви перевезено въ Петропавловскій соборъ. Относительно сановныхъ стариковъ сдѣлано подъ рукою, какъ я думалъ, (особое распоряженіе), т. е. нѣкоторые посажены въ кареты. Я участвовалъ въ шествіи отъ Обуховскаго проспекта до крѣпости. Впечатлѣніе могли произвести только два предмета. Панихида и растроганное, утомленное лицо государя императора.

30-го октября. Съ ½ 12-го ч. до 5-ти час. дня у министра, съ Нееловымъ и Булыгинымъ, въ разсужденіяхъ по крестьянскому вопросу. Вотъ мои воскресные досуги! Булыгинымъ представлены разные любопытные факты и выводы, доказывающіе съ одной стороны произволъ редакціонныхъ комиссій, въ избраніи основныхъ началъ ихъ предположеній по части хозяйственныхъ вопросовъ, съ другой—несправедливыя и часто раззорительныя послѣдствія постановленныхъ ими правилъ.

Утромъ былъ у меня Кошелевъ, просить совѣта относительно не пропущенныхъ цензурою журналовъ засѣданій московскаго общества сельскаго хозяйства.

31-го октября. Вечеромъ докладъ по 2-му департаменту и совѣщаніе по крестьянскому вопросу при Нееловѣ и Булыгинѣ.

1-го ноября. Сегодня государь императоръ принималъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Пріемъ былъ назначенъ по докладу Ланскаго, вѣроятно въ видѣ вознагражденія за нелюбезные procédés Панина, при закрытіи комиссій. Панинъ былъ, повидимому, непріятно пораженъ этимъ и вчера около полуночи присылалъ Муравьева—сына (герольдмейстера) къ отцу, чтобы спросить не знаетъ-ли онъ, черезъ Булыгина, какихъ нибудь подробностей о поводахъ къ назначенію аудіенціи.

Его величество благодарилъ членовъ комиссій, взялъ при этомъ за руку Панина, (жаль [1]), сказалъ, что Панинъ свидѣтельствовалъ о трудахъ комиссій, что онъ ожидаетъ отъ нихъ великой пользы, но присовокупилъ, что такъ какъ всякая работа болѣе или менѣе имѣетъ несовершенства, то и проекты комиссій, вѣроятно, должны будутъ подлежать значительнымъ измѣненіямъ. Все это разсказывалъ Булыгинъ, пріѣхавшій изъ Зимняго дворца прямо къ Муравьевымъ.

Странную роль, при этомъ представленіи, игралъ Ланской. Онъ выхлопоталъ аудіенцію, данную членамъ комиссій, вслѣдствіе письма, написаннаго четырьмя изъ нихъ (Самаринымъ, Галаганомъ, Черкасскимъ и кн. Голицынымъ) на имя Милютина, съ косвенною жалобою на Панина. Онъ выхлопоталъ ее мимо Панина. Онъ присутствовалъ при аудіенціи, приготовилъ и держалъ въ карманѣ списокъ представляющихся, которыхъ разставлялъ Милютинъ. Но этимъ и ограничилось все его участіе въ дѣлѣ. Личнаго представленія, т. е. поименнаго, не было. Списокъ остался въ карманѣ. Государь ничего не сказалъ Ланскому, вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи Панина, благодарилъ, какъ выше сказано, Панина, словомъ обошелся съ Ланскимъ какъ будто-бы Ланской былъ однимъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій. Это объясняется отчасти тѣмъ, что Панинъ успѣлъ, говорятъ, написать государю письмо, въ которомъ, въ свою очередь, жаловался на предоставленіе аудіенціи помимо его и т. д.

Вечеромъ у министра до 1 ч. ночи съ Нееловымъ и Булыгинымъ.

2-го ноября. Утромъ въ департаментахъ. Заходилъ къ Вяземскимъ. Странная болѣзнь у нѣкоторыхъ людей, на словахъ удаляющихся отъ двора, и тѣломъ и мыслью—находящихся тамъ. Въ продолженіе получаса почти ни о чемъ не было рѣчи, кромѣ великихъ князей и великихъ княгинь.

Вечеромъ опять у министра до 1 ч. утра. Въ началѣ совѣщанія были Нееловъ и Булыгинъ. Жалкое зрѣлище. По сію минуту у государственнаго хамелеона ни одной установившейся мысли. Первое засѣданіе по надѣламъ и повинностямъ, очевидно, было неудачно. Министръ сбитъ или потерялся. Въ цѣломъ составѣ комитета онъ теперь опирается на одного кн. Долгорукова. Панинъ, вмѣсто системы редакціонныхъ комиссій по надѣламъ, предложилъ какія-то дикія собственныя нормы. (Кн. Пав. Павл.) Гагаринъ, котораго

[1]) Это слово принадлежитъ П. А. Валуеву и поставлено имъ же въ скахъ. Гр. Н. В.

по этой части магнетизируетъ бывшій экспертъ Желтухинъ, аргументировалъ на основаніи какихъ-то казанскихъ данныхъ. М. Н Муравьевъ толковалъ про minimum и Bauerland, не зная сам. что̀ разумѣть подъ тѣмъ и другимъ. Кн. Долгоруковъ говорилъ о минимумѣ на основаніи положенія с.-петербургскаго комитета. Хамелеонъ, набившій свой портфель вѣдомостями Булыгина, струсилъ и ихъ не представилъ. Вечеромъ онѣ вновь сортировались, а ночью будутъ переписываться для представленія завтра. Министръ былъ при этомъ разборѣ въ жалкой ребяческой perplexité. Онъ искалъ аргументовъ, (теперь!), какъ ищутъ грибовъ въ лѣсу.

Считаю дѣло редакціонныхъ комиссій выиграннымъ. Онѣ были составлены такъ, чтобы никто не могъ противорѣчить системѣ большинства. Главный комитетъ составленъ такъ, чтобы никто не умѣлъ(?) противорѣчить (?).

3-го ноября. Сегодня утромъ возвратился ген. Зеленый. Онъ вступаетъ въ управленіе министерствомъ. Разсказалъ ему, по его желанію, въ какомъ положеніи находятся наши дѣла. Слышалъ отъ него, что гр. Ламбертъ занимается въ Парижѣ изученіемъ городскаго хозяйства и путей сообщенія. Ergo двѣ новыя кандидатуры: въ с.-петербургскіе генералъ-губернаторы и въ главноуправляющіе вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Вечеромъ опять до 1 ч. ночи у министра. Опять безсвязное совѣщаніе по тѣмъ же самымъ вопросамъ, и на сей разъ опять результатъ, пріобрѣтенный 24-го октября, десять дней тому назадъ. Министръ снова согласился со мною и просилъ изложить мое заключеніе на бумагѣ. Надолго-ли это согласіе?

4-го ноября. Вечеромъ, по обыкновенію, до ½ 2-го часа у министра. На сей разъ онъ былъ, преимущественно, озабоченъ своимъ свѣжимъ союзомъ съ кн. Долгоруковымъ по крестьянскому дѣлу и пріисканіемъ средствъ подладить свое мнѣніе (зри вчерашнюю мою отмѣтку) подъ мнѣніе союзника или спаять его съ этимъ мнѣніемъ. Мнѣ приказано сдѣлать спайку.

5-го ноября. Утромъ въ крѣпости, на погребеніи покойной императрицы. Ничего особеннаго во время церемоніи. Личность государя, по прежнему, трогательна и симпатична.

Передъ церемоніею странно было слѣдующее. Государь отправился въ Петропавловскій соборъ верхомъ, съ обычною свитою, потому что были разставлены войска, а мимо войскъ принято императорами не проѣзжать въ каретѣ. Но чтобы не заставлять ждать императрицу и великихъ княгинь, которыя ѣхали въ каретахъ и на рысакахъ, государь проскакалъ, удлиненнымъ галопомъ, все раз-

стояніе отъ Зимняго дворца на Николаевскій и Тучковъ мосты до крѣпости и собора.

Изъ крѣпости, при большомъ безпорядкѣ на улицахъ и тѣснотѣ отъ войскъ, почти шагомъ, проѣхалъ въ министерство. Вечеромъ у министра, на окончаніи спаячной работы. Сеансъ продолжался, на сей разъ, до 2-хъ час. ночи. Въ первой половинѣ дѣло шло о спайкѣ на ладъ 3-го числа. Внезапно пріѣхалъ ген. Зеленый, бывшій у кн. Долгорукова. Онъ сообщилъ, что князь, не соглашаясь ни на какія media, требуетъ, чтобы на основаніи заявленной въ высочайшихъ рескриптахъ воли государя императора крестьянамъ было дано болѣе земли, чѣмъ minimum надѣла редакціонныхъ комиссій, но чтобы размѣръ надѣла былъ опредѣленъ на мѣстахъ, а равно и для исчисленія повинностей съ надѣльной земли были даны особыя наставленія, или изданы инструкціонныя правила, съ тѣмъ, чтобы на мѣстахъ же самому дворянству, при содѣйствіи губернскихъ присутствій крестьянскихъ дѣлъ, было предоставлено примѣненіе этихъ наставленій или правилъ. Alias, — кн. Долгоруковъ требуетъ, чтобы дѣло было обращено вспять къ тому моменту, на которомъ оно находилось при изданіи Позенской программы, весною 1858 года. Therefore, every thing done since, to be considered as a false start, and the race to begin again. A false start which lasts for thirty calendar monthes,—is a curious thing.

Кн. Долгоруковъ говоритъ, что въ виду общаго неудовольствія дворянства, ежедневно заявляемаго получаемыми на высочайшее имя письмами, онъ, кн. Долгоруковъ, не отвѣчаетъ за общественное спокойствіе, если предположенія редакціонныхъ комиссій будутъ утверждены; что онъ рѣшился не отступать отъ своего мнѣнія и скорѣе сложить съ себя свое званіе; что онъ это заявилъ государю; что онъ, преимущественно, имѣетъ теперь въ виду выиграть время; и наконецъ, что если онъ выиграетъ время, то считаетъ успѣхъ обезпеченнымъ, потому что теперь управленіе безсильно (?), но вскорѣ оно измѣнится и будетъ сильнѣе.—Слѣдовательно, question de candidat, сказалъ я ген. Зеленому.—Question de cabinet, отвѣчалъ онъ.

Хамелеонъ-министръ, услышавъ такія вѣсти, немедленно лишился всякой устойчивости. Его умъ говорилъ ему, что въ мнѣніи кн. Долгорукова и въ признаніи 2½ лѣтъ и сотни разныхъ повелѣній, назначеній и одобреній за „фользъ-стартъ“,—что-то неладно. Его ненависть къ редакціоннымъ комиссіямъ говорила, напротивъ того, что уничтоженіе трудовъ этихъ комиссій было бы идеальною побѣдою. Его себялюбіе и привычка ставить паруса по вѣтру твердила, что сладко и пріятно быть въ компаніи съ Долгоруковымъ, имѣю-

щимъ l'oreille. Началась самая безобразная толчея предположеній, суждeній, приказаній. Согласившись, что нужно беречь дворянство, признавъ, что опасно раздражать оное, ген. Муравьевъ вслѣдъ за тѣмъ вдругъ соскользнулся въ обычныя азіатскія замашки повелѣвать, распоряжаться и законодательствовать безъ всякой бережливости и вниманія къ тѣмъ, до кого относятся повелѣнія, распоряженія и законы. Онъ сказалъ, что дворянство надобно приневолить, принудить, что ему надобно указать, что и какъ дать, что нельзя слишкомъ церемониться и т. д. и т. д. Мое терпѣніе лопнуло, и лопнуло преимущественно потому, что ген. Зеленый на сей разъ молчалъ и вообще, при всемъ своемъ благородствѣ и добрыхъ свойствахъ, какъ-то представлялся въ невыгодномъ свѣтѣ. Какъ будто подъ вліяніемъ своего конфиденціальнаго разговора съ кн. Долгоруковымъ и въ опьяненіи отъ значенія играемой имъ полу-министерской роли, онъ говорилъ о трудахъ редакціонныхъ комиссій и о крестьянскомъ дѣлѣ вообще съ непостижимымъ легкомысліемъ, съ самонадѣяннымъ пренебреженіемъ къ противникамъ, и вообще съ какимъ-то чванливымъ aplomb, ему вовсе не свойственнымъ. Обычные признаки хладнокровія меня оставили, и когда при чтеніи нѣсколькихъ параграфовъ, мною написанныхъ на точномъ основаніи вчерашнихъ указаній и приказаній министра, Муравьевъ началъ съ легкой руки требовать невозможной редакціи, Зеленый сдѣлалъ какое-то поверхностное замѣчаніе, а Булыгинъ предложилъ понуждать помѣщиковъ „административными“ мѣрами къ пониженію оброковъ,—я въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, и съ горячностью, которой степени и формъ не могъ самъ вполнѣ въ то время оцѣнивать, отвѣчалъ Муравьеву, что законовъ нельзя писать такъ, какъ онъ предполагаетъ, сказалъ Зеленому, что онъ меня не понялъ и моя мысль шла далѣе, чѣмъ онъ думалъ, и наконецъ, заставилъ замолчать Булыгина, замѣтивъ ему, что мѣры, противныя нравственному достоинству сословій, суть вредныя мѣры, и что помѣщикъ, сознающій свое достоинство, обязанъ стрѣляться съ административнымъ модераторомъ его оброковъ, или выбросить его за окно. Этотъ мелодраматическій intermezzo имѣлъ послѣдствіемъ, что въ окончательныхъ приказаніяхъ министра выразился mezzo-termine, между тѣмъ, что приказано было вчера, и тѣмъ, что хотѣлось приказать сегодня.

Aurea libertas! ubi es!

Возвратясь домой, мнѣ сдѣлалось жаль, что я могъ слишкомъ горячо возражать Зеленому. Написалъ къ нему записку, въ которой извинялся на случай, что такъ было, но впрочемъ присовокуплялъ,

что если-бы я не несъ моей нынѣшней служебной неволи ради других, „то конечно надѣлъ и носилъ бы кафтанъ артельщика съ бо́льшимъ удовольствіемъ и достоинствомъ, чѣмъ нынѣ статсъ-секретарскій мундиръ".

6-го ноября. Утромъ у обѣдни. Вечеромъ у министра до полуночи. Опять перемѣна дирекціи. Я получилъ приказаніе пересоставить (по самымъ шаткимъ указаніямъ) цѣлую главу проекта редакціонныхъ комиссій и съ нею отправиться завтра вечеромъ къ кн. Долгорукову. Dura lex,—sed lex.

7-го ноября. Вечеромъ два часа у кн. (Василія Андреевича) Долгорукова. Потомъ у министра (Мих. Ник. Муравьева).

Куда идемъ мы? И кто ведетъ насъ? Нѣтъ словъ достаточно блѣдныхъ, чтобы передать впечатлѣніе, производимое нѣкоторыми изъ нашихъ leaders. Князь Долгоруковъ говоритъ о крестьянскомъ дѣлѣ en marquis musqué de l'ancien régime. Притомъ какая-то наивная, комическая ограниченность во взглядѣ и сужденіяхъ, какая то школьническая готовность принимать слова за факты, ложь за сущность, и тѣшиться гладкою редакціею, какъ выигранным тезисомъ. Вотъ примѣръ наивности: кн. Долгоруковъ началъ съ того, что прочиталъ мнѣ родъ программы или пояснительной записки, написанной по его распоряженію, и просилъ ее пополнить и додѣлать. Въ разговорѣ о крестьянскомъ вопросѣ я, между прочимъ, сказалъ, что желательно-бы вообще не возстановлять одно сословіе противъ другаго, но стараться примирять ихъ. „C'est une bonne idée" (новая мысль, нечего сказать!), сказалъ князь, „vous devriez bien mettre cela dans le mémoire". Черезъ четверть часа, по поводу подробнаго регламентированія разныхъ вопросовъ въ проектѣ редакціонныхъ комиссій, я выразилъ мысль, опять весьма не новую, что лучше довольствоваться главными чертами, установленіемъ главныхъ началъ, и затѣмъ дать дѣлу развиваться самимъ собою, органически. Хлѣбъ не сажаютъ снопами, сказалъ я, а сѣютъ зерномъ. „Это хорошая мысль", отвѣчалъ еще разъ князь Долгоруковъ, „вамъ-бы слѣдовало помѣстить ее въ запискѣ".

Мое положеніе почти нестерпимо. Я связанъ по рукамъ и ногамъ. Я не могу вырваться на волю. Я закабаленъ служить. А между тѣмъ, быть по службѣ покорнымъ редакторскимъ орудіемъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева—ужасная доля.

8-го ноября. Утромъ у министра. Ген. Зеленый имѣлъ сегодня продолжительный разговоръ съ NN, изъ котораго оказывается, что NN увѣренъ въ успѣхѣ и отвѣчаетъ „головою" за окончаніе дѣла въ главномъ комитетѣ къ 1-му декабря. Онъ отзывался (рѣзко) о

М. Н. Муравьевѣ и кн. Долгоруковѣ. Когда ген. Зеленый сказалъ, что желательно не ожесточать дворянства, NN сказалъ: „что-жъ вы хотите сказать?...“

9-го ноября. Вечеромъ у министра. Semper idem. Продолжаю редакцію контръ-проекта его и кн. Долгорукова.

10-го ноября. Докладъ по департаменту сельскаго хозяйства. Передъ тѣмъ былъ у кн. Долгорукова, по его желанію, для сообщенія ему моей редакторской работы. Вечеромъ у министра. Два часа безрезультатнаго разговора.

Читалъ книгу Порошина: La régénération sociale de la Russie. Много вѣрно схваченнаго и сказаннаго. Кн. Долгоруковъ хвалитъ эту книгу. Воспользуется-ли онъ ея указаніями? И если онъ воспользуется, то воспользуются-ли другіе?

Rari nantes in gurgite vasto.

11-го ноября. Продолжаю редакціонный трудъ. Вечеромъ у кн. Долгорукова и у министра. Приходится составлять на скорую руку новую систему повинностей, въ замѣну системы редакціонныхъ комиссій.

Встрѣтилъ у кн. Долгорукова кн. Суворова съ сыномъ. Его дочь, вышедшая за кн. Голицына, сына „рябчика“, вчера рѣшительно оставила, повидимому, своего мужа и возвратилась къ родителямъ. Голицына упрекаютъ въ пристрастіи...

У министра засѣдали до $^1/_2$2 ч. ночи съ Булыгинымъ, Нееловымъ, Ивановымъ и Деппомъ. A more or less desultory conversation about emancipatorial matters. При всемъ томъ — и странное дѣло, въ особенности благодаря маленькимъ записочкамъ кн. Долгорукова, дѣло начинаетъ выясняться и система контръ-проекта становится довольно порядочною.

Въ засѣданіи главнаго комитета сегодня, по распоряженію великаго князя, было предназначено быть гг. Соловьеву и Семенову, для дачи объясненій по цифрамъ, представленнымъ М. Н. Муравьевымъ. Сей послѣдній протестовалъ, сказалъ, что въ такомъ случаѣ его присутствіе будетъ лишнимъ и т. д. Затѣмъ, гг. Соловьевъ и Семеновъ остались подъ спудомъ.

13-го ноября. Утромъ, послѣ обѣдни, у министра. Заѣзжалъ къ княгинѣ Суворовой. Видѣлъ ея дочь княгиню Голицыну. Не замѣтно, чтобы она слишкомъ горевала. Особенности ея супруга не подлежатъ сомнѣнію.

Вечеромъ, съ 10 до 1 ч. ночи, у министра съ кн. Долгоруковымъ. Почти можно было-бы заплатить деньги за право присутствовать при происходившемъ совѣщаніи. Ген. Муравьевъ, столь

храбрый въ разговорахъ съ нами, чинами его вѣдомства, игралъ роль оторопѣвшаго столоначальника. Кн. Долгоруковъ, съ полунаивнымъ апломбомъ недальновиднаго звѣздоносца, посматривалъ на него по временамъ, какъ на плохаго столоначальника. Первый постоянно разсыпался „вашими сіятельствами", сидѣлъ en trois quarts, что поляки называютъ w pół dupka, махалъ руками и скрещивалъ руки. Второй все говорилъ „Михаилъ Николаевичъ" и не жестикулировалъ. Однимъ словомъ, при извѣстномъ умѣ и пресловутой крутости ген. Муравьева, вся дѣятельность въ этой трехчасовой сценѣ принадлежала кн. Долгорукову и мнѣ. Ген. Муравьевъ игралъ роль des comparses dans un ballet italien.

14-го ноября. Вечеромъ заходилъ къ министру, но, къ счастью, не на долго. Въ первый разъ удалось ускользнуть оттуда ранѣе полуночи.

15-го ноября. Цѣлый день за работою, кромѣ часовой аудіенціи у министра утромъ, посѣщенія департаментовъ и вечерней аудіенціи у кн. Долгорукова. Въ полночь ѣздилъ ужинать къ Ославинымъ. Написалъ на курьерскихъ половину пояснительной записки къ проекту Долгоруково-Муравьевскому.

Кн. Долгоруковъ мнѣ показывалъ привезенный изъ Крыма ген.-адъют. Тотлебеномъ циркуляръ волостнаго правленія сельскимъ, подписанный татариномъ, и въ которомъ излагалась ссылка на выраженія, когда-то употребленныя государемъ, по вопросу о выселеніи татаръ. Его величество изволилъ высочайше находить это выселеніе весьма благопріятнымъ событіемъ. Его мнѣніе, бюрократическимъ путемъ, черезъ генералъ-губернатора, губернатора и т. д., дошло до сельскихъ управленій, подобно тому, какъ въ 1855 г. въ Вологодской губерніи сельскія власти сносились бумагами о подпискѣ на журналъ „Le Nord", тогда патронизированный правительствомъ.... На Гернгроса собираются тучи. Онъ, со свойственною ему легкопядностью, также изволилъ публично отзываться о воззрѣніяхъ на предметъ.

16-го ноября. Утромъ у министра и въ деп-тахъ. Впрочемъ день, какъ вчера, за работой. Кончилъ записку. Сообщеніе Тотлебена о крымскихъ дѣлахъ прислано къ министру отъ государя, съ разными резолюціями; между прочимъ, противъ статьи объ отзывахъ Гернгроса: „просто глупо; слѣдуетъ строго замѣтить". На копіи съ циркуляра волостнаго правленія написано: „ни съ чѣмъ не сообразно", и т. д.

Булыгинъ спрашивалъ, что я думаю о возможности подать государю протестъ, приблизительно съ 6-ю сотнями подписей, про-

тивъ проекта редакціонныхъ комиссій. Объ этомъ предположеніи ему говорилъ Апраксинъ, орловскій предводитель. Въ протестѣ предполагается, въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, обѣщать его императорскому величеству постараться исполнить его волю, но заявить, что дѣло станетъ вверхъ дномъ. Какими забавами люди тѣшатся! Я сказалъ Булыгину, что для подобнаго подвига теперь или еще рано, или уже поздно, и что вообще я никогда не совѣтую употреблять будущаго наклоненія въ глаголахъ.

17-го ноября. Утромъ у кн. Долгорукова. Потомъ у министра; затѣмъ въ деп-тахъ. Вечеромъ до 2-го часа у министра съ Булыгинымъ и Нееловымъ. Булыгинъ приносилъ опроверженіе, сдѣланное имъ на замѣчанія гг. Соловьева, Семенова и К° противъ его замѣчаній на результаты примѣненія системы редакціонныхъ комиссій къ нѣкоторымъ частнымъ имѣніямъ. Слабый трудъ.

18-го ноября. Утромъ у министра. Вечеромъ, до 2-хъ час. у министра съ кн. Долгоруковымъ. Ils sont bien durs à cuire.

19-го ноября. Утромъ у министра. Потомъ въ деп-тахъ.

Вчера былъ у меня ген. Тотлебенъ. Онъ говоритъ, что Гернгросъ никого не слушалъ и никого слушать не хотѣлъ въ Крыму, что тамъ всѣ противъ него, кромѣ губернатора, который совершенно подъ его вліяніемъ.

Сегодня пріѣзжалъ ко мнѣ въ министерство Шуваловъ, для сообщенія записки, составленной имъ въ опроверженіе пояснительной записки редакціонныхъ комиссій. За нимъ присылалъ на-дняхъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ, для объясненій по крестьянскому дѣлу.

Вечеромъ у министра. Кн. Долгоруковъ говорилъ ему, что гр. Панинъ связанъ даннымъ обѣщаніемъ. Вѣроятно—обѣщаніями. Онъ обѣщалъ одно, ему обѣщано другое.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи главнаго комитета была рѣчь о цифрахъ редакціонныхъ комиссій. Ген. Чевкинъ принялъ на себя защиту этихъ цифръ. Ген. Муравьевъ и кн. Гагаринъ оспаривали ихъ правильность. Вел. князь горячо за комиссію заступался. Тогда гр. Панинъ, бывшій шесть мѣсяцевъ предсѣдателемъ комиссій, объявилъ, что цифры невѣрны, къ дѣлу непригодны и правительствомъ объявлены быть не могутъ. Разошлись, опредѣливъ, что въ понедѣльникъ, послѣ завтра, будутъ заниматься вопросомъ о выкупѣ, для препровожденія времени, чтобы дать отсрочку въ три или четыре дня членамъ, не одобряющимъ цифръ комиссій, для представленія своихъ мнѣній о способахъ исправленія этихъ цифръ или замѣны ихъ другими. Моя пояснительная записка,

наконецъ, пошла въ ходъ. Министръ сообщилъ ее кн. Гагарину, а завтра посылаетъ гр. Адлербергу.

24-го ноября. Утромъ во дворцѣ великихъ княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, для поздравленій. Встрѣтилъ тамъ гр. Сергія Григорьевича Строгонова. „Comment allez vous?“ —„Assez mal. m. le Comte.“—„On vous use, mais on n'use pas de vous“.

— „Je ne suis pas le seul, auquel cela arrive“.

Н. А. Милютинъ получилъ вчера отъ неизвѣстнаго 50 т. р. при письмѣ, въ которомъ изъявляется особое къ нему уваженіе и при томъ оговаривается, что этотъ даръ есть только задатокъ, что даритель давно далъ мѣсто Милютину въ своемъ завѣщаніи, но что, по случаю продолженія жизни его, дарителя, по настоящее время, онъ не хотѣлъ медлить долѣе таковымъ заявленіемъ своихъ чувствъ и т. д. Предполагаютъ, что даритель и завѣщатель N.N.

Вечеромъ у министра (Муравьева) до 1 ч. ночи. Утомительно съ нимъ имѣть дѣло. Онъ сегодня цѣлый часъ доказывалъ, по вопросу о выкупномъ проектѣ, что 2×2 не 4, а 5, или, другими словами, „что если изъ ссуды въ 80 тысячъ руб., выданной подъ залогъ имѣнія, останется въ моментъ выкупа въ долгу 10 тысячъ, то съ переводомъ этихъ 10-ти тысячъ на крестьянъ, съ разсрочкою на 33 года, придется платить, для погашенія, то-же самое, что прежде платилось за 80 т. рублей“. Объ этомъ сегодня главный комитетъ толковалъ цѣлыхъ два часа и не разъяснилъ дѣла, вѣроятно, благодаря ген. Муравьеву.

25-го ноября. Ко мнѣ пріѣзжалъ Гагемейстеръ. Онъ говоритъ, что министръ финансовъ сегодня повезъ къ государю какія-то двѣ многознаменательныя записки, о представленіи коихъ онъ, Гагемейстеръ, заботится два года. Посмотримъ, что̀ изъ нихъ будетъ.

26-го ноября. Утромъ у министра. Опять какія-то перемѣны. У него и у кн. Долгорукова не достаетъ духа завершить начатое дѣло. Ген. Муравьевъ называетъ редакціонныя комиссіи граб—лями, распространяется о святости правъ собственности помѣщиковъ, даже вздыхаетъ объ убыткахъ гр. Шереметева и кн. Юсупова. Но какъ скоро только ему напомнятъ о государѣ или заговорятъ о возраженіяхъ противъ его проекта, всѣ прежнія разсужденія и воздыханія предаются забвенію: онъ самъ начинаетъ распоряжаться цифрами надѣловъ еще безцеремоннѣе, чѣмъ редакціонныя комиссіи. Основная идея его системы — minimum надѣла. Поэтому сначала была принята $^1/_3$ высшихъ надѣловъ комиссій или ихъ собственный

минимумъ. Теперь мы незамѣтно добрались до $^2/_3$. Сперва дошли до $^1/_2$, потомъ приняли $^2/_3$. „Principiis obsta“,—для этихъ господъ арабская фраза.

Былъ у гр-ни Анрепъ-Ульмтъ, по ея просьбѣ, для совѣщанія, по ея желанію, купить какое-то казенное имѣніе въ Лифляндіи. Потомъ у ген. Ливена, просить его не препятствовать производству въ генералы полковника Штакельберга. Потомъ въ д-тахъ. Остальную часть дня за работой, дома, усиливаясь облечь въ логическую форму разныя нелогическія хотѣнія министра. Несносное ремесло!

27-го ноября. Утромъ у обѣдни. Потомъ у министра. Вечеромъ у него-же. Теперь и $^2/_3$ мало. Въ черноземныхъ губерніяхъ онъ требуетъ почти болѣе высшаго надѣла редакціонныхъ комиссій и ребячески старался меня увѣрить, что „мы съ вами на это были согласны,—сами это признавали, думали и т. д.“ Все это вслѣдствіе новаго визита кн. Долгорукова и желанія поддѣлаться подъ предполагаемыя воззрѣнія государя. И все это при продолженіи толковъ о системѣ, изъ которой ничего не остается на практикѣ, коль скоро устраняется основная идея минимума, ибо безъ этого минимума не можетъ быть повода и побужденія къ добровольнымъ соглашеніямъ. Наконецъ, все это тѣмъ безразсуднѣе, что возникаетъ единственно отъ трусливаго опасенія одержать желаемую побѣду. Кн. Долгоруковъ объяснялся съ вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, и, какъ видно, съ государемъ. Его величество смотритъ на дѣло благопріятно. Его высочество, вслѣдствіе сего, уступчивъ. Очевидно, что тотъ именно фактъ, что проектъ кн. Долгорукова и ген. Муравьева готовъ въ параграфной формѣ и потому не только можетъ быть внесенъ въ государственный совѣтъ, но, по всей вѣроятности, имъ будетъ принятъ, испугалъ (?) партію редакціонныхъ комиссій. Эта партія разсчитывала на невозможность своевременно противупоставить готовые §§ ея готовымъ статьямъ. Для этого тянулось дѣло и самое печатаніе ея проектовъ до открытія засѣданій главнаго комитета. Маневръ не удался,—потому что я оказался въ распоряженіи ген. Муравьева. Inde нынѣшняя уступчивость. Но кн. Долгоруковъ и ген. Муравьевъ, вмѣсто сознанія выгодъ своего положенія и памятованія своихъ „принциповъ“, робѣютъ передъ мыслью, что „могутъ сказать“ государю, что они „даютъ мало земли крестьянамъ“. Они до того поверхностны и легкопядны, что совершенно забыли, вчера и сегодня, что комиссіи установили двѣ нормы, высшую и низшую, и сравниваютъ свою собственную норму только съ высшею, потому что она напечатана первою, и имъ виднѣе,

чѣмъ низшая напечатанная второю (sic,—безъ всякаго преувеличенія)! Они для исправленія проекта „грабительствующихъ", по ихъ мнѣнію, комиссій, готовы грабительствовать болѣе ихъ, и обратить крайній предѣлъ эластичныхъ нормъ комиссій въ твердую обязательную норму. Все это во имя уваженія къ правамъ собственности и заботливости объ интересахъ помѣщиковъ.

Видѣлъ у министра одного изъ депутатовъ юго-западныхъ губерній, г. Гробянко, который вмѣстѣ съ Булыгинымъ представлялъ какія-то соображенія и предположенія по предмету проекта мѣстнаго положенія для ю.-з. генералъ-губернаторства. Мнѣ нѣсколько смѣшно было смотрѣть на г. Гробянко, который, повидимому, человѣкъ умный и спокойный. Il prend le ministre au sérieux.

28-го ноября. Утромъ въ Зимнемъ дворцѣ, на панихидѣ по случаю 40 дней послѣ кончины императрицы Александры Ѳеодоровны. Множество народа. Видѣлъ тамъ въ первый разъ князя Орлова-сына и Д. А. Милютина, товарища военнаго министра. Видѣлъ также И. С. Мальцова, съ которымъ не встрѣчался года два. Постарѣлъ и съежился. На меня произвело непріятное впечатлѣніе то, что онъ и умственно какъ-то съежился. Отъ него какъ будто пахнетъ теперь мелочнымъ и близорукимъ эгоизмомъ холостяка-старикашки, который кромѣ своего кармана ничего не любитъ и кромѣ своихъ обыденныхъ интересовъ ничего знать не хочетъ. Изъ дворца отправился въ департаменты. Вечеромъ у министра. Онъ, по обыкновенію, (говоритъ не правду) и мѣняетъ свои взгляды и рѣчи.

29-го ноября. Утромъ въ департаментахъ. Вечеромъ получилъ отъ кн. Долгорукова записку, въ которой онъ конфиденціально спрашиваетъ, готовъ-ли ген. Муравьевъ представлять многоизмѣненный контръ-проектъ. Но министръ, у котораго я былъ потомъ до 1 ч. ночи, избралъ именно сей день для новаго пересмотра нѣсколькихъ десятковъ статей и для изобрѣтенія разныхъ amendements, которые онъ имѣетъ въ виду представить отдѣльно, подписавъ, впрочемъ, контръ-проектъ вмѣстѣ съ кн. Долгоруковымъ и что еще изумительнѣе, заявивъ за общимъ, кн. Долгорукова и его. ген. Муравьева, подписомъ, о представленіи этихъ „поправокъ". Конечно, кн. Долгоруковъ на это не можетъ согласиться, но одна мысль о такомъ безобразномъ способѣ дѣлать дѣла характеризуетъ славящагося своею дѣловитостью и практичностью, министра государственныхъ имуществъ.

30-го ноября. Кн. Долгоруковъ однако-же согласился и на представленіе проекта при этой запискѣ, т. е. съ оговоркою ми-

нистра государственныхъ имуществъ насчетъ его отдѣльныхъ соображеній. Записка подается и проектъ представляется, повидимому, завтра.

Утромъ былъ у министра. Потомъ въ департаментахъ. Вечеромъ у министра, при совѣщаніи его съ ген.-адъют. Чевкинымъ, министромъ финансовъ и ст.-секр. Брокомъ, по выкупному вопросу. Съ 10 до 12 ч. ночи шли толки о томъ, имѣетъ-ли или не имѣетъ министерство государственныхъ имуществъ излишки на крестьянское дѣло и можетъ-ли оно, для пособія выкупу, ежегодно давать по 2 милліона. Потомъ Чевкинъ замѣтилъ, что въ случаѣ выдачи этихъ 2-хъ мил. руб. ежегодно, вмѣсто выкупныхъ облигацій, нужно еще разрѣшить другой вопросъ—о способѣ и порядкѣ выкупа свидѣтельствъ. Ген. Муравьевъ полагалъ, что можно это опредѣлить впослѣдствіи. Но Чевкинъ настоялъ на разсмотрѣніи этого вопроса. Тогда министръ вдругъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „да мы попросимъ Петра Александровича намъ это сообразить". Такимъ образомъ, внезапно выпало на мою долю соображеніе амортизаціоннаго проекта. Назначено представить его при вторичномъ собраніи, въ будущую пятницу или субботу. Двое сутокъ для подобнаго дѣла, при моей настоящей жизни и другихъ требованіяхъ министра! Проекта, конечно, не составить. Но нѣкоторыя соображенія все-таки придется представить.

1-го декабря. Утромъ былъ у (Евгенія Ивановича) Ламанскаго, въ банкѣ, чтобы съ нимъ посовѣтоваться насчетъ главной мысли, на которой я остановился по выкупному вопросу. Потомъ въ департаментахъ. Вечеромъ у министра. Проектъ мѣстнаго положенія, наконецъ, представленъ. Кн. Долгоруковъ подписалъ оный первымъ. Михаилу Николаевичу не очень хотѣлось подписывать. Онъ все тѣшился мыслью о какихъ-то новыхъ уступкахъ Чевкина и проч. Но нечего было дѣлать,—и онъ руку приложилъ въ свою очередь.

2-го декабря. Утромъ у министра. Потомъ въ департаментахъ До 4-хъ ч. ночи работалъ надъ составленіемъ разсчетовъ по выкупному вопросу.

Въ главномъ комитетѣ ежедневныя столкновенія между М. Н. Муравьевымъ и предсѣдателемъ комитета. По словамъ министра, онъ не поддается и не уступаетъ. Вѣрю, что онъ не уступаетъ, но не вѣрю тому, чтобы за нимъ, какъ онъ разсказываетъ, оставалось послѣднее слово въ спорахъ

Въ Крымъ посылаютъ, какъ слышно, кн. Васильчикова (Виктора Иларіоновича), для принятія мѣръ къ остановленію татаръ,

по соглашенію съ ген.-губернаторомъ. Министру и его товарищу этотъ оборотъ дѣла не нравится. Ген. Зеленый увѣряетъ, что Васильчиковъ не поѣдетъ, и что ему ѣхать не зачѣмъ.

Утромъ видѣлъ у министра И. М. Толстаго, съ которымъ имѣлъ длинный разговоръ, въ ожиданіи призыва къ генералу, который въ то время занимался татарами. Изъ словъ Толстаго видно, что онъ довольно подробно знаетъ о ходѣ дѣлъ въ главномъ комитетѣ. Вашъ министръ тамъ оппонируетъ, сказалъ онъ.—Да, но la donna e mobile...—Однако-же, когда la donna на время вышла замужъ за князя, то хоть нѣсколько времени въ супружествѣ останется.—Говоря вообще о ген. Муравьевѣ, Толстой довольно ясно выразилъ убѣжденіе, что его мало уважаютъ, но присовокупилъ, что въ преніяхъ онъ имѣетъ передъ другими особаго рода выгоду. „Il plie, quand on tape dessus, mais il recommence, comme si on ne l'avait pas tapé. Il est toujours furieux, mais il ne se fâche jamais".

3-го декабря. Вечеромъ у министра, при вторичномъ засѣданіи Чевкина, Княжевича и Брока. Къ нему былъ приглашенъ и Рейтернъ. Внесено мнѣніе Чевкина, который предлагалъ замѣнить облигаціи 5% банковыми билетами, съ негласнымъ (т. е. не законодательно гласнымъ) предоставленіемъ дворянству права просить продажи оныхъ черезъ банкъ, при покрытіи казною могущихъ произойти убытковъ отъ продажи ниже pari. Затѣмъ представлена составленная мною пояснительная таблица, по предмету предположенія ген. Муравьева. Положено: оба мнѣнія внести на дальнѣйшее разрѣшеніе главнаго комитета.

7-го декабря. Министръ нездоровъ. Я давно уже замѣчаю, что онъ опускается. Усиленныя занятія и въ особенности тревожное состояніе духа, неувѣренность въ будущемъ, мало-по-малу утверждающееся въ немъ убѣжденіе, что государь его терпитъ, но не жалуетъ,—быстро снѣдаютъ его силы. При его комплекціи со дня на день можетъ разразиться ударъ.

Онъ прислалъ мнѣ 2-ю часть мнѣнія гр. Панина. Гораздо грамотнѣе первой, но не логичнѣе.

Въ городѣ носятся разнородные слухи о новыхъ назначеніяхъ. Говорятъ, что на-дняхъ Шуваловъ будетъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, а (Н. А.) Милютинъ государственнымъ секретаремъ. Княжевичъ будто-бы уходитъ.

8-го декабря. Работалъ дома. Въ 7-мъ часу пріѣхалъ ко мнѣ кн. Долгоруковъ, чтобы условиться насчетъ продолженія моего редакторскаго труда по Положеніямъ западному, юго-западному, малороссійскому и войска Донскаго. Обѣдалъ у Вяземскихъ, въ

8 часовъ, одинъ, потому что опоздалъ къ обѣду коллегіей. Вечеромъ были у меня Рибопьеръ и Булыгинъ. Потомъ былъ у министра, по обыкновенію, до 1 ч. ночи.

9-го декабря. Вечеромъ у кн. Долгорукова и у министра. Читалъ тѣ знаменитыя двѣ записки, которыя министръ финансовъ представилъ государю и о которыхъ Гагемейстеръ говорилъ мнѣ 25 ноября. Трудно придумать болѣе жалкія произведенія. Въ одной изъ нихъ предлагается, для уменьшенія отплыва золота за границу съ нашими absentees, установить сборъ съ заграничныхъ паспортовъ въ размѣрѣ отъ 12 до 15 рублей за полугодіе. Въ другой, послѣ самыхъ безпомощныхъ возгласовъ и самаго ребяческаго плача о состояніи нашихъ финансовъ, предлагаются для приведенія ихъ къ лучшему кое-какія общія мѣста, и опять пошлина на заграничные паспорты. Замѣчательно, что между прочимъ министръ финансовъ указываетъ на нѣкоторыя мѣры, принятіе коихъ непосредственно отъ него зависѣло и зависитъ (напр. поощреніе желѣзодѣлательной промышленности и золотыхъ промысловъ), но которыхъ онъ не принималъ, которымъ онъ даже противодѣйствовалъ (напр. не разрѣшая вопроса о золотыхъ промыслахъ въ Киргизской степи и удерживая дифференціальный сборъ съ добываемаго золота на Уралѣ и въ Сибири), и которыхъ даже теперь не предлагаетъ принимать прямо отъ себя, но вноситъ на усмотрѣніе всей коллегіи министровъ и главноуправляющихъ.

Государь передалъ эти записки на обсужденіе комитета финансовъ.

10-го декабря. Сегодня былъ зимній парадъ и на пути въ мин-во я видѣлъ, какъ и въ прошломъ году, значки, каски и латы кирасирскихъ полковъ въ движеніи на Адмиралтейской площади.

Вечеромъ у министра. Его здоровье оправилось. Онъ и расхо дился по прежнему. Опять спрашиваю: на долго-ли?

11-го декабря. Утромъ у обѣдни. Передъ обѣдомъ былъ у гр. Нессельроде и у m-me Kalergi. Странно сложены наши государственные люди. Гр. Нессельроде мнѣ говорилъ еще сегодня, что, по его мнѣнію, слѣдовало-бы вести крестьянскій вопросъ сице: сперва сдѣлать инвентари, потомъ позволить выкупаться за столько-то, потомъ отпустить совсѣмъ на волю. Эти господа, какъ зрители въ театрѣ, когда на сценѣ движутся декораціи, проходятъ люди, совершаются событія. Все это для нихъ только зрѣлище. Они остаются неподвижными въ своихъ нумерованныхъ креслахъ и неизмѣнными въ своихъ очерствѣлыхъ понятіяхъ.

Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ Огаревъ, который продолжаетъ хлопотать о своемъ пермскомъ дѣлѣ.

12-го декабря. Вечеромъ у министра. Слышалъ отъ него, что вчера къ нему пріѣзжали кн. Долгоруковъ, Панинъ, Гагаринъ и Бутковъ, для объясненій по крестьянскому дѣлу, и что N. N., повидимому, начинаетъ сомнѣваться въ успѣхѣ защищаемыхъ имъ началъ. Государь будто-бы не говоритъ съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и N. N. старается поладить съ Панинымъ, которому государь оказываетъ непостижимое довѣріе.

Между тѣмъ этотъ самый Панинъ, восемь мѣсяцевъ предсѣдательствовавшій въ редакціонныхъ комиссіяхъ, подалъ мнѣніе, опровергающее ихъ цыфры, а теперь согласился подвергнуть это мнѣніе критикѣ дѣлопроизводителя комиссій Семенова, и состязался съ нимъ, непобѣдоносно, въ присутствіи великаго князя. Панинъ разсказывалъ министру, при Долгоруковѣ, что для отмщенія Семенову онъ устроилъ въ своемъ присутствіи другое ратоборство между (Петр. Петр.) Семеновымъ и его братомъ (Никол. Петр. Семеновымъ который служитъ въ мин-вѣ юстиціи и не раздѣляетъ мнѣній своего брата.

Муравьевъ сказалъ мнѣ, кромѣ того, что Панинъ говорилъ ему обо мнѣ какъ о человѣкѣ, котораго слѣдовало бы назначить государственнымъ секретаремъ на мѣсто Буткова, который оставляетъ эту должность. Панинъ прибавилъ, что меня хвалитъ, хотя мы не знакомы и не кланяемся. Кн. Долгоруковъ сегодня спросилъ министра, не говорилъ-ли ему государь обо мнѣ при докладѣ? Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ фельдъегерь, который привезъ министру приказаніе быть у государя завтра, въ 11 часовъ.

13-го декабря. Государь объявилъ министру, что онъ хочетъ меня назначить управляющимъ дѣлами комитета министровъ, на мѣсто умершаго сегодня или вчера Суковкина. Alea jacta по новому направленію. Да благословитъ Богъ меня на новомъ поприщѣ.

Утромъ у министра. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ за работою, у министра, и опять за работою.

14-го декабря. Утромъ у министра. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ опять у министра.

Государь уѣхалъ на охоту вчера. Сегодня вернулся. Въ Лисинѣ была рѣчь обо мнѣ, и ген. Зеленый сказалъ его величеству то же, что сказалъ ему вчера ген. Муравьевъ, а именно, что меня слѣдовало бы назначить министромъ финансовъ, а не управляющимъ дѣлами комитета министровъ „на три недѣли“ (?!). Министръ послалъ сегодня къ государю записку, въ которой

излагалась просьба оставить меня предсѣдателемъ ученаго комитета мин-ва госуд. имуществъ, чтобы не совершенно разрывать связи между министерствомъ и мною. Государь возвратилъ записку въ тотъ же вечеръ, съ изъявленіемъ согласія.

15-го декабря. Обѣдалъ у гр. Нессельрода, съ Тимашевымъ, Герштенцвейгомъ, Хрептовичемъ и m-me Kalergi. Она мало измѣнилась, хотя теперь уже попала въ бабушки. Насъ сближали, сегодня, общія варшавскія воспоминанія.

16-го декабря. Вечеромъ у министра. Составленная мною для него и для кн. Долгорукова записка по литовскому проекту уже представлена главному комитету. Записка по юго-западному проекту мною сегодня окончена.

Назначеніе мое отсрочено, говорятъ, до 31 декабря. Помощникъ Суковкина, Тарновскій, не хочетъ оставаться при мнѣ, а министръ выпросилъ у государя оставленія меня при настоящихъ занятіяхъ до новаго года. Такимъ образомъ избѣгается встрѣча съ Тарновскимъ въ комитетѣ.

17-го декабря. Гернгросъ былъ у государя и имъ хорошо и ласково принятъ. Я радъ, что дѣло такъ уладилось, но сожалѣю о томъ, что Гернгросъ смотритъ побѣдителемъ, и побѣдителемъ непобѣдимымъ и непогрѣшимымъ. Опасаюсь этой увѣренности. Коловратны здѣшнія судьбы.

Вечеромъ у министра. Кн. Орловъ, гр. Блудовъ, Бутковъ,— недовольны моимъ назначеніемъ. Понятно. Въ городѣ даже говорятъ, что я усердно искалъ его разными путями. Еще понятнѣе. По видимому, не подозрѣваютъ, что подалъ о томъ мысль государю кн. Долгоруковъ. Для меня это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Шуваловъ пріѣзжалъ ко мнѣ вчера совѣтоваться насчетъ всеподданнѣйшаго представленія, которое онъ намѣренъ сдѣлать, по случаю циркулярнаго сообщенія министромъ внутреннихъ дѣлъ высочайшаго повелѣнія о предварительномъ составѣ губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Шуваловъ хочетъ просить дозволенія дворянству выбрать всѣхъ членовъ отъ дворянъ, вмѣсто назначенія двухъ изъ нихъ отъ правительства. Я совѣтовалъ ему, вопервыхъ, — не представлять прямой всеподданнѣйшей просьбы государю, а обратиться съ нею по порядку къ мин-ру внутр. дѣлъ, для всеподданнѣйшаго доклада, и, во вторыхъ,— просить не о дозволеніи дворянству избирать бо̀льшее число членовъ, а о назначеніи членовъ отъ короны, не стѣсняясь уже принадлежностью ихъ къ тому или другому губернскому дворянству, т. е. назначая такимъ образомъ мѣстныхъ дворянъ не parceque,

но quoique мѣстныхъ. „Тогда только, сказалъ я Шувалову, вы будете представителемъ дворянства, какъ корпоративнаго лица. Если въ составѣ этой корпораціи могутъ быть найдены представители двухъ родовъ, одни по назначенію своихъ сочленовъ, другіе по назначенію отъ короны, — то вы сами уже не предводитель цѣлой корпораціи, а только той части оной, которой правительство противопоставляетъ представителей, имъ избранныхъ изъ другой ея части".

Въ засѣданіи главн. комитета сегодня, гр. Панинъ и вел. кн. Константинъ Николаевичъ сдѣлали опытъ соглашенія на основаніи новыхъ цыфръ надѣла, придуманныхъ первымъ изъ нихъ, или, — что все равно, — Топильскимъ, который уже цѣлую недѣлю запрещаетъ тревожить себя дѣлами мин-ва юстиціи, потому что слишкомъ занятъ крестьянскимъ дѣломъ. Это scandalum magnum произвольнаго переработыванія цыфръ редакц. комиссій, выработанныхъ ими въ 2 года, ихъ бывшимъ предсѣдателемъ, въ 1 недѣлю, а потомъ новой передѣлки оныхъ, въ 3 дня, при содѣйствіи гг. Топильскаго, С — ва и К°, — имѣлъ слѣдующій результатъ: Голоса раздѣлились: 6 и 4. За цыфры гр. Панина: вел. князь, мин-ръ внутр. дѣлъ, гр. Блудовъ, Чевкинъ, самъ Панинъ и гр. Адлербергъ. Противъ нихъ: кн. Долгоруковъ, кн. Гагаринъ, Муравьевъ и Княжевичъ. Перевѣсъ однимъ голосомъ оказался случайнымъ. Вѣчно спящій въ комитетѣ гр. Адлербергъ не вслушался въ предложенный вопросъ и ошибочно записанъ въ число членовъ, мнѣнія коихъ онъ не раздѣлялъ.

18-го декабря. Утромъ у обѣдни. Потомъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ. Вечеромъ у министра.

Сенаторъ Хрущовъ, давно страдающій обратившимся внутрь честолюбіемъ, и вслѣдствіе сего недуга постоянно порывающійся на разныя продѣлки, которыя могутъ заставить вспомнить и говорить о немъ, теперь ополчился на крестьянскій вопросъ.

19-го декабря. Муравьевъ разсказалъ мнѣ, что онъ сегодня рѣшился безъ обиняковъ объяснить его величеству причины кореннаго разногласія его и кн. Долгорукова съ редакціонными комиссіями и нѣкоторыми членами комитета, — не только по вопросу о цыфрахъ надѣла, но и по всѣмъ главнымъ частямъ системы. Онъ упомянулъ о политическихъ сторонахъ вопроса, сказалъ, что государю дѣло докладывается невѣрно, что обращаемое къ нему и кн. Долгорукову обвиненіе въ стараніи замедлить разрѣшеніе дѣла или, по крайней мѣрѣ, въ замедленіи онаго предложенными ими отступленіями отъ проекта редакціонныхъ комиссій, ни на чемъ не основано, указалъ на несообразность измѣненій, предпринятыхъ

гр. Панинымъ и К° въ цыфрахъ комиссій, наконецъ заявилъ о поданныхъ уже имъ особыхъ мнѣніяхъ и о тѣхъ, которыя онъ намѣренъ на дняхъ представить.

Государь, по увѣренію министра, казался пораженнымъ тѣмъ, что сей послѣдній ему говорилъ.

Въ будущій четвергъ будетъ обсуживаться, въ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта министровъ, вопросъ о готовящемся, къ веснѣ будущаго года, возстаніи всѣхъ славянъ въ Турціи. Возстаніе подготовляется по типу Гарибальдійскаго поднятія Италіи. Сюда прибыли уполномоченные, испрашивающіе отъ насъ только моральнаго содѣйствія и отъ 300 до 400 тыс. руб. денегъ. Съ императоромъ французовъ подъ рукою (у нихъ) уже происходили, повидимому, сношенія по сему дѣлу и онъ не встрѣчаетъ препятствій...

20-го декабря. Утромъ у министра, потомъ въ д—тахъ. Вечеромъ опять у министра. Онъ занятъ передѣлкою своего особаго мнѣнія, уже раза три передѣланнаго.

21-го декабря. Утромъ у министра и въ д—тахъ. Вечеромъ у министра. Кн. Долгоруковъ сообщилъ ему, что изъ Польши и такъ называемыхъ польскихъ губерній поступаютъ весьма неблагопріятныя свѣдѣнія о тамошнемъ настроеніи умовъ. Надлежитъ ожидать взрыва или взрывовъ при первомъ удобномъ случаѣ или рѣзкомъ къ тому поводѣ.

Между тѣмъ мин-во финансовъ, объявленіемъ о своихъ металлическихъ банковыхъ билетахъ, провозглашаетъ банкротъ въ государствѣ. Повторяю, столько разъ уже сказанное: quem Deus perdere vult, dementat. Тысячелѣтіе Россіи! Памятникъ тысячелѣтію! Этотъ памятникъ будетъ, если не кенотафомъ, то мавзолеемъ.

Получилъ отъ Головнина записку, въ которой онъ увѣдомляетъ меня, что имѣетъ ко мнѣ конфиденціальное порученіе и проситъ быть у него завтра вечеромъ.

22-го декабря. Утромъ у министра и въ д-тахъ. Вечеромъ былъ у Головнина. Порученіе N. N. заключалось въ заявленіи якобы высокаго обо мнѣ мнѣнія, съ присовокупленіемъ, что сожалѣютъ объ оставленіи меня предсѣдателемъ ученаго комитета мин-ва госуд. имуществъ, что это меня поставитъ dans une fausse position и что предполагаютъ, будто-бы здѣсь приняты въ разсчетъ дополнительные оклады. Мнѣ не трудно было объяснить, что дополнительныхъ окладовъ въ виду не имѣлось, что все это сдѣлано, такъ сказать, мимо меня, и что со стороны министра госуд. имуществъ довольно естественно желаніе сохранить какую-нибудь

связь между мин-вомъ и мною. Подъ ночь, по обыкновенію, у министра.

23-го декабря. Утромъ у министра, которому я сообщилъ глухо о дошедшихъ якобы до меня толкахъ насчетъ оставленія меня предсѣдателемъ ученаго комитета, и котораго я просилъ, на этомъ основаніи, уволить меня отъ этого президентства, оставивъ мнѣ, буде онъ всетаки признаетъ оффиціальную связь мою съ министерствомъ необходимою, развѣ только званіе почетнаго члена ученаго комитета. Вечеромъ, по обыкновенію, у министра.

Ланской доложилъ государю представленіе С. Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, гр. Шувалова, о составѣ губернскихъ присутствій.

28-го декабря. Утромъ у министра. Потомъ въ д-тахъ. Вечеромъ опять у министра, гдѣ встрѣтился съ кн. Долгоруковымъ. Отъ ген.-губернатора кн. Васильчикова поступило представленіе, въ которомъ онъ требуетъ обязательнаго выкупа такъ называемаго пѣшаго надѣла въ югозападныхъ губерніяхъ. Это представленіе передано въ главный комитетъ. Кн. Васильчиковъ разсчитываетъ, что для выкупа пѣшихъ надѣловъ 380 тыс. хозяевъ, въ сказанныхъ губерніяхъ, нужно будетъ не болѣе 100 мил. рублей.

29-го декабря. Вечеромъ у министра. Заѣзжалъ къ Грейгу и къ М. Ал. Хитрово.

30-го декабря. Разговоръ съ ген. Зеленымъ насчетъ преобразованія департаментовъ. Онъ находитъ, что нужно отказаться отъ предположеннаго преобразованія и, оставивъ 2-му д-ту и д-ту сельск. хозяйства отдѣльное существованіе, ограничиться передачею нѣкоторыхъ частей изъ хозяйственнаго во второй.

Видѣлъ Паскевича, который повторилъ сказанное мнѣ намедни Ливеномъ, что государь очень грустенъ и безпокоенъ. Причинъ къ тому и другому, конечно, довольно. Вѣсти изъ Польши плохи. На дняхъ Паскевичъ встрѣтился во дворцѣ съ кн. Горчаковымъ. Que veulent donc les polonais?—сказалъ сановникъ.—Ils réclament une université et quelques améliorations dans l'administration du royaume.—Réclament! Je n'admets pas de réclamations.—Trouvez un autre mot, mon prince, mais enfin la chose est certaine.—Point de concessions: c'est un principe, dont jamais je ne me départirai.—Mon prince, on finit alors pas arriver à Gaëte.

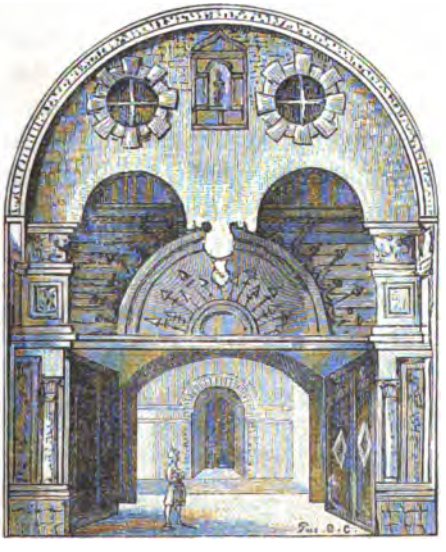
Вечеромъ у министра. Докладывалъ нѣсколько дѣлъ по д-ту сельск. хозяйства и сдавалъ краткій изустный отчетъ о результатахъ моего управленія. Я принялъ всего по двумъ около 6,600 нерѣшенныхъ дѣлъ, со включеніемъ переданныхъ изъ 1-го д-та. Оставляю около 4,000. Счетная часть приведена въ порядокъ, кадастровая,

регуляціонная и люстраціонная—въ правильномъ движеніи. Оброчныя статьи большею частью извлечены изъ прежняго хаоса. Система „надѣловъ“ и мнимаго „уравненія“ неуравнимыхъ сборовъ устранены. Продажѣ въ частныя руки государственныхъ имуществъ положено начало и при этомъ удержано, въ Курляндіи, то право короны, которое мѣстныя власти и дворянство пытались оспаривать. Золотопромышленность открыта въ Пермской губерніи. Наконецъ, преобразованіе сельско-хозяйственной части управленія начато и Петровское—Разумовское пріобрѣтено для будущности. Не совершенно даромъ прошло время и Богъ сподобилъ меня оставить въ министерствѣ государственныхъ имуществъ не злую память. Ему-же хвалу воздаю, и благодареніе, и поклоненіе. Да сподобитъ Онъ съ меня такимъ же чувствомъ оставить за собою и канцелярію комитета министровъ.

31-го декабря. Утромъ у министра. Бѣдная Шереметева лишилась дочери.

Былъ въ Симеоновской церкви для отслуженія молебна. Потомъ въ Казанскомъ соборѣ для обычной молитвы. Потомъ въ д-тахъ. Въ послѣдній разъ, по всей вѣроятности, докладывалъ товарищу министра. Оставилъ за собою, безъ грусти, но не безъ чувства привязанности, тотъ кабинетъ, въ которомъ почти три года сряду проводилъ почти каждое утро. Видѣлъ при прощаньѣ обычныя лица. Надѣюсь ихъ снова увидѣть. Но обстановка уже будетъ другая. Настоящее будетъ прошедшимъ.

П. А. Валуевъ.



ИВАНЪ ЕФИМОВИЧЪ АНДРЕЕВСКІЙ.

Замѣтка къ его біографіи.

Хотя „Русская Старина“ дала на своихъ страницахъ уже двѣ статьи объ И. Е. Андреевскомъ, но ими обѣими далеко не исчерпываются всѣ замѣчательныя черты жизни и заслуги покойнаго. Позволяю себѣ указать, какъ на пропущенное въ оныхъ: на 1) участіе И. Е. въ трудахъ „Коммиссіи по преобразованію церковнаго судоустройства и судопроизводства“ (въ 1870 г.). Пока въ этой комиссіи не взяло перевѣса мнѣніе объ оставленіи церковнаго судопроизводства въ прежнемъ видѣ, пока въ ней шли дебаты о желательномъ примѣненіи и въ духовномъ судѣ образцовъ и формъ однородныхъ съ судопроизводствомъ гражданскаго вѣдомства, Ив. Е—чу, какъ единственному въ составѣ комиссіи представителю юридическихъ наукъ гражданскихъ, слышалъ я, приходилось высказываться по разнымъ вопросамъ нерѣдко, и дебаты его имѣли живѣйшій интересъ. Близко я этого дѣла не знаю, но въ числѣ сотрудниковъ „Русской Старины“, вѣроятно, найдется кто-либо, напр., профес. М. И. Горчаковъ, кто сообщитъ вамъ по этому предмету свѣдѣнія, если не документальныя, то подробныя и достовѣрныя.

2) Занятія И. Е. Андреевскаго въ синодальной архивной комиссіи. Здѣсь ни одно изъ засѣданій, въ которыхъ обсуждались разные вопросы, по устройству синодальнаго архива или разныя мѣропріятія относительно архивовъ провинціальныхъ консисторій, не обходилось безъ компетентнаго и авторитетнаго голоса почтеннаго архивиста, директора Археологическаго института. Его мысли и планы этого рода обыкновенно записывались въ протоколы, изъ которыхъ и могутъ быть извлечены. Можно сказать безъ преувеличенія, что И. Е. Андреевскій въ архивной синодальной комиссіи былъ ближайшимъ сотрудникомъ предсѣдателя комиссіи — академика А. Ѳ. Бычкова.

Н. И. Барсовъ.

17-го августа 1891 г.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1867 г. [1]).

Іюль 2. Воскресенье. Ѣздилъ въ Царское село проститься съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который въ среду отправляется въ Крымъ ко двору императрицы.

3. Понедѣльникъ. Пусть современная наука что хочетъ говоритъ, но сердце человѣческое не выноситъ отсутствія Бога во вселенной.

6. Четвергъ. „Москва“ начала выходить, и первая передовая статья ея направлена, разумѣется, противъ пріостановки газеты.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181.

8. Суббота. Въ 148-мъ номерѣ „Сѣверной Почты“ объявлено предостереженіе „Москвѣ“ за первую ея передовую статью. Очевидно, министерство окончательно рѣшилось не церемониться съ печатью и довести ее до послѣдней, если можно, степени безгласности. Въ предостереженіи не означено даже съ точностью о проступкѣ, по поводу котораго оно дѣлается, а глухо сказано о нарушеніи закона — закона!! — и о намѣреніи правительства твердо поддерживать законъ, т. е. преслѣдовать печать.

Напечатаны новыя правила о земскихъ учрежденіяхъ. Они подчиняются губернскимъ начальствамъ и предводителямъ.

10. Понедѣльникъ. Въ газетахъ нашихъ напечатанъ процессъ Березовскаго. Присяжные признали его виновнымъ со смягчающими обстоятельствами. Онъ приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ. Что значатъ эти смягчающія обстоятельства?

Продажа Николаевской желѣзной дороги; уничтоженіе общества для пособія выкупающимъ имѣнія въ западномъ краѣ; парализація, почти уничтоженіе земскихъ учрежденій; предостереженіе газетѣ „Москва“ — вотъ букетъ событій за послѣднее время. Утѣшительно!

14. Пятница. Рѣчь Араго въ защиту Березовскаго, образецъ того ребяческаго безобразнаго краснорѣчія, въ которомъ что слово, то ложь, и слова нанизаны одно на другое, какъ погремушки для бряцанія и забавы взрослыхъ дѣтей, какими и, дѣйствительно, заявляютъ себя французы. На какой-же низкой степени вкуса — не говоря уже ни о чемъ другомъ — должна стоять публика, которую можетъ занимать подобный калейдоскопъ пустословія въ дѣлѣ серьезномъ, въ дѣлѣ жизни и смерти.

21. Пятница. Отъ человѣка, который не слушается никого и ничего, кромѣ своей воли, равно какъ и отъ того, который слушается всѣхъ и на все согласенъ, ровно ничего нельзя ожидать.

22. Суббота. Величайшая ошибка многихъ, добивающихся значительныхъ мѣстъ, состоитъ въ томъ, что они считаютъ себя людьми способными, тогда какъ они только тщеславны и завистливы.

24. Понедѣльникъ. Нѣтъ свободы безъ злоупотребленій, но нѣтъ и никакого блага безъ свободы.

29. Іюль. Суббота. Весь іюль скверенъ: то холодъ, то ождь, мракъ и вѣтеръ. И нечему тутъ удивляться: Ингерманандія, Финляндія и Лапландія—одно и то-же.

Августъ 4. Пятница. Въ общемъ собраніи академіи наукъ збранъ въ экстраординарные академики В. П. Безобразовъ.

Врядъ-ли человѣку когда приходится раскаяваться въ томъ, что онъ не доѣлъ, не допилъ или не договорилъ, но очень часто въ томъ, что переѣлъ, перепилъ и переговорилъ.

6. Сентябрь. Воскресенье. Обнародованіе въ губернскихъ вѣдомостяхъ свѣдѣній о засѣданіяхъ и преніяхъ земскихъ собраній подчинено цензурѣ губернаторовъ.

9. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе о смерти Александра Николаевича Власова, съ которымъ въ прошедшую пятницу я еще засѣдалъ въ академическомъ правленіи. Это былъ человѣкъ съ рѣдкимъ практическимъ умомъ и честнѣйшимъ сердцемъ. Я лишился въ немъ лучшаго товарища по службѣ, а академія чуть-ли не единственнаго дѣятеля по распорядительной и хозяйственной части. Онъ былъ отличнымъ совѣтникомъ правленія и еще больше добрымъ человѣкомъ. Сколько бѣдныхъ, пользовавшихся его благодѣяніями, теперь будутъ оплакивать его кончину!

10. Четвергъ. Слѣдуетъ-ли слишкомъ осуждать людей, усиливающихся искусственно придавать жизни тѣ украшенія, которыхъ она сама по себѣ лишена? Не есть-ли это средство сдѣлать изъ нея что-нибудь сноснѣе и прикрыть ея страшную наготу, отъ которой у нихъ замерло-бы сердце?

11. Пятница. На похоронахъ Власова въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Со всѣхъ сторонъ слышалось глубокое сожалѣніе и единодушное свидѣтельство, что это былъ умный, честнѣйшій, добрѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ. Ему было шестьдесятъ лѣтъ, но съ виду онъ былъ гораздо моложе. Кокоревъ, въ качествѣ душеприкащика, распоряжался похоронами и пригласилъ всѣхъ знакомыхъ покойнаго на похоронный пиръ на Литейную, въ домѣ князя Голицына. Я очень не люблю всякаго рода пиршествъ, а тѣмъ болѣе похоронныхъ, и хотѣлъ своевременно удалиться, но былъ уличенъ въ своемъ умыслѣ и долженъ былъ уступить требованіямъ другихъ друзей покойнаго.

12. Суббота. О *** можно сказать, что этотъ человѣкъ цѣлую жизнь притворяется добрымъ и умнымъ.

17. Четвергъ. Въ Петербургѣ появилась холера.

19. Суббота. Первое засѣданіе послѣ каникулъ въ отдѣленіи академіи.

Всѣхъ довольными сдѣлать нельзя, но всѣхъ недовольными, къ сожалѣнію, дѣлать можно, но не слѣдуетъ.

23. Среда. Отвратительно холодно. Сѣверо-востокъ такъ и дышетъ всевозможными простудами и мерзостями.

На дняхъ встрѣтился я въ вокзалѣ съ Тютчевымъ (Ѳ. И.), который мнѣ говорилъ, что управленіе по дѣламъ печати не хуже сѣверо-востока дышетъ яростью и злобою на газету „Москву“ за статью въ № 103 противъ распоряженія о томъ, чтобы ничего не печаталось о засѣданіяхъ въ земскихъ учрежденіяхъ безъ разрѣшенія губернаторовъ. Статья въ самомъ дѣлѣ такъ умна, правдива и законна, что должна поднять на себя всю Валуевскую администрацію. Хотятъ сдѣлать второе предостереженіе Аксакову, но не знаютъ, какъ взяться за это.

Илья А.....въ былъ ввергнутъ въ тюрьму за 12 тысячъ долгу. Онъ тамъ просидѣлъ мѣсяцевъ шесть. Наконецъ, его выкупили — кто-же? Въ англійскомъ клубѣ (нѣсколько лицъ) сдѣлали складчину, собрали 12 тысячъ и внесли за А. Что за благотворители—спрашивается? Дѣло въ томъ, что Илья А. взялся ругать новые суды, къ которымъ и безъ того очень не благоволитъ, потому что они за клеветы и разныя другія пакости въ его газетѣ не разъ его преслѣдовали, несмотря на покровительство его патрона...., у котораго А., чортъ знаетъ, чѣмъ состоитъ. А. уже и началъ свою миссію. Онъ такъ разругалъ суды въ двухъ номерахъ своей гаденькой газеты, что его опять отдали подъ судъ.

Сентябрь 4. Понедѣльникъ. Въ 188-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ замѣчательная статья о причинахъ ненависти къ намъ Европы.

Изъ всѣхъ душевныхъ страданій, можетъ быть, самыя тяжкія тѣ, которыя заключаются въ сознаніи нашихъ ошибокъ и понесенныхъ нами вслѣдствіе ихъ утратъ. Но не всякое-ли страданіе человѣкъ обязанъ сносить мужественно?

Думать только о разныхъ невзгодахъ и испытаніяхъ въ жизни, находя въ этомъ какое-то нелѣпое удовольствіе, есть признакъ великаго душевнаго малодушія и слабости. Не слѣдуетъ закрывать глазъ на темную сторону жизни. Напротивъ, надо прямо

заглянуть въ нее, чтобы не быть невѣждою въ существенныхъ вопросахъ, съ которыми сопряжено твое существованіе. Но затѣмъ надо уже думать о мѣрахъ уменьшенія или устраненія зла, а если это невозможно, то стать въ упоръ злу и не позволять ему, по крайней мѣрѣ, идти дальше.

Наилучшій помощникъ въ дѣлахъ своихъ каждый человѣкъ самъ себѣ. Чего сами вы не въ состояніи себѣ сдѣлать, того никто другой для васъ не сдѣлаетъ, если дѣло касается не ремесла или спеціальной услуги, которую вы можете купить или такою-же услугою или деньгами.

5. Вторникъ. Вечеръ у Покровскаго—здѣсь познакомился съ весьма замѣчательнымъ человѣкомъ Оржевскимъ, бывшимъ директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Это очень оригинальная личность—угрюмъ, какъ говорится, неотеса, выражается всегда и обо всемъ рѣзко, судитъ безпощадно, но съ какою-то особенною искренностью. Уменъ, получилъ прочное классическое образованіе въ здѣшней духовной академіи. „Сынъ бѣднѣйшаго, ничтожнаго деревенскаго попа, — говоритъ онъ, — до шестнадцати лѣтъ я ходилъ въ лаптяхъ и терпѣлъ большую нужду, которая слѣдовала за мною по пятамъ и въ духовныхъ училищахъ. Въ какомъ-то сараѣ, за дровами, изучалъ я Цицерона и Ѳукидида — и вообще учился старательно“. По выходѣ изъ академіи баккалавромъ, онъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ князю Кочубею, который скоро замѣтилъ его способности и далъ ему ходъ по службѣ. Несмотря на свою угловатость и безцеремонность съ начальствомъ, онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ въ министерствѣ, гдѣ и пріобрѣлъ репутацію отличнаго администратора. Съ подчиненными онъ былъ взыскателенъ и до крайности грубъ. Можетъ быть это и было причиною, что его огласили взяточникомъ.... Онъ говоритъ, что довольно порядочное состояніе, которымъ теперь владѣетъ, онъ взялъ за женою, дочерью богатаго купца Минаева. Какъ-бы то ни было, за исключеніемъ этой темной стороны его репутаціи—онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми держались у насъ министерства и которые, не бывъ министрами, за нихъ отправляли дѣла.

13. Суббота. Хвольсонъ открылъ сочиненія, переведенныя однимъ мусульманскимъ ученымъ X-го вѣка на арабскій языкъ

съ древняго вавилонскаго, доказывающія, что наука существовала въ Вавилоніи за двѣ тысячи четыреста лѣтъ до Рождества Христова. Переводы мусульманскаго ученаго касаются земледѣлія, а одно трактуетъ о ядахъ и объ астрономіи.

16. Суббота. Пьесѣ Островскаго „Василій Шуйскій и Димитрій Самозванецъ" отказано въ Уваровской преміи. Четыре голоса было за нее и четыре противъ. Я и ожидалъ этого. Нѣкоторые члены прямо объявили, что послѣ отказа въ наградѣ графу Алексѣю Константиновичу Толстому, теперь уже нельзя присудить ее никому другому.

Ужасный случай! Въ запасномъ дворцѣ въ Царскомъ селѣ произошелъ ночью пожаръ и въ немъ сгорѣлъ Чевилевъ. Двухъ его дочерей едва успѣли спасти. Причины и подробности этого происшествія еще неизвѣстны.

18. Понедѣльникъ. Вотъ до чего доходятъ остзейскіе нѣмцы. Имъ до того не понравилось распоряженіе правительства (едва-ли не въ десятый разъ дѣлаемое) о признаніи въ ихъ краю русскаго языка! оффиціальнымъ, что они угрожаютъ возстаніемъ въ союзѣ съ Германіею. См. газету „Москва" № 129.

Въ трудныя времена (1867) мы живемъ: поляки, нѣмцы—наши враги; враждебно смотритъ на насъ вся Европа; страшный упадокъ финансовъ; возбужденіе разныхъ вопросовъ безъ рѣшеній почти во всѣхъ общественныхъ и административныхъ сферахъ; ни одного истинно государственнаго способнаго человѣка, который-бы здравымъ смысломъ своимъ и патріотическимъ чувствомъ помогалъ лучшему изъ государей нести его тяжелое историческое бремя. Вотъ когда приходится Россіи повторять стихъ Димитріева въ его одѣ „Освобожденіе Москвы":

„Спасай меня, о геній мой!"

Земство наше не есть представитель простаго народа, но оно — соединеніе всѣхъ сословій: простаго народа, дворянства, мѣщанства, купечества и бѣлаго духовенства. Землевладѣльцы—крестьяне-собственники и помѣщики—составляютъ только фонъ, на которомъ рисуются и движутся всѣ другіе оттѣнки нашей народности. И благо намъ, если мы не породимъ здѣсь сословныхъ антагонизмовъ и розни, о которыхъ такъ хлопочетъ „Вѣсть".

Въ какую-бы глубину и даль не уносилась моя мысль, въ какія-бы отвлеченности она не вдавалась на счетъ судьбы и

исторіи человѣчества, она всегда, постоянно обращается къ отечеству, къ Россіи. И тутъ, или свѣтлая надежда озаряетъ ее или она поражается сомнѣніемъ и страхомъ за будущность страны. Призвана-ли Россія участвовать во всеобщемъ развитіи человѣчества въ его нравственномъ и умственномъ созрѣваніи и въ какой формѣ выразится это участіе?

19. Вторникъ. Въ Царскомъ селѣ на похоронахъ Чевилева. Похоронили не трупъ, а нѣсколько обгорѣлыхъ костей. Вотъ, насколько мнѣ извѣстны, подробности о его смерти. Возвратясь вечеромъ съ прогулки изъ Павловска съ обѣими своими дочерьми (жена была въ Петербургѣ), онъ, по обыкновенію, велѣлъ лакею натереть себя спиртомъ и въ двѣнадцать часовъ легъ въ постель. Далѣе идутъ уже предположенія. Онъ не имѣлъ привычки читать въ постели, но на этотъ разъ, когда еще лакей былъ въ комнатѣ, взялъ газету и началъ читать. Вѣроятно, онъ непримѣтно погрузился въ сонъ, газета упала на свѣчу, горѣвшую на столѣ, заваленномъ книгами и бумагами—все это мгновенно запылало, и произошелъ настоящій пожаръ, дымъ отъ котораго и задушилъ его. Кости его нашли въ постели. Онъ не успѣлъ даже вскочить и выбѣжать за дверь своей спальни. Но этого объясненія не довольно для публики. Къ происшествію приплетаютъ страшныя обстоятельства.... Объ нихъ я слышалъ въ церкви во время заупокойной обѣдни. Я не могу и не хочу вѣрить разсказамъ, пока не будетъ имъ оффиціальнаго подтвержденія.

На похоронахъ изъ другихъ университетскихъ товарищей его былъ я одинъ. Но постороннихъ явилось довольно много. Всѣ жалѣютъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ и благородномъ. Я зналъ его со студенческой скамьи. Онъ не отличался особенною даровитостью, но чистота его нравовъ въ юности и благородство и честность его во всю жизнь были неукоризненны. Кромѣ того, онъ въ высшей степени отличался трудолюбіемъ. Онъ былъ выбранъ нашимъ университетомъ въ Дерптскій профессорскій институтъ и со многими другими молодыми людьми посланъ за границу для приготовленія себя къ профессорской каѳедрѣ. Позже онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Москвѣ и директоромъ одной изъ гимназій, пріобрѣлъ репутацію не блестящаго, но дѣльнаго профессора и хорошаго педагога. Въ Москвѣ онъ сблизился съ графомъ Строгоновымъ.

бывшимъ попечителемъ. Впослѣдствіи Чевилевъ оставилъ ученую и учебную карьеру и былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ Удѣловъ. Графъ Строгоновъ рекомендовалъ его въ наставники къ дѣтямъ государя—званіе, въ которомъ онъ и кончилъ жизнь. Великій князь Владиміръ Александровичъ присутствовалъ на похоронахъ и проводилъ его тѣло, или вѣрнѣе кости, до конца парка. Я заходилъ посмотрѣть на домъ, гдѣ жилъ бѣдный Чевилевъ: онъ порядочно обгорѣлъ, и именно съ той стороны, гдѣ была его квартира. Я проводилъ моего стараго товарища до самой могилы.

20. Среда. Многіе вовсе не знаютъ правила, что когда нѣтъ предметовъ для разговора, то лучше молчать, чѣмъ говорить вздоръ.

22. Пятница. Гарибальди, покушавшійся освободить Римъ отъ папы своими средствами, арестованъ итальянскимъ правительствомъ. Въ Италіи два короля: одинъ король народа — Гарибальди, а другой король государства — Викторъ Эммануилъ.

23. Суббота. Сегодня въ академіи, въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, толковали о поднятомъ мною вопросѣ относительно Уваровскихъ премій за драматическія произведенія. Ничего не вытолковали.

26. Вторникъ. Недостатокъ государственныхъ людей въ Россіи таковъ, что о послѣднемъ сошедшемъ съ своего поприща министрѣ всегда сожалѣютъ при новомъ, который оказывается обыкновенно хуже своего предшественника, какъ тотъ ни былъ худъ.

28. Четвергъ. Три тысячи католиковъ въ одной изъ западныхъ губерній вмѣстѣ со своимъ ксендзомъ перешли въ православіе. Это хорошо, если добровольно.

29. Пятница. Слѣдствіе о смерти Чевилева продолжается. Вырывали кости покойнаго изъ могилы и нашли на нихъ знаки насильственной смерти. Значитъ, сперва онъ былъ убитъ, а затѣмъ убійца поджегъ его квартиру. Но точно-ли убійца тотъ, кого подозрѣваютъ? Не хочется вѣрить такому ужасному злодѣйству и желательно, чтобы это объяснилось какъ-нибудь иначе. Видѣлся съ Г—скимъ, которому отдалъ біографію Вронченко для напечатанія въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Г—скій былъ въ Варшавѣ и разсказываетъ пе-

чальныя вещи о томъ, что поляки послѣ посѣщенія государя опять начинаютъ волноваться, а наши русскіе тамъ упали духомъ. Нехорошо о Бергѣ. Въ юго-западномъ краѣ, который проѣзжалъ Г—скій, дѣла идутъ немного лучше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Вильнѣ. Поляки тамъ смирнѣе, говоритъ онъ, но прибавляетъ, что на это полагаться нельзя. Къ несчастью, и нѣкоторые изъ русскихъ чиновниковъ тамъ дѣйствуютъ такъ, какъ будто они были не русскіе.

Въ римско-католической академіи на лекціи. Сегодня воспитанники, какъ всегда осенью, при открытіи классовъ, поднесли мнѣ букетъ цвѣтовъ.

30. Суббота. Къ старымъ порокамъ, наслѣдованнымъ нами отъ временъ татарщины, мы присоединяемъ новые, которые прививаетъ людямъ современная цивилизація. И что изъ этого выйдетъ, единому Богу извѣстно. О, если-бы какъ-нибудь намъ удалось добыть хоть немножко добродѣтелей, годныхъ и для домашняго обихода и для дѣлъ внѣшнихъ! Увы! мы страдаемъ не однимъ разстройствомъ финансовъ—мы страдаемъ безнравственностью, что въ милліонъ разъ хуже всякаго безденежья.

Въ № 209 „Московскихъ Вѣдомостей“ напечатанъ планъ учебнаго заведенія, которое издатели этой газеты намѣрены открыть въ Москвѣ. Заведеніе это должно быть строго классическимъ и послужить образцомъ для всѣхъ казенныхъ заведеній въ имперіи. Основать такое заведеніе несомнѣнно весьма полезно. Но, къ сожалѣнію, у насъ ни одно полезное дѣло не обходится безъ фразъ. Предпріятіе гг. Каткова и Леонтьева есть не иное что, какъ частный пансіонъ. Къ чему-же тутъ такъ раздувать дѣло и заранѣе требовать и отъ правительства и отъ общества чуть не благоговѣнія. Все это гораздо проще, и такая напыщенная реклама, какую мы читаемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, не только излишня, но даже неприлична. Дѣло само по себѣ весьма полезное, пусть-же оно и говоритъ само за себя; а какъ оно пойдетъ, оправдаются-ли тѣ виды, въ какихъ учреждается пансіонъ, это покажетъ время.

Октябрь 6. Пятница. Правительству, которое-бы опиралось на земство и на суды, т. е. на правосудіе—нечего бояться.

9. Понедѣльникъ. Высшее и настоящее достоинство человѣка заключается въ характерѣ. Генію мы можемъ удивляться,

какъ великой силѣ природы, но въ характерѣ человѣкъ самъ является творцомъ себя. Природа даетъ ему только матеріалы.

12. Четвергъ. Говорятъ, что основатели новой школы или пансіона въ Москвѣ—Катковъ и Леонтьевъ—требуютъ, чтобы руководителями ея былъ комитетъ, гдѣ членами-бы состояли министръ народнаго просвѣщенія и московскій митрополитъ—а предсѣдателемъ кто? Вѣроятно, Леонтьевъ или Катковъ? Комитетъ этотъ, а слѣдовательно и школа должны быть подчинены правительствующему сенату. Извините за малость, какъ говорятъ французы!

13. Пятница. А. Н. Майковъ читалъ у меня свой переводъ: „Слово о полку Игоря“. Это прекрасный трудъ. Между прочими слушателями былъ и Троицкій, авторъ книги о современной нѣмецкой психологіи.

22. Воскресенье. Предостереженіе „Голосу“ за статью въ № 287 („Сѣверная Почта“ № 231), гдѣ сильно порицается Наполеонъ III и его правительство, по поводу вмѣшательства въ дѣла Италіи. Замѣчательно, что недавно еще наша французская С.-Петербургская оффиціозная газета сильно старалась доказать журналу „Des débats“ что наши газеты отвѣчаютъ сами за свои политическія мнѣнія, а не правительство, такъ какъ онѣ нынѣ издаются безъ цензуры. Между тѣмъ, французскій посланникъ жаловался нашему канцлеру на „Голосъ“ за вышеупомянутую статью, вслѣдствіе чего послѣдній и получилъ предостереженіе. Мы-же благоговѣйно и смиренно молчимъ, когда французскія газеты взапуски, одна передъ другою, ругаютъ насъ гнуснѣйшимъ образомъ. Недавно еще онѣ изъявляли свои симпатіи злодѣю Березовскому. Право, мы очень смиренны. Почему-бы французскому правительству не предоставить, если оно желаетъ, начать процессъ съ „Голосомъ“, вмѣсто того, чтобы нашей администраціи поступать противозаконно въ угоду французскому.

26. Четвергъ. Былъ у меня недавно пріѣхавшій изъ за-границы А. Г. Тройницкій. Разговоръ о Катковскомъ проектѣ, который привелъ въ великое удивленіе государственный совѣтъ требованіемъ странныхъ привилегій лицею, задуманному Леонтьевымъ и Катковымъ. Здѣсь играетъ роль министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой.

Ноябрь 2. Четвергъ. Второе предостереженіе „Голосу“ („Сѣверная Почта“ № 240) за статью противъ остзейскихъ

нѣмцевъ въ номерѣ 299. Странное дѣло! Правительство само вызвало эту бурю—полемику съ нѣмцами—своею, можетъ быть несовсѣмъ своевременною мѣрою введенія русскаго языка въ остзейскій край. Нѣмцы подняли крикъ на всю Европу, начали грозить намъ отложеніемъ, вмѣшательствомъ Пруссіи и проч. Наши газеты, разумѣется, начали на это возражать. Загорѣлась печатная война, и вотъ теперь министръ Валуевъ дѣлаетъ одной изъ газетъ предостереженіе за то, что она отражаетъ нѣмецкія нападенія и обвиняетъ ее „въ предосудительномъ направленіи".

5. Воскресенье. Въ № 239 „Московскихъ Вѣдомостей" напечатана сильная статья, по поводу перваго предостереженія „Голосу". См. также „Сѣверную Почту" № 241.

6. Понедѣльникъ. Наши чиновники консервативны, потому что всякое новое движеніе угрожаетъ имъ паденіемъ, какъ неспособнымъ сочувствовать и содѣйствовать никакому общественному преуспѣянію. Закоснѣлые въ эгоизмѣ, они знаютъ, что ихъ не одобряютъ благомыслящіе люди, и чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться въ ихъ глазахъ, они дѣлаютъ видъ, будто слѣдуютъ какой-нибудь доктринѣ, надѣваютъ личину какого-нибудь принципа, признаннаго въ исторіи человѣческихъ обществъ и въ цивилизаціи. Но кого они этимъ обманываютъ?

7. Вторникъ. Получилъ изъ типографіи отпечатанную мою біографію Вронченко.

Темпераментъ не характеръ, а между тѣмъ многіе считаютъ его за характеръ, вѣроятно, на томъ основаніи, что темпераментъ располагаетъ человѣка къ опредѣленнымъ и однообразнымъ поступкамъ. Но, вѣдь, эта опредѣленность и однообразіе не иное что, какъ чисто механическія отправленія нашего организма, установленныя физіологическими законами и безъ всякаго участія воли. А тамъ, гдѣ нѣтъ участія воли, тамъ нѣтъ и характера.

11. Суббота. Предсѣдатель московскаго окружнаго суда Арсеньевъ, во время производства процесса одного лица, обвиняемаго въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій, удалилъ изъ присутствія защитника подсудимаго, князя Урусова, одного изъ извѣстнѣйшихъ адвокатовъ въ Москвѣ. Говорятъ, это произошло вслѣдствіе тайнаго повелѣнія, даннаго предсѣдателямъ судовъ, чтобы они удаляли адвокатовъ, которые почему-либо не

нравятся администраціи. Надо признаться, что, если это правда, то это удачный, если не геніальный эпизодъ въ комедіи, которая называется: русская образованность и цивилизація.

13. Понедѣльникъ Вечеръ у графа Алексѣя Константиновича Толстаго. Тамъ, между прочимъ, познакомился съ нашимъ композиторомъ Сѣровымъ и съ Кельсіевымъ. Да еще видѣлъ сына поэта Жуковскаго, молодаго человѣка весьма приличной наружности, съ которымъ я и поговорилъ объ его знаменитомъ отцѣ. Сѣровъ весь, съ ногъ до головы, кажется пропитаннымъ музыкальными идеями и чувствами. Это очень живой и, повидимому, энергическій человѣкъ. Говоритъ много и бойко. Кельсіевъ тощій и довольно невзрачный молодой человѣкъ. Я довольно много съ нимъ говорилъ, преимущественно о раскольникахъ, о которыхъ онъ высокаго мнѣнія, какъ о настоящихъ представителяхъ русской народности. Онъ очень сѣтуетъ на то, что ему не позволили напечатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ свою исповѣдь — повѣствованіе объ его эмиграціи и возвращеніи въ Россію.

14. Вторникъ. Администрація по дѣламъ печати заблуждается, сосредоточивая свое вниманіе на частныхъ, отдѣльныхъ явленіяхъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду исключительно охраненіе принциповъ — что даетъ ей характеръ чисто полицейскій. Извѣстные принципы, вытекающіе изъ духа нашего правленія и духа общественнаго и имѣющіе въ виду общественную безопасность, должны быть охраняемы—это главное и единственное, и какъ скоро писатель не касается этихъ принциповъ, въ остальномъ ему нечего ставить преградъ. Мелкая придирчивость, преслѣдующая частные случаи, въ родѣ нападокъ на какую-нибудь отрасль администраціи, критики какой-нибудь спеціальной мѣры и т. д. ни къ чему не ведетъ. Надо принять, и твердо его держаться, слѣдующее начало: когда предѣлы печати расширены и дано право подвергать разсмотрѣнію и критикѣ государственныя мѣры и текущія событія, то должны быть и неизбѣжныя послѣдствія этого, то есть самое примѣненіе или пользованіе этимъ правомъ.

Нужно умѣть общее—отдѣлять отъ частнаго.

Систему предостереженій, пожалуй, было-бы неудобно отмѣнить въ настоящее время. Не столько виновата она сама, сколько ея безтолковое и неосновательное примѣненіе. Изъ всѣхъ

предостереженій, какія за послѣднее время надавалъ Валуевъ, врядъ-ли найдется хоть одно вполнѣ разумное и справедливое. Онъ не умѣлъ даже формулировать ихъ, какъ слѣдуетъ.

Правительство въ вопросѣ о печати впало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Оно въ трудныхъ обстоятельствахъ не разъ прибѣгало къ ея помощи и опиралось на нее, но когда проходила въ ней нужда, или ему казалось, что она прошла, оно опять начинало къ ней относиться свысока и обращаться съ нею по-полицейски. Сами министры — Валуевъ, Головнинъ, графъ Толстой — по временамъ заискивали въ печати и тѣмъ, конечно, возвышали ея значеніе и силу. Какъ-же послѣ этого хотѣть, чтобы она не чувствовала своей силы и значенія.

15. Среда. Всѣ мѣры и учрежденія должны согласоваться съ состояніемъ и направленіемъ умовъ данной эпохи. Надобно рѣшить: полагается-ли въ нашемъ обществѣ различіе между критикою или разборомъ какихъ-нибудь явленій нашей администраціи и нападеніемъ на основные принципы? Если общество неспособно отличать первое отъ послѣдняго, а, напротивъ, смѣшиваетъ и то, и другое, то надо согласиться, что мы рано начали либеральныя реформы. Но я рѣшительно этого не допускаю. Критикуя, напримѣръ, какую-нибудь мѣру по почтовому вѣдомству, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія или внутреннихъ дѣлъ и т. п., никому и въ голову не приходитъ обращать укоризны на государя, на образъ правленія, на вѣру нашу и проч. Значитъ, принципы остаются нетронутыми—и въ этомъ все.

Первое условіе внутренняго спокойствія и самодовольства— это быть справедливымъ и не имѣть повода обвинять себя не только въ дурномъ поступкѣ, но даже и въ дурномъ чувствѣ въ отношеніи къ другимъ.

17. Пятница. Добывая огонь, надо помнить, что вмѣстѣ съ нимъ явится и дымъ. Нужно искусство отвести дымъ, не погашая огня. Плохо поступитъ тотъ, кто, для избѣжанія дыма, захочетъ вылить ведро воды на огонь. Дымъ, пожалуй, вы и устраните, но за то потушите огонь, да къ тому еще произведете невыносимый смрадъ.

21. Вторникъ. Правду сказать, трудно, очень трудно мириться съ положеніемъ вещей въ странѣ, во главѣ бюрократіи которой стоятъ Валуевы, Шуваловы, гдѣ министры до того

слабы, что ѣздятъ и посылаютъ въ Москву спрашивать у Каткова и Леонтьева, что̀ и какъ имъ дѣлать?

Покоритель Ташкента, сдѣлавшій имя свое извѣстнымъ въ Европѣ и грознымъ въ Средней Азіи, Черняѣвъ принужденъ въ Москвѣ держать экзаменъ на званіе нотаріуса, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Говорятъ, какая-то интрига распорядилась такъ, что этого генерала уволили отъ службы съ пенсіономъ въ четыреста рублей, и какъ онъ очень бѣденъ и съ четырьмя стами рублей нельзя прожить съ семействомъ, то онъ рѣшился искать мѣста нотаріуса. Узаконенный залогъ по этому случаю внесли за него москвичи. Я самъ не знаю Черняева, но съ разныхъ сторонъ слышу похвалы ему и негодованіе противъ военнаго министерства. Вообще, по городу ходитъ много сплетенъ по этому поводу. Но во всякомъ случаѣ странно будетъ видѣть въ нотаріальной конторѣ генерала, украшеннаго Георгіемъ.

22. Среда. Я всегда прибѣгаю къ дневнику моему, какъ къ единственному другу, которому могу повѣрить всѣ мысли и чувства, бесѣда съ которымъ замѣняетъ мнѣ и общество, и такъ называемыхъ друзей. Бездѣлица эта тетрадь съ бѣлыми страницами, а между тѣмъ она представляется мнѣ какимъ-то оживленнымъ предметомъ, въ которомъ отражается мое *я* и раздѣляется, какъ свѣтъ въ призмѣ, на нѣсколько лучей. И то, что могло-бы во мнѣ мелькнуть и исчезнуть безслѣдно, удерживается въ моемъ сознаніи, какъ частица моего внутренняго быта.

Внѣшнія вліянія доставляютъ человѣку или бѣдный, или богатый капиталъ; но отъ него зависитъ распорядиться имъ такъ или иначе. И маленькое, но благоустроенное хозяйство лучше большаго, но безтолково употребляемаго богатства.

24. Пятница. Стоитъ-ли серьезно думать обо всемъ этомъ? Вѣдь, все это комедія, сонъ, „сказка, которую старуха разсказываетъ, сидя у очага“.

25. Суббота. На дняхъ я читалъ Костомарову отрывокъ изъ моихъ записокъ. Я вообще большой неохотникъ читать что-нибудь свое. Такое чтеніе мнѣ всегда кажется назойливымъ напрашиваніемъ на похвалу. Но тутъ было другое обстоятельство: Костомаровъ мой землякъ; онъ очень хорошо знаетъ мѣста, гдѣ я родился и провелъ дѣтство, и людей этого края. Мнѣ хотѣлось провѣрить себя взглядомъ и чувствами друга

лица и притомъ лица, способнаго меня понять и мнѣ сочувствовать. Костомарову, повидимому, понравилось то, что я ему прочиталъ.

Сегодня былъ на вечерѣ у Срезневскаго, гдѣ собраны были цвѣтъ и сливки академіи и университета. Но толки и разговоры были довольно маленькаго свойства.

26. Воскресенье. Жизнь хороша, не только тогда, когда она расцвѣтаетъ во всемъ обиліи своихъ даровъ, но и тогда, когда борется съ тѣмъ, что мѣшаетъ ея полному развитію, и она такимъ образомъ спасаетъ хоть что-нибудь изъ богатаго запаса своихъ общихъ сокровищъ. Вотъ я любуюсь стебелькомъ растенія въ горшкѣ, стоящемъ на моемъ окнѣ, которое, несмотря на недостатокъ земли и на холодъ, проникающій сквозь стекло, все-таки, хоть не роскошно, но живетъ и зеленѣетъ.

Декабрь 3. Воскресенье. Былъ у меня Поярковъ, племянникъ Печерина. Онъ въ перепискѣ съ Печеринымъ и передалъ мнѣ его сердечный поклонъ. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, со словъ самого Печерина, о причинахъ, возбудившихъ въ немъ ту психологическую тревогу, которая увлекла его изъ Россіи и сдѣлала католикомъ. Въ дѣтствѣ у него былъ гувернеръ швейцарецъ, ярый радикалъ, который пропиталъ его самыми жгучими идеями либерализма. А рядомъ съ этимъ стояло деспотическое обращеніе отца, стараго полковника, который непремѣнно хотѣлъ сдѣлать изъ сына солдата. Поярковъ говорилъ мнѣ, что у него въ рукахъ мемуары Печерина, доведенные до момента отъѣзда его изъ Россіи. Онъ обѣщалъ доставить ихъ мнѣ при первомъ пріѣздѣ изъ Кіева, куда его теперь посылаютъ предсѣдателемъ тамошней гражданской палаты.

Держаться всегда на извѣстной нравственной высотѣ это самый дѣйствительный способъ избѣгать множества тѣхъ огорченій, какія неразлучны въ столкновеніяхъ съ людьми и случайностями жизни.

6. Среда. Отчего наши государственные люди дѣлаютъ такъ много ошибокъ? Оттого, что они не мастера своего дѣла, а диллетанты.

„Москва“, получивъ третье предостереженіе съ четырьмя мѣсяцами пріостановки, прекращаетъ вовсе свое существованіе.

Всегда я шелъ одиноко, самъ по себѣ. Отъ того мой путь

не былъ ни свѣтлѣе, ни удобнѣе, но это соотвѣтствовало моей внутренней конституціи—такъ тому и быть.

11. Понедѣльникъ. Жизнь, проведенная безслѣдно, ничьего уваженія не заслуживаетъ. Даже уваженія того самого, кто ее прожилъ.

Всѣ наши кружки—и литературные, и общественные—страдаютъ болѣзнью непониманія предѣловъ, до которыхъ должны простираться ихъ требованія.

Система вводимаго у насъ классическаго образованія, по истеченіи нѣкотораго времени, непремѣнно падетъ, не только отъ чрезмѣрной тягости, которою она обременяетъ учащихся, но и оттого — и это главнымъ образомъ — отчего падаетъ у насъ всякая система: отъ неумѣнья приводить ее въ исполненіе.

Утративъ религіозныя вѣрованія, считая все прекрасное и великое за иллюзію, современное человѣчество, чтобы не провалиться совсѣмъ въ пропасть, прицѣпилось къ идеѣ прогресса, какъ будто эта идея менѣе иллюзія, чѣмъ другія.

Иные народы развратились, когда сдѣлались образованными, мы-же ухитрились погрузиться въ омутъ разврата, находясь почти въ варварскомъ состояніи.

17. Воскресенье. Поутру у Тройницкаго. Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ любопытную вещь, слышанную имъ, во время пребыванія его въ Одессѣ, отъ одной знатной и очень умной дамы, хорошо знакомой съ разными секретами своего времени. Дѣло здѣсь касается причины паденія Сперанскаго. Въ началѣ 1812-го или въ концѣ 1811-го года, когда намѣренія Наполеона насчетъ Россіи дѣлались болѣе и болѣе очевидными, у насъ начали помышлять о средствахъ обороны. Былъ, между прочимъ, представленъ, кажется Барклаемъ-де-Толли, планъ нашихъ будущихъ дѣйствій, который, разумѣется, надлежало хранить въ глубокой тайнѣ. Сперанскій былъ тогда всесиленъ. Государь ничего не предпринималъ безъ его совѣта, и этотъ планъ отдалъ ему на разсмотрѣніе. Сперанскій привезъ его домой, положилъ у себя на столъ въ кабинетѣ, а самъ снова отлучился изъ дома. Въ отсутствіе его пріѣхалъ Магницкій. Ему сказали, что Сперанскій скоро вернется и онъ рѣшился его дождаться въ кабинетѣ, куда имѣлъ всегда свободный доступъ. Онъ увидѣлъ на столѣ тетрадь и, такъ какъ совѣстливость не была въ числѣ добродѣтелей Магницкаго, онъ прочелъ

эту тетрадь и такимъ образомъ узналъ великую государственную тайну. Дня черезъ два государю сдѣлалось извѣстно, что французскій посланникъ говорилъ о планѣ русскаго правительства, какъ о дѣлѣ, о которомъ зналъ все до мельчайшихъ подробностей. Понятно, какое впечатлѣніе произвело это на государя. О планѣ никому не было извѣстно, кромѣ него, автора плана, и Сперанскаго. Государь естественно могъ счесть Сперанскаго предателемъ, вдвойнѣ измѣнникомъ и отечеству, и дружбѣ, и онъ сильно на него вознегодовалъ. Этимъ объясняются въ письмѣ къ Парроту слова Александра, что Сперанскій достоинъ смертной казни. Одно только непонятно, почему императоръ ни слова не сказалъ Сперанскому объ открытіи государственной тайны, но, прощаясь съ нимъ еще наканунѣ его паденія, былъ съ нимъ ласковъ и милостивъ по прежнему. Въ противномъ случаѣ дѣло, безъ сомнѣнія, разъяснилось-бы, поступокъ Магницкаго обнаружился-бы, и Сперанскій оказался-бы виноватымъ только въ неосторожности.

24. Воскресенье. Обѣдъ у графа Толстаго — министра. Обѣдали нѣкоторые академики. Струве сдѣлалъ мнѣ упрекъ, что я не отнесся къ нему за справками, когда писалъ біографію Вронченко. У него — Струве — есть важныя свѣдѣнія объ его астрономическихъ трудахъ, когда онъ былъ въ Дерптѣ. „Отцу моему,—сказалъ онъ,—приписываютъ планъ объ астрономическихъ съемкахъ, столь извѣстный въ Европѣ, а этотъ планъ принадлежитъ Вронченко и мнѣ“.

Всѣ эти дни жестоко занятъ окончаніемъ рѣчи къ академическому акту 29-го декабря. Надо говорить объ умершихъ: Билярскомъ, Гречѣ и митрополитѣ Филаретѣ. Перечитывая сегодня написанное, я недоволенъ имъ. Да притомъ въ чтеніи на актѣ придется сокращать: написано слишкомъ много, а публику не надо утомлять.

29. Пятница. Актъ въ академіи наукъ. Я читаю извлеченіе изъ отчета втораго отдѣленія. Чтеніе мое произвело эффектъ, особенно о Филаретѣ. Мнѣ пришлось многое сокращать, дабы не осуществить извѣстнаго изреченія, что самая лучшая рѣчь можетъ наскучить, если она длинна. Я читалъ 45 минутъ, и вниманіе слушателей не успѣло ослабѣть. Послѣ акта всѣ академики собрались обѣдать у Донона. Пиръ былъ довольно шумный. Не обошлось безъ нѣкоторыхъ преній о руссизмѣ и нѣм-

чизмѣ. Не люблю я этихъ пустыхъ препирательствъ и столь-же пустыхъ патріотическихъ выходокъ въ обществѣ, которое должно жить согласно, если оно хочетъ не вредить, а приносить пользу дѣлу науки. Да при томъ, вѣдь, дѣло вовсе не въ томъ, чтобы кричать, что мы, дескать, русскіе, а вы—нѣмцы, а въ томъ, чтобы заставить себя уважать, поступая честно и трудясь разумно, да не гадить другъ другу, какъ мы такъ часто дѣлаемъ въ нашихъ русскихъ ассоціаціяхъ. Былъ, между прочимъ, споръ по слѣдующему обстоятельству: за обѣдомъ рѣшено было послать телеграмму Беру, живущему въ Дерптѣ. Нѣкоторые хотѣли, чтобы телеграмма была послана на русскомъ языкѣ, другіе—чтобы на нѣмецкомъ. Конечно, и я предпочелъ-бы послать на русскомъ языкѣ. Но такъ какъ Беръ едва-ли съумѣлъ-бы прочесть телеграмму по-русски, то и надо было написать ее понѣмецки.

А. Н. Майковъ экспромтомъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе за жженкою:

Академія кутитъ,
Въ буйствѣ силы не жалѣетъ;
Это ясно говоритъ,
Что она уже русѣетъ.

Россія странное государство: это страна всевозможныхъ экспериментовъ — общественныхъ, политическихъ и даже нравственныхъ, а между тѣмъ ничто не укореняется въ ней надолго. Залогъ-ли это будущей самобытности, которая не успѣла еще отыскать своей точки опоры, или доказательство неспособности установиться на чемъ-либо опредѣленномъ или твердомъ, и судьба ея вѣчно колебаться и безсознательно переходить отъ одной формы жизни къ другой? Избави Богъ!

31. Воскресенье. Конецъ 1867-го года.

А. В. Никитенко.

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КОВАЛЕВСКАЯ,

профессоръ высшей математики.

Автобіографическій ея разсказъ

29-го мая 1890 г. въ Спб.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1890 г. профессоръ Стокгольмскаго университета Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская, посѣтила на нѣсколько дней С.-Петербургъ. Давній ея знакомый (съ 1862—1863 гг.), я имѣлъ истинное удовольствіе видѣть Софью Васильевну въ этотъ ея пріѣздъ дорогою у себя гостью. На память о давнемъ знакомствѣ и пріязни—профессоръ Ковалевская сняла для насъ съ себя портретъ въ фототипической мастерской извѣстнаго художника В. Е. Классена, и въ небольшомъ кругу нашихъ друзей, у меня, съ присущимъ ей добродушіемъ и безъискусственностью разсказала о главныхъ моментахъ въ своей жизни. Разсказъ этотъ тогда-же, съ милаго согласія Софьи Васильевны, былъ стенографированъ для храненія въ архивѣ „Русской Старины".

Нежданная роковая смерть 30-го января 1891 г. лишила Россію одну изъ славнѣйшихъ ея женщинъ, и вотъ, помѣщая на страницахъ нашего изданія матеріалъ къ жизнеописанію знаменитаго ученаго и профессора С. В. Ковалевской (см. „Русскую Старину" изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 623—641), мы сочли необходимымъ извлечь изъ нашего архива и помянутый автобіографическій разсказъ нашего друга.

Отдавая его въ печать, мы воспользовались любезнымъ предложеніемъ брата покойной Софьи Васильевны—Ѳедора Васильевича Корвинъ-Круковскаго, который весьма обязательно прослѣдилъ эту стенографическую запись и подготовилъ ее къ печати.

Ред.

Любовь къ математикѣ проявилась у меня впервые, насколько я могу это теперь припомнить, слѣдующимъ образомъ. У меня былъ дядя, братъ моего отца, Петръ Васильевичъ Корвинъ-Круковскій, жившій въ 20 верстахъ отъ нашего имѣнія, въ своемъ селѣ „Рыжаково". Человѣкъ уже пожилой, онъ все свое хозяйство передалъ своему единственному сыну, и, имѣя много свободнаго времени, часто пріѣзжалъ къ намъ и живалъ у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Дядя былъ въ полномъ смыслѣ слова идеалистъ, и во многихъ отношеніяхъ человѣкъ, что называется, не отъ міра сего. Образованіе онъ получилъ домашнее, но, тѣмъ не менѣе, обладалъ очень обширными и разнообразными, хотя, какъ и большинство самоучекъ, недостаточно солидными познаніями, которыя пріобрѣлъ исключительно благодаря своей любознательности, безъ всякой посторонней помощи и съ самой неосновательной элементарной подготовкой.

Любимымъ его занятіемъ и единственнымъ наслажденіемъ, которое ему осталось отъ жизни, было чтеніе. Въ этомъ отношеніи его привлекала наша деревенская библіотека.

Онъ читалъ безъ разбора и съ одинаковымъ удовольствіемъ все, что попадалось подъ руку—и романы, и историческіе очерки, и научно-популярныя статьи, и ученые трактаты. Отъ природы чрезвычайно добраго и мягкаго характера, онъ до безумія любилъ дѣтей. При этомъ, хотя въ то время и 60-ти-лѣтній старикъ, онъ самъ обладалъ душою ребенка. Такимъ образомъ, не смотря на разницу нашихъ лѣтъ, у меня завязалась съ дядею самая тѣсная, почти товарищеская, дружба. Меня тянули къ нему его разсказы; онъ-же, витая всегда въ области фантазіи, зачастую забывалъ, что передъ нимъ ребенокъ, и, чувствуя необходимость подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями, изливалъ передо мною свою душу. Какъ теперь помню многіе и долгіе часы, которые мы проводили вмѣстѣ въ угловой комнатѣ нашего большаго деревенскаго дома, въ такъ называемой башнѣ, она-же и библіотека. Дядя разсказывалъ мнѣ сказки, училъ меня играть въ шахматы; потомъ, неожиданно увлекаясь своими мыслями, посвящалъ меня въ тайны разныхъ экономическихъ и соціальныхъ проектовъ, которыми онъ мечталъ облагодѣтельствовать человѣчество. Но, главнымъ образомъ, онъ любилъ передавать то, что за свою долгую жизнь ему удалось изучить и перечитать.

И вотъ, въ часы этихъ бесѣдъ, между прочимъ, мнѣ впервые пришлось услышать о нѣкоторыхъ математическихъ понятіяхъ, которыя произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе. Дядя говорилъ о квадратурѣ круга, объ ассимптотахъ-прямыхъ линіяхъ, къ которымъ кривая постоянно приближается, никогда ихъ не достигая, и о многихъ другихъ, совершенно непонятныхъ для меня вещахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, представлялись мнѣ чѣмъ-то таинственнымъ и въ то-же время особенно привлекательнымъ.

Ко всему этому суждено было присоединиться слѣдующей, чисто внѣшней, случайности, которая еще усилила то впечатлѣніе, которое производили на меня эти математическія выраженія.

Передъ пріѣздомъ нашимъ въ деревню изъ Калуги, весь домъ отдѣлывался заново. При этомъ были выписаны изъ Петербурга обои; однако не разсчитали вполнѣ точно необходимое количество такъ что на одну комнату обоевъ не хватило. Сперва хотѣли выписать для этого еще обоевъ изъ Петербурга, но, какъ часто въ подобныхъ случаяхъ водится, по деревенской халатности и присущей вообще русскимъ людямъ лѣни, все откладывали въ долгій ящикъ. А время, между тѣмъ, шло впередъ, и пока собирались, судили да рядили, отдѣлка всего дома была уже готова' Наконецъ, порѣшили, что изъ-за одного куска обоевъ не стоитъ хлопотать и посылать нарочно за 500 верстъ въ столицу. Благо всѣ комнаты въ исправности, а дѣтская пусть себѣ останется безъ обоевъ. Можно ее просто обклеить бумагою, благо на чердакѣ въ Палибинскомъ домѣ имѣется масса накопившейся за много лѣтъ газетной бумаги, лежащей тамъ безъ всякаго употребленія.

Но по счастливой случайности вышло такъ, что въ одной кучѣ со старой газетной бумагой и другимъ ненужнымъ хламомъ на чердакѣ оказались литографированныя записки лекцій по дифференціальному и интегральному исчисленію академика Остроградскаго, которыя нѣкогда слушалъ мой отецъ, будучи еще совсѣмъ молоденькимъ офицеромъ. Вотъ эти-то листы и пошли на обклейку моей дѣтской. Въ это время мнѣ было лѣтъ 11. Разглядывая какъ-то стѣны дѣтской, я замѣтила, что тамъ изображены нѣкоторыя вещи, про которыя мнѣ приходилось уже слышать отъ дяди. Будучи вообще наэлектризована его разсказами,

я съ особеннымъ вниманіемъ стала всматриваться въ стѣны. Меня забавляло разглядывать эти пожелтѣвшіе отъ времени листы, всѣ испещренные какими-то іероглифами, смыслъ которыхъ совершенно ускользалъ отъ меня, но которые, я это чувствовала, должны были означать что-нибудь очень умное и интересное,—я, бывало, по цѣлымъ часамъ стояла передъ стѣною и все перечитывала тамъ написанное. Должна сознаться, что въ то время я ровно ничего изъ этого не понимала, но меня какъ будто что-то тянуло къ этому занятію. Вслѣдствіе долгаго разсматриванія, я многія мѣста выучила наизустъ, а нѣкоторыя формулы, просто своимъ внѣшнимъ видомъ, врѣзались въ мою память и оставили въ ней по себѣ глубокій слѣдъ. Въ особенности памятно мнѣ, что на самое видное мѣсто стѣны попалъ листъ, въ которомъ объяснялись понятія о безконечно-малыхъ величинахъ и о предѣлѣ. Насколько глубокое впечатлѣніе произвели на меня эти понятія, видно изъ того, что когда черезъ нѣсколько лѣтъ я въ Петербургѣ брала уроки у А. Н. Страннолюбскаго, то онъ, объясняя мнѣ эти самыя понятія, удивился, какъ я скоро ихъ себѣ усвоила, и сказалъ: „Вы такъ поняли, какъ будто знали это наперед“. И дѣйствительно, съ формальной стороны, многое изъ этого было мнѣ уже давно знакомо.

Первоначальнымъ систематическимъ обученіемъ математики я обязана І. И. Малевичу. Это было такъ давно, что я теперь совсѣмъ не помню его уроковъ; они остались у меня темнымъ воспоминаніемъ. Но несомнѣнно, что они произвели на меня большое вліяніе и имѣли важное значеніе въ моемъ развитіи.

Въ особенности хорошо и своеобразно Малевичъ преподавалъ ариѳметику. Однако я должна сознаться, что въ первое время, когда я начинала учиться, ариѳметика не особенно меня интересовала. По всей вѣроятности, благодаря вліянію дяди Петра Васильевича, меня болѣе занимали разныя отвлеченныя разсужденія, напр. о безконечности. Да и вообще, въ теченіе всей моей жизни, математика привлекала меня больше философскою своею стороною и всегда представлялась мнѣ наукою, открывающею совершенно новые горизонты.

Кромѣ ариѳметики, Малевичъ преподавалъ мнѣ также элементарную геометрію и алгебру. Только ознакомившись нѣсколько съ этою послѣднею, я почувствовала настолько сильно влеченіе къ математикѣ, что стала пренебрегать другими предметами.

Увидя во мнѣ такое направленіе, отецъ мой, имѣвшій вообще сильное предубѣжденіе противъ ученыхъ женщинъ, рѣшилъ, что надо прекратить мои уроки математики у Малевича. Однако, мнѣ удалось кое-какъ выпросить у Іосифа Игнатьевича книгу: „Курсъ алгебры Бурдона“, который и стала прилежно изучать. Такъ какъ цѣлый день я была подъ строгимъ надзоромъ гувернантки, то мнѣ приходилось пускать въ дѣло хитрость. Идя спать, я клала книгу подъ подушку и затѣмъ, когда всѣ засыпали, я, при тускломъ свѣтѣ лампады или ночника, зачитывалась по цѣлымъ ночамъ.

При такомъ положеніи вещей я, разумѣется, не смѣла мечтать о продолженіи правильныхъ занятій моимъ любимымъ предметомъ, и моимъ математическимъ познаніямъ, вѣроятно, надолго пришлось-бы остановиться въ предѣлахъ алгебры Бурдона, если бы мнѣ не помогъ слѣдующій случай, побудившій моего отца нѣсколько измѣнить свой взглядъ на мое образованіе.

Нашъ сосѣдъ по имѣнію, профессоръ Тыртовъ, привезъ намъ какъ-то свой элементарный учебникъ физики. Я попробовала читать эту книгу, но, къ своему огорченію, въ отдѣлѣ объ оптикѣ встрѣтила тригонометрическія формулы, синусы, косинусы, тангенсы. Что такое синусъ? Передъ этимъ вопросомъ я становилась втупикъ, и для разрѣшенія загадки попробовала обратиться къ Малевичу. Но такъ какъ это не входило въ его программу, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ, что̀ такое синусъ. Тогда, сообразуясь съ формулами, бывшими въ книгѣ, я попыталась объяснить сама. При этомъ, по странному совпаденію, я пошла тѣмъ-же путемъ, который употреблялся исторически, т. е. вмѣсто синуса, брала хорду. Для малыхъ угловъ эти величины почти совпадутъ другъ съ другомъ. А такъ какъ у Тыртова во всѣ формулы входили только безконечно малые углы, то, при взятомъ мною основномъ опредѣленіи, эти формулы отлично сходились. На этомъ я и успокоилась.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, когда у меня зашла рѣчь съ Тыртовымъ по поводу его книги, то онъ сперва усумнился въ томъ, чтобъ я могла ее понимать, и на мое заявленіе, что я прочла ее съ большимъ интересомъ, сказалъ: „Ну, вотъ и хвастаетесь“. Но когда я разсказала ему, какимъ путемъ я дошла до объясненія тригонометрическихъ формулъ, то онъ

совсѣмъ перемѣнилъ тонъ. Онъ сейчасъ-же отправился къ моему отцу и горячо сталъ убѣждать его въ необходимости учить меня самымъ серіознымъ образомъ. При этомъ онъ сравнилъ меня съ Паскалемъ. Тогда, послѣ нѣкотораго колебанія, отецъ мой согласился взять мнѣ въ учителя А. Н. Страннолюбскаго, съ которымъ мы вслѣдъ затѣмъ принялись успѣшно за работу и въ теченіе зимы прошли аналитическую геометрію, дифференціальное и интегральное исчисленія.

Въ слѣдующемъ году я вышла замужъ за В. О. Ковалевскаго и вскорѣ послѣ этого мы уѣхали заграницу, но тамъ сначала разъѣхались въ разныя стороны. Я отправилась въ Гейдельбергъ, чтобы продолжать занятія математикою, а онъ поѣхалъ въ другой университетъ учиться своей спеціальности—геологіи.

Въ Гейдельбергѣ я провела почти три года. Слушала тамъ лекціи по чистой математикѣ у профессоровъ Кенигсбергера и Дюбуа-Реймона, а также и по другимъ наукамъ; а именно: химіи у Бунзена и физики у Кирхгофа и Гельмгольца. Изъ Гейдельберга я поѣхала въ Берлинъ, но тутъ на первыхъ порахъ меня встрѣтило разочарованіе. Насколько Гейдельбергскій университетъ былъ либераленъ, допустивъ меня къ слушанію лекцій наравнѣ съ мужчинами, настолько столица Пруссіи оказалась въ этомъ отношеніи отсталою. Не смотря на всѣ просьбы и старанія, мнѣ не удалось получить въ Берлинѣ разрѣшеніе посѣщать университетъ.

Тогда, на мое счастіе, во мнѣ принялъ участіе знаменитый берлинскій профессоръ Вейерштрассъ. Благодаря отзыву обо мнѣ гейдельбергскихъ профессоровъ, а также видя, что я имѣю хорошую подготовку и серьезно желаю учиться, а не просто изъ пустой моды, онъ предложилъ мнѣ заниматься со мною частнымъ образомъ. Занятія эти имѣли въ высшей степени важное вліяніе на всю мою математическую карьеру. Они окончательно и безповоротно опредѣлили то направленіе, которому я слѣдовала въ дальнѣйшей научной дѣятельности, и всѣ мои работы сдѣланы именно въ духѣ вейерштрассовскихъ идей.

Самого Вейерштрасса я считаю однимъ изъ величайшихъ математиковъ всѣхъ временъ и безспорно самымъ замѣчательнымъ изъ нынѣ живущихъ. Онъ далъ всей математикѣ совершенно новое направленіе и создалъ не только въ Германіи, но

и въ другихъ странахъ цѣлую школу молодыхъ ученыхъ, которые идутъ по намѣченному имъ пути и развиваютъ его идеи.

Слушая лекціи Вейерштрасса, я въ то же время стала готовиться къ достиженію докторской степени. Но такъ какъ двери берлинскаго университета были для меня, какъ для женщины, закрыты, то я рѣшила обратиться въ Геттингенъ. По правиламъ нѣмецкихъ университетовъ, для полученія степени доктора требуется, кромѣ экзамена, еще представленіе научной работы, такъ называемой „Inaugural Dissertation". Вейерштрассъ предложилъ мнѣ для разработки нѣсколько темъ, и я за два года своего пребыванія въ Берлинѣ, вмѣсто одной, требуемой по правиламъ, работы, сдѣлала цѣлыхъ три; а именно: по чистой математикѣ: „О дифференціальныхъ уравненіяхъ съ частными производными" и „О приведеніи нѣкотораго класса Абелевскихъ функцій къ функціямъ эллиптическимъ" и третью астрономическую: „О формѣ колецъ Сатурна".

Всѣ эти работы я и представила въ геттингенскій университетъ. Онѣ были признаны настолько удовлетворительными, что университетъ, вопреки установившимся правиламъ, нашелъ возможнымъ освободить меня отъ экзамена и публичной защиты диссертаціи, что въ сущности составляетъ только одну формальность, и прямо присудилъ мнѣ степень доктора философіи — „Summa cum laude".

Въ то-же время, первая изъ упомянутыхъ моихъ работъ, подъ заглавіемъ: „Zur Theorie der Partiellen Differenzialgleichungen" была напечатана въ журналѣ Крелля (Crelles' Journal für die reine und angewandte Mathematik). Эта честь, которой удостоиваются далеко не многіе математики и которая для начинающаго ученаго очень велика, такъ какъ этотъ журналъ въ то время считался самымъ серьезнымъ математическимъ изданіемъ въ Германіи. Въ немъ тогда принимали участіе лучшія научныя силы, а въ прежнія времена въ немъ помѣщали свои труды такіе ученые, какъ напр. Абель и Якоби. Моя астрономическая работа „О формѣ колецъ Сатурна" была напечатана лишь много лѣтъ спустя, а именно въ 1885 г., въ журналѣ „Astronomische Nachrichten".

Въ 1874 г. я вернулась въ Россію. Здѣсь я занималась далеко не такъ ревностно, да и условія жизни гораздо менѣе

способствовали моимъ научнымъ занятіямъ, чѣмъ въ Германіи. Я работала съ большими и частыми перерывами, такъ что едва успѣвала даже слѣдить за наукой. Вообще за все время пребыванія въ Россіи я не сдѣлала ни одной самостоятельной работы. Единственно, что меня еще научно нѣсколько поддерживало—это переписка и обмѣнъ мыслей съ моимъ милымъ учителемъ Вейерштрассомъ.

Въ Россіи отъ серьезныхъ научныхъ занятій меня отвлекали различныя обстоятельства: и само общество, и тѣ условія, въ которыхъ приходилось жить. Въ то время все русское общество было охвачено духомъ наживы и разныхъ коммерческихъ предпріятій. Это теченіе захватило и моего мужа и отчасти, должна покаяться въ своихъ грѣхахъ, и меня самую. Мы пустились въ грандіозныя постройки каменныхъ домовъ, съ торговыми при нихъ банями. Но все это кончилось крахомъ и привело насъ къ полному раззоренію.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія, въ Россіи возникла газета „Новое Время“. Мой мужъ былъ хорошо знакомъ съ издателемъ газеты, и мы, такимъ образомъ, попали въ кружокъ „Новаго Времени“. Я пробовала въ этой газетѣ свои литературныя силы въ качествѣ театральнаго рецензента.

Въ 1882 г. я опять уѣхала заграницу и съ тѣхъ поръ живу тамъ почти постоянно,—только изрѣдка, на короткій срокъ, пріѣзжаю по дѣламъ въ Россію. За свою жизнь я перебывала во многихъ городахъ и странахъ, такъ что могу сказать, что, за исключеніемъ Италіи и Испаніи, съ Европой знакома хорошо. Всего-же лучше, кромѣ Швеціи, я знаю Парижъ. Тамъ я была много разъ, да и теперь, большею частью, провожу свои каникулы во Франціи.

Вернувшись заграницу, я снова энергично принялась за науку, отъ которой отдыхала столько лѣтъ въ Россіи. Прежде всего я поѣхала въ Парижъ, гдѣ познакомилась съ тамошними выдающимися математиками, между прочимъ съ знаменитымъ Hermite'омъ, а также изъ молодыхъ съ Poincaré' и Picard'омъ. Эти два послѣдніе, по моему мнѣнію, самые талантливые изъ новаго поколѣнія математиковъ во всей Европѣ.

Тогда-же я принялась за новую большую работу „О преломленіи свѣта въ кристаллахъ“. Вообще въ математикѣ на

самостоятельныя изслѣдованія, въ большинствѣ случаевъ, приходится наталкиваться путемъ чтенія мемуаровъ другихъ ученыхъ. Такъ и я была наведена на эту тему изученіемъ работъ французскаго физика Lamé.

Моя работа была доведена до конца въ 1883 г. и произвела нѣкоторое впечатлѣніе въ математическомъ мірѣ, такъ какъ вопросъ о преломленіи свѣта далеко еще не достаточно разъясненъ: я-же разсмотрѣла его съ другой, совершенно новой, точки зрѣнія.

Этотъ свой мемуаръ я помѣстила въ 1884 г. въ молодомъ, начавшемъ только съ 1882 года свое существованіе, журналѣ „Acta Mathematica“. Хотя „Acta“ и издаются въ Швеціи, но тѣмъ не менѣе это изданіе вполнѣ международное, такъ какъ оно получаетъ субсидію не только отъ шведскаго короля но и отъ иностранныхъ государствъ, въ томъ числѣ отъ французскаго правительства, а также отъ Германіи, Даніи и Финляндіи. Въ настоящее время (1890 г.), по ученому значенію, это одинъ изъ самыхъ крупныхъ математическихъ журналовъ. Въ немъ состоятъ сотрудниками самые выдающіеся ученые всѣхъ странъ и затрогиваются самые, такъ сказать, жгучіе вопросы, которые всего болѣе привлекаютъ вниманіе современныхъ математиковъ. При этомъ часто бываетъ, что однимъ и тѣмъ-же вопросомъ занимаются нѣсколько человѣкъ заразъ. Вообще условія изданія серьезнаго математическаго журнала совсѣмъ иныя, чѣмъ другихъ періодическихъ изданій. Поэтому и „Acta Mathematica“ выходятъ въ свѣтъ не въ заранѣе опредѣленные сроки, а по мѣрѣ того, какъ накопляется матеріалъ, назрѣваютъ новые вопросы и являются ихъ рѣшенія. Обыкновенно въ годъ выходитъ два тома.

Кромѣ моей работы „О преломленіи свѣта въ кристаллахъ“, въ „Acta Mathematica“ помѣщены и нѣкоторыя другія мои статьи, въ томъ числѣ, въ 1883 году, тамъ напечатана вторая изъ представленныхъ мною еще въ 1874 г. въ Геттингенскій университетъ диссертація „О приведеніи нѣкотораго класса Абелевыхъ функцій къ функціямъ эллиптическимъ“.

Всѣ мои ученые труды написаны на нѣмецкомъ или на французскомъ языкахъ. Я владѣю ими наравнѣ съ роднымъ русскимъ. Но въ математическихъ работахъ языкъ играетъ весьма несущественную роль. Тутъ главное—содержаніе, идеи и понятія, а

затѣмъ, для выраженія ихъ у математиковъ существуетъ свой языкъ—это формулы.

Въ началѣ 1880-хъ годовъ въ Швеціи сталъ развиваться недавно основанный тамъ Стокгольмскій университетъ. Въ эту пору я была уже достаточно извѣстна въ математическомъ мірѣ какъ своими работами, такъ и чрезъ личное знакомство почти со всѣми выдающимися европейскими математиками. Особенно часто приходилось мнѣ встрѣчаться и въ Берлинѣ и въ Парижѣ съ главнымъ математикомъ и нынѣшнимъ ректоромъ Стокгольмскаго университета, профессоромъ Миттагъ Лефлеромъ, однимъ изъ лучшихъ учениковъ нашего общаго учителя Вейерштрасса.

И вотъ въ 1883 году меня пригласили въ Стокгольмъ читать лекціи математики. По поводу этого я хочу сказать нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія молодаго Стокгольмскаго университета.

До тѣхъ поръ въ Швеціи былъ древній университетъ въ Упсалѣ, существующій уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Онъ страдаетъ тѣми-же недостатками, которые замѣчаются почти во всѣхъ старыхъ университетахъ въ маленькихъ городахъ. Въ нихъ жизнь какъ будто застыла и все осталось въ томъ-же видѣ, какъ было нѣсколько столѣтій тому назадъ. Профессора живутъ тамъ совершенно замкнутою, почти средневѣковою жизнью, которая мало способствуетъ развитію новыхъ плодотворныхъ идей. При этомъ неизбѣжнымъ образомъ является, какъ и въ русскихъ провинціальныхъ университетахъ, нѣкоторое кумовство, и профессора тянутъ другъ друга за руку.

Во избѣжаніе всего этого, стала ощущаться потребность въ призывѣ новыхъ силъ, и общественное мнѣніе, которое въ Швеціи имѣетъ весьма большое значеніе, стало требовать основанія университета въ столицѣ. Хотя въ Швеціи жизнь вообще чрезвычайно проста, но тамъ есть много богатыхъ людей, которые охотно жертвуютъ крупныя суммы на общественныя дѣла. Лишь-бы было сочувствіе въ обществѣ, а средства найти легко. Этотъ фактъ невольно поражаетъ всякаго иностранца, пріѣзжающаго въ Швецію. Почти о всякомъ тамошнемъ учрежденіи приходится слышать, что оно возникло на частныя пожертвованія. То-же было и съ Стокгольмскимъ университетомъ. Въ числѣ причинъ, заставлявшихъ желать учрежденія новаго университета,

немаловажное мѣсто занимало также и неудобство для многихъ семействъ, живущихъ въ Стокгольмѣ, посылать молодыхъ людей, сравнительно довольно далеко отъ себя, въ Упсалу. Такимъ образомъ, сперва дѣло имѣло чисто индивидуальный характеръ. Нѣсколько лицъ соединились и общими силами стали собирать необходимыя средства. Но затѣмъ, когда общественное мнѣніе стало высказываться сильнѣе, то и правительство, а главнымъ образомъ городская дума—рѣшили принять участіе въ общемъ дѣлѣ и постановили принять на себя половину всѣхъ необходимыхъ расходовъ. При этомъ, однако, правительство не взяло на себя роли распорядителя судьбою будущаго университета, и вопросъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ развиваться, былъ предоставленъ самому обществу.

Съ самаго начала за основную идею было принято, что университетъ долженъ быть свободенъ. За образецъ были взяты нѣмецкіе университеты, въ которыхъ преподаваніе ведется совершенно свободно. Тамъ, напримѣръ, для слушанія лекцій совсѣмъ не требуется представленія документовъ. Впослѣдствіи, для полученія степени доктора, надо представить различные документы; но слушать лекціи можетъ безпрепятственно всякій, внеся за это извѣстную установленную плату. При этомъ къ слушанію лекцій допускаются и женщины, на совершенно одинаковыхъ правахъ съ мужчинами.

Экзамены, имѣющіе повсемѣстно такое важное значеніе, здѣсь не обязательны. Къ тому-же, въ настоящее время самъ университетъ не достигъ еще полнаго своего состава (пока открыты только два факультета) и до этого не имѣетъ права выдавать ученыхъ степеней.

Преподаваніе не дѣлится, подобно тому какъ въ Россіи, на курсы съ опредѣленною программою, а дѣло ведется примѣнительно къ контингенту слушателей. Часто къ намъ пріѣзжаютъ, чтобы слушать лекціи и пользоваться совѣтами профессоровъ,—и такими слушателями мы всего болѣе дорожимъ,—лица, бывшія уже въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже получившія ученыя степени, напримѣръ, въ Упсалѣ, Лундѣ. Много молодыхъ людей пріѣзжаютъ также изъ Финляндіи; изъ нихъ нѣкоторые кандидаты гельсингфорскаго университета, и даже нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ учениковъ были финляндцы.

Учебный годъ распадается на два семестра, раздѣленныхъ другъ отъ друга каникулами. За нѣсколько времени до начала каждаго семестра, мы, профессора, собираемся и обсуждаемъ какія лекціи назначить на предстоящій семестръ.

Въ настоящее время въ стокгольмскомъ университетѣ насчитывается свыше 200 слушателей, мужчинъ и женщинъ. Изъ этого числа въ прошломъ году около $^1/_3$ принадлежали къ лучшимъ шведскимъ фамиліямъ. Вообще, наша университетская молодежь великолѣпная, и отношенія студентовъ между собою и къ профессорамъ самыя задушевныя.

Многіе изъ нашихъ бывшихъ учениковъ уже принялись за самостоятельную дѣятельность. Такъ, двое состоятъ доцентами въ гельсингфорскомъ университетѣ, а одинъ читаетъ лекціи въ высшемъ техническомъ училищѣ. Также одна наша ученица получила мѣсто преподавателя въ старшихъ классахъ мужской гимназіи и теперь даетъ уроки 15—16 лѣтнимъ юношамъ.

Въ первое время, послѣ моего пріѣзда въ Швецію, я предложила на выборъ читать лекціи по-нѣмецки или по-французски. Большинство слушателей пожелало, чтобы я читала по-нѣмецки. Но черезъ годъ я уже была въ состояніи читать лекціи по-шведски. Это не представило для меня особенныхъ трудностей, такъ какъ по пріѣздѣ я сразу попала въ шведское общество и стала брать уроки шведскаго языка.

На первыхъ порахъ я была приглашена въ качествѣ доцента. Но менѣе чѣмъ черезъ годъ меня назначили ординарнымъ профессоромъ, которымъ я и состою съ 1884 года. Кромѣ чтенія лекцій на мнѣ лежитъ также обязанность участвовать въ засѣданіяхъ совѣта, и я имѣю право голоса наравнѣ съ прочими профессорами. Жалованье ординарному профессору у насъ полагается 6,000 кронъ въ годъ. (Крона немного больше германской марки: 700 кронъ = 1,000 франковъ). Я читаю четыре лекціи въ недѣлю, т. е. два дня по два часа подъ-рядъ. Такъ какъ я излагаю очень спеціальные вопросы, то слушателей у меня не особенно много: человѣкъ 17—18.

За годъ моего пребыванія въ Швеціи я много и серьезно работала. Между прочимъ, тамъ я написала самую важную изъ моихъ математическихъ работъ, за которую получила премію отъ парижской академіи наукъ. Въ этой работѣ я изслѣдовала

вопросъ „О движеніи твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки, подъ вліяніемъ силы тяжести". Онъ имѣетъ весьма большое значеніе и, между прочимъ, обнимаетъ собою теорію маятника. Въ то-же время, это одинъ изъ самыхъ, такъ сказать, классическихъ вопросовъ въ математикѣ. Къ его рѣшенію прилагали усилія величайшіе умы, въ томъ числѣ Эйлеръ, Лагранжъ и Пуассонъ. Но, не смотря на это, онъ еще далеко не рѣшенъ вполнѣ, и мы знаемъ только немного случаевъ, для которыхъ найдено вполнѣ строгое его математическое рѣшеніе. Вообще въ исторіи математики можно указать на не много вопросовъ, которые, подобно этому, заставляли-бы такъ сильно желать своего рѣшенія и къ которымъ было-бы приложено столько-же лучшихъ силъ и упорнаго труда, не приводившихъ, въ большинствѣ случаевъ, къ существеннымъ результатамъ. Не даромъ среди нѣмецкихъ математиковъ онъ носитъ названіе „Die mathematische Nixe!"

Эта задача всегда сильно меня интересовала, и я уже съ давнихъ поръ, чуть-ли не со временъ своего студенчества, стала пробовать надъ нею свои силы. Но долгое время всѣ мои труды оставались безплодными и только въ 1888 г. усилія мои увѣнчались успѣхомъ. Поэтому можно себѣ представить, какъ я была счастлива, когда, наконецъ, мнѣ удалось достигнуть дѣйствительно крупнаго результата и сдѣлать въ рѣшеніи столь труднаго вопроса важный шагъ впередъ.

Въ томъ-же 1888 году парижская академія наукъ назначила конкурсъ на соисканіе преміи, которая должна была быть выдана за лучшее сочиненіе на тему „О движеніи твердаго тѣла". При этомъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ сочиненіи были усовершенствованы или дополнены въ какомъ-либо существенномъ отношеніи добытыя до настоящаго времени знанія въ этой области механики.

Въ то время я уже достигла главныхъ результатовъ моей работы. Но пока они были еще только у меня въ головѣ. А такъ какъ вопросъ, который я рѣшила, вполнѣ подходилъ къ заданной парижскою академіею темѣ, то я еще съ бо́льшимъ усердіемъ принялась за работу, чтобы успѣть къ назначенному сроку привести въ порядокъ весь матеріалъ, разработать детали и написать это сочиненіе.

Когда все это было благополучно окончено, я послала свою рукопись въ Парижъ. При этомъ, по условіямъ конкурса, она должна была быть послана анонимно, т. е. я написала на ней девизъ, и затѣмъ приложила къ ней запечатанный конвертъ, внутри котораго было мое имя, а сверху надписала тотъ-же девизъ. Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ представленныхъ работъ, авторы ихъ оставались неизвѣстными.

Результаты превзошли мои ожиданія. Всѣхъ работъ было представлено около 15-ти, но достойною преміи была признана моя. Но этого мало. Въ виду того, что та-же тема задавалась уже три раза подъ-рядъ, и каждый разъ оставалась безъ отвѣта, а также вслѣдствіе важности достигнутыхъ мною результатовъ, академія постановила назначенную первоначально премію въ размѣрѣ 3,000 франковъ увеличить до 5,000 франковъ. Послѣ этого былъ вскрытъ конвертъ и всѣ узнали, что я авторъ этого труда. Меня сейчасъ-же увѣдомили, и я поѣхала въ Парижъ, чтобы присутствовать на назначенномъ по этому поводу засѣданіи академіи наукъ. Меня приняли чрезвычайно торжественно, посадили рядомъ съ президентомъ, который сказалъ лестную рѣчь, и вообще я была осыпана почестями.

Какъ я уже сказала раньше, я поселилась въ Швеціи съ 1883 года, и за это время такъ освоилась съ тамошнею жизнью, что чувствую себя тамъ какъ дома. Стокгольмъ очень красивый городъ и климатъ въ немъ довольно недуренъ, только весна бываетъ непріятна.

У меня большой кругъ знакомыхъ и мнѣ приходится часто бывать въ обществѣ. Даже ѣзжу ко двору.

Что касается шведскаго общества, то я должна сказать, что образованная часть его мало отличается отъ общества петербургскаго; но если взять все общество, то въ Швеціи оно стоитъ, конечно, неизмѣримо выше, чѣмъ въ Россіи.

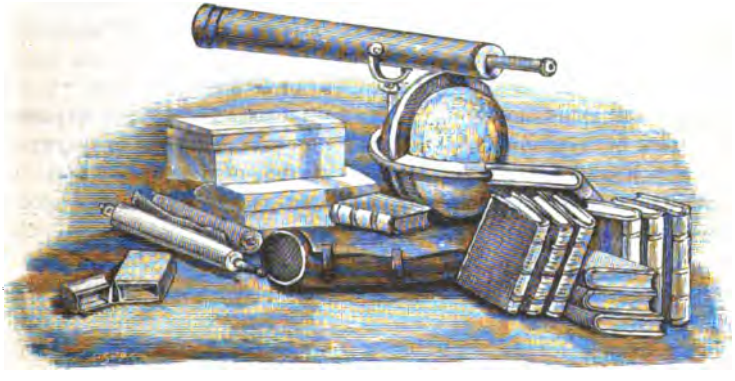
Отличительная черта шведовъ — чрезвычайное добродушіе и мягкость, которыя развились у нихъ, я думаю, потому, что въ ихъ исторіи никогда не было гнета. У нихъ, правда, существуютъ партіи, но борьба ихъ принимаетъ мягкія формы: какъ-то не замѣчаешь желанія насолить другъ другу. Всего яснѣе проявляется національный характеръ въ отношеніяхъ Швеціи къ Норвегіи. Первая въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ уступки

послѣдней, такъ что Норвегія, которая нѣкогда была присоединена къ Швеціи, въ настоящее время признана во всѣхъ отношеніяхъ равноправною.

Король Оскаръ милый и образованный человѣкъ. Въ молодости своей онъ посѣщалъ университетскія лекціи и теперь еще обнаруживаетъ извѣстный интересъ къ наукѣ, хотя я и не порусь за глубину его знаній. Лично съ университетомъ онъ не имѣетъ ничего общаго, но очень сочувствуетъ ему и весьма дружелюбно относится къ профессорамъ вообще и въ частности ко мнѣ. Въ политическомъ отношеніи онъ проявляетъ общія всѣмъ шведамъ черты: мягкость и уступчивость. Такъ, напримѣръ, въ послѣдней, такъ называемой, министерской исторіи, когда произошли по нѣкоторымъ дѣламъ разногласія между королемъ и министерствомъ, и кончились тѣмъ, что уступилъ король.

С. В. Ковалевская,
рожден. Корвинъ-Круковская.

29-го мая 1890 г. Спб.



Денбей, первый японецъ въ Россіи.,

въ 1701 — 1710 гг.

По поводу помѣщенной въ X-й книгѣ изданія „Русской Старины“ 1891 г („Русская Старина“, т. LXXII, октябрь, стр. 10—24) интересной монографіи Н. Н. Оглоблина: „Первый японецъ въ Россіи“, привожу изъ архива Спб. Артиллерійскаго историческаго музея—два письма, именно изъ переписки 1710 года генералъ-фельдцейхмейстера Я. В. Брюсса съ оберъ-комиссаромъ приказа артиллеріи Ефимомъ Зыбинымъ; вотъ они въ спискѣ съ подлин никовъ:

„Прежде сего — писалъ отъ 29 сентября Брюсъ Зыбину [1]) — былъ и нашихъ словесныхъ школахъ китаецъ, котораго ради онаго ученія отдалъ Виніусъ, и нынѣ гдѣ оный, о томъ отписать“.

Въ отвѣтъ на запросъ Якова Вилимовича, Зыбинъ, спустя два мѣсяца, отписывалъ слѣдующее:

„Въ словесныхъ школахъ китаецъ, котораго, ради ученья, отдалъ Виніусъ, нынѣ его нѣтъ, а, по справкѣ въ приказѣ артиллеріи, былъ въ школѣ Апонскаго (sic) государства татаринъ именемъ Денбей; а какъ онъ былъ, и ему кормовыя деньги даваны всегда съ Сибирскаго приказу по 10 денегъ на день. Только оный въ приказъ артиллеріи сысканъ и сказалъ: какъ-де онъ грамотѣ и писать въ тѣхъ школахъ выучился и въ 707-мъ году взялъ его князь Матвѣй Петровичъ [2]) къ себѣ на дворъ, и ему, съ того числа, въ школу ходить не велѣлъ, для того что онъ словесной грамотѣ и писать выучился. И въ нынѣшнемъ 710 году, какъ былъ на Москвѣ царское величество, и онъ билъ челомъ объ отпускѣ въ свою землю, и отпустить его не приказалъ, а приказалъ князю Матвѣю Петровичу его окрестить, и нынѣ его окрестили и зовутъ его Гавриломъ, а жалованье ему дается изъ Сибирскаго приказу“ [3]).

Сообщ. Д. П. Струковъ.

---

[1]) Д. Шт. г. ф., св. 13, л. 798 (пагинація современная дѣлу.)

[2]) Гагаринъ.

[3]) Дѣла Шт. г. ф., св. 13, л. 818. Ibid... Бранденбургъ. Матеріалы къ исторіи артил. управленія въ Россіи, примѣч. № 247.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ЩЕРБАТОВЪ.

Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ [1]).

I.

Monsieur. Je compté les pages du Livre Czarien, et je trouvé qu'il contient 1366 pages en tous, dont il n y a que 92 qui sont sans estampes, de sortes qu'il faut comper 1974 estampes, c'est ce que j'ai l'honneur de vous dire, étant persudé que vous voudrié bien m'aider dans cette penible ouvrage; en quoi vous fairez un bien fait et à la Republic des lettres et obligerez celui qui est avec respect, Monsieur, Vôtre tres obeissant serviteur Michel P. de Scherbatowo.

Внизу помѣта рукою Штелина: 1366 pages — 683 feuilles.

Примѣчаніе. Въ этомъ письмѣ говорится объ извѣстномъ лѣтописномъ сборникѣ, хранящемся въ московской синодальной библіотекѣ и украшенномъ множествомъ картинъ. „Царственная книга“ была издана княземъ М. М. Щербатовымъ въ 1769 г. Л. М.

II.

Dimanche, ce le 12 d'aoust.

Monsieur, les comites assemblés avant hier ont resolut de porter nardys prochain chez le general Procureur les projets des medailles leja faites, et ont choisi pour les Porter vous et moi; si vous voulez conferer sur cela avec moi, j'ai l'honneur de vous avertir que je dine aujourd'hui au logis et si vous avez quelque empechement alors je

[1]) Подлинники этихъ писемъ хранятся въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Правописаніе подлинниковъ сохранено.

vous prie de m'attendre mardys puisque je viendrai vous prendre. Cependant il me parai qu'il aurait été necessaire que nous puissions avoir un entretient avant ce tems. aureste je m'abandonne a vôtre prudence ayant l'honneur d'être avec la plus parfaite consideration. Monsieur, Vôtre tres humble serviteur le Prince de Scherbatowo.

Примѣчаніе. Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о проектѣ русскихъ историческихъ медалей, для изготовленія которыхъ были образованы два комитета, и въ нихъ участвовали князь М. М. Щербатовъ и Я. Я. Штелинъ. Слѣдующее письмо касается тѣхъ же комитетовъ. Л. М.

III

Moscou, ce le 28 de mars 1775.

Monsieur. Sortant d'une grave et dangereuse maladie qui etoit la colique spasmodique, je prend la premiere fois la plume pour vous ecrire, qu'ayant reçût votre lettre du 12 de ce mois, je aussitôt avertit m-r Rimbert de remettre les livres et les autres choses qui seront adressées et qui se trouveront dans la caisse que M-r le Docteur Sanchez m'anvoye, et vous le recevrai surement. Ma faiblesse ne me permet point de prolonger ma lettre, je vous dirai seulement que ne nous etant pas assemblé avec m-r Cheraskow nous n'avons rien fait et au reste j'ai l'honneur d'être avec respect, Monsieur, vôtre tres humble serviteur Michel Prince de Scherbatowo.

IV.

Moscou, ce le.... de juillet 1785.

Monsieur Je eut l'honneur de recevoir vôtre lettre dattée du 30 de Juin par la quelle vous m'oppinée la mort de M-r Votre pere. Je puis vous assurer, monsieur, que mes regrets en apprenant cette triste nouvelle on étaient proportionné a ses merites, les long services qu'il a rendu à la Russie et surtout à l'amitié dont il ma honoré; mais comme tel est le sort de la nature humaine, qu'il faut qu'apres avoir aparut dans le monde chaque être s'accite de se devoir commun, je ne peut que vous faire mes compliment de condoleance, ainsi q' madame vôtre mere, et de vous prier, Monsieur, d'avoir la bonté de m continuer cette amitié que feu M-r Votre pere ma toutjours temoign vous assurant de mon coté que tant par la consideration de cet amitié si longtems sans interruption continuée, que feu M-r de Stehl ma toujour témoigné, que de vos propres merites, je serai flatté d cultiver vôtre bien veillance.

Je ne peut que vous faire Monsieur mes tres humbles remerciement lu soins que vous avez prit dans d'aussi tristes circonstances de retirer ma paccotille de la douane, et du promesse que vous me faite le l'envoyer par la premiere poste pesante; mais jusqu'a present je ne les ai pas encore recut, ainsi je prend la liberté de vous prier de vouloir bien m'expedier au plutot cette Pacotille, et de me marquer en meme temps la depance que vous avez fait en cette occasion pour vous rembourser inssessament J'espere tout de vôtre bien veillance et que vous voudrié bien finir vos obligations. Au reste je suis avec la plus parfaite consideration, Monsieur. Vôtre tres humble serviteur Michel Prince de Scherbatowo.

Примѣчаніе. Я. Я. Штелинъ умеръ въ Петербургѣ 25-го іюня 1785 г.
Л. М.

V.

Monsieur. Je eut l'honneur de recevoir votre lettre avec le compte de depense que vous avait fait, pour m'expedier la petite pacotille qui vous fût adressée a Paris et je me depeche (etant sur mon depart pour Vladimir) de vous faire mes tres humbles remerciment, et de vous envoyez la somme que vous avez depensé, ce qui fait dix roubles, en mettant cy inclus un imperiale, au reste je l'honneur d'être avec la parfaite consideration, Monsieur, Vôtre tres humble serviteur Michel de Scherbatowo.

Сообщ. 10-го сентября 1871 г. **Л. Н. Майковъ.**

[Переводъ].

I.

Милостивый государь, я сосчиталъ страницы Царственной книги и нашелъ, что она содержитъ всего 1,366 страницъ, изъ коихъ только 92 безъ картинъ, такъ что надобно считать 1,974 картины; честь имѣю довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, будучи убѣжденъ въ томъ, что вы не откажете помочь мнѣ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, оказавъ тѣмъ самымъ благодѣяніе ученому сословію и сдѣлавъ одолженіе тому, который съ совершеннымъ почтеніемъ остается, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Михаилъ кн. Щербатовъ.

II.

Воскресенье, 12-го августа.

Милостивый государь, комитеты, созванные третьяго дня, положили представить будущій вторникъ генералъ-прокурору изготовленные уже проекты медалей и избрали для этого представленія васъ и меня; ежели вы желаете переговорить по этому поводу со мною, то честь имѣю увѣдомить васъ, что я обѣдаю сегодня дома, а ежели вамъ встрѣтится какая-либо помѣха (посѣтить меня), то я прошу васъ обождать меня во вторникъ, такъ какъ я заѣду за вами. Однако, мнѣ кажется, намъ было-бы необходимо побесѣдовать раньше этого дня; впрочемъ, я полагаюсь на вашу предусмотрительность, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга князь Щербатовъ.

III.

Москва, 28-го марта 1775 г.

Милостивый государь, едва оправившись отъ тяжелой и опасной болѣзни—судорожныхъ спазмовъ въ желудкѣ, я берусь въ первый разъ за перо, чтобы извѣстить васъ, что, получивъ ваше письмо отъ 12-го числа сего мѣсяца, я тотчасъ увѣдомилъ г. Ремберта, чтобы онъ передалъ (вамъ) книги и прочія вещи, которыя будутъ (вамъ) адресованы и будутъ находиться въ ящикѣ, препровождаемомъ мнѣ докторомъ Санхецомъ; вы получите ихъ въ цѣлости. Слабость не дозволяетъ мнѣ продолжать это письмо; сообщу вамъ только, что такъ какъ мы не видѣлись съ г. Черкасовымъ, то мы ничего не сдѣлали; впрочемъ, честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Михаилъ князь Щербатовъ.

IV.

Москва, ? іюля 1785 г.

Милостивый государь, я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 30-го іюня, въ которомъ вы извѣщаете меня о кончинѣ вашего батюшки. Могу васъ увѣрить, милостивый государь, что я былъ опечаленъ этимъ горестнымъ извѣстіемъ, какъ того заслуживали личныя качества покойнаго, его многолѣтнее служеніе на пользу Россіи и въ особенности то дружеское расположеніе, какимъ онъ удостоивалъ меня; но такъ какъ такова судьба человѣчества, что, появившись на свѣтъ, каждый изъ живущихъ долженъ подчиниться этой общей участи, то я могу лишь выразить вамъ и матушкѣ вашей мое искреннее соболѣзнованіе и прошу васъ, милостивый государь, относиться ко мнѣ съ тѣми-же дружескими чувствами, какія постоянно выказывалъ мнѣ покойный вашъ батюшка; со своей стороны я могу васъ увѣрить, что во уваженіе той многолѣтней и неизмѣнной дружбы, какую всегда оказывалъ мнѣ покойный г. Штелинъ, и вашихъ собственныхъ достоинствъ, мнѣ будетъ пріятно сохранить ваше благорасположеніе.

Мнѣ остается только принести вамъ, милостивый государь, мою глубо-
чайшую признательность за то, что, не смотря на столь грустныя обстоя-
тельства, вы озаботились получить мои вещи изъ таможни: а также за ваше
обѣщаніе переслать мнѣ ихъ съ первою тяжелою почтою; но я до сихъ поръ
не получилъ ихъ, поэтому осмѣливаюсь просить васъ выслать мнѣ эту посылку
какъ можно скорѣе, сообщивъ мнѣ въ то-же время, сколько вамъ пришлось
истратить по этому случаю, чтобы я могъ немедленно возвратить вамъ издер-
жанное. Я вполнѣ полагаюсь на вашу благосклонность и полагаю, что вы
пожелаете исполнить обѣщанное вами. Впрочемъ, съ совершеннымъ почте-
ніемъ, честь имѣю быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга
Михаилъ князь Щербатовъ.

V.

Милостивый государь, я имѣлъ честь получить ваше письмо со счетомъ
произведенныхъ вами издержекъ по отправленію маленькой посылки, адре-
сованной вамъ въ Парижъ; спѣшу (будучи на отъѣздѣ во Владиміръ) при-
нести вамъ мою глубочайшую благодарность и выслать вамъ истраченные
вами десять рублей, прилагая при семъ на этотъ случай одинъ имперіалъ;
впрочемъ, честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ, вашъ, милостивый
государь, покорнѣйшій слуга Михаилъ Щербатовъ.

Перев. В. Т.

МЕЛОЧИ САТИРИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ

XIX вѣкъ [1]).

I.

Наполеоновъ бостонъ.

Наполеонъ, открывъ любимый свой бостонъ,
Обетилъ всѣхъ почти, а самъ взошелъ на тронъ;
Но, лѣвою схватясь за царскій скиптръ рукою,
Онъ принужденъ держать колоду картъ другою,
Чтобъ тѣмъ финансы всѣхъ къ своимъ рукамъ прибрать
И славу игрока потомкамъ передать.
Чтобъ всѣхъ обечивать, брать взятку безъ расчету—
Вотъ правило игры, извѣстной нынѣ свѣту.
Сначала игранъ былъ въ Египтѣ сей бостонъ,
Въ которомъ рисковалъ чрезъ-чуръ Наполеонъ.
Играя гранъ-мизеръ, онъ ставилъ бетъ за бетомъ
И чуть игру свою не кончилъ тутъ расчетомъ.
Но, видя предъ собой ужасной бездны край,
Онъ небо промѣнялъ на Магометовъ рай:
Началъ неправильно брать на ренонсахъ призы
И средствомъ симъ успѣлъ сыграть свои ремизы.
Потомъ въ Италіи великій сей игрокъ
Игралъ, какъ и вездѣ на деньги, на мѣлокъ:
Но болѣе всего надѣялся на сюры,
Масть въ руки подбиралъ и снашивалъ фигуры,
А наконецъ уже открылъ и короля,
Чтобъ призою ему досталася земля.
Въ Германіи ему игру всю уступали,
Въ простыхъ и безъ онеръ бостонъ играть давали.
Ну, словомъ—тутъ ему вистъ совершенный былъ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ мелочей появлялись въ печати (между прочимъ и въ „Русской Старинѣ“); мы ихъ помѣщаемъ въ виду замѣчательно большой распространенности въ первой четверти XIX-го вѣка въ многочисленныхъ спискахъ и сборникахъ, а также и потому, что нѣкоторыя строки представляютъ въ нихъ разночтенія съ другими списками, бывшими въ печати.
Ред.

И не смотря на то, онъ игрокомъ прослылъ;
Однако скрыть того никакъ не могъ предъ свѣтомъ,
Что призы бралъ онъ тамъ и дамой, и валетомъ.
Въ Испаніи всегда несчастливо игралъ,
Затѣмъ что въ сей землѣ никто не вистовалъ,—
Хоть короля поддѣлъ, хоть сдѣлалъ новы сюры,
Но масти разошлись, и разошлись фигуры:
Худой бостонъ—какъ нѣтъ ни масти, ни фигуръ,
Сто бетовъ можно тутъ въ одинъ поставить туръ.
Вотъ отчего игра на долго завязалась,
И трудно вѣрить, чтобъ безъ бетовъ разыгралась.
А въ Римѣ съ папою безъ риску, безъ хлопотъ
Наполеонъ сыгралъ двѣнадцать и шапо;
Но счастливо игралъ и папа въ первы туры,
Какъ въ руки шли къ нему и масти, и фигуры.

Наполеонъ, возмнивъ, что онъ—большой игрокъ,
Пошелъ на Русь играть, взялъ карты и мѣлокъ.
Но коренной Русакъ, всегда въ сюрахъ игравшій,
Надѣлалъ чудеса, колоду въ руки взявши;
Другой Русакъ подвелъ, воспользуясь рукой,
Наполеоновы фигуры подъ убой;
А третьему изъ нихъ тогда достались въ призы
Наполеоновы и марки, и ремизы,—
И такъ свели въ Руси Наполеона въ бетъ,
Что нынѣ и всегда дивиться будетъ свѣтъ.
Но какъ Наполеонъ въ игрѣ сей разсчитался,
То ужасъ всѣхъ объялъ: онъ голъ, какъ перстъ остался!
Тутъ проигралъ онъ все: казну, людей, багажъ,
Фурлетовъ, лошадей и весь свой экипажъ.
Герои русскіе въ игрѣ сей знаменитой
Заставили его играть мизеръ открытый;
Пришлось теперь ему не скиптръ держать, а хлыстъ
И не надѣяться впередъ на русскій вистъ.

Яковъ Пожарскій.

II.

Къ Вязмитинову.

Блаженъ, кто съ Лукинымъ сердитымъ не встрѣчался,
И съ Ломоносовымъ кто въ карты не игралъ!
Блаженъ, кто никогда въ актрису не влюблялся,
Чрезъ Пукалову кто фортуны не искалъ!

Блаженъ—не знаетъ кто гражданскія палаты,
И вовсе у кого нѣтъ спорныхъ дѣлъ!

Блаженъ—Извѣкова кто стряпчимъ не имѣлъ,
И кто въ полиціи не служивалъ изъ платы!

Блаженъ, кто прожилъ вѣкъ, не зная кредиторовъ,
И не былъ никогда подъ бременемъ долговъ!
Блаженъ, кто цѣлъ и здравъ достигнулъ до маіоровъ,
Блаженъ—кого судьба избавила роговъ.

Блаженъ—чей лирою Балуцкій восхитится,
Блаженъ—съ Нарышкина кто деньги получилъ,
Блаженъ, кто съ Пестелемъ нашелъ секретъ ужиться,—
Сто кратъ блаженнѣй кто съ нимъ вовсе не служилъ!

Но всѣхъ блаженнѣе—въ томъ смѣло увѣряю—
Сегодня ты, мой другъ, достопочтенный Клитъ:
Съ утра я у тебя гощу и замѣчаю,
Ни разу ты еще женою не былъ битъ.

III.

Н. А. Полевой.

Однажды попугай простой,—
Вѣдь есть и не простые,
Ученые и дорогіе,
А это неучь полевой—
Напалъ на пѣвчихъ птицъ,
И ну кричать, и ну свистать,
Чтобъ только заглушить ихъ пѣнье;
Пѣть не умѣлъ—такъ чѣмъ-нибудь да взять.
Но птицы дерзкаго презрѣли
И къ удовольствію прохожихъ громко пѣли.
Такъ точно самохвалъ иной,
Какъ попугай нашъ полевой,
Кричитъ, да свищетъ безъ умолку,—
А что въ немъ толку?

Сообщено въ архивъ „Русской Старины“ въ 1871 г.

FONTON-DE-VERRAILLON.

Въ сентябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1891 г., на стр. 476, помѣщена, подъ заглавіемъ „Fonton-de-Verraillon“, замѣтка относительно опечатки, вкравшейся на стр. 440-й майской книги того-же журнала, въ статьѣ о Т. Г. Шевченко.

Тамъ, состоявшій въ 1854 году начальникомъ штаба оренбургскаго отдѣльнаго корпуса названъ „Фонтанъ-де-Верройонъ.

Замѣтка въ сентябрьской книгѣ гласитъ, что слѣдуетъ читать „Фонтонъ-де-Веральонъ“.

Это совершенно вѣрно, равно какъ и то, что Верральоны были французскими эмигрантами. Я зналъ двоихъ изъ нихъ, — отца и сына. Женатъ-ли былъ отецъ на русской, не помню, но до 1830 г онъ слылъ отличнымъ хозяиномъ въ одной изъ нашихъ западныхъ, если не ошибаюсь, въ Смоленской губерніи, былъ тамъ уѣзднымъ (кажется, Духовщинскимъ) предводителемъ и, какъ ни отдаленны эти воспоминанія, я какъ теперь вижу на немъ Владимірскій крестъ, о которомъ мнѣ тогда-же растолковали, что онъ получилъ его за три трехлѣтія въ званіи предводителя. Этотъ де-Верральонъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ и, пріѣзжая въ Петербургъ, всегда навѣщалъ его. Сына его звали Михаиломъ Львовичемъ; онъ былъ офицеромъ генеральнаго штаба и, состоя въ 1829 году при графѣ Киселевѣ въ Букарестѣ, женился на дочери валахскаго великаго ворника (министра внутреннихъ дѣлъ) Іордаки (Георгія) Филипеско, котораго я также зналъ лично въ 1850-хъ годахъ. Въ 1840-хъ годахъ де-Верральонъ служилъ генералъ-маіоромъ въ С.-Петербургѣ, въ генеральномъ штабѣ, а потомъ начальникомъ штаба въ Оренбургѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, любя фран-

цузскую игру словъ, въ шутку прозвалъ его призракомъ зеленыхъ лучей (fantôme des verts rayons).

Что-же касается до нашего посланника въ Румыніи, Николая Антоновича Фонтона и его предковъ, то они никогда не присоединяли къ своей фамиліи фамилію „де Верральонъ".

Поколѣніе Фонтоновъ, игравшихъ важную роль въ нашей дипломатіи въ XVIII и въ XIX столѣтіяхъ, родилось въ Константинополѣ. Тотъ изъ нихъ, который былъ первымъ драгоманомъ при баронѣ (впослѣдствіи графѣ) Г. А. Строгоновѣ, участвовалъ въ заключеніи гр. А. Ѳ. Орловымъ Адріанопольскаго трактата и кончилъ жизнь свою въ Одессѣ, гдѣ доживали тогда свой вѣкъ другіе два заслуженныхъ дипломата: А. С. Стурдза и Минчаки. Племянникъ этого Фонтона женатъ былъ на сестрѣ бар. А. П. Моренгейма онъ былъ въ 1850 г. совѣтникомъ россійскаго посольства въ Вѣнѣ, потомъ посланникомъ поочередно въ Ганноверѣ и во Франкфуртѣ на Майнѣ. Н. А. Фонтонъ есть представитель третьяго поколѣнія Фонтоновъ, никогда не именовавшихся де-Верральонами.

Все, что касается офиціальнаго положенія обѣихъ фамилій, легко можетъ быть провѣрено справками въ смоленскомъ или минскомъ депутатскомъ собраніи, въ главномъ штабѣ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Баронъ Ѳ. А. Бюдеръ.

Москва.
27-го сентября 1891 г.

Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій,

его могила въ Парижѣ

† 1881 г.

Лѣтомъ 1891 года, въ Хабаровкѣ на Амурѣ, въ присутствіи его императорскаго высочества Наслѣдника Цесаревича, воздвигнутъ памятникъ графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому. Постановка его, какъ извѣстно, есть дѣло рѣдкое, почти безпримѣрное въ Россіи, потому что монументъ сооруженъ исключительно на частныя средства, по благородному почину князя Михаила Сергѣевича Волконскаго и по усердію бывшихъ сотрудниковъ графа по присоединенію къ Россіи Амура. Тому же князю М. С. Волконскому принадлежитъ починъ и другаго дѣла на память объ Н. Н. Муравьевѣ, именно изданіе его біографіи, составленной И. П. Барсуковымъ.

Я не знаю, есть-ли на хабаровскомъ памятникѣ упоминаніе о времени и мѣстѣ кончины и погребенія графа Амурскаго, но въ книгѣ г. Барсукова нахожу лишь короткое извѣщеніе, что графъ Муравьевъ умеръ въ 1881 году, въ Парижѣ, и похороненъ на Монмартскомъ кладбищѣ. Вѣроятно, для современной русской публики этого и достаточно, благо Муравьевъ уже съ 1861 года, т. е. черезъ три года послѣ присоединенія Амура, сталъ въ Россіи ненужнымъ и бо̀льшую часть послѣднихъ двадцати лѣтъ своей жизни провелъ за-границею.

Но могутъ найтись и исключенія изъ общаго правила. Немногіе остающіеся въ живыхъ сотрудники Муравьева, кое-кто изъ современныхъ сибиряковъ и амурцевъ, при посѣщеніи Парижа, можетъ статься, захотятъ навѣстить могилу человѣка, который многое сдѣлалъ, если уже не для цѣлой Россіи, то для ихъ непосредственной

родины или мѣста ихъ дѣятельности. Вотъ для нихъ-то я и помѣщаю эти строки на страницахъ „Русской Старины".

Господа! Вы можете исходить все Монмартское кладбище и не найти тамъ могилы Муравьева,—у Бедекера и въ другихъ гидахъ объ ней вѣдь нѣтъ ни слова. Возьмете-ли справку въ конторѣ кладбища о мѣстѣ погребенія дорогаго вамъ человѣка. съ обозначеніемъ аллеи, ряда и номера могилы, опять по-напрасну. Такъ знайте, что у великаго русскаго человѣка, умершаго въ чужой землѣ, и могила чужая, а своей нѣтъ!.. Чтобы найти ее, придется вамъ остановиться предъ скромною, хотя и толстою надгробною плитою семейства Richemont [1]). порыться въ металлическихъ вѣнкахъ, ее прикрывающихъ, и тогда лишь найти въ одномъ углу нераздѣльнаго камня французскую надпись:

Nicolas Mourawieff
Comte Amoursky

Примите-же это къ свѣдѣнію, чтобъ не блуждать по кладбищу даромъ

М. И. Венюковъ.

[1]) А не Richemond, какъ у г. Барсукова Это родственники супруги Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго. **М. В**

Павелъ Андреевичъ Нарановичъ.

Изъ записокъ Н. Ѳ. Здекауера.

упустилъ упомянуть въ моихъ запискахъ [1]) о достойнѣйшемъ профессорѣ анатоміи и извѣстномъ хирургѣ, Павлѣ Андреевичѣ Нарановичѣ.

П. А. Нарановичъ, уроженецъ Черниговской губерніи, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ, первоначальное образованіе получилъ въ Черниговской семинаріи, а медицинское образованіе въ нашей-же академіи; здѣсь онъ окончилъ курсъ въ 1824 году, и затѣмъ состоялъ въ академіи прозекторомъ при каѳедрѣ анатоміи, занимаемой проф. И. Б. Буяльскимъ. Въ 1830 г. П. А. Нарановичъ былъ командированъ въ дѣйствующую армію, гдѣ въ сраженіяхъ подъ Минскомъ, Гроховомъ, Остроленкою, подъ Прагою и Варшавою перевязывалъ и оперировалъ многихъ нашихъ раненыхъ воиновъ.

Однажды, объѣзжая въ сумеркахъ, верхомъ, съ санитарнымъ конвоемъ, для подборки еще живыхъ раненыхъ, поле битвы Остроленское, П. А. Нарановичъ замѣтилъ, при свѣтѣ фонаря, среди груды мертвыхъ тѣлъ, одно изъ нихъ одѣтое въ военно-медицинскій мундиръ. Интересуясь узнать кто убитый врачъ, П. А. слѣзъ съ лошади и велѣлъ высвободить тѣло врача изъ-подъ покрывающихъ его труповъ и тутъ-же узналъ въ немъ, состоявшаго при храбромъ герцогѣ Евгеніи Виртембергскомъ, доктора медицины М. Б. Бульмеринга.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 117—135, май, стр. 361—378; LXXI, іюль, стр. 24

Къ великой радости своей, П. А. замѣтилъ, что мнимоумершій еще дышалъ, перевезъ его на свою квартиру и усердно занялся его леченіемъ. Бульмерингу, который всюду слѣдилъ за молодымъ герцогомъ, а слѣдовательно подвергался сильнѣйшему непріятельскому огню, ядро вырвало всѣ мягкія части надъ правою лопаткою и глубокій обморокъ отъ сильнаго кровотеченія подалъ поводъ къ тому, что его приняли за умершаго и оставили тамъ, гдѣ онъ былъ раненъ, замертво,—и если-бы не счастливая визитація Нарановича, то онъ-бы тутъ и скончался.

Самъ Бульмерингъ былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ врачей Россійской имперіи во врачебномъ спискѣ значился какъ генералъ-маіоръ и докторъ медицины. Состоя при старшемъ герцогѣ Виртембергскомъ (въ 1820-хъ годахъ), когда покойный герцогъ управлялъ вѣдомствомъ путей сообщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ естественной исторіи въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, д-ръ Бульмерингъ, какъ институтскій профессоръ, по волѣ государя Николая Павловича, былъ переименованъ въ военный чинъ, изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ полковники, затѣмъ, дослужившись до чина генералъ-маіора, оставилъ профессуру и вышелъ въ отставку, сохранивъ военный чинъ. Онъ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни посвятилъ себя всецѣло вопросу объ оспопрививаніи и оставилъ по этому предмету нѣсколько цѣнныхъ сочиненій. Въ 1866 году, мы, вмѣстѣ съ нимъ по высочайшему повелѣнію, укрощали сильную оспенную эпидемію въ Царскомъ Селѣ, описанную мною въ особомъ трактатѣ.

Въ 1836 г., по выдержаніи экзамена на степень доктора медицины и хирургіи, П. А. Нарановичъ былъ утвержденъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи, а въ 1844 г. ординарнымъ профессоромъ описательной анатоміи; въ 1858 г.—опредѣленъ лейбъ-хирургомъ къ высоч. Двору; въ 1867 г. назначенъ начальникомъ медико-хирургической академіи. Павелъ Андреевичъ Нарановичъ былъ въ числѣ первыхъ учредителей Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ и состоялъ членомъ Главнаго Управленія онаго до дня смерти. Онъ, сверхъ того, состоялъ непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета и многихъ ученыхъ обществъ, а также завѣдывалъ редакціею „Военно-медиц. Журнала“. съ 1842 г. по 1848 годъ.

Нарановичъ перевелъ анатомію Гемпеля, писалъ о болѣзняхъ костей, объ этеризаціи оперируемыхъ, объ экразерѣ Шассеніяка, объ изслѣдованіи глазъ посредствомъ зеркала, 1858 г. Замѣчанія о состояніи санитарной части въ прусской арміи, во время шлезвигъ-гольштин-

ской войны 1864 г., и Замѣчанія объ осмотрѣ клиникъ въ Берлинѣ и санитарной части въ Пруссіи, во время войны въ 1866 году.

Между мною, когда я былъ еще студентомъ младшаго курса, въ 1833 г., и почтеннѣйшимъ Павломъ Андреевичемъ произошелъ слѣдующій трагикомическій случай.

Рѣшившись посвятить себя изученію медицины я съ полнымъ рвеніемъ принялся за свои студіи. Главнымъ предметомъ въ 1-мъ курсѣ была анатомія; я заимствовалъ изъ довольно богатой медицинской библіотеки покойнаго отца моего нѣсколько лучшихъ въ то время руководствъ по анатоміи и знаменитыя таблицы Вебера. Купивъ себѣ хорошо сохраненный черепъ, я сталъ усердно заниматься краніологіею, изучивая въ мельчайшей подробности каждую кость черепа—я зналъ ихъ въ совершенствѣ, между тѣмъ профессоръ Буяльскій, при которомъ П. А. Нарановичъ тогда состоялъ прозекторомъ, кончилъ чтеніе всей остеологіи и поручилъ своему прозектору сдѣлать намъ первую полугодовую репетицію. Являюсь на эту злосчастную репетицію, беру билетъ и съ ужасомъ прочитываю на немъ слова „Os femoris“. По этому вопросу я только и зналъ, что это по латыни значитъ „бедренная кость“, положилъ билетъ, поклонился и сконфуженный отошелъ на свое мѣсто.

Послѣ репетиціи П. А. Нарановичъ выразилъ свое удивленіе по поводу моего незнанія такого нетруднаго вопроса, такъ какъ онъ меня постоянно видалъ на всѣхъ лекціяхъ проф. Буяльскаго. Когда я ему объяснилъ способъ моихъ студій по анатоміи, онъ улыбнулся, совѣтовалъ мнѣ при изученіи предмета не отставать отъ лекцій и сказалъ, что онъ меня черезъ двѣ недѣли отдѣльно спроситъ, а теперь не поставитъ никакой отмѣтки. Въ назначенный срокъ я прекрасно выдержалъ репетицію.

Заслуги П. А. Нарановича, по моему убѣжденію, значительно возвышались еще его замѣчательною скромностью.

Н. Ѳ. Здекауеръ.

Примѣчаніе. П. А. Нарановичъ умеръ въ Царскомъ селѣ 2-го января 1873 года; перечень его ученыхъ трудовъ изъ области медицины напечатанъ, между прочимъ, въ „Протоколахъ засѣданій Общества русскихъ врачей“ 1873 – 1874 гг., стр. 162 — 166. Помѣщаемъ вслѣдъ засимъ письмо къ П. А. Нарановичу отъ его достойнѣйшаго родителя, протоіерея о. Андрея, писанное въ 1824 году по поводу окончанія Павломъ Андреевичемъ академическаго курса и полученія имъ степени лекаря. Ред.

Протоіерей Андрей Нарановичъ—сыну своему Павлу.

5-го и 14-го сентября 1824 г.

Дражайшій сынъ мой, Павелъ Андреевичъ!

Чрезъ весь августъ мѣсяцъ нетерпѣливо ожидалъ я отъ тебя письма; тобою однимъ занимался я въ теченіе мѣсяца,—и сколь тягостна была мнѣ неизвѣстность будущаго!—часто находила на меня боязнь, часто восхищеніе; то воображалъ я, что ты будешь служить въ столицѣ – въ наибольшемъ свѣтѣ, будешь трудиться въ виду главнаго начальства, отъ котораго исходитъ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, то думалъ, что незнакомый почтарь, схвативъ тебя, потащитъ тебя на край свѣта; но всѣ сіи идеи сопровождаемы были сердечными вздохами, возносимыми къ Богу, на котораго я возлагалъ всю мою надежду и вручалъ тебя Его святой волѣ.

Наконецъ, въ день новолѣтія, то есть 1-го сентября, почувствовалъ я новую и совершенную радость: изготовивши себя къ служенію и уже оборотясь итти въ церковь, вижу возвратившагося изъ Кролевца моего нарочнаго, вижу вынимающаго съ пазухи завернутое въ платокъ письмо (все возростаетъ моя радость); не терпя медленія вопрошаю: откуда? вижу твоей руки надпись и опасаюсь; разрѣзываю конвертъ, бросаю взглядъ на подпись, усматриваю слова: „Лѣкарь Павелъ Нарановичъ; повторивъ оныя нѣсколько разъ и оросивъ радостными слезами, пригласилъ къ слушанію твоего, сына мой, вожделѣннѣйшаго письма мать твою и сестеръ. Сѣвши окошка (ибо я ужъ очень тупо вижу), началъ читать вслухъ, часто прерывающимся отъ плачу голосомъ, на что смотря и предстоящіе плакали. Такимъ образомъ съ великимъ медленіемъ прочитавши все письмо, изъявляли мы взаимныя поздравленія родителей дѣтямъ

а дѣти родителямъ, потомъ купно-же всѣ благодарили Бога на томъ мѣстѣ тремя земными поклонами; наконецъ, пришедши я въ церковь, предъ литургіею пѣлъ о здравіи твоемъ и братнемъ аканстъ Господу Іисусу, а по литургіи благодарный молебенъ отъ всѣхъ насъ при бытности матери вашей и сестеръ, молившихся въ слезахъ.

По прибытіи въ домъ, нашелъ я у себя Ивана Семеновича Бардакова, съ его дочерьми, и старика Леонтія Васюхнова, въ короткое время извѣстившихся о ново-полученныхъ мною благахъ, и притекшихъ привѣтствовать меня съ оными. Принимая таковыя привѣтствія, находился я въ такомъ удовольствіи, какого въ жизни моей око мое не видѣ, ухо не слыша и на сердцѣ мое не взыде: словомъ сказать, во весь день той и до 12-ти часовъ ночи слыхалъ я одно о тебѣ, сыночекъ мой! поздравленія, и при всякомъ произнесеніи твоего любезнаго сердцу моему имени, выражалъ я благодарность мою катящимися изъ глазъ моихъ по ланитамъ слезами. Въ 6 часовъ пополудни, по приглашенію моему, прибыли ко мнѣ на чай Иванъ Семеновичъ, съ женою и дочерьми (ибо сыны въ прошедшемъ мѣсяцѣ опредѣлены въ Новгородско-Сѣверскую гимназію) и отецъ Іоаннъ Сочава, со всѣми своими дѣтьми. Здѣсь предложены были всѣ возможныя по моему состоянію угощенія, яко то чай, пуншть, различныя варенья и плоды; потомъ водка, вышнуовка, жаренные цыпляты, начиненныя индѣйки, а наконецъ, пили за твое здоровье и варенуху изъ того точно Глека, изъ котораго пили окрестивши тебя, благословенный сынъ мой! и который мать твоя старается сохранить до пріѣзда твоего къ намъ, и тогда, воспользовавшись его услугою, позлатимъ; какъ-бы тогда было весело, если бы здѣсь увидѣли самого Павла Андреевича! и Оринка [1]), приставши къ такимъ разговорамъ, воскликнула: „Когда-бы завтра пріѣхалъ!“

Не должно думать, чтобы въ повѣствованіи семъ были прикраски, ибо это пишетъ отецъ сыну, что не имѣетъ мѣста: Captatio benevolentiae, гдѣ все говорится просто, натурально. Окончивши одну часть, обращаюсь къ другой.

Теперь ты, сынъ мой, лѣкарь, занимаешься должностію въ столицѣ: званіе твое и мѣсто столь почтенныя, что большаго ни надѣяться, ни желать не можно было. Блюди убо служеніе, еже пріялъ еси о Господѣ, да совершиши, какъ говорилъ Апостолъ

[1]) Нынѣ вдова протоіерея Миткевича, Ирина, сестра П. А. Нарановича, проживаетъ въ Кролевцѣ. Н. Н.

къ Колоссаямъ: да совершишие: ибо пріятно видѣть восходящее солнце на утреннемъ горизонтѣ; но еще пріятнѣе, когда полуденные его лучи веселятъ лице земли. Истинное ощущаютъ удовольствіе тѣ званіеносцы, кои достойно подвизаются въ званіяхъ своихъ, кои сносятъ неутомимо всѣ безпокойства, всѣ труды, всѣ неусыпныя бдѣнія, сопряженныя съ достойнымъ отправленіемъ возложеннаго на ихъ званія: блюди-же, сынъ мой, служеніе твое, да совершишие: потщися достойно носити званіе твое и избраніе. Достойно! прожени, пренебреги порочную праздность и безплодныя веселости: предваряй бодрыми бдѣніями восходящее солнце, внимай съ чувствительною сострадательностью воплю страждущаго человѣчества. ревнуй достохвальнымъ подвигамъ просвѣщенныхъ мужей, коихъ попеченію страждущіе болѣзнями съ желаніемъ ввѣряютъ жребій своея жизни. Таковыми качествами видя тебя украшеннаго, потекутъ къ тебѣ страждущіе недугами, яко къ отцу и покровителю своему благонадежному; и при сихъ качествахъ, составляющихъ истинное достоинство твое, огласитъ тебя устами премудраго монарха божественный гласъ сей: „Достоинъ дѣлатель мзды своея, вниди въ радость Господа твоего!“ Тогда ты съ вящшимъ еще удовольствіемъ насладишься свѣтомъ достоинства твоего, тогда прольются рѣки сладости въ чувства твои. О! да облечетъ тебя Отецъ Небесный силою свыше, да препояшетъ священною ревностію чресла твои! О! да укрѣпитъ благодатію здравіе твое въ прохожденіи званій, на тебя возлагаемыхъ. Ты-же, сынъ мой, внимай своимъ слабостямъ. ревностно устремляйся къ тому, чтобы соотвѣтствовать настоящему и будущему достоинству, и не иначе желай лучшаго и вышшаго. какъ употребляя прилежаніе, дабы быть онаго достойнымъ, и протчая, и протчая.

Хотя ты, сынъ мой, долго колебался, остаться-ли въ Петербургѣ или удалиться на сторону, но я нынѣшній твой жребій, да не одинъ я, но и всѣ больше меня свѣдущіе, и для славы, и для здоровія предпочитаютъ всѣмъ другимъ: для славы что̀ больше, какъ служить въ виду главнаго правительства, а для здоровья, что надежнѣе, какъ жить въ столицѣ, которая есть центръ всѣхъ знаній. всѣхъ искусствъ? И такъ благодари, во-первыхъ, Бога, во-вторыхъ Петра Андреевича [1]) и Илья Васильевича [2]), постаравшихся удержать тебя въ столицѣ; подражай ихъ примѣру, почитай ихъ совѣты. какъ отеческіе; расположи сердце твое къ принятію оныхъ и

[1]) П. А. Загорскаго.
[2]) И. В. Буяльскаго. Н. Н.

исполняй оные; корысть тебя да не прельщаетъ, порокъ да не дерзнетъ коснуться совѣсти твоей.

Ты прежде мнѣ писалъ, что жить въ Петербургѣ съ такимъ жалованьемъ, какое на первый случай тебѣ опредѣляется, трудно; но есть на сіе способъ — умѣренность, съ которою живутъ люди благополучно и меньше твоего получая. Ты казенную имѣешь квартиру, дрова и прислугу, а къ тому 800 р. жалованья; а ежели трудиться будешь ревностно, если способности твои сдѣлаютъ тебя извѣстнымъ свѣту, безъ сумнѣнія, обрящешь мзду трудовъ твоихъ. Discentem comitantur opes. comitantur honores. Но при всемъ томъ люби умѣренность и взирай на конецъ; гордость и людное мотовство отвращай отъ себя pejus cane et anguine; трепещи пороковъ, дрожи предъ всякимъ нечестіемъ. Я радуюсь, что ты съ чувствительнымъ сердцемъ принялъ сдѣланное тебѣ отъ меня пособіе, которое дѣлалъ и дѣлаю не отъ избытка въ имѣніи, но отъ избытка моей къ вамъ любви: помни-же и будь благодаренъ; поспѣшествуй и моему благоденствію, облегчай усердіемъ твоимъ всякіе труды мои, коими для блага сестеръ твоихъ долженъ я обременяться; люби своихъ родныхъ. Послѣднее дыханіе не можетъ иначе выйти изъ груди моей, какъ въ предшествіи таковаго моего къ тебѣ завѣщанія: „люби своихъ родныхъ, поспѣшествуй ихъ благоденствію“.

Бѣлья, доставленнаго къ тебѣ чрезъ г. Фоминскаго, весьма мало, но еще больше, нежели Петръ въ письмѣ своемъ прописалъ. Ты теперь хозяинъ; конечно, понадобится тебѣ что-нибудь для стола и для постели; почему увѣдомь, ежели что потребно, а мы что имѣемъ, рады будемъ подѣлиться съ тобою. Еще-же ты не увѣдомилъ меня, что ты сдѣлалъ съ письмомъ Р. протоіерея Сушинскаго или письмо съ тобою; мнѣ нужно знать о томъ, ибо я не знаю, за что благодарить писателя. Поцѣлуй за меня брата своего Петра и отъ меня поздравь его съ новыми успѣхами, о коихъ ты меня извѣстилъ, и скажи ему, что разцвѣтающія его способности каждый разъ извлекаютъ у меня нѣжныя радости слезы: возможно-ли сообразить прежнее его ученіе съ настоящимъ! Внушай ему любовь къ наукамъ и къ добродѣтели, будь для его свѣтильникомъ въ пути его, да съ радостію пожнетъ плоды попеченій твоихъ.

Сестры твои хотя тебѣ и не пишутъ по недостатку здѣсь мѣста, но не только онѣ, но и всѣ домашніе наши сорадуются твоему благополучію и желаютъ тебѣ бо̀льшаго и бо̀льшаго; да и я больше-бы хотѣлъ побесѣдовать съ тобою, но оставляю протчее къ будущему времени, когда получу отъ тебя съ новой квартиры письмо,

какъ ты обѣщаешься, а притомъ хочу за воспитаніе твое что-либо восписать Петру Андреевичу и Ильѣ Васильевичу, которымъ отъ меня поклонись, а за меня и за мать всегда Богу молись. Желая тебѣ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, пребываю отецъ твой протоіерей Андрей Нарановичъ.

1824 года сентября 5-го дня.

Письмо сіе пролежало у меня по 14-е сентября; отъ Петра я еще не получалъ ничего; вмѣстѣ съ симъ пишу и къ Петру Андреевичу. Увѣдомь меня, куда къ тебѣ надписывать? Потому я и посылаю теперь въ конвертѣ къ Ильѣ Васильевичу (Буяльскому).

Сообщ. **Ник. Павл. Нарановичъ.**

Ѳ. С.

ВЗЯТІЕ ПАРОХОДА «ТИГРЪ»

30-го апрѣля 1854 г.

Англійскій пароходъ-фрегатъ „Тигръ“ взялъ я, со взводомъ артиллеріи батареи полковника Гароновича 17-й артиллерійской бригады, куда я былъ прикомандированъ.

Въ чинѣ поручика, я командовалъ дивизіономъ, тогда состоявшимъ изъ четырехъ орудій. По распоряженію начальства былъ съ нимъ откомандированъ въ колонію Люиздорфъ, находящуюся на берегу моря въ 12 верстахъ отъ г. Одессы, для надзора за крейсирующимъ вдоль береговъ непріятелемъ и первоначальнаго воспрепятствованія высадки, если-бы непріятель въ томъ мѣстѣ возымѣлъ это намѣреніе. Районъ моего наблюденія въ обѣ стороны ограничивался до четырехъ верстъ. Въ той-же колоніи Люиздорфъ, для той же цѣли, находился эскадронъ уланъ, если не запамятовалъ, Симбирскаго полка.

30-го апрѣля 1854 года, въ два часа утра, казакъ одного пикета, изъ расположенныхъ по берегу моря, будитъ меня, разсказываетъ, что недалеко отъ Одессы, примѣрно верстахъ въ четырехъ, надо полагать попало на мель непріятельское судно; чтобы сняться съ мели, кидаетъ тяжести въ воду; но за непроницаемымъ туманомъ ничего не видать. Пока я раздумывалъ, что дѣлать, не прошло десяти минутъ, является другой казакъ, подтверждаетъ разсказъ перваго— и говоритъ: „не хорошо, ваше благородіе, если мы дадимъ ему сняться“. Въ горячности, не сообщивъ объ этомъ даже уланамъ, одинъ

взводъ артиллеріи оставляю въ колоніи Люиздорфъ, съ другимъ же съ посаженною прислугою, имѣя проводниками двухъ казаковъ, съ маленькими по дорогѣ для лошадей передышками—прискакалъ я на указанное мѣсто, когда еще не было пяти часовъ утра. За туманомъ буквально ничего не было видно, только слышенъ безпрестанный всплескъ воды отъ бросаемыхъ тяжестей. Я снялъ орудія съ передковъ, оба зарядилъ ядрами, но огня не открывалъ изъ боязни—не оказалось бы судно нашимъ, коммерческимъ. Соображеніе, что, если бы оно было свое, то давно бы кто-нибудь съ судна подплылъ къ берегу и объявилъ о себѣ, подстрекало меня къ открытію огня. По донесенію казаковъ сейчасъ-же является генералъ-маіоръ Корвинъ-Красинскій, завѣдывавшій этимъ райономъ. Прошу позволенія открыть огонь,—не соглашается, по тѣмъ-же причинамъ, по какимъ не открывалъ огня и я, прибавляя, что можно надѣлать постыдный переполохъ въ Одессѣ. Казаки разными доводами, къ которымъ присоединился и я, помогли дѣлу. Позволеніе получено, огонь открытъ. Просвистали: 1, 2, 3, 4, 5, 6-е ядра,—раздаются отвѣтные выстрѣлы штуцеровъ или ружей, сказать не могу; но они были пріятны, какъ поцѣлуй хорошенькой женщины, потому что снимали съ насъ отвѣтственность. Взводъ мой съ орудіями стоялъ на возвышеніи берега до 10 саж. надъ уровнемъ моря; понятно, что пули съ парохода были безвредны; только въ одномъ зарядномъ ящикѣ, стоявшемъ въ отдаленіи отъ орудія, саженъ на сорокъ, была пулею въ голову ранена лошадь. За туманомъ дѣйствительность ядеръ была мала; я сошелъ съ крутизны, припалъ къ водѣ, различилъ чернѣющуюся точку, въ саженяхъ 130 или 140 отъ берега; возвратясь, открылъ огонь картечью. Послѣ третьей или четвертой очереди, подплываетъ къ берегу съ помощникомъ командира лодка (флагъ сдачи былъ выкинутъ, но за туманомъ его не было видно), который объясняетъ на французскомъ языкѣ, что экипажъ сдается. Огонь прекращенъ, капитанъ остается на берегу, экипажу отдаетъ приказаніе высаживаться на берегъ. Въ эту самую минуту, изъ колоніи Люиздорфъ прискакали уланы, и стали принимать и обезоруживать плѣнныхъ, которыхъ оказалось, какъ потомъ говорили, до 170 человѣкъ. Капитану парохода „Тигръ“, г. Готфаръ, картечью были оторваны обѣ ноги. Онъ, видя безполезное сопротивленіе, приказалъ заступающему его мѣсто сдаться. Къ 9 часамъ утра пароходъ-фрегатъ „Тигръ“ оставался уже безъ экипажа.

Вотъ когда на выстрѣлы моего взвода и по донесенію генералъ-маіора Корвинъ-Красинскаго начали прибывать изъ Одессы войска,

ими былъ принятъ сдавшійся уже экипажъ и отправленъ въ карантинъ.

Туманъ разсѣялся. Вдали видимы были два непріятельскіе парохода, пришедшіе на помощь „Тигру“, которые завязали перестрѣлку съ пришедшими изъ Одессы войсками. Баронъ Сакенъ отдалъ приказаніе сжечь пароходъ, стрѣляя гранатами; но какъ это не удавалось, отряженные на пароходъ казаки скорѣе помогли приказанію. Пароходъ взорванъ; непріятельскіе пароходы и войска, которыя пришли изъ Одессы, удалились. Все это происходило на берегу моря, подлѣ самой дачи Кортаци, въ четырехъ верстахъ отъ Одессы.

Ближайшимъ начальникомъ артиллеріи въ Одессѣ тогда былъ генералъ-маіоръ Майдель; прибывъ вмѣстѣ съ войсками изъ Одессы на мѣсто дѣйствія, онъ подзываетъ меня, дѣлаетъ мнѣ строгій выговоръ, какъ я смѣлъ безъ приказанія оставить свой постъ, что за это буду отвѣчать по законамъ военнаго времени, приказалъ отправляться на свое мѣсто и впредь не отлучаться никуда. Поручикъ артиллеріи Абакумовъ, то есть я, повѣся голову, со взводомъ возвратился въ колонію Люиздорфъ.

На третій день получаю приказаніе явиться къ барону Остенъ-Сакену.

Являюсь. Баронъ говоритъ: „государь императоръ по реляціи произвелъ васъ въ штабсъ-капитаны. Поздравляю васъ“.

При посѣщеніи Одессы, вскорѣ послѣ взятія, парохода „Тигръ“, его высочество Михаилъ Николаевичъ осчастливилъ меня, лично передавъ мнѣ благодарность государя императора.

Послѣ взятія пароходъ-фрегата „Тигръ“, вскорѣ произведены работы по поднятію изъ воды машины, которая оказалась не попорченною, равно чугунныя орудія и другія принадлежности парохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ была назначена взятому пароходу оцѣнка. Въ комиссію, для сего назначенную, попалъ и я. Меня поздравляли съ большимъ призомъ, неотъемлемымъ по закону.

Комиссіи этой, однако, суждено было окончить свой трудъ лишь болѣе чѣмъ десять лѣтъ спустя.

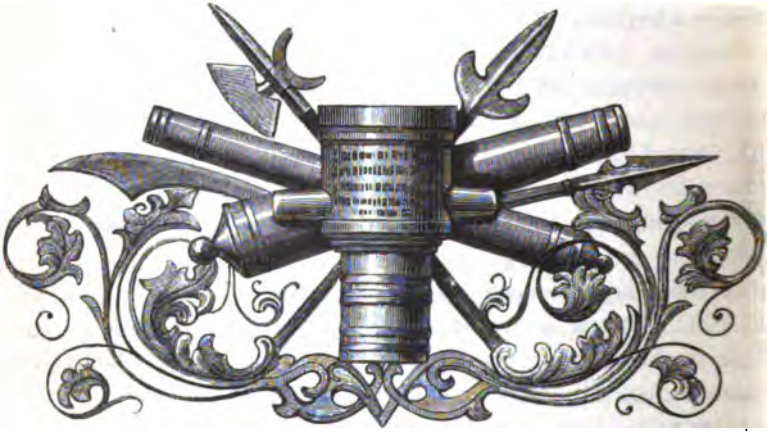
Я былъ уже въ отставкѣ. Получаю конвертъ съ двадцатью пятью рублями; въ немъ говорится, что, по разверсткѣ за взятіе парохода „Тигръ“, высылаются мнѣ вышеупомянутыя деньги.

Кстати, замѣчу: по выходѣ въ отставку въ полученномъ мною формулярномъ спискѣ я прочиталъ лишь такое объясненіе: „Абакумовъ находился при плѣненіи англійскаго парохода фрегата „Тигръ“.

Усердно прошу уважаемаго редактора „Русской Старины“ возстановить истину—не для меня уже, старика, а для дѣтей моихъ на память имъ объ ихъ отцѣ, что я не находился только при взятіи непріятельскаго парохода-фрегата „Тигръ“, но дѣйствительно и взялъ его, какъ о томъ, съ полною правдою, выше разсказано.

Отставной подполковникъ артиллеріи Ф. И. Абакумовъ.

9-го ноября 1890 г.
Оренбургъ.



ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ ИЗЪ ПОѢЗДКИ ПО РОССІИ

въ 1891 году.

10-го и 11-го іюля 1891 г.

Одинъ изъ священныхъ холмовъ славнаго Кремля московскаго разрывается: громадныя глыбы земли выросли горами за Спасскими воротами при входѣ въ Кремль... Мы на мѣстѣ сооруженія памятника Царю-Освободителю... До 300 крестьянъ въ красныхъ рубахахъ, молодые, здоровые, съ веселымъ говоромъ и взаимными окликами все глубже и глубже врываются въ холмъ. Мы ихъ застали въ толщѣ суглины; золотистый песокъ нагружается въ большія тачки, пудовъ въ 30 каждая съ пескомъ, и эти грузныя тачки влекутъ быстро на верхъ, по мосткамъ, человѣка по три, по четыре при каждой тачкѣ, влекутъ къ общей горѣ вынутой земли. Какихъ губерній здѣсь крестьяне? — „Рязанцы, калучане (изъ Калужской губерніи) и смоляне. Получаютъ отъ подрядчика отъ 13 до 18 руб. въ мѣсяцъ“, объясняетъ мнѣ десятникъ. Холмъ, бывшій здѣсь и исчезающій нынѣ подъ дружными ударами сотенъ лопатъ здоровыхъ русскихъ рабочихъ, составлялъ скатъ и частію продолженіе дворцоваго плаца. Какъ оказывается теперь при раскопкахъ, холмъ скрывалъ въ своихъ нѣдрахъ постройки двухъ, а быть можетъ даже и трехъ формацій. На глубинѣ 15 саж., въ самый день моего посѣщенія, строитель памятника, подчій Н. В. Султановъ, показалъ намъ остатки сруба обгорѣлыхъ бревенъ, а изъ-подъ низа этихъ бревенъ, объѣденныхъ нѣкогда крысами, между бревнами много пеплу,—видимо, что пожаръ, нѣкогда

столь часто вычищавшій не только Москву, но и московскій Кремль, снесъ бывшія здѣсь постройки на спускѣ къ Москвѣ-рѣкѣ; надъ ними съ теченіемъ времени выросли Приказы, длинныя каменныя сооруженія, фундаменты которыхъ и части наружныхъ стѣнъ обнаружились въ верхнихъ-же слояхъ взрытаго холма. Груды мѣстнаго известковаго камня вывозятся теперь изъ нѣдръ холма, а кущи дубовыхъ свай, торчащихъ изъ земли, свидѣтельствуютъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были крыльца къ этимъ Приказамъ.... Въ эти-то приказы сокрылись многіе бояре въ страшный день 15-го мая 1682 года, когда волны мятежныхъ стрѣльцовъ съ гиками, барабаннымъ боемъ и при звукахъ набата, ворвались въ Спасскія ворота, наводнили кремль и пронеслись мимо зданій приказовъ ко двору.

Всякое открытіе развалинъ въ нѣдрахъ холма фотографируется, и я видѣлъ двѣ очень хорошія фотографіи, воспроизведшія остатки фундамента стѣнъ и крылецъ бывшихъ здѣсь управленій великаго Московскаго царства; самыхъ развалинъ я уже не засталъ: онѣ вывезены, и рабочіе роются все глубже да ниже до подошвы холма.

Въ домикѣ, гдѣ помѣщается контора строительная, временно сооруженіе, мнѣ указали маленькій музей предметовъ, вырытыхъ въ мусорѣ и въ разныхъ слояхъ разрываемаго холма. Прежде всего бросаются въ глаза груды изразцовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отличнаго налива и замѣчательнаго рисунка, по свидѣтельству знатоковъ старины, не попадались до сихъ поръ въ издѣліяхъ этого рода; нѣкоторые изразцы такъ хорошо сохранились и представляютъ такъ столько значительный интересъ, что одинъ любитель, М. Б., готовъ былъ заплатить за одинъ изъ такихъ изразцовъ 150 руб. Обиліе изразцовъ, находимыхъ въ холму и заполонившихъ большое отведенное мѣсто близъ домика конторы, объясняется тѣмъ, что при ломкѣ древняго дворца и при сооруженіи въ царствованіе императора Николая Павловича нынѣшняго большаго дворца, груды ломанныхъ изразцовъ старинныхъ дворцовыхъ печей сваливались на скатъ этого холма, какъ негодный мусоръ; но кромѣ этого мусора, въ немъ и въ землѣ находятъ множество предметовъ стараго московскаго быта: тутъ двѣ глыбы свинца съ англійскимъ клеймомъ, причемъ одна глыба имѣетъ форму свинаго рыла; здѣсь же прелестные цѣльные глиняные горшки, таковые-же подсвѣчники, очень характерный глиняный медвѣдь—дѣтская игрушка, остатки копій, каменныя ядра, чугунныя гранаты, пули для пищалей, чеснокъ—т. е. желѣзныя рогульки противъ кавалерійскихъ атакъ, но замѣчательная особенность находокъ—это множество глиняныхъ

ернильницъ, самой аляповатой формы,—это тѣ самыя, изъ кото-
ыхъ писалась вся московская кляуза; глиняныя ручки для перьевъ,
охранилось даже гусиное перо, воткнутое въ одну изъ та-
ихъ ручекъ; много остатковъ слюды, которая, какъ извѣстно, за-
мѣняла въ окнахъ стекла; вотъ проржавый желѣзный кувшинъ-
аганъ, въ которомъ, очевидно, сожигалась смола для освѣщенія,
ыть можетъ у подъѣздовъ къ этимъ приказамъ. А вотъ и ручныя
андалы, вотъ и ошейникъ желѣзный на толстой длинной цѣпи,
канчивающейся толстымъ гвоздемъ, которымъ она была вколочена
ъ стѣну. Эти цѣпи, безъ которыхъ не обходятся раскопки стараго
осковскаго быта, напоминаютъ мнѣ сказаніе де-Бруина, посѣтив-
шаго бывшія здѣсь зданія приказовъ и видѣвшаго въ нихъ аре-
тантовъ въ ножныхъ либо въ ручныхъ кандалахъ, бродившихъ
утъ-же по покоямъ приказовъ между приказными [1]).

Близъ груды изразцовъ, о которыхъ я упоминалъ выше, постав-
ена крупная находка—громадная ржавая желѣзная дверь. Весьма
наменательныя также находимые останки москвитянъ XVII-го,
ыть можетъ и XVI-го вѣковъ; я говорю о значительныхъ гру-
ахъ человѣческихъ костей, найденныхъ на значительной глубинѣ,
ъ насыпи холма; было-ли тутъ въ древности кладбище или не
остатки-ли то костей поляковъ, отбивавшихся за кремлевскими стѣ-
ами отъ геройскихъ атакъ русскихъ людей, стремившихся отнять
изъ вражьихъ рукъ священный кремль въ тяжкую смутную годину,
огда вся Русь изнемогала подъ нашествіемъ поляковъ и литов-
евъ? Кости отвезены въ ящикахъ на Ваганьково кладбище, гдѣ и
огребены, а болѣе 60-ти отлично сохранившихся череповъ взяты
ля коллекцій мѣстнаго антропологическаго общества.

На одномъ изъ столовъ конторы въ пяти, шести большихъ пап-
кахъ соединены фотографическіе снимки, если не ошибаюсь до
0-ти, быть можетъ и болѣе, проектовъ памятника Царю-Освобо-
дителю. Пересмотрѣлъ я часть изъ нихъ. Господи! что за бѣдность
фантазіи, что за скудность въ тѣхъ идеяхъ, которыя должны вы-
ражать эти проекты: многіе изъ прожектеровъ усадили покойнаго
осударя на лошадь, придавъ ему видъ крайне воинственный—это

[1]) „Всѣ эти приказы, пишетъ Корнилій де-Бруинъ, въ Москвѣ (въ 1702 г.) помѣщаются въ каменныхъ палатахъ, гдѣ постоянно сидитъ множество писцовъ въ нѣсколькихъ покояхъ, похожихъ скорѣе на темницы, чѣмъ на что-либо другое. Часто, впрочемъ, онѣ и служатъ тамъ мѣстами заключенія, и тамъ содержатъ преступниковъ, закованныхъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ; а должники, содержимые за долги, разгуливаютъ вездѣ въ ножныхъ кандалахъ... 18 приказовъ находилось (въ 1702—1703 гг.) въ московскомъ Кремлѣ".

добраго, чисто земскаго царя-устроителя, не прельстившагося лаврами и на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ все предводительство дѣломъ войны государь предоставилъ другимъ, сохранивъ за собою святую миссію утѣшителя страждущихъ и воздаятеля за подвиги мужества и самоотверженія! На иныхъ проектахъ государь потрясаетъ знаменемъ — это онъ, который самый величайшій свой подвигъ— освобожденія 20-ти мил. народа—старался свершить съ наименьшимъ громомъ и, какъ извѣстно, довольно долго послѣ 1861 года не иначе, какъ съ неудовольствіемъ, по своей скромности, принималъ эпитеты, къ нему обращаемые, освободителя! Иные проекты—чистый слѣпокъ съ памятника императору Николаю Павловичу, что у Синяго моста въ С.-Петербургѣ; на другихъ фигура Александра II-го взмощена на высочайшую колонну и оттуда смотритъ маленькою фигуркою — не то подражаніе колоннѣ Александра I-го, не то Богъ вѣсть чему. Лучшимъ проектомъ показался намъ проектъ знаменитаго скульптора А. М. Опекушина и профессора Гуна: Александръ II-ой въ порфирѣ стоитъ полный величія, благости и простоты выраженія.

Но гдѣ-же, однако, тотъ памятникъ, который подымется на подготовляемомъ ему мѣстѣ въ стѣнахъ священнаго московскаго Кремля?

А, вотъ онъ въ видѣ гипсовой модели: свѣтлая колоннада стоитъ покоемъ; одна сторона колоннады обращена къ Москвѣ-рѣкѣ, боковыя крылья съ сѣньми, ихъ красиво заканчивающими, обращены ко дворцу, въ которомъ родился Царь-Освободитель, а также къ знаменитой башнѣ Ивана Великаго и прочимъ святынямъ кремлевскимъ. Въ этой-то колоннадѣ поставлена изящная фигура чествуемаго монарха на красивомъ пьедесталѣ; на государѣ порфира, въ рукѣ скипетръ; Александръ II-ой изображенъ въ обще-генеральскомъ мундирѣ, во всемъ томъ уборѣ, въ которомъ онъ вѣнчался на царство въ 1856 году; вся фигура нѣсколько наклонена впередъ, глава открыта, государь какъ-бы идетъ къ Московской святынѣ и какъ-бы взираетъ своимъ умственнымъ взоромъ на тотъ многовѣковой рядъ дѣяній, который пронесся въ лицахъ и событіяхъ мимо этихъ самыхъ московскихъ святынь, чрезъ эти самыя Спасскія ворота. Надъ статуею высоко подъемлется сѣнь, какъ-бы знаменуя, что ею покрывается одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ славы и величія русскаго государства и которому лишь близость существованія его къ нашему времени не даетъ еще возможности быть вполнѣ обоготвореннымъ въ благодарной памяти многомильоннаго его народа.

Мы долго вглядывались въ модель этого памятника; мы внимательно вчитались въ ту брошюру, которую получили здѣсь объ этомъ памятникѣ и которую покойный князь В. А. Долгорукій, московскій генералъ-губернаторъ, простодушно подмахнулъ своею подписью, приписавъ себѣ такимъ образомъ статью, цѣликомъ составленную строителями памятника П. В. Жуковскимъ и Н. В. Султановымъ.

Мы вполнѣ убѣждены, что этотъ памятникъ будетъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ по выраженію всѣхъ тѣхъ мыслей, на которыя долженъ наводить монументъ Царю-Освободителю. Да вотъ прочтемъ объяснительный текстъ къ проекту, принадлежащій составителямъ онаго; текстъ немногословенъ, но вполнѣ ясно выражаетъ тѣ мотивы, которые имѣлъ Павелъ Васильевичъ Жуковскій при осуществленіи принадлежащей ему первичной мысли этого монумента:

— „Памятникъ Императору Александру II въ Москвѣ будетъ поставленъ на южномъ склонѣ Кремлевскаго холма и обращенъ фасадомъ внутрь Кремля. Верхнею площадью онъ примкнетъ ко внѣшнему краю плаца, а нижнею своею лѣстницею выйдетъ на аллею нижняго Кремлевскаго сада, ведущую къ церкви свв. Константина и Елены. Разстояніе отъ памятника до Кремлевской стѣны предполагается около 20 саж., а до Николаевскаго дворца около 55 саж.

Памятникъ имѣетъ 19 саж. протяженія по лицевому фасаду и 17 саж. по боковому и занимаетъ площадь въ 323 кв. саж. Такимъ образомъ онъ представляетъ собою весьма значительные размѣры, но будучи поставленъ на склонѣ холма, нисколько не отнимаетъ мѣста, столь необходимаго въ Кремлѣ во время значительныхъ стеченій народа, какъ напр. въ Свѣтло-Христову заутреню, при крестныхъ ходахъ, чтеніи Высочайшихъ манифестовъ и проч.

По общему своему виду памятникъ состоитъ изъ выступа, обрамленнаго поверху съ трехъ сторонъ сквозною галлерейкою, посреди котораго стоитъ статуя покойнаго Государя подъ высокимъ балдахиномъ или сѣнью съ шатровымъ верхомъ.

Выступъ этотъ, высотою въ 7 саж., имѣетъ фасадъ, обработанный на подобіе стѣнъ и башенъ Кремля и Китая-города; по двумъ сторонамъ его тянутся, по склону горы, боковыя лѣстницы, которыя соединяются внизу въ одинъ общій широкій сходъ, выходящій въ нижній Кремлевскій садъ. Всѣ части выступа, за исключеніемъ ступеней, предполагается соорудить изъ песчаника, известняка или какой-либо другой породы свѣтлаго тона. Ступени же и площадки лѣстницъ будутъ сдѣланы изъ свѣтло-сѣраго олонецкаго гранита.

Галлерея, идущая по верхнему краю выступа, имѣетъ 35 саж. длины, 2 саж. высоты (до крыши) и 7 арш. ширины; она спроектирована вся сквозная и будетъ сооружена также изъ свѣтло-сѣраго гранита; ея арки и своды будутъ поддерживаться 152 свѣтло-розовыми гранитными колоннами. Она покроется мѣдными листами, высеребряными и вызолоченными въ шахматномъ порядкѣ, и украсится прорѣзнымъ вызолоченнымъ-же конькомъ.

Въ галлерейку ведутъ два входа, покрытые шатровыми крышами; надъ

правымъ входомъ, на шатрѣ, предполагается помѣстить гербъ дома Романовыхъ,—грифонъ съ мечемъ и щитомъ; а надъ лѣвымъ входомъ—гербъ Москвы, т. е. изображеніе св. Георгія Побѣдоносца. Самые входы будутъ сооружены изъ свѣтло-сѣраго гранита, а кровли — серебро съ золотомъ въ шахматъ: гербы—золоченые. Внутри галлерейки, по обѣимъ сторонамъ ея, пойдутъ гранитныя скамьи, а на сводахъ ея предполагаются мозаичныя картины изъ исторіи царствованія покойнаго Государя.

Верхняя площадь выступа возвышается на четыре ступени надъ уровнемъ плаца; обнесенная галлерейкой она представляетъ собою какъ-бы небольшой императорскій форумъ, на подобіе форумовъ древняго Рима и Царьграда. Площадь эта будетъ выстлана темно-краснымъ олонецкимъ гранитомъ.

Расположенное четырьмя большими уступами подножіе средней сѣни предположено соорудить изъ темно-сѣраго сердобольскаго гранита. На немъ будетъ помѣщаться пьедесталъ изъ краснаго гранита со статуею изъ темно-зеленой бронзы.

Высота статуи около 9 аршинъ; исполненіе ея возложено на академика скульптуры А. М. Опекушина. Государь будетъ изображенъ въ полной генеральской формѣ и въ императорской порфирѣ, т. е. въ томъ одѣяніи, въ которомъ онъ вѣнчался на царство. Голова слегка склонена впередъ; лѣвая рука держитъ скипетръ, а правая простерта къ народу, какъ-бы въ ознаменованіе преподанныхъ ему милостей.

Статуя помѣщена подъ сѣнью, которая имѣетъ 17 саж. высоты отъ поверхности площади до вершины орла и $4^1/_2$ саж. ширины; пролетъ ея арокъ равняется 9 арш.

Сѣнь предполагается соорудить изъ свѣтло-сѣраго, почти бѣлаго гранита, а ея мѣдная, выдѣланная чешуею, шатровая кровля будетъ сплошь вызолочена и увѣнчана трехстороннимъ двуглавымъ орломъ.

Никакихъ фонарей около памятника не будетъ, но за то въ розеткахъ купола средней сѣни помѣстится множество электрическихъ лампъ, которыя ночью будутъ обливать статую цѣлымъ потокомъ свѣта; причемъ, если смотрѣть издали, сильно освѣщенная фигура будетъ ярко выступать изъ темнаго обрамленія неосвященныхъ арокъ и столбовъ.

Главныя затрудненія при сочиненіи памятника императору Александру II-му въ Кремлѣ заключаются въ условіяхъ мѣстности и одной чертѣ русской народности, которыя сводятся къ слѣдующимъ даннымъ:

1) Всякая статуя, какъ-бы велика она ни была, будетъ казаться чрезвычайно малою въ сравненіи съ тѣми великанами, между которыми ей придется стоять, т. е. между Иваномъ Великимъ и Спасской башней.

2) Всякій поворотъ статуи находится въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ окружающею ее обстановкою: если поставить ее лицомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, то она будетъ обращена спиною къ Соборной площадкѣ, т. е. къ священнѣйшему въ Россіи мѣсту, а также къ Николаевскому дворцу—мѣсту рожденія покойнаго Государя; если-же повернуть статую лицемъ къ соборамъ, — она будетъ крайне разногласить со всѣмъ Кремлемъ, который обращенъ фасадомъ къ рѣкѣ.

3) Русскій народъ, отучаемый въ продолженіе девяти вѣковъ восточнымъ православіемъ отъ скульптурныхъ изображеній божества и святыхъ, совсѣмъ разучился понимать одно ваяніе въ его чистомъ видѣ, а потому одна ста-

ую обыкновенно ничего не говоритъ его уму и сердцу, чѣмъ только и можно объяснить унылую безлюдность всѣхъ нашихъ памятниковъ.

Для преодолѣнія всѣхъ этихъ затрудненій въ проектированномъ памятникѣ примѣнены слѣдующіе пріемы:

1) Статуя помѣщена подъ сѣнью, которая имѣетъ семнадцати-саженную высоту и слѣдовательно придаетъ памятнику такіе размѣры, что его вовсе не будетъ подавлять высота окружающихъ сооруженій.

2) Статуя съ сѣнью помѣщена на выступѣ, который обнесенъ поверху галлерейкою, почти до половины закрывающей статую съ задней стороны, чѣмъ, слѣдовательно, совершенно устраняется вопросъ, почему статуя обращена спиною къ Москвѣ-рѣкѣ.

3) Поставленная надъ статуею сѣнь тотчасъ-же придастъ памятнику въ глазахъ народа священный характеръ, вполнѣ приличествующій памяти въ Бозѣ почившаго Императора: потому-что народъ нашъ привыкъ видѣть сѣнь только надъ мѣстами, особенно священными, какъ напримѣръ въ церквахъ, надъ алтарными престолами и надъ царскими или патріаршими мѣстами, и во дворцахъ надъ тронами.

Что касается прочихъ частей памятника, то верхняя площадка, представляющая собою императорскій форумъ, еще болѣе увеличиваетъ торжественный характеръ памятника и слѣдовательно усиливаетъ впечатлѣніе, производимое сѣнью. А галлерейка со скамьями, на сводахъ которой будутъ картины изъ царствованія покойнаго Императора, должна этими картинами пояснять смыслъ памятника и въ то-же время служить народу мѣстомъ отдохновенія и созерцанія чудной панорамы Замоскворѣчья. Несомнѣнно, что эти два условія будутъ постоянно привлекать къ памятнику народъ и придавать ему то оживленіе, котораго обыкновенно такъ недостаетъ всѣмъ, даже наилучшимъ изъ нашихъ монументовъ.

Относительно стиля памятника слѣдуетъ замѣтить, что онъ соотвѣтствуетъ стилю Кремля, представляющему собою смѣсь итальянскихъ формъ съ русскими, такъ, напримѣръ: стѣны и нижнія части Кремлевскихъ башенъ сооружены въ концѣ XV вѣка итальянскими зодчими и потому отличаются безусловно итальянскимъ характеромъ; верхи-же ихъ сооружены въ XVII столѣтіи московскими каменными мастерами и потому являются формами вполнѣ русскими. Затѣмъ еще другимъ весьма нагляднымъ доказательствомъ этого сліянія стилей является Архангельскій соборъ: по своему общему виду онъ представляетъ собою совершенное подобіе всѣхъ нашихъ древнихъ соборовъ; но построившій его въ 1505 году итальянскій зодчій Алевизъ Фрязинъ не могъ отрѣшиться отъ стиля своего времени, т. е. ранняго возрожденія, господствовавшаго тогда въ Италіи, и украсилъ его деталями свое московское произведеніе.

Согласно этому и проектированный памятникъ Императора Александра II представляетъ собою сліяніе двухъ стилей: по общему виду и по формѣ крышъ это сооруженіе вполнѣ русское; а по деталямъ – это зданіе въ стилѣ Возрожденія.

Такимъ образомъ, и по цвѣту своихъ матеріаловъ—золота, серебра и камней свѣтлыхъ породъ, и по своему стилю онъ вполнѣ согласуется съ общимъ характеромъ бѣлокаменнаго, златоглаваго, итальяно-русскаго Кремля".

Исторія самаго памятника весьма проста. Основная мысль его все-цѣло принадлежитъ П. В. Жуковскому и выразилась она въ наброскѣ, исполненномъ чернилами 15-го сентября 1889 года. Такъ и видится, такъ и вспоминается намъ, что всѣ хорошія сооруженія зарождались также просто, также въ бѣглыхъ наброскахъ. Затѣмъ художнику-живописцу П. В. Жуковскому принадлежитъ счастливая мысль обратиться за разработкою къ Н. В. Султанову—одному изъ немногихъ чисто-русскихъ зодчихъ художниковъ, неподавленному иноземными образцами искусства и превосходно изучившему всѣ основы и мотивы русскаго зодчества за время нѣсколькихъ вѣковъ. Наконецъ, не обойденъ былъ и первый по мощному своему дарованію изъ современныхъ русскихъ ваятелей А. М. Опекушинъ. Мудрено-ли послѣ этого, что идея художника воплотилась въ рисунокъ и модель такого проекта, который удостоился Высочайшаго одобренія. И вотъ черезъ 4, много 5 лѣтъ, подыметься памятникъ, вполнѣ достойный Царя-Освободителя.

Счастливымъ совпаденіемъ является союзъ строителей этого монумента, союзъ этихъ трехъ лицъ. Кто они такіе? Во-первыхъ, вполнѣ русскіе люди: Жуковскій, единственный сынъ поэта Василія Андреевича, — воспитателя-наставника покойнаго монарха. Предъ Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ и по его рожденію, и по его связямъ предстояла карьера чисто придворная: камеръ-юнкерство, камергерство, ранги всѣхъ степеней могли быть пройдены имъ также незамѣтно для общества, какъ и быстро, подобно тому, какъ получается все это многими десятками лицъ. Все это оставилъ въ сторонѣ молодой художникъ, отдавшись всею душою служенію искусству, а не созданію себѣ карьеры. Весь проникнутый, какъ и все, что мыслитъ на Руси, благоговѣйнымъ уваженіемъ и любовью къ Царю-Освободителю, П. В. Жуковскій много думалъ о томъ, какимъ наиболѣе достойнымъ памятникомъ увѣковѣчить этого монарха, и именно въ Москвѣ, въ стѣнахъ священнаго Кремля, тамъ, гдѣ стояла колыбель этого славнѣйшаго послѣ Петра Великаго державнаго Вождя Россіи. И вотъ плодомъ этихъ размышленій явился проектъ памятника, а прекрасными воплотителями идеи художника Н. В. Султановъ и А. М. Опекушинъ.

Алексѣй Михайловичъ Опекушинъ, вдумчивый, крайне скромный, трудолюбивый ваятель—чуднымъ рѣзцомъ своимъ оживилъ въ мраморѣ нѣсколько вполнѣ достопамятныхъ лицъ, и какъ истый художникъ, онъ всегда оставался недовольнымъ своимъ созданіемъ. Онъ находитъ, что далеко не договорилъ въ своихъ произведеніяхъ того, чѣмъ горѣла его мысль.

— „Зато теперь, сказалъ онъ намъ, я приложу всѣ силы, чтобы быть вполнѣ достойнымъ выразителемъ изображенія Освободителя милліоновъ".

11-ое іюля 1891 г. останется надолго памятнымъ мнѣ: я провелъ весьма пріятный часъ—другой въ обществѣ всѣхъ трехъ строителей памятника императору Александру II-му въ Московскомъ Кремлѣ и на самомъ мѣстѣ этого грандіознаго сооруженія.

Ред.

Примѣчаніе. Приводимъ изъ нашего альбома „Знакомые", изд. 1888 г., Спб., двѣ автобіографическія замѣтки упоминаемыхъ выше лицъ, внесенныя ими собственноручно нѣсколько лѣтъ тому назадъ:

Жуковскій, Павелъ Васильевичъ, родился въ 1845 г., 1-го января, во Франкфуртѣ на Майнѣ; воспитывался въ 3-й гимназіи въ С.-Петербургѣ и затѣмъ въ университетѣ въ Боннѣ; жизнь свою посвятилъ искусству—живописи. Между прочимъ, его кисти принадлежатъ эскизы, съ которыхъ воспроизведены декораціи и костюмы геніальнаго произведенія Ричарда Вагнера: Parsiful, написаннаго въ 1881 и 1882 гг.

27-го октября 1883 г.

Опекушинъ, Александръ Михайловичъ, родился 22-го ноября 1840 г., въ Ярославской губерніи, Даниловскаго уѣзда, село Рыбницы. На двѣнадцатомъ году пріѣхалъ въ С.-Петербургъ; занимался скульптурою подъ руководствомъ отца и профессора Іенсена; званіемъ академика удостоенъ за бюстъ цесаревича Николая Александровича (находится у церкви на Выборгской сторонѣ, сооруженной въ его память) и за статую Петра Великаго. Изъ моихъ общественныхъ работъ: девять статуй, окружающихъ пьедесталъ памятника Екатерины II; памятникъ А. С. Пушкину въ Москвѣ; памятникъ Александр. II въ городѣ Астрахани и ему-же въ г. Кишиневѣ. Въ настоящее время (1885 г.) занятъ изготовленіемъ памятника академику Бэру для дерптскаго университета.

3-го марта 1885 г.

РОССІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНАГО КРЕСТА.

I.

Съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы, Августѣйшей покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ кассахъ всѣхъ учрежденій Общества Краснаго Креста въ Имперіи открывается пріемъ пожертвованій на помощь населенію въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Всѣ пожертвованія будутъ направляться Главнымъ Управленіемъ Общества и всѣми учрежденіями въ губерніяхъ, на кои не распространился неурожай,—въ учрежденія Общества тѣхъ губерній, которыя нуждаются въ помощи, а этими послѣдними будутъ организованы, съ вѣдома и съ участіемъ мѣстной администраціи и духовенства, попечительства Краснаго Креста для оказанія помощи нуждающемуся населенію наиболѣе соотвѣтственными способами, по выработанному на мѣстахъ плану, при непремѣнно личномъ участіи въ этомъ распредѣленіи членовъ попечительства. Впредь до поступленія пожертвованій Главное Управленіе отчислило изъ своего запаснаго капитала 165,000 рублей и предложило мѣстнымъ учрежденіямъ Общества сдѣлать такія же отчисленія въ мѣрѣ ихъ средствъ.

II.

По Высочайшему повелѣнію Государыни Императрицы, внесены въ кассу Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста Секретаремъ Ея Величества, Тайнымъ Совѣтникомъ Оомомъ, 20.000 рублей, пожалованные Августѣйшею Покровительницею, для распредѣленія между нуждающимися въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, что немедленно исполнено и деньги отправлены въ распоряженіе тѣхъ мѣстныхъ учрежденій Общества, которымъ довѣрено попеченіе о нуждающихся.

Предсѣдатель Главнаго Управленія Общества
Генералъ-адъютантъ **Фонъ-Кауфманъ**.

УКАЗЪ ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА О МѢРАХЪ ПРОТИВЪ ГОЛОДА

3-го ноября 1601 г. [1]).

Отъ царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи. Къ Соливычегоцкой на посадъ и въ Усольской уѣздъ въ станы и въ волости даннымъ и оброчнымъ и таможеннымъ и кабацкимъ и становымъ и волостнымъ старостамъ и цѣловальникомъ и судьямъ всеѣ Усольскіе и Вычегодскіе земли. Вѣдомо намъ учинилося, что у Соливычегодскіе на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ хлѣбъ дорого купятъ. Четь ржи по рублю, овесъ въ двадцать алтынъ, ячмень по тридцати алтынъ безъ гривны. А въ Усольскомъ уѣздѣ въ архіепископлихъ вотчинахъ и въ монастырскихъ у архима(нд)ритовъ и у игуменовъ и у дѣтей боярскихъ, епископлихъ, и у десятильниковъ, и у Строгановыхъ самихъ, и у ихъ приказщиковъ и у посадскихъ людей, и у нашихъ волостныхъ и у монастырскихъ крестьянъ, и у Строгановыхъ половниковъ, и у пріѣзжихъ нашихъ московскихъ гостей, и у вологоцкихъ и у пермскихъ и у двинскихъ и у вяцкихъ торговыхъ прожиточныхъ и у иныхъ у всякихъ у тутошнихъ богатыхъ людей, прошлыхъ лѣтъ старые пахоты изукупу и привозу ржаново и ярового молоченого и въ кладѣхъ немолоченого всякого хлѣба много. А

[1]) Указъ этотъ, обращенный къ „Соливычегоцкой на посадъ и въ уѣздъ Усольской“, сохраняется въ подлинникѣ въ нашемъ архивѣ „Русской Старины“. Ред.

архимариты, и игумены, и епископи, дѣти боярскіе, и десятильники, и Строгановы, и ихъ приказщики, и посацкіе люди, и нашихъ волостей, и монастырскихъ селъ крестьяне, и пріѣзжіе многіе прожиточные и пашенные люди межъ себя сговоряся, для своей корысти хотя хлѣбною дорогою цѣною обогатѣти, тотъ весь хлѣбъ у себя затворили, и затаили, и для своихъ прибылей вздорожили въ хлѣбѣ великую цѣну; а которые де и продаютъ, и они тотъ свой хлѣбъ отдаютъ скупщикомъ богатымъ пріѣзжимъ и тутошнимъ людемъ на большіе деньги въ отвозъ сваленымъ обычаемъ чети по сту, и по двѣсти, и по триста, а врозь по четьямъ на торги не возятъ, и молотчимъ посацкимъ людемъ, и нужнымъ пашеннымъ крестьяномъ никому никакова хлѣба четью и осминою не продаютъ. Да у Солиждевычегоцкой на посадѣ многіе скупщики хотя такою-же корыстью хлѣбною продажею отъ дорогіе цѣны обогатѣти преже сего до нынѣшные поры за полгода ѣздя и розсылая по всей Вычегоцкой землѣ въ станы, и въ волости, и въ села, и въ слободы, и въ погосты въ хлѣбную дешевую пору роздали и иззадачили на хлѣбъ по дешевой цѣнѣ многіе деньги. И изъ задачя де и иззакупя хлѣбъ нынѣ многіе люди, смотря на нихъ, потому-жъ ѣздятъ задатчать, и закупаютъ, и отсылаютъ въ отвозъ и цѣну въ хлѣбѣ вздорожили: и тотъ свой закупной хлѣбъ продаютъ по той по большой цѣнѣ, а посадскимъ, и волостнымъ, и всякимъ людемъ такою дорогою цѣною воровствомъ своимъ учинили въ хлѣбѣ тѣсноту великую и скудость, что держатъ у себя во дворѣхъ, и по житницамъ, и по анбаромъ, и по лавкамъ, и по ямамъ многой хлѣбъ, а у иныхъ стоитъ не молоченъ въ кладѣхъ, и въ скирдахъ, и въ одоньяхъ многихъ лѣтъ; а на продажу де тово хлѣба не явятъ, а и вывозятъ на торги, и на ярманки, и на торжки по немногу, сговорясь воровствомъ, цѣну—вздораживая и ожидая тово, чтобъ имъ также впередъ еще тово больши хлѣбъ къ своей корысти вздорожити; а которые де крестьяне живутъ у Соливычегодской вблизи верстахъ въ дватцати, и въ тритцати, и въ сорокѣ, и больши, повезутъ къ Соливычегоцкой, и на торшки, и на ярманки своего крестьянского прежнего и нынѣшнего паханья и привозного хлѣба, и посацкіе де, и всякіе люди скупщики, зговорясь на многіе статьи, выѣзжаютъ и выходятъ къ нимъ на встрѣчу по всѣмъ дорогамъ во всякіе дни и стоятъ на тѣхъ дорогахъ

версты за двѣ, и за три, и за десять, и больши, не хотя тѣхъ крестьянъ съ хлѣбомъ на торгъ и на ярманку для вольные дешевые продажи пропустити, и у нихъ тотъ весь хлѣбъ на тѣхъ дорогахъ не допустя къ торгу, закупаютъ; а которые де крестьяне хлѣбъ на продажу въ городъ или на которые торжки и на ярманки привезутъ, и тѣжъ де и скупщики, потому-жъ межъ себя сговорясь и приходя семьями, и тому привозному хлѣбу у крестьянъ цѣну вздораживаютъ-же и межъ себя дѣлаютъ вяску и въ цѣнѣ перекупанье многое для того, чтобъ имъ въ томъ закупномъ хлѣбѣ цѣны не одешевити и продавати-бъ имъ тотъ свой закупной хлѣбъ дорогою большою цѣною изъ цѣны не опустя. И цѣна хлѣбу у Соливычегоцкой отъ часу прибываетъ и дорожаетъ, со дни на день больши прежнего; а посацкимъ и волостнымъ людемъ дѣластца многая нужа, что имъ по такове по большой дорогой цѣнѣ у скупщиковъ, и у хлѣбниковъ, и у колачниковъ хлѣбъ закупити не изможно.

И мы, великій государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и нашъ сынъ великій государь царевичъ князь Ѳеодоръ Борисовичъ всеа Русіи, съ Божіею помощію и Пречистые Богородицы нашія—крестьянскіе надежи милостію и заступленіемъ управляя и содержая государственные свои земли, вамъ всѣмъ людемъ къ тишинѣ и покою, и льготѣ и оберегая въ своихъ государствахъ благоплеменный крестьянскій народъ во всемъ и въ томъ есмя по нашему царскому милосердому обычаю, жалѣя о васъ, о всемъ православномъ крестьянствѣ и сыскивая вамъ всѣмъ, всего народа людемъ полезная, чтобъ милостію Божіею и содержаніемъ нашего государского управленія было въ нашихъ во всѣхъ земляхъ хлѣбное изобилованіе, житіе немятежное и неповредимый покой у всѣхъ ровно, велѣли есмя въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ и въ нашихъ московскихъ и во всѣхъ городѣхъ нашего царскаго держанья, хлѣбныхъ скупщиковъ, и тѣхъ всѣхъ людей, которые цѣну въ хлѣбѣ вздорожили, и на хлѣбъ деньги задатчили, и хлѣбъ закупали, и затворили, и затаили, сыскивати. И впередъ того смотрѣти-жъ и беречи, и провѣдывати накрѣпко и о скупщикахъ, и о закупномъ хлѣбѣ по всѣмъ городомъ нашего государства учинити укрѣпленіе и береженье великое, чтобъ отъ тѣхъ скупщиковъ и ни отъ какихъ

людей однолично нигдѣ хлѣбъ не дорожалъ и отъ тое дороговли нужи и скудости и оскорбленія никакимъ людемъ не было.

И за такимъ нашимъ царскимъ великимъ утвержеміемъ, и за крѣпко учиненною заповѣдью велѣли есмя учинити у Соли хлѣбную цѣну одну: купити и продавати ржи четь по полтинѣ, овса четь въ полполтины, ячмени четь въ четыре гривны: а купити есмя велѣли всякимъ людемъ понемногу про себя, а не въ скупъ, чети по двѣ, и по три, и по четыре человѣку.

И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы-бъ впередъ про закупщиковъ и про закупной хлѣбъ сыскивали и провѣдывали крѣпко, да гдѣ, у ково у Соли на посадѣ и въ уѣздѣ Московскихъ гостей, и Устюжскихъ, и у Вологоцкихъ, и у тутошнихъ Усольскихъ посацкихъ у богатыхъ торговыхъ людей закупленъ хлѣбъ или у кого запертъ, а всыпанъ во дворѣхъ и по житницамъ, и по анбаромъ, и по лавкамъ сыщетца нынѣ и впередъ объявитца, и вы-бъ тотъ хлѣбъ переписывали; а переписавъ велѣли-бъ естя тѣмъ людемъ у кого тотъ хлѣбъ перепишете продавати всякимъ людемъ врознь по немногу по чети, по двѣ и по три человѣку по нашей указной цѣнѣ: четь ржи по полтинѣ, овесъ по полуполтинѣ, ячмень по четыре гривны: а свальнымъ обычаемъ многимъ хлѣбомъ на въ скупъ продавати и въ отвозъ отсылати не велѣли никому никоторыми дѣлы и за городомъ-бы естя около Усольского посаду, на проѣзжихъ окологородныхъ дорогахъ, потому-жъ тутошнихъ деревенъ крестьяномъ, которые живутъ по дорогамъ приказали смотрѣти и беречи того на крѣпко, чтобы скупщики за городъ на тѣ проѣзжіе дороги на встрѣчу противъ хлѣба не выходили и не закупали. Да и на торгѣхъ-бы естя и на ярманкахъ у Соли тово надъ закупщики смотрѣти приказали-жъ, чтобы однолично закупщики и ни какіе люди не воровали и цѣны хлѣбу не дорожили и межъ себя вяски и въ цѣнѣ перекупанья не чинили отнюдь ни которыми дѣлы, чтобы въ томъ хлѣбѣ посацкимъ людемъ и пашеннымъ крестьяномъ нужи и скудости ни которые не было.

А будетъ гдѣ у Соли и въ Усольскомъ уѣздѣ послѣ сего нашего уложенья и крѣпко учиненныя заповѣди учнутъ которые люди по прежнему воровати, ѣздя по селамъ и по деревнямъ деньги на хлѣбъ задатчить, и закупать, и цѣну хлѣбную дорожити, и вяску чинити, и хлѣбъ продавати не по нашей уложен-

ной указной цѣнѣ и вы-бъ тѣхъ воровъ скупщиковъ велѣли по торгомъ бити кнутьемъ нещадно; а ково изымаютъ въ другіе и въ третіе и вы-бъ ихъ били кнутьемъ, и метали ихъ въ тюрьму на время; а которые люди не хотя по нашей указной цѣнѣ хлѣбъ продавати, да тотъ хлѣбъ у себя затаятъ и затворятъ и вы-бъ тѣхъ людей метали въ тюрьму и правили на нихъ заповѣди по пяти рублевъ на человѣкѣ; а хлѣбъ переписавъ, имали и продавали по нашей уложенной цѣнѣ противъ сеѣ нашіе грамоты. А деньги на томъ хлѣбѣ взявъ, отдавати тѣмъ людемъ, у ково тотъ хлѣбъ отпишете, чтобъ за нашимъ царскимъ укрѣпленіемъ у Соли на посадѣ скупщиковъ отъ того однолично уняти и хлѣбная цѣна по нашему царскому уложенью была учинена и укрѣплена всякимъ людемъ одна. И въ торговые-бы естя дни у Соли на посадѣ и въ Усольскомъ уѣздѣ на торжкѣхъ и на ярманкахъ, о той нашей уложенной хлѣбной цѣнѣ и о продажѣ велѣли кликати еженедѣль и учинили-бы естя по сей нашей грамотѣ заповѣдь и указъ крѣпкой по всей Усольской вычегодской землѣ, чтобъ наше царское уложенье о хлѣбной цѣнѣ и о продажѣ было вѣдомо всѣмъ людемъ; а которые будетъ вымичи учнутъ къ Соли или въ которые села и волости, и въ погосты, и слободы, и на торжки, и на ярманки, пріѣзжая покупати хлѣбъ и вы-бъ имъ про себя хлѣбныхъ запасовъ чети по двѣ, и по три, и по четыре человѣку велѣли купити по той-же нашей цѣнѣ, хто имъ учнетъ продавати, и отпущать ихъ съ тѣмъ хлѣбомъ велѣли безо всяково задержанья, чтобы нашимъ жилетскимъ людемъ въ хлѣбѣ нужи и скудости ни которые не было.

Да писано отъ насъ къ вамъ напередъ сего, чтобъ у Соли у вычеготцкой на посадѣ и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ нашихъ чорныхъ волостей и архіепископли, и монастырскіе слуги, и крестьяне, и всякіе люди вина однолично не курили ни которыми дѣлы, и судовъ винныхъ у себя не держали, и о томъ велѣно вамъ отъ Соли отъ Вычеготцкой съ посаду розослати во весь Усольской уѣздъ въ станы и въ волости цѣловальниковъ, а велѣти имъ по нашему указу про корчемное питье сыскивать на крѣпко и впредь о томъ учинити крѣпкую заповѣдь, чтобъ у Соли у Вычеготцкой на посадѣ и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ продажное питье нигдѣ не именовалося и вы-бъ однолично по

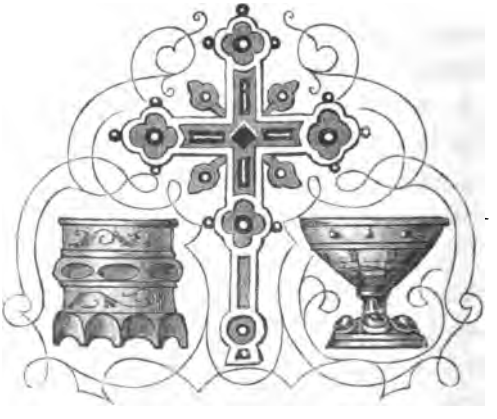
прежней и по сей нашей грамотамъ у Соли у Вычеготцкой на посадѣ и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ въ станѣхъ и въ волостяхъ крестьяне и всякіе люди пивъ и винъ не варили, а кому будетъ для великіе нужи на великіе празники, и на родительскіе памети, и на родины, и на свадьбы сварити не ото многа пива, и то бъ съ великимъ береженьемъ, чтобъ въ томъ ихъ во многомъ, въ хмѣльномъ питьѣ хлѣбу лишнихъ росходовъ не было; да и о томъ бы есте у Соли на посадѣ и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ велѣли заказъ учинити крѣпкой, чтобъ солодовники многово хлѣба не закупали и солодовъ многихъ, для хлѣбного недороду, на продажу не ростили и не продавали.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7110, ноября въ 3 день.

(На столбцахъ по склейкамъ скрѣпа): Діакъ Ѳедоръ Яновъ. Справилъ подъячій ..... Внизу приложена печать.

Примѣчаніе. Подлинникъ написанъ на столбцѣ длиною въ 4 аршина 5 вершковъ, писанъ очень четко и превосходно сохранился.

Ред.



Бывшимъ воспитанникамъ Дворянскаго полка, Константиновскихъ кадетскаго корпуса и военнаго училища

(1807 — 1891 г.)

Воспитанники названныхъ выше заведеній, собирающіеся ежегодно, въ день основанія Дворянскаго полка, въ товарищескій кружокъ, въ 1888 году единогласно постановили: просить своихъ товарищей отсылать въ особый отдѣлъ библіотеки Константиновскаго военнаго училища всѣ произведенія науки, литературы, художествъ и искусствъ, когда-либо ими написанныя, напечатаныя или воспроизведенныя

Нѣсколько лицъ, во исполненіе этого приглашенія, сообщили свои труды, и помянутый отдѣлъ книгъ, брошюръ, нотъ и рисунковъ постепенно расширяется; но еще очень многіе изъ бывшихъ питомцевъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній не доставили своихъ трудовъ, разновременно явившихся въ печати, а потому нижеподписавшіеся, по порученію собранія своихъ товарищей, „Дворянъ и Константиновцевъ", покорнѣйше просятъ всѣхъ, до кого относится настоящее приглашеніе, прислать по одному экземпляру своихъ трудовъ въ помянутый отдѣлъ библіотеки Константиновскаго военнаго училища (С.-Петербургъ, Забалканск. пр.).

М. Г. Гольмдорфъ.—Н. Ѳ. Дубровинъ.—Г. А. Лееръ [1]). — А. Ѳ. Маккавѣевъ. — Н. П. Петровъ.—М. П. Семевскій.

[1]) Бывшій инспекторъ классовъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, почетный гость на ежегодныхъ собраніяхъ питомцевъ дворянскаго полка и преемственныхъ заведеній. Ред.

Поправки и опечатки.

I.

Въ статьѣ г. Родзевича „Тарасъ Шевченко въ Закаспійскомъ Краѣ", напечатанной въ майской книгѣ „Русской Старины" изд. 1891 г., на стр. 435, въ примѣчаніи, между прочимъ упоминается, что якобы: „бывшій начальникъ Закаспійской области" имѣетъ подаренный Васильевой образокъ Богоматери, вырѣзанный руками поэта на кости". При чемъ г. Родзевичъ заявилъ мнѣ, что ему кто-то сказалъ объ этомъ, указывая на меня. Никогда и никакихъ вещей Тараса Шевченко у меня не было и нѣтъ, и г-жи Васильевой я совершенно не знаю.

А. В. Комаровъ.

II.

Въ статьѣ: „На рѣкѣ Амурѣ въ 1854—1855 гг.", напечатанной въ „Русской Старинѣ" изд. 1891 г., книга августъ, на стрн. 336, стрк. 20 снизу напечатано: „баталіонъ превышалъ тысячу человѣкъ", а слѣдуетъ быть: «не превышалъ тысячи человѣкъ»; на стрн. 338, стрк. 23 снизу, напечатано: „членъ" вмѣсто „Гленъ", и на стрн. 346, стрк. 10 сверху, напечатано: „Патарскій проливъ", вмѣсто „Татарскій".

А. Барановъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЗД. 1891 Г.

НИКИТА ПАНИНЪ и МЕРСЬЕ де ЛА-РИВЬЕРЪ

(1762—1767).

IV [1]).

Въ Государственномъ Архивѣ хранится „Переписка графа Никиты Панина съ Ла-Ривьеромъ“ (XI, 686). Въ связкѣ всего шесть писемъ, и изъ нихъ два письма Ла-Ривьера къ Панину, первое и послѣднее, не касаются занимающаго насъ вопроса: первое, отъ 28-го августа 1767 г., изъ Данцига, съ извѣщеніемъ, что болѣзнь глазъ замедляетъ путешествіе, и послѣднее, отъ 30-го апрѣля 1768 г., изъ Берлина, о вещахъ, поднесенныхъ великому князю Павлу Петровичу. Изъ остальныхъ четырехъ, письмо Панина къ Ла-Ривьеру, отъ 9-го октября, помѣщено нами выше; другія три печатаемъ, здѣсь, на страницахъ „Русской Старины“ въ дословномъ переводѣ:

1.

Ла-Ривьеръ Панину, отъ 18-го октября 1767 г. [2]).

Милостивый государь! Какъ ни польщенъ я тѣмъ, что внушилъ вашему превосходительству желаніе познакомиться со мною, не могу удержаться, чтобъ не заявить вамъ мое удивленіе относительно

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXII, ноябрь, стр. 283—324.
[2]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 4—5.

распоряженій, о которыхъ вы почтили меня увѣдомленіемъ. Зная вашу правдивость и прямоту, я долженъ отнести ихъ къ недоразумѣніямъ, къ какому-либо опущенію со стороны тѣхъ, которые внушили Ея Императорскому Величеству мысль о вызовѣ меня. Быть можетъ также какія-либо частныя причины не дозволили имъ представить вамъ въ подробностяхъ тѣ существенныя обстоятельства относительно меня, которыя, мнѣ кажется, они были обязаны сообщить вамъ.

Избавьте меня, прошу васъ, входить съ вами въ какія либо объясненія по этому поводу. Вы хорошо понимаете, что мнѣ не пристало говорить теперь, кто я такой, что я сдѣлалъ въ моемъ отечествѣ, какими непрошенными мною милостями былъ я осыпанъ, что я покинулъ, что я могъ-бы еще сдѣлать, еслибъ желаніе быть полезнымъ всѣмъ націямъ разомъ не одержало-бы на время во мнѣ верха надъ удовольствіемъ продолжать трудиться только для себя лично.

Еслибъ я имѣлъ честь быть извѣстнымъ вашему превосходительству въ той мѣрѣ, какъ я желалъ-бы, вы убѣдились-бы, что я не могу и не долженъ смотрѣть на условія, вами мнѣ объявленныя, какъ на мѣрило того мнѣнія, которое составлено объ услугахъ, какія я могъ-бы принесть Россіи и лично императрицѣ.

Прошу ваше превосходительство не быть ко мнѣ несправедливымъ и не приписывать это мое заявленіе моимъ личнымъ видамъ. Я никогда не былъ сребролюбивымъ и умру такимъ; но здѣсь идетъ рѣчь не о выгодѣ, а о чести, и я обращаю вниманіе на выгоду потому лишь, что она необходимѣйшимъ образомъ является знакомъ и мѣриломъ того уваженія, которое считаютъ должнымъ оказывать мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, будьте увѣрены, милостивый государь, что, занимая во Франціи мѣста, присвоенное жалованье которыхъ въ 40.000 франковъ было обращено для меня въ 40.000 экю, не считая наградныхъ, которыя мнѣ давались, и принимая эти самыя мѣста два раза потому только, что мнѣ невозможно было отказаться отъ нихъ подъ приличнымъ предлогомъ, никакой мотивъ личной выгоды не могъ побудить меня къ путешествію въ Россію, что ясно показалъ и мой договоръ съ кн. Голицынымъ, такъ какъ я не хотѣлъ принять никакихъ въ этомъ отношеніи предосторожностей, какъ мнѣ совѣтовали и какъ поступили-бы многіе другіе въ подобномъ случаѣ. Обширная имперія, дѣлающая наибольшія усилія, чтобъ улучшить свое правленіе; императрица, возвышающаяся надъ всѣми политическими предразсудками; ея министры-граждане, созданные

для служенія видамъ своей государыни; наконецъ, сцена, на которой любовь къ человѣчеству можетъ развернуть все свое рвеніе — вотъ что поразило меня, вотъ что представлялось мнѣ, и я поѣхалъ.

Если меня обрисовали иными чертами, если меня представили, какъ человѣка недовольнаго своимъ правительствомъ, то васъ обманули, потому что обманулись сами, не приняли во вниманіе, что имѣть во Франціи дѣтей, земли, друзей, санъ, положеніе, права на общественное уваженіе и на благоволеніе своего государя — это все узы, которыя никогда нельзя намѣреваться порвать. Не проникли въ мой кабинетъ, чтобъ видѣть работы, которыя не позволили-бы мнѣ покинуть его; вѣроятно, приписали предполагаемому неудовольствію мое состояніе не у дѣлъ, которое было только кажущееся, и не обратили вниманія, что моя манера держать себя зависѣла главнымъ образомъ отъ отвращенія, которое я всегда имѣлъ ко всѣмъ поступкамъ, носящимъ обликъ интриги или честолюбія.

Какъ-бы то ни было, милостивый государь, я долженъ думать, что меня совершенно не знаютъ, что вовсе не мои услуги хотѣли подвергнуть оцѣнкѣ: я нуждаюсь въ этой мысли, чтобъ сохранить надежду, что я въ состояніи оказать здѣсь тѣ услуги, какія я предположилъ. Еслибъ я потерялъ эту надежду, я озаботился-бы уже своимъ возвращеніемъ во Францію, не ожидая истеченія срока отпуска, даннаго мнѣ дворомъ. Вотъ почему я осмѣлился писать ея императорскому величеству, прося, чтобъ она соблаговолила сама увѣдомить меня, могу-ли я льстить себя надеждою быть ей столь полезнымъ, какъ я желаю и какъ я предположилъ.

Въ ожиданіи, милостивый государь, что императрица почтитъ меня своимъ отвѣтомъ, ваше превосходительство разрѣшитъ мнѣ смотрѣть на себя здѣсь, какъ на продолжающаго путешествіе, предпринятое для ея величества, и принять деньги, которыя передастъ мнѣ г. Глѣбовъ, какъ составляющія послѣдствіе договора обезпечивающаго мнѣ расходы этого путешествія и возвращенія.

Что касается моихъ расходовъ до Петербурга, затраты на покупку каретъ, издержекъ на мое леченіе въ дорогѣ, расходовъ, причиненныхъ мнѣ какъ приглашенными мною лицами, которыхъ я считалъ необходимыми для предстоявшихъ мнѣ здѣсь работъ, такъ и тѣми, которые давно уже привязаны ко мнѣ и безъ которыхъ я не могъ отправиться въ путь, отправка на свой счетъ даннаго мнѣ рижскимъ губернаторомъ сержанта, словомъ, считая все, что касается насъ, шести свѣдущихъ людей [1]), находящихся здѣсь, мнѣ

[1]) Въ подлинникѣ: les six maîtres. Даже выраженіе maîtres было принято съ неудовольствіемъ, слѣды котораго сохранились въ письмѣ Фалько-

стоило по меньшей мѣрѣ 24,000 ливровъ, а я получилъ въ Парижѣ, Данцигѣ и Ригѣ около 16.200. Будьте увѣрены, что я совѣщусь входить въ эти подробности; это противорѣчитъ моему характеру, и если я упоминаю объ этомъ, то потому, что вы этого требовали отъ меня. Имѣю честь быть и т. д. Де Ла-Ривьеръ.

Спб. 18-го октября 1767.

Я выплатилъ г. губернатору Глѣбову все, что онъ истратилъ изъ своихъ собственныхъ средствъ на моихъ секретарей въ ожиданіи моего пріѣзда въ Петербургъ.

2.

Панинъ—Ла-Ривьеру, 7 го ноября 1767 г. [1]).

Милостивый государь. Не нахожу ничего особеннаго во всемъ томъ, что вы сдѣлали честь написать мнѣ. Право собственной оцѣнки, которое нельзя и не должно оспаривать ни у кого, принадлежитъ вамъ тѣмъ болѣе, что къ своему собственному чувству вы присоединяете общественное о васъ мнѣніе. Это-то мнѣніе, милостивый государь, породило въ Императрицѣ желаніе привлечь васъ на ея службу, о возможности чего одинъ ученый, близкій вамъ, намекнулъ одному изъ министровъ ея величества. Между нами нѣтъ по существу никакого недоразумѣнія. Уваженіе къ вамъ призвало васъ въ Россію; намѣреніе быть ей полезнымъ побудило васъ пріѣхать сюда. Ошибка заключается лишь въ слишкомъ большемъ распространеніи этой послѣдней мысли, и особенно относительно той громадной жертвы, которую вы должны были сдѣлать, покидая Францію, и той увѣренности, которую мы имѣли, что предложить вамъ мѣсто значило открыть вамъ дверь, почетную и достойную вашихъ намѣреній, чрезъ которую вы покинули-бы Францію.

Припомнимъ вмѣстѣ, прошу васъ, милостивый государь, ходъ этой небольшой сдѣлки.

Г. Штакельбергъ, отмѣтивъ мнѣ все, что можетъ интересовать относительно человѣка рѣдкаго достоинства, занимающаго такой

нета къ Дидро: „Si jamais vous recommandez quelqu'un à l'impératrice, faites qu'il n'écrive pas à la souveraine et au ministre, que lui arrivant et son monde font six maîtres, par ce que cette sorte de ridicule ne manque jamais son effet“ (Revue moderne, XXIII, 382; Сборникъ, XVII, 255).

[1]) Госуд. архивъ, XI, 686, л. 6—11.

постъ, какой вы занимали въ своемъ отечествѣ, но дурно вознаграждаемаго за свои услуги, сообщилъ мнѣ, со словъ аббата Рейналя, что „ваша досада на свое правительство и желаніе отличиться въ какой-нибудь другой странѣ, проявивъ свои дарованія и свой образъ дѣйствій, побудятъ васъ, можетъ быть, принять мѣсто въ Россіи; что онъ не колеблется извѣстить объ этомъ ея императорское величество, убѣжденный, что невозможно, чтобъ она могла найти человѣка болѣе достойнаго со стороны сердца и ума для работъ по ея приказаніямъ относительно коммерческихъ установленій и всего касающагося политико-экономической области". По приказанію императрицы, я отвѣтилъ ему, что „вслѣдствіе того высокаго мнѣнія, которое онъ составилъ о вашихъ талантахъ, ея императорское величество очень желала-бы имѣть васъ на своей службѣ, что онъ долженъ спросить у васъ объ условіяхъ и сообщить о нихъ своему двору, который тотчасъ-же извѣститъ его о своемъ рѣшеніи".

Съ своей стороны мы вовсе и не думали заставлять васъ дѣлать простую поѣздку и минутное появленіе во владѣніяхъ ея величества, но предоставить вамъ здѣсь мѣсто на время по крайней мѣрѣ достаточное, и все оставалось еще въ зависимости отъ возможности принять ваши условія. Это порученіе, адресованное барону Штакельбергу, было исполнено кн. Голицынымъ, какъ ему было то приказано, въ случаѣ отъѣзда г. Штакельберга на свой постъ въ Мадридъ. Извѣстіе, которое онъ сообщилъ мнѣ объ успѣхѣ первыхъ своихъ переговоровъ, веденныхъ съ вами, сводится къ слѣдующимъ немногимъ словамъ, которыя я перевожу съ подлиннаго русскаго письма: „Г. де Ла-Ривьеръ принялъ съ полнымъ удовольствіемъ новость, которую я сообщилъ ему, что предложеніе, сдѣланное барономъ Штакельбергомъ о переходѣ его на русскую службу, принято ея величествомъ". Хотя онъ въ прямой перепискѣ съ вами, хотя онъ видитъ и знаетъ вашихъ друзей, онъ не говоритъ намъ ни о какихъ заявленіяхъ съ вашей или ихъ стороны относительно того блестящаго положенія или тѣхъ великихъ ожиданій, отъ которыхъ вы должны были отказаться ради насъ. До тѣхъ поръ пока въ переговорахъ съ нами не коснулись этого вопроса, естественно, что мы придерживались буквально тому, что сообщилъ аббатъ Рейналь о вашей досадѣ на свое правительство. Мы еще болѣе были утверждены въ этой мысли письмомъ, которое вы написали тогда кн. Голицыну. Я напомню вамъ, милостивый государь, выраженія этого вашего письма для того, чтобъ соблюсти порядокъ въ изложеніи хода сдѣлки, а вовсе не для того, чтобъ дать вамъ понять мое удивленіе по поводу того, что вы пишете теперь мнѣ, будто если

васъ обрисовали мнѣ человѣкомъ, недовольнымъ своимъ правительствомъ, то меня обманули, потому что обманулись сами.

Вы, милостивый государь, писали 25-го апрѣля, въ Парижѣ, кн. Голицыну: „Я полагаю, что мнѣ не должно бывать у вашего превосходительства. Это, конечно, всѣ узнали-бы и обратили-бы вниманіе на то, что я вижусь съ иностраннымъ министромъ, не показываясь ни одному изъ нашихъ. Даже замѣчу, князь, что вы сами стали-бы болѣе, чѣмъ всякій другой, предметомъ разговоровъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ваша императрица старается привлечь къ себѣ людей, пользующихся нѣкоторою извѣстностью. И тѣмъ охотнѣе стали-бы объяснять это по-своему, что, не будучи уже въ состояніи скрывать отъ себя нелѣпость своего положенія, принятаго ими относительно моей совмѣстной съ Фенелономъ администраціи на о. Мартиникѣ, они увѣряютъ себя, будто я долженъ быть недоволенъ". Обстоятельства были таковы, что, по вашему собственному заявленію, ваше министерство первое-же обманывалось относительно вашего настроенія; какимъ-же образомъ могли не обмануться иностранцы, которымъ вы сами передавали о несправедливости относительно васъ?

Не будемъ продолжать далѣе обсужденіе этого вопроса. Я очень озабоченъ тѣмъ, чтобъ мы взаимно были довольны другъ другомъ. Это правило поставилъ я себѣ въ спорѣ, который, какъ вы, милостивый государь, понимаете, долженъ быть мнѣ столь-же непріятенъ, какъ и вамъ. Мнѣ достаточно заявить вамъ, что если мы заблуждались въ этомъ отношеніи, то заблуждались искренно, и что все, до мѣръ, принятыхъ вами относительно вашего отъѣзда, содѣйствовало тому, чтобъ ввести насъ въ это заблужденіе.

Вы первый признали необходимымъ хранить въ тайнѣ все, что касалось вашего пріема на службу ея императорскаго величества. Мы думали также, и кн. Голицынъ вѣрно сохранилъ эту тайну. Даже послѣднія письма, полученныя мною отъ него, убѣждаютъ меня, что до момента вашего отъѣзда, ничего не было разглашено ни о цѣляхъ, ни о срокѣ вашего путешествія. Ваши секретари, отправленные прежде васъ и по другой дорогѣ, предлогъ путешествія (желаніе увидѣть Германію), употребленный, чтобъ ввести въ заблужденіе любопытныхъ—ничто не было забыто ни съ вашей, ни съ нашей стороны, чтобъ предупредить огласку. Откуда-же явилась эта огласка, въ чемъ она состоитъ и, особенно, какимъ образомъ она ставится намъ въ вину, какъ противорѣчащая договору, который кажется вамъ слишкомъ скромнымъ?

Простите, милостивый государь, это замѣчаніе. Какое мнѣніе я

подалъ-бы вамъ и о своей правдивости, и о своей искренности, если-бъ это замѣчаніе ускользнуло отъ меня или я поцеремонился-бы сдѣлать его. Но во всемъ этомъ насъ печалитъ болѣе всего вовсе не шумъ, а то, что подобное путешествіе оказывается безусловно безполезнымъ для насъ. Дѣло въ томъ, что, оставаясь настолько связаннымъ съ своею родиною, насколько вы увѣряете меня, что вы еще связаны, для васъ невозможно будетъ принять на себя постоянныя обязанности въ Россіи, отъ которыхъ вамъ пришлось-бы отказаться по первому-же знаку, которымъ вамъ будетъ приказано возвратиться на родину.

Вы, конечно, не предполагали-же, милостивый государь, что нужда моментальная, нужда настоящей минуты, точно опредѣленная, заставила желать вашего пріѣзда во владѣнія ея величества. Вы не скрываете-же отъ себя, что какъ ни были-бы обширны, какъ ни были-бы превосходны ваши познанія, необходимо время, чтобъ приспособить ихъ къ мѣстнымъ условіямъ, и что лишь на службѣ постоянной, продолжающейся такъ долго, какъ того потребуютъ или позволятъ взаимныя удобства, вы могли-бы стать дѣйствительно полезны для Россіи въ какой-либо части управленія, гдѣ сочли-бы возможнымъ проявить свои таланты.

Если въ договорѣ, заключенномъ вами съ кн. Голицынымъ, онъ не сдѣлалъ никакого затрудненія вставить заявленіе объ этой полезности, которою вы гордитесь, для блага и человѣчества, и подданныхъ ея императорскаго величества въ частности, то потому, что съ его стороны было-бы неосторожно ограничивать ваше рвеніе и что, въ надеждѣ видѣть васъ утвержденнымъ на службѣ своей государыни, онъ, быть можетъ, усматривалъ возможность осуществить и вашу надежду. Онъ хорошо зналъ, что добро или зло человѣческаго рода не носится въ карманѣ, какъ нѣкогда консулъ носилъ миръ или войну. Онъ зналъ также, что если книга, полная великаго и всемірнаго интереса, составляетъ драгоцѣнность, общую для всѣхъ націй, то благо, вытекающее изъ примѣненія ея, дѣлаемаго со рвеніемъ, прямодушіемъ и умомъ, значительно съуживается и заключается въ болѣе тѣсныя границы.

Вамъ легко, милостивый государь, распространить это разсужденіе и самому увидѣть въ чемъ и почему мы расходимся. Мы исходили изъ одного принципа, но мы желали не одного и того-же и не одинаковымъ образомъ, а ваша торопливость при отъѣздѣ, торопливость, за которую мы можемъ только благодарить васъ, не оставила времени для объясненій, которыя были-бы очень необходимы. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что смотря на себя, какъ

на человѣка, привязаннаго единственно и существенно къ своей родинѣ, вы принимаете въ разсчетъ только послѣднюю должность, которую вы занимали, при разсмотрѣніи содержанія, которымъ, по вашему мнѣнію, оцѣниваются ваши заслуги въ Россіи; между тѣмъ какъ, оцѣнивая ихъ предположительно и до болѣе близкаго знакомства съ вами по тому содержанію, которое мы даемъ первымъ чинамъ гражданской службы, мы вовсе не предполагали сдѣлать что-либо, отъ чего могло-бы пострадать должное вамъ уваженіе.

Я тѣмъ не менѣе докладывалъ ея императорскому величеству о вашемъ отказѣ отъ предложенныхъ мною условій и о вашемъ желаніи считать ваше пребываніе въ Петербургѣ какъ-бы продолженіемъ путешествія, всѣ расходы котораго обезпечиваются вамъ заключеннымъ договоромъ. Ея величество изволила дать на это свое согласіе. Она приказала еще мнѣ отвѣчать вамъ, милостивый государь, на ваше предложеніе пріѣхать сюда, что она избѣгаетъ причинить вамъ это новое утомленіе по причинѣ малаго времени, которое она предполагаетъ оставаться въ Москвѣ, но что она убѣждена, что вы не откажетесь подождать ея возвращенія въ Петербургъ, а это возвращеніе послѣдуетъ неупустительно въ концѣ января или въ началѣ февраля. Поздняя осень и особенно нужда, которую вы естественно имѣете въ спокойствіи, не должны дозволить вамъ смотрѣть на ваше снисхожденіе къ этому желанію ея величества, какъ на очень большое неудобство. Можетъ случиться и я даже полагаю, что увидѣвшись и лучше познакомившись, можно будетъ найти мотивы сблизиться, можно будетъ устроить что-нибудь болѣе удовлетворительное для обѣихъ сторонъ. Въ противномъ случаѣ намъ останется только сожалѣть, что мы были причиною тяжелаго переѣзда для уважаемой семьи, почтенной особенно тѣмъ, что вы стоите во главѣ ея, но къ этому сожалѣнію не примѣшается горечь упрека. Если мы и не сошлись въ своихъ мысляхъ, ея императорское величество понимаетъ чѣмъ обязана она познаніямъ, великимъ дарованіямъ и чего отъ нея требуетъ выраженная вами готовность служить ей. Ея благодарность не зависитъ отъ услугъ. Но, прежде всего, я вовсе не желаю откладывать уплату издержекъ, которыя вы сдѣлали, чтобъ прибыть въ Россію. Вслѣдствіе чего имѣю честь присоединить къ сему отъ имени ея императорскаго величества ассигновку въ 7,800 ливровъ на генерала Глѣбова.

Имѣю честь быть и проч. Графъ Н. Панинъ.

Москва, 7-го ноября 1767 г.

3.

Ла-Ривьеръ Панину, отъ 15-го ноября 1767 г. [1]).

Милостивый государь.

Я слишкомъ ревнивъ къ стремленію заслужить уваженіе императрицы и ея министровъ, чтобъ оставить въ ихъ глазахъ хотя-бы малѣйшій видъ противорѣчія въ моемъ поведеніи или въ моихъ словахъ. Прошу поэтому ваше превосходительство позволить мнѣ представить вамъ кое-какія подробности и кое-какія замѣчанія, требуемыя отъ меня, какъ кажется, вашимъ послѣднимъ письмомъ.

Такъ какъ мнѣ представляется, что въ этомъ письмѣ выраженіе „оцѣнить" означаетъ оцѣнить деньгами, то я начну, милостивый государь, съ заявленія, что и въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ, я отказываюсь отъ права оцѣнивать себя самого, которое вы столь обязательно предоставляете мнѣ. Привыкнувъ взвѣшивать себя всегда на вѣсахъ чести, а не выгоды, я простираю свои притязанія значительно далѣе. Я простираю ихъ до прерогативы быть принятымъ и содержимымъ, какъ человѣкъ, который не продаетъ себя и который прибылъ сюда потому только, что призывавшіе убѣждали его, что онъ въ короткое время окажетъ большія услуги.

Таковы намѣренія и притязанія, которыя я постоянно высказывалъ двумъ представителямъ императрицы передъ своимъ отъѣздомъ. Видя, что мои первые шаги въ Россіи не соотвѣтствуютъ моимъ намѣреніямъ и притязаніямъ, я выразилъ вамъ, милостивый государь, свое удивленіе, но не неудовольствіе. Я настаиваю на этомъ различіи, такъ какъ я болѣе всего желаю, чтобъ ни одна нація не нуждалась во мнѣ: доказательство этого я представляю въ дѣлаемыхъ мною усиліяхъ сообщить всѣмъ людямъ тѣ немногія познанія, которыя пріобрѣтены мною опытомъ и серьезными размышленіями.

Хотя я и говорю объ оказаніи большихъ услугъ въ короткое время, я прошу васъ, однако, милостивый государь, вѣрить, что я вовсе не столь надмененъ, чтобъ смотрѣть на себя, какъ на лицо, которое приноситъ въ карманѣ счастіе Россіи; но я зналъ, что та, которая управляетъ Россіей, соединяетъ съ великими намѣреніями и наиболѣе великія дарованія и, поэтому, думалъ и долженъ былъ думать, что, въ силу этихъ самыхъ дарованій и постояннаго ихъ

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 686, л. 12—15.

примѣненія, она въ состояніи сдѣлать въ два года болѣе, чѣмъ обыкновенные люди въ продолженіе всей своей жизни.

Я имѣлъ даже особыя причины, которыя утверждали меня въ этомъ убѣжденіи: г. Штакельбергъ представилъ мнѣ завѣренія, не разъ имъ повторенныя, что ея императорское величество вполнѣ одобрила принципы, заключающіеся въ „Mémoire", который онъ получилъ отъ меня и переслалъ ей. По этимъ завѣреніямъ, услуги, которыхъ могли ожидать отъ меня, представлялись мнѣ уже значительно подвинутыми впередъ: я видѣлъ, что единственный трудъ, который мнѣ остается сдѣлать здѣсь, будетъ заключаться въ томъ, чтобъ поставить императрицу безусловно въ такое положеніе, чтобъ она не нуждалась болѣе ни въ какой иноземной помощи для утвержденія хода и быстроты преуспѣянія, по которому она могла-бы дать своему правленію наивысшую степень совершенства, на какую оно только способно.

Вотъ причины, милостивый государь, заставившія меня думать, что усидчивая работа двухъ лѣтъ, съ лицами, которыхъ я привезъ себѣ въ помощь, будетъ достаточна, чтобъ изучить мѣстныя условія, опредѣлить уступки, требуемыя существующими обычаями, и, ничего не насилуя, ничего не компрометируя, вполнѣ отвѣчать тѣмъ намѣреніямъ, которыя ея императорское величество могла имѣть, призывая меня въ Россію.

Я согласенъ съ вашимъ превосходительствомъ, что смотрѣлъ на нужду, которую имѣютъ во мнѣ, какъ на нужду этой минуты. Но вы простите это мнѣ, безъ сомнѣнія, если примете во вниманіе, что въ этомъ случаѣ я видѣлъ лишь то, что представители императрицы заставляли меня видѣть. Они убѣждены, что человѣкъ, проведшій свою жизнь въ обсужденіи и практическомъ примѣненіи главнѣйшихъ неизмѣнныхъ принциповъ всякаго законодательства, могъ быть полезенъ для великихъ реформъ, которыя намѣрена произвесть ея императорское величество; а такъ какъ они знали, что она созвала для этого депутатовъ отъ всѣхъ провинцій, то думали, что нельзя терять времени, что въ настоящій именно моментъ чувствуется потребность въ такомъ человѣкѣ, и что когда дѣло этого дня будетъ окончено, исчезнетъ и эта потребность.

Мнѣ никогда не приходило на умъ, чтобы именно въ этомъ отношеніи мои заслуги могли-бы быть полезны Россіи; еще менѣе, чтобъ не встрѣтилось-бы препятствій въ моемъ качествѣ иностранца. Но г. Штакельбергъ и кн. Голицынъ говорили и повторяли мнѣ это; говоря и повторяя, они заставили меня торопливо уѣхать. Ослѣпленные своимъ рвеніемъ, они сдѣлали первую ошибку; соблаз-

ленный, какъ и они, подобнымъ мотивомъ, я сдѣлалъ вторую, озволивъ убѣдить себя.

Вотъ, ваше превосходительство, истинная причина поспѣшности, съ которою я выѣхалъ. Вы видите, что это дѣло г. Штакельберга и главнѣйшимъ образомъ кн. Голицына. Сознаюсь, что относительно этой поспѣшности, которую вы, кажется, порицаете, я былъ безусловно въ заблужденіи: я полагалъ, что этою поспѣшностью выкажу свою честность и необыкновенное рвеніе. Единственное средство, которое остается мнѣ, чтобъ поправить эту ошибку, заключается въ томъ, чтобъ также ускорить мое возвращеніе, насколько то позволитъ время года.

Какъ ни прискорбно для меня узнать, милостивый государь, что, не будучи въ состояніи поселиться здѣсь, принявъ титулъ или мѣсто, я долженъ отказаться отъ надежды быть здѣсь хоть сколько-нибудь полезнымъ, я могу, однако, только благодарить императрицу за знакъ уваженія, который она соблаговолила оказать мнѣ, предлагая мѣсто на ея службѣ. Но еслибъ я былъ способенъ разорвать узы, привязывающія меня къ родинѣ и моему государю, я далъ-бы ея императорскому величеству дурное о себѣ мнѣніе: такимъ образомъ, ея предложенія по существу своему таковы, что я не могу принять ихъ, не переставая въ ту-же минуту быть ихъ достойнымъ.

Ваше превосходительство не можете упрекнуть меня въ этомъ случаѣ въ какомъ-либо противорѣчіи: мой договоръ, даже мое письмо отъ 6-го мая князю Голицыну, о которомъ вы упоминаете, весьма ясно, весьма положительно указываютъ, что я уѣзжалъ съ тѣмъ, чтобъ возвратиться; равнымъ образомъ, вопросъ никогда не былъ иначе поставленъ между г. Штакельбергомъ, кн. Голицынымъ и мною.

Но, милостивый государь, вы даете мнѣ замѣтить, что вамъ представляется затруднительнымъ согласить это рѣшительное намѣреніе возвратиться съ неудовольствіями, которыя я будто-бы испытываю во Франціи. Это кажущееся затрудненіе происходитъ отъ того, что вамъ неизвѣстны ни обстоятельства этого мнимаго неудовольствія, ни свойственный мнѣ образъ мыслей.

Герцогъ Шуазель былъ обманутъ относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, интересовавшихъ торговлю Франціи съ колоніею, гражданскую администрацію которой король вторично поручилъ мнѣ; изъ этого возникли нѣкоторыя пререканія между министромъ и мною; узнавъ вскорѣ объ обманѣ, которому подвергся, онъ сознался необходимость слѣдовать всѣмъ моимъ проектамъ. Такимъ образомъ все было улажено. До тѣхъ поръ, пока меня

обвиняли въ ошибкахъ, я былъ недоволенъ; но я пересталъ быть недовольнымъ, какъ только исчезло обвиненіе.

Правда, дурной и очень дурной куртизанъ по своему характеру, я держался вдали отъ нашихъ министровъ; но это удаленіе не было плодомъ неудовольствія, котораго уже не существовало; оно зависѣло лишь отъ необходимости пользоваться полною свободою для возстановленія здоровья и для окончанія произведенія, которое друзья уговорили меня издать въ свѣтъ. Я былъ еще боленъ даже и тогда, когда кн. Голицынъ явился ко мнѣ говорить отъ имени императрицы.

Не нахожу ничего особеннаго въ томъ, что многія лица считали меня недовольнымъ потому, что мои послѣднія услуги не сопровождались новыми милостями короля. Но эти лица, очевидно, не знали, что я никогда не просилъ этихъ милостей, такъ какъ держусь правила, что не должно быть оплачиваемымъ дважды за исполненіе своихъ обязанностей. Князю Голицыну хорошо извѣстно, что мое равнодушіе къ собственнымъ интересамъ таково, что лишь за нѣсколько дней до отъѣзда я потребовалъ и получилъ суммы, которыя мнѣ должны были въ счетъ моего жалованья.

Наконецъ, милостивый государь, взываю къ вашему сердцу: думаете-ли вы, что временное неудовольствіе можетъ повести къ желанію покинуть безвозвратно отечество? Думаете-ли вы, что нужно быть недовольнымъ въ своей странѣ, чтобъ ухватиться за случай оказать въ чужой странѣ существенныя услуги, особенно-же когда отзвуки этихъ услугъ могутъ быть только выгодны для своего собственнаго отечества?

Это, милостивый государь, понуждаетъ меня разсѣять выраженное мнѣ вами удивленіе относительно моихъ правъ на благоволеніе своего государя. Большая разница между честолюбіемъ, стремящимся пріобрѣсти эти права, и честолюбіемъ, стремящимся заставить оцѣнить ихъ. Я всегда имѣлъ первое и никогда не имѣлъ втораго—вотъ въ чемъ разгадка.

Эти права пріобрѣтены моими заслугами въ первомъ парламентѣ Франціи, когда я, въ теченіи четырехъ лѣтъ, трудился надъ улаженіемъ важныхъ раздоровъ, возникшихъ между духовенствомъ, министрами и парламентами; эти права пріобрѣтены тѣмъ, что я дважды воскресилъ, такъ сказать, колонію, дважды истощенную войною; наконецъ, это право пріобрѣтено по приговору, какой вся Франція произнесла надъ произведеніемъ, мною ей даннымъ. Полагаю, что могу говорить объ этихъ правахъ, такъ какъ я всегда

сдѣлалъ всевозможное, чтобъ пріобрѣсти ихъ, и никогда не сдѣлалъ ничего, чтобъ лишиться ихъ.

Что-же касается тайны, сопровождавшей мой отъѣздъ изъ Парижа, отъ вашего превосходительства зависитъ усмотрѣть, что эта тайна была естественнымъ слѣдствіемъ искренняго желанія князя Голицына и моего устранить всѣ препятствія, которыя могъ встрѣтить нашъ проектъ, еслибъ онъ былъ разглашенъ. Эта тайна свидѣтельствуетъ, правда, о твердой рѣшимости ѣхать, но не о рѣшимости не возвращаться. Къ тому-же кн. Голицынъ скажетъ вамъ, милостивый государь, какое впечатлѣніе должно было произвесть мое путешествіе въ Россію и какихъ упрековъ по этому поводу можно было опасаться со стороны нашего министерства.

Однако, эта тайна не могла помѣшать шуму, который естественно долженъ былъ произвесть мой отъѣздъ, и это только вслѣдствіе невозможности, чтобъ отъѣздъ мой остался секретомъ въ такое время, когда я сталъ во Франціи предметомъ вниманія для парижскаго общества и даже для многихъ иностранцевъ. Но необходимо замѣтить, что ни одна газета, ни даже газеты, подвѣдомственныя нашему министерству, не заподозрили меня ни даже въ самомъ малѣйшемъ желаніи покинуть безвозвратно родину.

Равнымъ образомъ, милостивый государь, въ своемъ послѣднемъ письмѣ я вовсе не имѣлъ намѣренія похваляться какою-либо жертвою. Я дурно выразился, если заставилъ васъ понять, что дѣлаю жертву; я желалъ только указать вамъ тѣ жертвы, которыя я не могу принять и которыхъ представители императрицы во Франціи не считали возможнымъ требовать отъ меня.

Теперь, когда всякая мысль о противорѣчіи въ моемъ поведеніи или въ словахъ моихъ должна исчезнуть и когда ваше превосходительство можетъ читать въ глубинѣ моего сердца истинныя побужденія, приведшія меня сюда, вы должны чувствовать насколько я страдаю, видя, что я въ тягость государынѣ, для которой я совершенно безполезенъ. Вы понимаете, милостивый государь, что это положеніе, еслибъ оно продолжилось, стало-бы унизительнымъ для меня и было-бы всѣми осуждено. Вотъ почему, чтобы не уѣхать, не имѣя чести представиться Ея Императорскому Величеству, я и предложилъ ей соблаговолить разрѣшить мнѣ сдѣлать поѣздку въ Москву; но ея воля—приказъ, которому я подчиняюсь: я подожду ея возвращенія въ Петербургъ, такъ какъ она того желаетъ. Тогда, надѣюсь, я буду имѣть честь сообщить ей всю чувствуемую мною тягость отъ невозможности оказать ей всѣ тѣ услуги, которыя я предположилъ, и она будетъ убѣждена, что если я ускорю мой

отъѣздъ, то лишь для того, чтобъ не умножать все болѣе и болѣе моихъ сожалѣній.

Имѣю честь быть и проч.

Де Ла-Ривьеръ.

Спб. 15 ноября 1767 г.

P. S. Я передамъ, милостивый государь, г. Глѣбову письмо, которое вы прислали мнѣ на его имя. Когда Ея Величество возвратится, я буду имѣть честь выразить ей должную мою признательность. Давно уже сознаю, что мнѣ трудно достаточно отблагодарить ее за вниманіе ко мнѣ.

Этими письмами ограничивается вся переписка. Если ее и можно признать перепискою „ѣдкаго свойства", то развѣ только по письмамъ Панина. Оба письма Ла-Ривьера написаны съ большимъ достоинствомъ, отличаются прямотою и искренностью; письмо-же Панина составлено съ явнымъ намѣреніемъ уколоть самолюбіе, поглумиться надъ знаніемъ; оно не столько ѣдко, сколько грубо. Никогда не занимавшійся вопросами теоретическими, научными, онъ легко трактуетъ о примѣненіи новой экономической системы, и въ его замѣчаніи, что „добро и зло человѣческаго рода не носится въ карманѣ", звучитъ оскорбительный упрекъ. Ла-Ривьеръ, если и оскорбился этимъ замѣчаніемъ, не высказалъ этого въ своемъ отвѣтѣ: спокойно и серьезно обсуждая это замѣчаніе, онъ приводитъ доводы, въ силу которыхъ находилъ, что двухъ лѣтъ вполнѣ достаточно для удовлетворенія „тѣмъ намѣреніямъ, которыя императрица могла имѣть, призывая его въ Россію". Эти „два года" не измышлены только для отвѣта, такъ какъ задолго до письма Панина, Ла-Ривьеръ говорилъ Фальконету, что „если Ея Величеству угодно дать ему работу, то онъ въ два года (en deux ans) сильно подвинетъ дѣло, въ которомъ еще ничего не сдѣлано" [1]). Не соображаясь съ обстоятельствами, Панинъ, которому эти обстоятельства должны быть извѣстны, пишетъ: „Вы, конечно, не предполагали-же, что нужда моментальная, нужда настоящей минуты заставила призвать васъ въ Россію" и, въ видѣ глумленія, прибавляетъ: „Вы не скрываете-же отъ себя, что какъ ни были-бы обширны, какъ ни были-

[1]) Сборникъ, XVII, 23.

ы превосходны ваши познанія, необходимо время, чтобы приспособить ихъ"; Ла-Ривьеръ хорошо зналъ, что вся вина въ этомъ случаѣ падаетъ на самого Панина, управляющаго коллегіею иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ зависѣвшіе отъ него представители императрицы за-границею именно въ такомъ свѣтѣ понимали приглашеніе Ла-Ривьера, и, тѣмъ не менѣе, онъ въ своемъ отвѣтѣ сдержанъ и вѣжливъ: „Штакельбергъ и кн. Голицынъ убѣждены, что человѣкъ, проведшій всю свою жизнь въ обсужденіи и практическомъ примѣненіи главнѣйшихъ неизмѣнныхъ принциповъ всякаго законодательства, могъ быть полезенъ для великихъ реформъ, которыя намѣрена произвесть императрица, и такъ какъ они знали, что она созвала для этого депутатовъ отъ всѣхъ провинцій, то думали, что нельзя терять времени, что въ настоящій именно моментъ чувствуется потребность въ такомъ человѣкѣ, и что когда дѣло этого дня будетъ окончено, исчезнетъ и эта потребность".

Искренность и прямота Ла-Ривьера подтверждаются и помѣтами его писемъ. Въ то время письма изъ Москвы получались на шестой день [1]); Ла-Ривьеръ отвѣчаетъ черезъ два, три дня по полученіи письма: на письмо Панина отъ 9-го октября, полученное 15-го числа, онъ отвѣчалъ 18-го; на письмо отъ 7-го ноября, полученное 13-го, онъ отвѣчалъ 15-го. Между тѣмъ, Панинъ отвѣчаетъ черезъ двѣ недѣли: на письмо отъ 18-го октября, полученное имъ 24-го, онъ отвѣчалъ только 7-го ноября. Ла-Ривьеръ пишетъ прямо, Панинъ обдумываетъ каждое слово, мѣняетъ выраженія, цѣлыя фразы, что видно изъ черновой его письма.

Та-же разница и во внѣшней формѣ писемъ: письма Ла-Ривьера просты по формѣ, которая вполнѣ отвѣчаетъ содержанію; въ письмѣ Панина грубость содержанія не смягчается даже византійскою вѣжливостью формы, которая обманула Фальконета: онъ, какъ европеецъ, повѣрилъ, что „можно еще найти мотивы сблизиться"! Панинъ же, упоминая, что путешествіе Ла-Ривьера въ Россію „безусловно безполезно", навсегда отстранялъ отъ Екатерины неудобнаго для себя человѣка.

Изъ этой неравной борьбы Панинъ вышелъ побѣдителемъ. Побѣдителей никогда не судятъ, но нерѣдко осуждаютъ средства, при помощи которыхъ достигнута побѣда. Панинъ избѣгъ и этого: Екатерина осталась очень довольна его письмомъ и, вѣроятно, вслѣдствіе его вліянія, ей не понравились отвѣты Ла-Ривьера [2]). Одинъ

---

[1]) Указъ императрицы изъ Москвы, отъ 9-го октября, полученъ 15-го. Русскій Архивъ, 1867 г., стр. 360.

[2]) Сборникъ, XVII, 28, 30.

только Фальконетъ, читавшій всѣ письма, остался и послѣ этой переписки при убѣжденіи, что Ла-Ривьеръ можетъ быть полезенъ Екатеринѣ [1]).

Въ январѣ 1768 г. Екатерина возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ. Въ февралѣ Ла-Ривьеръ представлялся императрицѣ „на прощальной аудіенціи", при чемъ Екатерина убѣдилась, что онъ уменъ и прекрасно говоритъ [2]). Черезъ нѣсколько дней „мартинискій интендантъ" покинулъ Петербургъ, направляясь обратно въ Парижъ.

Панинъ достигъ своей цѣли.

V.

Какими-же средствами Панинъ достигъ своей цѣли?

Въ настоящее время, конечно, невозможно съ точностью опредѣлить при какихъ условіяхъ состоялось приглашеніе Ла-Ривьера въ Петербургъ, ко двору Екатерины. Всѣ современные источники единогласно свидѣтельствуютъ, что Екатерина искала „иностраннаго законовѣда, но не законодателя" [3]), съ которымъ желала посовѣтоваться по поводу задачъ, предстоявшихъ созванной ею законодательной комиссіи. „Когда Екатерина—пишетъ Тіебо—вознамѣрилась дать новое уложеніе своей обширной имперіи, она, не полагаясь на свои познанія, слишкомъ недостаточныя для столь трудной задачи, просила своего посланника въ Парижѣ отыскать знающаго юриста, который согласился-бы пріѣхать на нѣкоторое время въ Петербургъ и помочь ей въ законодательныхъ работахъ" [4]). Ей былъ рекомендованъ Ла-Ривьеръ. Несомнѣнно одно: не Ла-Ривьеръ просился ѣхать въ Россію, его просили пріѣхать и помочь императрицѣ.

Свѣдѣнія, полученныя Екатериною о Ла-Ривьерѣ, были безусловно въ его пользу. Всѣ отзывались о немъ съ изысканною похвалою и, читая его Mémoire герцогу Шуазелю, Екатерина убѣждалась, что эти похвалы не были преувеличены. Даже нѣмецъ Гриммъ, отъявленный протекціонистъ, признаетъ, что въ этомъ Mémoire виденъ большой государственный умъ [5]). Такъ смотрѣлъ

---

[1]) Ibid., 31.
[2]) Barrière, l. c., XIX, 443.
[3]) Un légiste étranger, non pas législateur. Сборникъ, XVII, 54.
[4]) Thiebault, l. c., III, 164.
[5]) Tourneux, l. c., 444.

на него сперва и Панинъ, немедленно исполнившій приказъ Екатерины о вызовѣ Ла-Ривьера. Вскорѣ, однако, Панинъ убѣдился, что появленіе Ла-Ривьера при дворѣ Екатерины можетъ создать ему лично лишь новыя затрудненія, усиливъ противные ему взгляды и подкрѣпивъ непріятныя для него намѣренія.

Само собою разумѣется, что переговоры по поводу приглашенія Ла-Ривьера шли чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ, т. е. проходили черезъ руки Панина: онъ докладывалъ императрицѣ донесенія русскихъ министровъ за-границею, кн. Голицына въ Парижѣ, князя Долгорукова въ Берлинѣ и друг. Въ результатѣ этихъ докладовъ оказывается, что еще до пріѣзда Ла-Ривьера въ Петербургъ, Екатерина недовольна уже имъ, и недовольна не вообще, но по точно опредѣленнымъ причинамъ.

„Интендантъ Мартиники, пишетъ Екатерина, надавалъ мнѣ тьму совѣтовъ еще до своего пріѣзда въ Россію“ [1]). Ни изъ переписки, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ и нами теперь изданной, ни изъ записокъ современниковъ не видно, чтобы Ла-Ривьеръ не только давалъ совѣты, но даже просто сообщалъ Екатеринѣ что-либо, касающееся Россіи, тѣмъ менѣе еще до своего пріѣзда въ Петербургъ. Откуда-же у Екатерины эта мысль о тьмѣ совѣтовъ?

Уѣзжая въ Москву, Екатерина поручила Ла-Ривьера не Глѣбову, петербургскому генералъ-губернатору, не „маленькому графу Шувалову“, не кому-либо иному, а именно Никитѣ Панину: „Ла-Ривьера я поручила Панину, потому что онъ умѣетъ обращаться съ упрямыми людьми и, въ случаѣ нужды, умѣетъ посбить съ нихъ спѣсь“ [2]). Ла-Ривьеръ еще не пріѣхалъ, Екатерина еще не видѣла его, а уже находитъ его упрямымъ, спѣсивымъ. Кто могъ внушить ей это?

Панинъ хорошо зналъ Екатерину. Выставляя ей Ла-Ривьера человѣкомъ, оскорбляющимъ ея самолюбіе, съ гордостью взирающимъ на ея дѣла, съ пренебреженіемъ отзывающимся о ея намѣреніяхъ, онъ дѣлалъ его „невозможнымъ“. Екатерина вызвала Ла-Ривьера изъ Парижа въ Петербургъ; когда-же Ла-Ривьеръ испрашивалъ у нея разрѣшенія пріѣхать изъ Петербурга въ Москву, она отказала ему въ этомъ.

Чѣмъ-же провинился Ла-Ривьеръ? Что сдѣлалъ онъ оскорбительнаго для русскаго чувства, для русскаго достоинства? Чѣмъ не угодилъ Екатеринѣ?

---

[1]) Сборникъ, XVII, 136.

[2]) Сборникъ, l. c., 55.

Если Ла-Ривьеръ вызывался, какъ онъ самъ полагалъ, для помощи въ трудахъ законодательной комиссіи, для совѣщаній о Наказѣ, онъ становился невольно виноватымъ, опоздавъ прибытіемъ въ Россію: онъ прибылъ въ Петербургъ два мѣсяца спустя послѣ того, какъ въ Москвѣ была уже открыта комиссія для составленія проекта новаго Уложенія. Сама Екатерина, одобрившая письмо Панина отъ 7-го ноября, признавала, однако, что онъ вызванъ вовсе не для этой цѣли, не „для нужды данной минуты", а для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія на русской службѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, правда, Екатерина прямо укоряла въ томъ, что онъ опоздалъ и съ укоризною заявляла, что примется „законодательствовать" безъ помощи Ла-Ривьера. „Адвокатъ Дюменилъ, пишетъ она Вольтеру въ 1774 году, пріѣхалъ-бы слишкомъ поздно, чтобы стать законодателемъ; самъ Ла-Ривьеръ шесть лѣтъ назадъ тоже опоздалъ" [1]). Шесть лѣтъ назадъ, въ 1767 году, Ла-Ривьера не обвиняли, однако, въ опозданіи.

Екатеринѣ представили Ла-Ривьера человѣкомъ надменнымъ, который явился въ Россію, какъ въ страну дикихъ, съ цѣлью реформировать все управленіе имперіи и руководить императрицею въ качествѣ перваго министра. Екатерина повѣрила наговорамъ, повѣрила настолько, что уже съ предубѣжденіемъ читала его письма къ Панину и сохранила дурное о немъ мнѣніе даже послѣ личнаго свиданія, когда Ла-Ривьеръ произвелъ на нее очень хорошее впечатлѣніе.

Взглядъ Ла-Ривьера на Россію и на предстоявшую ему въ Россіи задачу изображенъ Екатериною въ прелестной шутливой картинкѣ: „Ла-Ривьеръ полагалъ—писала онъ Вольтеру—что мы ходимъ на четверинкахъ и очень любезно взялъ на себя трудъ пріѣхать изъ Мартиники, чтобъ поставить насъ на заднія ноги" [2]). Эта шутка вѣрна не только относительно Ла-Ривьера; читая ее, Вольтеръ вполнѣ соглашался съ Ла-Ривьеромъ, и не одинъ Вольтеръ, а всѣ члены философской партіи. „Въ Россіи все необходимо еще устраивать: говоря вѣрнѣе, нужно многое сперва уничтожить и потомъ вновь создать. Это и понятно: деспотическій произволъ съ одной стороны, рабство и невѣжество съ другой породили злоупотребленія всякаго рода, которыя пустили очень глубокіе корни, такъ какъ нѣтъ растенія болѣе плодовитаго, чѣмъ злоупотребленія. Они растутъ повсюду, гдѣ невѣжество культивируетъ ихъ". Такъ писалъ Ла-Ривьеръ

---

[1]) Сборникъ, XXVII, 4, 14.
[2]) Сборникъ, XXVII, 4.

въ письмѣ къ своему другу, аббату Рейналю. Отказываясь судить о русскихъ законахъ, которые ему „неизвѣстны", Ла-Ривьеръ пишетъ о томъ, что самъ видѣлъ: „Культура земли находится вовсе не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ производительности; но какое-же потребленіе возможно среди рабовъ (esclaves), которые не смѣютъ ничего ни произвесть, ни выказать, что могло-бы привлечь взоры господина? По-этой же причинѣ замѣтенъ у рабовъ и недостатокъ рогатаго скота; его даже очень мало и къ тому же скотъ этотъ не лучшей породы. Если бы рабъ, которому господинъ предоставилъ извѣстный участокъ земли для пропитанія, имѣлъ скотину, которой могъ-бы позавидовать господинъ, она тотчасъ была-бы отнята у раба. То-же самое происходитъ и съ жатвою, и, вообще со всѣмъ, что можетъ быть названо государственнымъ богатствомъ. Вотъ почему между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только по этому деньги оказываются очень рѣдкими въ этой странѣ. Чувствуемая-же во всемъ дороговизна объясняется отсутствіемъ конкуренціи", и т. д. [1]).

Эти взгляды Ла-Ривьера, повторенные позже Дидро и другими, раздѣлялись, какъ извѣстно, самою Екатериною. Они не могли оскорбить ее, тѣмъ болѣе, что высказывались въ частныхъ письмахъ и императрицѣ въ то время извѣстны не были.

Екатерина знала, что про Ла-Ривьера распускаютъ много сплетенъ, нерѣдко совершенно вздорныхъ, приписываютъ ему желаніе стать фаворитомъ, сдѣлаться первымъ министромъ [2]) и т. п. Въ „Gazette de Hambourg" появилась даже слѣдующая замѣтка: „Мерсье де Ла-Ривьеръ былъ вызванъ въ Россію для предсѣдательствованія въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія... Онъ нашелъ въ Москвѣ 800 депутатовъ, которые должны были помогать ему въ этомъ великомъ предпріятіи... Онъ высказался противъ закона, которымъ императрица обязывалась не наказывать смертною казнью ни одного изъ членовъ этого національнаго сената... Этимъ онъ нажилъ себѣ много враговъ и долженъ былъ удалиться изъ Россіи". Фальконетъ справедливо находилъ, что этотъ вздоръ даже непохожъ на правду [3]); между тѣмъ Екатерина вѣрила подобному-же вздору и сама передавала его, лѣтъ двадцать спустя, графу Сегюру, французскому посланнику, въ слѣдующей формѣ:

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 1035; Дидро въ Петербургѣ, стр. 150.
[2]) Mémoires d'Oberkirch, I, 289.
[3]) Сборникъ, XVII, 54.

„Какъ только Ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ, прежде всего, нанялъ три смежныхъ дома и тотчасъ-же передѣлалъ ихъ парадные покои обратилъ въ пріемные залы, а прочія комнаты въ канцеляріи. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь себѣ для управленія имперіею и для того, чтобъ онъ своими познаніями извлекъ насъ изъ мрака невѣжества. Надъ всѣми залами онъ прибилъ надписи крупными буквами: Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и т. п. Въ то-же время онъ приглашалъ многихъ изъ жителей, русскихъ и иностранцевъ, на которыхъ ему указали, какъ на людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму, и такъ какъ всѣ знали, что онъ вызванъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались подольститься къ нему. Между тѣмъ я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я уплатила всѣ его издержки и мы разстались довольные другъ другомъ“ [1]).

Во всемъ этомъ разсказѣ нѣтъ ни слова правды. Насчетъ гр. Сегюра должно быть поставлено только перенесеніе мѣста дѣйствія въ Москву, гдѣ Ла-Ривьеръ никогда не былъ — эту ошибку мы исправили въ переводѣ; все остальное относится къ наговорамъ, которыми обманывали императрицу лица, желавшія устранить Ла-Ривьера.

Не говоря уже о томъ, что въ то время во всемъ Петербургѣ не было трехъ смежныхъ домовъ, изъ которыхъ можно было-бы подѣлать департаментскіе залы и канцеляріи, для такой передѣлки не было даже и времени: Ла-Ривьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первыхъ числахъ октября, не зная самъ, останется-ли онъ въ Петербургѣ или долженъ будетъ ѣхать въ Москву; 18-го октября онъ написалъ императрицѣ письмо [2]), въ которомъ испрашивалъ ея распоряженій на этотъ счетъ, а въ половинѣ ноября Ла-Ривьеръ читалъ уже письмо Панина, въ которомъ говорилось о его „безусловно безполезномъ“ прибытіи въ Россію, т. е. онъ зналъ уже, что ближайшею-же весною покинетъ Россію. Въ письмѣ къ Дидро, отъ 4-го октября, Ла-Ривьеръ писалъ именно о квартирѣ: „Императрица была столь милостива, что распорядилась относительно моего содержанія и помѣщенія. Что касается квартиры, я рѣшился оставить ее такою,

---

[1]) Barrière, l. c., XIX, 442; Записки Сегюра, стр. 148.
[2]) Госуд. Архивъ, XI, 1034.

какъ она есть—она очень хороша для временнаго пребыванія“ [1]). Ни въ перепискѣ Фальконета, ни въ донесеніяхъ Россиньоля, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, ни въ письмахъ Екатерины нѣтъ ни слова о наймѣ помѣщенія для всевозможныхъ департаментовъ; современники также не упоминаютъ ни о чемъ подобномъ, ни даже баронесса Оберкирхъ, въ своихъ мемуарахъ описавшая Ла-Ривьера самыми непривлекательными чертами. Все это не выдумка, однако, Екатерины, а наговоръ, ей сдѣланный, вѣроятно Панинымъ, и ею черезъ двадцать лѣтъ повторенный.

Этотъ вздоръ, конечно, не обратилъ-бы на себя вниманія, еслибы разсказъ гр. Сегюра не былъ повторенъ извѣстнымъ экономистомъ Ж. Б. Сэ [2]), который своимъ авторитетомъ придалъ разсказу извѣстную степень достовѣрности. Свѣдѣнія, сообщаемыя баронессою Оберкирхъ, никому не извѣстны, ея рѣзкихъ отзывовъ о Ла-Ривьерѣ никто не знаетъ; между тѣмъ какъ нелѣпый разсказъ Сегюра повторяется всѣми и, къ сожалѣнію, помѣщенъ даже въ такомъ почтенномъ изданіи, какъ „Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества“.

Екатерина не читала книги Ла-Ривьера „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“. Панинъ, чрезъ котораго авторъ переслалъ экземпляръ императрицѣ, не представилъ его по назначенію и, вѣроятно, уничтожилъ. Только этимъ, быть можетъ, объясняется, почему ни въ эрмитажной, ни въ императорской Публичной Библіотекѣ не сохранилось этой книги. Только Фальконетъ, кажется, указалъ Екатеринѣ на самую „темную“ для нея главу IX, De l'évidence, трактующую о значеніи очевидности, и тѣмъ отбилъ у нея охоту познакомиться съ самой книгой. „Я забыла увѣдомить васъ—писала Екатерина Фальконету—о полученіи весьма хорошихъ примѣчаній на 9-ю главу „L'ordre naturel“. Я начинаю думать, что этотъ господинъ не вѣритъ въ Бога: онъ трактуетъ естественный порядокъ также, какъ атеисты—сотвореніе міра, и оставляетъ васъ въ полномъ сомнѣніи“ [3]). Нѣтъ основанія утверждать положительно, но можно, однако, догадываться, что Панинъ, опорочивая „L'ordre naturel“, передалъ императрицѣ, что Ла-Ривьеръ лишь повторяетъ то, что давно уже было высказано въ трудахъ Бурламаки [4]); по крайней мѣрѣ, Фальконетъ, отвѣчая импе-

[1]) Госуд. Архивъ, XI, 1035; Дидро, l. c., стр. 148.

[2]) Say, Cours complet d'économie politique pratique, I, 25.

[3]) Сборникъ, XVII, 39, 41, 197.

[4]) Jean Jacques Burlamaqui, 1694 — 1748, извѣстный юристъ, авторъ „Principes du droit naturel“, „Principes du droit politique“ и „Principes du

ратрицѣ [1]), защищаетъ по мѣрѣ силъ Ла-Ривьера: „Позаимствовалъ ли онъ что въ своей книгѣ отъ Бурламаки или нѣтъ, представляетъ ли дальнѣйшее развитіе его мыслей — не все-ли равно, если Ла-Ривьеръ постигъ истинныя начала и точное примѣненіе выводовъ изъ нихъ".

Екатерина, столь предубѣжденная противъ Ла-Ривьера, съ удивленіемъ увидѣла, когда Ла-Ривьеръ откланивался ей, что это, во-первыхъ, очень умный человѣкъ, и, во-вторыхъ, хорошо владѣющій языкомъ [2]). Эта единственная бесѣда императрицы съ Ла-Ривьеромъ записана академикомъ Тіебо, въ Берлинѣ, со словъ самого-же Ла-Ривьера:

— „Послушайте, спросила императрица, можете-ли вы указать мнѣ наилучшій способъ хорошо управлять государствомъ?

„Государыня, способъ одинъ—быть справедливою, т. е. поддерживать порядокъ и слѣдить за уваженіемъ законовъ.

— „Но на чемъ-же основать законы имперіи?

„На сущности вещей, государыня, и на природѣ человѣка.

— „Хорошо, но желая дать народу законы, по какимъ правиламъ опредѣлить законы наиболѣе подходящіе?

„Составлять или предписывать законы, государыня, Господь не предоставилъ никому. Кто-же можетъ считать себя способнымъ предписывать законы людямъ, которыхъ онъ не знаетъ? По какому праву мы будемъ предписывать законы людямъ, которыхъ Господь вовсе не подчинилъ намъ?

— „Въ чемъ-же по вашему состоитъ умѣнье управлять?

„Въ добросовѣстномъ изученіи, признаніи и поддержаніи тѣхъ законовъ, которые начертаны самимъ Богомъ въ природѣ человѣческой.

— „Я очень довольна, что услышала ваши сужденія. Желаю вамъ счастливаго пути".

Едва-ли разговоръ происходилъ именно въ этой формѣ; по крайней мѣрѣ, Екатерина не аттестовала-бы его гр. Сегюру выраженіемъ fort-bien. Едва-ли Екатерина могла остаться довольна такимъ разговоромъ.

Не остался доволенъ и Ла-Ривьеръ своимъ пребываніемъ въ

droit naturel et politique". Кажется, Фальконетъ говоритъ о посмертномъ изданіи „Principes du droit de la nature et des gens", которое начало выходить въ 1766 году и о которомъ писалъ Гриммъ въ своей „Correspondance". Tourneaux, l. c., VII, 146.

[1]) Сборникъ, XVII, 31.

[2]) Barrière, l. c., XIX, 443; Thiebault, l. c., III, 166.

Петербургѣ. Возвращаясь въ Парижъ, онъ провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ, видѣлся съ принцемъ Генрихомъ прусскимъ и громко жаловался на императрицу и ея министровъ [1]). Шесть лѣтъ спустя, въ запискѣ, поданной морскому министру Тюрго, Ла-Ривьеръ такъ отзывался о своей поѣздкѣ въ Россію:

„Императрица Россіи вызвала меня изъ Франціи для составленія конституціи и законодательства имперіи. Вполнѣ довѣряя искренности этихъ намѣреній, я отправился въ Россію, получивъ отъ герцога Шуазеля двухгодичный отпускъ. Но я вскорѣ-же увидѣлъ, что въ Россіи невозможно послужить человѣчеству такъ, какъ я предполагалъ, и рѣшился возвратиться во Францію, хотя императрица, желая удержать меня, предлагала мнѣ значительную пенсію, хорошее мѣсто и знаки отличія. Это путешествіе еще разъ показало, что я высоко цѣню честь и ставлю деньги ни во что. Все это подтверждается донесеніями о моемъ пребываніи въ Россіи г. Россиньоля, который былъ въ то время французскимъ консуломъ въ Петербургѣ и повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ императрицы“ [2]).

Подавая записку министру, который легко могъ провѣрить ее по донесеніямъ дипломатическаго агента, Ла-Ривьеръ, конечно, сообщалъ вѣрные факты. Дѣйствительно, Россиньоль, въ депешѣ отъ 24-го марта 1768 г., сообщаетъ, что „вызовъ Ла-Ривьера въ Россію объясняется только безразсуднымъ намѣреніемъ воспользоваться человѣкомъ, который, быть можетъ, имѣетъ причины быть недовольнымъ; онъ былъ отпущенъ во Францію потому только, что не пожелалъ принять въ Россіи какое-либо мѣсто“ [3]).

Проф. В. А. Вильбасовъ.

---

[1]) Thiebault, l. c., 169.

[2]) Travaux de l'académie des sciences, 1859, II, 159.

[3]) L'invitation de M. de La-Rivière n'est rien qu'une malencontreuse équipée de la Russie, qui crut pouvoir s'attacher un homme qui avait peut-être à se plaindre de la cour de France, et ne fut renvoyé que sur son refus d'accepter aucune place. Париж. Архивъ, Russie, vol. 13, Suppl., № 93.

ПѢСНЯ НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ АЛЕКСАНДРА I

1801 г.

Послѣ бури, бури преужасной,
Послѣ самыхъ грозныхъ тучъ,
Днесь насталъ намъ день прекрасный
И пріятный солнца лучъ.

**
*

Александръ на россійскомъ тронѣ:
Перестанемъ воздыхать!
Онъ въ порфирѣ и въ коронѣ:
Чего-жъ больше намъ желать?

**
*

Присягнемъ ему сердцами,
Присягнемъ и всей душой,
И не лестными словами—
Мы счастливы всѣ Тобой.

**
*

Шествуй, шествуй ты стопами
Мудрой бабки твоея,
Владѣй нашими сердцами,
Примѣръ взявши отъ нея!

Примѣчаніе. Пѣсня эта записана мною со словъ солдатской вдовы Анисьи Морозовой, умершей въ Матросской богадѣльнѣ въ Москвѣ, въ 1878 г. Мужъ служилъ солдатомъ въ гвардіи при Павлѣ и Александрѣ I, и убитъ въ 1812 г. Она разсказывала (конечно, со словъ мужа), что пѣсня эта была пропѣта Александру I, когда онъ, тотчасъ по восшествіи на престолъ, выѣхалъ къ гвардіи. Выслушавъ ее, императоръ поблагодарилъ солдатъ и (будто-бы) просилъ ихъ на будущее время не пѣть этой пѣсни.

Сообщ. 6 окт. 1878 г. А. Ив. Соболевскій.

ЕКАТЕРИНА II и ДОКТОРЪ М. А. ВЕЙКАРДЪ

въ 1784—1789 гг.

I.

Въ исторіи русскаго двора врачи занимаютъ довольно видное мѣсто. Англійскіе и голландскіе медики были полезными собесѣдниками царей—Іоанна IV, Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Замѣчательные люди, въ родѣ доктора Граманна при царѣ Михаилѣ, доктора Каллинса при царѣ Алексѣѣ, доктора фанъ-деръ-Гульста при Петрѣ Великомъ, могли во многихъ отношеніяхъ служить наставниками государей. Они были знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ западной Европѣ, отличались широкимъ и многостороннимъ образованіемъ, были замѣчательными спеціалистами въ своей наукѣ. Все это доставляло имъ возможность оказывать пользу Россіи вообще и ея государямъ въ особенности. Доктора Эрскинъ (Areskine), Бидлоо, Блюментростъ находились въ близкихъ отношеніяхъ къ Петру; Лестокъ игралъ важную роль въ исторіи императрицы Елисаветы Петровны; доктора Димздель (Dimsdale) и Роджерсонъ пользовались особеннымъ вниманіемъ императрицы Екатерины II и пр.

Предметомъ слѣдующаго очерка служатъ отношенія Екатерины къ доктору Вейкарду. Послѣдній былъ, въ свое время, извѣстнымъ писателемъ; въ письмахъ и запискахъ его заключается довольно важный матеріалъ для исторіи Россіи во время царствованія императрицы Екатерины.

Укажемъ на изданія, въ которыхъ встрѣчаются данныя для нашего предмета.

Автобіографическія записки Вейкарда („Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte des Kaiserl. Russischen Staatsraths M. A. Weikard") появились во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ въ 1802 году. Странная замѣтка на заглавномъ листѣ, что слѣдуетъ читать эту книгу не раньше, какъ послѣ смерти автора (Вейкардъ умеръ въ 1803 году), не помѣшала распространенію этого сочиненія, о чемъ можно судить по тому обстоятельству, что вскорѣ оказалось нужнымъ печатаніе втораго и даже третьяго изданія.

Мемуары Вейкарда (553 страницы) представляютъ собою довольно занимательное, легкое чтеніе, хотя этотъ трудъ не даетъ намъ высокаго понятія о литературныхъ способностяхъ автора. Къ тому-же, въ этой книгѣ не соблюдается хронологическій порядокъ въ точномъ смыслѣ, нѣтъ никакой системы; въ ней преобладаютъ афористическія замѣчанія о слабостяхъ и порокахъ людей, желчныя нападки на многихъ лицъ, съ которыми сталкивался Вейкардъ въ Германіи и въ Россіи. Во всемъ проглядываетъ чрезмѣрное самолюбіе, нѣсколько мрачный взглядъ на людей и на жизнь, нѣкоторый пессимизмъ. Все это, однако, не лишаетъ этого труда нѣкотораго значенія, какъ источника для исторіи пребыванія Вейкарда въ Россіи.

Особенно важнымъ оказывается изложеніе отношеній Вейкарда къ Циммерманну въ то время, когда началась переписка послѣдняго съ императрицею Екатериною. Между Вейкардомъ и Циммерманномъ возникли недоразумѣнія, которыя повели къ окончательному разрыву. Циммерманнъ умеръ въ 1795 году. Тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе производили въ автобіографіи Вейкарда его нападки на Циммерманна.

Поэтому другъ Циммерманна, лейбъ-медикъ въ Ольденбургѣ, Г. М. Маркардъ, скоро послѣ появленія въ свѣтъ автобіографіи Вейкарда, считалъ своею обязанностью заступиться за покойнаго Циммерманна, издавъ довольно обширное сочиненіе объ отношеніяхъ Циммерманна къ императрицѣ Екатеринѣ и къ Вейкарду: „Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II und mit dem Herrn Weikard. Nebst einer Anzahl Originalbriefe der Kayserin" (Bremen, 1803). Этотъ трудъ, обнимающій болѣе 400 страницъ, въ сущности есть не что иное, какъ памфлетъ, направленный противъ Вейкарда въ защиту Циммерманна.

Сколько намъ извѣстно, пока нѣтъ біографіи Вейкарда кромѣ вышеупомянутыхъ „Denkwürdigkeiten“, имъ самимъ написанныхъ. Біографическая замѣтка о Вейкардѣ, помѣщенная въ „Алфавитномъ спискѣ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи“, составленномъ покойнымъ Я. И. Чистовичемъ, совсѣмъ кратка и ничтожна, а къ тому же и невѣрна [1]); въ ней не упомянутоо событіяхъ въ жизни Вейкарда послѣ 1784 года.

II.

Пріѣздъ Вейкарда въ Россію.

Мельхіоръ Адамъ Вейкардъ родился въ 1741 году, въ мѣстечкѣ Брюкенау, въ Баваріи. Онъ былъ католикомъ и въ молодости мечталъ о посвященіи себя духовному званію. Затѣмъ, однако, онъ рѣшился изучать медицину. Окончивъ курсъ въ Вюрцбургскомъ университетѣ, онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ при князѣ Фульдскомъ. Тутъ онъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность изданіемъ сочиненія: „Врачъ-философъ“ („Der philosophische Arzt“). Это сочиненіе, имѣвшее отчасти форму полемики противъ нѣкоторыхъ современниковъ и отличавшееся духомъ либерализма и раціонализма, навлекло на автора гоненіе цензуры и имѣло слѣдствіемъ для него разныя непріятности, о которыхъ онъ подробно разсказываетъ въ своей автобіографіи. За то этотъ же трудъ послужилъ поводомъ къ приглашенію Вейкарда въ Россію.

Въ Фульдѣ Вейкардъ имѣлъ случай познакомиться съ находившимся тамъ проѣздомъ въ Россію графомъ Шуваловымъ. При этомъ случаѣ послѣднему попала въ руки книга Вейкарда „Врачъ-философъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ, въ которомъ отражался духъ просвѣщенія тогдашняго времени, понравился русскому вельможѣ. Шуваловъ взялъ эту книгу съ собою въ Россію и передалъ ее императрицѣ Екатеринѣ II, которая,

[1]) См. соч. Чистовича: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“. Спб. 1883. Приложенія, стр. CXIX. Тутъ встрѣчается небылица: „По экзамену въ медицинской коллегіи (Вейкардъ) получилъ право практики въ Россіи 9-го августа 1782 г.“. Вейкардъ пріѣхалъ въ Россію не раньше, какъ въ началѣ 1784 года. А. В.

въ свою очередь, заставила Олсуфьева прочесть это сочиненіе. Результатомъ всего этого было порученіе Шувалову о вступленіи съ Вейкардомъ въ переговоры по вопросу о переселеніи его въ Россію. Братъ Вейкарда въ то время находился въ Петербургѣ, чрезъ него велись переговоры съ докторомъ Вейкардомъ въ Фульдѣ. Въ началѣ 1784 года Вейкардъ, принявшій приглашеніе пріѣхать въ Россію въ качествѣ придворнаго врача на весьма выгодныхъ условіяхъ, отправился въ путь. На путевыя издержки ему дано было 1,000 рублей; жалованья ему назначено 2,500 рубей въ годъ [1]).

Описаніе путешествія Вейкарда въ Россію въ его автобіографіи не представляетъ собою особеннаго интереса. Находясь въ дорогѣ, онъ питалъ надежду, что въ Петербургѣ займетъ мѣсто лейбъ-медика при самой императрицѣ. Не зная лично доктора Циммерманна, пользовавшагося тогда громкою извѣстностью, онъ находился съ нимъ въ перепискѣ и надѣялся на его рекомендацію. Изъ Риги, гдѣ Вейкардъ получилъ письмо отъ Шувалова, онъ писалъ Циммерманну о своемъ намѣреніи говорить въ Петербургѣ о мнимомъ личномъ знакомствѣ съ знаменитымъ врачемъ, хотя никогда не встрѣчался съ нимъ. „Если я скажу, что васъ лично не знаю“, сказано въ письмѣ Вейкарда къ Циммерманну, „то этимъ убавится мой кредитъ; поэтому я на вопросъ, знаю ли я васъ, отвѣчу: да, хотя я никогда не лгу“ [2]).

Послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Вейкардъ, руководствуясь совѣтомъ Шувалова, никуда не выходилъ, нигдѣ не показывался до аудіенціи, которую онъ долженъ былъ имѣть у императрицы. Какъ кажется, Шуваловъ, по рекомендаціи котораго Вейкардъ былъ приглашенъ въ Россію, сильно безпокоился, считая возможнымъ, что личность Вейкарда не произведетъ благопріятнаго впечатлѣнія на императрицу. Вейкардъ былъ немного горбатъ,

---

[1]) Въ первой половинѣ XVIII-го вѣка русскій рубль представлялъ монетную единицу, равнявшуюся отъ девяти до десяти рублямъ нынѣшнимъ. См. соч. Ключевскаго: „Русскій рубль XVI—XVIII вв.“. Москва, 1884 г., стр. 72. Во второй половинѣ XVIII-го вѣка монетная единица въ Россіи убавляется; однако, всетаки русскій рубль 1784 года равнялся нѣсколькимъ рублямъ нынѣшнимъ. Объ обстоятельствахъ приглашенія въ Россію см. „Denkwürdigkeiten“ Вейкарда, стр. 235.

[2]) Маркардъ, стр. 28. А. В.

слѣдствіе ушиба въ дѣтствѣ; онъ не особенно хорошо говорилъ по-французски. Опасенія Шувалова оказались лишенными основанія. Екатерина заговорила съ нимъ по-нѣмецки. Аудіенція вышла довольно удачною. Императрица приняла Вейкарда съ свойственнымъ ей радушіемъ, и снисходительно и развязно бесѣдовала съ нимъ о Германіи и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ и писателяхъ. Была рѣчь и о докторѣ Циммерманнѣ, о которомъ императрица знала уже черезъ графа Орлова и фрейлину Протасову. Замѣчаніе Екатерины, что она вообще не особенно высоко ставитъ врачебное искусство, непріятно подѣйствовало на Вейкарда. Очевидно, ссылаясь на пьесу „Le malade imaginaire“, императрица сказала: „Въ молодости мнѣ дали читать Мольера и его взглядъ на врачей не остался безъ вліянія на меня“. „Проклятый Мольеръ“, думалъ про себя Вейкардъ, выслушавъ замѣчаніе императрицы и стараясь нѣкоторыми возраженіями измѣнить ея воззрѣнія.

Не смотря на благосклонный пріемъ, оказанный Вейкарду императрицею, онъ все-таки уже въ первое время своего пребыванія въ Россіи былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ чрезвычайно откровенно, почти можно сказать не безъ нѣкотораго цинизма, разсказываетъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ.

Такъ, напр., Вейкардъ, получивши на путевыя издержки довольно значительную сумму, 1,000 руб., послѣ пріѣзда въ Петербургъ узналъ, что эта сумма сравнительно не велика. Ему разсказывали, что банкиръ Сутерландъ въ Петербургѣ, выписывая для своей конторы приказчика изъ Страсбурга, назначилъ послѣднему на путевыя издержки не менѣе 3,000 рублей. Къ тому-же Вейкардъ считалъ главною цѣлью пріѣзда въ Россію составленіе себѣ капитала. Въ Германіи онъ оставилъ жену и дѣтей, объ обезпеченіи которыхъ онъ долженъ былъ заботиться; поэтому главною надеждою его были деньги, крупные подарки изъ рукъ Екатерины, щедрость которой иногда дѣйствительно доходила до невѣроятныхъ размѣровъ.

Казалось, что ожиданія Вейкарда не были лишены основанія. На другой день послѣ аудіенціи Вейкарда императрица поручила графу Шувалову позаботиться о покупкѣ для Вейкарда дома въ Петербургѣ для того, чтобы онъ могъ обзавестись болѣе удобно

хозяйствомъ и заставить пріѣхать въ Петербургъ жену и дѣтей. Шуваловъ, однако, замѣшкался исполненіемъ порученія Екатерины; стараясь купить домъ по возможности за дешевую цѣну, онъ вообще не купилъ дома для Вейкарда. Время расположенія императрицы въ пользу Вейкарда было упущено, и такимъ образомъ врачъ-спекуляторъ видѣлъ себя лишеннымъ чрезвычайной выгоды, на которую разсчитывалъ. И въ своихъ автобіографическихъ запискахъ и въ письмахъ къ Циммерманну Вейкардъ постоянно возвращается къ этому эпизоду о несостоявшейся покупкѣ для него дома, при чемъ въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на невниманіе къ его интересамъ графа Шувалова [1]).

Въ своихъ письмахъ къ Циммерманну Вейкардъ горько роптalъ на невыгодное положеніе. Циммерманнъ утѣшалъ его, высказывая надежду на назначеніе Вейкарда лейбъ-медикомъ и совѣтуя ему надѣяться и впредь на великодушіе Екатерины. „Невозможно", сказано въ письмѣ Циммерманна, „чтобы столь замѣчательный и знаменитый врачъ, какъ вы, величайшій спеціалистъ въ Германіи, мудрѣйшій изъ всѣхъ нѣмецкихъ философовъ въ Петербургѣ, нуждался-бы въ необходимыхъ средствахъ и чтобы это могло заставить его покинуть Петербургъ. Этого не будетъ; это не должно случиться! Никогда еще не было врача въ Россіи, который пользовался-бы такою репутаціею, какъ вы. Карьера многихъ другихъ врачей была медленна. Вы, напротивъ, должны или вдругъ составить себѣ положеніе или удалиться". Совѣтуя затѣмъ Вейкарду обратиться откровенно къ императрицѣ и разсчитывать на ея щедрость, Циммерманнъ продолжаетъ: „Невозможно-же прожить въ Петербургѣ съ жалованьемъ въ размѣрѣ 2,500 рублей. Вы покинули друзей, семейство, родину, и имѣете право ожидать вознагражденія за все это, и это вознагражденіе должно соотвѣтствовать вашему достоинству и достоинству императрицы. Графъ Орловъ, приглашая меня въ 1780-мъ году въ Петербургъ, предлагалъ мнѣ жалованье вдвое большее того, которое я получалъ тогда отъ англійскаго короля, квартиру, экипажъ, прислугу, столъ и пенсію въ случаѣ возвращенія моего черезъ годъ въ Германію

[1]) Мемуары Вейкарда, стр. 247—280.

или Швейцарію. Онъ-же обѣщалъ мнѣ, въ случаѣ назначенія во врачи при императрицѣ, десять тысячъ рублей жалованья“ [1]).

Надежда Вейкарда на занятіе мѣста лейбъ-медика при императрицѣ Екатеринѣ оказалась тщетною. Ходили слухи о какихъ-то недоразумѣніяхъ, возникшихъ будто между Екатериною и лейбъ-медикомъ Роджерсономъ. Вейкардъ ожидалъ отъѣзда Роджерсона за-границу и упраздненія его должности. Однако, Роджерсонъ оставался въ Петербургѣ и Вейкардъ долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ придворнаго врача, на обязанности котораго лежало пользовать нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ Екатерину [2]).

При всемъ томъ, однако, положеніе Вейкарда оказалось довольно выгоднымъ. Ему доставляли въ изобиліи столъ и вина; въ Царскомъ селѣ онъ имѣлъ квартиру во дворцѣ и пр. Однако, онъ не особенно часто видѣлъ императрицу, а къ тому-же сдѣлалъ ошибку, не испросивъ заблаговременно аудіенціи у великаго князя Павла Петровича. Кромѣ того, ему казалось, что онъ едва-ли могъ разсчитывать на благосклонное вниманіе къ нему Потемкина, во время пріѣзда Вейкарда въ Россію находившагося на югѣ.

Кончина Ланскаго могла еще болѣе повредить положенію Вейкарда.

---

[1]) Маркардъ, 44—47.
[2]) Вейкардъ, 249.

III.

Болѣзнь и кончина Ланскаго.

Фаворитъ императрицы Ланской лѣтомъ 1784-го года, значитъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда Вейкарда въ Россію, заболѣлъ опасно. Вейкардъ до этого былъ представленъ фавориту и обѣдалъ у него.

Когда у Ланскаго—такъ разсказываетъ Вейкардъ—обнаружилась лихорадка и сильная боль въ горлѣ, къ нему пригласили нѣкоторыхъ хирурговъ, а Роджерсона не позвали. Когда Вейкардъ вошелъ въ комнату больнаго, сей послѣдній сказалъ: „я очень боленъ, но я ничего не приму“. Очевидно, замѣчаетъ Вейкардъ, Ланской презиралъ врачебное искусство по примѣру Екатерины и Потемкина, смѣявшихся надъ докторами. Вейкардъ, улыбаясь, замѣтилъ Ланскому, что многихъ лекарствъ употреблять не нужно, но что едва-ли можно обойтись безъ лекарства вообще.

Вейкардъ тотчасъ-же увидѣлъ, что Ланской страдаетъ жабою. Съ большимъ трудомъ онъ, съ помощью императрицы, уговорилъ больнаго дозволить, чтобы ему пустили кровь, при чемъ онъ упалъ въ обморокъ. Этотъ обморокъ возбудилъ въ Вейкардѣ сильныя опасенія.

На другой день больному было легче. Однако онъ, очевидно, не желалъ помощи Вейкарда, послалъ въ Петербургъ за военнымъ докторомъ Соболевскимъ, съ Вейкардомъ обращался грубо и пр. Сорвавъ съ шеи и бросивъ на полъ примочку, положенную Вейкардомъ, Ланской закричалъ неистово: „что онъ за докторъ, когда не можетъ вылечить меня!“ Другимъ лицамъ Ланской говорилъ, что непривлекательная наружность Вейкарда совсѣмъ надоѣла ему. Обиженный всѣмъ этимъ, Вейкардъ хотѣлъ было выйдти изъ комнаты, однако въ эту минуту явилась Екатерина, сѣла къ больному на кровать и заговорила съ нимъ по-русски. Вейкарду казалось, что императрица старалась успокоить Ланскаго. Больной подозвалъ Вейкарда и спросилъ: „Не правда-ли, вы сами опасаетесь за исходъ моей болѣзни“? Вейкардъ не безъ раздраженія сказалъ сухо: „Можетъ быть, это такъ. Я не считаю болѣзнь за ничтожную, но я все-таки думаю, что есть возможность помочь дѣлу“.

Между тѣмъ обнаруживались все болѣе ясно признаки злокачественной жабы. Вейкардъ удалился въ свою квартиру. Узнавъ о пріѣздѣ доктора Соболевскаго, онъ считалъ своею обязанностью объясниться съ нимъ о характерѣ и ходѣ болѣзни Ланскаго и совѣтовать ему соединять въ этомъ случаѣ крайнюю осторожность съ нѣкоторою рѣшимостью. На предложеніе употребить піявокъ или какой-то пластырь, Соболевскій отвѣтилъ: „Все это не нужно; съ этою болѣзнью я справлюсь очень скоро“ [1]). Затѣмъ Соболевскій предписывалъ употребленіе промывательныхъ, заставлялъ больного пить много свѣжей воды и т. под.

Вейкардъ находился въ крайнемъ волненіи. Когда послѣ обѣда при дворѣ ходилъ слухъ, что больному лучше, онъ въ раздраженіи сказалъ присутствовавшимъ: „я готовъ биться объ закладъ, что завтра и императрица, и докторъ, и паціентъ будутъ въ недоумѣніи и что снова пошлютъ за мною“.

И дѣйствительно, на другой-же день, въ субботу утромъ, опять-таки пригласили Вейкарда къ больному. Тутъ, въ присутствіи Ланскаго, онъ, не скрывая своего раздраженія, жаловался на странное обращеніе съ нимъ. „Со мною поступили дерзко“, говорилъ Вейкардъ, „я не съ тою цѣлью пріѣхалъ въ Россію, чтобы здѣсь погубить свою репутацію. Напрасно упущено много времени для того, чтобы помочь больному; въ такихъ случаяхъ каждая минута бываетъ драгоцѣнна“. —

По разсказу самого Вейкарда, обнаруживавшаго и въ эту минуту, и впослѣдствіи, при составленіи своей автобіографіи, самое мелочное самолюбіе, императрица въ это время держала себя какъ нельзя лучше. Изъ ея писемъ къ барону Гримму, которому она сообщила подробности болѣзни и кончины ея любимца, мы узнаемъ, какъ она страдала у смертнаго одра Ланскаго. Однако неумѣстныя выходки Вейкарда не лишили ея терпѣнія и сдержанности. Принимая въ соображеніе опасное положеніе больного, стараясь избѣгнуть всего, что могло безпокоить Ланскаго, она тихо, ласково и въ веселомъ тонѣ возражала Вейкарду. „Вы, доктора“, сказала она шутя, „всегда воображаете, что вы можете все сдѣлать, а между тѣмъ вы

[1]) Все, что сказано о Соболевскомъ въ словарѣ Чистовича, скорѣе говорить въ его пользу. Отзывъ Вейкарда о немъ очень невыгоденъ. А. В.

безсильны. Природа все дѣлаетъ".—„Природа?" отвѣтилъ р[illegible] Вейкардъ, „ладно, дайте просторъ въ данномъ случаѣ природ[illegible] и я вамъ ручаюсь своею головою, что пацiентъ погибнетъ".— „Почему вы это знаете?" спросила Екатерина,—„вѣдь все эт[illegible] одно лишь предположеніе".—„Я знаю это", сказалъ Вейкардъ, „потому что мнѣ знакомо свойство болѣзни и я знаю, чего можно ожидать отъ природы".

Затѣмъ Вейкардъ подошелъ къ больному и обнажилъ его грудь. „Вотъ онъ весь въ пятнахъ; я это предсказывалъ", замѣтилъ онъ.

Екатерина задумалась. „Помогите ему", проговорила она въ смущеніи, „сдѣлайте что-либо, сдѣлайте все, что вы считаете нужнымъ".

„Нѣтъ", сказалъ Вейкардъ, „я ничего не сдѣлаю; по крайней мѣрѣ, я не стану дѣйствовать безъ помощи другихъ. Пригласите всѣхъ медиковъ, которыми вы располагаете. Я не могу взять на себя отвѣтственности".

Послѣ этого Соболевскій, какъ разсказываетъ Вейкардъ, взявъ послѣдняго въ сторону, шепнулъ ему на ухо: „Спасите меня: я пропалъ!"

Съ больнымъ стало хуже; хотя Ланской теперь обнаруживалъ полное довѣріе къ Вейкарду, онъ все-таки никакъ не хотѣлъ принимать лекарствъ. Даже всѣ увѣщанія Екатерины оставались тщетными. Впрочемъ, императрица не теряла надежды. Вейкардъ постоянно находился при больномъ, неоднократно объявляя, что его присутствіе не поможетъ Ланскому, если не будетъ сдѣлано того, чего требуетъ врачебное искусство. При этомъ онъ указывалъ Екатеринѣ на кое-какіе признаки усиливавшейся болѣзни.

„Скажите мнѣ откровенно", спросила Екатерина Вейкарда, „чего можно ожидать? Говорите смѣло: я приготовлена ко всему".

Вейкардъ, пожавъ плечами, молчалъ. Екатерина настоятельно требовала, чтобы Вейкардъ высказалъ свое мнѣніе. Тогда онъ сказалъ, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе больнаго. Употребляя всѣ силы для того, чтобы скрыть свое отчаяніе, она спросила: „Что же, по вашему мнѣнію, будетъ причиною его смерти?"—„Антоновъ огонь", возразилъ Вейкардъ.—„Гдѣ у

него антоновъ огонь?“ спросила Екатерина.—„Въ горлѣ и по всему тѣлу“, сказалъ докторъ.

— „Въ горлѣ?“ замѣтила императрица, смѣясь принужденно, „горломъ онъ здоровъ не хуже меня самой; онъ глотаетъ отлично“.

„Тѣмъ хуже“, возразилъ Вейкардъ и замолчалъ. Екатерина была недовольна сухимъ отвѣтомъ доктора; докторъ же былъ оскорбленъ скептицизмомъ и насмѣшливостью Екатерины. „Я отъ души желалъ-бы, что-бы мое предположеніе оказалось ошибкою“.

Раскланявшись, Вейкардъ вышелъ изъ комнаты. Онъ въ эту минуту считалъ свою карьеру въ Россіи оконченною. Злость накипѣла въ его душѣ. Въ передней, гдѣ его окружили разныя лица, пристававшія къ нему съ вопросомъ о положеніи Ланскаго; онъ прямо объявилъ всѣмъ и каждому, что фаворитъ не доживетъ до другаго дня.

Затѣмъ Вейкардъ удалился въ свои покои и упрямо оставался тамъ, не смотря на то, что при дворѣ распускали разные слухи объ отзывахъ Вейкарда, о томъ, что Ланскому будто лучше и пр. Ночью послали за Роджерсономъ, который пріѣхалъ изъ Петербурга въ Царское село, прописалъ какой-то порошокъ и заставилъ больнаго принять его. Утромъ въ 4 часа Ланской умеръ [1]).

Разумѣется, печальный исходъ болѣзни фаворита былъ ударомъ для Вейкарда. Не безъ крайняго огорченія онъ замѣчаетъ въ своей автобіографіи, что не получилъ ни гроша за свои заботы о больномъ. Спасеніе Ланскаго отъ смерти, безъ сомнѣнія, придало бы Вейкарду большое значеніе при дворѣ. Его ожидали-бы награды и почести. Вышло иначе. Онъ не только не могъ вылечить фаворита, но даже при этомъ случаѣ довольно сильно столкнулся съ императрицею.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Вейкардъ, по случаю болѣзни Ланскаго, въ обращеніи съ императрицею обнаружилъ отсутствіе такта, эгоизмъ, мелочное самолюбіе. Екатерина послѣ этого, понятно, не имѣла повода обращаться съ нимъ особенно

[1]) Вейкардъ, 261—274.

ласково. О какихъ-либо чрезвычайныхъ наградахъ пока не могло быть рѣчи. Довольно того, что нигдѣ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-бы то ни было раздраженія Екатерины. Между тѣмъ какъ при дворѣ считали возможнымъ удаленіе Вейкарда, императрица, напротивъ, сказала великому князю Павлу Петровичу, когда тотъ изъ Гатчины прибылъ въ Царское село для изъявленія сочувствія по поводу кончины Ланскаго: „Я ни въ чемъ не виню Вейкарда; онъ мнѣ всегда говорилъ всю правду; другіе-же были чистыми дураками“ [1]).

Положеніе Роджерсона при дворѣ не измѣнилось. За то Вейкардъ сидѣлъ дома, горюя, какъ онъ самъ говоритъ о томъ, что покупка для него дома не состоялась, и считая себя удаленнымъ отъ двора [2]).

IV.

Пребываніе Вейкарда въ Россіи до 1789 г.

Именно въ это время Вейкардъ болѣе чѣмъ когда-либо сожалѣлъ о несостоявшейся покупкѣ для него дома. „Если-бы у меня былъ домъ, замѣчаетъ онъ въ тонѣ цинизма, то я бы на всю эту исторію могъ-бы смотрѣть совершенно равнодушно. Я-бы продалъ этотъ домъ и, имѣвъ-бы достаточное вознагражденіе за мое пребываніе въ Россіи, вернулся-бы въ Германію“. Но дома у Вейкарда не было, и поэтому онъ еще оставался въ Россіи, хотя его положеніе было очень неловкимъ. У него было много недоброжелателей. Отобѣдавъ однажды у одного нѣмецкаго врача, Вейкардъ сильно заболѣлъ желудкомъ, прохворалъ нѣсколько недѣль и страшно похудѣлъ, при чемъ считали возможнымъ, что его хотѣли отравить.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины Ланскаго. Екатерина, живя въ совершенномъ уединеніи и, наконецъ, рѣшившись развлечь себя научными работами, все-таки и въ это время не забывала о Вейкардѣ. До нея доходили слухи о

[1]) Вейкардъ, 280—281

[2]) Стр. 281: „Ich lebte also still und niedergeschlagen wegen Verlust des Hauses, und betrug mich jetzt so, als wenn Hofe axiliret wäre“

намѣреніи его покинуть Россію. Поэтому она написала Шувалову записку, въ которой было сказано: „Я слышу, что г. Вейкардъ недоволенъ и хочетъ уѣхать. Пошлите къ нему его брата и велите спросить его о причинахъ неудовольствія; если послѣднее основательно, я готова помочь дѣлу“ [1]).

Шуваловъ обратился къ Вейкарду, который, кажется, откровенно жаловался на неисполненіе желанія получить или домъ, или соотвѣтствующее денежное вознагражденіе, однако и тутъ Шуваловъ не рѣшился ходатайствовать за Вейкарда предъ государынею. Между тѣмъ, Екатерина намѣревалась было узнать чрезъ своего камердинера Бразинскаго, котораго хотѣла послать прямо къ Вейкарду, о причинахъ его неудовольствія. Наконецъ, Вейкардъ обратился за совѣтомъ къ почтъ-директору Эку, пользовавшемуся особеннымъ расположеніемъ Екатерины. Экъ совѣтовалъ Вейкарду изложить въ письмѣ къ императрицѣ положеніе дѣла. Вейкардъ это и сдѣлалъ. Его письмо къ Екатеринѣ не сохранилось. Онъ самъ сознается въ томъ, что это письмо отличалось неясностью изложенія.

Екатерина тотчасъ же собственноручно отвѣтила письмомъ, писаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ. Тутъ Екатерина отнеслась къ Вейкарду особенно благосклонно, входила въ его положеніе, старалась внушить ему довѣріе къ ней и изъявила готовность дать ему средства для того, чтобы Вейкардово семейство могло переселиться въ Петербургъ. Это письмо даетъ намъ высокое понятіе о великодушіи и добротѣ Екатерины II [2]).

---

[1]) Вейкардъ, 283.

[2]) Письмо цѣликомъ напечатано у Вейкарда, стр. 285—286. Оно хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ и издано, даже съ приложеніемъ полнаго факсимиле, въ книгѣ „Письма и бумаги императрицы Екатерины II, изд. акад. А. Ѳ. Бычковымъ“, С.-Петербургъ, 1873, стр. 26 и 27. Вотъ содержаніе этого письма:

Schön schreiben verstehe ich nicht, aber deutlich schreiben ist mehr meine Sache.

ihr Zutrauen ist mir angenehm.

ihren Brief ohne Datum.

Dieses wird dienen zur Antwort auf.

Ein jeder Hofarzt hat seine angewiesene Stelle.

Die ihrige ist Hofarzt von meiner Kammer.

Ich weiss nicht, warum Sie sich für ausrangirt oder exiliret halten.

Ohne Neider wird wohl nimmermehrein verständiger Mann bleiben.

Въ этомъ письмѣ заключалось, между прочимъ, предложеніе, чтобы Вейкардъ содѣйствовалъ учрежденію новой хирургической школы, устраиваемой именно въ то время лейбъ-хирургомъ Кельхеномъ [1]). Вейкардъ не пожелалъ участвовать въ этомъ предпріятіи. За то онъ вторично писалъ къ императрицѣ и тутъ уже прямо было сказано, что онъ желалъ-бы получить „домикъ“ [2]).

То обстоятельство, что Екатерина нисколько не удивилась корыстолюбивому заявленію Вейкарда, характеризуетъ и добродушіе императрицы и нравы тогдашняго общества. Въ своемъ отвѣтѣ Вейкарду императрица писала: „Такъ постарайтесь пріискать себѣ домикъ, а какъ скоро вашъ выборъ сдѣланъ, тогда скажите мнѣ объ этомъ“.

Екатерина не ограничилась изъявленіемъ готовности купить домъ для Вейкарда. По истеченіи нѣсколькихъ дней, она послала ему 10,000 рублей на покупку дома,—сумму весьма значительную. Цѣль Вейкарда была достигнута; радость его не знала предѣловъ. О покупкѣ дома онъ послѣ этого и не думалъ; его восхищала мысль, что, благодаря щедрому подарку Екатерины, его поѣздка въ Россію оказалась выгодною спекуляціею. Теперь онъ могъ считать свое семейство обезпеченнымъ. Такъ какъ къ тому-же мало по малу распространялась репутація Вейкарда какъ искуснаго врача, къ нему обращались въ случаяхъ болѣзни многіе вельможи; положеніе его поправлялось со дня на день все болѣе и болѣе. Козни другихъ врачей направленныя противъ Вейкарда, не имѣли успѣха. Вейкардъ прямо разбогатѣлъ, имѣлъ прекрасный экипажъ, ѣздилъ не иначе какъ четверкою и пр.

Mir deucht dass die zu grosse Empfindlichkeit uns alle beide am meisten drückt.

Wollen sie ihre Famillie kommen lassen oder nicht?

Was fehlt an ihrem Unterhalt mit Famillie, ist es Reisegeld oder Quartier? Dem Institut würde es wohl bekommen, wenn Sie ihm ein Blick gönneten. Der Doctor würde öfters dorten Doctors Privilegia geniessen, dass ist mit Allen uneinig zu sein. Dies steht in Zimmermanns Buch von der Einsamkeit. welches sehr unterhaltend ist“.

[1]) См. соч. Чистовича, стр. 435 и слѣд.

[2]) „Darf ich mir etwas wünschen, so wäre es ein Häuschen“. Вейкардъ, 287.

При всемъ томъ, однако, Вейкарду приходилось бороться со множествомъ затрудненій. Непріятностямъ не было конца. Происходили разныя столкновенія между Вейкардомъ и другими врачами въ Петербургѣ. Между его слугами были люди склонные къ разнымъ преступленіямъ и готовые вовлечь его въ судебныя дѣла. Къ тому-же онъ страдалъ разными болѣзнями, былъ человѣкомъ нервнымъ, раздражительнымъ. Споръ его съ Циммерманномъ, о которомъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]), легко могъ повредить ему въ глазахъ императрицы. Однимъ словомъ, положеніе Вейкарда было во многихъ отношеніяхъ неловкимъ.

Къ счастію для Вейкарда, императрица, узнавшая о разладѣ его съ Циммерманномъ, не вмѣшивалась въ это дѣло и ограничилась тѣмъ, что совѣтовала Вейкарду оставить лишніе споры [2]). Впрочемъ, не было никакихъ болѣе оживленныхъ сношеній между Вейкардомъ и императрицею. Онъ очень рѣдко бывалъ при дворѣ и даже знаменитое путешествіе Екатерины въ 1787-мъ году въ полуденный край Россіи, въ которомъ Вейкардъ принималъ участіе, не сблизило его съ императрицею.

Не разсчитывая на особенное расположеніе къ нему Екатерины, Вейкардъ во время путешествія избѣгалъ личной встрѣчи съ нею, исчезалъ въ толпѣ менѣе выдававшихся царедворцевъ и старался не обращать на себя вниманія [3]). Тѣмъ болѣе онъ былъ обрадованъ слѣдующимъ эпизодомъ, случившимся во время пребыванія путешественниковъ въ Кіевѣ. Въ Майнцѣ, именно, въ то время состоялся выборъ въ коадъюторы, т. е. въ помощники архіепископа-курфирста, извѣстнаго барона Дальберга, который впослѣдствіи сдѣлался курфирстомъ и занималъ должность эрцканцлера нѣмецкой имперіи. Интересуясь ходомъ дѣлъ въ Германіи и внимательно слѣдя за политическими событіями, императрица, очевидно, желала, чтобы въ Германіи узнали объ ея личномъ отношеніи къ этому факту, совершившемуся

---

[1]) См. мою статью о Циммерманнѣ въ „Русской Старинѣ“ 1887, апрѣль и май.

[2]) Она писала Вейкарду: „Die Herren Gelehrten thäten wohl, wenn sie das schelten und zanken beiseiten lassen wollten. Denn dabei ist sehr wenig Ehre zu verdienen“. Вейкардъ 337.

[3]) Стр. 367: „Beim Kurmachen auf Galatagen stellte ich mich nur unter den grossen Haufen, und vermied fast jede Gelegenheit, besonders bemerkt zu sein“.

въ Майнцѣ. Для этой цѣли она написала собственноручную записку Вейкарду, который занималъ квартиру въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца Екатерины; въ этой запискѣ она выразила удовольствіе состоявшемуся въ Майнцѣ выбору и надежду, что Дальбергъ со временемъ будетъ курфирстомъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что Екатерина своею запискою къ Вейкарду желала подѣйствовать на кое-какихъ государственныхъ людей въ Германіи, разсчитывая на то, что Вейкардъ сообщитъ содержаніе записки разнымъ лицамъ. Догадливый Вейкардъ дѣйствительно тотчасъ-же отправилъ самый подлинникъ императрицыной записки къ близкому другу Дальберга, къ графу Вальтерсдорфу. Въ такихъ случаяхъ Екатерина употребляла лицъ, ея окружавшихъ или знакомыхъ, съ которыми она находилась въ перепискѣ, такъ сказать, какъ орудіе офиціозной печати.

Какъ-бы то ни было, Вейкардъ при полученіи записки Екатерины былъ въ восхищеніи. Въ этой запискѣ все-таки заключалось свидѣтельство нѣкотораго вниманія, оказаннаго ему самому. Онъ тотчасъ-же отвѣтилъ Екатеринѣ запискою, которую она велѣла перевести на русскій языкъ.

Впрочемъ, Вейкардъ не во все время путешествія находился въ свитѣ императрицы. Между тѣмъ, какъ она вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ, съ княземъ Потемкинымъ и другими лицами отправилась въ Крымъ, Вейкардъ оставался въ Херсонѣ и не раньше какъ при возвращеніи въ Петербургъ, а именно въ Москвѣ, присоединился опять къ свитѣ Екатерины, которая, впрочемъ, изъ Москвы выѣхала раньше Вейкарда.

Въ Москвѣ многіе богатые люди обратились къ Вейкарду, какъ къ доктору. Онъ нанялъ себѣ квартиру, экипажъ, лошадей и оставался нѣсколько недѣль въ древней столицѣ. Тѣмъ временемъ недоброжелатели Вейкарда въ Петербургѣ говорили императрицѣ, что Вейкардъ остался въ Москвѣ, въ намѣреніи оттуда прямо выѣхать въ Германію. Затѣмъ Вейкарду, послѣ его возвращенія въ Петербургъ, разсказывали, что Екатерина, узнавъ

[1]) „Mit der Zeit wird also Mainz einen grossen und rechtschaffenen Churfürsten haben. Dieses ist meine Prophezeitung“. Вейкардъ, 372. Тамъ напечатано все письмо цѣликомъ.

о желаніи Вейкарда возвратиться на родину, сказала: „я никого не задерживаю“ [1]).

Во время путешествія Вейкардъ, оставаясь по возможности у себя, напр., во время плаванія по Днѣпру въ своей каютѣ, занимался своею корреспонденціею и составлялъ что-то въ родѣ дневника путешествія въ частныхъ письмахъ къ женѣ и дѣтямъ. Это обстоятельство подало поводъ къ слухамъ, будто Вейкардъ занимается редакціею сочиненія объ Екатеринѣ. Изъ-за этого нѣкоторые вельможи стали косо смотрѣть на Вейкарда. Къ тому же Вейкардъ имѣлъ неосторожность въ своихъ частныхъ письмахъ въ сатирическомъ тонѣ затронуть вопросъ о стараніи Потемкина представить Екатеринѣ все, показанное ей, въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Такого рода шутки и насмѣшки сдѣлались извѣстными Потемкину и Екатеринѣ, такъ какъ письма Вейкарда, какъ и вообще другія письма, вскрывались и читались, т. е. подвергались такъ называемой перлюстраціи. Все это заставило Вейкарда держать себя въ сторонѣ, рѣдко показываться при дворѣ, мечтать о возвращеніи въ Германію, не смотря на то, что, какъ ему разсказывали, Екатерина съ похвалою отзывалась о немъ, и даже Безбородко чрезъ Шувалова ободрялъ Вейкарда, внушая ему, что слѣдуетъ чаще представляться императрицѣ.

Считая свое положеніе шаткимъ, Вейкардъ чрезъ секретаря Екатерины, Храповицкаго, началъ хлопотать о полученіи отпуска на одинъ годъ въ Германію. Цѣль была достигнута; Екатерина согласилась исполнить просьбу Вейкарда; а къ тому-же княгиня Барятинская, именно въ это время собиравшаяся выѣхать заграницу для леченія, упросила Вейкарда сопровождать ее въ качествѣ врача. Онъ покинулъ Россію осенью 1789-го года, проживъ тутъ безъ малаго шесть лѣтъ.

[1]) Je ne tiens personne. Вейкардъ, 378.

V.

Послѣдніе годы жизни Вейкарда.

Дальнѣйшая судьба Вейкарда выходитъ изъ рамки нашего очерка. Мы лишь ограничимся указаніемъ на тѣ черты изъ послѣднихъ годовъ его жизни, которыя имѣютъ отношеніе къ Россіи.

Вейкардъ нѣкоторое время оставался домашнимъ докторомъ у княгини Барятинской, находился при ней во Франкфуртѣ, въ Майнцѣ, въ Ахенѣ, въ Голландіи, и успѣлъ вылечить ее отъ опасной болѣзни. Въ знакъ благодарности княгиня заказала у знаменитаго скульптора Фальконета бронзовый бюстъ Вейкарда, которому хотѣла дать мѣсто въ паркѣ великолѣпной дачи на Петергофской дорогѣ. Однако, этотъ бюстъ пропалъ куда-то, и Вейкардъ впослѣдствіи ничего не узналъ о дальнѣйшей судьбѣ его [1]).

Затѣмъ Вейкардъ, не сопровождавшій княгиню Барятинскую въ ея поѣздкѣ въ Италію, послѣ ея возвращенія оттуда опять присоединился къ ней и къ ея дочери и, между прочимъ, нѣсколько мѣсяцевъ провелъ съ ними въ Вѣнѣ, гдѣ успѣлъ вылечить графа Чернышева; о ходѣ болѣзни графа, о промахахъ другихъ врачей при этомъ случаѣ въ мемуарахъ Вейкарда встрѣчаются довольно подробныя данныя [2]), однако, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на этихъ частностяхъ; также его замѣчанія о русскомъ послѣ въ Вѣнѣ, князѣ Голицынѣ, о кончинѣ императора Леопольда II и пр. [3]) не заслуживаютъ, какъ намъ кажется, особеннаго вниманія. Разсказы Вейкарда объ отношеніи Австріи и Россіи къ французской революціи не лишены интереса, однако, все это имѣетъ чисто анекдотическій характеръ, не представляя собою ничего существеннаго, новаго.

Побывавъ въ Вѣнѣ, Вейкардъ переселился въ юго-западную Германію и жилъ въ Майнгеймѣ, затѣмъ въ Гейдельбергѣ и въ Гейльброннѣ, не столько занимаясь медицинскою практикою,

---

[1]) Вейкардъ, 395—396.
[2]) Id., 456—460.
[3]) Id., 461—465.

сколько посвящая себя литературной дѣятельности и издавая спеціальныя и популярныя сочиненія, относящіяся къ медицинѣ. Такъ, напр., онъ написалъ научный трудъ о медицинѣ по системѣ Брауна въ двухъ томахъ и общедоступную книгу о гигіенѣ подъ заглавіемъ „Toilettenlecture für Damen und Herren auf die Gesundheit“ (Frankfurt, 1797) и наконецъ свои „Denkwürdigkeiten“.

Взявъ въ 1789-мъ году лишь отпускъ на одинъ годъ, Вейкардъ покинулъ Россію навсегда. Хотя, значитъ. офиціальныя сношенія его съ Россіею прекратились совершенно, онъ все-таки, скоро послѣ кончины императрицы Екатерины, удостоился званія русскаго статскаго совѣтника. О такомъ повышеніи онъ узналъ чрезъ русскаго посланника въ Штутгартѣ, барона Мальтица [1]).

Не смотря на прежнее личное знакомство Вейкарда съ императрицею Екатериною, ея кончина, какъ кажется, не произвела никакаго впечатлѣнія на него. Объ этомъ событіи въ автобіографіи Вейкарда говорится въ тонѣ совершеннаго равнодушія. Вообще нигдѣ въ его запискахъ не видно какой-либо привязанности его къ императрицѣ. Главною, выдающеюся чертою въ отношеніяхъ Вейкарда въ Екатеринѣ было съ его стороны корыстолюбіе и недовѣріе. Его автобіографія представляетъ его какъ человѣка, лишеннаго всякаго идеализма, какъ циника; онъ, кажется, не былъ въ состояніи восхищаться чѣмъ бы то ни было; презрѣніе къ людямъ было главною чертою характера Вейкарда. Онъ не умѣлъ и не хотѣлъ играть роль обыкновеннаго царедворца. Поэтому онъ во все время пребыванія въ Россіи чувствовалъ себя какъ-то неловко.

Екатерина умѣла цѣнить въ Вейкардѣ умъ, познанія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ и въ Германіи, и въ Россіи пользовался нѣкоторою славою чрезвычайно искуснаго врача. Цѣня въ немъ замѣчательнаго ученаго, Екатерина не имѣла повода сблизиться съ нимъ. Эгоизмъ и холодность его не могли не отталкивать императрицы отъ него.

Вейкардъ умеръ въ 1803-мъ году.

---

[1]) Вейкардъ, 509.

VI.

Отзывы Вейкарда объ Іосифѣ II, Леопольдѣ II и Екатеринѣ II.—Отношеніе Екатерины къ нѣмецкой литературѣ.

Автобіографія Вейкарда можетъ служить довольно важнымъ пособіемъ при изученіи исторіи Германіи и Россіи во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Тутъ встрѣчаются многія данныя объ умственномъ и нравственномъ бытѣ тогдашняго времени. Разсужденія Вейкарда о религіи или, скорѣе, о вѣроисповѣданіяхъ, о католицизмѣ, о суевѣріи, объ обскурантизмѣ, объ іезуитахъ и монахахъ, его отзывы о воспитаніи, о разныхъ наукахъ, анекдотическіе разсказы о безнравственности въ разныхъ сферахъ общества, о скандалахъ, происходившихъ въ Германіи и въ Россіи—все это представляетъ собою обильный матеріалъ для исторіи эпохи просвѣщенія и революціи.

Такъ, напр., отзывы Вейкарда объ императорахъ Іосифѣ II и Леопольдѣ II не лишены интереса. „Іосифъ II, говоритъ Вейкардъ, благодаря воспитанію, въ которомъ принимали участіе главнымъ образомъ монахи, остановился на половинѣ дороги и развѣ только сдѣлался мнимымъ философомъ [1]). Если-бы онъ получилъ лучшее образованіе, то могъ бы сдѣлаться величайшимъ монархомъ всего вѣка. Онъ любилъ народъ; всѣ любили его, за исключеніемъ дворянства и духовенства. Если-бы онъ долѣе остался въ живыхъ, Австрія сдѣлалась-бы просвѣщеннымъ, могущественнымъ и богатымъ государствомъ; уже при немъ начинали процвѣтать промышленность, торговля, науки; потомство никакъ не пойметъ, какимъ образомъ было возможно, послѣ кончины его, дать столько простора невѣждамъ, обскурантамъ: Іосифъ обрадовался французской революціи, говоря, что дѣятельность національнаго собранія вполнѣ и всецѣло соотвѣтствуетъ его воззрѣніямъ“ [2]).

Столь же достойны вниманія нѣкоторыя замѣчанія Вейкарда объ императорѣ Леопольдѣ II. „Образованіемъ и умомъ, пишетъ Вейкардъ, Леопольдъ превосходилъ всѣхъ монарховъ. Онъ не

[1]) Er brachte es nie weiter als bis zum „Philosophe manqué“.

[2]) „Es ist so ganz nach meinen Grundsätzen“. Вейкардъ, 34—35.

облялся ни въ дворянъ, ни въ солдатъ, что заключаетъ въ
ѣ доказательство нѣкотораго величія. Къ сожалѣнію, однако,
ь, живя долго въ Италіи, проникся тамошними нравами, сдѣ-
ился мнительнымъ, окружалъ себя шпіонами и доносчиками,
билъ инквизицію и пр. Онъ скорѣе былъ способенъ управ-
ять небольшимъ государствомъ, чѣмъ стоять во главѣ великой
ержавы. Онъ терпѣть не могъ войны; его принудили къ войнѣ
отивъ Франціи; при немъ война никогда не приняла-бы
ихъ размѣровъ, какъ это было возможно при его преемникѣ [1]).

Нигдѣ не встрѣчается въ сочиненіи Вейкарда характеристики
катерины. Однако, здѣсь и тамъ разбросанныя случайныя замѣча-
я заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя данныя для характеристики
катерины. Такъ, напр., у него сказано: „Екатерина II, правда,
ыла женщиною; она однако была умнѣе, хитрѣе всѣхъ совре-
енныхъ государей вмѣстѣ съ ихъ министрами. Впрочемъ,
ениться-бы на ней потребовало-бы чрезвычайной смѣлости“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ автобіографіи Вейкарда сдѣлано слѣдую-
ее замѣчаніе, въ которомъ, если мы не ошибаемся, заключается
амекъ на тщеславіе Екатерины: „Властелины иногда обращаются
асково и снисходительно съ учеными, желая прослыть покро-
ителями ихъ и разсчитывая на хвалу изъ устъ ученыхъ. Смѣшно,
сли ученые приписываютъ такое благосклонное вниманіе, ока-
анное имъ государями, собственнымъ заслугамъ“ [3]).

Нельзя отрицать, что въ отношеніяхъ императрицы къ
нѣкоторымъ знаменитымъ писателямъ и ученымъ, въ ея пере-
искѣ съ Вольтеромъ, Дидеро, Гриммомъ, Циммерманномъ
роглядываетъ нѣкоторая доля тщеславія и самолюбія: съ
ругой стороны, нельзя не признать, что бесѣда съ людьми,
ыдающимися и способностями и образованіемъ, доставляла
Екатеринѣ удовольствіе, сдѣлалась для нея потребностью. Она
сама была писательницею и поэтому умѣла цѣнить заслуги
литераторовъ и ученыхъ. Особенно внимательно она, какъ
извѣстно, слѣдила за всѣми крупными явленіями французской
литературы. Гораздо менѣе она интересовалась писателями Гер-

[1]) Вейкардъ 465.
[2]) Id. 116.
[3]) Id. 360.

маніи. Нигдѣ въ ея письмахъ или запискахъ современниковъ мы не встрѣчаемъ намека на какое-либо знакомство Екатерины съ трудами Лессинга, Клопштока, Шиллера или Гете. Поэтому нѣкоторыя замѣчанія объ отношеніи Екатерины къ нѣмецкой литературѣ, встрѣчающіяся въ автобіографіи Вейкарда, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Изъ писемъ императрицы къ барону Гримму намъ извѣстно, что она именно въ то время, которое предшествовало ея знакомству съ Вейкардомъ и Циммерманомъ, занималась нѣмецкою литературою. Такъ, напр., она съ большимъ вниманіемъ читала романъ Николаи „Sebaldus Nothanker“, сочиненія Тюммеля, нѣкоторыя произведенія Виланда [1]). Она находила, что современная нѣмецкая литература отличалась особеннымъ богатствомъ замѣчательныхъ, геніальныхъ, писателей. Однако, она, какъ кажется, не знала вовсе о значеніи главныхъ нѣмецкихъ литераторовъ, довольствуясь чтеніемъ второстепенныхъ авторовъ, какъ-то: Циммермана и Николаи. Отъ ея вниманія ускользнули безсмертныя творенія нѣмецкихъ классиковъ, драмы Лессинга и Гете; зато она читала съ удовольствіемъ романъ Тюммеля „Вильгельмина“ въ стихахъ или романъ Виланда „Абдериты“,— сочиненія съ тѣхъ поръ почти совершено забытыя.

При первомъ свиданіи съ Вейкардомъ, весною 1784 года, императрица заговорила съ нимъ о нѣмецкой литературѣ. При этомъ она выразила удивленіе чрезвычайно большому числу издаваемыхъ ежегодно въ Германіи трудовъ. Вейкардъ заговорилъ о Циммерманнѣ, о Николай и о Гердерѣ. Гердеръ тогда уже былъ извѣстнымъ писателемъ, такъ напр. уже появились его „Volkslieder“, сочиненіе „Geist der hebraischen Poesie“ и пр. Какъ разъ въ то время, когда Вейкардъ собирался уѣхать изъ Германіи въ Россію, вышло начало обширнаго и самаго знаменитаго сочиненія Гердера „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“. Вейкардъ въ бесѣдѣ съ Екатериною указалъ на этотъ капитальный трудъ Гердера. Императрица не подозрѣвала существованія этого писателя.

---

[1]) Журналъ „Allgemeine deutsche Bibliothek“ она называла „Archive de génie, de raison, d'ironie et de tout ce qu'il y a de plus égayant pour l'esprit et la raison“, и далѣе она замѣтила: „cette littérature tudesque laisse tout le reste du monde grandement derrière elle, et va à pas de géant“. См. Сборн. Ист. Общ. XIIXI, 228.

— „Кто этотъ Гердеръ?“ спросила она.

„Онъ въ Веймарѣ занимаетъ мѣсто духовнаго лица“ [1], сообщилъ Вейкардъ.

На это императрица замѣтила:

— „Какъ скоро Гердеръ философъ—онъ не можетъ быть духовнымъ лицомъ, какъ скоро онъ духовное лицо—онъ не можетъ быть философомъ; мистицизмъ, нынче часто выдаваемый за философію, скорѣе вяжется съ духовными лицами, съ жидами и съ язычниками; только онъ ничего не имѣетъ общаго съ здравымъ смысломъ“.

Замѣчаніе императрицы чрезвычайно рельефно характеризуетъ воззрѣнія литературы просвѣщенія, господствовавшаго въ то время раціонализма. Не умѣя цѣнить значенія протестантизма и раздѣляя въ душѣ взгляды Вольтера на духовенство вообще, Екатерина не понимала, какимъ образомъ нѣмецкій пасторъ, знаменитый Гердеръ, могъ написать дѣльный трудъ о философіи исторіи, между тѣмъ какъ это сочиненіе въ исторіи всего предмета занимаетъ самое видное мѣсто, представляетъ эпоху.

При всемъ томъ нельзя не удивляться многосторонности занятій Екатерины, о которыхъ упоминается случайно мѣстами и въ автобіографіи Вейкарда. Такъ, напр., пріятель Вейкарда, нѣкто Трюмбахъ, написалъ сочиненіе о педагогикѣ и школахъ. Вейкардъ далъ Екатеринѣ прочесть эту книгу; она была очень довольна ею и говорила съ жаромъ о ней съ Вейкардомъ. Сначала она считала Вейкарда авторомъ этого сочиненія, но онъ указалъ ей на Трюмбаха [2]). Однажды Вейкардъ, осенью 1785 г., засталъ императрицу при чтеніи Гомера въ переводѣ Штольберга и пр. Бесѣда Екатерины о всевозможныхъ предметахъ доставляла Вейкарду столь великое удовольствіе, что въ одномъ изъ его писемъ къ Циммерманну сказано: „Стóитъ только разъ увидѣть императрицу, чтобы позабыть совершенно о всѣхъ непріятностяхъ, съ которыми приходится бороться каждому“ [3]).

[1]) Ein Geistlicher. Вейкардъ, 246.
[2]) Вейкардъ, 55—56.
[3]) Маркардъ, 133.

VII.

Ланской, гр. Орловъ, Потемкинъ.

Мы говорили выше объ отношеніяхъ Вейкарда къ Ланскому и о кончинѣ фаворита, котораго не могъ спасти Вейкардъ. Въ автобіографіи Вейкарда встрѣчаются кое-какія данныя о личности фаворита, объ отношеніи къ нему императрицы Екатерины и о положеніи Ланскаго при дворѣ. „Ланской, разсказываетъ Вейкардъ, былъ сначала совсѣмъ бѣднымъ, а послѣ смерти оставилъ шесть милліоновъ рублей. Онъ имѣлъ при дворѣ сильное вліяніе; всѣ были убѣждены, что если-бы Ланской остался въ живыхъ, Потемкинъ лишился-бы всякаго значенія. Разсказывали, что Ланской за рекомендацію въ генералъ-адъютанты Екатерины заплатилъ Потемкину сто тысячъ рублей, и что, какъ скупой, не переставалъ сожалѣть объ этихъ деньгахъ. Умомъ онъ уступалъ Потемкину, но былъ гораздо красивѣе послѣдняго; онъ умѣлъ вмѣшиваться въ семейные дѣла императрицы, забавлялъ ее мелочами и пользовался полнымъ довѣріемъ ея. Впрочемъ, только страсть къ деньгамъ заставляла его оставаться ей вѣрнымъ. Бывши офицеромъ кавалеръ-гвардіи и надѣясь получить мѣсто при дворѣ, Ланской у одного француза, именемъ Серръ, (Serres) выучился по-французски. Этотъ Серръ разсказывалъ Вейкарду о бѣдности Ланскаго въ то время. Все его бѣлье состояло и ъ пяти рубахъ. Однажды Ланской ночью явился въ квартирѣ Серра и просилъ ночлега. Серръ дозволилъ ему лечь на полу возлѣ своей кровати. Сдѣлавшись фаворитомъ, Ланской призвалъ къ себѣ Серра, задержалъ его до глубокой ночи, а затѣмъ предложилъ ему спать на полу возлѣ кровати. Вообще Ланской любилъ обращаться съ Серромъ чрезвычайно грубо, оскорбляя его въ присутствіи русскихъ и смѣясь надъ нимъ, какъ надъ французскимъ кавалеромъ. Серръ изъ-за денегъ терпѣливо выносилъ всѣ такія выходки и, дѣйствительно, оставилъ послѣ смерти капиталъ, въ размѣрѣ тридцати тысячъ рублей. Ланской, продолжаетъ Вейкардъ свой разсказъ, причинилъ своему отечеству величайшій вредъ, выхлопотавъ для своихъ пріятелей-негодяевъ доходныя мѣста; самые недостойные люди занимали должности полиціймейстеровъ, царедворцевъ и пр. Умирая,

Ланской оставилъ все свое состояніе императрицѣ, которая раздѣлила его наслѣдство между родственниками покойнаго. Вейкардъ опасался, что Екатерина захвораетъ тою-же самою болѣзнію, которою умеръ Ланской. „Нельзя описать печали императрицы", пишетъ Вейкардъ, „она была въ отчаяніи" [1]).

Вообще въ сочиненіи Вейкарда встрѣчаются любопытные разсказы о придворномъ бытѣ въ то время. „Въ Россіи, пишетъ онъ, милость при дворѣ, цѣнится выше всего другаго. Немилость равняется смерти. Какъ скоро императрица неблагосклонно посмотритъ на кого-либо, или не обратится къ кому-либо съ вопросомъ, или, если въ случаѣ болѣзни кого-либо, она не справится о немъ, то все это считается величайшимъ несчастьемъ. Русскіе отъ этого, дѣйствительно, заболѣваютъ. Шуваловъ страшно мучился мыслью, что Вейкардъ не понравится Екатеринѣ; какъ скоро ему сказали, что императрица хвалила выраженіе остроумія въ физіономіи Вейкарда, онъ былъ внѣ себя отъ радости. „Если-бы, замѣчаетъ Вейкардъ, императрица назвала меня глупцомъ, Шуваловъ непремѣнно упалъ-бы въ обморокъ" [2]).

Въ другомъ мѣстѣ своей автобіографіи Вейкардъ возвращается къ этому предмету. Онъ пишетъ: „люди, пользующіеся милостью императрицы или получившіе отъ нея какую-либо награду, могутъ разсчитывать на вниманіе всего двора. Всѣ предъ ними кувыркаются. Это измѣняется быстро, какъ скоро прекращается милость. „Il n'est pas bien à la cour", говорятъ другъ другу царедворцы о такомъ лицѣ, произнося такимъ образомъ приговоръ. Одинъ дипломатъ разсказывалъ, какъ очевидецъ, Вейкарду о слѣдующемъ случаѣ съ княземъ Григоріемъ Орловымъ. За нимъ, въ то время, когда онъ былъ фаворитомъ, ухаживали,

[1]) Вейкардъ, 262—279 См. ея письма о кончинѣ Ланскаго къ Гримму въ Сборникѣ Ист. Общ XXIII, 317 — 326. Достойны вниманія замѣчанія Вейкарда о кантаридахъ (шпанской мухѣ), которыми кормилъ Ланскаго докторъ Соболевскій. Вейкардъ полагалъ, что это возбуждающее средство, въ сущности ядъ, содѣйствовало кончинѣ фаворита. О болѣзняхъ Ланскаго вслѣдствіе кантаридъ см. соч. Вейкарда, стр. 262, 268, 276. Екатерина, разумѣется, не знала обо всемъ этомъ. Любопытенъ также разсказъ Вейкарда, какъ очевидца, о камердинерѣ, который ночью, во время послѣдней болѣзни Ланскаго, поилъ его виномъ Вейкардъ. стр. 270.

[2]) Вейкардъ, 241.

если возможно, болѣе усердно, нежели за самою Екатериною. Какъ часто онъ выѣзжалъ, ему давали лучшій экипажъ, запрягали лучшихъ лошадей и пр. Потерявъ свое положеніе при дворѣ, Орловъ однажды, желая выѣхать, приказалъ заложить лошадей; штальмейстеръ выбралъ самый дрянной экипажъ, самыхъ жалкихъ клячъ и пр. Обращаясь къ находившимся при немъ иностранцамъ, Орловъ сказалъ: „Вы видите, господа, каково у насъ при дворѣ. Нѣсколько дней тому назадъ этотъ-же штальмейстеръ самымъ подлымъ образомъ унижался предо мною [1]), а теперь онъ посылаетъ мнѣ такой экипажъ“.

Не столько въ автобіографіи Вейкарда, сколько въ его письмахъ къ Циммерманну, мы встрѣчаемъ кое-какія замѣчанія о князѣ Потемкинѣ. Въ октябрѣ 1785 года онъ писалъ между прочимъ: „Императрица тратитъ громадныя суммы на Тавриду. Говорятъ, что недавно Потемкину дано пять или шесть милліоновъ рублей. Я знаю, что Потемкинъ далъ одному обойщику 20,000 рублей, надѣясь, что тотъ въ Крыму устроитъ фабрику. Если принять во вниманіе, что здѣсь всѣ обманываютъ, то можно вообразить себѣ, какія громадныя суммы тратятся попустому“ [2]). Въ другихъ письмахъ приводятся разные примѣры безумной расточительности русскихъ вельможъ. По случаю бенефиса одного актера, Маркезини, Потемкинъ за свой билетъ для входа въ театръ заплатилъ 2,000 рублей. Вейкарда возмущало то, что иногда повивальныя бабки вознаграждались болѣе щедро, чѣмъ доктора и вообще люди ученые, профессора и пр. Актеръ Маркезини въ одинъ годъ нажилъ себѣ 15,000 рублей; между тѣмъ какъ профессора въ артиллерійскомъ кадетскомъ корпусѣ получали не болѣе 300—400 рублей жалованья; танцмейстеръ въ этомъ-же училищѣ получалъ 1,000 рублей. Одна повивальная бабка вышла за одного актера: его тотчасъ-же произвели въ надворные совѣтники и пр. [3]). Вообще Вейкарду казалось, что въ Россіи не

[1]) Вейкардъ, 369—370. Разсказъ о томъ, какъ этотъ штальмейстеръ унижался предъ Орловымъ, довольно занимателенъ; онъ, однако, принадлежитъ къ числу тѣхъ разсказовъ Вейкарда, воспроизведеніе которыхъ должно казаться неумѣстнымъ: XVIII-й вѣкъ какъ-то свободнѣе относился къ предметамъ скабрезнымъ.

[2]) Маркардъ, 123.

[3]) Маркардъ, 216—222. А. Б.

умѣли цѣнить заслуги людей знающихъ, достойныхъ. Онъ разсказываетъ слѣдующій анекдотъ. Однажды какой-то прусскій офицеръ, пріѣхавшій въ Россію, началъ объяснять князю Потемкину какія-то правила тактики.

„На что намъ тактика, замѣтилъ князь Потемкинъ, мы и безъ нея всегда будемъ бить нашихъ непріятелей“ [1]).

VIII.

О врачахъ въ Россіи.

Понятно, что Вейкарда особенно интересовалъ вопросъ о положеніи врачей въ Россіи. Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Петербургъ, онъ писалъ къ доктору Циммерманну: „По собраннымъ мною свѣдѣніямъ медицинская часть здѣсь еще очень слабо развита. Въ другихъ наукахъ есть умныя головы, впрочемъ, не многіе“ [2]). Отзывы Вейкарда о врачахъ въ Россіи почти безъ исключенія неблагопріятны. Какъ кажется, онъ, какъ человѣкъ желчный, мнительный, болѣзненный и завистливый, не ладилъ ни съ кѣмъ изъ своихъ сослуживцевъ. Такъ, напр., онъ о Роджерсонѣ говоритъ въ тонѣ непріязни и презрѣнія, между тѣмъ какъ другіе современники: Екатерина, докторъ Циммерманнъ, Воронцовы уважали Роджерсона. Въ то время какъ другіе современники хвалили заслуги ученыхъ голландскихъ медиковъ, Гортера-отца и Гортера-сына, занимавшихъ весьма видныя мѣста во время царствованія императрицы Елизаветы Петровны, Вейкардъ собралъ о Гортерахъ совсѣмъ неблагопріятныя свѣдѣнія, будто они оказались неспособными къ медицинской практикѣ и поэтому были высланы изъ Россіи обратно въ Голландію [3]). Лейбъ-медика Крузе Вейкардъ, быть можетъ не безъ основанія, называетъ хвастуномъ и интриганомъ, невѣждою и прожектеромъ [4]). Далѣе Вейкардъ жалуется на нѣкоторыхъ врачей-ино-

[1]) Вейкардъ, 521.

[2]) Маркардъ, 28.

[3]) Вейкардъ, 237. Сравн. Исторію медицины Рихтера, нѣмецкое изданіе томъ III, стр. 453—467.

[4]) Вейкардъ, 291—292. См. сочиненіе проф. Я. И. Чистовича, приложенія стр. CLXXXIX и слѣдующія.

странцевъ, которые были спекуляторами, аферистами; такъ, напр., одинъ голландскій докторъ занимался коммерческими предпріятіями, представлявшими собою гораздо бо́льшія выгоды, нежели медицинская практика; другой врачъ, также родомъ изъ Голландіи, какъ ростовщикъ, нажилъ себѣ громадное состояніе и пр. [1]. Все это раздражало Вейкарда, которому также очень хотѣлось разбогатѣть въ Россіи; ему казалось, что его заслуги не цѣнятся, и поэтому онъ, въ своихъ письмахъ, часто возвращался къ разсказамъ о разныхъ авантюристахъ и авантюристкахъ, наживавшихъ себѣ въ Россіи большія деньги; онъ, наконецъ, этимъ до того надоѣлъ Циммерманну, что въ исторіи разлада между Вейкардомъ и Циммерманномъ эта безпрестанная болтовня Вейкарда играетъ довольно важную роль [2]).

Въ то время, когда Вейкардъ прибылъ въ Россію, большинство врачей состояло изъ иностранцевъ; однако, между тѣмъ какъ русскіе врачи въ Россіи являются собственно не раньше какъ въ самомъ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны, число ихъ росло, хотя довольно медленно, во время царствованія императрицы Екатерины [3]). Изъ автобіографіи Вейкарда мы узнаемъ, что въ то время существовалъ нѣкоторый антогонизмъ между врачами-иностранцами и русскими. Мы выше указали на хирургическую школу, устроенную Кельхеномъ. Преподаваніе въ ней шло на нѣмецкомъ языкѣ; ее посѣщали почти исключительно не русскіе [4]). Попечителемъ этого училища состоялъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Въ одномъ изъ засѣданій у Завадовскаго, по дѣламъ этого училища, участвовалъ и Вейкардъ, который весьма непріятно былъ пораженъ участіемъ въ засѣданіи какого-то доктора, родомъ изъ Малороссіи [5]). Этотъ докторъ представилъ учебный планъ, клонившійся къ превращенію этого, такъ называемаго, Калинкинскаго института въ русскую медицинскую академію. Особенно Вейкардъ считалъ

---

[1]) Маркардъ, 128.

[2]) Маркардъ, 136—139.

[3]) Русскіе врачи въ это время составляли около 15 процентовъ всего числа медиковъ въ Россіи.

[4]) См. соч. Я. И. Чистовича, стр. 436.

[5]) Между русскими врачами того времени преобладали малороссіяне.

себя оскорбленнымъ рѣзкими выходками противъ иностранцевъ, заключающимися въ этой запискѣ малороссійскаго медика. Тутъ было сказано въ концѣ записки: „Такимъ образомъ мы впредь будемъ имѣть возможность обойтись вообще безъ иностранцевъ, которые, если не всѣ, то по бо́льшей части отличаются невѣжествомъ, чванствомъ, пустою болтовнею“ и пр. Сообщая объ этомъ эпизодѣ, Вейкардъ прибавляетъ, что хотя этотъ малороссійскій докторъ сдѣлалъ ему комплиментъ и увѣрялъ его, что эти отзывы къ нему не относятся, онъ, Вейкардъ, все-таки пересталъ посѣщать эти засѣданія въ домѣ графа Завадовскаго и вообще не пожелалъ имѣть какое-либо отношеніе къ Калинкинскому училищу. Допуская, что между русскими врачами были люди, замѣчательно образованные и достойные занять самыя лучшія мѣста, сознавая, что между врачами-иностранцами были люди не заслуживавшіе того вниманія, которымъ они пользовались въ Россіи, Вейкардъ былъ правъ, находя выходку малороссійскаго доктора безтактною натяжкою и не желая далѣе участвовать въ подобныхъ совѣщаніяхъ [1]).

Впрочемъ, въ то время потребность въ медикахъ въ Россіи ощущалась столь сильно, что не было никакой возможности обойтись безъ врачей-иностранцевъ. На этотъ счетъ достойно вниманія то обстоятельство, что въ то самое время, когда при императрицѣ Екатеринѣ быстро росло число русскихъ врачей, число врачей вообще умножалось въ еще бо́льшихъ размѣрахъ, такъ что процентъ русскихъ врачей нѣсколько убавился къ концу XVIII вѣка. Дѣло въ томъ, что санитарная часть въ Россіи въ то время, не смотря на всѣ старанія правительства помочь дѣлу, находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ письмахъ Вейкарда къ Циммерманну встрѣчаются довольно любопытныя данныя, относящіяся къ этому предмету. Такъ, напр., въ одномъ письмѣ, писанномъ весною 1786 года, сказано: „Русскій флотъ два года простоялъ на рейдѣ у Ливорно; во все это время умерло не болѣе 30 человѣкъ, теперь флотъ находится въ

[1]) Вейкардъ, 295—298. Замѣчательные русскіе врачи того времени: Самойловичъ, Щепинъ, Шаронскій и Мельскій. А. В.

Кронштадтѣ и въ одну зиму умерло не менѣе 900 человѣкъ. Въ Кронштадтскомъ лазаретѣ умираетъ регулярно полови всѣхъ больныхъ; въ здѣшней городской больницѣ, которая сч тается лучшею, умираетъ пятая часть больныхъ. Въ Кронштадт умираютъ 17—20 матросовъ ежедневно. Недавно императриц послала Роджерсона въ Кронштадтъ для изслѣдованія причинъ такой страшной смертности. Впрочемъ, все это очень натурально. Недавно гнали стадо рекрутъ въ Молдавію, гдѣ стоялъ полкъ г. С., который мнѣ сообщилъ слѣдующее: „Рекрутъ было 300 человѣкъ. Съ ними на пути обращались такъ мило, что изъ нихъ умерло 150 на дорогѣ, остальные 150 дошли до мѣста назначенія въ такомъ положеніи, что всѣ попали въ лазаретъ и всѣ, до послѣдняго, умерли. Ни одинъ не попалъ въ полкъ. Обо всемъ этомъ вы, находясь въ Германіи, не имѣете понятія“ [1]).

IX.

Политическія событія.

Ко времени пребыванія Вейкарда въ Россіи относятся довольно важныя политическія событія, какъ-то: путешествіе императрицы въ Крымъ, содѣйствовавшее разрыву между Россіею и Оттоманскою Портою, турецкая война, война съ Швеціею и пр. Нельзя сказать, чтобы Вейкардъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ внѣшней политики Россіи. Объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ Вейкардъ почти вовсе не говоритъ. И его автобіографія, и его переписка съ Циммерманномъ, насколько она сдѣлалась извѣстною, представляютъ собою лишь скудный матеріалъ для исторіи русской политики. Къ тому же переписка Вейкарда съ Циммерманномъ прерывается какъ разъ въ то время, когда происходитъ разрывъ между Россіею съ одной стороны, и съ Швеціею и Турціею—съ другой.

---

[1]) Маркардъ, 221—222.

О путешествіи Екатерины въ полуденный край Россіи, въ которомъ участвовалъ Вейкардъ, уже выше была рѣчь настолько, насколько это событіе относится къ самому Вейкарду. Достойны вниманія нѣкоторыя замѣчанія его объ образѣ дѣйствій Потемкина при этомъ случаѣ. О путешествіи вообще Вейкардъ замѣчаетъ, что едва-либо въ другой странѣ было-бы возможно такое предпріятіе, и что, по всей вѣроятности, никогда болѣе не повторится что-либо подобное [1]).

Извѣстно, что современники не переставали разсказывать о махинаціяхъ Потемкина, старавшагося будто обманывать Екатерину, показывая ей мнимые результаты своей административной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительно свѣтлѣйшій князь успѣлъ внушить императрицѣ слишкомъ выгодное мнѣніе о состояніи флота и войска, экономическаго быта и проч. въ южной Россіи. На этотъ счетъ достойно вниманія замѣчаніе Вейкарда, что Потемкинъ, во время путешествія Екатерины, показывалъ ей нѣсколько разъ сряду въ разныхъ мѣстахъ однихъ и тѣхъ-же офицеровъ, показывая видъ, что вездѣ находится новое войско. Вейкардъ разсказываетъ объ этомъ по собственному наблюденію [2]), и поэтому его показаніе имѣетъ большой вѣсъ.

Вообще Вейкардъ жалуется на то, что люди, окружавшія императрицу, всѣми средствами старались скрывать отъ нея истину, не соотвѣтствовавшую понятіямъ ея о славѣ, могуществѣ и счастьѣ Россіи [3]). Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что Екатерина, тратя милліоны на это путешествіе, не знала о страданіяхъ народа вслѣдствіе неурожая и дороговизны. Только въ Москвѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ, она узнала объ этомъ несчастіи. По разсказу Вейкарда, императрица была

[1]) Вейкардъ, 367.

[2]) „Ich bewunderte Potemkins Kunst bei unsern sehr schnellen Reisen doch seine Offiziere noch schneller zu transportieren, so dass die Kaiserin allenthalben, wo sie hinkam, wieder viele Offiziere fand, wobei ich doch so oft wieder die nämlichen bemerkte". Вейкардъ, 380.

[3]) „Ich bemerkte allenthalben Farcen, und ein zusammenstimmendes Bestreben, die gute Kaiserin zu täuschen und in glorreichen Ideen zu unterhalten". Вейкардъ, 379.

до того взволнована этимъ извѣстіемъ, что не была въ состоя[нии] скрывать отъ народа смущеніе и стыдъ [1]).

Еще до выѣзда Вейкарда изъ Россіи начались военныя дѣйствія. О турецкой войнѣ онъ въ своей автобіографіи не говоритъ ни слова. За то о шведской войнѣ сказано, что Петербургъ въ то время находился въ крайней опасности, такъ какъ тутъ не было войскъ для защиты противъ ожидаемаго нападенія со стороны шведовъ. Замѣчаніе Вейкарда: „Успѣли устроить дѣло такимъ образомъ, что пять полковъ отказались участвовать въ дѣйствіяхъ", заключаетъ въ себѣ намекъ на конфедерацію въ Аньяла, которая, впрочемъ, состоялась безъ непосредственнаго участія Россіи, и развѣ только косвенно русское правительство, вообще вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Швеціи и стараясь сѣять раздоръ между королемъ Густавомъ III и его подданными, содѣйствовало этому событію, которое, по крайней мѣрѣ, временно остановило военныя дѣйствія и этимъ значительно помогло Россіи.

Когда между Россіею и Швеціею былъ заключенъ Верельскій миръ (въ 1790-мъ году), Вейкарда уже не было болѣе въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, разсказъ его о положеніи дѣлъ въ 1790 и 1791 годахъ заслуживаетъ вниманія, потому что въ немъ заключаются нѣкоторыя новыя данныя. Вейкардъ пишетъ, между прочимъ: „Заключивъ миръ, король съ восторгомъ говорилъ о своей кузинѣ, императрицѣ Екатеринѣ. Говоря съ жаромъ о положеніи дѣлъ во Франціи, онъ обыкновенно прибавлялъ ко всему сказанному:—„я увѣренъ, что моя кузина, императрица, совершенно одинаковаго со мною мнѣнія". Англичанамъ хотѣлось въ то время напасть на Россію. Когда-то, т. е. при экспедиціи графа Алексѣя Орлова противъ турокъ, англичане помогали Россіи и съѣстными припасами, и матросами, и приведеніемъ въ надлежащее состояніе русскихъ судовъ. Теперь-же они хотѣли помочь туркамъ. Какъ скоро они узнали о заключеніи мира

[1]) „Es rührte mich zu sehen, mit welcher Miene der Schaam und Demüthigung sie durch die Reihen wanderte, da sie jetzt erst an selbigem Tage die grosse Hungersnoth erfahren hatte, welche in ihrem Lande herrschte". Вейкардъ, 375.

ежду шведскимъ королемъ и Россіею, они, зная хорошо, что уставъ III вѣчно нуждается въ деньгахъ, предложили ему, не омню хорошенько, четыре-ли милліона или восемь милліоновъ унтовъ стерлингъ за употребленіе шведскаго флота въ борьбѣ ъ Россіею. Узнавъ объ этомъ, Екатерина отправила къ королю Густаву графа Палена и молодаго русскаго, въ качествѣ секре-аря, для наблюденія за образомъ дѣйствій короля и для внуенія ему мысли, что теперь Густавъ, съ помощью Екатерины, можетъ разыгрывать самую блестящую роль, содѣйствуя возстановленію авторитета королевской власти во Франціи. Для этой цѣли она обѣщала дать ему и денегъ и людей, а затѣмъ ничего не дала. Густавъ поѣхалъ въ Ахенъ подъ предлогомъ пользоваться тамошними водами; однако, онъ ни разу не былъ въ ваннѣ. Графъ Паленъ также считалъ нужнымъ отправиться въ Ахенъ для леченія и дѣйствительно бралъ ванны; но въ сущности цѣлью Палена было препятствовать вліянію Англіи на короля Густава III“ [1]).

Таковы разбросанныя здѣсь и тамъ въ мемуарахъ и письмахъ Вейкарда замѣтки о исторіи Россіи ему современной. Можно-бы указать еще на нѣкоторые, не лишенные интереса, разсказы Вейкарда. Такъ, напримѣръ, онъ случайно въ Спа видѣлъ знаменитаго графа Бенёвскаго, составившаго себѣ репутацію своимъ бѣгствомъ изъ Сибири [2]). Онъ написалъ записки о своемъ пребываніи въ Россіи и о своемъ бѣгствѣ изъ Камчатки, намѣреваясь отмстить Россіи за обращеніе съ нимъ какъ съ преступникомъ. Однако, русскіе агенты, при помощи одной авантюристки [3]), успѣли украсть изъ письменнаго стола графа Бенёвскаго эту рукопись.

Любопытны далѣе другія замѣтки, напримѣръ, о слухѣ, будто Екатерина страдаетъ ракомъ и скоро должна умереть [4]), о планѣ

---

[1]) Вейкардъ, 424—426.

[2]) См. мое соч. о Екатеринѣ II, стр. 196—198.

[3]) „Picquass“; объ этомъ прозвищѣ и объ этомъ эпизодѣ вообще см. Вейкарда, 439—440.

[4]) У Вейкарда (260—261) разсказано о томъ, какимъ образомъ состоялась эта выдумка. А. В.

учредить университеты въ Россіи, причемъ крѣпостныхъ крестьянъ хотѣли превратить въ ученыхъ и профессоровъ, о состояніи земледѣлія, о расточительности купцовъ въ Россіи [1]) и проч.

Профес. **А. Г. Брикнеръ.**

15-го іюня 1887 г.
г. Дерптъ.

Генералъ-маіоръ И. Т. Сназинъ

1803 г.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1891 г., октябрь, стр. 225, мы читаемъ: „Графъ А. А. Аракчеевъ генералъ-маіору Ивану Терентьевичу Спазину".

Надо полагать, что фамилія того лица, къ которому адресовано письмо графомъ Аракчеевымъ, прописана неразборчиво на оборотной сторонѣ подлиннаго письма или на конвертѣ, такъ какъ въ указанное выше время не существовало генерала Спазина, а жилъ въ своей усадьбѣ, въ селѣ Ивановскомъ, что въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, Тверской губ., дѣдъ моей жены, рожд. Демидовой, генералъ-маіоръ Иванъ Терентьевичъ Сназинъ, который связанъ былъ съ графомъ Аракчеевымъ тѣсными узами дружбы, воспріявшей свое начало со времени совмѣстной ихъ службы въ Гатчинскихъ войскахъ великаго князя Павла Петровича, благоволившаго неизмѣнно до конца дней своихъ къ генералъ-маіору Ивану Терентьевичу Сназину.

Н. Р. Риттихъ.

Село Покровское-Демидово.

[1] Маркардъ, 132—133. 141.

ПОХОДЪ ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ РОССІЮ въ 1812 г.

ЗАПИСКИ ДЕ-ЛА-ФЛИЗА,

доктора французской императорской гвардіи.

Переводъ съ французской рукописи автора.

IV [1]).

Выѣздъ изъ Москвы 24-го октября.—Кубинское.—Можайскъ.—Человѣческая гекатомба. — Можайское (Бородинское) поле сраженія. — Ghiat (Гжатскъ). Встрѣча съ польскими офицерами.—Вязьма.—Описаніе отступленія.—Страшныя картины бѣдствія солдатъ. — Семлево. — Славково. — Дорогобужъ. — Пнева-Слобода. — Ужасное зрѣлище отступленія. — Смоленскъ и жестокое положеніе французовъ въ этомъ городѣ.—Встрѣча съ дядею, командиромъ уланскаго полка.—Полковникъ Марбефъ раненъ.—Разсужденія и предчувствія по поводу отступленія.

Октябрь—1812 г.—ноябрь.

Я выѣхалъ изъ Москвы 24-го октября 1812 г., въ полночь, въ сопровожденіи солдата, который впрочемъ за темнотою вскорѣ потерялъ меня изъ виду и отсталъ. Я ѣхалъ по Можайской дорогѣ, и повстрѣчался тутъ съ обозомъ, который съ трудомъ подвигался. Небо было покрыто тучами и шелъ мелкій дождь, еще болѣе затруднявшій шествіе. Послѣ привычки идти постоянно впередъ, люди скучали и досадовали на этотъ обратный походъ по той-же дорогѣ, по которой наши еще недавно шли

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXXI, сентябрь, стр. 450—475, т. LXXII, октябрь, стр. 39—60.

побѣдителями, подгоняя впередъ непріятеля; а близость зимы заставляла еще пуще задумываться. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, я сквозь темноту различилъ на краю дороги какое-то строеніе, и когда прошли обозы, я отправился къ этому дому: я нашелъ его пустымъ. Введя лошадь въ комнату, я привязалъ ее къ диванчику, первой мебели, на которую я въ потьмахъ наткнулся, а самъ прилегъ и заснулъ. Но немного погодя, я былъ разбуженъ страшнымъ грохотомъ и сотрясеніемъ: это былъ взрывъ мины подъ Кремлемъ. Спустя нѣсколько минутъ, произошелъ второй взрывъ. Я вышелъ на дорогу, но за туманомъ ничего не видѣлъ. Послѣдовалъ третій, сильнѣйшій взрывъ, отъ котораго земля дрогнула: это былъ послѣдній.

25-го октября съ разсвѣтомъ я поѣхалъ дальше и нагналъ армію. Сдѣлали привалъ въ безлюдной и выжженной деревнѣ. Улицы загромоздили всякаго рода повозки, кареты, коляски, дрожки, вывезенныя изъ Москвы; телѣги съ багажемъ и лазаретные фургоны съ больными солдатами. Въ уцѣлѣвшихъ избахъ расположились люди и стряпали себѣ кушанье. Я, не останавливаясь, поѣхалъ далѣе по большой дорогѣ и настигъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ на ходу, сквозь которые я долженъ былъ проѣхать. Кромѣ нихъ тянулись нескончаемыя вереницы артиллеріи, да мѣстныя телѣги въ огромномъ числѣ, нагруженныя багажемъ и везомыя парой лошадей, которыхъ наши солдаты называли конями (des conias). Если бывало запрягутъ ихъ въ пушки, то одну пушку тащатъ четыре коня, да два или четыре запряженные на выносъ. Много стоило труда и времени пробираться сквозь это множество телѣгъ и обозовъ. Объѣхавъ ихъ, наконецъ, я продолжалъ путь по большой дорогѣ, и вскорѣ пріѣхалъ къ почтовой станціи, какъ я догадался по двумъ верстовымъ столбамъ у входа. Домъ былъ уже занятъ солдатами разныхъ полковъ. Какъ же я удивился, встрѣтивъ тутъ и моего денщика, Летурнера, славнаго смѣтливаго малаго, чрезвычайно мнѣ преданнаго. Онъ уже поджидалъ меня тутъ. Послѣ того, что мы разъѣхались съ нимъ, онъ успѣлъ поймать лошадь, бродившую въ полѣ; нашелъ въ какой-то лавкѣ двѣ большія корзины, которыя наполнилъ разною провизіею и навьючилъ на лошадь; напекъ хлѣба въ печи, застрѣлилъ свинью, да еще въ Москвѣ запасся сахаромъ, чаемъ и боченкомъ водки. Почтовая станція, гдѣ мы расположились, была пустехонька; въ конюшняхъ нашлось еще сѣна для нашихъ лошадей. Обоюдными силами состряпали мы изрядный столъ. Вскорѣ весь домъ наполнился солдатами.

25-го числа погода прояснилась. Проѣхавъ далѣе, мы нагнали нѣсколько пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ императорской гвардіи, шедшихъ въ порядкѣ. Я поѣхалъ съ ними. Такъ какъ Наполеонъ въ продолженіе всего похода берегъ насъ, и въ Можайскомъ сраженіи мы присутствовали только какъ зрители, то и комплектъ нашъ былъ полнѣе. Къ тому-же гвардія составляла отборное войско. Наши солдаты, рослые и видные собою, сохранили свою воинственную осанку, но лица ихъ показались мнѣ мрачными. Не слыхать было въ ихъ рядахъ побѣдныхъ пѣсень прежнихъ походовъ; шутки и смѣхъ, потрясавшій бывало цѣлую колонну, не нарушали общаго молчанія. Понятно было, что не-нравилось это отступленіе отъ Москвы, гдѣ обѣщаны были удобныя квартиры и всякое довольство. Впрочемъ, ни откуда не слышалось жалобъ, и будущее, казалось, никого не тревожило.

26-го октября, Кубинское.

Мы объѣхали всѣ эти полки и къ ночи пришли въ Кубинское. Тутъ расположился отрядъ польскихъ уланъ, и я узналъ между ними нѣсколько старыхъ знакомыхъ. Они радушно предложили мнѣ у себя помѣщеніе. Я замѣтилъ, что у поляковъ организація войска была совершеннѣе нашей. Они какъ будто находились не на чужой землѣ; съ ними были ихъ фургоны, полные всякой провизіи; за отрядомъ слѣдовало стадо быковъ, изъ которыхъ многіе были запряжены въ фургоны. Зная русскій языкъ, они могли требовать въ деревняхъ всего, что имъ нужно было. Лошади ихъ были въ хорошемъ состояніи и хорошо подкованы, тогда какъ лошади французской арміи были истощены, дурно подкованы, не говоря уже о негодной сбруѣ. И веселья было болѣе между поляками, нежели между французами. Вообще ихъ менѣе тревожило отступленіе и близость зимы. Намъ подали отличный ужинъ, благодаря искусству хорошихъ поваровъ. Послѣ ужина, нѣсколько офицеровъ сѣли играть въ карты, точно мы вели гарнизонную жизнь. Я предался сну, а разбудилъ меня на другое утро звукъ трубы.

27-го октября, Можайскъ.

Напившись чаю и водки, по обычаю этихъ офицеровъ, мы сѣли на лошадей и отправились. Я принялъ съ удовольствіемъ ихъ предложеніе сопутствовать имъ. Мы то ѣхали верхомъ, то спѣшивались, чтобъ дать лошадямъ отдохнуть. Дѣлали нѣсколько привало въ, ожиданіи отставшаго обоза, который не могъ

всегда поспѣвать за нами, по причинѣ испорченной дороги. Наконецъ къ вечеру, а дни становились уже короче, мы пришли въ Можайскъ, уже занятый войсками. И тутъ помѣщеніе наше было хорошее, и какъ наканунѣ, хорошо поужинавъ, легли спать на мягкихъ постеляхъ. Слѣдующее утро было ясное, и обѣщало хорошій осенній день. По ночамъ, впрочемъ, бывали уже заморозки. Собирались уже въ путь, какъ отъ полковника былъ данъ приказъ оставаться, потому что, неизвѣстно по какой причинѣ, пребываніе въ Можайскѣ должно было продлиться нѣсколько дней. Въ то-же время мы узнали, что 24-го октября (нов. стиля) тринадцать тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ принца Евгенія Богарне, отразили у Малоярославца генерала Кутузова, командовавшаго силами втрое болѣе, и что городъ этотъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Это дѣло, продолжавшееся съ пяти часовъ утра до 10 вечера, стоило непріятелю отъ 8 до 10 тысячъ людей, а намъ слишнимъ 5 тыс. Генералъ Компанъ покрылся славою въ этомъ дѣлѣ. Эта встрѣча съ русскою арміею и ея усилія бороться доказывали, что непріятель далеко не обезсиленъ и не утратилъ мужества.

Пришедшіе наканунѣ въ Можайскъ различные полки и многіе солдаты различныхъ корпусовъ, кавалеристы безъ лошадей, все это скученное въ безпорядкѣ, стали собираться въ путь. Улицы были загромождены повозками. Я проѣхалъ весь городъ, съ цѣлью встрѣтиться съ своимъ полкомъ. Увидавъ въ полѣ артиллерійскій паркъ и множество пѣхоты, расположенной на бивакахъ, я направился туда и дѣйствительно нашелъ тамъ и полкъ свой. Повернувъ назадъ, я взялъ другую, кратчайшую дорогу. Проѣзжая мимо поля примыкавшаго къ городскимъ садамъ, я усмотрѣлъ вдали что-то въ родѣ пирамиды, неопредѣленнаго цвѣта. Изъ любопытства я подъѣхалъ туда. Но съ какимъ ужасомъ увидѣлъ я, что эта куча обнаженныхъ труповъ, сложенная четыреугольникомъ и нѣсколько туазовъ въ вышину. На мои глаза, тутъ было до 800 тѣлъ. Они были собраны въ одно мѣсто по распоряженію коменданта города, для сожженія, такъ какъ они заражали улицы. А между тѣмъ, не смотря на сорокадневный промежутокъ времени со дня сраженія, трупы сохранились. Тутъ были русскіе и французы. Раненые русскіе были брошены отступавшею арміею, отъ чего большая часть изнемогла отъ ранъ, или отъ голода. Мнѣ еще не случалось видѣть подобные ужасы. Не смотря на то, я обошелъ этотъ курганъ со всѣхъ сторонъ. Трупы, благодаря стужѣ, не издавали никакого запаха и не испортились; только глаза у нихъ вытекли. Каждый трупъ остался въ томъ положеніи, въ какомъ пришлось человѣку испу-

стить духъ; некому было дать имъ горизонтальное положеніе, какъ обыкновенно дѣлаютъ съ покойниками. Отъ того всѣ они лежали другъ на дружкѣ какъ попало. Я смотрѣлъ на кучу этихъ несчастныхъ жертвъ, чтобъ убѣдиться, какъ ужасна иногда смерть. Какія страшныя раны обнаруживались на этихъ тѣлахъ. Многія были точно искрошены ударами сабли, другія обожжены взрывами пороховыхъ ящиковъ. Я различилъ также двѣ женскія головы съ длинными черными волосами, но повидимому онѣ не были ранены.

Таковъ-то пьедесталъ, на которомъ воздвигаются военные трофеи! Какъ-же виновны государи, которые хладнокровно жертвуютъ столькими людьми изъ-за лживой политики; заставляютъ ихъ умирать въ мученіяхъ, не сказывая имъ иногда даже за чѣмъ имъ приходится умирать!

Я возвратился въ городъ, и нашелъ моихъ офицеровъ веселыми и безпечными. Поэтому я и не хотѣлъ сообщать имъ о томъ, что видѣлъ; но апетитъ у меня совершенно пропалъ.

1-го ноября рано утромъ мы выѣхали изъ Можайска. Въ этотъ день мнѣ пришлось видѣть зрѣлище столько-же ужасное, какъ то, которое представилось мнѣ въ послѣднемъ городѣ. По крайней мѣрѣ, на нашемъ пути убитые не лежали въ кучѣ, а были разбросаны на большомъ пространствѣ и раны ихъ были прикрыты одеждою. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы очутились на Бородинскомъ полѣ, черезъ которое лежала большая дорога. Нѣкоторые офицеры пожелали видѣть эту обширную равнину, мѣсто одного изъ самыхъ упорныхъ и кровавыхъ сраженій. Мы направились къ тремъ редутамъ, изъ которыхъ одинъ, самый грозный, былъ взятъ нашими кирасирами. Около этихъ редутовъ валялись въ большомъ числѣ трупы, также сохранившіеся отъ стужи, но лишенные глазъ. Бо́льшая часть ихъ, судя по мундирамъ, были русскіе. Разсказываютъ, что Наполеонъ, проѣзжая по мѣсту сраженія, при видѣ большаго числа русскихъ, сказалъ: „въ этомъ родѣ я люблю поле сраженія“. По полю валялись во множествѣ ядра, осколки гранатъ, разбитые зеленые фургоны, содержавшіе въ себѣ патроны и взорванные французскою артиллеріею. Наши-же фургоны, съ такимъ-же содержаніемъ, уцѣлѣли, потому что они длинные, узкіе и темнаго цвѣта, незамѣтные издали, какъ зеленые пушечные лафеты у русскихъ, служившіе своимъ блестящимъ видомъ мишенью для непріятеля. Подлѣ рва мы увидали нѣсколько труповъ русскихъ, у которыхъ головы буквально были разсѣчены пополамъ; сильны-же были удары сабель, которые ихъ сразили. На землѣ валялось бѣлье и разное тряпье, вытасканное изъ солдатскихъ ранцевъ при обыскѣ ихъ

крестьянами. Замѣчательно, что спустя два мѣсяца послѣ сраженія на этомъ полѣ кое-гдѣ еще бродили раненыя лошади.

Вернувшись на большую дорогу, по которой слѣдовало войско, мы стали въ центрѣ обозовъ. Въ каретахъ и коляскахъ, взятыхъ въ Москвѣ, сидѣли офицеры и генералы, очевидно раненые, судя по ихъ страдальческимъ лицамъ. Торопясь догнать уланскій полкъ, намъ приходилось проѣзжать мимо кавалерійскихъ корпусовъ, въ которыхъ солдаты вели исхудалыхъ лошадей своихъ подъ уздцы, и мимо пѣхоты, состоявшей изъ весьма порѣдѣвшихъ батальоновъ. Много людей отстало во время этого похода. Въ войскѣ встрѣчались солдаты, лишившіеся не только лошадей, но даже оружія; иной вооруженъ былъ простою палкою. Наконецъ, мы застали уланскій полкъ на привалѣ. Продолжая съ нимъ путь по трудной песчаной дорогѣ, мы къ вечеру увидали въ отдаленіи мѣстечко Ghiat (Гжатскъ). Но такъ какъ оно было выжжено еще въ первый походъ нашъ въ Москву, то полковникъ велѣлъ здѣсь сдѣлать привалъ. Вправо отъ насъ виднѣлась деревенская колокольня. Полковникъ отрядилъ въ эту деревню нѣсколько солдатъ съ офицерами и трубачемъ, давъ имъ на польскомъ языкѣ какое-то приказаніе. Простоявъ еще нѣсколько времени на мѣстѣ, мы отправились по направленію къ колокольнѣ. Подойдя къ ней на разстояніе пушечнаго ядра, мы остановились. Отсюда мы увидали, что нашихъ улановъ разставили вокругъ домовъ, чтобы не допустить крестьянъ бѣжать, когда мы подойдемъ. Вскорѣ протрубили сигналъ и мы двинулись впередъ. Пришедши въ деревню, мы остановились противъ церкви; къ намъ подвели нѣсколько крестьянъ, какъ видно запуганныхъ тѣмъ, что имъ не дали бѣжать. Но когда съ ними заговорили, они успокоились, и начались переговоры. Понимая все, что имъ было сказано, они на каждый вопросъ единодушно отвѣчали: хорошо, хорошо. Имъ объявили, что полкъ проночуетъ въ деревнѣ, что никого изъ населенія не тронутъ, съ условіемъ, что никто не убѣжитъ, и что на другое утро мы уйдемъ. А до тѣхъ поръ пусть они дадутъ намъ все, что нужно для людей и для лошадей. Дѣйствительно, на каждое отдѣльное требованіе сѣна, овса, мяса, водки и т. д. крестьяне отвѣчали: хорошо. Полковника и нѣкоторыхъ офицеровъ повели въ большой господскій домъ, гдѣ и отвели всѣмъ по комнатѣ. На балконѣ поставленъ былъ караулъ изъ нѣсколькихъ уланъ съ ружьями и трубачъ, на случай тревоги, и лошадей не всѣхъ разсѣдлали.

Мнѣ нравилась эта предусмотрительность. Какая разница въ преимуществахъ польскаго и французскаго войска. Поляки знаютъ

языкъ и обычаи края; они знаютъ, какъ обращаться съ народомъ. Во все время похода, я видѣлъ у насъ совершенно противное. Когда мы входили въ деревни, народъ бѣжалъ отъ насъ, потому что никто не умѣлъ обойтись съ нимъ. Намъ приготовили отличный ужинъ; полковникъ и офицеры потчивали меня, какъ бы я былъ ихъ товарищемъ.

2-го ноября послѣ завтрака, и нашего и солдатскаго, мы отправились далѣе. Во время похода дѣлали нѣсколько приваловъ, а въ три часа по-полудни обыкновенно отыскивали мѣсто для ночлега, чтобы успѣть засвѣтло сварить обѣдъ и накормить лошадей. Выйдя на большую дорогу, встрѣтились опять съ арміею и обозами. Въ одной изъ городскихъ каретъ я замѣтилъ русскаго генерала и съ нимъ французскаго офицера. Это былъ тотъ самый генералъ, котораго взяли въ плѣнъ въ Москвѣ, чему я былъ свидѣтелемъ; но фамиліи его не упомню. Снова дорога пошла песчаная, а потомъ лѣсомъ, мимо болотъ. Подлѣ деревни Теплюшки (?) сдѣлали привалъ, но какъ она была выжена, то ничего не могли тамъ достать. Далѣе дорога стала сноснѣе: въ недальнемъ разстояніи отъ Вязьмы, которая тоже выгорѣла, полковникъ нашъ, справившись на картѣ, велѣлъ взять въ сторону по проселочной дорогѣ [1]). Когда завидѣли колокольню, онъ велѣлъ остановиться, и, какъ обыкновенно, отрядилъ людей въ деревню на развѣдку. Вскорѣ поданъ былъ сигналъ подходить. Деревня оказалась на половину пустою. Оставшіеся-же крестьяне дали намъ все, чего мы требовали. За неимѣніемъ господскаго дома, четыре офицера помѣстились въ домѣ священника, пригласивъ и меня съ собою. Сначала священникъ обошолся съ нами непривѣтливо; когда-же стали оказывать ему почтеніе, онъ постарался намъ услужить, чѣмъ только могъ. Полковникъ помѣстился въ лучшей деревенской избѣ. Недостатка у насъ ни въ чемъ не было и ночь провели спокойно.

4-го ноября, съ разсвѣтомъ, послѣ чаю, отправились въ путь на Вязьму, загроможденную экипажами и войсками, стоявшими тутъ на бивакахъ. Пробираясь сквозь эту давку, я замѣтилъ кареты, въ которыхъ сидѣли женщины и дѣти, и провожали ихъ не военные люди. Зная, что это не могутъ быть офицерскія жены, я сталъ

---

[1]) Въ архивѣ редакціи „Русской Старины“ имѣется одинъ изъ экземпляровъ тогдашнихъ картъ Россіи,—карта, бывшая во французской арміи и отбитая Донскими казаками въ числѣ прочихъ вещей отступавшихъ непріятелей. Карта подарена намъ, нынѣ покойнымъ, войска Донскаго ген.-лейт. Ад. Петр. Чеботаревымъ. Ред.

распрашивать и мнѣ сказали, что то была труппа французск
актеровъ, жившихъ въ Москвѣ, но бѣжавшихъ оттуда изъ ст
быть убитыми. Кромѣ ихъ, и другіе французы, жившіе долго
Москвѣ, присоединились къ арміи. За Вязьмой дорога шла песч
ная, тяжелая для обоза, который началъ отставать; по этой
чинѣ пришлось поголодать на стоянкахъ. Около полудня мы усл
хали пушечные выстрѣлы. На встрѣчу намъ прискакали офице
съ разными порученіями войску, и они разсказали, что нашъ ар
гардъ, предводительствуемый принцемъ Евгеніемъ, атакованъ рус
скими, что было жаркое дѣло, въ которомъ дѣйствовали марша
Ней, Даву и генералъ Компанъ. Мы встрѣтили на дорогѣ боль
количество палыхъ лошадей, и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ,
что солдаты вырѣзывали лошадиное мясо и варили изъ него суп
Прошли нѣсколько погорѣлыхъ деревень. Вообще весь этотъ по
ходъ полонъ былъ тяжелыхъ картинъ страданій. И раны, и голодъ
и усталость давали себя чувствовать людямъ. Эта песчаная дорога
по которой плелась армія, по словамъ старыхъ служившихъ, ви
давшихъ пирамиды, походила на египетскія пустыни. Если по
ложеніе солдатъ было тяжко, то еще мучительнѣе было положеніе
не военныхъ, какъ напримѣръ тѣхъ французовъ, о которыхъ
упомянулъ выше. Между ними былъ 70-ти лѣтній старецъ, про
жившій тридцать лѣтъ въ Москвѣ въ качествѣ наставника; съ ним
шла и жена его, не столь еще старая, и ухаживала за нимъ как
за ребенкомъ; старалась усадить его въ проѣзжавшія кареты, вы
маливала для него хлѣба. Наконецъ, старика посадили въ телѣг
а она поплелась за нимъ пѣшкомъ. Даже платья на нихъ не бы
теплаго. Вѣроятно, эта чета не далеко уѣхала. Тяжелая дорога
заставила уланскій полкъ засвѣтло остановиться въ мѣстечкѣ Сем
лево, также выгорѣвшемъ, но сохранившемъ еще нѣсколько домов
которые уже всѣ были заняты. И такъ полкъ отошелъ далѣе, и
пройдя нѣсколько верстъ наткнулся на пустую деревеньку, которую
и заняли. Видно было, что крестьяне недавно только и внезапно
бросили свои дома, потому что печи были еще теплыя. Въ избѣ,
въ которой мы помѣстились, найденъ былъ на лавкѣ мертвый ре
бенокъ. Солдаты наши тотчасъ принялись за стряпню; кромѣ того
они нашли нѣсколько чашекъ съ борщемъ, который пришелся
имъ по вкусу. А по мнѣ одинъ запахъ его былъ отвратителенъ.
Въ каждой избѣ былъ чуланъ со всякою провизіею, такъ что полкъ
ни въ чемъ не нуждался. Я поужиналъ съ моими офицерами, послѣ
чего мы всѣ расположились спать на лавкахъ, придѣланныхъ къ
стѣнамъ горницы. Утромъ въ 8-мь часовъ затрубили походъ. Выйдя

изъ избы, я засталъ полковника верхомъ, погоняющаго впередъ обозы. Ночью шелъ дождь и обратилъ землю въ глинистую грязь. Выѣхали мы на большую дорогу и встрѣтились опять съ вереницами обозовъ и плетущимся войскомъ. Дорога была такъ испорчена дождемъ, что лошади вязли въ грязи; обозы останавливались и загораживали дорогу. По обычаю страны, лошадей понукали, крича: ну! ну! но это не помогало. Всего хуже бывало на мостахъ, грубо сколоченныхъ изъ бревенъ, отчасти сгнившихъ, такъ что лошади проваливались въ образовавшіяся дыры и ломали себѣ ноги. Подобные случаи загораживали дорогу цѣлой колоннѣ. Кончалось тѣмъ, что повозки сбрасывали съ моста, чтобъ очистить дорогу. Всѣ эти затрудненія, при постоянной ходьбѣ, почти безъ отдыха, недостатокъ въ пищѣ, все это способствовало распущенности солдатъ. Торопясь въ Смоленскъ, войско еще болѣе утомлялось. Словомъ, ничего не было хуже этого отступленія.

Подъѣзжая къ мѣстечку Славково, увидали повѣшанными на березѣ двѣ отрубленныя головы, очевидно, французовъ. Мы не могли понять, по какому случаю совершено это варварство и почему эти головы не убраны, такъ какъ они производили дурное впечатлѣніе на солдатъ. Умирать на полѣ сраженія не удивительно, но подвергнуться такого рода безпричинной жестокости значитъ имѣть дѣло съ варварами. Такими варварами были черногорцы, съ которыми мы воевали въ Далмаціи. Они тоже рубили головы всѣмъ плѣннымъ. Опять-же повторю, что виновато было во всемъ невниманіе Наполеона къ религіозному духу русскаго народа. Изъ неуваженія французовъ къ русскимъ церквамъ русскіе заключили, что французы посягаютъ на вѣру, и, конечно, не знали за то предѣловъ своей ненависти къ непріятелю. Такимъ образомъ умерщвлено было множество плѣнныхъ.

Въ Славковѣ, вполовину выгорѣвшемъ, всѣ уцѣлѣвшіе дома были заняты военными всѣхъ чиновъ и всякихъ полковъ. Полковнику отвели стоянку версты за двѣ отъ мѣстечка, въ небольшой деревушкѣ. Тутъ уже расположился польскій пѣхотный полкъ, потерявшій половину своихъ ратниковъ въ разныхъ дѣлахъ, особенно подъ Смоленскомъ, гдѣ поляки въ нашихъ глазахъ такъ мужественно дрались, что когда, по взятіи города, они проходили по нашимъ рядамъ, мы встрѣтили ихъ восклицаніями: „да здравствуютъ храбрые поляки!“

Покуда мои спутники офицеры исполняли разныя порученія своего полковника, я, по ихъ просьбѣ, оставался съ багажемъ, до пріисканія ими помѣщенія для всѣхъ насъ. Вскорѣ, проходя мимо

меня къ полковнику, они указали мнѣ на стоявшій въ отдаленіи домъ, гдѣ было готово для насъ помѣщеніе, и я съ людьми и обозомъ направился туда. Вошедши въ домъ, я крайне былъ удивленъ встрѣчею съ двумя красивыми женщинами, въ приличномъ нарядѣ. Сначала я принялъ ихъ за хозяекъ дома, и не зналъ какъ съ ними объясниться; но онѣ первыя заговорили по-испански (а я понималъ этотъ языкъ), рекомендуя себя женами польскихъ офицеровъ, прибывшихъ съ полкомъ своимъ до насъ, и занявшихъ этотъ домъ пополамъ съ знакомыми имъ уланскими офицерами. Мужья этихъ дамъ участвовали въ испанскомъ походѣ, и въ бытность свою въ Испаніи женились. Жены послѣдовали за мужьями и въ Россію. Одна изъ нихъ отличалась необыкновенной красотой. Пришли мои офицеры, а тамъ и мужья этихъ дамъ, и всѣ заговорили по-польски: дамы успѣли выучиться этому языку. Подали чай, и бесѣда продолжалась по-польски; но по незнанію этого языка, я въ ней не участвовалъ. Зато, глядя на двухъ прекрасныхъ женщинъ, я подумалъ, какая странная судьба выпадаетъ иногда на долю человѣка! Какъ знать, куда превратности счастья занесутъ прахъ человѣка. Эти женщины родились подъ прекраснымъ небомъ, первая молодость ихъ протекла въ тѣни померанцевыхъ и оливковыхъ рощъ,—и нежданно, негаданно судьба внезапно переноситъ ихъ съ одного конца Европы на противоположный, въ полунощный край, въ центръ опустошительной войны! Что будетъ съ ними дальше, подумалъ я, когда застанетъ ихъ стужа и снѣгъ? Вспомнивъ объ Испаніи, гдѣ Наполеонъ также велъ опустошительную войну, я подумалъ, что было бы благоразумнѣе направить всѣ силы наши къ Россіи; ихъ было бы болѣе, нежели достаточно для побѣды надъ русскими. Я предавался этимъ печальнымъ мыслямъ, покуда общество поляковъ, напротивъ, проводило время въ веселой дружеской бесѣдѣ. Подали ужинъ, за которымъ выпито было за здоровье прекрасныхъ дамъ. Затѣмъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ.

6-го ноября встали въ обычный часъ. Распростившись съ дамами и ихъ мужьями (имъ, какъ пѣхотѣ, велѣно было слѣдовать за кавалеріею часомъ позже), наши офицеры и я съ ними отправились въ путь. Но едва мы выѣхали на большую дорогу, какъ разразился надъ нами ливень. Этого достаточно было для умноженія затрудненій съ обозами. Повторились тѣ же сцены, что происходили въ прошлые дни. Пѣхота едва плелась; телѣги и лошади вязли въ грязи, столько же отъ трудности выбраться, сколько отъ истощенія силъ. Нѣсколько каретъ, полныя ранеными, завязнувъ, оставались такъ безъ помощи, не взирая на крики этихъ раненыхъ.

съ проходили мимо, не зная, какъ помочь имъ. Сначала исполнялся приказъ Наполеона, по которому каждый, у кого была карета, обязывался усадить у себя одного раненаго, и у каждой маркитантки въ телѣжкѣ находился одинъ раненый; но это продолжалось не долго. Потомъ стали ихъ выбрасывать на дорогу. Говорятъ, что Наполеонъ, выѣзжая изъ Москвы, намѣревался отправить разъ всѣхъ раненыхъ, во избѣжаніе мести русскихъ, и сказалъ:— „Я отдамъ всѣ сокровища Россіи за жизнь одного раненаго“.

Сегодня солдаты рѣзали многихъ палыхъ лошадей, и изъ мяса ихъ варили супъ.

Дорогобужъ.

Послѣ нѣсколькихъ приваловъ, мы вошли въ городъ Дорогобужъ, отчасти погорѣлый; онъ занятъ былъ пѣхотными полками, въ которыхъ замѣтна была большая убыль. Мы прошли черезъ городъ, не останавливаясь. Черезъ нѣсколько верстъ завидѣли деревню; послали туда людей, которые воротились съ извѣстіемъ, что въ деревнѣ все цѣло, но жители бѣжали, и занята она эскадрономъ французскихъ гусаръ. Мы туда отправились, побратались и раздѣлили между собою квартиры. Солдаты другъ другу помогали, Начальники эскадрона (повидимому, изъ всего полка одинъ этотъ эскадронъ уцѣлѣлъ) пригласилъ польскаго полковника раздѣлить съ нимъ квартиру въ господскомъ домѣ, а насъ, офицеровъ, два французскіе офицера пригласили въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ комнатъ. Радушно принявъ насъ, они предложили намъ свой скудный обѣдъ. Мы приняли предложеніе, только съ условіемъ, что они, въ свою очередь, не откажутся отъ нашего стола по счастію, болѣе сытнаго. Польскіе офицеры, дѣйствительно, угостили какъ нельзя лучше своихъ новыхъ знакомцевъ. Потомъ общество сѣло играть въ карты. Въ комнатахъ затопили печи, и ночь мы провели въ теплѣ и спокойствіи.

7-го ноября на утро, выйдя изъ теплыхъ комнатъ на улицу, нашли воздухъ холоднымъ. Ночью сдѣлался морозъ, отъ котораго колеи грязи на дорогѣ затвердѣли какъ камень. Гусары уже встали и собирались въ путь. Эти люди показались мнѣ измученными и печальными; лошади ихъ тоже отощали и почти никуда не годились. Спустя часъ и мы отправились въ путь, и на большой дорогѣ встрѣтились съ арміею. Повторилось то-же, что и въ прошлые дни, съ обозами и экипажами. Къ обыкновеннымъ неудобствамъ дороги прибавилась гололедица; лошади скользили и падали; возчики не жалѣли кнута, но не смотря на всѣ ихъ удары и понуканія, они

не могли ничего добиться, кромѣ болѣзненныхъ криковъ несчастныхъ животныхъ. Такъ многихъ и бросили тутъ, на дорогѣ. И на однѣ лошади; множество солдатъ, больныхъ и раненыхъ, которые не въ состояніи были идти, принуждены были остаться на дорогѣ; между ними были женщины и дѣти, истощенныя голодомъ и продолжительною ходьбою. Тщетно упрашивали они насъ помочь имъ: но на то у насъ не было средствъ. Артиллерія съ трудомъ подвигалась по кочкамъ и рытвинамъ. Кавалерійскіе корпуса слѣдовали одинъ за другимъ, но въ самомъ жалкомъ положеніи, какъ люди, такъ и лошади. Трудно описать подробно всѣ бѣдствія людей, мимо которыхъ мы проѣзжали. Мундиры на солдатахъ были изорваны въ лохмотьяхъ; отъ обуви почти не осталось и слѣда. Всѣ побросали свое оружіе, замѣнивъ его палками. Раненые плелись какъ умѣли, кто на костыляхъ, кто съ перевязанною рукой, или головой: сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливались и садились на край дороги. Тамъ и сямъ валялись на землѣ сброшенныя кирасы, которыхъ солдаты уже не въ силахъ были носить на себѣ. Я встрѣтилъ также артиллерійскіе ящики, оставленные на дорогѣ за потерею лошадей; артиллеристы выбрасывали изъ нихъ и топили въ водѣ патроны, чтобы они не достались непріятелю. Столько страданій заставляли насъ проѣзжать мимо, не останавливаясь, потому что самый жестокій человѣкъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Довольно рано пришли въ Пневу-Слободу (?) мѣстечко, растянувшееся вдоль равнины, и окруженное садами. Дома въ немъ отчасти сгорѣли, также и церковь, колокола которой были растоплены огнемъ, такъ что расплавленная мѣдь вытекла на паперть. Но прочіе дома были не тронуты. Главная улица была запружена тѣми повозками, которыя мы уже раньше встрѣчали. Они остановились тутъ въ ожиданіи возможности проѣхать мостъ, на которомъ что-то приключилось съ переднимъ обозомъ. Напрасно повторять, въ какомъ жалкомъ видѣ представлялись эти повозки со скученными въ нихъ людьми. Можно только сказать, что съ каждымъ днемъ страданія этихъ людей принимали новый видъ. Покуда польскій полковникъ распоряжался проѣздомъ полка съ фургонами и каретами сквозь эту сумятицу, нѣсколько офицеровъ поѣхали на розыски за городъ. Въ двухъ верстахъ отъ него они наткнулись на строенія, показавшіяся имъ фермою. Они увѣдомили о томъ полковника, который и направился съ полкомъ туда. Жителей не оказалось. Полковникъ и старшіе офицеры заняли главное строеніе, а прочіе, и я въ томъ числѣ, помѣстились въ избѣ. Такъ какъ еще не смерклось, то мы пошли осматривать ферму. Тутъ были конюшни, амбары, гумна,

молотильный токъ, телѣжки, плуги, бороны и большое количество другихъ земледѣльческихъ орудій. Можно было различить по остаткамъ колосьевъ мѣста, на которыхъ разставлены были скирды хлѣба, ржи и гречихи. Судя по всему видѣнному, я заключилъ, что земледѣліе въ Россіи вовсе не такъ плохо, какъ мы думаемъ. Меня удивила одна пристройка къ гумну, въ которой подѣланъ былъ родъ подземной печки. Офицеры объясняли мнѣ, что ее топятъ для сушки зерна. Солдаты, обыскивавшіе ферму, нашли стойла, въ которыхъ лежали до тридцати околѣвшихъ быковъ. Очевидно, ихъ заперли, и тутъ за недостаткомъ корма, они и издохли, кромѣ двухъ, которые еще шевелились. Солдаты взяли этихъ и зарѣзали на мясо. Небольшія толпы солдатъ всякаго войска, оставившихъ свой полкъ, и бо́льшею частію безъ оружія, послѣдовали за нами въ деревню; поляки подѣлились съ ними этимъ мясомъ. Казалось, жители деревни недавно только вышли изъ нея. Вѣроятно, они возвратились было сюда послѣ перваго нашего пріѣзда, но вторичное наше посѣщеніе заставило ихъ снова бѣжать. Всматриваясь въ бѣдствія, причиняемыя населенію войною, какъ сказать, что она ведется по желанію націи? Земледѣлецъ, потрудившійся надъ землею въ потѣ лица, вдругъ, вмѣсто ожидаемой жатвы, лишается всего своего добра по милости не то своихъ же освирѣпѣвшихъ соотечественниковъ, не то мести непріятеля. Какъ объяснить войну между христіанами? Они тогда уже не христіане, а антихристы, потому что Христосъ предписалъ намъ миръ и проклялъ мечъ.

Сидя въ своей избѣ, мы замѣтили, что солдаты, проходя мимо, штыками ощупывали землю. Это они искали—не запрятали-ли чего крестьяне, такъ какъ у русскаго народа обычай зарывать въ землю то, чего имъ нельзя унести съ собою. Офицеры велѣли раскопать землю, и на небольшой глубинѣ открыли родъ деревяннаго погреба. Спустившись туда съ огнемъ, вытаскали оттуда разныя вещи: овчинные тулупы, цвѣтные пояса, картофель, пшеницу и штофы съ водкою. Все это раздѣлили между собою солдаты.

8-го ноября, послѣ спокойной ночи, непріятно поразилъ насъ видъ выпавшаго за-ночь снѣга. Водворялась зима, а наши французы какъ будто не предвидѣли ее. Поляки, болѣе догадливые, да и знакомые съ краемъ, заранѣе, еще въ Москвѣ, запаслись шубами, набранными ими въ магазинахъ и рядахъ, такъ какъ никто не помѣшалъ имъ въ этомъ, и фургоны ихъ были полны этого добра. Крайне заблуждаются, полагая, что бывшіе въ арміи французы, итальянцы, испанцы и португальцы погибли отъ холода, какъ непривычные къ нему жители юга. Природа человѣка вездѣ одна

и та-же, по крайней мѣрѣ въ Европѣ. Онъ въ теченіе года подвергается всякимъ атмосферическимъ измѣненіямъ. Русскій мужикъ, выросшій въ теплой, даже душной избѣ, оттого такъ чувствителенъ къ холоду; но, закутанный въ свой теплый мѣхъ, онъ выноситъ даже сибирскую стужу.

Павелъ I, будучи великимъ княземъ, въ бытность свою въ Римѣ, чуть не заболѣлъ отъ холода, не смотря на самый легкій морозъ итальянской зимы. А отъ чего? Оттого, что въ мраморномъ дворцѣ, въ которомъ онъ жилъ, не было печей, подобныхъ петербургскимъ, да, кромѣ того, забыты были въ Россіи его шубы.

Французы и итальянцы, напротивъ, пріучены къ холоду въ своихъ нетопленныхъ комнатахъ; даже переносятъ 5, 6° мороза въ легкомъ платьѣ, что болѣе нестерпимо, чѣмъ переносить 30° въ теплой шубѣ. Главная причина гибели французовъ въ наступившіе морозы заключалась въ отсутствіи теплой одежды, въ недостаткѣ питательнаго кушанья и водки, безъ которой нельзя обойтись, находясь постоянно на морозѣ.

Сѣвъ на лошадь, я невольно впадалъ въ уныніе отъ этого снѣга, который валилъ на насъ безостановочно и предвѣщалъ новыя напасти. Поляки, напротивъ, равнодушно смотрѣли на бѣлѣвшуюся дорогу. По выѣздѣ изъ города въ одно время съ арміею, я замѣтилъ, что лица у людей еще болѣе измѣнились и выражали тревожное состояніе ихъ духа. Лошади съ своими гладкими подковами не въ силахъ были подыматься въ гору. Сидѣвшіе въ телѣгахъ и экипажахъ раненые и слабые принуждены были высаживаться, и долго стоять на снѣгу, въ ожиданіи возможности снова сѣсть. Раненые офицеры и генералы подталкивали колеса, тѣмъ не менѣе лошади не двигались съ мѣста. Я видѣлъ эти сцены только мимоѣздомъ, такъ какъ уланскій полкъ шелъ впередъ, не останавливаясь. Въ этотъ день пало такое количество лошадей, какого еще не бывало въ прошлые дни.

Наконецъ, подошли къ Смоленску и вступили въ предмѣстье[1]. Эта часть города почти вся выгорѣла, особенно лавки, и товаръ въ нихъ обратился въ пепелъ; сохранились только большіе склады желѣза, которое въ Россіи очень хорошаго качества. Мы простояли нѣсколько времени у воротъ города, пока не приказано было комендантомъ отворить ихъ. Надъ городскими воротами висѣла икона Спасителя, вся прострѣленная. Тутъ (въ августѣ мѣсяцѣ) русскіе упорно

[1]) Это должно было быть 8-го или 9-го ноября нов. стиля. Наполеонъ пришелъ въ Смоленскъ 29-го октября ст. стиля (10-го ноября нов. стиля). Ред.

щищались, прикрывая переходъ отступавшей арміи черезъ Днѣпръ предмѣстья, гдѣ они оставались еще два дня по взятіи нами оленска и откуда безпрестанно стрѣляли въ нашихъ, когда и подходили къ рѣкѣ поить лошадей. Напротивъ воротъ устроъ колодезь съ обширнымъ отверстіемъ. Вода въ немъ ключевая превосходная. Народъ считаетъ этотъ ключъ священнымъ, и воду о употребляютъ только для питья и приготовленія пищи. Такъ ило мнѣ передано. Въ сторонѣ отъ воротъ, поставленъ былъ раулъ, который и вышелъ отдать намъ честь, на что уланы вѣчали, держа сабли наголо и протрубивъ маршъ.

Мы пошли по улицѣ, поднимавшейся въ гору. Дома на ней цѣлѣли отъ пожара, но обыватели скрылись; мостовая была разорана, вѣроятно съ цѣлью ослабить дѣйствіе ядеръ. Влѣво отъ асъ, на горѣ, стоялъ монастырь съ нѣсколькими церквами, которыхъ иніе купола были усѣяны золотыми звѣздами. Въ монастырь вела ысокая лѣстница, на подобіе monte cavallo въ Римѣ. Не знаю, ставались-ли тамъ монахи. Пожаръ его не тронулъ. И вообще усскіе не поджигали церквей; это было-бы святотатствомъ, на оторое они, по набожности своей, не способны. Русскіе даже мимо ерквы проходятъ не иначе, какъ осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и кланяясь въ землю.

Полкъ вошелъ въ городъ въ боевомъ порядкѣ, съ распущенными наменами и музыкою. На большой площади полкъ остановился: подъѣхалъ комендантъ и указалъ начальнику отдаленный кварталъ, гдѣ дома были цѣлы. Отправились туда и размѣстились, какъ могли. Наши офицеры заняли флигель того дома, въ которомъ помѣстился полковникъ со старшими офицерами. Вслѣдъ затѣмъ дали знать о раздачѣ продовольствія. Это случилось въ первый разъ по выѣздѣ изъ Москвы. Солдаты наши возвратились съ навьюченными всякими припасами лошадьми, которымъ досталось тоже сѣна и овса. Эта раздача нѣсколько ободрила войско. Такъ какъ было еще свѣтло, то я пошелъ бродить по улицамъ и наткнулся на рядъ чайныхъ магазиновъ, полныхъ не раскрытыми еще цибиками. Наши солдаты увидѣли ихъ тоже и раскрыли одинъ или два ящика, но, какъ не любители чая, бросили. Я однако велѣлъ снести къ себѣ два цибика, чтобы подѣлиться съ моими товарищами. На квартирѣ я засталъ моихъ офицеровъ съ гостями, офицерами другихъ пришедшихъ полковъ. Между ними были два брата, которые считали другъ друга убитыми, и, свидѣвшись тутъ нечаянно, плакали отъ умиленія и радости. Поужинавъ, оставались еще долго вмѣстѣ.

9-го ноября и слѣдующіе дни приходили различные армейскіе корпуса, и городъ переполнялся. Каждый день происходила раздача провизіи; но такъ какъ въ Смоленскъ не впускали разрозненныхъ отрядовъ, то они оставались въ предмѣстьяхъ, за Днѣпромъ, или-же принуждены были обходить городъ по узкой гористой дорогѣ, чтобы попасть въ предмѣстья на противоположномъ концѣ его. Эти несчастные почти ничего не получали при раздачѣ, да и раздача дѣлалась неправильно. Магазины осаждали толпой и только самые ловкіе люди добыли себѣ нужное. И здѣсь, въ Смоленскѣ, повозки и кареты съ трудомъ плелись по замерзшей дорогѣ; многія стали на мѣстѣ, между тѣмъ какъ сидѣвшіе въ нихъ раненые зябли и не могли вылѣзть изъ экипажа. Военные, прибывшіе изъ Москвы, разсказывали, что на обогнавшіе насъ корпуса часто съ фланга нападали русскія партіи. Но мы, къ счастію, не встрѣчали ихъ. Съ тѣхъ поръ, что наступила зима, всѣ бѣдствія обрушились на армію и росли съ каждымъ часомъ. Прошли четыреста верстъ безъ хлѣба и фуража, и каждую ночь дохли лошади на бивакахъ. Отдѣльныя колонны часто подвергались нападеніямъ казаковъ, тревожившихъ ихъ и днемъ и ночью. Отсталыхъ солдатъ они раздѣвали донага и закалывали, а одежду похищали.

13-го ноября я встрѣтилъ въ городѣ нѣсколько французскихъ улановъ того полка, въ которомъ дядя мой д'Армандъ служилъ капитаномъ. Эти солдаты конвоировали повозки съ хлѣбомъ и овсомъ, которыми ихъ снабдили въ магазинахъ для ихъ полка, стоявшаго въ предмѣстьѣ. Эти люди сообщили мнѣ, что полкомъ командовалъ мой дядя, такъ какъ командиръ полка, графъ Марбефъ, тяжело былъ раненъ подъ Можайскомъ. Отецъ графа нѣкогда былъ губернаторомъ острова Корсики. Утверждали не разъ, будто Наполеонъ былъ сынъ его, а самъ графъ былъ сыномъ Людовика XV. Если-бъ это была правда, то Наполеонъ былъ-бы внукомъ французскаго короля и слѣдовательно изъ рода Бурбоновъ. Извѣстно только то, что по ходатайству графа у королевы Маріи-Антуанеты, молодой Бонапартъ былъ принятъ въ бріенскую военную школу.

Солдаты говорили мнѣ, что полкъ потерялъ очень много людей, какъ рядовыхъ, такъ и офицеровъ, не говоря уже объ убыли лошадей, словомъ остался одинъ эскадронъ или нѣсколько болѣе. Они указали мнѣ и квартиру моего дяди. Возвратясь къ своимъ спутникамъ офицерамъ, я ихъ предупредилъ о моемъ желаніи навѣстить дядю. Мы такъ успѣли сдружиться, что новые мои знакомые просили меня непремѣнно воротиться къ нимъ. Они должны были прождать въ городѣ еще два дня. Я ихъ оставилъ, надѣясь свидѣться съ ними скоро. Меня сопровождалъ мой деньщикъ,

запасшійся всякаго рода провизіею, благодаря гостепріимству моихъ офицеровъ. Я везъ ее дядѣ, на случай недостатка у него.

Проѣхавъ порядочное разстояніе городомъ по тѣмъ-же улицамъ, по которымъ я въ первый разъ проѣзжалъ, когда дома по обѣ стороны горѣли, я, наконецъ, очутился у квартиры моего дяди. Появленіе мое было для него и неожиданно и пріятно. Мы не видѣлись съ нимъ съ 1809-го года. Въ тотъ походъ мы жили въ благословенномъ краѣ, если сравнить его съ настоящимъ, и въ то время Наполеонъ блисталъ славою. Дядя мой занималъ двѣ низенькія комнаты. Въ одной изъ нихъ полковой орелъ былъ прислоненъ къ стѣнѣ, такъ какъ стоймя его поставить не позволялъ низкій потолокъ. Дядя мой былъ высокій мужчина подъ пятьдесятъ лѣтъ, рябой, черноволосый съ просѣдью. Звѣзда почетнаго легіона украшала его грудь. Вскорѣ накрыли столъ, т. е. просто сказать поставили на него миску съ солдатскимъ супомъ. Кромѣ меня, были приглашены къ обѣду еще два офицера. Всѣ мы ѣли изъ этой миски, черпая каждый своею деревянною ложкою, по-солдатски. Это было уже не похоже на столъ въ польскомъ полку, гдѣ у каждаго былъ свой приборъ. За супомъ, въ такомъ же порядкѣ, поѣли и говядины. По крайней мѣрѣ, мы были сыты. Послѣ обѣда, я объявилъ, что приготовлю чай и пуншъ, чему дядя мой разсмѣялся какъ небылицѣ. Въ одномъ углу дома я усмотрѣлъ самоваръ, вещь незнакомую для французовъ, но я уже знакомъ былъ съ этимъ сосудомъ въ Москвѣ, и встрѣчалъ его у поляковъ. Вскорѣ самоваръ закипѣлъ; потомъ я заварилъ чай въ простомъ глиняномъ горшкѣ. Разливъ его въ стаканы, я угостилъ имъ дядю и его гостей; вмѣсто рому, поднесъ имъ водки для приправы, и всѣ остались очень довольны.

Когда гости ушли и послѣ разговора о семейныхъ дѣлахъ, я припомнилъ дядѣ его походы въ Италіи и разные эпизоды его службы, въ которыхъ онъ подвергался опасностямъ. Съ 1805 года дядя мой находился въ постоянныхъ походахъ, или стоялъ съ гарнизономъ въ Римѣ, Флоренціи, Моденѣ, Миланѣ и т. д.

— „Опасности той эпохи, разсказывалъ мнѣ дядя, ничто въ сравненіи съ тѣми, которымъ мы подвергаемся здѣсь. Конецъ славѣ Наполеоновой! Вся наша кавалерія уничтожена. Я сдѣлалъ все, что могъ для сохраненія моего полка, замѣняя нашихъ лошадей здѣшними конями (konias); наши лошади или убиты или подохли отъ недостатка фуража, а тѣхъ, которыя остались цѣлыми, я велѣлъ полякамъ подковать. Полкъ мой отличился во всѣхъ дѣлахъ. Надо было его видѣть при переправѣ черезъ Нѣманъ. Словомъ, съ самаго начала похода не было дѣла, въ которомъ-бы полкъ мой не участвовалъ.

Я дѣйствовалъ какъ только могъ, но вѣдь отъ насъ требуютъ сверхъ естественнаго. Императоръ не тотъ, что былъ въ Италіи и Австріи. Не разсудивъ, привелъ насъ въ этотъ ужасный край. Онъ не понялъ, что непріятель, отказавшись подъ Витебскомъ отъ сраженія и отступая съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, хотѣлъ насъ утомить долгими переходами. Онъ не предвидѣлъ того, что многимъ было понятно, что, направляясь на Москву, мы и тамъ найдемъ все въ огнѣ, а не обѣщанныя (имъ, Наполеономъ) удобныя квартиры и избытокъ. Но я не ожидалъ отъ Наполеона этой ужасной и неисправимой ошибки, держать насъ въ Москвѣ на пылающихъ развалинахъ цѣлыя шесть недѣль; потомъ предпринять позднее уже отступленіе не на Калугу и Кіевъ, а по той-же опустошенной дорогѣ, мимо погорѣлыхъ городовъ и селъ. Меня огорчаетъ это неуваженіе къ арміи, храбрѣе которой еще никогда не бывало, потому что никогда еще не вели войны съ бо̀льшею отвагою, бо̀льшимъ мужествомъ и бо̀льшимъ знаніемъ дѣла. Кромѣ того, Наполеонъ даже не отблагодарилъ насъ. Со дня вступленія въ Вильну, онъ не далъ намъ ни одного сантима звонкою монетою, а роздалъ жалованье какими-то векселями, на которыхъ должны были расписываться получатели; но изъ нихъ нельзя было сдѣлать никакого употребленія, и касса моя съ самаго начала была пуста, такъ что, когда представлялись случаи закупить что-либо нужное для полка, я не могъ ими воспользоваться, за неимѣніемъ звонкой монеты.

„Только съ бою, да заставляя бѣжать жителей, успѣвали мы добывать себѣ прокормленіе. Скупость и жадность Наполеона, вотъ что было причиною этого недостатка въ деньгахъ. Онъ хотѣлъ пополнить кассу полугодовымъ жалованьемъ людей, которые будутъ убиты.

„Я лично оскорбленъ его несправедливостью; давно слѣдовало мнѣ быть полковникомъ, такъ какъ я никогда нигдѣ себя не жалѣлъ. Онъ забылъ насъ наградить за побѣды. Кровь наша текла по напрасну, никто не повышенъ чиномъ, не пожалованъ орденомъ ни въ какомъ полку. Впрочемъ, теперь не время говорить о наградахъ; подумаемъ, что̀ станетъ съ нашею арміею? Будущее мрачно. Мы уже не способны принять сраженіе; русскіе идутъ по пятамъ нашимъ, и все потеряно. Однако, какъ ни значительны ошибки Наполеона, а онъ не могъ избѣжать этой войны. Ему приходилось, какъ онъ говорилъ, выбирать между войною и безчестіемъ: понятно, что выборъ палъ на первую. Къ тому же эту войну, какъ и всѣ предыдущія, возбудила Англія. Пускай-же пролитая кровь падетъ на эту націю“.

Я отвѣчалъ дядѣ: „Все, что вы говорите, вполнѣ справедливо Въ прежніе походы Наполеонъ былъ не тотъ, что нынче. Тогда онъ не забывалъ своихъ храбрецовъ. Но я согласенъ съ вами, что какъ ни велики его ошибки, а онъ не могъ избѣжать теперешней войны".

— „Правда, продолжалъ дядя, всѣ войны Наполеона имѣли основаніемъ справедливость, за исключеніемъ испанской. Какъ война въ Испаніи, такъ и настоящая война возбуждена подкупами англичанъ, чего Наполеонъ въ ослѣпленіи своемъ не видѣлъ. Здѣсь онъ не соглашался выждать время, необходимое для организаціи Польши, и легкомысленно (изъ Польскаго края) удалился. Началъ походъ на Москву слишкомъ поздно по времени года; пренебрегъ промедленіемъ, которое требовалось для охраны тыла арміи, особенно въ случаѣ отступленія, изъ опасенія отложить завоеваніе столицы до другаго похода. Наполеонъ воображалъ, что покончитъ съ этою войною также скоро, какъ съ прусскою, и не понималъ, что русскіе, отступивъ за Москву, тѣмъ далеко не будутъ обезсилены, а напротивъ, когда Наполеонъ кончитъ походъ, они начнутъ свой, и надежды Наполеона, мирными переговорами загладить неосторожное движеніе въ центръ Россіи, не сбудутся.—Однако, что происходитъ во Франціи? Я встрѣтилъ вчера курьера, посланнаго къ императору; онъ говорилъ мнѣ, что въ Парижѣ вспыхнулъ мятежъ [1]), который едва не рушилъ его трона. Не заставитъ-ли это извѣстіе поспѣшить отступленіемъ [2]), такъ какъ Наполеонъ позаботится скорѣе о сохраненіи своихъ коронъ во Франціи и Италіи, нежели о спасеніи своей храброй арміи. Что должны были сказать французы при полученіи въ одно время извѣстія о пожарѣ Москвы и декретовъ, относящихся до мелочей внутренней администраціи Франціи? Я не постигаю этого человѣка; не могу согласить всѣ эти превратности съ его первыми успѣхами и побѣдами. Это противорѣчіе смущаетъ меня и вызываетъ самыя грустныя предчувствія. — Я ожидалъ найти въ Смоленскѣ всевозможные запасы; думалъ, что изъ Франціи прибылъ свѣжій корпусъ, который поможетъ намъ совершить отступленіе въ безопасности. Вмѣсто того, я очутился среди величайшаго опустошенія и нищеты, и поэтому собирался выйти вонъ отсюда съ остатками моего полка, какъ получилъ приказъ выжидать принца Евгенія. Все-таки я вывелъ людей изъ города сюда въ предмѣстье, гдѣ, по крайней мѣрѣ, ни они, ни лошади не умрутъ съ голоду. Меня ужаснуло все то, что я видѣлъ въ Смоленскѣ. Страданій нашихъ людей невозможно

[1]) 23-го октября; во главѣ заговора былъ нѣкто Маллэ. (Позднѣйшее примѣчаніе автора).

[2]) Дядя мой никакъ не полагалъ, что Наполеонъ броситъ свою армію, какъ сдѣлалъ въ Египтѣ. (Позднѣйшее примѣчаніе).

себѣ представить! Въ госпиталяхъ недостатокъ во всемъ. Несчастные раненые сдѣлались людоѣдами, они отрубали члены у человѣческихъ труповъ, варили мясо и съѣдали его. Ихъ ничѣмъ не снабжали изъ магазиновъ. Всѣ запасы были заперты и сберегались для арміи. Только третьяго дня была раздача; за то ужъ и грабятъ магазины такъ, что въ скоромъ времени наступитъ общій голодъ".

Я слушалъ дядю съ грустнымъ чувствомъ; мнѣ нравились его здравыя сужденія, но то, что онъ такъ краснорѣчиво предсказывалъ, возбуждало страхъ и тревогу. Оба мы долго не могли уснуть; а мнѣ и во снѣ грезились ужасы.

15-го ноября, только что мы встали, какъ вошелъ офицеръ и сообщилъ моему дядѣ, что у троихъ солдатъ ноги отморожены и три лошади пали отъ жестокаго мороза, хотя солнце ярко освѣщало горизонтъ и все небо представляло подобіе италіанскаго. Дядю огорчило это извѣстіе; онъ накинулъ на себя шинель и вышелъ обойти полкъ. Въ его отсутствіе пришелъ мой денщикъ, жалуясь на морозъ, который лошади съ трудомъ переносятъ, и требуя для нихъ попонъ. Самъ онъ тоже весь продрогъ, и сталъ къ печкѣ, чтобы согрѣться. Я далъ ему выпить водки, а онъ, шутя, говорилъ, что это гусарскій кофе. Я замѣтилъ, что наши солдаты, при всѣхъ своихъ страданіяхъ, не упускали случая пошутить.— Дядя мой возвратился, говоря, что каждое утро онъ выслушиваетъ прискорбный рапортъ. „Что мнѣ дѣлать съ этими людьми?" прибавилъ онъ. „Они такъ мнѣ жалки; вѣдь это храбрый народъ! Теперь чуть солдатъ отморозитъ себѣ членъ, онъ уже потерянный человѣкъ; взять его съ собой нельзя, перевозить не на чѣмъ, такъ остается его бросить и подвергнуть ужаснѣйшей смерти, развѣ непріятель убьетъ его сразу. Страшно подумать, что такова участь, которую ожидаетъ армію; зима только что начинается, а въ этомъ краю она жестока".

Когда чай, который я, между тѣмъ, велѣлъ денщику моему заварить, былъ готовъ, дядя велѣлъ подать себѣ трубку. Только что мы кончили свой завтракъ, какъ пришелъ поваръ доложить, что онъ не знаетъ изъ чего сготовить обѣдъ, такъ какъ у него есть только картофель, а мяса нѣтъ. Какъ-же я удивился, когда дядя приказалъ ему зарѣзать жеребенка отъ кобылы, находившейся при полку. „Ты еще не ѣлъ конины, сказалъ онъ мнѣ потомъ: „но ты увидишь, что она вовсе не такъ противна, какъ ты думаешь. Я не въ первый разъ угощаю этимъ мясомъ моихъ офицеровъ. Печенка этого животнаго очень вкусна, ты это самъ испытаешь".

Потомъ дядя снова повелъ рѣчь о непредусмотрительности Наполеона. „Благоразуміе требовало, говорилъ онъ, остановиться у Смо-

ленска, и далѣе не двигаться. Говорятъ, что многіе генералы такъ и совѣтовали ему, и болѣе всѣхъ князь Понятовскій, которому край знакомъ, что и видно на польскихъ дивизіяхъ: онѣ и въ отношеніи дисциплины, и въ отношеніи содержанія ничего не потерпѣли. Наполеонъ не послушался ничьихъ совѣтовъ. Я знаю, впрочемъ, его стратегію: это вызывать на рѣшительное сраженіе, собравъ лучшія массы войска на самой крѣпкой позиціи непріятеля, потомъ, или окружить его, или отхватить фланги, вторгнуться въ центръ, привести все въ смятеніе, отыскивать самые удобные пункты для атаки и стремительно нападать; и при этомъ не заботиться ни о продовольствіи, ни объ обозахъ, какъ случалось во многихъ сраженіяхъ, и также подъ Можайскомъ. Наполеонъ не понимаетъ другой системы, кромѣ стратегической,—вотъ отъ чего онъ и не взялъ въ соображеніе здѣшнихъ мѣстныхъ условій. Онъ злоупотребляетъ жизнью людей, и если правда, что онъ говорилъ, что солдатъ не что иное, какъ пушечное мясо, то судя по его адской тактикѣ надобно полагать, что такова мысль его на самомъ дѣлѣ. Слѣдовалобы дать такое сраженіе, которое заставило-бы непріятеля прекратить преслѣдованіе насъ во время нашего отступленія; но армія наша лишена всякой возможности сосредоточиться".

„Однако, сказалъ я дядѣ, если намъ въ настоящемъ жестокомъ положеніи остается только погибать, т. е. неминуемо попасть въ руки непріятеля и подвергнуться отъ него еще варварскому истязанію, то не лучше-ли предупредить эти страданія самоубійствомъ?"

Тутъ дядя перебилъ меня: „Самоубійство, сказалъ онъ, дѣло малодушныхъ, не отличающихся крѣпкимъ умомъ. Во всѣхъ обстоятельствахъ жизни необходимы мужество и покорность Провидѣнію. Кто говоритъ! Мы находимся въ критическомъ положеніи, насъ ожидаютъ большія опасности, пусть даже страдальческая смерть; но вѣдь мы воины. Смерть насъ не пугаетъ. Каждый солдатъ, вступая въ службу, знаетъ, что ему придется или убивать, или быть убиту. Что касается до меня, то я уже встрѣчался со смертью, и видѣлъ, какъ умирали мои товарищи въ мукахъ отъ ранъ. Сколько разъ случалось мнѣ быть въ крайностяхъ, изъ которыхъ, казалось, мнѣ не выйти, а, между тѣмъ, я избѣгъ ихъ. Точно также я никогда не былъ раненъ, хотя вокругъ меня ядра и картечь побивали много народу. Слѣдовательно, если угодно Провидѣнію, оно избавитъ насъ и изъ настоящей опасности; если-жъ нѣтъ, то умирать удѣлъ каждаго смертнаго".

Въ это время пришелъ офицеръ доложить, что изъ Смоленска пріѣхалъ полковой лекарь, состоявшій при раненыхъ въ тамошнемъ госпиталѣ, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ и лекарь. Этотъ молодой еще

человѣкъ сообщилъ намъ, что Наполеонъ прибылъ наканунѣ въ Смоленскъ и сегодня-же утромъ выѣхалъ далѣе. Пріѣзжалъ-же лекарь собственно затѣмъ, чтобы просить командира полка о перевозкѣ раненыхъ, и именно на саняхъ, которыя, какъ онъ высмотрѣлъ, хранятся въ домахъ обывателей, и которыя такъ легки, что достаточно запречь по одной лошади въ каждыя сани. Дядя обѣщалъ обо всемъ позаботиться.

Сѣли обѣдать съ офицерами, какъ наканунѣ, и ѣли изъ той-же общей миски. Я отъ себя угостилъ общество бывшею у меня водкою. Никто изъ офицеровъ не догадался, что супъ былъ изъ конины, а печенка жеребячья; офицеровъ нарочно объ этомъ и не предупреждали.

Всѣ нашли столъ отличнымъ.—Вскорѣ послѣ обѣда пріѣхалъ адъютантъ дивизіоннаго генерала, съ приказаніемъ отъ послѣдняго выступить на утро въ походъ. Адъютантъ говорилъ также, что гвардія прошла наканунѣ въ Смоленскъ, и что она послѣдуетъ за императоромъ. Между прочими, пришелъ и мой полкъ. Это заставило меня проститься съ дядею, и, какъ оказалось потомъ, на вѣки. Въ Смоленскѣ я представился моему полковнику, который сообщилъ мнѣ, что всѣ военные лекаря, кромѣ одного, замѣнявшаго меня, причислены къ госпиталямъ, и что генералъ приказалъ на время прикомандировать меня къ 1-му гренадерскому полку, вышедшему наканунѣ изъ города. Поэтому мнѣ надобно было спѣшить догнать его. Сперва хотѣлось мнѣ повидаться съ моими сопутниками доселѣ поляками, но я уже не засталъ ихъ,—полкъ ихъ ушелъ въ то утро. И съ ними не пришлось мнѣ болѣе увидѣться.

Де-ла-Флизъ

[Продолженіе слѣдуетъ].

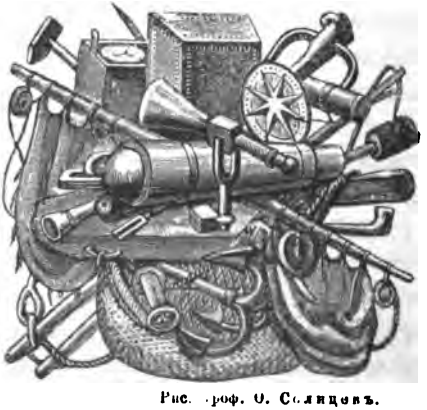


Рис. проф. О. Солнцевъ.

ЗАПИСКИ ѲЕДОРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧА ПЕЧЕРИНА

1737—1816 гг.

Записки о моихъ предкахъ и о себѣ, на память дѣтямъ въ 1816 году сдѣланныя.

Глава I.

Предки мои, по прозванію Печерскіе, выѣхали въ Россію изъ Польши; но кто именно изъ нихъ и въ которомъ году выѣхалъ,—неизвѣстно. Въ званіи были нѣкоторые купеческомъ. Печеринымъ писаться сталъ дѣдъ мой Ѳедоръ Ивановичъ.

Его двоюродный братъ, баронъ Василій Петровичъ Поспѣловъ [1]), представлялъ его, еще въ малолѣтствѣ бывшаго, государю Петру I. Великій посмотрѣвъ на него и поднявъ волосы, лобъ его закрывавшіе, произнесъ:

— „Въ этомъ маломъ будетъ путь".

Съ котораго времени дѣдъ мой вступилъ въ службу, въ какую первоначально должность и когда оберъ-мундшенкомъ произведенъ, справиться можно-бы въ петербургскомъ придворномъ архивѣ. Я им. ю у себя только копію [2]) съ имяннаго указа государыни императрицы Елисаветы Петровны, въ бытность ея еще цесаревною состоявшагося, такого содержанія:

---

[1]) Служилъ деньщикомъ при государѣ Петрѣ I, а послѣ каммергеромъ. Въ бумагахъ моихъ есть его руки записка къ Ѳедору Ивановичу, которая и помѣщена далѣе въ приложеніяхъ. **А. Т.**

[2]) Дана мнѣ, по прошенію, изъ экспедиціи кремлевскаго строенія 1804 г. октября 5-го дня. **Ѳ. П.**

„Указъ нашей вотчинной канцеляріи. Пожаловали мы въ камердинеры изъ пѣвчихъ нашихъ Игната Полтавцова, въ мундшенки изъ лакеевъ Ѳедора Печерина, да изъ каммерлакеевъ Алексѣя Соболева; въ кофишенки изъ служителей Василья Страшникова, да изъ каммерлакеевъ Карла Сиверса и денежнаго жалованія производить имъ въ годъ каммердинеру семьдесятъ рублей, а мундшенкамъ и кофишенкамъ по сороку рублей человѣку отъ вотчинной нашей канцеляріи по третямъ года, а имена ихъ внесть въ штатъ. Данъ въ Санктпетербургѣ февраля 24 дня 1737 года".

У подлиннаго указа собственною ея величества рукою подписано такъ: „Елисаветъ".

Къ сей государынѣ, когда пребываніе ея было въ Москвѣ, во дворцѣ Покровскомъ [1]), нерѣдко прихаживали изъ находившихся въ окружности Москвы ея собственныхъ дворцовыхъ селъ дѣвушки, которыя увеселяли ее пѣснями и пляскою. Нѣкогда случилось въ числѣ тѣхъ дѣвушекъ быть Авдотьѣ, по отцѣ Семеновой, изъ села Бакунникова. Пріятнымъ видомъ и живостію пляски, она обратила на себя особенное вниманіе цесаревны, была взята ко двору ея и впослѣдствіи времени удостоена званія сидѣльницы, или каммер-юнферы. Сію-то Авдотью Семеновну ей благоугодно было отдать въ замужество за Ѳедора Ивановича въ 1737 году.

Сія чета пользовалась отличнымъ благоволеніемъ ее совокупившей. Должность состояла дѣда моего, какъ оберъ-мундшенка, находиться во время стола при императрицѣ, для подаванія ей питья, а бабки сидѣть въ ея почивальнѣ, какъ изволитъ лечь въ постелю и говорить что-нибудь, пока не започиваетъ; послѣ же и сама она обыкновенно ложилась спать близь постели государыни. Дѣдъ имѣлъ себѣ сотоварища, съ которымъ должность понедѣльно исправляли, а была-ли другая сидѣльница—не знаю.

Упомяну о нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ [2]) опытахъ милости къ нимъ монархини и случаяхъ съ ними въ жизни.

Императрица обыкновенно называла Ѳедора Ивановича дядею, можетъ быть по степенности его свойствъ, а Авдотью Семеновну, которая была малаго роста, дородна и притомъ очень проворна, котикъ.

Дѣдъ мой былъ весьма набоженъ, всякій праздникъ бывалъ въ Невскомъ монастырѣ, близь котораго и Черной рѣчки онъ имѣлъ

---

[1]) Состоялъ въ концѣ села сего названія, извѣстнаго особенно по бываемому тутъ зимою катанію, близь соборной церкви во имя Покрова Богородицы и при ручьѣ, въ рѣку Яузу впадающемъ. Какъ дворецъ, такъ и остатки бесѣдокъ въ саду существовали еще въ 1805 году, когда я былъ въ Москвѣ.

[2]) Большею частію отъ отца моего. Ѳ. П.

домъ каменный, у заутрени и обѣдни, по большей части ранней, чтобъ поспѣть во дворецъ, гдѣ слушалъ и другую обѣдню, позднюю. Отъ того-то, вѣроятно, что рано вставалъ, онъ, стоя по обыкновенію близь императрицы во время ужиновъ, которые довольно продолжительны бывали, иногда къ концу ужина дремалъ. Милосердая, усмотря то, говаривала:

— „Дядя спать хочетъ, пора вставать“, и выходила изъ-за стола.

Въ продолженіе также столовъ нерѣдко требовала государыня у сего оберъ-мундшенка своего табаку. (А онъ нюхалъ табакъ самый простой и изъ табакерки очень небогатой). Принявъ отъ него табакерку и понюхавъ табаку, ставила ее подлѣ своей тарелки, а вставая изъ-за стола, уносила и табакерку сію съ собою. Оная по нѣсколько дней на туалетѣ оставалась.

Съ дѣдомъ моимъ случилась было нѣкогда бѣда. Императрица, докушивая стаканъ англійскаго пива, увидѣла на днѣ стакана небольшой отъ разбитой хрустальной посуды черепокъ и обратилась къ подносителю съ требованіемъ отвѣта. Сидѣвшая за столомъ дама, по-фамиліи Думашева, была, не знаю почему, худо расположена къ моему дѣду и вздумавъ воспользоваться удобностію сдѣлать его подозрительнымъ, сказала ея величеству:

— „Вотъ онъ каковъ!“

Оберъ-мундшенкъ сталъ на колѣни, а скоро выговорить отъ сильнаго страха не могъ ничего. Но кроткая повелѣла ему встать и изрекла:

— „Не вѣрю, чтобы дядя зла мнѣ хотѣлъ, это произошло отъ одной неосторожности“. Она приказала только ему оштрафовать мундшенка, наливавшаго пиво, и подтвердила впредь строже за мундшенками смотрѣть.

Авдотья Семеновна не имѣла другихъ дѣтей, кромѣ одного только сына, родившагося 1744 года іюля 16-го. Монархиня была его воспріемницею отъ купели, и по ея волѣ дано ему имя Пантелеймонъ [1]). Благочестивая, конечно, желала, чтобъ ее окружающіе носили имена святыхъ, въ празднованіе дней которыхъ ея великій родитель трофеи пріобрѣталъ.

Малютка очень часто привозимъ бывалъ во дворецъ и всегда получалъ отъ императрицы что-нибудь для лакомства или игрушки.

[1]) Память сего святаго совершается 27-го іюля, въ который день 1714 года государемъ Петромъ I одержана надъ шведами побѣда и взяты фрегаты при Гангутѣ и при Гренгамѣ. По сему случаю и церковь въ Петербургѣ близь Фонтанки на Моховой (sic) улицѣ построена. Ѳ. П.

Однажды, принявъ абрикосъ, онъ, прежде нежели сталъ ѣсть его, началъ очищать съ него кожу. Ея величество, замѣтя сіе, изволила сказать съ улыбкою отцу:

— „Дядя! сынъ твой не по тебѣ, онъ будетъ очень разборчивъ".

Дѣйствительно, это свойство, нѣжность чувствъ вообще, имѣлъ онъ всегда въ великой степени.

Что родительницѣ его сначала наиболѣе способствовало сдѣлаться къ монархинѣ близкою, то, наконецъ, нѣкоторою причиною удаленія вѣчнаго отъ ея лица и всего свѣта было. Нѣкогда она много плясала во дворцѣ, напилась потомъ холоднаго и получила горячку, отъ которой и скончалась около 1747 года [1]). Во время ея болѣзни неоднократно удостоивана была высочайшаго посѣщенія. Придворному лейбъ-медику за ея излеченіе обѣщано было отъ государыни знатное награжденіе. Въ доказательство, сколько врачи усердствовали, послужитъ, что одинъ изъ нихъ, пріѣхавъ и нашедъ ее уже на столѣ положенною, лилъ ей въ ротъ лекарство. Помню, что о семъ случаѣ разсказывала мнѣ, еще въ малолѣтствѣ бывшему, съ великимъ неудовольствіемъ другая бабка моя, Василиса Ивановна [2]).

Такимъ образомъ, у отца моего осталась уже только одна матерь. Она приняла его въ 1752 году въ Пажскій корпусъ, гдѣ и обучался онъ наукамъ. Тутъ рѣзвостію, проворствомъ, ловкостію, дерзкими выдумками не только не уступалъ, но и превосходилъ онъ многихъ своихъ товарищей. При снятіи съ нѣкотораго иностранца парика, посредствомъ привязанной къ нему и проведенной въ другую комнату нитки, въ самое время выхода императрицы; при положеніи въ карманъ одному танцовавшему кавалеру свѣчки съ огнемъ; при перепрыгиваніи въ близкомъ присутствіи монархини чрезъ каналъ въ саду петергофскомъ, отъ чего одинъ большой пажъ въ грязь по поясъ попалъ, и другихъ проказахъ—онъ былъ изъ первыхъ дѣйствовавшихъ. Наказанія имъ дѣлаемы были какія только самая нѣжнѣйшая мать приказать можетъ дѣлать. Переимчивость скорая была также въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличною способностію пажа Печерина. Въ тогдашнее время выписываемы были ко двору изъ чужихъ краевъ многіе славнѣйшіе виртуозы, тансеры, пѣвцы.

---

[1]) О точномъ времени кончины бабки моей можно бы справиться по надписи на ея надгробномъ камнѣ въ Невскомъ монастырѣ. Его въ 1819 г. уже не найдено.

[2]) Сестра родная дѣда моего. Она жила у насъ. Умерла около 1783 года, какъ мы жили на Николоямской улицѣ, въ домѣ бывшемъ г. Стурма.

Ѳ. П.

Однажды, перенявъ у пріѣзжаго тансера его лучшіе прыжки, онъ ихъ дѣлалъ передъ зеркаломъ во дворцѣ. Входитъ И. И. Шуваловъ и, полюбовавшись самъ удачнымъ подражателемъ, ведетъ его къ императрицѣ, бывшей тогда за уборнымъ столикомъ. Тутъ онъ повторилъ штуки тансера и получилъ изъ собственныхъ рукъ ея величества триста червонцевъ на апельсины. Деньги сіи онъ тотчасъ принесъ къ своему отцу, который ему сказалъ:

— „Этого тебѣ много, Пантій, на апельсины“, и далъ ему два рубля.

По кончинѣ его, онъ нашелъ тѣ триста червонныхъ, особо положенные въ цѣлости. Старикъ нерѣдко ему говаривалъ:

— „Пантій, береги денежку на черный день“.

Можетъ быть, предчувствіе ему внушало, что этотъ черный день скоро наступитъ.

Впрочемъ, дѣдъ мой былъ вовсе не стяжателенъ. Все его недвижимое имѣніе состояло изъ нѣсколькихъ семей дворовыхъ и двухъ домовъ каменныхъ въ Петербургѣ: одинъ вышеозначенный близь Невскаго монастыря, другой въ Морской улицѣ. Сей послѣдній купленъ былъ отъ казны для канцеляріи кабинета, а первый не знаю кому проданъ; только въ бытность мою въ Петербургѣ я видѣлъ съ неудовольствіемъ, что въ томъ домѣ помѣщенъ трактиръ. Жалованія получалъ онъ по званію оберъ-мундшенка, которые считались въ 6-мъ классѣ, 600 рублей. Жилъ умѣренно и былъ доволенъ; доказательствомъ сему служить можетъ то, что монархиня сама неоднократно изъявляла ему благоволеніе пожаловать 500 душъ крестьянъ и спрашивала только, гдѣ онъ хочетъ ихъ получить. Но онъ обыкновенно отвѣтствовалъ:

— „По милости вашего величества ни въ чемъ нужды не имѣю; подумаю и доложу когда-нибудь“.

Думалъ-ли онъ, гдѣ избрать крестьянъ или нѣтъ, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ не докладывалъ. Однажды только отвѣтъ его, при подобномъ вызовѣ государыни, былъ такой, что онъ желалъ-бы имѣть вотчины, бывшія во владѣніи брата его, барона Поспѣлова [1]), умершаго въ царствованіе Екатерины I бездѣтнымъ. По докладу императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, что оставшійся послѣ него братъ родной, будучи весьма худаго поведенія, не можетъ управлять доставшимся ему имѣніемъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе:

---

[1]) Сіи вотчины, жалованныя государемъ Петромъ I, состояли въ нынѣшней Тамбовской губерніи и той-же округѣ изъ селъ: Спасскаго, Большая Талинка тожъ, Анастасьевскаго, Бондари тожъ и пр. Ѳ. П.

выдѣливъ изъ того имѣнія указную часть женѣ покойнаго, урожденной Мамоновой, все затѣмъ прочее взять въ казенное вѣдомство, какъ выморочное. По сему изъявленному дѣдомъ моимъ желанію, ея величество повелѣла, собравъ надлежащія о семъ имѣніи свѣдѣнія, ей доложить.

Между тѣмъ дѣдъ мой отпросился на богомолье въ Троицкую лавру. Императрица, отпуская его, изволила сказать:

— „Поѣзжай, дядя; помолись и за меня".

Онъ поѣхалъ, а возвратясь нашелъ высокую покровительницу свою во гробѣ. Сей потери онъ не могъ перенесть, утопалъ ежедневно въ слезахъ, истощался въ силахъ и чрезъ полтора года скончался отъ апоплексіи (?).

Государь Петръ III приказалъ дать знать дѣду моему и еще нѣкоторымъ съ нимъ равнаго чина придворнымъ, что онъ не любитъ стариковъ—большихъ париковъ, и что ему благоугодно отставить ихъ, съ награжденіемъ чинами генералъ-маіора. Мой старикъ выслушавъ сіе, отвѣтствовалъ волю монаршую объявившему:

— „Что намъ честь, ежели нечего будетъ ѣсть".

Какъ о такомъ отзывѣ оберъ-мундшенка Печерина, съ объясненіемъ его и прочихъ недостаточнаго состоянія, доложено было государю, то онъ благоволилъ сказать:

— „Такъ дать имъ по семисотъ душъ".

Всѣ сотоварищи дѣда моего: оберъ-мундшенкъ Бахтеевъ, оберъ-кофишенкъ Ниловъ, при сервизахъ бывшій Симоновъ и другіе, о которыхъ слышалъ отъ отца моего, но теперь именъ ихъ не вспомню, отставлены съ награжденіемъ чинами и деревнями, по 700 душъ, въ царствованіе уже Екатерины II. А мой дѣдъ, по причинѣ его скорой смерти, не успѣлъ ни тѣмъ, ни другимъ воспользоваться. Его завѣщаніе духовное, въ бумагахъ моихъ хранящееся, о раздѣлѣ дома и дворовыхъ людей, учинено и собственноручно подписано 1763 года августа 7-го дня. Изъ онаго видно, что послѣ него остались: жена третья—Вѣра Андреевна, скончавшаяся, какъ по копіи съ духовной ея, писанной 1776 года января 28-го дня и у меня имѣющейся, заключать должно, около того времени; дѣти отъ второй жены: сынъ Петръ и дочь Марья, а отъ третьей—дочь Надежда. Скончались сія послѣдняя и сынъ въ малолѣтствѣ.

Отецъ мой, по молодости лѣтъ, по недоброжелательству къ нему его мачихи, старавшейся очернить его при дворѣ, не могъ снискать покровительства. Онъ выпущенъ поручикомъ въ Ингерманландской полкъ 1764 года 17-го апрѣля. Пріѣхавъ въ Москву, жилъ въ домѣ

дяди своего, Екима Екимовича [1]). Женился на дочери надворнаго совѣтника Дружинина [2]) Вѣрѣ Владиміровнѣ, того-жъ года сентября 24-го. Вѣнчаніе ихъ происходило въ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ. Полкъ Ингерманландскій находился тогда въ городѣ Можайскѣ. Тутъ родились и первыя ихъ дѣти; отецъ мой былъ потомъ въ походахъ и сраженіяхъ; также при атакѣ города Хотина въ 1769 году. Отставленъ по прошенію 1770 года мая 31-го капитаномъ.

Въ продолженіе отставки онъ жилъ въ сельцѣ Лѣсковѣ [3]), принадлежавшемъ теткѣ моей Маріѣ Владиміровнѣ [4]), верстахъ въ семи отъ деревни, матери моей доставшейся, называемой Навольнова—Позняки тожъ, въ которой господскаго дома тогда еще не было; жилъ и въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, у какой-то Буковинши, близь дома бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина, что нынѣ Слободской дворецъ; ѣздилъ въ Петербургъ для раздѣла имѣнія съ мачихою и опредѣленія въ штатъ московской полиціи, въ который и поступилъ 1775 года, въ бывшую, по тогдашнему раздѣленію Москвы, 9-ю часть.

---

[1]) По прозванію Смирной, купецъ. Онъ былъ родной братъ дѣду Ѳедору Ивановичу, по матери. Умеръ около 1784 года. Домъ его состоялъ во второй Мѣщанской улицѣ, противъ церкви Адріана и Наталіи. Его дочери были въ замужествѣ за купцами: Александра — Иваномъ Семеновичемъ Шараповымъ; Анна—Андреяномъ Алексѣевичемъ Анцифоровымъ, и Авдотья—Иваномъ Еремеевичемъ Цызыревымъ. Сія послѣдняя и мужья ее, первый и второй, умерли около половины 1790-хъ годовъ. Анна вышла замужъ вторично за штабъ-лекаря, по прозванію Смоленскаго. Отъ ея перваго мужа сынъ остался. Ея домъ каменный, въ два этажа, на Малой Екиманкѣ. Дочь Александры—Марья, въ замужествѣ, но не помню за кѣмъ.

[2]) Его отецъ управлялъ имѣніемъ царицы Парасковіи Ѳедоровны. Приказъ къ нему за ея подписаніемъ хранится у моего дяди. Владиміръ Ивановичъ служилъ до маіорскаго чина въ военной службѣ, а послѣ въ московской полицейской канцеляріи судьею. Женатъ былъ на трехъ: первой — Аѳиміи Михайловнѣ Голчиной, отъ которой рождены мать моя и еще дочь Марья; второй—Аннѣ Ивановнѣ Дурновой, отъ которой сынъ Дмитрій, и третьей—Маріѣ Андреевнѣ.

[3]) Сельцо Лѣсково и деревня Навольнова прежде состояли въ бывшей Владимірской провинціи, а нынѣ Рязанской губерніи въ Егорьевскомъ уѣздѣ. Оныя селенія и, сверхъ того, деревни: Жошково, что нынѣ село Знаменское, Ѳедотиха и Горки, въ которыхъ тогда было слишкомъ сто душъ и при которыхъ земли состояло тысячи четыре десятинъ, купленныя дѣдомъ пополамъ съ бабкою, въ началѣ 1740-хъ годовъ, изъ коллегіи конфискаціи за 950 рублей.

[4]) Она вскорѣ послѣ сестры своей вышла въ замужество за Ивана Савича Ильина. Скончалась 1803 года въ началѣ декабря. Остались дѣти: сыновья Николай, Дмитрій и Василій и дочь Елисавета. Ѳ. П.

Глава II.

Я родился, въ бытность отца моего въ Петербургѣ, 1773 года 17-го октября, на утренней зарѣ, въ новопостроенномъ уже тогда въ деревнѣ нашей Навольновой домѣ [1]). Крестилъ меня священникъ Шатурской волости церкви св. Николая, стариннаго прихода нашего; а Знаменская церковь, нынѣшній приходъ, хотя и была уже построена, но еще не освящена. Воспріемниками моими были дѣдъ Владиміръ Ивановичъ и сестра Прасковья [2]). Тогда подпало столько снѣгу, что онъ пріѣзжалъ изъ Знаменскаго вмѣстѣ съ дядею Дмитріемъ Владиміровичемъ на саняхъ. По его совѣту и желанію моей матери имя другаго дѣда мнѣ дано съ тѣмъ, чтобъ и именины праздновать въ тотъ же день, въ который онъ праздновалъ, 8-го февраля. Кормить меня грудью мать моя начала была сама, но сдѣлавшись нездорова, препоручила дворовой женщинѣ, а потомъ, по болѣзни сей послѣдней, крестьянкѣ Анисьѣ, которая понынѣ (1816 г.) еще жива. Когда же оставленъ я былъ, по малолѣтству, въ деревнѣ одинъ, то всѣмъ попеченіемъ о мнѣ обязанъ нянѣ Агафьѣ [3]). Меня привезли въ Москву лѣтъ двухъ. Жительство родителей моихъ было тогда въ приходѣ Троицы въ Сермятникахъ, въ домѣ купца Казанцова, близь рѣки Яузы. Противсего дома былъ лугъ, впослѣдствіи времени застроенный начально, помнится, купцомъ Голенищевымъ; а противъ саду, за рѣкою, на другомъ крутомъ берегу—Андроньевъ монастырь. Послѣ жили мы во многихъ другихъ мѣстахъ: на Никитской, на Николоямской, въ первый разъ подлѣ дома Котельниковой [4]), а вторично противъ дома

---

[1]) Сей домъ сгорѣлъ въ 1810 году. На томъ же самомъ мѣстѣ и такого-же расположенія построенъ на другой годъ, покойникомъ родителемъ моимъ, новый домъ.

[2]) Скончались въ Москвѣ: сестра въ 1786 году, а дѣдъ въ 1787 году. Погребены въ Знаменскомъ.

[3]) Она была приданою дѣвкою матери моей, нянькою всѣхъ дѣтей, казначеею. Умерла незамужнею въ Москвѣ, слишкомъ 50-ти лѣтъ. Родительница моя получила сіе извѣстіе въ деревнѣ будучи 1792 года лѣтомъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Услуги ея пребудутъ нами незабвенны.

[4]) Тутъ родился братъ мой Сергѣй 1781 года мая 17-го. По 1797 годъ онъ числился въ гвардіи унтеръ-офицеромъ, а въ томъ году былъ съ прочими малолѣтними исключенъ, вступилъ въ Ярославскій мушкетерскій полкъ. Теперь (1816 г.) онъ служитъ штабсъ-капитаномъ въ 55-мъ Егерскомъ полку. Женился около 1806 года Черниговской губерніи Козелецкаго уѣзда въ селеніи Кобыжчѣ, на дочери статскаго совѣтника Симоновскаго—Пелагеѣ Петровнѣ.

Ѳ. П.

купца Плотникова, на Остоженкѣ, въ приходѣ Ильи Обыденнаго, на Арбатѣ, въ домѣ Николевой, и напослѣдокъ близь Салтыкова моста, въ домѣ графини Головкиной. Покойная мать, продавъ крестьянъ, въ Ярославской губерніи у нея бывшихъ, купила въ 1786 году домъ у того же самаго моста, по другую сторону рѣки Яузы, въ которой домъ жить мы переѣхали, по отставкѣ отъ должности моего отца, въ 1790 году.

Грамотѣ учили меня дома мать, сестра старшая и малой Николашка, а писать—отецъ мой; потомъ чтенію псалтыря—бабка Марѳа Васильевна [1]). Какъ минуло мнѣ двѣнадцать лѣтъ, мать моя начала очень заботиться, чтобъ отдать меня учиться въ университетъ. Жили мы отъ университета далеко. Какъ по сему, такъ и для того, чтобъ былъ я подъ надзоромъ и руководствомъ, пріискиванъ былъ кто-нибудь изъ учителей университета, близко отъ онаго живущій. Рекомендовали И. И. Гольцмана, нѣмецкаго этимологическаго класса учителя. Чрезъ него записанъ я въ университетъ 1785 г. мая 26-го, въ классы: 1-й россійскій этимологическій, къ г. Колоколову; 2-й нѣмецкой азбуки, къ г. Вегнеру; 3-й французской азбуки, къ г-ну . . . . ; 4-й ариѳметической нижній, къ г. Кромаренкову; 5-й рисовальный, къ г. Афанасьеву, и 6-й катехизическій. При представленіи меня директору П. И. Фонъ-Визину, сей вспомнилъ, что отецъ мой вмѣстѣ съ нимъ пажемъ служилъ.

Такимъ образомъ, искупивъ для меня нужныя книги, кровать, зеркало и сундучекъ, теперь еще въ цѣлости находящійся, отправили меня къ г. Гольцману, жившему противъ Георгіевской церкви, что на Моховой, въ переулкѣ. У Ивана Ивановича жена была русская, а въ услуженіи работница, иногда же и никого. Онъ толковалъ мнѣ азбуку нѣмецкую и отчасти ариѳметику, но не долго. Намъ обоимъ послѣ показалось это невесело. Онъ любилъ погулять; въ этомъ дѣлать ему сотоварищество я радъ былъ. Мы хаживали нерѣдко къ Кузнецкому мосту на каналъ, тогда лишь обложенный камнемъ, брали изъ ближняго трактира бутылку полпива и раскуривъ трубки, которыя всегда съ нами были, посиживали на травкѣ. Я, однакожъ, полпива почти не пилъ, да и табаку курить много

---

[1]) Она была двоюродная тетка отца моего, по первомъ мужѣ Салтанова, а по второмъ—Рубанова. Извѣстный стихотворецъ Василій Григорьевичъ Рубанъ, служившій при князѣ Потемкинѣ и потомъ по иностранной коллегіи, коллежскимъ совѣтникомъ, былъ ея пасынокъ. Она часто подолгу у насъ гащивала, а жила въ Покровскомъ у купца Алексѣя Цвѣтнова, который женатъ былъ на ея племянницѣ. Умерла около 1792 года. Ѳ. П.

не скоро привыкалъ. Когда г. Гольцманъ одинъ со двора уходилъ, а это случалось чаще нежели со мною, то возвращался почти обыкновенно не прежде, какъ около полуночи. Кромѣ меня у него учениковъ, или лучше нахлѣбниковъ, никого не было.

Я, пришедъ изъ классовъ, долженъ былъ раздѣлять время только съ его супругою, Матреною Ивановною. Предметомъ ея бесѣды со мною наиболѣе бывало представленіе мнѣ, что мужъ ея очень ученый человѣкъ (она могла такъ думать, не зная сама грамотѣ), но что онъ очень бываетъ иногда гнѣвенъ и ее поколачиваетъ (этому я вѣрилъ, бывая нерѣдко пробуждаемъ ночью пальбою въ нее разувальника); далѣе, что для стола не жалѣютъ они издержекъ, какъ другіе такіе-то содержатели пансіонеровъ, что они посылаютъ учениковъ за водою, въ лавочки и проч.

Мнѣ очень скучно бывало и ее слушать, и въ классы ходить. Я не былъ нисколько прежде приготовленъ къ тѣмъ познаніямъ, которымъ начали тамъ меня учить. По субботамъ, послѣ половины дня и наканунѣ другихъ праздниковъ, ѣзжалъ я домой. Признаюсь, что всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ я за собою изъ дома присылки и не съ удовольствіемъ послѣ въ университетъ возвращался.

Зимою пришла ко мнѣ оспа; насъ четверо вдругъ ее получили: сестра Катерина, братья Николай и Сергѣй. Николай отъ нея и умеръ. У меня на всемъ тѣлѣ и головѣ она была пресильная, принуждены были остричь мнѣ волосы очень плотно, о чемъ я не мало сожалѣлъ, потому что тогда обыкновеніе требовало косы и пуколь. Пятна съ лица долго не сходили, и это меня безпокоило; не прежде, какъ послѣ Святой недѣли могъ я явиться въ университетъ. Между тѣмъ г. Гольцманъ отъ онаго былъ уволенъ, да и мать моя имѣла случай какъ-то пообстоятельнѣе о свойствахъ его узнать. Сыскали мнѣ квартиру и столъ у жены надзирателя университетскаго пансіона Дрегслера, жившей въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ прежде Гольцманъ жилъ, только въ другомъ корпусѣ. Дрегслерша совсѣмъ не походила на Гольцманшу,—была гораздо умнѣе; столъ держала лучше. И здѣсь, кромѣ меня, другихъ пансіонеровъ не было; только къ обѣду хаживалъ къ намъ Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, тогда учитель нѣмецкаго синтаксическаго класса. Съ г-жею Дрегслеръ я бывалъ иногда, въ свободное отъ ученія въ университетѣ время, въ гостяхъ у ея знакомыхъ, за Пречистинскими воротами. Г. Дрегслеръ скоро перешелъ въ домъ къ кому-то учителемъ или дядькою, а потому и жена не стала болѣе нанимать особой квартиры.

Я попалъ того-жъ 1786 года осенью къ Марьѣ Ивановнѣ Миллеръ. Ея мужъ былъ также надзиратель въ университетскомъ пан-

сіонѣ, а сынъ, Осипъ Ивановичъ, малый лѣтъ 18-ти, учился въ университетѣ въ высшихъ классахъ и ходилъ уже самъ учить дѣтей по домамъ; имѣла она также дочь лѣтъ 13-ти, по имени Розину. Мнѣ еще сотоварищъ былъ Данила Яковлевичъ Кейчеръ, нѣсколько старшій меня и числившійся артиллеріи унтеръ-офицеромъ. Тутъ мнѣ было уже гораздо веселѣе, но въ классахъ по прежнему скучно. Да мы и посѣщать ихъ начали рѣдко,—некогда было. Хаживали зимою на Неглинную кататься по льду или съ горъ; иногда на Москву рѣку; то въ гости къ Кейчеру, мать котораго домъ имѣла въ Большой Мѣщанской, то въ театры князя Волконскаго и Петровскій, то провожать Осипа Ивановича до домовъ, гдѣ онъ учивалъ; а мало-по-малу заглядывать стали и въ тѣ домики, гдѣ на большихъ зеленыхъ столахъ шары катаютъ.

Лѣтомъ-же гуляли въ лодкѣ по Москвѣ рѣкѣ до Новоспасскаго монастыря; пѣшествовали къ монастырю Донскому на Три-Горы; къ Пушечному двору на болверкъ, посмотрѣть тутъ сраженія героевъ университетскихъ съ силачами Заиконоспасской академіи; бродили по Неглинной, стѣнамъ кремлевскимъ.

Дома были также не безъ дѣла; твердили Димитрія, Семиру, Дидону, Розану и Любимъ и проч., а вытвердивъ — декламировали; мастерили кулисы, завѣсы, короны, цѣпи или оковы, все приличное героямъ піесъ одѣяніе, бо́льшею частію изъ бумагъ. Осипъ Ивановичъ умѣлъ хорошо все то раскрашивать. Труппу нашу составляли еще Ѳедоръ Никифоровичъ Суровъ, учившійся прежде также въ университетѣ и насъ часто посѣщавшій, и нѣкто Голубцовъ, ученикъ-же университетскій. Далѣе поигрывали мячемъ, въ свайку, гомали пряники. Но всего теперь не вспомнишь.

Такимъ образомъ прошли еще слишкомъ два года, а успѣха въ ученіи моемъ никакого не было. Мы надоѣли, наконецъ, г-жѣ Миллеръ, и она сказала, что содержать насъ болѣе не хочетъ; подала, однакожъ, совѣтъ матери моей отдать меня къ вышеупомянутому мною Матвѣю Гавриловичу, который тогда уже женился и собиралъ пансіонеровъ. Почій въ мирѣ, Марья Ивановна! ежели ты свѣтъ сей оставила, а ежели живешь еще, то да живешь во всякомъ благоденствіи! Ты благимъ совѣтомъ своимъ спасла юношу, на краю пропасти стоявшаго.

Ежели я имѣю нѣкоторыя познанія, ежели нравственность моя предохранена отъ разврата, всѣмъ тѣмъ Матвѣю Гавриловичу обязанъ. Прежде нежели уходилъ я и другіе, жившіе со мною вмѣстѣ, ученики въ классы, онъ выслушивалъ у каждаго заданный изъ классовъ урокъ. Въ среду и субботу послѣ обѣда, также во время вакацій, онъ училъ насъ у себя дома.

Сначала и у него я былъ повѣсою. Но въ одинъ день (весн помнится, 1789 года), онъ, прослушавъ уроки у прочихъ пансіо ровъ, которые потомъ и пошли въ классы, принялся мой уро слушать. Я зналъ его, по обыкновенію, худо. Тутъ началъ онъ л лать мнѣ увѣщаніе столь трогательно, что слезы изъ глазъ мои покатились. Это былъ случай едва-ли не послѣдній, въ котор неудовольствіе мнѣ изъявлено.

Вскорѣ сталъ я первымъ питомцемъ какъ по прилежанію к ученію, такъ и по поведенію. Мнѣ препоручаемъ уже былъ надз за прочими сотоварищами.

Обстоятельства домашнія причиною были, что я 1791 года в январѣ мѣсяцѣ пересталъ учиться и получилъ отъ университет аттестатъ. Послѣ сего я занялся продолженіемъ начатаго мно Матвѣя Гавриловича перевода „Новаго Робинзона“. Въ к окончилъ его и продалъ, съ пособіемъ М. И. Прокудина, соде жателю университетской типографіи Окорокову, помнится, за д сти рублей, въ число которыхъ получилъ книгъ на половину сумму.

Въ іюнѣ отправились мы въ деревню, гдѣ я также занял переводомъ книгъ: Храма Мадры и другихъ. Въ декабрѣ, в скву возвратясь, отпущенъ я былъ служить въ Петербургъ; н второй станціи встрѣтился со мною дядя И. С. Ильинъ, и завъ, что онъ взялъ мнѣ еще на годъ отсрочку, меня поворотил

Съ нимъ я отправился 24-го декабря въ Казань, гдѣ онъ сл жилъ казенной палаты совѣтникомъ. Мы заѣзжали въ Троицку Лавру и Ростовъ; а въ самый новый 1792 годъ увидѣли Казан Около половины января ѣздили обозрѣвать купленную имъ деревн Чистопольскаго уѣзда. Въ мартѣ, отправясь вмѣстѣ съ братьям Николаемъ и Дмитріемъ изъ Казани, заѣхали въ ихъ деревню Л сково, а оттуда я уже одинъ явился въ Москву. Лѣтомъ мы так жили въ деревнѣ. Тогда я перевелъ: „Цвѣтокъ на гробъ Л довика XVI“ и началъ переводить: „Французскаго или Н ваго Жилблаза“.

Глава III.

Въ декабрѣ пустился на службу вмѣстѣ съ братьями Н. и Д. Ильиными. Остановясь на постояломъ дворѣ, мы ходили цѣлый день смотрѣть Питеръ и искать квартиры. Погода была теплая; я намочилъ ноги и получилъ горячку; но стараніемъ врача, присланнаго ко мнѣ В. Г. Рубаномъ, она разорвана была.

Со мною изъ Москвы не успѣли отправить человѣка. Никита Аврамовъ (былъ въ походѣ съ моимъ отцомъ), посланный послѣ съ попутчиками, явился ко мнѣ какъ я началъ уже обмогаться.

Онъ разсказалъ намъ свое горе. Наслышась, что здѣсь въ Голкучемъ переулкѣ можно очень дешево покупать разныя вещицы, платье, онъ везъ съ собою всѣ накопленныя имъ деньжонки, рублей 50 помнится. На послѣднемъ ночлегѣ, въ Ижорѣ, разбиралъ свой бумажникъ при многихъ другихъ людяхъ, тутъ же ночевавшихъ; проснувшись на другой день, увидѣлъ, что тотъ его бумажникъ, который онъ обыкновенно на груди вѣшалъ, былъ отрѣзанъ.

По выздоровленіи я пошелъ съ письмомъ отъ отца моего къ служившему съ нимъ вмѣстѣ нѣкогда при дворѣ пажемъ, Ир. Ив. Моркову, которой тогда былъ генералъ-маіоръ, ордена св. Георгія 2-й степени кавалеръ и Преображенскаго полку секундъ-маіоръ. Хотя онъ съ Н. А. Т. и не очень ладилъ, но взялся явить меня. По уваженію сего велѣно явить меня капенармусомъ и записать, согласно желанію моему, въ 12-ю роту, въ которой братья мои находились. Капитаномъ сей роты былъ И. В. Ч. Родительница моя и тетка знакомствомъ его матери пользовались.

Я, бывъ въ первой разъ по дежурству въ ротной съѣзжей, уснулъ около полуночи, въ мундирѣ однакожъ и на голой лавкѣ. Проснувшись часа черезъ два, я, какъ новичекъ, чрезвычайно ужаснулся и тотчасъ вскочилъ. Вся съѣзжая была наполнена людьми и освѣщена множествомъ свѣчъ; солдаты другъ другу волосы причесывали, потому что ротѣ нашей должно было въ караулъ итти.

Въ концѣ февраля поѣхалъ я съ братьями обратно въ Москву на долгихъ. За двѣ тройки заплатили мы не болѣе 25 рублей. Родитель мой опредѣленъ былъ въ семъ году уѣзднымъ судьею въ Егорьевскъ, куда и отправился; а родительница съ нами оставалась въ Москвѣ, болѣе потому, что ожидали выдачи денегъ въ заемъ изъ опекунскаго совѣта. Какъ долго изъ Рязани свидѣтельства для сего о имѣніи не присылали, то отправленъ я былъ туда съ письмами князю С. М. Козловскому, стараніемъ котораго и получилъ

свидѣтельство очень скоро. Въ концѣ іюня поѣхали мы въ дерев
а въ Егорьевскъ переселились въ іюлѣ. Отсюда въ каждую с
боту ѣзжали мы въ деревню.

По надобностямъ въ отношеніи дома и снаряженія меня опя
на службу, матушка со мною и сестрою поѣхала въ октябрѣ
Москву. Мѣсяца черезъ полтора отправился я съ Никитою
Петербургъ, и остановился у Василія Григорьевича, на Литейн
почти противъ Сергіевской церкви.

25 и 26 декабря былъ я въ караулѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ с
прапорщикомъ Пл. Ханыковымъ и сержантомъ И. С. Адановичем
Обстоятельство сіе потому мнѣ памятно, что въ караулѣ один
только разъ я и былъ.

19-го января 1794 года получилъ я чинъ сержантской впредь
отставки, а въ февралѣ возвратился въ Москву. Тутъ нашелъ я сест
свою уже въ замужествѣ за казанскимъ помѣщикомъ А. Д. Арист
вымъ, а о батюшкѣ узналъ, что онъ избранъ засѣдателемъ верхнаг
земскаго суда въ Рязани, куда и отправился съ матушкою и бр
томъ въ началѣ марта. Мнѣ-же приказано было ѣхать въ деревн
гдѣ, забравъ нужное для дома, явиться въ Рязань.

Но Провидѣнію угодно было сіе расположеніе жестокимъ ударо
разрушить. Переночевавъ только въ деревнѣ, получаю вѣсть, как
горестнѣе въ жизнь свою еще не имѣлъ; скончалась въ Рязан
17 марта, родительница [1]).

И теперь, по прошествіи 22-хъ лѣтъ, не могу безъ слез
сердечныхъ о ней говорить. Ея благодѣянія, особенно стараніем
о просвѣщеніи моего понятія явленныя, весьма часто живо чув
ствую. Она ими будетъ жить для меня вѣчно.

Въ Знаменскомъ, селѣ дяди моего, нашелъ я батюшку и брат
а вскорѣ и сестра изъ Москвы туда пріѣхала. По преданіи земл
тѣла виновницы бытія моего, паче виновницы всего блага, како
въ жизни когда-либо имѣлъ я и имѣть буду, поѣхали въ Москву
гдѣ пробывъ до половины мая, рѣшился, наконецъ, батюшка
побывавъ однакожъ прежде въ деревнѣ, отправиться къ должности
въ Рязань. Но пріѣздъ нашъ былъ напрасной: мѣсто занялъ другой
чиновникъ.

Это лѣто и осень провелъ я въ деревнѣ очень не весело.
Потеря моя такъ свѣжа еще была въ памяти; обстоятельства цѣну
ея такъ усугубляли. Только въ то время, какъ ѣзжали мы къ дяд
или онъ съ теткою къ намъ, а это случалось не чаще какъ чрез

[1]) Дорогою она почувствовала разстройство желудка; происшедшаго от
того и..... старанія врачей не могли остановить. Ѳ. П.

недѣлю, находилъ я нѣкоторую отраду. Въ октябрѣ возвратясь въ Москву, мы продали свой домъ, а въ ноябрѣ я поѣхалъ въ Петербургъ.

Получа въ новый 1795 годъ чинъ капитана, явился въ январѣ въ Москву, гдѣ жилъ въ домѣ дяди, хлопоталъ объ опредѣленіи къ должности, но безуспѣшно. Въ половинѣ лѣта поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и его семействомъ въ деревню, гдѣ также имѣлъ мало удовольствій. Въ декабрѣ ѣздилъ я изъ Москвы съ дядею И. С. Ильинымъ въ Петербургъ. Онъ заботился доставить мнѣ мѣсто по губерніи Казанской; но и тутъ не имѣвъ удачи, возвратились въ Москву.

Сестра, переселясь съ мужемъ въ Казань, звала меня туда многократно и совѣтовала опредѣлиться въ бывшую тамъ тогда межевую контору. Рѣшась на сіе, получилъ я званіе землемѣра генеральнаго, и марта 1-го 1796 года туда пріѣхалъ. Приступъ къ новой должности былъ для меня не мало затруднителенъ; я совсѣмъ не готовилъ себя къ оной. Не жалѣлъ, однакожъ, что ее принялъ. Въ кругу сослуживцевъ своихъ нашелъ людей очень хорошихъ, занимательныхъ.

Жилъ я вмѣстѣ съ зятемъ, на Проломной улицѣ, противъ дома князей Болховскихъ. Первое препорученное мнѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ къ исполненію въ полѣ дѣло, по дачѣ Лаишевскаго уѣзда села Мансурова съ деревнями Мысомъ и Танеевою.

Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я величественную рѣку Каму и очарованъ былъ мѣстоположеніемъ при оной деревни Мысъ. Въ августѣ былъ я въ гостяхъ, верстъ за 70 отъ Казани, у П. М. Жукова, въ селѣ Шуранѣ, состоящемъ также на высокомъ и при томъ развалинами каменнаго зданія покрытомъ берегу Камы. Здѣсь катались мы въ лодкѣ, ловили рыбу, особенно въ изобиліи стерлядей, которыя несравненно вкуснѣе волжскихъ; посѣщали также въ семъ селеніи хозяина готическаго каменнаго дома, гдѣ, подивясь безпорядку, неопрятности домашнихъ приборовъ и самихъ хозяевъ, спѣшили опять подъ соломенную крышу небольшаго, но чистенькаго дома Жуковыхъ.

Желая повидаться съ родными и также лично похлопотать о помѣщеніи меня въ комплектъ землемѣровъ, я просился въ отпускъ. Начальники мои, по благорасположенію ко мнѣ, вмѣсто отпуска отправили меня въ Москву съ 14-ю астролябіями, для починки оныхъ. Я пріѣхалъ туда въ началѣ февраля 1797 года и пробылъ до первыхъ чиселъ мая. Жилъ также въ домѣ дяди.

Тогда въ Москвѣ было особенно многолюдно и весело, по случаю

коронаціи покойнаго государя Павла I-го. Шествія высочай вахтпарады, праздники дворскіе были для меня, какъ явленія н выя, очень занимательны.

На возвратномъ пути повозка моя, отъ тяжести ящиковъ с астролябіями и скорой ѣзды, такъ порастряслась, что требовала для починки ея дней трехъ. Мнѣ не хотѣлось останавливаться при томъ видъ Волги въ Нижнемъ Новгородѣ въ прекрасную ма скую погоду такъ пріятенъ; путешествіе водою давно такъ мн прельщало, удостовѣренія, что оно непродолжительнѣе будетъ ѣзд почтовой, такъ были сильны, что повозка моя тотчасъ очутилась в суднѣ.

Не смотря на то, что случился вскорѣ сильный и противны вѣтеръ, что простояли мы на одномъ мѣстѣ около сутокъ, я н жалѣлъ, что предпринялъ плаваніе. Дней чрезъ пять достигли и устья Казанки, гдѣ перегрузясь съ повозкою въ лодку, приплыл я Булакомъ прямо къ дому дяди Ивана Савича, у котораго и ра положилъ свое житье.

Глава IV.

Однажды между разговорами сестра моя двоюродная Елисавет Ивановна сказала, что въ приходѣ ихъ показалась недавно дѣвиц хорошенькая, по фамиліи Ясинская. Вскорѣ потомъ я самъ эту дѣвицу у обѣдни увидѣлъ и на вопросъ сестры „каковою ее нашелъ" описалъ какіе-то ея недостатки. Чрезъ нѣсколько дней пришел отъ должности домой къ обѣду, нашелъ я Надежду Алексѣевну Ясинскую вмѣстѣ съ матерью у моей тетки. При семъ свиданіи я уже не замѣтилъ недостатковъ. Тетка съ сестрою въ послѣдних числахъ іюня поѣхала въ Москву.

Бродя ввечеру 28 числа по городу, я встрѣтился на Петропав ловской горѣ съ Н. А. и ея матерью, возвращавшимися домой изъ Петропавловской церкви отъ всенощной. Какъ поклонился я, меня спросили, когда тетка поѣхала; отвѣчая на сіе и разсказывая при томъ, что я ихъ версты за три провожалъ, что отправились онѣ не прямо въ Москву, а заѣдутъ еще къ племянницѣ своей въ Ядринѣ, я прошелъ съ ними до самой ихъ квартиры, бывшей на Вознесен ской улицѣ, позади дома моего дяди. Тутъ простясь, я еще остано вился и увидѣлъ, что, входя на дворъ въ калитку, оглянулись. Долго, можетъ быть, застѣнчивость моя не допустила-бъ меня пере ступить самому чрезъ эту калитку, ежели-бъ случай, котораго одна кожъ я искалъ, не помогъ.

Сила Григорьевичъ Григоровичъ, хлѣбосолъ казанскій, добрѣйшій и очень веселый человѣкъ, шелъ однажды вмѣстѣ со мною отъ обдни. Мы прошли мимо калитки, а поровнявшись съ окнами, поклонились. Сопутникъ мой сдѣлалъ, какъ давнишній знакомый, какой-то шутливый комплиментъ. Насъ пригласили, какъ и ожидалъ я на перепутьѣ.

Я и взошелъ, и сидѣлъ, и говорилъ, помнится, очень неловко. Принимая чашку кофе, рука моя такъ задрожала, что едва чашки не пролилъ,—положеніе, въ какомъ никогда прежде не бывалъ! Отвадился однакожъ съ сего времени являться вездѣ почти тамъ, гдѣ не бывали, большею частію въ церквахъ у обѣдни, у всенощной, а иногда и у нихъ.

Въ Казань изъ пустыни Семиозерной, которая въ 18 верстахъ, приносятъ ежегодно 26 іюня, на цѣлый мѣсяцъ, икону Богородицы. Былъ въ соборѣ въ тотъ день, въ который икона обратно относима бываетъ. При выходѣ изъ церкви встрѣтился съ Н. А., и замѣтивъ намѣреніе идти за иконою, я ее повелъ и дошелъ такимъ образомъ нечувствительно до монастыря Кизическаго, который въ трехъ верстахъ отъ Казани. Тутъ сѣли онѣ въ свой двумѣстной экипажъ; а я вспомнилъ, что и мнѣ надобно возвращаться и что никакого экипажа со мною не было. Большая часть знакомыхъ уже разъѣхалась. Едва было не пришлось мнѣ въ самый жаръ и одному пѣшкомъ идти. Но по счастію увидѣлъ, что двѣ дамы-старушки еще только въ карету садятся; я ихъ не коротко зналъ, карета была двумѣстная, старомanерная и парою. Однако замѣтивъ напереди скамеечку, подскочилъ я къ старушкамъ и онѣ такъ были добры, что сжалились надо мною и меня подвезли.

Но увы! предметъ, составлявшій все благо моей жизни, ужъ болѣе не существуетъ! Горестно теперь говорить о немъ съ подробностями. Скажу кратко: обстоятельства мои, ея обстоятельства, жестокія обстоятельства, слишкомъ полтора года соединенію препятствовали.

Между тѣмъ, я какъ только могъ часто у нея бывалъ. Въ іюлѣ 1798 года, пріѣзжалъ нечаянно къ нимъ въ деревню, Бурцовку по названію, за Камою, близь селъ Мурзихи, Болохчина и Алексѣевскаго. Другая подгородная деревня Новоцарева, гдѣ она росла, не задолго предъ тѣмъ была, къ великому ея сожалѣнію, продана.

18-го февраля 1799 года, мы обвѣнчались, въ церкви Св. Варламія, у священника которой нанимаема была тогда квартира, куда

изъ дому дяди я и переѣхалъ. Отцемъ посаженнымъ былъ дядя а матерью—моя сестра родная [1]).

Опишу нѣкоторые случаи, при исполненіи мною по Казанскій губерніи дѣлъ, встрѣчавшіеся и еще въ памяти оставшіеся:

Въ декабрѣ 1797 года бралъ я начало отводу пожалованныхъ г. Донаурову рыбныхъ ловель по рѣкѣ Камѣ на 18 верстъ, близъ слободы Рыбной, при урочищѣ, Плаксивый камень называемомъ. Отъ самаго верха очень высокаго берега до подошвы, а въ ширину саженъ на девять простирается сей весь ноздреватый камень, изъ котораго чрезъ тысячи скважинъ бьетъ вода во всякое время непрерывно. Сколько блеску, особенно при солнечномъ или лунномъ сіяніи! Пораженъ я былъ такимъ великолѣпнѣйшимъ произведеніемъ природы.

Въ справедливости поговорки: глупому сыну не въ помощь богатство, въ истинѣ, что можетъ быть одинъ, при большомъ имуществѣ, бѣднякъ, а другой, при посредственномъ, богатъ, очень удостовѣрился я, имѣвъ въ 1798 году въ препорученіи по Казанскому уѣзду дѣло помѣщиковъ Н..... и В.....

У перваго, кромѣ крестьянъ въ другихъ губерніяхъ, въ окружности Казани тысяча душъ. Въ городѣ домъ, довольно большой и крѣпкой, который болѣе десяти лѣтъ стоитъ безъ полу, безъ печей; для пріѣзда же есть на чердакѣ чуланъ, куда и посѣщающіе его принимаемы бываютъ. На вопросъ, для чего не отдѣлываетъ дома, получалъ я отвѣтъ: „постой поставятъ“. Пребываніе его почти всегдашнее въ селѣ К....вѣ, верстъ 30 отъ Казани.

Тутъ въ занимаемомъ имъ домѣ нѣтъ ни одной почти рамы съ крѣпкими стеклами; печи развалившіяся, безъ заслонокъ. Вѣтеръ точно какъ совсѣмъ въ пустомъ домѣ, дуетъ изъ оконъ и изъ трубъ очень свободно чрезъ всѣ покои: есть стулья, но безъ подушекъ, а вмѣсто ихъ положены дощечки. Въ самой большой комнатѣ поставленъ столъ предлинный, за который собираются во всякое время

[1]) Отъ брака Ѳед. Пант. Печерина съ дѣвицею Ясинскою было 12 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ только двое: сынъ Ѳедоръ и дочь Вѣра пережили отца, скончавшагося въ 1835 г. въ Москвѣ, въ должности члена межевой канцеляріи. Сынъ Ѳедоръ (род. въ 1807 г.) воспитывался въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, служилъ лейбъ-гвардіи въ Московскомъ полку, потомъ въ штабѣ великаго князя Михаила Павловича; въ 1848 г., въ чинѣ полковника, вышелъ въ отставку и умеръ холостымъ въ половинѣ 1850-хъ годовъ, въ Одессѣ. Дочь Ѳедора Пантелеймоновича—Вѣра Ѳедоровна (род. въ 1800 г.), по смерти отца, вышла замужъ за сенатора московскихъ департаментовъ Николая Яковлевича Трегубова, человѣка преклонныхъ лѣтъ, и скончалась въ 1852 году въ Москвѣ. А. Т.

естьянскіе ребятишки учиться грамотѣ; въ другой работаетъ кузцъ или слесарь. Сосѣдство такое равно очень можетъ подать идею ь опрятности дома и спокойствіи его для житья.

По счастію моему погода была тогда хорошая. Намѣреніе однажъ жить современемъ въ большомъ каменномъ домѣ и на обширмъ открытомъ мѣстѣ хозяинъ имѣлъ. Онъ показывалъ мнѣ предлагаемаго зданія планъ, по которому и построилъ уже прежде его, чтобъ вы думали?—ворота, а къ закладкѣ одного флигеля риступилъ уже года черезъ три; забора же округъ двора совсѣмъ це не было. Крестьяне его въ самомъ жалкомъ положеніи, но поаловаться, чтобъ онъ обременялъ ихъ излишне занятіемъ по хлѣбашеству, не могутъ; а всегда однакожъ въ работѣ, и очень трудой. Какой-же? Вдругъ господину приходитъ мысль, чрезъ такое-(о мѣсто провесть каналъ, тутъ-то вырыть прудъ, здѣсь, для хорошаго вида, поставить домикъ.

Тотчасъ, не разбирая: рабочая-ль то пора или нѣтъ, наряжаются крестьяне, крестьянки изъ всѣхъ деревень; роютъ мѣсяцъ, два; рубятъ лѣсъ, возятъ, строятъ. На другой годъ каналы, пруды засываютъ или недоконченные оставляютъ; домики недостроенные бросаютъ, а все то или подобное уже въ иныхъ мѣстахъ дѣлать предпринимаютъ, и также чтобъ послѣ бросить. Далѣе, нынѣ изъ такихъ-то селеній въ такія-то крестьяне переводятся, а послѣ—возвратный походъ имъ объявляютъ.

Не смотря на то, что въ дачахъ своихъ имѣлъ земли очень достаточное количество, жадничалъ во время межёванія воспользоваться изъ сосѣдственныхъ дачъ землею, и потому заводилъ споры. Но пожертвовавъ знатною суммою на хлопоты по симъ дѣламъ, не только не успѣлъ чужаго пріобрѣсть, а еще нѣкоторой части собственности лишился. Послѣ всего того нельзя удивиться, что онъ нажилъ очень большой долгъ.

Другой помѣщикъ В....., будучи весьма небогатъ, купилъ помѣстье Т....., изъ 300 душъ состоящее (1816 г.), родственника своего М....., съ принятіемъ на себя его долга тысячъ сорока, и живетъ прямо бариномъ. Все, что только ни попадалось мнѣ на глаза: домъ, прислуга, садъ, колодези, мельница, въ порядкѣ наилучшемъ, устройствѣ самомъ удобнѣйшемъ; крестьяне не мало не изнурены, а доходъ доставляютъ очень большой, такъ что онъ года въ три успѣлъ уже болѣе половины долгу заплатить. Какъ справедливо было-бъ, отобравъ все имѣніе отъ перваго, отдать другому.

Лучшій по пріятности вообще мѣстоположенія уѣздъ Казанской губерніи есть Мамадышскій, въ которомъ я находился 1800 года

съ августа по ноябрь мѣсяцы. Тутъ нѣтъ ни одного почти селенія которое окружено не было бы изящными красотами природы: горами высокими, крутыми, изъ которыхъ бьютъ ключи, рѣками быстрыми, лѣсами дремучими, долинами пространными. Дѣйствію водъ тамошнихъ долженъ отнесть, что я возвратился въ Казань гораздо здоровѣе, нежели каковъ поѣхалъ.

Бо́льшую часть жителей сего уѣзда составляютъ татары и вотяки; живутъ и тѣ и другіе очень опрятно и въ изобиліи. Изъ сихъ деревенскихъ татаръ есть столь богатые, что имѣютъ дома каменные въ два этажа, лучшую мебель, посуду прекрасную, фарфоровую и фаянсовую, лошадей рублей по тысячѣ и болѣе; строятъ въ своихъ селеніяхъ училища каменныя и ихъ содержатъ; посылаютъ въ Бухарію и Хиву за товарами, которые послѣ продаютъ на Макарьевской ярмаркѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Касательно самой Казани присовокуплю нѣкоторыя замѣчанія. Въ окрестностяхъ оной, на прекрасномъ мѣстоположеніи, находятся монастыри: Воскресенскій, при которомъ архіерейскій домъ съ садомъ и оранжереею, и Зилантовъ, около котораго въ норѣ, какъ баснословятъ, жилъ змѣй Зилантъ, черный съ красными крыльями, гербъ царства казанскаго представляющій; также пустыни: Семиозерная и Раифская. Есть селеніе въ семи верстахъ на нагорной сторонѣ Волги, Услонъ называемое, до котораго жители казанскіе своихъ пріятелей, въ Москву или Петербургъ отъѣзжающихъ, вѣдко провожаютъ, какъ и мнѣ самому случалось.

Тутъ отбирали мы бывало сами пойманную лучшую рыбу и при изобиліи винъ, лимоновъ, варивали уху. Мѣстомъ лѣтнихъ веселостей были также: садъ К. Болховскаго, при Арскомъ полѣ, Подсѣка, загородный домъ Спасскаго архимандрита, и садъ при монастырѣ Воскресенскомъ.

Глава V.

Въ маѣ 1801 года скончался дядя Иванъ Савичъ. Въ это время ни тетки, ни дѣтей его при немъ не было; отпѣваніе происходило во Владимірской церкви, а погребеніе въ монастырѣ Кизическомъ, со входа въ церковь на правой сторонѣ.

Лѣтомъ 1803 года мы продали деревню Бурцовку цывильской помѣщицѣ дѣвицѣ Роде.

Межевая контора изъ Казани должна была скоро переведена быть въ Вятку. Не желая туда ѣхать, съ одной стороны по замѣшательствамъ въ тамошней губерніи, съ другой, по неудобству для меня, обязаннаго семействомъ, по межамъ таскаться, а при томъ зная, что предполагалось открыть скоро межеваніе въ Малороссіи, я рѣшился отправиться хлопотать, или опредѣлену быть въ новую контору членомъ, или, по крайней мѣрѣ, перейти въ Москву въ межевую канцелярію. 24-го декабря я пустился въ путь; заѣзжалъ въ деревню къ батюшкѣ и оттуда въ Москвѣ у дяди явился наканунѣ новаго 1804 года.

Познакомясь въ канцеляріи съ кѣмъ прежде изъ начальниковъ знакомъ не былъ, я отправился чрезъ нѣсколько дней въ Петербургъ. Погостилъ въ Царскомъ селѣ у пристава ассигнаціонной фабрики Х. И. Крейтера, хорошаго мнѣ пріятеля по Казани, гдѣ онъ былъ межевой конторы членомъ. Нашедъ въ Петербургѣ своего кума Е. А. Лебедева, я расположился въ его квартирѣ, въ Галерной улицѣ.

По несчастію оказалось, что открытіе межеванія въ Малороссіи остановлено; вакансій членскихъ ни по которой изъ пяти межевыхъ конторъ не было; предлагаемаго званія губернскаго землемѣра въ Калугѣ я не принялъ. Оставалось, сдѣлавъ на всякой случай получше знакомство съ нѣкоторыми изъ чиновниковъ межеваго департамента, предпринять обратный путь.

Отыскалъ я тамъ также родственника тайнаго совѣтника Я. М. Томилова, гостившаго у насъ въ Москвѣ съ семействомъ, когда я былъ еще не болѣе, какъ лѣтъ десяти. Его теперь нѣтъ уже на свѣтѣ, а его дочь въ замужествѣ за саратовскимъ чиновникомъ Панкратьевымъ. Ея мать Ольга Михайловна, урожденная Жукова, помѣщица пензенская, была двоюродная сестра моей матери.

Видѣлъ я въ придворной церкви всю императорскую фамилію; полюбовался великолѣпнымъ фейерверкомъ, на Царицынскомъ лугу, для дня обрученія великой княжны Маріи (Павловны) даннымъ.

Посѣщая М. Н. Муравьева, статсъ-секретаря, по препорученіямъ его брата Н. Ѳ. Муравьева, бывшаго первымъ членомъ иностранной канцеляріи, свидѣтелемъ былъ я сколько предстоитъ искушеній для твердости духа и спокойствія вельможъ: въ одну четверть часа два разительно противоположныя явленія: подходитъ тихими шагами дама въ траурѣ, объясняетъ печально, скромно свою нужду, испрашиваетъ убѣдительно, съ полными слезъ глазами, ходатайства; вдругъ потомъ подступаетъ быстро, съ недовольственнымъ видомъ дама другая, изъявляетъ рѣзкими, колкими словами свое негодованіе, требуетъ настоятельно, гордо незамедлительнаго доклада по ея дѣлу, грозитъ и—какъ вихрь исчезаетъ.

Въ Москвѣ нашелъ я брата Сергѣя [1]), изъ полку въ отпускъ пріѣхавшаго. Съ нимъ вмѣстѣ отправились въ деревню, а оттуда и съ батюшкою въ Егорьевскъ, гдѣ марта 1-го утвердили раздѣлъ имѣнія.

---

[1]) Меньшой и единственный братъ Ѳед. Пант. Печерина—Сергѣй (род. въ 1781 г.) служилъ въ военной службѣ; около 1806 года женился на дочери статскаго совѣтника Симоновскаго (Черниговской губ., Козелецкаго уѣзда, въ селеніи Кобыжчѣ); впослѣдствіи, въ отставкѣ, проживалъ въ Одессѣ. У нихъ былъ единственный сынъ Владиміръ, который, по окончаніи курса въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1831 году, въ числѣ другихъ молодыхъ ученыхъ, былъ командированъ заграницу, для подготовленія къ профессорскому званію. Въ 1830-хъ годахъ былъ профессоромъ греческой словесности при московскомъ университетѣ. Изъ вторичной поѣздки за-границу, въ началѣ 1840-хъ годовъ, онъ не возвратился въ Россію, принялъ католичество и поступилъ въ орденъ іезуитовъ. О Владимірѣ Печеринѣ упоминается въ дневникѣ А. В. Никитенко („Русская Старина“ 1889 г.).

Въ декабрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ (1890г.), Ѳ. И. Буслаевъ, въ своей интересной статьѣ: „Мои воспоминанія“, представивъ характеристику профессоровъ московскаго университета, за время съ 1834 по 1838 гг., между прочимъ, упомянулъ и о профессорѣ греческаго языка Печеринѣ, по ошибкѣ назвавъ его Печоринымъ.

Вотъ какъ отзывается о немъ Ѳ. И. Буслаевъ: „Это былъ совсѣмъ молодой человѣкъ, самый юный изъ всѣхъ прибывшихъ съ нимъ товарищей, небольшаго роста, быстрый и ловкій въ движеніяхъ, очень красивъ собою, во всемъ былъ изященъ и симпатиченъ, и въ привѣтливомъ взглядѣ, и въ мягкомъ, задушевномъ голосѣ, когда, объясняя намъ Гомера и Софокла, онъ мастерски переводилъ ихъ стихи прекраснымъ литературнымъ слогомъ. Но, къ несчастію, мы пользовались его высокими дарованіями и свѣдѣніями очень недолго—менѣе года. Онъ вдругъ исчезъ изъ университета и изъ Москвы, а куда дѣвался — никто не зналъ. Такъ и простылъ его слѣдъ. Спустя года два—три, дошелъ до меня слухъ, будто онъ гдѣ-то заграницею учительствуетъ въ какой-то фамиліи—русской или иностранной—неизвѣстно. Потомъ спустя много лѣтъ, кто-то говорилъ мнѣ, что нашего Печерина видѣли въ одѣяніи католическаго монаха, кажется, въ Бельгіи“. А. Т.

Получивъ обнадеживаніе отъ новоопредѣленнаго тогда главнаго директора межевой канцеляріи П. А. Обрѣскова, что перемѣщенъ я буду въ канцелярію, я возвратился въ Казань около 20-го марта. Въ маѣ отправилась межевая контора въ Вятку, а я, за сборами къ переселенію въ Москву, въ Казани оставался. Узнавъ, что указъ о перемѣщеніи меня посланъ, ѣздилъ я около двадесятыхъ чиселъ іюня въ Вятку, гдѣ, пробывъ недѣли двѣ, получилъ отправленіе. Я любовался какъ самымъ городомъ Вяткою, такъ и селеніями этой губерніи, по чистотѣ и опрятности тамошнихъ жилищъ и жителей; ѣзжалъ гулять съ сослуживцами за городъ, бродилъ одинъ версты за три тамъ, гдѣ семинарія; видѣлъ огромную и великолѣпную соборную церковь, прельщался отличною исправностію градской полиціи.

Исполнивъ два препорученныя мнѣ отъ конторы дѣла по Казанской губерніи въ уѣздахъ Лаишевскомъ и Свіяжскомъ, изъ которыхъ въ первомъ былъ я одинъ, а въ другомъ съ женою и обѣими дочерями, чтобъ приготовить ихъ нѣсколько къ дальнѣйшему пути, отправилъ я въ половинѣ іюля партію свою, то-есть помощника, ученика и канцелярскаго служителя въ контору, а младшихъ дѣтей съ бабушкою, на своихъ лошадяхъ, въ Москву; самъ-же съ прочимъ семействомъ на почтовыхъ туда поѣхалъ.

Путь нашъ былъ благополученъ и по пріятности погоды очень нескученъ. Съ состоящаго на большой дорогѣ селенія Ундолъ, верстъ 70, помнится, за Владиміръ, поворотили мы влѣво непочтовою дорогою. Пріѣхали къ батюшкѣ въ деревню ночью, и не желая его безпокоить, остались спать въ повозкѣ. На другой день, іюля .... я представилъ ему жену и дѣтей. Девять лѣтъ не видалъ я родины своей въ лѣтнее время; смотрѣлъ тамъ на выгонъ, садъ, поля, лѣсъ, на всѣ предметы съ неизъяснимо-великимъ удовольствіемъ. Обязанность по службѣ никакъ не позволяла мнѣ пробыть тамъ долго; слѣдующій день было воскресенье. Часу въ девятомъ утра мы отправились въ Знаменское; дядю съ семействомъ нашли въ церкви у обѣдни. Пробывъ у нихъ часу до шестаго, предприняли продолженіе пути до Москвы.

Тутъ остановились мы въ домѣ дяди, въ Нѣмецкой слободѣ, Посланниковой улицѣ; а чрезъ недѣлю наняли домъ въ Лефортовѣ, во второй улицѣ, по удобности дома, дешевизнѣ и потому, что эта сторона мнѣ особенно нравилась. Съ удовольствіемъ великимъ посѣщалъ я съ женою, а иногда и съ дѣтьми, мѣста, бывшія мнѣ знакомыми въ самой молодости: сады дворцовый и бывшій графини Головкиной, берега Яузы, близь мостовъ: Гофшпитальнаго, Двор-

цоваго, Салтыкова; церкви: Андроньева монастыря, Вознесенскаго Дворца Слободскаго. А одинъ бродилъ я и далѣе: въ Преображенское, на Введенскія горы, въ Сокольники, гдѣ мая 1-го гулянье бываетъ.

Съ любопытствомъ чрезвычайнымъ разсматривалъ я разрушающійся дворецъ Покровскій, церковь при ономъ, Покровскимъ соборомъ именуемую, ближнія окрестности съ признаками бывшаго сада, остатки бесѣдокъ; разсматривалъ и въ задумчивость глубокую погружался. Тутъ дѣдъ мой бывая, служилъ высокой хозяйкѣ; тутъ ея вниманіе привлекла и приближенною сдѣлана моя бабка. Простаивалъ передъ крыльцомъ изъ дворца въ садъ, на томъ самомъ мѣстѣ, можетъ быть, гдѣ въ пріятную погоду плясывала Авдотья Семеновна; сиживалъ на ступени крыльца, той самой, можетъ быть, на которой сія чета, въ ожиданіи пробужденія благодѣтельницы своей и въ занятіи исчисленіемъ ея милостей, дѣланіемъ обѣтовъ посвятить ей свою жизнь, сиживала. Такъ мечталъ я и въ такомъ мечтаніи удовольствіе находилъ.

Требованіе начальника являться къ должности очень рано отдаленность жительства всѣхъ почти сослуживцевъ, заставило меня чрезъ годъ нанять домъ на Арбатѣ, въ приходѣ Николы на курьихъ ножкахъ.

Бывшій тамбовскій губернаторъ Д. Р. Кошелевъ письмомъ къ главному директору, въ началѣ сентября 1805 года, просилъ рекомендовать ему изъ подвѣдомственныхъ землемѣровъ къ занятію должности губернскаго землемѣра въ Тамбовѣ. Объявить о семъ извѣстнымъ съ хорошей стороны землемѣромъ и отобрать желаніе препоручено было директору чертежной С. М. Евреинову. Сей, какъ очень хорошій мнѣ пріятель, отнесся съ предложеніемъ ко мнѣ первому. Сообразясь съ обстоятельствами своими и заведеннымъ главнымъ директоромъ порядкомъ помѣщать изъ землемѣровъ въ члены конторъ единственно по старшинству, а старѣе меня чинами въ корпусѣ было много, также разсуждая, что начальникъ, ищущій способнѣйшаго чиновника въ каковой-либо должности, трудовъ его безъ вниманія не оставитъ, я рѣшился принять предложеніе.

Ноября 30-го мы оставили Москву, а въ Тамбовъ пріѣхали 8-го декабря въ субботу, рано поутру. Дорогою имѣли не мало безпокойства: снѣгу совсѣмъ почти не было, а одинъ только ледъ; днемъ дожди шли, къ вечеру морозило. Отъ Рязани же нигдѣ почти не попадалось намъ избъ порядочныхъ и принуждены бывали спать въ повозкахъ.

По вступленіи въ должность, весьма непріятно мнѣ было найти

множество дѣлъ и плановъ въ замѣшательствѣ совершенномъ, недостатокъ въ порядкѣ по письмоводству, а въ уѣздныхъ землемѣрахъ людей безъ надлежащихъ способностей и худаго поведенія. Необходимо нужнымъ счелъ я прежде всего составить о должности губернскаго штата землемѣровъ наставленіе, которое и утверждено въ 1808 году Правительствующимъ Сенатомъ.

Къ прибавленію хлопотъ, препоручилъ мнѣ губернаторъ сочинить въ скорѣйшемъ времени топографическое описаніе Тамбовской губерніи. Снабденъ я былъ для сего почти однѣми токмо самыми неполными и неисправными свѣдѣніями градскихъ и земскихъ полицій. Но стремясь исполнить волю начальника, оправдать его довѣріе и лестныя ему обо мнѣ внушенія главнаго директора межевой канцеляріи, я пустился рыться во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только мнилъ пособія къ совершенію предпринимаемаго труда почерпнуть, относился ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ надѣялся нѣкоторыя понятія для того же занять По несчастію всѣ почти чаемые источники весьма сухи оказались. Главнымъ пособіемъ было для меня только найденное въ губернской чертежной „Описаніе губерніи", въ первыхъ годахъ открытія оной сочиненное и другое краткое ея описаніе, по генеральному межеванію составленное и изъ Москвы мною привезенное.

Итакъ мое Описаніе быть таковымъ, каковымъ бы ему надлежало, не могло; оно требовало однакожъ работы прилежной, непрерывной во всѣ часы, отъ упражненій по запутанной должности остававшіеся, часы токмо поздніе вечерніе и частію ночные, и стоило для меня ущерба въ здоровьѣ. Мѣсяца въ четыре было готово и послано чрезъ губернатора къ гг. министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Отъ перваго изъявлена благодарность, а тѣмъ и дѣло все кончено. Чрезъ полгода успѣлъ я дѣла и планы по надлежащему окончательно разобрать и въ письмоводствѣ порядокъ учредить.

Вскорѣ многіе уѣзды получили землемѣровъ весьма хорошаго поведенія и съ способностями отличными. Оные вызваны были мною на вакансіи удаленныхъ, изъ разныхъ мѣстъ. Съ собою изъ Москвы привезъ я одного молодаго дворянина [1]); еще другой [2]), по одобренію родственниковъ моихъ Ильиныхъ, вскорѣ ко мнѣ-же пріѣхалъ. Они опредѣлены были въ штатъ губернскаго правленія и отданы въ чертежную, гдѣ между исправленіемъ письмоводства первый

[1]) А. А. Бекарюкова. Его отецъ, маіоръ, служилъ въ корпусѣ московской управы благочинія вмѣстѣ съ моимъ отцомъ. Мать его, оставшись, по смерти мужа, въ крайней бѣдности, мнѣ его препоручила.

[2]) И. С. Вальцевъ. Ѳ. П.

научился должности землемѣровой, а второй въ оной усовершенствовался. Сей послѣдній былъ Шацкимъ уѣзднымъ землемѣромъ, но вскорѣ оказался негодяемъ и перемѣщенъ во Владимірскую губернію, а другой, подававшій о себѣ очень хорошую надежду, женитьбою разстроился и, къ сожалѣнію, умеръ.

Тамбовъ былъ тогда строеніемъ гораздо бѣднѣе нынѣшняго; по пріѣзда дня три принуждены мы были жить на постояломъ дворѣ. Весь почти городъ объѣздивъ, не могъ я сыскать удобной для себя квартиры. Оставалось нанять очень невыгодный домъ на базарѣ, принадлежавшій тогда священнику Знаменской церкви Николаю. Января 17-го 1806 года, переѣхали мы въ домъ живописца Смирнова, противъ магистрата, гдѣ и жили до покупки въ концѣ октября 1809 года дома на Студенецкой набережной, противъ Соборной церкви.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я ѣздилъ въ Лебедянь, для прожектированія на оный городъ плана. Я полюбовался быстрымъ Дономъ въ Лебедяни и былъ тамошняго монастыря у архимандрита, отъ котораго думалъ узнать о началѣ построеній монастыря; но онъ мнѣ сказалъ, что записокъ о томъ никакихъ нѣтъ. Полагать-же должно, что онъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ существуетъ единственно потому, что когда-то, по нѣкоторому случаю, открыты тутъ были остатки погребеннаго человѣка и крестъ, на которомъ означено имя монаха и годъ его кончины. Оттуда заѣзжалъ я въ Липецкъ, гдѣ находился тогда губернаторъ; отвѣдывалъ воду минеральную, но прѣсной обрадовался больше, нашедъ наилучшую въ колодезѣ подъ колокольнею упраздненнаго монастыря.

Августа 17-го я отправился въ одной линейкѣ съ губернаторомъ, совѣтникомъ Татариновымъ и секретаремъ Макаровскимъ въ гости, прежде верстъ за 40 въ село Хитровщину къ М. П. Загряжскому, а оттуда я съ нимъ Борисоглѣбскаго уѣзда въ сельцо Луговое къ И. Р. Траубенберху. Дорога вездѣ была степями необозримыми, что для меня было ново и очень непріятно. Въ Луговомъ я прельщался отличнѣйшимъ во всѣхъ частяхъ хозяйственнымъ порядкомъ, великолѣпіемъ псовой охоты, красивымъ видомъ конюховъ и лошадей; пожалѣлъ только о томъ, что тутъ рѣка тихостію теченія болѣе озеру подобна, и что хозяинъ не любитель садовъ.

Отсюда ѣздилъ я въ городъ Борисоглѣбскъ для прожектированія на оный плана. Гора, версты за двѣ отъ города, составляющая правый берегъ рѣки Вороны, такъ велика, что нужно при спускѣ съ нея брать немалыя мѣры осторожности. Въ городѣ показывали мнѣ оставшіеся небольшіе земляные знаки бывшей крѣпости. Видъ

сюда на высокую гору, покрытую густымъ лѣсомъ, при подошвѣ торой рѣка протекаетъ довольно быстрая, и на мельницы, одну ри рѣкѣ, а другую при заливѣ оной, подъ самымъ городомъ, очень рошъ.

Возвратясь въ послѣднихъ числахъ того-жъ мѣсяца, я получилъ здравленіе съ чиномъ коллежскаго ассесора, въ который произ-ѣденъ со старшинствомъ 1804 года декабря съ 31-го. Причиною его долговременнаго бытія въ 9 классѣ непредставленіе, отчасти о безпечности, грамоты на дворянство или достаточнаго свидѣ-ельства о службѣ предковъ.

По надобности для губернатора въ осмотрѣ и описаніи прода-авшагося въ Шацкомъ уѣздѣ имѣнія графа Разумовскаго, также ъ прожектированіи на городъ Шацкъ плана, посланъ я былъ туда ъ первыхъ числахъ октября. Пріятно мнѣ было познакомиться амъ съ городничимъ Желябужскимъ, человѣкомъ очень любезнымъ. Въ одномъ съ нимъ экипажѣ ѣздилъ я, для отобранія отъ управ-яющаго имѣніемъ иностранца нужныхъ свѣдѣній, верстъ за 10 въ ело Тородѣи, одному изъ графовъ Разумовскихъ тогда принадле-авшее. Тутъ домъ господской и садъ регулярный, съ пятидеся-ыхъ (1750-го) годовъ существующіе.

Однажды только, и то на короткое время, проѣздомъ, были они посѣщены хозяиномъ ихъ, графомъ Кириллою Григорьевичемъ Разу-овскимъ. Въ этомъ бывшемъ его помѣстьѣ тысячъ около 10 душъ. А сколько вельможъ русскихъ, которымъ ихъ не менѣе значитель-ыхъ вотчинъ во всю жизнь видѣть не случалось? Такъ, одни изъ нихъ привязаны къ службѣ или привыкли жить въ столицахъ, а другіе такъ предпочитаютъ, къ сожалѣнію, пребываніе въ чужихъ краяхъ!

Въ сентябрѣ 1811 года отставленъ мой первый въ Тамбовѣ на-альникъ Д. Р. Кошелевъ, о чемъ я очень сожалѣлъ. Ежели-бъ не онъ поддержалъ меня въ предпринятыхъ мною многихъ распоряд-кахъ по должности, едва-ли бы въ оной я долго пробылъ. Въ пре-емникѣ его П. А. Ниловѣ нашелъ я внука сослуживца моего дѣда.

Въ первыхъ числахъ декабря получилъ я горестное извѣстіе, что родитель мой скончался [1]) 21-го ноября. Погребенъ въ Зна-менскомъ.

Августа 23-го 1812 года мы увидѣли у себя сестру Елисавету Ивановну Ильину, которая, предъ нашествіемъ непріятелей въ Москву, расположилась взять у насъ убѣжище и прожила около

[1]) Отъ открытія въ сильной степени геморроя, какъ меня увѣдомляли. Ѳ. П.

семи мѣсяцевъ. Она всегдашнее пребываніе имѣла въ Москвѣ с братомъ Николаемъ Ивановичемъ, который, служа при тамошнем главнокомандующемъ, слѣдовалъ съ нимъ вмѣстѣ за арміею нашею.

Съ осени до половины зимы (1812 г.) больныхъ въ домѣ моемъ, и вообще въ городѣ, было чрезвычайно много. Я принужденъ был учредить больницу въ банѣ. Стараніямъ усманскаго штабъ-лекаря Ѳ. Ѳ. Митаревскаго, прикомандированнаго тогда въ пособіе здѣш нимъ врачамъ и которой съ пріѣзда дня три квартировалъ, по о воду полиціи, въ моемъ домѣ, я очень много обязанъ. Какъ по к кусству своему, такъ и по нравственности, онъ заслуживаетъ дов ренность и уваженіе.

Изъ числа пріѣзжихъ московскихъ я познакомился наиболѣе с извѣстнымъ журналистомъ М. Т. Каченовскимъ, который съ с ною и сыномъ очень близко отъ насъ жилъ.

Надежда Алексѣевна, съ начала 1814 года, сдѣлалась очен слаба здоровьемъ, хотя никакой почти болѣзни явно не оказыв лось. Чувствовала только иногда боль въ боку и приписывала ону случившемуся паденію при сходѣ съ горы въ баню; также обмороч бывали съ нею нерѣдко столь внезапные, что не успѣвала доходи до постели, падала иногда на стулъ, а раза два и на полъ.

Около половины марта она родила мертваго ребенка; съ тог времени слегла. Мучилась чрезвычайно тягостію, давленіемъ в груди; не могла совсѣмъ почти отхаркивать мокроты. Докторъ Гиршъ утверждалъ, что она имѣла чахотку и что молоко разли лось. Кровопусканіе, шпанскія мухи и другія лекарства дѣлал только нѣкоторое кратковременное облегченіе.

Поздно ввечеру, 8 апрѣля, я и дѣти старшія, видя ее въ та комъ же, какъ казалось, положеніи, въ какомъ уже нѣсколько дне была, простились съ нею, чтобъ идти уснуть, препоручивъ матушк ея съ одною изъ служанокъ при ней остаться. Но, увы! это про щаніе было послѣднее! Въ исходѣ втораго часа пополуночи он скончалась на рукахъ матери; а меня и старшую дочь разбудили какъ было уже около двухъ часовъ.

Вотъ и конецъ связи, составлявшей лѣтъ шестнадцать благ моей жизни! Къ усугубленію горести, съ Вѣрою случилась въ тотъ же самый день, и потомъ нѣсколько разъ возобновлялась истерика в толь сильной степени, что я думалъ уже и ея лишиться. Погребен Надежда Алексѣевна на Успенскомъ кладбищѣ, отъ правой сто роны алтаря новой церкви разстояніемъ сажени на полторы къ востоку.

1816 г. Ѳедоръ Печеринъ.

Василій Поспѣловъ.

I.

Въ указѣ 1725 года мая 18-го, о винахъ бывшаго новгородскаго архіерея Ѳеодосія, между прочимъ написано: „И Василью Поспелову въ 20-й день сяца апрѣля (когда онъ звалъ его, Ѳеодосія, къ панахидѣ) говорилъ тожъ, е., что въ домъ ея и. в. никогда не пойдетъ, развѣ неволею привлеченъ детъ".

II.

Въ журналѣ Свиньина, „Отечественныхъ Запискахъ", 1827 года, въ гатьѣ о походѣ въ Персію Петра I упоминается и о Поспѣловѣ.

III.

Въ жизнеописаніи Ѳедора Ивановича Соймонова, между прочимъ, напечатано: „Соймоновъ, описывая два лѣта Каспійское море, зналъ и положеніе береговъ его, донесъ его величеству, не угодно-ли будетъ поставить лодки островскія за островъ Ракушочный, гдѣ спокойная и пространная гавань есть, и когда на спросъ государевъ: далеко-ли то мѣсто? Соймоновъ донесъ, что версты двѣ отъ флота, и показалъ стоящее на берегу ракитовое дерево; тогда его величество изволилъ сказать, что онъ самъ туда поѣдетъ и приказалъ изготовить свою шлюбку и гребцовъ вооружить; а позавтракавъ у генералъ-адмирала, изволилъ пойти въ шлюбку, понелѣвъ слѣдовать за собою Соймонову и деньщику своему Поспѣлову. По пріѣздѣ-же къ тому мѣсту, шлюбка мореходная, слѣдовательно и остродонная, далеко не дошла до берега; и хотя государь и приказалъ гребцамъ сойти съ шлюбки въ воду, но и тогда остановилась оная саженяхъ въ шести отъ берега; но его величество, приказавъ снять одну банку и держа по два человѣка гребцовъ за каждый конецъ, сѣлъ по срединѣ, на которой и донесли его на берегъ Трухменскій, занесенный большими буграми морскаго песка, по которому государь императоръ шествовалъ въ гору больше 70-ти саженъ, имѣя въ конвоѣ своемъ вооруженныхъ Соймонова и четырехъ гребцовъ, и когда до такой высоты зашелъ, что гавань пространная, одѣтая отъ моря густымъ тростникомъ, вся видна стала, тогда найдя то мѣсто способнымъ, показать изволилъ Соймонову мѣсто, гдѣ гвардейскія, армейскія и казачьи островскія лодки поставить, повелѣвъ при томъ на другой день, по учиненному съ адмиралтейскаго гукара сигналу, всѣ островскія лодки вести въ ту гавань и поставить по назначеннымъ его величествомъ мѣстамъ, оставя для прикрытія 300 человѣкъ Донскихъ казаковъ, ограда ихъ ретраншаментомъ. Потомъ изволилъ возвратиться въ шлюбку, а когда изъ гавани сквозь густой камышевой оплотъ вышли въ море, тогда Поспѣловъ сказалъ государю, что не

даромъ потрудились и нашли мѣсто, гдѣ суда сохранены будутъ, на что ея величество изволилъ отвѣчать, что и все трудами пріобрѣтается и Америка не безъ трудовъ сыскана чрезъ толь далекой путь около мыса Доброй Надежды и проч.“.

Выписка изъ „Русскаго Инвалида“ или „Военныхъ Вѣдомостей“ 1831 года, изъ № 68.

IV.

Братецъ Ѳедоръ Ивановичъ, здравствуй! Которые мною купленные крестьяне Аѳонасей Бѣспалой съ женою и съ дѣтьми, котораго вамъ сыскать и взять къ себѣ, дабы въ томъ отъ нихъ шалости какой не произошло и быть у тебя. Баронъ Василей Поспеловъ.

Генваря 23-го дня 1730 года.

Примѣчаніе. Писано на четвертушкѣ, только подпись собственноручная. Ред.

Сообщ. **А. В. Телѳсницкій.**

Примѣчаніе. Искреннѣйше благодаримъ многоуважаемаго Алексѣя Владиміровича Телесницкаго за весьма обязательное сообщеніе на страницы „Русской Старины“ вполнѣ характерныхъ, въ бытовомъ отношеніи, Записокъ Ѳедора Пантелеймоновича Печерина. Эти записки доставлены намъ въ подлинникѣ и занимаютъ 37 страницъ толстой синей бумаги.

Ред.

Профессоръ В. С. Печеринъ,

письмо его къ В. Ѳ. Печериной [1]).

6-го апрѣля 1831 г.

Дорогая кузина и другъ! Премного благодаренъ за ваши два прелестныя ісьма, которыя оба дышатъ самой нѣжной дружбой... Ахъ! чѣмъ болѣе я знаю свѣтъ и людей (увы! я уже вижу жизнь во всей ея наготѣ), тѣмъ олѣе я убѣждаюсь, что только лицо вашего пола можетъ намъ быть истинымъ другомъ. Не примите этого за комплиментъ: это мое искреннее убѣженіе, это для меня аксіома. Благодарю васъ, милая кузина, за ваше нѣжное о мнѣ участіе.:. Я боюсь однако, чтобы безпорядокъ въ моихъ мысляхъ не гразился въ этомъ письмѣ. Я такъ теперь разсѣянъ; ни одного часа не стаюсь на мѣстѣ: то занятія у попечителя, то по дѣлу у ректора, то на ечерѣ у пріятеля. Что всего невыносимѣе и что мѣшаетъ мнѣ установить ѣкоторый порядокъ въ своей жизни,—это неувѣренность, какъ разрѣшится оя судьба: о моемъ дѣлѣ еще не представлено государю; произнесенное мъ да или нѣтъ рѣшитъ все. Съ другой стороны отсутствіе всякаго стѣсненія въ занятіяхъ, сладкая лѣнь и отдыхъ освѣжаютъ мои силы физическія моральныя, ослабленныя усидчивой работой, и даютъ мнѣ возможность наслаждаться удовольствіями, до сихъ поръ мнѣ неизвѣстными. Два раза въ недѣлю я пользуюсь пріятнымъ обществомъ баронессы Розенкампфъ, женщины очень умной и образованной, хотя строгій критикъ могъ-бы упрекнуть ее въ нѣкоторомъ педантизмѣ. Бо́льшую часть времени я провожу въ обществѣ одного изъ моихъ добрыхъ товарищей и его прелестной невѣсты; я очарованъ ихъ счастіемъ, но нисколько имъ не завидую: я не женюсь такъ скоро. Я уже познакомился съ свѣтомъ, но тѣмъ не менѣе думаю, что только въ женщинѣ можно найти истиннаго друга. „Несчастный!“ сказалъ-бы я одному изъ себѣ подобныхъ,—„ты хочешь усмирить бурю своего сердца на груди друга, какъ будто послѣдній не испытываетъ такой-же бури! Нѣтъ! только нѣжная и кроткая душа женщины способна внести миръ въ сердце мущины, этой жертвы страстей и превратностей судьбы!“

Нѣтъ! милый другъ, мнѣ невозможно будетъ повидаться съ матушкой до моего отъѣзда, и гораздо лучше, если она увидится со мной послѣ моего возвращенія, когда я буду повышенъ чиномъ и буду имѣть болѣе правъ на уваженіе со стороны общества.

Какая сегодня прекрасная погода, совсѣмъ какъ среди лѣта. Я во фракѣ, безъ шинели, прошелся по Невскому проспекту, до самой Невы; мостъ уже наведенъ, и рѣка чиста, какъ кристалъ.

Въ №№ 7, 12 и 13 „Сына Отечества“ напечатаны мои небольшія статьи и, можетъ быть, появятся нѣкоторыя въ слѣдующихъ нумерахъ. Желаніе лучшаго міра, хотя это только переводъ стихотворенія Шиллера, вылилось у меня изъ глубины души.

Будьте здоровы, дорогая кузина, и не забывайте преданнаго вамъ брата

В. Печерина.

---

[1]) Профессоръ Печеринъ, о которомъ нерѣдко вспоминаетъ въ своемъ „Дневникѣ А. В. Никитенко“, есть родной племянникъ составителя выше напечатанныхъ записокъ. Настоящее письмо Владиміра Сергѣевича Печерина писано къ его двоюродной сестрѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Печериной, вышедшей замужъ въ 1835 году за сенатора Николая Яковлевича Трегубова. **А. Т.**

P. S. Вы, можетъ быть, не читаете „Сынъ Отечества“; поэтому посылаю вамъ вышепомянутое стихотвореніе. Статья въ прозѣ о Софоклѣ, по объему, не умѣстится въ письмѣ.

Желаніе лучшаго міра.

(Изъ Шиллера).

Ахъ! изъ сей долины тѣсной,
Хладною покрытой мглой,
Гдѣ найду исходъ чудесный?
Сладкій гдѣ найду покой?
Вижу холмы отдаленны
Зеленью цвѣтутъ младой.
Дайте крылья! къ вожделѣнной
Полечу странѣ родной!

* *
*

Слышу звуки райской лиры,
Чистыхъ пѣніе духовъ,
И разносятъ вкругъ зефиры
Благовонія цвѣтовъ.
Вижу—тамъ златые рдѣютъ
Межъ густыхъ вѣтвей плоды,
Зимни бури тамъ не вѣютъ,
И не вянутъ вѣкъ цвѣты.

* *
*

Ахъ! какъ солнечный отраденъ
Вѣчный свѣтъ на тѣхъ лугахъ!
Усладительно прохладенъ
Тонкій воздухъ на холмахъ!
Но увы! предо мною
Воды яростны шумятъ,
Грозною катясь волною:
Духъ мой ужасомъ объятъ.

* *
*

Вотъ челнокъ колышутъ волны...
Но гребца не вижу въ немъ!
Прочь боязнь!... надежды полный,
Въ путь лети! Ужъ вѣтеркомъ
Паруса надулись бѣлы...
Вѣруй и отваженъ будь!
Въ тѣ чудесные предѣлы
Чудный лишь приводитъ путь.

В. С. Печеринъ.

ЗАПИСКИ РЕКТОРА И ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ІОРДАНА

1800 $\frac{\text{13-го августа род.}}{\text{уи. 19-го сентября}}$ 1883.

XLIX [1]).

Когда Римъ успокоился, я пожелалъ отдохнуть послѣ страха, испытаннаго во время республиканскаго правленія, и познакомиться съ холодомъ и снѣгомъ, такъ какъ я совершенно отвыкъ отъ сѣвернаго климата, а въ будущемъ, 1850, году я собирался оставить Римъ и возвратиться, послѣ 20-ти лѣтъ отсутствія, домой; въ виду этого я началъ совѣтоваться съ большимъ любителемъ охоты г. Валати, прося его указать мнѣ на окраинахъ Рима какое-нибудь селеніе, которое, находясь на высокой горѣ, имѣло-бы болѣе холодный климатъ. Недолго думая, онъ отрекомендовалъ мнѣ городъ San Vito, говоря: „Тамъ вы все найдете, мѣсто это очень холодное“!

Г-нъ Гибсонъ далъ мнѣ небольшой заказъ, который совершенно согласовался съ моимъ намѣреніемъ. Безъ работы я скоро

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 601—634; LXX, апрѣль, стр. 71—116; май, стр. 305—337: іюнь, стр. 547 580; томъ LXXI, іюль, стр. 25—70; августъ 239 — 264; сентябрь, стр. 519—546; томъ LXXII, октябрь, стр. 113—137; ноябрь, стр. 325—350.

соскучился-бы и уѣхалъ, имѣя-же работу, я могъ долѣе прожить въ этомъ городкѣ и привыкнуть къ холоду. Взявъ съ собою работу, я отправился въ назначенное мнѣ San Vito, отстоящее отъ Рима въ 50-ти верстахъ. Здѣсь я помѣстился у почтенной старушки синьора Магіа, на полномъ содержаніи, и за недорогую цѣну получилъ хорошую, очень свѣтлую комнату и опрятную постель.

Мѣстоположеніе было восхитительное. Городъ стоялъ, такъ сказать, на маковкѣ горы. Здоровый воздухъ укрѣплялъ мои силы и возбуждалъ отличный аппетитъ. Я работалъ прилежно и гулялъ съ удовольствіемъ. Всюду лежалъ снѣгъ бѣлый, нѣжный, и изъ подъ этого снѣжнаго дѣвственнаго покрова выглядывали красивые полевые цвѣты. Я восхищался и въ то-же время смѣялся надъ этою дѣвственною зимою. Къ обѣду собирались въ нашъ домъ, къ синьорѣ Маріи, нахлѣбники, чиновники тамошняго правленія, которые обладали ужаснымъ аппетитомъ при самой скромной платѣ за обѣдъ; это были совершенныя дѣти. Одинъ изъ нихъ, въ оборванной шинели, ѣлъ за троихъ,—это былъ секретарь правленія. Бывало, наѣстся и уйдетъ, а синьора Марія жалуется, что дня нѣтъ, чтобы онъ не пришелъ и вѣчно съ волчьимъ аппетитомъ, и что она кромѣ убытка отъ него ничего не видитъ. Такъ какъ синьора Марія была любима и уважаема всѣми жителями этого городка, которые часто ее посѣщали и знали, что она обречена кормить секретаря, который вскорѣ ее разоритъ, то и придумали, нельзя-ли его накормить блюдомъ фритто, въ которое вмѣсто всякой зелени запечь куски старой подошвы, изрѣзавъ ее на мелкіе кусочки. Она согласилась и сдѣлала къ обѣду это блюдо, отложивъ въ сторону ту часть фритто, которая была сдѣлана для секретаря. Откушавъ супъ, старушка надѣлила насъ фритто; секретарь получилъ свою порцію. Не попробовавъ еще, онъ говоритъ: „Вотъ любимое наше кушанье, его нигдѣ такъ хорошо не приготовляютъ, какъ у насъ въ Италіи!“ Запустивъ въ первый кусокъ свою вилку, онъ съ трудомъ могъ проколоть его, однако, кусокъ попалъ на вилку, а затѣмъ въ ротъ. Сильно мнетъ онъ его между своими драконовскими зубами, вертитъ его во рту, опять кусокъ попадается между его зубами, и онъ начинаетъ сердиться. Тутъ другіе не могли долѣе удержаться отъ смѣха, все общество разразилось хохотомъ. Онъ

нулъ измятый кусокъ подошвы и прехладнокровно говоритъ: Нѣтъ, не обманете!“ За это онъ разомъ истребилъ все фритто, склюная испеченной подошвы.

Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ моемъ въ это восхитительное мѣсто, приходитъ ко мнѣ губернаторъ San Vito и проситъ меня, чтобы я занялся завтра съ капитаномъ французской арміи, который придетъ обезоруживать народъ. „Здѣсь не съ кѣмъ будетъ ему заняться, никто не знаетъ французскаго языка, поэтому я и рѣшился поставить его у синьоры Маріи, надѣясь, что вы имъ займетесь“.

Я изъявилъ свое согласіе. На другой день явился прелюбезный молодой капитанъ, разсказывалъ непріятности, которыя ему пришлось испытать отъ своихъ солдатъ эту ночь. Солдаты, вступивъ ночью въ городъ, начали стучать и ломать двери у первой лавки съ виномъ, гдѣ они перепились, шумѣли и перепугали жителей. Теперь пьяницы сидятъ подъ арестомъ. Побывши съ нами съ часъ времени, капитанъ съ солдатами отправился въ другое село, обѣщая къ обѣду возвратиться къ намъ. Возвратившись, онъ не могъ успокоиться, вспоминая очаровательную хозяйку, у которой онъ останавливался въ томъ селѣ, и тѣ прелестныя ручки, которыя рѣзали ему къ супу вермишель. Его не занимали ни ружья, ни пистолеты, которые жители ему приносили, и если эта женщина говорила въ пользу владѣльца ружья или пистолета, онъ тотчасъ возвращалъ ему оружіе. Обѣдая съ нами, онъ все вспоминалъ эту милую женщину.

Разговорившись о французскихъ солдатахъ, капитанъ съ прискорбіемъ упомянулъ объ ихъ пьянствѣ, говоря, что изъ нихъ мало кто достигаетъ сорока-лѣтняго возраста, потому что у нихъ выжжена отъ вина вся внутренность. Несмотря на то, что всѣ французы начинаютъ службу съ простаго солдата, школы установлены во всѣхъ казармахъ; выдержавъ въ нихъ экзаменъ, простой солдатъ при стараніи можетъ дослужиться до генерала. Будучи достаточны, они все свое состояніе пропиваютъ на вино и водку и вскорѣ умираютъ отъ страшной невоздержности.

Окончивъ мою работу для г. Гибсона, я началъ собираться въ Римъ. Мой капитанъ распростился со мною на другой день; въ послѣдній часъ своего пребыванія въ San Vito, онъ разска-

залъ мнѣ о рѣдкой добротѣ короля Людовика-Филиппа, кот рый былъ-бы по сей день королемъ, еслибы во время февральск революціи въ Парижѣ онъ захотѣлъ пожертвовать своимъ нар домъ, дозволивъ войску защитить его отъ буйной черни. Е слова были: „Проливать кровь своихъ подданныхъ я не желал Всѣ просьбы генераловъ остались тщетны. Онъ удалился, оста о себѣ воспоминаніе какъ о добрѣйшемъ королѣ.

Собравшись въ путь и простившись съ доброю старушкою, отправился въ Римъ, гдѣ началъ хлопотать объ окончаніи мое доски и о печатной бумагѣ; я досталъ ее отъ г. Тоски, у кот раго ея осталось немного отъ печатанія его чудной работы фрески Корреджіо въ каѳедральной церкви въ Пармѣ. Э огромное изданіе, превосходно выполненное и награвированно которое онъ боялся не кончить; такъ и случилось: въ 1853 г онъ скончался отъ лихорадки. Единственную дочь ему пришлос выдать за австрійскаго офицера. Я предоставилъ печатаніе мое гравюры печатнику Буяни, который печаталъ мою доску ранѣ во время моей работы.

Въ Римѣ возстановился порядокъ; говорили, будто папа вскорѣ вернется, что и не замедлило оправдаться. Папа въѣхал черезъ ворота Іоанна Латеранскаго, сопровождаемый генераломъ Удино и французскими войсками, среди всеобщаго молчанія, ибо народъ зналъ, что папа испыталъ надъ собою горькій примѣръ неблагодарности народа за его довѣріе и любовь и что ихъ восклицаніямъ не будетъ дано вѣры.

Къ февралю 1850 года доска моя, съ гравюрою на ней „Преображенія“, была готова, и я приступилъ къ печатанію. Сначала оно шло туго; въ первый день было отпечатано всего пять экземпляровъ, по полу скуди за оттискъ. Съ утра я отправлялся въ печатню и оставался тамъ до 4-хъ часовъ послѣ обѣда; уходя, я пряталъ доску въ изготовленный ящикъ подъ замокъ. Прошло, по крайней мѣрѣ, три недѣли, пока я получилъ первую сотню оттисковъ avant les lettres, затѣмъ велѣлъ словорѣзу del Prete выгравировать небольшую подпись и съ этою подписью сдѣлалъ вторую сотню. Этими 200 оттисками я окончилъ въ Римѣ печатаніе доски „Преображенія“. Получивъ сухіе оттиски, пришлось ихъ приводить въ порядокъ и исправлять недопечатки или les retouches. Въ этомъ дѣлѣ помогалъ

мнѣ граверъ Готтафави. Я не желалъ выставить гравюру, ибо не хотѣлъ пустить оттиски въ продажу, не посвятивъ мою гравюру императору Николаю Павловичу или не показавъ ея государю, что и сдѣлалъ очень худо. Но г. Готтафави посовѣтовалъ мнѣ выставить мою гравюру въ лучшемъ магазинѣ эстамповъ, на углу Via Condotti и Corso, у г. Фрецца. Она имѣла въ Римѣ успѣхъ; передъ эстампомъ каждый вечеръ собиралось много художниковъ и они удивлялись тому, что я окончилъ эту огромную работу безъ посторонней помощи. Было довольно покупателей, но я не продавалъ гравюру кромѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, купленныхъ англичанами. Многіе изъ иностранныхъ друзей художниковъ полагали, что этою доскою я составилъ себѣ капиталъ и не буду нуждаться въ работѣ. Вышло иначе: страсть къ работѣ не оставила меня до сегодня, хотя мнѣ минуло уже семьдесятъ пять лѣтъ (1875 г.).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1850 года я назначилъ мой отъѣздъ въ Петербургъ. Послѣ столь долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, меня пугала наша строгая таможня; многое я уничтожилъ, особенно мнѣ жаль было моего журнала, который я велъ съ пребыванія моего въ Лондонѣ въ 1833 году, почти цѣлыхъ 17 лѣтъ. Я осмотрѣлъ всѣ галлереи, особенно Ватиканъ, гдѣ съ такимъ удовольствіемъ провелъ время въ 1835 и 1836 годахъ.

Желательно мнѣ было видѣть насколько подвинулась неоконченная картина Александра Андреевича Иванова „Первое явленіе Спасителя народу“. Наканунѣ моего отъѣзда я попросилъ его показать мнѣ картину, зная, что онъ никому ее не показываетъ вотъ уже три года; я его не безпокоилъ ранѣе, но, отъѣзжая, хотѣлъ ее видѣть, чтобы сказать о ней тѣмъ, кто будетъ спрашивать Онъ обѣщался. Я пришелъ въ назначенный часъ, звонилъ, звонилъ долго, но отвѣта не было. Не увидавъ картины, я такъ и ушелъ.

Въ день моего отъѣзда утро было чудное. На площади собрались мои товарищи: А. А. Ивановъ и другіе. Разцѣловавшись со всѣми, я простился съ вѣчнымъ Римомъ, посѣтивъ по пути Флоренцію, Болонью, Венецію и Тріестъ. Пріѣхавъ въ Тріестъ, я засталъ тамъ большой торжественный праздникъ въ честь молодаго императора австрійскаго, который посѣтилъ его, будучи тогда еще юношей; къ пріѣзду его была выстроена

временная арка. Во время смутъ 1848 года ожидали, что Тріестъ присоединится къ Италіи, но онъ остался вѣренъ Австріи, и городъ радовался теперь пріѣзду своего императора. На аркѣ была надпись: „La Fidellissima“ (вѣрный). Я не могъ достать комнаты въ отелѣ, но меня свели въ частный домъ; я не зналъ, что хозяева евреи. Всю ночь звонили въ этой квартирѣ, отворятъ дверь, пришедшій проболтаетъ что-то, тотчасъ раздается другой звонокъ, также пробормочатъ что-нибудь, это продолжалось до 12 часовъ ночи, когда настало время ѣхать въ Вѣну. Гуляя по роскошной иллюминаціи, я любовался чистыми стаканами, наполненными бѣлѣйшимъ воскомъ; вонь нашей Петербургской иллюминаціи здѣсь, въ Тріестѣ, замѣнялась ароматнымъ воздухомъ. Въ кофейняхъ я увидалъ здѣшнихъ славянъ и славянокъ; окладъ лица, румянецъ и одежда у нихъ совершенно русскіе, только они гораздо чище и самостоятельнѣе нашихъ.

Въ Вѣнѣ дрожь брала меня при мысли, что скоро придется переступить нашу границу. Не доѣхавъ границы, на послѣдней станціи я увидалъ нашихъ таможенныхъ солдатъ или надсмотрщиковъ. Это тоже здоровый народъ, но бѣднѣе и грубѣе одѣтый, нежели иностранные таможенные служители. Издали я увидѣлъ большой желтый домъ; мнѣ сказали, что это граница и таможня. Вышли двое или трое таможенныхъ въ зеленыхъ сюртукахъ, съ бляхою на лѣвой сторонѣ груди; эти дюжіе молодцы, взявъ мои чемоданы, все повыбросили изъ нихъ. Тутъ былъ свертокъ, нѣсколько эстамповъ, въ числѣ ихъ и оттискъ моей гравюры. Увидавъ свертокъ, чиновники сказали: „Это пойдетъ въ Петербургъ на разсмотрѣніе“. Я ихъ просилъ, чтобы они потрудились посмотрѣть, такъ какъ тутъ моя работа, на которой показалъ имъ свою фамилію. Они съ терпѣніемъ разсмотрѣли эстампъ и, увидя мое имя, сходное съ означеннымъ въ паспортѣ, учтиво сказали: „Она вамъ дѣлаетъ честь“, и тотчасъ начали бережно складывать гравюру, сказавъ: „Вы можете ее взять съ собою“.

Великанъ, стоявшій за мною все это время, услыхавъ, что я могу взять съ собою свертокъ, тотчасъ пошелъ укладывать выброшенныя имъ изъ чемодана мои вещи, платье и бѣлье. Этотъ невѣжа не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, что сапоги втискивалъ въ чистое бѣлье и т. п. Я закричалъ на него,

оттолкнулъ отъ чемодана и началъ самъ укладывать. Интересно было слышать разговоръ чиновниковъ, которые вѣрно были поляки; ихъ заинтересовала моя работа, и одинъ другому сказалъ: „Русскіе также начинаютъ работать!“

L.

Въ Варшавѣ меня удивило въ отелѣ, что кромѣ предложенія комнаты, путешествующаго спрашиваютъ: нужна-ли ему постель, за что полагается особая плата. Въ день Троицы я былъ еще въ дорогѣ; полы комнаты, въ которой я остановился, были усѣяны лукомъ. Наконецъ, въ чудный день, около 3-хъ часовъ пополудни, я пріѣхалъ въ Петербургъ; это было въ субботу. Я удивился Петербургу, когда изъ почтамта вышелъ на улицу. Просто не зналъ, гдѣ я нахожусь. Гдѣ былъ корпусъ (юнкерская школа у Синяго моста), тамъ стоитъ дворецъ принца Лейхтенбергскаго; Синяго моста не нахожу; всѣ дома измѣнили свой фасадъ, всюду полукруглыя окна. Наконецъ, беру извозчика и пріѣзжаю къ Н. И. Уткину. Тотъ принимаетъ меня какъ сына, также и сестра его Пелагея Ивановна (Марины и Дарьи Ивановны я не нашелъ, онѣ скончались). Н. И. Уткинъ удѣлилъ мнѣ комнату, мы выпили чаю и онъ предложилъ мнѣ ѣхать завтра въ Царское Село къ сестрѣ моей, Аннѣ Ивановнѣ Савельевой. Проѣзжая по улицамъ на вокзалъ, я не могъ узнать Петербурга, онъ показался мнѣ какимъ-то красавцемъ. Прибывъ въ Царское Село, мы подъѣхали къ дому, занимаемому С. Н. Савельевымъ; спрашиваемъ: дома-ли? — лакей говоритъ: „Барыня въ церкви, а баринъ въ саду“.

Николай Ивановичъ Уткинъ зналъ уже С. Н. Въ саду мы нашли его, сидящимъ въ бесѣдкѣ, съ длиннымъ чубукомъ, съ блестящими глазами и краснымъ носомъ. Мы тотчасъ разцѣловались, и мнѣ показалось, что онъ поклонникъ Бахуса. Немного спустя, вбѣгаетъ сестра съ дочерью Аненькою и въ слезахъ бросается меня цѣловать. Она говорила, что, находясь въ церкви, усердно молилась о томъ, чтобы Богъ далъ мнѣ счастье въ дорогѣ и она могла-бы, наконецъ, послѣ 20-ти лѣтней разлуки, увидать меня; она долга не могла успокоиться.

Пообзнакомившись, я началъ осматривать чудное убранство ихъ квартиры. Мы сѣли за обѣдъ. Вся обстановка изобличала достатокъ; хорошія вина и, наконецъ, шампанское довершили нашъ обѣдъ. Разговаривая съ сестрою, когда встали изъ-за стола, я замѣтилъ что мой С. Н. Савельевъ совсѣмъ посоловѣлъ. Стало грустно на сердцѣ, видя ангела сестру съ такимъ мужемъ; будь онъ добрякъ, но подъ вліяніемъ вина всякій перерождается...

Послѣ обѣда мы поѣхали въ Павловскъ, прямо въ вокзалъ. Боже мой, какая разница послѣ тихой Италіи! Шумъ, говоръ, веселье, вездѣ столы украшены и заставлены стаканчиками съ мороженымъ, кофейничками, бутылками съ виномъ и пивомъ, и надъ этимъ хаосомъ царитъ веселая музыка. Это очень поразило меня.

Оставя нѣкогда мой родной городокъ Павловскъ со скромными домиками и скромными жителями, нахожу теперь роскошные дома, твердое шоссе вмѣсто пыльныхъ улицъ; но, не смотря на всѣ перемѣны, онъ мнѣ показался все тѣмъ-же милымъ, привлекательнымъ городомъ; по всѣмъ улицамъ у домовъ сохранились деревья съ распустившеюся зеленью. Тотъ-же садъ съ столѣтними дубами и липами!

Въ вокзалѣ встрѣтилъ графа М. Віельгорскаго. Онъ, казалось, былъ радъ видѣть меня, познакомившись со мною еще въ Римѣ. Тутъ-же, въ вокзалѣ, познакомилъ меня мой профессоръ Уткинъ съ Н. И. Гречемъ. С. Н. Савельевъ въ вокзалѣ еще болѣе подвыпилъ, какъ говорится, совсѣмъ былъ готовъ. Затѣмъ мы начали думать о возвращеніи въ городъ. Мы съ сестрою порѣшили, что мы будемъ часто видѣться; когда-же я заговорилъ объ ея мужѣ, то она сказала: „Онъ рѣдкій человѣкъ, но друзья его сгубили, пользуясь его добротою и деньгами: онъ многихъ облагодѣтельствовалъ“.

Получивъ отличную работу, постройку для полка казармъ, которая, по словамъ его начальника г. Биппена, могла его сдѣлать человѣкомъ вполнѣ обезпеченнымъ, мой зять имѣлъ непріятность изъ-за доски на престолѣ полковой церкви,—будучи сырая, она лопнула; онъ подлежалъ за это отвѣтственности, но дѣло кончилось тѣмъ, что ему дали чинъ подполковника съ перемѣщеніемъ изъ Царскаго Села въ Кременчугъ, Полтавской

губерніи. Это перемѣщеніе крайне меня опечалило, ибо разлучало меня съ искренно любимою мною сестрою Анною Ивановною, съ которою я только-что свидѣлся послѣ 20-ти лѣтняго моего отсутствія и долженъ былъ вновь разстаться. Я восхищался отличнымъ хозяйствомъ сестры, всюду видно было изобиліе; у нихъ былъ хорошій экипажъ, довольно много прислуги, которая содержалась весьма опрятно. Часто старался я бывать у нихъ и всякій разъ былъ опечаленъ, когда приходилось видѣть добраго моего родственника Сергѣя Н. Савельева не въ своемъ видѣ. Всѣ, знавшіе мою сестру, любили ее, и всѣ знали, съ какимъ нетерпѣніемъ она ожидала моего возвращенія, но, по волѣ судьбы, пріѣхавши изъ Италіи въ концѣ мая, въ началѣ іюля, именно въ день Казанской Божьей Матери, мнѣ пришлось съ нею проститься и даже навсегда, ибо въ 1855 году ея не стало: она скончалась въ Кременчугѣ, отъ холеры.

Между тѣмъ прибыли мои оттиски „Преображенія“ изъ Рима. Всѣ дѣла (въ области русскаго художества) зависѣли въ то время отъ добраго слова князя П. М. Волконскаго, и когда я явился къ нему, то сразу могъ замѣтить его расположеніе ко мнѣ. Мой поступокъ съ нимъ меня не оправдывалъ; по моему невѣдѣнію, я не былъ въ Римѣ къ нему довольно почтителенъ, не зная какою онъ пользовался силою при дворѣ. Онъ принялъ меня холодно, велѣлъ привезти оттискъ въ Петергофъ и выставить въ тамошнемъ дворцѣ. Пришлось выставить его въ силью освѣщенной залѣ, среди картинъ и золота, которыя совершенно убивали гравюру; она казалась ничтожною, несмотря на ея величину, заслужившую одобреніе всюду, и несмотря на положенный на нее долголѣтній трудъ. Видя мою работу среди окружающаго богатства, мнѣ было совѣстно смотрѣть на нее.

Государь Николай Павловичъ явился, и князь П. М. Волконскій не дозволилъ мнѣ даже присутствовать при представленіи. Я слышалъ издали громкій голосъ монарха, по уходѣ котораго узналъ, что онъ нашелъ работу мою очень крупною, что не удивило меня, припоминая его сужденія объ искусствѣ въ Римѣ.

Всякій можетъ себѣ представить, что было у меня на сердцѣ послѣ тѣхъ ожиданій, которыми утѣшали меня знатоки и люби-

тели искусства, особенно тѣ, которые были свидѣтелями этого труднаго и, можно сказать, необыкновеннаго по величинѣ своей подвига. Въ эту минуту я былъ совершенно убитъ и даже хотѣлъ посягнуть на свою жизнь: возвращаясь на пароходѣ, я хотѣлъ броситься съ палубы подъ колеса парохода. Однако, Провидѣніе не оставило меня, и я не знаю, какъ излить мою благодарность къ его неисповѣдимой милости и благодати.

Находясь у Н. И. Уткина, я розыскалъ стараго моего друга А. М. Горяинова. Въ домѣ у его родителя, Мих. Ал., и у его родственниковъ и знакомыхъ я проводилъ весело дни моей первой молодости. Не смотря на 20-ти лѣтнюю разлуку, та-же любовь и дружба соединяла насъ, и всѣхъ братьевъ Горяиновыхъ я нашелъ уже женатыми людьми и нѣкоторыхъ семейными.

Искренняя дружба связывала меня съ Александромъ Михайловичемъ до его кончины; дружески относилась ко мнѣ и его милая жена, Александра Діонисіевна, замѣчательно красивая и добрая женщина, которой не суждено было дожить до старости. Она скончалась 14-го августа 1854 г. въ молодыхъ годахъ, получивъ отъ многихъ непріятностей чахотку. Чрезъ А. М. Горяинова я снискалъ дружбу искренне-любимаго мною дома гг. Плѣшановыхъ, двухъ братьевъ—Н. Ѳ. Плѣшанова и достойнаго нашего профессора П. Ѳ. Плѣшанова. Они были моими друзьями въ то время, когда они жили въ богатствѣ и довольствѣ, но и превратности судьбы нисколько не измѣнили ихъ доброты и привязанности ко мнѣ; потерявъ все свое состояніе, вслѣдствіе неудачныхъ комерческихъ операцій, они, какъ истинные христіане, живутъ теперь (1875 г.) болѣе счастливые среди своей скромной обстановки, нежели въ былое время среди блеска и богатства.

По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, живя у Н. И. Уткина, какъ бывшій пенсіонеръ академіи художествъ, я представилъ совѣту академіи мой оттискъ „Преображенія“ на его благоусмотрѣніе, и получилъ отъ совѣта за мой трудъ званіе профессора.

В. И. Григоровичъ, какъ конференцъ-секретарь академіи, просилъ меня, по желанію совѣта, заняться первое время въ Петербургѣ гравированіемъ для академіи диплома, даваемаго избираемымъ академіей ея почетнымъ членамъ; до того времени дипломъ этотъ былъ самый простой. Не имѣя какой-либо ино

работы, я согласился взять этотъ заказъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ намѣреніе пожить лѣтнее время въ Павловскѣ, въ семействѣ г. Безцѣнныхъ, на половинныхъ съ ними издержкахъ по найму квартиры, поэтому деньги и были мнѣ нужны.

Живя въ Павловскѣ, я прилежно работалъ днемъ, вечеромъ-же слушалъ музыку въ вокзалѣ и гулялъ въ тѣнистомъ паркѣ. Послѣ этой работы я получилъ отъ академіи большой заказъ: сдѣлать рисунокъ и выгравировать весьма извѣстную нѣкогда картину А. Е. Егорова „Бичеваніе Спасителя“.

Въ это время мой добрый Н. И. Уткинъ познакомилъ меня съ семействомъ П. А. Плетнева. Отправляясь въ этотъ всѣми уважаемый домъ, могъ-ли я предполагать, что его семейство будетъ источникомъ моего будущаго счастья? Входимъ; при первомъ знакомствѣ съ П. А. Плетневымъ, котораго я совсѣмъ не зналъ, я былъ пораженъ простотою его обращенія, какое часто встрѣчаешь въ чужихъ краяхъ, знакомясь съ именитыми учеными или художниками. Не прошло и часа, какъ я былъ влюбленъ въ этого именитаго мужа. Когда-же явилась его супруга, когда я увидалъ ея улыбку, живой блескъ ея глазъ, ея очаровательную манеру говорить и разсказывать, то я былъ совершенно побѣжденъ. Эти глазки, опушенные собольими рѣсницами и бровями, приводили меня въ трепетъ. Прошло не много времени въ бесѣдѣ, но, подъ вліяніемъ ихъ доброты, мнѣ казалось, что я былъ знакомъ съ ними уже нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, по обычному въ Россіи гостепріимству, насъ пригласили откушать чай. Вхожу въ столовую очарованный столь неожиданнымъ знакомствомъ и вижу двухъ милыхъ дѣвицъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, дышащихъ здоровьемъ и прелестныхъ какъ майскій день. Едва слышнымъ голоскомъ онѣ привѣтствовали меня, дѣлая маленькій реверансъ. Когда добрые хозяева пригласили Н. И. Уткина и меня къ столу словами: „прошу садиться“, тогда только эти милыя дѣвушки подняли на насъ глаза и взглянули на меня. Боже мой, что я чувствовалъ!

Мнѣ казалось, что я, подобно холодному куску извести, который закипаетъ, будучи брошенъ въ воду, весь кипѣлъ внутри, стараясь казаться хладнокровнымъ. Старшая изъ двухъ сестрицъ, которой очаровательная М-me Плетнева представила меня, дышала здоровьемъ, и во всей ея фигурѣ было что-то

рѣшительное. Я не могъ, какъ художникъ, не рисовать ее въ своемъ воображеніи.....

Другая сестрица, на видъ моложе первой, была какою-то дѣтски откровенною и начала осторожно, какъ будто издали, распрашивать о моемъ вояжѣ. Но меня неотразимо привлекала старшая. Въ младшей все было еще такъ молодо, а старшая, при всей ея красотѣ, казалась дѣвицею уже вполнѣ созрѣвшею; могъ-ли я въ то время думать, что это прелестное созданье будетъ моею подругою въ жизни. Вся обстановка дома, доброта хозяевъ и прелесть невинныхъ двухъ сестрицъ все приводило меня въ какой-то неописанный восторгъ, и хотя я едва успѣлъ съ ними познакомиться, но когда мы вновь перешли въ залу, я не помнилъ себя и съ жаромъ началъ описывать жизнь въ Италіи, восхищаясь въ то-же время моими прелестными слушательницами, такъ мило воспитанными, которыя съ участіемъ слушали каждое слово моего разсказа. Время было уже позднее и какъ ни было жаль, но слѣдовало проститься. Выйдя на улицу, я сердечно благодарилъ Н. И. за столь пріятное знакомство; я былъ въ восторгѣ отъ ихъ милой обстановки, отъ добраго П. А. Плетнева, отъ его жены и отъ ея двухъ сестрицъ, изъ которыхъ старшая, говорилъ я моему старичку, совершенная „Таня Пушкина“. Сбросивъ съ себя бренную одежду и улегшись на диванъ, я долго ворочался во всѣ стороны, пока Морфей не сомкнулъ моихъ глазъ.

Картину Егорова перенесли на квартиру Н. И. Уткина, и я занялся рисункомъ, который взялъ довольно много времени. Я познакомился въ это время съ рѣдкимъ любителемъ гравюръ, москвичемъ Дмитріемъ Александровичемъ Ровинскимъ, который былъ моимъ благодѣтелемъ, устроивъ продажу моего рисунка г. Лихачеву, обладавшему въ Москвѣ отличнымъ собраніемъ гравюръ. Лихачевъ уступилъ мой рисунокъ „Преображеніе“ московской школѣ живописи и ваянія, гдѣ она находится по сейчасъ (1875 г.).

Забылъ сказать, что въ 1851 году я посѣтилъ въ первый разъ Москву, желая повидаться съ другомъ моимъ Рихтеромъ, и уже собрался обратно въ Петербургъ, какъ вдругъ приходитъ къ Рихтеру Мих. Петр. Погодинъ и проситъ меня повреме-

нить два или три дня, такъ какъ москвичи желаютъ дать Айвазовскому и мнѣ обѣдъ. И что за торжественный былъ данъ обѣдъ! Насъ встрѣтили съ музыкою, всюду стояли цвѣты, обѣдъ былъ роскошный и сопровождался обильными тостами; многіе изъ гостей подписались на мой эстампъ. Однимъ словомъ, я ожилъ. Въ Москвѣ я встрѣтилъ также радушное хлѣбосольство у г. Лорисъ Меликова, и возвратился въ Петербургъ тронутый почестями и московскимъ хлѣбосольствомъ. Особенно почтилъ меня извѣстный М. П. Погодинъ, подробно описавъ въ брошюрѣ все происходившее на обѣдѣ въ школѣ живописи и ваянія. Этотъ обѣдъ послужилъ мнѣ лучшею наградою за долголѣтній трудъ мой.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я также, что въ Петергофѣ, при представленіи моей гравюры государю Николаю Павловичу, я увидалъ въ первый разъ оберъ-гофмейстера, графа А. П. Шувалова. Онъ, должно быть оцѣнилъ мой трудъ и удивлялся хладнокровію государя. Шуваловъ сказалъ мнѣ: „Если пожелаете вступить на службу въ эрмитажъ, то мѣсто для васъ готово!“ Я поблагодарилъ его, сказавъ, что вновь предполагаю уѣхать въ Италію.

Пробывъ въ Петербургѣ почти два года, я окончилъ рисунокъ „Бичеваніе Спасителя“ и началъ гравировать. Условія были слѣдующія: шесть лѣтъ пенсіонерское содержаніе и сто оттисковъ въ мою пользу.

LI.

Насталъ новый, 1853 годъ, и въ концѣ февраля мѣсяца, не имѣя въ виду никакой работы, я рѣшился просить позволенія ѣхать вновь въ Италію. Въ тѣ времена было трудно получить это разрѣшеніе, такъ какъ императоръ Николай Павловичъ не любилъ праздношатающихся. Однако я получилъ позволеніе уѣхать заграницу, и 13-го марта отправился во Флоренцію. Дорогою я вспомнилъ тѣ пріятныя минуты, которыя я проводилъ у А. П. Брюллова на его превосходной дачѣ въ Павловскѣ. Однажды онъ устроилъ прелестный вечеръ: на 10-е іюня, когда бываетъ самая

короткая ночь, въ часъ ночи подали ужинъ. Послѣ ужина мы легли отдохнуть, въ два часа утра встали и поднялись на построенную на дачѣ Брюллова башню и тамъ съ часами въ рукахъ ожидали восхода солнца, которое, въ назначенный часъ, освѣтило верхушки башенъ, колоколенъ, деревьевъ и пр.; а птички своимъ щебетаньемъ какъ будто возсылали къ небу утреннюю молитву. Затѣмъ солнце явилось въ полномъ блескѣ. Эта пріятная ночь, проведенная у А. П. Брюллова, осталась у меня на долгое время въ памяти. Много пріятныхъ дней и вечеровъ провелъ я въ этомъ семействѣ. Его гостепріимство было, можно сказать, образцовое. Бывало сядемъ въ 5 часовъ за столъ въ прекрасно устроенной въ саду столовой и просидимъ до 11 часовъ ночи: время проходило незамѣтно среди веселыхъ и шумныхъ разговоровъ. Не менѣе пріятно проводилъ я у нихъ время и въ городѣ.

По смерти старшаго брата Карла, А. П. Брюлловъ наслѣдовалъ отъ него большое состояніе. У Брюлловыхъ былъ еще старшій братъ Ѳедоръ Брюлло (настоящая фамилія ихъ отца была Брюлло, но общество поощренія русскихъ художниковъ перемѣнило эту иностранную фамилію на русскую, прибавивъ къ слову Брюлло двѣ буквы *въ*, и обоихъ братьевъ стали звать Брюлловы), онъ также разсчитывалъ получить свою долю наслѣдства, но оказалось, что онъ, какъ сынъ отъ первой жены, не могъ претендовать на наслѣдство. Александръ и Павелъ (умершій еще будучи ученикомъ въ Академіи) Брюлловы были отъ одной матери съ покойнымъ Карломъ Брюлловымъ и потому были его прямыми и законными наслѣдниками. Говорятъ, что у Карла Павловича Брюллова осталось одними деньгами до 100 тыс. рублей, кромѣ вещей, картинъ и рисунковъ. Эти 100 тысячъ онъ носилъ на шеѣ въ мѣшечкѣ. Когда съ нимъ случился припадокъ аневризма, зная, что если пустить кровь, то онъ будетъ спасенъ, Брюлловъ все время показывалъ на руку, желая, чтобы ему открыли кровь. Онъ былъ въ это время на дачѣ у друга своего римлянина, хозяина не было дома, и присутствующіе не могли понять, что Брюлловъ хотѣлъ сказать, и онъ скончался. Братъ Александръ поставилъ ему на Monte Testacio приличный памятникъ работы Щурупова.

Всѣ остальные вечера я проводилъ у А. М. Горянинова, играя до поздняго вечера въ самую невинную игру—мушку.

При отъѣздѣ моемъ за границу, меня проводили мой профессоръ Н. И. Уткинъ и А. М. Горяиновъ. Я выѣхалъ въ почтовой бричкѣ на полозьяхъ, снѣга было еще довольно; насъ стращали, что на половинѣ дороги до Варшавы мы уже не увидимъ болѣе снѣга, но почтамтъ распорядился отпустить бричку на полозьяхъ. Со мною ѣхалъ пожилыхъ лѣтъ французъ, бывшій гувернеръ, вдовецъ, оставившій единственную свою дочь въ Анненской школѣ. Онъ боготворилъ Наполеона III и удивлялся, что въ Россіи ему не симпатизируютъ, насмѣхаются надъ нимъ и даже осуждаютъ его за его варварскій coup d'état. По мѣрѣ того какъ мы отъѣзжали отъ Петербурга, снѣга становилось все меньше и меньше, наконецъ бѣдныя лошади съ большимъ трудомъ дотащили нашу бричку до станціи Тутъ нашли мы бездну ямщиковъ на большомъ дворѣ; всѣ они въ одинъ голосъ говорили, что далѣе на полозьяхъ ѣхать нельзя. Я говорю нашему кондуктору: „Отыщи почтовый бригъ на почтовомъ дворѣ“. Онъ пошелъ и, возвратясь, къ ужасу моему говоритъ, что ни одной почтовой кареты нѣтъ, а придется ѣхать въ открытой телѣгѣ. Я началъ шумѣть и увѣрять, что я заплатилъ за карету и въ телѣгѣ не поѣду. Во время двухлѣтняго моего пребыванія въ Петербургѣ я шубою не обзавелся, предполагая скоро уѣхать въ Италію, а сшилъ себѣ на зиму огромное изъ толстаго драпа пальто съ пудовою ватною подкладкою, которое какъ я, такъ и друзья мои прозвали „чуланомъ“, и эту не помѣрную тяжесть я носилъ двѣ зимы. Уѣзжая изъ Петербурга, я подарилъ это пальто и остался съ итальянскою шинелью синяго цвѣта, которой, какъ я предполагалъ, достаточно въ дорогѣ, уѣзжая въ теплый климатъ и зная, что до Варшавы буду ѣхать въ закрытой каретѣ. Теперь-же, въ пронизывающую холодную погоду я долженъ былъ сѣсть въ открытую со всѣхъ сторонъ телѣгу! У моего француза была поношенная шуба, я-же въ своей холодной шинели продрогъ, стоя на открытомъ воздухѣ только пока запрягали лошадей. Дѣлать нечего, я выпилъ хорошую рюмку водки и сѣлъ, обрекая себя на всякаго рода недуги.

По дорогѣ не было ни снѣжинки. Мою шинель я ворочалъ во всѣ стороны и согрѣвался на всякой станціи водкою. Французъ хотя-бы слово высказалъ сожалѣнья, закутанный въ свой плѣшивый енотъ и молчалъ. Такъ проѣхали мы всю ночь и къ 10

часамъ утра увидѣли вдали брошенный бригъ на колесахъ. Я тотчасъ обратился съ радостнымъ вопросомъ къ кондуктору: „не можемъ-ли мы взять его?“—„Это нашъ бригъ“, былъ отвѣтъ. Я благодарилъ Бога, что моимъ испытаньямъ насталъ конецъ. Подъѣхавъ къ сараю, кондукторъ выпрягъ лошадей, изготовилъ брошенный бригъ, и мы усѣлись вновь съ тѣми удобствами, которыя имѣли при отъѣздѣ изъ Петербурга. Меня удивили эти патріархальные порядки, этотъ сарай, въ которомъ стоятъ брошенные экипажи. Никакого сторожа при немъ не было, мы подъѣхали, взяли бригъ, а свой бросили, не безпокоясь о томъ, что его могутъ оборвать или украсть колеса и т. п. Признаюсь, мнѣ показалось, что я не въ Европѣ, а въ степяхъ Азіи или Африки, гдѣ рѣдко можно встрѣтить человѣка; здѣсь же, въ Европѣ, между двумя столицами, Петербургомъ и Варшавою, экипажи валялись подъ открытымъ небомъ! Благодаря Бога, я пріѣхалъ въ Варшаву безъ всякихъ недуговъ.

Все путешествіе до самой Флоренціи было несносно по причинѣ дождя и холода. Я остановился во Флоренціи, такъ какъ Римъ я уже изучилъ хорошо, проживши въ немъ цѣлыхъ 15 лѣтъ; печатника моего Буяни въ Римѣ уже не было. Флоренцію-же, этотъ прелестный городъ-столицу Тосканскаго герцогства, я зналъ мало, къ тому-же тамъ находилась хорошая печатная съ печатнымъ мастеромъ изъ Парижа французомъ г. Парисомъ.

Во Флоренціи я засталъ также холодъ и дождливую погоду. На первое время я остановился въ скромномъ отелѣ возлѣ Pallazzo Vecchio (палаццо Веккіо), затѣмъ началъ искать себѣ квартиру, гдѣ-нибудь на площади съ хорошимъ свѣтомъ. Войдя на площадь Santa Maria Novella, я разсматривалъ писанныя объявленія объ отдающихся квартирахъ; подхожу къ одному дому, очень высокому, читаю объявленіе; въ это время приблизился ко мнѣ старичекъ, скромно одѣтый, и спрашиваетъ: „Вы ищете квартиру? Если желаете имѣть здоровую, свѣтлую и веселую квартиру, я вамъ сейчасъ покажу въ этомъ домѣ, гдѣ хозяинъ отличный человѣкъ“.

Услышавъ эту рекомендацію, я подумалъ: „Боже мой, да это все, чего я желаю. Пойдемте“! Старичекъ, поднимаясь по

лѣстницѣ, говорилъ, что воздухъ въ нижнихъ этажахъ во Флоренціи вреденъ, что эта площадь лучшая въ городѣ, и что если я прилеженъ и мнѣ дорого время, то въ этомъ домѣ я все найду. Мы все идемъ, идемъ, конца не вижу. Меня интересовалъ разговоръ старичка, такъ что я непримѣтно очутился у дверей. Онъ позвонилъ, мы вошли въ прекрасную квартиру, устланную коврами; стѣны были увѣшаны литографіями, изображавшими войны грековъ съ турками; опрятная мебель, высокая постель, чудный видъ изъ окна—все мнѣ понравилось. Я былъ пораженъ. Мнѣ казалось, что я въ Англіи. Является хозяинъ въ парикѣ, говоритъ со мною изысканнымъ итальянскимъ языкомъ. Вижу, что онъ священникъ, значитъ безъ жены и дѣтей, думаю, чего-же лучше—и цѣна оказывается подходящая. Не торгуясь, нанимаю квартиру, но вдругъ вспоминаю о моемъ вонючемъ чемоданѣ, нѣсколько недѣль тому назадъ купленномъ на Апраксиномъ рынкѣ; такъ какъ онъ не успѣлъ еще выдохнуться дорогою, во всѣхъ отеляхъ, по его запаху, узнавали, что я русскій. Видя столь опрятную и даже роскошную квартиру, я заявилъ хозяину объ этомъ недостаткѣ моего чемодана. Онъ съ улыбкою отвѣчалъ, что запахъ русской кожи здоровъ и многими любимъ. Впрочемъ, говоритъ онъ: „Теперь я пойду въ церковь служить обѣдню, которая у насъ длится не долго. Вы пойдете со мною. Пока я буду совершать ее, вы можете осмотрѣть богатства церкви, затѣмъ вы меня проводите въ вашъ отель и я посмотрю насколько силенъ запахъ вашего чемодана“.

Онъ одѣлся, я же восхищался видомъ изъ окна, затѣмъ мы спустились въ церковь Santa Maria Novella. Войдя въ эту сокровищницу изящныхъ искусствъ эпохи возрожденія, я восхищался всѣмъ видѣннымъ мною. Мой-же хозяинъ Донъ Гаетано, облекшись въ священническія одежды, стоялъ уже у алтаря и не спускалъ съ меня глазъ, боясь, чтобы я не ушелъ какъ-нибудь, ибо я порѣшилъ съ наймомъ его квартиры очень скоро. Его мальчикъ-прислужникъ во время службы звонилъ, а онъ, совершая св. Тайны, все посматривалъ на меня, почему я старался быть недалеко отъ него. Онъ кончилъ свою обѣдню, можно сказать, молодецки, черезъ 5 минутъ явился ко мнѣ въ своемъ черномъ платьѣ съ тросточкою въ рукѣ и веселый

пошелъ со мною въ отель; войдя, онъ началъ нюхать чемоданъ и восхищаться запахомъ, утѣшая меня тѣмъ, что хотя его квартира и здоровая, но съ моимъ чемоданомъ она будетъ еще здоровѣе. Видя, что дѣло пошло на ладъ, мы условились, и въ этотъ-же вечеръ я переѣхалъ къ нему и ночевалъ уже на новосельѣ. Устроивъ все какъ слѣдуетъ и прикрѣпивъ мою доску „Бичеваніе Спасителя“ къ пюпитру, я началъ заниматься. Меня одно пугало: спальня моя находилась по близости отъ колокольни церкви Santa Maria Novella, а при ней былъ монастырь доминиканцевъ, въ которомъ совершалась въ два часа утра ночная служба со звономъ; впрочемъ, этотъ звонъ будилъ меня только первые дни, но затѣмъ я успокоился, такъ какъ я спалъ такъ хорошо, что пересталъ даже слышать колоколъ. Меня безпокоила еще неимовѣрная вышина моей квартиры; при спускѣ завтракать и обѣдать и при подъемѣ домой, у меня захватывало дыханіе. Послѣ двухъ-трехъ недѣль моего пребыванія въ этой поднебесной квартирѣ, я привыкъ и къ этому.

Послѣ ежедневныхъ прогулокъ въ Cascini (Кашшини), я проводилъ вечернее время въ кофейной, гдѣ сходились всѣ профессора флорентинской академіи. Признаюсь, въ два года моего пребыванія во Флоренціи, я не пропускалъ ни одного вечера, чтобы не быть въ средѣ ихъ. Сюда заходилъ иной разъ В. В. Стасовъ, служившій тогда секретаремъ у Анатолія Николаевича Демидова; онъ всегда разсказывалъ намъ что-нибудь на русскомъ языкѣ съ такимъ крикомъ, что всѣ удивлялись его крѣпкой груди. Владиміру Васильевичу Стасову я останусь навсегда истинно благодарнымъ за тѣ пріятныя минуты, которыя я провелъ въ его обществѣ. Онъ познакомилъ меня съ Демидовымъ, у котораго я раза два обѣдалъ; изысканность его лукулловскихъ обѣдовъ изумляла меня. Самъ-же Анатолій Николаевичъ Демидовъ ничего не ѣлъ, но всякое блюдо подносимо было ему для пробы. У него жила въ то время и завѣдывала хозяйствомъ какая-то благородная австрійка, и къ столу всегда являлось нѣсколько австрійскихъ офицеровъ, которыми я восхищался, какъ скромными молодыми людьми.

Однажды былъ назначенъ у А. Н. Демидова балъ-маскарадъ. Эта вѣсть разнеслась по всей Флоренціи: зная роскошь и хлѣ-

босольство русскаго богача, всѣ усердно готовились къ балу. В. В. Стасовъ, не зная какой избрать костюмъ, рѣшился одѣться рыцаремъ въ самыя тяжеловѣсныя латы, которыя находились въ собраніи военныхъ доспѣховъ Демидова. Получивъ чрезъ В. В. приглашеніе на этотъ балъ, я явился къ нему въ черной парѣ, чтобы взглянуть на него, закостюмированнаго въ латы, и ужаснулся ихъ вѣсу. Когда эту тяжесть одѣли на него, онъ едва могъ поворотиться, ему было трудно сѣсть или встать. Мнѣ казалось очень страннымъ, что человѣкъ ради пріятнаго препровожденія времени подвергалъ себя такому ужасному испытанію. Всѣ, видѣвшіе его, сожалѣли этого добровольнаго мученика, который вмѣсто легкихъ картонныхъ латъ, употребляемыхъ обыкновенно въ театрахъ и маскарадахъ, изнемогаетъ подъ тяжестью желѣза и стали. Спустя короткое время, онъ уѣхалъ съ бала или раздѣлся, — не знаю, я потерялъ его изъ вида.

Роскошные брильянты блестѣли во всѣхъ концахъ залы. На первомъ планѣ блистала графиня Воронцова-Дашкова и ея дочь, вышедшая впослѣдствіи замужъ за князя Паскевича. Во время бала разнесся слухъ, что русскія войска перешли Дунай и приблизились къ Силистріи; это означало объявленіе войны. Анатолій Ник. Демидовъ при этомъ высказалъ, что Россія проиграетъ и будетъ побѣждена, что и оправдалось въ 1855 г.

Угощеніе, музыка и гости соотвѣтствовали богатству и вкусу нашего богача. Демидовъ всѣми мѣрами старался походить на Петра I-го, полагая, что онъ нѣкоторымъ образомъ происходитъ отъ него, такъ какъ пра-пра-бабушка Демидова, угощая великаго императора водочкою, пользовалась его вниманіемъ. Демидовъ одѣвался и чесался à la Pierre le Grand.

Я довольно поздно вернулся съ бала домой. Живя и занимаясь у Дона Гаетано, я былъ совершенно счастливъ: свѣтъ для моихъ занятій былъ отличный, воздухъ на этой баснословной вышинѣ былъ здоровый, отличная обстановка приводила меня въ восхищеніе; кромѣ того, мой хозяинъ былъ философъ. Я занялся также моею доскою „Преображеніе“, которую мнѣ необходимо было печатать, и условился съ французскимъ печатникомъ г. Парисомъ. Онъ отпечаталъ очень порядочно одну сотню оттисковъ, затѣмъ пріі-

искалъ мнѣ словорѣзца, который, не зная русскаго языка и работая у меня на квартирѣ, по присланной мнѣ Н. И. Утиным печатной азбукѣ, подрѣзалъ очень хорошо, развѣ нѣсколько черно.

Меня посѣтили во Флоренціи мои собратья художники и архитектора, Н. Ѳ. Брюлло, Р. А. Гедике и другіе, и они дали мнѣ при отъѣздѣ дружескій обѣдъ. Я отыскалъ здѣсь стараго моего друга г. Боссе, съ которымъ мы видѣлись въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Старичекъ Боссе жилъ съ своей старушкою женою и съ дочерью. Во время моихъ частыхъ вечернихъ бесѣдъ съ его семействомъ, онъ всегда выхвалялъ своего сына Гарольда, извѣстнаго нашего архитектора, украсившаго Петербургъ отличными зданіями и построившаго, между прочимъ, дачу в. к. Михаила Николаевича.

Какъ скоро моя доска была подрѣзана, г. Парисъ отпечаталъ мнѣ еще одну сотню оттисковъ. Итакъ съ доски „Преображенія“ было отпечатано всего 400 экземп. Затѣмъ явилась фотографія, гравюра упала въ цѣнѣ и спустя много лѣтъ я продалъ ее нашей академіи за 2,000 руб. Цѣна дешевая до смѣшнаго, но лучше-же ей быть въ академіи, нежели, Богъ вѣсть, въ какихъ рукахъ.

Въ Ивановъ день, день праздника города Флоренціи, на моей площади „Santa Maria Novella“ устраивались, по принятому издревле обычаю, ристалища на колесницахъ, самой чопорной работы и рисунка; они напоминали древнія римскія ристалища. Въ этотъ день собирались ко мнѣ гости, наши земляки, въ томъ числѣ и мой старичекъ Боссе, который говаривалъ каждый разъ: „Идти на Везувій высоко, къ вамъ-же подняться еще выше, вы живете на такой высотѣ съ намѣреніемъ избавиться отъ посѣтителей!“ Я-же отвѣчалъ: „Живу на этой вышинѣ потому, что хорошо живется: тутъ свѣтло и здорово“.

Во Флоренціи всѣ были заняты магнитизмомъ, о немъ разсказывали чудеса. Главный магнитизеръ былъ богатый адвокатъ г. Пеллегрини. Говорили, что онъ не только вылечиваетъ, но даже дѣлаетъ подарки выздоровѣвшимъ. Тайная обстановка магнитизера и его щедрые подарки изцѣлившимся отъ его манипуляцій меня крайне заинтересовали. Говорили вообще, что г.

двокатъ берется лечить магнитизмомъ только тѣхъ лицъ, къ оторымъ онъ чувствуетъ симпатію, безъ чего ему трудно полуить успѣхъ.

Возвратившись однажды поздно вечеромъ изъ театра, я слышу ъ нашей квартирѣ ужасный голосъ, какъ будто кого-то душатъ. Узнаю отъ хозяина, что у нашей прислуги сдѣлался припадокъ есьма распространенной во Флоренціи болѣзни, при которой ъ горлѣ дѣлаются спазмы; страшно бываетъ взглянуть на такую ольную: лицо у ней становится синебагровымъ. Мнѣ было очень каль нашу прислугу и я просилъ хозяина уговорить магнитизера Пеллегрини не возьмется-ли онъ ее вылечить. Signor Гаетано сообщилъ мнѣ, что Пеллегрини лечитъ одну даму, живущую въ нашемъ домѣ, въ первомъ этажѣ, что онъ зайдетъ къ больной и попроситъ отрекомендовать его магнитизеру. Г-нъ Пеллегрини согласился исполнить просьбу моего хозяина, позвалъ нашу прислугу, распросилъ ее о болѣзни, долго всматривался въ ея черты и согласился начать свои манипуляціи чрезъ три дня. Къ назначенному дню, къ 5-ти час. вечера, были приготовлены два кресла, одно противъ другаго. Я душевно радовался случаю увидать чудотворную силу магнитизма, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ можетъ сдѣлаться врачемъ, начинаетъ прописывать себѣ лекарства, отыскиваетъ даже аптеки и тѣ полки, на которыхъ стоятъ должныя стклянки съ лекарствомъ, безграмотные дѣлаются грамотными, и нѣтъ вещи, которой усыпленная личность не могла-бы указать или разъяснить.

Въ назначенный день и часъ явился нашъ чудотворецъ, магнитизеръ, г. Пеллегрини, мужчина довольно пожилой, дородный, съ здоровымъ румянымъ лицемъ; онъ былъ благопристойно одѣтъ, а пальцы его были унизаны богатыми кольцами и перстнями, по обычаю итальянцевъ. Всѣ мы смотрѣли на него, какъ на чудотворца, онъ-же съ довольно веселымъ лицемъ и самоувѣренностью смотрѣлъ на свою жертву, которая, выздоровѣвъ, увеличитъ его славу. Онъ сѣлъ противъ нея, такъ что ихъ колѣна упирались одно въ другое, и началъ водить руками передъ нею отъ головы до колѣнъ; это продолжалось минутъ съ десять. Затѣмъ онъ открылъ ея глаза и, будто не видя зрачковъ, объявилъ, что она спитъ и что можно кричать, хлопать дверьми,

она ничего не услышитъ. На второмъ, третьемъ сеансѣ больная могла уже сказать, сколько времени ей необходимо будетъ для излеченія, затѣмъ она начала ходить за нимъ всюду, куда онъ шелъ, узнавать карты, узнала свою болѣзнь, сказавъ, что у нея имѣется какой-то червячекъ, который ее душитъ, и что онъ выйдетъ въ такой-то день и проч.

Я заподозрилъ, что тутъ кроется обманъ, что все, что ей даютъ угадывать, говорится вслухъ, и что она не спитъ и не спала. Я рѣшился высказать мое сомнѣніе хозяину Донъ-Гаэтано. Онъ удивился моему подозрѣнію, находя все видѣнное непроницаемою тайною магнитизма. Я упрашивалъ его согласиться со мною и, обѣщая хорошій подарокъ женщинѣ, просить ее признаться въ обманѣ. Послѣ долгихъ увѣщаній и при видѣ нѣсколькихъ франческановъ (1 р. 75 к.), она призналась, наконецъ, что никогда не спала; червячка-же она сдѣлала изъ хлѣба, а угадывала то, что ее спрашивали, потому что задачи и отгадки говорились вслухъ. Мой хозяинъ растерялся и удивлялся моей проницательности.

По предсказанію больной, магнитизеру оставалось еще продѣлать надъ нею десять сеансовъ съ манипуляціями. Въ день открытія намъ своего обмана, дѣвушка сказала г. Пеллегрини, что она здорова и завтра будетъ спать въ послѣдній разъ. Магнитизеръ, не зная, что мы поняли его надувательство, былъ восхищенъ тѣмъ, что могъ такъ скоро возстановить ея здоровье и долго толковалъ о случающихся ежедневно чудесахъ отъ манипуляцій его учениковъ. Мы слушали и молчали. Наша больная съ утра твердила: „Сегодня вечеромъ я дамъ дураку почувствовать, что его магнитизмъ и леченіе—обманъ“. И точно, вечеромъ, когда начался сеансъ, на обычный вопросъ магнитизера: „спишь?“, больная отвѣчаетъ „нѣтъ“, и наша прислуга, желая открыть обманъ, давала ясный и положительный отвѣтъ: „Нѣтъ, не сплю“. Это его бѣсило, онъ выходилъ изъ себя, работалъ до пота лица своими руками, производя манипуляціи и спрашивая: „Спишь-ли?“ Но получалъ все одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „Не сплю“. Увидавъ, что обманъ открытъ, онъ вскочилъ съ своего мѣста, бросилъ кресла и ушелъ.

То-же было и съ другою деревенскою дѣвушкою, прислугою

ученика г. Пеллигрини, также адвоката. Онъ производилъ надъ нею свои испытанія, и на всѣ вопросы, дѣланные вслухъ, она отвѣчала какъ слѣдуетъ. Весь обманъ заключается въ томъ, что всѣ бываютъ увѣрены, что магнитизируемая особа спитъ, и поэтому задаютъ вопросы вслухъ. Разговаривайте тихо въ другой комнатѣ и явитесь къ ней съ вопросами, она будетъ врать отъ начала до конца.

Не могу забыть Флоренціи, города также привѣтливаго, какъ и его жители. Несмотря на то, что Римъ такъ близокъ отъ Флоренціи, образованіемъ онъ далеко отстоитъ отъ нея. Складъ рѣчи у тосканцевъ такъ превосходенъ, что писатели другихъ городовъ и провинцій Италіи долгомъ считаютъ пожить во Флоренціи, гдѣ каждая фраза, сказанная простолюдиномъ, поражаетъ своимъ изяществомъ. Буква *c*, которая выговаривается всѣми итальянцами какъ *к*, напримѣръ: carozza (кароцца), произносится тосканцами мягко, какъ *х* — хороцца, и т. д. Лучшій выговоръ итальянскаго языка — римскій, поэтому у итальянцевъ есть извѣстная пословица: „La lingua toscana nella bocca romana“, т. е. языкъ тосканца въ устахъ римлянина.

Историческихъ средневѣковыхъ воспоминаній во Флоренціи бездна. Римъ богатъ памятниками древней исторіи, Тоскана-же средневѣковыми. Нѣтъ мѣста и дома, съ которыми не связано было-бы какое-либо историческое воспоминаніе; этотъ городъ бился до конца за свободу, пока богатый торговый домъ Медичи не упрочилъ наслѣдственнаго правленія за своимъ домомъ. Всѣ лучшіе таланты въ области политики, науки и художествъ родились въ этомъ благодатномъ уголкѣ Италіи!...

Жизнь во Флоренціи въ то время была не дорога и полна удобствъ; тутъ не слыхать о ворахъ и смертоубійствахъ; всѣ веселы; цвѣточницы съ улыбкою встрѣчаютъ васъ и сами прикалываютъ вамъ свѣжій душистый цвѣтокъ. Дадите ей за это денегъ—хорошо, нѣтъ—она съ улыбкою вамъ скажетъ: „прощайте!“ И все это дѣлается просто, радушно. Я крайне сожалѣлъ о томъ, что 15 лѣтъ прожилъ въ Римѣ и благодарилъ Бога, что, пріѣхавъ вторично въ Италію, я поселился во Флоренціи, гдѣ и прожилъ цѣлыхъ два года, до полученія извѣстія о смерти

ландшафтнаго гравера нашей петербургской академіи—Степана Филипповича Галактіонова.

Е. и. в. великая княгиня Марія Николаевна, президентъ нашей Академіи Художествъ, изволила назначить меня на мѣсто Галактіонова. Я отвѣчалъ согласіемъ и обѣщалъ возвратиться въ 1855 году, въ маѣ мѣсяцѣ.

LII.

За два мѣсяца до моего отъѣзда изъ Флоренціи, именно въ февралѣ 1855 г., вотъ что случилось: вставши рано утромъ и отворивъ окно (во Флоренціи и въ Римѣ я открывалъ окно каждое утро въ продолженіе всего года), я увидѣлъ у гауптвахты, которую занимали тогда австрійцы, массу столпившихся австрійскихъ офицеровъ. Зову моего Донъ-Гаетано и говорю: „Вѣрно что-нибудь случилось, посмотрите на эту массу офицеровъ!“

— „Вѣрно происходитъ наказаніе надъ солдатомъ, у нихъ въ полкахъ очень строго“, отвѣчалъ мой хозяинъ.

Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ. Не прошло и часу, ко мнѣ входитъ князь Щербатовъ и говоритъ: „Слышали-ли вы горестную новость?“

— „Нѣтъ“, отвѣчаю я.

„Императоръ Николай Павловичъ скончался“.

— „Боже мой, вскрикиваю я, Боже мой, неужели это правда? Вотъ несчастіе, постигшее насъ среди войны и злобы почти всей Европы противъ Россіи“.

Я пошелъ за газетою въ кофейню и точно вижу, что вчерашній день въ Петербургѣ скончался императоръ Николай Павловичъ. Какъ могуче было его имя: всюду были видны смущенныя лица, и всѣ какъ будто спрашивали другъ у друга: „чѣмъ-то кончится теперь эта война?“ А мы, русскіе, спѣшили повидаться и обмѣняться мыслями. Много было толковъ, я-же молилъ Бога, какъ-бы скорѣе уѣхать и начать жить дома спокойною жизнію, и, если можно, семейною, о которой я давно мечталъ. Я мысленно переносился къ тому очаровательному существу, которое я встрѣтилъ въ бытность въ Петербургѣ у

П. А. Плетнева, гдѣ я такъ пріятно провелъ вечеръ. Я укладывалъ помаленьку свои вещи, и въ это время какъ-будто для того, чтобы проститься со мною навсегда, пріѣхалъ изъ Рима мой искренній другъ, американецъ Томасъ-Крауфордъ, съ прелестною своею женою и дочерью. Мы много толковали съ нимъ о крымской войнѣ, которая была тогда въ полномъ разгарѣ....

На его критику дѣйствій Россіи я преспокойно отвѣчалъ Крауфорду: „Это не мое дѣло, у насъ есть люди, знающіе свое дѣло, на нихъ и лежитъ вся отвѣтственность“.

Онъ сообщилъ мнѣ пріятную и вмѣстѣ съ тѣмъ прискорбную вѣсть, что оставленные мною въ Римѣ, въ магазинѣ Фрецца, оттиски „Преображенія“ проданы, но что нѣтъ росписки, данной г. Фреццу отъ г. Каппело, который умеръ; у его жены не могутъ ее найти и денегъ безъ нея не могутъ заплатить. Не думалъ я тогда, что взятые г. Крауфордомъ оттиски постигнетъ та-же участь. Онъ также скончался, и его вдова тоже не могла найти росписку. Тѣмъ и кончилась моя заграничная продажа. Мою гравюру въ то время покупали любители; нѣкоторымъ знатокамъ я подарилъ ее на память и, какъ мнѣ говорили, имъ также удалось продать ее. Нѣкоторые оттиски были куплены однимъ и тѣмъ-же лицомъ въ двухъ экземплярахъ.

Рисов. профес. Солнцевъ.

LIII.

Собираясь въ дорогу и на службу въ академію художествъ, я съ прискорбіемъ вспоминалъ о кончинѣ бывшаго нашего президента, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, который при пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ въ 1850 году оказывалъ мнѣ свое милостивое благорасположеніе. Всякая встрѣча съ герцогомъ, его ласковое слово придавали мнѣ, такъ сказать, новую бодрость. Съ какимъ удовольствіемъ почтилъ онъ меня, въ 1851 г., за обѣдомъ послѣ акта, предложивъ тостъ за мое здоровье, поздравилъ меня съ окончаніемъ большаго труда и съ лестнымъ званіемъ профессора, въ которое я былъ только-что возведенъ. Боже мой, думалъ я, если-бы Провидѣніе дало мнѣ хотя одинъ годъ прослужить подъ его начальствомъ!

Я не могъ забыть и той минуты, когда Я. И. Ростовцевъ представилъ меня наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу съ просьбою поощрить мой трудъ покупкою оттисковъ „Преображенія“ во всѣ военные корпуса по одному экземпляру, что не могло быть обременительно для заведеній, а мнѣ чрезъ эту милость было-бы большое вспомоществованіе, на что цесаревичъ Александръ Николаевичъ далъ свое согласіе, и я могъ разомъ продать въ то время 20 слишкомъ оттисковъ, разумѣется, по уменьшенной цѣнѣ.

Эти счастливыя воспоминанія преслѣдовали меня на обратномъ пути въ Россію. Доѣхавъ безъ особыхъ приключеній въ Петербургъ, я вновь помѣстился у добраго моего профессора Н. И. Уткина. Продолжая жить у моего благодѣтеля, я былъ утвержденъ, въ концѣ мая мѣсяца 1855 г., профессоромъ гравированія, на мѣсто умершаго профессора Галактіонова, съ правомъ получить его квартиру, въ которой все еще жили его три дочери, изъ коихъ одна была уже вдовою; она была замужемъ за профессоромъ по медальерной части Уткинымъ.

Покойный Галактіоновъ былъ женатъ на дочери отца Егора, извѣстнаго протоіерея Смоленскаго кладбища, которое въ мое время было золотымъ дномъ. Этотъ старецъ, въ бытность свою старшимъ священникомъ кладбища, своею примѣрною дѣятельностью и бережливостью, на скопленныя деньги, вмѣсто дере-

вянной церкви соорудилъ просторную каменную церковь, которая существуетъ по сей день (1875 г.) и подъ которою, въ склепу, покоится его прахъ. Будучи слѣпымъ, отецъ Егоръ выходилъ на отпѣваніе и искалъ кутьи, съ которой собиралъ куски сахара (?). Его дочь, Марья Егоровна, будущая супруга нашего профессора, была красивая женщина, но не особенно далекая, все достоинство мужчинъ заключалось для нея въ чинѣ и орденѣ; такъ, напримѣръ, однажды, когда явился къ ней докторъ, то она, взглянувъ на петлицу его сюртука и не увидавъ ордена, сказала: „Мнѣ не васъ нужно, мнѣ нуженъ докторъ съ крестомъ".

Я часто бывалъ у почтеннаго и достойнаго ея мужа, но онъ имѣлъ тотъ недостатокъ, что хотя самъ много зналъ, но никому не передавалъ своихъ познаній. Съ прискорбіемъ замѣчалъ я, что его три взрослыя дочери не могли похвастать ни умомъ, ни красотою и были дурно воспитаны. Бывало мать вызоветъ ихъ, онѣ присядутъ, потупивъ глаза, затѣмъ опрометью и съ хохотомъ бѣгутъ въ другую комнату. Однажды, одинъ изъ ихъ родственниковъ сообщилъ мнѣ, что я считаюсь у нихъ женихомъ. Я такъ испугался, что бросилъ знакомство, не смотря на то, что отца ихъ искренно уважалъ. Старшая изъ этихъ барышень, Анна Степановна, сдѣлалась женою профессора Уткина, но не доставила ему семейнаго счастья.

Другія двѣ дочери, особенно-же средняя, Александра, была лучше другихъ, и мнѣ было очень жаль, что ея жизнь сложилась неудачно; послѣдняя, Екатерина, сошлась съ мужикомъ; обѣ онѣ умерли, только вдова осталась жива и вышла впослѣдствіи замужъ за своего дворника. Квартиру, послѣ выѣзда изъ нея семейства покойнаго профессора Галактіонова предоставленную мнѣ, я нашелъ въ самомъ безобразномъ видѣ.

Нѣсколько времени спустя, въ чудный іюньскій день, пообѣдавъ у Н. И. Уткина, мы по обыкновенію отправились пить кофе въ садъ, прилежащій къ его квартирѣ. Чувствуя себя въ веселомъ настроеніи духа, я завелъ съ нимъ разговоръ объ упоминаемой въ его письмѣ наградѣ, которая меня ожидаетъ дома. Смущаясь, онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Вѣрно, вы сами догадаетесь?" Разумѣется, я не задумался отвѣтить: что моею женою будетъ милая „Таня" Пушкина или никто. Услыхавъ, что почтеннѣйшее семейство Плетнева живетъ въ Лѣсномъ, я просилъ

Н. И. Уткина посѣтить его въ слѣдующее воскресенье; старичекъ улыбнулся и немедленно согласился. Разумѣется, я предупредилъ его, сказавъ: „Если можно имѣть надежду, я радъ, если-жъ нѣтъ, то не зачѣмъ тратить время, чтобы не навлечь на себя въ мои годы какихъ-нибудь непріятностей, въ родѣ шутокъ и насмѣшекъ, которыя меня страшили, когда я думалъ о ней еще въ Флоренціи; но припоминая ея годы и ея обстановку, мнѣ кажется, голубчикъ Н. И., что оно неисполнимо“. Старичекъ улыбался и потиралъ руки. „Дождитесь воскресенья, тогда вы сами увидите и сами поговорите“.

Изъ словъ Н. И. я увидалъ, что это фактъ рѣшенный, дождусь воскресенья и, увидавъ голубку Варю, буду дѣйствовать рѣшительно. Такъ и случилось. Настало воскресенье, день былъ отличный, послѣ обѣда мы взяли извозчика и отправились въ Лѣсной. Хотя я ѣхалъ этою дорогою первый разъ, но я не обращалъ вниманія на выстроенныя по сторонамъ ея дачи. Я былъ весь поглощенъ мыслію о предстоявшемъ мнѣ свиданіи. Наконецъ, я увидалъ холмикъ, на которомъ стояла небольшая деревянная часовня и порядочно большой домъ. Тутъ мы остановились. Я постарался молодецки соскочить съ дрожекъ, стряхнуть съ плечъ пыль и повзъерошить волосы на вискахъ. Почтенный г. Плетневъ съ рѣдкою привѣтливостью встрѣтилъ насъ вмѣстѣ со своею красавицею женою; оба радовались нашему неожиданному пріѣзду. Не много погодя, моя „Таня“ съ сестрицею привѣтствовали насъ въ одинъ голосъ: „Вы опять были въ Италіи. Ахъ какъ вы счастливы!“

Я невольно выдалъ чувства, волновавшія меня при этой встрѣчѣ, и, заикаясь, отвѣчалъ на ихъ вопросы. Милые хозяева предложили покатать насъ въ коляскѣ, которая скоро была подана. По возвращеніи съ прогулки, я пошелъ съ предметомъ своей страсти въ палисадникъ, сорвалъ бѣлую астру и началъ выдергивать ея листочки, приговаривая: „Люблю тебя всѣмъ сердцемъ, всею душою“ и т. д. Послѣдній бѣлый листокъ былъ: „Люблю тебя всею душою“. Она приняла это привѣтствіе невиннаго цвѣтка довольно холодно. Мнѣ она показалась какъ будто гордою. Я видѣлъ по первому визиту, что дѣло можетъ устроиться, только потребуется много терпѣнія, и боялся, что не выдержу. Болѣе всего меня безпокоило, когда я случайно видѣлъ въ зер-

калѣ свое изображеніе. За границею, въ небольшихъ зеркалахъ я привыкъ видѣть только часть своей фигуры, которая не особенно была подходящая для претендента красивой, молодой и отлично воспитанной дѣвицы Варвары Александровны Пущиной; имя и фамилію ея я теперь выучилъ.

Насъ пригласили къ столу, на которомъ красовалась простокваша съ толчеными черными сухарями и сахаромъ. Ручки милой моей В. А. надѣлили каждаго изъ насъ; затѣмъ былъ поданъ вкусный чай; наконецъ, настала пора собираться въ путь. Прощаясь, я чуть чуть пожалъ ручку милой В. А., но она съ ледяною холодностью вынула свою руку изъ моей и на мою страстную улыбку отвѣчала принужденно: „прощайте!“

Простившись со всѣми съ улыбкою на устахъ, я чуть не упалъ на дрожки, такое отчаяніе овладѣло мною. Н. И. Уткинъ скоро замѣтилъ мое грустное настроеніе; выхваляя до небесъ это прекрасное семейство, онъ любопытствовалъ узнать, какъ я провелъ время съ (единоутробною) сестрицею Александры Васильевны. Онъ хвалилъ Варвару Александровну, говоря: „какая образованная дѣвушка, не правда-ли?“ Я отвѣчалъ нерѣшительно.

Послѣ этого визита я посѣщалъ Плетневыхъ почти каждое воскресенье. В. А. стала любезнѣе со мною, я-же кипѣлъ какъ кратеръ Везувія. Дѣло подвигалось впередъ. Настало 28-е іюля 1855 г.; утромъ пріѣхалъ П. А. Плетневъ, приглашая меня быть въ университетѣ къ тремъ часамъ и затѣмъ ѣхать къ нему обѣдать; „вѣроятно, вы услышите у насъ для себя пріятное“, сказалъ онъ. При этомъ я тотчасъ согласился. Утромъ у насъ въ академіи былъ совѣтъ; по окончаніи его, я подошелъ къ Ѳ. А. Бруни и говорю ему: „Сегодня, должно быть, кончится мое дѣло.“ Онъ съ радостью пожелалъ мнѣ успѣха, сказавъ, что немедленно передастъ эту новость Анжеликѣ. Я просилъ его не считать это дѣло рѣшеннымъ и обѣщалъ сообщить ему на слѣдующій день все то, что случится со мною. Въ три часа я былъ у П. А. Плетнева, гдѣ въ первый разъ увидалъ явившагося къ нему съ бумагами его секретаря, съ безволосою круглою головкою. Это былъ, впослѣдствіи нами сердечно любимый, Дмит. Ник. Умновъ; съ его семействомъ мы, такъ сказать, совершенно сроднились. Добраго старичка недавно (1875 г.) схоронили.

Погода въ тотъ памятный для меня день была отличная.

Всевозможныя мысли занимали и страшили меня, когда я вспоминалъ о цѣли моей поѣздки. За недѣлю до этого я просилъ моего профессора Н. И. Уткина узнать мнѣніе обо мнѣ Александры Васильевны Плетневой, замѣнявшей Варварѣ Александровнѣ родную мать, и на какое я могу расчитывать приданое: это былъ вопросъ первой важности, такъ какъ на получаемое мною содержаніе и на мой заработокъ я не могъ доставить В. А. тотъ комфортъ, къ которому она привыкла; а годы мои не давали мнѣ права сдѣлать столь важный шагъ необдуманно, подобно какому-нибудь юношѣ. Профессоръ привезъ отвѣтъ самый удовлетворительный: невѣста имѣла порядочное состояніе, была примѣрно трудолюбива, наука и хозяйство—ея первыя занятія, встаетъ Варвара Александровна въ 5 час. утра, гостей терпѣть не можетъ, въ гости ходить не любитъ и всю свою жизнь посвятитъ своему избранному. Боже избави, чтобы она рѣшилась прекословить своему мужу. Смиреніе, кротость и живая молитва къ Богу — вотъ девизъ ея будущей жизни: быть агнцемъ покорности и кротости передъ мужемъ, во всемъ его слушать и безпрекословно во всемъ ему повиноваться.

Отвѣтъ изъ Лѣснаго душевно меня обрадовалъ и хотя было нѣкоторое раздумье, но я ѣхалъ съ надеждою встрѣтить милую мою невѣсту во всей ея красотѣ, въ чемъ и не ошибся. Варвара Александровна была одѣта вся въ бѣломъ; лицо ея казалось мнѣ нѣсколько опухшимъ и глаза красными, и я узналъ, что она была у обѣдни, которую простояла на колѣнахъ, не переставая усердно молиться со слезами на глазахъ, отчего глаза ея и были красны. Сѣли за столъ; разговоръ шелъ объ отвлеченныхъ предметахъ; невѣста мало кушала. Вставши изъ-за стола, я улучилъ минуту, и оставшись съ В. А. наединѣ, я высказалъ свои чувства любви къ ней, и она едва внятнымъ голосомъ дала на мое предложеніе свое согласіе. Мы поцѣловались и приняли поздравленіе со стороны глубоко уважаемыхъ ея родныхъ. У меня точно гора свалилась съ плечъ. Пошли веселые разговоры. Возвратившись домой, я все передалъ Н. И. Уткину и тѣмъ обрадовалъ моего почтеннаго профессора, который въ этомъ дѣлѣ оказался сватомъ.

Всѣмъ знакомымъ было объявлено, что В. А. Пущина невѣста. Я пріѣзжалъ очень часто для свиданія съ нею и

мнѣ всегда было совѣстно, когда случавшіеся тутъ гости любопытствовали увидать жениха и, познакомившись со мною, выражали своею улыбкою какъ-бы недоумѣніе, невѣста-же и ея родственники относились ко мнѣ отлично. Я каждое воскресенье запасался подаркомъ изъ фунта конфектъ. Онѣ давали мнѣ много хлопотъ, ибо я выбиралъ конфекты съ художественной точки зрѣнія, въ видѣ ягодъ и другихъ плодовъ, и старался, сидя на извозчикѣ, беречь ихъ, чтобы отъ тряски не потеряли онѣ своего вида. По пріѣздѣ, я съ осторожностью и съ улыбкою влюбленнаго, вручалъ мой подарокъ невѣстѣ, вполнѣ увѣренный получить благодарность отъ нея. Она-же довольно холодно передавала его своей горничной Машѣ. Хотя меня это и обижало, но любовь забывчива, и каждое воскресенье, отправляясь въ Лѣсной, я заходилъ на уголъ 4-й линіи и Большаго проспекта къ старинному кондитеру Миленіусу и запасался у него разукрашенною сластью. Наконецъ, моя невѣста, увидавъ, что я не знаю толку въ конфектахъ, совершенно хладнокровно объяснила мнѣ, что она ихъ не кушаетъ, а отдаетъ своей прислугѣ. Это заявленіе поразило меня.

Какъ скоро знакомые Плетневыхъ узнали, что В. А. Пущина сдѣлалась невѣстою, я сталъ встрѣчать у нихъ много гостей, которыхъ все вниманіе было обращено на меня, и вмѣсто ласковаго взгляда, посѣтители, которымъ меня представляли, всѣ очень серьезно протягивали мнѣ руку, говоря принужденно: „Поздравляемъ васъ“. Замѣчая, что я много теряю не столько отъ годовъ, какъ отъ своихъ сѣдыхъ волосъ, хотя ихъ и приписывали многолѣтнему моему труду, я чувствовалъ, что этой бѣдѣ слѣдуетъ помочь. Однажды, когда я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за работою, приходитъ ко мнѣ племянникъ моего профессора Н. И. Уткина—г. Глуховъ и, разговорившись о моей молодой невѣстѣ, о несоотвѣтствіи моихъ лѣтъ и моей сѣдинѣ, онъ началъ утѣшать меня, говоря, что этому горю можно помочь; спросивъ у меня денегъ, онъ сказалъ: „Черезъ полтора часа вы будете 25-ти лѣтнимъ молодцомъ“.

Принесли какое-то снадобье, онъ развелъ его водою, вымазалъ мнѣ волосы и обложилъ голову капустными листьями, отъ которыхъ я испытывалъ непріятное ощущеніе сырости и холода. Черезъ часъ Глуховъ все снялъ, вымылъ мнѣ волосы и я ужас-

нулся, увидавъ себя въ зеркалѣ: волоса изъ бѣлыхъ преобразились въ черные какъ смоль, но притомъ сухіе, безжизненные волосы.

Я не зналъ, что дѣлать, мнѣ было совѣстно самого себя, видя до какой глупости можетъ довести неподходящая моему возрасту любовь. Но дѣло было сдѣлано. Къ обѣду я спустился въ нижній этажъ; мой старичекъ-профессоръ и его 90-то лѣтняя сестрица, Пелагея Ивановна, разговаривали со мною, ничего не замѣчая.

„Надобно увѣдомить мою невѣсту", подумалъ я, а то „молодой глазъ тотчасъ замѣтитъ". Я описалъ свой поступокъ въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ, объяснивъ происшедшую въ моей наружности перемѣну тѣмъ, что я и по внѣшности желалъ быть вполнѣ достойнымъ ея любви. Затѣмъ я началъ радоваться моему рѣшительному поступку, какъ вдругъ получаю громоносный отвѣтъ, порицающій мой необдуманный поступокъ, который ее крайне опечалилъ и обидѣлъ, какъ будто она можетъ любить меня болѣе съ черными, нежели съ сѣдыми волосами. В. А. писала, что она горько плакала, прочитавъ мое письмо, и что съ эгими волосами она меня не приметъ. Въ томъ-же духѣ получилъ я письмо и отъ достопочтеннаго П. А. Плетнева. Дѣлать было нечего, надо было отправиться къ парикмахеру и обрить волосы, что я и сдѣлалъ, получивъ отъ него для прикрытія голой головы самый безобразный старый парикъ, о чемъ я и увѣдомилъ мою невѣсту. Моею рѣшимостью В. А. осталась очень довольна и на мое желаніе не являться въ ея домъ ранѣе, нежели выростутъ мои природные волосы, она согласилась, обѣщая смягчить нашу разлуку своимъ собственнымъ посѣщеніемъ, что очень обрадовало меня, такъ какъ моя привязанность къ моей невѣстѣ росла съ каждымъ днемъ; она навѣщала меня въ сопровожденіи своей прислуги Афросиньи почти ежедневно въ отдѣлываемой для насъ квартирѣ. Волоса мои, наконецъ, подросли, квартира какъ ремонтомъ, такъ и меблировкою приходила къ концу; парикъ былъ отданъ его владѣльцу парикмахеру и мы начали помышлять о назначеніи дня свадьбы на 30-е октября 1855 года.

Послѣ неудачи, постигшей меня съ конфектами, я не потерялъ, однако, любви къ подношенію подарковъ, и по переѣздѣ моей невѣ-

сты изъ Лѣснаго въ городъ, зачастую являлся къ ней съ корзиною винограда, участь котораго была счастливѣе конфектъ. Но иной разъ, по моей забывчивости, Варварѣ Александровнѣ не приходилось отвѣдать его: войдешь бывало къ ней и отъ радости свиданія начнешь болтать съ нею и съ ея родными, пройдетъ полчасика и вдругъ чувствуешь, что въ карманѣ лежитъ что-то мокрое; тутъ только и вспомнишь о принесенномъ винограде, который уже успѣлъ, между тѣмъ, обратиться въ лепешку.

Однажды, подобная забывчивость была вызвана непростительною дерзостью перевозчика, которая меня чрезвычайно разстроила. Я шелъ по набережной Невы, и подойдя къ перевозу, бывшему не далеко отъ университета, остановился и, опершись на перила, смотрѣлъ на рѣку. Перевозчики предполагали, что я спущусь къ пристани и сяду въ одну изъ лодокъ, чтобы переѣхать черезъ Неву, поэтому каждый изъ нихъ наперерывъ предлагалъ свою лодку. Я-же, постоявъ немного, преспокойно отправился далѣе; вдругъ слышу голосъ одного изъ нихъ:

— „Экій старый чортъ, обманулъ насъ!“

Боже мой, въ эту минуту я свѣта Божьяго не взвидѣлъ! Черезъ двѣ недѣли свадьба, а тутъ я простоялъ двѣ минуты въ темнотѣ и мужикъ обозвалъ уже меня старикомъ! Я направился совершенно растерянный къ университету; невѣста, встрѣтивъ меня, замѣтила мое смущеніе и тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ меня:

— „Вѣрно съ вами что-нибудь случилось?“

„Ничего, сударыня, я немного оступился у пристани“, отвѣчалъ я.

— „Боже мой, не получили-ли вы ушиба?“

„Нѣтъ, ничего, только я почувствовалъ боль!“ былъ мой отвѣтъ.

Все время я старался держать себя на выдержкѣ, и сѣвъ на стулъ съ шикомъ, разомъ почувствовалъ въ карманѣ холодъ и сырость. Все время я былъ очень разговорчивъ, такъ что милая В. А. осталась мною очень довольна, не предполагая, что $1^1/_2$ фунта винограда были жертвою разыгрываемой мною веселости. Какъ ни старался я выбросить изъ головы роковое слово перевозчика, оно глубоко засѣло въ моей памяти.

Со мною случилось еще одно происшествіе въ этомъ родѣ:

въ субботу, 29-го октября 1855 г., за день до свадьбы, я пошелъ въ баню; беру парильщика, чтобы онъ вымылъ меня какъ можно старательнѣе. Желая сообщить ему цѣль моего омовенія, я объявляю ему, что завтра, если Богъ велитъ, моя свадьба.

— „Ну, баринъ, кажется поздненько!“ замѣтилъ онъ.

Это было какъ-бы подтвержденіе словъ перевозчика. Вымывъ лицо холодною водою, мнѣ вновь стало грустно.

Самое пріятное время было для меня, когда при переѣздѣ съ дачи родственниковъ моей невѣсты, намъ назначали особую небольшую комнату, гдѣ мы могли разговаривать, будучи совершенно одни. Невѣста моя была прелестна.

Тогда-же въ первый я разъ познакомился съ подругою моей жены, Маріею Н. Беккеръ, которая по уму и прекрасному своему сердцу была намъ искреннимъ другомъ, а впослѣдствіи сдѣлалась даже нашею родственницею.

Настало утро 30-го октября 1855 г. Я просилъ заранѣе графиню Анастасію Ивановну Толстую, жену нашего вице-президента графа Ѳ. П. Толстаго, быть моею посаженною матерью, Н. Н. Уткина—моимъ посаженнымъ отцомъ. Гг. Ухтомскій и В. В. Стасовъ взялись быть моими шаферами. Старый мой другъ А. М. Горяиновъ былъ все время мнѣ воистину другомъ и остался таковымъ до конца своей жизни мнѣ, Варѣ и моей дочери Шурѣ: всѣ хлопоты лежали на немъ; онъ, какъ вдовецъ, былъ знакомъ съ трудностями этого хлопотливаго дня. Мой родственникъ В. Б. Лакіеръ взялъ на себя хлопоты насчетъ церкви и пѣвчихъ, незабвенный-же Петръ Александровичъ Плетневъ и добрѣйшая сестрица моей невѣсты, его жена, Александра Васильевна, взяла на себя издержки по угощенію и обѣду на другой день, за что и приносили мы оба искреннюю нашу благодарность.

Утромъ въ день свадьбы явился ко мнѣ псаломщикъ университетской церкви, гдѣ должно было совершиться наше бракосочетаніе, съ книгою и съ установленными правилами для лицъ иностраннаго вѣроисповѣданія, вступающихъ въ бракъ съ православными. Я долженъ былъ подписать, что не буду противорѣчить обрядамъ православной церкви, что дѣти мои должны быть православными и т. д. Желая для милой моей невѣсты сдѣлать этотъ великій день въ жизни болѣе торжественнымъ, я просилъ

приглашенныхъ быть въ мундирахъ, и всѣ, по добротѣ своей, исполнили мою просьбу.

Къ семи часамъ вечера все было готово; добрый мой Н. И. Уткинъ, по совѣту А. М. Горяинова, купилъ богатый образъ Спасителя въ великолѣпной ризѣ, которымъ и благословилъ меня; затѣмъ Н. И. Уткинъ, А. М. Горяиновъ и я сѣли въ карету и поѣхали къ графинѣ Ан. Ив. Толстой. Она, какъ посаженная мать, вновь благословила меня образомъ и хлѣбомъ съ солью, и мы отправились въ университетскую церковь, гдѣ полковые пѣвчіе встрѣтили меня шумнымъ концертомъ.

А. М. Горяиновъ нанялъ отличную карету, лошади были превосходныя и неслись во весь духъ. На углу у Кадетскаго корпуса и набережной такъ повернули, что чуть не убили сѣдоковъ, но Богъ насъ спасъ, и мы, какъ говорится, шикарно подъѣхали къ университетской церкви. Здѣсь мнѣ пришлось очень долго ждать моей невѣсты. Вдругъ я слышу какое-то смятеніе: входная дверь въ церковь запирается, пѣвчіе задаютъ тонъ, а я думаю: „Ну, слава Богу, пріѣхала“. Начинается концертъ, оглядываюсь и вижу сѣдовласую m-me Bruloff, всю въ брильянтахъ и разодѣтую. Дверь вновь отворяется; на первомъ планѣ достопочтенный П. А. Плетневъ ведетъ мою невѣсту подъ руку и за ними тянется цѣлая процессія лентъ и звѣздъ. Моя невѣста была въ богатомъ подвѣнечномъ платьѣ, но съ красными распухшими отъ слезъ глазами. Ведутъ меня, раба Божія, на середину, и начинается служба. Чудныя молитвы на сей случай читались университетскимъ священникомъ едва внятнымъ голосомъ, за то отецъ дьяконъ нашей академической церкви, Влад. П. Постниковъ, своимъ сильнымъ голосомъ возвѣстилъ собравшимся гостямъ, что вѣнчается рабъ Божій Ѳедоръ рабѣ Божьей Варварѣ. По окончаніи службы начались поцѣлуи и поздравленія. Я сталъ человѣкомъ семейнымъ....

Мое занятіе въ то время состояло въ гравированіи портрета Н. В. Гоголя, завѣщеннаго самимъ Гоголемъ. Ко мнѣ явился г. П. Кулишъ съ оригиналомъ Моллера,—портретомъ весьма схожимъ и хорошо написаннымъ. Мнѣ хотѣлось было выгравировать его строгимъ манеромъ, но, въ силу нѣкоторыхъ чисто личныхъ соображеній, я рѣшился выгравировать его рисоваль-

нымъ манеромъ, чему многіе удивлялись. Жена моя уѣхала в 1856 году въ Парижъ и тамъ прожила до марта 1857 г.

Мы съ нею свыкались все болѣе и болѣе и время показа послѣ 21 года нашего супружества[1]), что она обладала наидобрѣйшимъ сердцемъ и была супругою поистинѣ безупречною, несмотря на многія искушенія, которыя готовила ей жизнь.

LIV.

Здѣсь я и оканчиваю описаніе моей жизни, ибо съ 1856 год по сей день, 8-ое марта 1876 года, имѣется мой дневникъ, в которомъ записаны, день за днемъ, всѣ событія нашей жизни занятія и все, что относится до нашей семейной жизни,

Теперь мнѣ остается сдѣлать нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ. Во-первыхъ, я долженъ сказать, что я дѣлалъ съ самаг поступленія моего въ граверы.

Въ граверы я поступилъ, будучи прельщенъ наружность будущаго моего профессора Н. И. Уткина. Его наружность внушала къ нему не только уваженіе, но какое-то благоговѣніе эти чувства я питалъ къ нему до конца свой жизни. Я поступилъ въ граверы въ 1818 году. Прежде всего Уткинъ занялъ меня рисованіемъ съ эстампа Вольпато, аѳинская школа. перомъ. Сдѣлавъ небольшую частичку эстампа перомъ, пришлось знакомиться съ мѣдною доскою и грабштихелемъ, начать прескучное дѣло — тянуть штрихи. Мнѣ пришлось истянуть двѣ доски, пока рука привыкла къ нимъ. Третья доска была уже серьезнымъ дѣломъ: пришлось гравировать части тѣла, глазки и т. п., затѣмъ гравировать спинку купидона съ оригинала нѣмецкаго гравера Герца. Окончивъ эту работу, я приступилъ къ гравированію съ знаменитой гравюры Эделинка „Портретъ кардинала“, и, наконецъ, началъ гравировать, по крѣпкой водкѣ. „Испанскаго музыканта, играющаго на мандолинѣ“. Тѣмъ и окончилась моя школа—изученіемъ копированія съ гравюръ.

Теперь предстояло сдѣлать рисунокъ съ картины и начать самому располагать штрихи, что для гравера почти также

[1]) Писано въ 1876 г.

рудно, какъ ученику живописцу сочинить эскизъ. Мнѣ всегда равилась картина П. Соколова: „Меркурій усыпляетъ Аргуса“, е по колеру, но по рисунку. Этотъ рисунокъ я началъ только ля рисованія, отнюдь не предполагая, что мнѣ придется его равировать. По окончаніи его, я подалъ этотъ рисунокъ на экза-енъ, гдѣ всѣмъ совѣтомъ было рѣшено, что мнѣ слѣдуетъ его ыгравировать въ видѣ программы на малую золотую медаль. [ужаснулся этой задачѣ, такъ какъ оставалось мало времени о экзамена, къ тому-же я не былъ подготовленъ гравировать ъ рисунка. Съ убійственнымъ трудомъ окончилъ я, однако, аданную мнѣ программу и получилъ въ 1824 году малую золотую едаль, послѣ чего я сдѣлался настоящимъ граверомъ.

Въ то время какъ я гравировалъ на 2-ую золотую медаль, у еня былъ товарищъ, граверъ по ландшафтной части, А. Ѳ. Брейтгорнъ, который не уступалъ мнѣ въ прилежаніи, гравируя на 2-ую золотую медаль съ картины Дитриха „Тивольскій водо-адъ“. Желая окончить наши программы, мы чуть не удушили ебя, и у насъ стала болѣть грудь, поэтому мы и купили гор-ечекъ дегтя и ночью глотали его по большой ложкѣ, желая этимъ сберечь свою грудь, на которой лежа работали по цѣлымъ днямъ; намъ говорили, будто деготь укрѣпляетъ грудь. Дурнота отъ него мучила насъ весь день.

Въ 1824 году, т. е. въ послѣдній годъ нашего ученья въ академіи, мы вставали лѣтомъ въ два часа утра, если-же не вста-вались, то, по взаимному условію, обливали другъ друга холодною водою. Благодаря такому прилежанію, мы окончили наши про-граммы и получили награду—малую золотую медаль.

По выпускѣ изъ академіи первою моею работою былъ портретъ (за 300 р.) извѣстной танцовщицы Истоминой для альманаха „Русская Талія“, издаваемаго Ѳ. Булгаринымъ. Эта работа, при всей ея слабости, понравилась нашему дѣятельному президенту Алексѣю Николаевичу Оленину. Онъ отрекомендовалъ меня издателю басенъ знаменитаго баснописца И. А. Крылова, И. В. Сленину, и я получилъ отъ него заказъ выгравировать для этого изданія „Собачью дружбу“; затѣмъ я выгравировалъ портретъ знаменитаго актера Каратыгина для альбома г. Аладьина. По-слѣ этихъ работъ для профессора Френа выгравировалъ массу досокъ, снимки съ древнихъ восточныхъ монетъ. Тѣмъ и окон-

чились мои занятія въ Петербургѣ, съ 1818 года, т. е. съ поступленія моего въ граверный классъ по 1829 годъ, годъ моего отъѣзда, въ августѣ мѣсяцѣ, въ чужіе края.

По пріѣздѣ въ Парижъ и по вступленіи въ ученики къ г-ну Ришому, я началъ рисовать съ его рисунка портреты Рафаэля съ Перуджини. Окончивъ рисунокъ, началъ гравировать. Съ наступленіемъ тепла, такъ какъ зимою въ галлереѣ Лувра холодно я избралъ картину Рафаэля „Просыпающійся младенецъ Іисусъ. Матерь Божія Марія поднимаетъ флеръ"; тутъ находятся въ тѣни и святые. Я началъ дѣлать съ нея рисунокъ, и, окончивъ его, едва началъ гравировать, какъ въ Парижѣ возгорѣлась революція, въ концѣ іюля мѣсяца 1830 года. Послѣдствіемъ этого несчастнаго событія было то, что наше правительство отправило меня въ Лондонъ съ неоконченными гравюрами „Святое семейство", и двухъ портретовъ.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, я поступилъ въ ученики къ г. Раймбаху, у котораго былъ обязанъ начать снова доску „Святое семейство". Г-нъ Раймбахъ желалъ начать гравировать сперва по крѣпкой водкѣ, à l'eau forte. Позанявшись у него съ годъ, я перешелъ къ г-ну Робинсону, превосходному человѣку, и какъ граверу—одному изъ лучшихъ въ Лондонѣ, переселился жить къ нему и въ два года моего жительства у него окончилъ начатыя мною въ Парижѣ гравюры портретовъ Рафаэля съ Перуджини, и гравюру „Святое семейство" съ Рафаэля. Я выгравировалъ у Робинсона небольшой портретъ англійскаго военнаго и сдѣлалъ гравюру на стали для изданія произведеній извѣстнаго англійскаго живописца Хогардта.

Затѣмъ въ 1833 г. я отправился въ Италію, пробылъ долгое время въ Болоніи, дѣлая рисунокъ, по рекомендаціи К. П. Брюллова, въ церкви Madonna della Galiera, съ Франческа Альбани. По пріѣздѣ въ Римъ, по желанію опять таки К. П. Брюллова, я началъ рисунокъ съ картины „Преображеніе" Рафаэля, затѣмъ выгравировалъ съ нея доску къ 1850-му году. Въ это-же время я выгравировалъ портретъ в. к. Михаила Павловича, небольшой портретъ поэта Н. М. Языкова, много контуровъ для русскаго изданія „Помпея" и англійскаго изданія поэмы „Душенька", написанной для М-me Струтъ Гибсономъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я выгравировалъ доску: „Дипломъ

я почетныхъ членовъ академіи художествъ", сдѣлалъ три исунка съ картинъ профессора Угрюмова. Затѣмъ совѣтъ адеміи художествъ предоставилъ мнѣ заказъ отъ академіи: дѣлать рисунокъ съ картины проф. Егорова „Истязаніе пасителя"; окончивъ этотъ заказъ, я получилъ право выгравировать его съ назначеніемъ мнѣ пенсіонерскаго содержанія по 0 руб: въ теченіе шести лѣтъ; эту гравюру я окончилъ въ 867 году, исполнивъ въ теченіе этого времени и другія работы, акъ-то: портреты Н. В. Гоголя, Лермонтова и Бѣлинскаго.

Когда я окончилъ мою большую доску „Истязаніе Спасителя", нѣ было уже въ то время 67 лѣтъ отъ роду, я хотѣлъ начать ъ своего рисунка, привезеннаго изъ Рима, гравюру „Христосъ позорнаго столба, оплакиваемый Ангелами", но такъ какъ оска, контуръ и грунтовка доски оказались неудачными, и въ обавокъ я не могъ въ мои годы расчитывать на то, что мнѣ дастся довести эту работу до конца, то я и рѣшился оставить е и подарилъ какъ доску, такъ и рисунокъ любимому моему ченику П. К. Константинову, который въ 1882 г. окончилъ съ нея весьма тщательно исполненную гравюру; я-же началъ заниматься мелкими работами, разными портретами, изъ коихъ первымъ выгравировалъ свой собственный, съ отличной фотографіи Деніера, затѣмъ портретъ государя Александра II-го, наслѣдника цесаревича и великаго князя Александра Александровича, президента академіи художествъ великаго князя Владиміра Александровича, основателя нашей академіи графа Н. И. Шувалова, графа А. И. Шувалова, ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева, сенатора Дмитрія Алсд. Ровинскаго, поэта Державина, игумена Валаамскаго монастыря Дамаскина, гравера Скородумова и шесть досокъ для археологическаго общества.

Передъ отъѣздомъ изъ Рима въ 1849 году, я сдѣлалъ для извѣстнаго англійскаго скульптора Гибсона пунктирнымъ манеромъ двѣ доски съ его двухъ рисунковъ.

Во время гравированія доски „Истязаніе Спасителя", я провелъ два года (1853 и 1854 гг.) во Флоренціи. Во время всемірной выставки въ Лондонѣ въ 1862 г. былъ назначенъ экспертомъ на эту выставку, и пробылъ въ Лондонѣ почти весь 1862-й годъ.

Окончивъ доску „Истязаніе“ въ 1867 году, ѣздилъ печатать ее сперва въ Берлинъ, затѣмъ въ Парижъ, гдѣ она и была окончательно отпечатана въ двухъ стахъ экземплярахъ.

Тѣмъ и окончилась моя дѣятельность по любимому мною искусству гравированія на мѣди и стали до 1882 года, когда я началъ мою теперешнюю работу, новую доску съ тремя портретами Левицкаго, Шебуева и Егорова, и имѣя уже $82^1/_2$ года отъ рожденія. Одному Богу извѣстно, буду-ли я имѣть силы оный трудъ окончить! Предоставляю его Промыслу Всевышняго! Аминь.

Ѳ. И. Іорданъ.

Писано въ 1875—1882 гг.

КОНЕЦЪ.

Проф. Ѳ. Солнцевъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1868 г. [1]).

Январь 4. Четвергъ. На публичномъ засѣданіи съѣзда естествоиспытателей. Это было послѣднее засѣданіе. Публики множество. Читали рѣчи: Юнге окулистъ, Совѣтовъ агрономъ, Здекауеръ и Симашко. Предсѣдатель Кеслеръ произнесъ заключительную рѣчь. Но всѣхъ лучше была рѣчь Юнге. Она, какъ и рѣчи другихъ ораторовъ, была направлена противъ преобладанія классическаго образованія. Вообще весь съѣздъ принялъ странный характеръ демонстраціи противъ системы министерства народнаго просвѣщенія, на основаніи которой изученіе классическихъ языковъ

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. **1888** г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент. стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. **1889** г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; іюнь, стр. 577—598; т. LXIII, іюль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; изд. **1890** г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629 — 653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296; іюнь, стр. 611—638; т. LXVII, іюль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 585—614; изд. **1891** г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; іюнь, стр. 617—655; т. LXXI, іюль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII. октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448.

въ гимназіяхъ дѣлается господствующимъ и почти исключительнымъ по идеямъ Каткова и Леонтьева.

6. Суббота. Обѣдалъ у Павла Никитича Меншикова. Раза два въ годъ онъ даетъ своимъ пріятелямъ лукулловскіе обѣды. Для меня это, какъ говорится, кормъ не въ коня, но я не могъ уклониться отъ безгранично ласковаго, радушнаго приглашенія.

7. Воскресенье. Былъ у меня профессоръ Медикохирургической академіи Якубовичъ. Любопытный разговоръ о военномъ министрѣ и о Дубовицкомъ, которые, по словамъ Якубовича, стараются сдѣлать изъ академіи школу. Конечно, это очень жаль, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы она начала было сильно возвышаться и процвѣтать. Онъ разсказывалъ мнѣ невѣроятныя нелѣпости—если только онѣ дѣйствительно случились. Впрочемъ, тоже говорилъ мнѣ и Глѣбовъ.

8. Понедѣльникъ. Похороны князя Долгорукова, бывшаго шефа жандармовъ и одного изъ любимцевъ государя. О немъ, кажется, нечего больше сказать, какъ только „выѣхалъ въ Ростовъ", хотя онъ занималъ важныя должности, былъ военнымъ министромъ и пр. Говорятъ, онъ былъ добрый человѣкъ, но врядъ-ли годился на что другое, какъ только на то, чтобы слыть добрымъ человѣкомъ.

9. Вторникъ. На балѣ во дворцѣ. Встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣчаешься только въ такихъ многочисленныхъ собраніяхъ. Увидѣлся, между прочимъ, съ Т., который опять призванъ къ государственной дѣятельности.

12. Пятница. У насъ съ людьми часто совершаются странныя метаморфозы. Вотъ, кажется, умный, хорошій человѣкъ: поставили его на видное мѣсто, дали ему власть, и выходитъ человѣкъ такой посредственный, что только вздохнешь отъ глубины сердца и съ сокрушеніемъ скажешь: какъ бѣдны мы въ настоящее трудное время дѣятелями серьезными, истинно государственными!

Общее собраніе академіи. Предложенъ былъ вопросъ, по поводу Крыловскаго юбилея 2-го февраля: праздновать-ли этотъ день одному только второму отдѣленію или всей академіи? Нѣкоторые были того мнѣнія, что празднество должно ограничиться Отдѣленіемъ, такъ какъ Крыловъ былъ не ученый, а литера-

оръ. Другіе, въ томъ числѣ и я, высказали мысль, что Крыловъ оставляетъ часть нашей всенародной славы и что хотя онъ не былъ ни филологъ, ни лингвистъ, однако оказалъ огромныя услуги отечественному языку своими произведеніями. Президентъ пригласилъ встать тѣхъ, которые въ пользу празднованія не всею академіею: встали всѣ, и тѣмъ дѣло рѣшилось.

13. Суббота. Вчера морозъ доходилъ на Невѣ до 35°, а сегодня, говорятъ, доходитъ до 37°.

Приходится писать рѣчь о Крыловѣ къ юбилею, а времени остается всего двѣ недѣли. Вотъ надпись къ памятнику Крылова, что въ Лѣтнемъ саду, написанная [Шумахеромъ] и напечатанная, кажется, въ „Искрѣ“:

„Лукавый дѣдушка съ гранитной высоты
Глядитъ, какъ рѣзвятся у ногъ его ребята
И думаетъ: милѣйшія звѣрята,
Какіе, выросши, вы будете скоты“.

Почему-бы, кажется, не предоставить каждому человѣку и каждому народу устраивать свои дѣла и жить, какъ онъ знаетъ и хочетъ. Но бѣда въ томъ, что дайте каждому волю это дѣлать, и онъ тотчасъ залѣзетъ въ чужой карманъ, въ чужое право или въ чужую землю.

Если гдѣ-либо нуженъ геній, то это въ поэзіи и въ дѣлахъ финансовыхъ.

Февраль 13. Вторникъ. Рѣчь моя (о Крыловѣ) появилась въ „С. П. Б. Вѣдомостяхъ“, въ 39 и 42 номерахъ.

14. Среда. До меня доходятъ вѣсти, что моя рѣчь принята въ публикѣ очень хорошо.

У насъ не знаешь, чему вѣрить: существуетъ въ Россіи голодъ или нѣтъ? Отвсюду приходили и приходятъ ужасающіе слухи. Въ „Голосѣ“ появилась превосходная статья (Мих. Пав. Розенгейма) по этому поводу. Наконецъ, по высочайшему повелѣнію, учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника комитетъ, отъ имени котораго уже архи-оффиціально объявлено о голодѣ и всѣ приглашаются къ пожертвованіямъ. Между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) печатно увѣрялъ, что голода нѣтъ, а народъ такъ „терпитъ только нужду“. Онъ сваливаетъ всю вину на земство. Но, вѣдь, всѣ знаютъ, что земство связано по рукамъ

и ногамъ новымъ узаконеніемъ, въ силу котораго предсѣдатели управъ и губернаторы получили почти неограниченную власть надъ земствомъ.

16. Пятница. Запрещенъ „Москвичъ“. Объ этомъ такъ много говорятъ, что въ шумѣ словъ ничего не разберешь. Тутъ, какъ обыкновенно, больше всѣхъ достается Валуеву.

Для подлости, какъ для геройства, нѣтъ ничего невозможнаго.

Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ объ Аракчеевѣ.— „Я, говоритъ Норовъ, былъ изъ полковниковъ переименованъ въ статскіе совѣтники и оставался нѣкоторое время безъ службы, слѣдовательно, безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій. Это мнѣ надоѣло, и я сталъ помышлять о какой-нибудь должности. Нѣкоторые мои знакомые и разныя значительныя лица присовѣтывали мнѣ искать мѣста губернатора, а такъ какъ тогда (въ 1820-хъ годахъ) всѣ государственныя и административныя дѣла шли черезъ руки Аракчеева, то предварительно надлежало обратиться къ нему. Но мнѣ это показалось не совмѣстнымъ съ моимъ достоинствомъ: государь зналъ меня лично, и я рѣшился обратиться прямо къ нему. Прошло нѣсколько дней, и я вдругъ получаю отъ графа Аракчеева приглашеніе явиться къ нему. Аракчеевъ зналъ моего отца и, встрѣчаясь со мною прежде, всегда былъ ко мнѣ довольно ласковъ. Я отправился къ нему, не ожидая ничего худаго.— „Вы просили государя, сказалъ онъ мнѣ, съ свойственнымъ ему нахмуреннымъ видомъ, „о мѣстѣ губернатора?“ — „Точно такъ, ваше сіятельство.“ — „Благодарите же меня“. — „Если ваше сіятельство удостоите сказать мнѣ причину, то я готовъ благодарить васъ отъ всего сердца“. — „Благодарите меня за то, что вы не получите губернаторскаго мѣста. Государь готовъ былъ дать вамъ его, но я отсовѣтывалъ, и его величество вамъ отказываетъ“.—Я окаменѣлъ отъ такихъ неожиданныхъ рѣчей. Черезъ минуту Аракчеевъ продолжалъ: „Вы, господинъ Норовъ, храбрый и хорошій офицеръ, я это знаю. Но скажите по совѣсти, въ состояніи-ли вы быть губернаторомъ? Извѣстны-ли вамъ хоть сколько-нибудь законы, административный порядокъ и множество различныхъ трудностей, сопряженныхъ съ этою важною должностью? Вѣдь вы ни мало къ ней не приготовлены.

Какой-же были-бы вы губернаторъ? Вы или надѣлали-бы себѣ стыда или попали бы подъ судъ". Простота этихъ словъ меня поразила. Такъ-ли точно думалъ Аракчеевъ или онъ притворился, что такъ думаетъ, и помѣшалъ мнѣ только потому, что я не обратился предварительно къ нему—но я, дѣйствительно, счелъ себя обязаннымъ поблагодарить его.

22. Четвергъ. Вечеръ у Тройницкаго. У него больше никого не было, и я пробесѣдовалъ съ нимъ часа два съ половиною. Онъ, между прочимъ, объяснилъ мнѣ настоящую причину запрещенія „Москвича". Причина тому статья о Данковскихъ крестьянахъ. Валуевъ, прочитавъ эту статью, послалъ ее къ государю съ своимъ докладомъ о необходимости остановить эти дерзкіе нападки на администрацію, и просилъ о дозволеніи запретить газету. Государь согласился съ тѣмъ, чтобы дѣло это было внесено въ комитетъ министровъ. Послѣдствія извѣстны. Въ опубликованномъ рѣшеніи однако приведена не эта причина, а та, что „Москвичъ" есть не иное что, какъ замаскированная „Москва". Мотивированіе это принадлежитъ (барону М. А. Корфу). Лучше было-бы сказать прямо за что.

25. Воскресенье. Вторая книжка „Всемірнаго Труда" конфискована. Тамъ, говорятъ, есть повѣсть Боборыкина „Жертва вечерняя", въ которой представлены разныя лица, говорятъ, изъ высшаго круга въ очень непристойномъ видѣ и при томъ такъ, что ихъ очень легко узнать. Если это правда, то это выходитъ пасквиль и въ такомъ случаѣ подобныя произведенія могутъ только вредить дѣлу литературы, а не служить ему.

Обѣдъ въ римско-католической академіи по случаю храмоваго праздника академической церкви. Епископъ ко мнѣ очень дружелюбенъ. За столомъ я сидѣлъ возлѣ него, и онъ очень юмористично подшучивалъ надъ своими собратьями—канониками, ксендзами и проч. „Вотъ великіе христіанскіе постники, говорилъ онъ, вотъ гдѣ поучиться-бы постничать и умерщвлять свою плоть. Посмотрите, напримѣръ, вотъ на этого каноника: какой онъ жирный, красный, а все отъ того, что вотъ онъ постится съ такими соусами и пирогами, запивая ихъ хересомъ и шампанскимъ". Все это онъ говорилъ не только мнѣ, но и самимъ каноникамъ, которые только улыбались. Кромѣ того, онъ говорилъ со мною о папѣ и не очень благосклонно о немъ

отзывался. Провозгласили тостъ государю; прокричали ур воспитанники прошѣли: „Боже, Царя Храни“.

Все-ли поняла въ тайнахъ жизни современная наука, чтоб имѣть право отрицать потребность и истину вѣрованій?

Мартъ 1. Пятница. Вечеръ у Боткина, Василія Петр вича. Графъ А. К. Толстой читалъ свою новую драму: „Цар Ѳедоръ Іоанновичъ“. Тутъ были: Гончаровъ, Костомаровъ Майковъ, Стасюлевичъ, Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ. Трудн судить о сочиненіи въ бѣгломъ чтеніи, да еще не въ своемъ, а чужомъ. Однако характеры Ѳедора и Годунова показались мн обработанными очень искусно. Авторъ съумѣлъ создать из совершеннаго нравственнаго и политическаго ничтожества, каковъ Ѳедоръ, замѣчательную психологическую фигуру.

Графиня А. Д. Блудова прислала мнѣ свою книжку „Дл немногихъ“ о пребываніи своемъ въ Острогѣ на Волыни и об основаніи тамъ православной церкви и женской школы. Книга написана умно и тепло.

Умъ его похожъ на плющъ, который широко раскидывается и обвивается около тычинъ и деревьевъ по всевозможным направленіямъ, но онъ ни къ чему не прикрѣпляется прочно и не приноситъ плодовъ.

Одно можетъ удовлетворить человѣка на всякой степен умственнаго развитія—общеполезный трудъ и успѣшная дѣя тельность.

4. Понедѣльникъ. Валуевъ оставилъ министерство или министерство оставило его. Мѣсто его занялъ Тимашевъ.

Объ отставкѣ Валуева, кажется, никто не сѣтуетъ, развѣ кромѣ нѣсколькихъ преданныхъ ему чиновниковъ. Общество сильно не расположено къ нему за земство и за его распоряженія по дѣламъ печати. Но рѣшительный ударъ, кажется, нанесенъ ему голодомъ, который, по непонятнымъ причинамъ, онъ скрывалъ и противъ котораго не принялъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ. Будетъ-ли лучше при его преемникѣ? Сколько я зналъ Тимашева лично, онъ казался мнѣ человѣкомъ умнымъ и человѣкомъ съ русскимъ сердцемъ. Но у насъ какъ-то добродѣтели, таланты и умъ недолговѣчны. Посмотримъ.

9. Суббота. Общее засѣданіе комиссіи въ академіи наукъ для установленія открытыхъ для публики засѣданій. Много

ыло споровъ и толковъ, но ни къ чему рѣшительному не ришли. Впрочемъ, почти всѣ согласились въ надобности этихъ асѣданій.

10. Воскресенье. Мы живемъ въ такую эпоху всяческихъ револненій — умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ и бщественныхъ, что едва-ли найдется умъ, который не заблужался-бы въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ и событіяхъ.

Заходилъ сегодня къ старому своему профессору Шнейдеру. Онъ очень обрадовался мнѣ. Бѣдный сидитъ безвыходно въ ;реслахъ: параличъ отнялъ у него ноги. Но духомъ старикъ ще бодръ. Отъ него услышалъ я о смерти Порошина въ Іарижѣ, а я только что собирался писать ему. Порошинъ былъ динъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ (онъ читалъ полити-ескую экономію) Уваровскаго времени. Онъ былъ уменъ, даро-итъ, свѣдущъ, но очень эксцентриченъ. Ужъ много лѣтъ онъ килъ въ Парижѣ, не забывая однако Россіи: онъ написалъ ѣсколько сочиненій о ней на французскомъ языкѣ, стараясь растолковать французамъ, что Россія, хотя во многомъ отстала тъ Европы или, лучше сказать, еще не успѣла догнать ее, однако вовсе не такая варварская страна, какъ они думаютъ. Онъ старался опровергать клеветы ихъ на насъ, по поводу польскихъ дѣлъ — разумѣется, тщетно, потому что ничто ни устойчиво такъ, какъ преднамѣренная ложь.

14. Четвергъ. Сердце ищетъ сердца, но умъ почти всегда непріязненъ уму.

Кто борется, тотъ, если не всегда побѣждаетъ, то всегда сохраняетъ за собою достоинство и честь человѣка мужественнаго.

16. Суббота. Валуевъ дурно распорядился своею судьбою: притѣсненіемъ земскихъ учрежденій, неблагоразумными и опро-метчивыми дѣйствіями по дѣламъ печати онъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе, а страннымъ индиферентизмомъ къ голоду онъ далъ противъ себя оружіе въ руки враждебной ему партіи.

Надо быть дуракомъ, чтобы быть довольнымъ собою.

21. Четвергъ. Обѣдалъ у графини А. Д. Блудовой. Встрѣ-

тилъ тамъ (Мих. Осип.) Кояловича, занимающагося нынѣ изданіемъ какого-то историческаго памятника, касающагося сѣверо-западнаго края. Были еще какія-то три, неизвѣстныя мнѣ, лица. Графиня меня смутила, начавъ елико возможно восхвалять мою рѣчь о Крыловѣ и даже прочла вслухъ нѣкоторыя мѣста изъ нея.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи отдѣленія нашей академіи возникли компликаціи между С—кимъ и Пекарскимъ. Пекарскій сильно обидѣлся за одно замѣчаніе, сдѣланное С. на его весьма незначительную замѣтку, но которую онъ, по своему обыкновенію, цѣнилъ очень высоко. Замѣчаніе не заключало въ себѣ ничего обиднаго, но Пекарскій такъ разсердился, что ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. Такъ-то наши самолюбія не умѣютъ снести ни малѣйшаго противорѣчія.

Люди съ особеннымъ дарованіемъ, призванные дѣйствовать на массы, на общество, достигаютъ славы, какой никогда не достигаютъ спеціалисты-труженники, посвящающіе труды свои разработкѣ какого-нибудь вопроса науки или практическаго дѣла. Но слава первыхъ чрезвычайно непрочна и измѣнчива. Она часто зависитъ отъ прихоти публики, и малѣйшія ошибки, а часто и просто поворота во вкусахъ общества достаточно, чтобы развѣнчать сегодня героя, котораго вчера превозносили до небесъ. Чуть-ли не больше всего подвержены этому кризису писатели, художники.

27. Среда. Въ номерѣ 68-мъ „Сѣверной Почты“ напечатано предостереженіе „Петербургскому Листку“ уже отъ новаго министра. Замѣчательное формулированіе и тонъ предостереженія, обнаруживающіе рѣшимость защищать отъ нападокъ печати полицейскія и административныя власти.

Апрѣль 3. Среда. Провелъ въ бесѣдѣ болѣе двухъ часовъ у моего бывшаго стараго наставника Шнейдера, Василія Васильевича. Параличъ отнялъ у него ноги, но не коснулся головы, которая совершенно свѣжа. Память его въ полной силѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ разныя интересныя вещи изъ исторіи прошлаго времени. Онъ былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ разными значительными лицами, особенно со Сперанскимъ, и многое знаетъ изъ секретнаго хода событій. Вотъ, между прочимъ, что онъ мнѣ разсказалъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ паденіе Сперанскаго. Извѣстно, что князь А. И. Чернышевъ, впослѣд-

ствіи военный министръ, въ 1811-мъ году былъ посланъ императоромъ Александромъ I въ Парижъ съ секретнымъ порученіемъ. Чернышевъ былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и красоты и отличался любезностью и ловкостью въ обращеніи. Въ Парижѣ онъ очень сблизился съ главнымъ директоромъ военнаго министерства Наполеона, а еще больше съ его женою. Однажды, вечеромъ, директоръ былъ позванъ къ императору въ Сенъ-Клу, гдѣ и провелъ всю ночь. Чернышевъ занялъ его мѣсто у жены и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы наполнить свой портфель бумагами изъ директорскаго кабинета. Вѣроятно, это уже было у него подготовлено заранѣе. На другой день, рано утромъ, Чернышевъ уже скакалъ къ границамъ Франціи и, прежде чѣмъ пропажа бумагъ была замѣчена, онъ уже былъ за предѣлами ее. Похищенныя бумаги оказались весьма важными: тутъ были планы похода въ Россію, чертежи, расположеніе войскъ и проч. и въ томъ числѣ также и шифрованныя бумаги. Все это было доставлено императору Александру. Государь обо всемъ сообщилъ Сперанскому и, такъ какъ ни тотъ ни другой не могли прочесть шифрованныхъ бумагъ, то положено было призвать нѣкоего Бека, славившагося умѣньемъ разбирать всевозможные шифры. Все, что заключалось въ этихъ бумагахъ, разумѣется, составляло государственную тайну, которая была извѣстна только государю, Сперанскому и Беку. Случилось какъ-то, что Магницкій, состоявшій въ дружбѣ со Сперанскимъ, пріѣхалъ къ нему въ то время, когда тотъ занимался въ своемъ кабинетѣ, съумѣлъ подсмотрѣть содержаніе секретныхъ бумагъ и затѣмъ изъ хвастовства разгласилъ это между членами дипломатическаго корпуса. Это дошло до государя, который, разумѣется, долженъ былъ подумать, что Сперанскій выдалъ государственную тайну — и вотъ причина его паденія и объясненіе словъ государя, обращенныхъ къ Парроту: „Сперанскій сдѣлалъ то, за что его слѣдовало-бы разстрѣлять“ [1]).

4. Четвергъ. Университетъ потребовалъ отъ меня свѣдѣній о моей жизни и учено-литературныхъ трудахъ для составленія

[1]) Здѣсь въ оригинальномъ текстѣ на поляхъ выноска: „Въ моемъ дневникѣ записанъ уже другой разсказъ объ этомъ, но Шнейдеръ стоитъ за вѣрность своей версіи, которую слышалъ отъ лицъ, близкихъ къ Сперанскому“.

А. Н.

біографіи, которая должна войти въ словарь профессоровъ живыхъ и умершихъ, издаваемый ко дню пятидесятилѣтія университета въ слѣдующемъ году. Обо мнѣ поручено написать Оресту Миллеру. Я указалъ на мой послужной списокъ и хотѣлъ этимъ отдѣлаться, но ко мнѣ пристали, чтобы я указалъ всѣ мои сочиненія. Я было рѣшительно этому воспротивился, такъ какъ самъ я мало уважаю собственныя писанія, и еслибы ихъ позабыли и другіе, какъ позабылъ ихъ я самъ, то, право, не огорчился-бы этимъ. Но въ заключеніе мнѣ пришлось сдаться на слѣдующій доводъ: хорошо-ли, дурно-ли я дѣйствовалъ, но дѣятельность моя среди общества выразилась въ такой формѣ, какую оно полагало для себя нужною и для осуществленія которой дало мнѣ и средства — слѣдовательно, оно вправѣ подвести итогъ всего, что мною сдѣлано, и внести этотъ итогъ куда ему угодно, въ лѣтопись-ли своей науки, въ какой-нибудь словарь и проч. Да притомъ Орестъ Миллеръ замѣтилъ, что, если я не возьму на себя труда сдѣлать перечень моихъ сочиненій, то онъ долженъ будетъ самъ это сдѣлать, а для того ему придется перерыть массу журналовъ, сборниковъ и т. д., что отниметъ у него недѣли три времени и заставитъ опоздать съ представленіемъ своей статьи къ назначенному сроку. Такимъ образомъ волей-неволей мнѣ пришлось самому рыться и кое-какъ составить требуемый перечень.

Сущность моей дѣятельности на каѳедрѣ слѣдующая: 1) Элементъ изящнаго, неразлучный съ элементомъ идеальнаго, я считалъ важнымъ, необходимымъ дѣятелемъ въ исторіи человѣчества. Я всегда старался и психологически и исторически поддерживать его достоинство, самостоятельную образовательную силу и значеніе; 2) преобладаніе этого элемента я считалъ немыслимымъ безъ тѣсной связи его съ нравственнымъ назначеніемъ человѣка и безъ благотворнаго вліянія на нравственное развитіе послѣдняго; этими началами я старался освѣтить мою литературную критику и трудился надъ тѣмъ, чтобы внести ихъ въ умъ и въ сердце юношества.

7. Воскресенье. Вечеръ у А. С. Норова, который, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, слышанный имъ изъ устъ князя А. Н. Голицына. Императрицѣ Екатеринѣ II вздумалось посѣтить Ревель. Тамъ устроили для нея балъ съ

асками. Готовясь къ нему, она сидѣла въ уборной за туале-
мъ. Вдругъ пріѣзжаетъ изъ Петербурга курьеръ съ секретнымъ
онесеніемъ о заговорѣ Мировича и о катастрофѣ съ Іоанномъ
нтоновичемъ въ Шлиссельбургѣ. Вѣсть эта сильно поразила
. Приходилось немедленно дѣйствовать, и ей было уже не до
ала. Но и не показаться въ бальной залѣ было-бы крайне
удобно, особенно при этихъ обстоятельствахъ. Находчивая
мператрица быстро нашла средство какъ выйти изъ затрудненія.
на позвала къ себѣ графа Строгонова. — „Послушайте,
рафъ, сказала она ему — я прошу у васъ одолженія: сдѣлаете-
и вы его для меня?“ — Строгоновъ, разумѣется, изъявилъ полную
отовность. „Вотъ о чемъ я васъ попрошу. Сядьте вотъ здѣсь
. кресла передъ зеркаломъ на мое мѣсто.“ Графъ немного
дивился, однако повиновался. Въ ту-же минуту одна изъ
аходившихся въ уборной каммеръ-фрау накинула на него
еньюаръ, другая начала его пудрить, а третья держала на
отовѣ, собираясь на него надѣть женское маскарадное платье.
Строгоновъ, уже не удивленный, а взбѣшенный вскакиваетъ съ
кресла и говоритъ:—„Государыня, я все готовъ отдать вамъ —
кровь мою, и жизнь, но быть посмѣшищемъ и играть роль шута
мнѣ не по силамъ.“ – Тогда императрица выслала изъ комнаты
всѣхъ постороннихъ, сообщила графу о полученномъ извѣстіи
и съ обычною своею прелестью прибавила: — „Вы понимаете,
какъ это важно. Я должна цѣлую ночь работать за письменнымъ
столомъ, мнѣ не до бала, но и балъ нельзя оставить: иначе
возбудятся толки, неудовольствія, а я этого не могу допустить.
Вотъ мой планъ. Вы одѣнетесь здѣсь въ мое маскарадное платье:
оно какъ разъ вамъ по росту, скроете лицо подъ маскою и
отправитесь на балъ вмѣсто меня. Тамъ вы пробудете минутъ
двадцать, затѣмъ скажетесь усталою и, какъ-бы ослабѣвъ, опу-
ститесь въ приготовленное для меня кресло. Затѣмъ подзовите
къ себѣ князя Орлова, объявите ему, что чувствуете себя
несовсѣмъ здоровою и попросите его сказать присутствующимъ
о томъ съ извиненіемъ, что вы не можете дольше остаться на
балу. Потомъ возвратитесь сюда обратно“. — Все это было
исполнено съ точностью. Графъ Строгоновъ превосходно разы-
гралъ роль императрицы, и ревельцы были въ восторгѣ, что
государыня, даже несовсѣмъ здоровая, не отказалась удостоить

ихъ балъ своимъ присутствіемъ. Должно полагать, что Строгановъ былъ мастеръ на подобныя штуки, и Екатерина знала, кому ввѣряетъ такое щекотливое дѣло.

9. Вторникъ. Съ перваго дня праздника и по сегодня включительно чудесная погода. Ингерманландское солнце не на шутку расщедрилось; оно льетъ такіе потоки свѣта и тепла, что становится страшно: не скрывается-ли тутъ какой козни относительно будущаго? Что-то слишкомъ хорошо, ненатурально.

12. Пятница. У насъ умный человѣкъ, состоя на государственной службѣ, точно стыдится заниматься такими пустяками какъ общая польза, долгъ и тому подобное. Главная и единственная достойная его задача соблюдать собственные интересы признавая своимъ долгомъ передъ обществомъ только умѣнье не попасть подъ судъ, такъ какъ это произвело бы скандалъ.

Счастливъ честный человѣкъ, если ему удастся пріобрѣсти настолько самостоятельности, чтобы не преклоняться перед этою шайкою эгоистовъ, а подчасъ и плутовъ, именами которыхъ наполнена часть нашихъ адресъ-календарей. Что онъ будетъ бѣденъ и забытъ—это само собою разумѣется.

Всѣми замѣчено, что ни въ одно царствованіе не раздавалось у насъ столько наградъ чинами и орденами, какъ въ настоящее это настоящій рогъ изобилія. Мнѣ говорилъ одинъ человѣкъ, знакомый со статистикою этого предмета, что обыкновенная пропорція наградъ въ николаевское время составляла во всей имперіи цыфру отъ четырехъ до пяти тысячъ въ годъ, въ нынѣшнее-же (1868 г.) время доходитъ до десяти и одиннадцати тысячъ.

Говорятъ и пишутъ въ газетахъ, особенно въ „Голосѣ“, что мы въ сѣверо-западномъ краѣ съ Потаповымъ снова мѣняемъ систему нашихъ дѣйствій.

15. Понедѣльникъ. Есть у насъ многія юныя и не юныя женщины средняго круга, которыя сильно желаютъ, чтобы имъ дозволено было слушать въ университетѣ лекціи или бы основали для нихъ особый женскій университетъ. Положеніе бѣдной женщины, которая кромѣ иглы не имѣетъ другихъ средствъ добывать честный хлѣбъ, дѣйствительно заслуживаетъ особеннаго вниманія, и стоитъ подумать о томъ, чтобы открыть для нея новые источники труда.

Достигнуть значенія, которое давало-бы возможность оказывать

ществу существенныя и серьезныя услуги, иначе нельзя какъ
зными эволюціями. Люди способные и честные оказываются
льшею частью къ этому непригодными и вмѣсто ихъ обыкно-
нно на сценѣ являются плуты или тѣ мелкіе честолюбцы
торые за чинъ или ленту готовы ко всему, кромѣ обществен-
ыхъ интересовъ. Эти-то искатели фортуны большею частью и
асполагаютъ ходомъ дѣлъ. Разумѣется, и они толкуютъ объ
бщемъ благѣ, о своемъ безкорыстіи и проч. Но для дѣла это
ичего не значитъ: оно все-таки сводится на чинъ, на ленту
ли аренду.

Первое предостереженіе „Москвѣ“ за статьи въ первомъ
омерѣ. Этимъ новый министръ даетъ знать, что онъ въ дѣлахъ
ечати намѣренъ слѣдовать системѣ своего предшественника. Къ
ожалѣнію, и Ив. Аксаковъ даетъ поводъ къ нему придираться
воею неумѣренностью и озлобленіемъ, которое поневолѣ заста-
ляетъ думать правительство, что оно имѣетъ въ немъ врага—
ну а съ врагомъ нечего церемониться. Вообще москвичи страшно
амолюбивы: они хлопочутъ не только о томъ, чтобы сказать
истину, но еще и о томъ, чтобы доказать цѣлому свѣту, что
всякая истина можетъ быть сказана только ими одними, а
потому у нихъ нѣтъ уже спасенія никому и ничему, что не
спѣшитъ повергнуться въ прахъ передъ ихъ побѣдоноснымъ
перомъ. Вѣдь вотъ Катковъ всѣхъ, кто осмѣливался имѣть
другое мнѣніе, чѣмъ онъ, провозглашалъ измѣнниками и преда-
телями отечества. Право иногда кажется, что его одушевляетъ
не чувство своего достоинства—чувство высокое и законное во
всякомъ человѣкѣ—а чувство безконечнаго превосходства надъ
всякимъ, кто мыслитъ и пишетъ въ Россіи.

16. Вторникъ. Неужели такая реформа, какъ реформа Петра
Великаго, неужели всѣ жертвы народа, какія для нея потребовались,
должны остаться безплодными? А, вѣдь, тѣ, которые желали
стѣснить у насъ науку, и тѣ, которые стараются убить всякое
проявленіе у насъ самостоятельной свободной гражданственности,
добиваются ни болѣе ни менѣе какъ уничтожить всякое развитіе
того, чему положено начало реформою Петра.

Надѣливъ человѣка всевозможными бѣдствіями и униженіями съ лицемѣрнымъ видомъ блага и величія, природа довершаетъ свою траги-комическую игру надъ нимъ тѣмъ, что вложила въ него непреодолимую скотскую любовь къ жизни.

28. Воскресенье. Утромъ у князя (Петра Андр.) Вяземскаго, у котораго просидѣлъ часа два. Получилъ отъ него „Мессіаду", переведенную нѣкоимъ Писаревымъ.

Аксаковъ опять напрашивается на предостереженіе. Говоря о смертной казни, онъ представляетъ висѣлицу, путешествующую по Россіи для внушенія нравственности. Къ сожалѣнію, честный Аксаковъ, очевидно, смѣшиваетъ твердость характера съ упорствомъ самолюбія, которое не хочетъ уступить подчасъ необходимымъ требованіямъ приличія— будь оно общественное, государственное или какое другое. Но если нельзя показаться въ общество безъ штановъ или въ какой-нибудь странной, нелѣпой одеждѣ, то едва-ли позволительно и говорить даже полезныя вещи такъ, чтобы это было оскорбительно для тѣхъ, кому мы все-таки обязаны нѣкоторымъ уваженіемъ. Защитники печатной невоздержности говорятъ, что, вѣдь, это только такой тонъ и нельзя-же посягать на форму выраженія, употребляемую писателемъ. Мнѣ кажется, что такое правило, какъ и всякое другое, не можетъ быть принято безъ извѣстнаго ограниченія. Тонъ, конечно, есть моя индивидуальность; но разьѣ можно безусловно слѣдовать всѣмъ внушеніямъ этой индивидуальности? Вѣдь, самъ писатель, безъ сомнѣнія, разсердился-бы, еслибъ ему сказали: „Вы лжете"—вмѣсто того, чтобы сказать: „вы ошибаетесь" или „вы говорите то, что несогласно съ дѣйствительностью" — рѣзкость выраженія можетъ заключать въ себѣ прямую обиду, даже когда мы не имѣли намѣренія нанести ее. Не умѣть воздержать себя отъ искушенія сказать острое словцо или красивую фразу, когда мы разсуждаемъ о вещахъ серьезныхъ и притомъ разсуждаемъ всенародно, обличаетъ легкомысліе, чтобъ не сказать заносчивость и самолюбіе, которое врядъ ли

заботится объ одной только истинѣ, а имѣетъ въ виду также эффектъ, производимый нами самими.

Май 3. Пятница. Съ конца апрѣля еще начались прекрасные весенніе дни, а вотъ эти майскіе еще лучше.

Будущее и неизвѣстное есть вѣчный врагъ настоящаго и извѣстнаго.

Въ № 90-мъ „Сѣверной Почты“ второе предостереженіе „Москвѣ“. Обидно, господа: направленіе вашихъ идей вѣрно, требованія ваши справедливы, но не слѣдъ поддерживать правое дѣло ругательствами: оно отъ того ни въ чьихъ глазахъ не выиграетъ. Должно дѣйствовать логикою и фактами, честнымъ дѣломъ и дѣльными осужденіями, а не оскорбленіями, которыхъ никто ни частный человѣкъ, ни общество, ни правительство не обязаны сносить.

Былъ на прощальномъ обѣдѣ, который академики давали своему товарищу Бетлингу, уѣзжающему на три года за-границу.

9. Четвергъ. Весьма неудобно произносить рѣшительные приговоры о современныхъ лицахъ и событіяхъ, такъ какъ многія данныя о нихъ до поры до времени остаются неизвѣстными. Мнѣ не разъ приходилось смягчать или усиливать краски въ своемъ первоначальномъ мнѣніи о такомъ-то лицѣ или событіи по мѣрѣ того, какъ разъяснялись обстоятельства, подававшія поводъ къ такому или другому о нихъ заключенію.

На дняхъ Н. И. Цыловъ, бывшій предсѣдатель Виленской комиссіи по польскому возстанію, сообщилъ мнѣ въ рукописи весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ возстаніи, извлеченныя имъ изъ оффиціальныхъ документовъ, бывшихъ у него въ рукахъ.

12. Воскресенье. Неслыханный май по своему сіянью и теплотѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ. Гимназистъ Тамбовской гимназіи, восемнадцатилѣтній юноша, Горскій убилъ семь человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ дѣтей мальчиковъ. Онъ дѣйствовалъ какимъ-то желѣзнымъ пестомъ и револьверомъ. Служанку онъ убилъ полѣномъ. Полагаютъ, что цѣль этого неслыханнаго злодѣйства было воровство. Не дѣйствовалъ-ли тутъ религіозный и политическій фанатизмъ? Горскаго велѣно судить военнымъ судомъ и онъ приговоренъ къ повѣшенію.

14. Вторникъ. Славянскій міръ... Что германскіе и осо-

бенно турецкіе славяне добиваются самостоятельности, это понятно и естественно. Но непонятны и неестественны крайнія претензіи славянофиловъ на первенствующую роль между европейскими народами. Гдѣ ихъ права на это? Что сдѣлали они до сихъ поръ для всемірной цивилизаціи, науки, искусства? Они все толкуютъ о будущемъ величіи славянъ, о будущей ихъ блистательной роли; но гдѣ пока залоги этой великой будущности? Какія услуги оказали они человѣчеству, чтобы такъ возноситься? Изъ всѣхъ славянъ вотъ выдаются только чехи, сербы и мы. Собственно мы одни, потому-что мы одни успѣли основать сильное государство. Но и мы до сихъ поръ льстимъ себя только надеждами. Не лучше-ли прежде подождать ихъ осуществленія, а потомъ уже кичиться? Пока-же поменьше заносчивости и побольше настоящей работы — не показной, а существенной, внутренней.

17. Пятница. Май продолжаетъ быть неслыханно хорошимъ.

Ничто изъ того, что всещедрою природою дается человѣку, не достается ему даромъ. Родится ребенокъ съ страшными страданіями для матери; начнутъ прорѣзываться у него зубы, онъ страдаетъ; начнетъ учиться—страдаетъ; умъ и мудрость житейская достаются ему тысячами страданій и проч. и проч. И все это было-бы ничего, еслибъ имѣло какія-нибудь порядочныя, крупныя послѣдствія, а то все разрѣшается нѣсколькими горстями пыли.

28. Вторникъ. Человѣкъ такой-же крѣпостной работникъ природы, какъ и всѣ другія ея созданія. Все, что онъ сдѣлалъ, дѣлаетъ и еще сдѣлаетъ въ постепенномъ своемъ развитіи, все дѣлается въ духѣ цѣлаго и для цѣлаго, и если онъ получаетъ зато какую льготу то лишь настолько, насколько это входитъ въ намѣренія и планы природы, а вовсе не въ силу его заслугъ.

Если-бъ у меня спросили: какой главный и несомнѣнный признакъ ограниченнаго ума?—я отвѣчалъ-бы: высокое мнѣніе о самомъ себѣ.

Іюнь 5. Среда. И о чемъ они состязаются? О деньгахъ—это было-бы понятно. О какомъ-нибудь наслажденіи—и это можно было-бы понять. Нѣтъ! Они хлопочутъ о томъ, чтобы какой-нибудь пустѣйшій человѣкъ сказалъ: „О, онъ не глупъ“, или: „онъ умнѣе такого-то“.

Наконецъ, по словамъ А. С. Норова, въ государственномъ совѣтѣ начинаютъ серьозно разсуждать о способахъ ограниченія пьянства въ Россіи и уже пришли къ рѣшенію, что слѣдуетъ ограничить число кабаковъ. Пора! Но почему-же прежде или раньше объ этомъ не подумали? Тогда было-бы предотвращено много бѣдствій и неурядицъ, а можетъ быть и самый голодъ прошедшей зимы. Но громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Появилась брошюра объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, въ которой разсказаны интересныя подробности объ этомъ злодѣйствѣ и о томъ, какъ открыта преступница.

Нѣтъ ничего печальнѣе поблекшаго и увядающаго цвѣтка.

10. Понедѣльникъ. Покуда человѣкъ будетъ дѣлать и терпѣть зло, страдать и умирать, до тѣхъ поръ какой-же удовлетворительный результатъ вы получите отъ вашего пресловутаго прогресса?

11. Вторникъ. Слава Богу, у насъ есть противоядіе злу, происходящему отъ разныхъ плохихъ мѣръ и проектовъ — это несостоятельность, которая не позволяетъ долго держаться ни одной мѣрѣ.

Онъ-бы и хотѣлъ быть тѣмъ, что называется честнымъ человѣкомъ, да не можетъ бѣдняжка: требованія честности слишкомъ велики, и у него не хватаетъ силенки переломить нѣкоторыя изъ своихъ скверныхъ наклонностей, влекущихъ его обворовывать казну или ради чина, ленты, аренды подличать и пресмыкаться передъ сильными.

12. Среда. Румянцевскій музей въ Москвѣ хочетъ выставить у себя портреты знаменитыхъ русскихъ людей и поручилъ написать ихъ художнику Крамскому. Въ мастерскую къ послѣднему на дняхъ явился N. N. и, увидѣвъ, между прочими, портретъ Фонъ-Визина, уже списанный съ отличнаго академическаго портрета, сказалъ:

— „Какъ! вы думаете, что и Фонъ-Визинъ войдетъ въ наше собраніе? Неужели и онъ знаменитый человѣкъ?“

На это Крамской возразилъ, что если писатели, отличающіеся своими дарованіями, составляютъ славу народа, то, конечно, Фонъ-Визинъ имѣетъ полное право на мѣсто въ предполагаемой галлереѣ.

— „Ну, это еще вопросъ“, отвѣчалъ N.N.

Страхъ передъ вѣчностью есть чисто эгоистическое чувство. Слѣдовало-бы помнить, что мнѣ не было худо, пока меня не было, и не будетъ мнѣ хуже, когда меня не станетъ. Но жизнь, потому-что она жизнь, никакъ не можетъ понять своего уничтоженія.

Что такое расколъ? Протестъ противъ извнѣ навязаннаго мнѣнія.

20. Четвергъ. Я понимаю систему сдерживанія, но не допускаю системы притѣсненія.

Массы должны быть призываемы къ содѣйствію, когда это надо, но не къ постоянному участію въ управленіи. Къ этому онѣ и не способны, и имъ некогда. Необходимы выборные люди.

28. Пятница. Вотъ подслушанный мною разговоръ между двумя крестьянами у мелочной лавочки и который я здѣсь буквально записываю. Первый, среднихъ лѣтъ: „Работать — радъ-бы всею душою, да работы нѣтъ, воровать боюсь, просить милостыни не велятъ, что-жъ тутъ дѣлать?“ — Второй, старикъ: — „Умереть“.

Самое неблагодарное ремесло—дѣлать людей счастливыми.

Почему нужна идея прогресса? Еслибъ прогрессъ не стоялъ цѣлью на всѣхъ стадіяхъ нашего развитія, мы лишились-бы главнаго двигателя самого развитія: ибо въ идеѣ прогресса мы только и почерпаемъ силы выдвигать изъ себя тѣ элементы, которыми развитіе осуществляется. Безъ этой идеи все-бы въ насъ цѣпенѣло и останавливалось. Это духъ жизни, возбуждающій и одушевляющій насъ. Тутъ дѣло въ идеалѣ, безъ котораго ничто великое и благое не совершается.

Іюль 9. Вторникъ. Пусть не будетъ аристократіи политической, но нельзя отрицать аристократіи природы, и она-то составляетъ человѣчество въ благороднѣйшемъ, высшемъ смыслѣ.

11. Четвергъ. Весь іюнь, іюль представляютъ рядъ такихъ жаркихъ дней, какихъ я не запомню въ Петербургѣ. И въ теченіе этого времени только два раза шелъ дождь — разъ въ іюнѣ, а другой—третьяго дня. Отъ зноя чувствуешь себя неспособнымъ и къ работѣ. Вечера были-бы прелестны, если-бы не дымъ отъ горящихъ въ окрестностяхъ торфа и лѣсовъ. Выдавались дни, когда приходилось затворять окна отъ дыма. Въ

Петербургѣ буквально каждый день пожары, а въ иные дни такъ и по нѣсколько одновременно. Въ провинціи угрожаетъ голодъ—гдѣ отъ засухи, гдѣ отъ необыкновенныхъ, чрезмѣрныхъ дождей. Пьянство и воровство идутъ своимъ чередомъ.

13. Суббота. Тише, тише, кони! Тише, пристяжная, къ чему такъ выворачиваешь голову и откидываешь ноги въ сторону? Коренная! не скачи, иди мѣрно, слушайся кучера. Онъ не хочетъ, чтобы вы угораздили сами себя, повозку и его въ яму или надѣлали другой какой-нибудь чепухи. Не надо, не надо этихъ скачковъ и прыжковъ. Рысь ровная, живая, кое-гдѣ усиленная, кое-гдѣ умѣренная до шага—а главное ѣхать по дорогѣ, а не бросаться въ сторону, доѣхать до станціи, а не завалиться въ ровъ, или не попасть въ какую-нибудь трущобу—вотъ что свидѣтельствуетъ о хорошо выѣзжанныхъ лошадяхъ и о хорошемъ кучерѣ, который умѣетъ ими управлять.

18. Четвергъ. Дымъ, дымъ и дымъ—только не Тургеневскій, а настоящій дымъ, густой и ѣдкій отъ горящихъ вокругъ Петербурга лѣсовъ и торфа. Я былъ сегодня на дачахъ за Лѣснымъ корпусомъ, между прочимъ у Княжевича: тамъ дымъ гуще, непроницаемѣе и ѣдче, чѣмъ у насъ въ Павловскѣ. Въ Петербургѣ тоже. Когда я ѣхалъ по Литейному мосту, то съ половины уже не видѣлъ противоположнаго берега съ его зданіями. Всего сильнѣе бываетъ дымъ по утрамъ и по вечерамъ. Между тѣмъ жары великія и дождя ни капли.—Въ окрестностяхъ Павловска начался падежъ скота, т. е. сибирская язва, которая и людей не щадитъ, если они неосторожно прикоснутся къ зараженнымъ членамъ коровы, лошади и т. д. Смертныхъ случаевъ, однако, говорятъ, съ людьми еще не было.

Если вы либералъ съ добрыми и честными намѣреніями — дѣйствуйте: мы васъ будемъ уважать, даже, если вы и сдѣлаете что-нибудь ошибочное. Но если за цвѣтами либерализма вы скрываете змѣю, то есть свои какіе-нибудь виды и видишки, хотя-бы то только продуктъ вашего маленькаго и притязательнаго самолюбія—мы васъ будемъ презирать и обращаться съ вами, какъ съ плутомъ, какъ съ спекулянтомъ, котораго надо всячески остерегаться—съ спекулянтомъ, тѣмъ гнуснѣйшимъ, что онъ спекулируетъ на благородные принципы и благородныя чувства.

Бо́льшая половина цѣны, приписываемой нами вещамъ, зависитъ отъ мнѣнія, которое мы сами себѣ о нихъ составляемъ, а такъ какъ мнѣнія наши мѣняются, то и цѣна вещамъ мѣняется. Чтобы умѣрить наши желанія или избавиться отъ страха, внушаемаго намъ многими вещами, стоитъ только очистить ихъ отъ тѣхъ добавленій, какія придаются имъ нашимъ мнѣніемъ.

Августъ 3. Суббота. Необычайныя жары продолжаются. Вчера на солнцѣ было сорокъ градусовъ, а въ тѣни двадцать пять. Сегодня тоже. Поутру дымъ отъ горящихъ лѣсовъ и торфа былъ такъ силенъ, что только за закрытыми дверями и окнами въ комнатахъ можно было найти нѣкоторое убѣжище. Впрочемъ, нѣсколько дней тому назадъ былъ сильный дождь съ грозою, которая убила въ Царскомъ селѣ двухъ дѣтей, а въ Славянкѣ одну женщину.

6. Вторникъ. Тамъ, гдѣ оканчивается сфера науки, то есть гдѣ наука оканчиваетъ свое дѣло, тамъ начинается область вѣры. Для массъ вѣра формулируется другими; человѣкъ развитой формулируетъ ее для себя самъ въ глубинѣ своего сердца и совѣсти. Въ первомъ случаѣ является церковь и преданіе во второмъ—разумъ и философія.

Разумъ также вѣруетъ, какъ и церковь, только авторитетъ послѣдней лежитъ внѣ вѣрующаго духа, авторитетъ-же перваго въ немъ самомъ.

Я люблю, чтобы каждая фраза была отчеканена такъ, чтобы выражающаяся въ ней мысль значила не болѣе и не менѣе того, что она есть.

8. Четвергъ. На дняхъ явилась гнусная прокламація отъ имени какого-то общества „ожесточенныхъ“, оповѣщающаго жителей, что оно будетъ производить пожары и воровства въ отмщеніе за „невинно находящихся подъ арестомъ“. Эта мерзость въ печати разослана ко многимъ лицамъ и даже послана въ провинцію. Говорятъ, что полиція успѣла захватить экземпляровъ сто. Вотъ одинъ изъ симптомовъ деморализаціи, которою страдаетъ въ настоящее время (1868 г.) наше общество.

Я глубоко убѣжденъ, что крайняя демократія ведетъ къ варварству. Повиноваться должны всѣ, управлять могутъ немногіе, которые, въ свою очередь, должны повиноваться закону.

12. Понедѣльникъ. Страшный дымъ продолжается. Въ комнатѣ набралось его столько, что глаза кусаетъ.

13. Вторникъ. Дымъ еще небывалый, ужасный. Я сегодня ѣздилъ въ городъ: вдоль всей дороги, отъ Петербурга до Павловска, то-же самое и въ самомъ Петербургѣ то-же. Владимірской церкви нельзя было видѣть съ угла Загороднаго. Впрочемъ, дышать было не тяжело, только глаза терпѣли. Въ половинѣ дня пошелъ небольшой дождикъ и горизонтъ замѣтно очистился.

Никогда человѣкъ не бываетъ столько виноватымъ, какъ тогда, когда самъ себя считаетъ безусловно правымъ.

Они думаютъ опираться единственно на массы, и потому для нихъ не существуетъ привиллегированныхъ состояній, которыя почти во всей Европѣ утратили свою силу и обаяніе; но взамѣнъ ихъ тамъ выступила другая аристократія,—аристократія ума, знанія, таланта, словомъ, аристократія народной интеллигенціи. Вотъ съ нею-то труднѣе управиться. Наполеонъ III до сихъ поръ управлялся, и нѣкоторые другіе захотѣли ему подражать, но мыслящая Франція, однако-же, съ каждымъ днемъ заявляетъ свои силы и подымается на ноги. Тутъ въ концѣ концовъ не сдобровать деспотизму, опирающемуся на массы.

Сентябрь 7. Суббота. Былъ у князя П. А. Вяземскаго. Онъ мнѣ читалъ свои замѣчанія на романъ графа Толстаго „Война и миръ“. Умныя замѣчанія. Потомъ гуляли по парку Царскаго села. Сентябрь изумительно хорошъ.

9. Понедѣльникъ. Запрашивай больше — что-нибудь да дадутъ; запрашивай мало—дадутъ меньше малаго.

12. Четвергъ. Не та книга умна, которая умна, а та, которая дѣлаетъ меня умнѣе, заставляетъ меня мыслить.

19. Четвергъ. Говорятъ (Юр. Вед.) Самаринъ выпустилъ за-границей „страшную“ книгу противъ остзейскихъ нѣмцевъ. Книга называется: „Русскія окраины“. Я ея еще не читалъ и потому не знаю—страшная она или нѣтъ.

30. Понедѣльникъ. Не одною полиціею и штыками снискивается право господства, но добрыми нравами и умственнымъ развитіемъ. А каковы наши нравы? Воровство, мошенничество, пьянство—чуть ни повальные у насъ пороки. Общество наше деморализовано; наука наша слаба—мы до сихъ поръ (1868 г.) живемъ чужимъ умомъ. Своего мы мало привили къ наукѣ — развѣ нигилизмъ.

Октябрь 2. Среда. На спускѣ броненоснаго корабля на

заводѣ Семенникова и Полетики. Былъ государь и, разумѣется, множество морскихъ чиновъ. Моментъ спуска былъ, дѣйствительно, интересенъ. Корабль плавно, спокойно, величаво спустился въ Неву и, проплывъ нѣкоторое разстояніе, остановился. Послѣ—завтракъ. Между множествомъ рѣчей и тостовъ принудили и меня сказать нѣсколько словъ. Я предложилъ тостъ: „за процвѣтаніе въ нашемъ отечествѣ всякой раціональной дѣятельности, руководимой наукою". Англичанинъ, корабельный мастеръ, сидѣвшій за столомъ противъ меня, одобрилъ этотъ тостъ, но прибавилъ къ нему еще: „За трудъ и терпѣніе". Послѣ завтрака онъ подошелъ ко мнѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

8. Вторникъ. Вечеромъ у кн. П. А. Вяземскаго въ Царскомъ селѣ. Онъ просилъ меня разсмотрѣть его „Поминки", заключающія въ себѣ стихи Бибикову и воспоминанія о Бородинской битвѣ. Мысли князя о значеніи исторіи и историческаго романа чрезвычайно вѣрны и глубоки, а воспоминанія его настоящія золотыя блестки. Я пожелалъ ему еще долго мыслить, чувствовать и писать такъ, какъ онъ это дѣлаетъ теперь.

Многіе удивляются тому, что я на спускѣ корабля 1-го октября говорилъ рѣчь. Что-же я могъ сказать по поводу морскаго торжества? Чтобы самому не удивляться этому и не забыть своихъ словъ, записываю здѣсь мою импровизацію:

— „Позвольте, мм. гг., и мнѣ сказать не рѣчь, а нѣсколько словъ, внушенныхъ мнѣ прекраснымъ зрѣлищемъ. Вамъ, однако, можетъ показаться, что мнѣ, скромному представителю науки кабинетной, не слѣдъ говорить здѣсь въ средѣ такой реальной и технической. Но, вѣдь, зрѣлище, при которомъ мы только-что присутствовали, не есть дѣло какой-нибудь рутины, навыка, а дѣло науки—ея строгихъ приложеній и выводовъ, результатъ ея огромныхъ успѣховъ. Итакъ позвольте мнѣ предложить тостъ за процвѣтаніе въ нашемъ отечествѣ всякой раціональной, наукою руководимой, дѣятельности—говорю всякой, будетъ-ли эта дѣятельность относиться къ постройкѣ корабля, желѣзной дороги, къ сельскому хозяйству и дальше за этими вещественными сферами, тамъ, гдѣ выработаны наши земскія учрежденія, наши новые суды—словомъ вездѣ, гдѣ державная рука нашего просвѣщеннаго государя полагаетъ чертежи и планы для лучшаго

строенія земли русской. Я думаю, что при этомъ послѣднемъ условіи и великій корабль нашего отечества успѣшно поплыветъ въ океанѣ исторіи на встрѣчу достойной его будущности, завѣщанной ему геніемъ нашего перваго кораблестроителя—Петра Великаго. И тогда не будутъ намъ страшны никакія бури, воздвигаемыя нашими и внѣшними, и внутренними недоброжелателями".

13. Воскресенье. Аврамъ Сергѣевичъ (Норовъ) просилъ пересмотрѣть и, гдѣ нужно, поправить его статью по поводу романа „Война и міръ" о войнѣ Двѣнадцатаго года и о Бородинскомъ сраженіи. Статья любопытна, особенно подробности Бородинскаго боя, гдѣ Аврамъ Сергѣевичъ потерялъ ногу. Итакъ (гр. Л. Н.) Толстой встрѣтилъ нападеніе съ двухъ сторонъ: съ одной стороны—князь Вяземскій, съ другой—Норовъ, послѣдній какъ очевидецъ. И впрямь, какой-бы великій художникъ вы ни были, какимъ-бы великимъ философомъ вы себя ни мнили, а все-же нельзя безнаказанно презирать (?) свое отечество и лучшія страницы его славы.

15. Вторникъ. Что это за гадкая исторія со Скарятинымъ въ Смоленскѣ? Прогнать гостя изъ пиршественной залы за то, что онъ думаетъ иначе, чѣмъ другіе, и когда онъ ничего непристойнаго не сказалъ и не сдѣлалъ! Если это правда, что скандалъ не былъ вызванъ никакимъ другимъ поводомъ, то, вѣдь, это варварство, а мы еще толкуемъ о всякихъ конституціяхъ.

Довести механизмъ общества до такого состоянія, чтобы въ немъ господствовали одни законы, а человѣкъ съ его индивидуальностью и его волею былъ-бы только ихъ предметомъ и цѣлью—это-ли задача новѣйшей, такъ называемой, соціологіи?

Вопросъ между Польшею и Россіею, какъ и всѣ вопросы подобнаго рода, не есть вопросъ права, а силы. Это борьба за существованіе, изъ которой побѣдителемъ всегда выходитъ только сильнѣйшій. Оба противника равно хотятъ существовать—это законно и справедливо; но существовать будетъ только тотъ, кто одолѣетъ противниковъ—это тоже законно и справедливо по ходу вещей на землѣ.

25. Пятница. Вечеръ у Ив. Петр. Корнилова. Познакомился тамъ съ авторомъ книги: „Исторія іезуитовъ въ Россіи", священникомъ Морошкинымъ. Очень живой и умный человѣкъ.

29. Вторникъ. Читаю, наконецъ, „Окраины“ (Юрія Өед) Самарина. Эта книга доказываетъ, что и у насъ есть люди, хотя ихъ и немного, съ государственнымъ умомъ и характеромъ. Вещь очень умная и написана прекрасно, то есть безъ аффектаціи, убѣдительно и краснорѣчиво.

А вотъ и отвѣтъ чиновничества на эту книгу: третье предостереженіе „Москвѣ“ съ пріостановленіемъ ея на шесть мѣсяцевъ. („С.-Пет. Вѣд.“, № 292). Самое предостереженіе отъ 21-го октября. Оно совершенно некстати. Извѣстно, что „Москва“ единодушна и единомысленна съ авторомъ „Окраинъ“. Съ этимъ трудно справиться,—такъ бить его друзей.

Ноябрь 1. Пятница. Если реальное образованіе можетъ имѣть то неудобство, что въ немъ заключаются сѣмена матеріализма, то классическое ведетъ къ абстрактамъ, а отсюда тоже Богъ знаетъ, во что можно угодить. Все хорошо въ мѣру.

10. Воскресенье. Прочиталъ книжку Кельсіева „Пережитое и передуманное“. Книжка написана съ замѣчательной легкостью и бойкостью—такъ и видишь передъ собою живаго Донъ-Кихота. И сколько Донъ-Кихотовъ появилось у насъ въ послѣднее время! Какой-нибудь недоучившійся студентъ вдругъ вообразитъ себѣ, что россійскіе порядки и весь міръ никуда не годятся и что онъ призванъ спасти этотъ міръ и обновить Россію. И вотъ онъ начинаетъ волноваться, бѣгать, проповѣдывать, писать прокламаціи, дѣлать заговоры. Онъ принимаетъ подъ свое покровительство массы народныя, предлагаетъ имъ себя въ вожди—никто его не слушаетъ, кромѣ агентовъ тайной полиціи, въ руки которой онъ, наконецъ, и попадаетъ. Тутъ уже выходитъ изъ него мученикъ и проч. и проч. Кельсіевъ такой же Донъ-Кихотъ, только немножко покрупнѣе, т. е. подаровитѣе другихъ. Но и онъ также несостоятеленъ со своими непрошенными проектами соціальныхъ, политическихъ и всяческихъ реформъ. Но, если ему вѣрить, онъ дѣйствительно многое пережилъ, много перестрадалъ—и изъ-за чего? Чтобы убѣдиться, что онъ ничего сдѣлать не можетъ. Да, вѣдь, и Донъ-Кихотъ не мало потрудился и натерпѣлся, и при концѣ своей жизни увидѣлъ, что жизнь его истрачена на пустяки. Во всякомъ случаѣ, однако (Вас. Ив.) Кельсіевъ не изъ дюжинныхъ юныхъ преобразователей и благодѣтелей націи и человѣчества, и если обращеніе его искреннее, то онъ человѣкъ мужественный.

16. Суббота. Вечеръ у Кельсіева, къ которому мнѣ хочется це поближе присмотрѣться. Я получилъ очень милое и умное риглашеніе отъ его красавицы жены, которая въ то-же время гличная музыкантша.

17. Воскресенье. Сильные толки о дѣйствіяхъ нашихъ въ ападныхъ губерніяхъ. Говорятъ, что Потаповъ пріѣхалъ сюда ь проектами о ломкѣ по крестьянскому дѣлу всего, что было дѣлано Муравьевымъ и Кауфманомъ.

„Правительственный Вѣстникъ“ производитъ также не мало олковъ. Говорятъ, тутъ былъ веденъ подкопъ подъ Дм. Алекс. Милютина, военнаго министра.

19. Вторникъ. Отдалъ Георгіевскому для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, мою монографію о Галичѣ. Она писалась довольно долго, съ перерывами, и будетъ напечатана не прежде января будущаго года.

24. Воскресенье. Боже мой, что за хаосъ толковъ и мнѣній о современныхъ событіяхъ и лицахъ въ нашемъ обществѣ! Нѣтъ рѣшительно возможности составить себѣ сколько-нибудь правильное понятіе ни объ одномъ изъ нихъ. И всякій спѣшитъ увѣрить, что вотъ то-то и то онъ слышалъ изъ вѣрнаго источника и старается слышанному дать такой цвѣтъ и видъ, какой ему хочется, ни мало не думая о томъ, что онъ искажаетъ вещи и дѣлаетъ изъ правды игрушку.

Никакъ не могу отъ самого себя добиться хоть малой доли довольства самимъ собою и болѣе успокоительнаго взгляда на окружающій меня порядокъ вещей и на свою собственную судьбу. А между тѣмъ я такъ долго работалъ надъ этимъ и продолжаю работать.

Самопознаніе, самообладаніе, самоуправленіе—какія трудныя и какія необходимыя задачи для человѣка, стремящагося къ самоусовершенствованію! Но неужели-же это стремленіе должно оставаться безъ всякаго успѣха? Конечно, нѣтъ. Что нибудь да пріобрѣтается въ этомъ исканіи лучшаго самого себя—но все это такъ мало, такъ ничтожно въ сравненіи съ задачами, о которыхъ я сейчасъ говорилъ.

Стоитъ-ли, право, быть человѣкомъ, если дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы чувствовать, волноваться, колебаться,

чтобы быть похожимъ на какое-то начатое и неконченное зда среди наваленныхъ въ кучу матеріаловъ, инструментовъ, лѣсо

Вѣрить-ли въ неоскудѣвающую производительность челов ческой природы?

28. Четвергъ. Вечеръ у И. П. Корнилова. Здѣсь собир ются лица, ратующія противъ поляковъ. Сегодня было множе ство ихъ. Тутъ встрѣтилъ я давно невидѣннаго мною Петр Карловича Щебальскаго, пріѣхавшаго изъ Варшавы, чтоб взять на себя изданіе „Русскаго Инвалида“. Бесѣдовалъ долго съ Головацкимъ, пріѣхавшимъ изъ Вильно, чтобы предста виться государю, и проч. и проч.

Кояловичъ послѣ ужина читалъ свой біографическій очеркъ недавно умершаго митрополита Симашко. Написанъ живо, но, мнѣ кажется, нѣсколько дифирамбически.

Самая затруднительная вещь въ нашемъ обществѣ не разно образіе мнѣній, чему и быть надлежитъ, но невѣрность, проти ворѣчія въ данныхъ, на которыхъ основываются эти мнѣнія. Нѣтъ никакой возможности имѣть сколько-нибудь точныя свѣ дѣнія о событіяхъ, обстоятельствахъ, лицахъ, о которыхъ, однако всякій составляетъ себѣ мнѣніе и произноситъ его, какъ оракулъ. Вотъ, напримѣръ, говорятъ, что чиновники въ сѣверо-западномъ краѣ, подвергнутые Потаповымъ остракизму, были невыносимо дурны, слѣдовательно, вполнѣ заслужили свою участь и Потапов поступилъ хорошо. Другіе считаютъ ихъ чуть не безгрѣшными и, во всякомъ случаѣ, людьми, наиболѣе способными для дѣя тельности въ этомъ краѣ. Какъ тутъ добраться до правды?

Въ настоящее время умъ такъ извѣрился, что никто не хочетъ ему вѣрить, когда онъ разсуждаетъ или говоритъ отъ собственнаго имени, и единственный способъ обратить на себя вниманіе заключается въ томъ, чтобы представить фактъ или сообщить какое-нибудь свѣдѣніе.

29. Пятница. Вечеромъ посѣтилъ меня Головацкій, Яковъ Ѳедоровичъ.

Декабрь 1. Воскресенье. Только тотъ не считаетъ себя умнѣе всѣхъ, кто мудрѣе всѣхъ.

Такъ-ли виноваты въ неразуміи и своекорыстіи наши госу дарственные люди, какъ обвиняетъ ихъ молва? Правильно-ли это и правдиво-ли сложившееся мнѣніе? Достаточно-ли мы имѣемъ свѣдѣній о ходѣ общественныхъ дѣлъ и ихъ причинахъ, чтоб

еперь-же произносить рѣшительные приговоры о лицахъ, въ ихъ участвующихъ? Можетъ быть, и Валуевы, и Потаповы, и Шуваловы оказались-бы несовсѣмъ такими мелкими людьми, какъ о нихъ говорятъ, если-бы съ точностью узнать обстоятельства, поводы и проч., на основаніи которыхъ они дѣйствуютъ. Бѣда въ томъ, что всѣ мы судимъ по однимъ слухамъ, по даннымъ, которыя провѣрить мы не имѣемъ никакой возможности. Во всякомъ случаѣ справедливость требуетъ быть умѣреннѣе и сдержаннѣе въ приговорахъ своихъ.

2. Понедѣльникъ. Предостереженіе газетѣ Киркора и Юматова „Наше Время“ за статью, въ которой, въ видѣ какой-то заграничной корреспонденціи, описаны всѣ обстоятельства, давшія бытіе „Правительственному Вѣстнику“ и подкопъ подъ военнаго министра и проч. (№№ 210 и 232 газеты).

Редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника“ взялся быть В. В. Григорьевъ, профессоръ восточныхъ языковъ въ здѣшнемъ университетѣ.

20. Пятница. Кто ничего не уважаетъ или не находитъ ничего достойнаго уваженія, тотъ самъ не заслуживаетъ ничьего уваженія.

22. Воскресенье. Къ N. N. являлись три дамы въ качествѣ представительницъ отъ общества петербургскихъ дамъ съ просьбою о дозволеніи открыть для нихъ курсы высшихъ наукъ. Подъ просьбою четыреста подписей. N. N. говорятъ, обошелся съ ними грубо и, между прочимъ, сказалъ: „всѣ эти четыреста дамъ—четыреста барановъ и половина изъ нихъ записаны въ третьемъ отдѣленіи“.

27. Пятница. Можно было-бы съ увѣренностью сказать, что съ двумя своими новыми учрежденіями—земствомъ и гласными судами—Россіи нечего страшиться въ будущемъ насчетъ своего внутренняго благосостоянія. Поставивъ эти двѣ ноги на желѣзные рельсы, она можетъ двигаться впередъ бодро и спокойно, если только не будутъ ей мѣшать интриги нѣкоихъ господъ, да нигилистическія выходки. Но я боюсь за Россію въ одномъ отношеніи. Есть на ея тѣлѣ одна смердящая опасная рана въ родѣ злокачественнаго карбункула—это почти повальная деморализація. Массы лишены понятія о честности и долгѣ. Особенно этого рода нравственный недугъ свирѣпствуетъ между людьми, такъ называемыми, бывалыми, въ сословіи промышлен-

никовъ. Есть двѣ точки опоры, на которыхъ держится нра
ственная дѣятельность народа—идея чести и религія. О пе
вой пока нечего у насъ говорить: она можетъ развиться толь
современемъ, вмѣстѣ съ другими плодами, которые намъ сули
эмансипація. Религія... Народъ нашъ не получаетъ религіозна
образованія (1868 г.). Существуетъ еще третья точка опоры, н
которой у насъ и держалось все — страхъ, но эта пружина з
послѣднее время сильно заржавѣла и ослабѣла; пора замѣнит
ее новою, болѣе цѣлесообразною. Надо подумать и, какъ можн
скорѣе, позаботиться о нравственно-религіозномъ образо
ваніи народа. Разумѣется, къ этому должно быть призвано духо
венство. Но, увы! Духовенство наше само лишено образованія
того духа дѣятельности, которымъ совершаются хорошія, обще
ственныя дѣла (1868 г.). Оно само требуетъ подъема.

У князя П. А. Вяземскаго на большомъ вечерѣ. Я очу
тился въ блестящемъ собраніи графовъ и князей, графинь,
княгинь и княженъ съ непомѣрно-длинными хвостами. Я, по-
обыкновенію, обмѣнялся нѣсколькими задушевными мыслями и
словами съ милою графинею А. Д. Блудовой. Въ одиннадцать
часовъ произошло, между прочимъ, чтеніе. Маркевичъ, отличный
чтецъ, прочиталъ стихотвореніе князя Петра Андреевича къ
Бибикову и замѣчанія его на „Войну и миръ“ графа Толстаго.
И то и другое, дѣйствительно, хорошо, и хотя князь читалъ
уже мнѣ ихъ въ рукописи, я все-таки прослушалъ ихъ съ новымъ
удовольствіемъ. Возлѣ меня сидѣлъ князь (Сергѣй Николаевичъ)
Урусовъ и, по обыкновенію, и жестами и словами изъявлялъ
свой восторгъ, обращаясь ко мнѣ. Этотъ князь Урусовъ весьма
замѣчательная личность между нашими сановными и вельмож-
ными господами и заслуживаетъ особой характеристики, которую
я и помѣщу со временемъ въ моихъ запискахъ.

29. Воскресенье. Отчетъ мой въ академіи читалъ Я. К.
Гротъ. Погодинъ вызвалъ громкія рукоплесканія чтеніемъ
своимъ „О нашествіи на Россію монголовъ“. Къ концу акта
пріѣхалъ черногорскій князь Николай I. Я любовался его пре-
красною наружностью. Молодость, благородство, привѣтливость
сіяютъ на его привлекательномъ лицѣ.

А. В. Никитенко.

КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДРУЖБЫ

[Переводъ съ нѣмецкаго].

I.

Подъ заглавіемъ:: Wie der Herzog von Lauenburg (Fürst Bismarck) die russisch-französische Freundschaft zustande brachte (Какимъ образомъ князь Бисмаркъ устроилъ русско-французскую дружбу), появилась нѣсколько времени тому назадъ брошюра въ Лейпцигѣ, съ объясненіемъ, на заглавномъ листѣ, что она написана съ русской точки зрѣнія, и съ эпиграфомъ: Audiatur et altera pars.

Краткій анализъ этой брошюры былъ помѣщенъ въ свое время въ Парижскомъ журналѣ „Temps“ (№ 10702, 14-го (26-го) авг. прошлаго 1890 года) и о немъ дано было знать изъ Парижа редакціи Моск. Вѣдомостей телеграммою, появившеюся въ ея № 224, 15-го августа 1890 г.

Цѣль автора заключалась въ томъ, чтобы опровергнуть всѣ увѣренія въ руссофильствѣ, которыя князь Бисмаркъ расточалъ въ бесѣдахъ своихъ съ репортерами разныхъ газетъ: англійскихъ, французскихъ и русскихъ. Брошюра эта написана несомнѣнно въ защиту интересовъ Россіи и еслибы въ нее не вкралось нѣсколько крупныхъ ошибокъ, какъ напр. наименованіе императора всероссійскаго главою православной церкви, а князя А. М. Горчакова—членомъ Парижскаго конгресса, и еще басня о томъ, будто князь Меншиковъ предсталъ на аудіенцію султана въ дорожномъ платьѣ, — то можно было-бы подумать, что эта брошюра написана русскимъ публицистомъ. Она окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Бисмаркъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ поглядыванію на карту Россіи, чтобы найти такіе уголки, откуда можно было-бы повредить ей. Какъ иначе объяснить то, что онъ наводнилъ Турцію, Персію и даже Китай своими военными инструкторами и позволилъ себѣ нахальное самоуправство относительно сербской королевы Наталіи? Обо всемъ этомъ авторъ брошюры не упоминаетъ. Онъ налегаетъ лишь на самыя непріязненныя дѣйствія бывшаго канцлера, именно: созданіе тройственнаго союза, изгнаніе русскихъ подданныхъ изъ Пруссіи и недопущеніе нашихъ бумагъ въ германскіе банки.

Должно, однако, замѣтить, что такія вызывающія дѣйствія прекратились съ назначеніемъ Каприви, и что вообще формы въ политикѣ императора Вильгельма II несравненно мягче; сколько извѣстно, онъ ограничивался до сихъ поръ привлеченіемъ къ тройственному союзу (drei Staaten Lüge, т. е ложь) султана, короля румынскаго и короля шведскаго. Обращеніе къ сему послѣднему предъ самымъ посѣщеніемъ нашего государя могло быть весьма неделикатно, но все-таки это не политика желѣза и крови.

Такъ какъ сказанная брошюра, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательна, то воспроизводимъ ее дословно и опускаемъ лишь немногія строки, состоящія въ обращеніи къ императору Вильгельму II по поводу предстоявшаго ему въ 1890-мъ году пріѣзда въ Россію. * *

Во всѣхъ свиданіяхъ, какія кн. Бисмаркъ назначалъ иностраннымъ журналистамъ, находитъ себѣ живое выраженіе политическая дружба къ Россіи, необходимость поддерживать съ нею добрыя отношенія. Бывшій имперскій канцлеръ очевидно хочетъ показать, что онъ одинъ былъ-бы въ состояніи устроить соглашеніе между Россіею и Германіею, что только онъ могъ-бы возбудить въ русскомъ государѣ довѣріе къ германской политикѣ. Это несомнѣнно вытекаетъ изъ его словъ, сказанныхъ г. Львову, по поводу поѣздки императора Вильгельма въ Константинополь.

— «Я былъ противъ этого путешествія потому, что иностранные государственные дѣятели и народы подумаютъ, будто здѣсь замѣшаны интересы султана (le sultan y est pour quelque chose). Если-бы я оставался на своемъ посту, изъ этого, конечно, ничего-бы не вышло; но теперь я въ отставкѣ и не могу знать ничего».

Правда-же состоитъ въ томъ, что самъ кн. Бисмаркъ довелъ дѣло до непоправимаго разрыва съ Россіею и что онъ, для всѣхъ русскихъ патріотовъ является наиболѣе ненавистнымъ человѣкомъ. Чтобы доказать это, необходимо изложеніе, болѣе обширное, нежели какое мы можемъ дать; но краткій очеркъ возникновенія русско-нѣмецкой вражды, причиною которой является кн. Бисмаркъ, не представляется трудною задачею. Прежде чѣмъ перейти къ этому, разсмотримъ, однако, дружескія увѣренія кн. Бисмарка по адресу Россіи послѣ его «смѣщенія» [1]).

---

[1]) Такъ называетъ кн. Бисмаркъ свое удаленіе отъ дѣлъ: „онъ получилъ отставку и охотно остался-бы въ своей должности, если-бы императоръ Вильгельмъ того пожелалъ“. Примѣчаніе автора.

Кингстону, корреспонденту «Daily Telegraph», онъ заявилъ слѣдующее: «Каковы наши отношенія къ Россіи? Они совершенно удовлетворительны, настолько хороши во всѣхъ смыслахъ, какъ и къ Франціи. (Если не лучше, то эти отношенія, во всякомъ случаѣ, весьма далеки отъ «непоколебимой дружбы», какъ ихъ кн. Бисмаркъ характеризовалъ когда-то). Мы желаемъ добра Россіи, и она, конечно, не нападетъ на насъ». Далѣе: «Въ дѣйствительности, Россія не питаетъ противъ насъ раздраженія, и мы не подаемъ ей ни малѣйшаго повода къ войнѣ. Я имѣю честь пользоваться вниманіемъ и довѣріемъ нынѣ царствующаго русскаго императора». Въ заключеніе кн. Бисмаркъ расхвалилъ благодѣтельныя послѣдствія тройственнаго союза и замѣтилъ, что до Болгаріи нѣмцамъ нѣтъ никакого дѣла.

По отношенію къ Балканскому полуострову князь Бисмаркъ повторилъ то-же самое г. Жюдé (Judet), репортеру «Petit Journal»: «Событія, совершающіяся тамъ, нисколько не затрогиваютъ Германію... я всегда полагалъ, что мы должны держаться вдали отъ нихъ; при томъ-же мы рѣшили въ нашемъ договорѣ съ Австріею, что балканскія дѣла насъ ни къ чему не обязываютъ».

Въ разговорѣ съ корреспондентомъ «Новаго Времени», г. Львовымъ, князь Бисмаркъ выразился съ гораздо бо́льшею горячностью: «Австрія не такъ еще близка къ распаденію, какъ думаютъ. – Ваше мнѣніе, что только союзъ Россіи съ Германіею имѣетъ будущность, заключаетъ въ себѣ много вѣрнаго».

Князя Бисмарка нельзя упрекнуть въ непослѣдовательности, если привести ему на память слова, сказанныя имъ г. Кингстону: «Тройственный союзъ будетъ проченъ, потому-что онъ служитъ ко благу всѣхъ и вытекаетъ изъ здоровыхъ стремленій». Согласно со всѣми воззрѣніями кн. Бисмарка, тройственный союзъ вызванъ былъ къ жизни только благодаря тому, что Россія отвергла союзъ съ Германіей послѣ берлинскаго конгресса. «Послѣ конгресса [1]) — сказалъ онъ, между прочимъ, г. Львову — Россія, т. е. кн. Горчаковъ (только онъ одинъ въ Россіи?) были настроены враждебно противъ меня; только съ 1879 г. я сблизился съ вѣнскимъ кабинетомъ и предложилъ ему союзъ, потому-что иначе Германіи и Австріи могло-бы придтись плохо».

И, какъ будто этихъ заявленій о симпатіяхъ къ Россіи было недостаточно, — кн. Бисмаркъ еще разъ принимаетъ у себя корреспондента «Новаго Времени», для того, чтобы сказать ему: «Я и mon vieux Guillaume постоянно относимся къ Россіи сочувственно (впрочемъ фраза: я и mon vieux Guil

---

[1]) Кн. Бисмаркъ забылъ, что свой разрывъ съ кн. Горчаковымъ онъ относилъ къ 1875 г., т. е. ко времени до конгресса. (Свиданіе съ г. Жюде). Примѣчан іе автора.

laume представляетъ изъ себя лишь своеобразный дипломатическій оборотъ. Германія никогда не нападетъ на Россію. Нѣмецко-русское столкновеніе не имѣетъ никакого смысла».

Слушая такія рѣчи бывшаго всемогущаго руководителя германской политики, каждый долженъ сказать себѣ: какого искренняго друга потеряла теперь въ немъ Россія! Какъ должны русскіе сожалѣть объ его удаленіи съ Wilhelmsstrasse, гдѣ онъ могъ и далѣе оказывать столь-же благотворное вліяніе въ пользу Россіи!

Поистинѣ является удивительнымъ — но это блестящій примѣръ того, какъ мало націи, подобно отдѣльнымъ людямъ, умѣютъ цѣнить людей, дѣйствительно желающихъ имъ добра,—что въ Россіи никто не пролилъ ни единой слезы о кн. Бисмаркѣ, когда онъ оставилъ важный постъ канцлера, чтобы наслаждаться въ Фридрихсруэ заслуженнымъ досугомъ. Ни представитель верховной власти въ имперіи, который будто-бы почтилъ кн. Бисмарка «своимъ вниманіемъ и довѣріемъ», ни печать, выражающая собою общественное мнѣніе по вопросамъ политики, не усмотрѣли въ «смѣщеніи» желѣзнаго канцлера какого-либо ущерба для Россіи. Напротивъ! всѣ въ Россіи держались того мнѣнія, что теперь наступило время завязать съ Германіею если не прежнюю интимную дружбу, то хоть болѣе добрыя отношенія, бывшія ранѣе, при управленіи Бисмарка, совершенно невозможными. Вообще должно сказать коротко и откровенно слѣдующее:

Сколько-бы ни расточалъ кн. Бисмаркъ красивыхъ словъ по адресу Россіи, хотя-бы онъ обращался къ ней съ самою дружелюбною и улыбающеюся миною, какую только въ состояніи принять онъ, слывшій во время оно за величайшаго «очарователя» (charmeur),—ему не удастся, я повторяю, опровергнуть общее убѣжденіе всѣхъ русскихъ безъ различія сословій и партій, что онъ есть ихъ заклятой врагъ или, правильнѣе былъ имъ, потому-что его теперешнія мысли и слова не производятъ особаго впечатлѣнія на русское общество; предразсудокъ-ли это или правда, но кн. Бисмаркъ слыветъ въ глазахъ стомилліоннаго сосѣдняго народа за человѣка, принесшаго ему наиболѣе вреда. И кто слѣдилъ за политикою 1870-хъ и 1880-хъ годовъ, тотъ долженъ сознаться, что русскіе не обманываются, питая подобное чувство. Съ намѣреніемъ-ли кн. Бисмаркъ отдалилъ Россію отъ Германіи или онъ такъ поступилъ по ошибочнымъ соображеніямъ, — это вопросъ, не имѣющій болѣе практическаго значенія. Но несомнѣнно одно — и мы не утаимъ этого—что, по крайней мѣрѣ, до слѣдующаго поколѣнія, союзъ Россіи съ Германіею для какой-либо иной цѣли, кромѣ поддержанія мира, представляется абсолютно невозможнымъ, настолько глубока пропасть, раздѣляющая въ настоящее время оба народа: и вырылъ эту пропасть не кто иной, какъ кн. Бисмаркъ, который теперь, быть можетъ, размышляетъ въ своемъ уединеніи объ опасностяхъ, навлеченныхъ имъ самимъ на свое отечество.

Извѣстно, что геніальный государственный мужъ Германіи былъ не свободенъ отъ ошибокъ: будущій историкъ даже засвидѣтельствуетъ, что его 20-ти лѣтнее управленіе отъ 1871 до 1890-го г. представляется одною большою цѣпью заблужденій: стоитъ лишь вспомнить «культурную борьбу» (Kulturkampf), которая обрекла Германію на двадцать лѣтъ парламентскаго безплодія, и отношеніе Бисмарка къ партіи соціалистовъ; въ его глазахъ они сначала были только людьми во всякомъ случаѣ годными для поселенія раздоровъ среди прогрессистовъ, но легко смиримыми въ случаѣ надобности, при посредствѣ чиновниковъ à la Krüger, агентовъ-подстрекателей и шпіоновъ: вотъ какъ думалъ этотъ великій человѣкъ о важнѣйшемъ движеніи нашего времени!

Еще страннѣе и обильнѣе тяжелыми послѣдствіями былъ его образъ дѣйствій по отношенію къ русской дипломатіи и даже къ русской націи. Для него Россія олицетворялась въ дряхломъ старикѣ кн. А. М. Горчаковѣ, котораго императоръ Александръ II удостоивалъ до 1871 г. своего довѣрія. Великій германскій государственный мужъ совершенно непонятнымъ образомъ игнорировалъ то обстоятельство, что русское правительство не имѣетъ болѣе той неподвижной формы, какъ во времена Николая I, что послѣ Крымской войны въ Россіи пробудилось національное чувство, никому не позволяющее оскорблять себя безнаказанно. Поэтому, кн. Бисмаркъ, думая поражать на берлинскомъ конгрессѣ и послѣ него своего личнаго противника, кн. Горчакова, наносилъ удары русскому патріотизму. Для того, чтобы показать, какъ ошибается кн. Бисмаркъ даже въ области внѣшней политики, гдѣ онъ считается несравненнымъ мастеромъ,— мы упомянемъ только, что онъ говорилъ о «неколебимой дружбѣ» съ Россіею въ такое время, когда послѣдняя была уже потеряна для Германіи. Къ той-же послѣдовательной цѣпи заблужденій принадлежитъ предположеніе кн. Бисмарка, будто его дружелюбныя мелодіи по адресу Россіи способны произвести на русскую націю и на русскія оффиціальныя сферы какое-либо впечатлѣніе. Мы его можемъ увѣрить, что онъ вызвалъ этимъ только чувство сожалѣнія—о томъ, что такой въ историческомъ отношеніи великій человѣкъ, какъ кн. Бисмаркъ, снизошелъ до безсодержательныхъ заявленій. Если такой человѣкъ, какъ онъ, бывшій въ Германіи всемогущимъ въ теченіи 20 лѣтъ, настолько мало сдѣлалъ для русско-нѣмецкой дружбы, что русскій самодержецъ нашелъ себя вынужденнымъ порвать историческія связи съ Германіею и протянуть руку французской демократической республикѣ, то совершенно обманчива увѣренность кн. Бисмарка, будто ему, не обладающему теперь никакою властью и котораго вліяніе находится въ очевидномъ упадкѣ, удастся направить русскую націю на иную политическую дорогу, нежели та, какую указываютъ ей въ настоящее время ея здраво понятые интересы.

Если, однако, кн. Бисмаркъ убѣжденъ въ необходимости русско-нѣмецкаго

сближенія и если это сближеніе—съ чѣмъ мы охотно соглашаемся—служитъ ко благу Германіи, то не удастся-ли преемнику кн. Бисмарка достигнуть этой желательной цѣли? Мы не колеблясь отвѣчаемъ отрицательно. Кн. Бисмаркъ, при всей своей геніальности, неумѣренно восхваляемой «пресмыкающимися»,—настолько окончательно разстроилъ русско-нѣмецкую дружбу, что не оставилъ никакой возможности для союза подобнаго прежнему.

Finis!

Пускай кн. Бисмаркъ называетъ «фразеологіею» состоявшуюся въ Берлинѣ, по иниціативѣ юнаго императора, конференцію,—русское образованное общество встрѣтило очень внимательно эту академическую конференцію, отъ которой, впрочемъ, и самъ императоръ не ожидалъ немедленныхъ практическихъ результатовъ. Положеніе рабочаго класса нельзя, разумѣется, улучшить въ одинъ день; однако, въ идеѣ конференціи выражается, по крайней мѣрѣ, желаніе дѣлать добро, помогать страждущимъ, положить конецъ эксплуатаціи рабочихъ массъ предпринимателями in magnis et voluisse sat est!

Если конференція и не привела тотчасъ къ осязательнымъ послѣдствіямъ, она все-же оказала благотворное вліяніе въ идейномъ отношеніи, и кто знаетъ, какъ скоро она принесетъ плоды въ законодательствѣ различныхъ государствъ? Во всякомъ случаѣ, берлинская конференція, являвшаяся, по мнѣнію князя Бисмарка, «фразеологіею», была русскимъ симпатичнѣе, нежели дѣянія имперскаго канцлера, въ родѣ такихъ напр., какъ изгнаніе 40,000 русскихъ подданныхъ, ежедневныя оскорбленія русскихъ патріотовъ состоящими на жалованьѣ у Бисмарка газетами, которыя отъ самого своего «шефа» получили немного позднѣе названіе «трусливыхъ органовъ печати» — и нападки на русскія цѣнныя бумаги, благодаря чему денежные интересы Россіи потерпѣли настолько, что еслибы не подоспѣли на выручку французскіе капиталы, Россія была-бы доведена Бисмарковскою прессою до тяжкаго финансоваго кризиса.

Въ какой мѣрѣ кн. Бисмаркъ вызвалъ къ жизни подобную политику,—онъ, который называетъ себя другомъ Россіи? Какъ случилось, что Бисмаркъ, утверждающій, будто на берлинскомъ конгрессѣ онъ былъ plus Russe que les Russes, послѣ конгресса оказался для Россіи наиболѣе ненавистнымъ человѣкомъ? Бисмаркъ говоритъ: «До берлинскаго конгресса я держался того мнѣнія, что только союзъ Россіи и Германіи имѣетъ будущность; я доставилъ Россіи Батумъ, я сталъ какъ-бы секретаремъ графа Петра Шувалова, я исполнялъ каждое желаніе Россіи; если с.-петербургскій кабинетъ требовалъ меньше, нежели-бы могъ, то это не моя вина. А послѣ конгресса Россія стала питать ко мнѣ вражду».

Почему-же? Неужели русская нація такъ ослѣплена, что не узнаетъ своихъ истинныхъ друзей? Какъ, кн. Бисмаркъ дѣлаетъ на конгрессѣ всевозможныя усилія къ охранѣ русскихъ интересовъ, и за это въ благодарность

русскія газеты, русское общественное мнѣніе выставляетъ его злѣйшимъ врагомъ Россіи, въ родѣ напр. Мазепы?

— «Ахъ! Бисмаркъ оказываетъ Россіи на берлинскомъ конгрессѣ величайшія услуги, а русскія оффиціальныя сферы съ негодованіемъ отворачиваются отъ Германіи; Россія изолируется, а ея государь не колеблется примкнуть къ «нѣмецкому наслѣдственному врагу». Чѣмъ объяснить это? Не виновата-ли Россія настолько-же въ логической ошибкѣ, какъ и въ несправедливомъ образѣ дѣйствій?

Можетъ быть, мы лучше поймемъ это явленіе, если разсмотримъ происхожденіе непріязни между Бисмаркомъ и Горчаковымъ.

II.

Въ XVIII вѣкѣ Россія настежь открыла свои двери иностранцамъ. Геніальный Петръ, желавшій водворить цивилизацію въ Россіи какъ можно скорѣе и прибѣгавшій для того часто къ весьма крутымъ мѣрамъ, не оказывалъ должнаго вниманія національному элементу, вѣковымъ обычаямъ и преданіямъ. Великій русскій самодержецъ, увѣнчанный славою побѣдитель Карла XII-го, выстроилъ себѣ на финскихъ болотахъ сказочную столицу, но не могъ придумать для нея болѣе подходящаго имени, какъ нѣмецкое названіе Петербурга. Съ распростертыми объятіями принималъ онъ всѣхъ прибывавшихъ въ Петербургъ нѣмцевъ; ученые, художники, торговцы, ремесленники хлынули толпами въ Россію, привлекаемые привиллегіями, какія давалъ имъ русскій государь; онъ оказывалъ имъ всяческое предпочтеніе, и былъ при этомъ правъ: образованный, честный и трудолюбивый иноземецъ, конечно, приноситъ великую пользу усыновившей его странѣ. Но смышленые, богатые свѣдѣніями и привыкшіе къ труду нѣмцы не поняли своего положенія: они должны были стать учителями русскихъ, а вмѣсто этого начали смотрѣть на нихъ съ пренебреженіемъ, раздѣляя антипатіи Петра къ законнымъ, національнымъ особенностямъ русскаго народа, и этимъ оттолкнули его отъ себя. Вслѣдствіе завоеванія Остзейскихъ провинцій, нѣмецкій элементъ усилился до того, что въ царствованіе императрицы Анны Ивановны вожди національной партіи осуждены были на ссылку въ Сибирь, а государство досталось въ удѣлъ Бирону, Остерману и Миниху.

Въ политическомъ смыслѣ отношенія Россіи къ Пруссіи и Австріи не оставляли, впрочемъ, желать ничего лучшаго по своей интимности: правда, эти государства тогда не были еще непосредственными сосѣдями Россіи, отдѣленныя отъ нея Польскимъ королевствомъ. Только въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы русско-прусскія отношенія обострились до открытой борьбы. Послѣдняя не была вызвана какими-либо реальными политическими интере-

сами: напротивъ, участіе Россіи въ коалиціи противъ Фридриха II слѣдуетъ приписать только личной непріязни императрицы Елизаветы къ великому прусскому королю. Елизавета дѣйствовала сообща съ Маріей-Терезіей и такъ стѣснила Пруссію, что ея гибель казалась неизбѣжною. Подъ конецъ войны Фридрихъ II находился въ полной невозможности бороться далѣе противъ соединенныхъ силъ Австріи, Россіи, Швеціи, Франціи и наиболѣе значительныхъ имперскихъ государей; онъ терпѣлъ рѣшительный недостатокъ въ двухъ необходимыхъ для войны вещахъ: въ деньгахъ и солдатахъ; большая часть его владѣній были заняты непріятелемъ; Померанія и Восточная Пруссія находились въ рукахъ Россіи. Положеніе Пруссіи было отчаянное. Вдругъ умираетъ императрица Елизавета, и преемникъ ея Петръ III, бывшій герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій, страстный почитатель Фридриха, спѣшитъ сейчасъ-же вывести русскія войска изъ занятыхъ прусскихъ провинцій, и притомъ безъ всякаго вознагражденія. Онъ сдѣлалъ даже болѣе—онъ заключилъ съ Пруссіей оборонительный и наступательный союзъ и послалъ ей вспомогательное войско: по настоянію русскаго государя, Швеція также заключила миръ съ Фридрихомъ II. Пруссія была спасена. Если нынѣ она является самымъ сильнымъ государствомъ Германіи, если въ нашемъ столѣтіи она могла сокрушить силы Австріи и Франціи, если прусскій король носитъ титулъ германскаго императора, то все это было-бы немыслимо безъ русской помощи, поданной въ 1762 г. Фридриху II, ибо иначе Пруссія, находившаяся тогда при послѣднемъ издыханіи, окончила-бы, судя по человѣческимъ разсчетамъ, свое существованіе.

Такъ Пруссія была въ первый разъ спасена Россіей.

И слѣдующіе русскіе государи, отъ Екатерины II до Александра II, постоянно помогали Пруссіи. Императоръ Александръ I, идеальный по природѣ, вѣрно стоялъ за своего друга Фридриха Вильгельма III; онъ не задумался въ 1806 г. поспѣшить на помощь укрывшимся за Одеръ прусскимъ войскамъ, хотя политическое благоразуміе могло-бы удержать его отъ этого шага. Подобно тому, какъ при Аустерлицѣ Александръ I желалъ оказать помощь Австріи, русскіе должны были запечатлѣть кровавыми жертвами при Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ и Фридландѣ свою дружбу съ Пруссіей. Лишь въ ту минуту, когда императоръ Александръ I окончательно отчаялся въ судьбѣ Пруссіи, онъ позволилъ себѣ согласиться на миръ съ Наполеономъ: но его симпатіи къ Пруссіи осталась неизмѣнными, какъ онъ достаточно доказалъ это въ 1813 г. Армія Наполеона погибла въ Россіи, поглотивъ солдатъ, приведенныхъ корсиканскимъ завоевателемъ противъ Россіи, нашли себѣ могилу въ русскихъ пустыняхъ; Россія вышла изъ борьбы побѣдительницею. Но геній Наполеона съумѣлъ еще разъ выставить противъ Пруссіи сильное войско. Россія опять поспѣшила на помощь, и русскіе бились бокъ-о-бокъ съ пруссаками въ великомъ Лейпцигскомъ сраженіи противъ узурпатора. Первый день битвы (4-го—16-го—октября) былъ неудаченъ для союзниковъ.

при ихъ подавляющемъ численномъ превосходствѣ имъ удалось въ два слѣдующіе дня одолѣть французовъ. Были-ли бы пруссаки также въ стояніи достигнуть этого, еслибы русскихъ при этомъ не оказалось, еслибы ександръ I столько-же щадилъ своихъ солдатъ, какъ кн. Бисмаркъ «кости ного померанскаго гренадера?»

Такія-же интимныя отношенія, каковыя были между Александромъ I и Фридхомъ Вильгельмомъ III, установились и между ихъ преемниками Николаемъ I и идрихомъ Вильгельмомъ IV. Правда, Россія пріобрѣла привычку видѣть въ бѣ покровительницу Пруссіи—взглядъ, который находилъ себѣ оправданіе фактахъ, но все-таки нѣсколько задѣвалъ прусское самолюбіе. Однако, теріальнаго ущерба Пруссія отъ подобнаго взгляда не ощущала и отношенія оихъ государствъ оставались наилучшими. Было совершенно естественно, что оссія столько-же разсчитывала на преданность Пруссіи, какъ теперь она вѣрена въ преданности Черногоріи. Съ своей стороны, Россія всегда была това заступиться за Пруссію, разумѣется, не желая поощрять ея честолюбивыхъ плановъ, осуществленныхъ впослѣдствіи Бисмаркомъ. Лучшимъ оказательствомъ, что Россія нисколько не сочувствовала военно-политическимъ жделѣніямъ Пруссіи, представляется то, что Пруссія была вынуждена оставить зои планы въ эпоху Ольмюцской конференціи. Это обстоятельство мы должны орошенько запомнить, если хотимъ понять позднѣйшее столкновеніе Бисмарка ь княземъ А. М. Горчаковымъ.

Въ 1840-хъ годахъ Россія находилась на зенитѣ своего могущества. частливое окончаніе четвертой Русско-турецкой войны (1828—1829 гг.) озвысило русское обаяніе, пріобрѣтенное въ борьбѣ съ Наполеономъ; сила оссіи была тѣмъ внушительнѣе, что другія европейскія государства испытали революціонныя потрясенія. Одинъ только сѣверный колоссъ стоялъ увѣренно, прочно и спокойно. Къ несчастью, императоръ Николай I смотрѣлъ на себя какъ на опору легитимнаго принципа и консерватизма и вступался въ такія дѣла, гдѣ, по современнымъ понятіямъ, слѣдовало-бы воздержаться отъ всякаго вмѣшательства. Венгрія хочетъ стряхнуть иго Австріи; венгерское возстаніе получаетъ, подъ руководствомъ благородныхъ патріотовъ, такой оборотъ, который обезпечиваетъ ему успѣхъ, и вдругъ появляется Николай, какъ deux ex machina, посылаетъ въ Венгрію войско для подавленія революціи, и Гергей долженъ положить оружіе передъ Паскевичемъ.

Династія Габсбурговъ спасена, но благодарности не послѣдовало. Въ высшей степени маловажный случай, политическая бездѣлица навлекаетъ скоро слѣ того несчастіе на Россію, погребаетъ ея могущество, ея вліяніе, ея атство и низводитъ ее на второстепенное мѣсто въ ряду европейскихъ ржавъ. «Споръ о ключахъ» служитъ предлогомъ къ кровопролитной Крымской войнѣ, опустошившей Россію.

Греческій патріархъ получаетъ отъ султана приказаніе выдать церковные

ключи Виѳлеема латинскому духовенству. Императоръ Николай считалъ се главою греческой церкви на востокѣ [1]) и пришелъ по поводу этого повелѣн въ величайшій гнѣвъ. «Какъ? Что? Это осмѣливается дѣлать Турція,—«бол ной человѣкъ?» На кн. Меншикова возлагается задача играть ту сам роль, въ какой впослѣдствіи отличился Бенедетти. Подобно послѣдне обратившемуся въ 1870 г. въ Эмсѣ съ дерзкими словами къ королю Вил гельму, кн. Меншиковъ появляется передъ султаномъ въ грязныхъ сапога и дорожномъ платьѣ [2]) и ставитъ ему ультиматумъ. Ясно, что этотъ пре

---

[1]) Императоръ Николай Павловичъ не могъ считать, да и не считалъ се главою Восточной церкви, ибо она признаетъ только невидимою главою само Іисуса Христа. Императоръ Всероссійскій есть покровитель Православн Церкви и первенствующій сынъ ея; но, точно также какъ Св. Синодъ,— можетъ измѣнить ни одного догмата,—для этого нуженъ Вселенскій Собор Подобно сему, королева великобританская имѣетъ до сихъ поръ, въ своем оффиціальномъ титулѣ, званіе „защитницы вѣры“ (fidei defendrix), а франц скій король именовался въ старину „premier fils de l'Eglise“.

Примѣчаніе переводчика.

[2]) Ничего такого никогда не появлялось въ печати. Еще до отъѣз своего изъ Петербурга, кн. Меншиковъ отдалъ въ передѣлку въ англійск магазинъ всѣ свои бриллiантовыя звѣзды, именно для того, чтобы предста предъ султаномъ въ полномъ блескѣ. Въѣздъ его въ Константинополь, кон онъ высадился на пристани Топхане, и выѣздъ изъ дома русскаго посольст на аудіенцію къ султану, чрезъ предмѣстья Пера и Галата, совершили почти съ одинаковою торжественностью, при огромномъ стеченіи наро Кн. Меншиковъ сидѣлъ на бѣломъ конѣ, въ парадной адмиральской формѣ, Андреевской лентѣ. Предъ нимъ ѣхалъ, въ вышитомъ золотомъ камергерск мундирѣ, сынъ канцлера, гр. Д. К. Нессельроде, и везъ на парчевой душкѣ государеву грамоту къ султану. Посла сопровождали: генералъ Не койчицкій, множество военныхъ и морскихъ офицеровъ, весь личный сост россійской миссіи съ драгоманами, и всѣ они были въ парадныхъ мундир Авторъ, очевидно, смѣшалъ аудіенцію у султана съ другимъ инцидентомъ. Не брожелатели Россіи выдумали въ то время газетную утку о томъ, будто князь Меншиковъ сдѣлалъ свой оффиціальный визитъ визирю въ пали чуть-ли не съ хлыстикомъ или тросточкою въ рукѣ. Благодаря телегра проволокѣ, эта утка облетѣла всю Европу и, при тогдашнемъ пренебреж нашего правительства къ прессѣ, эта клевета осталась не опровергну такъ что въ нее до сихъ поръ многіе вѣрятъ. Мы можемъ сослаться двухъ свидѣтелей этого случая: оберъ-гофмейстеровъ А. П. Озеров гр. Д. К. Нессельроде (послѣдній, впрочемъ, уже умеръ). Первый б тогда совѣтникомъ нашей миссіи въ Константинополѣ и повѣренным дѣлахъ, до прибытія туда кн. Меншикова, въ качествѣ чрезвычайнаго по : второй былъ прикомандированъ изъ Петербурга къ его посольству. Тр сидѣвшій съ ними въ колескѣ кн. Меншикова, когда онъ ѣхалъ въ зл Порты Оттоманской, былъ старшій секретарь нашей миссіи В. П. Балаб впослѣдствіи умершій, будучи русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Всѣ

ioгъ былъ въ глазахъ императора Николая желаннымъ casus belli; онъ хотѣлъ начать пятую русско-турецкую войну, чтобъ совершенно уничтожить Турцію и водрузить крестъ на Софійской мечети.

Николай I полагалъ, что Турція останется безъ союзниковъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, заступится за нее? Австрія, которую онъ только что избавилъ отъ гибели? allons donc! Франція? Но Наполеонъ, Napoléon le Petit, недавно, при помощи вѣроломства добывшій себѣ престолъ, занятъ борьбою съ внутреннимн смутами. Конечно, Англія? Но развѣ не она, заодно съ Франціею, помогла Россіи въ 1827 г. разбить турецкій флотъ при Наваринѣ? Нѣтъ, нѣтъ, Турція выдана Россіи головою. Однако, противъ ожиданія, султанъ поднялъ брошенную ему перчатку. Николай I нисколько не подозрѣвалъ, какую западню подставилъ ему Наполеонъ. Война возгорѣлась, и Турція нашла союзниковъ въ Англіи, Франціи, Сардиніи и Австріи, которую спасъ императоръ Николай. Россія была вынуждена очистить Дунайскія княжества.

всегда одинаково разсказывали этотъ случай. Наканунѣ пріема у великаго визиря, кн. Меншиковъ послалъ спросить въ какую форму облекутся визирь и прочіе турецкіе сановники. Отвѣтъ былъ—„въ малой формѣ“, т. е. въ венгеркахъ. Тогда князь сталъ обсуждать съ своими приближенными, что̀ можетъ соотвѣтствовать этой формѣ, и остановился на мысли, что ему всего приличнѣе будетъ надѣть черный фракъ. Такъ какъ такого въ его гардеробѣ не оказалось, то необходимый фракъ немедленно былъ купленъ на базарѣ. На него надѣты были украшенный брилліантами портретъ императора Николая I на голубой лентѣ и брилліантовая Андреевская звѣзда. Собираясь ѣхать въ открытомъ экипажѣ, посолъ, разумѣется, надѣлъ пальто и цилиндръ. Вѣроятно, по дорогѣ, его встрѣтилъ какой-нибудь праздный репортеръ, въ родѣ напр., г. Ногэса (Nogués), который изъ пирожниковъ сдѣлался редакторомъ „Journal de Constantinople“, и сочинилъ телеграмму о томъ, что будто-бы кн. Меншиковъ сдѣлалъ визитъ великому визирю въ пальто. Правда только то, что князь едва успѣлъ снять его, какъ очутился лицомъ къ лицу съ визиремъ и это оттого, что въ зданіи Порты длинный корридоръ, по бокамъ котораго входы въ разныя комнаты, завѣшанные коврами, вслѣдствіе чего, какъ только подняли коверъ у входа въ залу, гдѣ ожидалъ его визирь, этотъ оказался вышедшимъ на встрѣчу князя; почему послѣднему и пришлось снять пальто на его глазахъ. Визирю посолъ объявилъ, что не будетъ вести переговоровъ съ Фуадъ-пашей (министромъ иностр. дѣлъ), такъ какъ Фуадъ потерялъ довѣріе нашего государя. Дѣйствительно, Фуадъ въ вопросѣ о св. мѣстахъ дѣлалъ уступки то намъ, то французамъ. Онъ, однакожъ, ожидалъ князя на порогѣ своей пріемной комнаты, съ приподнятымъ у двери ковромъ. Но посолъ прошелъ мимо, какъ-бы не замѣчая его. Хотя Фуадъ продолжалъ пользоваться довѣріемъ своего государя, онъ, вслѣдствіе заявленія, оффиціально сдѣланнаго визирю, былъ смѣщенъ, но тутъ-же отошли въ область невозможнаго тѣ блестящіе результаты, которые, при мгновенномъ дѣйствіи, могло имѣть посольство Меншикова въ первые дни общаго оцѣпенѣнія. Никто изъ турецкихъ сановниковъ не соглашался принять въ столь

Послѣ двухлѣтней кровавой борьбы, въ теченіе которой русское оружіе покрылось болѣе блестящей славой, нежели оружіе побѣдителей, палъ Севастополь. Николай не былъ фразеромъ, подобно тому, кто написалъ императору Вильгельму послѣ Седана: «Тщетно искавъ смерти во главѣ моей арміи, я нынѣ отдаю мою шпагу вашему величеству». Николай I былъ императоромъ съ головы до ногъ; онъ не могъ пережить пораженія Россіи.

Въ началѣ 1855 г. Крымская война окончательно приняла несчастный для Россіи оборотъ. Николай I умеръ 18 февраля 1855 г., а 18 марта 1856 г.[1] пораженіе Россіи было формально признано на Парижскомъ конгрессѣ.

Россія отступила съ гнѣвомъ, скрѣпя сердце, созерцала свои раны и раздумывала о средствахъ къ ихъ исцѣленію. Изреченіе кн. А. М. Горчакова: «La Russie ne boude pas, elle se recueille», если понимать его какъ слѣдуетъ, означаетъ: «La Russie boude et elle se recueille». Но ни противъ кого русское общество, и больше всѣхъ тогдашній главный министръ Россіи кн. А. М. Горчаковъ, не питали такого раздраженія, какъ противъ неблагодарной Австріи. Разсказываютъ, что на парижскомъ конгрессѣ кн. Горчаковъ схватилъ стаканъ и съ розмаху бросилъ его на полъ, такъ что онъ разлетѣлся въ дребезги. «Такъ я разобью когда-нибудь Австрію!» воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ. Во всякомъ случаѣ, его мысли и намѣренія были направлены къ этой цѣли, къ отмщенію за Севастополь.

Но какъ? Раны Россіи еще не зажили; предстояло все перестроивать заново, преобразовать государство отъ основанія до вершины, и для этого

трудныхъ обстоятельствахъ вакантный портфель и новый министръ иностр. дѣлъ былъ назначенъ лишь черезъ 12 дней. Такимъ образомъ, самый благопріятный моментъ, когда представителями западныхъ державъ были въ Константинополѣ лишь простые повѣренные въ дѣлахъ, былъ безвозвратно упущенъ. А когда успѣлъ возвратиться англійскій посолъ Редклифъ, Меншиковъ согласился вести негоціаціи путемъ конференцій, обыкновенно начинающихся разговорами о погодѣ, питьемъ кофе и куреніемъ кальяна и часто оканчивающихся ничѣмъ! Такимъ образомъ, посолъ нашъ истратилъ весь свой престижъ. Пробовалъ онъ, вмѣсто договора, добиться простой подписи, т. е. единоличнаго, односторонняго обязательства не нарушать привиллегій греческаго исповѣданія, долго разводилъ пары на своемъ пароходѣ, угрожая отъѣздомъ и прерывомъ сношеній. Все это было напрасно! Вопросъ о святыхъ мѣстахъ былъ собственно поднятъ въ Марсели, на банкетѣ, при отъѣздѣ въ Константинополь посла Лавалета, ибо президентъ Людовикъ-Наполеонъ нуждался тогда въ поддержкѣ католическаго духовенства; а посольству Меншикова всего болѣе далъ поводъ тотъ успѣхъ, который наша миссія въ Константинополѣ, по внушеніямъ свыше, доставила австрійскому чрезвычайному посольству принца Лейнингенскаго (de Linange). Требованія его относились до распри Австріи съ Черногоріею.

Примѣч. переводчика.

[1]) Оба числа стараго стиля. Примѣч. автора.

кны были нѣсколько десятковъ лѣтъ упорной работы. Но у Россіи всегда тавало терпѣнія; она триста лѣтъ сносила монгольское иго; въ подобной олѣ научаются молча страдать и съ улыбкою на устахъ питать мысли о ени.

III.

Внѣшнія политическія отношенія къ Европѣ сложились при воцареніи импе-гора Александра II довольно удовлетворительно, но близки они были только съ уссіею, къ которой Россія чувствовала благодарность за ея нейтралитетъ время крымской войны. Конечно, исходъ ея не могъ быть хуже для Рос-и, еслибы даже Пруссія примкнула къ западнымъ державамъ, но Россія да была тому, что у нея въ Европѣ есть хоть одинъ платоническій другъ.

Въ 1859 г. постъ прусскаго посла [1]) въ С.-Петербургѣ занялъ человѣкъ всѣмъ особаго склада: онъ нисколько не походилъ на своихъ предшествен-ковъ и, вообще, не соотвѣтствовалъ тому представленію о дипломатѣ, кото-е до тѣхъ поръ преобладало вездѣ и согласно которому дипломатъ долженъ лъ умѣть ловко извиваться, на подобіе ужа, выражаться, какъ оракулъ, усмысленно, ухаживать по образцу Донъ-Жуана за придворными дамами и травать выгодные браки между членами разныхъ царствующихъ фамилій. и одна изъ этихъ чертъ не встрѣчалась въ новомъ прусскомъ послѣ.

Онъ былъ человѣкъ атлетическаго сложенія, съ энергическимъ лицомъ, ъкъ будто вырубленнымъ посредствомъ топора; онъ презиралъ придворныя нтриги, выражался свободно и откровенно, жилъ скромно, былъ образцовымъ мьяниномъ; его кухня, какъ говорятъ, не стояла на высотѣ дипломатиче-скихъ требованій, однако, замѣчательнымъ образомъ, онъ тотчасъ пріобрѣлъ бѣ симпатіи императора Александра II, двора и всего русскаго общества.

Новый прусскій посланникъ особенно охотно посѣщалъ русскіе дома, вы-ывалъ симпатіи къ національнымъ стремленіямъ, заявлялъ о любви къ оссіи; онъ даже выучился русскому языку и могъ не дурно объясняться ъ немъ. У кн. Горчакова онъ былъ persona grata; тщеславный [2]) русскій

---

[1]) Германскій императоръ имѣетъ въ С.-Петербургѣ посольство и чрезвычай-аго и полномочнаго посла; но прусскій король имѣлъ только миссію и, во главѣ я, чрезвычайнаго и полномочнаго посланника. Это степенью ниже. Посолъ редставляетъ собою особу своего государя и имѣетъ право вести переговоры ично съ государемъ, при которомъ онъ акредитованъ; а посланникъ изображаетъ обою лишь свое правительство и долженъ трактовать съ м—вомъ ин. дѣлъ.

[2]) Эта черта схвачена весьма вѣрно. Горчаковъ такъ любилъ, чтобы, даже ри дамахъ, громко читали его депеши, что Ѳ. И. Тютчевъ прозвалъ его Нарцисомъ чернильницы (le Narcisse de l'écritoire). Но онъ, высоко цѣня строуміе, на него за это не сердился. Примѣч. переводч.

министръ радовался, что его идеи о вредномъ вліяніи Австріи, о необходимо
ее уничтожить находятъ себѣ такую разумную поддержку въ прусс
дипломатѣ.

Этотъ посланникъ былъ Бисмаркъ. Онъ не скрывалъ, что стремился
борьбѣ съ Австріею и хотѣлъ вытѣснить ее изъ Германіи. «Ахъ, еслибы Пр
сія могла сдѣлать это, мы-бы дали ей наше благословеніе!» говорилъ Горч
ковъ и, съ нимъ вмѣстѣ, все русское общество. Но въ сущности эти
явленія Бисмарка не считались серьезными; нѣтъ сомнѣнія, что въ то вр
кн. Горчаковъ составилъ себѣ о немъ такое-же мнѣніе, какъ и Наполеонъ
«M. de Bismarck n'est pas sérieux». Но русской дипломатіи было прія
видѣть въ представителѣ Пруссіи такую-же ненависть къ Австріи, ка
исполнены были къ ней русскіе люди. Можетъ быть, въ глубинѣ души
Горчаковъ даже полагалъ, что это онъ внушилъ подобную вражду къ Авст
«своему ученику» [1]), какимъ Бисмаркъ благоразумно себя называлъ.

Во время своей дипломатической дѣятельности въ Петербургѣ, Бисм
ясно увидѣлъ одно—что его планъ унизить Австрію и поставить на ея м
Пруссію въ качествѣ руководящей германской державы—не есть несбыточ
химера, что онъ даже осуществимъ! Какія-же препятствія мѣшали въ сам
дѣлѣ исполненію этого плана? Военная отсталость Пруссіи сравнительно
Австріею? Но Бисмаркъ зналъ лучше, нежели кто-либо, силу реорганизов
ной и снабженной игольчатыми ружьями прусской арміи, а также слабо
Австріи. Опасность грозила Пруссіи только въ случаѣ вмѣшательства друг
державъ, т. е. Россіи и Франціи, а въ Петербургѣ Бисмаркъ убѣдился, ч
Россія не только останется нейтральною, но и будетъ, въ случаѣ надобно
сдерживать Францію. Война 1866 г. доказала вѣрность этихъ расчетовъ.

Сраженіе при Кёнигтрецѣ было тріумфомъ для Россіи, которая устро
въ столицѣ иллюминацію [2]) въ знакъ радости, если не по поводу побѣ
Пруссіи, то по поводу пораженія Австріи.

— «Ахъ, какой великій человѣкъ нашъ кн. Горчаковъ! Не пожертвов
ни однимъ русскимъ солдатомъ, не потративъ русскаго пороха даже на одн
выстрѣлъ, онъ умѣлъ разгромить Австрію и отомстить за Севастополь!» —го
рили почитатели Горчакова. Мудрые политики на берегахъ Невы нисколь
не сомнѣвались, что Бисмаркъ былъ только маріонеткою въ рукахъ Горчак

---

[1]) Впослѣдствіи-же князь А. М. Горчаковъ скромно возражалъ Бисмарк
„Да, вы мой ученикъ, но превзошли меня, подобно Рафаэлю, который превз
шелъ Перуджино!“

[2]) Не правда. Никакой иллюминаціи не было. Но прусская военная деп
тація, вскорѣ послѣ того бывшая въ Москвѣ, вообразила себѣ, что Садовой
улицѣ дано названіе побѣды пруссаковъ надъ австрійцами.

Примѣч. переводчика.

и что Прусско-Австрійская война являлась лишь искуснымъ шахматнымъ ходомъ великаго русскаго дипломата.

О такой недальновидности нельзя въ настоящее время думать, что нейтралитетъ Россіи въ 1866 г. имѣлъ для Германіи значеніе дружескаго союза съ Россіею. Этого нейтралитета нельзя сравнивать съ невмѣшательствомъ Пруссіи въ крымскую войну; первый сдерживалъ Францію и обезпечилъ для Пруссіи успѣхъ, второе не имѣло существенной важности для Россіи, потому что не могло парализовать дѣйствій западныхъ державъ. Въ Германіи надъ этимъ смѣются, но Горчаковъ дѣйствительно считалъ себя настоящимъ творцомъ сѣверо германскаго союза. Впрочемъ, должно замѣтить, что послѣ блестящей кампаніи 1866 г., Бисмаркъ выказалъ много благодарности къ Россіи,—т. е. увѣрилъ кн. Горчакова, тщеславіе котораго не имѣло границъ, что онъ величайшій государственный человѣкъ своего времени. Такимъ образомъ отношенія у Россіи къ Сѣверо-германскому союзу образовались очень сердечныя, тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ II, по своему прямому, благородному характеру, искренно и безъ заднихъ мыслей радовался успѣхамъ Пруссіи и своего друга, короля Вильгельма. Превращеніе, происшедшее съ Пруссіей, считалось полезнымъ и въ политическомъ смыслѣ: сѣверо-германскій союзъ былъ гораздо болѣе желательнымъ другомъ, чѣмъ маленькая Пруссія. Въ томъ-же, что новая сосѣдняя держава будетъ готова идти вмѣстѣ съ Россіею въ огонь и въ воду, русскіе политики были вполнѣ увѣрены. «Пруссія обязана намъ благодарностью и, слѣдовательно, будетъ намъ ее оказывать», разсуждали въ Петербургѣ и не безпокоились нисколько.

Послѣ пораженія Австріи, князю А. М. Горчакову болѣе всего хотѣлось проучить Наполеона III, главнаго виновника крымской войны.

Въ 1870 г. повторилась игра 1866 года. Россія стояла подъ ружьемъ и обороняла Рейнъ на берегахъ Вислы.

Извѣстно, что въ Австріи обнаруживалось сильное стремленіе вступиться за Францію; но добросовѣстное поведеніе Россіи принуждало австрійскихъ дипломатовъ оставаться нейтральными.

Ни одинъ дипломатъ никогда не проявлялъ большей недальновидности въ своей политикѣ, ни одинъ патріотъ не нарушалъ до такой степени интересовъ своей страны, какъ это сдѣлалъ кн. А. М. Горчаковъ въ 1870 г. Когда пушки гремѣли подъ стѣнами Страсбурга и Меца, и еще болѣе, когда нѣмцы осаждали Парижъ, князь Горчаковъ былъ «господиномъ положенія въ Европѣ», всѣ козыри находились у него на рукахъ, онъ могъ повелѣть, что ему было угодно,—а близорукій политикъ удовольствовался пустяками, получить которые онъ вдобавокъ могъ не иначе, какъ посредствомъ насильственнаго акта.

Какъ извѣстно, въ парижскомъ трактатѣ существовала статья (§ 11), по которой «Россія не имѣла права содержать на Черномъ морѣ больше военныхъ судовъ, нежели Турція».

И вотъ въ то время, когда весь міръ съ волненіемъ ожидалъ (въ февралѣ 1871 г.), «что будетъ дѣлать Россія, въ рукахъ которой находится судьба Европы?»—нашъ добрый кн. А. М. Горчаковъ издалъ одну изъ своихъ, написанныхъ изящнымъ языкомъ, нотъ, гдѣ приведенная статья объявлялась потерявшею всю свою силу. На основаніи какого международнаго принципа—не указывалось. Но съ такимъ-же точно правомъ онъ могъ-бы добиться еще и многаго другаго, что сдѣлало-бы ненужною послѣдующую восточную войну.

Пускай не говорятъ, что Россія тогда еще не была готова къ рѣшительному шагу: въ военномъ отношеніи она стояла вполнѣ на высотѣ своего положенія.

Но Горчаковъ предпочелъ остаться вѣрнымъ другомъ Пруссіи и обезпечилъ ей побѣду. Въ письмѣ императора Вильгельма къ императору Александру II-му выразилась вся чрезвычайная благодарность, какою Пруссія была обязана Россіи. Это ужъ былъ не нетрайлитетъ, а союзъ безъ всякаго вознагражденія за услуги.

Франкфуртскій трактатъ былъ подписанъ, гордая Франція повержена въ прахъ. Кн. Горчаковъ торжествовалъ одинъ изъ величайшихъ своихъ тріумфовъ; еще немного, и онъ-бы приказалъ изобразить себя съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ.

Къ несчастью, русское общество скоро опомнилось и почувствовало, что была сдѣлана непростительная ошибка, которая въ политикѣ хуже, чѣмъ преступленіе.

Опаснѣе всего было то, что въ Петербургѣ никакъ не могли освоиться съ новымъ положеніемъ вещей и хотѣли трактовать Германскую имперію также, какъ маленькую Пруссію. Но юный германскій орелъ расправлялъ свои крылья и показывалъ когти. Русскіе по крайней мѣрѣ утѣшались тѣмъ, что они имѣютъ могучаго союзника, который во всякое время останется вѣрнымъ Россіи.

Въ 1875 г. произошелъ случай, бросившій сильную тѣнь на отношенія Бисмарка къ Горчакову. Что такое случилось въ самомъ дѣлѣ, когда низкіе органы «пресмыкающихся» ударили военную тревогу при совершенно, повидимому, ясномъ политическомъ горизонтѣ? Что означали статьи «Post», вѣщавшія о близости войны? Нѣмецкая публицистика никогда не могла выяснить этого обстоятельства. Но для французской и русской печати не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію, что кн. Бисмаркъ хотѣлъ тогда объявить Франціи войну и что только, благодаря вмѣшательству Горчакова, т. е. дружелюбному расположенію къ французамъ императора Александра II, удалось отвратить это несчастіе отъ Франціи, тогда еще совершенно застигнутой въ расплохъ. Генералъ Флёри, бывшій въ 1875 г. французскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ, сообщилъ объ этихъ событіяхъ, незадолго до своей смерти, подробный разсказъ въ Figaro, и послѣ этого нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что

олько вслѣдствіе энергическаго заступничества русской дипломатіи, новая ранко-германская война не состоялась. Какъ выше упомянуто, французы русскіе вполнѣ убѣждены въ правдивости этого разсказа; но кн. Бисмаркъ ротестуетъ противъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ: «Въ 1875 году олагали, что грозитъ война, сказалъ онъ г. Жюде, репортеру «Petit Journal», о я съ своей стороны употребилъ всѣ усилія, чтобы дѣло не дошло до этого. Впрочемъ, мнѣнія фельдмаршала Мольтке никогда не стѣсняли меня въ этомъ тношеніи. Военные люди не разъ выражали мысль, что не слѣдуетъ допус-тать усиленія какой-либо державы, которая впослѣдствіи можетъ стать пасною».

«Г. Гонто-Бironъ, французскій посолъ въ Берлинѣ, тревожился напрасно, кн. Горчаковъ этимъ воспользовался, чтобы увѣрить всѣхъ, будто Россія воимъ посредничествомъ помогла Франціи въ трудную минуту.

— «Я ему тогда сказалъ, что онъ можетъ поставить себѣ въ Іарижѣ статую, съ крыльями на спинѣ и освѣщенную бенгаль-кимъ огнемъ. Съ этихъ поръ произошелъ мой разрывъ не съ оссіею, а съ Горчаковымъ» [1]). Такъ говоритъ Бисмаркъ.

Но кто умѣетъ читать между строкъ и помнитъ неистовые военные клики ффиціозовъ, получавшихъ вознагражденіе изъ «фонда Гвельфовъ», тотъ ознается, что Франція имѣла основательныя причины питать благодарность ъ Александру II. Но мы не станемъ объ этомъ распространяться далѣе; есомнѣнно то — и кн. Бисмаркъ самъ это подтверждаетъ, что его отношенія ъ Горчакову стали весьма натянутыми. Кто знаетъ кн. Бисмарка и его ежеланіе прощать даже самыя незначительныя обиды (сотни процессовъ ротивъ печати), тотъ согласится, что онъ не могъ упустить случая отом-тить Горчакову, даже если-бы онъ этимъ задѣлъ и Россію. Берлинскій онгрессъ представилъ ему для того удобный поводъ!

Можетъ быть, Бисмаркъ и хорошо знакомъ съ Россіею 1850-хъ годовъ, но

---

[1]) Начало разрыву собственно положили статьи лукаваго поляка Кляц ко оявившіяся лѣтомъ 1875 года въ „Revue des Deux Mondes“, подъ заглавіемъ Les deux Chanceliers. Онъ въ нихъ присудилъ пальму превосходства Бис-марку надъ Горчаковымъ, который съ тѣхъ поръ всѣмъ сердцемъ вознена-видѣлъ своего коллегу. Разница между ними всегда главнѣйше заключалась ъ томъ, что Горчаковъ, привыкшій къ тому уваженію, которымъ такъ олго пользовался вѣнскій трактатъ 1815 года, наивно вѣрилъ въ возмож-ность европейскаго концерта, который и далъ себя ему почувствовать на Берлинскомъ конгрессѣ; а Бисмаркъ явно, нахально пренебрегалъ Европою и дѣйствовалъ въ ней деспотически, нисколько даже не заботясь о праж-комъ трактатѣ, нѣкоторыя статьи котораго, относящіяся до возвращенія сѣвернаго Шлезвига Даніи, остаются до сихъ поръ невыполненными.

Примѣч. переводчика.

теперешней Россіи онъ не знаетъ; иначе-бы онъ никогда не позволилъ себѣ игнорировать ту силу въ Россіи, которая за послѣднія два десятилѣтія достигла самаго рѣшительнаго вліянія на дѣла: я говорю объ общественномъ мнѣніи. Когда Бисмаркъ состоялъ посланникомъ въ Петербургѣ, Россія еще носила позорное клеймо крѣпостнаго права; слѣды деспотизма прежнихъ властителей едва начали стираться... теперь-же Россія свободна, проклятіе рабства снято съ нея благороднымъ подвигомъ Александра II, во всякомъ случаѣ успѣло сложиться общественное мнѣніе, которое оказываетъ вліяніе на правительственныя сферы.

Это общественное мнѣніе существуетъ, какъ ни называть его—панславистскими-ли идеями, національною-ли партіею или прессою,—и оно-то осталось не удовлетворено событіями 1870—1871 гг.; оно своимъ давленіемъ побудило въ 1876 г. оффиціальную Россію къ войнѣ для возстановленія потерянная обаянія; имъ не было высказано прямо, но ожидалось, что могущественная Германія окажетъ Россіи такія-же услуги, какія она такъ часто получала отъ нея, особенно-же въ 1870—1871 гг. Отъ Германіи ждали не простаго нейтралитета, но такого, который не допустилъ-бы Россію утратить плоды своихъ побѣдъ, если-бы враги ея возвысили свой голосъ въ пользу турокъ; отъ Германіи ждали, что она станетъ въ такое положеніе, которое сдѣлаетъ невозможнымъ вмѣшательство съ чьей-бы то ни было стороны.

Вѣдь Россія сдѣлала не больше и не меньше этого для Пруссіи въ 1866 г. и для Германіи въ 1870—1871 годахъ.

Послѣ многочисленныхъ жертвъ, которыя стали неизбѣжными главнымъ образомъ вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ военными силами Турціи, Россіи удалось, наконецъ, привести Санъ-Стефанскій договоръ къ благополучному окончанію 19-го февраля 1878 г. На основаніи этого трактата, къ Россіи должны были отойти Арменія съ Ардаганомъ, Карсомъ, Батумомъ и Баязидомъ; Румынія получала Добруджу, Сербія и Черногорія значительно увеличивались въ объемѣ и дѣлались независимыми, тогда какъ Болгарія становилась полусамостоятельнымъ княжествомъ, обнимавшимъ большую часть Румеліи до Эгейскаго моря и сѣверный край Македоніи.

Для обсужденія этого договора предполагалось созвать конгрессъ. Мысль о немъ уже сама по себѣ оскорбляла русское національное чувство. «Мы послѣ тяжелыхъ усилій побѣдили Турцію, мы поставили ей умѣренныя условія мира, которыя, напр., въ сравненіи съ тѣмъ, что потребовала Германія отъ Франціи, могутъ быть названы прямо ничтожными; кто-же имѣетъ право вмѣшиваться въ это дѣло? Развѣ собирался какой-нибудь конгрессъ для пересмотра Версальскаго договора?

Затѣмъ обнаружилось сильное раздраженіе противъ Бисмарка. «Что намъ пользы отъ германской дружбы, отъ того, что мы несчетное число разъ вѣрно стояли за Германію и особенно въ 1866 г. и 1870 — 1871 гг.,

юдали въ ея интересахъ вооруженный нейтралитетъ, — что намъ пользы
ъ этого, если Германія покидаетъ насъ въ нужную минуту? Ея энерги-
ское заявленіе противъ мысли о конгрессѣ избавило-бы Россію отъ такого
иженія. Кто-бы не послушался властнаго слова Бисмарка? Франція была на
ронѣ Россіи, на Италію не стоило обращать серьезнаго вниманія, слѣдо-
гельно оставались только Австро-Венгрія и Англія. Но первая едва-ли-бы
нонилась отъ рѣшительнаго приглашенія Германіи признать Санъ-Сте-
нскій договоръ. И такъ Англія? Но Англія сильна союзниками, которые
нимаютъ для нея каштаны изъ огня; безъ союзниковъ она осуждена на
здѣйствіе и можетъ оказывать вліянія не больше какой-нибудь Испаніи
и Португаліи?

Было-ли политически благоразумно предлагать Германіи вступиться за
тересы Россіи?

Нѣтъ! Но что-же дѣлать? Русскій народъ еще не имѣетъ такого куль-
рнаго лоска, онъ еще вѣритъ въ исполненіе принятыхъ обязательствъ,
дружбу и благодарность; онъ помнилъ письмо императора Вильгельма I—
ператору Александру II, гдѣ благородная душа германскаго государя
ивалась въ благодарственныхъ заявленіяхъ.

Здѣсь необходимо прямо указать, что русскій народъ винитъ одного
лько Бисмарка, а не императора Вильгельма I за равнодушное, чтобы
сказать враждебное, отношеніе нѣмецкой дипломатіи къ Россіи.

Бисмаркъ говоритъ, конечно: „Если Россія имѣла виды на Дарданеллы
анъ-Стефанскій договоръ не шелъ такъ далеко), то это касается не одной
ерманіи, а есть обще-европейскій вопросъ".

«Ошибка Россіи коренится въ томъ, что она ожидаетъ отъ Германіи
жидала, вѣроятно, хотѣлъ сказать Бисмаркъ, потому что теперь Россія
же ровно ничего не ждетъ отъ Германіи) того, до чего намъ совсѣмъ
ѣтъ дѣла; а потому ни Россія, ни Австрія не должны расчитывать, что мы
демъ для нихъ работать на Востокѣ».

Но удивительнѣе всего слѣдующее заявленіе Бисмарка, высказанное имъ
ри одномъ изъ свиданій съ журналистами, въ доказательство того, что
ерманія не виновата, если Санъ-Стефанскій договоръ не былъ признанъ:
Германія не можетъ приказать султану сдѣлать то или другое. Къ тому-же
ѣдь мы, въ свою очередь, не требуемъ, чтобы Россія дѣйствовала и засту-
алась за насъ въ Парижѣ».

О султанѣ и рѣчи не было при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора,
ю и не нужно было спрашивать; что-же касается до того, что Германія не
роситъ Россію о помощи въ Парижѣ, то это вполнѣ естественно: Гер-
анія можетъ теперь и одна добиться въ Парижѣ вниманія къ своимъ требо-
аніямъ, но въ іюлѣ 1870 г., когда Бисмаркъ на берлинскомъ вокзалѣ
елѣзной дороги благоговѣйно цѣловалъ руку русскаго императора Александра II,

на душѣ у перваго прусскаго министра было все-таки радостно отъ сознанія, что онъ заручился вооруженнымъ нейтралитетомъ Россіи: слѣдовательно, Россія заступалась за германскіе интересы въ Парижѣ въ 1870—1871 гг.

Если Бисмаркъ позабылъ это, то сохранилось письмо императора Вильгельма I къ Александру II, которое подтвердитъ наши слова:

Письмо императора Вильгельма къ Александру II, императору Всероссійскому.

Версаль, 15-го (27-го) февраля 1871 г.

„Исполненный неизъяснимыми чувствами и возносящій благодареніе за милости Бога, увѣдомляю васъ, что предварительныя условія мира подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ, но безъ Бельфора, и нѣмецкая часть Лотарингіи съ Мецомъ уступлены Германіи, и кромѣ того, Франція обязуется уплатить контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ. По мѣрѣ уплаты этой суммы, наши войска очистятъ страну въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ подвергнутъ частичному занятію до утвержденія трактата національнымъ собраніемъ въ Бордо. Подробности будутъ обсуждены въ Брюсселѣ, когда послѣдуетъ ратификація. Итакъ мы присутствуемъ при окончаніи столь же славной, какъ и кровопролитной войны, къ которой мы были вынуждены безпримѣрнымъ легкомысліемъ противника. Пруссія никогда не забудетъ, что, если война не приняла крайнихъ размѣровъ, то лишь благодаря вамъ. Да благословитъ васъ за это Господь. Вашъ на вѣки благодарный другъ Вильгельмъ».

Слѣдовательно, Бисмаркъ ошибается, думая, что Россія стала питать къ нему вражду послѣ конгресса; враждебное отношеніе существовало и до этого времени, но переговоры, происходившіе на конгрессѣ подъ предсѣдательствомъ Бисмарка, дѣйствительно способствовали тому, что раздраженіе и даже гнѣвъ русскихъ оффиціальныхъ сферъ и русскаго народа достигли высшей степени.

И это настроеніе сохраняется до сихъ поръ и будетъ сохраняться, не смотря ни на какіе разговоры съ репортерами газетъ и усилія Бисмарка поставить свои поступки въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ.

Бисмаркъ говоритъ: «На конгрессѣ я обнаруживалъ вполнѣ русскія симпатіи; я доставилъ Россіи Батумъ, я сталъ какъ-бы секретаремъ графа Шувалова, я исполнялъ каждое желаніе Россіи».

Но правда заключается, наоборотъ, въ томъ, что благодаря конгрессу, Австро-Венгрія пріобрѣла господствующее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ и получила Боснію и Герцеговину, тогда какъ Россія, пожертвовавшая двумя стами тысячъ людей и истратившая до милліарда рублей, ушла почти съ пустыми руками.

Бисмаркъ говоритъ: «Почему-же князь Горчаковъ не требовалъ болѣе? Если С.-Петербургскій кабинетъ требовалъ меньше, нежели-бы могъ, то это не моя вина».

Но хотя Горчакова и можно упрекнуть въ недальновидности въ 1866 и 1870—1871 годахъ, однако въ остальныхъ случаяхъ онъ обладалъ яснымъ взглядомъ. Если онъ требовалъ меньше, «если онъ согласился на то, чтобы Австро-Венгрія, противница Россіи, не потерявъ ни одного солдата, не израсходовавъ ни одного гульдена, заняла важнѣйшую позицію на Балканскомъ полуостровѣ, то это произошло потому, что Россія стояла лицомъ къ лицу съ враждебною коалиціею, а единственный сильный другъ, на котораго она расчитывала, оставилъ ее безъ помощи. Бисмаркъ считалъ, что онъ долженъ быть «честнымъ маклеромъ», тогда какъ ему-бы слѣдовало быть искреннимъ другомъ Россіи, готовымъ въ случаѣ надобности пустить въ ходъ все свое вліяніе для поддержки русскихъ интересовъ.

То, что Бисмаркъ долженъ былъ-бы сказать на конгрессѣ, сводилось-бы, по устраненіи всѣхъ дипломатическихъ оборотовъ, къ слѣдующему:

«Судя по тѣмъ жертвамъ, которыя принесла Россія, Санъ-Стефанскій трактатъ является умѣреннымъ. Каждый изъ васъ, им. гг. воленъ признать его или нѣтъ, но Германія не допуститъ, чтобы какая-бы то ни была держава помѣшала Россіи привести этотъ договоръ въ исполненіе. Объявляю конгресъ закрытымъ».

Но это было-бы вмѣшательствомъ Германіи въ пользу восточной политики Россіи!

Конечно! а при какомъ-же другомъ случаѣ Германія могла доказать свою «глубокую благодарность» за услуги 1866 и 1870 гг.?

Но не противорѣчитъ-ли восточная политика Россіи германскимъ интересамъ? можетъ-ли Германія спокойно допустить, чтобы Россія овладѣла Дарданеллами и пріобрѣла господство на Балканскомъ полуостровѣ?

Санъ-Стефанскій договоръ, правда, не могъ еще осуществить всего этого, но несомнѣнно то, что, при помощи этого трактата, Россія дѣлала громадный шагъ впередъ, въ такомъ направленіи, которое-бы привело ее впослѣдствіи къ обладанію Константинополемъ.

Не скрывается-ли въ этомъ обстоятельствѣ опасность для германской имперіи, не имѣетъ-ли Германія интересовъ на Босфорѣ?

Кн. Бисмаркъ не пропускалъ ни одного случая заявить, что у Германіи нѣтъ никакихъ интересовъ на Востокѣ: «Событія, которыя могутъ произойти на Балканскомъ полуостровѣ, совершенно не касаются Германіи», — сказалъ онъ г. Жюдѣ, корреспонденту Petit Journal—и я всегда держался того мнѣнія, что намъ слѣдуетъ остерегаться принимать въ нихъ участіе; притомъ-же мы постановили въ нашемъ договорѣ съ Австріею, что этотъ вопросъ

насъ ни къ чему не обязываетъ». То-же самое Бисмаркъ заявилъ и г. Львову репортеру «Новаго Времени».

«Въ Болгаріи мы имѣемъ еще меньше интересовъ, нежели въ Константинополѣ».

Мы сомнѣваемся, чтобы этотъ вопросъ былъ настолько безразличенъ для германской націи. Если предположить, что Дарданеллы и Босфоръ достались могущественной морской державѣ въ родѣ Англіи или Франціи, то нѣмецкая торговля могла-бы потерпѣть въ этомъ случаѣ огромный ущербъ, такъ какъ, азіятскій рынокъ былъ-бы ей тогда совершенно закрытъ. Другое дѣло, если-бы Россія завладѣла Константинополемъ. Германія не только не потерпѣла-бы отъ этого вреда, но получила-бы даже торговыя выгоды.

Въ случаѣ утвержденія Россіи на Босфорѣ при помощи Германіи, для ея торговли это событіе сопровождалось-бы неисчислимыми благотворными послѣдствіями.

Поясникъ нашу мысль. Стремленіе русскихъ на Востокъ принадлежитъ къ числу наиболѣе загадочныхъ политико-психологическихъ явленій. Конечно, не всѣ русскіе держатся того мнѣнія, что блага Россіи должно искать на Востокѣ. И. С. Тургеневъ, который хорошо зналъ свой народъ и страну, выражаетъ въ одномъ изъ своихъ произведеній мысль о полной безполезности этихъ мечтаній о Византіи.

Затѣмъ въ оригиналѣ слѣдуетъ дословный переводъ одного изъ «стихотвореній въ прозѣ» Тургенева, подъ заглавіемъ «Деревня», которое заканчивается словами: «Къ чему намъ тутъ крестъ на куполѣ св. Софіи, въ Царьградѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?»

Свободомыслящій, высокообразованный русскій человѣкъ могъ не понимать этого стремленія въ Византію, и тѣмъ не менѣе оно живетъ въ душѣ лучшихъ представителей русскаго народа.

Не политико-экономическія соображенія играютъ въ этомъ стремленіи руководящую роль; русскіе хотятъ владѣть Константинополемъ не въ качествѣ обыкновенной колоніи; мистическое влеченіе направляетъ ихъ чувства и мысли.

Византія! При этомъ имени сердце вѣрующаго русскаго человѣка бьется сильнѣе, и тысячи воспоминаній изъ прошлаго русскаго народа всплываютъ въ его душѣ. Въ Византіи приняла христіанство Ольга, супруга Игоря; съ величайшею пышностью была исполнена эта священная церемонія, открывшая для Россіи новую эру; самъ императоръ Константинъ Багрянородный былъ крестнымъ отцемъ Ольги. Изъ Византіи пришли святые мужи, принесшіе на Русь христіанское ученіе; они совершили крещеніе надъ св. Владиміромъ и его народомъ, и съ этихъ поръ Кіевъ соединенъ священными узами съ Византіею. Сердце набожныхъ русскихъ людей обливалось кровью, когда Константинополь попалъ въ руки султана Магомета II, и храмъ св. Софіи былъ

ращенъ въ мечеть! Св. Софія въ рукахъ мусульманъ! Тамъ, гдѣ курился ѣміамъ и возносилась хвала Спасителю, теперь читается коранъ и слышатся ззванія къ Аллаху; на куполѣ св. Софіи красуется вмѣсто креста полуѣсяцъ!

Надо проникнуться чувствами дѣтски-благочестивой души русскаго челоѣка, чтобы понять его скорбь и желаніе отомстить за императора Константина Палеолога.

Въ 1453 г. Россія была безсильна и еще томилась подъ монгольскимъ гомъ; теперь-же она считаетъ своею задачею вырвать храмъ изъ рукъ нечѣрныхъ...

Въ Константинополѣ русскій народъ сознаетъ, что онъ находится близко тъ святыхъ мѣстъ, гдѣ училъ и страдалъ Спаситель, гдѣ Его Святой Гробъ...

Западная Европа, которая не можетъ понять этого религіознаго мистицизма, видитъ въ вѣковомъ стремленіи русскаго народа на Востокъ политико-экономическія цѣли, тогда какъ, напротивъ, еслибы Россія дѣйствительно овладѣла Константинополемъ, она-бы не только ничего не выиграла въ политическомъ или экономическомъ отношеніяхъ, но даже много потеряла-бы.

Чего, въ сущности, Россія желаетъ на Босфорѣ?

Не довольно обладать морскими путями всемірной важности, чтобы господствовать въ области всемірной торговли; для этого необходимы еще и совершенно другія условія: флотъ, капиталы, познанія, предпріимчивость, связи и, особенно, хорошо обученные дѣятели, — однимъ словомъ, то, чего нельзя создать въ одинъ день и для чего, напротивъ, потребны цѣлыя столѣтія. Однимъ концомъ своимъ опираясь на Востокъ, а другимъ на полярныя страны, Россія стала-бы какимъ-то двойственнымъ государствомъ и оказалась-бы не въ состояніи равно удовлетворять интересы всѣхъ своихъ подданныхъ.

Кто-же получилъ-бы всѣ выгоды, еслибы Россія, при помощи Германіи, стала твердою ногой на Босфоръ? Россія владѣла-бы Золотымъ Рогомъ номинально, а Германія фактически.

Нѣмецкій торговый флотъ, нѣмецкіе капиталы, нѣмецкая предпріимчивость пріобрѣли-бы обширное поприще для своей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что Россія была-бы вынуждена опираться на Германію для сохраненія пріобрѣтеннаго.

Во-вторыхъ, на долю нѣмецкой торговли и промышленности выпало-бы то преимущество, что именно въ силу указанныхъ причинъ, для нихъ открылись-бы всѣ внутреннія области Россіи. Идя рука объ руку съ Россіей, Германія была-бы достаточно могущественна, чтобы не бояться никакихъ случайностей европейской политики. Милитаризмъ, подтачивающій лучшія силы имперіи и долженствующій неизбѣжно рано или поздно истощить не особенно богатую Германію, могъ-бы тогда быть гораздо болѣе умѣреннымъ.

Но кн. Бисмаркъ не хотѣлъ, чтобы Германія дѣйствовала согласно съ

Россіей, потому что, какъ онъ говорилъ, «русско-нѣмецкій союзъ могъ изолировать Германію отъ западныхъ державъ».

Политика Бисмарка дѣлается все менѣе ясною. Если онъ предпочелъ союзъ съ Австріей, зачѣмъ расточаетъ онъ столько безполезныхъ увѣреній въ дружбѣ къ Россіи?

Поступаетъ-ли онъ такъ, чтобы создавать затрудненія своему преемнику, желающему держаться «прежняго курса» или бывшаго канцлера мучитъ сознаніе, что его враждебная Горчакову политика все-таки можетъ скрывать въ себѣ опасности для Германіи?

И если онъ союзъ съ западными державами (т. е. собственно съ одною только Австріею) цѣнитъ выше союза съ Россіею, почему онъ воспротивился «изо всѣхъ силъ» (ipsissima verba) тому, чтобы одна изъ нѣмецкихъ принцессъ послѣдовала влеченію своего сердца?

Почему также, если Бисмаркъ считаетъ русскій союзъ менѣе выгоднымъ, нежели сближеніе съ западными державами, «онъ былъ противъ путешествія имп. Вильгельма въ Константинополь?»

Какое было ему дѣло—подумаютъ или нѣтъ иностранные государственные люди, что султанъ «y est pour quelque chose?»

Впрочемъ, заявленія Бисмарка относительно Россіи можно до извѣстной степени понять, прочитавъ его слѣдующія слова:

«Еслибы я оставался на моемъ посту, это (путешествіе императора Вильгельма II въ Константинополь), конечно, не имѣло-бы никакихъ послѣдствій: но теперь я не у дѣлъ и не могу ничего знать и предвидѣть».

Hinc illae lacrymae!

Послѣ конгресса Россія съ неудовольствіемъ отшатнулась отъ Германіи: можетъ быть, потомъ, она опять-бы сблизилась съ нею, но кн. Бисмаркъ сдѣлалъ это совершенно невозможнымъ, при помощи своихъ «пресмыкающихся»: «Если Россія не хочетъ примкнуть къ намъ», — говорили эти послѣдніе — «ну, тогда у Германіи найдется еще пара лошадей на конюшнѣ» (конечно, Австрія и Италія).

Панслависты, къ которымъ теперь принадлежатъ въ Россіи всѣ сильные и вліятельные люди, подвергались ежедневной брани на столбцахъ «Кёльнской газеты» и ей подобныхъ; затѣмъ начался походъ противъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ, чтобы причинить ущербъ Россіи.

Безъ всякаго повода, русскія бумаги упали (въ 1887 г.) до самаго низкаго уровня: курсъ рубля (въ 1890 г. онъ стоялъ на 230 маркахъ за 100 рублей) спустился въ 1887 г. на 200, 190, даже 180 и 175 марокъ. Почему? никто не зналъ, но всѣ чувствовали, что могучій властелинъ берлинской биржи, баронъ Блейхредеръ, «y est pour quelque chose».

Князь Бисмаркъ, правда, говоритъ: «я только хотѣлъ внушить нѣмцамъ, чтобы они не покупали иностранныхъ бумагъ».

Онъ, однако, забываетъ, что, конечно, не безъ его согласія германское адмиралтейство пріобрѣло въ 1880-хъ годахъ на 100 милліоновъ русскихъ цѣнностей.

Какъ согласить все это?

Но что̀ наиболѣе ожесточило Россію, такъ это знаменитый приказъ о выселеніи иностранцевъ, изданный министерствомъ Бисмарка и Путткамера: 40,000 человѣкъ, проживавшихъ въ Пруссіи, русскихъ подданныхъ, честныхъ людей, занимавшихся своимъ собственнымъ дѣломъ и ни во что не вмѣшивавшихся, подверглись самому безцеремонному изгнанію.

Что Германія имѣетъ право изгонять непріятныхъ ей иностранцевъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: вѣдь она такъ часто изгоняетъ и собственныхъ подданныхъ! Но въ какой странѣ, за исключеніемъ развѣ Судана или Дагомэ, слыхано, чтобы цѣлыя тысячи подданныхъ дружественной державы выпроваживались за-границу, по единственной причинѣ, выраженной въ словахъ: sic volo, sic jubeo, stat pro ratione voluntas.

Конечно, когда въ 1870 г. Парижъ готовился выдержать осаду нѣмцевъ, ихъ проживавшіе тамъ земляки были выселены; однако, Франція находилась тогда въ войнѣ съ Германіею; и все-таки послѣдняя признала потомъ этотъ поступокъ настолько противнымъ международному праву, что потребовала за него удовлетворенія, которое и было дано.

Здѣсь-же во время глубокаго мира тысячи порядочныхъ русскихъ подданныхъ были изгнаны изъ Пруссіи, подобно преступникамъ, хотя Россія всегда принимала у себя нѣмцевъ съ распростертыми объятіями...

Эта пощечина, нанесенная Бисмаркомъ русскому національному чувству, имѣла самыя дурныя послѣдствія.

Русское правительство не послало по этому поводу никакой дипломатической ноты, что, можетъ быть, было-бы очень пріятно Бисмарку: оно удовольствовалось одними репрессаліями, которыя, къ несчастію, разорили десятки тысячъ нѣмцевъ; но кто въ Пруссіи можетъ теперь протестовать противъ нихъ во имя гуманности? «Обратитесь на самихъ себя» — отвѣтятъ русскіе «вы предупредили насъ, мы только подражаемъ вамъ!»

Что-же побудило кн. Бисмарка на подобную варварскую мѣру? Неизвѣстно! Когда германскій рейхстагъ протестовалъ противъ нея въ благородномъ негодованіи, когда лучшіе люди нѣмецкой націи провозглашали этотъ поступокъ правительства позорнымъ,—всемогущій министръ, геніальный государственный мужъ ограничился слѣдующимъ отвѣтомъ: «Я считаю выселеніе благоразумною мѣрою». Въ этихъ немногихъ словахъ онъ отдѣлался отъ мотивировки такого дѣянія, которое нарушило спокойное существованіе многихъ тысячъ людей и бросило самую густую тѣнь на отношенія между Россіею и Германіею.

Въ теченіе одиннадцати лѣтъ Россія держится въ сторонѣ отъ Германіи и чувствуетъ себя гораздо лучше, нежели прежде: ея обаяніе выросло, ея матеріальное довольство упрочилось, ея кредитъ находится въ болѣе блестящемъ

положеніи, чѣмъ когда-либо; она дѣятельно работаетъ надъ развитіемъ всѣхъ своихъ силъ и особенно надъ реорганизаціей своей арміи; она заявляетъ миролюбивыя чувства, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ страхъ врагамъ мира: она не ищетъ внѣшнихъ союзовъ и намѣрена идти своею собственною дорогой. При этомъ, конечно, Россія питаетъ утѣшительную увѣренность, что въ минуту невзгоды у ней явится другъ, съ которымъ она хотя и не связана никакимъ договоромъ, но помощь котораго и безъ того ей обезпечена, благодаря общности ихъ интересовъ: могущественная Франція есть необходимая и естественная союзница Россіи.

Поэтому-то и является въ высшей степени страннымъ, что кн. Бисмаркъ сказалъ г. Львову: «я допускаю возможность того, что Россія останется спокойною зрительницею новой франко-германской войны».

Но какъ иногда противорѣчивы заявленія Бисмарка, лучше всего видно изъ сказаннаго имъ по тому-же поводу г. Анри дэ Гу (Henri des Houx): «Цѣлость Франціи, какъ и цѣлость Австріи, необходима для Европы; я вполнѣ понимаю, что Россія должна вступиться за Францію въ случаѣ нашего нападенія на нее, точно также какъ и мы вступили-бы на защиту Австріи отъ Россіи. При этомъ совершенно безразлично, останется-ли власть въ моихъ рукахъ или нѣтъ».

По нашему мнѣнію, этотъ послѣдній взглядъ на дѣло вѣрнѣе германскаго. Россія никогда и ни за что не согласится играть, сложа руки, ту роль, какую она приняла на себя въ 1870—1871 годахъ, при разгромѣ Франціи.

Кто обладаетъ хоть искрой человѣколюбія, тотъ долженъ горячо желать, чтобы Европѣ посчастливилось избѣжать новой франко-германской войны. Война будущаго повергнетъ Европу въ глубочайшее варварство; для каждой участвующей въ ней націи вопросъ будетъ о томъ, «быть или не быть», и она, сообразно съ этимъ, пожертвуетъ послѣднимъ, способнымъ носить оружіе человѣкомъ, чтобы только избѣжать пораженія, которое на этотъ разъ будетъ равносильно полному уничтоженію ея историческаго бытія.

Но если война станетъ неизбѣжною, если Вельзевулъ восторжествуетъ надъ нашею культурою, цивилизаціею и гуманностью, то никакая сила не будетъ въ состояніи принудить русскіе легіоны къ нейтралитету; только они не будутъ сражаться, какъ въ 1813 г., бокъ-о-бокъ съ нѣмцами за свободу Германіи.

Русская нація всегда будетъ понимать, что существованіе Франціи, какъ вѣрно замѣтилъ Бисмаркъ, необходимо для Россіи.

ПОРТРЕТЪ ИГУМЕНА ДАМАСКИНА ВЪ ГРАВЮРѢ Ѳ. И. ІОРДАНА

1878 г.

Дамаскинъ, Даніилъ Кононовъ, съ 1839 г., игуменъ Валаамскаго монастыря, родился 1792 г., † 1881 г., былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ настоятелей въ ряду игуменовъ всѣми почитаемой обители, первокласснаго Спасопреображенскаго Валаамскаго монастыря.

Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ, „движимый чувствами глубокаго уваженія и любви къ Валаамскому монастырю и его достойному настоятелю", исполнилъ въ гравюрѣ на мѣди портретъ о. Дамаскина въ 1878-мъ году, т. е. на 78-мъ году своего возраста.

Гравюра эта—одно изъ лучшихъ произведеній профессора Іордана. Мы воспроизводимъ ее здѣсь въ самомъ точномъ геліогравюрномъ снимкѣ, исполненномъ Г. Н. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Въ нашемъ собраніи гравюръ мы имѣемъ превосходный оттискъ этой гравюры, полученный „9-го января 1882 года" отъ маститаго уже тогда профессора Ѳ. И. Іордана съ его собственноручною подписью.

Ред.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ ДАЛЬ

ДВА ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ

1827 г.

В. И. Даль въ молодости писалъ стихи. Намъ извѣстны два его стихотворенія, помѣщенныя въ журналѣ „Славянинъ“ за 1827 годъ, во 2-й части, стр. 106 и 462, изъ которыхъ, особенно, первое носитъ на себѣ тотъ характерный отпечатокъ богатства чисто русскаго языка, предмету изученія котораго была посвящена вся жизнь В. И. Даля. Вотъ это стихотвореніе:

I.

Отрывокъ изъ длинной повѣсти.

Лишь смеркается день—и привѣтливо тѣнь
И вблизи, и вдали устлалась на земли,
Я взвился на коня—и помчалъ онъ меня
Какъ олень черезъ рвы, какъ соколъ черезъ долъ!
Онъ потокъ поперегъ, гдѣ ручей со полей,
Безъ разбора я мчусь, безъ оглядки несусь;
Чуетъ конь гдѣ огонь, гдѣ вода, гдѣ бѣда:
Выплывалъ изъ воды, изъ огня, изъ бѣды!
Не стоялъ, не дремалъ, я скакалъ въ перевалъ,
Отъ зари до зари, со скалы на скалы,
И о плиты копыты стучатъ и звенятъ,
По полямъ, по кустамъ, черезъ тернъ, черезъ дернъ.
Гдѣ потокъ былъ широкъ, гдѣ рѣка глубока,
Я сѣдло покидалъ, я за гриву хваталъ
Жеребца-удальца—на тотъ край выплывай,
Выноси, удалой, ѣздока ты съ собой.
И привычной тропой, по скалѣ по крутой,
Ты легонько, тихонько, шагай—выступай;
Я копыты завью, я сниму чешую,
Не стучи, не бренчи среди тихой ночи.
Знаешь, конь удалой! Что надъ бездной крутой
Палисады съ ограды высокой грозятъ;
Гдѣ съ чугунныхъ столповъ у подъемныхъ мостовъ
Стоколесныя цѣпи висятъ въ перехватъ—
На рѣшеткѣ замокъ и запоръ поперегъ,
Но съ балкона спѣша, Милонѣга-душа
Промелькнула опять, чтобы друга обнять...
Вотъ пришла, отперла—и душа замерла.

В. Даль.

Дерптъ. (1827 г.).

Сообщ. въ 1873 г. **П. К. Божеряновъ.**

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1891 г.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

Въ послѣдней книгѣ двадцать втораго года изданія „Русской Старины“ представляемъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, краткій обзоръ главнѣйшихъ статей, вошедшихъ въ двѣнадцать книгъ нашего изданія за 1891 годъ.

Изъ книги въ книгу этого года „Русской Старины“, какъ и въ предыдущихъ двухъ годахъ (1889 и 1890 гг.), тянулся „Дневникъ“ профессора-академика А. В. Никитенко и по прежнему обращалъ на себя вниманіе всѣхъ нашихъ читателей. Въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ „Дневникъ“ Никитенко передаетъ множество интересныхъ данныхъ къ исторіи русскаго образованнаго общества вообще и петербургскаго въ особенности, за время 1861—1868 годовъ. Довольно одного указанія на эти годы, чтобы представить себѣ богатство содержанія „Дневника“ доброй памяти честнаго, вдумчиваго и высоко просвѣщеннаго академика; именно въ эти годы свершилось весьма много отраднаго въ новой и освобожденной Россіи, хотя не мало

объявилось и печальнаго въ исторіи русской жизни. Свершились великія событія: освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, дарованы судебные уставы, а съ ними явился судъ правый и скорый,—возникли земскія учрежденія, явились нѣкоторыя облегченія по отношенію къ печатному слову и проч. А съ другой стороны — возникла послѣдняя польская смута, братоубійственная кровавая распря, народился нигилизмъ и вообще свершилось не мало явленій печальныхъ. Никитенко, съ присущею ему наблюдательностью и отличнымъ знаніемъ русскаго народа во всѣхъ его слояхъ, заноситъ все видѣнное и слышанное имъ и сопровождаетъ факты, пережитые имъ, въ высшей степени интересными, а зачастую и глубокомысленными, полными правды и назидательности, разсужденіями, изложенными притомъ превосходнымъ языкомъ. „Дневникъ" незабвеннаго А. В. Никитенко представляетъ нерѣдко такія замѣчательные положенія и выводы, которые, несомнѣнно, войдя въ сознаніе русскаго мыслящаго общества. принесутъ ему много пользы.

Вчитываясь во многіе положенія, выводы и обобщенія А. В. Никитенко, невольно спрашиваешь—какъ этотъ замѣчательный мыслитель и вполнѣ русскій человѣкъ, горячо любившій свое отечество, смотрѣлъ на собственную свою дѣятельность по отношенію къ преуспѣянію нашего общества на пути добра и прогресса? Отвѣтъ на это находимъ въ его-же „Дневникѣ", въ одномъ изъ послѣдующихъ годовъ (1870-й), который мы представимъ въ „Русской Старинѣ" въ будущемъ—1892-мъ—году. тѣмъ не менѣе здѣсь, вполнѣ кстати, приведемъ эту знаменательную страницу, имѣющую совершенно видъ отрывка изъ самой задушевной исповѣди:

„Отъ меня, пишетъ А. В. Никитенко, нерѣдко требовали услугъ по дѣламъ печати и народнаго образованія. Худо-ли, хорошо-ли я ихъ исполнялъ, но услуги эти всегда покоились на основѣ строгой честности, т. е. все, что я дѣлалъ и старался дѣлать, то было мною дѣлано не въ угоду какому-нибудь лицу или системѣ, не соотвѣтствовавшей моимъ понятіямъ о пользѣ общественной. Главною моею цѣлью было соглашеніе интересовъ государственныхъ съ общественными. Съ этою цѣлью принялъ я на себя и званіе члена комитета для учрежденія дѣлъ по печати, состоявшаго изъ графа А. В Адлерберга, Н. А. Муханова и А. Т*. Въ такомъ духѣ объяснялся я лично и съ самимъ государемъ. Также точно принялъ

на себя основаніе газеты: „Сѣверная Почта“. Такъ поступалъ я во время моего тѣснаго союза съ министерствомъ народнаго росвѣщенія, подъ управленіемъ Норова. Успѣхи часто не соотвѣтствовали моимъ—говорю смѣло, поднявъ голову—честнымъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ. Но тутъ уже была не моя вина, да можетъ ыть и ничья, а вотъ развѣ тѣхъ тревожныхъ и быстро смѣнявшихся обстоятельствъ, среди которыхъ вращались люди и вещи [1]).

„Я никогда не былъ способенъ сдѣлаться ни радикаломъ, ни льтраконсерваторомъ. Глубокое, твердо укоренившееся во мнѣ съ ѣтства чувство справедливости и уваженія къ правдѣ рѣшительно ѣлало меня неспособнымъ къ какимъ-бы то ни было односторонимъ и преувеличеннымъ требованіямъ. Воздавать кесарю кесарево божье Богови—я всегда признавалъ за начало, въ силу котораго должны устроиваться дѣла человѣческія.

„Меня часто упрекали въ идеализмѣ; но я полагаю, что самые недоброжелатели мои не въ состояніи обвинить меня въ своекорыстіи и въ анти-общественныхъ стремленіяхъ и вообще въ страстяхъ, которыя были-бы недостойны человѣка и гражданина.

„Вотъ что я могу, какъ говорится, положа руку на сердце, сказать съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти [2]).

„Что касается моего идеализма, то онъ состоялъ въ томъ, что я питалъ и продолжаю (1870 г.) питать непреодолимое отвращеніе ко всякимъ дрязгамъ и мелочности въ жизни, наукѣ и литературѣ. Этого я ни мало не вмѣняю себѣ въ достоинство: напротивъ, думаю, что въ житейскомъ и практическомъ смыслѣ это большой недостатокъ. Но, какъ говоритъ Манфредъ Байрона: „въ этомъ я не могъ преодолѣть моей природы“.

---

[1]) Достойно здѣсь припамятованія, что Н. В. Гоголь настолько довѣрялъ уму и глубоко искренней любви А. В. Никитенко къ отечественной словесности, что, по написаніи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, оставилъ первоначальное свое намѣреніе представить рукопись, чрезъ В. А. Жуковскаго, на цензуру прямо государю Николаю Павловичу, а „послалъ рукопись (въ 1841 г.) въ Петербургъ (изъ Москвы) прямо къ цензору Никитенко... Въ январѣ 1842 г. Гоголь получилъ обратно „нетерпѣливо ожидаемую рукопись „Мертвыхъ Душъ“, всю безъ исключенія пропущенную цензоромъ А. В. Никитенко... Мы не вѣрили глазамъ своимъ, замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ, не видя ни одного замаранаго слова“. („Исторія знакомства съ Гоголемъ“, Москва, изд. 1890 г., стр. 54 и 59).

[2]) Здѣсь въ оригинальномъ текстѣ на поляхъ выноска рукою автора, карандашемъ: „NB. Это часть моей чистосердечной исповѣди передъ Богомъ и людьми моего народа и моего времени“.

Одновременно съ дневникомъ А. В. Никитенко, мы печатали въ обозрѣваемомъ году, дневникъ графа Петра Александровича Валуева, обнимающій время съ 1847-то по 1860-й годъ включительно. Представитель старинной русской дворянской фамиліи П. А. Валуевъ былъ человѣкъ образованный, превосходно владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, не мало читалъ и былъ достаточно знакомъ съ строемъ и многими вопросами западно-европейской жизни. Въ началѣ своей служебной карьеры онъ былъ представитель умѣреннаго либерализма, но въ то-же время былъ человѣкъ громаднаго честолюбія, стремившійся къ составленію себѣ блестящей карьеры и имѣвшій для того весьма многія данныя, вмѣстѣ съ счастливою наружностью и съ выдающимся лоскомъ внѣшняго образованія. Если дневникъ П. А. Валуева во многихъ случаяхъ выдаетъ личность бюрократическую, нерѣдко съ довольно узкимъ кругозоромъ, то зато факты, имъ сообщаемые изъ тогдашней служебной Россіи и тогдашнихъ высшихъ слоевъ чиновнаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ его характеристики такихъ лицъ, какъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ, А. А. Зеленый, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ и многихъ другихъ, занимавшихъ высокіе посты и принимавшихъ большое участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ внутреннихъ вопросовъ Россіи, дѣлаютъ „Дневникъ“ гр. П. А. Валуева довольно цѣннымъ историческимъ матеріаломъ для знакомства съ эпохою первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра Николаевича [1]).

Вообще въ обозрѣваемомъ году „Русской Старинѣ“ посчастливилось представить три весьма разнородныхъ по содержанію, значительныхъ по объему и крупныхъ по значенію

[1]) Необходимо замѣтить, что П. А. Валуевъ, между прочимъ, занесъ въ свой „Дневникъ“ одинъ слухъ не основательный; такъ, напр., на стр. 416, книга ноябрь „Русской Старины“, изд. 1891 г., томъ LXXII, — П. А. Валуевъ говоритъ о какомъ-то „строгомъ замѣчаніи“, будто-бы сдѣланномъ, въ ноябрѣ 1860 года, по высочайшему повелѣнію, г. Гернгросу. Это не вѣрно. Николай Александровичъ Гернгросъ никогда, ни отъ Государя и ни отъ кого, ни строгаго, ни какого-либо другаго замѣчанія не получалъ, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ невѣрнаго слуха, занесеннаго по его поводу въ помянутомъ „Дневникѣ“, Н. А. Гернгросъ былъ назначенъ, по волѣ Александра II-го, товарищемъ министра государственныхъ имуществъ (въ 1862 году), а въ 1865 г. — сенаторомъ; все это не имѣло-бы мѣсто послѣ „строгаго, будто-бы сдѣланнаго ему по высочайшему повелѣнію, замѣчанія“.

емуаровъ, каковы: Записки-дневникъ академика-профессора . В. Никитенко—наидостойнѣйшаго представителя мысля-щаго интеллигентнаго русскаго общества; дневникъ графа П. А. Залуева, блестящаго представителя чиновно-бюрократическаго юда въ его высшихъ слояхъ, и, наконецъ, воспоминанія масти-аго художника Ѳедора Ивановича Іордана, бывшаго впослѣд-твіи профессоромъ и ректоромъ императорской академіи худо-ествъ, человѣка веселаго и добродушнаго, весьма даровитаго и еобыкновенно трудолюбиваго художника. Такимъ образомъ, изъ азныхъ слоевъ русскаго образованнаго общества мы, въ обозрѣ-аемомъ году „Русской Старины“, выдвинули три лица, изъ-подъ ера которыхъ вышло трое замѣчательныхъ по содержанію аписокъ-воспоминаній и дневниковъ.

Отходя въ болѣе глубокую старину, мы дали записки, хотя ебольшія по объему, но не безъинтересныя по содержанію. Такъ, памятныя записки Ефима Петровича Чемесова, брата знаменитаго гравера временъ Екатерины II, при всей ихъ сухости краткости, передаютъ потомству нѣсколько любопытныхъ быто-ыхъ чертъ изъ жизни русскаго дворянства во вторую половину XVIII вѣка. Въ этомъ-же родѣ, но болѣе богаты по содержанію аписки Печерина, Второва и Вохина, причемъ тѣ и другія ают характерныя подробности изъ жизни Казани, Москвы, осковскаго университета, втораго кадетскаго корпуса, а также атеріалы къ біографіямъ литературныхъ дѣятелей, за время ачала XIX-го столѣтія.

Вообще надо замѣтить, что редакція „Русской Старины“ весьма дорожитъ такими памятными записями, каковы воспоми-нанія Чемесова, Второва, Печерина и имъ подобныхъ дѣ-писателей. Въ своихъ безхитростныхъ и простодушныхъ, нерѣдко до наивности, разсказахъ эти русскіе люди, нимало не предпо-лагавшіе, что ихъ сказанія явятся когда-либо въ печати, сохра-нили для потомства черты весьма характерныя для обрисовки современнаго имъ русскаго быта.

Къ тому-же времени, началу XIX в., относятся записки-днев-никъ Де-ла-Флиза. Полковой докторъ одного изъ легіоновъ гвардіи Наполеона I—Де-ла-Флизъ совершилъ, въ рядахъ „великой арміи“, походъ въ Россію и былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ гибели полчищъ этой побѣдоносной нѣкогда арміи. Хотя эпопея великой

отечественной войны разслѣдована до мельчайшихъ подробностей и все, что явилось въ русской печати о 1812-мъ годѣ, можетъ составить большую библіотеку, тѣмъ не менѣе, каждое новое сказаніе очевидца и участника въ событіяхъ того времени вызываетъ и будетъ всегда вызывать, особенно въ русскомъ человѣкѣ,—интересъ и вниманіе. Дневникъ-же Де-ла-Флиза, веденный на бивакахъ и въ виду картинъ опустошительной войны, среди труповъ избіенныхъ и замерзшихъ воиновъ, сохранилъ множество вполнѣ любопытныхъ подробностей, чтеніе которыхъ невольно приковываетъ вниманіе.

Тяжелыми историческими записками, по изложенію, представляется мемуаръ, написанный въ 1830 году барономъ Тизенгаузеномъ, о фельдмаршалѣ И. И. Дибичѣ-Забалканскомъ. Дибичъ, въ высшей степени дѣятельный, пользовавшійся полнѣйшимъ довѣріемъ императора Николая Павловича, его сподвижникъ въ первые годы его царствованія,—въ нашей исторической литературѣ все еще мало извѣстенъ. Баронъ Тизенгаузенъ записалъ со словъ своего родственника гр. И. И. Дибича, довольно много подробностей автобіографическаго и историческаго значенія (какъ, напримѣръ, о Кулевчинской побѣдѣ надъ турками и проч.); привелъ довольно много разсужденій и отзывовъ Дибича по поводу разныхъ вопросовъ и событій его времени и, въ особенности, относившихся до современныхъ ему дѣятелей; но записки эти сохранили для потомства, такъ сказать, казовую сторону боевой и вообще служебной дѣятельности графа Дибича-Забалканскаго; не надо также упускать изъ виду, что записки эти окончательно редактированы барономъ Тизенгаузеномъ уже послѣ смерти Дибича, для всеподданнѣйшаго доклада императору Николаю Павловичу. Такъ или иначе, но этотъ матеріалъ имѣетъ нѣкоторое значеніе для русской военной исторіи вообще и жизнеописанія фельдмаршала Дибича въ особенности.

Мы уже неоднократно указывали въ нашихъ прежнихъ обзорахъ на то, что „Русская Старина“ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ прислушивается къ голосу не только отечественныхъ бытописателей, но и къ голосамъ, раздававшимся изъ враждебныхъ намъ лагерей. Руководимые этимъ и для всесторонней оцѣнки минувшаго, мы года два тому назадъ начали печатаніе

обширныхъ записокъ одного изъ вожаковъ польскаго возстанія—Мохнацкаго, 1830—1831 гг.; въ обозрѣваемомъ году мы представили нѣсколько новыхъ главъ изъ сочиненія этого-же польскаго революціонера.

Въ книгахъ „Русской Старины“ изд. 1891 года мы продолжали печатать, бойко и живо изложенныя, посмертныя записки Николая Васильевича Берга, одного изъ весьма образованныхъ русскихъ писателей нашего времени, одареннаго довольно значительнымъ талантомъ поэта, переводчика и одного изъ первыхъ, по времени, русскихъ политическихъ корреспондентовъ, наконецъ, обозрѣвателя событій послѣдней польской смуты, историка-обозрѣвателя событій 1863—1864 годовъ по подлиннымъ архивнымъ документамъ. Лекторъ въ варшавскомъ университетѣ, Н. В. Бергъ, по нашему приглашенію, не задолго до своей преждевременной кончины (онъ умеръ 16-го іюня 1884 г.), написалъ-пересланныя уже къ намъ послѣ его кончины, свои записки. Въ напечатанныхъ въ обозрѣваемомъ году главахъ Н. В. Бергъ, между прочимъ, представляетъ довольно много весьма любопытныхъ подробностей о московскомъ кружкѣ славянофиловъ его времени, о редакціи „Москвитянина“, о разныхъ выдающихся лицахъ въ московскомъ интеллигентномъ обществѣ 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ. А такъ какъ Москва въ это время выдвигала довольно много замѣчательныхъ людей, то отсюда понятно, что бойко разсказанныя воспоминанія Н. В. Берга представляютъ немаловажный интересъ для исторіи московскаго общества того времени.

Эпоха возрожденія и обновленія Россіи, эпоха реформъ и главнѣйшая изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ—воспроизведена у насъ въ обозрѣваемомъ году, между прочимъ, въ запискахъ Н. К. Пономарева, одного изъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Разсказъ сжатъ и скроменъ. Скромностью, трудолюбіемъ, честностью и энергіею отличались эти избранные русскіе люди, вынесшіе на своихъ плечахъ введеніе въ жизнь народа русскаго реформы 19-го февраля 1861 года. Характерныя подробности изъ той-же эпохи освобожденія Россіи отъ крѣпостнаго ига сообщены М. І. Дуббельтомъ. Типиченъ также

разсказъ, вносящій нѣкоторыя новыя черты въ характеристику императора Александра II,—разсказъ маститаго гвардейца генерала Д. Г. Колокольцова. Глубокимъ чувствомъ признательности и благоговѣнія къ высоко гуманной личности Царя-Освободителя проникнуты воспоминанія Д. Г. Колокольцова, доблестнаго воина, съ честью и долго служившаго въ рядахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а впослѣдствіи, въ чинѣ перваго эшелона, мужественно совершившаго походъ въ Хиву и побѣдоносно въ нее вступившаго въ 1873 году.

Время уходитъ и „Русская Старина“ спѣшитъ сохранить матеріалъ для начертанія жизнеописаній особенно выдающихся дѣятелей. Обширныя записки бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова, въ теченіе многихъ лѣтъ трудившагося для упроченія и развитія образованія въ восточной Россіи, обрисовываютъ двухъ министровъ народнаго просвѣщенія. Для обоихъ изъ нихъ настаетъ исторія, настаетъ оцѣнка ихъ дѣятельности—потомствомъ. Шестаковъ, самъ уже сошедшій въ могилу, отдаетъ справедливость и тому и другому государственнымъ дѣятелямъ—А. В. Головнину и графу Д. А. Толстому, и группируетъ, въ своемъ посмертномъ и обстоятельномъ разсказѣ, много фактовъ, которые уже послужили матеріаломъ для разныхъ статей, явившихся въ журналахъ о томъ времени и трактующихъ о дѣятеляхъ того времени.

Рѣдко приходится „Русской Старинѣ“ заглядывать въ русскій медицинскій міръ; мало досуга имѣютъ представители у насъ медицины браться за перо, и въ особенности рѣдко излагаютъ они свое прошлое въ бо̀льшихъ или меньшихъ запискахъ и воспоминаніяхъ. Колоссальная, въ нравственномъ смыслѣ, фигура Н. И. Пирогова, колоссальная по его значенію въ исторіи умственнаго пробужденія и развитія русскаго общества, стоитъ совершенно особнякомъ въ русскомъ медицинскомъ мірѣ.

Тѣмъ съ бо̀льшимъ интересомъ и удовольствіемъ помѣстили мы сжатый, безъ всякихъ претензій, но съ полною добросовѣстностью и глубокимъ добродушіемъ изложенныя записки Николая Ѳедоровича Здекауера, полувѣковой юбилей государственной и ученой дѣятельности котораго столь еще недавно и съ такимъ безпредѣльнымъ сочувствіемъ былъ отпразднованъ всѣмъ образо-

аннымъ русскимъ обществомъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ, уждый всякой партійности, Н. Ѳ. Здекауеръ въ своихъ воспоминаніяхъ, за время съ 1833 г. по 1863 г., даетъ характеристики или сжатые отзывы о длинномъ рядѣ своихъ сотоварищей по наукѣ, о своихъ сотрудникахъ и о нѣкоторыхъ изъ своихъ лучшихъ ученикахъ; и вотъ, читая записки Н. Ѳ. Здекауера, невольно радуешься тому, какъ много выдвинуто русскимъ обществомъ изъ своей среды весьма замѣчательныхъ дѣятелей въ сферѣ служенія медицинѣ—и практической, и теоретической.

Вотъ главнѣйшія изъ записокъ русскихъ людей, помѣщенныя въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“; къ нимъ необходимо присоединить еще очерки и воспоминанія Николая Марковича Колмакова, прекрасно воспользовавшагося полнымъ досугомъ на югѣ Россіи, гдѣ онъ еще недавно служилъ на высокомъ посту въ сферѣ судебнаго вѣдомства и гдѣ нынѣ отдыхаетъ послѣ многолѣтней своей службы въ министерствѣ юстиціи службы въ эпоху важнѣйшихъ реформъ императора Александра II Н. М. Колмаковъ въ живомъ и мѣстами весьма любопытномъ очеркѣ знакомитъ насъ съ годами своего воспитанія 1830-хъ годовъ и съ прохожденіемъ имъ службы въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, причемъ очень наглядно обрисовываетъ много личностей того времени, занимавшихъ самое разнообразное положеніе въ русскомъ обществѣ, и передаетъ, въ живыхъ и интересныхъ очеркахъ, бытъ попреимуществу служилаго Петербурга его времени.

Но особенно характерны записки человѣка, который лишь въ послѣдніе годы своей жизни явился не только въ среду русскаго народа, но и облекся въ духовный санъ православнаго монаха,—мы говоримъ о запискахъ покойнаго архимандрита Владиміра Терлецкаго. Питомецъ виленскаго университета, повстанецъ въ 1830—1831 годы, сражавшійся противъ русскихъ, бѣглецъ за рубежъ своей родины, человѣкъ необыкновенной энергіи, онъ довершаетъ свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ западной Европы, съ фанатическимъ увлеченіемъ отдается миссіонерской дѣятельности, приэтомъ ищетъ точекъ соприкосновенія католицизма съ православіемъ; охваченный идеею о единеніи восточной и западной церквей подъ главенствомъ папы, Терлецкій дѣлается подвижникомъ уніатскаго обряда и выступаетъ

миссіонеромъ уніи; не довольствуясь проповѣдью, онъ основываетъ семинарію греко-уніатскихъ миссіонеровъ въ Парижѣ, добивается пособія этому учрежденію со стороны французскаго правительства, наконецъ, придя къ заключенію о тщетѣ всѣхъ своихъ объединительныхъ мечтаній, Терлецкій, при громахъ борьбы, подъятой соединенными державами Западной Европы противъ Россіи, оставляетъ свое дѣло, является въ Россію, вступаетъ въ лоно православія и оканчиваетъ свою жизнь архимандритомъ въ русскомъ монастырѣ. Жизнь этого человѣка, во всякомъ случаѣ энергическаго борца за извѣстныя идеи — въ высшей степени разнообразна, полна всевозможныхъ треволненій, а потому и записки его не могутъ не быть любопытными. И, дѣйствительно, записки архимандрита Владиміра Терлецкаго являются рѣдкими по своей своеобразности и интересу мемуарами.

Изъ сказаній иностранцевъ о нашемъ отечествѣ мы представили въ обозрѣваемомъ году „Любопытныя извѣстія о Московіи 1689 г.“, принадлежащія нѣкоему Де-ля-Невиллю, дипломатическому французскому агенту, явившемуся въ Москву изъ Варшавы и отправленному въ Россію французскимъ посломъ при варшавскомъ дворѣ. Невилль явился въ Москву въ моментъ высшей степени интересный, а именно во дни борьбы царевны Софіи Алексѣевны съ ея державнымъ братомъ, Петромъ Алексѣевичемъ, окончившейся паденіемъ правительницы Софіи.

Записки Де-ля-Невилля до сихъ поръ были извѣстны въ русской печати лишь въ небольшихъ выдержкахъ, приводимыхъ различными изслѣдователями, а также въ весьма плохомъ и отчасти искаженномъ переводѣ (1842 г.), притомъ не съ подлиннаго французскаго текста, а съ англійскаго; нынѣ же, т. е. въ 1891 г., при любезномъ посредствѣ академика Л. Н. Майкова, мы получили весьма внимательно исполненный переводъ этого французскаго мемуара-сказанія,—трудъ молодаго ученаго А. И. Браудо, его дословный переводъ интереснѣйшихъ сказаній Де-ля-Невилля, каковой и напечатали вполнѣ. Подобный вкладъ въ историческую

литературу отечественной исторіи намъ представляется потому еще весьма цѣннымъ, что сочиненіе Де-ля-Невилля, вышедшее въ Парижѣ въ 1698 году и затѣмъ повторенное въ четырехъ изданіяхъ, на языкахъ—французскомъ, англійскомъ и голландскомъ въ 1699—1707 годахъ), составляетъ значительную библіографическую рѣдкость.

Прочія сказанія иностранцевъ о Россіи, явившіяся на страницахъ „Русской Старины“ 1891 г., суть записки нѣмца Гагерна и француза маркиза де-Кюстина, изъ которыхъ первыя мы въ этомъ году окончили, а изъ вторыхъ—привели лишь извлеченія изъ первыхъ главъ. Тѣ и другія записки относятся къ 1839 г. Для читателей не безъинтересно сопоставить показанія о Россіи эпохи императора Николая Павловича со стороны двухъ разныхъ націй иностранцевъ, посѣтившихъ столицы Россіи въ одинъ и тотъ-же годъ, имѣвшихъ случай быть въ высшихъ сферахъ русскаго общества и бесѣдовать не только со многими выдававшимися тогда представителями власти въ Россіи, но и съ самимъ ея верховнымъ вождемъ—государемъ Николаемъ Павловичемъ.

Говоря объ отзывахъ иностранцевъ о Россіи, напомнимъ здѣсь, что всегда — въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ изданія „Русской Старины“,—мы считали обязанностью представлять, время отъ времени, необходимыя историческія справки по отношенію къ вопросамъ, занимающимъ русское общество. Въ виду этого, въ обозрѣваемомъ году мы отвели мѣсто на страницахъ нашего изданія переводу статьи, относящейся къ исторіи русско-французской дружбы. Этотъ весьма любопытный мемуаръ напечатанъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1890 г. Онъ обратилъ на себя вниманіе многихъ органовъ нашей періодической печати и, безспорно, по значенію и содержанію своему, заслуживаетъ быть сохраненнымъ въ переводѣ русскомъ на страницахъ „Русской Старины“.

Собраніе записокъ и воспоминаній изъ разныхъ временъ настолько значительно въ нашемъ архивѣ и такъ много занимаетъ мѣста въ книгахъ „Русской Старины“, что въ обозрѣваемомъ году мы не могли помѣстить многихъ изслѣдованій и обработанныхъ монографій; тѣмъ не менѣе, съ удовольствіемъ отмѣтимъ, что мы напечатали очеркъ профессора А. Г. Брикнера „Екатерина II и докторъ Вейкардъ“ и монографію бывшаго профессора В. А. Бильбасова „Графъ Никита Ивановичъ Панинъ и Мерсье де-Ла-Ривьеръ“. Послѣднія десять лѣтъ В. А. Бильбасовъ, какъ извѣстно, всецѣло посвятилъ себя всестороннему изученію русской исторіи второй половины XVIII вѣка, который, вообще, давно его интересовалъ. При громадной начитанности въ исторической литературѣ, относящейся до избраннаго имъ періода времени, В. А. Бильбасовъ всесторонне и глубоко изучилъ избранную имъ эпоху Екатерины II не только по безчисленнымъ печатнымъ источникамъ, но и по рукописямъ главнѣйшихъ архивовъ городовъ Западной Европы и Россіи.

Другой изъ современныхъ нашихъ ученыхъ историковъ Н. К. Шильдеръ, посвятившій много лѣтъ изученію эпохи Александра I, напечаталъ въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года начало обширной своей монографіи изъ исторіи избранной имъ эпохи, а именно объ историкѣ царствованія императора Александра Павловича—генералѣ Михайловскомъ-Данилевскомъ. Эта монографія вызвана столѣтнею годовщиною дня рожденія Михайловскаго-Данилевскаго и составлена Н. К. Шильдеромъ по неизданнымъ запискамъ Михайловскаго-Данилевскаго и по собранному имъ историческому матеріалу. Продолженіе этого труда нашего давняго сотрудника надѣемся представить въ будущемъ, 1892-мъ, году.

Отдѣльные историческіе документы, а также небольшіе очерки, разсказы и замѣтки всегда составляли въ нашемъ изданіи довольно обширный отдѣлъ, въ общемъ, немаловажныхъ матеріаловъ для изслѣдователей самыхъ разнообразныхъ сторонъ историческихъ судебъ русскаго народа, а также для исторіи отдѣльныхъ учрежденій Россіи и, наконецъ, для біографій самыхъ разнообразныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Такъ и въ обозрѣваемомъ году мы представили много

таковыхъ документовъ; между прочими, напечатали съ подлинника въ высшей степени замѣчательный указъ царя Бориса Годунова—отъ 3-го ноября 1601 г.—о мѣрахъ противъ голода; въ нѣсколькихъ сообщеніяхъ одного изъ московскихъ археографовъ и архивистовъ Н. Н. Оглоблина мы привели рядъ документовъ и разсказовъ объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ той эпохи, которая не престанетъ никогда быть интересною для русскихъ читателей, — мы говоримъ о времени императора Петра Великаго. По отношенію къ этой эпохѣ, въ „Русской Старинѣ“ 1891 г. мы имѣемъ: разсказъ, по архивному дѣлу, о тревогѣ, вызванной молвою о шествіи царя Петра Алексѣевича въ Сибирь въ 1704 году; статью о первомъ, по времени, японцѣ, явившемся въ Россію и бывшемъ въ ней съ 1701 по 1710 годъ, гдѣ и разсказалъ онъ о своей вполнѣ необыкновенной жизни и приключеніяхъ; сообщеніе того же Н. Н. Оглоблина: „Бой со шведами у мѣстечка Клецка, 19-го апрѣля 1706 г.“,—описаніе участника боя С. П. Неплюева, ярко рисующее одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, который послужилъ наукою для русскаго войска въ ратномъ дѣлѣ, и притомъ тяжкою наукою, подъ ударами гордыхъ и побѣдоносныхъ „свеевъ“.

Сообщеніе барона Каулбарса о смерти короля шведскаго Карла XII, конечно, обратитъ на себя вниманіе не только въ Россіи, но и въ сосѣдней намъ Швеціи, такъ какъ заключаетъ въ себѣ преинтересныя подробности, заимствованныя изъ семейной хроники потомка одного изъ сподвижниковъ короля-героя.

Весьма характерно письмо императора Петра II, сообщенное графомъ С. Д. Шереметевымъ.

„Устьсысольская старина“—яркая картина разбойничества въ царствованіе Анны Іоанновны; „Остецкіе князья въ XVII стол.“, сообщеніе Н. Н. Оглоблина; „Князь Ромодановскій и князь Меншиковъ“ и нѣкоторыя другія сообщенія Д. П. Струкова; „Сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ, 1773—1776 гг.“, сообщ. Е. В. Кузнецова; „Графъ А. А. Аракчеевъ въ его письмахъ“, сообщ. заслуж. профес. А. И. Макшеева; „Судъ и судьи въ началѣ XIX вѣка“, сообщ. академ. Н. С. Тихонравова; нѣсколько очерковъ и воспоминаній изъ жизни Дворянскаго полка, выдвинувшаго изъ своихъ рядовъ длинный рядъ русскихъ людей, съ честью послужившихъ дорогому Отечеству; „Дѣло 22-го мая

1854 г. подъ Силистріей“,—разсказъ незабвеннаго директора Педагогическаго музея, ген.-л. В. П. Каховскаго († 1-го іюня 1891 г.); „Взятіе парохода „Тигръ“ (1854 г.), разсказъ виновника сего подвига, подполк. Абакумова; очеркъ шестидесятипятилѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ ген.-отъ-инф. П. А. Степанова,—человѣка, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, появленіе этого очерка въ „Русской Старинѣ“, по роковой случайности, почти день въ день совпало съ кончиною этого ветерана, достойно служившаго послѣдовательно тремъ монархамъ; „Великая княгиня Елена Павловна“ († 1873 г.) въ сообщ. В. П. Кулина, и проч. и проч.,—словомъ, отдѣльныхъ и характерныхъ историческихъ документовъ — матеріалы къ исторіи XVIII-го XIX-го вѣковъ—„Русская Старина“ представила и въ 1891 году, подобно предшествующимъ двадцатиодному году, много и, смѣемъ думать, далеко не маловажныхъ.

Изъ особенно характерныхъ небольшихъ очерковъ уже близкаго къ намъ времени укажемъ въ обозрѣваемомъ году на болѣе подробное, чѣмъ мы прежде печатали, изложеніе жизни весьма таинственнаго старца, сибирскаго отшельника, Ѳедора Кузьмича, въ фантастическихъ народныхъ легендахъ воплотившаго въ себѣ ни болѣе, ни менѣе какъ императора Александра Павловича; а также—автобіографическій разсказъ одного изъ заточниковъ Соловецкой обители іеромонаха Іеронима; весьма интересный, не безъ юмора изложенный, своеобразный разсказъ отца Іеронима, конечно, былъ замѣченъ читателями „Русской Старины“. Равнымъ образомъ, конечно, вызвало общее вниманіе сообщеніе артиста писателя Ив. Ѳед. Горбунова: „Перечень словъ, вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями вышедшихъ изъ употребленія въ Россіи послѣ 19-го февраля 1861 г.“. Никто не откажетъ этому перечню въ томъ, что онъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о различіи до-реформенной, крѣпостной Россіи съ тою, какую оставилъ Царь-Освободитель.

Исторія отечественной литературы, какъ это изстари велось въ нашемъ изданіи, изъ году въ годъ получаетъ все больше и больше, въ той и другой формѣ, для себя матеріаловъ. Нынѣ, въ 1891 г., было нами окончено печатаніемъ, обширное историко-біографическое изслѣдованіе Н. А. Бѣлозерской о жизни и трудахъ родоначальника натуральной школы, самобытнаго русскаго романиста, Василія Трофимовича Нарѣжнаго.

Въ обозрѣваемомъ году „Русская Старина“ представила замѣтки и письма нѣсколькихъ крупныхъ подвижниковъ на нивѣ отечественной словесности, каковы: М. В. Ломоносовъ, князь М. М. Щербатовъ (сообщеніе акад. Л. Н. Майкова),, В. А. Жуковскій, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, И. И. Лажечниковъ и друг.

Весьма характерныя письма знаменитаго партизана и поэта Д. В. Давыдова знакомятъ насъ съ жизнью этого писателя въ послѣдніе его годы.

Въ 1891 же году мы кончили печатаніемъ, многіе годы тому назадъ начатый, литературный дневникъ В. К. Кюхельбекера, товарища и друга великаго поэта Пушкина, однокашника его по лицею и одного изъ его сподвижниковъ и пламенныхъ поклонниковъ въ поэзіи. В. К. Кюхельбекеръ десять лѣтъ провелъ въ крѣпостныхъ казематахъ, гдѣ, искупая заточеніемъ свое участіе въ декабрьской смутѣ 1825 года, онъ велъ весьма интересный, вполнѣ литературный дневникъ, съ которымъ уже знакомы читатели изъ предыдущихъ годовъ „Русской Старины“. Дневникъ этотъ, не смотря на то, что писанъ на прошнурованныхъ комендантами крѣпостей тетрадяхъ, т. е. писанъ подъ взорами тюремныхъ стражей, тѣмъ не менѣе представляетъ много любопытнаго: дневникъ этотъ является зеркаломъ незлобивой души поэта Кюхельбекера, выраженіемъ его взглядовъ на литературу и писателей его времени, наконецъ, изложеніемъ его вѣрованій въ тѣ или другіе идеалы и его критическихъ воззрѣній не только на отечественную словесность, но и на западно-европейскую, весьма хорошо ему извѣстную, литературу и ея лучшихъ представителей того времени. Въ нынѣ напечатанной, послѣдней, части „Дневника В. К. Кюхельбекера“ мы уже видимъ въ составителѣ не узника свеаборгской и динабургской крѣпостей, но поселенца Сибири, при совершенно иной обстановкѣ, едва-ли однако ни болѣе

угнетеннаго тяжело для него сложившеюся жизнью. Историкъ нашей литературы, конечно, воспользуется „Дневникомъ“ сибирскаго поселенца Кюхельбекера какъ матеріаломъ для характеристики пушкинскаго кружка и для болѣе близкаго знакомства съ самимъ Кюхельбекеромъ, во всякомъ случаѣ довольно выдающимся созвѣздіемъ великаго русскаго поэта—Пушкина.

Но если по отношенію къ Пушкину въ обозрѣваемомъ году мы выдвинули лишь одного изъ его близкихъ друзей, то о Гоголѣ мы дали рядъ его неизданныхъ писемъ къ дружескому для него семейству графа Александра Петровича Толстаго (1844—1850 гг.), а относительно Лермонтова представили его донесенія объ одной изъ тѣхъ схватокъ съ черкесами, въ которой ему довелось принять участіе. Такимъ образомъ, и въ этомъ году, какъ и въ каждомъ изъ предъидущихъ (1870—1890 гг.), безъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова „Русская Старина“ не обошлась.

По отношенію къ другимъ писателямъ наше изданіе въ обозрѣваемомъ году представило немаловажный матеріалъ для изложенія страдальческой жизни поэта Тараса Шевченко, именно, новые матеріалы о ссылкѣ и пребываніи въ оной славнаго пѣвца Малороссіи. В. И. Даль, П. А. Плетневъ, проф. В. С. Печеринъ, И. С. Тургеневъ, В. И. Красовъ, Н. П. Огаревъ, Н. О. Павловъ, Ю. В. Жадовская, Ѳ. М. Достоевскій, Н. Ѳ. Щербина, Г. Е. Благосвѣтловъ, Н. Д. Хвощинская (псевдонимъ В. Крестовскій), Мих. Ив. Вешюковъ (автобіографическія его воспоминанія, 1852 — 1854 гг.), докторъ русской исторіи В. И. Семевскій, профессоръ высшей математики С. В. Ковалевская (автобіографическій ея разсказъ), М. П. Розенгеймъ, А. Н. Яхонтовъ, Н. И. Костомаровъ,—вотъ тѣ писатели, которые явились на страницахъ обозрѣваемаго года нашего изданія либо въ біографическо-критическомъ очеркѣ, до ихъ жизни относящемся (статья доктора русской исторіи В. И. Семевскаго о Н. Д. Хвощинской, автобіографическая замѣтка Н. И. Костомарова), либо въ небольшихъ воспоминаніяхъ, очеркахъ, стихотвореніяхъ, письмахъ, замѣткахъ и эпиграммахъ.

Но особенно цѣннымъ матеріаломъ, чисто литературнымъ, является собственноручная рукопись-автографъ А. Н. Островскаго—его наиболѣе замѣчательная комедія „Банкрутъ“ или

„Свои люди—сочтемся“. Рукопись эту мы имѣли истинное счастье получить отъ великаго нашего писателя двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ, въ первое-же время нашего знакомства съ А. Н. Островскимъ, и затѣмъ сохранили и сохраняемъ ее, какъ особенную драгоцѣнность, въ архивѣ „Русской Старины“. Нынѣ эта рукопись издана нами слово въ слово, со всѣми въ ней поправками славнаго русскаго драматурга,—и таковое изданіе этого драгоцѣннаго автографа вводитъ читателей въ самый процессъ созданія лучшей комедіи Александра Николаевича Островскаго.

Въ 1891 г. Россія и русское общество перенесли, можно сказать, замѣчательно длинный рядъ тяжелыхъ утратъ. Утраты эти въ позднѣйшее время такъ часты, что мы отказываемся слѣдить за всѣми ими, такъ какъ если-бы мы печатали о всѣхъ русскихъ достопамятныхъ людяхъ, сходящихъ въ могилу, то изданіе наше обратилось-бы въ синодикъ [1]). Съ глубокимъ сочувствіемъ къ общему соболѣзнованію о постигшихъ наше отечество утратахъ, „Русская Старина“, между прочимъ, посвятила страницы своего изданія памяти великаго князя Николая Николаевича, великой княгини Ольги Ѳедоровны, герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго (очеркъ, посвященный его памяти акад. Н. И. Кокшаровымъ), сенатора Д. Д. Неелова, (очеркъ, посвященный его памяти, составленъ В. И. Вешняковымъ), архіепископа херсонскаго Никанора Бровковича; а также „Русская Старина“ остановила, въ обозрѣваемомъ году, вниманіе своихъ читателей на потеряхъ столь славныхъ подвижниковъ науки и преуспѣянія Россіи на пути прогресса, каковыми были: П. Г. Рѣдкинъ, А. Д. Градовскій (умеръ въ 1889 г., очеркъ-воспоминаніе о немъ А. Ѳ. Кони), С. В. Ковалевская, И. Е. Андреевскій,—всѣмъ этимъ лицамъ

[1]) Достойно вниманія, что, въ одинъ лишь 1891 годъ, изъ ежегодно печатаемаго нами списка лицъ, доставившихъ „Русской Старинѣ“ статьи и вообще историческіе матеріалы,—скончалось двадцать шесть лицъ; изъ нихъ нѣкоторые занимали высокое положеніе въ русскомъ обществѣ и были видными и весьма уважаемыми дѣятелями.

„Русская Старина“ посвятила очерки и статьи, либо сохранившіе на память потомству факты изъ ихъ жизни, либо освѣтившіе ихъ благотворную дѣятельность ко славѣ Россіи.

Что касается до здравствующихъ, къ счастью, понынѣ дѣятелей, то „Русская Старина“ дала откликъ на юбилейныя торжества: полувѣковой государственной дѣятельности сенатора А. Д. Шумахера — одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великомъ дѣлѣ установленія городскаго самоуправленія и вообще созданія дѣйствующаго Городоваго Положенія; а также одного изъ самыхъ замѣчательныхъ по учености и дарованіямъ русскаго юриста В. Д. Спасовича: въ настоящемъ году празновалось 25-лѣтіе его дѣятельности въ званіи присяжнаго повѣреннаго, и это дало намъ случай и возможность остановиться съ глубокимъ уваженіемъ на обзорѣ его ученой и общественной дѣятельности.

Для исторіи отечественнаго искусства „Русская Старина“ представила въ 1891 году обширныя записки профессора Ѳ. И. Іордана, которыя, между прочимъ, заключаютъ въ себѣ біографическія данныя и характеристики множества художниковъ, во всѣхъ областяхъ искусства, каковы: живопись, гравюра, скульптура, архитектура и проч.,—художниковъ не только русскихъ, но и иностранныхъ, современниковъ и нерѣдко друзей добродушнаго и даровитаго Ѳ. И. Іордана.

Въ обозрѣваемомъ-же году мы остановили вниманіе читателей на А. Н. Сѣровѣ и соединили, въ сообщеніи давняго нашего сотрудника—артиста и писателя—И. Ѳ. Горбунова, много матеріаловъ, освѣщающихъ послѣдніе дни жизни одного изъ самыхъ даровитыхъ сценическихъ артистовъ—А. Е. Мартынова. Это собраніе матеріаловъ тѣмъ особенно драгоцѣнно, что въ ряду ихъ находится нѣсколько неизданныхъ доселѣ писемъ А. Н. Островскаго, бывшаго глубокимъ почитателемъ великаго сценическаго таланта Мартынова, не имѣющаго себѣ подобнаго даже до настоящаго времени ни на одной изъ русскихъ сценъ.

Прилагая къ книгамъ нашего изданія портреты достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, мы всегда озабочивались тѣмъ, чтобы таковые воспроизводились самыми выдающимися современными русскими художниками-граверами. Мы справедливо полагаемъ, что лучше прикладывать къ книгѣ хотя по одному портрету, и то не обязательно къ каждой книгѣ, но зато прикладывать гравюры, исполненныя дѣйствительно художественно. Такъ, „Русской Старинѣ“ русское общество обязано тѣмъ, что, между прочимъ, нѣкогда получило, въ теченіе минувшихъ нѣсколькихъ лѣтъ, рядъ превосходныхъ гравированныхъ на мѣди портретовъ, исполненныхъ рѣзцомъ академика, нынѣ профессора, И. П. Пожалостина.

Въ обозрѣваемомъ-же, 1891-мъ, году мы дали портреты, исполненные на мѣди покойнымъ профессоромъ—Ѳедоромъ Ивановичемъ Іорданомъ, а именно: портретъ самого художника и портретъ игумена Валаамскаго монастыря Дамаскина († 1881 г.); превосходные портреты Н. Д. Хвощинской (псевдонимъ В. Крестовскій) и А. Н. Островскаго, приложенные къ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года, исполнены ученикомъ Іордана, молодымъ художникомъ Ѳ. И. Веревкинымъ,—работа замѣчательно изящная, отличающаяся нѣжностью штриха, необыкновенною выразительностью воспроизведенія наиболѣе характерныхъ чертъ физіономій, а потому превосходно передающая сходство съ оригиналами. Затѣмъ гравюры на деревѣ, художественныя приложенія „Русской Старины“ изданія 1891 года, суть слѣдующія:

Петръ Великій, въ точномъ снимкѣ съ рѣдчайшаго портрета, исполненнаго съ царя Петра въ бытность его въ Голландіи, въ Саардамѣ; портретъ А. О. Смирновой, большое собраніе писемъ которой къ ея другу Н. В. Гоголю уже извѣстно нашимъ читателямъ; портретъ кавалериста-дѣвицы Н. А. Дуровой, весьма характерный, такъ какъ воспроизводитъ ее уже старушкою, на закатѣ дней; портретъ поэта Т. Г. Шевченко, точный снимокъ съ исполненнаго съ него съ натуры; изображеніе цесаревича Константина Павловича верхомъ на лошади въ день отступленія великаго князя изъ Варшавы во время польскаго возстанія 1830 г. — точный снимокъ съ наброска, тогда-же съ натуры исполненнаго однимъ изъ его адъютантовъ; наконецъ, портретъ сенатора Д. Д. Неелова,—вотъ тѣ портреты, которые

составляютъ художественныя приложенія нашего журнала за обозрѣваемый годъ [1]).

Независимо отъ портретовъ, мы стали украшать книги „Русской Старины“, съ 1891-го года, виньетками, заставками и рисунками, исполненными почетнымъ членомъ императорской академіи художествъ, маститымъ профессоромъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Солнцевымъ (род. въ 1800 г.) Этотъ современный патріархъ всей громадной семьи русскихъ художниковъ, имѣя уже болѣе 90 лѣтъ отъ роду, съ необыкновенною бодростью и присущимъ ему талантомъ нарисовалъ для „Русской Старины“ сотни всевозможныхъ виньетокъ и заставокъ; въ большинствѣ изъ нихъ Ѳедоръ Григорьевичъ передалъ вполнѣ точныя изображенія множества имъ разновременно видѣнныхъ предметовъ стариннаго русскаго быта. Рисунки эти исполнены Ѳедоромъ Григорьевичемъ тушью, а затѣмъ фотографически переведены на дерево, награвированы художниками И. И. Матюшинымъ и Адольфомъ Андр. Беме и затѣмъ, въ гальванопластическихъ снимкахъ, отпечатаны. Эти художественныя украшенія имѣютъ двойной интересъ—какъ произведенія маститаго профессора Ѳ. Г. Солнцева и какъ изображенія предметовъ, большею частью, старорусскаго быта, что вполнѣ умѣстно на страницахъ „Русской Старины“.

Въ отдѣлѣ библіографіи мы представили отзывы о 64-хъ изданіяхъ, книгахъ и брошюрахъ, причемъ въ ряду этихъ небольшихъ рецензій имѣли удовольствіе помѣстить нѣсколько критическихъ замѣтокъ, принадлежащихъ писателю молодому, обѣщающему быть талантливымъ рецензентомъ, вполнѣ серьезно относящемуся къ своему дѣлу и тщательно изучающему тѣ отдѣлы наукъ, въ области которыхъ онъ разбираетъ относящіяся къ нимъ книги, — мы говоримъ о Н. В. В—вѣ.

Ред.

24-го ноября 1891 г.
С.-Петербургъ.

[1]) Гравюры на деревѣ исполнены талантливыми художниками, учениками и сотрудниками знаменитаго русскаго ксилографа, единственнаго академика по гравюрѣ на деревѣ, Л. А. Сѣрякова, а именно: художниками Г. И. Грачевымъ, В. В. Маттэ и И. И. Матюшинымъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы

въ 1870—1891 гг.

[по 24-ое ноября 1891 года].

Н. В. Аароновъ,—Абаза,—Ѳ. И. Абакумовъ,—Л. В. Абашкинъ,—Р. В. Авдіевъ,—В. П. Авенаріусъ,—Н. П. Авенаріусъ.—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Авраамовъ,—Ага-бекъ Гасабовъ,—П. Е. Агапѣевъ,—Агафоновъ,—Н. Агафоновъ,—Агентовъ,—О. Х. Агренева-Славянская,—Д. А. Агреневъ-Славянскій,—А. Агрономовъ,—Адасова,—А. А. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—проф. И. К. Айвазовскій,—Вл. С. Акимовъ,—Аксаковъ,—Аксюкъ, вдова,—П. В. Алабинъ,—С. И. Аландскій,—Н. И. Албрандъ,—М. А. Албычевъ,—М. Александровъ,—А. Е. Алекторовъ,—К. Алмазовъ,—А. А. Алферовъ,—А. Н. Альмединген,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—Е. Н Аммонъ,—еписк. Амфилохій,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,—А. Н. Андреевская, рожд. Рождественская,—А. Н. Андреевъ,—В. Андреевъ,—И. Андреевъ,—П. П. Андреевъ,—Х. К. Андреевъ,—Л. Ѳ.Андреянова,—Андрузская,—В. И. Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—Ш. А. Антоновъ,—А. А. Ануфьевъ,—Д. Анучинъ,—Д. Г. Анучинъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Д. В. Арбузовъ,—Н. А. Аргилландеръ,—Н. Ардашевъ,—И. А. Аренсъ,—С. Аренсъ,—Аркадіевъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—епископъ Арсеній,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—К. К. Арсеньевъ,—профес. Н. А. Астафьевъ,—Аринничъ,—В. А. Арцимовичъ,—И. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Т. В. Астаховъ,—В. Асташевъ,—Астракова,—Г. Афанасьевъ,—Н. П. Ахвердовъ,—Д. Д. Ахшарумовъ,—А. Ю. Ашебергъ,—фонъ-Ашебергъ.

Н. Баженовъ,—Г. И. Біахаровъ,—Байхаровъ,—В. И. Бакунина,—Е. Бакунина,—Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—Н. Н. Балкашинъ,—О. С. Балкъ,—К. Бальмонтъ,—Е. Д. Бантышъ-Каменская,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—А. Е. Барановъ,—А. И. Баратынскій,—В. Л. Баратынскій,—А. И. Барзоцовскій,—А. В. Барановъ,—проф. Н. И. Барсовъ.—А. П. Барсуковъ,—Н. И. Барсуковъ,—Н. П. Барсуковъ,—И. Ф. Бартеневъ,—З. А. Баршъ,—

В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—И. Баскаковъ,—Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ, — Б. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладиновъ,—П. В. Бекъ,—Ст. Ф. Бекь, рожд. Гейфельдеръ,—И. Е. Бельцманъ,—художникъ-граверъ Ад. А. Беме,—Н. Л. Бенуа,—А. Бердяевъ,—С. Бердяевъ,—В. Березинъ,—П. В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—С. Н. Берже,—І. Берманъ,—М. А. Берманъ,—І. Беръ,—Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ,—г. Бертухъ,—І. Бехинъ,—М. А. Бестужева,—О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ,—проф. В. А. Бильбасовъ,—А. А. Бильдерлингъ,—Н. Н. Бипиенъ,—бар. Бистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—Н. М. Благовѣщенскій,—Бларамбергъ,—Н. И. Бобриковъ,—гр. Ал-дръ А. и Алексѣй А. Бобринскіе,—П. О. Бобровскій,—Н. Н. Бобровъ,—М. Богаевскій,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—профессоръ живописи А. П. Боголюбовъ,—В. А. Боголюбовъ,—С. Богоявскій,—Л. А. Богуславскій,—г. Бодеманъ (въ Ганноверѣ),—профес. Ф. Ф. фонъ-Боденштедтъ —И. Н. Боевъ,—И. Н. Божеряновъ,—И. В. Болдыревъ,—А. В. Болотовъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—П. Ѳ. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ,—Д. Н. Бородинъ,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—С. М. Борщовъ,—В. Ѳ. Боцяновскій,—И. Бочаровъ, — А. К. Бошнякъ,—Н. Н. Бранко,—С. Брайловскій,—П. Ѳ. Брандтъ,—А. И. Браудо,—Р. И. Бржостовская, — проф. А. Г. Брикнеръ, — А. Бруннеръ,—А. П. Брянцевъ, — И. Брянцевъ, — В. А. Будзько,—Н. Буковскій,—Д. А. Булатовъ,—Е. Н. Булгакова,—Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, — профес. Н. Н. Буличъ, — С. Буличъ,—А. Булыгинъ,—Н. Х. Бунге,—Е. Ѳ. Буринскій,—Н. Ѳ. Бурцовъ, — Я. Бутковскій, — іерей І. Бутковъ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—К. А. Бухъ,—В. Е. Бучневичъ,—М. Быковъ,—Н. В. Быковъ,—М. Быстровъ,—академикъ А. Ѳ. Бычковъ,—И. А. Бычковъ,—Ѳ. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ, — Д. Бѣлевичъ,—А. Бѣлениновъ,—д-ръ медиц. Н. А. Бѣлоголовый,—Н. А. Бѣлозерская,—И. П. Бѣлоконскій,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. Д. Бѣляевъ,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

М. И. Вавиловъ,—Н. А. Вагановъ,—П. Вакаръ,—П. Ваксель,—Н. Н. Вакуловскій,—М. С. Валевскій,—А. Вальбергъ,—В. В. фонъ-Валь,—гр. Н. П. Валуевъ,—А. У. Варакомскій,—К. А. Варгунинъ, — И. Варунъ-Секретъ, — И. И. Василёвъ,—К. П. Василенко,—Н. Васильева,—проф. В. Г. Васильевскій, — А. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, — А. Ѳ. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—И. И. Васильевъ, — К. И. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ,—І. Васъ,—Н. В. Вахтинъ, — Веденяпинъ, — В. Н. Ведерниковъ,—проф. С. В. Ведровъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—Л. Б. Вейнбергъ,—П. И. Вейнбергъ,—П. И. Великопольскій, — Величковскій,—А. Величковъ,—г. Вельяминовъ,—Н. Вельяшевъ,—М. А. Веневитиновъ,—А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ,—художникъ-граверъ Ѳ. И. Веревкинъ,—П. Вересовъ,—г. Веретенниковъ,—А. В. Верещагинъ,—художникъ Вас. Вас.

Верещагинъ,—Т. И. Вержбицкій,—А. И. Веригинъ,—Н. П. Вернеръ,—Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—В. И. Вешняковъ,—Н. И. Викинскій,—П. П. фонъ-Виккеръ,—А. Н. Виноградовъ,—Н. Виноградовъ,—П. А. Виноградовъ,—С. Виноградскій,—Випроревъ,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый),—Ѳ. А. Витбергъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н. Витмеръ,—Н. П. Вишняковъ,—Н. Н. Владимірова,—А. Владиміровъ,—А. П. Владиміровъ,—И. Влодзимірскій,—Н. В. Водовозовъ,—В. В. Водовозовъ,—В. П. Водопьяновъ,—А. А. Воейкова,—А. Н. Воейковъ,—Военскій,—П. П. Возницынъ,—А. М. Войновъ,—М. Владыкинъ,—Г. П. Власовъ,—Д. И. Воейковъ,—Г. А. Волжевъ,—князь М. С. Волконскій,—И. В. Вологдинъ,—И. И. Вологдинъ,—С. Волосатова,—Ф. И. Волтатисъ,—П. П. Волховской,—Вольдемаръ,—Вонлярлярская,—Н. А. Вонлярлярскій,—Г. А. Воробьевъ,—Е. З. Воронина,—Н. А. Воронихинъ,—А. П. Вороновъ,—П. А. Вороновъ,—Павелъ Никол. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова,—И. М. Воропай,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронесса Вревская,—П. И. Вріони,—М. А. Врочевскій,—Вудъ,—А. Г. Вышеславцевъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—княгиня Е. А. Гагарина, рожденная Иванова,—князь Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—П. Гагенъ,—А. Гакъ,—профес. А. Д. Галаховъ,—А. С. Галаховъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Ѳ. Гамбургеръ,—П. Г. Ганзенъ,—Е. А. Ганъ,—К. Ганъ,—Я. Гарелинъ,—А. В. Гартвигъ,—К. А. фонъ-Гартъ,—А. С. Гацисскій,—И. М. Гвоздевъ,—Е. Г. Гвоздиковъ,—Э. Гебель,—К. К. Гейнсъ,—В. И. Гейсмаръ,—К. К. Гелингъ,—И. С. Генбачевъ,—г. Геничъ,—Ав. Авт. Герке,—Германъ. вдова профессора (въ Марбургѣ),—В. Ц. Герцыкъ,—профес. А. А. Герценъ,—П. А. Гильтебрандтъ,—Гилюсъ,—Д. И. Гиппіусъ,—Л. Ѳ. Гиргасъ,—А. А. Гирсъ,—К. К. Гирсъ,—В. М. Гиршфельдъ,—В. О. Гладкій,—К. В. Гладковская,—А. Гликсманъ.—А. Г. Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—Ѳ. С. Глинка,—П. Гловацкій,—Глуховъ,—А. А. Глѣбова,—Д. Е. Гнусинъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—г. Голицынскій,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—бывш. профес. кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И. Головачъ,—д-ръ Е. А. Головинъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—К. Д. Головщиковъ,—К. М. Голодниковъ,—А. А. Голомбіевскій,—П. Д. Голохвастовъ,—И. А. Голышевъ,—Н. И. Голубевъ,—В. В. Голубцовъ,—М. Г. Гольмдорфъ,—проф. В. А. Гольцевъ,—протоіерей І. Голяховскій,—Гоманоіскій,—Гонцатти,—А. Н. Гончаровъ,—М. Гончаровъ,—артистъ И. Ѳ. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—Н. Д. Горемыкинъ,—М. Горилецкій,—М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—С. В. Городецкій,—профес. от. М. И. Горчаковъ,—І. К. Гофертъ,—Г. К. Градовскій,—художникъ-граверъ, Г. И. Грачевъ,—Ѳ. А. Гребенщиковъ.—А. К. Грегоріади,—А. Е. Гренъ,—А. В. фонъ-Грибнеръ,—Н. И. Григоровичъ,—Ѳ. И. Григоровскій,—А. Н. Григорьевъ,—И. И. Григорьевъ.—И. Я. Гриммъ,—А. Громачевскій,—академикъ Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. П. Грунтъ,—Н. В. Губерти,—Н. И. Гулакъ,—П. Гулакъ-

Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—М. П. Гусаковскій,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ,—А. Я. Гюббенетъ,—А. И. Гюберъ-фонъ-Грейфенфельсъ.

Кн. В. Д. Дабижа, —кн. Давледъ-Гирей-Бибердовъ, —М. П. Давыдова – В. Н. Давыдовъ, —Д. Давыдовъ, —К. И. Давыдовъ,—Н. Т. Давыдовъ,—Т. М. Дагаевъ,—Н. Даниловская,—Г. Г. Даниловичъ,—А. С. Даниловъ,—И. Г. Даниловъ,—художн. А. И. Даугель, — Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви, —Де-ла-Флизъ,—А. К. Де-Ливронъ,—С. Дельпесъ,—графъ И. Д. Делляновъ,—А. П. Демидовъ,—В. Ѳ. Демичъ,—П. А. Деммертъ,—А. Демминъ,—В. П. Деморъ,—Г. Д. Демяновскій,—художн. Деньеръ,—Е. Депрейсъ,—баронъ Д. Г. фонъ-Дервизъ,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—Г. А. Джаншіевъ,—А. И. Дидриксъ,—Діатроптовъ,—Дмитріевъ,—А. С. Дмитріевъ,—Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ,—Н. Г. Дмоховскій,—Л. Я. Добровъ, — Ѳеофанъ (Л. Доброленскій,—Б. А. Добрянскій,—Ф. Н. Добрянскій,—Я. И. Довголевскій,—В. А. Дойлидовичъ,—В. Док—ій,—К. А. Докучаевъ-Басковъ,—Н. А. Докучаевъ,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ, — П. П. Должиковъ, — Л. П. Долинка, — В. П. Долотовъ,—И. И. Домонтовичъ,—А. Г. Достоевская, рожден. Иванова, — Е. И. Дощанская,—Живко-Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—С. Д. Дрожжинъ,—кн. Д. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—Елена Алекс. Дубельтъ, рожд. Зеландъ,—Е. И. Дубельтъ,—М. Л. Дубельтъ, — Н. П. Дубининъ,—А. Дубицкій, — академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, — В. И. Дурасовъ,—А. В. Дурново,—Л. А. Дуровъ.—Н. В. Дуровъ, — Ѳ. В. Духовниковъ, — М. Л. Духонинъ,—Е. Дьяконовъ,—Я. Дюжиловъ.

Графиня А. А. Евдокимова,—К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—Егорьевскій,—Ф. Езіоранскій,—от. І. Еланскій,—от. П. П. Еланскій,—Ю. Л. Елецъ,—кн. Енгалычевъ,—князь Н. Н. Еникѣевъ,—Епанчинъ,—А. Епифановъ,—Еранцовъ,—П. В. Еремѣевъ,—В. Ермаковъ, — Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—В. М. Еропкинъ,—В. В. Еропкина,—А. Ерошкинъ,—А. Есаковъ,—Г. В. Есиповъ,—Н. Н. Есиповъ,—Я. И. Есманъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Ѳ. Жадовскій,—А. П. Жакмонъ,—А. Н. Ждановъ,—С. Н. Жеденовъ,—В. Желиховскій,—В. П. Желиховская,—И. Желтовъ,—Н. Ѳ. Желтовъ,—И. П. Жемочкинъ, — А. Жемчужниковъ, — Н. Л. Жемчужниковъ. — А. К. Жизневскій,—А. В. Жаркевичъ,—В. И. Жиркевичъ, — от. В. И. Жмакинъ, —А. Жуковъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—М. М. Жуковскій,—художн. Пав. Вас. Жуковскій,—П. В. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ,—А. Заборинскій,—А. Заборовскій,—Д. Заборовскій, акад. П. П. Забѣлло,—Л. А. Загоскинъ,—С. М. Загоскинъ,—С. А. Загря-

ская, —В. Заенчковскій, —В. Д. Заика, —Т. М. Заишкевичъ, —И. К. Зайцевъ, —Э. Д. Зайцевъ, —А. И. Залѣсскій, —П. Т. Залѣсскій, —Замысловъ. —А. Зандрокъ, —Заржецкій, —Я. И. Заринъ, —А. С. Зарудный, —Е. И. Зарина, —А. Г. Затлеръ, —И. Н. Захарьинъ, —И. Захаревичъ, —Д. Захаровичъ, —В. Захаровъ, —К. Защукъ, —В. Звѣревъ, —К. С. Звягинъ, —профес. Н. Ѳ. Здекауеръ, —В. Ф. Зеге-фонъ-Лауренбергъ, — А. К. Зейдеръ, —А. А. Зеландъ, —А. И. Зеленой, —А. Земцовъ, —К. Зенденгорстъ, —А. Л. Зиссерманъ, —М. З. Зіоровъ, —М. Злотковскій, —І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова, —А. Змѣевъ, —Л. Ѳ. Змѣевъ, —Золотовъ, —В. А. Зотиковъ, —А. И. Зотова, —В. Р. Зотовъ, —А. Ѳ. Зубковскій, —Е. Б. Зубова, рожден. баронесса Вревская, —В. А. Зыбинъ, —А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ, —Н. С. Иваннна, рожд. Шпилевская, —М. Г. Ивановъ, —Н. И. Ивановъ, —А. Е. Ивановъ, —И. В. Ивановъ, —И. С. Ивановъ, —М. Н. Ивановъ, —Н. Ѳ. Ивановъ, —Петръ Вас. Ивановъ, —Л. К. Ивановскій, —от. И. Иващенковъ, —Ю. Б. Иверсенъ, —А. Игнатовичъ, —от. архимандритъ Игнатій (Малышевъ), —А. П. Игнатьевъ, —А. С. Игнатьевъ, —гр. Н. П. Игнатьевъ, —С. А. Идаховъ, —А. Извольскій, —П. А. Извольскій, —К. А. Измайловъ, —П. Александр. Измайловъ, —проф. В. С. Иконниковъ, —от. П. Ильинскій, —проф. Д. И. Иловайскій, —В. Е. Ильковъ, —Д. В. Ильченко, —Л. В. Ильяшевичъ, —М. А. Имбергъ, —арх. Ипполитъ, —П. П. Исаевичъ, —А. Д. Исаковъ, —П. Н. Исаковъ, —Д. С. Исардовъ. —Н. О. Истинской, —Ѳ. А. Исуповъ, —Г. Ѳ. Исѣевъ.

В. А. Іорданъ, рожден. Пущина.

В. Каверзневъ, —Казадаевъ, —Е. К. Казанскій, —П. С. Казанскій. —С. П. Казанскій, —Казачокъ, — М. К. Казина, —С. Д. Казина, рожд. Бантышъ-Каменская. —Казинъ, —П. С. Калачевскій, — М. М. Калиновская. — Калиновская, —В. В. Каллашъ, —Д. И. Калугинъ, —графиня Л. М. Каменская, —Ѳ. А. Каменскій, — И. Т. Камчатовъ, —А. Н. Канаевъ. — А. Канаринъ, — княгиня М. А. Кантакузина, —гр. П. И. Капнистъ, —Н. Я. Капустина, —А. А. Карасевъ, —М. В. Карасевъ, — И. Каргопольцевъ, — М. А. Кардиналовскій, — М. А. Карлинъ, — от. А. В. Кармазинскій, — П. Карнауховъ, — Каррикъ, —Л. В. Картавцевъ, —А. Карташевъ, —Н. А. Карцевъ, —П. П. Карпевъ, —г. Карцевъ, —П. Кастальскій, —Н. Н. Касьяновъ, —В. Катеневъ, —В. Катенинъ, —баронъ Каулбарсъ, —В. М. Каченовскій, —Н. С. Кашкинъ, —А. В. Квитка, —М. Н. Кедровъ, —Н. Т. Кедровъ, —от. М. Кедровъ. —П. Д. Кедровъ, — профессоръ живописи И. П. Келеръ. — М. Кельдышъ, — Н. П. Кельшъ, —Ѳ. Ѳ. Кенигъ, —А. П. Кеппенъ, —П. Е. Кеппенъ, —Т. Кибальчичъ, —Кильдюшевскій, —К. Д. Кипіани, —Кирилловъ, —С. И. Кирѣевскій, —А. Александ. Кирѣевъ, —Л. В. Киселева, —А. С. Киселевъ, —Киселевъ, —И. Китаевъ, —П. А Китицынъ, —Ѳ. Н. Кишенскій, —Д. В. Кларкъ, —И. Кларкъ, —В. І. Класенъ, —А. С. Клевановъ, —П. Клениковъ, — Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау, — Княжевичъ, —М. Д. Княжевичъ, —Князевичъ, —А. С. Князевъ, —Д. Ѳ. Кобеко, —Я. Кобылянскій, —Д. А. Кобяковъ. —Г. А. Ковалевскій, —М. Е. Ковалевскій, —

П. М. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коваленковъ,—Н. И. Коведаевъ,—Э. А. Коверскій,—М. М. Ковязинъ,—Кожуховъ,—Козадавлевъ,—Д. И. Козелкинъ,—А. Козловскій.—С. Козловскій,—Н. И. Козловъ,—ген.-ад. Козляниновъ,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—З. Койданскій,—А. Кокосовъ,—академикъ Н. И. Кокшаровъ,—Колачевскій,—А. Коленковскій,—К. П. Колзаковъ,—Н. М. Колмаковъ,—А. А. Колокольцовъ,—Д. Г. Колокольцевъ,—Д. В. Коломійцовъ,—Е. Колокольцевъ,—В. И. Колосовъ,—М. А. Колчинъ,—А. Колынинъ,—бар. М. Колычевъ,—А. Л. Колянковскій,—А. Вас. Комаровъ,—В. А. Комаровъ,—А. Ф. Кони,—Е. Ѳ. Кони,—гр-ня Н. М. Коновницына,—Ю. Ю. Коноплянскій,—А. О. Константинова,—Д. А. Конъева,—Ѳ. В. Корвинъ-Круковскій,—В. А. Кордтъ,—И. П. и Ѳ. П. Корниловы,—П. С. Коробка,—А. Коробовъ,—П. А. Коробьинъ,—І. А. Корозо,—Я. И. Коростовцевъ,—А. Корсаковъ,—профессоръ Д. А. Корсаковъ,—баронъ Корфъ,—Г. Ѳ. Корчевскій,—А. И. Косичъ,—Юстина Вильгельмовна Косова, рожд. Кюхельбекеръ,—М. Костылевъ,—Ѳ. Н. Костюковъ,—Н. П. Косяровскій,—А. К. Коховская,—Иванъ А. Кравцовъ,—И. С. Кравцовъ,—Е. А. Краснопѣвцева,—И. В. Краснопѣвцевъ,—А. Я. Креминской,—В. Д. Кренке,—В. В. Крестовскій,—Ю. А. Крестцовъ,—баронъ Криденеръ,—Криницкій,—Н. О. Крузе,—М. Круповичъ,—С. Крутиковъ,—Н. К. Крыжановскій,—Крыжовъ,—А. Д. Крыловъ,—Н. А. Крыловъ,—Н. Г. Крыловъ,—П. И. Крюковъ,—А. И. Ксенженко,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ,—вдова ген.-лейт. Кузмина,—Н. А. Кузминскій,—А. Ѳ. Кузминъ,—В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ,—И. Кузминъ.—А. Кузнецовъ,—Е. В. Кузнецовъ,—В. К. Кукель,—А. Кулешовъ,—В. В. Кулжинскій,—В. Н. Куликова,—Н. Н. Куликовъ,—В. П. Кулинъ,—М. И. Кулишеръ,—П. А. Кулишъ,—С. Н. Кулябко,—академ. А. А. Куникъ,—М. А. Куплетскій,—И. К. Куприяновъ,—кн. Ѳ. А. и С. В. Куракины,—В. Курдановскій,—В. В. Курдюмовъ,—Курнаръ,—И. Курисъ,—М. Куроптевъ,—П. А. и А. А. Кусковы,—Н. Кутейниковъ,—Куцъ,—М. Н. Кучаевъ,—Ю. Кушакевичъ.

С. И. Лаврентьева,—Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—Я. Лавровъ,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—Е. Лазо,—І. А. Лазовъ,—М. А. Лакомте,—Е. И. Ламанскій,—И. Ланинъ,—г. Лангенау,—графъ Н. С. Ланской,—И. К. Лапотниковъ,—О. А. Ларіонова, по перв. мужу Соловьева, рожд. Арбузова,—проф. Герм. Авг. Ларошъ,—А. Ласкѣевъ,—Н. В. Латкинъ,—А. С. Лацинскій,—С. Лашкаревъ,—А. С. Лашкевичъ,—Ѳ. Ѳ. Лашмановъ,—А. Лебедева,—профессоръ А. Лебедевъ,—А. С. Лебедевъ,—проф. В. Лебедевъ,—В. И. Лебедевъ,—К. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Н. А. Лебедевъ,—Н. П. Лебедевъ,—Г. С. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—П. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—М. Ю. Левестамъ,—Н. Левитскій,—Г. П. Левицкій,—О. И. Левицкій,—художн. С. Л. Левицкій,—А. А. Левшинъ,—П. И. Лего,—М. М. Лемпицкій,—профес. Ленцъ (въ Марбургѣ),—Леоновъ,—Леопольдовъ,—Н. В. Лепешинской,—В. Н. Лермонтовъ,—И. В. Лермонтовъ,—В. В. Лецинскій,—К. Ф. Де-Ливронъ,—графъ Лидерсъ-Веймарнъ,—М. И. Лилеевъ,—А. Лин-

гъ,—И. А. Линниченко,—Н. О. Линовскій,—И. Линскій,—Липовицкій,—
Лисенко,—Д. Д. Лисенко,—М. М. Лисицынъ,—Н. М. Лисовскій,—П. Литвино-
—В. И. Лихачевъ,—А. Ѳ. Лишинъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—А. О. Лишина,—
А. Б. Лобановъ-Ростовскій, — Г. И. Лобовиковъ, — А. Ломачевскій, —
К. Ломизе,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ,—Л. Г.
патинскій,—С. П. Лопацкая,—П. В. Лопухина,—Н. Лопухинъ,—Е. А. Ло-
винскій,—Л. Я. Лосинскій, — Лоссовская, —Ю. С. Лось-Рошковскій,—І. В.
хвицкій,—Лошаковъ,—А. Луганинъ,—Я. И. Лудмеръ,—П. Ѳ. Лузановъ,—
кинскій,—свящ. А. А. Лунинъ,—В. К. Луцкій,—А. М. Лушниковъ,—
Львова,—А. Львовъ,—Анатолій Ник. Львовъ, — Л. Ѳ. Львовъ, — Ѳ. Ѳ.
вовъ,—А. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лыкошинъ,—Н. С. Лѣсковъ,—В. И. Лѣст-
цынъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—И. Людмиловъ,—М. И. Лядовъ,—
Я. Ляпуновъ,—Г. Г. Ляпуновъ,—А. І. Лященко.

К. Я. Маевскій,—Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—В. Я. Майборода,—А. Н.
айковъ,—академикъ Л. Н. Майковъ,—И. В. Майковъ,—епископъ Макарій,—
Н. Макаровъ,—Н. Я. Макаровъ,—от. П. Макаровъ,—А. Ѳ. Маккавѣевъ,—
н.-лейт. Маклаковъ,—д-ръ Максимовичъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Макси-
овъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—В. Н. Макшѣевъ,—Н. Н. Макшеевъ,—И. П.
алаховскій,—І. И. Малевичъ,—Н. Л. Малёмминъ,—Л. В. Малининъ,—от. И. П.
алиновскій,—П. Ѳ. Малиновскій,—И. Н. Мамакинъ,—Д. Н. Маминъ,—К. В.
амоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ,—А. П. Мансуровъ,—К. А. Мань-
овскій,—К. Д. Маразуевъ,—А. В. Мариновъ,—А. Л. Мариновъ,—А. А. Ма-
инъ,—А. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—О. М. Марковникова,—Е. Л.
арковъ,—М. О. Марксъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мар-
ыновъ,—А. Ѳ. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ, — Н. В. Масло-
ичъ,—А. Н. Масловская,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масловъ,—О. П. Ма-
афтина, —А. А. Матвѣевъ,—А. Н. Матвѣевъ, — А. П. Матвѣевъ, — Н. Е.
атвѣевъ, — У. П. Матвѣевъ, — худож. В. В. Матте, — Ив. Матченко,—
удожн.-граверъ И. И. Матюшинъ,—Н. А. Матякинъ,—А. Маховъ,—П. И.
ацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—А. А. Маюровъ,—Р. Т.
онъ-Мевесъ,—бар. И. К. Медемъ,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ, — бар.
ейендорфъ, — Н. К. Меллеръ, — Эм. Меллеръ,— И. В. Мельниковъ,—М. Ѳ.
ельницкій,—Н. Мельницкій, — бар. И. К. Мердеръ, — А. Е. Мерцаловъ,—
. Мечинскій,—И. И. Мечниковъ,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—
. М. Миклашевскій,—И. Миклашевскій,—профессоръ М. О. Микѣшинъ,—
. К. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—И. Миловидовъ,—графъ Г. А. Милорадо-
ичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—Н. С. Милошевичъ,—А. П. Милюковъ,—М. А.
Милютина, рожд. Абаза, по второму супружеству Стиль,—графъ Д. А. Милю-
гинъ,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—А. Н. Минхъ,—К. Мирзоевъ,—І. Мирono-
вичъ,—П. Мироносицкій,—С. Миропольскій,—А. И. Михайловъ,—В. Михай-
ловъ,—Влад. Вас. Михайловъ, — М. Ѳ. Михайловъ, — прот. В. Я. Михайлов-
скій,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—
полковн. Г. Михельсонъ,—Н. В. Мицно,—І. О. Мишинъ,—В. А. Модерахъ,—

профес. В. И. Модестовъ, — А. Ѳ. Можаровскій, — Е. Моллеръ, рожд. Муравьева, — Н. С. Моллеръ, — Мее. Мирон. Молчановъ, — Ф. Моль, — А. Морганъ, — Д. Л. Мордовцевъ, — А. Л. Моринovъ, — А. И. Моркевичъ, — П. И. Морозовъ, — П. О. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морошкина, — Я. Морошкинъ, — И. Московскій, — Мравинскій, — П. И. Музыкантовъ, — А. П. Муликовскій, — Г. А. Муравьевъ (внукъ декабриста), — гр. М. Н. Муравьевъ (внукъ Виленскаго), — о. П. И. Мурзакевичъ, — Н. С. Мусинъ-Пушкинъ, — М. А. Мусницкій, — Е. Ѳ. Муяки, — Авг. Ив. Мясковскій, — художн.-граверъ Ѳ. А. Мѣркинъ, — А. К. Мѣтлина, — Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій, — М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — А. Н. Надеждинъ, — В. Надпорожный, — К. В. Назарьева, — М. В. Назимова, — контръ-адм. Назимовъ, — от. А. Накропинъ, — А. П. Налимовъ, — В. Напорожскій, — Н. П. Наравовичъ, — П. Ѳ. Нарбутъ, — Н. Нарохницкій, — Е. А. Нарышкина, рожд. кн. Куракина, — П. И. Неболсинъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невѣровъ, — А. А. Неелovъ, — Н. Н. Неёловъ, — Ю. Ѳ. Нейманъ, — С. Неклюдовъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Н. В. Некрасовъ, — Нелидовъ, — Ѳ. Я. Немировскій, — Несвѣтаевъ, — графъ Д. К. Нессельроде, — Н. Я. Нестеровъ — А. А. Неустроевъ, — А. Н. Неустроевъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Неёловъ, — С. А. Никитенко, — В. Н. Никитинъ, — Д. Николаевъ, — М. Г. Николаевъ, — баронъ А. П. Николаи, — О. Ѳ. Николаи, — А. Никольскій, — А. А. Никольскій, — д-ръ Н. А. Никольскій, — С. Никольскій, — Р. Н. Никулинъ, — М. Д. Ниловъ, — Д. Ниловъ, — графъ Нирод, — Л. Л. Ничпаевскій, — А. П. Новицкій, — Н. М. Новицкій, — М. Д. Нововъ, — А. Г. Новоселовъ, — А. Е. Носъ, — С. Д. Носъ.

Обеверскій, — Облеуховъ, — кн. А. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. А. М. Оболенскій, — Н. А. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — А. Д. Оболовскій, — Н. А. Огарева-Тучкова, — К. И. Огаревъ, — П. Огіевскій, — Н. Н. Оглоблинъ, — П. И. Огородниковъ, — С. Ф. Огородниковъ, — А. К. Одинцовъ, — Н. А. Одинцовъ, — Н. Ф. Оже-де-Ранкуръ, — Н. П. Озеровъ, — Ю. А. Ознобишинъ, — Н. А. Окуневъ, — П. А. Олферовскій, — М. Я. Ольшевскій, — Н. О. Омельяненко, — Ольхинъ, — В. И. Онуприенко, — А. Онѣгинъ, — от. С. И. Опатовичъ, — И. И. Ореусъ, — В. Ф. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Ив. Никол. Орловъ, — П. А. Орловъ, — Ф. Ф. Орловъ, — А. В. Орѣшниковъ, — проф. Н. А. Осокинъ, — бар. Остенъ Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — бар. А. А. Остенъ-Сакенъ, — А. Острогорскій, — свящ. С. Остроумовъ, — В. А. Остряковъ, — П. Оскій, — М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ, — А. Ѳ. Павловскій, — Павловскій, — И. Ф. Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. Ѳ. Павловъ, — Н. А. Падаринъ, — П. П. Падучевъ, — архим. Паисій (изъ Абиссиніи), — Н. Х. Палаузовъ, — Н. А. Паленовъ, — Н. И. Палибинъ, — С. М. Палицынъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. и В. А. Панаевы, — художн. Панн емакеръ, — Н. И. Пановъ, — Вс. Панютинъ, — С. Ф. Па-

гинъ,—П. А. Панчулидзевъ-Вигель,—С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—
Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—Паризо-де-ла-Валеттъ,—Парландъ,
ситекторъ,—М. Д. Пархомовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—М. А.
ткуль, рожд. маркиза де-Траверсе,—Пафнутьевъ,—А. Пахолковъ—В. К.
шковъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—проф. І. Первольфъ,—П. М. Пер-
пинъ,—Г. Г. Перетцъ,—Э. П. Перцовъ,—Перфильева,—Н. А. Перфильевъ,—
ер.-лейт. Пестичъ,—проф. Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ.—С. Петровскій,—
ександръ Павл. Петровъ,—Андр. Ник. Петровъ,—проф. Н. И. Петровъ,—
Петровъ,—П. Н. Петровъ,—П. П. Петровъ,—Н. Г. Петроковъ,—от. Пир-
нгъ,—А. А. Пирогова,—В. Н. Пироговъ,—Н. В. Пирожковъ,—Анна Ник.
сарева,—С. П. Писаревъ,—В. В. Плаксинъ,—В. С. Плаксинъ,—А. А. План-
нъ,—Ю. Ѳ. Платонова,—Н. Н. Платуновъ,—А. В. Плетнева, рожд. княжна
етинина,—Н. А. Побѣдоносцевъ,—А. Повалишинъ,—А. А. Повало-Швый-
вскій,—А. Д. Погодинъ,—И. П. Поддубный,—И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Под-
гинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—профес.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—
. Ц. Поздѣевъ,—И. Г. Познанскій,—А. П. Покровскій,—В. И. Покровскій,—
. Ѳ. Покровскій,—протоіер. Г. Покровскій,—Н. В. Покровскій,—П. Н. По-
вой,—И. Полежаевъ,—А. П. Полетаевъ,—Н. И. Полетаевъ,—В. Н. Полива-
овъ,—Л. И. Поливановъ,—Н. А. Поливановъ,—Поликарповъ,—А. С. Полон-
кій,—Я. П. Полонскій,—А. Полторацкій,—В. Поляковъ,—профес. И. В. По-
ялоескій,—А. Пономаревъ,—Н. К. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—Ѳ. Поно-
аревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—В. Т. Поповъ,—И. С. Поповъ,—
Михаилъ Ив. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. Поповъ,—Т. П. Поповъ,—
І. И. Порай-Кошицъ,—С. С. Порошина,—А. П. Порто,—В. О. Португаловъ,—
І. В. Потокской,—полков. Потто,—Р. А. Потѣхинъ,—Н. Н. Правиковъ,—П. Я.
Прейсъ,—А. Преображенскій,—І. Д. Преображенскій,—А. О. Пржецлавскій,—
І. Г. Пржецлавскій,—Ф. И. Приходкинъ,—А. И. Проворовъ,—Д. И. Прозо-
овскій,—Прозоръ,—П. К. Прокоповичъ,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Про-
инъ,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. С. Пругавинъ,—С. Л. Пта-
ницкій,—В. В. Птицынъ,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А.
Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Пульхеровъ,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пу-
стоваловъ,—протоіерей М. Путинцевъ,—князь П. А. Путятинъ,—Е. П. Пу-
щенко,—П. А. Пушкаревъ,—А. А. Пущинъ,—А. И. Пущинъ,—А. Н. Пыпинъ,—
Д. М. Пѣтуховъ,—М. О. Пѣтуховъ,—Пѣшковъ,—А. П. Пятковскій.

В. Равизъ,—І. Радзиковскій,—И. Ф. Радзиковскій,—А. Ф. Радченко,—А. И.
Раевскій,—М. Н. Раевскій,—Раздеришинъ,—Рамбо,—А. Раменскій,—Е. К.
Раппъ,—А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—А. К. Ребогскій,—П. С. Ревякинъ,—
Р. А. Регменскій,—К. Я. Реймерсъ,—Ѳ. Ѳ. Рейнботъ,—П. С. Ремезовъ,—Н. В.
Реутскій,—Н. Ржавская,—Н. Ѳ. Ржегская,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. Ридин-
геръ,—Н. В. Ринкъ,—А. Ѳ. Риттихъ,—Н. Ѳ. Риттихъ,—В. И. Роборовскій,—
Д. А. Ровинскій,—Н. А. Роговъ,—А. И. Роджеръ,—А. И. Родзевичъ,—Г. И.
Родзевичъ,—Д. П. Родіоновъ,—В. Рожковъ,—от. протоіерей А. И. Розановъ,—
М. Г. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—докт. М. Б. Розенбергъ.—О. фонъ-Розен-

бергъ,—В. И. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—І. Ролке,—Г. Ѳ. Романенко-Ширый,—П. П. Романовичъ,—А. Н. Романовскій,—протоіерей А. Романовъ,—К. К. Романовъ,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—П. Б. Ротастъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—Ѳ. Рубановскій,—проф. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ,—Н. Я. Рубинштейнъ,—проф. М. И. Рубецъ,—С. А. Рудакова,—И. Г. Рудневъ,—К. И. Рудницкій,—К. К. Рудницкій,—Н. Рудыковскій,—баронъ В. Р. Руммель,—Л. Е. Руммель,—Е. Д. Руничъ,—А. Ѳ. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—В. Рыпковъ,—Е. С. Рѣпина,—художн.-професс. И. Е. Рѣпинъ,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—акад. П. И. Саввантовъ,—Л. М. Савеловъ,—А. А. Савельевъ,—А. В. Савельевъ,—А. И. Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Саитовъ,—А. П. Саламонъ,—П. И. Саламонъ,—графиня Е. В. Саліасъ, рожд. Сухово-Кобылина (псевдон. въ литерат. Евгенія Туръ),—В. Самариновъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—Н. А. Самойлова,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—Н. А. Сапожникова, рожденная Яленская,—А. Сапожниковъ,—Д. А. Саранчовъ,—М. Е. Саранчовъ.—А. Д. Сатинъ,—В. С. Саховъ,—Свамочкинъ,—артистъ П. М. Свободинъ,—И. Свѣдецовъ,—Н. П. Свѣчина,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—А. В. Селивановъ,—А. Ѳ. Селивановъ,—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—А. В. Семевская, рожден. Буташевичъ-Петрашевская,—докторъ русск. исторіи В. И. Семевскій,—Е. Н. Семевская, по перв. мужу Водовозова, рожд. Цевловская.—П. И. Семевскій,—Н. А. Семеновскій,—Д. Д. Семеновъ,—П. С. Семеновъ,—Н. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—П. П. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—А. Сементовскій,—Е. Семичева,—К. А. Семковскій,—К. К. Сент-Илеръ,—А. Н. Сергѣевъ,—от. П. Серебренниковъ,—А. Серебряковъ,—Л. М. Сердюкова,—И. О. Сержпутовскій,—Серно-Соловьевичъ,—И. М. Сибиряковъ,—графы Е. Е. и Н. Е. Сиверсы,—І. Сидорскій,—В. В. Сикорскій,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—И. Сиротининъ,—Н. Е. Сироткинъ,—Р. П. Ситовскій,—Н. Н. Скалонъ,—А. А. Скальковскій,—А. Е. Скальковскій,—К. А. Скальковскій,—художникъ Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ,—А. И. Скиноеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый,—Ѳ. М. Скородумовъ,—А. П. Скребицкій,—С. Д. Слатинъ,—Ж. Слѣпцова,—Арк. Слѣпцовъ,—О. Н. Смирнова,—свящ. А. Смирновъ,—А. В. Смирновъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—И. К. Смирновъ,—Смитъ,—В. Н. Смольяниновъ,—Смѣкаловъ,—Д. Д. Смышляевъ,—В. П. Снѣжневскій,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—Л. Н. Соболевъ,—С. Соболевъ,—А. П. Созановичъ,—М. В. Соймоновъ,—Н. М. Соковнинъ,—В. Соколовскій,—протоіерей А. Соколовъ.—А. И. Соколовъ,—А. Н. Соколовъ,—А. П. Соколовъ,—В. Т. Соколовъ,—Г. А. Соколовъ,—Е. И. Соколовъ,—Н. И. Соколовъ,—професс. Ѳ. Г. Солнцевъ,—г. Соловейчикъ,—Л. Ф. Соловьевъ,—М. В. Соловьевъ,—от. П. Соловьевъ,—П. И. Соловьевъ,—В. Солтанъ,—А. Е. Сомовъ,—А. И. Сомовъ,—С. Н. Сомовъ,—

З. М. Сорокинъ,—И. В. Сорокинъ,—Р. П. Сорокинъ,—Сосновская,—В. О. Сосновскій,—П. Т. Софіенко-Сумиловъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—М. И. Ставраки,—Станевичъ,—А. И. Станкевичъ,—С. А. Станкевичъ,—Н. Станкевичъ,—Е. П. Старицкій,—А. И. Старкъ,—Н. Старовъ,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. П. Степановъ,—М. П. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. Ѳ. Степановъ,—С. Стерлеговъ,—А. М. Стессель,—Стишевскій,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Н. В. Стороженко,—Стороженко,—А. Г. Стояновская,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—М. Страховскій,—А. Страховъ,—Н. Н. Страховъ,—А. И. Стригоцкій,—П. Р. Строгановъ,—В. Стромиловъ,—Н. С. Стромиловъ,—Строевъ,—Строинъ,—Б. В. Струве,—Д. М. Струковъ,—Д. П. Струковъ,—М. Д. Струковъ,—И. А. Стрѣльбицкій,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—М. М. Субботинъ,—И. Н. Суворовъ,—Н. И. Суворовъ,—С. Судаковъ,—В. Т. Судейкинъ,—І. М. Судіенко,—С. Н. Сулима,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—Н. Ѳ. Сумцовъ,—П. Суходольскій,—М. В. Сухотина,—Д. П. Сушковъ,—проф. П. П. Сущинскій,—Е. А. Сысоева,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова рожд. Тицъ.

А. О. Таборовскій,—Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкій,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,—графъ Н. И. Татищевъ,—бар. А. Ф. Таубе,—А. В. Телесницкій,—Е. А. Теляковскій,—Н. Теляковскій,—А. А. Телятниковъ,—Темниковъ,—В. В. Тенишевъ,—В. А. Тепловъ,—Ѳ. А. Теплоуховъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Н. Тетеревниковъ,—А. Т. Тимановскій,—А. И. Тимофѣевъ,—Вѣра Вас. Тимощукъ, рожденная Кузнецова,—Тимченко-Рубанъ,—Н. Титова,—А. А. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—Т. Тихменевъ,—И. Тихомировъ,—А. Е. Тихонравова,—Д. А. Тихонравовъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Т. А. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня С. А. Толстая,—Вас. Толстой,—В. М. Толстой,—гр. И. И. Толстой,—графъ Л. Н. Толстой,—гр. М. В. Толстой,—П. С. Толстой,—В. Н. Толстопятовъ,—Томашевъ,—А. М. Томилина,—А. П. Тонорининъ,—Н. Е. Топчіевъ,—П. Травинъ,—г. Трахтенбергъ,—Н. Трескинъ,—В. Третескій,—Пав. Мих. Третьяковъ,—Л. Н. Трефолевъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Н. А. Трохимовскій,—Д. А. Трощинскій,—П. Труневъ,—директоръ археологич. института А. Н. Труворовъ,—А. Тулова,—А. Д. Тумановъ,—князь К. М. Тумановъ,—В. В. Тунашевскій,—В. В. Туноменскій,—Турау,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—И. Н. Турчаниновъ,—В. А. Туръ,—В. Тухомлицкій,—С. А. Тучкова, рожд. Веригина,—Н. П. Тучковъ,—Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ,—И. А. Тютчевъ.

Д-ръ Ульрихсонъ,—А. М. Унковскій,—В. А. Успенскій,—М. П. Успенскій,—П. М. Устимовичъ.

Н. А. Фадѣева,—М. Н. Фатѣевъ,—Н. Федоровъ,—Н. М. Федоровъ,—Н. Федотьевъ,—А. Федоченко,—А. И. Фелькнеръ,—Я. Фетистовъ,—А. Фехнеръ,—

А. А. Филипповъ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова.—В. Д. Философовъ,—В. С. Флеринъ,—К. Н. Флиге,—Н. Ѳ. Фанъ-деръ Флитъ,—Д. Флоринскій, — К. Флугъ, — О. Е. Франкъ, — баронъ В. А. Фредериксъ,—Фрезе, — А. Г. Фрикенъ,—Фроловъ, —А. Е. Фролова, —Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Ханъ-Аговъ,—Харламовъ,—А. А. Хвостовъ,—И. К. Херсонскій,—Хитяковъ,—С. А. Хмырова,—Хмѣльницкій,—Н. Ф. Хованскій,—А. А. Хотяневъ,—В. И. Холмогоровъ,—Д. Ѳ. Хомутовъ,—П. Ф. Хомутовъ,— от. А. Хорошуновъ,—Г. Р. Хорули,—И. Е. Хорунженковъ,—А. Н. Хребтовъ,—П. Хрипановскій,—И. Христофоровъ,—Н. Христофоровъ,—М. Н. Хрущовъ,—А. Хрѣновскій,—Н. М. Хупотскій.

Профессоръ А. А. Цагарели,—Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ,—И. Е. Цвѣтковъ,—М. Р. Цебрикова,—Цебриковъ,—М. И. Цейдлеръ,—кн. Д. Н. Цертелевъ,—А. Цитовъ—Цыбышевъ.

Адамъ Мих. Чайковскій,—графъ Э. К. Чапскій,—А. И. Чарторижскій,—В. С. Чеважевскій,—В. Р. Чевскій,—Ѳ. Ѳ. Чекалинъ,—Н. М. Челищевъ,—Н. Т. Черевинъ,—И. А. Черемухинъ,—П. А. Черкесова,—И. Черновъ,—В. Ф. Чернышевъ,—М. Г. Черняевъ,—К. А. Четверухинъ,—В. Н. Чеховъ,—В. Е. Чешихинъ,—Г. С. Чирковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,—Л. М. Чичаговъ,—М. М. Чичаговъ, — А. Чичеринъ, — И. Чичеринъ, — Н. Ѳ. Чудовъ, — Н. Чуйковъ,—А. А. Чумиковъ.

Г. А. Эзовъ,—І. Эйзенъ-фонъ-Шварценбергъ,—Г. Эйнышъ,—А. Экземплярскій,—Э. Элерсъ,—Н. А. Энгельгардтъ,—Э. К. Энгманъ,—К. Г. Эрнротъ.

Н. Л. Шабельская,—А. С. Шагубатовъ, — Е. А. Шакѣевъ, — П. П. Шафѣевъ,—И. И. Шамшевъ,—проф. живоп. А. І. Шарлемань,—И. І. Шаталовъ.—Ф. А. Шатовъ,—В. И. Шаховской,—кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—П. Шванебахъ,—Е. Г. Шварцъ,—К. Н. Шварцъ,—П. В. Шейнъ,—Шелехова,—Л. Шемилинскій,—В. И. Шенрокъ,—Н. Шеншинъ, —А. Н. Шереметевскій,—А. В. Шереметевъ,—графъ С. Д. Шереметевъ,—М. М. Шемшуръ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—Н. И. Шигановъ,—Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—И. И. Шимко,—Н. Ширяевъ, — Н. И. Шишкинъ, — А. Д. Шишковъ, — С. Д. Шишковъ, — А. Шкляревскій, — Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,—И. А. Шляковъ,—Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—профес. Штейнгейль (въ Марбургѣ),—

Н. К. Штрандманъ, — г-жа Штукенбергъ, — А. И. Шубертъ, — С. Н. Шубинскій, — Д. П. Шубинъ-Поздѣевъ, — В. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ, — А. Д. Шумахеръ,—Е. С. Шумигорскій,—Д. Шумиловъ,—Шумлянскій,—А. Шуровскій.

Н. А. Щепкинъ,—Н. П. Щепкинъ,—С. П. Щепкинъ,—А. Щербаковъ,—Щербачевъ,—Н. Щеховскій,—В. Р. Щиглевъ.

М. Л. Юдинъ,—П. Л. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ,—Н. Юнгъ,—А. Я. Юргенсонъ,—К. А. Юргенсъ,—П. И. Юркевичъ,—И. Н. Юркинъ,—В. П. Юрловъ,—П. О. Юрченко,—Юшковъ.

И. Н. Явленскій,—Д. Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ,—проф. живоп. В. И. Якобій,—П. Н. Якоби,—В. А. Яковлевъ,—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Б. Якунчиковъ,—Вяч. Евгеніевичъ Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Янковскій, — Л. И. Янушъ, — А. И. Янъ,—М. А. Ярославскій, — С. А. Ярошъ, — П. Ясницкій, — В. Н. Ястребовъ, — Н. А. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова.

Н. Н. Ѳедоткинъ,—професс. Н. А. Фирсовъ.

Изд.-редакторъ «Русской Старины» Михаилъ Ивановичъ Семевскій членъ Археографической комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія;—почетный членъ археологическаго института,—почетный членъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ,—почетный членъ Ростовскаго (въ Ярославской губ.) музея церковныхъ древностей,—почетный членъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края;—членъ императорскихъ обществъ: любителей древней письменности (чл.-сотрудн., въ Спб.),—исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) университетахъ, — русскаго археологическаго общества (въ Спб.), русскаго географическаго и русскаго минералогическаго; — членъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій: Костромской, Нижегородской, Орловской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской и Тверской;— русскаго антропологическаго общества (въ Спб.); — историческаго общества при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ;—русскаго литературнаго общества (въ С.-Петербургѣ); — общества любителей Россійской словесности (въ Москвѣ); — Псковскаго статистическаго комитета, — и членъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.

[1870—1891 гг.].

24-го ноября 1891 г.

Вслѣдъ за списокъ нашихъ сотрудниковъ „Русской Старины“ долгомъ считаемъ поименовать, съ глубокою признательностію къ памяти, нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: И. С. Аксаковъ,—С. А. Амировъ, — профес. Ив. Ефим. Андреевскій, — Л. Н. Антроповъ, — А. П. Арбузовъ, — проф. Н. Я. Аристовъ, — А. И. Артемьевъ. — В. И. Асташевъ. — А. Н. Афанасьевъ, — А. Ѳ. Багговутъ. — К. Ѳ. Багговутъ,—Я. П. Баклановъ, —А. Д. Бантышъ-Каменская, —П. И. Барановъ. —А. А. Баранцевъ. — князь А. И. Барятинскій, — Л. П. Батюшковъ,—А. П. Башуцкій,—профес. Н. В. Бергъ,—Ад. П. Берже.—Андр. П. Берже,— Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ (декабристъ),— профес. М. И. Богдановичъ,—баронъ К. К. Богушевскій,—профес. О. М. Бодянскій,—М. П. Болотовъ,—Боричевскій,—художн. Н. К. Брезе,—адм. Бутаковъ,—баронъ Бутлеръ,—Н. Д Быковъ,—М. А. Бѣлуха-Кохановскій,—А. П Бѣляевъ (декабристъ), — профес. И. Д. Бѣляевъ, — В. Н. Ваксель,— гр. П. А Валуевъ, —И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ,—кн. А. И. Васильчиковъ,— Георгъ Веберъ (въ Гейдельбергѣ).—К. Н. Вельяминовъ.—Н. В. Веригинъ.—Ѳ. Ѳ. Винбергъ,—А. Ѳ. Волковъ,—Андрей Степанов. Вороновъ,—А. А. Востоковъ.— Н. М. Востоковъ,—баронъ Б. А. Вревскій,—И. В. Вуичъ,—А. Н. Вульфъ,— от. И. Гагаринъ (іезуитъ),—В. П. Гаевскій,—А. А. Гатцукъ,—О. Ф. Гейфельдеръ,— Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель,—профес. Эрнестъ Германъ (въ Марбургѣ),— П. П. фонъ-Гецъ,— А. Ѳ. Гильфердингъ,—Ѳ. Н. Глинка,—К. П. Голенко,—Я. Ѳ. Головацкій.—А. В. Головнинъ,—И. А. Гончаровъ,—свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ,—А. К. Гриббе, — профес. А. Д. Градовскій, — Я. И. Григорьевъ,—С. И. Гуляевъ,—В. Д. Давыдовъ,—В. И. Даль,—Г. П. Данилевскій,—Даниленко,— П. М. Дараганъ,—Н. Д. де-ла-Флизъ,— кн. П. П. Демидовъ санъ-Донато,— М. Ѳ. Де-Пуле,—Н. Н. Де-Прерадовичъ, —В. А. Дюбенко,—князь В. А. Долгоруковъ,— К. И. Домонтовичъ,—Н. П. Дуровъ,—И. И. Европеусъ,—А. П. Есиповъ, — Н. Н. Жеденовъ,—Н. Н. Жуковскій, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій, — Д. Н. Замятнинъ, — С. И. Зарудный, — К. И. Званцовъ, — К. К. Злобинъ, — И. Ѳ. Золотаревъ, — В. А. Золотовъ. — П. Д. Золотовъ, — П. Д. Зотовъ, —К. А. Зыбинъ,—А. И. Иванова, рожд. Анненкова,—Руфъ Игнатьевъ,—

В. А. Инсарскій,—А. Г. Казначеевъ,—Н. В. Калачовъ,— Ф. В. Каразинъ,— В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожден. Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — П. П. Каратыгинъ, — Е. П. Карновичъ, — Г. Ѳ. Карповъ,—С. Д. Карповъ,—бар. Кене,—Н. Х. Кетчеръ,—Д. И. Кипіани,—А. Н. Кирилинъ,— А. М. Княжевичъ,—О. А. Кобеко, рожд. Шакѣева,—профессоръ С. В. Ковалевская, рожд. Корвинъ-Круковская,—М. Е. Ковалевскій,—О. И. Константиновъ,—графъ М. А. Корфъ,—баронъ Н. А. Корфъ,—Я. Н. Костенецкій,— проф. Н. И. Костомаровъ,—Н. П. Котляревскій,—Всев. Порфир. Коховской,— графъ П. Е. Кёцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Красно кутскій,—И. И. Красовскій,—А. Н. Креницынъ,—генер.-лейт. Кузминъ,—Г. И. Кузминскій,—Н. И. Куликовъ,— С. Е. Кулѣша, —кн. А. Б. Куракинъ, — от. К. Кустодіевъ, — М. В. Кюхельбекеръ, — П. П. Ламбинъ,—профессоръ П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — Л. Л. Леонидовъ, — архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ),—А. Ф. Леопольдовъ,—Е. Ф. Лермонтова,—П. В. Лобановъ,—М. Н. Лонгиновъ,—графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—М. Н. Любощинскій, — княгиня С. А. Мадатова, — В. Н. Майновъ,—С. М. Макарова,—Л. С. Маковъ,— Б. М. Маркевичъ,—М. А. Марковъ,—от. Ив. Мартыновъ (іезуитъ),—Мих. А Мартыновъ, — кн. Н. Масальскій,—П. И. Мельниковъ,—П. К. Меньковъ,— П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ,—проф. О. Ѳ. Миллеръ,—Милюковъ,—М. Ѳ Мирковичъ,—М. П. Митковъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—И. Я. Морошкинъ,—от. М. Я. Морошкинъ,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ (декабристъ),— Ѳ. Н. Муратовъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—П. А. Мухановъ,—М. А. Назимовъ (декабристъ),—А. С. Наставинъ,—проф. и акад. А. В. Никитенко,—профес. А. И. Никитскій,—профес. В. В. Никольскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—А. Одинцовъ,—Ѳ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—Н. М. Орловъ (сынъ декабриста),— И. Т. Осининъ,—гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ,—А. Н. Островскій,—И. Д. Павловскій,—Т. П. Пассекъ,—И. А. Пашковъ,—акад. П. П. Пекарскій,—А. Г. Петровъ,—В. П. Петровъ,—профес. Н. И. Пироговъ,—А. С. Платовъ,—С. И. Погодина,—А. О. Подвысоцкій,—А. И. Подолинскій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,—Н. М. Пржевальскій,—О. А. Пржецлавскій, — М. М. Рангъ, — В. Ѳ. Ратчъ,—Н. А. Ратынскій,—А. В. Рачинскій,—М. Х. Рейтернъ,—Людмила Ив. Рикордъ,—Н. П. Розановъ,—М. П. Розенгеймъ,—баронъ А. Е. Розенъ (декабристъ),—ген.-лейт. Д. И. Романовскій,—е. и. в. Николай Максимиліановичъ Романовскій,—Н. И. Ростиславовъ,—В. А. фонъ-Роткирхъ (Теобальдъ),—Д. И. Рудаковъ,—А. И. Рыжовъ,—Д. П. Садовниковъ,—М. Е. Салтыковъ,—артистъ В. В. Самойловъ,—проф. И. И. Свѣязевъ,—П. Н. Свистуновъ (декабристъ),—А. С. Сгибневъ,—И. В. Селивановъ,—И. Е. Семевскій,—А. И.

Семевскій,—В. А. Семевскій,—Татьяна Мих. Семевская,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина, рожден. Семевская,—Д. И. Скобелевъ,—акад. и проф. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Т. А. Сосновскій.—А. Л. Спаскій,—Е. Э. Старковъ,—Н. И. Стародубскій,—Н. П. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Э. И. Стоговъ,—В. Я. Стоюнинъ,—кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—от. А. П. Сулоцкій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—о. протоіерей Арс. Вас. Тачаловъ,—А. Е. Теляковскій,—В. П. Титовъ,—К. Н. Тихонравовъ,—Токарева,—графиня А. И. Толстая,—графъ Д. А. Толстой,—графъ Ѳ. П. Толстой, — А. В. Топоровъ,—В. Г. Трироговъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—С. И. Турбинъ,—И. С. Тургеневъ, —М. П. Тучковъ,— кн. С. Н. Урусовъ,—В. И. Фелькнеръ,—баронъ А. Фредериксъ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—А. В. Фрейгангъ,— М. Д. Хмыровъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, —Н. Р. Цебриковъ (декабристъ),—А. Цимбалистовъ,—Мих. Чайковскій (Садыкъ-паша),—В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ,—ген.-адъют. К. В. Чевкинъ, — И. А. Чернавскій, — Е. В. Чешихинъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — П. А. Чумиковъ, — Н. К. Чупинъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. Д. Шестаковъ,—Ѳ. А. Шидловскій,—І. И. Шишкинъ,—Т. И. Шишкинъ,—баронъ В. И. Штейнгейль (декабристъ),—А. И. Штукенбергъ,— В. К. Шульцъ, — П. К. Щебальскій,—М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—А. И. Языковъ,—Ястржемскій,—А. Н. Яхонтовъ.—Б. М. Ѳедоровъ,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бо́льшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже цѣлые фамильные архивы, напр. братьевъ Бестужевыхъ, К. В. Чевкина и др.,—находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“, и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

[1870—1891 гг.].

24-го ноября 1891 г.

„Русская Старина“ и ея подписчики въ 1891 году.

В 1891 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

Акмолинской обл.	24	24. Иркутской губ.	47
Амурской обл.	13	25. Казанской	77
Архангельской губ.	14	26. Калишской.	11
Астраханской	30	27. Калужской.	41
Бакинской	22	28. Карской обл.	6
Бессарабской.	60	29. Кіевской губ.	140
Варшавской.	77	30. Ковенской	31
Виленской	48	31. Костромской.	39
Витебской	32	32. Кубанской обл.	46
Владимірской	64	33. Курляндской губ.	13
Вологодской	27	34. Курской	67
Волынской	60	35. Кутаисской	23
Воронежской	67	36. Кѣлецкой	9
Выборгской.	11	37. Лифляндской	50
Вятской	51	38. Ломжинской	20
Гродненской.	43	39. Люблинской	29
Дагестанской обл.	14	40. Минской.	34
Донской обл.	49	41. Могилевской	23
Екатеринославской губ	82	42. Московской.	47
Елисаветпольской	14	43. Нижегородской	47
Енисейской.	16	44. Новгородской.	49
Забайкальской обл.	44	45. Нюландской	10
Закаспійской обл.	26	46. Олонецкой	18

47. Оренбургской 26
48. Орловской 71
49. Пензенской. 33
50. Пермской 82
51. Петроковской 17
52. Плоцкой 19
53. Подольской 59
54. Полтавской 105
55. Приморской обл. 43
56. Псковской губ. 40
57. Радомской 10
58. Рязанской 51
59. Самаркандской обл. 3
60. Самарской губ. 46
61. С.-Петербургской. 67
62. Саратовской 78
63. Семипалатинской обл 12
64. Семирѣченской 11
65. Симбирской губ. 41
66. Смоленской. 51
67. Ставропольской 23
68. Сувалкской. 16
69. Сѣдлецкой 14
70. Сыръ-Дарьинской обл. . . . 26
71. Тавастгусской губ. 2
72. Таврической 112
73. Тамбовской. 82
74. Тверской. 50
75. Терской обл. 3
76. Тифлисской губ 7
77. Тобольской. 2
78. Томской 1
79. Тульской. 5
80. Тургайской обл. . . . . .
81. Уральской обл. . . . . .
82. Уфимской губ. 1
83. Ферганской обл. 1
84. Харьковской губ. 11
85. Херсонской. 17
86. Черниговской 4
87. Эриванской 1
88. Эстляндской 4
89. Якутской обл 1
90. Ярославской губ. 3

Итого 368

II. **Въ Москвѣ:**

съ достав. и чрезъ магазины — 36

III. **Въ С.-Петербургѣ:**

съ достав. и безъ доставки — 105

IV. **За границею** 5

Всего разошлось въ 1891 г. . 5150

Завѣдующая экспедиціей журнала „Русская Старина“ *Анна Ник. Шварева.*

24 ноября 1891 г.
С.-Петербургъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ LXIX, LXX, LXXI и LXXII томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1891 г.

Абакумовъ, Ф. И., подполковн. артил., сообщ.: «Взятіе парохода «Тигръ» 30-го апрѣля 1854 г.», т. LXXII, 485—488.

Абакумовъ, сенат. 1830 г., т. LXIX, 526, 527.

Аберду, художн.-граверъ, т. LXIX, 617.

Абрамовичъ, полковникъ 1839 г., томъ LXIX, 35.

Абрамовъ, воспит. Тамбов. гимн. 1834 г., т. LXIX, 233.

Августъ II, кор. польскій, т. LXXII, 26, 27.

Авенаріусъ, В. П., писатель, его стих. на юбилей сенатора А. Д. Шумахера, т. LXIX, 479 — 482, упом. 478, томъ LXXI, 321.

Аврамовъ, Ив. Борисов., поруч. ген. штаба, декабристъ, т. LXXII, 67.

Агапѣевъ, Петръ, сообщ.: «Василій Андреевичъ Жуковскій 1849 г.», т. LXXI, 195—197.

Адановичъ, И. С., т. LXXII, 600.

Адлербергъ, гр., Александръ Влад., ген.-ад., р. 1818 г., † 1888 г., т. LXIX, 101, 638, 639, 674, т. LXX, 722, томъ LXXI, 284, 551, т. LXXII, 405, 418, 426.

Адлербергъ, гр., Влад. Өед., ген.-ад., т. LXIX, 22, 45, 52, т. LXX, 274, 275, т. LXXI, 574, т. LXXII, 399.

Айвазовскій, Ив. Конст., проф. живописи, р. 1817 г., т. LXIX, 250, 602, 746, т. LXXI, 68, 69, т. LXXII, 631.

Анара, восп. Дворян. полка 1848 г., т. LXIX, 685.

Аккерманъ, швед. послан. въ Австріи, т. LXXII, 34, 35.

Аксаковъ, Григорій Сергѣевичъ, томъ LXIX, 242.

Аксаковъ, Ив. Серг., р. 1823 г., † 1886 г., т. LXIX, 53, 204, 242, 243, 264, 359, 588, 757, т. LXX, 403, 407, т. LXXI, 93, 98, т. LXXII, 434, 671, 672.

Аксаковъ, Конст. Сергѣев., т. LXIX, 242, 243, 264.

Аксаковъ, Серг. Тимоѳ., томъ LXIX, 44, 242.

Аксаковы, т. LXIX, 242, 243.

Аладьинъ, изд. альманаха «Букетъ» 1829 г., т. LXX, 72, 116, т. LXXII, 655.

Алачеева, княгиня остятская, Анна, т. LXXI, 398, 399.

Алачеевъ, Лобанъ, князь остяцкій 1628 г., т. LXXI, 396, 397.

Алачеевъ, Мих., кн. остяцкій 1628 г., т. LXXI, 395, 396, 397.

Алачеевы, остяцкіе князья, т. LXXI, 395, 399, 401.

Албрандъ, Николай, сообщ.: «Изъ жизни Никанора Бровковича, архіепископа херсонскаго и одесскаго», т. LXIX, 771—775.

Александра Іосифовна, великая княгиня, т. LXIX, 782.

Александра Николаевна, вел. княгиня, т. LXX, 669, т. LXXI, 251.

Александра Петровна, вел. княгиня, т. LXXI, 558, т. LXXII, 402.

Александра Ѳеодоровна, императрица, р. 1798 г., † 1860 г., т. LXIX, 425, т. LXX, 304, 513, 668, 670, 671, т LXXI, 540, т. LXXII, 407, 408, 409, 411, 420.

Александръ I, императоръ, р. 1777 г., † 1825 г., т. LXIX, 9, 10, 13, 20, 107—110, 147, 151, 161, 166, 174, 177, 186, 191, 248, 517, 533, 537, 539, 541, 556, 588, 789, т. LXX, 1, 4, 10, 16, 28, 34, 53, 119, 120, 252, 278, 312, 320, 325, 474, 530, 546, 672, 682, 683, т. LXXI, 109, 112, 136, 229—231, 462, 464, 478, 479, 488, 492, 496—528, 586, т. LXXII, 7, 55, 108, 285, 446, 447, 492, 530, 662, 667, 694, 695.

Александръ II, императоръ, р. 1818 г., † 1881 г., т. LXIX, 49, 53, 129, 147, 148, 228, 384, 401, 474, 496, 500, 636—674, 702, 707, 718, 750, 769, 784, 785, 789, 790, т. LXX, 24, 33, 43, 152, 159, 164, 175, 182, 186, 187, 194, 198, 205—207, 216, 252, 381, 391, 403, 407, 508, 509, 512, 605, 611, 612, 618, 637, 638, 645—649, 669, 678, 683, 685, 690, 719—726, т. LXXI, 88, 89, 94, 207, 208, 240, 241, 244, 251, 274, 275, 280, 295—308, 316, 386, 551, 554, 558, 560, 561, 574, 579, 584, 587, т. LXXII, 143, 145, 174, 177, 181, 394, 411, 424, 436, 439, 489—497, 644, 657, 663, 664, 691, 694, 699—706.

Александръ III, императоръ, т. LXIX, 395, т. LXX, 208, 210, т. LXXI, 286, 587, 648, т. LXXII, 657, 660.

Александръ, принцъ Виртембергскій, т. LXIX, 1.

Александръ, принцъ Оранскій, † 1849 г., т. LXIX, 1—38.

Александръ Арчиловичъ, царевичъ Имеретинскій 1705 г., т. LXXII, 17.

Александровъ, студ. 1834 г., т. LXX, 659, 660, 668.

Алексѣевъ, Василій, священ. 1770 г., т. LXXI, 184.

Алексѣевъ, учен. акад. удож. 1818 г., т. LXIX, 623.

Алексѣй Александровичъ, вел. кнзь, т. LXXI, 586.

Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629, † 1675, т. LXXI, 396, 429, 436, 475, т. LXXII, 253, 531.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, род. 1690, † 1718 г., т. LXX, 602.

Алимпіевъ, А. П., т. LXIX, 335.

Аллань, актеръ, т. LXXII, 195, 196.

Алферьева, Екат. Павловна, въ зам. Маслова, т. LXXI, 248—250.

Алферьева, Марія Павловна, том. LXXI, 249.

Алферьевы, т. LXXI, 247.

Алхазовъ, воспит. Дворянскаго полка 1848 г., т. LXIX, 688, 689, 690, 696, 697.

Альфонскій, В. А., сообщ.: «Дмитрій Васильевъ Ломоносовъ, братъ М. В. Ломоносова», т. LXIX, 219—220.

Амантовъ, подполковникъ 1853 г., том. LXX, 263.

Амбразанцева, Марья Ив., помѣщица. 1830 г., т. LXXI, 374.

Ананьевъ, т. LXXI, 272.

Андреевская, Анна Николаев., супруга проф., т. LXXI, 206.

Андреевскій, Ив. Ефимов., тайн. сов. директ. археолог. инст., р. 1831, † 1891 г., т. LXIX, 467, т. LXXI, 203—208, 643—644, т. LXXII, 430.

Андреевъ, Алексѣй Аѳанасьевичъ, т. LXIX, 234.

Андреевъ, Алексѣй Семен., педагогъ 1835 г., т. LXIX, 424.

Анна Іоанновна, импер-ца, р. 1693 г., † 1740 г., т. LXIX, 172, 218, т. LXXI, 174, т. LXXII, 290, 295, 591, 693.

Анна Леопольдовна, правительница, р. 1718 г., † 1746 г., т. LXXII, 161.

Анна Михайловна, царевна, 1689 г., т. LXXII, 252.

Анна Павловна, вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. LXIX, 1, 29.

Анненковъ, Григ., полковн. 1706 г., т. LXXII, 29.

Анненковъ, Пав. Васил., писатель, т. LXIX, 51, т. LXX, 146, 149, т. LXXI, 33, 251.
Аносовъ, горн. инжен. 1854 г., томъ LXXI, 336.
Анрепъ-Эльмтъ, гр-ня, т. LXXII, 419.
Антонскій, А. А., см. Прокоповичъ-Антонскій.
Антошевскій, полковникъ 1854 г., т. LXIX, 579.
Анучинъ, Дм. Гавр., т. LXIX, 781.
Анциферовъ, Андреянъ Алексѣевичъ, купецъ 1770 г., т. LXXII, 593.
Анцыферовъ, капит. 1848 г., т. LXIX, 685, 686, 687, 693.
Анненковъ, Никол. Никол., государств. контролеръ 1860 г., чл. госуд. сов., † 1865 г., т. LXIX, 23, 335, 754, т. LXXI, 107, т. LXXII, 402.
Аольковскій, бывш. воспит. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Апостолъ, Даніилъ, полковн. 1706 г., т. LXXII, 25—31.
Апполосъ, архимандр., т. LXX, 653.
Апраксина, гр-ня, Наталья Владим., т. LXIX, 577.
Апраксина, гр-ня, Софья Петровна, рожд. гр-ня Толстая, т. LXIX, 572, 574, 577.
Апраксина, гр-ня, т. LXXI, 551.
Апраксина, гр-ня, т. LXIX, 16, 23.
Апраксинъ, гр., В. В., гл. редакц. ком. 1860 г., т. LXIX, 370, 790.
Апраксинъ, Степ. Степанов., ген.-анш. 1810 г., т. LXXII, 209, 210.
Апраксинъ, адмир. 1697 г., т. LXXII, 209, 210.
Апраксинъ, орловск. предв. дворян. 1860 г., т. LXXII, 417.
Апраксины, т. LXXI, 277, 550, 551, 552, т. LXXII, 209.
Аракинъ, А. Т., тайн. сов., тов. мин. юстиціи 1891 г., т. LXIX, 477.
Аракчеева, Елисав. Андреевна, рожд. Ветлицкая, р. 1750 г., † 1820 г., т. LXXI, 405.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., ген. артил., р. 1769 г., † 1834 г., т. LXIX, 192, 562, т. LXX, 55, 60, 271—272, т. LXXI, 404—407, т. LXXII, 225, 564, 662, 663.
Аракчеевъ, Андрей Андреев., т. LXXI, 404, 405—407.
Аралова, классная дама Екатерин. инст. 1864 г., т. LXX, 164.
Арбузовъ, А. П., контръ-адмир., томъ LXXI, 353.
Арбузовъ, Алексѣй Ѳед., ген.-ад., род. 1796 г., † 1861 г., т. LXX, 681—694.
Арбузовъ, Д. А., сообщ.: «Алексѣй Ѳедоровичъ Арбузовъ, ген.-адъют. 1796—1861 гг.», т. LXX, 681—694.
Арендтъ, Никол. Ѳед., лейбъ-мед. 1839 г., т. LXX, 364.
Аристовъ, А. Д., помѣщ. 1794 г., томъ LXXII, 600.
Аристовъ, Н. Я., проф., т. LXXI, 420.
Арнаутовъ, предвод. Углицк. уѣзда Ярослав. губ. 1861 г., т. LXIX, 470 471, 472.
Арнольди, генер. 1830 г., т. LXIX, 522.
Арсеній, еписк. старорус. 1799 г., т. LXXI, 185.
Арсеній, іеромонахъ Анзерск. скита 1830 г., т. LXXI, 192.
Арсеньевъ, Илья А., т. LXIX, 100, 226, 334, 336—339, 362.
Арсеньевъ, Конст. Ив., проф. спб. ун. 1828 г., акад., т. LXIX, 437, т. LXX, 464, 655.
Арсеньевъ, Конст. Констан., писатель, т. LXIX, 199, 226, 426, 504.
Арсеньевъ, Ф. А., сообщ.: «Устьсысольская старина. Разбойники», томъ LXIX, 216—218, т. LXXI, 174—178.
Арсеньевъ, предсѣд. москов. окружн. суда 1867 г., т. LXXII, 441.
Артанзіевъ, кн., Семенъ, остяцкій кн. 1864 г., т. LXXI, 395.
Артемьевъ, т. LXIX, 338.
Арцимовичъ, Викт. Ант., д. тайн. сов., первоприсутств. въ I-мъ деп. сената, т. LXIX, 477, 781, 786, т. LXX, 24, т. LXXI, 146.
Ассебургъ, т. LXXII, 284.
Асмусъ, т. LXIX, 604.
Астафьевъ, полковн. 1856 г., т. LXX, 613.

Астафьевъ, доцентъ спб. унив. 1864 г., т. LXX, 142.
Асташевъ, купецъ 1837 г., т. LXXII, 234.
Атласовъ, Владим., покорит. Камчатки 1697 г., т. LXXII, 12, 13, 14, 18, 21.
Атрѣшкова, Елисавета Ив., т. LXX, 38, 39.
Атрѣшкова, Марія Ив., т. LXX, 37, 38, 39.
Атрѣшковъ, Наркизъ Ив., т. LXX,, 37 38, 451, 452.
Афанасьевъ, Г., сообщ.: «Переписка на березовой корѣ въ Камчаткѣ въ 1767—1768 гг.», т. LXXII, 222—223.
Афанасьевъ, художн. 1785 г., томъ LXXII, 595.
Ахметова, Елисав. Николаевна, писательница, т. LXX, 415.
Ахметка, башкирскій шуть 1850 г., т. LXXII, 138.
Ахте, воен. инжен. 1854 г., т. LXXI, 336.
Аѳанасій, еписк. томскій 1840 г., томъ LXXII, 236.

Бабинъ, маіоръ 1840 г., т. LXXI, 359, 360, 363.
Бабетъ, профессоръ, 1867 г., т. LXIX, 99, 100, 102, 440, т. LXXII, 163.
Багговутъ, полковн. 1839 г., т. LXIX, 21.
Багратіонъ, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., род. 1756 г., † 1812 г., т. LXIX, 105, т. LXXI, 468, т. LXXII, 43.
Багратіонъ, кн., адъют. 1839 г., т. LXIX, 3.
Бажановъ, протопресв., т. LXX, 382, 459, т. LXXI, 87, т. LXXII, 174.
Базаровъ, Алексѣй, т. LXXI, 615.
Базили, помѣщикъ 1855 г., т. LXXI, 85.
Базилевская, г-жа, т. LXXI, 582.
Баклановъ, Яковъ Петров., генер.-лейт. 1867 г., т. LXXII, 175.
Бакунина, Екатерина, сообщ.: „Ѳ. Н. и А. П. Глинки. Замѣтка", т. LXX, 218.
Бакунинъ, Ив. Мих., чиновн. 1846 г., т. LXIX, 268.
Бакунинъ, Мих. Алексдр., т. LXIX, 363, 376, т. LXX, 594, 599.
Бакунинъ, Николай, т. LXX, 348.
Бакунинъ, Павелъ, т. LXX, 348, LXXI, 583.
Бакшеевъ, поруч. 1854 г., т. LXXI, 33[illegible]
Балабинъ, В. П., послан. въ Вѣнѣ, т., т., LXXII, 696.
Балинскій, Ив. Мих., профес., психіатръ, т. LXX, 362, 363, 365.
Балугіанскій, профес. 1812 г., т. LXXI, 489-491.
Банашъ, спб. полиціймейст. 1864 г., т. LXX, 138, т. LXXI, 130.
Баранова, рожд. Лосева, т. LXIX, 771, 772, 773.
Баранова, гр—ня, т. LXXI, 557.
Барановъ, Алексѣй Евг., сообщ.: „На рѣкѣ Амурѣ въ 1854—1855 гг., воспоминанія", т. LXXI, 327—354; томъ LXXII, 506.
Барановъ, гр., Эд. Трофимов., ген.-губ. зап. края 1866 г., т. LXXI, 576, т. LXXII, 588.
Барановъ, генер. 1891 г., томъ LXX, 255, 261.
Барановъ, помѣщикъ 1880 г., томъ LXIX, 771.
Барановъ, тверск. губернат. 1860 г., т. LXX, 725.
Барановъ, купецъ 1830 г., т. LXXI, 193.
Барановскій, Викт. Ив., † 1864 г., т. LXIX, 91, т. LXX, 137, 154, 155.
Барановскій, С. И., профес. 1867 г., т. LXXII, 172.
Баратовъ, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Баратынскій, Евгеній Абрам., поэтъ, † 1844 г., т. LXIX, 138, 751.
Баратынскій, адъют. 1830 г., т. LXX, 63, 269.
Бардаковъ, Ив. Семенов., т. LXXII, 481.
Баркгаузенъ, Д. К., офиц. 1801 г., т. LXIX, 553.
Баркгаузенъ, И. К., капит. 1801 г., т. LXIX, 549.
Барклай-де-Толли, князь, Михаилъ Богдан., воен. мн-ръ 1812 г., р. 1761 г., † 1818 г., т. LXIX, 105, т. LXXI, 464, 472, 502, 509, 510, 511, 512, 513, 520, т. LXXII, 43, 446.

Зарецкъ, Н. И., профес., сообщ.: «Иванъ Ефимовичъ Андреевскій. Замѣтка», т. LXXII, 430.
Зарецкъ, Ив. Платон., т. LXXII, 475, 476.
Зартеневъ, Юрій Никитичъ, т. LXIX, 254.
Зарѣцкій, профес. 1840 г., т. LXX, 464, т. LXXI, 582.
Зарыковъ, Ѳ. Л., сенаторъ, т. LXIX, 186, 197, 781.
Зарятинская, княгиня, 1789 г., т. LXXII, 547, 548.
Зарятинскій, кн., Александ. Ив., фельдм., т. LXIX, 15, 572, 635, 671, т. LXX, 343, 345, 346, 604, 611, 613, т. LXXI, 552, т. LXXII, 145, 401.
Зарятинскій, Анатолій Ив., командл.-гв. Преображ. пол., т. LXIX, 671, т. LXXII, 145.
Зарятинскій, кн., Владим. Ив., т. LXIX, 668, 669, 670, 671, 672.
Засаргинъ, Никол. Васильев., декабристъ, † 1861 г., т. LXXII, 104, 108, 110, 111.
Засинъ, пансіон. акад. худож. 1829 г., т. LXX, 73.
Засѣкановъ, † 1840 г., т. LXXII, 72.
Затѣнковъ, Гавр. Степ., декабристъ, т. LXX, 55.
Затюшковъ, Конст. Никол. 1812 г., т. LXXI, 528.
Затюшковъ, Помпей Никол., д. тайн. сов., поч. опекунъ, т. LXIX, 370, 752.
Зауеръ, профес. 1866 г., т. LXIX, 747, т. LXX, 142, 144, 145.
Заумгартенъ, поруч. 1840 г., т. LXXI, 363, 367.
Захметьевъ, т. LXIX, 580.
Захрушинъ, Алексѣй Петров., т. LXXII, 210, 211.
Захтеевъ, оберъ-мундшенкъ 1737 г., т. LXXII, 592.
Захтинъ, Никол. Ив., чл. госуд. сов. 1859 г., т. LXXI, 270, 569.
Звегеръ, генеральн. консулъ Сиріи и Палестины 1860 г., т. LXIX, 597.
Звегровъ, художн., т. LXIX, 225.
Звезакъ, т. LXXI 585.
Звезбородко, кн., Александръ Андреев., вице-канцл., † 1799 г., т. LXXII, 547.
Звезобразовъ, Александръ Мих. сенат., т. LXXI, 138, 139, 140, 141, 580.
Звезобразовъ, Влад. Павл., акад. 1864 г., т. LXX, 416, 419, 424, т. LXXII, 146, 433.
Звездный, чиновн. 1812 г., т. LXXI, 497.
Звездѣнный, П. А., т. LXX, 73.
Звездѣнные, т. LXXII, 629.
Звейне, художн., т. LXXI, 60.
Звекаревичъ, помѣщ. 1865 г., т. LXX, 654.
Звекарюковъ, А. А., чиновн. 1816 г., т. LXXII, 611.
Звекетовъ, профес. 1864 г., т. LXIX, 757, т. LXX, 156.
Звекверсъ, профес. м.-х. акад., † 1862 г., т. LXIX, 343, т. LXX, 378.
Звекверъ, Марія Н., т. LXXII, 652.
Звеклемишевъ, курлянд. вице-губернат. 1857 г., т. LXXI, 73, 79, т. LXX, 605, 613—616, т. LXXII, 148, 149.
Звековичъ-Черкасскій, т. LXX, 434.
Звекъ, 1811 г., т. LXXII, 667.
Звелдярминовъ, педагогъ 1860 г., томъ LXXI, 321.
Звельгардъ, генералъ 1854 г., т. LXIX, 699, 700.
Звеневскій, графъ, т. LXXII, 563.
Звенедиктовъ, В. Г., писатель, т. LXIX, 41, 48, 484, т, LXXII, 89.
Звенетъ, воспитан. Дворян. полка 1848 г., т. LXIX, 688, 689.
Звенземанъ, офиц. 1850 г., т. LXXI, 351.
Звеницкій, А., т. LXX, 546.
Звенкендорфъ, гр., Александръ Христоф., ген.-ад., шефъ жандарм., род. 1783 г., † 1844 г., т. LXIX, 106, т. LXX, 274, 275, 285, 286, т. LXXI, 186, 368.
Звенниггсенъ, ген. 1812 г., т. LXIX, 105, т. LXXI, 523, 525.
Звенуа, Никол. Леонтьев., архитект., т. LXXI, 60.
Звергъ, Владим. (Вальтеръ), офиц.-артил., т. LXIX, 276.
Звергъ, Николай Васильев., писат. проф., р. 1823 г., † 1884 г. Посмертныя его записки 1833—1854 гг., т. LXIX, 229—

279, 579—600, упом. 675, 676, 762, т. LXX, 136, 218, 266, 470.
Бергъ, гр., Өед. Өед., ген.-фельдмарш., намѣстникъ Царства Польскаго, томъ LXIX, 29—32, 526, 532, 600, 741, 742, т. LXX, 180, т. LXXI, 274, т. LXXII, 439.
Вергеръ, воспитан. Дворян. полка 1848 г., т. LXIX, 683.
Бергманъ, Георгъ, т. LXXII, 227—229.
Березинъ, профессоръ, т. LXIX, 66, 70.
Березовскій, 1867 г., т. LXXII, 177, 432, 440.
Беренштамъ, В. Л., чл. литер. фонда 1891 г., т. LXIX, 504.
Беренштамъ, художн.-скульпт., томъ LXIX, 778.
Бересневичъ, Евг. Александ., епископъ, ректор. р.-к. духовн. акад. въ Спб. 1863 г., т. LXIX, 83, 725, т. LXX, 425, 426.
Берже, художн. 1839 г., т. LXXI, 531.
Берингъ, москов. об.-полицейм. 1848 г., т. LXIX, 267, т. LXX, 136.
Берингъ, т. LXXII, 398.
Верндъ, Карлъ, тит. сов. 1804 г., т. LXXII, 226—229.
Бернини, скульпт., т. LXXII, 326.
Берсеневъ, граверъ 1829 г., т. LXX, 86.
Берте, правит. канц. гл. управл. цензуры 1860 г., т. LXIX, 47, 50, 59, 81.
Бершатскій, профес. 1891 г., т. LXXI, 326.
Бессеръ, Викторъ Вильбальдовичъ, профес. м.-х. акад., † 1890 г., т. LXX, 368, 369.
Бестужева, Елис. Гаврилов., рожд. Осокина, † 1891 г., т. LXXI, 376, 377.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій), писат., декабристъ, род. 1797 г., † 1837 г., т. LXIX, 240, 241, 587, 633, т. LXXII, 70, 71, 85.
Бестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петровичъ, канцлеръ, т. LXXII, 291, 297, 298, 299, 593.
Бестужевъ, Алексѣй Васильев., помѣщ., † 1864 г., т. LXXI, 369, 370, 371, 373—380.
Бестужевъ, Андрей Васильев., бывш. управл. симбирск. удѣльн. конторою, т. LXXI, 379.
Бестужевъ, Григ. Васильев., витебск. губерн. предвод. дворян. 1830 г., т. LXXI, 371, 374, 377, 378, 379.
Бестужевъ-Рюминъ, Конст. Никол., проф., т. LXX, 419, т. LXXI, 587.
Бестужевъ, Николай Александр., капитан-лейт., первый по врем. историкъ флота, декабристъ, писатель, р. 1791 г., † 1855 г., т. LXXII, 80.
Бестужевъ, Петръ Васильев., т. LXXI, 374, 375, 376, 377.
Ветаки, полковн. 1891 г., т. LXX, 262.
Ветлингъ, акад. 1867 г., т. LXX, 397, т. LXXII, 673.
Веттихеръ, т. LXXII, 399.
де-Ветюнъ, маркизъ, фр. посолъ въ Варшавѣ 1689 г., т. LXXI, 420, 424, 426.
Вецкій, т. LXIX, 487.
Вибикова, г-жа, т. LXIX, 16.
Вибиковъ, Александ. Ильичъ, ген.-аншефъ 1773 г., т. LXXII, 3, 7.
Вибиковъ, Дм. Гавр., кіевскій ген.-губ. впосл. мн-ръ вн. дѣлъ, т. LXX, 181, 341, 343, т. LXXI, 137.
Вибиковъ, Илья, † 1856 г., т. LXX, 605.
Вибиковъ, кн., Петръ Андреев., 1867 г., т. LXXII, 680, 686.
Вибиковъ, чиновн. 1854 г., т. LXXI, 336.
Вибиковъ, т. LXXI, 107.
Видлоо, докт. при Петрѣ В., т. LXXII, 531.
Вилибина, г-жа, т. LXX, 679.
Вилибинъ, купецъ 1850 г., т. LXX, 679.
Виларскій, Спиридонъ Никол., акад. 1861 г., т. LXIX, 50, т. LXX, 150, 382, 399, 410, 411, 633, т. LXXI, 116, 617, т. LXXII, 158, 447.
Вильбасовъ, Вас. Алексѣев., профес., писатель, род. 1837 г., сообщ.: «Никита Панинъ и Мерсье де Ла-Ривьеръ 1762—1767 гг.», т. LXXII, 283—324, 507—529, упом. т. LXIX, 383, 714, 717, 727.
Бильдербекъ, бар., т. LXXII, 209.
Винеманъ, адвок. 1848 г., т. LXX, 173.
Виппенъ, Ник. Никол., сенат., т. LXIX, 781, т. LXX, 337.
Виппенъ, т. LXXII, 626.
Вирономъ, Іоганъ Эрнестъ, герц. курл., р. 1690 г., † 1772 г., т. LXXII, 161, 693.
Вирономъ, полковн. 1891 г., т. LXX, 261.

ирюковъ, воспит. Дворянскаго полка 1848 г., т. LXIX, 121, 122.
исмаркъ, кн., германск. канцлеръ, томъ т. LXXII, 687—712.
истромъ, бар., Адольфъ, т. LXXI, 76.
истромъ, К. И., генер. 1810 г., томъ LXX, 682.
Благовѣщенскій, Никол. Мих., проф., т. LXIX, 85, 446, т. LXX, 419, 626, т. LXXII, 172, 176.
Благосвѣтлова, Марія Андр., † 1835 г., т. LXXI, 415.
Благосвѣтлова, Раиса Евлампіевна, въ зам. Предтеченская, т. LXXI, 416.
Благосвѣтловъ, Александръ Евлампіевичъ, т. LXXI, 416.
Благосвѣтловъ, Григорій Евлампіевичъ, ред. «Русск. Слова», писатель 1865 г., томъ LXXI, 90, 301, 415—416.
Благосвѣтловъ, Евлампій, священникъ, † 1838 г., т. LXXI, 415, 416.
Благосвѣтловъ, Ив. Гавр., пономарь, † 1839 г., т. LXXI, 415.
Благосвѣтловъ, Серапіонъ Евлампіевичъ, т. LXXI, 415, 416.
Блессигъ, окулистъ 1864 г., т. LXX, 156.
Блиновъ, т. LXXII, 392.
Бліохъ, И. С., т. LXXI, 12.
Блудова, гр-ня, Антонина Дм., т. LXIX, 92, 370, т. LXX, 160, 164, т. LXXI, 274, 293, 299, т. LXXII, 163, 664—666, 686.
Блудовъ, гр., А. Д., студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX, 457.
Блудовъ, гр., Дм. Никол., мн-ръ вн. дѣлъ, † 1864 г., т. LXIX, 39, 51, 56, 61, 83, 103, 349, 370, 383, 385, 445, 497, 751—760, т. LXX, 47, 48, 149, 152—161, 174, 175, 347, 382, 401, т. LXXI, 133, 278, т. LXXII, 141, 399, 402, 404, 425, 426.
Блюментростъ, докторъ при Петрѣ I, т. LXXII, 531.
Блюхеръ, генералъ 1812 г., т. LXXI, 503, 504, 517, 525.
Боборыкинъ, Петръ Дмитр., писатель, т. LXXII, 663.
Бобринскій, гр., Влад., т. LXXII, 153.
Бобровъ, художн. 1886 г., т. LXIX, 778.
Бобровскій, Павелъ Осиповичъ, генер.-лейт., воен. писатель, т. LXXII, 217.
Богаевскій, Мих., сообщ.: «Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Могила героя», т. LXIX, 467, 468.
Богдановичъ, Модестъ Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г., т. LXX, 348, 546, т. LXXII, 44.
Богдановичъ, Рафаилъ Осипов., миров. посредн. 1861 г., т. LXIX, 77.
Богдановичъ, бывш. воспит. Констант. воен. учил., т. LXX, 260.
Богушевичъ, т. LXXII, 172.
Боденштедтъ, Фридрихъ, поэтъ и проф. т. LXXII, 232.
Водэ, баронесса, т. LXIX, 16.
Водэ, баронъ, томъ LXIX, 13, 14, 16, 22, 24.
Войковъ, актеръ 1860 г., т. LXXII, 206.
Вожеряновъ, П. К., сообщ.: „Владиміръ Ивановичъ Даль. Два его стихотворенія 1827 г.“, т. LXXII, 714.
Вокъ, Вѣра, въ зам. княг. Горчакова, т. LXXI, 268.
Волтинъ, полк. 1891 г., т. LXX, 262.
Вольдтъ, учитель 1848 г., томъ LXIX, 691, 692, 697.
де-Воранъ, г-жа, т. LXXII, 315.
Боргезе, князья, т. LXXII, 116, 117.
Верзинъ, Венедиктъ, прапорщ. 1776 г., т. LXXI, 182.
Воригартъ, Іохимъ, польск. полковн. 1706 г., т. LXXII, 27.
Борисоглѣбскій, священ. 1867 г., томъ LXXII, 180.
Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, царь, его указъ о мѣрахъ противъ голода. 3-го ноября 1601 г., т. LXXII, 499—504, упом. 531.
Бородинъ, Александръ Порфиріевичъ, профес. 1870 г., т. LXX, 129.
Бородинъ, полковникъ, батал. командир. Дворянск. полка 1828 г., т. LXX. 687.
Вороздна, смоленск. губернаторъ 1866 г., т. LXXI, 580.
Боссе, Гарольдъ, архит., т. LXXII, 638.
Боссе, художн. 1830 г., т. LXX, 324, 325, т. LXXII, 638.

Воткинъ, Вас. Петр., писат., т. LXIX, 40, 259, т. LXX, 146, т. LXXI, 110, т. LXXII, 664.
Воткинъ, Серг. Петр., † 12 дек. 1889 г., т. LXX, 378, т. LXXI, 108.
Воткинъ, Мих. Петров., художн., томъ LXIX, 225.
Вочмановъ, капитанъ-лейтен. 1850 г., т. LXXI, 350.
Вошнякъ, лейт. 1849 г., т. LXXI, 348.
Вравура, архит. 1848 г., т. LXXI, 545.
Врадзе, М. Е., попеч. кіевск., впосл. дерптск. уч. окр., т. LXIX, 98, 100, 101, 104, 394, 404, т. LXX, 196, 610, т. LXXI, 82.
Вразинскій, камердин. Екатерины II, т. LXXII, 543.
Бранденбургъ, скульпт. 1839 г., томъ LXXI, 253.
Бранденбургъ, т. LXXII, 464.
Брандтъ, Эдуардъ Карлов., профес. 1891 г., т. LXX, 377.
Враницкій, гр., Ксаверій, т. LXX, 341, 591, т. LXXII, 352, 353, 358, 359, 365.
Враницкіе, т. LXIX, 538.
Брантъ, писат., т. LXXI, 479.
Браудо, А. И., томъ LXXI, 419—450, т. LXXII, 241—281.
Вревернъ, лифл. вице-губерн. 1857 г., т. LXX, 342, 343, т. LXXI, 73.
Брейторнъ, А. Ѳ., художн.-граверъ, т. LXIX, 617, 618, 619, т. LXX, 74, 336, т. LXXII, 655.
Брейткопфъ, Э. Ѳ., т. LXXII, 112.
фонъ-деръ-Бриггенъ, Александръ Ѳед., полковн., декабр., † 1859 г., т. LXXII, 107, 108, 110.
Брижинскій, М. П., поруч. 1807 года, т. LXIX, 560.
Брикнеръ, А. Г., профес., сообщ.: «Екатерина II и докторъ М. А. Вейкардъ», т. LXXII, 531—564, упом. т. LXXI, 421.
Брискорнъ, т. LXXI, 111.
Врозинъ, полковн. 1812 г., т. LXXI, 503.
Брокъ, П. Ѳ., министръ финанс. 1853 г., т. LXIX, 658, 671, 672, 673, т. LXX, 343, 609, LXXII, 421, 422.
Врониковскій, Ксаверій, томъ LXIX, 282, 283, 287, 291.
Броссе, акад. 1864 г., т. LXX, 419.
Врохоцкій, бывш. воспит. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
де-Брунъ, Корнилій, т. LXXII, 491.
Бруни, г-жа, т. LXXI, 533.
Бруни, Ѳ. А., проф. живоп., т. LXX, 73, т. LXXI, 26, 27, 34, 241, 256, 533, т. LXXII, 121, 647.
Бруновъ, бар., русск. посолъ въ Лондонѣ 1844 г., т. LXIX, 568, 569.
Брюллова, въ замуж. Завьялова, томъ LXXI, 65.
Брюллова, рожд. Тимъ, т. LXXI, 62.
Брюлловъ, Александръ Павл., архит., т. LXIX, 606, 621, т. LXXI, 31, 63, т. LXXII, 631, 632.
Брюлловъ, Карлъ Павл., профес., акад. худож., † 1852 г., т. LXIX, 606, 613, 621, 789, т. LXX, 217, 561, 572, 573, 574, 575, 578, 580, т. LXXI, 31, 32, 33, 61, 62, 63, 64, 532, т. LXXII, 197, 632, 656.
Брюлловъ, Пав. Павл., т. LXXI, 63, т. LXXII, 632.
Брюлловъ, Ѳед. Павл., профес.-художн. род. 1793 г., † 1869 г., т. LXIX, 606, т. LXXI, 63, 65, т. LXXII, 632.
Брюсъ, гр., Яковъ Виллим., ген.-фельдцейхмейст., р. 1670 г., † 1735 г., томъ LXIX, 126, т. LXXII, 17, 213—215, 464.
Брянскій, артистъ, т. LXIX, 618.
Брянцевъ, актеръ 1860 г., т. LXXII, 206.
Вудбергъ, бар. 1767 г., т. LXXII, 316.
Вудбергъ, полковн. 1830 г., т. LXIX, 19, 517, т. LXX, 66.
Вулахъ, инспект. тамб. гимн. 1834 г., т. LXIX, 232.
Вулаховъ, П. П., т. LXXII, 206.
Вулгаковъ, Констант., т. LXIX, 257.
Вулгаковъ, т. LXXI, 277, т. LXXII, 146.
Вулгаринъ, Ѳад. Венед., род. 1789 г., † 1860 г., писатель, томъ LXIX, 627, томъ LXX, 526, 665, 666, томъ LXXII, 109, 655.
Вулыгинъ, членъ редакціон. коммиссіи 1860 г., т. LXXII, 401, 409—411, 413, 415, 416, 417, 420, 423.
Вульмерингъ, М. Б., врачъ, ген.-м. 1830 г., т. LXXII, 477, 478.

...нге, Никол. Христіан., д. тайн. сов., предс. комит. мн-въ, чл. госуд. сов., томъ LXIX, 477, 781—786, 790, томъ LXXI, 555.

...няковскій, В. Я., профессоръ, вице-презид. акад. наукъ 1863 г., т. LXIX, 132, 436, 761, томъ LXXI, 301, томъ LXXII, 174.

...рачокъ, изд. «Маяка», т. LXXII, 161.

...рдинъ, Ѳ. А., актеръ 1860 г., томъ LXXII, 203, 205.

...урзи, т. LXX, 607.

...урнашева, Екатер. Павловна, †, томъ LXXI, 451.

...урцевъ, астрах. плацъ-адъют. 1857 г., т. LXX, 444.

...услаевъ, Ѳ. И., профес. академ., томъ LXIX, 40, т. LXXII, 608.

...уссе, офицеръ 1854 г., томъ LXXI, 336, 352.

...утаковъ, кап.-лейт. 1849 г., т. LXX, 439, 440.

...уташевичъ-Петрашевскій, Михаилъ Васильев., см. Петрашевскій.

...утеневъ, посолъ въ Римѣ 1840 г., томъ LXXI, 37, 245, 540.

...утковъ, Влад. Петр., государств. секр. 1862 г., впосл. чл. государств. совѣта, т. LXIX, 336, 757, 758, т. LXX, 678, т. LXXI, 131, т. LXXII, 141, 424, 425.

Бутовскій, директ. деп. мануфактуръ 1861 г., т. LXIX, т. 97, LXX, 157, томъ LXXI, 553, 555.

Бутовскій, В., офицеръ, 1875 г., томъ LXX, 684.

Бутурлинъ, Дм. Петр., д. тайн. сов., сенат., директ. спб. публичной библ., р. 1790 г., т. LXIX, 519, т. LXX, 172.

Бутурлинъ, ген.-м. 1857 г., т. LXX, 446.

Бухмейеръ, А. А., капит. 1801 г., томъ LXIX, 549, 556.

Буцинскій, П. Н., писатель, т. LXXI, 397, 400.

Буцкій, Петръ Александр., т. LXX, 477.

Бухаринъ, генер.-консулъ въ Марселѣ 1859 г., т. LXXI, 551.

Бушъ, Ив. Ив., профес., вице-презид. м.-х. акад., т. LXX, 119, 123.

Бушъ, И. Ф., проф. М.-х. акад. 1811 г., т. LXX, 364.

Буяльскій, Илья Вас., заслуж. профес. спб. м.-х. акад., р. 1789 г., † 1866 г., т. LXX, 120, 124, 364, т. LXXI, 24, т. LXXII, 477, 479, 482, 484.

Быковъ, Александръ Мих., президентъ м.-х. акад., т. LXIX, 597, т. LXX, 127.

Быковъ, полк. 1846 г., т. LXIX, 572.

Быковскій, В. У., т. LXX, 447.

Быстржановскій, генер. 1850 г., томъ LXXII, 359.

Быстровъ, 1841 г., сибир., т. LXXII, 91.

Бычковъ, Аѳанасій Ѳед., академ., чл. госуд. совѣта, д. тайн. сов., р. 1818 г., т. LXIX, 380, 467, 477, т. LXXI, 96, 97, 282, 580, 588, 590, т. LXXII, 430, 543.

Бѣгичевъ, 1848 г., т. LXIX, 257.

Бѣдлоскій, офицеръ 1812 г., т. LXXII, 49, 50.

Бѣлевцовъ, ген. 1848 г., т. LXIX, 246.

Бѣлениновъ, Александръ, сообщ.; «Василій Ивановичъ Красовъ въ 1851—1854 гг.», т. LXXII, 232.

Бѣлинскій, Виссаріонъ Григ., р. 1810 г. † 1848 г., т. LXIX, 433, 451, 454, т. LXXI, 211, 236, т. LXXII, 87, 88, 107, 196, 657.

Бѣлкинъ, 1845 г., т. LXXII, 112.

Бѣлозерская, Надежда Александровна, пис-ца, сообщ.: «Василій Трофимовичъ Нарѣжный», т. LXX, 471—487, 523—546, т. LXXI, 1—23, 209—238.

Бѣлосельская-Бѣлозерская, княгиня, т. LXXI, 270, 590.

Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, кн., полк. 1840 г., т. LXXI, 358, 362.

Бѣляевъ, Ив. Дмитр., проф., т. LXXI, 391, т. LXX, 616.

Бѣляевъ, учитель, 1804 г., т. LXIX, 603, т. LXXI, 320.

Бьенемэ, скульпт. 1845 г., т. LXXI, 542.

Бэръ, Карлъ Максим., академ., р. 1781 г., т. LXIX, 380, т. LXX, 134, 397—399, 634, т. LXXI, 301, т. LXXII, 448, 497, 591, 592.

Бюлеръ, бар., Ѳ. А., д. тайн. совѣтн., почетн. опекунъ, нач. гл. архива мин. иностр. дѣлъ, сообщ.: «Fonton-de-Ver-

raillon», томъ LXXII, 473, 474, „Къ исторіи русско-французской дружбы", 687—712, упом. т. LXIX, 48.

Вадковскій, Ѳед. Ѳед., декабр., † 1844 г., т. LXXII, 100.

Вазаль, голланд. инжен. 1689 г., т. LXXI, 450.

Вакаръ, Платонъ, сообщ.: „Александръ Николаевичъ Сѣровъ", т. LXXI, 201—202.

Вакульская, Ольга Ив., въ зам. **Кухъ**, т. LXXI, 271, 559.

Вакульскій. Николай Ив., т. LXXI, 271.

Валуева, Анна Ив., рожд. Вакульская, т. LXXI, 271, 559.

Валуева. Елисав. Петров., въ зам. княг. Голицына, т. LXXI, 551, 552, 555, 558, 559.

Валуевъ, гр., Александ. Петр., т. LXXI, 552, 555, 558, 559.

Валуевъ, гр., Никол. Петров., штабсъ-ротмистръ 1891 г., т. LXX, 609, т. LXXI, 559, т. LXXII, 400.

Валуевъ, гр., Петръ Александров., чл. госуд. сов., † 1890 г., его Дневникъ 1874—1860 гг., т. LXX, 167—182, 339—360, 603—616, т. LXXI, 71—82, 265—278, 547—562, т. LXXII, 139—154, 393—429, упом. т. LXIX, 56, 90—94, 102, 104, 330, 332, 338, 339—361, 427, 428, 705—708, 747, 750, т. LXX, 153, 382, 385, 416, 417, 426, 497, 619, 625, 639, 643—645, 655, т. LXXI, 84—114, 281, 285, 286, 290, 296, 298, 302, 569, 572, 575—591, т. LXXII, 158, 160, 164, 166, 169, 170, 392, 441, 443, 662—665, 671.

Валуевъ, гр., Петръ Петров., т. LXXI, 559.

Валуевъ, Родіонъ Александр., т. LXX, 604.

Вальмонъ, лейтен. 1738 г., т. LXXII, 11.

Вальтердорфъ, графъ, т. LXXII, 546.

Вальцевъ, И. С., чиновн. 1816 г., т. LXXII, 611.

Вальцъ, докторъ 1861 г., т. LXIX, 53, 65, 95, 334, 747, 760, т. LXXI, 107, 306.

Варадиновъ, профес. 1864 г., т. LXIX, 92, т. LXX, 144, 545.

Варшавская, княгиня, см. **Паскевичъ**.

Василій I, вел. князь Московскій т. LXXI, 470.

Васильевъ, о., Іосифъ, настоят. посольск. рус. церкви въ Парижѣ 1850 г., т. LXIX, 371, т. LXXII, 360, 361, 364.

Васильевъ, Тимоѳ. Вас., акад. худож., т. LXIX, 615, 616, 622, 625, т. LXX, 249, т. LXXI, 24.

Васильевъ, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.

Васильевъ, т. LXX, 178.

Васильчикова, г-жа, т. LXXI, 247.

Васильчиковъ, кн., Александ. Иларіоновъ., писатель, т. LXXII, 409.

Васильчиковъ, кн., Иллар. Васил., ген.-отъ-кавал., ген.-ад., предсѣд. гос. совѣта, р. 1777, † 1847 г., т. LXIX, 107.

Васильчиковъ, кн., Викт. Иллар., нач. штаба севастоп. гарнизона, 1855 г., впосл. тов. воен. мн-ра, ген.-ад., т. LXXII, 421, 422, т. LXX, 604, т. LXXI, 271.

Васильчиковъ, кн., ген.-губ. юго-з. края 1860 г., т. LXXII, 428.

Васютинскій, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 261.

Васюхновъ, Леонтій, т. LXXII, 481.

Вахвахова, Марія Николаевна, тетка LXXI, 195.

Вахрамѣевъ, И. А., почетн. гражд. г. Ярославля, т. LXX, 249.

Вахтенъ, генер. 1830 г., т. LXIX, 526.

Введенскій, Иринархъ Ив., педагогъ 1848 г., т. LXIX, 116, 117, 118.

Вегнеръ, педагогъ 1785 г., т. LXXII, 595.

Ведровъ, Сергѣй, сообщ.: „Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, † 1891 г.", т. LXXI, 383—393.

Вейерштрассъ, проф. 1870 г., т. LXXII, 454, 455, 456, 458.

Вейкардъ, Мельхіоръ Адамъ, писатель, придворн. врачъ въ Спб. съ 1784—1789 г.г., р. 1741 г., † 1803 г., т. LXXII, 531—564.

марнъ, П. Ѳ., ген.-ад., т. LXX, 134.
нбергъ, Л. Б, сообщ. „Григорій ховорода", т. LXXI, 403.
нбергъ, бывш. ред. „Вѣка", томъ XIX, 343.
ганскій, Даніилъ Мих., профес., яце-президъ. м.ед-хир. акад. 1811 г., LXX, 119, 121, 127, 364.
кепольскій, Александръ, маркизъ, LXIX, 285, т. LXX, 518, 522.
киановъ, Ив. Ильичъ, т. LXX, 576.
кичинъ, актеръ, т. LXXII, 195.
кичко, Алексѣй Филип., учитель 328 г., т. LXX, 32, 40, 41, 42.
кичко, ген.-лейт. 1891 г., т. LXX, 262.
кьтманъ, Е. И., рожд. Крутникова, . LXIX, 252.
кьтманъ, Александръ Ѳомичъ, директ. іосков. оружейн. палаты 1848 г., писатель, т. LXIX, 248, 249, 250, 251, 276, 22, т. LXXII, 66, 76, 92.
лъминовъ - Зерновъ, камергеръ 866 г., т. LXXI, 301.
невитиновы, т. LXXII, 154.
неціановъ, А. Г., художн.-академ., . LXIX, 602.
ніаминъ, іеромонахъ Александроевск. лавры 1887 г., т. LXXI, 198, 200.
нюковъ, Мих. Ив., ученый и писатель, бывш. воспит. Двор. полка, генер. маіоръ, сообщ.: „Воспоминанія 1852—1854 г.г. въ Петербургѣ", т. LXIX, 127—144, „Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, его могила въ Парижѣ, † 1881 г.", т. LXXII, 475—476, упом. т. LXX, 252.
нявскій, артистъ, т. LXXII, 152.
ревкинъ, Григ., подполковн 1706 г., т. LXXII, 28.
ревкинъ, Ѳед. Ив., художн.-граверъ, т. LXIX, 227, т. LXX, 249, 250, т. LXXI, 24.
ржбиловичъ, педагогъ 1848 г., томъ LXIX, 681.
ржбицкій, т. LXXI, 368.
ригинъ, Аполлонъ Ив., т. LXX, 511—514.
рнадскій, Ив. Вас., профес. изд. „Финанс. указателя" 1861 г., т. LXIX, 48, 49, т. LXX, 161, 383, 385, томъ LXXI, 555.
Верральоны (Verraillon), фр. эмигранты. т. LXXII, 473.
Веселицкій. генер. 1854 г., т. LXIX, 700.
Веселовскій, акад. 1866 г., т. LXX, 383, 397, 399, 418, 428, т. LXXI, 280, 297, 572, 581, 592.
Вессель, Н. Х., педагогъ 1859 г., т. LXXI, 318, 319 320, 321, 324.
Вестерманъ, т. LXXI, 560.
Вешняковъ, В. И., сообщ.: „Дмитрій Дмитріевичъ Неелювъ. Біографическій очеркъ, 1819—1890 г.", т. LXIX, 421—430.
Вешняковъ, т. LXXI, 555.
Взметневъ, Петръ Алексѣев. ст.-сов., 1824 г. т. LXX, 477, 531.
Вигандтъ, гауптманъ 1857 г., т. LXXI, 76.
Вигель, Филиппъ Филиппов., тайн. сов т. LXIX, 261, т. LXX, 424.
фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писат., томъ LXXI, 236, 237, т. LXXII, 675.
фонъ-Визинъ, П. И., директ. Москов. унив. пансіона 1785 г., т. LXXII, 595.
Викторъ, архимандр. томск. Алексѣевск. монаст. 1860 г., т. LXXII, 236, 239.
Вилліе, баронетъ, Яковъ Вас. лейбъ-медикъ 1839 г., т. LXIX, 152, т. LXX, 119, 122, 124, 128, 368.
Виллье, Фр. адвокатъ 1767 г., т. LXXII, 313, 320.
Вильбоа, фельдцейхмейст., т. LXXII, 293, 294, 296.
Вильгельмъ I, импер. германск. 1871 г., т. LXXII, 701—706.
Вильгельмъ II, импер. германск. 1890 г., 1890 г., т. LXXII, 688, 710.
Вильде, фельдъегерь 1830 г., т. LXX, 114.
Вилькенъ, т. LXX, 343, т. LXXII, 140.
Викторовъ, поруч. 1840 г., т. LXXI, 363.
Виницкая, А. А., писат., т. LXIX, 464.
Виніюсъ, Андрей Андреев., думн. дьякъ 1704 г., т. LXXI, 614, т. LXXII, 15, 17, 464.
Виноградовъ, Тобольск. губерн. 1861 г., т. LXX, 496.
Винспіеръ, ген.-лейт. 1844 г., томъ LXIX, 425.

Винтергальтеръ, художн., т. LXIX, 501.
Висковатовъ, В. И., преподав. 2-го кад. корп. 1801 г., т. LXIX, 550.
Висконти, т. LXXI, 540, 543.
Витбергъ, Александ. Лаврентьев., акад. р. 1787 г., † 1855 г., т. LXIX, 602, т. LXX, 199.
Витгенштейнъ, гр., Петръ Христ., ген.-фельдмарш., р. 1768 г., † 1843 г., т. LXIX, 532, т. LXX, 272, 277, томъ LXXI, 464, 502—511, т. LXXII, 40.
Витгенштейнъ, гр., 1863 г. т. LXIX, 722.
Витгенштейнъ, юнкеръ 1859 г., томъ LXXII, 150.
Витте, Ѳед. Ѳед., директ. народн. просв. въ Ц. Польск. 1867 г., т. LXXII, 161, 162.
Виттортъ, маіоръ 1840 г., т. LXXI, 360, 363.
Виттъ, гр., генер. 1830 г., т. LXIX, 534, 535, т. LXX, 269, 285, 286.
Вихаревъ, Мих., т. LXXII, 216.
Вихаревъ, подполковн. 1891 г., томъ LXX, 261.
Вицынъ, доцентъ спб. унив. 1864 г., т. LXX, 144, т. LXXII, 285.
Віардо, Гарсіа, Паулина, пѣвица, томъ LXIX, 262, 379.
Віельгорскій, гр., Мих. Юрьев., т. LXIX, 568, т. LXX, 172, т. LXXI, 294, т. LXXII, 191, 626.
Віельгорскіе, графы, т. LXIX, 569.
Владиміръ Св., вел. князь, т. LXIX, 152, т. LXXI, 475.
Владиміръ Мономахъ, вел. князь, томъ LXIX, 152.
Владиміръ Александровичъ, вел. князь, т. LXIX, 395, т. LXX, 249, т. LXXI, 24, 586, т. LXXII, 177, 438, 657.
Владимірова, актриса 1867 г., томъ LXXII, 163.
Владимірскій, т. LXX, 152, 626.
Владиславъ, кор. польск. 1617 г., томъ LXXII, 41.
Владиславлевъ, ректор спб. унив. 1866 г., т. LXXI, 307.
Власовъ, Александ. Николаев., † 1867 г., т. LXXII, 433.
Власовъ, Георг. Петр., ген.-лейт., LXX, 253, 255, 262.
Власовъ, педагогъ 1860 г., т. LXXI, 3
Водаръ, А. К., генер., начальн. Конст. воен. учил., т. LXX, 254, 255.
Водововозъ, Вас. Ив., педагогъ, писатель, р. 1825 г., † 1886 г., т. LXX 320, 322.
Воеводинъ, Ѳед., бурмистръ г. Ярославля 1704 г., т. LXXI, 615.
Воейкова, А. А., г-жа, т. LXX, 153.
Воейкова, фрейлина 1867 г., т. LXXII 163.
Воейковъ, А. А., т. LXIX, 383.
Воейковъ, Александ., боярск. сын 1628 г., т. LXXI, 396.
Воейковъ, фл.-ад. 1865 г., т. LXXI, 19
Войновъ, Мих. Ѳедор., художн. 1814 г. т. LXIX, 610, 611.
Вожинскій, инспект. рим.-кат. акад. въ Спб. 1863 г., т. LXIX, 723, т. LXX 425, 426, т. LXXII, 111.
Войцеховичъ, 1856 г., д. тайн. сов. вполѣд. чл. гос. сов., т. LXXI, 301
Волковъ, 1810 г., т. LXX, 9.
Волконская, княжна, Анна Петров см. Кроткая.
Волконская, княг., Зинаида, т. LXX 587, т. LXXI, 247, 249.
Волконскій, кн., Григ. Петр., почет спб. уч. окр. 1844 г., т. LXIX. 36 т. LXXII, 339.
Волконскій, кн., М. Н. 1762 г., т. LXXII 297.
Волконскій, кн., Мих. Сергѣев. том LXXII, 475.
Волконскій, свѣтлѣйшій кн., Петр Мих., мин. двора, фельдм., р. 1776 г. † 1853 г., т. LXIX, 14, 22, 25, 10 353, т. LXX, 276, 277, 288, 325, т. LXX 496, 500, 502, 507, 513, 518, 540, 54 т. LXXII, 121, 627,
Волконскій, кн., Серг. Григ., декабр. † 1865 г., т. LXXI, 329.
Воловскій, Войцехъ, адвокатъ 1830 г., т. LXIX, 286, 287.
Волончевскій, епископъ 1860 г., том LXXII, 401.

ынскій, боярин, воевода 1689 г., . LXXII, 247.
кьтеръ, писатель, т. LXXII, 300, 314, 24, 551, 553.
льфъ, баронъ, т. LXXI, 269.
льфъ, Маврик. Осипов., книгопродав., 864 г., т. LXX, 158.
льфсонъ, т. LXIX, 363, 364.
лховскіе, князья, т. LXXII, 601.
нляриярскій, писат., т. LXIX, 258.
носовичъ, г-жа, т. LXIX, 299.
робьевъ, Максимъ Никифоров., художн., т. LXXI, 67.
робьевъ, Сократъ Максимов., художн., г. LXXI, 67.
ронецъ, ген.-лейт., директ. Дворян. полка, 1852 г., т. LXIX, 129, 133.
роновъ, Андрей Ст., педагогъ 1860 г., т. LXIX, 52, 68, 69, 93, 94, 98, 354, 382, 706, 748, 750, т. LXX, 647, т. LXXI, 95, 100, 307, 318, 319, 320, 324, 574, т. LXXII, 170, 171.
ороновъ, Павелъ Никол., офиц. л.-гв. Павл. полка, 1875 г., воен. истор., нынѣ полковн. начальн. штаба 1-й гв. пѣх. дивизіи, т. LXX, 684.
оронцова, княгиня, Е. К., т. LXX, 502.
оронцова-Дашкова, княгиня, т. LXX, 668, т. LXXII, 637.
оронцовъ, гр. 1780 г., т. LXXII, 4.
оронцовъ, гр., Мих Иларіон., канцл., р. 1714 г., † 1767 г., т. LXXII, 297, 298.
оронцовъ, гр., впосл. кн Мих. Семен. р. 1782 г., † 1856 г., т. LXIX, 12, 22 106, т. LXX, 47, 48, 57, 61, 70, 172, 267, 268, 269.
Воронцовъ, гр., Семенъ Мих., т. LXXII 284, 296.
Воронцовъ-Вельяминовъ, П. П., помощн. попеч. Варшав. учебн. окр. 1868 г., т. LXIX, 599.
Воронцовъ-Дашковъ, 1834 г., томъ LXX, 665.
Воронцовы, русскіе двор., т. LXXII, 557.
Воропановъ, Ѳ. Ѳ., писатель, томъ LXIX, 504.
Ворящинскій, Андрей, т. LXXI, 361.
Воскресенскій, А. А., профес. 1852 г., попеч. Харьков. унив., 1869 г. т. LXIX 80, 130, 131, 132, 140, т. LXX, 399. 403, 466.
Воскресенскій, Іаковъ, священ. 1825 г., т. LXXI, 212.
Воскресенскій, рект. спб. унив. 1866 г., т. LXXI, 308.
Востоковъ, Александръ Христоф., акад., т. LXIX, 212, 213, т. LXX, 150, 151, т. LXXI, 305.
Вохина, Александра Петровна рожд. Окунева, т. LXIX, 566.
Вохина, Луиза Ѳед., рожд. фонъ Моллеръ, т. LXIX, 566.
Вохинъ, Александ. Никол., т. LXIX, 566.
Вохинъ, Арсеній Васил., т. LXIX, 554.
Вохинъ, Василій Ѳедотов., помѣщ., † 1799 г., т. LXIX, 554, 566.
Вохинъ, Ив. Васильев., т. LXIX, 547, 554, 556, 557, 560.
Вохинъ, Никол. Васильев., ген.-маіоръ, р. 1790 г., † 1853 г., его записки 1801—1807 гг., т. XXIX, 547—566.
Вохинъ, Никол. Николаев., д. ст. сов. сообщ.: „Записки ген.-м. Николая Васильевича Вохина", т. LXIX, 547—566.
Вохинъ, Петръ Васильев., т. LXIX, 554.
Вохинъ, Ѳед. Николаев., т. LXIX, 566
Врангель, Е. В., бар., профес. 1819 г. т. LXX, 19.
Врангель, полковн. 1840 г., т. LXXI, 359, 360, 363.
Врангель, адмир., управл. морск. мин. 1856 г., т. LXX, 359, 614.
Врангель, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 138.
Вреде, бар., † 1860 г., т. LXXII, 150.
Вронченко, Мих. Павлов., т. LXX, 420
Вронченко, Ѳед. Павлов., мин. финанс. въ 1840—1850 гг., † 1852 г., т. LXXI, 12, т. LXXII, 438, 441, 447.
Всеволодъ, князь Новгородскій, томъ LXXI, 110.
Всеволожскій, воевода 1774 г., томъ LXXII, 3.
Всеволожскій, исправникъ 1861 г., т. LXIX, 473.
Всеволожскій, Н. С., т. LXXII, 209.
Второвъ, Ив. Алексѣев., его записки: „Москва и Казань въ началѣ XIX-го вѣка", т. LXX, 1—22.

Вулихъ, Захаръ Борис., педагогъ, 1860 г., т. LXXI, 323, 324.
Вульфъ, Эмиль, т. LXXII, 145.
Высоцкій, Петръ, т. LXIX, 289.
Вычдомскій, Петръ Өед., т. LXXI, 406.
Вяземская, княг., М. А., т. LXXI, 558.
Вяземская, княгиня, 1860 г., т. LXXII, 396.
Вяземскій, кн., Андрей Ив., т. LXXII, 6.
Вяземскій, Никифоръ, воспитат. царевича Алексѣя Петровича, т. LXX, 602.
Вяземскій, кн., Петръ Андреев., тов. мин. нар. просв., 1855 г., поэтъ и писатель, т. LXIX, 48, 98, 100, 140, 432, 434, 437, 441, 444, 445, 448, т. LXX, 344, 611, 645 646, т. LXXI, 92, 93, 97, 99, 100, 144, 210, 211, 218, 237, 274, 280, 288, 293, 568, 586, т. LXXII, 146, 148, 395, 396, 403, 407, 431, 672, 679, 680, 681, 686.
Вяземскій, кн., Семенъ, т. LXXI, 178.
Вяземскій, кн., 1856 г., т. LXIX, 436.
Вяземскіе, князья, т. LXXI, 551, томъ LXXII, 400, 407, 410, 423.
Вязмитиновъ, воен. министръ въ началѣ XIX в., т. LXXII, 471.
Вяткинъ, ген., виленск. коменд. 1861 г., т. LXX, 495.

Гааренъ, Өед., т. LXXI, 76.
Гавловскій, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 261.
Гавриловъ, Матвѣй Гаврилов., педагогъ 1785 г., т. LXXII, 596—598.
Гавриловъ, Никол. Никол., ген.-лейт., бывш. воспит. Дворян. полка 1891 г., т. LXX, 254, 262.
Гавріилъ, ректор. саратов. духовн. училищъ 1840 г., т. LXXI, 415—416.
Гагарина, княг., Изабелла, т. LXXII, 403.
Гагаринъ, кн., А. С., т. LXXII. 191, 192, 193.
Гагаринъ, кн., Матвѣй Петров., моск. губерн. 1708 г., т. LXXII, 213, 214, 464.
Гагаринъ, кн., Пав. Павл., предсѣд. госуд. совѣта 1864 г., т. LXX, 390, т. LXXI, 308, т. LXXII, 404, 410, 417, 418, 424, 426.
Гагаринъ, кн., мин. коммерц. 1805 г., т. LXXII, 229.
Гагаринъ, кн., 1845 г. т. LX XI, 127
Гагемейстеръ, сенат. 1866 г., т. LXXI, 297, 555, 556, т. LXXII, 418, 423.
Гагернъ, полковн., р. 1817 г., † 1849 г., его записки о Россіи въ 1839 г., т. LXIX, 1—38, упом. 145.
Гаевскій, Викт. Павл., писатель, присяжн. повѣр., т. LXX, 146.
Гайдебуровъ, П. А., писатель, изд. газеты „Недѣля", т. LXIX, 504.
Галаганъ, Григ. Павл., помѣщ. 1838 г., членъ ред. ком. 1860 г., впослѣдствіи чл. Госуд. Совѣта, т. LXX, 457, т. LXXI, 68, т. LXXII, 410.
Галаганъ, Екатерина Алекс., т. LXXI, 68
Галактіонова, Екат. Степ., т. LXXII, 645
Галактіонова, Марья Егоровн., том LXXII, 645.
Галактіоновъ, Степ. Филиппов., граверъ 1850 г., т. LXIX, 617, т. LXXII, 641, 642, 644.
Галафѣевъ, ген.-лейт. 1840 г., т. LXXI. 355, 356.
Галаховъ, Алексѣй Дмитр., писатель-педагогъ, р. 1807 г., т. LXIX, 41, 49, т. LXX, 527, 546, 626, 643.
Галаховъ, А. П., спб. об-полиціймейст., 1849 г., т. LXX, 673, т. LXXI, 143.
Галетти, генер. 1849 г., т. LXXII, 343.
Галичъ, профес. 1828 г., т. LXX, 420, 638, 648, 655, т. LXXI, 96, 292, 305, 567, т. LXXII, 78, 683.
Галкинъ-Врасскій, Мих. Никол., нач. гл. тюремн. управл., тайн. сов. 1891 г., т. LXIX, 478.
Галлеръ, студ. 1835 г., т. LXX, 659, 660.
Ганка, писатель, т. LXIX, 41.
Гантимурахъ, т. LXXI, 401.
Ганъ, Елисав. Алексѣев., рожд. Неклюдова, т. LXIX, 223.
Ганъ, К., сообщ.: „Леонтій Яковлевичъ Неклюдовъ, сподвижникъ Суворова". т. LXIX, 223—225.
Ганъ, бар., предв. дворян. въ Курлянд. губ. 1857 г., т. LXX, 606, т. LXXI, 71—81, 550.
Гарасимовъ Аѳанас., т. LXXI, 614.

рднеръ, т. LXIX, 350.
рибальди, т. LXXII, 341, 343, 344, 45, 348, 349, 438.
роновичъ, полковн. 1854 г., томъ XXII, 485.
рье, Елисав. Эдуардов., въ зам. Рѣд-ина, т. LXXI, 325.
ртманъ, тайн. сов., директ. Алекс. нцея въ Спб., бывш. воспитан. Дво-янск. полка, 1891 г., т. LXX, 262.
ршинъ, Вс. М., писат., т. LXIX, 464.
улихъ, архіеп. загребскій 1850 г., т. XXII, 368.
ном, скульпт. 1848 г., т. LXXII, 332.
овдевъ, чиновн. 1855 г. т. LXX, 345.
оздиковъ, Е. Г., т. LXXII, 138.
, Н. Н., профес.-художн., т. LXIX, 226, 745, 748.
бгардтъ, Ив. Карлов., т. LXIX, 91, 733, т. LXX, 156, т. LXXI, 115.
деоновъ, А. М., директ. театровъ, т. LXXI, 557, т. LXXII, 194.
деоновъ, пензен. губернат. 1796 г., г. LXXII, 6.
дике, Р. А., т. LXXII, 638.
йденъ, гр., лифлянд. губернат. 1855 г., г. LXX, 180, 181, т. LXXII, 402, 403.
йсмаръ, генер. 1839 г., т. LXIX, 23, г. LXX, 273.
льгудъ, генер. польск службы, т. LXIX, 28.
льмерсенъ, акад. 1866 г., т. LXXI, 101, 301.
мнигъ, чл. театр. конторы 1826 г., т. LXXII, 192.
-Геннинъ, Вилимъ Ив., артил. генер. 1736 г., т. LXXII, 218—219.
оргіевскій, т. LXXII, 683.
пнеръ, Карлъ Өед., воен.-полев. хи-ургъ 1840 г., т. LXX, 375.
расимъ Князевъ, архимандритъ Си-монова мон. 1812 г., т. LXXI, 190.
рбель, Никол. Васильев, писат., т. LXIX, 259.
рдъ, Александ. Яковл., педагогъ, т. LXXI, 322.
рмановъ, Мих., протоіер. 1864 г., т. LXXII, 239.
рманъ, проф., т. LXX, 655.
Германъ, полковн. 1891 г., т. LXX, 262.
Гернгросъ, Нат. Ал-др., см. Неелова.
Гернгроссъ, г-жа, т. LXXI, 560, томъ LXXII, 402.
Гернгросъ, Никол. Александр., д. ст. сов. 1859 г., впослѣдствіи д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXX, 344, 345, 605—611, т. LXXI, 78, 265, 268, 273, 550, т. LXXII, 140, 142, 144, 147, 148, 152, 416, 417, 425.
Гернетъ, капит. 1840 г., т. LXXI, 363.
Герстфельдъ, инж. пут. сообщ., томъ LXX, 134.
Герценъ, Александръ Ив., писат. и публицистъ, род. 1812 г., † 1870 г., т. LXIX, 268, 271, 273, 356, 366, 367, 376, 377, 595, 732, 779, т. LXX, 140, 724, 725, т. LXXI, 94, 588.
Герцыгъ, капитанъ 1848 г., т. LXIX, 111, 119, 122, 123, 124.
Герцыкъ, В. И., сообщ.: „Жемчужниковъ. Замѣтка къ разсказу Е. Г. Гвоздикова“, т. LXXII, 138.
Гершау, т. LXX, 340, т. LXXII, 399, 400, 403.
Гершельманъ, издат. „Энциклоп. лекс.“ 1863 г., т. LXIX, 80, 706.
Герштенцвейгъ, генер. 1830 г., томъ LXIX, 540.
Герштенцвейгъ, генералъ 1860 г., т. LXXII, 425.
Гибсонъ, скульпт. 1845 г., т. LXXI, 542, т. LXXII, 350, 619, 621, 657.
Гизетти, Германъ Антонов., сенат. 1866 г., т. LXXI, 297, 569.
Гильденштубе, въ зам. Моллеръ, т. LXXI, 58.
Гильфердингъ, Александръ Өед., ученый и писатель, род. 1831 г., † 1872 г., т. LXX, 195.
Гильфердингъ, Өед. Ив., сенат., нач. арх. мин. ин. дѣлъ въ Спб., † 1864 г., т. LXIX, 528.
Гильшеръ, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 138.
Гиляровъ, т. LXIX, 713.
Гинтовтъ, ксендзъ 1861 г., впосл. римско-катол. митроп., т. LXX, 490.
Гинцбургъ, баронъ, Горац. Осипов., дѣйств. ст. сов., почетн. членъ археол.

института, членъ совѣта онаго, томъ LXIX, 467.
Гиршъ, докт. 1814 г., т. LXXII, 614.
Гирьяневъ, П., сообщ.: «В. К. Кюхельбекеръ». Поправка, т. LXXI, 382.
Гладкій, чиновн. 1860 г., т. LXIX, 597.
Главенацъ, генер. 1839 г., т. LXIX, 4.
Глейнихъ, полковн. 1861 г., т. LXX, 495.
Глеръ, офиц. 1854 г., т. LXXI, 336, 345, 318, 352.
Глинка, Авдотья Павл., рожд. Голенищева-Кутузова, т. LXIX, 247—249, 259, 675, т. LXX, 218.
Глинка, Е. П., т. LXIX, 484.
Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 г., † 1857 г., т. LXIX, 602, т. LXX, 217, т. LXXII, 197.
Глинка, Николай, т. LXXII, 68, 73.
Глинка, Ѳед. Никол., писатель-поэтъ, † 1880 г., т. LXIX, 247—249, 422, 484, 675, т. LXX, 218, т. LXXI, 294, 513.
Глинка, архитект., т. LXXI, 533.
Глинскій, скульпторъ, т. LXIX, 622.
Глуховъ, профес. 1850 г., т. LXXII. 649.
Глѣбовъ, Ив. Тимоѳ., вице-президъ. м.-х. акад. 1864 г., т. LXIX, 81, 96, 753, т. LXX, 137, 156, 164, т. LXXI, 108, т. LXXII, 175, 660.
Глѣбовъ, спб. ген.-губернат. 1767 г., т. LXXII, 317, 509, 510, 514, 520, 523.
Глѣбовъ, корнетъ 1840 г., т. LXXI, 362.
Глѣбовъ, т. LXIX, 575.
Гоголь, Анна Васильевна, т. LXIX, 225.
Гоголь, Никол. Васильев., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. LXIX, 225, 226, 235, 244, 271, 433, 451, 501, 502, 567—578, 595, 602, 762, т. LXX, 460, 461, 543, 544, 545, 638, т. LXXI, 3, 15, 33, 55, 56, 58, 144, 145, 146, 236, 237, 241, 247, 248, 249, 251, 306, т. LXXII, 97, 197, 203, 652, 657.
Гоздаво-Голомбіевскій, членъ архивн. комис., т. LXIX, 210.
Голандо, учит. 1810 г., т. LXIX, 607.
Голенищева-Кутузова, Авд. Павл., см. Глинка.
Голенищевъ-Кутузовъ, князь, Павелъ Иван., т. LXIX, 247, т. LXX, 218.
Голенищевъ, куп. 1773 г., т. LXXII, 594.
Голицына, княг., Агланда Павл., граф. графиня Строгонова, томъ LXX, т. LXXI, 551, 552.
Голицына, княжна, Алекс. Владимір., т. LXIX, 567.
Голицына, княгиня, рожд. Суворова, т. LXXII, 415.
Голицына, княгиня, рожд. Гудовичъ, т. LXXI, 548.
Голицына, княгиня, рожд. Корсакова, т. LXXI, 531, 532, 543.
Голицына, княг., т. LXXII, 145, 147.
Голицынъ, князь, Александръ, том LXX, 277.
Голицынъ, кн. Александръ Василье, т. LXX, 35, т. LXXI, 550, 551.
Голицынъ, кн., Александръ Мих., вице-канцл., род. 1723 г., † 1807 г., том LXXII, 321.
Голицынъ, кн., Александръ Никола, мин. дух. дѣлъ и просвѣщ., р. 1773 г. † 1844 г., т. LXXI, 113, 271 т. LXXII, 668.
Голицынъ, кн., Александръ Ѳед., ст.-секр. 1861 г., т. LXIX, 473, т. LXXII, 150.
Голицынъ, кн., Алексѣй Васильевичъ, т. LXXII, 255.
Голицынъ, кн., Борисъ Алекс. 1689 г., т. LXXII, 256, 262, 264, 265.
Голицынъ, кн., Б. 1848 г., т. LXX, 172.
Голицынъ, кн., Вас. Вас., род. 1633 г., † 1714 г., т. LXIX, 189, томъ LXXI, 420—423, 429—450, т. LXXII, 241—28
Голицынъ, кн., Дмитрій Алекс., посл въ Парижѣ, 1767 г., т. LXXII, 307, 312, 313, 317, 321—324, 508, 511—523, 548.
Голицынъ, кн., Дм. Владим., моск. г.-губ., р. 1771 г., † 1843 г., т. LXIX, 1, 14, 16, 106, т. LXXI, 125, 126.
Голицынъ, кн., Дм. Мих., кіевск. губ. 1708 г., т. LXXI, 551, т. LXXII, 215.
Голицынъ, кн., И. М., т. LXXI, 558.
Голицынъ, князь, Мих. Андр., воевода Бѣлгородскій, † 1689 г., т. LXXI, 445, т. LXXII, 242.
Голицынъ, кн., Мих. Мих., р. 1675 г., † 1730 г., т. LXXII, 253.

...лицынъ, кн., Никол. Серг., ген.-отъ-...нф., р. 1809 г., іюня 16, проф. воен. ...стор. въ воен. акад. съ 1834 по 1848 г., ... LXX, 33.

...лицынъ, Пав. Васил., штабм., томъ LXXII, 182.

...лицынъ, кн., Сергѣй Мих., предсѣд. моск. опек. сов., впосл. попеч. моск. учебн. окр. съ 1830—1835 г., т. LXIX, 13, 20, 22.

...олицынъ, кн., Серг. Серг., т. LXX, 669.

...олицынъ, кн., витебск., могил. и смол. ген.-губ. 1839 г., т. LXIX, 105—110.

...олицынъ, князь, флиг.-адъют. 1839 г., т. LIX, 11.

...олицынъ, князь, адъют. Дибича 1830 г., т. LXX, 66, 269.

...олицынъ князь, 1860 г., томъ LXXII, 399, 400, 410, 415.

...олицынъ, кн., полк. 1840 г., т. LXXI, 365, 367.

...олицынъ, кн., т. LXXII, 336.

...олицыны, князья, т. LXXI, 532.

...оловачевскій, Кириллъ Иванов., акад., инсп. акад. худож. 1810 г., т. LXIX, 610, 611, 615, 622.

Головацкій, Яковъ Ѳед., 1867 г., томъ LXXII, 684.

Головацкій, т. LXXII, 174, 175.

Головинъ, Вл., т. LXX, 637.

Головинъ, Евгеній Александр., команд. корпуса на Кавказѣ 1840 т., ген.-губ. остз. края 1847 г., т. LXX, 174, 177, 212, т. LXXI, 356.

Головинъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.

Головинъ, капит. 1840 г., т. LXXI, 368.

Головинскій, Василій Андр., чиновн. 1845 г., т. LXXI, 141, 142, 143.

Головкина, графиня, т. LXXII, 595, 609.

Головкинъ, гр., Гавр. Иван., канцлеръ, р. 1660 г., † 1734 г., т. LXIX, 503.

Головкинъ, графъ, послан. въ Пекинѣ, 1860 г., т. LXX, 653.

Головнинъ, Александръ Васильев., ст.-секр., р. 1821 г., † 1886 г., т. LXIX, 96, 101, 103, 330—394, 704—712, 750, 785, т. LXX, 160, 183, 382, 399—406, 412, 417, 426, 626, 634, 639, т. LXXI, 110, 111, 298, 300, томъ LXXII, 144 427, 443.

Головнинъ, капит. 1-го ранга 1812 г., томъ LXXII, 11.

Голубцовъ, студентъ моск. университ. 1786 г., т. LXXII, 597.

Гольдгоеръ, Ѳ. Г., капитанъ 1801 г., т. LXIX, 549.

Гольдгоеръ, дивизіон. генералъ 1861 г., т. LXX, 492, 493, 494.

Гольдштейнъ, С., т. LXIX, 467.

Гольмдорфъ, Михаилъ Густав., ген.-м. 1890 г., бывшій воспит. Дворянск. полка, томъ LXX, 252, 254, 255 — 258, 262, т. LXXII, 505.

Гольцманъ, Ив. Ив., педагогъ 1785 г., т. LXXII, 595, 596.

Гольцманъ, Матрена Ив., т. LXXII, 596.

Голчина, Аѳимія Мих., въ замужествѣ Дружинина, т. LXXII, 593.

Гончаровъ, Иванъ Александр., писат., р. 1811 г., † 1891 г., томъ LXIX, 484, 789, т. LXXI, 236, 590, т. LXXII, 664.

Горбуновъ, Иванъ Ѳед., артистъ, писат., сообщ.: „Слова, вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями, вышедшія изъ употребленія въ новой и свободной Россіи послѣ 19-го февраля 1861 г.“, т. LXXI, 645—647; „Александръ Евстафіевичъ Мартыновъ, артистъ имп. театровъ, р. 1816 г., † 1860 г.“, томъ LXXII, 183—208, упом. 162.

Горголи, Ив. Саввичъ, сенат. 1845 г., т. LXXI, 138.

Гордіенко, дѣйств. статск. сов. 1863 г., т. LXIX, 725.

Гордонъ, Патрикъ, генералъ, † 1699 г., т. LXXI, 446, т. LXXII, 243.

Горловъ, профессоръ 1861 г., т. LXIX, 80, 135, 350.

Городчаниновъ, Г. Н., проф. 1801 г., т. LXX, 19.

Горскій, ученикъ академ. худож., грав. 1822 г., т. LXIX, 622.

Горскій, профес. 1848 г., т. LXX, 586, т. LXXII, 673.

Гортеръ, голландск. мед., т. LXXII, 557.

Горчаковъ, кн., Александръ Михайл., госуд. канцлеръ, р. 1798 г., † 1883 г.,

т. LXIX, 96, 730, 731, 746, 758, т. LXX, 159, 635, т. LXXI, 285, 550, т. LXXII, 171, 174, 428, 687—712.

Горчаковъ, Влад. Петров., офиц. генер. штаба 1848 г., т. LXIX, 249, 250.

Горчаковъ, кн., Михаилъ Дмитр., ген.-ад., р. 1792 г., † 1861 г., т. LXIX, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 106, 532, 580, 583, т. LXX, 181, 273, 340, 349, 352, 603, 605, т. LXXII, 148.

Горчаковъ, Мих. Иван., протоіер.-проф. 1891 г., т. LXXI, 326, т. LXXII, 430.

Горчаковъ, князь, Петръ Дм., ген.-губ. зап. Сибири, т. LXIX, 678.

Горчаковъ, князь, т. LXXI, 268.

Горшенковъ, т. LXXII, 194.

Горянинова, Александра Діонисьевна, † 1854 г., т. LXXII, 628.

Горянинова, Марія Михайл., въ замуж. Безцѣнная, т. LXX, 73.

Горяиновъ, Александръ Мих., т. LXX, 121, т. LXXII, 628, 632, 633, 652, 653.

Горяиновъ, Мих. Ал., т. LXXII, 628.

Горяиновъ, П. Ф., профессоръ 1833 г., т. LXX, 121.

Горяиновы, т. LXX, 73.

Готфаръ, капитанъ парохода „Тигръ“ 1854 г., т. LXXII, 486.

Гофманъ, профессоръ 1852 г., т. LXIX, 132, 136.

Грабовскій, помѣщ. 1830 г., т. LXIX, 255.

Грабянка, А. А., членъ ред. комиссіи 1860 г., т. LXIX, 790.

Градовскій, Александръ Дмитр., проф., † 18[illegible]9 г., томъ LXIX, 199—208, томъ LXXI, 384.

Градовскій, Григ. Конст., публицистъ-писатель, т. LXIX, 504.

Граманнъ, докторъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, т. LXXII, 531.

Грановскій, Тимоѳей Никол., профес., † 1855 г., т. LXIX, 134, 244, 270, 592, 594, т. LXX, 468, т. LXXI, 317.

Гранъ, учитель артил. школы 1717 г., т. LXXII, 213.

Грановскій, Н., студентъ спб. универс. 1835 г., т. LXX, 457.

Грачевъ, Георгій Ив., художн.-граверъ, т. LXIX, 501.

Гредувилль (Hredouville), французск. послан. въ Спб. 1804 г., т. LXXII, 2[illegible]

Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир[illegible] р. 1775 г., † 1845 г., т. LXXI, 186, 1[illegible]

Грейгъ, 1859 г., томъ LXXI, 273, 5[illegible] т. LXXII, 142, 149, 150, 428.

Гремуховъ, капитанъ 1840 г., т. LXX[illegible] 359, 361, 363.

Гресеръ, генер. 1848 г., т. LXIX, 67[illegible] 680, 681, 682.

Грефе, профессоръ, томъ LXX, 1[illegible] т. LXXI, 312.

Гречъ, Евгенія Иванов., т. LXXI, 2[illegible] т. LXXII, 156.

Гречъ, Николай Ив., писатель, р. 1787 г[illegible] † 1867 г., т. LXIX, 41, 97, 158, 41[illegible] 760, т. LXX, 473, 474, 480, 525, 5[illegible] 545, 546, т. LXXI, 62, 294, т. LXXII 156, 158, 165, 230, 447, 626.

Гречъ, морск. офиц. 1838 г., т. LXXI, 6[illegible]

Гржималло, Альбертъ, т. LXIX, 286.

Грибоѣдовъ, Александръ Серг., писат[illegible] род. 1795 г., † 1829 г., т. LXIX, 25[illegible] т. LXXI, 104, томъ LXXII, 73, 82, 8[illegible] 96, 109, 110.

Григорій XVI, папа римскій, † 1846 г[illegible] т. LXXII, 124—126, 128, 336.

Григоровичъ, Вас. Ив., конфер.-секр[illegible] акад. худож. 1839 г., т. LXXI, 39, 6[illegible] 533, т. LXXII, 628.

Григоровичъ, Дмитрій Вас., писатель[illegible] р. 1822 г., т. LXIX, 261, 789, т. LXX[illegible] 146, 149.

Григоровичъ, Сила Григорьевичъ, том[illegible] LXXII, 603.

Григорьевъ, Аполлонъ Александровичъ[illegible] писатель-критикъ, т. LXIX, 243, 244[illegible] 751, 757.

Григорьевъ, В. В., проф. 1867 г., том[illegible] LXXII, 685.

Григорьевъ, Дмитр. Петров., ген.-лейт.[illegible] помощн. тов. ген.-фельдцейхм. 1891 г.[illegible] т. LXIX, 427, 430.

Григорьевъ, П. И., т. LXXII, 207.

Григорьевъ, полковн. 1848 г., т. LXIX, 682, 683.

Григорьевъ, Петр. Ив., актеръ 1860 г., т. LXXII, 206.

назодубовъ, Иванъ, чиновн. 1860 г., . LXXII, 202.

имиъ, баронъ, Фридрихъ-Мельхіоръ, :орреспонд. Екатерины II, р. 1723 г., - 1807 т., томъ LXXII, 522, 539, 551, 552, 555.

имиъ, камердин. импер. Николая I, г. LXXI, 542.

имиъ, педагогъ 1830 г., т. LXX, 120.

инцевичъ, капитанъ 1848 г., т. LXIX, 685, 687.

робянко, помѣщ. 1860 г., т. LXXII, 420.

ромова, артистка 1860 г., т. LXXII, 205.

ромовъ, С. А., профессоръ мед.-хир. академіи. 1811 г., т. LXX, 364.

роте, т. LXX, 340.

ротъ, Конст. Карлов., ст.-секр., членъ госуд. сов., д. тайн. сов., т. LXIX, 92, 781, 786, т. LXX, 24, т. LXXI, 146.

ротъ, Яковъ Карлов., акад., р. 1812 г., томъ LXX, 408, 410, 411, 419, 630, 635, 637, т. LXXI, 116, 280, 310, 572, 576, 579, 580, 581, т. LXXII, 85, 686.

руббе, докторъ 1860 г., т. LXXII, 184.

руберъ, Венчеславъ Венчесл., профес., † 1889 г., т. LXX, 132, 375, 376.

Грузинскій, князь, т. LXIX, 260.

Губе, Іосифъ, ксендзъ 1848 г., т. LXX, 583, т. LXXI, 278.

Губченко, А, А., членъ тверск. окружн. суда 1891 г., бывш. воспит. Дворянскаго полка, т. LXX, 260.

Гудимъ-Левковичъ, артистка, томъ LXX, 151.

Гудовичъ, графъ, моск. предвод. двор. 1839 г., т. LXIX, 22.

Гудовичъ, графъ, Андрей Иван., ген.-м. 1812 г., т. LXXI, 452.

Гулакъ-Артемовскій, профес. 1836 г., т. LXIX, 486.

Гульковскій, чиновникъ 1840 г., томъ LXXI, 364.

фонъ-деръ-Гульстъ, докт. при Петрѣ I, т. LXXII, 531.

Гунъ, профес. скульпт., т. LXXII, 492.

Гурьевъ, графъ, Дмитрій Александров., мн-ръ финанс., † 1825 г., т. LXX, 10, 477, т. LXXI, 270, 490, 491.

Гурьевъ, графъ, посланникъ въ Римѣ 1836 г., т. LXXI, 44.

Гурьевъ, воспитан. лицея 1812 г., томъ т. LXXII, 91.

Грязновъ, предсѣд. таврич. уголовной палаты 1853 г., т. LXX, 264.

Гусевъ, художн. 1885 г., т. LXIX, 778.

Гусятниковъ, куп. 1830 г., т. LXXI, 188.

Гюсъ, воспитан. Дворянскаго полка 1848 г., т. LXIX, 121, 122.

Гюо, г-жа, въ замужествѣ Порошина, т. LXX, 466.

Дабелковъ, проф. 1830 г., т. LXXI, 313.

Дабижа, кн., т. LXXI, 580.

Давыдова, Софья Никол., рожд. Чиркова, † 1878 г., т. LXXI, 369, 373, 380.

Давыдова, рожд. княжна Варятинская, т. LXXI, 33.

Давыдовъ, Васил. Денисов., † 1884 г., т. LXXI, 371, 373, 378.

Давыдовъ, Денисъ Васильев., ген.-лейт., писат.-поэтъ, р. 1784 г., † 1839 г., т. LXIX, 282.

Давыдовъ, Ив. Ив., директ. пед. инст. 1847 г., академикъ, † 1863 г., т. LXIX, 441, 754, 755.

Давыдовъ, Н., т. LXX, 719.

Давыдовъ, Прокофій Львовичъ, томъ LXIX, 230.

Давыдовъ, кн., Сергѣй Ив., попеч. кіевск. учебн. окр., сенаторъ 1847 г., томъ LXXI, 123, 136, 137, 144, 145, 146, томъ LXXII, 182.

Давыдовъ, ген.-лейт. 1891 г., т. LXIX, 123, т. LXX, 262.

Даламберъ, писатель, т. LXXII, 300, 315.

Дальбергъ, баронъ, т. LXXII, 545, 546.

Даль, Владим. Ив., писатель, † 1872 г., его стихотв.: «Отрывокъ изъ длинной повѣсти», т. LXXII, 714, упом. томъ LXIX, 758, т. LXXII, 76.

Дамаскинъ (Даніилъ Кононовъ), игуменъ Валаамск. монаст., род. 1792 г., † 1881 г., т. LXXII, 657, 713.

Дандре, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 261.

Данзасъ, Борисъ Карлов., директ. деп. мин. юстиц. 1844 г., т. LXXI, 119, 125.
Данилевскій, Григ. Григорьев. (псевдон. Скавронскій), писатель, † 1890., томъ LXIX, 260, 705.
Данилевскій, Никол. Яковл., писатель. т. LXIX, 204.
Данилевскіе, малорос. дворян. фамилія, т. LXXI, 477.
Даниловичъ, Григ. Григ., бывш. восп. Двор. полка, бывш. директ. 2-го кад. кор., съ марта мѣсяца 1877 г. воспитатель Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, т. LXX, 216, 255, 261.
Даниловъ, Кир., т. LXX, 478.
Данненбергъ, ген. 1855 г., т. LXX, 346.
Дантесъ-Геккернъ, Георгъ Карл., поруч. Кавалергард. пол. 1837 г., т. LXIX, 276, т. LXX, 671.
Дараганъ, ген. 1867 г., т. LXXI, 342, т. LXXII, 172.
Даргомыжскій, А. С., композиторъ, т. LXIX, 602.
Даровскіе, т. LXX, 28.
Дашкова, княг., Екат. Ром., рожд. Воронцова, статсъ-дама, р. 1743 г., † 1810 г., т. LXXII, 146, 284.
Дашковъ, Дм. Васильев., мин. юстиц. 1832 г., т. LXX, 47, 48, т. LXXI, 126.
Дашковъ, директоръ Румянцевск. музея 1868 г., томъ LXXII, 675.
Дверницкій, генер. 1831 г., т. LXX, 301.
Дворжецкій, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Дегуровъ, ректоръ спб. унив. 1834 г., т. LXX, 457, 458.
Дейбнеръ, пасторъ 1867 г., т. LXXII, 169.
Деларю, писат., т. LXX, 666.
Деляновъ, графъ, Иванъ Давыдовичъ, т. LXIX, 393, т. LXX, 193, т. LXXI, 319, 320, 324.
Дель, т. LXX, 156.
Дельвигъ, бар., Андр. Ив., генер.-лейт., т. LXX, 134, т. LXXI, 110.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антон., писат., р. 1789 г., † 1831 г., т. LXIX, 589, т. LXX, 72, 116, т. LXXII, 73, 89, 91, 96, 231,
Дембинскій, ген. польск. службы, т. LXIX, 28.
Дембовскій, сенат. 1830 г., т. LXX, 283, 292.
Дементьевъ, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Демидовъ, Анатолій Никол., т. LXXII, 636, 637.
Демидовъ, 1860 г., т. LXXII, 150.
Демичъ, Д. П., землемѣръ, † 1891 г., т. LXX, 429.
Демичъ, В. Ѳ., сообщ.: «Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Къ его біографіи, 1847 г.», т. LXX, 429—431.
Демьяновичъ, генер.-м. 1891 г., томъ LXX, 261.
Денбей (Гаврилъ), японецъ въ Россіи въ 1701—1710 гг., т. LXXII, 12—24, 464.
Денглеръ, артистъ 1801 г., т. LXX, 6.
Денисовъ, Григорій, чиновн. 1739 г., т. LXXI, 178.
Денисовъ, полковн. 1864 г., т. LXX, 390.
Денъ, Влад. Ив., флиг.-адъют., потомъ ген.-лейт., сенат., р. 1823 г., † 1888 г., т. LXX, 340, 722, т. LXXI, 98.
Деппъ, т. LXXII, 415.
Дерберъ, Францъ, художникъ 1848 г., т. LXXII, 337.
Державинъ, Гавр. Романов., писатель-поэтъ, р. 1743 г., † 1816 г., т. LXIX, 118, 715, т. LXX, 21, т. LXXI, 184, 228, т. LXXII, 146, 657.
Деспотъ-Зеновичъ, Александръ Иван. тобольск. губернат. 1864 г., тайн. сов., нынѣ чл. сов. мин. вн. дѣлъ, т. LXIX, 503, т. LXX, 489.
Джунковскій, т. LXXII, 160.
Дзюбинъ, И., т. LXX, 447.
Дибичъ-Забалканская, гр-ня, Анна (Женни) Егоровна, рожд. баронес. Торнау, статсъ-дама, род. 1798 г., † 1830 г., т. LXIX, 512, т. LXX, 288, 302, 500.
Дибичъ, Анна Ив., въ зам. баронесса Тизенгаузенъ, т. LXX, 288, 301.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ивав., фельдм., р. 1785 г., † 1831 г., т. LXIX, 12, 29, 32, 282, 511—536, т. LXX, 45—70, 267—304, 499—500.

ро, энциклопедистъ, р. 1713 г., томъ XXII, 310, 314, 316, 319, 322, 323, 34, 510, 525, 526, 551.

здель (Dimsdale), докт. при Екатеринѣ II, т. LXXII, 531.

рихъ, художн., т. LXIX, 618.

дло, Карлъ-Людовикъ, балетмейст., 1837 г., т. LXXII, 193, 194.

отовскій, чинов. 1859 г., т. LXXI, 549.

усовій, священ. 1850 г., т. LXXII, 366, 372.

итрій Самозванецъ, т. LXX, 29.

итріевъ, Ив. Ив., тайн. сов., писат., р. 1760 г., † 1837 г., т. LXX, 3, 8, г. LXXII, 79, 80, 151, 231, 436.

митріевъ, Мих. А., поэтъ, т. LXIX, 248, 250, 422.

митріевъ, профес. 1867 г., т. LXXII, 162, 163.

митріевъ-Кавказскій, художн. 1886 г., т. LXIX, 778.

митріевъ-Мамоновъ, Александ. Ив., ген.-м. 1830 г., т. LXXI, 371, 378.

обролюбовъ, Н. А., писат., т. LXXI, 88.

оброславинъ, Алексѣй Петров., проф. м.-х. акад., † 1889 г., т. LXX, 370, 371, т. LXXI, 644.

обрынинъ, медальеръ, т. LXIX, 627.

олголевскіе, т. LXX, 28.

олгорукій, кн., писат., т. LXIX, 268.

олгорукова, княгиня, т. LXIX, 575.

олгоруковъ, кн., Василій Андреев., ген.-ад., воен. мн-ръ, впосл. шефъ жандарм., † 1867 г., т. LXIX, 36, 43, 53, 55, 472, 473, т. LXX, 181, 384, 609—613, т. LXXI, 77, 143, 266, 298—300, 550, 551, 554, т. LXXII, 142, 146, 151, 152, 394, 399, 405, 410—428, 660.

олгоруковъ, кн., Васил. Васильев., об.-шталмейст. 1819 г., род. 1787 г., томъ LXIX, 415.

олгоруковъ, кн., Василій Васильев., 1800 г., т. LXIX. 422.

олгоруковъ, кн., Владим. Андреев., москов. ген.-губ., 1891 г., т. LXXII, 493.

Долгоруковъ, кн., Мих. Юрьев., боярин, начал. приказа разрядн. дѣлъ, † 1682 г., т. LXXI, 438.

Долгоруковъ, кн., Никол. Сергѣев., помѣщ. 1787 г., т. LXX, 730.

Долгоруковъ, кн., Николай 1839 г., т. LXIX, 26.

Долгоруковъ, кн., Петръ Влад., издат. «Правды», т. LXX, 725.

Долгоруковъ, кн., Юрій Владим., ген.-аншефъ, р. 1740 г., † 1830 г., т. LXXII, 316, 523.

Долгоруковъ, кн., Яковъ Ѳед., сподвижникъ Петра I, р. 1639 г., † 1720 г., т. LXXI, 443, т. LXXII, 215, 243. 245.

Долгоруковъ, кн., офиц. 1800 г., томъ LXX, 10.

Долгоруковъ, кн., гусарск. офиц. 1840 г., т. LXXI, 363, 368.

Долгоруковъ, кн., чл. театр. комит. 1826 г., т. LXXII, 191.

Дондуковъ-Корсаковъ, кн., т. LXX, 662.

Домейко, предвод. двор. Вилен. губ. 1863 г., т. LXIX, 739.

Домонтовичъ, Ив. Ив., тайн. сов., гласн. Спб. Город. Думы, т. LXX, 138, томъ LXXI, 555.

Доморадскій, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.

Донауровъ, т. LXXII, 604.

Дондуковъ, кн., Александръ Михаил., 1859 г., т. LXXI, 269.

Доріа, князья, т. LXXII, 117.

Дороховъ, юнкеръ 1840 г., т. LXXI, 366.

Достоевская, Анна Григ., вдова писателя Ѳед. Мих. Достоевскаго, изд-ца его сочиненій, т. LXIX, 777.

Достоевскій, Мих. Мих., † 1864 г., изд. журн. «Время» и «Эпоха», т. LXX, 389.

Достоевскій, Ѳедоръ Мих., писатель, † 1881 г., т. LXIX, 777—780, 789.

Доу, художн., т. LXIX, 584.

Дохтуровъ, М. А., докт., 1840 г., томъ LXXII, 74, 75.

Дохтуровъ, генер., т. LXIX, 106.

Дочкаревъ, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.

Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-ад., воен. писатель, бывш. воспит. Дворян. полка, т. LXIX, 687, 690, 692, 695, 696, томъ LXX, 255.

Драхенфельсъ, уѣздн. предвод. дворян. Курлянд. губ., 1857 г., т. LXXI, 76.
Дреголеръ, надзират. московск. университ. пансіона 1785 г., т. LXXII, 596.
Дрейеръ, т. LXXII, 80.
Дривенъ, генер. 1830 г., т. LXIX, 524.
Дроздовичъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 261.
Дружинина, Вѣра Владим., см. Печерина.
Дружинина, Марья Влад., см. Ильина.
Дружининъ, Александръ Вас., писатель, † 1864 г., т. LXIX, 53, 433, 484, томъ LXX, 141, 146, 148.
Дружининъ, Владим. Ив., надв. сов., † 1787 г., т. LXXII, 593, 594.
Дружининъ, Григ. Васильев., т. LXX, 146, 148.
Дружининъ, Дм. Влад., т. LXXII, 594.
Дружининъ, Н. А., офиц. 1801 г., томъ LXIX, 552.
Дружининъ, Яковъ Александр., д. ст. сов., директ. канц. мин. фин. 1891 г., т. LXIX, 212.
Дубельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жандарм., т. LXX, 606, 661, 720, 721, 722, 723.
Дубельтъ, М. Л., ген.-лейт., сообщ.: «Изъ эпохи освобожденія крестьянъ. 1861 г.», т. LXIX, 469—474; «Императоръ Александръ Николаевичъ. Черты изъ его жизни», т. LXX, 719—726.
Дубельтъ, Наталья Александр., рожд. Пушкина, во втор. бракѣ гр-ня Меренбергъ, т. LXX, 618, 720.
Дубельтъ, Николай Леонтьев., командр. гвард. драгун. пол. 1862 г., т. LXX, 722.
Дубининъ, Н. П., сообщ. замѣтку: «Ѳ. Ѳ. Пардолоцкій», т. LXXI, 642.
Дубовицкій, П. А., профес., президент. м.-х. акад. 1864 г., т. LXIX, 753, томъ LXX, 127, 128, 133, 164, 378, т. LXXI, 108, т. LXXII, 660.
Дубровинъ, Ник. Ѳед., ген.-лейт. историкъ, академикъ, 1891 г., т. LXX, 255, 262, т. LXXII, 505.
Дубровскій, акад. 1861 г., т. LXIX, 90.
Дуве, Егоръ Оттовичъ, т. LXX, 404.
Дудинъ, Никол. Андреев., т. LXX, 10.
Дудышкинъ, Степ. Степан., писатель † 1866, т. LXIX, 455, 456, 739, т. LXXI, 573, 574.
Думашева, г-жа, т. LXXII, 589.
Дурасовъ, Никол. Алексѣев., воинъ 1801 г., т. LXX, 2, 6.
Дурново, Анна Ив., въ зам. Дружинина, т. LXXII, 593.
Дурново, Ив. Никол., мн-ръ вн. дѣл. ст.-секрет. 1891 г., т. LXIX, 477.
Дурново, фл.-ад. 1859 г., нынѣ ген.-от. пѣхотныя, т. LXXII, 145.
Душинскій, учен. акад. худож. 1810 г. т. LXIX, 609.
Досиѳей (Глѣбовъ), архимандр. Суздальск. Спасо-Евѳиміев. мон. 1709 г. † 1718 г., т. LXXI, 402.
Досиѳей, архим. Соловецк. мон. 1830 г. т. LXXI, 188.
Дохтуровъ, сенат. 1845 г., т. LXXI, 138.
Друцкій, кн., офиц. 1859 г., т. LXXI, 273.
Дурова (Александровъ), Надежда Андреевна, кавалеристъ-дѣвица, писат. р. 1790 г., † 1863 г., т. LXXI, 394.
Духовниковъ, Флегонтъ Васильев., сообщ.: „Григорій Евлампіевичъ Благовѣтловъ, 1840 г.“, т. LXXI, 415—416.
Дюгамель, т. LXXII, 638.
Дюгамель, ген.-губ. з. Сибири 1861 г., т. LXX, 496.
Дюпре, скульпт. 1845 г., т. LXXI, 544.
Дюпти-Туаръ (Dupetit-Thouars), капитанъ 1768 г., т. LXXII, 223.

Евгеній Вогарне, принцъ, т. LXXII, 568, 572, 583.
Евгеній, герцогъ Виртембергскій, томъ LXXI, 106, 110, т. LXXII, 477, 478.
Евдокимовъ, гр., Николай Иван., ген.-адъют., род. 1804 г., † 1873 г., томъ LXX, 254, 620, т. LXXI, 364.
Евдокія Алексѣевна, царевна 1689 г., т. LXXII, 252.
Евдокія Ѳеодоровна, царица, рожд. Лопухина, первая супруга Петра I (въ иночествѣ Елена), род. 1669 г., † 1731 г., т. LXX, 396, т. LXXI, 402—403, т. LXXII 253.

вреиновъ, С. М., т. LXXII, 610.
вреиновъ, поруч. 1840 г., т. LXXI, 361, 362.
вреиновъ, геодезистъ 1721 г., томъ LXXII, 12.
вреиновъ, 1862 г., т. LXIX, 371.
втушевскій, В. А., педагогъ, т. LXXI, 322, 323.
Егоровъ, Алексѣй Егоров., профессоръ акад. худ. 1839 г., т. LXXI, 60, 533, т. LXXII, 629, 630, 657, 658.
Егоровъ, чиновн. 1882 г., т. LXIX, 493.
Егуновъ, А. Н., писатель, т. LXIX, 186, 197.
Екатерина I, им-ца, р. 1684 г., † 1727 г., т. LXXII, 407, 591.
Екатерина II, императрица, р. 1729 г., † 1796 г., т. LXIX, 15, 148, 157, 185, 189, 190, 191, 212, 213, 217, 223, 374, 403, 422, 539, т. LXX, 4, 18, 19, 380, 381, 511, т. LXXI, 228, 229, 232, 405, 478, 512, т. LXXII, 5, 6, 39, 53, 283—324, 497, 507—529, 531—564, 592, 668, 670, 694.
Екатерина Алексѣевна, царевна, р. 1658 г., † 1718 г., т. LXXI, 439, т. LXXII, 253.
Екатерина Михайловна, велик. кн., т. LXIX, 478, т. LXX, 308, т. LXXII, 141, 418.
Елагинъ, масонъ, р. 1725 г., † 1796 г., т. LXXI, 229, 237.
Елагины, т. LXIX, 242.
Елена Георгіевна, принцесса Мекленбургъ-Стрелицкая, т. LXIX, 478.
Елена Павловна, (принцесса Виртембергская), велик. княг., род. 1806 г., † 1873 г., т. LXIX, 182, 184, 228, 477, 478, т. LXX, 161, 173, 367, т. LXXI, 198—200, 265, 270, 273—276, 550, 584, т. LXXII, 152, 394, 396, 418.
Елисавета Алексѣевна, императрица, род. 1709 г., † 1761 г., т. LXX, 325.
Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., т. LXIX, 610, т. LXX, 4, 664, т. LXXII, 53, 161, 284, 291, 531, 557, 558, 587, 588, 589, 693, 694.
Елисеевъ, писат. 1860 г., томъ LXX, 629, 630.
Елчаниновъ, директ. воен. школы въ Ярославлѣ 1891 г., т. LXX, 260.
Енохинъ, лейбъ-мед., † 1863 г., т. LXIX, 738, т. LXX, 640.
Ермаковъ, Ник. Андреев., тайн. сов., т. LXXI, 293.
Ермолаевъ, конференцъ-секрет. акад. худ. 1818 г., т. LXIX, 623.
Ермоловъ, Алексѣй Петров., ген.-отъ-инфант., р. 1777 г., † 1861 г., т. LXIX, 1, 10, 11, 12, 16, 22, 106, 529, 531, 582, 584, 585, 587, 590, 758, т. LXX, 470, т. LXXI, 505, т. LXXII, 148, 151.
Ершовъ, Ив. Захаров., ген.-лейт., томъ LXXI, 144, т. LXXII, 182.
Ершовъ, Ив. Иван., полковн. 1849 г., т. LXXI, 137, 144, 145, т. LXXII, 182.
Ершовъ, т. LXIX, 570.
Есаковъ, воспитан. царскосельск. лицея 1811 г., т. LXXII, 91.
Есиповъ, т. LXXII, 13.
Есиповичъ, Як. Григорьев., д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXIX, 781.
Ефимова, А. С., т. LXIX, 548.
Ефимовъ, В. А., препод. 2-го кад. корп. 1801 г., т. LXIX, 550.
Ефимовъ, И. А., препод. 2-го кад. корп. 1801 г., т. LXIX, 548, 550.
Ефимовъ, Н. Е., архитект., † 1852 г., т. LXX, 575, 578, т. LXXI, 30.
Ешевскій, С. В., писатель-профессоръ, т. LXIX, 238.

Жадовская, Юлія Валеріан., поэтесса, ея стихотв.: «Стремленіе», «Любовь усыплю я, пока еще время холодной рукою», т. LXIX, 198, 484.
Жакляръ, Анна Вас., рожд. Корвинъ-Круковская, р. 1843 г., † 1888 г., т. LXXI, 625, 626, 629, 640.
Ждановъ, Степ. Роман., сенат. 1863 г., т. LXIX, 731, т. LXX, 603.
Жебровскій, художникъ 1859 г., томъ LXX, 447.
Желябужскій, 1809 г., т. LXXII, 613.

Желиховская, В. П., сообщ.: «Памяти въ Бозѣ почившей великой княгини Ольги Ѳеодоровны, † 31-го марта 1891 г.», т. LXX, 501—506.
Желтухинъ, Алексѣй Дм., т. LXX, 390, т. LXXII, 411.
Жемчужниковъ, чиновникъ 1850 г., т. LXXII, 138.
Жемчужниковъ, прокуроръ 1861 г., т. LXX, 496.
Женетъ, воспитан. Дворян. полка 1848 г., т. LXIX, 692, 693, 694, 695, 696, 697.
Жеребцова, Праск. Ник., т. LXXII, 121.
Жеребцова, Н. Н., т. LXXI, 404, 405.
Жеренскій, директ. Вятск. гимназіи 1878 г., т. LXX, 199.
Жизневскій, Августъ Казимір., тайн. сов., сообщ.: «Н. М. Смирновъ и П. Н. Клушинъ. Замѣтки къ письмамъ А. О. Смирновой», т. LXXII, 182, упомин. т. LXXI, 144.
Жилинскій, римско-католич. митроп. 1861 г., т. LXX, 490, т. LXXI, 547.
Жиркевичъ, Иванъ Степ., симбирскій губернат., т. LXXI, 370, 371, 377.
Житковъ, т. LXXI. 361.
Жолтиковъ, поруч. 1891 г., т. LXX, 261.
Жомини, ген.-ад. 1812 г., т. LXXI, 516, 517.
Жудро, Генріетта Казимір., въ замуж. Салозъ, женщина-врачъ, т. LXIX, 72.
Жуковъ, П. М., помѣщикъ 1795 г., т. LXXII, 601.
Жуковскій, Вас. Андреев., писатель, р. 1788 г., † 1852 г., т. LXIX. 131, 259, 502, 569, 573, т. LXX, 3, 460, 462, т. LXXI, 129, 195—197, 241, 306, т. LXXII, 80—85, 442, 493, 496.
Жуковскій, Пав. Васильев., художн.-живоп., т. LXXII, 442, 493, 496, 497.
Жуковскій, Степ. Михайл., статсъ-секретарь, тайн. сов. 1866 г., † 1877 г., т. LXXI, 576, 584.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Пареѳновичъ, ст.-секрет., чл. госуд. сов., тайн. сов., р. 1808 г., † 1881 г., томъ LXIX, 785, т. LXXI, 208, 267.
Заблоцкій-Десятовскій, Пав. Пареѳновичъ, докт.-мед., проф., т. LXX, 12
Завадовская, гр-ня, рожд. Влодек т. LXX, 668, т. LXXI, 137.
Завадовскій, гр., Петръ Василье мин. нар. просв., 1802 г., р. 1738 † 1813 г., т. LXXII, 558, 559.
Завадовскій, гр., сенат. 1848 г., то LXXI, 136, 137.
Завадскій, шт.-кап. 1891 г., т. LXX, 2
Завалишинъ, Дм. Иринархов., декабр т. LXXI, 331, 332, т. LXXII, 89.
Заварыкинъ, Ѳед. Никол., проф. м.-х акад. 1890 г., т. LXX, 377.
Завидовскій, Гав., протоіер. 1860 г т. LXXII, 239.
Завьяловъ, художн. 1838 г., т. LXXI 65, 66.
Загорскій, Александ. Петров., профес м.-х. ак. 1840 г., т. LXX, 121, 123, 124.
Загорскій, Петръ Андреев., профес-анатомъ, р. 1764 г., † 1846 г., т. LXX, 364, т. LXXII, 482, 484.
Загоскинъ, Мих. Никол., писат., дир московск. театровъ, р. 1789 г., † 1852 г. т. LXIX, 235, 250, 422, т. LXXII. 110, 111.
Задлеръ, докт. 1830 г., т. LXX, 269.
Заіончковскій, Ив. Ив. докт., † 1872 г., т. LXIX, 455, 456.
Закалупинъ, офиц. 1830 г., т. LXX, 455.
Закатова, въ зам. княг. Корсини, т. LXXII, 119, 120.
Закревскій, гр., Арсеній Андреевичъ, † 1865 г., т. LXIX, 266, 267, 590, т. LXX, 136, 221, 276, 345, т. LXXI, 275, 513, т. LXXII, 75, 182.
Залусскій, гр., полковн. генер. штаба польск. войскъ 1828 г., томъ LXX. 213, 214.
Замойскій, гр., Владиславъ, т. LXIX. 299, 538, т. LXXII, 358.
Загряжскій, М. П., т. LXXII, 612.
Замятинъ, директ. земск. отдѣла 1864 г., т. LXX, 416.
Замятнинъ, Дм. Николаев., мин. юстиц. 1864 г., т. LXX. 380, 642, т. LXXI, 119, 123, 124, 125, 146, 147, 575, томъ LXXII, 172.

Апольскій, Н. И., педагогъ 1860 г., т. LXXI, 323.
Апольскій, Пав. Ив., ген.-м., команд. сибирск. линейн. баталіоновъ 1850 г., т. LXXI, 329, 332, 335, 351.
Арубаевъ, ген.-лейт., бывш. восп. Дворян. полка, † 1889 г., т. LXX, 253.
Арудный, Ив., т. LXX, 25.
Арудный, Серг. Ив., ст.-секр., сенат., тайн. сов., род. 1820 г., † 1887 г., т. LXX, 24, 25, 462, 625, т. LXXI, 129—134, 142, 146, 297, 569.
Юнъ-Засъ, подполковн. 1730 г., томъ LXXII, 216.
Бауервейдъ, худ. 1838 г., т. LXXI, 63.
Вдекауеръ, Никол. Өед., заслуж. проф. и поч. чл. м.-х. акад. и акад. наукъ, д. тайн. сов., сообщ.: свои записки „Императорская Спб. медико-хирургическая академія въ 1833—1863 г.г.“, т. LXX, 117—135, 361—378; „Павелъ Андреевичъ Нарановичъ“, т. LXXI, 24; „Памяти Ивана Ефимовича Андреевскаго“, 643—644; „Павелъ Андреевичъ Нарановичъ. Изъ записокъ Н. Ө. Здекауера“, т. LXXII, 477—479, упом. т. LXX, 645, т. LXXI, 203, 207, т. LXXII, 659.
Здекауеръ, Өед. Яковлев., врачъ, гл. врачъ морск. госпит. въ Свеаборгѣ, † 1836 г., т. LXX, 120.
Зеебахъ, т. LXX, 347.
Зейдеръ, Фридрихъ, докт. философіи, пасторъ, р. 1771 г., † 1834 г., томъ LXIX, 604, т. LXX, 75.
Зейдеръ, Карлъ Өед., докт. 1830 г., т. LXXI, 376.
Зейдлицъ, Карлъ Карлов., гл. докт. морск. госпит. въ Спб. 1837 г., томъ LXX, 122, 123, 124, 125, 127, 129, 130, 131, 132, 361.
Зеленый, Александ. Алексѣев., мн-ръ госуд. имущ. 1860 г., чл. госуд. совѣта, т. LXIX, 427, т. LXX, 398, т. LXXI, 267, 272, 278, 550, 553, 554, 559, 589, томъ LXXII, 148, 149, 397—415, 422, 425, 428.
Зерновъ-Вельяминовъ, Ив. Данилов., ростов. воевода, 1704 г., т. LXXI, 615.
Зининъ, Никол. Никол., профес. 1840 г., т. LXIX, 769, 770, т. LXX, 128, 129.
Зміевъ, Венедиктъ Андреев., дворянинъ 1689 г., т. LXXII, 247, 255, 255, 257.
Зміевъ, полковн., гроднен. полиціймейст. 1861 г., т. LXX, 493.
Золотарева, Е. Д., въ зам. Мацнева, т. LXXI, 371.
Золотаревъ, ген.-лейт., † 1890 г., томъ LXX, 253.
Золотницкій, Н. И., инспект. чувашск. школъ 1866 г., т. LXX, 189.
Золотовъ, Вас. Александр., т. LXIX, 484.
Зонъ, педагогъ 1860 г., т. LXXI, 320.
Зоринъ, подполк. 1840 г., т. LXXI, 367.
Зотиковъ, П. И., т. LXXI, 36.
Зотовъ, Владим. Рафаиловъ., писатель, т. LXIX, 227, 455.
Зотовъ, Рафаилъ, писатель, т. LXIX, 55, 59, 451.
Зубаревъ, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 138.
Зубаринскій, подполковн. ген.-штаба 1854 г., т. LXXI, 239.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., р. 1771 г., † 1804 г., т. LXIX, 556—559, т. LXXI, 513.
Зубовъ, Василій Кирилловъ., полковн., † 1887 г., т. LXIX, 661—672.
Зубовъ, Пав. Алексѣев., студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX, 457, 460, т. LXXI, 138.
Зубровъ, артистъ 1860 г., т. LXXII, 205, 206.
Зубовъ, писат., т. LXXII, 88.
Зубчаниновъ, купецъ 1801 г., томъ LXIX, 555.
Зузинъ, управл. отд—мъ крестьян. зем. банка въ Яросл. 1891 г., т. LXX, 260.
Зуровъ, полковн. 1830 г., т. LXIX, 526, 527, т. LXX, 269.
Зуровъ, гродненск. губернат., 1875 г., т. LXX, 497.
Зыбинъ, Ефимъ, об.-комиссаръ артил. приказа 1707 г., т. LXXII, 464.
Зыбинъ, Мих., полковн. 1706 г., томъ LXXII, 28, 29, 31.
Зыбинъ, юнкеръ 1840 г., т. LXXI, 368.

Ибрагимовъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.
Ивановъ, Ефремъ, т. LXXI, 609—616.
Ивановъ, Александ. Андреев., художн., † 1858 г., т. LXIX, 570, т. LXX, 578, т. LXXI, 26, 27, 33, 34, 55, 58, 61, 70, 249, т. LXXII, 197.
Ивановъ, Алексѣй Егоров., чиновн. 1855 г., т. LXX, 345.
Ивановъ, Антонъ, скульпт. 1835 г., т. LXXI, 35.
Ивановъ, Сергѣй Андреев., архитект. 1846 г., т. LXIX, 225, 570.
Ивановъ, Серг. Серг., т. LXXII, 406, 408, 415.
Ивановъ, полковн. 1860 г., т. LXX, 179, т. LXXII, 401.
Ивановъ, чиновн. 1867 г., т. LXXII, 170.
Ивановъ, т. LXXII, 285.
Ивановская, Каролина Ив., въ зам. Тучкова, т. LXIX, 503.
Ивановскій, Н. П., профес. м.-х. акад., впослѣд. совѣщат. чл. медиц. совѣта, т. LXIX, 129, 133, т. LXX, 377, 459, 460, 464, 468.
Ивашевъ, т. LXXI, 379.
Игнатовъ, вольноопред. 1840 г., томъ LXXI, 361.
Игнатьевъ (впослѣд. графъ), Павелъ Никол., спб. ген.-губ. 1860 г., т. LXIX, 40, 56, 92, 636, 637, т. LXXII, 142.
Игнатьевъ, Титъ, т. LXX, 184.
Игорь, князь, 913 г., т. LXXII, 708.
Изенбекъ, докторъ 1859 г., т. LXXI, 318, 319, 320.
Измайловъ, Александръ Ефим., писат., р. 1779 г., † 1831 г., т. LXX, 484, 546, т. LXXII, 231.
Измайловъ, Владим. Васильев., писат., т. LXX, 6.
Изюсковъ, чин. 1850 г., т. LXXI, 144.
Сентъ-Илеръ, Карл. Карлов., педагогъ писатель, 1860 г., т. LXXI, 321, 322.
Илличевскій, Платонъ Демьянов., тов. мин. юстиц., т. LXXI, 119, 122, 128, т. LXXII, 92.
Ильенко, 1861 г., т. LXIX, 93.
Ильенковъ, технологъ 1852 г., томъ LXIX, 132.
Ильина, Елисав. Ив., т. LXXII, 596, 602, 613.
Ильина, Марья Владим., рожд. Дурнакина, † 1803 г., т. LXXII, 593.
Ильинъ, Вас. Ив., 1820 г., т. LXXII, 596.
Ильинъ, Дм. Ив., 1825 г., т. LXXII, 592, 598, 599.
Ильинъ, Ив. Савичъ, † 1801 г., т. LXXII, 593, 598, 601, 602, 607.
Ильинъ, Никол. Ив., 1820 г., т. LXXII, 593, 598, 599, 614.
Ильинъ, Н. Т., чиновн. 1882 г., томъ LXIX, 493.
Ильины, т. LXXII, 523, 610.
Ильинскій, Н. И., педагогъ 1869 г., т. LXIX, 401, 403, 404, т. LXX, 188.
Ильинскій, Тимоѳ. Степанов., профес. м.-х. акад. 1850 г., т. LXX, 377.
Индреніусъ, капит. 1840 г., т. LXXI, 363.
Инзовъ, генер. 1830 г., т. LXIX, 582.
Иннокентій, еписк. Камчатскій 1840 г., т. LXXII, 236, 237.
Иннокентій, архіеп. херсон., † 1891 г., т. LXIX, 487.
Иновемцевъ, докт. 1860 г., т. LXIX, 590.
Исаевъ, А. А., 1890 г., т. LXIX, 504.
Исаковъ, Никол. Вас., ген.-ад., член. госуд. сов. 1860 г., т. LXIX, 57, 101, т. LXXI, 266.
Исламины, т. LXXII, 416.
Истомина, Авдотья Ильинична, артист., 1825 г., т. LXIX, 627, 630, т. LXXII, 655.
Истоминъ, Владим. Ив., контръ-адмиралъ, † 1855 г., т. LXX, 182, 350, томъ LXXII, 70, 79, 80.
Исуповъ, подполк., 1891 г., т. LXX, 261.
Ишимова, писат-ца 1835 г., т. LXX, 463.

Іакинѳъ Бичуринъ, (въ мірѣ Никита Яковлевичъ), род. 1777 г., † 1853 г., т. LXX, 653.
Іенсенъ, профес.-скульпт. 1852 г., томъ LXXII, 497.
Іероним (въ мірѣ Дороѳей Лаптевъ), іеромонахъ, заточен. въ Соловецк. монаст., р. 1766 г., † 1847 г., т. LXXI, 183—194.

Іоаннмъ, патріар., † 1690 г., т. LXIX, 227.
Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. LXIX, 19, томъ LXXII, 282, 531.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, † 1696 г., т. LXIX, 20, 215, т. LXXI, 422, 423, 429, 431—439, т. LXXII, 252, 253, 258, 261, 262, 272.
Іоаннъ Антоновичъ, царь, р. 1740 г., † 1764 г., т. LXXII, 669.
Іорданъ, Александра Ѳед., т. LXXII, 652.
Іорданъ, Александ. Ив., 1824 г., томъ LXIX, 626, т. LXX, 74.
Іорданъ, Анна Ив., **въ зам. Савельева**, † 1855 г., т. LXX, 337, томъ LXXII, 625, 627.
Іорданъ, Ив. Ѳедоров., т. LXIX, 603.
Іорданъ, Варвара Александр., рожд. **Пушкина**, сообщ.: „Записки профессора ректора императорской акад. худож., Ѳедора Ивановича Іордана", „Р. Ст." 1891 г., кн. мартъ—декабрь.
Іорданъ, Ѳед. Ив., художн.-граверъ, ректор. императ. акад. худож., р. 1800 г., † 1883 г., его записки, т. LXIX, 601—634, т. LXX, 71—116, 305—337, 547—580, т. LXXI, 25—70, 239—264, 529—546, т. LXXII, 113—137, 325—350, 619—658, упом. т. LXIX, 225, 227, 249, т. LXXI, 476, т. LXXII, 713.
Іорданъ, г-жа, рожд. **Мертенсъ**, въ перв. бракѣ **Мало**, т. LXIX, 603.
Іосифъ Добровскій, т. LXIX, 212.

Кабатъ, докт. 1863 г., т. LXIX, 753.
Кавелинъ, Конст. Дмитріев., профес., р. 1818 г., † 1885 г., т. LXIX, 21—23, 41—45, 89, 142, 201, 406, т. LXX, 516, 518, 522, т. LXXI, 115.
Каверинъ, Петръ Павлов., москов. об.-полицеймейст. 1802 г., томъ LXX, 11, т. LXXI, 482.
Каверскій, Эдуардъ Авреліанов., ген.-л. генер. штаба 1891 г., т. LXX, 262.
Кавосъ, г-жа, 1845 г., т. LXXII, 121.
Кадесъ, художн., 1800 г., т. LXIX, 604.
Казанскій, педаг. 1828 г., т. LXX, 40.
Казенбекъ, профес. 1852 г., т. LXIX, 133, 743, 744.
Казначеевъ, сенат. 1848 г., т. LXIX, 250, т. LXXI, 115.
Кайсаровъ, Андрей Сергѣев., профес., полковн., † 1813 г., т. LXX, 12, 13, т. LXXI, 493, 494.
Кайсаровъ, Паисій Сергѣев., москов. плацъ-адъют. 1801 г., т. LXX, 12.
Кайсевичъ, Іеронимъ, ксендзъ 1848 г., т. LXX, 583.
Калайдовичъ, Петръ, 1890 года, томъ LXIX, 227.
Калайдовичъ, адвокатъ 1845 г., томъ LXXI, 127.
Каламъ, художн. 1830 г., т. LXXI, 532.
Калантаровъ, подпоруч., 1840 г., томъ LXXI, 360.
Калачовъ, Ник. Вас., археологъ, основат. и перв. директ. археол. институт., тайн. сов., сенаторъ, р. 1819 г., † 1885 г., т. LXIX, 489, т. LXXI, 204, 205, 389, 390.
Калашниковъ, 1891 г., т. LXXII, 89.
Калерги, г-жа, т. LXXII, 423, 425.
Калинскій, Осипъ Игнатьев., профес. 1833 г., т. LXX, 121, 128.
Каллинсъ, докт. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, т. LXXII, 531.
Калмыковъ, профес. 1852 г., т. LXIX, 129, 133, 134, т. LXXI, 387.
Калошинъ, Сергѣй, пис. 1846 г., томъ LXIX, 244.
Калугины, помѣщики, 1816 годъ, томъ LXX, 28.
Каменскій, ред. „Сѣв. Почты", 1863 г., т. LXIX, 730.
Камеронъ, архитект. 1800 годъ, томъ LXIX, 604.
Камуччини, художн. 1830 годъ, томъ LXXII, 328.
Канарскій, † 1863 г., т. LXIX, 731.
Каніевскій, художникъ, 1839 г., томъ LXXI, 251.
Канкринъ, Вал., 1859 г., т. LXXI, 270.
Канкринъ, г., Егоръ Франц., мн-ръ финанс. съ 1823 по 1844 г., † 1845 г., т. LXIX, 192, 672, т. LXX, 47, 57, 58, 277, 290, 418, т. LXXI, 271.

Каннринъ, гр., прапорщ. 1840 г., томъ LXXI, 363.
Каншинъ, Д. В., писат., т. LXXI, 389.
Капгеръ, директ. деп. министр. юстиц. 1845 г., т. LXXI, 119, 125.
Капнистъ, ген.-ад. 1857 г., т. LXIX, 353, т. LXX, 446.
Каподистрія, гр., Ив. Антонов., род. 1776 г., † 1831 г., т. LXXI, 513.
Капустинъ, Н. М., тайн. сов., тов. предсѣд. комит. для вспомоществ. переселенц. 1891 г., LXX, 266.
Караджичъ, Вука Стеф., сербск. поэтъ, т. LXIX, 236.
Карамалинъ, учен. акад. худ. 1818 г., т. LXIX, 624, 625.
Караозовъ, Дм. Владим., т. LXXI, 300, 572.
Карамзина, Аврора, 1860 г., т. LXXI, 547, 548, 551.
Карамзинъ, Василій Михайл. 1810 г., т. LXX, 7.
Карамзинъ, Владим. Николаев. 1866 г., сенаторъ, т. LXXI, 288, 293, 548, 550, 587, т. LXXII, 151, 394.
Карамзинъ, Николай Мих., историогр., р. 1766 г., † 1826 г., т. LXIX, 103, т. LXX, 6, 7, 8, 12, 15, 145, 540, томъ LXXI, 315, 579, 586, 590, т. LXXII, 159, 394, 395.
Каратыгинъ, Василій Андреев., артистъ, † 1853 г., т. LXX, 72, 116, томъ LXXII, 188, 655.
Каргопольцевъ, Ив. Ник., т. LXXI, 414.
Каргопольцевъ, Никол. Яковлев., нач. якутск. области, т. LXXI, 414.
Каргопольцевъ, сообщ.: „Небесное явленіе въ Березовѣ 1832 г.“, т. LXXI, 414.
Каржавовичъ, маіоръ 1840 года, томъ LXXI, 363.
Карлгофъ, генеральша 1845 годъ, томъ LXIX, 248, 270, т. LXXI, 247.
Карлъ XII, кор. швед., т. LXXII, 25—38.
Карніолинъ-Пинская, Надежда Иван., рожд. Стародубская 1840 г., томъ LXXI, 127, 128.
Карніолинъ-Пинскій, Матвѣй Мих., сенат., д. тайн. сов., р. 1798 г., † 1856 г., т. LXXI, 119, 125, 126, 129, 133, 141.
Карновичъ, Е. Н., 1866 г., т. LXXI, 293.
Карновичъ, Евг. Петр., писатель, томъ LXIX, 235.
Карпенко, ген. 1839 г., т. LXIX, 107.
Карповъ, Александръ Дмитр., симбирск. губернат. 1801 г., т. LXX, 2, 6.
Карповъ, шт.-кап., 1891 г., т. LXX, 261.
Карская, г-жа, 1848 г. т. LXIX, 254.
Карцевъ, Александръ Петров., 1852 г., т. LXIX, 143.
Касаговъ, 1689 г., т. LXXII, 257.
Катанаси, Гавр. Антонов., сенат. 1848 г. т. LXXI, 133, 137.
Каталинскій, врачъ 1855 г., т. LXIX, 370, т. LXXI, 105.
Кательниковъ, В. Г., чл. литер. фонда 1890 г., т. LXIX, 504.
Катенинъ, Александ. Андреев., ген.-ад. харьков. ген.-губ. 1856 г., т. LXX, 604, т. LXXII, 144.
Катенинъ, Пав. Александр., полковн., писат., р. 1792 г., † 1853 г., томъ LXXII, 80.
Катковъ, Мих. Никифор., профес., писат. и публицистъ, р. 1818 г., † 1887 г., т. LXIX, 235, 398, 399, 460, 463, 589, 599, 737, 738, 740, 750, 757, 758, томъ LXX, 139, 143, 190—193, 400, 403, 619, 635, т. LXXI, 93, 110, 296, 307, 308, 568, 572, томъ LXXII, 439, 440, 444, 660, 671.
Каулбарсъ, бар., Александръ, 1890 г., т. LXXII, 37.
Каулбарсъ, бар., Влад., 1890 г., томъ LXXII, 37.
Каулбарсъ, бар., Іоганнъ Фридрихъ, 1718 г., ген.-ад., томъ LXXII, 34, 35, 37, 38.
Каулбарсъ, бар., Н., сообщ.: „Смерть короля шведскаго Карла XII, 1718 г.“, т. LXXII, 33—38.
фонъ-Кауфманъ, Конст. Петров., виленск., впосл. туркест. ген.-губерн., р. 1818 г., † 1882 г., т. LXX, 639, 641, т. LXXI, 280, 291, 576, 577, томъ LXXII, 683.
фонъ-Кауфманъ, Мих. Петров., ген.-ад., предсѣд. гл. управл. общ. Кр. креста 1891 г., т. LXXII, 493.

Сахановъ, Ив. Семенов., генер. отъ артил., виленск. ген.-губернат., томъ LXXI, 648.

Сахановъ, Мих. Семенов., род. 1833 г., ст.-секрет., членъ Госуд. Совѣта, д. тайн. сов., т. LXXI, 392.

Саховскій, Петръ Авдр., отст. гвард. поруч., декаб., † 1826 г., т. LXXII, 73.

Сачеповскій, Мих. Трофим., профес., ректор. московск. унив., р. 1775 г., † 1842 г., т. LXXI, 313, т. LXXII, 614.

Сашеваровъ, кап.-лейт. 1854 г., томъ LXXI, 352.

Квистъ, Оскаръ Ильичъ, воен. инж. ген.-лейт., 1870 г., т. LXXI, 208.

Квистъ, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 138.

Квитка (Основьяненко), писат. 1864 г., т. LXX, 151.

Квитченко, артистка 1864 г., томъ LXX, 151.

Кедровъ, педагогъ 1860 г., т. LXXI, 321.

Кейчеръ, Даніилъ Яковлев., т. LXXII, 597.

Кекуатовъ, кн., Н., помѣщ. 1847 г., т. LXX, 429, 430.

Келлеръ, гр-ня, 1859 г., томъ LXXI, 269, 549.

Келлеръ, графъ, 1859 г., т. LXXI, 549.

Келлеръ, О., 1859 г., т. LXXI, 560.

Кельбѣдинъ, 1845 г., т. LXXII, 112.

Кельсіевъ, Вас. Ив., писатель, р. 1835 г. † 1872 г., т. LXXII, 442, 682, 683.

Кельхенъ, лейбъ-хирургъ, р. 1722 г., † 1810 г., т. LXXII, 544, 558.

Кенигсбергеръ, профес. 1870 г., томъ LXXII, 454.

Кенигъ, А. И., преподав. 2-го кад. корп. 1801 г., т. LXIX, 550.

Кенэ, докт. 1767 г., т. LXXII, 316.

Кешенъ, Петръ Ив., археол., этногр., профес., † 1864 г., т. LXX, 419.

Кербедзь, инж. пут. ссобщ., 1840 г., т. LXX, 134.

Кербицъ, 1863 г., т. LXIX, 757, 759, 760.

Керцелли, артистъ 1801 г., т. LXX, 6.

Кеслеръ, предсѣд. съѣзда естествоиспыт. 1867 г., т. LXXII. 659.

Кетчеръ, Н. Х., писат., т. LXIX, 270, т. LXXI, 316.

Кехли, Тереза, въ зам. **Вульфъ**, 1859 г., т. LXXII, 145.

Киль, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 542.

Киневичъ, Вл. Ф., педагогъ, 1830 г., т. LXIX, 117.

Кипренскій, Орестъ Ад., художн. 1850 г., т. LXIX, 256, т. LXX, 249, 578, томъ LXXI, 24—30.

Кириакъ, архимандр. Суздальск. Спасо-Евфиміев. мон. 1710—1720 гг., томъ LXXI, 402—403.

Киркоръ, издат. газ. «Наше Время» 1867 г., т. LXXII, 685.

Кирпичевъ, Л. Л., профес., † 1889 г., т. LXX, 254.

Кирѣевъ, Алек. Александ., т. LXX, 252.

Кирѣевъ, Мих. Никол., предвод. двор. Ставроп. уѣзда Самар. губ. 1865 г., т. LXX, 687.

Кирѣевскіе, т. LXIX, 242.

Киселева, гр-ня, рожд. Потоцкая, 1849 г., т. LXXII, 353.

Киселевъ, гр., Пав. Дм., ген.-отъ инф., ген.-ад., мн. гос. им. 1839 г., р. 1788 г., † 1872 г., т. LXIX, 3, 22, 192, 195, 370, 428, т. LXX, 273, 343, 347, томъ LXXII, 473.

Киселевъ, купецъ 1830 г., т. LXXI, 193.

Кисловскій, инж. 1833 г., т. LXIX, 230.

Кисловскій, вице-директ. деп. мин. нар. просв. 1855 г., т. LXIX, 61, 69, 78, 98, 336, 337.

Китара, профес. 1862 г., томъ LXIX, 342, 357.

Китеръ, А. А., профес. 1840 г., т. LXX, 128, 129.

Классенъ, В. Е., художн., 1890 г., фотографъ, т. LXXII, 449.

Классовскій, писатель-педагогъ 1839 г., т. LXXI, 256.

Клауберъ, граверъ, профес., 1830 г., т. LXX, 106.

Клевановъ, ред. «Сѣв. Почты» 1863 г., т. LXIX, 706, т. LXX, 141.

Клейнмихель, А. А., директ. 2-го кад. корп., ген.-м. 1801 г., томъ LXIX, 549, 552, 559.

Клейнмихель, Влад. Петров., ген.-м., команд. л.-гв. Семен. пол., † 1880 г., т. LXX, 133.

Клейнмихель, гр., Петръ Андреев., ген.-ад., † 1869 г., т. LXIX, 22, 43, 535, т. LXX, 128, 132, 269, 183, 134, 340, 342, 343, 454, 455, т. LXXI, 136, т. LXXII, 402.

Клейнъ, 1859 г., т. LXXI, 560.

Клеммъ, ген.-отъ-инф., † 1890 г., томъ LXX, 254.

Климченко, скульпт. 1835 г., т. LXXI, 36.

Клодтъ, бар., скульпторъ, 1835 г., томъ LXX, 664.

Клоссіусъ, проф. 1830 г., т. LXXI, 313.

Клочковъ, чиновн. 1855 г., т. LXX, 179.

Клушинъ, П. Н., 1850 г., т. LXXII, 182.

Клюки-фонъ-Клюгенау, ген.-м. 1840 г., т. LXXI, 356, 364.

Княжевичъ, Александръ Максимов., чл. госуд. сов., ми-ръ финанс., 1860 г., т. LXIX, 41, 42, 45, 56, 62, 78, 96, 333, т. LXX, 152, 388, 391, 401, 403, 406, 418, т. LXXI, 582, 583, т. LXXII, 158, 401, 422, 426, 677.

Княжевичъ, Владиславъ Максимов., 1860 г., т. LXIX, 40, 42, 45, 54, 62, 722, т. LXX, 418, 423, 424, 632, томъ LXXI, 105, 115, т. LXXII, 158, 161.

Княжнинъ, Яковъ Борис., писатель, р. 1742 г., † 1791 г., т. LXIX, 383, 589.

Князевъ, Александръ Сергѣев, археол., педаг., писатель, р. 1814 г., сообщ.: «Погостъ Слауй». т. LXIX, 226.

Князевичъ, генер. 1830 г., т. LXIX, 545.

Ковалевская, Софья Васильевна, рожд. Корвинъ-Круковская, профес. высш. матем. въ Стокгольм. унив., р. 1850 г., † 1891 г., т. LXXI, 623—641, томъ LXXII, 449—463.

Ковалевскій, В. О., профес. 1870 г., т. LXXI, 635, т. LXXII, 454.

Ковалевскій, Евгр. Петров., ми-ръ нар. просв. съ 1858 г., † 1866 г., т. LXIX, 50, 51, 53, 54, 56, 57, 60, 61, 69, 83, 96, 704, т. LXX, 152, т. LXXI, 266, т. LXXI, 266, т. LXXII, 168.

Ковалевскій, Егоръ Петров., р. 1811 г. † 1868 г., т. LXIX, 41, 44, 51, 54, 82, т. LXX, 146, 176, 626.

Ковригинъ, Илья Даниловъ., негоціантъ 1885 г., т. LXXI, 385, 644.

Кожевниковъ, П. А., 1807 г., том LXIX, 548.

Козакевичъ, Петръ Вас., адмиралъ, т. LXXI, 335, 336.

Козелло-Поклевскій, бывш. воспитан Конст. воен. учил., т. LXX, 260.

Козлова, помѣщица 1816 г., т. LXX, 2

Козловъ, Никол. Илларіон., презид м-х. акад., тайн. сов., т. LXX, 127, 37

Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, р. 1774 г., † 1838 г., т. LXXII, 87.

Козловскій, С. М., т. LXXII, 599.

Козловскій, кн., Яковъ, писат. 1801 г. т. LXX, 3.

Ковлянинова, Софья Александр., рожд. Хвостова, род. 1794 г., томъ LXX. 511—514.

Коноревъ, Вас. Александр., † 1889 г. т. LXIX, 731, 784, т. LXXI, 79, 267, т. LXXII, 483.

Коноревъ, нижен.-подполковн. 1830 г., т. LXX, 61, 70.

Конориновъ, архитект., 1819 г., томъ LXIX, 617.

Коншаровъ, Никол. Ив., акад., кристаллографъ 1880 г., т. LXIX, 765—770.

Колзаковъ, Конст. Павл., генер.-маіоръ, т. LXIX, 282.

Колзаковъ, Пав. Андр., адмир. 1826 г., т. LXIX, 282.

Колмаковъ, Александ. Марков., 1816 г., т. LXX, 30, 451, 452.

Колмаковъ, Ив. Акимов., 1829 г., томъ LXX 451.

Колмаковъ, Маркъ Акимов., † 1827 г., т. LXX, 25, 35.

Колмаковъ, Никол. Марков., тайн. сов., р. 1816 г., его „Воспомин.", т. LXX, 23—43, 449—469, 657—679, т. LXXI, 119—148, упом. т. LXXII, 182.

Коловъ, Аф., 1704 г., т. LXXI, 614—616.

Кологривовъ, Никол. Николаев., 1863 г., т. LXIX, 725.

Колоколовъ, педагогъ 1785 г., томъ LXXII, 595.

Соковольцовъ, Дм. Григорьев., ген.-лейт., р. 1814 г. его «Воспоминанія», т. LXIX, 635—674.
Соломинъ, Н. Н., 1890 г., т. LXIX, 781, т. LXXI, 555.
Солнобакинъ, изд. «Спб. Вѣд.» 1866 г., т. LXXI, 299.
Сольцовъ, Алексѣй Васильев., писат., р. 1809 г., † 1840 г., т. LXXII, 85.
Командеръ, К. Я., 1823 г., т. LXX, 533.
Комарницкій, Петръ Адамов., педагогъ 1880 г., т. LXIX, 774, 775.
Комаровъ, Алекс. Вас., ген.-лейт. сообщ. поправку къ ст. «Родзевича о Т. Г. Шевченко», т. LXXII, 506.
Комаровъ, Меркул. Елизар., коммерц. сов., д. ст. сов., издат., 1891 г., томъ LXIX, 491, 790.
Комаровъ, Пав. Ив., 1810 г., т. LXX, 2, 3, 13, 14, 15.
Комаровскій, гр., 1838 г., т. LXXI, 68.
Комиссаржевскій, актеръ-пѣв. 1865 г. т. LXX, 627.
Комиссаровъ-Костромской, Осипъ Ив., 1866 г., т. LXX 296, 298, 300.
Кондаковъ, Ѳеофанъ, священ. 1770 г., т. LXXI, 184.
Кондратовичъ - Сыромомля, Владиславъ, писатель 1797 г., томъ LXX, 518, 522.
Кондратьевъ, Александръ Савельев., граверъ 1810 г., т. LXIX, 606, 612, 624.
Кондыревъ, Петръ Сергѣев., профес. 1819 г., т. LXX, 19.
Кони, Анат. Ѳед., тайн. сов., сенаторъ, писатель, т. LXIX, 199—208.
Кони, Ѳед. Алексѣев., писатель, р. 1811 г., † т. LXIX, 681.
Коніевскій, художн. 1836 г., т. LXXI, 45.
Коновницынъ, гр. Петръ Петров., ген.-отъ-инф., гл. директ. кадет. корп-въ, р. 1766 г., † 1822 г., т. LXXI, 494, 495, 504—506.
Кононовичъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.
Конопи, декораторъ 1830 г., т. LXXII, 193, 194.
Константиновъ, П. К., граверъ, 1840 г. т. LXXII, 657.
Константинъ Константиновичъ, великій князь, президентъ имп. академіи наукъ, поэтъ-писатель, т. LXIX, 768.
Константинъ Николаевичъ, вел. князь, род. 1827 г. т. LXIX, 44, 359, 495, 496, 599, 731, 733, 739, 782, 785, т. LXX, 187, 188, 339, 345, 347, 358, 360, 426, 470, 669, т. LXXI, 79, 274, 316, 557, т. LXXII, 139, 149, 181, 396, 402—404, 415, 417, 419, 426.
Константинъ Павловичъ, вел. князь цесарев., р. 1779 г., † 1834 г., т. LXIX, 17, 29, 195, 281, 290, 291, 296, 410, 537, 538, 540, 546, 559, 631, т. LXX, 34, 54, 252.
Копишъ, Карлъ Антонов., помѣщ. 1830 г., т. LXXI, 374, 381.
Копосовъ, купецъ 1830 г., т. LXXI, 193.
Копотиловъ, Сергѣй, подпоруч. 1776 г., т. LXXI, 179.
Корвинусъ, Матвѣй, венгерск. король, † 1490 г., т. LXXI, 638.
Корвинъ-Красинскій, ген.-м. 1854 г., т. LXXII, 486.
Корвинъ-Круковская, Елисав. Ѳед., рожд. Шубертъ, † 1879 г., т. LXXI, 635.
Корвинъ-Круковская, Софія Вас., см. Ковалевская.
Корвинъ-Круковская, Анна Васильев., см. Жакляръ.
Корвинъ - Круковскій, Василій Васильев., ген.-лейт. 1858 г., т. LXXI, 624, 625, 629, 635, 640.
Корвинъ-Круковскій, Петръ Васильев., помѣщ. 1860 г., т. LXXII, 450, 452, 453.
Корвинъ-Круковскій, Ѳед. Васильев., канд. спб. универ. сообщ.: „Софья Васильевна Корвинъ-Круковская, въ замужествѣ Ковалевская, профессоръ высшей математики въ Стокгольмскомъ университетѣ“, т. LXXI, 623—636, упом. 640, т. LXXII, 449.
Корвинъ-Круковскіе, т. LXXI, 637.
Кореневъ, пис. 1845 г., т. LXIX, 245.
Коржовъ, капит. 1850 г., томъ LXX, 435, 436.
Корибутъ, Георг. Данилов., полковн. генер. штаба, 1866 г., т. LXXI, 293.

Кормуковъ, Н. М., профессоръ 1890 г., т. LXIX, 199.
Корниловъ, Владим. Алексѣев., ген.-ад., адмир., † 1854 г., т. LXX, 182, 350.
Корниловъ, Ив. Петров., нынѣ д. тайн. сов., поч. опек. 1867 г., т. LXXII, 681, 684.
Корниловъ, Ѳед. Петров., д. тайн. сов., чл. Госуд. Совѣта, т. LXIX, 781.
Корный, священ. 1853 г., т. LXXII, 378.
Короботъ, полковн. 1830 г., т. LXX, 455.
Коростынскій, Богумилъ, 1850 г., т. LXXII, 361, 384.
Корсаковъ, М. С., подполковн., 1854 г., т. LXXI, 332, 333, 336, 338.
Корсаковъ, воспитан. лицея 1812 г., т. LXXII, 91.
Корсаковъ, писат., т. LXXII, 293.
Корсини, князь, 1845 г., т. LXXII, 120.
Корсунъ, издат. сборн. „Снѣгъ“ 1840 г., т. LXIX, 487.
Корфъ, бар., впосл. гр., Модестъ Андр., чл. госуд. сов., т. LXIX, 58, 86, 89, 272, 380, 412, 446, т. LXX, 146, 152, 347, 619, 623, 624, 625, 675, т. LXXI, 102, 270, 287, 292, 308, 322, т. LXXII, 663.
Корфъ, баронъ, Павелъ Леон., презид. вольно-экономич. общ. 1891 г., томъ LXIX, 186.
Корфъ, генер., директ. деп. воен. посел. 1825 г., т. LXX, 60.
Корчминъ, капит. 1717 г., т. LXXII, 213, 214.
Коршъ, Вал. Ѳед., издат. „Спб. Вѣдом.“ † 1883 г., т. LXX, 637, т. LXXI, 110, 299.
Корытутъ, врачъ 1853 г., т. LXXII, 373.
Косаревъ, шт.-кап. 1854 г., т. LXX, 437, 440, 442, 443, 445.
Коскуль, уѣзд. предвод. дворян. Курлянд. губ. 1857 г., т. LXXI, 74.
Коссинскій, бар., педагогъ 1860 г., т. LXXI, 321.
Коссовичъ, Игнатій Андреев., поэтъ, педагогъ 1834 г., т. LXIX, 234.
Коссовичъ, Каэтанъ Андреев., профес. 1861 г., т. LXIX, 85, 235, 246, 250, 390.
Костенецкій, воспитан. Дворян. пол. 1848 г., т. LXIX, 687, 689, 690, 692, 693, 695, 696, 697.
Костенко, ген.-м., † 1891 г., т. LXX, 261.
Костенскій, воспитан. лицея 1812 г., т. LXXII, 91.
Костомаровъ, Николай Ив., писатель-историкъ, р. 1817 г., † 1885 г., т. LXIX, 41, 44, 53, 83, 340, 350, 483—490, 716, 757, 776, т. LXX, 383, 415, 430, 431, 448, 518, т. LXXII, 141, 176, 396, 444, 445, 664.
Костровъ, Ермилъ Ив., писат., † 1796 г., т. LXX, 546.
Костюринъ, Ив., 1628 г., т. LXXI, 396, 397.
Котелевскій, докт. 1860 г., т. LXXII, 184
Кохановская, писательница 1862 г., т. LXIX, 362, 453.
Кохановскій, сенат. 1830 г., т. LXIX, 283, 292, 539.
Коховскій, Всеволодъ Порфирьевич, ген.-лейт., директ. спб. педагогич. муз. воен.-учебн. завед., род. 1835 г., † 1891 г., его воспомин.: „Дѣло 22-го мая 1854 года подъ Силистріею“, т. LXIX, 698—700, упом. томъ LXX, 255, 261.
Коцебу, Августъ, писат., р. 1761 г., † 1819 г. т. LXXII, 70, 78, 80.
Коцебу, гр., Пав. Евстафіев., ген.-ад., р. 1802 г., т. LXIX, 276, 580, т. LXX, 604.
Кочкинъ, смотрит. вятск. уѣздн. учил. 1878 г., т. LXX, 199.
Кочубей, Аркадій Васильев., сенат. 1835 г., т. LXIX, 424, т. LXXI, 139.
Кочубей, кн., Викт. Павлов., министръ вн. дѣлъ 1807 г., впосл. госуд. канц., предсѣд. госуд. совѣта, род. 1768 г., † 1834 г., т. LXX, 47, 48, 120, 277, 287, 472, 476, т. LXXII, 435.
Кочубей, Петръ Аркадьев., предсѣд. имп. рус. техн. общ. 1891 г., т. LXIX, 424.
Кочубей, кн., Сергій Викторов., 1830 г., т. LXX, 661, 662.
Кошелевъ, Александръ Ив., писатель, 1840 г., т. LXIX, 235, 242, 270, 376, 588, т. LXXII, 165, 409.
Кошелевъ, Василій, полковн. 1706 г., т. LXXII, 29.
Кошелевъ, Григ. Борисов., 1810 г., т. LXX, 5, 13.

Ошелевъ, Д. Р., тамбовск. губернат. 1815 г., т. LXXII, 610, 613.
Ошкуль, гр., 1867 г., т. LXXII, 168.
Ояловичъ, Мих. Осип., профес., 1863 г., † 1891 г., т. LXIX, 729, 754, т. LXXII, 666, 684.
Краевскій, Андрей Александр., издат. „Голоса", р. 1810 г., † 1889 г., т. LXIX, 41, 43, 59, 92, 93, 96, 155, 484, 599, 737, т. LXX, 656, т. LXXI, 282—286, 591, т. LXXII, 85, 88, 107, 156, 174, 189.
Краккау, А. И., 1840 г., т. LXXI, 60.
Крамской, Ив. Никол., художн., 1870 г., т. LXIX, 732, 748, т. LXXII, 675.
Краунфельдъ, профес. 1836 г., томъ LXX, 464.
Краснопольскій, Н. Е., шт.-кап. 1807 г., т. LXIX, 560.
Краснопѣвцевъ, Ѳед., священ. 1840 г., т. LXXII, 238.
Краснопѣвцевъ, воспит. Дворян. полка 1848 г., т. LXIX, 123.
Красовъ, Василій Ив., поэтъ, † 1854 г., т. LXXII, 232.
Красовскій, Антон. Яковлев., профес. м.-х. акад., лейб-акушеръ, р. 1823 г., т. LXX, 363.
Красовскій, Аѳанасій Ив., ген.-отъ-инф., † 1843 г., т. LXX, 56, 61.
Крауфордъ, Томасъ, художн. 1850 г., т. LXXII, 643.
Крафтъ, инжен. пут. сообщ 1850 г., т. LXX, 134.
Крашенинниковъ, 1819 г., т. LXXII, 11, 12.
Крейтеръ, Х. И., т. LXXII, 607.
Кривцовъ, П. И., 1845 г., т. LXXI, 542.
Криденеръ, А., рижск. полиціймейст. 1847 г., т. LXX, 169.
Крейцъ, гр., Ципріянъ Антонов., р. 1779 г., т. LXIX, 1, 2, 106, т. LXX, 301.
Кромаренковъ, педагогъ 1785 г., т. LXXII, 595.
Кроминъ, офиц., † 1828 г., т. LXX, 213.
Кроткая, Анна Петров., рожд. княж. Волконская, т. LXX, 5, 9.
Круберъ, штабсъ-лекарь 1830 г., т. LXX, 134.
Крузе, лейбъ-медикъ 1784 г., т. LXXII, 557.
Крузе, Р. И., чиновн. 1800 г., томъ LXIX, 604.
Крузе, предсѣд. спб. земск. управы 1866 г., т. LXXII, 159.
Крузенштернъ, Ив. Ѳед., адм., директ. морск. учил., р. 1770 г., † 1846 г., т. LXIX, 561, т. LXXII, 11.
Крузенштернъ, адъют. 1830 г., т. LXX, 66.
Круковецкій, генер. 1830 г., т. LXIX, 290, 298, 299.
Круковскій, гр., 1490 г., т. LXXI, 638.
Крутиковъ, полковн. 1891 г., т. LXX, 261.
Крутникова, Е. И., въ зам. Вельтманъ, т. LXIX, 248.
Крутовъ, Андрей Ив., инспект. акад. худож. 1840 г., т. LXIX, 625, т. LXXI, 59, 60.
Крушевскій, ст. сов. 1830 г., т. LXIX, 545.
Крыловъ, Ив. Андреев., баснопис., р. 1768 г., † 1844 г., т. LXIX, 117, 630, т. LXX, 666, 667, 668, т. LXXI, 59, 187, т. LXXII, 80, 110, 111, 392, 655, 660, 661, 666.
Кремптонъ, лордъ, англ. посолъ въ Спб. 1859 г., т. LXXII, 142.
Кубе, А., чиновн. 1847 г., т. LXX, 169, 175, т. LXXI, 273, 560.
Кудиновъ, архитект. 1840 г., т. LXXI, 250.
Кудрявцевъ, преподават. в. кн. Александра Александровича 1861 г., т. LXIX, 39.
Кузнецовъ, Е. В., сообщ. „Сибирскій губернаторъ Д. И. Чичеринъ 1773—1776 гг.", т. LXXI, 179—182.
Куиловскій, Іуліанъ, 1850 г., т. LXXII, 361, 363, 384.
Кукольникъ, Несторъ Вас., писат., р. 1809 г., † 1868 г., т. LXXII, 87, 98.
Кулаковскій, Г. К., профес. м.-х. акад. 1850 г., т. LXX, 135.
Кулешовъ, сообщ. стихотв. Ю. В. Жадовской: „Стремленіе" и „Любовь усыпляя", т. LXIX, 198.
Куликовъ, Никол. Ив., 1860 г., томъ LXXII, 206.
Кулинъ, В. П., сообщ.: „Великая княгиня Елена Павловна, † 1873 г.", т. LXXI, 198.

Кулишъ, Пантелеймонъ Александров., писатель, т. LXXI, 489, т. LXXII, 653.
Куломзинъ, Анат. Никол., ст.-секр., тайн. сов., управляющ. дѣлами комитета министровъ 1890 г., т. LXIX, 781.
Кульжинскій, А., кол. ассес. 1850 г., т. LXX, 441.
Куникъ, Аристъ Аристов., тайн. сов., акад., 1890 г., т. LXX, 622, 626.
Кунъ, учитель 1848 г., т. LXIX, 681.
Куприяновъ, лейт. 1854 г., т. LXXI, 336.
Куприяновъ, слѣдствен. приставъ 1862 г., т. LXIX, 377.
Куракина, княг., Юлія Ѳедор., рожд. княж. Голицына, статсъ-дама, род. 1814 г., † 1881 г., т. LXXI, 293.
Куракинъ, кн., Борисъ Ив., полномочн. посолъ при разн. европ. дворахъ, род. 1676 г., † 1727 г., т. LXIX, 467.
Куракинъ, кн., Ѳед. Алексѣевичъ, поч. чл. археол. инст., членъ Саратов. ученой архив. комиссіи, издатель „Архива кн. Ѳ. А. Куракина", т. LXIX, 466—467.
Курбатовъ, 1718 г., т. LXXI, 403.
Курбатовъ, 1840 г., т. LXXII, 71.
Курбскій, кн., Андрей Мих., р. 1529 г., т. LXX, 467.
Курочкинъ, Василій Степ., писатель, р. 1831 г., † 1875 г., т. LXIX, 117, 119, 123, 124, 125, 343, т. LXXI, 90, 287.
Кутайсовъ, гр., чл. театр. комит. 1826 г., т. LXXII, 191.
Куторга, Мих. Сем., профес. исторіи 1852 г., т. LXIX, 129, 130, 133, 134, 348, 383, 434, 712, 727, т. LXX, 142, 144, 145, 151, 152, 464, 468.
Куторга, Степ. Сем., профес. зоологіи, р. 1808 г., † 1861 г., т. LXIX, 58, 132, 133, т. LXX, 468, 469.
Куторга, подполковн. 1891 г., т. LXX, 260.
Кутузовъ, гр., Аркадій, † 1859 г., т. LXXI, 550.
Кутузовъ, Логинъ Ив., 1812 г., томъ LXXI, 493.
Кутузовъ, Пав. Васильев., спб. воен. губернат. 1829 г., т. LXXI, 185.
Кутузовъ, Пав. Ив., курат. москов. унив. 1801 г., т. LXX, 7.
Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Иллар., р. 1745 г., † 1813 г., т. LXIX, 10, 11, 659, т. LXX, 618, т. LXXI, 493—519, т. LXXII, 43, 54, 57, 568.
Кутузовъ, гр., ст.-секрет. 1859 г., LXXI, 277, 278.
Кушелевъ-Безбородко, графъ, Г. А. 1860 г., т. LXIX, 490, т. LXXII, 173, 17
Кюстинъ, путешествен., его записк „Россія и русскій дворъ въ 1839 г. т. LXIX, 145—184, 407—420.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов писат., декабр., р. 1797 г., † 1846 г. его стихотворенія: „Христосъ родил т. LXIX, 280, „Русская пѣсня", LXXI, 118, его Дневникъ 1837—1839 г. т. LXXII, 61—112, упом. т. LXIX, 50 т. LXXI, 382, т. LXXII, 231.
Кюхельбекеръ, Мих. Вильгельмов., т. LXXII, 71, 72, 73, 77, 78, 79, 93, 9
Кюхельбекеръ, Мих. Карлов., лейтен., декабр., † 1859 г., т. LXIX, 502, LXXII, 74, 83, 89.
Кюхельбекеръ, Юстина Вильгельмовн. въ зам. Косова, т. LXXII, 96.
Кюхельбекеръ, Юстина Карлов., † 1872 г. т. LXXII, 74, 100.

Лаблашъ, акт. 1850 г., т. LXXII, 196.
Лабынцовъ, ген.-м. 1840 г., т. LXXI. 357, 365.
Лаверецкій, скульпторъ 1880 г., томъ LXIX, 778.
Лаврова, П. А., 1805 г., т. LXIX, 551.
Лавровъ, И. М., 1807 г., т. LXIX, 551.
Лавровъ, Петръ Лавр., гвардіи полк. профессоръ, эмигрантъ, т. LXIX, 44 45, 57, 88, 356, 357, т. LXX, 157, 384 393, 394, 421, 626, 629, 630, 631, 642 т. LXXI, 114, 295, 301, 303, 320.
Лагоріо, А. Ф., художн., т. LXIX, 484.
Ладыженская, Варвара Дмитр., 1845 г., т. LXXI, 109.
Ладыженскій, Андрей Ѳедор., 1845 г., т. LXX, 5.
Ладыженскій, Дмитрій Ѳедор., 1850 г., т. LXX, 5.

Садыженскій, Ив. Васильев., предсѣд. псковской палаты гражд. суда 1801 г., т. LXIX, 555, 556, 557.

Сажечниковъ, Иванъ Иван., писатель, р. 1794 г., † 1869 г., томъ LXIX, 484, т. LXXII, 230, 231.

Сазарева, г-жа, 1844 г., т. LXIX, 569.

Сазаревъ, 1860 г., т. LXXII, 399.

Сакордеръ, проповѣдн. 1849 г., т. LXXII, 357, 360, 361.

Саксманъ, Адамъ, поручикъ 1792 г., т. LXXII, 11.

Саманскій, Евгеній Иван., тайн. сов., т. LXIX, 489, 754, 781, 789, т. LXXI, 555, 562, т. LXXII, 174, 421.

Самбертъ, графъ, Карлъ Карл., † 1865 г., т. LXX, 604, 725, т. LXXI, 270, 271, 274, т. LXXII, 411.

Самбертъ, графъ, офицеръ 1840 г., томъ LXXI, 363, 368.

Самбинъ, препод. исторіи 1848 г., томъ LXIX, 690, 691.

Сазаревскій, 1859 г., т. LXXI, 272, 550.

Сакіеръ, А. Б., 1835 г., т. LXX, 463.

Сакіеръ, В. Б., 1836 г., т. LXXII, 652.

Сампе, художн. 1800 г., т. LXXI, 405.

Санге, московск. прокур. 1866 г., томъ LXXI, 575.

Сангъ, докт. 1860 г., т. LXXII, 200.

Сандцертъ, Оед. Павлов., профес. мед.-хирург. акад., † 1889 г., т. LXX, 368, 374, 375.

Санская, Александра, въ замуж. Потулова, т. LXX, 465.

Санская, В. С., 1858 г., т. LXXI, 265.

Санская, г-жа, 1839 г., т. LXIX, 16.

Санской, † 1784 г., т. LXXII, 537, 538—542, 554, 555.

Санской, графъ, Николай Степановичъ, преподав. въ археолог. институтѣ, археографъ, сообщ.: „Къ исторіи Остромирова евангелія. Замѣтка", т. LXIX, 209—213.

Санской, Сергѣй Степан., мн-ръ внутр. дѣлъ въ 1855—1862 гг., впослѣдствіи графъ, членъ госуд. совѣта, р. 1787 г., † 1862 г., т. LXIX, 56, 499, т. LXX, 182, т. LXXI, 268, 270, 273, 274, 276, т. LXXII, 141, 142. 144, 394, 396, 402, 404, 409, 410, 428.

Санской, предсѣд. времен. правит. въ Варшавѣ 1812 г., т. LXXI, 498.

Сантевъ, Власъ, 1766 г., т. LXXI, 183.

Сарреи, баронъ, гл. докт. импер. гвард. Наполеона 1812 г., томъ LXXI, 451, т. LXXII, 45—59.

Сахманъ, полковн. 1830 г., т. LXX, 283.

Сашкаревъ, 1859 г., т. LXXI, 269.

Сашмановъ, Ѳ. Ѳ., 1800 г., т. LXXI, 394.

Лебедевъ, Е. А., т. LXXII, 607.

Лебедевъ, Касторъ Никифоров., впосл. сенаторъ, †, т. LXXI, 120.

Лебедевъ, Мих. Ив., художн., † 1837 г. т. LXX, 249, т. LXXI, 24, 38, 46.

Лебединецъ, Г. С., сообщ.: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ битвахъ съ черкесами въ 1840 году", томъ LXXI, 355—368.

Лебединскій, В. Ѳ., ген.-м. ген. штаба, воспит. Дворянскаго полка, † 1890 г., т. LXX, 254.

Леванда, пропов. 1819 г., т. LXX, 25.

Левенштернъ, ген. 1830 г., т. LXIX, 527.

Левицкая, Анна Антон., томъ LXXI, 544, 545.

Левицкій, К. В., ген.-лейтен., воспит. Дворянскаго полка, † 1889 г., томъ LXX, 254.

Левицкій, Сергѣй Львов., художникъ-фотографъ 1845 г., т. LXIX, 610, 617, т. LXXI, 544—546, т. LXXII, 658.

Левицкій, педагогъ 1833 г., т. LXIX, 233.

Левшинъ, попечит. моск. унив. 1864 г., т. LXX, 163.

Леверъ, Германъ Антонов., профессоръ, ген.-л., начальн. Николаевской акад. генер. штаба, т. LXIX, 468, т. LXX, 254, 255, т. LXXII, 505.

Лейхтенбергскій, герцогъ, Максиміанъ Евгеніевичъ, управл. горн. инст. впосл. рижск. губерн., т. LXIX, 19, 27, 37, 109, 165, 169, 769, т. LXXI, 251, 586, т. LXXII, 644.

Лейхтенбергскій, герцогъ, Николай Максиміановичъ, р. 1843 г., † 1890 г., т. LXIX, 763—770.

Лейхтъ, С., бывш. воспит. Константин. военнаго учил., ген.-лейт., т. LXX, 261.
Лелевель, Іоахимъ, польскій историкъ, профес. виленск. универс., р. 1785 г., † 1861 г., т. LXIX, 282, 283, 291, 292, 537, 540, 542, 543, 544, томъ LXXII, 354, 355.
Лемоніусъ, В. Х., педагогъ 1859 г., т. LXXI, 318, 319, 320.
Ленартовичъ, польскій поэтъ, т. LXXII, 372, 388.
Ленцъ, профессоръ 1861 г., томъ LXIX, 80, 85, 132, 347, 436, 741, 753.
Ленцъ, докторъ 1859 г., т. LXXI, 552.
Леонъ, сенаторъ 1830 г., т. LXIX, 283.
Леонтьева, Марія Павл., рожд. Шипова, нач-ца Смольнаго институт., томъ LXIX, 721.
Леонтьева, Ю., 1890 г., т. LXIX, 226.
Леонтьевъ, Ив. Юрьев., думный двор. 1689 г., т. LXXI, 445.
Леонтьевъ, Пав. Мих., проф., р. 1822 г., † 1875 г., т. LXIX, 351, 398, 399. 589, т. LXX, 189, 190—193, 635, т. LXXI, 110, 307, т. LXXII, 439, 440, 444, 660.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, род. 1814 г., † 1841 г., т. LXIX, 240, 451, 502, 635, томъ LXX, 518, 522, т. LXXI, 355—368, т. LXXII, 84, 85, 98, 99, 657.
Лерхе, Г., 1855 г., т. LXXI, 199.
Лесгафтъ, Петръ Петров., профессоръ, мед.-х. ак. 1867 г., т. LXX, 375, 376.
Лестокъ, графъ, Іоганъ-Германъ, лейбъ-медикъ им-цы Елисаветы Петровны, т. LXXII, 531.
Лефлеръ, профессоръ, ректоръ Стокгольмскаго унив. 1890 г., т. LXXII, 458,
Лешковъ, В. Н., профессоръ 1867 г., т. LXXI, 387, т. LXXII, 162.
Лещинская, т. LXIX, 503.
Лещинскіе, т. LXIX, 503.
Ливенъ, князь, Карлъ Андреев., попеч. дерптск. уч. окр. 1817 г., мн. нар. пр. съ 1828—1833 г., † 1845 г., т. LXXI, 312, 553, т. LXXII, 147.
Ливенъ, князь, Христоферъ Андреев., послан. въ Лондонѣ съ 1812—1834 гг., р. 1777 г., † 1838 г., томъ LXIX, 556, 557, т. LXX, 320.
Ливенъ, графъ, ген.-ад. 1855 г., т. LXX, 181, 290, 338, т. LXXI, 76, 274.
Ливенъ, бар., секретарь дворян. Курл. губ. 1857 г., т. LXXI, 76, томъ LXXII, 419, 428.
Лидерсъ, генер. 1855 г., т. LXIX, 359, т. LXX, 181, 603, 604.
Лилiенфельдъ, П. Ѳ., 1890 г., томъ LXIX, 781.
Лилiенфельдъ, управл. палатою госуд. имущ. 1855 г., т. LXX, 180.
Лилiенфельдъ, ландратъ 1855 г., томъ LXX, 169, 180.
Линевичъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.
Линская, артистка 1860 г., т. LXXII, 205, 206.
Липранди, генер. 1845 г., т. LXXI, 142.
Лисицынъ, 1865 г., т. LXXI, 87.
Лисовскій, декабристъ, т. LXXII, 67.
Литвиновъ-Юрьевичъ, издатель „Народнаго Голоса“ 1867 г., т. LXXII, 160.
Литке, Ѳедоръ Петр., адмир., т. LXIX, 58, т. LXX, 154, 156, 164, 385, 397, 398, 419, 420, 627, 630, 633, 634, 636, томъ LXXI, 105, 282, 580, 589.
Лихачевъ, Влад. Ив., тайн. сов., спб. гор. голова 1891 г., томъ LXIX, 477, т. LXXI, 206.
Лихачевъ, генер. 1866 г., т. LXXI, 582.
Лихачевъ, т. LXXII, 630.
Лихонинъ, М. Н., 1848 г., томъ LXIX, 248, 250.
Лишинъ, Андрей Ѳед., гев.-л. 1890 г., т. LXIX, 282.
Лобановскій, маіоръ 1840 г., т. LXXI, 362, 363.
Лобачевскій, Н. И., профес. 1819 г., т. LXX, 19.
Лобри, ст. сов. 1812 г., т. LXXI, 491.
Ловчиковъ, Степанъ Богданов., думный дворян. 1704 г., т. LXXI, 614.
Логановскій, Александръ Васильевичъ, скульпт. 1835 г., т. LXXI, 34, 60, 476.
Лоде, чиновникъ 1859 г., т. LXXI, 267, 272, 273, 554, 555.
Лодій, профессоръ 1840 г., т. LXIX, 439.

Онъ-Лоеръ-Лярскій, прапорщ. 1840 г., т. LXXI, 364.
Ломакинъ, Гавріилъ Яким., † 1885 г., т. LXIX, 123, 694.
Ломанъ, спб. окружный инсп. 1880 г., т. LXXI, 323.
Ломоносовъ, Василій Дорофеевъ, 1710 г., т. LXIX, 219.
Ломоносовъ, Дмитрій Васильев., 1730 г., т. LXIX, 219, 220.
Ломоносовъ, Мих. Вас., акад.-писат., р. 1711 г., † 1765 г., т. LXIX, 52, 219, т. LXX, 160, 382, 622—648, т. LXXI, 84, 97, 116, 247, 564, 617—620.
Лонгиновъ, Мих. Николаев., писатель, статсъ-секретарь, р. 1823 г., † 1875 г., т. LXIX, 588, 589, т. LXXI, 96, 237, 238.
Лопатина, Анна Александр., см. Неклюдова.
Лопатинскій, Л., сообщ.: «Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго», т. LXX, 581—601, т. LXXII, 351—391.
Лопухинъ, Ив. Владим., тайн. сов., сенаторъ, род. 1756 г., † 1816 г., томъ LXX, 3.
Лопухинъ, кн., Петръ Васильевичъ, мн-ръ юстиціи въ 1803 — 1810 гг., † 1827 г., т. LXXII, 227, 229.
Сентъ-Лоранъ, Луиза Тимоѳеев., 1848 г., т. LXIX, 678, 680.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріелов., ген.-ад., чл. госуд. сов., род. 1825 г., † 1888 г., т. LXIX, 459, т. LXX, 366.
Лорренъ, Клодъ, художникъ, т. LXXI, 476, т. LXXII, 326.
Лосевъ, 1846 г., т. LXIX, 572.
Лосенко, художн. 1810 г., т. LXIX, 610, 626.
Лось-Рошковскій, ротмистръ 1891 г., т. LXX, 262.
Лохвицкій, Александръ В., 1864 г., т. LXX, 152, 414, 626.
Лубяновскій, сенаторъ 1859 г., томъ LXXI, 548.
Лужинъ, геодезистъ 1721 г., т. LXXII, 12.
Лужинъ, И. Д., московскій оберъ-полицеймейстеръ 1846 г., т. LXIX, 267, т. LXXI, 276.
Лузанова, Анна Ив., въ зам. Колмакова, т. LXX, 25.
Лузанова, Елис. Мих., см. Марковичъ.
Лузановъ, Герасимъ Ив., писат. 1800 г., т. LXX, 26.
Лузановъ, Ив., священ. 1810 г., т. LXX, 25, 26.
Лузановъ, Пав. Ив., предводит. двор. Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ., 1860 г., т. LXX, 26, 449.
Лукина, Ак. Вас., купчиха, † 1795 г., т. LXXI, 184, 185.
Лукинъ, Василій Алексѣев., купецъ, † 1794 г., т. LXXI, 184, 185.
Лукошковъ, полковникъ 1891 г., томъ LXX, 261.
Лунинъ, Мих. Сергѣев., полк., декабр., † 1845 г., т. LXXII, 89.
Лунинъ, Мих. Мих., профес., † 1844 г., т. LXIX, 486.
Луцкій, Алексѣй, ученикъ артил. школы 1717 г., т. LXXII, 211, 214, 215.
Львовъ, Александръ Алексѣев., студ., 1834 г., т. LXX, 663.
Львовъ, Алексѣй Ѳед., композ., директ. придворной капеллы, р. 1799 г., томъ LXIX, 123.
Львовъ, Нвк. Мих., писат., р. 1821 г., † 1872 г., т. LXIX, 484.
Львовъ, Пав. Юрьев., писат., р. 1770 г., † 1825 г., т. LXXI, 211.
Львовъ, камеръ-юнкеръ 1840 г., томъ LXXII, 79.
Львовъ, маіоръ 1849 г., т. LXX, 440.
Львовъ, корреспондентъ газ. «Новаго Время» 1890 г., т. LXXII, 688, 689, 708, 712.
Льховскій, 1861 г., т. LXIX, 52, 59.
Лѣнивцевъ, помѣщ. 1830 г., т. LXXI, 370, 378.
Лѣтковъ, поручикъ 1848 г., т. LXIX, 693, 694.
Любецкій, кн., мн-ръ финанс. въ Ц. Польскомъ 1831 г., т. LXIX, 282—297, 537—544.
Любимовъ, Н. И., 1841 г., т. LXXII, 91.
Любимовъ, профес., писат.-публицистъ 1866 г., т. LXXI, 280, 308.

Любомирская, княгиня 1840 г., томъ LXXI, 143.
Любомирскій, кн. 1840 г., т. LXXI, 144.
Любощинскій, Маркъ Николаев., чл. редакц. ком. 1860 г., чл. госуд. сов., † 1889 г., т. LXIX, 72, 351, 735, т. LXX, 24, 137, 142, 456, 457, 467, 620, 623, т. LXXI, 114, 129, 132, 133, 134, 136, 142, 297, 569, 573, т. LXXII, 157, 159.
Люгебиль, К. Я., педагогъ 1859 г., т. LXXI, 318, 321, т. LXX, 142, 144.
Людеритцъ, граверъ, 1830 г., томъ LXX, 561.
Лявданскій, поручикъ 1863 г., томъ LXIX, 739.
Лядова, актр. 1860 г., т. LXXII, 206.
Лядовъ, В. И., педагогъ 1860 г., томъ LXXI, 320.
Лялинъ, А., художникъ 1823 г., томъ LXIX, 620.
Лякс-Ширма, профес. 1830 г., т. LXIX, 285, 291.
Львова, княжна, фрейлина 1859 г., т. LXXII, 148.

Магницкій, учитель артиллер. школы 1717 г., т. LXXII, 213.
Магницкій, Мих. Леонт., попеч. каз. унив. съ 1819—1826 гг., р. 1787 г., † 1844 г., т. LXXII, 446, 447, 667.
Маевскій, І., ксендзъ, сообщ.: „Гродненская процессія 14 августа 1861 г.“, т. LXX, 489—497.
Маевскій, подполковн., коменд. Ново-Петровск. укрѣпл. 1850 г., т. LXX, 435, 436, 437.
Мазепа, Ив. Степ., гетманъ, р. 1644 г., † 1709 г., т. LXX, 498, 680, т. LXXII, 25—32, 242.
Май, К. И., педагогъ 1859 г., т. LXXI, 318, 319, 320.
Майборода, капит. 1825 г., т. LXXI, 191.
Майдель, генер.-м. 1854 г., т. LXXII, 487.
Майковъ, Апол. Никол., тайн. сов., писатель, поэтъ, т. LXIX, 52, 277, 484, 724, 748, 779, т. LXX, 632, т. LXII, 590, т. LXXII, 440, 448, 664.
Майковъ, Леонидъ Никол., магистръ 1863 г., академ., писатель, помощ. директ. спб. публ. библ., т. LXIX, 380, 730, т. LXX, 1, сообщ.: „Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ. Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинамъ“ т. LXXII, 465—469.
Майскій, 1864 г., т. LXX, 151.
Макарій, архіеп. тобольск. 1628 г., т. LXXI, 396.
Макаровскій, чиновн. 1809 г., т. LXXII 612.
Макаровъ, писат. 1830 г., т. LXIX, 422.
Макашѣевъ, А. Ѳ., ген.-м., инспект. Конст. воен. учил. 1891 г., бывш. воспит. Двор. полка, т. LXX, 255, 262, т. LXXII, 505.
Макашѣевъ, чиновн. 1859 г., т. LXXI, 549.
Максимовъ, полк. 1706 г., т. LXXII, 27.
Максимовъ, артистъ 1860 г., т. LXXII, 205, 206.
Макушевъ, писат. 1867 г., т. LXXII, 172.
Макшеевъ, Алексѣй Иванов., генер.-лейтен., профессоръ, сообщ.: „Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ 1796—1797 г.“, т. LXXI, 404—407.
Малевичъ, Іосиф. Игнатьев., педаг., домашн. наставн., р. 1813 г., т. LXXI, 624, 630, 633, 634, 641, т. LXXII, 452.
Маленинъ, директ. деп. мин. ин. дѣлъ 1863 г., т. LXIX, 727.
Малиновскій, 1840 г., т. LXXI, 361, т. LXXII, 94.
Малковскій, т. LXXI, 278.
Малковъ, купецъ 1859 г., т. LXXI, 547, т. LXXII, 142, 143.
Мало, преподават. 1 кадет. корп. 1790 г., т. LXIX, 602.
Маловемовъ, т. LXIX, 371.
Малышевъ, т. LXXI, 139.
Мальтицъ, бар., русск. посланн. въ Штутгартѣ 1789 г., т. LXXII, 549.
Мальцовъ, И. С., т. LXXII, 420.
Мальцовъ, при посольствѣ въ Персіи, 1828 г., т. LXIX, 254.

Манассеинъ, Вячеславъ Авксентьев., профес. м.-х. акад., т. LXIX, 464, 465, т. LXX, 377.

Манассеинъ, Н. А., мин. юстиц. 1891 г., т. LXIX, 477.

Мандерштернъ, г-жа, † 1847 г., т. LXX, 170.

Мандерштернъ, ген. 1860 г., т. LXXII, 152.

Мандтъ, лейб-мед., т. LXX, 721.

Мансуровъ, Николай Павл., чл. госуд. сов. 1891 г., т. LXIX, 477, т. LXXI, 274.

Мантейфель, т. LXX, 348, т. LXXI, 549.

Манькинъ-Неструевъ, генер.-лейтен. 1891 г., т. LXX, 262.

Мари, Алесъ, преподават. фр. яз. въ спб. гимназіяхъ 1860 г., т. LXXI, 321.

Марія Александровна, императрица, р. 1824 г., † 1880 г., т. LXIX, 362, 702, 718, т. LXX, 217, 381, 635, т. LXXI, 266, 273, 317, 558, 559, 560, т. LXXII, 145, 178, 431.

Марія Максимиліановна, вел. княжна, т. LXIX, 767, т. LXXI, 240, 550.

Марія Николаевна, вел. княгиня, въ супруж. герцог. Лейхтенбергская, род. 1819 г., † 1876 г., т. LXIX, 119, 164, 165, 184, 414, 426, т. LXX, 513, 669, т. LXXI, 239, 240, 550, т. LXXII, 607, 642.

Марія Ѳеодоровна, императрица, род. 1759 г., † 1828 г., т. LXIX, 227, 605, т. LXXI, 532, т. LXXII, 5.

Марія Ѳеодоровна, императрица, принцесса Дагмара, р. 1847 г., т. LXX, 638, т. LXXI, 573, 574, 582, т. LXXII, 498.

Маркардъ, Г. М., лейбъ-медикъ въ Ольденбургѣ 1795 г., т. LXXII, 532, 534, 537, 553, 556, 557, 558, 560, 564.

Маркевичъ, Болеславъ, писатель, т. LXXI, 270, 288, 587, т. LXXII, 176.

Маркевичъ, Н., писат., 1867 г., т. LXX, 405, т. LXXI, 237, т. LXXII, 686.

Марковецкій, актеръ, 1860 г., томъ LXXII, 206.

Марковичъ, Александръ Михайловичъ, предвод. дворян. Глуховск. уѣзд. Черниговской губ. 1832 г., т. LXX, 40.

Марковичъ, Елис. Мих., въ зам. Лузанова, т. LXX, 26.

Марковъ, А., проф., 1891 г., т. LXIX, 467.

Марковъ, Алексѣй Тарасов., художн. 1838 г., т. LXIX, 627, т. LXXI, 58, 59.

Марковъ, Мих. Александр., ген.-лейт., † 1875 г., т. LXX, 619, 681—694.

Марковъ, Мих. Тарасов., художн. 1838 г., т. LXX, 578, т. LXXI, 59.

Марковъ, писат. 1845 г., т. LXIX, 262.

Маркусъ, В. М., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXIX, 781.

Мартенпре, генер. 1853 г., т. LXIX, 587, т. LXX, 266.

Мартосъ, Ив. Петров., скульпт., † 1835 г., т. LXX, 26, т. LXXI, 533.

Мартынова, Александра Александр., т. LXXII, 205.

Мартынова, Марья Павлов., рожд. Шелихова, томъ LXXII, 197, 199, 202, 207, 208.

Мартыновъ, Александръ Александр., т. LXXII, 198, 206.

Мартыновъ, Александръ Евстафіев., артистъ имп. театровъ, р. 1816 г., † 1860 г., т. LXXII, 183—208.

Мартыновъ, Евстафій, т. LXXII, 191, 192.

Мартыновъ, ротмистръ, 1840 г., томъ LXXI, 367.

Марченко, Настасья Яковлев., писательница, т. LXIX, 484, 776.

Марья Алексѣевна, царевна, 1689 г., т. LXXII, 253.

Мареа Алексѣевна, царевна, р. 1652 г., † 1707 г., т. LXXII, 252.

Масловъ, сенат. 1859 г., т. LXXI, 548.

Масловъ, офиц. 1840 г., т. LXXI, 250.

Масловъ, 1859 г., т. LXXI, 550.

Массоніусъ, 1855 г., т. LXX, 180.

Матвѣевъ, гр., Андрей Артамоновичъ, сенаторъ, президъ. юстицъ-коллег., р. 1666 г., † 1728 г., т. LXXI, 420, 432—435.

Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣев., ближній бояринъ, гл. судья стрѣлецк. приказа, р. 1625 г., † 1682 г., т. LXXI, 435.

Матюнинъ, Андрей Ефимов., об.-прокуроръ сената 1848 г., т. LXXI, 135.
Матюшинъ, Ив. Ив., художн.-граверъ, т. LXXI, 394, т. LXXII, 61.
Матюшинъ, 1812 г., т. LXXII, 94.
Мацневичъ, полковн. 1891 г., т. LXX, 261.
Мацневъ, т. LXXI, 371.
Мачевская, г-жа, т. LXXI, 500.
Мевесъ, Ричардъ Троянов., ген.-м., командиръ л.-г. Павл. полка, бывш. воспитатель Констант. кад. корп., 1891 г., т. LXX, 262.
Медвѣдевъ, офиц., 1854 г., т. LXXI, 336, 343.
Медвѣдевъ, воспит. конст. воен. учил. 1865 т., т. LXX, 261.
Медемъ, баронъ, ген.-лейт., членъ совѣта военно-учебн. завед. 1835 г., предсѣд. спб. ценз. комит. 1860 г., т. LXIX, 42, 47, 50, 53, т. LXX, 161, т. LXXI, 268.
Медемъ, гр., уѣздн. предвод. дворян. Курлянд. губ. 1857 г., т. LXXI, 74, 81, LXXII, 147, 400.
Мей, Левъ Александровичъ, писатель, т. LXIX, 243.
Мейбомъ, Яковъ, плацъ-маіоръ 1773 г., т. LXXI, 179—181.
Мейендорфъ, А., т. LXX, 339, 345, 603.
Мейендорфъ, послан. въ Римѣ 1866 г., т. LXXI, 285.
Мейендорфъ, 1860 г., т. LXXII, 398.
Мейендорфъ, офиц. 1860 г., т. LXXII, 150.
Мейеръ, т. LXX, 434.
Мелиссино, Петръ Ив., ген.-лейт., массонъ 1793 г., т. LXXI, 232.
Меллеръ-Закомельская, т. LXX, 676.
Мельгуновъ, Степ. Григор., помѣщ. 1801 г., т. LXIX, 2, 3, 6, 9.
Мельниковъ, Авраамъ Ив., архитект. 1839 г., т. LXXI, 533.
Мельниковъ (Печерскій), Пав. Ив., писат., т. LXIX, 339, 484, т. LXX, 424, 642, т. LXXI, 109.
Мельниковъ, инж. пут. сообщ., томъ LXX, 134.
Мельниковъ, художн.-граверъ, т. LXIX, 617, 618.
Мельницкій, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Мельскій, врачъ, 1790 г., т. LXXII, 557.
Менгденъ, Владим., т. LXXI, 553.
Менгденъ, баронъ, т. LXIX, 781.
Менгденъ, генер. 1848 г., т. LXIX, 250.
Менгденъ, чиновн. 1852 г., т. LXX, 342.
Меневіусъ, Павелъ, ген.-м. 1689 г., наставникъ Петра В., т. LXXI, 420, 428.
Меншиковъ, кн., Александръ Даниловъ, генералиссимусъ, р. 1673 г., † 1729 г. т. LXIX, 126, т. LXX, 498, 680, том. LXXII, 26.
Меншиковъ, кн., Александръ Сергѣевъ, морск. мн-ръ, р. 1787 г., † 1869 г. т. LXIX, 11, 12, 22, 583, т. LXX, 47, 48, 264, 265, 347, т. LXXII, 402. 696—698.
Меншиковъ, Пав. Никитичъ, 1867 г. т. LXXII, 660.
Меншиковъ, чиновн. 1849 г., т. LXX, 675.
Мердеръ, генер. 1864 г., т. LXX, 379. 384, 385.
Мержеевскій, Ив. Павл., профес., психіатръ, р. 1839 г., т. LXX, 362, 365.
Мерзляковъ, Алексѣй Ѳед., профес., писат., т. LXXII, 231.
Меркелинъ, Карлъ Евгеніев., проф. м.-х. акад., нынѣ чл. медиц. сов., р. 1821 г., т. LXX, 156, 371—373.
Меркуловъ, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Мертенсъ, И. И., т. LXIX, 606.
Мерчанскій, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Мессеръ, педагогъ 1859 г., т. LXXI, 320.
Мещерскіе, князья, т. LXXI, 275, 277, 547, т. LXXII, 140, 396, 409.
Мещерскій, кн., А. П., т. LXXI, 558.
Мещерскій, генер. 1776 г., т. LXXI, 181.
Мещерскій, прокур., 1830 г., т. LXXI, 186.
Миддендорфъ, акад. 1864 г., т. LXX. 397.
Миклашевскій, А. М., сообщ.: „Дворянскій полкъ въ 1840-хъ гг.“, т. LXIX, 111—125, упом. т. LXX, 252, т. LXXI, 550.

Михалашевскій, А., сообщ.: «Дамскія порученія въ началѣ девятнадцатаго вѣка», 1810—1811 г.", томъ LXXI, 410—413.
Михулинъ, ген. 1830 г., т. LXX, 269.
Мишѣшинъ, Мих. Осиповъ., профес., скульпт., 1836 г., т. LXIX, 225.
Миллеръ, Ив. Петр., ген.-лейт., † 1867 г., т. LXXII, 168.
Миллеръ, Марья Ив., 1786 г., т. LXXII, 596, 597.
Миллеръ, Осипъ Ив., студ. моск. унив. 1786 г., т. LXXII, 597.
Миллеръ, Орестъ Ѳед., профес., † 1889 г., т. LXXI, 86, 100, 580, 587, 668.
Миллеръ, Ѳед. Богдановъ., т. LXIX, 247, 248, 250.
Миллеръ, Ѳед. Ив., д. ст. сов., исторіографъ, р. 1705 г., † 1783 г., т. LXXII, 12, 18, 19.
Милорадовичъ, графъ, Мих. Андр., ген.-отъ-инфант., † 14 дек. 1825 г., томъ LXIX, 247, 632, т. LXXI, 502, 506, 507, 509, 511, 513, 520.
Милославскіе, бояре, т. LXXII, 253.
Милошевичъ, ст. сов. 1891 г., т. LXX, 262.
Милютинъ, графъ, Дмитр. Алексѣев., ген.-ад., чл. госуд. сов., т. LXXI, 569, 587, 589, т. LXXII, 401, 420, 683.
Милютинъ, Никол. Алексѣев., статсъ-секрет., чл. госуд. сов., р. 1818 г., † 1872 г., т. LXIX, 785, т. LXXI, 146, 275, 301, 304, 555—557, 584, 588, томъ LXXII, 142, 149, 151, 155, 396, 397, 401—419.
Милютинъ, Юрій Никол., т. LXIX, 781.
Минаевъ, Дмитр. Дмитр., писатель, поэтъ, бывш. воспит. Дворянскаго полка, т. LXIX, 117.
Минаевъ, купецъ 1867 г., т. LXXII, 435.
Миних, гр., Бурхардъ-Христофъ, ген.-фельдм., р. 1683 г., † 1767 г., т. LXXII, 216, 217, 693.
Мичкельде, вольноопред. 1840 г., томъ LXXI, 361.
Минчакъ, дипломатъ, т. LXXII, 474.
Мировичъ, Ив., полковн., 1706 г., томъ LXXII, 28, 31.
Мировичъ, поруч. 1762 г., т. LXXII, 669.
Миропольскій, педагогъ, 1860 г., томъ LXXI, 322.
Митаревскій, Ѳ. Ѳ., штабъ-докт. 1812 г. т. LXXII, 614.
Митковичъ, Ирина Андреевна, рожд. Наранович, т. LXXII, 481.
Митковичъ, протоіер., т. LXXII, 481.
Митковъ, Мих. Платон., тайн. совѣтн., † 1890 г., т. LXXI, 132.
Михаилъ Георгіевичъ, принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій, т. LXIX, 478.
Михаилъ Николаевичъ, великій кн., род. 1832 г., т. LXX, 501—506, 669. т. LXXI, 239,558, т. LXXII, 407, 487.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн., род. 1798 г., † 1849 г., т. LXIX, 2, 3, 14, 16, 22, 23, 27, 30, 109, 121, 122, 128. 149, 195, 424, 503, 587, 639, т. LXX, 174, 215, 252, 470, 660, 669, 687, томъ LXXI, 44, 45, 47, 52, 251, т. LXXII, 473, 604, 638, 656.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, † 1645 г., т. LXIX, 215, т. LXXI, 400, т. LXXII, 41, 531.
Михайлова, г-жа, † 1863 г., т. LXIX. 716.
Михайловъ, А. А., т. LXIX, 625.
Михайловъ, А. И., т. LXX, 719.
Михайловъ, Дмитр. Серг., педагогъ, 1860 г., т. LXXI, 320.
Михайловъ, писат., т. LXIX, 376.
Михайловъ, маіоръ 1850 г., т. LXX, 435.
Михайловскій - Данилевскій, Александръ Ив., ген.-лейт., писатель-исторіогр., р. 1790 г., † 1848 г., т. LXIX, 525, т. LXXI, 477—528, т. LXXII, 402.
Михайловскій-Данилевскій, Ив. Лукьяновичъ, директ. госуд. заемн. банка 1790 г., т. LXXI, 477—479.
Михайловскій, Н. К., писат., т. LXIX, 459, 460, 464,
Михаловскій, Д. Л., писат., поэтъ, т. LXIX, 464.
Михальскій, подполк. 1857 г., т. LXX, 442, 445.
Михаэлисъ, г-жа, т. LXX, 383.
Михневъ, полковн. 1861 г., т. LXX, 494.

Мицкевичъ, Адамъ, польскій писатель, т. LXIX, 235, 255, 589, т. LXX, 518, 519, 522, т. LXXII, 383, 385.
Мищенко, подполк. 1891 г., т. LXX, 261.
Модестовъ, Вас. Ив., профес. сообщ.: замѣтку «Къ Запискамъ П. Д. Шестакова», т. LXX, 656, упом. 423, т. LXXI, 323.
Можницкій, Аполлонъ Николаев., художникъ 1838 г., т. LXXI, 39. 60—64.
фонъ-Моллеръ, Луиза Өед., см. Вохина.
Моллеръ, Н. С., г-жа, т. LXX, 654.
Моллеръ, Антонъ Васильев., морской мин., р. 1764 г., † 1848 г., т. LXXI, 58.
Моллеръ, Өед. Антонов., профес., художникъ 1841 г., т. LXIX, 225, 226, т. LXXI, 55—58, 545.
Моллеръ, граверъ, т. LXXI, 70, 249, т. LXXII, 653.
Молчановъ, профес. 1833 г., т. LXX, 120, т. LXXII, 175.
Молчановъ, П. С., ст.-секрет., † 1831 г., LXXI, 109.
Моль, † 1863 г., т. LXIX, 730.
Монастыршинъ, офиц. 1854 г., т. LXXI, 336.
Монтреворъ, генералъ, 1812 г., т. LXX, 618.
Монферанъ, архитект., т. LXXI, 62, 240.
Мордвиновъ, гр., Наколай Семенов., чл. госуд. сов., р. 1754 г., † 1845 г., т. LXX, 277, т. LXXI, 414.
Мордвиновъ, Сем. Ал., адмир. 1861 г., т, LXIX, 781.
Мордвиновъ, т. LXX, 346, 347.
Мордовцевъ, Дан. Лукичъ, писат., томъ LXIX, 488.
Морель, педагогъ 1800 г., т. LXXI, 478.
Моренгеймъ, бар., А. П., т. LXXII, 474.
Морковъ, гр., Ираклій Ив., ген.-лейт., † 1829 г., т. LXXII, 599.
Моро, фр. генер. 1812 г., т. LXXI, 516, 517, 518, 519, 520, 523.
Морозова, Анисья, т. LXXII, 530.
Морозъ, Даніилъ Константинов., сообщ.: «Историческія пѣсни», т. LXIX, 221—222.
Морошкинъ, Мих. Яковл., священ.-писатель, † 1870 г., т. LXXII, 681.
Мостовскій, графъ, мн-ръ Ц. Полск. 1830 г., т. LXIX, 296, 297.
Мохнацкій, его записки: «Польское возстаніе 1830—1831 гг.», т. LXIX, 281—302, 537—546.
Мудровъ, М. Я., профес., т. LXXI, 311.
Мулертъ, докт. 1859 г., т. LXXI, 560.
Муравьева, Вѣра Алексѣев., т. LXIX, 424.
Муравьева, гр-ня, Пелагея Васильев., супруга Мих. Н. Муравьева, т. LXXII, 402.
Муравьева, артистка 1860 г., т. LXXII, 205.
Муравьевъ, Артамонъ Захар., декабр., т. LXIX, 424.
Муравьевъ, Мих. Никитичъ, ст.-секр., † 1807 г., т. LXXII, 608.
Муравьевъ, гр., Мих. Никол., чл. госуд. сов., р. 1796 г., † 1866 г., т. LXIX, 56, 426—428, 497, 722, 725, 730, 731, 752, 784, т. LXX, 165, 166, 382, 427, 634, 635, 639—643, т. LXXI, 107, 266—278, 286, 297—304, 550, 555, 572, 648, томъ LXXII, 139—151, 393, 426, 683.
Муравьевъ-Амурскій, гр., Никол. Николаевичъ, ген.-ад., чл. госуд сов. † 1881 г., т. LXIX, 244, т. LXXI, 276, 327—354, 552, т. LXXII, 475—476.
Муравьевъ, Никол. Өед., чл. межевой канц. 1805 г., т. LXXI, 406, т. LXXII, 608.
Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ, сенат., 1865 г., т. LXXI, 112.
Муравьевъ, гусар. офиц. 1828 г., томъ LXX, 38.
Муравьевъ, поруч. 1840 г., т. LXXI, 363.
Муравьевъ 1860 г., т. LXXII, 409.
Муса-Хасаевъ, ген.-м. 1840 г., т. LXXI, 362.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Алексѣй Ив., д. тайн. сов., р. 1744 г., † 1817 г., т. LXIX, 490.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Ив. Алексѣев., тн. сов., сенат., археологъ, † 1729 г., т. LXIX, 209, 211, 212, 490.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол., тайн. сов., попеч. спб. уч. окр. 1850 г., т. LXIX, 130, 131, 135, 137, 142, т. LXX, 464.

Гусинъ-Пушкинъ, гр., Платонъ Ив., т. LXIX, 490.
Гусинъ-Пушкинъ, гр., помѣщ. 1861 г., т. LXIX, 470.
Гухановъ, Николай Алекс., почетный опек., т. LXIX, 56, 95, 62, 576, т. LXXI, 266, 550.
Гухановъ, Петръ Александр., декабристъ, † 1854 г., т. LXXI, 328.
Гухановы, т. LXXI, 551.
Гухинъ, Е. О., профес. м.-х. акад. 1811 г., т. LXX, 364.
Гухинъ, т. LXIX, 56.
Гухлинскій, профес. 1861 г., т. LXIX, 41.
Мѣдниковъ, педаг. 1860 г., т. LXXI, 321.
Мѣркинъ, Ѳед. Александр., художник-граверъ на мѣди, т. LXIX, 627.
Мюллеръ, докт. 1840 г., т. LXX, 133.
Мюллеръ, музык. 1839 г., т. LXXI, 531.
Мюссаръ, т. LXXI, 251.
Мяновскій, О. И., профес., 1840 г., т. LXX, 133, 135.
Мятлева, г-жа, т. LXXI, 140.

Набоковъ, сенат. 1866 г., т. LXXI, 569.
Надѣинъ, Митроф. Петров., шт.-кап., 1891 г., бывш. воспит. Конст. Паж. корпуса, т. LXX, 262.
Назимовъ, Влад. Ив., ген.-ад., попеч. моск. учнв., ген.-губерн. сѣв.-з. края 1862 г., чл. госуд. сов., род. 1802 г., † 1874 г., т. LXIX, 722, 725, 729, томъ LXX, 495, 497, т. LXXI, 275, 576, т. LXXII, 407.
Наполеонъ I, импер., т. LXXI, 450—475, т. LXXII, 39—60, 117, 135, 370, 446, 565—586, 667.
Наполеонъ III, импер., т. LXXII, 370—372, 399, 403, 440, 633, 700, 701.
Нарановичъ, о., Андрей, протоіерей, т. LXXII, 477—484.
Нарановичъ, Ник. Павлов., сообщ: „Протоіерей Андрей Нарановичъ—сыну своему Павлу. Письмо 1824 г.“, томъ LXXII, 480—484.
Нарановичъ, Пав. Андреев., профес. м-х. акад., † 1873 г., томъ LXXI, 24, т. LXXII, 477—484.
Нарановичъ, Петръ Андреев., томъ LXXII, 483, 484.
Нарышкина, Александра Никол., рожд. Чичерина, т. LXXI, 293.
Нарышкина, Марія Антонов., томъ LXXI, 44.
Нарышкинъ, Кириллъ Полуектовичъ, бояринъ, † 1682 г., т. LXXII, 263, 264.
Нарышкинъ, Семенъ Кирилловъ., гофмарш. 1751 г., р. 1710 г., † 1775 г., т. LXXII, 220.
Нарышкины, бояре, томъ LXXI, 429, 435, т. LXXII, 253, 265.
Нарѣжный, Василій Трофимов., писатель-романистъ, р. 1780 г., † 1825 г., т. LXX, 471—487, 523—546, т. LXXI, 1—23, 209—238.
Натали (de Natali), полковн. 1730 г., т. LXXII, 217.
Наталья Алексѣевна, царевна 1689 г., т. LXXII, 253.
Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица, р. 1651 г., † 1694 г., томъ LXXII, 253.
Нахимовъ, Пав. Степ., адм., р. 1803 г., † 1853 г., т. LXX, 182, 350, 351.
Небольсинъ, 1862 г., томъ LXIX, 361, т. LXXI, 555.
Неваль, подъ-инспект. м-х. акад. 1829 г., т. LXX, 83.
Неваховичъ, издат. юмористич. листка 1840 г., т. LXIX, 260.
Невельской, Генадій Ив., флотск. офиц. 1849 г., т. LXXI, 348, 350, 351.
Невзоровъ, Максимъ Ив., писат. 1801 г., т. LXX, 3.
Невиль, учитель 1810 г., т. LXIX, 611.
Де-ла Невиллъ, дипломатич. агентъ фр. правит. Его записки о Московіи 1689 г., т. LXXI, 419—450, т. LXXII, 241—281.
Неволинъ, профес., † 1855 г., т. LXIX, 134, т. LXX, 464, т. LXXI, 386, 387.
Невѣровскій, т. LXX, 410.
Неелова, Елисав. Дм., т. LXIX, 422, 423.
Неелова, Наталья Александр., рожд. Гернгросъ, по перв. мужу Повало-Швыйковская, т. LXIX, 425.
Нееловъ, Александръ Дм., прапорщ., т. LXIX, 422.

Нееловъ, Александръ Аѳанас., поруч. † 1854 т., т. LXX, 263—265.

Нееловъ, Алексѣй Аѳанас., колл. сов., сообщ.: „Поручикъ Александръ Неелов, убитъ 8-го сент. 1854 г., на Альмѣ“, т. LXX, 263—265.

Нееловъ, Вас. Ив., архит., т. LXIX, 421.

Нееловъ, Дм. Васил., маіоръ 1810 г., † 1832 г., т. LXIX, 422.

Нееловъ, Дм. Дмитріев., тайн. сов., сенат., р. 1819 г., † 1890 г., т. LXIX, 421—430, т. LXXI, 202, томъ LXXII, 406—410, 415, 417.

Нееловъ, Ив. Васильев., сержантъ Преображ. пол. 1702 г., т. LXIX, 421.

Нееловъ, Илья Васильев., архитект., т. LXIX, 421.

Нееловъ, Никол. Дм., оф. генер. штаба, писат. (псевд. Закамскій), † 1850 г., т. LXIX, 422, 423, 424.

Нееловъ, Петръ Васильев., т. LXIX, 422.

Нееловъ, Петръ Дм., томъ LXIX, 421, 423, 429.

Нейдгардтъ, Александръ Ив., ген.-ад., 1839 г., т. LXIX, 1, 2, 3, 22, 525, 526, т. LXX, 60.

Неклюдова, Анна Александр., рожд. Лопатина, т. LXIX, 224.

Неклюдова, см. Чарикова.

Неклюдовъ, Алексѣй Леонт., жандарм. полковн., † 1845 г., т. LXIX, 224.

Неклюдовъ, Леонтій Яковлев., ген.-м., р. 1750 г., † 1837 г., т. LXIX, 223—225.

Неклюдовъ, С., сообщ.: „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Замѣтка о его портретѣ 1859 года“, т. LXX, 447.

Некрасова, Екат. Ст., писательница, сообщ.: „Николай Васильевичъ Гоголь. Его письма къ графу Алекс. Петров. и къ гр-нѣ Аннѣ Егоровнѣ Толстымъ, 1844—1850 г.г.“, т. LXIX, 567—578.

Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821 г., † 1877 г., т. LXIX, 52, 435, 441, 779, 780, т. LXX, 146.

Нектарій, архіеп. Нижегород. 1869 г., т. LXIX, 394.

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александр., тайн. сов., сенат., поэтъ, р. 1751 г., † 1829 г., т. LXXI, 382.

Немира, Станисл., т. LXXI, 363.

Неммертъ, Петръ Юліев., профес. и-т. акад., т. LXX, 134, 135.

Неплюевъ, Ив. Ив., 1762 г., том LXXII, 298.

Неплюевъ, Леонтій Романов., боярин. воевода сѣвскій 1689 г., томъ LXXI, 445—450, т. LXXII, 243, 255, 257.

Неплюевъ, Семенъ Протасьев., дум. дворянинъ, воевода. «Журналъ, веденный имъ о боѣ со шведами 19 авг. 1706 г.», т. LXXII, 25—32.

Неповойчицкій, генер. 1846 г., том LXX, 604, т. LXXII, 696.

Нератовъ, А. Н., т. LXIX, 781.

Нессельроде, гр-ня, рожд. **Закревская**, т. LXXI, 275.

Нессельроде, гр., Д. К., совѣтн. русск. посольства въ Константинопол. 1845 г., т. LXXII, 696.

Нессельроде, гр., Карлъ Васил., канцл., р. 1780 г., † 1862 г., томъ LXIX, 569, 785, т. LXX, 173, 277, 291, 347, 653, 665, т. LXXI, 267, т. LXXII, 152, 391, 395, 423, 425.

Нессельроде, гр., студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX, 457.

Нефъ, художн. 1836 г., т. LXXI, 44.

Нечаевъ, Ст. Яковл., профес. 1833 г., т. LXX, 121, 127, 128, 369.

Никаноръ, Александ. Ив., **Бровковичъ**, архіеп. Херсонск. и Одесскій, р. 1827 г., † 1890 г., томъ LXIX, 771—775.

Никитенко, Александръ Вас., проф.-акад., р. 1804 г., † 1878 г., его Дневникъ 1861—1868 г.г., т. LXIX, 39—104, 329—386, 701—761, т. LXX, 137—166, 379—428, 617—655, т. LXXI, 83—117, 279—310, 563—592, томъ LXXII, 155—181, 431—448, 659—686, упом. т. LXIX, 129, 133, 135, 226, 431, 448, 469, том LXXI, 205, т. LXXII, 608, 617.

Никитенко, Казиміра Казміровна, т. LXX, 467.

Никитенко, Софья Александровна, сообщ.: „Дневникъ Александра Васильевича Никитенко“, тт. LXIX—LXXII (см. выше). „Петръ Александровичъ

Плетневъ и Александръ Васильевичъ Никитенко. Переписка 1856—1857 г.г.", т. LXIX, 431—448.

Никитинъ, художн. 1838 г., т. LXXI, 60.

Никифоровъ, маіоръ, перв. воен. мин. въ Болгаріи 1885 г., † 1890 г., томъ LXX, 254.

Николаевъ, П. Н., чл. госуд. совѣта 1891 г., т. LXIX, 477.

Николаи, бар., Александ. Павлов., попеч. Кіевск. унив. 1861 г., нынѣ статсъ-секр., чл. госуд. совѣта, т. LXIX, 100, 101, 361, 386.

Николай I, императоръ, р. 1796 г. † 1855 г., т. LXIX, 1, 5, 9, 12—20, 30, 37, 38, 50, 105—110, 120, 150, 157, 158, въ запискахъ Кюстина 1839 г., 165—184, 409—412, упом. 192—196, 224, 225, 272, 282, 283, 356, 419, 422—425, 499, 512, 517, 541, 542, 583, 588, 632, 636, 662, 769, 789, 790, т. LXX, 24, 34, 54, 102, 132, 214, 252, 280, 285, 289, 291, 296, 301—304, 367, 417, 499, 500, 511, 513, 606, 611, 657—660, 670—678, 683, 690, 691, 720, томъ LXXI, 63, 64, 143, 312, 370, 377, 378, 386, 508, 523, 540—543, 556, 557, т. LXXII, 120, 121, 182, 385, 389, 394, 407, 478, 487, 490, 492, 623, 627, 631, 642, 686, 691, 695—698.

Николай Александровичъ, вел. князь цесаревичъ, † 1865 г., т. LXIX, 707, т. LXX, 407, 611, 621, 635, 637, 639, 641, 642, 645, 646, 647, 649, т. LXXI, 94, 274, 560, 561, т. LXXII, 139, 397, 497.

Николай Александровичъ, вел. князь, цесаревичъ 1890 г., т. LXX, 253, томъ LXXII, 475.

Николай Николаевичъ, вел. князь, р. 1831 г., † 1891 г., томъ LXIX, 718, т. LXX, 507—513, 669, т. LXXI, 239, 271, 550, т. LXXII, 144, 402.

Николенко, педагогъ 1860 г., томъ LXXI, 321.

Никольскій, А., сообщ.: „Пѣсня о городѣ Иркутскѣ. Замѣтка", т. LXX, 470.

Никольскій, П., издат. „Цвѣтника", 1810 г., т. LXX, 484, 546.

Никоновъ, чиновн. 1850 г., т. LXXI, 144.

Никулина-Косицкая, Любовь Павл., артистка, т. LXIX, 260, 602.

Никулинъ, Ив. Мих., артистъ 1848 г., т. LXIX, 260.

Никовъ, кофишенкъ 1737 г., т. LXXII, 592.

Никовъ, П. А., т. LXXII, 613.

Нильскій, актеръ, т. LXXII, 163.

Новикова, рожд. Титова, т. LXIX, 597.

Новиковъ, Е. П., вѣнск. и константинопол. посолъ, т. LXIX, 594, 597.

Новиковъ, Никол. Ив., писатель и издатель, р. 1744 г., † 1818 г., т. LXIX, 589, т. LXXI, 230, 238, 315, 316.

Новосельскій, т. LXXI, 79.

Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., ст.-секрет., р. 1762 г., † 1838 г., т. LXIX, 19, т. LXXII, 228.

Нольде, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.

Нолькенъ, баронъ, т. LXX, 615, 616.

Норденфлихтъ, баронъ, т. LXXII, 285.

Норова, Варвара Егоров., рожд. Панина, т. LXIX, 654—660.

Норова, рожд. Кошелева, т. LXXI, 382.

Норовъ, Авраамъ Сергѣев., мн-ръ нар. просв., чл. госуд. сов., т. LXIX, 69, 98, 130—140, 435, 445, 654—660, 671, 704, т. LXX, 161, 381, 387, 412, 416, 619, 623—629, 651, 652, т. LXXI, 85, 287, 288, 382, 379, 580, т. LXXII, 164, 165, 662, 663, 668, 675, 681.

Носковъ, т. LXXI, 380.

Носовичъ, составит. словаря зап.-русск. нарѣчія, т. LXXI, 92.

Ностицъ, генер. 1839 г., т. LXIX, 4.

Нотбекъ, А. В., художн., т. LXIX, 622, 625, 627.

Нотбекъ, П. К., архитект. 1838 г., LXXI, 60, 545.

Нуреддинъ, султанъ турецк. 1689 г., т. LXXII, 244.

Нурминскій, директ. Вятск. народн. училищъ 1878 г., т. LXX, 199.

Нѣмцевичъ, Юліанъ, 1830 г., т. LXIX, 286, 288, 291, 292, 299, 300, 539.

Оберкирхъ, баронесса, 1800 г., томъ LXXII, 525, 527.
Оберъ-Миллеръ, чиновн. 1860 г., томъ LXIX, 597.
Оболенскій кн., Дм. Александр., ст.-секр., чл. государств. совѣта, † 1880 г., т. LXIX, 386, 708—711, 726, т. LXXI, 266, 267, 270, 271, 288, 552, т. LXXII, 151.
Оболенскій, кн., Евген. Петров., поруч., декабристъ, † 1865 г., т. LXXII, 67.
Оболенскій, кн., Мих. Андр., гофмейстеръ, нач. арх. мин-ва ин. дѣлъ, род. 1806 г., † 1873 г., т. LXIX, 256, томъ LXXII, 398, 399, 403.
Оболонскій, А. А., изд.-ред. журнала „Народн. Чтеніе", 1859 г., т. LXIX, 406.
Оболонскій, Н. А., профессоръ 1889 г., т. LXIX, 406.
Обресковъ, Петръ Алексѣев., директ. межевой канцел. 1806 г., ст.-секрет., т. LXXII, 609.
Обручевъ, Никол. Николаев., ген.-ад., 1890 г., т. LXIX, 515, 516, 526, 527, т. LXX, 49, 58, 169.
Обухова, Екат. Васильев., рожд. Обрескова, т. LXXI, 249.
Обухова, Марья Алексѣев., 1839 г., т. LXXI, 249, 250.
Обуховъ, Васил. Васильев., ротмистръ 1839 г., т. LXXI, 249, 250.
Овербекъ, художн. 1830 г., р. 1789 г., LXXI, 70.
Овсянниковъ, акад. 1863 г., т. LXIX, 738, 751, т. LXX, 420.
Огарева, Наталья Алексѣевна, рожд. Тучкова, сообщ.: поправки „къ запискамъ Н. А. Огаревой-Тучковой", т. LXIX, 503.
Огаревъ, Никол. Александр., ген.-ад. 1850 г., т. LXIX, 269, 556, т. LXXI, 272, 582.
Огаревъ, Никол. Платонов., писатель, поэтъ, р. 1815 г., † 1877 г., т. LXIX, 503, т. LXXII, 85, 138, 424.
Огильви, фельдмарш. 1706 г., т. LXXII, 26, 27.
Огинскіе, т. LXXI, 443.
Оглоблинъ, Никол. Никол., сообщилъ: „Остяцкіе князья въ XVII вѣкѣ", томъ LXXI, 395—401; „Тревога о государевомъ шествіи въ Сибирь въ 1704 году", 609—616; „Первый японецъ въ Россіи 1701—1705 гг.", т. LXXII, 11—24; „Бой со шведами у мѣстечка Клецка. Журналъ С. П. Неплюева, 19-го апрѣля 1706 г.", 25—32; упом. 464.
Огрызко, польск. писат., т. LXX, 165.
Одоевскій, кн., Владим. Ѳед., писатель сенаторъ, † 1875 г., т. LXIX, 42, томъ LXXI, 293, 557, т. LXXII, 64, 84, 104, 108.
Одинцовъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-отъ-инф., р. 1803 г., † 1886 г., т. LXIX, 282.
Озеровъ, А. П., об.-гофмейстер., 1846 г., т. LXXII, 696.
Озеровъ, Владисл. Александр., писат., р. 1770 г., † 1816 г., т. LXX, 474, 606, т. LXXII, 87.
Окуловъ, Матвѣй Алексѣев., директ. 1-й Москов. гимназ. 1834 г., томъ LXIX, 235.
Окуньковъ, Гавр. Осип., завѣд. Разрядн. архивомъ 1720 г., томъ LXIX, 210, 212.
Олегъ, князь, † 912 г., т. LXIX, 152.
Оленинъ, Алексѣй Никол., дир. публ. библ., презид. Имп-ской акад. художествъ 1818 г., † 1843 г., т. LXIX, 615, 622, 624, 625, т. LXX, 71, 73, 83, 84, 88, 312, 326, 337, 556, т. LXXII, 655.
Олешинскій, Антонъ Казиміров., граверъ, 1825 г., т. LXIX, 617, т. LXX, 87, 88, 89, 94, 102, 104, 105, 315, 316, 561.
Олешинскій, Владиславъ Казиміров., худож. 1834 г., т. LXX, 561.
Олсуфьевъ, 1784 г., т. LXXII, 534.
Ольга, св., княгиня, † 969 г., т. LXX, 652, т. LXXII, 708.
Ольга Николаевна, вел. княг., королева Виртембергская, р. 1822 г., томъ LXIX, 168, т. LXX, 669, 672, томъ LXXI, 64, т. LXXII, 407.
Ольга Ѳеодоровна, великая княгиня, † 1891 г., т. LXX, 501—506, томъ LXXI, 558.
Ольгердъ, князь, 1339 г., т. LXXII, 56.

Ольденбургская, принцесса, Евгенія Максимиліановна, т. LXIX, 767, 768.
Ольденбургскій, принцъ, Александръ Петровичъ, т. LXIX, 768.
Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгіевичъ, р. 1812 г., † 1881 г., т. LXX, 379, т. LXXII, 402.
Ольшевская, помѣщица, 1861 г., томъ LXIX, 322—325.
Онопріенко, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.
Ону, чиновн. 1860 г., т. LXIX, 597.
Оомъ, Ѳед. Адольфов., тайн. сов., почетн. опекунъ, секретарь императрицы, т. LXXII, 498.
Опекушинъ, Александръ Михайловичъ, скульпт., род. 1840 г., т. LXXII, 492, 494, 496, 497.
Оперманъ, генер. 1830 г., т. LXX, 273.
Опочининъ, Ѳед. Петр., оберъ-камергеръ, † 1852 г., т. LXX, 168.
Ординъ, чиновн. 1867 г., т. LXXII, 172.
Ореусъ, Ѳед. Максимов., директ. Полоцк. кад. корп. 1844 г., т. LXX, 263.
Оржевскій, директ. деп. мн-ва внутр. дѣлъ 1860 г., т. LXXII, 435.
Оржельскій, польскій писат. 16-го вѣка, т. LXX, 516.
Орлова, г-жа 1830 г., т. LXXI, 140.
Орлова, гр-ня, Анна Ал., т. LXXI, 113.
Орловъ, гр., Алексѣй Григ., ген.-анш., р. 1737 г., † 1808 г., т. LXXII, 535, 536, 562, 669.
Орловъ, гр., впослѣдств. кн., Алексѣй Ѳед., шефъ жанд., † 1861 г., т. LXIX, 22, 23, 37, т. LXX, 175, 275, 276, 347, 606, 610, 612, 726, т. LXXI, 268, 275, 543, 554, т. LXXII, 141—144, 148, 393, 394, 425, 474.
Орловъ, гр., Григ. Григ., ген.-фельдм., р. 1734 г., † 1783 г., т. LXXII, 554, 555. 556.
Орловъ, Мих. Ѳед., ген.-м., декабристъ, т. LXXII, 67, 71, 80, 108.
Орловъ, кн., Никол. Алексѣев., ген.-ад., русск. посолъ при франц. республикѣ 1881 г., т. LXX, 33, т. LXXII, 420.
Орловъ, Ник. Мих. 1865 г., томъ LXX, 634, т. LXXI, 116.
Орловъ, Пименъ Никитичъ, художникъ 1835 г., т. LXX, 578, т. LXXI, 64, 65, 256.
Орловъ-Давыдовъ, гр. 1835 г., томъ LXXI. 32, 33.
Орловъ-Давыдовъ, гр., 1859 г., томъ LXXI, 553, 561.
Орловъ-Давыдовъ, гр., предвод. двор. Спб. губ. 1866 г., т. LXXI, 291, томъ LXX, 622.
Орловъ-Денисовъ, гр., генер. 1839 г., т. LXIX, 106.
Орловскій, поруч. 1840 г., т. LXXI, 362.
Осининъ, Ив. Терентьев., почетн. опек., попечит. женск. гимназ., р. 1835 г., † 1887 г., т. LXXI, 325.
Осиповъ, инжен.-поруч. 1848 г., томъ LXIX, 686.
Оскаръ, кор. шведскій 1890 г., отзывъ о немъ С. В. Ковалевской, т. LXXII, 463.
Осокинъ, профес. 1869 г., т. LXIX, 403.
Остенъ-Сакенъ, гр., Дм. Ероф., начал. Севастопол. гарниз. 1835 г., † 1881 г., т. LXX, 340, 604, т. LXXII, 487.
Остерманъ, Андр. Ив., кабин.-министр., р. 1686 г., † 1747 г. LXXII, 693.
Остерманъ, гр., Ив. Андреев., канцл., сенаторъ, р. 1725 г., † 1811 г., томъ LXX, 4.
Остерманъ, графъ, Ѳед. Андреев., ген.-аншефъ, † 1804 г., т. LXX, 4.
Остерманъ, графъ, генер. 1812 г., томъ LXIX, 106.
Остолоповъ, управл. импер. театрами 1826 г., т. LXXII, 192.
Островскій, Александръ Никол., писатель, р. 1823 г., † 1886 г., его комедія „Банкротъ“ („Свои люди сочтемся“), т. LXX, 219—250, 695—718, т. LXXI, 149—169, упом. т. LXIX, 243, 244, 250, 252, 259, 260, 271, 274, 724, 738, 745, 758, 789, т. LXXI, 170—173, т. LXXII 183—190, 197—203, 436.
Островскій, Владиславъ 1850 г., томъ LXIX, 288, 292, т. LXXII, 360.
Островскій, Мих. Николаев., ст.-секр., министръ госуд. имущ., т. LXXII, 249.
Остроградскій, академикъ, профессоръ 1840 г., т. LXIX, 114, т. LXXII, 451.

Оффенбергъ. бар., Ив. Петров., кавалерійск. генер., 1860 г., т. LXIX, 35, томъ LXX, 346, 347, 721, 722, томъ LXXI. 81.
Очкинъ, Амплій, ред. „Спб. Вѣдом." † 1865 г., т. LXX, 631.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXIX, 15, 191, 422, 557, 604, т. LXX, 1, 6, 10, 11, 119, 272, 467, т. LXXI, 405, 477, 478, 532, томъ LXXII, 5, 6, 7, 296, 300, 507, 530, 537, 542, 564, 578, 602.
Павелъ Александровичъ, вел. князь, род. 1860 г., т. LXXII, 407.
Павлова, Каролина Карловна, рожд. Яницъ, писат-ца, т. LXIX, 262, 263, 264, 265, 268.
Павловъ, Никол. Филип., писат. 1861 г., т. LXIX, 41, 45, 90, 91, 134, 235, 242. 261—270, 339, 340, 589, 590, 729, 738, 740, т. LXX, 136.
Павловскій, Дм. Мих., инсп. Дворянск. пол. 1852 г., ген-маіоръ, †, т. LXIX, 128, 129, 141, 142, 143, 680—682.
Павловскій, Левъ Мих., офиц. 1848 г., т. LXIX, 680.
Павскій, Герасимъ Петр., протоіерей, законоучит. цесарев. Александра Николаевича, р. 1787, † 1863 г., т. LXXI, 87.
Паки-де Совиньи, профес. 1836 г., т. LXIX, 486.
Паленъ, гр., Конст. Ив., мн-ръ юстиц., гл. госуд. сов. 1860 г., т. LXX, 179, 275, 342, т. LXXII. 395.
Паленъ, гр., Петръ, генер. 1830 г., томъ LXIX, 106, 520, 521, 522, т. LXX, 56.
Паленъ, гр., 1784 г., т. LXXII, 563.
Паленъ, гр., Ѳед., 1830 г., т. LXX, 277. т. LXXII, 151.
Палисадовъ, священ. 1866 г., т. LXXI, 280, 307.
Палицынъ, Авраамій, келарь Троицкаго Сергіевскаго монаст. 1608 г., † 1626 г. т. LXX, 478, 546,
Пальмеръ, 1845, г. т. LXIX, 569.
Пальховскій, капит. 1891 г., т. LXX, 260.
Панаевъ, Владим. Ив., тайн. сов., дирек. канцел. императ. Двора, писат.. род. 1792 г., † т, LXX, 477, 531, 546.
Панаевъ, Ив. Ив., писатель, † 1862 г., т. LXIX, 57, 335, 336, 435.
Панина, Варвара Егоровна, см. Норова.
Панинъ, гр. Викт. Никит., мн-ръ юстиц., гл. госуд. сов., р. 1801 г., † 1874 г., т. LXIX, 44, 55, 56, 496, 498, 784, томъ LXX, 23, 343, 619, 642, т. LXXI. 119—140, 268, 548, т. LXXII, 141, 149, 150, 153, 182, 393, 394, 399—427.
Панинъ, графъ, Никита Ив., канцлеръ, бывшій воспитатель вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 г., † 1783 г., томъ LXXII, 283—324, 507—529.
Панинъ, гр., Петръ Ив., ген-аншефъ, р. 1721 г., † 1789 г., т. LXXII, 3, 4.
Панкратьевъ, чин., 1816, т. LXXII, 607.
Панова, Анна Васильевна., 1810 г., томъ LXX, 4, 5.
Панова, Елис. Борисов., 1810 г., томъ LXX, 5.
Пановъ, Алексѣй Никол., 1810 г., томъ LXX, 5,
Пановъ, Васил. Николаев., 1810 г., томъ LXX, 4, 5.
Пановъ, д. ст. сов. 1891 г., т. LXX. 262.
Пановъ, издат. сборника, томъ LXIX, 236, 242.
Панчулидзевъ, С. А., сообщ.: „Жизнь Ефима Петровича Чемесова, 1735—1801 гг., т. LXXII, 1—10.
Панютинъ, С. Ѳ., тайн. сов. 1872 г., т. LXIX, 583.
Паниковъ, П. А., полковн. 1807 г., томъ LXIX, 561.
Пардолоцкій, Ѳ. Ѳ., археологъ, томъ LXXI, 642.
Парротъ, акад. 1827 г., т. LXXI, 311, 312 т. LXXII, 447, 667.
Парчевскій, ген. 1891 г., томъ LXX, 255, 261.
Паскевичъ, княгиня, 1859 г., т. LXX, 173, т. LXXII, 143.
Паскевичъ, Ив. Ѳед., гр. Эриванскій кн. Варшавскій, ген.-фельдм., р. 1781 г., † 1856 г., т, LXIX, 1, 4., 5, 9, 22, 29—35, 106, 107, 529, 531, 532, 579, 583

-. LXX, 604 605, 606, т. LXXI, 195, 196, 197, 362, т. LXXII, 695.

ковичъ, кн., Фед. Ив., чл. Редакціон. комис. 1860 г., т. LXIX, 790, т. LXXI, 278, 547—559, т. LXXII, 143—149, 428.

ассекъ, Вадимъ Васильев., писатель, † 1843 г., т. LXIX, 422.

ассекъ, Діомидъ Васил., ген-м., р. 1807, † 1845 г., т. LXXII, 110

аульсонъ, I. И., педагогъ 1852 г., т. LXXI, 318—325.

ахманъ, профес. 1866 г., т. LXXI, 582.

аццъ, графъ, 1830 г., т. LXIX, 283, 292, 539.

ашутинъ, Викт. Васильев., профес. м-х. акад. 1850 г., т. LXX, 378.

ейкеръ, Ив. Устинов., д. ст. сов. 1830 г., т. LXX, 57.

ейкеръ, 1845 г., т. LXXII, 110.

ежарскій, Петръ Петров., академикъ, † 1872 г., т. LXIX, 212, 715, т. LXX, 396, 399, 410, 411, 421, 643, т. LXXI, 86, 97, 108, 304, 572, 576, 579—582, 617, т. LXXII, 12, 159, 666.

елехинъ, профес. мед-хир., акад. 1845 г., т. LXX, 123.

еликанъ, Венцеславъ Венц., презид. мед.-хир. акад. 1850 г., т. LXX, 127, 134, 135,

еликанъ, Евген. Венцеслав., профес. мед.-хир. акад. 1840, т. LXX, 134, 135, 364, 416.

елымскій, Аблегиримъ, князь остяцкій. т. LXXI, 400.

елымскій, кн., Семенъ Андреев., остяцкій князь 1656 г., т. LXXI, 400, 401.

елымскіе, остяцкіе князья, томъ LXXI, 395, 400, 401.

ель, А. Х., архитект. 1890 г., томъ LXXI, 240.

еревощиковъ, В. М., профес. 1855 г., т. LXX, 19, 395, 401, т. LXXI, 105.

ерепелицынъ, полковн. 1891 г., томъ LXX, 261

еретцъ, Егоръ Абрам., статсъ-секрет., чл. гос. совѣта, д. тайн. сов. 1891 г., т. LXIX. 493,

еретцъ, педагогъ 1860 г., т. LXXI, 320,

еровскій, гр., Васил. Алексѣев., оренб. ген.-губ., ген-ад., чл. госуд. сов., р. 1794 г., † т. LXIX, 3, т. LXX, 434, 44 , томъ LXXII, 138.

еровскій, гр., Левъ Алексѣев., д. тайн. сов., мн-ръ вн. дѣлъ и удѣловъ, р. 1793 г., † 1856 г., т. LXX, 177, 477, т. LXXII, 182.

еровскій, гр., Борисъ Алексѣев., ген.-адъют., † 1881 г., т. LXXI. 286.

ерфильевъ, 1842 г., т. LXXII, 93.

ерфильевъ, нач. москов. окр. жандарм. 1860 г., т. LXIX, 589.

естель, Пав. Ив., полковн., декабристъ. † 13 іюля 1826 г., т. LXXI, 191.

етелинъ, купецъ 1830 г., т. LXXI, 193.

етерсъ, тайн. сов. 1865 г., т. LXXI, 96.

етрамовъ, бывш. восп. Дворянск. полка, т. LXX, 252.

етрашевскій, Мих. Вас., † 7 декабря 1867 г., т. LXX, 346, 389, т. LXXI, 141, 142, 143.

етрова, классн. дама Екатерин. инст. 1864 г., т. LXX, 164,

етровъ, Александ. Павл., чинови. 1830 г., т. LXIX, 282.

етровъ, Вас. Владим., профес. акад., р. 1761 г., † т. LXX, 550, 551, 552, 553, т. LXX, 364.

етровъ, Василько, писатель 1860 г., т. LXXII, 198,

етровъ, Н. П., ген.-лейт. 1891 г., томъ LXX, 255 262, т. LXXII, 505.

етровъ, Осипъ Афанас., арт.-пѣвецъ, р. 1805 г., †, 1877 г., т. LXIX, 602, т. LXX, 628, т. LXXII, 205.

етровъ, директ. тамбов. гимназ. 1834 г., т. LXIX, 234.

етровскій, С., магистръ, нынѣ ред. „Москов. Вѣдомост.“, т. LXIX, 210, 212

етръ, I, императоръ, р. 1672 г., † 1725 г.. т. LXIX, 20, 52, 70, 145, 157, 159, 168, 173, 181—183, 189, 204, 210, 212, 215, 374, 440, 467, 539, 733, 751, томъ LXX, 45, 65, 119, 145, 409, 411, 602, 680, 727, т. LXXI, 100, 101, 420—439, 609, т. LXXII, 12—18, 25, 27, 209-213, 241, 248—271, 286—290, 309, 496, 497, 587—591, 615, 637, 671, 672, 681, 693.

Петръ, II, императоръ, р. 1715 г., † 1730 г., т. LXX, 727, 728,
Петръ, III, Ѳедоровичъ, императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., т. LXIX, 189, 374, т. LXXII, 297, 299, 592, 694.
Петръ, епископъ, сообщ.: „Сибирскій старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ 1837—1864 гг.", т LXXII, 233—240.
Печерина, Авдотья Семенов., † 1747 г., т. LXXII, 588—590, 610.
Печерина, Вѣра Андреевна, томъ LXXII, 592.
Печерина, Вѣра Влад., р. Дружинина, † 1794 г., т, LXXII, 593, 600.
Печерина, Вѣра Ѳед., въ зам. Трегубова, р. 1800 г., † 1852 г., т. LXXII, 604, 617.
Печерина, Марья Пантелеймонов., † 1786 г., т. LXXII, 594.
Печерина, Надежда Алексѣев., рожд. Ясинская, † 1814 г, т. LXXII, 602, 603, 604, 614.
Печерина, Пелагея Петровна, рожд. Симоновская, т. LXXII, 594.
Печеринъ, Пантелеймонъ Ѳед., род. 1744 г., † 1811 г., т. LXXII, 589, 590, 591, 613.
Печеринъ, Влад. Сергѣев., профес. 1835 г., писатель, іезуитъ, †, томъ LXIX, 732, т. LXX, 457, т. LXXI, 92, 100, т. LXXII, 445, 608, 617, 618.
Печеринъ, Сергѣй Пантелеймонов., шт.-кап. 1818 г., р. 1781 г., т. LXXII, 594, 596, 608.
Печеринъ, Ѳед. Ив., оберъ-мундшекъ 1737 г., т. LXXII, 587—593.
Печеринъ, Ѳед. Пантелеймонов., чл. межевой канцеляр., р. 1773 г., † 1835 г., его записки 1737—1816 гг., т. LXXII, 587—616.
Печеринъ, Ѳед. Ѳедоров., полковникъ, р. 1807 г., † 1850-хъ гг., т. LXXII, 604.
Печерскіе, предки Печериныхъ, томъ LXXII, 587.
Пещуровъ, сенат. 1848 г., т. LXXI, 136.
Пильшеръ, студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX, 457.
Пименовъ, Н. С., профес.-скульпторъ 1835 г., т. LXXI, 35, 240, 534.
Пименовъ, С. С., профес. акад. худож. 1840 г., т. LXXI, 35, 476.
Пинскій, сенат. 1864 г., т. LXX, 141, т. LXXI, 301.
Пинто, лект. итал. яз. при спб. унив. 1863 г, т. LXIX, 735, т. LXXI, 310.
Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ-профес., род. 1810 г., † 1881 г., т. LXIX, 73, т. LXX, 130 — 135, 145, 367, 375, т. LXXI, 96, 198, 200, 311, 312, 315—320, 325.
Писаревъ, Дм. Ив., писат., р. 1840 г., † 1868 г., т. LXIX, 85, 88, 350, 362, т. LXXI, 88, 281.
Писаревскій, тайн. сов., бывш. воен. Дворянск. полка, 1891 г., т. LXX, 262.
Писемскій, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, писат., р. 1820 г., † 1881 г., т. LXIX, 244, 268, 343, 484, 735, т. LXX, 140, т. LXXI, 291, 577, т. LXXII, 161.
Пискуновъ, Ѳома Павл., купецъ 1832 г., т. LXX, 40, 41.
Пищалкинъ, Андрей Андр., художникъ 1838 г., граверъ на мѣди, т. LXXI, 60, 61.
Пій IX, папа римскій 1846 г., т. LXXII, 124 — 135, 333, 334, 338, 339, 341, 344, 347.
Піотровскій, сотрудн. «Современника», † 1862 г., т. LXIX, 343.
Плавинскій, К., т. LXIX, 145 — 184, 407—420.
Плавская, Елис. Степ., см. **Порошина**.
Плавскій, Александръ, 1860 г., томъ LXX, 466.
Плавскинъ, В. С., врачъ, д. ст. сов., его воспоминанія: «Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и на дальнемъ востокѣ 1868 г.», т. LXXI, 593—608.
Платеръ, графъ, помѣщ. 1863 г., томъ LXIX, 721.
Платеръ, гр., † 1863 г., т. LXIX, 730.
Платовъ, Александръ Степан., офицеръ 1844 г., т. LXIX, 425.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атам. Войска Донск. 1799 г., т. LXX, 26.
Платонова, актриса 1865 г., томъ LXX, 627.

Платоновъ, предсѣд. царскос. земск. собранія 1865 г., т. LXXI, 108.

Платонъ, остзейскій архіеп. 1867 г., т. LXXII, 168, 172.

Платонъ (Левшинъ), митропол. московскій, наставн. имп. Павла I, р. 1737 г., † 1811 г., т. LXXI, 464.

Платонъ, митропол. кіевскій 1889 г., т. LXXI, 648.

Плаутинъ, ген.-ад. 1860 г., т. LXX, 721.

Плетнева, Александра Васильевна, рожд. княжна Щетинина, сообщ.: «Петръ Александровичъ Плетневъ и Александръ Васильевичъ Никитенко. Переписка 1856 — 1857 гг.», т. LXIX, 431—448, упом. т. LXXII, 630, 648, 652.

Плетнева, Ольга Петр., въ зам. Лажіеръ, т. LXX, 463.

Плетневъ, Петръ Александр., тайн. сов., академ., ректоръ спб. унив., писатель, р. 1798 г., † 1865 г., т. LXIX, 53, 277, 431—448, т. LXX, 383, 460—463, т. LXXI, 110, т. LXXII, 629, 633, 645—657.

Плещеевъ, Алексѣй Николаев., писат. 1880 г., т. LXIX, 464, 779.

Плотниковъ, куп. 1780 г., т. LXXII, 595.

Плѣшановъ, Н. Ѳ., 1850 года, томъ LXXII, 628.

Плѣшановъ, П. Ѳ., профес. акад. худ. 1850 г., т. LXXII, 628.

Пнинъ, П. И., художникъ, † 1837 г., т. LXXI, 38, 46.

Побыванецъ, офиц., бывш. воспитан. Константин. кад. корпуса, 1891 г., т. LXX, 260.

Побѣдоносцевъ, Н. А., сообщ.: «Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ. Письмо его къ профессору П. В. Побѣдоносцеву, 1823 г.», т. LXXII, 230, 231.

Побѣдоносцевъ, Петръ Васильев., проф. 1823 г., т. LXXII, 230.

Повало-Швыйковская, Наталья Александр., см. **Неелова**.

Повало-Швыйковскій, олонецкій губернаторъ 1846 г., т. LXIX, 425.

Погодина, рожден. **Вагнеръ**, томъ LXIX, 272.

Погодинъ, Мих. Петр., академ., тайн. сов., р. 1800 г., † 1875 г., т. LXIX, 53, 55, 58, 235, 243, 244, 250, 252, 260, 271—276, 482, 484, 489, 584, 588, 729 730—732, т. LXXI, 252, 420, 421, 423, 442, 586—590, т. LXXII, 396, 631, 686.

Погонато, классн. дама Екатер. институт. 1864 г., т. LXX, 164.

Погребовъ, Николай Иванов., д. ст. сов., бывшій спб. городской голова, т. LXXI, 208.

Подобѣдова, Надежда Михайл., т. LXX, 35, 37.

Подолинскій, Андрей Ив., поэтъ, род. 1806 г., † 1886 г., т. LXIX, 252, т. LXXII, 66, 86—89.

Подушкинъ, Василій Ѳед., спб. плацъ-маіоръ 1830 г., т. LXXI, 186.

Позенъ, вольноопр. 1840 г., т. LXXI, 361.

Пожалостинъ, Ив. Петр., граверъ-акад., профес., т. LXXI, 63.

Пожарскій, Яковъ, его стихотвореніе «Наполеоновъ бостонъ», т. LXXII, 470, 471.

Позенъ, М. П., ст.-секретарь 1859 г., т. LXXI, 278, 555, т. LXXII, 149.

Позняковъ, Ив. Давыдов., секретарь сената 1719 г., т. LXIX, 210—212.

Покатиловъ, полк. 1706 г., т. LXXII, 27

Покровскій, Николай Васильев., проф. 1891 г., т. LXIX, 467, т. LXXII, 435.

Полевой, Николай Алексѣев., писатель, р. 1796 г., † 1846 г., т. LXXI, 421, т. LXXII, 71, 472.

Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., писатель, т. LXIX, 118.

Полетика, 1867 г., т. LXXII, 165.

Полешко, ген. 1830 г., т. LXX, 215.

Поливанова, Ек. Никол., см. **Чиркова**.

Поливановъ, Влад. Никол., камеръ-юнкеръ, сообщ.: «Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Послѣдніе годы жизни партизана и поэта, по неизданн. письмамъ и воспоминаніямъ», т. LXXI, 369—381.

Поливановъ, И. П., сенаторъ 1810 г., т. LXXI, 370.

Поливановъ, Николай Иван., 1830 г., т. LXXI, 380.

Полонскій, Яковъ Петр., писат.-поэтъ, т. LXIX, 406, 484, 779, т. LXX, 249, т. LXXI, 24.
Полотебновъ, профес. мед.-хир. акад. 1890 г., т. LXX, 378.
Полтавцевъ, Игнатій, 1737 г., томъ LXXII, 588.
Полторацкій, полковникъ 1891 г., томъ LXX, 262.
Полѣновъ, 1865 г., т. LXXI, 107.
Полянскій, Василій Ипатов., 1810 г., т. LXX, 19—21.
Поль, воспитан. Дворянск. полка 1848 г., т. LXIX, 683.
Помяловскій, писат., т. LXXI, 3.
Пономаревъ, Николай Конст., сообщ.: «Воспоминанія мироваго посредника перваго призыва 1861 — 1863 гг.», т. LXIX, 303—328.
Понятовскій, кн., генер. 1812 г., т. LXXI, 460—468, 472, 498, т. LXXII, 585.
Понятовскіе, т. LXXII, 351.
Поморцевъ, Дамьянъ, (японецъ), 1730 г., т. LXXII, 18.
Попандопулло, капит. 1840 г., томъ LXXI, 363.
Поповъ, А. Я., купецъ 1840 г., т. LXXII, 83. 234.
Поповъ, Евг. Ив., священ. въ Лондонѣ 1862 г., т. LXIX, 369.
Поповъ, священ. въ Вяткѣ 1878 г., т. LXX, 200.
Поповъ, В. Т., городск. голова въ г. Тотьмѣ, т. LXX, 719.
Поповъ, педагогъ 1860 г., т. LXXI, 321.
Поповъ, 1824 г., т. LXXI, 112.
Поповъ, Т., 1890 г. т. LXXI, 395.
Порай-Кошицъ, П. И., сообщ.: „Н. П. Огаревъ“, т. LXXII, 138.
Пороховщиковъ, штабсъ-капит., Александ. Александ., изд.-ред. газеты „Русская Жизнь“, секретарь комит. для вспомощ. переселенцамъ 1891 г., бывш. Двоспитан. ворянск. полка, т LXX, 262, 266.
Порошина, г-жа, рожд. Ланская, т. LXX, 465.
Порошина, Елисав. Степан., въ зам. Плавская, т. LXX, 466.
Порошина, Софья Степ., т. LXX, 466.
Порошинъ, Валерій Степ., т. LXX, 466.
Порошинъ, Викт. Степан., проф., † 1868 г., т. LXIX, 746, 747, т. LXX, 408, 464—466, т. LXXII, 415.
Порошинъ, Семенъ Андр., воспитатель вел. кн. Павла Петровича, р. 1741 г., † 1769 г., т. LXXII, 467.
Порошинъ, Степ. Степан., т. LXX, 466.
Посошковъ, крестьянинъ-писатель при Петрѣ Великомъ, т. LXIX, 189, томъ LXXII, 309.
Поспѣлова, г-жа, рожд. Мамонова, т. LXXII, 592.
Поспѣловъ, баронъ, Василій Петров., денщикъ Петра I, впосл. камергеръ т. LXXII, 587, 591, 615, 616.
Постельсъ, почетн. чл. акад. наукъ, 1866 г., т. LXXI, 282.
Постниковъ, Влад. П., дьяконъ 1850 г., т. LXXII, 653.
Потаповъ, Александръ Львов., ген.-ад., виленск. ген.-губ. 1869 г., шефъ жанд. 1875 г., т. LXIX, 1, 2, 749, т. LXXII, 141, 670, 683, 684.
Потаповъ, шт.-капит. 1850 г., т. LXX, 436, 437.
Потаповъ, Ив. Пот., художн. 1814 г., т. LXIX, 610.
Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LXX, 19, т. LXXII, 537, 538, 546, 547, 554—561, 595.
Потемкинъ, посолъ въ Римѣ 1836 г., т. LXXI, 240, 245, 540.
Потоцкая, гр-ня, Дельфина, рожд. Свейковская, т. LXX, 676, 677, 678.
Потоцкіе, графы, т. LXXII, 351.
Потоцкій, гр., Мих., (Мечиславъ), ном. 1849 г., т. LXIX, 30, 570, т. LXX, 676—678, т. LXXII, 352.
Потоцкій, Пав. Платон., шт.-кап. 1891 г., т. LXX, 254.
Потулова, Александра, см. Ланская.
Потуловъ, генер. 1845 г., т. LXX, 465, 466.
Потѣхинъ, Алексѣй Антипов., писат.-драм., т. LXXI, 577, т. LXXII, 197.

Похвисневъ, Мих. Ник., чиновн. 1866 г., сенаторъ, тайн. сов., т. LXXI, 588.

Поццо-ди-Борго, гр., русск. посл. въ Парижѣ 1829 г., т. LXX, 85, т. LXXI, 513.

Поцѣй, графиня, 1710 г., т. LXIX, 503.

Поцѣй, графскій родъ, т. LXIX, 503.

Поярковъ, 1867 г., т. LXXII, 445.

Прасковья Ѳедоровна, (Салтыкова), царица, р. 1664 г., † 1723 г., т. LXXII, 253, 593.

Прассе, саксонск. резидентъ въ Спб. 1762 г., т. LXXII, 299.

Предтеченскій, Е. А., священ. 1888 г., т. LXXI, 416.

Предтеченскій, Ег. Мат., педагогъ 1810 г., т. LXIX, 608, 623.

Преображенскій, Петръ Абрамов., педагогъ 1834 г., т. LXIX, 233.

Пржецлавскій, Осип. Антонов., чл. гл. управл. цензуры 1861 г., тайн. сов., т. LXIX, 52, 53, 62, т. LXX, 147, 148, 157, 161, 162, 415, 417, 621.

Прозоровъ, Гр. Гр., профес. 1833 г., т. LXX, 124.

Прозоровъ, Я. А., попечит. духовн. учил. 1878 г., т. LXX, 199.

Прозоровскій, Дмитрій Иванов., д. ст. сов., почетный чл. археолог. инст., 1891 г., т. LXIX, 467.

Прокоповичъ-Антонскій, Ант. Анг., профес., ректор. моск. унив. 1825 г., т. LXXII, 231.

Прокудинъ, М. И., 1791 г., т. LXXII, 598.

Протасова, г-жа, въ зам. Карамзина, т. LXX, 12.

Протасова, фрейлина 1784 г., томъ LXXII, 535.

Протасовъ, гр., Никол. Александр., об.-прокур. св. синода, 1841 г., † 1855 г., т. LXIX, 212, 213, т. LXX, 174.

Протопоповъ, гувернеръ 1830 г., томъ LXX, 329.

Протопоповъ, чиновн. 1867 г., т. LXXII, 168, 169, 170, 176.

Прутченко, Мих. Борисов., попечит. Нижегород. дворян. инст. 1866 г., впосл. псковск. губернат., т. LXIX, 395.

Пряшпишниковъ, 1859 г., т. LXXI, 554.

Птицынъ, Влад. Вас., 1890 г., поч. чл. археолог. института, т. LXX, 470.

Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г., т. LXXII, 2, 3, 4.

де-Пуле, Мих. Ѳедор., писатель, 1870 г. т. LXX, 1.

Пулло, маіоръ 1840 г., т. LXXI, 360, 363.

Пупаревъ, Аркад. Гаврилов., сообщ.: „Проектъ сожженія флотовъ непріятельскихъ 1804—1805 гг. Письмо, арестъ и допросъ тит. сов. Бернда", т. LXXII, 226—229.

Путырскій, подполковн. 1891 г., т. LXX, 260.

Путята, ген., помощн. начальн. штаба воен. учебн. зав. 1856 г., т. LXX, 265.

Путята, д. ст. сов. 1891 г., бывш. воспит. Дворянск. полка, т. LXX, 262.

Путятинъ, гр., мн-ръ народн. просв. 1861 г., т. LXIX, 44, 60—97, 101, 704.

Пушкина, Наталья Николаевна, рожд Гончарова, во втор. бракѣ Ланская, р. 1812 г., † 1863 г., т. LXX, 670, 671

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, писатель, р. 1798 г., † 1837 г., т. LXIX, 131, 248, 250, 254, 256, 276, 433, 485, 502, 582, 591, 676, 751, т. LXX, 37, 38, 460, 462, 518, 519, 522, 618, 651, 652, 665, 670, 671, т. LXXI, 56, 57, 88, 144, 372, т. LXXII, 73, 83, 85, 91, 96, 97, 100, 107, 110, 197, 497.

Пушкинъ, Сергѣй Львов., т. LXX, 665.

Пушковскій, помѣщикъ 1861 г., т. LXIX, 324.

Пущинъ, Ив. Ив., кол. ассес., декабристъ, † 1859 г., т. LXXII, 91, 94, 104.

Пущинъ, Никол. Ив. 1840 г., впосл. ген.-лейт., т. LXXII, 94.

Пущинъ, Ник. Ник., ген., директ. Дворянск. полка 1846 г., т. LXX, 252, 263.

Пущины, т. LXXI, 551.

Пыпинъ, Александръ Никол., профессоръ, писатель и ученый, т. LXIX, 464, т. LXX, 518, 522, 546, т. LXXI, 229, 233, 237, 238, 576, т. XXLII, 174.

Пятницкій, чиновн. 1770 г., т. LXXI, 184.

Рабусъ, Карлъ Ив., художникъ 1820 г., т. LXIX, 247, 248, 250, 270.
Рагова, Ѳедоръ, врачъ 1847 г., т. LXX, 430.
Рагозинъ, Яковъ, подполковн. 1706 г., т. LXXII, 27, 29.
Раденъ, баронесса, Эдитта Ѳед., фрейл. 1860 г., т. LXXII, 152.
Раденъ, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 138.
Радецкій, генер. 1848 г., т. LXXII, 336.
Радзивилъ, княгиня, рожден. княжна Урусова, т. LXX, 668.
Радзивилъ, князь, Михаилъ, 1830 г., т. LXIX, 539.
Радзишевскій, воспитан. Дворянскаго полка 1848 г., т. LXIX, 123.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ, директ. тамож., писатель, р. 1749 г., † 1802 г., т. LXIX, 191.
Радловъ, В. В., акад., инспект. татарск. и башк. школъ 1873 г., т. LXX, 188.
Раевская, Анна Мих., 1865 г., т. LXX, 632—635, т. LXXI, 84, 115, 564.
Раевская, г-жа, 1838 г., т. LXXI, 68.
Раевскій, Николай Никол., ген.-отъ-кав. 1812 г., т. LXIX, 11, 105, 106.
Разгильдѣевъ, А. И., 1840 г., т. LXIX, 280, т. LXXII, 72, 89.
Разгильдѣевъ, И. Е., горный инжен., полковн. 1854 г., т. LXXI, 335.
Разгильдѣевы, т. LXXII, 95.
Разумовскій, графъ, Алексѣй Кирилл., д. тайн. сов., мин. нар. просв., род. 1748 г., † 1822 г., т. LXX, 524.
Разумовскій, графъ, Кириллъ Григор., гетманъ, ген.-фельдм., президъ. академ. наукъ, р. 1728 г., † 1783 г., т. LXX, 25, 26, томъ LXXI, 620, томъ LXXII, 297, 613.
Разумовскій, графъ, 1835 г., т. LXX, 679.
Раичъ, С. И., перев. „Освобожд. Іерусалима", 1840 г., т. LXIX, 248.
Райковскій, священникъ 1840 г., томъ LXX, 459, 460.
Райковскій, педагогъ 1852 г., т. LXIX, 134, 135.
Раймбахъ, Авраамъ, граверъ 1829 г., т. LXX, 95, 312, 321—337, 547—549, т. LXXII, 656.
Райскій, юнкеръ 1859 г., т. LXXII, 151.
Райча, Дмитрій, полковникъ 1689 г., т. LXXI, 448.
Рамазановъ, Николай Александр., профессоръ-скульпт., р. 1815 г., † 1867 г., т. LXIX, 244, т. LXXI, 35—37.
Рамзай, генер. 1856 г., т. LXX, 605.
Растрелли, графъ, Варѳоломей Варѳол., архитекторъ 1760 г., томъ LXIX, 421, т. LXX, 25, 26.
Ратищевъ, А. А., поручикъ 1807 г., т. LXIX, 560.
Ратькова, Елисав. Матвѣевна, 1810 г., т. LXX, 3, 15, 16.
Ратькова, Елисавета Михайл., 1810 г., т. LXX, 3.
Ратьковъ-Рожновъ, Влад. Александр., гласный Спб. думы 1887 г., тайн. сов., т. LXX, 266.
Раутенштраухъ, генер. 1839 г., томъ LXIX, 35.
Рахменовъ, 1848 г., т. LXIX, 264.
Рахунковичъ, Ѳ. А., сообщ.: „Евгеній Ив. Саковичъ", поправка къ дневнику П. А. Валуева, т. LXXII, 392.
Рачинскій, писат. 1860 г., т. LXXII, 147.
Рашевскій, Иванъ Ѳедоров., педагогъ 1860 г., т. LXXI, 323.
Рашетъ, 1860 г., т. LXXII, 399.
Ребиндеръ, г-жа, рожденная Саломка, т. LXXI, 98.
Ребиндеръ, Николай Романов., попеч. Кіевск. учебн. округа, † 1865 г., томъ LXIX, 49, 51, 54, 69, 78, 79, 97, 742, т. LXXI, 92, 98, 106.
Резановъ, А. И., архитекторъ 1835 г., т. LXXI, 34, 60, 541, т. LXXII, 337.
Резановъ, Н. П., 1810 г., т. LXXII, 11.
Рейтернъ, Михаилъ Христофоров., мин. финанс. 1866 г., ст.-секр., членъ гос. совѣта 1879 г., род. 1820 г., † 1890 г., томъ LXIX, 754, 757, 758, 782, 784, т. LXX, 382, 417, 639, т. LXXI, 129, 307, 308, т. LXXII, 422.
Рембелинскій, предсѣдат. мазовецкой воеводской комиссіи 1830 г., томъ LXIX, 294.
Ремезовъ, Иванъ Сократов., 1890 г., д. ст. сов., помощн. ст.-секр. госуд. сов.,

составит. и изд. книгъ для народа, томъ LXIX, 484, 776.
Ремеръ, корн., † 1863 г., т. LXIX, 718.
Ремдовскій, профессоръ мед.-хир. акад. 1860 г., т. LXXII, 183.
Ренигартенъ, 1855 г., т. LXX, 180.
Ренне, баронъ, асессоръ Бауск. гауптманск. суда 1857 г., т. LXXI, 77.
Ренстремъ, г-жа. 1800 г., томъ LXXI, 637—639.
Реншельдъ, шведскій генералъ 1706 г., т. LXXII, 26.
Репнина, княжна, Варвара Николаевна. 1850 г., т. LXIX, 578.
Репнинъ, князь, Аникита Иван., ген.-фельдмаршалъ, р. 1668 г., † 1726 г., т. LXXII, 26.
Репнинъ, кн. 1812 г., т. LXXI, 518.
Ржевскій, вел. казначей 1689 г., томъ LXXII, 255.
Ржевскій, д. ст. сов., редакт. внутрен. лѣтописи въ «Сѣверн. Почтѣ» 1861 г., т. LXIX, 99, 330, 334, 709, т. LXX, 413, 424, 642. томъ LXXI, 109, томъ LXXII, 157.
Ржевскій, воспитанникъ лицея 1812 г., т. LXXII, 91.
Ржевускій, графъ, Генрихъ, писатель 1865 г., т. LXIX, 255.
Ржевускій, графъ, дивизіонный генер., кавалер. 1858 г., т. LXIX, 589.
Реадъ, генер. 1839 г., т. LXIX, 4, 5, 6.
Рибопьеръ, графъ, оберъ-камерг. 1859 г., т. LXXI, 275, т. LXXII, 152, 395, 423.
де-ла-Ривьеръ, Мерсье, франц. юристъ, администраторъ 1767 г., томъ LXXII, 283—324, 507—529.
Ридигеръ, генералъ 1839 г., т. LXIX, 1, 106, т. LXX, 604.
Рикордъ, П. И., адмиралъ 1835 г., томъ LXX, 215, т. LXXII, 11.
Ристори, актриса, г. LXXII, 118, 119.
Риттихъ, г-жа, рожд. Демидова, томъ LXXII, 564.
Риттихъ, Н. Р., сообщ.: „Генер.-маіоръ И. Т. Сназинъ 1803 г.“, т. LXXII, 564.
Ритчеръ, полк., полиціймейст. въ Спб. 1891 г., бывшій воспит. Дворянскаго полка, т. LXX, 123, 262.
Рихтеръ, г-жа, въ замуж. Экое, томъ LXXII, 394.
Рихтеръ, А. А., тайн. сов. 1891 г., томъ LXIX, 781.
Рихтеръ, Ѳ. Ѳ., архитекторъ, † 1868 г., т. LXX, 578, т. LXXI, 26, 27, 240, 249, 256, т. LXXII, 631.
Рихтеръ, генер. 1839 г., т. LXIX, 32.
Рихтеръ, полковн. 1859 г., т. LXXI, 274.
Ришмонъ, (Richemont), родственники гр. Муравьева-Амурскаго, т. LXXII, 476.
Ришомъ, граверъ 1829 г., т. LXX, 95, 101, 105, 106, 108, 110, 314, 561, томъ LXXII, 656.
Рклицкій, Иванъ Васил., профессоръ 1845 г., т. LXX, 123.
Робинсонъ, граверъ 1830 г., т. LXX, 332, 333, 335, 336, 547—549, томъ LXXII, 656.
Ровинскій, Дмитрій Александр., сенат., д. тайн. сов., поч. членъ импер. акад. наукъ, историкъ, изслѣдоват. русской иконографіи и гравюръ, род. 1824 г., т. LXXII, 630, 657.
Рогова, Анна, купчиха 1796 г., томъ LXXI, 405.
Роде, г-жа, помѣщица 1803 г., томъ LXXII, 607.
Роджерсонъ, лейбъ-мед. Екатерины II, томъ LXXII, 531, 537, 538, 541, 542, 557, 560.
Родзевичъ, А. И., сообщ.: „Тарасъ Шевченко въ Закаспійскомъ краѣ, 1850—1857 гг., томъ LXX, 432—446, упом., т. LXX, 260, т. LXXII, 506.
Родзянко, Екатерина Владим., нач-ца Екатерин. инст. 1864 г., т. LXX, 164.
Рождественскій, Н. Ѳ., профес., томъ LXXI, 385, 387.
Рождественскій, священникъ 1866 г., томъ LXIX, 681, томъ LXX, 184, томъ LXXI, 96.
Рожновъ, А. И., учитель пѣнія 1890 г., т. LXIX, 123, 694,
Рожновъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.
Розановъ, Н. И., художникъ 1848 г., т. LXXII, 341.
Розбергъ, профес. 1867 г., т. LXXII, 172.
Розенбергъ, докт. 1838 г., т. LXXI, 68.

Розенбергъ, писат. 1867 г., т. LXXII, 661.
Розенгеймъ, Вѣра Ив., сообщ.: „Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ, его стихотворенія“, т. LXX, 338.
Розенгеймъ, Михаилъ Павл., писатель, р. 1820 г., † 1887 г., его стихотв. „Ревъ и вой ежеминутный“, т. LXX, 338.
Розенъ, баронъ, начальн. артил. учил. 1835 г., т. LXIX, 424.
Розенъ, ген.-ад. 1839 г., т. LXIX, 1.
Розенъ, баронъ, восп. Дворянск. полка 1848 г., т. LXIX, 690, 693, 696, 697.
Розингъ, П. Н., директ. Нижегородск. двор. инст. 1866 г., т. LXIX, 394.
Розладинъ, Сем., 1730 г., т. LXXII, 217.
Ронитанскій, проф. 1840 г., т. LXX, 130.
Романовъ, Максимъ, дьякъ 1700 года, т. LXXII, 15.
Романовъ, шт.-кап. 1848 г., т. LXIX, 121
Романовскій, великій князь, Николай Максимиліановичъ, см. герцогъ Лейхтенбергскій.
Романовскій, вольнопредѣл. 1840 г., т. LXXI, 361.
Ромбауеръ, художникъ 1809 г., томъ LXXI, 405.
Ромодановскій, князь, Ѳедоръ Юрьев., управл. Преображенскимъ приказомъ, † 1717 г., т. LXIX, 126, 751, т. LXIX, 614, т. LXXII, 213, 214.
Ропшъ, 1857 г., т. LXXI, 81.
Росницкій, генералъ польской службы 1839 г., т. LXIX, 35.
Россетъ, Софія, 1850 г., т. LXXI, 144.
Россетъ, 1850 г., т. LXXI, 144.
Росси, архитект. 1850 г., т. LXXII, 121.
Россильонъ, баронъ, подполковн. генер. штаба 1840 г., т. LXXI, 363, 367.
Россиньоль, франц. повѣр. въ дѣлахъ въ Спб. 1767 г., т. LXXII, 527, 529.
Россовъ, Василій, священникъ 1837 г., т. LXXII, 239.
Ростовцова, г-жа, супруга Яковъ Иван. Ростовцева, т. LXIX, 680.
Ростовцевъ, графъ, Іаковъ Иван., ген.-адъют., первый предсѣд. редакціонной комиссіи, р. 1803 г., † 1860 г., томъ LXIX, 44, 129, 142, 491, 495, 496, 498, 678, 680, 682, 784, т. LXX, 252, 263, 265, 343, 420, 421, 613, 620, 686, 689, 693, 694, т. LXXI, 268, 271, 278, 542, 550—552, 557, 561, 562, т. LXXII, 139, 143—149, 232, 393, 397, 401, 404, 544.
Ростопчина, гр-ня, Евдокія Петровна, рожденная Сушкова, писательница, † 1858 г., томъ LXIX, 243, 244, 252, 253, 257, 258, 259, 260, 261, 264, 267, 484, 762, т. LXX, 341, 608.
Ростопчинъ, графъ, Ѳедоръ Васильев., ген.-отъ-инф., московск. главнокомандующ. 1812 г., р. 1765 г., † 1826 г., т. LXIX, 21, 253, 271, т. LXXII, 54.
Ростопчинъ, Андрей Ѳедоров., 1840 г., т. LXIX, 253, 271.
фонъ-Роткирхъ (Теобальдъ), Василій Алексѣевичъ, т. LXX, 719.
Ротчевъ, Ив. Иван., художникъ 1813 г., т. LXIX, 610.
Ротъ, генералъ 1839 г., т. LXIX, 1, 11, 106, 519.
Ротчевъ, чиновн. 1862 г., т. LXIX, 336.
Рубанова, Марѳа Васильевна, въ перв. бракѣ Салтанова, † 1792 г., томъ LXXII, 595.
Рубанъ, Васил. Григорьев., актуаріусъ коллегіи иностр. дѣлъ 1760 г., писат., LXXII, 595, 599, 600.
Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ, піанистъ и композиторъ, р. 1829 г., т. LXIX, 602.
Рудановскій, полк. 1891 г., т. LXX, 261.
Рудневъ, профессоръ мед.-хир. акад. 1880 г., т. LXX, 377.
Рудницкій, Карлъ Ив., 1861 г., тайн. сов., т. LXIX, 63, 729, т. LXX, 341—343, 348, 605—607, 614, т. LXXI, 548, т. LXXII, 400.
Румянцева, гр-ня, Е. М., супр. фельдмаршала П. А. Румянцева, т. LXX, 209.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдмарш., род. 1725 г., † 1769 г., т. LXX, 209.
Румянцевъ, графъ, Николай Петровичъ, госуд. канцлеръ, р. 1754 г., † 1826 г. т. LXIX, 191.
Рупертъ, генер.-губерн. Вост. Сибири, † 1848 г., т. LXXI, 327, т. LXXII, 77.
Рупрехтъ, 1865 г., т. LXXI, 101.

Рутковскій, поруч. 1854 г., т. LXX, 264,
Рыбинскій, генер. 1831 г., т. LXXII, 359.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоров., декабр., писатель, р. 1795 г., † 13 іюля 1826 г., т. LXIX, 633, т. LXXII, 73.
Рындовскій, докторъ 1860 г., т. LXXII, 184, 200.
Рѣдкина, Е. Э., см. Гарье.
Рѣдкинъ, Петръ Григ., профес., чл. гос. сов., род. 1808 г., † 1891 г., т. LXIX, 732, т. LXXI, 311—326.
Рюль, лейбъ-мед. 1828 г., т. LXX, 364.
Рюрикъ, князь, † 879, томъ LXIX, 152, т. LXX, 16, т. LXXI, 189, 190.
Рябинины, т. LXXI, 272.
Рязанцевъ, полк. 1689 г., т. LXXII, 250.

Сабанинъ, офиц., † 1828 г., т. LXX, 213.
Сабурова, артистка 1860 года, томъ LXXII, 205.
Сабуровъ, Андрей Ив., директ. имп. театровъ 1860 г., т. LXXII, 208.
Сабуровъ, Як. Вас., помѣщ. 1850 г., т. LXIX, 645, 646.
Сабуровъ, И. В. 1860 г., т. LXXII, 154.
Савваитовъ, Пав. Ив., д. ст. сов., чл. археограф. комис. 1890 г., т. LXIX, 212, 213.
Савеловъ, Аѳанасій Тимоѳѣев., ст. сов., нач. розыскн. раскольн. канц. 1720 г., т. LXIX, 490.
Савеловъ, Леонидъ, сообщ.: поправку къ Указат. личныхъ именъ „Рус. Стар.“, изд. 1890 г., т. LXIX, 227, „Аѳанасій Савеловъ и гр. Алексѣй Мусинъ-Пушкинъ“, т. LXIX, 490; „Домъ временъ Іоанна Грознаго въ городѣ Гороховцѣ“, т. LXXII, 282.
Савельевъ, Алексѣй Иван., генер.-лейт., сообщ.: «Распоряженія по военному вѣдомству въ 1730 г.», томъ LXXII, 216, 217.
Савельевъ, Серг. Н., 1850 г., т. LXXII, 625—627.
Савичъ, Алексѣй Никол., акад.-профес. 1861 г., т. LXIX, 89, 131, 132, томъ LXX, 428.
Садовковъ, К. И., директ. нижегородск. гимназ. 1868 г., помощн. попеч. моск. уч. окр. 1889 г., т. LXIX, 394.
Сакенъ, гр., Дм. Ерофѣев., см. Остенъ-Сакенъ.
Сакенъ, кн., Фабіанъ Вильгельмовичъ (Остенъ-Сакенъ), ген.-фельдмарш., род. 1754 г., † 1837 г., т. LXIX, 529, 532. т. LXX, 272, 287, т. LXXI, 512.
Саковичъ, Евг. Ив., ст. сов. 1859 г., т. LXXI, 266, т. LXXII, 392.
Сакъ, Ив., полковн., † 1706 г., т. LXXII, 29, 30.
Саличевскій, 1840 г., т. LXXII, 83.
Саломирскіе, т. LXXI, 128.
Саломонъ, Христіанъ Христ., профес. м.-х. академ. 1811 г., томъ LXX, 123 133, 364.
Салтыкова, княг. 1860 г., т. LXXII, 394.
Салтыковъ, гр., Ив. Петров., московск. главнокоманд. въ 1797 — 1804 г., род. 1730 г., † 1805 г., т. LXX, 11.
Салтыковъ, Мих. Александр., попечит. моск. унив. 1801 г., т. LXX, 19.
Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф., р. 1826 г., † 1889 г., т. LXIX, 455, 459, 484.
Салтыковъ, Петръ Самойлов., смоленск. губернат. 1708 г., т. LXXII, 214, 298.
Салтыковъ, кн., 1859 г., т. LXXI, 274.
Салтыковы, бояре, т. LXXII, 253.
Сальясъ, графиня (Евгенія Туръ), Елисавета Вас., писат-ца, т. LXIX, 55 т. LXX, 631.
Самаринъ, Юрій Ѳед., писатель, род. 1819 г., † 1876 г., т. LXIX, 202, 204, т. LXXI, 555, т. LXXII, 169, 410, 679, 682.
Самаринъ, артистъ 1848 г., т. LXIX, 261.
Самарины, т. LXIX, 242.
Самойлова, гр-ня, 1840 г., т. LXX, 668, т. LXXI, 32.
Самойлова-Мичурина, Вѣра Васил., актриса, т. LXXI, 270.
Самойловичъ, Ив. Александр., ген.-м., педагогъ, нач. воен.-фельдш. школы, воспит. Дворянск. полка, † 1889 г., томъ LXX, 254.

Самойловичъ, Ив. Самуилов., гетманъ малорос. 1672 г., † 1692 г., т. LXXI, 447—449, т. LXXII, 256.
Самойловичъ, врачъ 1785 года, томъ LXXII, 559.
Самойловъ, Васил. Васильев., артистъ, † 1887 г., т. LXIX, 262, 602, т. LXXII, 163, 206.
де-Сангленъ, Яковъ Ив., нач. тайной полиц. въ Спб. 1840 г., т. LXIX, 248.
де-Сангленъ, писатель 1840 г., томъ LXXII, 88.
Сангушко, князь, 1860 г., т. LXXII, 397.
Санима, японецъ 1710 г., т. LXXII, 18.
Санхецъ, докт. 1775 г., т. LXXII, 468.
Сапшуговъ, актеръ 1860 года, томъ LXXII, 206.
Сапѣга, гр., 1689 г., т. LXXI, 443.
Сарычевъ, препод. матем. 1848 г., томъ LXIX, 681.
Сатина, Елена Николаевна 1860 г., томъ LXIX, 503.
Сафоновичъ, Валерьянъ Иван., бывш. орловск. губернат. 1850 г., т. LXIX, 55.
Сахаровъ, вольнопредѣляющ. 1840 г., т. LXXI, 361.
Сбруевъ, художн.-граверъ 1825 г., томъ LXIX, 617.
Свербѣевъ, чиновникъ 1854 г., томъ LXXI, 336.
Свербѣевы, т. LXIX, 242.
Сверчковъ, художн. 1845 г., т. LXXI, 545, 546.
Свиньинъ, Павелъ Ив., издат. „Отечеств. Записокъ", † 1839 г., т. LXXII, 82, 615.
Свиньинъ, Петръ, 1840 г., т. LXXI, 361.
Свиньинъ, генер.-лейт. 1891 г., томъ LXX, 262.
Свистуновъ, Н., граверъ 1811 г., томъ LXXII, 209—211.
Свистуновъ, Петръ Николаев., декабр., † 1889 г., т. LXXII, 108.
Свѣшниковъ, Алексѣй 1790 г., томъ LXXI, 185.
Свѣшниковъ, М. И., профес. 1860 г., т. LXIX, 199.
Святополкъ, кн., † 1113 г., т. LXIX, 153.
Сгибневъ, А.. 1869 г., томъ LXXII, 12 13, 18.
Севастіановъ, полковн., † 1830 г., томъ LXXII, 111.
Сегюръ, гр., послан. въ Россіи 1787 г., т. LXXII, 284, 525—528.
Селявинъ, 1830 г., т. LXX, 288.
Сельскій, 1840 г., т. LXXII, 77.
Семевскій, Василій Ив., докт. русск. исторіи, род. 1848 г., т. LXIX, 185—197, т. LXX, 533, 545, 546, т. LXXI, 212, 421.
Семевскій, Мих. Ив., ред.-издат. „Русской Старины", род. 1837 г., сообщ.: „Путевые очерки и замѣтки изъ поѣздки по Россіи въ 1891 г.", т. LXXII, 489—497, упом. т. LXIX, 52, 386, 492—500, 635, 781, 760, т. LXX, 219—222, 253, 255, 260—262, 618, 695—697, томъ LXXI, 149—151, 204—208, 236, 293, 321, 421, 623, 640, т. LXXII, 505. Кромѣ того всѣ статьи и замѣтки, подписанныя „Ред.", какъ въ 1891 году такъ и въ предъидущіе годы изданія „Русской Старины" (1870—1890), принадлежатъ М. И. Семевскому.
Семенова, Екат. Семенов., въ зам. кн. Гагарина, актриса, р. 1786 г., † 1849 г., т. LXXI, 127.
Семеновъ, Дмитр. Дмитр., д. ст. сов., педагогъ, сообщ.: «Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Очеркъ его педагогической дѣятельности», т. LXXI, 311—326.
Семеновъ, Ник. Петров., об.-прокур. сената 1855 г., нынѣ сенат., тайн. сов., истор. освобожд. крестьянъ, т. LXIX, 491, 781, 790, т. LXXI, 105, т. LXXII, 155, 415, 417, 424.
Семеновъ, Пав., генералъ, сообщ.: „Нелединскій-Мелецкій. Его экспромтъ", LXXI, 382.
Семеновъ, Петръ Петров., тайн. сов., сенаторъ, предсѣд. статистич. совѣта мин-ва внутр. дѣлъ, вице-президентъ импер-скаго русск. геогр. общ., род. 1827 г., † томъ LXIX, 781, 783, 784, 786—790.
Сенковскій, Осипъ Иван., (бар. Брамбеусъ), проф. спб. универ., писатель, род.

1800 г., 1858 г., т. LXIX, 433, томъ LXXI, 372. т. LXXII, 63, 82, 85, 87, 88.
Сенявинъ, 1849 г., т. LXX, 175.
Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ спб., † 1843 г., т. LXXI, 189.
Сербиновичъ, Конст. Степ., директоръ канц., об.-прокур. св. синода 1838 г., тайн. сов., †, т. LXXI, 275.
Сергій Александровичъ, вел. князь, р. 1857 г.,т. LXXI, 206.
Сергѣевъ, полковн. 1689 г., т. LXXII, 254.
Серебряковъ, инжен. пут. сообщ. 1850 г., т. LXX, 134.
Сергѣевичъ, Вас. Ив., профес. 1890 г., т. LXIX, 467, 504.
Серно-Соловьевичъ, 1862 г., т. LXIX, 362.
Сибиряковъ, К. М., казначей общ. для вспомоществ. переселенц. 1891 г., томъ LXX, 266.
Сиверсъ, Карлъ, 1737 г., т. LXXII, 588.
Сиверсъ, генер. 1855 г., т. LXX, 178, 181, 346, 603—608.
Сиверсъ, гр., директ. деп. иностран. исповѣд. 1863 г., т. LXIX, 723, 727, т. LXXII, 167, 402.
Сигизмундъ III, кор. польск., † 1632 г., т. LXXII, 41, 56.
Сидонскій, профес., 1864 г., т. LXX, 142, 144, т. LXXI, 96, 307, 308.
Сидоренко, поруч. 1854 г., т. LXX, 264.
Синье (Siquier), секретарь швед. кор. Карла XII, 1718 г., т. LXXII, 33—38.
Симашко, Іосифъ, митроп., † 1869 г., т. LXXII, 684.
Симашко, Юліанъ, педагогъ, 1867 г., т. LXXII, 659.
Симоновскій, ст. совѣтн., 1806 г., т. LXXII, 594, 608.
Симоновъ, 1737 г., т. LXXII, 592.
Симсонъ, ландратъ 1847 г., т. LXX, 170, 171.
Сиповскій, Вас. Дмитр., педагогъ 1860 г., г. LXXI, 323.
Сири, графъ, польск. послан. въ Персіи 1686 г., т. LXXII, 280.
Ситниковъ, Семенъ Дм., 1812 г., т. LXX, 13.
Скабичевскій, Александ. Михайлов., писат., историкъ русской литературы, критикъ, род. 1838 г., т. LXIX, 464.
Скамони, Георгій Николаев., художн., завѣд. художеств. отд. экспедиц. заготов. гос. бумагъ, т. LXXII, 713.
Скародинскій, капит. 1830 г., томъ LXIX, 290.
Скарятинъ, В. Я., 1855 г., т. LXX, 179.
Скарятинъ, Никол. Яковлев., курск. предвод. дворян. 1861 г., т. LXX, 722, т. LXXII, 152, 153.
Скарятинъ,издат. газеты „Вѣсть" 1865 г., т. LXIX, 759, т. LXX, 622, 623, томъ LXXII, 157, 409, 681.
Скарятинъ, дивизіон. генер. 1840 г., т. LXX, 676.
Скваличи, офиц., † 1875 г., т. LXX, 213, 214.
Скребицкій, Александръ Ильичъ, д. ст. сов., докторъ-окулистъ, т. LXIX, 781.
Скобелевъ, Мих. Дм., ген.-ад., р. 1843 г., † 1882 г., т. LXIX, 467, 468.
Скобельцынъ, казацк. сотникъ 1854 г., т. LXXI, 336.
Сковорода, Григорій Савичъ, писат. соч. духовно-мистич. содерж., † 1794 г. т. LXXI, 403.
Сколковъ, ген.-ад. 1869 г., г. LXXI, 608.
Скородумовъ, граверъ, 1850 г., томъ LXXII, 657.
Скоропадскій, Ив. Ильичъ, гетманъ малорос. 1708 г., † 1723 г. т. LXXII, 215.
Скотти, Іосифъ II., архитект. 1832 г., т. LXIX, 619, 627.
Скотти, Мих. Ив., художн. 1835 г., т. LXXI, 34, 60.
Скржинецкій, генер. 1830 г., т. LXXII, 354, 355.
Скримнецкій, генер. 1830 г., т. LXIX, 290, 299.
Скрипицынъ, Валерій Валеріев., директ. департ. иностр. исповѣд. 1853 г., т. LXX, 173.
Скурыдинъ, 1847 г., т. LXIX, 577, 578.
Славянскій, Кронидъ Ѳед., профес. мед.-хир. акад. 1890 г., т. LXX, 377.
Славутанскій, писат. 1889 г., т. LXX, 489, 490.

Слезенцовъ, учен. акад. худ. 1818 г., т. LXIX, 624, 625.
Сленинъ, И. В., издатель, т. LXIX, 630, 631, 655.
Словцовъ, писат., т. LXXI, 395, томъ LXXII, 12, 18.
Сметковъ, М., капит. 1704 г., т. LXXI, 614, 615.
Смирная, Александ. Якимов., въ зам. Шарапова, т. LXXII, 593.
Смирная, Анна Якимов., въ зам. Анциформова, во втор. бракѣ Смоленская, т. LXXII, 593.
Смирная, Евдокія Якимов., въ зам. Цывырева, т. LXXII, 593.
Смирной, Якимъ Яким., купецъ, † около 1784 г., т. LXXII, 593.
Смирнова, Александра Осиповна, рожд. Россетъ, род. 1810 г., † 1882 г., томъ LXIX, 501, 502, т. LXXI, 144, 145, т. LXXII, 182.
Смирнова, Ольга Ник., т. LXXI, 146, т. LXXII, 182.
Смирновъ, Кириллъ Васильев., препод. въ Дворянскомъ полку 1848 г., томъ LXIX, 116, 134, 681.
Смирновъ, Никол. Мих., калужск. губ. 1851 г., впосл. спб. губерн., сенат., † 1870 г., т. LXXI, 137, 144, 145, т. LXXII, 182.
Смирновъ, Яковъ Ив., протоіер. 1830 г., т. LXX, 312, 320, 321, 325, 326.
Смирновъ, аудиторъ 1840 г., т. LXXI, 360.
Смирновъ, художн. 1830 г., т. LXIX, 256, т. LXXII, 612.
Смирновъ, чиновн. 1859 г., т. LXXII, 139, 140, 148, 149.
Смитъ, Маргарита Францов., гувернантка 1850 г., т. LXXI, 625, 629, 633.
Смоленскій, штабъ-докторъ, 1790 г., т. LXXII, 593.
Смольянъ 1864 г., т. LXX, 160.
Смольяниновъ, Александръ 1704 г., т. LXXI, 614, 616.
Смольяниновы, т. LXXI, 331.
Смыловъ, астрономъ 1867 г., т. LXXII, 155.
Сназинъ, Ив. Терентьев., ген.-маіоръ 1803 г., т. LXXII, 225, 564.
Снѣжневскій, В. И., т. LXX, 730.
Снѣткова, артистка, 1860 г., т. LXXII, 202, 205.
Снядецкій, врачъ, т. LXX, 362.
Собко, Никол. Петров., секрет. Имп. общ. поощрен. худож. 1831 г., сообщ.: „Поправки къ запискамъ Ѳ. И. Іордана", т. LXXI, 476, упом. т. LXIX, 602, т. LXX, 72, 116.
Соболевскій, А. Ив., сообщ.: „Шѣсвя на восшествіе на прест. Александра I, 1801 г.", т. LXXII, 530.
Соболевскій, графъ, Валентинъ, мн-ръ юстиц. II. Польскаго 1830 г., т. LXIX, 283, 292, 293, 297, 538.
Соболевскій, Сергѣй Александровичъ, † 1870 г., т. LXIX, 254—261, 269, 588, т. LXXII, 140.
Соболевскій, докт. 1784 г., т. LXXII, 538, 539, 540, 555.
Соболевскій, живоп.-миніатюр., 1838 г., т. LXXI, 60.
Соболевъ, Алексѣй, 1887 г., т. LXXII, 588.
Собольщиковъ, В. И., т. LXIX, 380.
Собѣскій, Янъ, кор. польскій 1688 г., т. LXXII, 56.
Совеловъ, Аеан. Тимоѳ., ст. сов. 1720 г., т. LXIX, 209.
Совѣтовъ, агрон., 1867 г., т. LXIX, 93, т. LXXII, 659.
Соймоновъ, Ѳед. Ив., дѣйств. тайн. сов., сибирск. губернат., сенат., р. 1682 г., † 1780 г., т. LXXII, 615, 616.
Соймоновъ, помѣщ. 1820 г., т. LXIX, 254.
Соколова, рожд. Мюллеръ 1839 г., т. LXXI, 531.
Соколовъ, Андрей Алексѣев., 1870 г., т. LXX, 2, 13, 14, 15.
Соколовъ, Алексан. Ив., протоіерей, законоуч. въ Дворянск. полку, т. LXX, 255, 261.
Соколовъ, Г. А., сообщ.: «Н. П. Огаревъ», т. LXIX, 503.
Соколовъ, Дмитр. Иванов., протоіерей, т. LXXI, 326.
Соколовъ, Ив. Алексѣев., тн. сов., ректмейстеръ 1801 г., т. LXX, 13.
Соколовъ, И. И., академ., т. LXIX, 484.

Соколовъ, Петръ Ѳед., художн.-акварелистъ, р. 1787 г., † 1848 г., т. LXIX, 602, 618, т. LXXII, 655.

Соколовъ, профес. 1867 г., т. LXIX, 403, т. LXXI, 320.

Соколовъ, казнач. деп. исполнит. полиц. 1863 г., т. LXIX, 740.

Соколовскій, 1859 г., т. LXXI, 549.

Солдатенковъ, куп. 1848 г., т. LXIX, 270.

Соллогубъ, графъ, Владим. Александр., писатель, 1882 г., т. LXIX, 262, 569, т. LXXI, 293.

Солнцевъ, Ѳед. Григ., проф. археолог., живоп., дѣйств. ст. сов., археологъ, поч. чл. импер. акад. худ., р. 1801 г., т. LXIX, 251, 602, 626, 632, т. LXX, 253, т. LXXII, 391.

Солнцевъ, Г. И., профессоръ 1819 г., т. LXX, 19.

Соловейчикъ, Екатерина Серг., 1890 г., т. LXXII, 392.

Солово, Н. А., г-жа 1860 г., т. LXXII, 396.

Соловьевъ, Серг. Мих., академ., проф., историкъ, род. 1820 г., † 1879 г., томъ LXIX, 62, 99, 383, 489, т. LXXI, 267, 303, 317, томъ LXXII, 25, 163, 218, 293, 297.

Соловьевъ, Яковъ Александров., членъ редакц. коммис. по составл. Полож. о крест., сенат., † 1876 г., т. LXX, 23, 24, т. LXXI, 146, 555, т. LXXII, 148, 415, 417.

Солоницынъ, спб. плацъ-маіоръ, 1807 г., т. LXIX, 565.

Солтыкова, княгиня, 1859 г., т. LXXI, 553, 557, 559.

Солтыковъ, 1840 г., т. LXXI, 361.

Сомовъ, О. И., проф. 1852 г., т. LXIX, 132.

Сомовъ, чиновн. 1845 г., т. LXXI, 5'2.

Сопиковъ, В. С., библіогр. 1821 г., т. LXX, 546.

Сорокинъ, Ив. Максимов., профес. м.-х. акад. 1890 г., т. LXX, 377.

Сосницкій, Ив. Ив., актеръ, р. 1794 г., † 1872 г., т. LXIX, 602, т. LXXII, 206.

Сосновскій, чин. 1850 г., т. LXX, 441.

Сотниковъ, полковн. 1830 г., т. LXIX, 526, 527, т. LXX, 269, 279.

Софья Алексѣевна, царевна-правит., р. 1657 г., † 1704 г., т. LXXIX, 20, 374, т. LXXI, 420—440, т. LXXII, 247—264.

Соханскій, Георгій Даніловъ., ген.-лейт., бывш. восп. Дворянск. пол., т. LXX, 255.

Сочава, Іоаннъ, священ. 1824 г., томъ LXXII, 481.

Спасовичъ, Владиміръ Даніловъ., докт. правъ, р. 1829 г., т. LXIX, 53, т. LXX, 515—522.

Спасскій, Ив. Тимоѳ., 1833 г., т. LXX, 121, 124.

Спафарій, переводч. при посольск. приказѣ 1689 г., путешествен., т. LXXI, 420, 425, 430, т. LXXII, 274—281.

Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 г., † 1839 г., т. LXIX, 86, 87, 192, 437, т. LXX, 19, 277, т. LXXI, 122, 124, 312, 313, т. LXXII, 446, 447, 666, 667.

Срезневскій, Измаилъ Иванов., акад., проф., р. 1812 г., † 1880 г., т. LXIX, 41, 80, 211, 212, 277, 437, 441, 488, 712, 730, 742—744, 748, т. LXX, 139, 150, 385, 386, 410, 411, 419, 421, 622, 630, 645, т. LXXI, 90, 97, 110, 303, 305, 572, 580—582, т. LXXII, 175, 445, 666.

Сталь, Гейнрихъ, 1855 г., т. LXX, 342.

Ставассеръ, Андрей, скульпт. 1835 г., т. LXXI, 35, 36, 37, 534.

Ставитскій, Петръ Ѳед., 1796 г., томъ LXXI, 407.

Станиславъ-Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, р. 1732 г., † 1798 г., т. LXIX, 30, 161, т. LXXII, 297.

Старицкій, Е. П., чиновн., 1845 г., д. тайн. сов., чл. госуд. сов. т. LXXI, 133.

Старовъ, Н. сообщ.: „Фонтонъ-де-Веральонъ", т. LXXI, 476.

Старынкевичъ, г-жа, 1861 г., т. LXIX, 55.

Старынкевичъ, Н. А., 1849 г., томъ LXXI, 197.

Стасовъ, Владим. Васильев., тайн. сов. писатель, ученый, р. 1824 г., сообщ.: «Петръ Великій въ костюмѣ голландскаго рабочаго въ августѣ 1697 г.», т. LXXII, 209—211, упом. т. LXIX, 380, т. LXXII, 398, 636, 637, 652.

Стасюлевичъ, Мих. Матвѣев., д. ст. сов., бывш. профес., изд. «Вѣстн. Европы» 1890 г., т. LXXI, 574, томъ LXXII, 664.
Стахіевъ, Александръ Александровичъ, шт.-кап. 1828 г., т. LXX, 688, 692.
Стаховичъ, Александра Петровна, начальница Крестовоздв. общ. сест. мил. 1855 г., т. LXXI. 200.
Степановъ, Александръ II., перв. по времени енисейск. губернат. 1822 г., т. LXX, 211.
Степановъ, В. П., студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX. 457.
Степановъ, Григ. Викторов., бывш. офиц. Дворянск. пол. 1811 г., помѣщ., т. LXX, 687.
Степановъ, Никол. Александр., карикатуристъ, издат. «Искры» 1858 г., томъ LXX, 217.
Степановъ, Петръ Александр., ген. отъ инф., коменд. Царск. Села, р. 1805 г., † 1891 г., т. LXX, 211—217.
Степановъ, граверъ 1824 г., т. LXIX, 617, 618.
Степуринъ, юнк. 1854 г., т. LXX, 264.
Стефани, поруч. 1849 г., т. LXIX, 586. т. LXX, 470.
Стефанъ, архіеп. пермскій 1860 г., томъ LXIX, 403.
Стефанъ, генер., нач. Николаев. воен. акад. 1856 г., т. LXX, 613.
Столпаковъ, ген.-лейт. 1861 г., т. LXX, 721, 722.
Столпаковъ, кавалер.-офиц. 1862 г., т. LXX, 723—725.
Столыпинъ, Дм. (Монго), лейбъ-гусаръ 1830 г., т. LXIX, 635.
Стороженко, чин. 1865 г., т. LXXI, 107.
Стоюнинъ, Влад. Яковл., педагогъ-писатель, † 1888 г., т. LXXI, 322.
Стояновскій, Никол. Иванов., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., т. LXIX, 199, 477, т. LXX, 24, т. LXXI, 128, 146.
Страннолюбскій, Александ. Николаев., педагогъ, морск. офиц., т. LXXI, 632, т. LXXII, 452, 454.
Страховъ, Ник. Никол., писат., р. 1828 г., т. LXIX, 206, 363, т. LXXII, 231.
Страшниковъ, Василій 1737 г., томъ LXXII, 588.
Странгъ, А. О., ген.-лейт. 1890 г., т. LXIX, 698, 700.
Строганова, гр-ня, Аглаида Павловна, см. Голицына, княг.
Строганова, гр-ня, Марія Болеславовна, рожд. гр-ня Потоцкая, † 1882 г., т. LXX, 678.
Строганова, гр-ня, Софія Влад., рожд. княжна Голицына, † 1845 г., т. LXX, 34, 456, 665—667.
Строганова, гр-ня, Юлія Петров. 1850 г., т. LXX, 671.
Строгановъ, гр., Александръ Григ., ген.-ад., мин. вн. дѣлъ 1839 г., т. LXIX, 40, 44, 55, 57, 60, 95, т. LXX, 175, 671.
Строгановъ, гр., Александръ Сергѣев, камергеръ, † 1811 г., томъ LXXII, 660, 670.
Строгановъ, гр., Григор. Александр. † 1857 г., т. LXX, 671, т. LXXII, 474.
Строгановъ, гр., Сергѣй Григ., попеч. моск. учебн. окр., сенат., р. 1797 г., † 1882 г., т. LXX, 468, 637—648, 671, т. LXXII, 158, 397, 418, 437, 438.
Строгановы, купцы 1601 г., т. LXXII, 499, 500.
Строгоновы, графы, т. LXX, 23.
Строевъ, Па[illegible]. Мих., археологъ, писатель-археографъ, р. 1796 г., † 1876 г. т. LXXI, 587.
Строттъ, художн. 1845 г., т. LXXII, 116.
Струве, В. Я., астрономъ, † 1864 г., т. LXX, 396, 428, т. LXXII, 447.
Струве, Бернгардтъ Вас., астраханскій губернат. 1859 г., т. LXX, 555.
Струговщиковъ, Александръ, писат. 1861 г., т. LXIX, 60, 353, т. LXX, 160, т. LXXII, 158.
Струковъ, Дм. Петр., артил. офицеръ, сообщ.: «Князь Ромодановскій и кн. Меншиковъ 1709 г.», т. LXIX, 126, «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ 1746 г.», т. LXXI, 617—620, «Разжалованный капитанъ 1717 г.», т. LXXII, 212—216, «Генералъ Де-Геннинъ 1736 г.», 218—219, «Придворные маскарады въ 1751 г.», 220—221, «Графъ А. А. Арак-

чеевъ—ген.-маіору Ивану Терентьевичу Сназину 1803 г.», 225, «Денбей, первый японецъ въ Россіи въ 1701—1710 гг.», 464.

Ступишинъ, пенз. губернат. 1795 г., т. LXXII, 6.

Стурдза, Александръ Скарлатов., тайн. сов., р. 1791 г., † 1854 г., т. LXIX, 578, т. LXXII, 474.

Стюрлеръ, фл.-ад. 1859 г., т. LXXII, 139.

Суворова, княг., 1855 г., т. LXX, 342, т. LXXII, 415.

Суворовъ, кн., Александръ Аркад., ген. ад., остзейск. ген.-губ. 1860 г., спб. воен. губ., чл. госуд. сов., † 1882 г., т. LXIX, 92. 752, т. LXX, 138, 164, 173—181, 339—347, 382, 392, 393, 605—620, 633, т. LXXI, 71, 77—79, 266—268, 299, 304, 560, 561, т. LXXII, 140, 398, 399, 401, 402, 403, 415.

Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александръ Васил., генералиссимусъ, р. 1729 г., † 1800 г., т. LXIX, 223—225, 539, т. LXX, 212, т. LXXI, 519, т. LXXII, 4, 7, 97.

Суворовъ, Вас. Ив., генералъ, 1762 г., т. LXXII, 298.

Судакова, Богумила Николаев. 1806 г., т. LXIX, 560.

Судаковъ, Я. И., маіоръ 1806 г., томъ LXIX, 560.

Судейкинъ, В. Т., магистръ, писатель, т. LXIX, 186, 197.

Сукинъ, Александръ Алексѣев., спб. коменд. 1830 г., т. LXXI, 186.

Суковкинъ, управл. дѣлами комитета мн-въ, † 1860 г., т. LXXII, 424, 425.

Султановъ, Н. В., архитект., т. LXXII, 489, 493, 496.

Суровъ, Θед. Никифоровичъ 1787 г., т. LXXII, 597.

Сусанинъ, Ив., крест. Костр. г., вотчины Романовыхъ, † 1613 г., т. LXXI, 191.

Сусловъ 1842 г., т. LXXII, 92.

Сутерландъ, бар., Ричардъ Александр., придв. банк. 1785 г., т. LXXII, 535.

Сутгофъ, генералъ 1848 г., т. LXIX, 114, 115.

Сухановъ, Елисей Ив., купецъ 1739 г., т. LXIX, 218, т. LXXI, 174, 178.

Сухановъ, Петръ, 1739 г., т. LXXI, 174.

Сухановъ, Иванъ, 1739 г., т. LXXI, 174.

Сухановъ, атам. печерск. разбойниковъ 1748 г., т. LXIX, 216, 217.

Сухановы, дѣвицы, т. LXXI, 175.

Сухозанетъ, Екатерина Александровна, 1820 г., т. LXXII, 191.

Сухозанетъ, Николай Онуфріев., воен. мн-ръ 1861 г., т. LXX, 604.

Сухомлиновъ, Мих. Ив., акад.-профес. писатель, т. LXIX, 133, т. LXX, 546

Сухтеленъ, генер. 1839 г., т. LXIX, 3, 11, 13, 14, 19, 21, 24, 27, 35.

Сухтеленъ, оренб. губернат. 1825 г., т. LXIX, 5.

Сушинскій, протоіер. 1824 г., т. LXXII, 483.

Сушковъ, Никол. Вас., д. ст. совѣтн. 1849 г., т. LXIX, 244, 259, 762, 776, т. LXXII, 147.

Сцѣпуро, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.

Сырокомля, см. **Кондратовичъ**.

Сыченевъ 1824 г., т. LXIX, 630.

Сѣверцовъ, орнитологъ, 1845 г., томъ LXIX, 258.

Сѣровъ, Александръ Николаевичъ, композиторъ, р. 1820 г., † 1871 г., т. LXIX, 602, т. LXXII, 442.

Сѣряковъ, И., писат. 1803 г., т. LXX, 478, 546.

Сѣряковъ, Лаврентій Авксентьев., акад., граверъ, р. 1824 г., † 1881 г., т. LXIX, 501, 602, т. LXXI, 394.

Сѣченовъ, Ив. Михайловичъ, профес., т. LXX, 378.

Таганцевъ, Н. С. сенаторъ, профес., 1880 г., т. LXXI, 212.

Тайшинъ, кн., Ив. Матвѣев., обдорскій князь, нач. остяковъ 1864 г., томъ LXXI, 395.

Тамберликъ, пѣвецъ, т. LXXII, 205.

Танненбергъ, 1850 г., т. LXIX, 269.

Танѣевъ, статсъ-секр., тов. мин. нар. просв. 1861 г., т. LXIX, 60.

Таранецкій, Александ. Ив., профес. м.-х. акад., нынѣ совѣщат. чл. медиц. совѣта 1891 г.; т. LXX, 376.
Тарковскій, чиновн. 1860 г., томъ LXXII. 425.
Татариновъ, В. Г., т. LXXII, 144, 153.
Татариновъ, Павелъ Егоров., тайн. сов., бывш. помощн. управл. дѣлами главн ком. объ устр. сельскаго состоянія, ст. секрет. государствен. совѣта, т. LXIX, 781.
Татариновъ, чиновн. 1809 г., томъ LXXII, 612.
Татищевъ, предвод. дворян. Спб. губ. 1864 г., т. LXX, 413.
Тверской, М. И., учитель 1810 г., томъ LXIX, 607, 608.
Тверской, Н., учен. акад. худож. 1818 г., т. LXIX, 624, 625.
Телесницкій, Алексѣй Владиміров., тайн. совѣт., сообщ.: „Записки Ѳедора Пантелеймоновича Печерина 1737—1816 гг.“, т. LXXII, 587—616.
Телѣшниковъ, инспект. тамож. 1805 г., т. LXXII, 229.
Теобальдъ, см. фонъ-Роткирхъ.
Тепловъ, Алексѣй Григорьев., почетн. опекунъ, р. 1757 г., † 1826 г., томъ LXXI, 487, 488.
Тепловъ, Василій, 1754 г., т. LXX, 523, т. LXXI, 221.
Тепловъ, 1860 т., LXXII, 398.
Теприцкій, Василій, чиновн. 1628 г., т. LXXI, 396, 397.
Терлецкій, Владим., архимандр., докт. богослов. и медицины, бывш. грекоуніатск. миссіонеръ, † его „Записки 1808—1858 гг.“, т. LXX, 581—601, т. LXXII, 351—391.
Терещенко, Артемій Яковл., купецъ 1829 г., т. LXX, 42, 43.
Терещенко, Никол. Артемьев., д. ст. сов. 1880 г., т. LXX, 42.
Терещенко, Семенъ Артемьев., д. ст. сов., 1880 г., т. LXX, 42.
Терещенко, Ѳед. Артемьев., д. ст. сов., 1880 г., т. LXX, 42.
Тернеръ, 1859 г., т. LXXI, 555, 562.
Тидебель, 1855 г., т. LXX, 178, т. LXXII, 399.
Тизенгаузенъ, гр-ня, Екат. Ѳед., томъ LXXI, 292, 293.
Тизенгаузенъ, баронес., Анна Ив., см. Дибичъ.
Тизенгаузенъ, барон., Богданъ Карлов., ген.-м. 1830 г., т. LXIX, 511—536, т. LXX, 45—70, 267—304.
Тиличѣевъ, полковн. 1840 г., т. LXXI, 362, 363.
Тилло, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 261.
Тильманъ, докт. 1864 г., т. LXX, 416.
Тимаевъ, педагогъ 1860 г., т. LXXI, 320
Тимашевъ, А. Е., ман. вн. дѣлъ 1867 г., т. LXXII, 425, 664.
Тимковская, Юлія Павлов., 1867 г., т. LXXII, 172.
Тимковскій, Егоръ Ѳед., 1867 г., томъ LXX, 652, 653, т. LXXII, 172.
Тимковскій, Ив. Осиповичъ, писатель, археографъ 1861 г., т. LXXI, 60.
Тиммъ, В. Ѳ., академикъ 1860 г., томъ LXIX, 483, 776.
Тимощукъ, Вѣра Вас., сотрудница и переводчица въ изд. „Русск. Старины“ съ 1874 г., состав. „Алфав. Указат.“, т. LXXII, кн. декабрь, упом. т. LXXII, 469.
Тимоѳѣевъ, И., секрет. спб. духов. консистор. 1890 г., т. LXXI, 211.
Тимоѳеевъ, Конст. Ак., 1861 г., томъ LXIX, 52, 705, 732, 760.
Тимоѳеевъ, чиновн. 1846 г., томъ LXXI, 128.
Тимротъ, чиновн. 1850 г., т. LXXI, 144.
Титовъ, Влад. Павл., д. тайн. сов., чл. госуд. сов., предсѣд. археогр. комис. 1862 г., † 1891 г., т. LXIX, 92, томъ LXX, 611, т. LXXI, 293, 551.
Тихонравовъ, В. А., сообщ.: „Царица-инокиня Евдокія Лопухина 1716 г.“, т. LXXI, 402—403, „Судъ и судьи въ началѣ XIX вѣка. Рукописная сатира 1807 г.“, 408—410.
Тихонравовъ, Никита Савичъ, тайн. сов., профес., академикъ, 1890 г., томъ LXIX, 758, т. LXX, 643, т. LXXI, 238, 573.
Товій, игуменъ Воронеж. мон. 1799 г., т. LXXI, 185.

Томмачевъ, П. Л., поруч. 1807 г., томъ LXIX, 560, 561.
Толбугинъ, помѣщикъ 1845 г., томъ LXXII, 182.
Толочановъ, окольничій 1689 г., томъ LXXI, 442, т. LXXII, 255, 257.
Толстая, гр-ня, Анастас. Ив., 1850 г., т. LXXII, 652, 653.
Толстая, гр-ня, Анна Егоров., 1850 г., т. LXIX, 567—578.
Толстая, Анна Павловн., 1864 г., томъ LXXI, 373, 374.
Толстая, гр-ня, С. Д., супруга гр. Дм. Андр. Толстаго 1879 г., т. LXX, 208.
Толстая, гр.-ня, Софья Сергѣев., 1846 г., т. LXIX, 573.
Толстая, гр-ня, 1840 г., т. LXXII, 75.
Толстая, гр-ня, рожд. **Вахметьева**, LXXII, 177.
Толстой, Александ. Васильев., 1864 г., т. LXXI, 373, т. LXXII, 138.
Толстой, гр., Александ. Петров., об.-прокур. синода 1875 г., т. LXIX, 567—578, т. LXXI, 275.
Толстой, гр., Алексѣй Константинов. писатель, р. 1834 г., † 1875 г., т. LXXI, 108, 144, 289, 572, 573, 576, 577, 579, 580, 590, т. LXXII, 176, 436, 442, 664.
Толстой, гр., Алексѣй Петров., 1846 г., т. LXIX, 572, 573,
Толстой, гр., Андрей Павлов., об. гофмарш. 1859 г., т. LXXI, 271.
Толстой, гр., Дм. Андреев., президент. акад. наукъ, мн-ръ вн. дѣлъ, д. тайн. сов., чл. госуд. сов., писатель, р. 1823 г., † 1889 г., т. LXIX, 94, 97, 387—405, 776, т. LXX, 183—210, 656, т. LXXI, 300—309, 323, 563, 568, 578, 589, 590, т. LXXII, 174, 178, 440, 443, 446.
Толстой, гр., Дм. Никол., 1855 г., томъ LXX, 179.
Толстой, графъ, Ив. Матвѣев., мн-ръ почтъ 1865 г., † 1867 г., т. LXXI, 273, т. LXXII, 422.
Толстой, гр., Ив. Петров., 1846 г., томъ LXIX, 573.
Толстой, гр., Левъ Никол., писатель, р. 1828 г., т. LXIX, 133, 789, т. LXXII, 679, 681, 686.
Толстой, гр., Петръ Александр., посолъ въ Парижѣ 1807 г., ген.-отъ-инф., р. 1769 г., † 1844 г., т. LXIX, 10, 534, 535, т. LXX, 283, 284, 301.
Толстой, Ѳеофилъ Матвѣев., (псевдон. Ростиславъ), писатель, муз. критикъ, †, т. LXXI, 577.
Толстой, гр., Ѳед. Петров., скульпт. медальеръ, вице-президент. имп. академіи художествъ, р. 1783 г., † 1873 г., т. LXIX, 602, т. LXXI, 59, 541, 544, томъ LXXII, 652.
Толстой, гр., 1850 г., т. LXIX, 250, 639, т. LXX, 168, 613.
Толь, гр., Карлъ Ѳед., ген-квартирм. арміи 1812 г., ген-ад., р. 1777 г., † 1842 г., т. LXIX, 106, 412, 524—526, т. LXX, 294—301, 499—500, т. LXIX, 493—496, 516.
Томаринскій, архитект. 1835 г., томъ LXXI, 33, 34, 60, 256, 476.
Томилова, Ольга Мих., р. **Жукова**, помѣщица 1816 г., т. LXXII, 607.
Томиловъ, Я. М., тайн. сов. 1805 г., т. LXXII, 607.
Томиловъ, бывш. воспитан. Конст. воен. учил., т. LXX, 260.
Тонъ, Алекс. Андреев., профес., архит. 1850 г., т. LXX, 102, 109, 110.
Тонъ, Конст. Андреев., профес., архит. 1850 г., т. LXX, 102, т. LXXI, 34, 59, 545, 546.
Топильскій, Мих. Ив., директ. деп. мн-ва юстиціи, впосл. сенаторъ, тайн. сов., † 1873 г., т. LXX, 23, т. LXXI, 119—124, 131, т. LXXII, 426.
Тополовичъ, педагогъ 1848 г., томъ LXX, 585.
Топчіевъ, Ефимъ Ив., р. 1801, † 1869 г. т. LXX, 252.
Тормасовъ, гр., Александр. Петров., ген. отъ кавал., † 1819 г., т. LXXI, 464, 502.
Торнау, д. ст. сов. 1848 г., т. LXX, 175, 176, 177, т. LXXI, 79.
Тоски, художн. 1830 г., т. LXXI, 70.
Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., инжен., ген-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LXIX, 583, 779, т. LXX, 179, 605, т. LXXII, 139, 170, 171, 416, 417.

Тахтамышъ, ханъ 1382 г., т. LXXII, 56.
Трапицъ, Юлій Карловъ., заслуж. профес. мед.-хир. акад., тайн. сов. р. 1814 г., т. LXX, 121, 369, 370.
Траубенбергъ, И. Р., помѣщ. 1809 г., т. LXXII, 612.
Траурнихтъ, Дорофей воевода 1701 г., т. LXXII, 15.
Траутфетеръ, 1861 г., т. LXIX, 71.
Трегубова, Вѣра Ѳед., см. Печерина.
Трегубовъ, Никол. Яковлев., сенаторъ 1836 г., т. LXXII, 604, 617.
Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ, писатель, р. 1703 г., † 1769 г., томъ LXIX, 118, т. LXXI, 305.
Треповъ, Ѳед. Ѳедоров., ген.-отъ-инфант., спб. градонач. 1860 г., т. LXIX, 756, т. LXXI, 304, 585.
Третьяковъ, П. М., сообщ.: „Портретъ Николая Васильевича Гоголя кисти профессора Ѳ. А. Моллера 1841 г.", т. LXIX, 225—226.
Третьяковъ, Серг. Мих., т. LXIX, 226, т. LXXI, 55.
Троекуровъ, бояринъ 1689 г., томъ LXXII, 254.
Троицкій, профес. 1867 г., т. LXXII, 172, 173, 440.
Троицкій, Александ. Григорьев., тов. мин. вн. дѣлъ, тайн. сов., чл. гл. управл. цензуры, 1861 г., т. LXIX, 47, 62, 94—98, 330, 336, 351, 360, 361, 383, 733, т. LXX, 148, 152, 416, 417, 420, 619, т. LXXI, 95, 101, 105, 284—286, 290, т. LXXII, 157, 164, 166, 169, 175, 440, 446, 663.
Тропининъ, художн. 1840 г., томъ LXIX, 256.
Троцинскій, Дм. Прокоф., директоръ почтъ, министръ удѣловъ, дѣйств. тайн. сов., чл. госуд. совѣта, † 1829 г., томъ LXX, 543, т. LXXI, 410.
Трубецкой, кн., Алексѣй Никитичъ., бояринъ, † 1663 г., т. LXXI, 399, 401.
Трубецкой, кн., Сергѣй Васильев., 1850 г., т. LXXII, 138.
Трубецкой, кн., Сергѣй Петров., полковн. л.-гв. Преобр. полка, декабристъ, † 1860 г, т. LXXI, 329.
Трубецкой, кн., помѣщ. 1820 г., томъ LXX, 576.
Трубецкой, кн., поруч. 1849 г., томъ LXXI, 363.
Трубецкой, кн., служ. въ вѣдом. удѣловъ 1859 г., т. LXXI, 562.
Трубинскій, купецъ 1800 г., томъ LXIX, 554.
Труборовъ, Аскалонъ Никол., тайн. сов., т. LXIX, 467, сообщ.: „Никифоръ Вяземскій, воспит. царевича Алексѣя Петровича, 1696 г.", т. LXX, 602.
Труневъ, П., сообщ. стихотв. В. К. Кюхельбекера: „Христосъ родился", томъ LXIX, 280, „В. К. Кюхельбекеръ" 502.
Трутовскій, К. А., 1817 г., т. LXIX, 484.
Тукмачевъ, врачъ 1848 г., т. LXIX. 682, 683.
Тумапскій, Васил. Иван., писат. 1840 г., т. LXX, 651,
Турбинъ, Сергѣй Ив., капит. ген-штаба 1860 г., т. LXXII, 184—204.
Тургеневъ, Александръ Ив., писатель, † 1845 г., т. LXX, 3, 6, 13, т. LXXI, 482.
Тургеневъ. Александръ Мих., р. 1772 г., † 1863 г., т. LXIX, 192.
Тургеневъ, Андрей Ив., 1820 г., томъ LXX, 3, 6, 7,
Тургеневъ, Ив. Петров., директ. москов. унив. 1801 г., т. LXX, 2—6, 12.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 г., † 1883 г., т. LXIX, 261, 406, 789, томъ LXX, 141, 146, 149, 457, 461, 518, томъ LXXI, 590, т. LXXII, 172, 173, 189, 206, 396, 708.
Тургеневъ, Никол: Ив., декабристъ, † 1872 г., т. LXXI, 482, 483, 492, 528.
Тургеневъ, Сергѣй Ив., 1811 г., томъ LXXI, 482, 483.
Туруновъ, чиновн. 1865 г., т. LXX, 148, т. LXXI, 88.
Турчанинова, г-жа, 1830 г., т. LXIX, 524.
Тучкова, С. А., рожд. Веригина, сообщ.: «Депутаты новгородскаго дворянства въ Царскомъ Селѣ въ августѣ 1831 г.», т. LXX, 511—514.

Тутолминъ, Андр., 1701 г., т. LXXII, 17.
Тухачевскій, Осипъ Яковлев., сибирск. воевода, стольникъ 1704 г., т. LXXI, 612, 613, 616.
Тухолка, Левъ Ѳед., бывш. воспит. Двор. полка, тайн. сов., директ. ден. таможен. сборовъ, т. LXIX, 781, томъ LXX, 261.
Тучкова, Маргарита Мих., игуменья 1825 г., т. LXIX, 8.
Тучкова, Марія Алексѣевна, 1880 г., т. LXIX, 503.
Тучковъ, Никол. Алексѣев., генералъ, † 1812 г., т. LXIX, 107.
Тучковъ, Пав. Алексѣев., дѣйств. тайн. сов., чл. гос. сов., предсѣд. Комис. прошеній 1848 г., † 1864 г., т. LXIX, 503.
Тырковъ, воспитан. лицея 1811 г., томъ LXXII, 91.
Тыртовъ, Никол. Никаноров., профес.-морякъ 1850 г., т. LXXI, 630—632, т. LXXII, 453.
Тютчева, Анна Ѳед., въ зам. Аксакова, 1865 г., т. LXXI, 99.
Тютчевъ, Ник. Ник., 1866 г., т. LXXI, 564.
Тютчевъ, Ѳед. Ив., писатель, † 1873 г. т. LXIX, 51, 53, 445, 576, 709, 727, 731, 746, 752—756 т, LXX, 159, 635, 639, т. LXXI, 93, 98—100, 113, 296, 577, 578, т. LXXII, 161, 171, 484, 664 699.

Убри, П. П., студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX, 457.
Уваровъ, гр., Алексѣй Серг., археологъ, † 1884 г., т. LXXI, 355.
Уваровъ, гр., Серг. Семен., мин. нар. просв. въ 1812 г., попеч. спб. учебн. окр., † 1855 г., т. LXIX, 383, 389, 390, 399, 704, т. LXX, 461, 468, 679.
Уваровъ, генер. кавалер. 1812 г., томъ LXIX, 109.
Угличкій, Александ. Васильев., помѣщ. 1830 г., т. LXXI, 374.
Угрюмовъ, профес.-художн. 1850 г., т. LXXII, 657.
Удино, генер. 1812 г., томъ LXXII, 40, 342, 345, 349, 622.
Украинцевъ, Емел. Игнатьев., думн. дьякъ 1689 г., т. LXXI, 420, 432, 433, 442, т. LXXII, 244, 245.
Улановъ, И., завѣд. разряд. архивомъ, † 1719 г., т. LXIX, 210.
Умновъ, Дмитр. Ник., † 1875 г., томъ LXXII, 647.
Унгернъ, ландрихтеръ 1847 г., томъ LXX, 169.
Урусовъ, кн., Сергій Николаев., статсъ-секретарь, чл. гос. совѣта, т. LXXI, 273—275, 288, т. LXXII, 172, 686.
Урусовъ, кн., поруч. 1840 г., томъ LXXI, 368.
Урусовъ, кн., адвокатъ, 1867 г., томъ LXXII, 441.
Усовъ, маіоръ, коменд. Ново-Петровск. укрѣпл. 1850 г., т. LXX, 437, 440, 441, 443, 444, 445, 446.
Успенскій, чиновн. 1840 г., т. LXXII, 66.
Устиновъ, полковн. 1834 г., т. LXX, 557.
Устряловъ, Никол. Герас., академикъ-профес., † 1870 г., т. LXIX, 52, 133, 134, 135, 488, 716, т. LXX, 157, 399, 420, 467, 468, т. LXXI, 420, 572, томъ LXXII, 25—27.
Устряловъ, акціонеръ гл. общ. ж. дорогъ 1860 г., т. LXXII, 398.
Утинъ, Бор. Исаак., 1865 г., т. LXXI, 115.
Уткина, Анна Степанов., рожд. Галактіонова, т. LXXII, 645.
Уткина, Дарья Ив., 1830 г., т. LXXII, 625.
Уткина, Марина Ив., 1830 г., т. LXIX, 628, 630, т. LXXII, 625.
Уткина, Пелагея Ив., 1830 г., т. LXXII, 625, 650.
Уткинъ, Никол. Ив., профес.-граверъ, р. 1780 г., † 1863 г.. т. LXIX, 615—617, 627—631, т. LXX, 72, 73, 76, 82—88, 95, 106, 326, 572, т. LXXI, 30, 531—538, т. LXXII, 625—633, 637, 644—648, 652—654.
Утинъ, профес. по медальерн. части 1850 г., т. LXXII, 644.
Ухтомская, княг., рожд. Кошелева, т. LXXI, 382.

Ухтомскій, кн., 1850 г., т. LXXII, 652.
Ухтомскій, кн., адъют. в. кн. Константина Николаевича 1860 г., т. LXXII, 402.
Ушаковъ, Дм. Миронов., художн. 1810 г., т. LXIX, 609.
Ушаковъ, Никол. Ив., ген.-лейт., † 1861 г., т. LXIX, 1, 579, томъ LXXI, 195—197.
Ушаковъ, 1841 г., т. LXXII, 88.
Ушаковъ, 1859 г., т. LXXI, 270.
Ушинскій, Конст. Дм., педагогъ-писатель, род. 1824 г., † 1871 г., т. LXXI, 322, 324.
Ушковъ, П. К., почетн. граждан. гор. Елабуги, 1889 г., т. LXXI, 394.

Фадѣева, Надежда Андреевна, сообщ.: „Андрей Михайловичъ Фадѣевъ и его архивъ", т. LXIX, 227.
Фадѣевъ, Андрей Мих., бывш. саратовск. губернат., т. LXIX, 227.
Фальконетъ, художн.-скульпт., род. 1716 г., † 1791 г., т. LXXII, 313—323, 509, 520—528, 548.
Фальконетъ, инж., 1854 г., т. LXIX, 583.
Фаминцынъ, Андрей Сергѣев., профес. мед.-хир. акад., нынѣ академикъ, т. LXX, 156, 371, 372.
Фаняевъ, Никол. Никит., художникъ, 1810 г., т. LXIX, 609.
Фегезакъ, 1847 г., т. LXX, 169.
Фелинскій, Феликсъ, митроп. Варшавскій 1863 г., т. LXIX, 331, 337, 731, 750.
Фельдерзамъ, Альма, 1859 г., томъ LXXI, 277.
Фельдерзамъ, А., † 1848 г., т. LXX, 169, 174.
Фельдерзамъ, Е., 1859 г., т. LXXI, 560.
Фельдерзамъ, Т. 1859 г., т. LXXI, 273.
Фельдерзамъ, лифляндск. ландмарш., р. 1811 г., † 1856 г., томъ LXX, 610, 615, 616.
Фервенъ, гр., 1859 г., т. LXXII, 142.
Филаретъ, (Василій Дроздовъ), митроп. московск., р. 1782 г., † 1867 г., томъ LXIX, 107, 213, т. LXXII, 447.
Филимоновъ, Е. Д., археологъ 1858 г., т. LXIX, 209, 210, 212.
Филиппеско, Георг., мн. вн. дѣлъ въ Бухарестѣ 1829 г., т. LXXII, 473.
Филиппеусъ, чиновн. 1854 г., томъ LXXI, 336.
Филипповъ, чиновн. 1855 г., т. LXXI, 200.
Филипповъ, А. А., 1890 г., т. LXIX, 503.
Филиппсонъ, попеч. спб. учебн. окр. 1861 г., т. LXIX, 78, 84, 92, 98—100, 103.
Фильшинъ, Никол., 1840 г., т. LXXII, 83.
Фирсановъ, купецъ 1840 г., т. LXXI, 127.
Фитингофъ, 1857 г., т. LXXI, 81.
Фицтумъ, Алекс. Иван., инспект. студ. въ спб. унив. 1852 г., т. LXIX, 129, 131.
Фишеръ, профес. 1840 г., т. LXX, 463,
Фишеръ, 1866 г., т. LXXI, 307.
де-ла-Фливъ, Никол. Демьянов., помѣщ., 1873 г., сообщ.: записки де-ла-Фliза „Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г.", т. LXXI, 451—475, т. LXXII, 39—60, 565—586.
де-ла-Фливъ, докторъ французск. императ. гвардіи, † 1861 г., его записки: „Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г.", т. LXXI, 451—475, т. LXXII, 39—60, 565—586.
Фойницкій, И. Я., профес. 1890 г., томъ LXIX, 199.
Фойхтъ, 1861 г., т. LXIX, 98.
Фокъ, Мих. Макс., дежурн. офиц. при мн-рѣ полиціи, 1811 г., томъ LXXI, 186, 189.
Фоминскій, 1824 г., т. LXXII, 483.
Фонтанъ-де-Верройонъ, Мих. Львов., ген.-м., нач. штаба оренб. отдѣльн. корп. 1854 г., т. LXXII, 473.
Фонтанъ-де-Верральонъ, Левъ, уѣздн. предвод. дворян. Смоленск. губ. 1830 г., т. LXXII, 473.
Фонтонъ-де-Верральонъ, ген.-м. 1854 г., т. LXX, 440, т. LXXI, 476. г.,
Фонтонъ, Никол. Антонов., послан. въ Румыніи, т. LXXII, 474.
Фонтонъ, д. с. сов. 1830 г., т. LXIX, 528,
Фонтоны, т. LXXII, 474.
Фотій, (Петръ Никит. Спасскій), архимандр., настоят. новгор. Юрьева мон., р. 1792 г., † 1838 г., томъ LXXI, 112, 113, 193.

Франкъ, Петръ, лейбъ-мед. императ. Александра I, т. LXIX, 119, 121.
Француженинъ, Савва, боярск. сынъ 1628 г., т. LXXI, 396, 397.
Фребеліусъ, окулистъ, 1866 г., томъ LXXI, 309.
Фредериксъ, бар., Петръ Андреев., команд. л.-гв. Москов. полка 1839 г., т. LXIX, 415.
Фредериксъ, бар., поруч. 1840 г., томъ LXXI, 362.
Фревъ, докт. 1801 г., т. LXX, 14.
Фрейманъ, ген.-м., нач. артил. гарниз. Оренб. окр., 1857 г., т. LXX, 445, 446.
Фрейтагъ, полковн. 1840 г., т. LXXI, 359, 361, 363.
Френъ, профес.-художн. 1829 г., томъ LXX, 72, 116, т. LXXII, 655.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, императ германск., т. LXXII, 695.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV, императ. германск., т. LXXII, 695.
Фрицше, акад. 1825 г., т. LXX, 129.
Фрязинъ, Алевизъ, зодчій 1505 г., томъ LXXII, 495.
Фуксъ, Александра Андреевна, 1810 г., т. LXX, 21.
Фуксъ, К. Ѳ., профес. 1801 г., томъ LXX, 19.
Фуксъ, чиновн. мин. вн. дѣлъ 1855 г., † т. LXXI, 93, 101, 109, 114, 115, 553, 556, 572.
Фуругельмъ, И. В., капит.-лейт. 1850 г., впосл. гл. правит. колоній Рос.-америк. комп. и губерн. Амурск. обл., томъ LXXI, 350.

Хамратъ, воспит. Дворянскаго полка 1848 г., т. LXIX, 112, 113.
Ханыковъ, послан. въ Дрезденѣ 1812 г., т. LXXI, 484.
Ханыковъ, 1847 г., т. LXX, 169, 172.
Ханыковъ, Пл., прапорщикъ 1793 г., т. LXXII, 600.
Харламовъ, архитекторъ 1863 г., томъ LXIX, 757.
Хатовицкій, профессоръ 1833 г., томъ LXX, 123.
Хвольсонъ, проф. 1867 г., т. LXXII, 435.
Хвостовъ, Александръ Семенов., тайн. сов., † 1820 г., т. LXX, 511.
Хвостовъ, адм. 1820 г., т. LXXII, 11.
Хвощинская, Надежда Дм., въ замуж. Заіончковская, (псевд. В. Крестовскій), пис-ца, род. 1825 г., † 1889 г., т. LXIX, 227, 449—465, т. LXX, 249
Хвощинская, Софья Дм., писательница (псевдонимъ Весеньевъ), † 1865 г., т. LXIX, 455, 456.
Хитринъ, прап. 1857 г., т. LXX, 446.
Хитрово, М. Ал., г-жа 1860 г., томъ LXXII, 428.
Хитрово, Пелагея, 1859 г., т. LXXI, 266.
Хитрово, офиц. 1859 г., т. LXXI, 552.
Хлопицкій, Іосифъ, польск. ген. 1831 г., род. 1772 г., т. LXIX, 285, 288—302, 537, 545.
Хлюстинъ, 1860 г., т. LXXII, 409.
Хмельницкій, Богданъ, гетманъ малороссійскій, † 1657 г., т. LXXI, 7, 8.
Хованскій, кн., Ив. Андреев., начальн. стрѣлецк. приказа, † 1682 г., т. LXXI, 422, 423, 435—440, т. LXXII, 260, 261.
Ховенъ, 1857 г., т. LXXI, 81.
Хоменко, ст. сов. 1891 г., т. LXX, 262.
Хомутовъ, ген.-ад. 1855 г., т. LXX, 180, 181, 352.
Хомутовъ, сибирскій губернат. 1840 г., т. LXXI, 371.
Хомяковъ, Алексѣй Степан., писатель, † 1860 г., т. LXIX, 51, 235, 242, 243, 576, 588, 589, томъ LXXI, 269, томъ LXXII, 91.
Храповицкій, Александръ Васильев., ст.-секрет., † 1801 г., т. LXXII, 547.
Хрептовичъ, 1860 г., т. LXXII, 425.
Христичъ, полк. 1891 г., т. LXX, 262.
Христофоровъ, 1825 г., т. LXXI, 126.
Хромовъ, Семенъ Ѳеофановичъ, купецъ, 1852 г., т. LXXII, 235—240.
Хрулевъ, Степ. Алекс., ген.-лейт. 1855 г., т. LXX, 605.
Хрущевъ, Д. А., членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 1861 г., т. LXIX, 322—325.
Хрущевъ, Дм. Петров., сенат. 1859 г., т. LXIX, 40, т. LXXII, 142, 143, 426.

Худяковъ, полк. 1891 г., т. LXX, 262.

Царскій, купецъ 1850 г., т. LXIX, 272.
Цвѣтневъ, Алексѣй, купецъ 1780 г., т. LXXII, 595.
Цебрикова, Марія Конст., писательница, т. LXIX, 462, 464.
Цейеръ, чиновн. 1819 г., т. LXX, 19.
Целинскій, 1862 г., т. LXIX, 353.
Цеппелинъ, гр-ня, рожд. Грейгъ, по второму мужу княгиня Ухтомская, т. LXXII, 402.
Циммерманъ, Іоганнъ-Георгъ, докторъ, корреспонд. Екатерины II, † 1795 г., т. LXXII, 312, 532, 534—536, 545, 551, 552, 556—560.
Цывырева, жена бригадира 1810 г., т. LXX, 3.
Цывыревъ, Иванъ Еремеев., купецъ 1770 г., т. LXXII, 593.
Цыловъ, Н. И., предсѣдат. виленской комиссіи по польск. возстанію 1861 г., т. LXXII, 678.
Цыцуринъ, профес. мед.-хир. академіи 1865 г., т. LXIX, 753, т. LXXI, 108.

Чаадаевъ, писат. 1840 г., т. LXIX, 270.
Чайковскій, Мих., польскій писатель, (Садыкъ-паша), т. LXX, 584.
Чайковскій, 1845 г., т. LXXII, 110.
Чалый, Мих. Корніевичъ, писатель 1882 г., т. LXIX, 390, 776, т. LXX, 430, 431.
Чаплицъ, полк. 1840 г., т. LXXI, 366.
Чарикова въ зам. Неклюдова, томъ LXIX, 223.
Чарковская, г-жа 1850 г., т. LXXII, 365.
Чарторыйскій, князь, Адамъ, мн-ръ иностр. дѣлъ 1806 г., попеч. виленск. унив. 1819 г., чл. госуд. сов. до 1830 г., р. 1778 г., † 1860 г., т. LXIX, 283, 286, 288, 291, 292, 298—301, 538, 539, 545, т. LXX, 584, т. LXXI, 497, т. LXXII, 354, 358.
Чаруковскій, профес. 1833 г., т. LXX, 121, 122.
Чаусовъ, офицеръ 1855 г., т. LXXI, 353, 354.
Чеботаревъ, Ад. Петр., генер.-лейтен. Войска Донскаго, т. LXXII, 571.
Чебышевъ-Дмитріевъ, проф. 1852 г., т. LXIX, 132, т. LXX, 414, т. LXXI, 391, 565, 582.
Чевкинъ, Конст. Владим., ген.-ад., чл. госуд. сов., род. 1803 г., † 1875 г., т. LXIX, 44, 56, 60, 497, т. LXX, 403, т. LXXI, 140, 141, 268, т. LXXII, 142, 149, 404—408, 417, 421, 422, 426.
Чекотовскій, бывш воспит. Констант. воен. учил., т. LXX, 260.
Чемесова, Александра Ефим., р. 1770 г., т. LXXII, 2.
Чемесова, Анна Ефим., род. 1768 г., т. LXXII, 2.
Чемесова, Варвара Ефим., р. 1791 г., т. LXXII, 6.
Чемесова, Ел. Петр., 1742 г., т. LXXII, 1.
Чемесова, Наталья Ефим., 1750 г., т. LXXII, 5.
Чемесова, Марѳа Ефим., род. 1790 г., т. LXXII, 6.
Чемесовъ, Борисъ Григ., † 1768 г., т. LXXII, 2.
Чемесовъ, В. И., 1800 г., т. LXX, 21.
Чемесовъ, Ефграфъ Ефимов., р. 1771 г., премьеръ-маіоръ 1795 г., т. LXXII, 2, 5, 6.
Чемесовъ, Евгр. Петров., род. 1737 г., † 1764 г., т. LXXII, 1, 2.
Чемесовъ, Ефимъ Петров., пенз. предв. двор., р. 1735 г., † 1801 г., т. LXXII, 1—10.
Чемесовъ, Иванъ Ефимов., р. 1784 г., т. LXXII, 5.
Чемесовъ, Лукьянъ Степанов., 1715 г., т. LXXII, 10.
Чемесовъ, Николай Ефим., род. 1767 г., подполк. 1795 г., т. LXXII, 2, 5, 6.
Чемесовъ, Петръ Ефимов., подпоруч. 1795 г., р. 1773 г., т. LXXII, 2, 6.
Чемесовъ, Петръ Лукьянов., † 1744 г., т. LXXII, 1, 10.
Ченчи, Филиппо, т. LXXII, 121—124, 328, 338.
Чепелевъ, Ив., дьякъ 1702 г., т. LXXI, 614, т. LXXII, 17.

Черкасская, княг. 1839 г., т. LXIX, 22.
Черкасскій, кн., Алексѣй Михайлов., род. 1680 г., † 1742 г., т. LXXI, 614, т. LXXII, 267.
Черкасскій, кн., Владим. Александр., чл. редакц. комис., † 1878 г., т. LXXI, 555, 556, 584, т. LXXII, 410.
Черкасскій, кн., Мих. Яковл., боярин 1704 г, т. LXXI, 614.
Черкасскій, кн., 1859 г., т. LXXI, 276.
Черкасовъ, бар., Ив. Ив., р. 1732 г., † 1811 г., т. LXXII, 468.
Чернавскій, Ив. Александр., сенаторъ, † 1885 г., т. LXIX, 493.
Черницовы, т. LXXI, 533.
Черновъ, 1840 г., т. LXXII, 182.
Чернышева, Анна Иродіон., супруга гр. Захара Григ. Чернышева, † 1830 г., т. LXX, 34.
Чернышева-Кругликова, гр-ня, въ замуж. Черткова, т. LXXI, 57.
Чернышевъ, кн., Александръ Иван., генер.-адъют., воен. мн-ръ, † 1852 г., т. LXIX, 22, 26, 106, 514, 516, 532—534, т. LXX, 53, 61, 63, 64, 70, 174, 176, 275, 288, 289, 302, 303, 605, т. LXXII, 666, 667.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., презид. воен. коллегіи, впосл. генер.-фельдм. и московскій ген.-губерн., р. 1722 г., † 1784 г., т. LXX, 34, т. LXXII, 297, 298, 548.
Чернышевъ, драматич. писат. 1850 г., т. LXXII, 189, 197.
Чернышевскій, Ник. Гаврил., писат.-публицистъ, род. 1828 г., † 1889 г., т. LXIX, 56, 57, 337, 362, т. LXX, 383, 384, 630, 642, т. LXXI, 88, 114.
Черныхъ, И. И., 1838 г., т. LXXII, 65.
Черняевъ, Мих. Григ., туркест. ген.-губерн., ген.-лейт. генер. штаба, бывш. воспитан. Дворянск. полка, т. LXX, 255, 262, т. LXXII, 157, 444.
Черняевъ, Николай Васильевичъ, томъ LXIX, 428.
Черняевскій, ген.-м. 1886 г., т. LXXI, 356, 363.
Чертковъ, генер. 1838 г., т. LXXI, 57.
Чертковъ, Алексѣй Васильев., 1788 г., т. LXXI, 408.
Чертковъ, Ѳ. Д., т. LXXI, 408.
Чесноковъ, офиц., 1861 г., т. LXX, 495.
Чивилевъ, профес., † 1867 г., т. LXIX, 345, 383, 707, т. LXX, 165, 647, т. LXXI. 115, 287, 436—438.
Чижовъ, Ѳед. Васильев., профес.-экономистъ, писатель, т. LXIX, 756, т. LXX, 457, т. LXXI, 68, 106, 107, 252, 303, 305—307, т. LXXII, 162.
Чиркова, Екат. Никол., въ зам. Поливанова, 1831 г., т. LXXI, 369, 380.
Чиркова, С. Н., см. Давыдова.
Чирковъ, Харитонъ, 1839 г., т. LXXII, 63.
Чирьевъ, Макс., 1701 г., т. LXXII, 17.
Чистовичъ, Яковъ Алексѣев., профес мед.-хир. акад., р. 1820 г., † 1885 г., т. LXX, 127, 364, 365, т. LXXII, 533, 539, 544, 557, 558.
Чистосердовъ, воспитан. Дворян. полка 1848 г., т. LXIX, 685—687, 693.
Чихачевъ, капитанъ-лейт. 1854 г., томъ LXXI, 351.
Чичеринъ, Борисъ Никол., проф., писат., т. LXX, 607, т. LXXII, 162, 163.
Чичеринъ, Денисъ Ив., сибирск. губерн. 1773 г., т. LXXI, 179—182.
Чумиковъ, Александръ Александров., д. ст. сов., педагогъ, писатель, томъ LXXI, 317—324.

Шабо, ст. сов., секр. им-цы Александры Ѳеодоровны 1839 г., т. LXIX, 25.
Шадурскій, † 1864 г., т. LXX, 160.
Шаховитый, Ѳедоръ, начальн. стрѣлецкаго приказа 1689 г., т. LXXI, 442, т. LXXII, 256, 251, 254—257.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. LXIX, 661, т. LXXI, 356, 358, 365, 366, т. LXXII, 148.
Шанецкій, Ольрихъ, 1830 г., т. LXIX, 295.
Шапиръ, Ольга, писательн., т. LXIX, 464.
Шаповаленко, художникъ 1835 г., томъ LXXI, 247.
Шапошниковъ, 1840 г., т. LXXII, 79.
Шараповъ, Иванъ Семеновичъ, купецъ 1770 г., т. LXXII, 593.

Шарлеманъ, А. О., профессоръ акад. худож., т. LXIX, 484.
Шарлотта-Христина-Софія, супруга царевича Алексѣя Петровича, р. 1694 г., † 1715 г., т. LXX, 727.
Шаронскій, врачъ 1785 г., т. LXXII, 559.
Шаталовъ, Ив., сообщ.: «Гетманъ Мазепа Александру Даниловичу Меншикову 1704 г.», т. LXX, 498, «Гетманъ Мазепа 1704 г.», 680.
Шафировъ, Михаилъ, 1723 г., томъ LXIX, 210.
Шаховской, князь, Александръ Алекдр., писатель-драматургъ, р. 1777 г., † 1846 г., т. LXXII, 87, 235.
Шаховской, князь, И. А., † 1860 г., т. LXXII, 151.
Шаховской, князь, Яковъ Петров., д. тайн. сов., начальн. полиц., р. 1705 г., † 1777 г., т. LXXII, 297.
Шаховской, князь, генералъ 1839 г., т. LXIX, 32, 106, т, LXX, 299.
Шварцъ, масонъ 1782 г., т. LXXI, 230,
Швейковскій (Повало-Швейковскій), Иванъ Семенов., декабристъ, † 1845 г., т. LXXII, 104, 105, 108.
Шевченко, Тарасъ Григорьев., поэтъ-художникъ, р. 1814 г., † 1861 г., томъ LXIX, 406, т. LXX, 420—447, томъ LXXI, 476, т. LXXII, 473, 506
Шевченко, генер.-маіоръ 1891 г., томъ т. LXX, 262.
Шевыревъ, Степанъ Петр., профессоръ, р. 1806 г., т. LXIX, 236, 243, 246, 270, 584, т. LXX, 383.
Шеинъ, Алексѣй Семеновичъ, боярин, р. 1662 г., † 1700 г., томъ LXXI, 445, т. LXXII, 243.
Шелгуновъ, ген.-м. 1891 г., т. LXX, 262.
Шелихова, Марья Павловна, см. Мартынова.
Шелковниковъ, Архипъ, казачій сотн. 1767 г., т. LXXII, 222—224.
Шелковниковъ, чиновн. 1823 г., томъ LXIX, 623.
Шеллеръ, А. К. (псевдон. Михайловъ), писатель, т. LXIX, 464.
Шелль, Ф., писат. 1811 г., т. LXXII, 209.
Шемаевъ, актеръ 1860 г., т. LXXII, 205.
Шембекъ, генералъ 1831 г., томъ LXIX, 288, 290, 299, 545.
Шемяка, Дмитрій, 1605 г., т. LXXII, 56.
Шемякинъ, д. ст. сов. 1891 г., томъ LXX, 262.
Шенрокъ, полковникъ, инспект. мед.-хир. акад. 1839 г., т. LXX, 127.
Шенрокъ, Владиміръ Иван., преподав., писатель, т. LXIX, 501.
Шереметева, г-жа, 1859 г., томъ LXXI, 552, т. LXXII, 429.
Шереметевъ, графъ, Борисъ Петр., ген.-фельдмарш., р. 1652 г., † 1719 г., томъ LXXI, 443, 610, 611, 612, 615, т. LXXII, 214, 242, 243, 245, 251.
Шереметевъ, Василій Александровичъ, товар. мин. юстиціи 1844 г., т. LXXI, 119, 120, 121, 122.
Шереметевъ, графъ, С. Д., сообщ.: „Императоръ Петръ II Алексѣевичъ. Его письмо къ дѣду", т. LXX, 727—728.
Шереметевъ, графъ, 1824 г., т. LXXI, 29.
Шереметевъ, графъ, помѣщикъ 1860 г., т. LXXII, 418.
Шестаковъ, Иванъ Иван., т. LXIX, 595.
Шестаковъ, Петръ Дмитріевичъ, попеч. Казанск. учебн. окр. 1882 г., р. 1827 г., † 1890 г., сообщ.: „Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой какъ министръ народнаго просвѣщенія", т. LXIX, 387—405, т. LXX, 183—210, упом. т. LXIX, 776, т. LXX, 656.
Шестовъ, докторъ 1865 г., т. LXX, 640.
Шешкинъ, остяцкій князь 1864 г., томъ LXXI, 395.
Шешковскій, Степанъ Иван., начальн. тайной канцел., † 1794 г., т. LXXI, 232.
Шиль, профессоръ 1860 г., т. LXXI, 109.
Шильдеръ, Николай Карловичъ, ген.-м. свиты, е. в., начальн. инжен. акад. и учил., военный писатель-истор., сообщ.: „Россія и русскій дворъ въ 1839 г., записки Гагерна", т. LXIX, 1—38; „Бородино и Москва въ 1839 г.; записка витебск., могил. и смоленск. ген.-губерн. князя Голицына", 105—110; „Россія и русскій дворъ въ 1839 г.; записки франц. путешеств. Кюстина", 145—184, 407—420; „Фельдмарш. графъ Дибичъ-Забал-

канскій въ его воспоминаніяхъ, записанныхъ въ 1830 г. барономъ Тизенгаузеномъ", 511—536, т. LXX, 45—70, 267—304; „Донесеніе графа Толя императору Николаю I о кончинѣ гр. Ивана Ив. Дибича", 499—500; „А. И. Михайловскій-Данилевскій. Къ столѣтней годовщинѣ со дня его рожденія, 1790 г., † 1848 г.", т. LXXI, 477—528.

Шимановскій, ген. 1853 г., т. LXXII, 383.

Шипулинскій, Павелъ Ѳедор., профес. 1848 г., т. LXX. 122.

Ширинскій-Шихматовъ, князь, Платонъ Александров., мин. нар. просв., р. 1790 г., † 1853 г., т. LXIX, 704.

Шиффъ, капитанъ 1891 г., т. LXX, 261.

Шиховской, проф. 1852 г., т. LXIX, 129.

Шишмаревъ, Сергѣй И., педаг. 1813 г., т. LXIX, 607.

Шишковъ, А. А., т. LXXII, 75.

Шишковъ, Александръ Семенов., адм., мин. нар. просв., р. 1763 г., † 1841 г., т. LXX, 277, т. LXXI, 111—113, 312.

Шкляревичъ, оберъ-секр. сената 1849 г., т. LXX, 465, 466.

Шлегель, Иванъ Богдан., лейбъ-медикъ, президент. мед.-хир. акад. 1839 г., т. LXIX, 515, томъ LXX, 49, 127, 133, 269, 294, 364, 499.

Шлейферъ, Николай Иванов., бывшій воспитанникъ Константиновск. военнаго училища, томъ LXX, 262.

Шлиттеръ, подпоручикъ 1849 г., томъ LXX, 440.

Шмидтъ, слѣдователь 1856 года, томъ LXX, 608.

Шмитъ, А. И., инженеръ-полковникъ 1852 г., томъ LXIX, 141.

Шмулевичъ, докторъ 1890 года, томъ LXX, 368.

Шнейдеръ, Василій Васильевичъ, профессоръ 1830 г., томъ LXX, 463, томъ LXXII, 665, 666, 667.

Шпанбергъ, капит. 1738 г., т. LXXII, 11.

Шпарейтеръ, артил. 1717 г., т. LXXII, 213.

Шпееръ, гродненскій губернат. 1861 г., томъ LXX, 492.

Шпицбергъ, генералъ-маіоръ 1871 г., томъ LXX, 261.

Шрамм, генералъ 1848 г., т. LXIX, 679.

Шредеръ, пѣвица 1865 г., т. LXX, 627.

Шредеръ, секретарь русск. посольства въ Дрезденѣ 1812 г., томъ LXXI, 484.

Шренкъ, академ. 1863 г., т. LXIX, 738.

Штакельбергъ, баронъ, посланникъ въ Мадридѣ 1767 г., томъ LXXII, 311, 312, 314, 322, 323, 324, 510, 511, 516, 517, 521.

Штакельбергъ, баронъ, полковникъ 1860 г., томъ LXXII, 419,

Штакельбергъ, чиновникъ, † 1865 г., томъ LXX, 633.

Штакельбергъ, 1864 г., т. LXX, 397.

Штакельбергъ, графъ, поручикъ 1840 г., томъ LXIX, 363.

Штакеншнейдеръ, Андрей Ивановичъ, профессоръ архитектуры, род. 1802 г., томъ LXIX, 239, 240.

Штевенъ, полковн. 1891 г., т. LXX, 262.

Штеверъ, предсѣд. Лифляндской казенной палаты 1855 г., томъ LXX, 609.

Штейбенъ, баронъ, Карлъ, художникъ 1835 г., т. LXX, 312, т. LXXI, 29, 476.

Штейбенъ, баронесса, директр. Екатерининск. институт. 1830 г., т. LXX, 312.

Штейнъ, лифляндскій ландмаршалъ, † 1856 г., томъ LXX, 614, 615.

Штейнъ, врачъ 1860 г., т. LXIX, 56.

Штейманъ, И. Б., педагогъ 1859 г., томъ LXXI, 318, 319, 320.

Штелинъ, П. Я., 1775 г., т. LXXII, 465.

Штелинъ, Я. Я., д. ст. сов., директоръ отдѣленія изящныхъ искусствъ при академіи наукъ въ Спб. 1740 г., † 1785 г., томъ LXXII, 465, 466, 467.

фонъ-Штемпель, полковникъ 1848 г., томъ LXIX, 680, томъ LXXI, 363.

Штендеръ, попечитель Казанск. учебн. окр. 1864 г., тайн. сов., томъ LXXI, 96.

Штеричъ, г-жа, томъ LXXI, 109.

Штернбергъ, художникъ, † 1835 г., томъ LXXI, 38, 39.

Штиглицъ, баронесса, томъ LXXI, 545.

Штиглицъ, баронъ т. LXIX, 45, 754, т. LXXI, 265, 266, 307, т. LXXII, 142.

Штраленбергъ, писатель, т. LXXII, 12.

Штрикъ, д. ст. сов. 1891 г., т. LXX, 262.

Шуббе, Александръ Карловичъ, полковникъ 1848 г., томъ LXIX, 681, 682.

Шубертъ, Елисавета Ѳедоровна, см. Корвинъ-Круковская.

Шубертъ, Ѳедоръ Ивановичъ, астрономъ, р. 1758 г., † 1825 г., т. LXXI, 635, 636.

Шубертъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, ген.-отъ-инф., директоръ военно-ученаго комитета, р. 1788 г., томъ LXXI, 635.

Шувалова, графиня, супруга об.-гофм. графа Андрея Петровича Шувалова 1834 г., томъ LXIX, 424.

Шувалова, гр-ня, 1859 г., т. LXXII, 143.

Шуваловъ, Андрей, 1859 г., т. LXXI, 269.

Шуваловъ, графъ, Андрей Петровичъ, † 1789 г., томъ LXXII, 523, 533—536, 543, 547, 555.

Шуваловъ, графъ, А. И., т. LXXII, 657.

Шуваловъ, графъ, Андрей Петровичъ, оберъ-гофмаршалъ 1839 г., томъ LXIX, 3, 424, 425, т. LXXI, 271, т. LXXII, 631.

Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, 1740 г., р. 1727 г., † 1798 г., т. LXXII, 591, 657.

Шуваловъ, графъ, Павелъ Андреевичъ, военный агентъ во Франціи 1860 г., томъ LXIX, 424, 426.

Шуваловъ, графъ, Петръ Андреевичъ, ржевскій губернат. 1865 г., шефъ жандармовъ 1866 г., ген.-ад., род. 1827 г., томъ LXIX, 424, томъ LXX, 195, 606, 625, 626, томъ LXXI, 267, 269, 278, 298, 547, 550—559, 576, 579, 584, 586, томъ LXXII, 139, 143, 145, 153, 159, 160, 162, 406, 422, 692, 706.

Шуваловъ, графъ, П. П., предводитель дворянства Спб. губ. 1860 г., т. LXIX, 790, томъ LXXII, 394, 397, 417, 425, 426, 428.

Шуваловъ, графъ, студентъ Спб. университета 1835 г., томъ LXX, 457.

Шуваловы, графы, томъ LXX, 172, томъ LXXII, 284.

Шуленбургъ, ген. 1806 г., т. LXXII, 26.

Шуляховскій, капитанъ 1840 г., томъ LXXI, 364.

Шульгинъ, Иванъ Петров., профессоръ 1849 г., томъ LXX, 461, 462, 464, 467, томъ LXXI, 87.

Шульгинъ, спб. генералъ-губернаторъ 1853 г., т. LXX, 675.

Шульманъ, Александра Евграфовна, 1860 г., томъ LXIX, 50.

Шульманъ, Ф. Г., генералъ 1890 г., томъ LXIX, 50, 381.

Шульцъ, Кузьма (японецъ), 1730 г. томъ LXXII, 18.

Шульцъ, П. А., томъ LXIX, 781.

Шумахеръ, Александръ Даніловичъ, д. тайн. сов., сенаторъ, род. 1820 г., томъ LXIX, 228, 475—482, 781.

Шумборскій, Феліціанъ, Холмскій епископъ 1850 г., томъ LXXII, 364.

Щаповъ, Аѳанасій Прокофьев., профес. писатель 1860 г., т. LXIX, 58.

Щебальскій, Петръ Карлов., писатель, д. ст. сов., т. LXIX, 60, 748, т. LXXII, 684.

Щеголевъ, прапорщикъ 1854 г., томъ LXX, 352.

Щедринъ, Алол. Ѳедосѣев., 1839 г., т. LXXI, 537.

Щедринъ, Сильвестръ Ѳед., художн.-пейзажистъ 1839 г., томъ LXXI, 31, 536, 537.

Щелковъ, В. А., ген.-лейт. 1891 г., томъ LXX, 254, 255, 262.

Щепанскій, І., составит. календаря „Самарецъ" 1888 г., т. LXXI, 416.

Щепинъ, врачъ 1785 г., т. LXXII, 559.

Щепинъ-Ростовскій, князь, Дмитрій Александр., декабр., † 1859 г., томъ LXXII, 110, 111.

Щепинъ-Ростовскій, кн., 1899 г., томъ LXIX, 415.

Щепкинъ, Мих. Семен., артистъ, род. 1788 г., † 1863 г., т. LXIX, 261, 602, т. LXX, 460.

Щепкинъ, Н. П,. 1890 г., томъ LXIX, 781, 785.

Щепкинъ, С., 1859 г., т. LXXI, 555.

Щербаковъ, А., 1883 г., т. LXX, 719.

Щербатова, княг., рожд. гр-ня Строганова, т. LXX, 678.

Щербатовъ, кн., Алексѣй Григ., ген.-отъ-инф., москов. воен. губ. 1844 г., р. 1778 г., т. LXIX, 106, 266.

Щербатовъ, кн. 1850 г., т. LXXII, 642.
Щербатовъ, кн., Григ. Алексѣев., попеч. спб. уч. окр., предсѣд. цензурн. комит. 1857 г., т. LXIX, 50, 436, 439, 441, 443, т. LXX, 618, 678.
Щербатовъ, кн., Мих. Мих., историо1р., сенаторъ, р. 1733 г., † 1790 г., томъ LXXII, 170, 465—469.
Щербатовъ, кн., 1864 г., т. LXX, 146.
Щербатовъ, кн., Юрій Конст., воевода 1704 г., т. LXXI, 615.
Щербатовъ, кн., 1866 г., томъ LXXI, 290, 291, 292.
Щербатовъ, кн., Сергѣй, т. LXXI, 272.
Щербатовъ, кн., т. LXXI, 205.
Щербатовъ, кн., Г. А., студ. спб. унив. 1835 г., т. LXX, 457.
Щербина, Ив. Александр., директоръ харьковск. театр. 1860 г., т. LXXII, 184, 185, 190, 198, 201, 204, 207.
Щербина, Никол. Ѳед., писатель, томъ LXIX, 258, 259—261, 273, 484, 675, 676, 762, 776, т. LXX, 44, 448, 488, 626.
Щербининъ, Мих. Павл., д. тайн. сов., сенаторъ, т. LXXI, 93, 99, 115, 287, 572, 588, т. LXXII, 149, 158.
Щетинина, княж., въ зам. Плетнева, т. LXX, 463.
Щуруповъ, архитект. 1848 г., томъ LXXII, 337, 632.

Эделлингъ, граверъ 1884 г., т. LXXI, 24.
Эдельсонъ, писатель 1850 г., т. LXIX, 243, 244.
Эйлеръ, математикъ, т. LXXII, 461.
Эйсмонтъ, Мих., 1840 г., т. LXXI, 363.
Эйхвальдъ, Эдуардъ Эдуард., профес. мед.-хир. академ., † 1889 г., т. LXX, 134, 366—369, 375.
Эккъ, Владиміръ Егор., проф. мед.-хир. акад., † 1879 г., т. LXIX, 95, 96, 336, т. LXX, 361, 362, 368.
Эккъ, почтъ-дир. 1785 г., т. LXXII, 543.
Эксе, Евгеній, 1860 г., т. LXXII, 394.
Эллерсъ, ген.-лейт., † 1889 г., т. LXX, 254.
Эльснеръ, Фанни, артистка, т. LXIX, 262.
Эльсонъ, художникъ 1838 г., т. LXXI, 60.
Энгель, 1830 г., т. LXX, 277.
Энгельгардтъ, Е. А., директоръ лицея 1830 г., т. LXXII, 78.
Эрнъ, капитанъ 1840 г., т. LXXI, 363, 367.
Эрскинъ (Areskine), докторъ при Петрѣ Великомъ, т. LXXII, 531.
Эртель, Ѳедоръ Ѳедор., моск. об.-полиц. 1801 г., томъ LXX, 2, 9, 10, 11, томъ LXXI, 498.
Эссенъ, рижскій губернаторъ 1847 г., т. LXX, 169.
Этолинъ, лейтен. 1868 г., т. LXXI, 595.
Эттингенъ, 1859 г., т. LXXI, 268, 269, 277, 547, 548, т. LXXII, 395.
Эттлингеръ, докторъ 1859 г., т. LXXI, 552, 554.

Юзефовичъ, 1861 г., томъ LXIX, 79, т. LXX, 655.
Юматовъ, издат. газ. „Наше Время“ 1867 г., т. LXXII, 685.
Юнге, Эдуардъ Эдуард., проф.-окулистъ, т. LXX, 378, т. LXXII, 659.
Юрій Долгорукій, князь 1147 г., томъ LXXII, 56.
Юркевичъ, профес. 1867 г., т. LXXI, 576, т. LXXII, 173.
Юрловъ, поруч. 1891 г., т. LXX, 261.
Юрьевъ, С. А., издат. „Русск. Мысли“ 1885 г., т. LXIX, 462, 567.
Юсуповъ, кн., землевлад., 1860 г., томъ LXIX, 366, т. LXXII, 418.
Юшкова, Н. И., г-жа, 1800 г., томъ LXX, 19.

Явленскій, Ив. Никол., бывш. воспит. Конст. воен. учил., т. LXX, 254, 258, 259, 262.
Ягужинскій, гр., Пав. Ив., ген.-прокуроръ, впосл. кабинетъ мин-ръ, р. 1683 г., † 1736 г., т. LXXII, 288.
Языковъ, директ. учил. правов. 1864 г., т. LXX, 380, 381.
Языковъ, Никол. Мих., писатель, томъ LXXI, 252, т. LXXII, 656.
Языковъ, 1856 г., т. LXIX, 170, 605, т. LXX, 170, 605, т. LXXII, 406.

Якоби, Ив. Варѳоломеев., ген.-поруч., р. 1726 г., † 1793 г., т. LXXII, 4.
Якобсъ, художн. 1830 г., т. LXX, 295.
Яковлевъ, Алексѣй Ив., желѣзно-заводчикъ 1834 г., т. LXX, 100, 659.
Яковлевъ, Ив. Алексѣев. 1840 г., томъ LXX, 659.
Яковлевъ, И. Я., инспект. татарск. и башкирск. школъ 1889 г., т. LXX, 189.
Яковлевъ, Савва Алексѣев., 1840 г., томъ LXX, 659, 660.
Яковлевъ, миров. судья 1891 г., томъ LXX, 260.
Яковлевъ, об.-секрет. межев. департ. сената 1845 г., т. LXXI, 138.
Яковлевъ, Пав. Лукьянов., 1811 г., томъ LXXII, 209, 210.
Якубовичъ, Ив. Март., профес. мед.-хир. акад. 1865 г., т. LXIX, 753, т. LXX, 378, т. LXXI, 108, 295, т. LXXII, 660.
Якушкинъ, Пав. Ив., писатель, томъ LXX, 424.
Яловицкій, ксендзъ 1848 г., т. LXX, 583.
Яншулъ, канит. 1886 г., т. LXXI, 356.
Янишъ, Каролина Карл., см. Павлова.
Янишъ, докторъ 1838 г., LXIX, 263.
Янсонъ, Юлій Эдуардов., профес., писатель-статистикъ, т. LXX, 150.
Янушкевичъ, ксендзъ 1861 г., томъ LXX, 496.
Янышевъ, Ив. Леонтьев., протопресвит., т. LXIX, 436, т. LXXII, 156.
Ярославъ II Всеволодовичъ, князь новгородскій, † 1246 г., т. LXXII, 56.
Ярцевъ, 1855 г., т. LXX, 347.
Ясенскій, Александ. Петров., правит. дѣлъ Археол. инст., т. LXIX, 467.
Ясинская, Над. Алексѣев., см. Печерина.
Яценковъ, цензоръ 1813 г., т. LXX, 524.
Яхонтовъ, Александръ Никол., д. ст. сов., писатель, род. 1820 г., † 1890 г., сообщ.: «Москва и Казань въ началѣ XIX-го вѣка. Записки Ивана Алексѣевича Второва», т. LXX, 1—22; стихотворенія его: „Пришло благодатное лѣто“, и „50-ти лѣтній юбилей усадьбы друга“, т. LXXI, 621, 622.

Ѳедоръ Козьмичъ, сибирскій отшельникъ, † 1864 г., т. LXXII, 233—240.
Ѳедоровъ, художн. 1835 г., томъ LXX, 572, 573, 575.
Ѳедоровъ, Пав. Степан., инспект. спб. театр., т. LXXII, 183—187, 198—204.
Ѳедоровъ, ген.-м., нач. штаба Закаспійской области 1891 г., т. LXX, 432.
Ѳедоръ Борисовичъ Годуновъ, царевичъ, † 1605 г., т. LXXII, 501.
Ѳедоровъ, Борисъ Михаил., статск. сов., писатель, т. LXX, 150.
Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь, р. 1661 г., † 1682 г., т. LXXI, 435 — 439, томъ LXXII, 248—260, 270.
Ѳеодосій, новгород. архіерей 1725 г., т. LXXII, 615.
Ѳеодосія Алексѣевна, царевна 1689 г., т. LXXII, 253.
Ѳеоктистовъ, Евгеній Михайл., тайн. сов., писатель, нач. главн. управл. по дѣл. печати, т. LXXI, 85.
Ѳеофилактовъ, профес. 1890 г., томъ LXIX, 769.
Ѳирсовъ, Никол. Алексѣев., засл. проф., предс. общ. археологіи, исторіи, этнографіи при имп. казанск. унив., томъ LXIX, 403.

Составила указатель Вѣра Вас. **Тимощукъ**.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1891 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стран.
I. Записки де-ла Невилля о Московіи, 1689 г. Походъ москвитянъ на Крымъ 1689 года. Перевелъ съ франц. А. И. Браудо . . .	241—281
II. Жизнь Ефима Петровича Чемесова, 1735—1801 гг. Записки для памяти. Сообщ. С. А. Панчулидзевъ	1—10
III. Записки Ѳедора Пантелеймоновича Печерина, 1737—1816 гг. Замѣтки о моихъ предкахъ и о себѣ, на память дѣтямъ въ 1816 г. сдѣланныя. Сообщ. А. В. Телесницкій	587—616
IV. Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г. Записки де-ла-Флиза, доктора французской гвардіи. Переводъ съ французской рукописи автора Е. Б. Глава III. .	39—60, 565—586
V. Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера, 1837—1845 гг. Часть II. Главы I—VII	61—112
VI. Записки архимандрита Владиміра Терлецкаго, бывшаго греко-уніатскаго миссіонера, 1808—1858 гг. Гл. XXIII—XXXV. (Окончаніе). Сообщ. Левъ Григ. Лопатинскій .	350—391

VII. Записки ректора и профессора императорской академіи художествъ Ѳедора Ивановича Іордана, ... 113—137, 325—350, 619—658

VIII. Дневникъ графа Петра Александровича Валуева, 1859 — 1860 гг. . . 139—154, 393—429

Евг. Ив. Саковичъ. Поправка къ „Дневнику“. Сообщ. Ѳ. А. Рахунковичъ 392

IX. Дневникъ академика и профессора Александра Вас. Никитенко, 1867 и 1868 гг. 155—181, 431—448, 659—686

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Указъ царя Бориса Годунова о мѣрахъ противъ голода, 3-го ноября 1601 г. . . . . 499—504

II. Петръ Великій въ костюмѣ голландскаго рабочаго въ 1697 году. Сообщ. В. В. Стасовъ. 209—211

III. Первый японецъ въ Россіи 1701 — 1705 гг. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ . . . . . 11—24

IV. Денбей, первый японецъ въ Россіи въ 1701—1710 гг. Замѣтка по поводу сообщенія Н. Н. Оглоблина (см. выше). Сообщ. Д. П. Струковъ. 464

V. Бой со шведами у мѣстечка Клецка, журналъ С. П. Неплюева, 19-го апрѣля 1706 г. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ . . . . . 25—32

VI. Разжалованный капитанъ, 1717 г. Сообщ. Д. П. Струковъ. . . . . 212—216

VII. Смерть короля шведскаго Карла XII, 1718 г. Изъ бумагъ семейнаго архива барона Каульбарса . . . . . 33—38

VIII. Распоряженія по военному вѣдомству въ 1730 г. Сообщ. А. И. Савельевъ . . . . . 216—217

IX. Генералъ де-Геннинъ, 1736 г. Сообщ. Д. П. Струковъ. . . . . 218—219

X. Придворные маскарады въ 1751 году. Сообщ. Д. П. Струковъ . . . . . 220—221

XI. Никита Панинъ и Мерсье де-Ла-Ривьеръ, 1762—1767 гг. Очеркъ проф. В. А. Бильбасова . . . . . 283—324, 507—529

XII. Переписка на березовой корѣ въ Камчаткѣ въ 1767—1768 гг. Сообщ. Г. Аѳанасьевъ . . 222—224

XIII. Екатерина II и докторъ М. А. Вейкардъ въ 1784—1789 гг. Очеркъ составилъ проф. А. Г. Брикнеръ. . . . . 531—564

XIV. Письмо графа А. А. Аракчеева ген.-маіору Ивану Терентьевичу Сназину, 1803 г. Сообщ. Д. П. Струковъ 225

XV. Генералъ-маіоръ И. Т. Сназинъ, 1803 г. Сообщ. Н. Р. Риттихъ 564

XVI. Проектъ сожженія флотовъ непріятельскихъ 1804—1805 гг. Письмо, арестъ и допросъ титулярнаго совѣтника Бернда, январь—1804—1805 гг.—іюль. Сообщ. А. Г. Пупаревъ . . . 226—229

XVII. Протоіерей Андрей Нарановичъ сыну своему Павлу, 5-го и 14-го сентября 1824 г. Сообщ. Ник. Павл. Нарановичъ . . . . . 480—484

XVIII. Взятіе парохода „Тигръ“, 30-го апрѣля 1854 г. Сообщ. Ф. И. Абакумовъ . . . . . 485—488

XIX. Fonton-de-Verraillon. Сообщ. баронъ Ѳ. А. Бюлеръ . . . . . 473—474

XX. Н. М. Смирновъ и П. Н. Клушинъ. Замѣтка къ письмамъ А. О. Смирновой („Русская Старина“, 1890 г., т. LXVIII, кн. 11). Сообщ. А. К. Жизневскій. 182

XXI. Жемчужниковъ. Къ разсказу Е. Г. Гвоздикова. Сообщ. В. И. Герцыкъ 138

XXII. Сибирскій старецъ Ѳедоръ Козьмичъ, 1837—1864 гг. Изъ записокъ епископа Петра . . 233—240

XXIII. Къ исторіи русско-французской дружбы. Переводъ съ нѣмецкаго. . . . . 687—712

XXIV. Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, его могила въ Парижѣ, † 1881 г. Сообщ. Мих. Ив. Вешняковъ. . . . . 475—476

XXV. Домъ временъ Іоанна Грознаго въ городѣ Гороховцѣ. Сообщ. Леонидъ Мих. Савеловъ 282

XXVI. Путевые очерки и замѣтки изъ поѣздки по Россіи М. И. Семевскаго, 1891 г.: Москва. 489—497
XXVII. Портретъ игумена Дамаскина въ гравюрѣ Ѳ. И. Іордана, 1878 г. 713
XXVIII. Бывшимъ воспитанникамъ Дворянскаго полка, Константиновскихъ кадетскаго корпуса и военнаго училища, 1807—1891 гг. 505
XXIX. Поправки и опечатки. Сообщ. А. В. Комаровъ и А. Барановъ. 506

Исторія русской литературы.

I. Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ. Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ. Сообщ. академ. Л. Н. Майковъ . . 465—469
II. Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, письмо его къ профессору П. В. Побѣдоносцеву, 1823 г. Сообщ. Н. А. Побѣдоносцевъ . . 230—231
III. Владиміръ Ивановичъ Даль. Его стихотвореніе, 1827 г.. 714
IV. Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ, профессоръ, письмо его къ В. Ѳ. Печериной, 6-го апрѣля 1831 г. Сообщ. А. В. Телесницкій. 617—618
V. Николай Платоновичъ Огаревъ. Замѣтка по поводу напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1890 г., т. LXVIII, ноябрь) стихотворенія: „Много грусти“. Сообщ. П. И. Порай-Кошицъ. 138
VI. Иванъ Андреевичъ Крыловъ: домъ, въ которомъ онъ скончался 9-го ноября 1844 г. Сообщ. А. П. 392
VII. Василій Ивановичъ Красовъ въ 1851—1854 гг. Сообщ. А Бѣлениновъ. 232
VIII. Павелъ Андреевичъ Нарановичъ, проф. анатоміи и хирургъ. Сообщ. Н. Ѳ. Здекауеръ. 477—479
IX. Софья Васильевна Ковалевская, профессоръ высшей математики. Автобіографическій ея разсказъ, 29-го мая 1890 г., въ Спб. 449—463
X. Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, замѣтка къ его біографіи. Сообщ. проф. Н. И. Барсовъ. 430
XI. Пѣсня на восшествіе на престолъ Александра I, 1801 г. Сообщ. Ив. Соболевскій 530

Наполеоновъ бостонъ. — Къ Вязмитинову.— Н. А. Полевой . . . . . 470—472

Исторія художествъ.

I. Александръ Евстафіевичъ Мартыновъ, артистъ императорскихъ театровъ, род. 12-го іюля 1816 г., умеръ 16-го августа 1860 г.: Болѣзнь, смерть и погребеніе. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ . . . . . 183—208

Портреты.

I. Портретъ Петра Великаго въ матросскомъ платьѣ, въ Саардамѣ, въ 1697 г. Гравировалъ съ фотографической копіи художникъ В. В. Матэ.

(При стр. 1).

II. Портретъ игумена Валаамскаго монастыря Дамаскина (въ мірѣ Даніила Кононова), род. 1792 г., † 1881 г. Гравировалъ на мѣди, въ 1878 г., профессоръ Ѳ. И. Іорданъ.

(При стр. 507)

I. „Русская Старина“ въ изд. 1891 г., двадцать второй годъ изданія. Обзоръ двѣнадцати книгъ. Ред.

II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, разсказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1891 гг.

III. „Русская Старина“ въ числахъ ея читателей-подписчиковъ этого журнала въ 1891 г. Сообщила завѣдующая экспедиціею журнала А. Н. Писарева.

IV. Указатель личныхъ именъ въ двѣнадцати книгахъ LXIX, LXX, LXXI, LXXII томовъ „Русской Старины„ изд. 1891 г. Состав. Вѣра Вас. Тимощукъ.

V. Систематическое оглавленіе LXXII тома „Русской Старины“ изд. 1891 г.

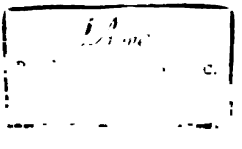
VI. О подпискѣ на „Русскую Старину“ изд. 1892 года, двадцать третій годъ изданія.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). На оберткѣ X-й книги „Русской Старины“, изд. 1891 г.). **Н. В. В.** 2. Сочиненія графа Л. Н. Толстаго. Москва, въ м. 8 д., 1889—1891 гг., въ тринадцати частяхъ. (Тамъ-же). 3. Сборникъ статей о Пермской губерніи Д. Смышляева. Изд. автора. Пермь, 1891 г., м. 8 д., стр. 297. (Тамъ-же). 4. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г. М. 1891 г., б. 8 д., стр. 582. (Тамъ-же). 5. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. В. Н. Никитина. Спб., 1891 г., м. 8 д., стр. XII+344. (Тамъ-же). 6. Марціалъ. Біографическій очеркъ графа Олсуфьева. М., 1891 г. б. 8 д., стр. 136. (Тамъ-же). **Ред.** 7. О студенческой жизни въ Дерптѣ. На обложкѣ эпиграфъ: „Quieta non movere“. Спб., 1891 г. (На оберткѣ XI-й книги „Русской Старины“, изд. 1891 г.). **Н. В. В.** 8. Стихотворенія И. С. Тургенева. Изданіе второе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное С. Н. Кривенко. Изд. И. М. Сибирякова. Спб., 1891 г. (Тамъ-же). **Н. В. В.** 9. Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Изд. И. М. Сибирякова. Спб., 1891 г. (Тамъ-же). Замѣтка **Н. В. В.** 10. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Публичная лекція, читанная 24-го марта 1891 года въ пользу Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Казанской губерніи ординарнымъ профессоромъ Н. П. Загоскинымъ. Казань, 1891 г., 8 д., стр. 72. (Тамъ-же). **Ред.** 11. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіяся къ Грузіи. Т. I, 1768—1774 гг., подъ редакціею проф. Цагарели. Спб., 1891 г. (На оберткѣ XII-й книги „Русской Старины“, изд. 1891 г.). **А. П.** 12. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ четвертый. Спб., 1891 г., 8 д., 432 стр. (Тамъ-же). **Н. В. В.** 13. К. М. Станюковичъ. Моряки. Очерки и разсказы. Спб., 1891 г., 12 д. 344 стр. (Тамъ-же). **Н. В. В.** 14. Вильямъ Бутсъ. Въ трущобахъ Англіи. Переводъ съ англійскаго подъ ред. и съ пред. Р. Сементковскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1891 г., 340 стр. (При каталогѣ новыхъ книгъ № 13, въ концѣ ноябрьской книги „Русск. Стар.“ изд. 1891 г.). **Н. В. В.** 15. Э. Лависсъ. Общій очеркъ политической исторіи Европы. Перев. съ франц. Первова. Москва, 1891 г., 93 стр. (Тамъ-же). **Н. В. В.** 16. Гастонъ Тисандье. Мученики науки. Съ 34 гравюрами и 23 портретами въ текстѣ. Изданіе третье. Переводъ съ франц. подъ редакціею Ф. Павленкова. Спб., 1891 г., 8 д., стр. 228. (Тамъ-же). **Н. В. В.** 17. Н. Карышевъ. Экономическія бесѣды. Второе исправленное изданіе. Москва. 84 стр. (При каталогѣ новыхъ книгъ № 14, въ концѣ декабрьской книги „Русск. Стар.“ изд. 1891 г.). **Н. В. В.**

Въ каталогахъ книжнаго магазина „Русской Старины“ помѣщены въ 1891 г. отзывы еще о слѣдующихъ книгахъ:

На стр. 28. С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды. Спб. 1891 г. **В. И. С.** На стр. 37. Историч. очеркъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса (1840—1890 гг.). Состав. И. Ѳ. Павловскій. Энциклопедическій Словарь, подъ ред. И. Е. Андреевскаго. Т. II. На стр 38. Исторія войска Донскаго. Соч. Пудавова. Педагог. Музей воен. уч. завед. 1889—1890 гг. Состав. В. П. Коховскій. Очеркъ замѣч. древностей Воронеж. губ. Л. Б. Вейнбергъ и Е. Л. Марковъ. На стр. 39. Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина. Изд. Брикнера. На стр. 39. В. Н. Витевскій. Кн. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край, вып. III. На стр. 40. Гацискій. Нижегор. Сборникъ, X. На стр. 49. Три новыя книги, изданныя ред. журн. „Русская Старина“: 1) Альбомъ гравюръ. портретовъ. вып. V; 2) Второе прибавленіе къ росписи „Русской Старины“ — годы 1888—1890, и 3) Записки графа Эрнста Миниха. **Ред.**



3 2044 011 423 449

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
CANCELLED
BOOK DUE
MAY 22 1982
MAY 18 1982
7521026

CHARGE
CANCELLED